

4,1

I 6

СОЧИНЕНІЯ

Ө. М. РЪШЕТНИКОВА.

ГОРНОУСЛАВ

О. М. ПАШЕТНИКОВА.

Stich u. Druck v. Weger in Leipzig.

H. Proszynski & Co.

СОЧИНЕНІЯ

Ө. М. РЪШЕТНИКОВА.

ИЗДАНИЕ

К. Т. СОЛДАТЕНКОВА

СЪ ПОРІКТОМЪ АВТОРА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ШИДОВОЙ.

1874.

COPIED

0. M. P. M. K. R. O. B. A.

WYDZIAŁ
BIBLIOTEK
MIASTA
WROCŁAWIA

24.188

ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ РЪШЕТНИКОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

I.

„.....Если я пишу плохо, мысль моя необработана, вездѣ сухо и горько, то пусть всякій (желающій судить объ этихъ писаніяхъ) пойметъ меня и мою жизнь“.

Эти строки мы находимъ въ дневникѣ Ф. М. за много лѣтъ до появленія въ печати, какъ его произведеній, такъ и критическихъ сужденій о нихъ, въ которыхъ иной разъ не малое мѣсто занимали нападки на то именно, что—какъ видитъ читатель изъ приведенной вначалѣ выписки,—давнымъ давно, слишкомъ сурово и слишкомъ безпомощно сознало было самимъ Рѣшетниковымъ.

Теперь, когда произведенія его являются вновь, въ полномъ собраніи, и когда, слѣдовательно, является возможность произнести о нихъ болѣе основательный и дѣльный приговоръ, мы хотимъ, насколько это возможно, ознакомить читателей съ жизнью Рѣшетникова, чтобы по возможности „понять“ какъ его самага, такъ и его талантъ и тѣ условія, при которыхъ онъ развивался. Тогда, быть можетъ, читатель, не будетъ осуждать этотъ талантъ за то, чего въ немъ не могло быть, и остановитъ свою мысль исключительно на настоящихъ и цѣнныхъ его достоинствахъ.

II.

Федоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ родился въ г. Екатеринбургѣ, Пермской губ. 5 Сентября, 1841 года. Отецъ его сначала

былъ въ этомъ городѣ дьячкомъ, и вель нетрѣзвую жизнь. Чтобы избавить его отъ гибели, родной братъ, женатый и служившій въ Екатеринбургской почтовой конторѣ, женилъ его на дьяконской сиротѣ, дѣвушкѣ тихой и кроткой, послѣ чего тотъ вышелъ изъ дьячковъ и поступилъ въ почталіоны; но пить все таки не пересталъ и жилъ съ женой плохо, такъ, что когда братъ его съ женой переѣхали въ Пермь, мать Θ . М., которому было въ ту пору около 9 мѣсяцевъ, вскорѣ ушла вслѣдъ за ними. Въ Пермь она пришла во время страшнаго пожара и такъ была этимъ испугана, что заболѣла и умерла; 9-ти мѣсячный мальчикъ остался на попеченіи дяди и тетки; отца же своего онъ въ первый разъ увидалъ уже будучи десяти лѣтъ отъ роду.

Такимъ образомъ Θ . М. началъ жизнь круглымъ сиротой. Но кромѣ сиротства, ему почти со дня рожденія суждено было испытывать непрерывное вліяніе матеріальной бѣдности и великой нравственной заботности, запуганности окружавшей его среды. Бѣдность матеріальная въ этомъ кругу была самая полная и неподдѣльная. Въ перепискѣ близкихъ къ Θ . М. лицъ, въ письмахъ его самого къ нимъ, почти постоянно идутъ жалобы на крайне стѣсненное матеріальное положеніе: „а объ огурцахъ— какъ бы въ отчаяніи неоднократно восклицаетъ дядя Θ . М.— и не поминай!...“ „Живу, плачу огромную сумму безъ чаю, а съ чаемъ не хватаетъ моего жалованія...“ „Лѣчьтесь времени нѣтъ,— пишетъ родной отецъ Θ . М.— а о такомъ расходѣ, чтобы покупать масло (для лѣченья) — дорого; почтмейстеръ денегъ не даль!...“ „Не можете ли вы одолжить мнѣ три копѣйки на пиво, ежели у васъ есть?“ пишетъ къ Θ . М. его знакомый и другъ, а другой весьма серьезно доказываетъ, что на 15 р. въ годъ жить нельзя. „Живемъ между нищими и средними“—опредѣляетъ въ одномъ изъ писемъ дядя Θ . М., и опредѣленіе это вполне вѣрно.

Кромѣ бѣдности, всѣхъ этихъ людей крѣпко пригнѣтала къ землѣ запуганность передъ начальствомъ, которое, въ сущности, хотя и возвышалось надъ ними не болѣе, какъ на вершокъ, но могло сдѣлать все, что хотѣло. Въ немногихъ письмахъ бѣднаго отца Θ . М. эта сила маленькаго высшаго начальства рисуется довольно ярко: „Не знаю, за что преслѣдуетъ почтмейстеръ съ самаго моего прибытія. Живу какъ должно: какъ у деньщика, или у крѣпостнаго, сертукъ не слѣзаетъ съ плѣчь... Я мѣсяца съ три всяко вытягался для почтмейстера, а онъ меня такъ

уважилъ.. что лучше нельзя... А живу какъ деньщикъ...“ „Покорно прошу, любезный братецъ—говорится въ концѣ того же письма—чтобы письмо это не узналъ кто дальше, не услышалъ бы почтмейстеръ нашъ, то онъ меня съѣстъ“. Или въ другомъ письмѣ: „Почтмейстеръ просить, чтобы меня (отца Θ . М.) перевели къ нему; но сохрани меня небесная сила отъ такого ига; онъ тамъ вдосталь изъ меня оставшійся сокъ вытянетъ“. Отрывки эти мы привели потому, что въ нихъ съ полною искренностію высказана та беспомощность передъ маленькимъ высшимъ начальствомъ, которую испытывали всѣ близкіе родственники Θ . М. Всѣ они „вытягаются“ передъ этимъ начальствомъ; изъ всѣхъ ихъ оно „вытягиваетъ оставшійся“ сокъ, и притомъ неизвѣстно за что? Всѣ они, ходятъ какъ сонные, забытые и убитые... „Такъ и живу, ни здѣсь, ни тамъ, ни здоровый, ни больной“... „а лѣчиться времени нѣтъ.. посему прошу, любезный братецъ, выпросить у Г. Т. какъ пить крѣпкую водку“....

Подавленный бѣдностію, забитостію, этотъ кругъ людей „между нищими и средними“, во всемъ полагался только на Бога, на всевидящее око, — о которомъ, въ перепискѣ родственниковъ и знакомыхъ Θ . М., упоминается чуть не въ каждомъ письмѣ, — и главнымъ образомъ на терпѣніе. „И вѣрно уже такой рокъ, — находимъ мы въ письмѣ одного изъ самыхъ начитанныхъ людей этого круга, — что все предвидится только сражаться съ терпѣніемъ и хорошо бы было и то, ежели бы тому хотя предвидѣлся конецъ, но ожидать того, по моему мнѣнію, не предвидится никакой надежды“.

Мы могли-бы привести здѣсь множество примѣровъ, доказывающихъ громадную, желѣзную силу терпѣнія и глубокую искреннюю преданность Провидѣнію, которыми только и поддерживалась кое-какъ эта забитая и вконецъ обезличенная среда, но и приведенныхъ выписокъ уже достаточно, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ среда эта могла благоприятствовать умственному развитію Θ . М..

III.

Дядя и тетка Θ . М., ставшіе его воспитателями, — всецѣло раздѣляли какъ матеріальные, такъ и нравственные недостатки своего круга, съ тою только разницею, что самъ дядя-воспитатель смотрѣлъ на свое положеніе нѣсколько опредѣленнѣе дру-

гихъ. Онъ не позволялъ себѣ имѣть „миѣній“, хотя бы и о томъ, „что хорошо бы ежели бы терпѣнію предвидѣлся конецъ“; не унывалъ такъ, какъ унывалъ отецъ Рѣшетникова, незнавшій „за что“ все это суждено нести. Никакихъ колебаній мысли въ воспитателѣ *Ө. М.* не было: изъ матерьяловъ, имѣющихся у насъ, видно—что человекъ этотъ разъ навсегда порѣшилъ, что надѣяться надо только на Бога, что бѣдность и подневольность неизбѣжны, и что терпѣнію конца не будетъ. Порѣшивъ съ этимъ, онъ всю жизнь, неуклонно и не оглядываясь по сторонамъ, тянулъ служебную лямку, тяжкимъ трудомъ зарабатывая кусокъ хлѣба, и, — принявъ на свое воспитаніе маленькаго Рѣшетникова, — не могъ воспитывать его иначе, какъ въ приученіи къ тому же терпѣнію, повиновенію, искренно вѣря, что для него, какъ для сироты, предлежитъ таже самая тяжелая забота о кускѣ хлѣба и таже самая жизнь „между нищими и средними,“ въ которой „терпѣніе“ играетъ первую роль.

На бѣду, питомецъ ихъ, съ первыхъ дней дѣтства, оказался мальчикомъ бойкимъ, веселымъ, рѣзвымъ, обнаруживая необыкновенную впечатлительность *). И съ первыхъ же дней обнаруженія этой рѣзвости, воспитатели, побуждаемые разумѣется ни чѣмъ инымъ, какъ только желаніемъ своему питомцу добра, — стали искоренять эти врожденные въ немъ и непригодныя, среди скучнаго влаченія жизни, качества. И вотъ, благодаря тому, что Рѣшетниковъ уродился натурою одаренной и тому, что одаренныя природы въ этомъ кругу, дѣйствительно, совершенно ненужны, — цѣлыя десять первыхъ лѣтъ посвящены, со стороны воспитателей, самому тщательному и неусыпному битью и дранью ихъ воспитанника. Кромѣ желанія ему добра, повторяемъ, этими бѣдными людьми не руководило ничто другое; но въ тоже время, нельзя не сознаться, что это желаніе добра выражалось способомъ по истинѣ варварскимъ. Въ повѣсти *Ө. М.* „Между людьми“, авторъ, помѣтившій въ ней множество случаевъ своей жизни, — рисуетъ картины своего дѣтства весьма подробно и обстоятельно, и читая ихъ, нельзя не дивиться необыкновенной выносливости Рѣшетникова. Били его положительно за все, и притомъ всѣ, кто хотѣлъ и считалъ нужнымъ, а иной разъ и безъ всякой надобности. Ребенокъ

*) Это свойство природы перешло къ Рѣшетникову по видимому отъ матери; она заболѣла и умерла отъ испуга.

вездѣ „лѣзъ“, и колотили его тоже вездѣ. Дядя принесъ лубочную картинку и сталъ разсматривать,—воспитанника разобрало любопытство, онъ потянулъ картину къ себѣ и разорвалъ пополамъ.... „За это дядя меня такъ ударилъ, что я ударился головой объ полъ, изъ рта пошла кровь“. Одна „Священная Исторія вѣтхаго и новаго завѣта“ съ картинками, книга единственная во всемъ домѣ, сколько неисчислимыхъ бѣдъ причинила Ѳ. М.!. Картинки постоянно привлекали къ ней маленькаго Рѣшетникова, и постоянно, аккуратно каждый разъ, какъ только книга попадала ему въ руки, онъ непременно получалъ ударъ этой же книгойъ въ голову. Чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ засунулъ ее въ печку; книгу вытащили, но—„за это, говоритъ Рѣшетниковъ, дядя долго дралъ меня ремнемъ.“ Били его также и за то, что любитъ сказки, а не молится за отца и мать, которыхъ онъ никогда не видалъ. Захочетъ онъ, напримѣръ, поддѣлаться къ дядѣ, оказать ему услугу, чтобы поѣхать за Каму „рыбачить“,—примется чистить ему сапоги: чиститъ и старается до тѣхъ поръ, пока тетка не выхватитъ изъ его рукъ щетки и не ударитъ ею по головѣ. За такія же провинности колотилъ его весь почтовый дворъ, гдѣ онъ, также какъ и дома,—всюду лѣзъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли гдѣ „хорошихъ картинокъ, хорошихъ книгъ съ картинками“.... „Мнѣ правилось, говоритъ онъ, все что я видѣлъ въ первый разъ—мебель, платье, и вещь особенно понравившуюся я наровиль припрятать. Недовольные имъ, проучивъ его у себя, на мѣстѣ преступленія, шли кромѣ того жаловаться къ воспитателямъ, которые еще разъ учили его за шалости у чужихъ. „Песъ“, „ножовое востре“, „балбесъ“, „безрогая скотина“,—вотъ названія, которыми величали его въ это время всѣ. Словомъ, не будь натура Рѣшетникова исключительна, — онъ бы давно могъ сдѣлаться вполне забитымъ, заключеннымъ ребенкомъ; но у него, въ отмѣстку за обиды, явилась злость. Впослѣдствіи онъ самъ, вспоминая объ этомъ времени, называетъ себя—„злое дитя“. И дѣйствительно, природная даровитость его показала себя въ выдумываніи удивительнѣйшихъ мерзостей, которыми онъ метилъ.... Ему ничего напр. не стоило засунуть въ квашню пли кадку съ водой—дохлую кошку, измазать въ грязи чистое, разгѣшенное бѣлье, вытащить изъ самовара кранъ, забросить его черезъ заборъ, и распаять самоваръ и т. д. Онъ сдѣлался истиннымъ божескимъ наказаніемъ цѣлому двору, истиннымъ врагомъ всѣмъ и каждому; вскорѣ ему не было другаго имени,

кромѣ „воръ“, „поганая рожа“; его вихры, уши и щоки сдѣлались общимъ достояніемъ. Били и ругали всѣ, и онъ ругалъ всѣхъ, воевалъ со всѣми, запуская камнями, кусался, билъ враговъ „по лицу“—и въ тоже время не уставалъ изобрѣтать еще новыя и новыя пытки врагамъ своимъ. „Меня отдеруть, говоритъ Рѣшетниковъ,—я сяду куда нибудь въ уголъ и думаю: что бы мнѣ еще такое сдѣлать, да такъ, чтобы никто не узналъ.“

Это обоюдное безобразіе тянулось, какъ мы уже сказали, 10 лѣтъ. По временамъ на маленькаго Рѣшетникова находили минуты ужаснѣйшей тоски.—онъ плакалъ и думалъ о томъ, чтобы убѣжать отсюда.... 10-ти лѣтъ (1851 годъ) его отдали въ бурсу и, стало быть, къ битью воспитателей и сосѣдей, прибавилось еще битие училищное, школьное. Переносить все это стало уже рѣшительно невозможнымъ и тайное желаніе избавиться отъ этого мученія, опредѣлилось вполнѣ, въ самую настоятельную необходимость—„бѣжать“. И скоро Рѣшетниковъ, дѣйствительно, убѣжалъ. Прямо изъ бурсы, онъ ушелъ на колокольню и просидѣлъ здѣсь цѣлый день съ ранняго утра. Къ ночи его охватилъ страхъ; онъ убѣжалъ съ колокольни на рѣку и здѣсь ночевалъ. „Полутру, говоритъ Рѣшетниковъ, я ходилъ, какъ помѣшанный, отъ голода.“ Въ какомъ-то рыбацьемъ шалашѣ нашолъ онъ поль-ковриги хлѣба, взялъ его себѣ, и тутъ же, не зная зачѣмъ, провертѣлъ въ лодкѣ дыру, распласталъ неводъ, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ. „Этотъ день я провелъ хорошо, говоритъ онъ въ упомянутой повѣсти, прогуливаясь по травѣ и по лѣсу и пѣвая пѣсни“.... „Я радовался, что я на свободѣ, что меня никто не стѣсняетъ и я могу дѣлать все, что только хочу. Я торжествовалъ надъ тѣмъ, что я одинъ изъ всѣхъ бурсаковъ убѣжалъ далеко, что ихъ деруть“. „Пусть васъ деруть, говорилъ я громко и хохоталъ. Я былъ счастливъ и счастливѣе себя не находилъ человѣка; я думалъ: а какъ хорошо! ни за что я не пойду отсюда, ни за что не пойду, и къ дядѣ не пойду!“ „Мнѣ ничего не нужно было.... хотя и казалось мнѣ, что въ каждомъ кусту кто-то сторожитъ меня, а на иные кусты я и смотрѣть то боялся; когда проходилъ мой страхъ, я думалъ: а хорошо бы здѣсь соорудить домъ; я бы тогда взялъ съ собою дядю и тетку и они не стали бы меня бить.“ „Потомъ мнѣ вдругъ захотѣлось плыть куда-то дальше.“ Онъ сѣлъ въ чью-то лодку и сталъ грести вверхъ, но силы были слабы, лодку несло внизъ и прибило къ берегу. Здѣсь, си-

дя въ лодкѣ и дожда остатокъ хлѣба, бѣглець мечталъ и поглядывалъ на городъ, какъ вдругъ на него налетѣлъ съ ругательствами и проклятіями какой-то мѣщанинъ и принялся тукнуть—не на милость, а на смерть. На лицѣ была кровь, голова страшно болѣла, волосы дѣзли. Скоро, вслѣдъ за мѣщаниномъ, явилась цѣлая флотилія бурсаковъ, розыскивавшихъ бѣглеца, и когда послѣдній убѣждалъ отъ нихъ, они настигли его, свизали и безжалостно поволокли по кочкамъ въ бурсу, награждая палочными ударами! Взаключеніе этого тиранства бѣглецу, по возвращеніи въ бурсу, была задана баня, послѣ которой Рѣшетниковъ пластомъ пролежалъ въ лазаретѣ два мѣсяца.

Но этимъ дѣло не кончилось. Потребность бѣгства не умерла въ Рѣшетниковѣ. Не смотря на всевозможныя истязанія, лежа въ лазаретѣ, онъ уже обдумывалъ планъ новаго бѣгства, и дѣйствительно, какъ только поправился, убѣждалъ опять. Прежде всего, онъ отправился на, такъ называемую, „Мотовилиху“—заводъ, отстоящій отъ г. Перми версты за три. Бурсацкій сюртукъ свой онъ бросилъ въ воду, чтобы не узнали, вымазалъ грязью лицо, рубашку, панталоны и пошелъ по заводскимъ домамъ и кабакамъ просить хлѣба, „Христа ради“.

„Чей ты, парнюга“? спрашивали его. „Материнъ“, уклончиво отвѣчалъ бѣгунъ....

Долго онъ шатался здѣсь между простымъ народомъ и мастеровыми, которые давали ему кровъ и кормили его. „Много, говоритъ онъ, увидѣлъ я здѣсь хорошаго. Мнѣ такъ понравилась простота ихняя, что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ“. Много въ то же время онъ увидѣлъ и дурного, особенно въ быту нищихъ, съ которыми онъ невольно долженъ былъ столкнуться, какъ человекъ бродящій безъ пристанища, которые, наконецъ, просто насильно таскали его съ собою, заставляли плясать, поили водкой. Бывали минуты, когда онъ кричалъ и просилъ встрѣчныхъ, чтобы кто нибудь спасъ его отъ нихъ; но никто не давалъ помощи. На работу его не принимали безъ имени, а имя свое онъ скрывалъ. „И Богъ знаетъ, что бы было со мною, если бы не спасла меня одна женщина. „Женщина эта, часто бывавшая у дяди въ городѣ, узнала бѣглеца и привела домой. „Дѣло извѣстное, что было послѣ этого“, заканчиваетъ Рѣшетниковъ исторію этого побѣга, намекая на неизбѣжное дранье.

Эти два побѣга имѣли и на мысль, и на характеръ Рѣшетникова самое существенное вліяніе: во первыхъ, онъ познакомился съ народною жизнію, узналъ въ ней дурное и хорошее — что дало много пищи его любознательному уму, который до настоящаго времени истощался только на изобрѣтеніе „злыхъ продѣлок“, — и во вторыхъ, за этими побѣгами, неизбежное возвращеніе опять къ тѣмъ же мучительнымъ истязаніямъ и скукѣ заставили его сильно призадуматься о своей печальной судьбѣ и судьбѣ окружающихъ его лицъ. Цѣлый годъ, послѣ втораго бѣгства, онъ провелъ въ домѣ дяди, сидя въ углу за дверью и думая о себѣ и своемъ прошломъ, и здѣсь впервые зародилась въ немъ та симпатичная и дорогая черта его будущихъ пропзведеній, которую принято характеризовать словомъ „правда“. Всеобщая ненависть, которою онъ былъ окруженъ послѣ втораго побѣга, и одиночество, какъ результатъ этой ненависти, были такъ сильны, что подавили въ бѣдномъ ребенкѣ всякую возможность быть злымъ, а пробудившаяся мысль, привела его къ полному раскаянію передъ всѣми, кому только онъ дѣлалъ что-нибудь худое. Въ немъ начался процессъ глубокаго анализа окружающихъ, близкихъ къ нему людей, принимавшій благотворное направленіе прощенія ихъ. Понятно, что такая масса несчастія, хотя бы въ видѣ всеобщаго презрѣнія, такая масса новыхъ мыслей въ головѣ и полная беспомощность въ разрѣшеніи ихъ, или хотя въ какомъ нибудь утѣшеніи, до того измучили душу мальчика, что часто, сидя въ своемъ углу, онъ рыдалъ.... И въ это-то время, вдругъ ему говорятъ, что онъ увидитъ своего отца, въ первый разъ. Не видя его никогда, онъ теперь одинокій и всѣми обиженный возлагалъ на своего отца великія надежды, — радости его не было предѣла.

И вотъ однажды вечеромъ, когда Ѳ. М. уже легъ спать, дядя привелъ съ собою какого то человѣка въ почталыонской одеждѣ, обрюзглаго, съ отекившимъ лицомъ. Человѣкъ этотъ постоянно болѣзненно кашлялъ и рассказывалъ о томъ, какъ онъ несчастливъ, какъ къ нему несправедливы, какъ его бьютъ. „Ты не повѣришь, говорилъ онъ дядѣ, — какъ этотъ смотритель каждый день билъ меня въ грудь, топталъ ногами“. Страхъ и радость охватили Рѣшетникова при видѣ отца, но, когда сынъ подошелъ къ нему, бѣдный отецъ не зналъ что сказать.... „Большой выросъ,“ произнесъ онъ. „Что же ты не цѣлуешь отца?“ — Да что мнѣ его цѣловать то?... И больше ничего. На дру-

гой день, разговарившись съ теткой о сынѣ, отецъ упрашивалъ ее: „Дери ты его... что есть мочи дери“. Когда ему предложили взять сына съ собой, онъ отвѣчалъ: „куда мнѣ съ нимъ?... не надо... мнѣ и одному горько жить.“ Увѣжая совѣмъ, онъ могъ сказать сыну только: „Ну прощай! слушайся...“ и пошелъ прочь. „Мнѣ тяжело было, говорить Ѳ. М., что отецъ уѣхалъ, а я не высказалъ ему своего горя“...

Такимъ образомъ, встрѣча съ отцомъ, не только не облегчала души маленькаго Рѣшетникова, но напротивъ, уяснивъ ему полное его сиротство и одиночество, — сдѣлала его еще болѣе несчастнымъ въ своихъ глазахъ. Онъ такъ былъ подавленъ всѣми событіями послѣднихъ лѣтъ, что на него напала апатія, равнодушіе ко всему и къ наукѣ, и къ поркѣ... Онъ словно окаменѣлъ. Бѣжать онъ уже не думалъ, а когда драли (онъ опять сталъ съ нѣкотораго времени ходить въ училище), какое дранье производилось аккуратно въ концѣ каждаго мѣсяца, — то онъ старался только стать въ концѣ шеренги, предназначенной къ сѣченію, потому что къ концу ея сторожъ уставалъ. Иногда онъ отдѣлывался гривенникомъ, который зарабатывалъ, занимаясь въ почтовой конторѣ составленіемъ крестьянамъ писемъ, что тоже не мало помогло ему узнать народный бытъ. Отъ учителей онъ отдѣлывался тоже своего рода взятками: онъ отправлялъ имъ задаромъ письма (благодаря дядѣ), доставлялъ письма, полученные на ихъ имя, а главное, что въ послѣдствіи обрушилось на его голову цѣлою грудой несчастій, — таскалъ тайкомъ съ почты газеты, каковое тасканіе учителя поощряли тѣмъ, что оставляли измученнаго ребенка въ покоѣ. Такое апатическое состояніе продолжалось довольно долго, и не имѣя по прежнему никакой поддержки, возбужденная предшествовавшими обстоятельствами мысль его, могла бы заснуть по немногу и принять общее направленіе мыслей бѣднаго, запуганнаго класса людей, его окружавшихъ; но одно неожиданное обстоятельство не дало возможности умереть разъ пробужденной мысли, хотя и разразилось надъ нимъ жестокимъ образомъ.

Внезапно открылась покража газетъ и журналовъ въ почтовой конторѣ. Таская эти газеты *) и конверты, онъ по проч-

*) Въ числѣ причинъ, объясняющихъ это тасканіе газетъ, Ѳ. М. между прочимъ упоминаетъ о томъ, что ему нравилась форма конвертовъ, гладенькая бумажка, хорошій почеркъ на конвертѣ. Поощренія учителей сдѣлали это боловство необходимою, а потомъ привычкою.

тени ихъ господами учителями, имѣлъ обыкновеніе забрасывать ихъ чрезъ сосѣдній заборъ въ снѣгъ; бывали случаи, что онъ со страху забрасывалъ туда пакеты, не разсматривая и не читая ихъ, и въ числѣ такихъ-то, нечитанныхъ пакетовъ, забросилъ одинъ весьма важный манифестъ (1855 г.). Дѣло было не шуточное, виновника розыскали, предали формальному суду (Ө. М. былъ 14-й годъ). Дѣло тинулось два года....

Что же долженъ былъ чувствовать бѣдный Рѣшетниковъ, спя эти два года въ томъ же углу, за дверью? Сознаніе собственной виновности, пробудившейся, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, послѣ перваго побѣга, здѣсь возрасло до высшей степени. Еще тогда, познакомившись съ настоящей нищетой, отъ которой, какъ мы видѣли, онъ кричалъ и просилъ людей спасти его,—Ө. М. сталъ чувствовать себя глубоко виноватымъ предъ воспитателями, которые, не смотря на свою бѣдность, ограждаютъ его отъ этой нищеты, его, неимѣющаго ни отца, ни матери, и кромѣ зла ничего не сдѣлавшаго для своихъ благодѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, сколько переплатилъ бѣдный дядя Ө. М. за эти распаянные самовары, за украденныя вещи, квашни, опоганенныя всунутой туда кошкой?.. И тогда уже Ө. М. насчитывалъ на своей душѣ великое множество грѣховъ и золъ; что же долженъ былъ онъ чувствовать теперь, ежеминутно видя передъ собою дядю, который лѣзъ изъ кожи, трагилъ послѣднія копѣйки, чтобы помочь дѣлу своего „злаго“ дитяти...

Эгоизмъ Ө. М. былъ совершенно раздавленъ, разбитъ этимъ происшествіемъ; на ругательства тетки онъ отвѣчалъ рыданіями и богъ знаетъ, какъ былъ готовъ благодарить ее; онъ удивлялся, какъ дядя и тетка не боятся держать его у себя. Онъ старался душою и тѣломъ услужить имъ, носилъ дрова, воду, исполнялъ все, что ни прикажутъ....

Это происшествіе, этотъ ударъ, какъ ни былъ онъ тяжелъ и неожиданъ, — вывелъ Ө. М. изъ начинавшей одолаживать его апатіи, пробудилъ его мысль, снова обратилъ ее на путь изслѣдованія человѣческихъ поступковъ.... Сдѣлавъ своимъ врагамъ такое зло, какого ни одинъ изъ нихъ никогда не думалъ дѣлать ему, онъ, со времени этого происшествія, навѣки сохранилъ великую и дорогую потребность—не осудить ближняго, не вѣрить личному впечатлѣнію, если оно не хорошо, а разбирать его без-

пристрастно, правдиво, не урѣзывая въ немъ ни малѣйшей черточки....

Это была самая дорогая минута въ развитіи *Θ. М.* Мысль его была возбуждена до высшей степени. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы отъ ненависти къ врагамъ, дойти не только до прощенія ихъ, но даже до боязни, какъ они могутъ его держать, оправдать ихъ и благодарить со слезами, — мысль маленькаго Рѣшетникова должна была коснуться массы общественныхъ вопросовъ, должна была работать надъ всѣмъ механизмомъ окружавшей его жизни, вникать въ самыя мельчайшія подробности этого механизма... Минута, повторяемъ, была драгоценная для самаго плодотворнаго принятія знанія.

Но минута эта пропала даромъ, какъ въ послѣдствіи пропало много еще такихъ минутъ; жизнь *Θ. М.*, какъ-бы на зло, постоянно и настойчиво не давала ему того, чего нужно, и надо удивляться, какъ еще уцѣлѣло въ немъ то непосредственное пониманіе ея правды, какое, послѣ многихъ лѣтъ тяжелыхъ испытаній, проявилось въ его произведеніяхъ, извѣстныхъ читателю.

IV.

Уголовное дѣло, измучившее какъ самого Рѣшетникова, такъ и его родственниковъ, кончилось отсылкою виновника въ Соликамскій монастырь на эпитимію. Пребываніе въ этомъ монастырѣ было весьма неблагопріятно для хода развитія Рѣшетникова. Ъхалъ онъ сюда, какъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ записокъ, „съ радостію печальною“; покидая хоть и на время мѣсто столькихъ страданій, можно было, дѣйствительно, ощущать нѣкоторую радость, но печаль и раскаяніе заглушали ее. *Θ. М.* рыдалъ, обливался слезами, разставаясь съ своими воспитателями и не переставалъ питать къ нимъ глубокой преданности, называя ихъ въ запискахъ своихъ „единокровными, милыми родственниками“, „защитниками, которые хотя и надоѣли своими ворчаньями, но все таки всегда лучше „знаменитыхъ властителей земли“. Задушевною мыслію его въ это время, было поступить въ монахи.

Этимъ прекраснымъ возбужденіемъ мысли *Θ. М.*, родственники и воспитатели его не только не успѣли и не могли воспользоваться, не только не направили ее къ знанію, но даже просто не дали своему воспитаннику опомниться, одуматься, отдохнуть,

Квартирные хозяева, тоже приходившіеся ему родней, у которыхъ онъ поселился въ Соликамскѣ, — кромѣ бабушки, старой и больной, которая любила рассказывать своему внучку сказки, — чуть не съ перваго же дня пріѣзда, не упустили случая, упомянуть ему о его дѣлѣ, грубо затронуть какимъ нибудь грубымъ упрекомъ. То напр. хозяйка квартиры совѣтуетъ своему мужу (родственнику Ѡ. М., служившему тоже по почтовой части) не класть его спать въ конторѣ „а то онъ украдетъ пакеты“; то упрекаютъ его въ томъ, что онъ даромъ живетъ, курить хозяйскіе папирсы и т. д. Отъ этихъ новыхъ хозяевъ Рѣшетникова не отставали и старые его воспитатели, къ которымъ онъ въ настоящую минуту питалъ такія благодарныя чувства. Они именно принялись, что называется, бить лежачаго, хотя не скроемъ, все съ тою же цѣлью и желаніемъ ему добра. Въ каждомъ письмѣ непремѣнно идутъ вопросы о томъ, „не нужно ли тебѣ (т. е. Рѣшетникову) чего нибудь? Есть ли чай? Доволенъ-ли? сытъ-ли? Не обижаютъ-ли кто?“ Но зато самая большая часть этихъ писемъ посвящена самымъ жесткимъ и оскорбительнымъ упрекамъ за прошлое. „Подумай, пишетъ ему воспитатель въ слѣдъ за пріѣздомъ Рѣшетникова въ монастырь, — чтобы тебѣ кончить курсъ ученья; знай, что ты, не кончивши курсъ, нигдѣ не можешь поступить на службу коронную и долженъ записаться въ податное состояніе, а послѣ того, по приговору общества и злыхъ людей, отдадутъ тебя въ военную службу, и тѣмъ опозоришь природу мою.... Ты, имѣя дядю, который съ дѣтства твоего пекся о твоёмъ благополучіи и наукахъ, не пощадилъ его (т. е. дядю)! Даже и теперь еще пекусь, чтобы тебѣ доставить счастье, но если ты этого не чувствуешь, то накажетъ тебя всевидящее око за обиды мнѣ нанесенныя и тѣмъ сокращаешь дни моей жизни“.

Такого то рода упреки, приходившіе къ нему въ письмахъ чуть не каждую почту, не могли повліять благотворно на его мысль; впечатлительность Рѣшетникова начинается какъ-бы грубѣть отъ этихъ слишкомъ уже частыхъ толчковъ, и онъ по необходимости начинаетъ примиряться со многимъ, съ чѣмъ, не задолго передъ этимъ, честно настроенная мысль его ни за что бы не примирилась.

„Когда я жилъ въ Перми, пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ, я имѣлъ величайшее хотѣніе, чтобы мнѣ остаться въ монастырѣ, но въ Соликамскѣ я въ одну недѣлю позналъ нечестіе мо-

наховъ, какъ они пьютъ вино, ругаются, ѣдятъ говядину, ходятъ по ночамъ, ломаютъ ворота“.

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же записокъ онъ пишетъ: „жизнь моя стремилась къ истинному познанію, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, но ожиданія мои не исполнились; я ходилъ каждый день въ монастырь и смотрѣлъ на ихъ образъ жизни и всѣ они, кромѣ (имена четырехъ монаховъ) не похожи на монаховъ.... и дѣлаютъ разныя непристойности“. Въ доказательство этихъ непристойностей Рѣшетниковъ приводитъ разговоръ:

— Есть у тебя чѣмъ опохмѣлиться?

— На воть, я ужъ выпилъ все.

— Неужели ты въ ночь выпилъ ведро пива?

— Да у меня вчера былъ дьяконъ и мы съ нимъ погуляли славно.

— Ай-да славно, проклятые, вы пируете, нѣтъ чтобы мнѣ оставить“. и т. д.

Сцены, приводимыя Рѣшетниковымъ, дѣйствительно, не особенно привлекательны, но самъ онъ такъ утомился отъ оскорбленій и жизненныхъ ударовъ, что готовъ былъ искать отдыха въ этомъ не совсѣмъ опрятномъ обществѣ и, мало по малу сталъ проникаться его интересами. Учиться уже онъ не хочетъ; хотя его и принимаютъ вновь въ училищѣ, но онъ не идетъ, онъ начинаетъ якшаться съ почтальонами, ходитъ съ ними въ почталіонскомъ сюртукѣ собирать новогоднее и выпрашиваетъ этимъ хожденьемъ деньги, сначала 1 р. 15 коп., потомъ 45 к. На эти деньги, не умѣя еще истратить ихъ такъ, какъ тратили новыя его знакомцы, онъ покупаетъ себѣ помады, — за каковой покупкой слѣдуетъ тотчасъ же грозное внушеніе отъ родственниковъ.

„Освѣдомился я—пишетъ воспитатель,—что ты взялъ въ привычку шататься и въ карты играть съ почтальонами и примазываться помадой и свадьбы смотрѣть, а за этимъ откроются и другія пакости, за которыя ты подвергнулся хотя и не тяжкому, но все таки наказанію и до смерти твоей нарицанію и пороку. Не лучше ли тебѣ было и будетъ заниматься науками, или ты хочешь быть и вести жизнь въ дурацкомъ положеніи, которое для тебя будетъ лучше, — выбирай то или другое. Я ужъ не могу тебѣ дать заочно какое либо наставленіе, потому что ты и въ глазахъ моихъ вотъ какъ уже насолилъ, что

я по гробъ не долженъ позабыть сдѣланныя тобою пакости, за добродѣтель мою, мое воспитаніе и хорошее содержаніе.... Впрочемъ вѣдь ты мнѣ родной, и я еще не имѣю каменное сердце....“

Но какъ ни часты и ни энергичны были эти громы, они уже не могли отклонить Рѣшетникова отъ удовольствія, которое онъ сталъ находить въ обществѣ хотя и грубыхъ людей, но въ тоже время такихъ, которые не оскорбляли его за прошлое (одинъ монахъ, узнавъ его исторію, даже разцѣловалъ его), которые смотрѣли на него не только какъ на равнаго, но и какъ на человѣка развитаго больше, нежели развиты они. И вотъ начинается у Рѣшетникова съ этими людьми дружба и панибратство. Въ дневникѣ его мы поминутно встрѣчаемъ страницы, весьма ярко характеризующія этотъ періодъ жизни Рѣшетникова. „13 числа 1857 года, былъ на похоронахъ у Становаго пристава перваго стана, у котораго умерла мать Марія. Казначей позвалъ меня, чтобы я держалъ ризы, а Ивану не велѣлъ ѣздить и я простоялъ обѣдню. По окончаніи литургіи протоіерей К-въ сказывалъ проповѣдь, похваляя жизнь новопреставленной усопшей Маріи.... Съ кладбища мы, т. е. я и.... (здѣсь имена нѣсколькихъ монастырскихъ послушниковъ), возвратившись въ квартиру становаго, сѣли за однимъ столомъ. Подчивали меня и ерофѣичемъ, и простой водкой. Тутъ еще В. пряталъ вино простое подъ столъ, а И. почти одинъ выпилъ графинъ ерофѣичу и уже пьянъ очень былъ и они съ М. кричали всю дорогу“.

Вотъ какого рода было времяпрепровожденіе съ этими приятелями. Этимъ заняты всѣ три мѣсяца, на которые былъ онъ сосланъ въ монастырь, и о другихъ занятіяхъ его за это время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, исключая того, что по временамъ онъ читалъ книги духовнаго содержанія, пѣлъ на клиросѣ, за что, какъ говоритъ самъ въ запискахъ, „снискивалъ любовь монашествующихъ“. Подъ конецъ пребыванія своего въ монастырѣ, онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывался къ нему и къ новымъ знакомымъ. „И такъ я чудно и весело проводилъ время съ монахами; они меня поили пивомъ и я часто приходилъ домой пьянымъ. Да и всѣ меня любили сердечно и я тоже питалъ свою любовь къ нимъ. Иногда обѣдалъ и спалъ въ кельяхъ.... Словомъ очень весело я про-

вель время съ доброю братією и въ особенности тогда, какъ пили пиво..*)“

„Мрачно и печально, пишетъ онъ передъ истеченіемъ срока своей ссылки, что я разлучаюсь съ моими друзьями, истинными христіанами. Но что дѣлать, дядя мой единокровный, хочетъ этого. Но я еще когда нибудь могу поступить въ монастырь и мнѣ хочется кончить жизнь тамъ, гдѣ живутъ только мирно“.

Въ бумагахъ *Ө. М.* мы находимъ письмо къ настоятелю, отцу Леониду, въ которомъ Рѣшетниковъ проситъ опредѣлить его въ послушника. Вотъ это письмо:

Ваше Преподобіе.

Отецъ Леонидъ!

Мнѣ желательно быть послушникомъ Вашего монастыря. Отца и матери у меня нѣтъ, а послѣ двадцать третьяго марта (послѣ истеченія срока наказанія) я куда хочу, туда и поступаю на службу. Я еще давно этого желаю, я даже клялся Богу, чтобы по окончаніи дѣла поступить въ монастырь. Итакъ, всечестный отецъ, прошу придайте мнѣ благій совѣтъ.... и проч.“ Письмо это написано, по всей вѣроятности, во время самаго разгара дружбы съ монастырскими людьми. Не смотря на эту дружбу, черезъ три мѣсяца Рѣшетникову пришлось разстаться съ ними. „Въ среду я простился съ.... (имена друзей) и въ 11 часовъ отправился изъ Соликамска. И тутъ, поравнявшись съ монастыремъ, невольно слеза выкатилась у меня, (когда я вспомнилъ) что я разлучаюсь навѣки съ монастыремъ симъ и его доброй братією.... И вотъ послѣдній взглядъ на этотъ монастырь, и наконецъ показались только крестики и потомъ совсѣмъ изъ виду потерялись.“

Ө. М. возвратился въ Пермь въ 1857 году. Ему въ это время было 16 лѣтъ отъ роду.

V.

Это трехмѣсячное пребываніе Рѣшетникова въ монастырѣ имѣло весьма дурное вліяніе на его развитіе. Помирившись по необходимости, какъ видѣли мы, съ непривлекательными мо-

*) Пиво это обыкновенно настаивалось на листовомъ табакѣ. Это разсказывалъ самъ Рѣшетниковъ.

настырскими нравами, онъ долженъ былъ невольно подчиниться и философіи этихъ нравовъ, мудро примиряющей ломаніе заборовъ со спасеніемъ души. Вслѣдствіе чего — простота и искренность его сужденій о людяхъ, ихъ поступкахъ и самомъ себѣ, на долгое время, лѣтъ по крайней мѣрѣ на пять, затемняются вычурностію и неискренностію семинарской полуобразованности... Упомянувъ въ своихъ запискахъ, съ полною откровенностію, о томъ, что пиво пить было весьма пріятно, онъ тутъ же прибавляетъ: „но видитъ Богъ, что я во время житія моего, хоть бы одну каплю вина выпилъ“. Эта приписка, это воззваніе къ Богу при упоминаніи только о винѣ, тогда какъ при упоминаніи о пивѣ воззваніе это оказывается не нужнымъ, — эта приписка явно монастырскаго происхожденія; три мѣсяца назадъ, Рѣшетниковъ не написалъ бы этой лже-смиренной фразы. Такимъ страннымъ оттѣнкомъ отмѣчены всѣ дальнѣйшія замѣтки его, писанныя по возвращеніи въ Пермь. Такъ, на примѣръ: въ домѣ дяди, гдѣ поселился онъ снова, жила дѣвушка, дочь бѣдной вдовы, вмѣстѣ съ своею матерью. Съ этой дѣвушкой Рѣшетниковъ былъ знакомъ съ самаго дѣтства, и она ему очень нравилась. Въ послѣдствіи мы скажемъ объ ней подробнѣе, такъ какъ она еще разъ встрѣтится намъ въ жизни Ѳ. М. Теперь достаточно сказать, что она ему нравилась. Но когда это замѣтили, и дядя въ шутку сказалъ ему однажды, что онъ отдастъ ее за него замужъ, то Рѣшетниковъ, подъ вліяніемъ лже-цѣломудренныхъ монастырскихъ взглядовъ, приходитъ въ негодованіе и пишетъ: „Я не могу взять за примѣръ женщинъ, и не могу соблазняться примѣромъ ихъ. Богъ знаетъ, что я имѣю усердіе къ его великой церкви и въ вѣкъ буду стремиться къ его церкви и будетъ время, когда я уйду въ монастырь въ уединеніе и тамъ буду молиться Небесной невѣстѣ, Пресвятой Богородицѣ и присно дѣвѣ Маріи...“ Между тѣмъ какъ, до монастырскаго житія, онъ бы просто, искренно сказалъ, что ему „стыдно“ толковать объ этихъ предметахъ.

Жизнь въ домѣ дяди и тетки пошла прежнимъ порядкомъ и хотя о битвѣ нѣтъ уже помину, но также не видно, чтобы съ нимъ обращались особенно ласково. Рѣшетникова опять отдали въ то самое училище, изъ котораго его услали въ монастырь, и притомъ онъ долженъ былъ поступить снова въ первый классъ.

Вотъ отрывокъ изъ его записокъ, изъ котораго читатель можетъ судить о томъ, какова была жизнь Рѣшетникова у родственниковъ и, главное, до какой степени три мѣсяца ссылки исказили въ немъ прежнюю искренность взглядовъ на себя, на родныхъ, на товарищей и т. д. „Здѣсь (т. е. по возвращеніи въ Пермь) я видѣлъ все непріятное. Опять тетка ругаетъ меня, и Богъ знаетъ за что она меня несправедливо, насказываетъ дядѣ то и се, и тотъ ей вѣритъ, ругаетъ и проклинаетъ и при сихъ то горькихъ счастлихъ, я дома все молчалъ... я занимался богомысліемъ и терпѣлъ... когда уже чуть-чуть слеза не выпала изъ глазъ. Когда либо теткѣ скажешь слово, она говоритъ: „что ты на меня кричишь? и ругается, что я неладно говорю, и не могу ей лучше говорить. Какъ же тутъ не молчать, ежели я говорю не ладно? Но ежели же молчать, то она ругается, что я молчу и вотъ какое положеніе мое! Да еще не даютъ учить мои уроки: „дѣлай то и другое“,—и потомъ ругается. Кто не придетъ къ ней, всякому наговариваетъ на меня, что я не говорю съ ней, или не дѣлаю ничего. Но ежели кто вообразилъ и былъ бы на моемъ мѣстѣ, то узналъ бы и повѣрилъ, въ чемъ дѣло состоитъ; но они вѣрятъ ея словамъ и думаютъ, что это правда. Богъ съ ними, а пока у меня есть силы и возможность, буду терпѣть и въ молчаніи призывать моего Господа и просить его милости, ибо къ кому намъ грѣшнымъ прибѣгать, какъ не къ Нему. Боже спаси меня нынѣ и даждь терпѣніе мнѣ во дни скорби моея, да не погибнетъ душа моя до конца; спаси мя и тетку, и обидящихъ мя спаси и помилуй, и вѣчной ихъ обители сотвори, помилуй по милости твоея, якоже помиловалъ праотецъ нашихъ Адама и Еву, да къ тебѣ всегда вопіемъ: помилуй насъ Господи, владыко нашъ и благодѣтелю, и тебѣ славу возсылаемъ во вѣки. Аминь“. „Но вотъ случилось въ жизни моей происшествіе. Не только въ новѣйшее время, но даже и въ древнія времена, по заведѣнію иностранцевъ, открыто и у насъ въ Россіи играть въ карты. Этимъ основывается наша публика господъ. Въ этомъ кругу былъ и дядя мой, и онъ иногда для увеселенія скуки занимался симъ увеселеніемъ. Тетка очень не любила это. Странно очень то, что тетка, лишь мужа ея не будетъ дома, скучаетъ и не спитъ, хоть онъ приди въ восемь часовъ утра. Когда же онъ придетъ, она начинаетъ его ругать, зачѣмъ онъ игралъ въ карты.... кому такіе выговоры, особенно отъ женщины понравятся? Подумать надобно,

сколько тяжело сносить тому укоризны, кто своимъ трудомъ кормить все семейство. Не одинъ мой дядя играетъ (онъ не играетъ, но еще учится) но и всѣ почтальоны и проч. Что же учить женамъ мужей, которые вполне по своему образованію, частію отъ наставниковъ, частію отъ публики, могутъ дать тысячи наставленій и полезныхъ предметовъ своей женѣ“.

Далѣе описывается весьма непріятная сцена, происшедшая между родственниками *Θ. М.*, причѣмъ были и удары, наносимые долготерпѣливымъ и кроткимъ *) мужемъ своей жень и требованіе послѣдняго, чтобы жена шла вонъ, куда ей угодно.

„Но, продолжаетъ *Рѣшетниковъ*, она удѣстила его и онъ помиловалъ еще ее. Я, взирая на жизнь ихъ, жалѣлъ ихъ обоихъ и укрѣплялся на молитвы, которыя, можетъ быть, помогутъ мнѣ и ихнему прощенію во грѣхахъ. (Смотри сочиненную мною молитву **)“.

Далѣе вотъ что говоритъ онъ о своихъ училищныхъ товарищахъ:

„Кромѣ того, печально мнѣ смотрѣть на братію мою, учащуюся со мною: всѣ наполнены хитрости, обмана и богохульства, что должно быть не простительно въ нашихъ лѣтахъ... Но Богъ милостивъ еще къ намъ. Даже *К.* (ученикъ) уже прилѣпился къ сѣтямъ дьявола. О! сколь нынѣ свѣтъ развратился! Даже младенцы, недавно выступившіе въ свѣтъ Божій, и тѣ хулятъ имя Господне и не страшатся суда Всевышняго“.

Мы съ намѣреніемъ привели цѣликомъ эти отрывки, чтобы читатель самъ могъ судить, до какой степени упалъ и извратился въ *Рѣшетниковѣ* даже и тотъ уровень его развитія и пониманія, который былъ замѣтенъ у него прежде. Мы могли бы привести здѣсь цѣлыя десятки страницъ его разсужденій о грѣхахъ, который онъ научился видѣть чуть не на каждомъ шагу; его разсужденій о возвышеннѣйшихъ предметахъ, изложенныхъ со словъ монастырскихъ послушниковъ и т. д., еслибы въ этихъ разсужденіяхъ было возможно понять хоть двѣ-три строки, поставленныя рядомъ. Читая эти страницы, совершенно по-

*) Слова *Θ. М.*

**) Молитва эта находится въ приведенномъ отрывкѣ.

нимаешь, почему тетка возненавидѣла Ѳ. М. Это была простая женщина, не понимавшая умозрѣній своего питомца, который, поживъ въ монастырѣ, настроился смотрѣть на такихъ бѣдныхъ людей, какъ его воспитатели, свысока и безучастно, повторяя по временамъ: „Боже, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творять.“ Такое искажающее вліяніе ссылки было тѣмъ особенно пагубно для развитія Ѳ. М., что онъ искренно вѣровалъ въ эту вынесенную изъ монастыря мораль и дѣйствительно полагалъ, что теперешнія мнѣнія и мысли его—сама истина.

Отъ этого изуродованія своей мысли онъ освободился не скоро, равно какъ и отъ другаго, не менѣе губительнаго вліянія среды мелкаго чиновничества, о которомъ мы скажемъ ниже.

Въ этихъ „богомысляхъ и умозрѣніяхъ“ прошли 1857 и 1858 годы. Эти два года посвящены чтенію книгъ духовнаго содержанія, перепискѣ съ однимъ изъ родственниковъ—по тѣмъ же возвышеннымъ и обоимъ имъ не достаточно яснымъ и доступнымъ предметамъ. Мы не приводимъ этихъ писемъ, боясь утомить читателя, ибо, при неясности и запутанности самой мысли, изложеніе этихъ писемъ и разсужденій есть верхъ неестественности и вычурности. Въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ, любимыми занятіями Ѳ. М. было ходить по церквамъ, пѣть на клиросѣ, слушать проповѣди и сочинять такія же проповѣди самому. Впрочемъ, даже и въ это время, нельзя сказать, чтобы такое яко бы религіозное настроеніе поглощало собою всего Рѣшетникова: иногда любилъ онъ отправиться порыбачить за Каму, гдѣ сходилъ съ народомъ и узнавалъ жизнь и нравы крестьянъ, бурлаковъ.

Въ 1859 году, воспитатели его переѣхали въ Екатеринбургъ, гдѣ дядя получилъ мѣсто помощника почтмейстера. Ѳ. М. помѣстился на частной квартирѣ. Оставшись теперь на свободѣ, не затрудняясь ученьемъ, такъ какъ приходилось повторять старое, Ѳ. М. какъ будто очнулся, ожилъ; въ запискахъ его нѣтъ уже разсужденій о непостижимомъ, а напротивъ, идутъ живые очерки лицъ, съ которыми ему теперь пришлось жить одному. Онъ дѣлается простымъ и спокойнымъ лѣтописцемъ окружающей его жизни, описываетъ городскія происшествія, пожары, *) ѣздитъ рыбачить за Каму, гдѣ съ простымъ народомъ

*) Во время пожаровъ, бывшихъ въ Перми въ 1859 г., Ѳ. М. навмал-ся по ночамъ караулить дома обывателей, за что получалъ 20 коп.—по-

проводить цѣлыя ночи. „Часто, въ это время, говоритъ Ѳ. М., случалось, что я, сидя въ лодкѣ, глядѣлъ куда нибудь въ даль; глаза останавливались, въ головѣ чувствовалась тяжесть, и вертѣлись слова: какъ же это? отчего это? И въ отвѣтъ—ни одного слова. Очнешься—и плюнешь въ воду. Начнешь удить и думаешь: ахъ, еслибы я былъ богатъ, я бы накопилъ книгъ много, много... Я бы все выучилъ....“

Эти немногіе мѣсяцы пятьдесятъ девятаго года были весьма благотворны для него. Нѣсколько извратившаяся мысль, отдохнула на непосредственномъ принятіи жизненнаго матерьяла, изъ котораго, быть можетъ, вышли въ послѣдствіи лучшія его вещи. Но, къ несчастію Рѣшетникова, это благодатное время, когда мысль его начала было снова выходить на настоящую дорогу, продолжалось не болѣе полгода, а именно съ Февраля 1859 года по Іюнь. 25 Іюня онъ кончилъ курсъ уѣзднаго училища и „получилъ аттестатъ съ отличными, хорошими, и изъ ариѳметики и геометріи достаточными успѣхами“, послѣ чего ему опять нужно было вернуться въ домъ родственниковъ, жившихъ въ Екатеринбургѣ.

VI.

Ему повидимому сильно не хотѣлось этого; онъ наровиль поотдохнуть лѣто, поглядѣть на другихъ своихъ родственниковъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ Пермской губерніи; но въ томъ кругу, который такъ хорошо характеризовалъ себя вышеприведенной фразой—„между нищими и средними,“—для отдыха не было свободной минуты и, слѣдовательно, такія мечтанія Ѳ. М., не могли осуществиться. Еще прежде нежели онъ успѣлъ окончить курсъ и получить аттестатъ, воспитатель успѣшилъ разрушить эти мечтанія письмомъ, въ которомъ говорилось:

„Душевно радуюсь, что оканчивается ученіе твое, но теперь надо подумать объ опредѣленіи твоёмъ, а не о гулянкѣ. Тебѣ хочется повидать А. въ Тагилѣ, но что изъ этого выйдетъ, я напередъ скажу: то, что ты, на первый даже день, долженъ имѣть свою пищу по случаю бѣдности и нетрезвости его...“ „Думай-ко лучше о службѣ, а не о прогулкѣ своей“ и т. д.

тому что, говоритъ онъ, у меня не было денегъ. Отъ этой работы онъ «нажилъ» рубль двадцать копѣекъ.

Такимъ образомъ, ѣхать въ Екатеринбургъ тотчасъ поступать на службу для О. М. было дѣломъ неизбѣжнымъ и на другой день по окончаніи курса, онъ скрѣпя сердце отправился въ дорогу. „Не могу вспомнить, пишетъ онъ въ своихъ замѣткахъ, въ какомъ положеніи я находился. Ужасная скорбь и скука находили на меня каждый день. Мысль, что я лишился любимаго мнѣ города (Перми) можетъ быть на всегда, ужасно давила мое сердце.“ „Все любимое исчезло изъ моей памяти.... Новый чуждый городъ, новыя лица, вещи, служба, которую я не любилъ съ самаго дѣтства, все это сдѣлало Екатеринбургъ для меня отвратительнымъ“.

Почти тотчасъ по пріѣздѣ въ Екатеринбургъ, онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ уѣздный судъ (28 Іюля 1859 года) и сталъ заниматься въ этомъ судѣ съ жалованьемъ по 3 руб. серебромъ въ мѣсяць.

Мелкая чиновничья среда, въ которой пришлось жить О. М. не менѣ среды монастырской повредила его развитію. Мысль его должна была тратиться на пониманіе мелкихъ чиновничьихъ интересовъ, дразгъ, заботъ,—словомъ всего „подъяческаго“ обихода, въ то время, какъ извѣстно, заплеснѣвълаго, затхлаго. Мысли его стали волновать мелкія чиновничьи интриги, взятки, мелочныя и безпрерывныя огорченія и обиды и т. д. Какъ бы презрительно ни смотрѣлъ онъ на все это, но, какъ чловѣкъ, поставленный въ эту среду необходимостью имѣть насущный кусокъ хлѣба, онъ невольно долженъ былъ проникаться ея интересами, долженъ былъ много терять отъ неразвитости и дикости новыхъ товарищей.

Мы не приводимъ характеристикъ, которыя дѣлалъ онъ своимъ многочисленнымъ сослуживцамъ. Достаточно сказать, что всѣ эти характеристики крайне неслестны для нихъ.

Главнымъ образомъ, (какъ и въ первыхъ впечатлѣніяхъ монастырской жизни) Рѣшетниковъ въ своихъ новыхъ сотоварищахъ былъ возмущенъ отсутствіемъ пониманія лежавшихъ на нихъ обязанностей. Какъ ни скучна была ему чиновничья жизнь, но въ то же время онъ „гордился тѣмъ, что служить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ,“ которымъ онъ можетъ (какъ онъ полагалъ) сдѣлать пользу, тогда какъ изъ канцелярскихъ братій никто объ этомъ и не думалъ.

Но покуда онъ переписывалъ бумаги, трудно было приносить пользу, и волей-неволей приходилось безсильно негодовать

на грязь и плутни окружающей среды. Жилъ онъ въ это время у своего воспитателя, которому отдавалъ получаемые три рубля, помѣщаясь на полатяхъ, куда по временамъ дядя адресовалъ ему: „Я тебя шельма! Что ты тамъ не сидишь?“ Но и сидя смирно, Ѡ. М. могъ сколько угодно думать, читать все, что попадалось, вспоминать прошлое и обсуждать настоящее, словомъ быть до известной степени покойнымъ, т. е. „однимъ.“

Результатомъ этого одинокаго сидѣнья, въ 1860 году явилась поэма въ трехъ частяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ—„Приговоръ“. Поэма эта, написанная совершенно неудобными для чтенія стихами, какъ нельзя лучше изображаетъ беспомощное состояніе дарованія Рѣшетникова, связаннаго по рукамъ и по ногамъ всѣми одуряющими вліяніями цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ его прошлой жизни. Содержаніе этой поэмы таково: Въ уѣздномъ городѣ—описанномъ довольно подробно и хорошо,—живетъ судья; въ домѣ у него живутъ дворникъ и воспитанница, и всѣ эти три лица,—т. е. судья, дворникъ и воспитанница—мрачны, скучны, угрюмы; а судья и дворникъ, кромѣ угрюмости, носятъ еще какую то тайну въ душѣ. Начало поэмы написано очевидно подъ вліяніемъ послѣднихъ, самыхъ свѣжихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ грязной чиновничьей жизнью, и потому герой поэмы, таинственный и молчаливый судья, является сначала простымъ взяточникомъ, у котораго на душѣ есть грѣшки и который очень хорошо знаетъ, что есть, такъ называемые, ревизоры. Но,—думаетъ Ѡ. М.,—поэмъ на тему о взяткахъ и при томъ такихъ таинственныхъ, какую началъ онъ, никто изъ настоящихъ писателей не писывалъ, да и наказатъ взяточника, обиравшаго народъ, просто ревизоромъ, ему, глубоко возмущенному господствовавшимъ въ то время грабежомъ, кажется малымъ,—и вотъ тутъ то на помощь ему являются взгляды, вывезенные изъ монастыря, вслѣдствіе чего выходитъ, что домъ судьи потому такъ мраченъ, что воспитанница, живущая у него и незнающая, кто ея отецъ, есть не воспитанница, а родная дочь, прижитая судьей съ замужней женщиной, которая уже умерла. Этотъ грѣхъ мучаетъ судью со дня рожденія дочери. Дворникъ потому мраченъ и „вздраживаетъ, оставшись одинъ,“ что онъ помогалъ судьѣ спроводить беременную женщину (мать воспитанницы) вмѣсто богомолья, въ деревню, гдѣ она и родила. Все это—мораль монастырская и, судя по окончанію этой поэмы, нельзя не сказать, что мораль

эта сильно изувѣчила простоту и искренность мысли Ө. М. Ко-нецъ поэмы такой: На судью, который запутанъ во взяткахъ и въ проступкахъ противъ вышеупомянутой морали,—авторъ на-сылаетъ во 1-хъ ревизора, во 2-хъ, въ день появленія ревизора, сгораетъ домъ судьи, подожженный дворникомъ. Мучимый со-вѣстью, дворникъ рѣшилъ сжечь мѣсто, гдѣ было столько обма-новъ и потомъ самъ удавился въ лѣсу. Судью разбиваетъ пара-личъ и его отвозятъ въ больницу. Воспитанница выходитъ замужъ за штатнаго смотрителя, котораго она давно любила, и перево-зить судью къ себѣ; послѣдній, умирая, рассказываетъ ей (все съ ужасомъ и необыкновенно длинно), что она его дочь,—и рѣчь его постоянно прерывается появленіемъ бѣсовъ съ вилами, крюками п т. д. За минуту до смерти, является частный приставъ, тащитъ судью въ острогъ—но судья умираетъ. Во время похоронъ его поднимается страшная буря, гробъ срываетъ съ ка-тафалки, судья вываливается... Но и этого все еще кажется ма-ло: на могилѣ его потомъ постоянно видны двѣ черныя кошки...

Самъ авторъ чувствовалъ, что все написанное имъ не совсѣмъ ладно... „Любезный читатель! пишетъ онъ въ предисловіи къ по-эмѣ: Прежде всего прошу у Васъ полного вниманія къ каждо-му предмету, и потомъ терпѣнія, потому что я напередъ знаю нетерпѣніе съ Вашей стороны.... Не смотря на огромный объ-емъ поэмы, вы найдете все ни къ чему не годнымъ.“ При-чину, побудившую его къ написанію поэмы, онъ изображаетъ въ томъ же предисловіи такъ:

„Человѣкъ, любящій честность и правду, свидѣтель многихъ сценъ въ разныхъ бытахъ человѣчества, можетъ сказать что-нибудь о людяхъ, достойныхъ или похвалы, или порицанія. Стыд-но мнѣ показать „Приговоръ“ въ настоящемъ его видѣ, теперь, когда я думаю объ его передѣлкѣ. А много, много должно быть и лишняго, чего я самъ не могу примѣтить, думая, что все свя-зано съ предъидущимъ и послѣдующимъ, поэтому-то я и прошу Васъ, читатель, быть снисходительнымъ къ „Приговору:“ чи-тая, дѣлать замѣтки, подчеркивая тѣ слова, которыя не нужны, грубы, безъ энергіи и не обработаны рифмой, какъ это сдѣлалъ одинъ читатель въ началѣ ея. Я прошу объ этомъ читателя съ истиннымъ уваженіемъ.... Судить умѣетъ всякій безъ различія, и я буду очень радъ послушать мнѣнія всѣхъ моихъ читателей“.

Но на это воззваніе о нравственной помощи отзывовъ послѣ-довало очень мало. Одинъ читатель подчеркнул два слова ка-

рандашомъ, другой написалъ съ боку: „это что-то серьезное“, а третій сдѣлалъ весьма неопредѣленное замѣчаніе на словахъ. „Къ сожалѣнію, пишетъ Ѡ. М., одинъ читатель, прочитавши эту поэму, не сдѣлалъ ни одной замѣтки, а только на словахъ сказалъ: „въ серединѣ много лишку“, а что именно лишнее, того не потрудился указать. Это очень досадно для меня. Я бы радъ былъ сказать ему благодарность, если бы онъ положилъ зачеркнуть всѣ строчки поэмы, что было бы для меня легче, нежели его чтеніе про себя, безъ всякихъ для меня нужныхъ заключеній.“ Въ концѣ поэмы онъ проситъ читателя пожалѣть *) его, если она плоха и если въ ней много паврано.

Такой же характеръ полной запутанности мысли носить и драма въ шести дѣйствіяхъ, написанная стихами (тамъ-же на полатяхъ), подъ названіемъ — „Паничъ“ (фамилія дѣйствующаго лица), съ тою только разницею, что здѣсь монастырскимъ взглядомъ дано гораздо менѣе мѣста, чѣмъ въ „Приговорѣ“. Герой поэмы — злодѣй, разбойникъ и убійца, сосланный за грабежи и разбои на каторгу, возвращается благополучно на родину, съ цѣлію добить остальныхъ своихъ враговъ, и потомъ стольже благополучно уходитъ назадъ.

Въ обоихъ произведеніяхъ читатель, если только онъ одолѣетъ весьма тяжелый стихъ, которымъ написаны эти произведенія, — непременно увидитъ, что у автора ихъ есть и масса матерьяла, и масса любви, и самородная, неудержимая потребность сказать свое слово; но нѣтъ ясности мысли, которая бы освѣтила надлежащимъ образомъ и матерьялъ этотъ, и силы самага автора, по рукамъ и по ногамъ связаннаго взглядами, пріобрѣтенными въ ссылкѣ и интересами канцелярской мелкоты.

И все таки, свободный уголъ на полатяхъ сдѣлалъ ему большую пользу. „Сидя смирно“ въ этомъ углу, Рѣшетниковъ получилъ возможность одуматься, придти въ себя. Хорошо уже и то, что онъ сталъ писать. Кромѣ упомянутыхъ двухъ пьесъ, въ письмахъ и дневникѣ его говорится еще о многихъ произведеніяхъ, которыхъ мы не нашли въ бумагахъ Рѣшетникова и которыя написаны все таки здѣсь же, на полатяхъ: — „Черное озеро“, „Дѣловые люди“ и т. д. Эти произведенія, на сколько можно судить

*) ...Виноватаго меня.

Вы ради Бога по жалуйте!

(Окончаніе поэмы «Приговоръ»).

по дневнику Рѣшетникова, имѣютъ уже чисто обличительный характеръ и относятся, по времени, къ 1860 и началу 61-го года.

Переходъ къ направленію чисто обличительному совершился въ Рѣшетниковѣ подѣ вліяніемъ перемѣны должности. Въ 1860 году его опредѣлили въ томъ же уѣздномъ судѣ помощникомъ столоначальника горнорабочаго стола. Это обстоятельство сдѣлало его болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ прежде и дало возможность, хотя отчасти, примѣнить на дѣлѣ собственные взгляды на службу, на важность обязанностей передъ людьми, участь которыхъ онъ теперь могъ рѣшать самъ. „Мнѣ страшно казалось, рассказываетъ Ѳ. М., рѣшать участь человѣка, и я сталъ читать бумаги и дѣла, заглядывалъ въ разныя мѣста, читалъ разныя копіи, реэстры и все то, что ни попадалось на глаза. Когда я бывалъ дежурнымъ, то рылся вездѣ, гдѣ не заперто, и узналъ здѣсь очень многое“.

Наткнувшись при этихъ поискахъ на множество плутней, — послужившихъ потомъ темою для вышеупомянутыхъ обличительныхъ произведеній, — Рѣшетниковъ въ тоже время пополнилъ свое знакомство съ народомъ, узнавъ изъ этихъ канцелярскихъ бумагъ, копій и т. д. всю подневольность простого человѣка, всю зависимость этого человѣка отъ маленькой высшей власти, подобно тому какъ прежде въ побѣгахъ, при личномъ знакомствѣ, на Камѣ, на заводѣ и даже въ школѣ, гдѣ онъ учился и дружился съ дѣтьми этого же самаго простого народа, — онъ узналъ его бѣдность и трудъ.

Такимъ образомъ, благодаря относительной свободѣ, приобретенной имъ на полатяхъ и въ перемѣнѣ должности, изъ подѣ разнаго хлама, которымъ запутана была мысль и талантъ Рѣшетникова, — начинаетъ по немногу выступать совершенно ясная и сознательная потребность приносить ближнему пользу, помощію другой не менѣ сильной и настоятельной потребности — литературной дѣятельности. Сильное вліяніе относительно укрѣпленія въ Ѳ. М. этой потребности и необходимости дѣлать пользу бѣдному человѣку — имѣлъ одинъ мастеровой Екатеринбургскаго монетнаго двора. Онъ очень любилъ Ѳ. М., знакомилъ его съ бытомъ рабочаго человѣка, совѣтовалъ ему жить честно, не якшаться съ пьянчужками и взяточниками. По мѣрѣ того, какъ въ немъ укрѣплялось сознание, что, помощію своихъ писаній, онъ можетъ сдѣлать кое что полезное, — уѣздный судъ и Екатеринбургъ ему стали надобдаться и явилось желаніе (кото-

рое, впрочемъ, едва ли не было у него съ перваго дня прїѣзда въ этотъ городъ)—перемѣнить службу и жить въ Перми: тамъ можно читать книги, тамъ у него школьные товарищи, тамъ, наконецъ, та самая дѣвушка, которою онъ, два года тому назадъ, „не хотѣлъ соблазняться“, но которую теперь, опомнившись отъ монастырскаго чада,—снова любилъ такъ, какъ любилъ, когда она была еще ребенкомъ. И вотъ онъ задумываетъ перейти въ Пермь.

Къ этому времени относится длинное письмо *Θ. М.* къ своему дяди, на время командированному изъ Екатеринбургa въ Кунгуръ. Въ этомъ письмѣ Рѣшетниковъ высказываетъ своему воспитателю вещи, которыхъ никогда бы, по его словамъ, „не сказалъ въ лицо“.

Вотъ отрывки изъ этого письма: „Простите меня, если я пишу Вамъ огромное письмо..... оно будетъ коротко (въ сравненіи) съ тѣмъ, что я хотѣлъ бы написать, изливъ вамъ все мое чувство, что я чувствую теперь,.... чего желаю, чего не сказалъ бы въ лицо и что я въ своемъ положеніи могу только написать“... „Пишу Вамъ то, чего вы не видѣли во мнѣ, разсуждая обо мнѣ людямъ напротивъ.... Въ васъ я болѣе чѣмъ въ другомъ вижу сторону разсудительности и потому хочу сказать то, что уже могу сказать... Я вижу въ васъ сторону добродушія, а иногда (можетъ быть и всегда) любовь отца“. „Теперь я взрослый юноша и понимаю себя и другихъ, и хоть не обучался въ гордыхъ салонахъ и не знакомъ съ паркетами, однако могу по крайней мѣрѣ писать не хуже другихъ. А за это я долженъ отдать Вамъ любезный тятенька справедливую благодарность и благодарить со слезами“. „Вы знаете мою жизнь, какъ и я нынѣ ее узналъ, и знаете, какое широкое поле горестей было въ ней, сколько бѣдствій извлекалось изъ одного источника этого зла и зло это — я. Но вы исцѣлили все это; теперь остается свѣтлый путь впереди. Благодарю васъ, благодарю“.... „Но посмотримъ внимательно на оставшееся сѣмя этой горести и путь впереди“.

„Я освободился отъ несчастій посредствомъ васъ; направилъ себя дорогу къ жизни вами, поступилъ въ общество людей себя равныхъ по образованію, служу съ ними... и заслуживаю любовь... Это виѣшняя сторона. А внутренняя? Совсѣмъ не то! Во мнѣ нѣтъ тѣхъ наклонностей, какія (были) до 19 лѣтняго возраста, когда я былъ обуздываемъ другими и не обуздывалъ

себя; (теперь) у меня обязанности, неся которыя на себѣ, я долженъ оберегать собственность другихъ,..... это обязанность служебная“.

„Но проступки наши наносятъ намъ порчу и гнетутъ всю нашу жизнь. Такъ и со мной. Освободившись отъ бѣдствій, находясь уже на службѣ, и чего бы кажется? всѣмъ доволенъ; но когда вспомню прошедшее..... то внутренно негодую на себя, за прежніе годы, болѣе за то, что они лишили меня во 1-хъ вашей любви и во 2-хъ пути къ просвѣщенію, — знать больше и все. Въ этомъ единственно виновенъ я и еслибы зналъ, что я долженъ быть чиновникомъ черезъ 6-ть лѣтъ.... то навѣрное на 13-ти лѣтнемъ возрастѣ не сдѣлалъ бы того, чѣмъ теперь я душевно страдаю. Это другая сторона моей жизни. Я ею скученъ при своемъ взглядѣ на вещи. Въ служебномъ отношеніи, я чувствую еще болѣе горечи. Во 1-хъ мнѣ скучно. Не знаю отчего скучать молодому человѣку, огражденному всѣми средствами довольства... Многіе смѣются надъ тѣмъ, что разстаться съ милымъ городомъ не бѣда, что въ немъ давно скучно, что лучше искать новыхъ приключеній,.... что это глупо. Все это, господа, я знаю, но кто можетъ понять глубину (моего) разстройства?... Во 2-хъ, я даже потерялъ всякую надежду на перемѣщеніе меня изъ Екатеринбурга въ Пермь. Губернаторъ не былъ, да если и будетъ, то къ нему не доступишься... Впрочемъ я къ доступамъ смѣлъ, но онъ едва ли будетъ въ нашъ городъ“.„Потомъ служа въ судѣ, я кромѣ столоначальничества никакой не вижу впереди карьеры... Я вполне понималъ службу Уѣзднаго суда и она давно мнѣ наскучила..... Мнѣ желательно знать больше въ другихъ мѣстахъ, служить въ виду губернскаго начальства.... Въ нисшей инстанціи не научишься доброму, кромѣ взятокъ, которыя мараютъ нашу честь и совѣсть. И такъ, вотъ въ какомъ положеніи я нахожусь.... Не знаю, какъ мнѣ вырваться изъ этого хаоса!“

„Далѣе, домашняя жизнь моя не очень красна. Я не виню ни васъ, ни маменьки, зная что всему виной я, но я давно исправился и кажется можно (меня) полюбить. Не думайте, что я молчаливъ, то значить гордъ“. „Веселость моя исчезла вмѣстѣ съ горемъ, постигшимъ очень рано“. „Я уважаю и люблю вполне обоихъ васъ, и не рассчитывайте на мое молчаніе, звуки голоса *)

*) Т. е.—не обижайтесь моимъ молчаніемъ, суровымъ звукомъ голоса,

и не печальтесь этимъ: вѣрьте, я съ вами не разстанусь, пока (живу) въ Екатеринбургѣ и если по вашему ходатайству я буду въ Перми служить, то повѣрьте, я никогда не забуду васъ. Это моя вѣрная и искренняя любовь, которой вы можете несомнѣнно вѣрить и я ее сохранию до гроба“.

Письмо это переполнено самыми нѣжными изліяніями и признаніями въ любви, обращенными къ дядѣ и теткѣ въ стихахъ и прозѣ. Несмотря на общій грустный тонъ письма, въ концѣ его у Рѣшетникова вдругъ вырывается наружу цѣлый потокъ самыхъ живыхъ, веселыхъ желаній. Какъ будто забывъ суровость своего дяди, который вообще не любилъ этихъ длинныхъ разглагольствованій, онъ начинаетъ его спрашивать, — какъ живетъ такой-то дѣдушка, какъ живетъ его семейство, подросли-ли и хороши ли собой какія-то дѣвушки, которыя живутъ въ Кунгурѣ и которыхъ онъ въ дѣтствѣ зналъ маленькими... „Теперь, пишетъ онъ, я думаю, онъ уже большія или замужемъ, особенно та, которая въ нашихъ дѣтскихъ играхъ была меня, конечно въ шутку, по лицу. Напишите имена всѣхъ ихъ... Что эти дѣвушки умны или глупы? Я думаю, вы взглядомъ можете отличить... доброту и невинность, которая плѣняетъ, ласкаетъ собою человѣка... Ту прелестную улыбку, которая придаетъ красу хорошо сложенной головѣ, талии, и. т. д.“ Такихъ задушевныхъ, сердечныхъ писемъ, въ которыхъ, помимо уясненія собственной личности, Рѣшетниковъ хлопоталъ о томъ, чтобы склонить дядю на согласіе отпустить его въ Пермь, такихъ писемъ, судя по количеству отвѣтовъ на нихъ, должно быть было писано не мало. Но успѣхъ этихъ „распространенныхъ“ посланій, судя по вышеупомянутымъ отвѣтамъ былъ не великъ, ибо отвѣты эти примѣрно такого рода:

„Неужели я то думалъ, давая тебѣ по своей силѣ и возможности ученіе и образованіе, — получать отъ тебя благодарность только излитую перомъ на бумагѣ, а не въ лицѣ моемъ и твоей тетки, которая нянчилась съ тобою, оставляя всѣ прочія попеченія, и оба хотѣли нажить себѣ подъ старость утѣшеніе и замѣну въ покойной жизни? А видимъ, что склонность твоя, явственно какъ въ письмахъ, такъ и лично намъ говоритъ, — есть отъ насъ удалиться. Впрочемъ и я принималъ старанія о приисканіи тебѣ должности въ Перми, но всему дѣлается препятствіе; видно такъ угодно Всевышнему. Прими себѣ въ соображеніе, что неужели бы ты получилъ себѣ воспитаніе, если-бы

были живы твои родители? Право это никакъ бы не могло случиться. Вотъ примѣръ: посмотри въ Тагилѣ на сына твоего дяди Алексѣя, коего онъ такъ хорошо воспиталъ, что и писать вовсе не умѣетъ и ко мнѣ-же преклонилъ голову, чтобы не сдѣлать его прописнымъ.... теперь онъ въ потѣ лица трудится, тяжелою черною работою снискиваетъ себѣ кусокъ хлѣба и въ добавокъ еще оплачиваетъ за себя подати и разныя повинности. А ты у меня отъ этого ига и бремя изъять, да еще жалуешься на провидѣніе всевышняго и судьбу и на то самое, что тебѣ далъ я образованіе въ нисшемъ учебномъ заведеніи. Я не ладилъ и даже не желалъ сдѣлать изъ тебя поэта или какого нибудь дурака, а всегда старался сдѣлать изъ тебя умнаго и образованнаго человѣка. Сознайся, неправду ли я теперь тебѣ пишу, дрожащею своею рукою, которая можетъ быть столько на свѣтѣ перевела чернилъ и бумаги, что я сообразить теперь себѣ не могу! А для кого именно? Вѣдь въ томъ числѣ есть и на твое воспитаніе и ученье. Тоже и это все уносило мое здоровье и сокращало жизнь мою, но я на то не рошшу, а прославляю Бога, что онъ во всемъ этомъ мнѣ помогъ!“ Такия письма, искренность которыхъ Ѳ. М. никакъ не могъ заподозрить, потому что хорошо зналъ, что дядя говоритъ сухую правду, что онъ дѣйствительно обманулся въ своемъ воспитаникѣ и искренно огорченъ этимъ—производили на Рѣшетникова впечатлѣніе весьма тягостное. Но не смотря на это, онъ никакъ не могъ разстаться съ своими мечтами и желаніями; они были точно также искренни, какъ и огорченія дяди. Долгое время каждый изъ нихъ отстаивалъ себя и свои взгляды, но наконецъ дядя понемногу началъ сдаваться и уступать. Видя, что племянникъ продолжаетъ еще прилежниѣ сидѣть надъ своими сочиненіями, онъ сталъ задумываться надъ этимъ несокрушимымъ ностоянствомъ, какъ будто начиналъ вѣрить, что это племянникъ дѣлаетъ не с проста. Онъ уже не говорилъ ему — „какую черную немочь пишешь? какъ говаривалъ это годъ тому назадъ, а кротко замѣчалъ: „Смотри парень, какъ-бы тебѣ не было худо.“ Мало по малу дядя до того озаботился этими непрестанными писаніями своего племянника, что рѣшился пригласить и угостить какого-то мѣстнаго литератора, лишь бы тотъ принялъ участіе въ угрюмомъ и мучающемся юношѣ, посоветовалъ бы ему, какъ сочинять. Сочинитель не посоветовалъ ничего хорошаго, напротивъ, черезъ нѣсколько времени дядя

узналъ, что сочинитель, не смотря на угощеніе, задумалъ всѣхъ ихъ т. е. и дядю, и его жену, и самаго *Θ. М.*, описать въ газетахъ. Это сильно разозлило дядю, онъ вновь вознегодовалъ на сочинительство племянника и однажды сгоряча „засвѣтилъ ему оплеуху“...

VII.

Почти цѣлый годъ тянулась эта борьба племянника съ дядей; наконецъ, въ первой половинѣ 1861 года, *Θедору Михайловичу* удалось взять изъ уѣзднаго суда отпускъ и уѣхать въ любимую имъ Пермь, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на обѣтованную землю. Онъ надѣялся отыскать здѣсь хорошее мѣсто, съ жалованьемъ, которое дастъ ему возможность не нуждаться, съ занятіями, отъ которыхъ будетъ оставаться свободное время; это свободное время онъ надѣялся посвятить ученью и сочинительству; кромѣ того въ Перми онъ рассчитывалъ найдти строгихъ и понимающихъ литературное дѣло судей, которые бы дали ему благой совѣтъ, вывели его „изъ хаоса“, въ которомъ блуждали его беспомощная мысль и неопредѣлившаяся сила.

Но Пермь, на первыхъ же порахъ, плохо отвѣтила этимъ надеждамъ.

По пріѣздѣ въ Пермь, онъ поселился на квартирѣ у какого-то родственника, отставнаго чиновника и сталъ хлопотать прежде всего о мѣстѣ.

До какой степени эти хлопоты, этотъ первый шагъ къ осуществленію завѣтныхъ мечтаній, были трудны и утомительны, можно судить изъ того, что черезъ два мѣсяца по пріѣздѣ въ Пермь, *Θ. М.* пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Милый мнѣ въ Екатеринбургѣ губернской городъ сталъ теперь постылымъ.“ Мелкій канцелярскій служитель, застѣнчивый, молчаливый, и притомъ безъ всякой протекціи, онъ, въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, съ ранняго утра терся безъ всякаго толку въ переднихъ начальниковъ разныхъ канцелярій, испытывая на каждомъ шагу униженіе отъ той же самой канцелярской мелкоты, которая позволяла себѣ смотрѣть на него свысока, потому что была мелкота „губернская.“ Обширный дневникъ *Θ. М.* на громадномъ количествѣ страницъ переполненъ описаніями этихъ мучительныхъ скитальчествъ по переднимъ, — въ родѣ слѣдующаго:

„Цѣлый часъ я дожидался пока отворять двери (въ квартирѣ председателя Палаты Государственныхъ Имуществъ) и цѣлый часъ ходилъ отъ однихъ дверей къ другимъ, прося лакея отворить двери къ его Высокородію, но лакей говорилъ: „подождите!“ Вездѣ эта дьявольская фамильярность лакеевъ, чуть если видятъ—человѣкъ не чиновный, то и думаютъ: чортъ тебя бей! Не великая ты штука, подождешь, а мнѣ все таки любо смотрѣть, какъ я тебя тѣшу, какъ ты поклоняешься мнѣ... А ты стоишь да думаешь: ишь ты какъ заважничался... Собака этой! Но что не говори самъ съ собой, а все таки ждешь, да ждешь и наконецъ думаешь: „пожалуй придется воротиться назадъ домой!“ Однако досадно... Лакей не пускаетъ, а баринъ забился въ кабинетъ, брѣтается поди еще, или пьетъ чай, какъ нашъ губернаторъ—цѣлый часъ одинъ стаканъ... Вотъ мука!“

Или вотъ другой отрывокъ:

„20 мая 1861 года. Съ разсвѣтомъ мнѣ представилось двадцатое число. Сегодняшній день былъ послѣднимъ днемъ моего отпуска. Я ужаснулся тому, что я еще въ Перми и никуда не опредѣлился. А между тѣмъ сколько было трудовъ и хлопотъ объ этомъ переводѣ. Въ Екатеринбургѣ я надѣялся на отпускъ, какъ на отдохновеніе... Но здѣсь пришлось не до отдыха.... постоянныя заботы, ходьба къ знаменитымъ лицамъ (надежда моихъ мыслей)—отказы этихъ лицъ со всѣми неприятностями къ моей личности, и наконецъ бѣдственная извѣстность объ моей прежней подсудности, спавшей четыре года и проснувшейся вдругъ, при моей просьбѣ о переводѣ, подсудность теперь вполне извѣстная въ Екатеринбургѣ, все это ужасно сравнительно со всѣми неприятностями службы въ судѣ (Уздномъ), гдѣ если и слышали о моей подсудности, но не вѣрили. Это воспоминаіе надолго будетъ въ моей головѣ и надолго я долженъ стыдиться, какъ товарищей моихъ по училищу, служащихъ въ Губернскомъ Правленіи, такъ и товарищей по службѣ въ Уздномъ Судѣ“.

„Но срокъ кончился и мнѣ надо ѣхать обратно, или подавать просьбу въ Казенную Палату. Что если судъ (Екатеринбургскій) за просрочку поступить со мной по закону изъ недоброжелательности ко мнѣ?“

Недоброжелательность суда, о которой упоминаетъ Рѣшетниковъ въ приведенномъ отрывкѣ, возбудилась послѣ его отъѣзда въ Пермь по слѣдующему обстоятельству: мы уже упоминали

объ одномъ его произведеніи, подъ названіемъ „Черное озеро“; это произведеніе было послано Ѳ. М. въ Пермь, въ редакцію Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей; но тамъ его не помѣстили, и въ отсутствіе Рѣшетникова изъ Екатеринбургa, — произведеніе это пришло назадъ, въ тотъ-же самый уѣздный судъ, который, быть можетъ, узналъ себя въ этомъ произведеніи и вознегодовалъ, — потому что вслѣдъ за этимъ въ Перми узнали о подсудности Ѳ. М. Это извѣстіе свалилось совершенно неожиданно. Онъ ходилъ въ это время въ канцелярію Уголовной Палаты и занимался уже тамъ, хотя и безъ жалованья, какъ вдругъ, однажды одинъ изъ его „враговъ“ (которые совершенно непонятнымъ образомъ окружали въ одно мгновеніе всякаго новичка, едва показавшаго носъ въ мелкую чиновничью среду) — явился въ эту канцелярію и торжественно объявилъ всѣмъ сослуживцамъ тайну Ѳ. М. Въ описаніяхъ своихъ встрѣчъ съ людьми Рѣшетниковъ никогда не дѣлалъ рѣзкихъ, необдуманныхъ приговоровъ; никогда не поддавался личному ощущенію, особливо негодованію, безпристрастно изображая вмѣстѣ съ дурными и хорошія черты встрѣтившагося ему лица; но послѣднее происшествіе, должно быть, такъ сильно потрясло его, что онъ не выдержалъ своего хладнокровія...

„Одинъ разъ, пишетъ онъ въ дневникѣ, прибѣжалъ къ намъ въ правленіе Г-нъ, эта шельма въ бѣлыхъ брюкахъ и жилетѣ, какъ дьяволъ... Секретаря не было. Забѣжалъ въ присутствіе съ докладной (Рѣшетникова) запиской и кричитъ: „Вотъ какіе люди къ намъ просятся. Смѣютъ они проситься! Гдѣ секретарь? Пусть онъ выведетъ на справку его подсудность“... „И вывели подсудность безъ всякихъ постановленій!“

Къ этому огорченію, имѣвшему для Ѳ. М. весьма не привлекательный результатъ, а именно — необходимость оставить службу въ уголовной палатѣ, — присоединялись и огорченія отъ воспитателя его, который въ письмахъ своихъ изъ Екатеринбургa, продолжалъ доказывать, что мысль племянника служить въ губернскомъ городѣ и сочинять — мысль глупая и кромѣ вреда ничего послѣднему не принесетъ. На его жалобы относительно трудности достать мѣсто и на разныя оскорбленія, которыя приходится терпѣть во время этихъ исканій, онъ пишетъ:

„Ты-бы долженъ принимать за благо уже и то, какъ съ тобою обошлись предсѣдатели“.... (такихъ-то и такихъ палатъ).

„Знай что казенныя должности нынѣ ужасно дороги, и я не совѣтую тебѣ волонтерствовать изъ одного мѣста въ другое... Вѣдь волонтерство и ораторство нынѣ право мало въ ходу; найдется нѣсколько тысячъ народа въ сто разъ ученѣе и умнѣе насъ, (которые) тебѣ все таки прямо скажутъ: Мальчишка и даже болтунъ, помолчи“....

И вслѣдъ за тѣмъ, не болѣе какъ черезъ два дня:

„Что же дѣлать (что дѣла О. М. идутъ плохо), потерпи и перенеси съ мое... Я вполне увѣренъ... что тебя на половину вѣка моего не достанетъ, потому что поэзія твоя для жизни служить вредомъ“... „Я даю тебѣ совѣтъ,—съ начальниками и старшими себѣ будь уважительнѣе и почитай ихъ, а съ товарищами будь развязнѣе. Если также будешь обходиться въ Перми, какъ жилъ въ Екатеринбургѣ, то и тамъ тебя не будутъ любить и уважать и черезъ это ты будешь несчастливъ, прощай и много писемъ отъ меня не ожидай. Я принялъ тебя сорока недѣль, какія средства мнѣ позволяли по возможности,—все тебѣ доставилъ. Не ходилъ къ роднымъ помощи просить для твоего пропитанія. Прощай“.

Въ дневникѣ О. М. соотвѣтственно числу этого письма, помѣщено слѣдующее:

....„Поэзія моя будто-бы только вредить... Не знаю! Но если я пишу, то чувствую отраду... Я тогда спокоенъ и веселъ... Я пишу, не надѣясь на барыши... Когда я умру, то пусть меня читаютъ, судятъ, ругаютъ..... Если я пишу плохо, мысль моя необработаная, вездѣ сухо и горько, то пусть всякій пойметъ меня и мою жизнь, которую я испыталъ во всѣхъ видахъ.... Что же дѣлать, если я необразованъ, неотесанъ, грубъ, невѣжа, грубіанъ, забіяка! Но что же дѣлать, если неправда у насъ ввелась уже въ форму, люди сдѣлались гордыми, своеправными.... Остается только плакать, молиться о нихъ (о людяхъ) не будетъ ни какой пользы“.

Въ этомъ отрывкѣ О. М., несмотря на множество разнаго рода непріятностей, все еще стоитъ за свое дѣло, за свое писанье; но исторія съ „Чернымъ Озеромъ“ и послѣдовавшее за нимъ открытіе подсудности до того потрясли его, что онъ какъ-бы потерялъ и послѣднюю надежду на себя и свои литературныя труды.

Воспитатель написалъ ему громовое письмо.

Вотъ отрывки изъ него:

„Я видѣлся съ А. С. (сослуживецъ Θ . М. по Екатеринбургскому уѣздному суду), который мнѣ объявилъ, что на докладную твою записку получено въ полиціи (увѣдомленіе) что, по случаю подсудности твоей, ты не можешь быть перемѣщенъ“..... „въ добавокъ А. С. сказалъ мнѣ, что ты составилъ сочиненіе о Грязномъ или Черномъ Озерѣ, гдѣ ты описалъ много поступковъ Губернскихъ начальниковъ, за что тебя эдакаго поэта даже вызывали черезъ припечатаніе въ газетахъ“ *). „Изъ этого видно, къ чему ведетъ наша поэзія, какъ не къ гибели человѣческой. Напрасно строишь ты воздушные замки, которыхъ намъ состарѣться а не видать; а этими неприятностями сокращались дни моей жизни. Неужели я съ тою цѣлю училъ тебя, воспиталъ и опредѣлилъ на службу. Чтобы изъ потомковъ моихъ, кто-либо сдѣлался клеветникомъ на начальниковъ? Поэтому еще нахожу средство послѣднее: окопировать тебя и не желать себѣ болѣе поэтовъ изъ племянниковъ“.

Это письмо, вмѣстѣ съ катастрофой въ Уголовной палатѣ (когда г. Г-нъ объявилъ о подсудности), письмо полученное Θ . М. дня черезъ два послѣ происшествія, когда онъ еще не успѣлъ опомниться и придти въ себя,—совершенно обезсилили его.

Выписавъ подчеркнутыя слова, онъ пишетъ въ дневникъ: „По истинѣ это правда.... и подобныя сочиненія могутъ хоть какого отца огорчить и опечалить! Дуракъ С-въ! Пусть это имя клеймится его“! „Это письмо такъ поразило меня, что я весь день былъ въ какомъ-то горѣ и печали... Даже у обѣдни, гдѣ служилъ архіерей, мысли мои блуждали по сторонамъ Чернаго Озера, готовили письмо оправданія дядѣ, рисовали образы бѣдныхъ любимыхъ моихъ тятеньки и маменьки (О какъ я ихъ люблю! Скучно безъ нихъ), въ этой катастрофѣ я часто забывалъ о службѣ.. и только громкое и хорошее пѣніе здѣшнихъ пѣвчихъ выводило меня изъ этого хаоса моихъ мыслей“....

Не смотря на огорченія, возвратиться въ Екатеринбургъ, о чемъ не разъ приходило Θ . М. въ голову, было невозможно: одна мысль—возможности опять очутиться на полатахъ, ужа-

*) Все это выдуманно, по всей вѣроятности, сослуживцемъ Θ . М. Описаны были уѣздные начальники, а не губернскіе; А. С. присочинилъ это ради того, чтобы черезъ дядю, который зналъ хорошо чиновничью іерархію, посильнѣе отмстить Θ . М-чу.

сала его и волей неволей онъ опять отправлялся искать мѣста и вездѣ вслѣдъ за нимъ шла его подсудность. Изъ Уголовной палаты она перешла по слѣдамъ его въ Казенную, куда онъ уже подалъ прошеніе объ опредѣленіи, занимался тамъ въ канцеляріи и ждалъ этого опредѣленія со дня на день“...

Долго, утомительно долго тянутся эти хлопоты, эти непрерывные отказы, это убійственное равнодушіе, пустыя но мучительныя придирки. Мы не выписываемъ подробностей изъ дневника *Θ. М.*; онъ необыкновенно однообразны и занимаютъ слишкомъ много мѣста. Читатель быть можетъ самъ знаетъ, что значило и значить „хлопотать“ о себѣ бѣдному, неловкому, неюркому человѣку, которому на каждомъ шагу пересѣкаеть дорогу масса такихъ же бѣдныхъ людей съ одной стороны и олимпійское величіе маленькаго высшаго начальства съ другой.

Наконецъ, послѣ столькихъ мученій и трудовъ, Рѣшетниковъ пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„10 Іюня 1861 г.

Слава Богу, я опредѣлился. 9 числа объ опредѣленіи моемъ записали въ книгу, касающуюся до службы канцелярскихъ служителей Казенной палаты и вчера просмотрѣлъ прокуроръ. Наконецъ мои многолѣтнія желанія исполнились и я, съ помощію Божіею, опредѣленъ въ казенную Палату по канцеляріи.... . Одинъ только Богъ былъ моимъ ходатаемъ. Ходатаемъ потому, что заступничествомъ его я, не смотря на всѣ несчастія со мной, сколько враги мои ни старались не дать мнѣ ходу по службѣ и самый доступъ къ лицамъ палаты,—руководилъ теперешнимъ моимъ переводомъ, вразумляя ихъ о моемъ принятіи. Эту руку милосердія его я признаю.... благодарю его своей ничтожною вѣрою въ него, и вѣрую съ надеждою на будущее его покровительство, что все это онъ дѣлаетъ къ лучшему. Я восторгаюсь его благодѣяніями и плачу отъ восторга, отъ тѣсноты чувствъ, вспоминая его ко мнѣ милости“.

Изъ этого отрывка видно, до чего измучился, бѣдный, и изстрадался Рѣшетниковъ и съ какимъ восторгомъ привѣтствуетъ онъ пристанище, добытое такими трудами. Въ довершеніе его восторга,—даже воспитатель его, въ отвѣтъ на увѣщаніе объ опредѣленіи, написалъ ласковое и радостное письмо, въ которомъ между прочимъ говорится: „Наконецъ поздравляю тебя съ переменною службою; какъ ты желалъ, чтобы тебѣ быть и слу-

жить въ Перми, — то и исполнилось. Но пожалуйста поэзію свою оставь; она не совѣмъ у мѣста; и если надо за нее заняться, то совершенно основательно и съ разборомъ каждое слово надобно одумавши вставить, такъ чтобы остатковъ отъ него не было. Совѣтую тебѣ заботиться о службѣ и уважать старшихъ себѣ, на развратныхъ людей не гляди, горячихъ напитковъ убѣгай и будь ко всѣмъ вѣжливъ и обходителенъ, тогда и тебя будутъ все любить и уважать. Одежу береги; на помощь мою не надѣйся, ты знаешь что я тебя обучилъ“ и т. д.

Какую же собственно благодать привѣтствовали и *Θ. М.*, и его родственники (есть письма другихъ родственниковъ), и чего же добился *Θ. М.* послѣ столькихъ трудовъ и безпокойствъ?

Очень и очень немногаго. „Меня посадили, пишетъ Рѣшетниковъ, въ регистратуру. Вся моя работа не умственная, а машинная, состоятъ въ записываніи входящихъ бумагъ, надпискахъ на конвертахъ, отправляемыхъ изъ палаты и печатаніи ихъ. Эта работа обременительна одному и при полученіи пяти или шести рублей жалованья, кажется вдвойнѣ обременительной. Для ума же никакой нѣтъ пищи“.

Въ концѣ того же Іюня мѣсяца, того же 1861 года, онъ пишетъ: „За Іюнь мѣсяць я получилъ 5 рублей серебромъ. Это неутѣшительно. Худо то, что работа машинная и не требуетъ никакого ума.“ Наконецъ въ одной изъ послѣдующихъ страницъ своего дневника онъ опредѣляетъ свое положеніе однимъ, но весьма вѣскимъ словомъ — „мука.“ „Думалъ было ѣхать въ Екатеринбургъ, чтобы наглядѣться на него, порыбачить.... Но меня не пустили въ канцелярію...“ Всѣ эти несчастные пять рублей онъ отдавалъ своему родственнику за столъ и квартиру, оставляя себѣ нѣсколько копѣекъ на табакъ, который онъ курилъ постоянно. На книги, которыхъ онъ такъ жаждалъ, у него не оставалось ни копѣйки, хотя въ той же самой Казенной палатѣ существовала бібліотека, гдѣ книги отпускались для чтенія съ платою 1 р. с. въ годъ. Этотъ необходимый рубль *Θ. М.* приобрѣлъ, послуживъ еще мѣсяць, за который ему заплатили шесть рублей. Жизнь его тянулась вяло, скучно.

„Въ Палатѣ мы сидимъ до 4-го часу и выходимъ только тогда, когда выходитъ предсѣдатель. Придешь домой, разумѣется послѣ шести-часоваго сидѣнья устанешь и какъ отобѣдаешь, невольно клонить тебя ко сну... Ляжешь и пробудишься часу въ

6-мѣ. Тутъ чай и опять тягость... Сядешь у окна и думаешь, — что-бы дѣлать? Писать. И лишь станешь обдумывать, — явится дѣдушка (такъ Ѳ. М. называлъ своего хозяина родственника), начнетъ разсказъ, или супруга его заведетъ съ нимъ какую нибудь сцену, невольно принужденъ будешь слушать и прослушать до 10-го часу, а тамъ темвота. Надо замѣтить, что если дѣдушка начнетъ разсказывать, то вступленіямъ нѣтъ конца... Скучно слушать иной его разсказъ, но должно слушать не огорчая старика... Старикъ этотъ великодушень и такихъ милыхъ характеровъ рѣдко гдѣ можно найдти. Со мною онъ добръ до безконечности, что видно изъ его ко мнѣ расположенія и ласкъ. Не знаю, что онъ чувствуетъ внутренно — я (съ своей стороны) всегда могу сказать ему: О, добрый дѣдушка, лучше тебя я еще не находилъ людей!“ „Только одно мнѣ непріятно, что онъ смѣется надъ моими сочиненіями и совѣтуетъ ихъ бросить со всѣмъ. По его понятіямъ я непременно долженъ сойти съ ума... Я ложусь спать въ 12 часовъ, а до этого времени хожу въ нашемъ садикѣ... Несмотря на тѣсноту (садика), я вечеромъ хожу изъ угла въ уголь по маленькой тропинкѣ, сдѣланной мною, или сижу... на желѣзномъ ведрѣ... Любя уединеніе, я доволенъ и этою скучною простою природою... Въ уединеніи душа настраивается, сердце бьется сильнѣе... самому кажется легче и свободнѣе, и въ этой тишинѣ, прерываемой разговорами сосѣдей или бранью, — умъ работаетъ и углубляется въ безпредѣльное высшее; и во всемъ этомъ не чувствуешь утомленія; когда же очнешься отъ этихъ фантазій, то чувствуешь силу сверхъестественную, силу... поэзіи, и тутъ непременно подумаешь, зачѣмъ не имѣешь тѣхъ средствъ, которыми бы можно было жить ведя концы съ концами; теперь же получая жалованья шесть рублей, едва находишь въ ящикѣ какія нибудь нѣсколько копѣекъ.... А что подумать о платьѣ, о будущемъ?.. Дрянъ ты какъ есть и живешь не лучше нищаго!... Невольно приходитъ мысль, зачѣмъ я способенъ... и зачѣмъ въ голову идутъ идеи и не даютъ покою... Все таки у меня надежда на Бога. Пусть онъ дѣлаетъ какъ знаетъ и какъ его святой волѣ нужно...“ „Утромъ въ 5 часовъ я опять хожу по палисаднику, хотя есть одна непріятность — это роса, отъ которой мочатся сапоги и халать, но за то я хожу собственно уже для своего здоровья... Такъ и идетъ время...“ „Если не слушаю разсказовъ дѣдушки, когда онъ молчаливъ и грустенъ, то читаю книги, книжонки и „Московскія вѣдомости“,

полученныя недѣли три тому назадъ... Отъ скуки радъ занять-ся чѣмъ нибудь“.

Это однообразное времяпрепровожденіе изрѣдка разнообразилось прогулками далеко за городъ за грибами, или на любимую *Θ. М.* „Мотовилиху“, въ которой онъ узналъ всю подноготную жизни заводскаго рабочаго; прогулки эти сопровождались разными встрѣчами и разсказами, которые *Θ. М.* описываетъ съ обычною ему обстоятельностью и которые еще болѣе обогащали его знаніемъ жизни. Посѣщалъ онъ также своихъ знакомыхъ, старыхъ товарищей по училищу, сдѣлавшихся чиновниками и новыхъ сослуживцевъ, — и тоже подробно описывалъ эти посѣщенія и встрѣчи. Каждаго встрѣчавшагося ему человѣка онъ изображалъ въ своемъ дневникѣ съ полнымъ безпристрастіемъ, съ полною любовью только къ правдѣ, инстинктивно боясь упустить какую нибудь крошечную черточку. Но эта черта его ума, неизгладимо врѣзанная въ него обстоятельствами жизни, въ періодъ самаго ранняго дѣтства, черта, которая была у него еще тогда, когда ему было десять или двѣнадцать лѣтъ отъ роду — оставалась и до настоящаго времени въ томъ же самомъ видѣ, какъ и тогда, въ дѣтствѣ. И тогда, прощая своихъ враговъ, онъ умѣлъ уже относиться къ людямъ такъ, какъ относился теперь. Десять лѣтъ, которые прожилъ съ тѣхъ поръ *Θ. М.* въ монастырѣ, въ Перми и въ Екатеринбургѣ, — не только не прибавили къ ней ничего, не только не оплодотворили ее знаніемъ, — но напротивъ, какъ уже видѣли мы, постоянно искажали ее, заваливая разнымъ хламомъ, изъ подъ котораго ей стоило великихъ трудовъ выбраться опять на Божій свѣтъ.

Какъ видимъ теперь, — не много помогла и Пермь.

Матерьяльнаго благосостоянія, при которомъ бы онъ могъ сводить „концы съ концами“, онъ не имѣлъ и въ этомъ отношеніи ему было даже хуже здѣсь, въ Перми, чѣмъ на полатяхъ въ Екатеринбургѣ. Служба, — отъ которой онъ всегда хотѣлъ научиться чему нибудь, — была самая мертвая, не дававшая никакой пищи уму, и наконецъ „знать все“, или хоть что нибудь, — что собственно и нужно было ему, — на рубль серебромъ въ годъ было едва-ли возможно. Мечтанія о „безпредѣльномъ высшемъ“, которыя могли быть опредѣлены и уяснены однимъ только знаніемъ, продолжали по прежнему бесплодно волновать его мысль, мѣшая простому и сердечному взгляду на жизнь и на людей,

который, какъ мы уже сказали выше, былъ у него и десяти лѣтъ отъ роду, былъ и теперь. Ничто, съ десяти лѣтъ, въ сущности не подвинулось въ его развитіи; ничто существеннымъ образомъ не успѣло испортиться даже изъ того, что забило и затормозило его развитіе. Такъ напр. поэму свою „Приговоръ,“ содержаніе которой мы, по возможности, передали въ одной изъ предыдущихъ главъ, онъ и теперь, будучи въ Перми, считаетъ чѣмъ-то, о чемъ можно долго думать, совѣтоваться; это показываетъ, что въ эту пору онъ не отдѣлался еще окончательно отъ странной морали, вложенной въ нее.

Несчастливилось ему также и на счетъ руководителей, которыхъ онъ искалъ съ терпѣніемъ и настойчивостію, ничуть не меньшими тѣхъ, какія обнаружилъ онъ въ необходимости найти мѣсто и кусокъ хлѣба.

Необходимость узнать самого себя была также ничуть не меньшая. „Напишу И. К. П., пишетъ онъ въ дневникѣ, объясню ему свое положеніе (относительно жажды литературной дѣятельности) и попрошу его прочесть мое сочиненіе и сдѣлать на него строгую критику, а болѣе всего — сказать: могу ли я сочинять прозой или стихами?“ П-въ, бывший учитель Ѳ. М. въ уѣздномъ училищѣ и теперь служащій въ одной съ нимъ Казенной палатѣ, охотно согласился прочесть произведеніе своего питомца, причѣмъ написалъ на его письмо о своемъ положеніи, слѣдующую записку:

„Извините, что я нѣсколько замедлил отвѣтомъ на ваше письмо. Благодарю Васъ за старую обо мнѣ память и за то довѣріе, съ которымъ Вы высказываете передо мной свои глубокія думы. Я съ удовольствіемъ готовъ прочесть ваши сочиненія, но считаю въ этомъ случаѣ нужнымъ предупредить васъ, что мой судъ, какъ судъ очень обыкновеннаго человѣка, не долженъ быть для Васъ путеводною звѣздою. Относительно внѣшней отдѣлки я еще могу быть полезенъ Вамъ, что же касается до внутренняго построенія, то здѣсь всякое стороннее влияніе требуетъ передѣлки, а это излишній расходъ на труды, часто приходящіеся не по сердцу автору. Н. П.“

„... Слава Богу! восклицаетъ Ѳ. М.—я получилъ отъ П. письмо; теперь остается только отдать ему сочиненіе“.

Сочиненіе это было—„Дѣловые люди“, о которомъ къ несчастью мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что это произведеніе бы-

ло обличительное *). Въ тоже время другое свое произведеніе, „Приговоръ“, онъ отдалъ на судъ сослуживцу М. „который, пишетъ Рѣшетниковъ, очень друженъ со мной, замѣтно любить меня, зоветъ постоянно курить и непремѣнно что нибудь разскажетъ о своей прошлой жизни, или о палатской службѣ. Вотъ почему я и рѣшился отдать ему прочитатъ „Приговоръ...“ М-въ похвалилъ поэму, сказалъ что она ему понравилась, но что „надо убавить, много лишняго.“

Отзывъ П-ва о „дѣловыхъ людяхъ“ былъ болѣе обстоятеленъ и произвелъ на Ѳ. М. болѣе благопріятное впечатлѣніе. Онъ сказалъ, что „прочиталъ и собирается написать рецензію, но все некогда...“ „Написано, говоритъ, порядочно и высказывалъ свои замѣтки... Совѣтуетъ ее (комедію) положить пока, для того чтобы созрѣли мысли и продолжать свое образованіе, пописывая что-нибудь.... Совѣтуетъ писать лучше прозой.... Впрочемъ, говоритъ, написана не дурно, а все таки надо продолжать свое образованіе. Совѣтуетъ написать какую нибудь статейку и послать въ Редакцію“.

„Слава Богу! думалъ я, одинъ человекъ подалъ мнѣ добрый совѣтъ въ мою пользу. Теперь покажу ему другое сочиненіе, хоть „Приговоръ“.

Совѣтъ былъ дѣйствительно добрый, но къ несчастію Ѳ. М., П-въ, который даже и такими совѣтами сдѣлалъ бы для него несомнѣнную пользу, очень скоро оставилъ службу въ казенной палатѣ и переѣхалъ въ другой городъ.

Ѳ. М. глубоко сожалѣлъ объ этомъ.

По отъѣздѣ П-ва, онъ снова сталъ обращаться за совѣтомъ къ кому попало и иной разъ попадалъ въ ужасный просакъ.

Въ такой просакъ попалъ онъ, отдавъ свое сочиненіе предсѣдателю....

„Каюсь, пишетъ онъ въ Августѣ 1861 года, что отдалъ ему (предсѣдателю) мое сочиненіе Дѣловые люди. Цѣль моя была та, что во 1-хъ онъ обѣщался убавить жалованье, во 2-хъ онъ, какъ умный человекъ, быть можетъ, обратитъ на меня вниманіе

*) Въ рукописяхъ Ѳ. М. мы нашли комедію «Судейкинъ». Комедія эта написана прозой, и судя по содержанію, очень подходитъ къ «дѣловымъ людямъ», о которыхъ мы кое-что знаемъ изъ дневника. Одно ли это тоже, сказать трудно,—но направленіе найденной комедіи, точно также вродѣ обличительное.

и подасть благой совѣтъ. Поэтому я написалъ ему письмо, похвалилъ его за бібліотеку, какъ за благодѣтельную мѣру для служащихъ, выставилъ свое бѣдное положеніе, просилъ прочитать мои сочиненія, изъ которыхъ одно принесть съ собой и, если можно, (просилъ) прибавить мнѣ жалованья. Къ этому же меня понудило и то, что я собираюсь искать другую квартиру. 12 числа, дѣдушка, бывши выпивши и наскучивъ видѣть, какъ я пишу сочиненія,—велѣлъ мнѣ искать другую квартиру. 14 числа я былъ у предсѣдателя и ждалъ его цѣлыхъ два часа. Онъ ходилъ на дворѣ, игралъ съ собаками и смотрѣлъ въ амбарѣ свои вещи, которыя онъ продаетъ, надѣясь скоро уѣхать. Увидавъ меня, онъ спросилъ: что мнѣ нужно? Я подалъ ему свое письмо. Онъ прочиталъ и сказалъ: „Мнѣ батюшка некогда читать, я собираюсь въ церковь и вамъ совѣтую тоже идти. Ступайте“—и онъ поворотилъ меня. Я повторилъ ему свою просьбу на словахъ.—„Мнѣ некогда читать, сказалъ онъ опять. Я лучше вамъ совѣтую заниматься, чѣмъ сочинять. Занимались бы больше въ Палатѣ“. Кое какъ Рѣшетниковъ настоялъ таки на томъ, что предсѣдатель взялъ его сочиненіе и обѣщалъ передать его для просмотра Редантору Губернскихъ Вѣдомостей П-ну. Предсѣдатель приказалъ ему зайти за отвѣтомъ черезъ нѣсколько дней,—но когда въ назначенный день *Ө. М.* явился къ нему, то предсѣдатель сказалъ:

— Что вамъ нужно?

Рѣшетниковъ сказалъ.

— Мнѣ некогда... отвѣтилъ предсѣдатель... Вы видите я занимаюсь? Ступайте къ обѣднѣ... Я самъ принесу (сочиненіе),—и не велѣлъ приходить. „Дуракъ же я, говоритъ *Ө. М.*, что отдалъ ему мое сочиненіе... Теперь онъ не только будетъ смѣяться надо мной, но еще не обратитъ никакого вниманія на мое бѣдственное положеніе. Пожалуй еще и за этотъ мѣсяцъ дастъ только 5 рублей“.

Возвращая черезъ нѣсколько дней комедію, вмѣстѣ съ письмомъ, при которомъ была она доставлена Рѣшетниковымъ, предсѣдатель сказалъ:

— Вы какіе то кляузы написали... тутъ какая то женщина учитъ мужа.... Вамъ надо выбрать одно изъ двухъ: или сочинять, или служить“.

Ө. М. всѣми возможными способами старался скрыть отъ своихъ сослуживцевъ, какъ свою просьбу къ предсѣдателю, такъ и

его сужденія о его произведеніяхъ, но сослуживцы узнали — и Рѣшетниковъ опять убитъ и огорченъ.

„Ужасно тяжело мнѣ было въ этотъ день (день возвращенія предсѣдателемъ рукописи). Сцена въ палатѣ (съ предсѣдателемъ) мнѣ и вечеромъ почти не давала покоя. То слышались слова предсѣдателя: „кляузы“, то недовѣрчивость служащихъ... Все вышло дрянъ! Всѣ говорятъ, что я глупецъ и больше ничего, да еще хочу выиграть передъ начальствомъ... Ахъ если-бы деньги! бросилъ бы я эту службу—и всѣ эти связи съ служащимъ міромъ“.

Вотъ какіе были судьи и руководители *Θ. М.*, которыхъ онъ такъ желалъ и на которыхъ такъ надѣялся. Въ теченіи года онъ услышалъ одно доброе слово, отъ г. П-ва, а этотъ годъ былъ двадцатый въ его жизни и его не могла не угнетать мысль, что года эти проходятъ безслѣдно и даютъ ему одни только страданія.

Вотъ какими строками въ своемъ дневникѣ заканчиваетъ онъ этотъ годъ:

„Сегодня, 5 Сентября 1861 года, я поздравилъ себя съ двадцать первымъ годомъ моей жизни. А что я сдѣлалъ въ эти 20 лѣтъ? Ничего, кромѣ нѣсколькихъ черновыхъ сочиненій... Кромѣ горя—ничего не было. Дай Богъ созрѣть моимъ мыслямъ и исполниться желаніямъ людей, читавшихъ мои сочиненія и быть изъ нихъ (сочиненій) дѣльному, не для себя только, но и для пользы нашего русскаго народа. Дай Богъ мнѣ терпѣніе, сносить яремъ моей бѣдной жизни и жить въ трудѣ, безъ гордости, самообольщенія, не увлекаясь мелькающими въ воображеніи мечтами,а жить вѣря въ провидѣніе и такъ, какъ Богъ велитъ.“

VIII.

Такъ прошелъ 1861 годъ.

Въ теченіи слѣдующаго, 1862 года матеріальная обстановка *Θ. М.* повидимому стала еще хуже. Съ переходомъ на новую квартиру, къ „чужимъ людямъ“, получаемое имъ жалованье оказалось въ высшей степени ничтожнымъ. Вотъ его бюджетъ на новой квартирѣ: „за квартиру—1 р. 50 к. На говядину, 30 ф., по 3 коп. сер. за фунтъ—90 коп. Хлѣба на 60 коп. и молока на 60 коп.“ „Буду жить, какъ Богъ велитъ“.

„Служба становится трудная, пишетъ онъ черезъ мѣсяць послѣ вышеприведенной выписки, сижу въ палатѣ до 4-хъ часовъ, обѣдаю почти въ шестомъ, да еще дома занимаюсь палатскими дѣлами. А все за 7 рублей. Дядя А-нъ писалъ мнѣ: „Что за философія, что жалованья мало, я и женатый получалъ по 3 рубля, да жилъ же какъ то.“ Поживи-ко нынѣ, попробуй! Впрочемъ я доволенъ тѣмъ, что изъ семи рублей у меня остается два съ половиной рубля въ мѣсяць. За то я не ѣмъ уже ничего мяснаго. Не представляя никакихъ существенныхъ перемѣнъ къ лучшему въ матеріальномъ отношеніи, 1862 годъ былъ для *Θ. М.* весьма полезенъ въ отношеніи нравственномъ. Въ теченіи этого года ему удалось таки найдти двухъ весьма хорошихъ критиковъ: однимъ изъ нихъ была любовь.

Какъ и въ прошломъ году, продолжая въ свободное отъ занятій время посѣщать своихъ старыхъ знакомыхъ и товарищей, *Θ. М.* однажды вздумалъ пойдти въ семейство той дѣвушки, о которой мы разъ уже упоминали по возвращеніи *Θ. М.* изъ ссылки, когда онъ „не хотѣлъ соблазняться примѣрами женщинъ“....

Дѣвушка эта жила съ старушкой матерью довольно бѣдно, зарабатывая деньги шитьемъ на гостинный дворъ и занимая коморку. И мать, и дочь обрадовались *Θ. М.* Онъ просидѣлъ у нихъ цѣлый вечеръ и воротившись пишетъ: „не знаю почему, а она (дѣвушка) мнѣ нравилась, въ ней видна была робость, когда она глядѣла на меня и если что говорила, то голосъ ея дрожалъ. Она ни о чемъ меня не спрашивала.... Я долго любовался ея темно-каштановыми волосами, обвитыми вокругъ маленькой головки, вспоминая время, когда она бывало (въ дѣтствѣ) расплетала ихъ и чесала. Въ простомъ сѣренькомъ платьицѣ, она казалась безъукоризненно хороша“...

„Въ моей памяти мелькнули слова нашихъ родителей, обѣщавшихся (въ дѣтствѣ) соединить насъ на вѣки, отчего я тогда отстранялся... Я ужаснулся своего прошедшаго. Зачѣмъ я дичился ея (дѣвушки), зачѣмъ ненавидѣлъ ее за ея длинные волосы, большіе глаза“.... „Мнѣ сильно хотѣлось поговорить съ нею наединѣ, но гдѣ и какъ, это трудно опредѣлять... И теперь, оканчивая записки, я вижу передъ собой ея милый образъ....“

Съ этихъ поръ всякая новая встрѣча съ этой дѣвушкой, какъ бы онѣ не были рѣдки и молчаливы, все болѣе и болѣе укрѣпляетъ въ сердцѣ *Θ. М.* любовь къ ней.

Она мнѣ еще больше нравилась, писать онъ послѣ слѣдующей встрѣчи, — я начинаю на нее теперь поглядывать не шутя и кажется я люблю ее....“

„... Я начинаю любить ее.... Я ежедневно больше и больше думаю о ней...“

„... Вотъ уже двадцать дней, какъ я не видалъ ее; Боже мой, какъ я измучился въ первые дни, на первой недѣли поста. Мнѣ такъ и хотѣлось ее увидѣть... отдать ей письмо написанное стихами, въ которомъ я объяснялъ, почему я прежде казался ей гордымъ, почему нынѣ сталъ чувствовать къ ней влеченіе и что, не смотря на прежнее горе, я все таки любилъ ее хоть и молчалъ объ этомъ. Часто, часто изъ Екатеринбургa я переносился мыслью въ ихъ хижину, часто мнѣ казалось, какъ бы хорошо полюбить ее...“

Мы не будемъ излагать подробностей возрастанія страсти *Θ. М.* къ любимой дѣвушкѣ, такъ какъ для настоящаго очерка важенъ только самый фактъ любви, по отношенію къ таланту *Θ. М.*, и въ этомъ смыслѣ любовь была наилучшимъ критикомъ его силъ и освѣтителемъ запутаннаго ума. Очень скоро, при содѣйствіи матери любимой дѣвушки, дѣло любви было поставлено на практическую точку, — и возникъ вопросъ о женитьбѣ. При необыкновенно однообразныхъ и утомительныхъ занятіяхъ, при сильномъ отвращеніи къ образу жизни своихъ сослуживцевъ, таскавшихся по трактирамъ и т. д., женитьба на любимой дѣвушкѣ могла бы казаться *Θ. М.* необыкновеннымъ счастіемъ, нравственнымъ отдыхомъ и онъ навѣрное бы не устоялъ противъ этого счастья, еслибъ въ немъ давно уже сильно и прочно не былъ вкорененъ страхъ — опрометчиво рѣшать „участь людей...“ Жениться, взять дѣвушку и вмѣстѣ съ тѣмъ взять на себя все ея будущее, — это казалось *Θ. М.* дѣломъ весьма серьезнымъ. Потребность обсудить это дѣло основательно, безпристрастно, разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, — вновь воскресило въ немъ опять таки ту же черту „правды“, которая до настоящаго времени продолжала теряться подъ ненужнымъ хламомъ мечтаний о „безпредѣльномъ высшемъ“, „сверхъестественномъ“, въ которомъ критики *Θ. М.* хоть и находили много „лишку“, но все-таки хвалили и за эти „сверхъестественныя“ мысли.

Любовь и мысль объ участи любимой дѣвушки отстранили весь этотъ хламъ на задній планъ. И надо удивляться нравственной силѣ *Θ. М.*, съ которою онъ обуздываетъ свою страсть,

чтобы правдиво всмотрѣться въ нее, въ ея будущее, не церемонясь ни съ собой, ни съ предметомъ своей любви.

28 мая 1862 г., онъ между прочимъ пишетъ: „...я согласна, (сказала мать дѣвушки) ...я поговорю... Приходите завтра“.

„Великій Господи!.. Пстой! Пстой! дай опомниться!.. Я дома теперь. Не мѣшай пожалуйста В. М. (сосѣдъ по квартирѣ)! Ты ужь больно выпилъ: кричишь, поешь, плачешь... Хорошо тебѣ, ты уже женатъ, живешь съ женой, какъ живется, не чувствуешь сердечной тревоги. А я? Зачѣмъ какъ будто я не люблю ее? а какъ она прекрасна, мила! Два раза уговаривала остаться посидѣть.... какъ горячо, крѣпко пожала мнѣ руку на прощанье... Зачѣмъ я не отдалъ ей письмо? Нѣтъ, я не пойду завтра! Я не хочу, чтобы мать сама устроила насъ... Нѣтъ я самъ узнаю ее... Что мнѣ въ ея красотѣ“?..

Черезъ нѣсколько дней Рѣшетниковъ продолжаетъ: „Дай напередъ посмотрю на нее какъ знаю... Она рѣзва.. въ ея молчаніи замѣтно развитіе... Изъ разказовъ матери я заключилъ, что она успѣла воспитаться сама собой — иначе зачѣмъ бы ей пришла мысль идти въ монастырь?.. Можетъ быть она только начинаетъ любить меня? И вдругъ слово о бракѣ можетъ удивить ее... Нѣтъ, ей не нужно говорить о бракѣ. Ей скучно становится, если мать ея станетъ вспоминать мое дѣтство. Ей надоѣло мое прошлое... Ей необходимо говорить со мной... Можетъ быть она ненавидитъ меня?.. Что за сватовство? И къ чему оно? Я хочу только любить.... можетъ все измѣнится.... Правъ ли я или нѣтъ? Самъ не знаю. Что нужды! Пусть мы будемъ женихъ и невѣста, пусть! Намъ тогда будетъ свобода въ разговорахъ. Что-то я право рехнулся совсѣмъ. Но она красива; я люблю ее.... Но такъ ли я ее люблю, настоящею-ли любовью? Нѣтъ! кажется я мало люблю ее... Я только увлекаюсь ею. Я хочу ее любить истинной любовью..... видѣть въ ней постоянного, настоящего друга.... Я хочу, чтобы и она во мнѣ видѣла такого же друга, чтобы намъ не роптать... Пусть подумаетъ. Черезъ недѣлю я схожу, а теперь пусть подумаетъ. За шитьемъ въ молчаньи много можно передумать“.

Этой критикой самого себя, своихъ ощущеній, основанной на желаніи быть справедливымъ къ другому человѣку, переполнены страницы дневника Ѳ. М. въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ мысль его дѣлается свѣжей и проще, желанія опредѣленнѣе. На ряду съ любовью, этой опредѣленности и

простотѣ мысли помогло еще и то обстоятельство, что $\Theta.$ $M.$ въ томъ же 1862 году удалось найти такого цѣнителя своихъ произведеній, какого онъ самъ всегда желалъ. Этотъ цѣнитель былъ нѣкто $T.$, сослуживецъ $\Theta.$ $M.$, человѣкъ отчасти знакомый съ литературой и вообще понимавшій больше, нежели всѣ до сихъ поръ бывшіе судьи произведеній $\Theta.$ $M.$ Этотъ судья былъ хорошъ для $\Theta.$ $M.$ тѣмъ, что хоть и любилъ, и былъ ласковъ съ нимъ, но къ произведеніямъ его относился строго.

„Въ сочиненіи „Два барина“ $T.$ не нашелъ ничего хорошаго. Разбирая каждое слово, онъ говорилъ: Вотъ тутъ нѣтъ стиха. Здѣсь непонятно... Нельзя понять, что такое два барина? Да и сочиненіе написано не стихами, а только подъ рифму... Однимъ словомъ онъ высказалъ много ума. Говорилъ о Лермонтовѣ, Пушкинѣ,.... а мое сочиненіе для печати не годится!.... О драматическихъ сочиненіяхъ онъ сказалъ, что я еще не могу писать драмы, тѣмъ болѣе стихами, какихъ (драмъ стихами) никто еще у насъ въ Россіи не писалъ... Совѣтовалъ на первый разъ написать небольшую повѣсть или рассказъ... Совѣтовалъ написать пока статью о библиотекѣ въ Казенной Палатѣ... Изъ его словъ я замѣчалъ, что сочиненія мои дрянъ, одно увлеченье, безъ всякой цѣли.... Не бросить ли ихъ? Нѣтъ, я буду писать.... Ахъ, если бы деньги! бросилъ бы я службу“.

„....Драму „Паничъ“ онъ не читалъ: „тутъ много написано, не хочется“. „Да вы оставьте ихъ. Вы не можете писать драмы“.

Какъ ни суровы эти приговоры, и какъ не грустно переносить ихъ $\Theta.$ $M.$, однако онъ не можетъ не сознаться, что въ нихъ есть доля правды.

„ $T.$ правъ, пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ знакомства съ новымъ критикомъ, два барина дрянъ.... Они давно мнѣ самому такими казались. Еще когда писалъ, то думалъ бросить... Однако попытаюсь послать (въ какую нибудь редакцію), есть же и незанимательныя стихотворенія.... Да! стихотворенія, стихи,—а у меня-то что? Всѣ говорятъ: не стихи, и не проза... Что же такое? Господи Боже мой. Какъ плохо быть бѣдному человѣку со способностями!.. Опять: „со способностями“. „А кто знаетъ, есть ли во мнѣ способности? Можетъ быть это бредъ, глупость, какъ говоритъ мой дядя... О, если это скажетъ мнѣ одинъ изъ будущихъ моихъ редакто-

ровъ и рецензентовъ,—я брошу все и уйду... Буду жить въ одной любви къ Всеблагому Отцу моему и творцу“....

Есть строчки въ дневникѣ *Θ. М.*, гдѣ какъ будто проскальзываетъ обидчивость на приговоры *Т.*, но скоро онъ убѣждается, что *Т.* правъ, и не можетъ не слушаться его совѣтовъ. Покаясь имъ, онъ пишетъ рассказъ изъ заводской жизни повидимому уже безъ „неестественныхъ“ фантазій,—подъ заглавіемъ „Скрипачъ“ *) и статью о библиотекѣ, которую *Т.* передѣлываетъ по своему. Эту статью *Θ. М.* несетъ къ редактору Губернскихъ Вѣдомостей г. *П.*—и приобретаетъ въ его лицѣ новаго совѣтника, который хотя и „посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ“ на *Θ. М.*, когда тотъ принесъ ему для прочтенія свои драмы,—но все-таки былъ полезенъ ему, дѣйствуя въ томъ же духѣ, какъ и *Т.* Онъ задалъ ему работу этнографическую: описать г. Пермь, ея нравы и обычаи, начиная со святокъ. **)

Такимъ образомъ 1862 годъ въ жизни *Θ. М.* можно считать однимъ изъ самыхъ лучшихъ. Любовь воскресила въ немъ и довела до высшей степени способность и потребность „не осудить“ человѣка, а встрѣча съ гг. *Т.* и *П.* направила эту способность на явленія, которыя толпились у *Θ. М.* передъ глазами, на матеріалъ, котораго у него было накоплено слишкомъ много и который до настоящаго времени *Θ. М.* по видимому считалъ ненужнымъ. Результатомъ этихъ вліяній является драма въ 5 дѣйствійхъ „Раскольникъ“. Нѣкоторыя сцены въ ней, правда, носятъ еще печать прошлыхъ искажающихъ вліяній. Такъ рѣчь раскольника написана стихами (чтобы стихи выходили вѣрнѣе *Θ. М.* купилъ курсъ стихосложенія и провѣрялъ по правиламъ каждый стихъ) и въ объясненіи таинственной жизни этого человѣка въ уединеніи, среди дѣса—примѣшана доля монастырской морали... Но *Θ. М.* уже тотчасъ по написаніи драмы сознается, что не совсѣмъ хорошо знаетъ общественныя и религіозныя причины одиночества отшельника, говоря только, что онъ „слыхалъ что есть старцы.“ Самая личность раскольника, впрочемъ, нужна автору для того, чтобы сгруппировать вокругъ него недовольные типы изъ простаго и рабочаго народа,—и здѣсь *Θ. М.* въ первый разъ является тѣмъ, что онъ есть. Заводскіе нравы, которымъ отдано

*) Этого рассказа мы въ бумагахъ *Θ. М.* не нашли.

**) Статья эта помѣщена въ 52 № Перм. губ. вѣд. 1862 г.

въ драмѣ двѣ трети мѣста—изображены ярко, правдиво.... Въ побужденіяхъ, руководящихъ этимъ народомъ въ побѣгахъ съ завода въ лѣсъ къ раскольнику, — все реально, просто, безъ малѣйшей примѣси чего нибудь изъ области „сверхъестественнаго.“

....„Раскольника я кончилъ, пишетъ Ө. М. въ своемъ дневникѣ... Стихосложеніе Перевлѣскаго мнѣ много помогло, безъ него я рѣшительно не могъ писать стиховъ.... но все таки они не стихи“..... „Мнѣ надо свободу! мнѣ надо запрѣтяться для сочиненій... Матеріала у насъ очень много... Нашъ край обилень характерами. У насъ всякій, кажется, живетъ на особицу (на свой образецъ) — чиновникъ, купецъ, горнорабочій, крестьянинъ... А сколько тайнъ изъ жизни бурлаковъ неизвѣстно міру? Отчего это до сихъ поръ никто не описалъ ихъ? Отчего нашъ край молчитъ, когда даже и Сибирь отзывается?“ „Я не могу въ себѣ отличить таланта, пусть это скажутъ люди. Я знаю только, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что Скрипачъ и драма Раскольникъ написаны дѣльно. Это только для опыта. Въ нихъ мало смѣлости. Пусть только эти два сочиненія выйдутъ въ свѣтъ, я буду знать, что я могу писать и буду писать смѣло.“

IX.

Изъ этого отрывка видно, что Ө. М. начинаетъ наконецъ выбираться на ту дорогу, съ которой онъ уже не сходилъ въ теченіе всей послѣдующей литературной дѣятельности своей.

Намъ остается, поэтому, сказать еще очень немного о перемѣнахъ во вѣшней обстановкѣ жизни Ө. М., такъ какъ весь путь, пройденный его талантомъ, нами очерченъ.

По мѣрѣ того, какъ Ө. М. сталъ уяснять себѣ, что именно можетъ сдѣлать онъ съ своимъ дарованіемъ, по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ вѣрить, что дарованіе это у него есть, — жить въ Перми стало для него скучно и бесполезно. Явилась мысль ѣхать въ Петербургъ, принятыя за дѣло серьезно, учиться, служить.

Особенно пусто показалось ему въ Перми послѣ неожиданной развязки романа. По случаю пріѣзда въ казенную палату ревизора, Ө. М. долженъ былъ проводить на службѣ дни и ночи, не имѣя времени часто посѣщать семью любимой дѣвуш-

ки. Видѣлись они очень рѣдко, хотя Θ . М. ни на минуту не забывалъ о предметѣ своей любви, продолжая анализировать свои къ нему отношенія. Среди этихъ-то размышлений и служебныхъ хлопотъ онъ неожиданно узнаетъ, что дѣвушка, которую онъ любилъ, выходитъ замужъ.... „Господи! какъ мучительно и тяжело, — пишетъ онъ, — видѣть ту, которую ты любишь, въ тотъ день, когда подруги снаряжаютъ ее къ свадьбѣ, шутятъ изподтишка надъ тобой, и она сама вовсе не обращаетъ на тебя вниманія! Что я ее люблю, вижу изъ того, что каждый день думаю о ней, жалѣю что не могу на ней жениться, потому что не узналъ ее, хотя и писалъ въ дневникъ иной разъ совсѣмъ другое... Быть можетъ она выходитъ замужъ совсѣмъ не по любви?“ Чтобы удостовѣриться въ этомъ, онъ отправляется въ любимый домикъ; но визитъ этотъ былъ весьма неудаченъ. Мать и дочь приняли его такъ, что ему казалось, будто они хотѣли сказать: „зачѣмъ вы пришли?“ Невѣста была весела, а одна изъ подругъ ея, кивнувъ на Θ . М., довольно громко сказала:—„все еще похаживаютъ?“ Все это глубоко его опечалило. Просидѣвъ молча четверть часа, онъ ушелъ—и болѣе уже не встрѣчался съ этой дѣвушкой.

Пусто и одиноко стало ему въ Перми. Единственная надежда на исходъ—былъ ревизоръ, который полюбилъ Θ . М., занимавшагося у него на дому перепиской бумагъ. Ревизоръ цѣнилъ въ Рѣшетниковѣ хорошаго писца и способнаго чиновника и обѣщалъ ему переводъ въ Петербургъ. Какъ и всякому, кого Θ . М. считалъ образованнымъ и могущимъ дать ему „благой совѣтъ,“—онъ представилъ и ревизору для прочтенія свои сочиненія, прося похлопотать о помѣщеніи. Въ отвѣтъ на эту просьбу, ревизоръ, уѣзжая въ Петербургъ, сказалъ ему между прочимъ слѣдующее: „Что касается сочиненій,—то вотъ что, Рѣшетниковъ, я вамъ скажу: Вы писать не можете. Я самъ писалъ когда-то, но къ чему это повело? Ровно ни къ чему! Всѣхъ литераторовъ, такихъ какъ вы, ожидаетъ нужда и голодъ.. Вы не учились въ высшемъ учебномъ заведеніи, вы нигдѣ не бывали. Что вы можете написать? И для чего? Я не знаю, впрочемъ, вашихъ способностей, не знаю вашихъ сочиненій, потому что вовсе не читалъ ихъ“ и т. д.. Θ . М. сказалъ, что онъ и жить не можетъ безъ сочиненій, что у него страсть.—„Мало ли что!“ возразилъ ревизоръ. „Но надо надѣяться и на разумъ.“ И въ доказательство страсти, побѣжденной

разсудкомъ, ревизоръ привелъ себя, сказавъ что и у него была страсть къ картамъ, однако онъ преодолѣлъ, а теперь вотъ уже сколько лѣтъ не беретъ ихъ въ руки.. Этотъ разговоръ кончился слѣдующими словами ревизора: „Я васъ постараюсь опредѣлить... Но теперь, черезъ десять дней вы должны сказать мнѣ: будете вы сочинять, или нѣтъ? Если вы будете сочинять,—вы останетесь здѣсь; если нѣтъ,—я васъ переведу.“ Трудно было Ѡ. М. рѣшить эту задачу. „Я не могу жить въ Перми,—пишетъ онъ послѣ вышенаведеннаго разговора—мнѣ надо новой жизни... Что сказать (ревизору)? Сказать, что я не буду писать—я долженъ его обмануть и что тогда будетъ со мною? Сказать, что буду, — значить остаться въ Перми... И Богъ знаетъ, что будетъ со мною... Нѣтъ! скажу лучше—„не буду“ и ставу ждать на это отвѣта... Сдѣлаю для него все, соглашусь, и тогда — будь что будетъ... Уѣду... но тихонько буду писать, пока обстоятельства службы и жизни не прекратятъ эту охоту... Ахъ, если бы вы знали, что это за страсть.... Что дѣлать! Я такъ надѣленъ судьбой, что не могъ образоваться.. Развѣ я не могу еще писать лучше? Я могу научиться... Мнѣ хочется... Но служба?..О, я не долго проживу этою мучительною жизнью!..“

Ревизоръ уѣхалъ въ 1862 г., осенью. Цѣлую зиму и весну Ѡ. М. терпѣливо дожидался отъ него письма, скучая, волнуясь за будущность своего дѣла, съ горечью вспоминая утраченную любовь. Наконецъ, весной 1863 года, долго-жданное письмо съ разрѣшеніемъ ѣхать и обѣщаніемъ мѣста—пришло. Ѡ. М. распродалъ свои вещи, выпросилъ у родственниковъ позволенія разыграть свои часы, побывалъ у нихъ, простился и несмотря на то, что ему отсовѣтывали ѣхать, — въ іюлѣ мѣсяцѣ все таки уѣхалъ въ Петербургъ.

„Когда я простился съ друзьями—пишетъ Ѡ. М. съ парохода, на которомъ ѣхалъ въ Петербургъ—и когда пароходъ сталъ отплывать отъ берега, мнѣ стало крѣпко грустно.. Отъ меня удаляется и милый городъ,—удалаясь милая рѣка (Кама), которую я любилъ съ дѣтства, съ ея бурлаками... Я любилъ на ней плавать и, когда рыбачилъ въ дѣтствѣ, по долгу задумывался надъ природой, мнѣ чего-то хотѣлось, куда-то меня тянуло... На ней я провелъ горькую пору моей жизни, на ней узналъ себя, сличая людей.... Я былъ тупъ въ то время, но я рвался быть лучше... Въ Перми я ничего для себя не сдѣ-

лалъ... Мое воспитаніе, заботность... даже любовь не принесли мнѣ ничего хорошаго... Былъ-ли хоть одинъ день съ какой нибудь надеждой? а любилъ я берегъ Камы, любилъ просиживать по долгу ночью у архіерейскаго ключика (мѣстность) и любоваться тихою Камою, звѣздами и сѣро-темными тучами, отражающимися въ водѣ, всплески рыболововъ, закамскіе огоньки, твой ледъ, когда онъ шумитъ и ломаетъ все попути... Да любилъ я твою природу Кама! Теперь ты катишь меня далеко и Богъ вѣсть, ворочусь-ли я?"

Въ началѣ Августа 1863 года—*Θ. М.* пріѣхалъ въ Петербургъ, но и тутъ не сразу стало ему лучше; хотя, по протекціи ревизора, онъ и получилъ занятія въ одномъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ, но жалованья ему пришлось получать меньше, нежели онъ получалъ въ послѣднее время въ Перми,—а именно 9 руб. вмѣсто 10 пермскихъ. Жилъ онъ поэтому въ каморкѣ, рядомъ съ кабакомъ и чтобы какъ нибудь сводить концы съ концами—сталъ писать небольшіе очерки въ Сѣверную Пчелу. Платили ему за нихъ мало и не аккуратно. Одинъ изъ сослуживцевъ его, братъ молодаго писателя, уже пріобрѣтшаго извѣстность и умиравшаго теперь въ клиникѣ,—человѣкъ знакомый съ литературнымъ дѣломъ, надумилъ его снести только что написанныхъ „Подлиповцевъ“ въ редакцію Современника,—и съ этого времени имя Рѣшетникова сразу заняло высокое мѣсто. Матерьяльные обстоятельства его измѣнились къ лучшему, гонорарій за литературный трудъ обезпечивалъ жизнь помимо службы—и вслѣдствіе этого скоро онъ вышелъ въ отставку и черезъ нѣсколько времени послѣ того женился.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи восьми лѣтъ онъ постоянно работалъ въ большихъ и маленькихъ журналахъ и каждое болѣе или менѣе крупное произведеніе его возбуждало въ обществѣ и литературѣ самые разнообразныя толки. То онъ оказывался слишкомъ большимъ, то слишкомъ малымъ, то художникомъ, то писаремъ, то могъ—„проникать до корня,“ то оказывался необыкновенно поверхностнымъ, скучнымъ, длиннымъ... Личное знакомство съ *Θ. М.* для заинтересовавшагося въ разъясненіи этого запутаннаго таланта — было почти

бесполезно, а самъ Ѳ. М. положительно терялъ нѣкоторую долю своей литературной интересности. Онъ былъ угрюмъ, неразговорчивъ, не общителенъ, порой грубъ... Отъ всѣхъ онъ сторонился, смотрѣлъ волкомъ, ко всему и всѣмъ былъ подозрителенъ; рѣдко-рѣдко добродушная улыбка освѣтитъ это угрюмое лицо.. Никакихъ блестящихъ фразъ онъ не говорилъ, — а если привнимался рассказывать что нибудь, то рѣчь его касалась всегда предметовъ наиобыденнѣйшихъ, была длинна, расплывалась въ мелочахъ и утомляла тѣмъ болѣе, что Рѣшетниковъ говорилъ монотонно, „себѣ подъ носъ,“ не выпуская изъ зубъ коротенькой трубочки, отчего каждое слово отдѣлялось паузой. Наблюдатель — уходилъ ни съ-чѣмъ, чтобы потомъ, при появленіи новаго произведенія Ѳ. М., удивляться, по прежнему — смѣшенію въ этомъ „совершенно обыкновенномъ“ человѣкѣ великаго и малаго...

Теперь читатель, знакомый съ прошлою жизнію Ѳ. М., видитъ, отчего былъ онъ угрюмъ, застѣчивъ, боязливъ; отчего потерялъ веселость, юморъ, способность шутки. Жизнь побила много дорогихъ цвѣтовъ съ его сильнаго таланта, ничѣмъ никогда не помогла ему развиться, хотя и дала взамѣнъ много, понапрасну утраченнаго, — полное знаніе народпой жизни, умѣнье понимать ее глубоко и правдиво.

Небросающаяся въ глаза, скрытая, но истинная любовь къ народу, желаніе ему пользы, добра—были постоянными руководителями Ѳ. М. въ работѣ. Вотъ что писалъ онъ Н. А. Некрасову, представляя ему своихъ „Подлиповцевъ“: „Такихъ людей, какъ подлиповцы, въ настоящее время еще очень много не только въ Гердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., мѣстности самой глухой и дикой, но и въ смѣжныхъ съ нею—Вятской, Вологодской и Архангельской. Зная хорошо жизнь этихъ бѣдняковъ, потому что я 20 лѣтъ провелъ на берегу рѣки Камы, по которой весной мимо Перми плывутъ тысячи барокъ и десятки тысячъ бурлаковъ, — я задумалъ написать бурлацкую жизнь, съ цѣлю хотъ сколько нибудь помочь этимъ бѣдвымъ труженникамъ. Я не думаю, чтобы цензура нашла что-нибудь въ этомъ очеркѣ невозможное для пропуска; но мѣму написать все это иначе—значитъ говорить противъ совѣсти, написать ложь... Наша литература должна говорить правду... Вы не повѣрите, я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пилы во время его мученій“.

Въ бумагахъ *Θ. М.* мы нашли много подлинныхъ доказательствъ этой истинной любви къ человѣку. Вотъ записка о какомъ-то пропавшемъ мальчикѣ, съ обозначеніемъ примѣтъ, выписанныхъ изъ газеты, на случай не удастся ли найдти его; вотъ ненапечатанная статья о дурной пищѣ чернорабочихъ, старающаяся кого-то убѣдить, что простому народу нуженъ свѣжій воздухъ и т. д. Между этими бумагами особенно интересно прошеніе, адресованное *Θ. М.*-чемъ къ Спб. Оберъ-Полиційместеру. Въ прошеніи этомъ *Рѣшетниковъ* рассказываетъ слѣдующее: Вздумалось ему пойдти однажды въ концертъ; прочитавши афишу и незамѣтивъ, что она вчерашняя, старая, онъ отправился въ дворянское собраніе, гдѣ вѣроятно въ это время происходило уже что нибудь другое. Городовой не пустилъ *Θ. М.* въ подъездъ; онъ пошелъ въ другой—и тамъ не пустили, „прогнали прочь“, по собственному его выраженію. *Θ. М.* разсердился и отвѣтилъ, на него прикрикнули: — куда ты лезешь? кто ты такой?—„Мастеровой!“ отвѣчалъ *Θ. М.*—Результатомъ такого отвѣта было то, что *Рѣшетниковъ* ночевалъ въ части, откуда вышелъ избитый безъ денегъ и кольца. „Довожу объ этомъ до свѣденія вашего п-ства, писалъ онъ въ прошеніи. Я ничего не ищу. Я только объ одномъ осмѣливаюсь утрудять васъ, чтобы пристава, квартальные, ихъ подчаски и городовые — не били народъ.... Этому „народу“ и такъ придется много получить всякой всячины“.... Изъ этихъ же оставшихся послѣ смерти *Θ. М.* бумагъ и записокъ видно, что ни на одну минуту его не покидало желаніе „научиться“, развить себя. Онъ читалъ книги, дѣлалъ изъ нихъ извлеченія, собственно для себя, и что могъ,—онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. А могъ онъ уже очень немного: здоровье его было слабое; онъ ужъ въ Петербургъ пріѣхалъ больнымъ, измученнымъ.... смерть стояла не за горами....

9 Марта, 1871 года онъ умеръ на тридцатомъ году жизни, отъ отека легкихъ. Вѣчная память ему и вѣчное спасибо за простую и глубокую правду о простомъ русскомъ человѣкѣ!...

Глѣзъ Успенскій.

31 Мая, 1873 года.

СПБ.

Faint, illegible text covering the majority of the page, likely bleed-through from the reverse side of the document.

ПОДЛИПОВЦЫ.

PODZIAŁOWY

I.

ЦЫЛА И СЫСОЙКО.

Деревня Подлипная очень непривлекательна на видъ. Она состоитъ изъ шести домиковъ, построенныхъ по лѣвую сторону дороги, идущей отъ другихъ деревень, и разбросанныхъ по неровной мѣстности такъ, что одинъ домикъ стоитъ выше другаго, другой около дороги, а третій и прочіе пятятся къ лѣсу. Домики эти, четыре съ крышами, два безъ крышъ, съ соломою на потолкѣ, съ слюдою въ оконныхъ рамахъ, съ стайками и плетушками огорожены такъ: вколотили въ землю нѣсколько тонкихъ березовыхъ кольевъ, да и связали за нихъ, параллельно къ землѣ, гдѣ по двѣ, гдѣ по три березки, и назвали плетнемъ. Воротъ въ Подлипной вовсе нѣтъ. Добро бы лѣсу не было, а то кругомъ деревни лѣсъ высокій и густой, все береза да сосна, можно бы э-во какіе дома построить и заплоты дощаные съ воротами сдѣлать... „А пошто“? спросить подлиповецъ, не понимая.—„А и такъ, тожно, баско“!... За дворами невидится ригъ, или зародовъ сѣна, нѣтъ огородовъ съ овощами. Только направо замѣтны гряды съ капустой, морковью и преимущественно картофелемъ.

Самая мѣстность тоже непривлекательна, хоть зимой, хоть лѣтомъ. Противъ домиковъ, черезъ дорогу, за грядями, большое поле, ничѣмъ не огороженное, потомъ лѣсъ, а въ лѣвой сторонѣ тоже поле, а за полемъ тянется большое болото, поросшее мелкими кустарниками березы, ели и липы. Лѣтомъ досадно становится, какъ посмотришь на поля: земля кое-какъ вспахана, кое-гдѣ на засохшихъ кочкахъ видится травка, да развѣ двѣ-три лошади шатаются по полю, да и то не долго: онѣ идутъ въ лѣсъ, тамъ больше травы, „Пробовали, сказываютъ подлиповцы, ужъ какъ вспахивали землю: и поздно, и рано, да проку нѣтъ. Вспахаешь,—стужа настанетъ, либо дождь, потомъ жара; все окончатъ, а тамъ дождь, иней, снѣгъ... Пробовали

и за хлѣбушкомъ ходить, да все не въ толгѣ: только начинаеть созрѣвать хлѣбъ,—баско! вдругъ дожди, заморозки, снѣгъ... Поплачешь, погорюешь, да и скосишь травку божью, измельешь и ѣшь такъ съ горячей водой, либо настоящей мучки смѣшаешь, али коры осиновою, либо липовой насоблишь "... Зимой частые вѣтры да вьюги по полю, снѣга большіе до полъконовъ заметаютъ домики, а которые ниже, то и до крышь, а дороги и слѣдъ простылъ.

Мало въ этой деревнѣ видится жизни. Лѣтомъ еще можно увидать мужчину, или женщину или ребятъ на полѣ или около домиковъ, но за то не слышится веселаго говора, не слышится пѣсенъ, у всѣхъ точно какое-то горе, какое-то болѣзненное состояніе. На что дѣти,—и тѣ рѣзвятся какъ-то словно нехотя: побѣжить, упадетъ, заплачетъ и побѣжить домой; даже лошади, коровы, и свиньи ходятъ какъ-то сонно; однѣ только девять курицъ да два пѣтуха бѣгаютъ скоро, и воздухъ оглашается крикомъ крастьянъ на животныхъ, лаемъ одной собаки, единственнаго деревенскаго сторожа, уцѣлѣвшей какимъ-то чудомъ отъ бойни хозяина, желавшаго употребить ея шкуру на шапку, крикомъ куръ, маленькихъ ребятъ, да чириканьемъ коростелей въ болотѣ... Зимой еще хуже. Тогда всѣ дома точно погребены снѣгомъ, на дорогѣ цѣлую недѣлю не видать слѣдовъ человѣческихъ, все какъ будто спряталось, только кой гдѣ корова промычитъ, да рыщетъ по полю собака. Такъ вотъ и кажется, что люди вымерли, или напала на нихъ спячка.

Въ самыхъ домахъ тоже не лучше. Самое худое время это—зима.—Вездѣ бѣдная обстановка, нечистота, плачь и стоны; половина лежатъ, половина сидитъ молча или что нибудь дѣлаетъ ругая работу, ругая себя и все окружающее. Слово всѣмъ имъ жизнь опротивѣла, всѣ чѣмъ-то мучатся, всѣмъ постылъ свѣтъ Божій... А есть между ними и молодые ребята, и молодья дѣвушки; правда, нѣтъ красивыхъ, но все-таки и у нихъ есть своя зазнобушка, тоска невыносимая, зависть лютая...

Живутъ въ этой деревнѣ государственные крестьяне, Чудиновской волости, Чердынскаго уѣзда, бѣдные люди, какихъ много въ сѣверной части этого уѣзда, но еще бѣднѣе прочихъ крестьянъ. У крестьянъ прочихъ деревень есть какая нибудь промышленность, природа даетъ имъ что нибудь для сбыта, а эти просто держатся словно чудомъ. Ужъ какъ они ни воздѣлывали землю, какъ ни молились своимъ пермякскимъ богамъ, чтобы хлѣбушко свой былъ, — нѣтъ ничего. Такъ и бросили поле, и вотъ уже второй годъ, какъ поле стоитъ не тронутымъ и даетъ только небольшую травку животнымъ. Купить хлѣба подлиповцамъ не на-что. Положимъ, они нарубятъ лѣсу, но куда везти? городъ отъ нихъ въ ста верстахъ. Положимъ, скосятъ въ лѣсу траву и можно будетъ излишекъ продать; опять таки городъ далеко, а въ другихъ деревняхъ и селахъ свое

сѣно, свои дрова и свой лѣсъ,—каждый бы самъ продалъ. Вотъ они сдѣлавъ кадки, наберухи, лапти, везутъ это на продажу въ городъ, но тамъ и безъ нихъ много такихъ горемыкъ, какъ подлиповцы, и всякій сбываетъ за безцѣнокъ, лишь бы хлѣбушка купить. Занимаются они и стрѣляніемъ рябковъ, ходятъ на медвѣдей, но на порохъ надо деньги, а медвѣдя хоть и можно убить ломомъ чугуннымъ, или чѣмъ инымъ, такъ медвѣдей нынѣ мало. Сбыта очень мало, и рѣдкій много-много получить въ лѣто или зиму рубля три. Отъ этого у нихъ явилась апатія, всѣ они потеряли надежду на сбытъ чего нибудь, и рѣдкаго вытатишь изъ его избы...

Каждый мужчина взрослый и женщина или дѣвушка носятъ по одной рубахѣ круглый годъ, ходятъ лѣтомъ въ рубахахъ, зимой надѣваютъ полушубокъ изъ овечьей, телячьей и собачьей шкуръ, мужчины надѣваютъ на голову такія же шапки, а лапти носятъ всѣ, кромѣ дѣтей, которыя едва-едва прикрываютъ тѣло чѣмъ нибудь. Это еще ничего, но самое главное — пища мучить всѣхъ. Настоящій хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ годъ, остальное время всѣ ѣдятъ мякину съ корой, и отъ этого у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, и часто всѣ подлиповцы лежатъ больные, сами не зная, что съ ними дѣлается, а только ругаются и плачутъ. Надо замѣтить, что и въ Чердыни хлѣбъ слишкомъ дорогъ, потому что его привозятъ туда толь козимою изъ другихъ городовъ или доставляютъ на судахъ бичевники лѣтомъ изъ Вятской губерніи—изъ Сарапула или Елабуги.

Подлиповцы уже привыкли къ такой жизни, свыклись и съ своими болѣзнями. Они знаютъ, что помочь имъ никому; даже самые люди противъ нихъ. Всѣ они, жители своей деревни, родня другъ другу—отцы, братья, сестры, кумовья, и кумушки; родни у нихъ много и въ другихъ деревняхъ, но тѣ не любятъ ихъ, не знаютъ съ ними, потому что и сами-то они голые, и отъ подлиповцевъ нечего взять. Съ своей стороны и подлиповцы не любятъ ихъ и не ходятъ къ нимъ. Подлиповцевъ не любятъ жители другихъ деревень еще и за то, что подлиповцы своей пермянской вѣры держатся, слывуть за лѣнивыхъ, самыхъ бѣдныхъ, и ихъ называютъ колдунами: захочетъ подлиповецъ посадить килу (грыжу)—посадитъ, захочетъ, чтобы такой-то умеръ—умретъ.

За чѣмъ же подлиповцы живутъ тутъ? спроситъ читатель. Подлиповцамъ не растолкуешь этого, они сами не знаютъ, откуда они взялись. Извѣстно только нѣкоторымъ изъ другихъ деревень крестьянамъ, что сюда, когда еще не было поля и не было ни одного дома, давно, переселился одинъ крестьянинъ звѣроловъ изъ какой-то сосѣдней деревни. Ему хотѣлось жить одному съ своимъ семействомъ, такъ какъ онъ перессорился съ своими однодеревенцами. Онъ построилъ домъ и жилъ съ

женою и дѣтми нѣсколько лѣтъ, не сообщаясь съ прочими крестьянами. Послѣ его смерти два сына женились и построили еще два домика, дочь вышла за мужъ въ другую деревню. Такимъ образомъ люди расплодился до тридцати человекъ и живутъ теперь въ шести домахъ. Сначала они находились подъ управленіемъ старшихъ лицъ въ семействѣ, и къ нимъ не заглядывало никакое начальство. Понятіи ихъ были такія: есть какой-то богъ, а какой, и сами не знали, и только по преданіямъ своихъ отцовъ справляли свои праздники, молились чучеламъ. О существованіи земли они знали только то, что земля даетъ пищу, да въ землю покойниковъ зарываютъ. Увидятъ они, что солнце ярко свѣтитъ, и думаютъ: это богъ, молятся ему; свѣтитъ ли ночью луна—тоже богъ, и дождь, и снѣгъ, и молнія—все богъ. Знали они, что есть городъ Чердынь, только потому, что бывали тамъ, а есть ли еще за Чердыню что нибудь — дѣло темное. Въ городѣ они видѣли разныхъ людей, но никакъ не могли понять, что это за люди; этихъ людей они боялись, не вѣрили имъ, и только ѣздили туда за тѣмъ, чтобы сбыть необходимое для обмѣна на пищу. Но вотъ начальство заглянуло къ нимъ: деревню ихъ назвали Подлипною, обложили ихъ всѣхъ податью, стали брать по одному въ рекрута, пріѣхалъ къ нимъ священникъ и сталъ уговаривать принять православную вѣру. Подлиповцы ничего не понимали, никого не слушали и хотѣли разбѣжаться, но струсили: пріѣхалъ становой приставъ, обласкалъ всѣхъ; подлиповцы смирились, испугались, исполнили все, что отъ нихъ требовали. Сколько священникъ ни толковалъ имъ о Богѣ, они ничего не могли понять; хотя имѣли образа, но прятали ихъ подъ лавки и вынимали, когда явился священникъ; окрестившись, они, изъ боязни, стали отдавать крестить дѣтей; вѣнчались сначала по своему, потомъ ѣхали въ село къ попу, везли къ нему покойниковъ... Ничего бы этого они не дѣлали, да священникъ становымъ ихъ пугалъ, а подлиповцы помнятъ станового, какъ онъ, когда въ Подлипной умерло съ голоду шесть человекъ, обласкалъ не только мужчинъ, но и женщинъ, самъ не зная, за что; а отрывши въ лѣсу мертвое тѣло, увезъ трехъ главныхъ стариковъ въ село, потомъ въ городъ, и съ тѣхъ поръ подлиповцы не видали своихъ стариковъ.

При своей бѣдности подлиповцы постоянно въ долгу: съ нихъ требуютъ подати, но имъ негдѣ взять денегъ, и на нихъ рогутъ недоимки съ каждымъ годомъ.

Неужели они не умѣютъ работать? Подлиповецъ, родившійся въ Подлипной, прожившій въ своей деревнѣ дѣтство и имѣя взрослыхъ дѣтей, умѣетъ дѣлать то, чему научили его отецъ и родня: онъ умѣетъ домъ построить; но заставьте его, читатель, построить домъ въ городѣ, онъ вамъ построить такъ, что вы и посмѣетесь надъ нимъ, и прогоните его. Отчего? Отъ того, что

подлиповецъ строилъ для себя домъ по своему умѣнью, собственно съ тою цѣлью, чтобы ему была защита отъ холода, дождя. Понятно, ему никакихъ удобствъ не надо. А вы любите, чтобы домъ вашъ былъ теплый и существовалъ долго, чего подлиповецъ не съумѣетъ сдѣлать. Заставьте вы подлиповца печь скласть, онъ вамъ складетъ по своему. У себя дома онъ сложитъ печь, какъ ему отецъ передалъ; — „ей ты, цуцело, подь тамока... Гдѣ каменя увидишь — волоки“. Сынъ притащилъ каменя. Достали изъ ручейка воды, вскипятили, разварили, съ глиной... „Мастюжь!“ кричитъ отецъ и самъ работаетъ. Черезъ двѣ недѣли печь готова, а черезъ годъ она проваливается, нужно класть снова... По растолкуй этимъ людямъ, какъ слѣдуетъ, по-человѣчески, что нужно дѣлать, они примутся и сдѣлаютъ еще крѣпче городского мастера. Въ этомъ я ручаюсь: есть въ Перми одинъ печникъ. Онъ кладетъ печки дешево; но если скралъ, такъ печь и тепла всегда, и угара нѣтъ, и крѣпка. Его призываетъ только бѣдный классъ, но богачи, само собой разумѣется, надѣются на архитектора и поправляютъ печки черезъ пять лѣтъ, а нѣкоторые и раньше. Господинъ этотъ изъ Подлипной, только подлиповцы думаютъ, что онъ безъ вѣсти пропалъ или его медвѣди заѣли. Онъ былъ работникомъ у одного печника шесть лѣтъ, теперь семнадцатый годъ работаетъ самъ, безъ работниковъ, и имѣетъ въ Мотовилихинскомъ заводѣ свой домъ.

Подлиповцевъ нельзя винить ни въ чемъ: они глупы, необразованы, но кто ихъ вразумить, куда они пойдутъ?... „Ужь помру тожно, а тамока гдѣ ужь!“ Подъ этими словами можно понимать, что подлиповцамъ нравится своя деревня, а дальше кто знаетъ, что такое творится. — „Уйти изъ Подлипной? куда пойдешь?—Вонъ ушелъ изъ Подлипной Митюкъ Ковычка, еще молодой, и жену съ двумя дѣтьми оставилъ, да такъ и пропалъ. Поди тамока, и тютю!... Пошелъ Терешка Вятка куда-то лѣсъ сплавлять и утонулъ, сказываютъ. Мишка Гайва ушелъ въ городъ какой-то, да такъ и пропалъ“... Все это напугало подлиповцевъ до того, что они и замкнулись въ своей деревнѣ и живутъ по своему, какъ живется: вѣдь растетъ же дерево, живутъ же лошади и коровы... Знаютъ подлиповцы, что безъ жены неловко, надо бабу—и живутъ съ бабами. Про идеальную любовь они вовсе не знаютъ, у нихъ своя любовь: играли вмѣстѣ, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ и жить надо. Такъ и дѣлается въ Подлипной. Умереть тотъ или другой, они хотя и думаютъ, что такъ и надо умереть, но имъ обидно, досадно, что умеръ такой-то, что опять надо къ попу вѣхать вѣнчаться. О любви подлиповцевъ я расскажу въ слѣдующей главѣ. Досадно имъ: зачѣмъ это дѣти рождаются отъ нихъ; и съ маленькими дѣтьми обращаются, какъ люди съ котятами; однѣ только матери немножко присматриваютъ за дѣтьми. Съ пятилѣтняго возраста дѣти растутъ на произволъ судьбы...

Подлиповцы говорятъ по-пермякски. Плохо понимая наши слова, они хотя и выговариваютъ ихъ, но въ исковерканномъ видѣ. Выговоръ ихъ походитъ на выговоръ крестьянъ вятской и вологодской губерній.

Ноябрь мѣсяцъ въ началѣ. Зима свирѣпствуетъ немилосердно, какъ будто все зло свое хочетъ выместить надъ Подлипной и ея обитателями. Утро. Холодъ въ тридцать градусовъ; вѣтеръ свиститъ по полю; деревья скрипятъ; верхушки ихъ то и дѣло съ шумомъ пошатываетъ направо и налево, и впрямь, и вкось. Вѣтеръ рыщетъ по полю и гонитъ снѣгъ какъ на зло къ самымъ домамъ, до половины уже занесеннымъ снѣгомъ. Дороги вовсе невидать—она сравнялась съ полемъ. Больше всего достается крайнему домику, безъ крыши, съ однимъ окномъ, со слюдою въ рамахъ, до половины заваленному снѣгомъ. Вѣтеръ такъ и рветъ съ домика что ему подъ силу: вонъ доску, высунувшуюся съ потолка, оторвало; вонъ посыпались высунувшіяся изъ-подъ снѣга каменья, составляющие трубу, вонъ четверть крыши со стайки оторвало, вонъ и слюда треснула въ одной рамѣ—пошелъ вѣтеръ гулять по избѣ... Ни одного человѣка не видно; не видно и животныхъ, даже собака куда-то спряталась... Но вотъ вышелъ изъ одного дома крестьянинъ, въ полушубкѣ изъ овечьей и телячьей шкуръ, въ шапкѣ изъ такой же шерсти съ длинными ушами, въ огромнѣйшихъ собачьихъ рукавицахъ, въ синихъ нанковыхъ штанахъ и въ лаптяхъ. Онъ уже немолодъ: ему годовъ сорокъ.

— Эко диво! сказалъ онъ, сторонясь отъ вѣтра. Вѣтеръ и стужа его злили. —Какъ пойдешь? Гли, што діется... Онъ началъ шагать и тонулъ въ снѣгу.—Экъ испугались! Врешь!!... Ишь-ты, цуцело, околить бы тѣ!.. Онъ плюнулъ.—Да будь ты проклять, чортъ!..—Крестьянинъ дошелъ до крайней избышки и вошелъ въ нее. Въ избѣ холодъ страшный, вѣтеръ такъ и дуетъ въ окно сквозь раму; противъ окна снѣгъ на полу, на столѣ и на лавкѣ. Изба очень бѣдна; кромѣ стѣнъ, стола, скамейки да одного худаго лаптя, валяющагося среди пола, и небольшого корыта съ корой и двумя большими ложками, въ ней ничего не видно... Только на полатяхъ да на печкѣ кто-то стонетъ.

— Эй, вы, цуцелы! Померли, али ивтъ?..

Съ полатей раздался стонъ.

— Ошшо живы! сказалъ онъ весело.

— Пила, подь сюда!... Сказалъ съ полатей мужской голосъ.

Вошедшій, бросивъ на полъ рукавицы, неторопясь полѣзъ на печь. На печкѣ лежала старуха.

— Скоро помрешь? спросилъ онъ ее съ участіемъ.

Стуруха стонала. На полатяхъ лежалъ Сысой Степанычъ Сысоевъ, прозванный по подлиповски Сысойкомъ. Ему 20-й годъ, но онъ худъ и блѣденъ. Онъ лежалъ въ полушубкѣ, въ шапкѣ, въ лалтяхъ и дрожалъ.

— Печку бы... пали, братанъ... А? Ишь стужа, вѣтеръ! говорилъ Сысойко.

— Ну ужъ и времена!... На картошки! сказалъ Пила и подаль Сысойкѣ четыре печеныхъ картофелины.

— Я тожно — бѣда. Нутро... Сысойко хотѣлъ объяснить свою болѣзнь и разжалобить Пилу, но неумѣлъ. Вдругъ онъ спросилъ Пилу. — А Апроська?

— Апроська помирать.

— А можетъ представляется?... Не помретъ?

— Кто ее знаетъ. А канючить больно: подь, баеть, къ Сысойку, снеси картошки, да пусть, баеть, придетъ молочка потрескать.

— Охъ, не говори, — не могу, — мочиньки нѣтъ... стонетъ Сысойко.

— Пила молчалъ. Ему жалко было Сысойку и его мать, которая была больная, слѣпая и съумасшедшая.

— Истопить ужъ печь-ту! А гдѣ ребята-те?... Пила слѣзъ съ печки.

— Въ печкѣ, сказалъ Сысойко.

Пила подошелъ къ окну, сталъ сгребать рукой снѣгъ съ полу; постоялъ у окна, вѣтеръ дуетъ; надо бы заткнуть, а чѣмъ? ничего нѣтъ такого. Онъ взялъ съ полу лапотъ, приладилъ его въ раму, а вѣтеръ все дуетъ.

— Нѣтъ ли чего затыкать-то?

— Нѣту, братанко, сказалъ Сысойко.

— Да хоть рукавиць штоли дай; жалко!...

— Чортъ!.. успеешь околѣть-то... Боровъ! лежать бы все... Чуча!

Сысойко сбросилъ съ полатей рукавицы и шапку. Пила затыкалъ ими раму; вѣтеръ пересталъ дуть, за то въ избѣ темно сдѣлалось.

Пила пошелъ на улицу; вѣтеръ все дулъ. Пила отскребъ немного снѣгу отъ окна рукавицами и пошелъ искать дровъ около стайки, въ которой лежала лошадь, не ѣвшая ничего два дня. Пила долго удивлялся вѣтру: „Экой какой, сила какая!... Эвонъ что разворочалъ“. Онъ досталъ съ потолка стайки сѣна и соломы, снесъ ихъ лошади.

— Ужо я овсеца тебѣ принесу... Скотинка ты, скотинка экая! жалобно говорилъ Пила, смотря на лошадь, какъ она принялась охобачивать сѣно и солому.

Гаврило Гаврилычъ Пилинъ, по подлиповски Пила, былъ человѣкъ добрый, пробойный и работающій. Онъ одинъ изъ подлиповцевъ понялъ, что ничего не дѣлая жить нельзя; онъ

какъ нибудь старался приискать себѣ работу, сбыть ее, а главное, услужить своимъ подлиповцамъ. Назадъ тому годъ Пила постоянно стрѣлялъ дичь и сбывалъ ее въ городѣ, хлѣбъ у него водился; но какъ-то разъ утопилъ ружье въ рѣкѣ, самъ простудился и, пролежавъ два мѣсяца, обѣднѣлъ до того, что ему съ семействомъ привелось ѣсть кору, а коровѣ и лошадамы вовсе нечего было ѣсть. Оправившись послѣ болѣзни, Пила на-собиралъ у подлиповцевъ надѣланныхъ кадокъ, кузовковъ и лаптей, отправился за больныхъ продавать въ селѣ и городѣ. У Пилы въ городѣ былъ знакомый хозяинъ постоялаго двора, и онъ черезъ посредство его находилъ себѣ покупателей. Онъ и раньше возилъ вещи, но теперь постоянно сталъ заставлять подлиповцевъ работать, и для него ничего не значило съѣздить за сто верстъ: онъ одну половину денегъ отдавалъ крестьянамъ или покупалъ муки, а другую бралъ себѣ и покупалъ для себя пищи. Если въ городѣ ничего не покупали, Пила шелъ собирать ради Христа и потомъ дѣлился съ подлиповцами. Своимъ подлиповцамъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ. Бывало скажетъ подлиповцамъ: „чево сидите, робъ; я буду робить“—и подлиповцы работаютъ съ Пилой; вѣтъ Пилы, — подлиповцы лежать. Скажетъ подлиповцамъ: — „смотри, траву надо косить“, здоровые идутъ косить, а не скажи Пила, что надо траву косить, подлиповцы не догадаются. Всѣ подлиповцы любили Пилу и каждый спрашивалъ его совѣта или просилъ полѣчить, такъ какъ Пила лѣчилъ больныхъ травами, хотя самъ не понималъ никакого толку въ травахъ. Мысль лѣчить травами пришла ему въ голову тогда, какъ онъ увидалъ въ городѣ крестьянина съ травами. Пила не понималъ, для чего крестьянинъ травы продаетъ. — „Это што? спросилъ Пила крестьянина. — „Это лѣкарствіе“.—Слово „лѣкарство“ для Пилы было новостью; ему показалось, что это что-то баское. — „А какъ это дѣлають?“ спросилъ онъ крестьянина. — „Да такъ. Коли кто захвораетъ, ну и пьетъ траву, коя идетъ на такую болѣсть. Тутъ всякія есть: затрясетъ тебя, лихоманка забьетъ, брюхо заболитъ, ну и лѣчатся такой травой“.—„Лиже ты! А гдѣ онѣ растутъ?“ — „Въ лѣсу да въ болотахъ...“ Вотъ Пила и сталъ собирать лѣтомъ въ лѣсу да въ болотѣ разныя травы съ цвѣточками, вырывалъ съ кореньями и лѣчилъ подлиповцевъ. — „Ну-ка съѣшь эту травку, хворать не станешь“, говорилъ Пила больному. Больной ѣлъ, и ему становилось либо лучше, либо хуже и все-таки всѣ просили у Пилы травы. Пила давалъ, не требуя за это ничего. Священникъ требовалъ, чтобы крестьяне непременно крестили дѣтей, везли въ село умершихъ, вѣнчались; первое подлиповцы не исполняли до тѣхъ поръ, пока священникъ не пріѣзжалъ самъ за сборомъ; за умершихъ они боялись и везли всѣ покойника въ село; свадьбы вѣнчались рѣдко: подлиповцы жили до тѣхъ поръ, пока опять не пріѣдетъ священникъ за сборомъ; а какъ пріѣхалъ — бѣда: „возить съ собой

штуку какую-то (метрическую книгу) и давай считать да пугать—бѣда!“—говорять подлиповцы и ѣдутъ вѣнчаться въ село, но только съ Пилой. Причтъ просить денегъ, либо масла за свадьбу, и Пила пойдетъ собирать ради Христа, жениху и невѣстѣ велить тоже сдѣлать, и, насобиравъ чего нибудь, идутъ къ причту. Всѣ подлиповцы удивлялись Пилѣ: какъ это онъ всегда успѣваетъ, все умѣетъ сдѣлать, всегда веселъ и рѣдко хвораетъ, даже и съ семьей его ничего не дѣлается. Поэтому его прозвали колдуномъ и боялись. Пила никогда не былъ колдуномъ, но слово это его забавляло.

Пила ужъ третью недѣлю не выѣзжалъ изъ деревни. Всѣ подлиповцы сдѣлались больны отъ мякны и коры; продать нечего; дочь Пилы, Апроська, тоже захворала, жена его Матрена и парень Иванъ третьи сутки не встаютъ. Пила не знаетъ, что и дѣлать, кому и какъ помочь,—травы его не дѣйствуютъ; надо бы купить муки, да уѣхать Пила боится: какъ да всѣ безъ него помрутъ? Наконецъ и у Пилы не стало муки, и онъ принялся мѣшать въ мякину кору, и его тошнить стало. Хорошо еще, у него картофель есть, да корова даетъ немного молока: для себя достаетъ, а если другимъ удѣлишь — у самого ничего не будетъ. — „Экая бѣда! думаетъ Пила. Что теперь дѣлать — не знаю. Увѣдъ я — всѣ помрутъ, и Апроська, и Сысойка...“

Жена Пилы Матрена была такая же, какъ и прочія подлиповскія женщины, часто хворающая, но нѣсколько крѣпче прочихъ: она скоро выздоравливала. Работы у Матрены никакой не было, кромѣ того, что она доила корову. Она спала и во всемъ надѣялась на мужа. Пила на нее смотрѣлъ, какъ на какую-то потребность, часто возилъ онъ ее съ собой въ лѣсъ и въ городъ, приучалъ къ какой нибудь работѣ, но Матрена ничего не хотѣла дѣлать, за что Пила билъ ее, во время своей злости, какъ лошадь, чѣмъ пошало.

Всѣ дѣти ихъ, Апроська 19 лѣтъ, Иванъ 16, Павелъ 14 и Тюнька 3 лѣтъ, росли на произволь судьбы. Апроська была не красивая дѣвушка, худая, часто хворающая, ничего не дѣлающая, какъ и мать. Отецъ билъ ее, Ивана и Павла, какъ и свою жену, за то, что ему не нравилось; но Апроську Пила любилъ какъ будто, даже болѣе, нежели дочь.

У Апроськи на 17 году былъ ребенокъ, но ребенокъ этотъ не дожилъ до прѣзда священника, и когда онъ умеръ, его зарыли въ лѣсу. Теперь отецъ зналъ, что Апроська опять скоро родить, и зналъ, что ребенокъ будетъ отъ Сысойки...

На Ивана и Павла Пила смотрѣлъ какъ на работниковъ, не позволяя имъ сидѣть даромъ, не вѣрилъ ихъ болѣзнямъ. „Какая хворость вамъ, какимъ нарвямъ? Я вонъ прежде не хварывалъ“, говорилъ Пила, когда парни лежали. Жалость къ дѣтямъ у Пилы была только тогда, когда они уже ревѣли отъ боли. Пилѣ казалось неприятно это, жалко было ре-

бять, потому что онъ бы могъ замѣниться ими, и въ то время онъ кормилъ ихъ больше, насильно заставляя ѣсть травы. Павелъ и Иванъ были забытые парни, умѣли нарубить дровъ, знали дорогу въ село, но въ городѣ никогда не бывали. Братъ съ братомъ жили такъ дружно, что никогда не разставались, работали вмѣстѣ и старались отличиться другъ передъ другомъ. Начнетъ Иванъ плести лапотъ, Павелъ тоже плететъ лапотъ и дразнить брата: „ужъ тебѣ гдѣ смастюжить! то ли я! Смотри какъ?“—„Эй, Пашка, не дразни! Ты смотри, какъ я дѣлаю.“ Часто Пила посылалъ парней понавѣдаться къ какому нибудь подлиповцу, братья ходили вмѣстѣ и проводили весь день въ гостяхъ. Если кто нибудь работалъ, братья высматривали работу и дома старались сдѣлать такъ же; если работы были обыкновенныя у всѣхъ, они дѣлали тутъ же, передразнивая и смѣясь надъ дѣвками и мужиками. Съ молодыми дѣвками они обращались за-просто, какъ съ своей сестрой: передразнивали, щипали ихъ за бока, ругали. Это была ихъ любовь. Пила поговаривалъ женить Ивана, и сговорилъ ему одну дѣвку, Агашку. Иванъ сталъ ходить къ отцу Агашки, по наученію Пилы, которое заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „дубина ты, какъ я поглажу, не знаешь, што баско... Пора тебѣ съ бабой жить“...

— А пошто!

— Дурень ты! говорятъ, будетъ баско. Ивану казалось смѣшно, онъ чего-то пугался, однако скоро уже постоянно ходилъ къ Агашкѣ. Эта любовь продолжалась полгода. Павелъ узналъ отъ брата, что съ дѣвкой жить хорошо, тоже нашелъ себѣ дѣвку.

Сысойко живетъ рядомъ съ Пилой, и домъ ихъ не отдѣлены другъ отъ друга даже плетнемъ. Сысойко былъ самый бѣдный въ деревнѣ и рѣдко бывалъ здоровымъ. Отецъ его ходилъ на медвѣдей съ чугунынымъ ломомъ и бралъ его съ собой. Но медвѣдей было мало, такъ что въ годъ они убивали много медвѣдя три. Мясо медвѣжье они ѣли, а шкуру продавали въ село за дешевую цѣну. Тогда при отцѣ можно было жить, но вотъ уже два года, какъ отца загрызъ медвѣдь, а Сысойко, бывший съ отцомъ, хотя и убилъ этого медвѣдя, но медвѣдь изцарапалъ ему плечо. Сысойко едва-едва дошелъ до своей деревни, сказалъ о бѣдѣ Пилѣ и вмѣстѣ съ нимъ повезъ отца въ село, захвативши съ собой и убитаго медвѣдя. Священникъ не сталъ хоронить отца Сысойки, а почему-то призвалъ становаго пристава. Становой привязался къ Сысойкѣ и Пилѣ, говоря, что не медвѣдь загрызъ отца Сысойки, а они уходили его и только для формы привезли медвѣдя. Становому хотѣлось взять себѣ убитаго медвѣдя, и онъ взялъ таки его и попросилъ священника отпѣть покойника... Съ той поры Сысойко живетъ очень бѣдно: въ лѣсъ бить медвѣдей не ходитъ, стрѣлять дачъ пороку нѣтъ, продавать кадки и прочее не стоитъ, да и Сысойко умѣлъ только лапти плести. И вотъ Сысойко помогаль въ чемъ

нибудь Пилѣ, то есть вмѣстѣ съ нимъ искалъ лекарственную траву, ѣздилъ по нуждѣ въ село и въ городъ, за что и пользовался отъ Пилы подачками хлѣбомъ и мясомъ; но такъ какъ онъ часто хворалъ, то и не могъ всегда бывать съ Пилой, и Пила навѣщалъ его. Пила и Сысойко такъ привыкли другъ къ другу, что по цѣлымъ днямъ проводили вмѣстѣ, ничего не дѣлая, а лежа; если Пила хворалъ, да Сысойко былъ здоровъ, Сысойкѣ казалось, что и онъ хвораетъ, и на оборотъ. Пила и Сысойко въ болѣзняхъ всячески старались угодить другъ другу, а если Сысойко былъ здоровъ, то цѣлую недѣлю жилъ у Пилы и спалъ на полатахъ съ Апроськой.

Сысойко и Апроська росли вмѣстѣ, но тогда у нихъ были только дѣтскія отношенія; такія же отношенія были и тогда, когда Сысойкѣ было 18 лѣтъ, а Апроськѣ 16, но скоро они уже измѣнились. Съ перваго же времени молодые люди привязались другъ къ другу—обоимъ имъ было скучно, когда они не видѣли другъ друга по недѣлямъ, а потому часто навѣдывались другъ объ другѣ у Пилы и сходились—или Сысойко въ домъ Пилы, или Апроська въ домъ Сысойки.

Сысойкѣ страшно опротивѣла жизнь въ своемъ дому: каждый день и даже ночь ревѣли его маленькіе братъ Петръ 4-хъ и сестра Пашка 2-хъ лѣтъ, которые мерзли съ холоду и постоянно голодали. Эти маленькія дѣти, веумѣющія еще выговаривать и ходить, постоянно лежали или сидѣли полунагія, одѣтыя въ нѣсколько тряпокъ, сшитыхъ наподобіе мѣшковъ. На нихъ не обращалось вниманія ни Сысойкомъ, ни матерью, которая, больная и сумасшедшая, постоянно лежала на печкѣ и охала. Куда Сысойко ни посадить дѣтей, тамъ они и сидятъ, тамъ и ползаютъ. А если Сысойко садилъ ихъ на полати, что случалось очень рѣдко, то ребята то и дѣло получали колотушки... Онъ даже нарочно садилъ ихъ на голый полъ, для того, чтобы они скорѣе умерли, нарочно не давалъ ѣсть, думая, что они помрутъ; но ребята кричали съ каждымъ днемъ хуже, — Сысойко злился, хотѣлъ ихъ пришибить чѣмънибудь, но ему было жалко, онъ чего-то боялся... Пила жалѣлъ дѣтей и всегда приносилъ имъ чтонибудь; при появленіи Пилы дѣти начинали плакать и махали ему руками. Сысойко, когда бывалъ здоровъ, по недѣлѣ не заглядывалъ въ свою избу, а терся у Пилы или гдѣнибудь съ Пилой; объ сестрѣ и братѣ и наконецъ о своей матери онъ не думалъ въ это время; онъ радъ былъ, что наконецъ-то нѣтъ ихъ, не слышатся крики, не ворчитъ и не охаетъ старуха.

Хотѣлось Сысойкѣ жить у Пилы; да Пила говорилъ: нѣтъ, батъ, изба моя махонькая, куды же я тебя пушу съ ребятами и матерью?

— Да я одинъ... напрашивался Сысойко.

— Ужь не говори. Тѣ ребята-то все же братъ да сестра... Ну да хоть помрутъ, не жалко, а мать-то? Она, батъ, родила тебя. А ты лучше живи тамъ, да сюда ходи, замѣтила Матрена.

Сысойкѣ еще хотѣлось жить одному съ Апроськой да съ Пилой. „Съ Апроськой баско, Пила хлѣбъ носитъ“, думалъ Сысойко. Но гдѣ жить? Въ своемъ домѣ нельзя — мать и ребята; Пила не пускалъ, да у него и жена и дѣти. Долго Сысойко ломалъ голову на этотъ счетъ, да ничего не выдумалъ. Пила тоже думалъ: какъ бы устроить, чтобы Сысойку было лучше. Хоть и жаль Апроськи, и надо же ей жить съ Сысойкомъ, потому что попъ такъ велитъ *), да и отъ Апроськи будутъ дѣти рождаться: но гдѣ жить? Жить въ его домѣ нельзя, потому что у него свое семейство, парни того и гляди приведутъ въ домъ по дѣвкѣ, а какъ попъ велитъ имъ жениться, то и самому тѣсно будетъ. Отдать Апроську Сысойкѣ, чтобы она жила въ сысойковомъ домѣ, — тамъ мать сумасшедшая, ребята ревутъ маленькіе... Но до того, чтобы выстроить Сысойкѣ избушку, Пила не додумался. Онъ на томъ и рѣшилъ: ужь пусть живутъ такъ, какъ теперь; а какъ помретъ старуха Сысойкова да маленькіе ребята, тогда и можно Апроську Сысойкѣ отдать. А попъ пріѣдетъ, ну и вѣнчать можно. И ребята пойдутъ отъ Апроськи, все же лучше, опять къ попу можно сѣздить. „Только тѣ не помираютъ. Ужь померли бы скорѣе, пользы-то отъ нихъ нѣтъ, — только мука одна“ — думалъ про себя Пила и общалъ объ этомъ Апроськѣ и Сысойкѣ, которые съ своей стороны тоже соглашались въ этомъ мнѣніи съ Пилой, и стали ждать да ждать, чтобы тѣ умерли...

Пила принесъ въ избу Сысойки охапку дровъ. Бросивъ ихъ на полъ около печи, онъ заглянулъ въ печку. Тамъ лежали мальчикъ и дѣвочка нагѣ

— Эй вы, лѣшіе! Вылѣзайте!.. спалю тожно!.. кричалъ Пила.

Изъ печки не слышно было ни голоса, ни движенія.

Пила потащилъ изъ печки за ногу мальчика. Мальчикъ былъ мертвый.

— Ишь ты! сказалъ Пила, и сталъ щупать мальчика. — Померъ.

— Кто? спросилъ Сысойко.

— Парень.

— Ну и ладно... А дѣвка-то? спросилъ Сысойко и высунулъ голову съ полатей.

Пила вытащилъ за ногу и дѣвушку. Она была мертвая. Лѣвый високъ ея былъ чѣмъ-то проломленъ; лица ея незамѣтно было: все оно запеклось отъ крови и на немъ засохъ мусоръ отъ печки.

*) То есть велитъ вѣнчаться.

— Сысойко? гли! (смотри).

Сысойко плохо видѣлъ съ полатей.

— А што, померла?

— Слѣпъ ты штоли? Гляди, убита!..

— Вре?!

Пила положилъ мальчику и дѣвушку на лавку, и долго смотрѣлъ на нихъ жалобно.

— Слышь, Сысойко? Ты убилъ дѣвку-то?

— А пошто?

— Право ты?

— Цуцело ты, Пила! Што я, медвѣдъ штоли, экъ ты! Сысойко не сталъ и говорить больше, а спряталъ голову въ полушубокъ.

Пила ващепаля березовой лучины, досталъ на труть кремнемъ огня, зажегъ лучину и сталъ смотрѣть въ печку. Въ ней лежалъ большой камень, отвалившійся съ неба печки. Теперь Пила понялъ, что не Сысойко убилъ дѣвку, а этотъ камень самъ отвалился. Только какъ же на парня камень не упалъ, а на одну дѣвку?..

— Смотри-кась, экой камень-то! сказалъ Пила Сысойкѣ, показывая ему камень.

Сысойко посмотрѣлъ и разинулъ ротъ отъ удивленія, но ничего не сказалъ.

Пила складъ въ печку дрова, зажегъ. Въ избѣ сдѣлалось свѣтлѣе.

Пила опять подошелъ къ ребятамъ. Жалко ему стало ребятъ. „Эхъ голова-то какъ раскроена... Мальченки, мальченки! Жить бы вамъ долго, да што жить то? Лучше, какъ померли. Вотъ, Сысойко, и померли ребята!..“

— Померли. Таперь я къ тебѣ пойду.

— А мать?

Помреть.

Въ это время простонала на печкѣ старуха и что-то невнятно пробормотала. На это ни Пила, ни Сысойко не обратили вниманія.

Пила сталъ разсуждать, что дѣлать съ ребятами. Зарыть ихъ такъ—попъ узнаеть, и тогда бѣда; ѣхать къ попу—будеть денегъ просить... Пилѣ хотѣлось ѣхать въ село; у него не было хлѣба, и онъ ждалъ только удобнаго случая ѣхать туда. Случай этотъ выпалъ—везти хоронить дѣтей.

— Ну, пошто ребятъ туда везти? Зарыть бы здѣсь въ лѣсу, такъ нѣтъ ишшо, деньги давай, сердился Пила.

— Ты не вози, сказалъ Сысойко.

— Ишь ты! Какъ наѣдетъ—лучше будетъ? Нѣтъ ужъ, свезу. Въ избу приѣжалъ Павелъ.

— Апроська зоветъ! ись, баеть, хочу.

— А ты што? Нѣту штоли картошки-то?

- Молока просить.
- Поди, подой корову-то.
- Я Доиль, да нѣту молока-то.

Пила ушелъ въ свой дворъ. Сталъ доить корову, у той не было молока.

- Родить тожно хочеть, сказалъ про себя Пила.

Пила ушелъ въ свою избу. Въ его избѣ было немного чище и свѣтлѣе. Отсутствіе одежды и другихъ вещей здѣсь было такое же, какъ и у Сысойки. На печкѣ лежала Апроська, некрасивая, худая дѣвушка. На полатахъ сидѣли Матрена, Иванъ и Тюнька. Всѣ они ждали молока. Матрена жевала картофель.

— Ты ушелъ и утонулъ; дома хоть помирай... ворчала Матрена.

— Чево помирай! Вонъ ребята Сысойковы померли... Сысойко, гляди, помреть, а старуха ужъ поди теперь померла.

- А Сысойко? хворать? спросила Апроська.

— Сказано, помирать.

— А молока принесть?

— Гдѣ возьму? Вонъ корова-то родить тожно хочеть, нѣту молока-то.

Матрена заворчала. — Ужъ у тебя все такъ. Когда я дою, всегда молоко есть... Ужъ издѣвился ты совсѣмъ.

— Я те, стерво! Поворчи, што я тебя не отщенаю!

Пила ушелъ изъ избы разсерженный. Оня вошелъ въ третью избу, къ сосѣду Морошкѣ. Морошка былъ нездоровъ, нездоровы и дѣти. Жена его плела лапти.

— Нѣтъ ли продать чего? Спросилъ Пила жену Морошки.

— А ты въ городъ?

— Въ городъ. Вонъ у Сысойки ребята померли; надо къ пу везти.

— Ладно. Вонъ тамо лапти складены, возьми.

Пила взялъ двѣ пары лаптей и пошелъ домой.

— Нѣтъ ли у те травки? просила жена Морошки.

— Какъ нѣту!

— Дай, родной!

— Ну, погоди, Пашку пошлю. А Агашка какъ?

— Ой, и не говори.

— Ванька у меня тоже... Вонъ съ Пашкой ничего не дѣлается...

Иванъ былъ женихъ Агашки.

На другой день Пила сдѣлалъ ящикъ въ видѣ гроба, положилъ въ него два маленькіе трупа, завернутые въ мѣшки, заколотилъ ящикъ досками и повезъ на дровняхъ въ село, вмѣстѣ съ двумя парами лаптей и тремя берестяными бураками отъ Морошки.

Въ село Пила прїѣхалъ ночью. Переночевавъ у знакомаго крестьянина, онъ утромъ отправился къ священнику. Известно, что въ сельскихъ церквахъ служатъ только по воскресеньямъ и въ большіе праздники. Такъ и теперь церковь была закрыта, и къ ней не было даже дороги проложено, т. е. незамѣтно было слѣдовъ человѣческихъ съ дороги. Священникъ долго не соглашался хоронить дѣтей. Пила нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему, и вотъ уже въ пятый разъ прїѣхалъ къ нему. Священника это просто до слезъ проняло.

Онъ сталъ надѣвать худенькую съ заплатами рясу.

— Вотъ что, Пила: ты въ пятый разъ ко мнѣ прїѣхалъ, а ничего не привезъ. Смотри, у меня на ногахъ-то лапти! Священникъ былъ въ лаптяхъ. Пила въ этомъ не видѣлъ ничего удивительнаго; ему смѣшно показалось.

— Тебѣ смѣшно, а мнѣ плакать хочется. Вотъ ужъ шестой годъ живу здѣсь, а ничего не прїобрѣлъ. Просиль, чтобы перевели, да выговоръ получилъ.

Пила плохо понялъ.

— Такъ мнѣ надоѣло житье съ вами! Уѣду я таки отъ васъ.

— А ты уѣдь, право! сказалъ Пила.

— И уѣду.

— А ты теперь уѣдь.

— Не пускають. Да и что толку въ томъ, что я уѣду! Пошлютъ другаго на мое мѣсто, и тогда вамъ хуже будетъ.

— Ишь ты. А ты не поѣдешь?

— Не пускають. Священникъ кликнулъ дьячка и послалъ его съ Пилою въ церковь.

— Ну-ко, Пила, открой гробъ!

— А пошто?

— Такъ нельзя.

— Да ты ужъ совсѣмъ зарой, а то земля-то въ глаза насыплется.

— Ну, открой. Тебѣ говорятъ, нельзя такъ... Кто тебя знаетъ, что ты привезъ тутъ.

Пилѣ обидно стало.—Цуцело ты, какъ я погляжу! Сказано, Сысойковы ребята.

— Хочешь, Становаго призову?

Пила струсилъ и открылъ топоромъ одну доску.

— Ты другую открой.

Дьячокъ раскрылъ одинъ мѣшокъ. Мальчикъ лежалъ лицомъ кверху, дьячокъ осмотрѣлъ его всего — мертвый. Жалко ему стало мальчика. Раскрылъ другой мѣшокъ. Дѣвушка лежала на животъ. Сталъ и душушку осматривать дьячокъ и, какъ взглянулъ на лицо, съ ужасомъ отступилъ.

— А, такъ ты такъ-то хочешь насъ провести! Что это такое?

Пила испугался.—„Батшко, не я!“

— Врешь! Кайся, разбойникъ!

— Ты не кричи—экъ испугались! Медвѣдей биваль!

— Такъ ты еще запираешься? Сейчасъ Становаго призову.

Пила повалился въ ноги.—Батшко, не губи!.. Камнемъ дѣв-ку-то пришибло въ печкѣ! Што хошь возьми... не губи...

— Рассказывай, какъ было!

Пила рассказалъ все. Дьячокъ вѣрилъ и не вѣрилъ. Онъ сталъ еще смотрѣть на лицо дѣвушки: кажется, и камнемъ изъ печки пришибло, кажется, и другой кто нибудь убилъ. Онъ затруднялся: повѣрить Пилѣ, или нѣтъ?

— Не вѣрю я тебѣ; я пойду къ Становому.

— Батшко не губи! Я тѣ все сказалъ... Што я, звѣрь што-ли?.. Сысойко хворатъ, старуха тоже... А эти въ печкѣ дрыхнули... Я такъ и увидѣлъ камень на лицѣ-то.

— Цѣлуй крестъ!

Пила поцѣловалъ.

— Клянись, что не ты убилъ.

— Эхъ ты! Я вонъ и Сысойка спрашивалъ, онъ заревѣлъ только, жалко стало... А ты говоришь: убилъ, убилъ!.. Эхъ ты!.. Я вонъ только восемь медвѣдей убилъ...

Дьячокъ опѣшилъ. Къ подобнымъ выходкамъ онъ уже привыкъ.

Пила опять повалился въ ноги.—Не погуби, батшко!

Черезъ два часа, Пила везъ въ Подлипную на своей и поповской лошадахъ, запряженныхъ въ поповскія сани, попа и дьячка.

Дорогой, въ подлипную, Пила долго ругался. Священникъ съ дьячкомъ разсуждали: какъ поступить съ подлиповцами, никакіе страхи ихъ не берутъ и вѣрвать-то они по-христіански не хотятъ...

Наконецъ пріѣхали въ Подлипную. Священникъ и дьячокъ вошли въ избу Пилы и влѣзли на полати, потому что въ избѣ было холодно, да къ тому же они хорошо прозябли. У дьячка былъ въ запасѣ буракъ съ водкой. Семейство Пилы осталось на печкѣ. Апроськѣ было немного легче, но она все лежала. Иванъ все хворалъ, Матрена ходила.

— Ну-ко, Матрена, дай намъ закусить, просилъ священникъ.

— Да что я тебѣ дамъ-то? Хлѣбушка нѣтъ, молока нѣтъ. Кору нынче ѣдимъ...

— Поди, собирай въ деревнѣ.

— Гдѣ ужъ, тамъ ни у кого нѣтъ хлѣбушка. Вонъ Пила не привезъ ли... Пила дѣйствительно привезъ двѣ ковриги хлѣба и нѣсколько фунтовъ муки. Пила распрягалъ лошадей, ругая дьячка. Павла онъ послалъ къ подлиповцамъ. „Бѣги ко всѣмъ, скажи: попъ, молъ, наѣхалъ“... Павелъ ушелъ и сдѣлалъ такъ,

какъ велѣлъ Пила. У подлиповцевъ до сей поры всѣ образа были гдѣ-то на полатахъ; теперъ Павелъ поставилъ ихъ на полки въ переднихъ углахъ.

Пила принесъ въ избу хлѣба, отрѣзалъ нѣсколько ломтей и роздалъ священнику, дьячку и своему семейству. Въ нѣсколько минутъ одной ковриги не стало.

— Ты, тятка, снеси Сысойку-то! просила Апроська Пилу.

— Эй ты, Пила! хошь водки? кричалъ съ полатей дьячокъ, уже опьянѣвшій.

— Давай.

Пила хлебнулъ изъ бурака.

— Ну, пойдѣмъ къ подлиповцамъ, сказалъ священникъ слѣзая съ полатей. — А ты, дѣвка, все еще не за мужемъ? спросилъ онъ Апроську.

— Нѣтъ, батшко.

— То-то смотри. Найду ребятъ, бѣда тебѣ будетъ!

— Ужо тепло будетъ, повезу ее, сказалъ Пила.

— Ты давно мнѣ говоришь. Съ кѣмъ ты ее хочешь свѣнчать?

— А съ Сысойкомъ.

— То-то. Ну, пойдѣмъ.

Пила повелъ священника и дьячка къ Сысойкѣ. Съ собой онъ захватилъ полковриги хлѣба. Сысойкѣ было легче, но онъ все еще лежалъ. Въ избѣ холодно и темно.

— Зажигай лучину! командовалъ дьячокъ.

Лучину зажгли.

Священникъ сталъ смотрѣть въ передній уголъ: есть ли икона.

Икона была.

— Эй вы! Отчего никого нѣтъ? кричалъ дьячокъ.

— Да больны они, больно больны, сказалъ Пила. Сысойко спрятался въ уголъ на полатахъ и молчалъ. Мать его по прежнему стонала.

.

Переночевавъ у Пилы, священникъ и дьячокъ поѣхали въ село. Пила ѣхалъ за ними на дровняхъ; за дровнями шла пила-на корова съ веревкой на шеѣ.

Какъ ни горько было Пилѣ вести корову въ село, но онъ, изъ боязни, чтобы не погубилъ его Становой, рѣшилъ-таки отдать ее. „Ужо, какъ помретъ Пантелѣй, возьму его корову себѣ. А не помретъ, изъ другой деревни уволуку“, думалъ Пила.

Матрена, какъ Пила сталъ привязывать корову къ дровнямъ, полномъ ударила Пилу, дьячка обругала, какъ только могла, и можетъ быть убила бы Пилу за корову, да у нея силы не было: Пила и дьячокъ до того избивали ее, что она едва-едва добралась до своей избушки. Матрена больше всего въ своей жизни любила корову. Корова для нея была больше, нежели дѣти:

дѣти ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молокомъ и лѣтомъ не просила ѣсть, а питалась въ лѣсу, сама находила пищу для себя, только зимой Матрена наваливала ей сѣна каждое утро. А теперь какъ она будетъ жить безъ коровы?..

Пила прѣѣхалъ въ село вечеромъ. Заплакалъ Пила, какъ заперли его корову въ чужую стайку. Хотѣлъ онъ увести корову ночью, да двери стайки были на замокъ заперты. На другой день отпѣли умершихъ, а Пила съ церковнымъ сторожемъ едва-едва сдѣлали на кладбищѣ маленькую яму и свалили туда гробъ, потомъ завалили яму землей и снѣгомъ. Послѣ этого Пила пошелъ къ дьячку просить денегъ. Дьячокъ сжалился надъ Пилой, далъ ему пятнадцать коп. сер. Пила былъ очень доволенъ этими деньгами и даже повалился въ ноги.

Выйдя изъ двора дьячковаго, Пила долго стоялъ у своей лошади. Его сильно давило горе. Онъ лишился коровы, которая кормила его. Какъ онъ теперь безъ коровы будетъ жить? Какъ семья его пробьется до лѣта? Не корова бы, что бы было съ ними?... Пилѣ все теперь опротивѣло, проклялъ онъ свою жизнь, долго билъ свою лошадь, самъ не зная, за что; сѣлъ на дровни, стегнулъ лошадь, лошадь пошла по улицѣ. Пила не зналъ, куда ѣхать, и пустилъ лошадь на произволь. Лошадь дошла до лѣсу. Дорога вела въ деревню. Пила не поѣхалъ въ деревню, а поѣхалъ въ городъ.

Въ городѣ Пила шатался двѣ недѣли. Жилъ онъ подаянемъ добрыхъ людей. Придетъ въ домъ, попроситъ ради Христа, ему даютъ, кто ломтикъ хлѣба, кто грошикъ. Ломтей у Пилы накопилось много; деньги шли на водку. Хотѣлъ онъ купить на рынкѣ корову, да просили десять рублей. Видѣлъ онъ и дьячка своего сельскаго, тотъ сказалъ ему, что корову онъ подарилъ по начальству. Узнавши, гдѣ корова, Пила двѣ ночи сряду ходилъ къ воротамъ новаго ея хозяина, да все ворота заперты; передѣзъ онъ и черезъ заплоть, да и тамъ не нашелъ коровы, а зарубивъ топоромъ двухъ свиней и перебросивъ ихъ черезъ заплоть, увезъ въ лѣсъ и тамъ зарылъ въ снѣгу.

Пила собрался ѣхать, какъ увидѣлъ около питейной лавочки толпу мужиковъ Зырянъ, Вотяковъ, Пермиковъ и крестьянъ вологодской и архангельской губерній. Пилу любопытство взяло, и онъ спросилъ одного изъ толпы:

- Што, ребя?
- Ништо, сказалъ одинъ крестьянинъ.
- Ты откедова? спросилъ Пилу другой крестьянинъ.
- А подлиповечъ! А вы-то?
- А мы бурлацить.
- Лиже! А поште?
- Бають: баско, богачество, бають...

Пила задумался. Каждую зиму онъ видѣлъ около этого кабака толпу мужиковъ, каждую зиму онъ слышитъ, что они идутъ бурлачить, богатство, баютъ, отъ бурлачества получаютъ. Прежде Пила не вѣрилъ мужикамъ, говорящимъ про богатство, и не спрашивалъ, что такое бурлачество; теперь ему опротивѣла жизнь, мужики роззадорили его: не лучше ли бурлачить? спросилъ самъ себя Пила. „А Сысойко?.. а Апроська?... Ну ихъ къ лѣшимъ и съ бурлачествомъ!...“ Апроська показалась Пилѣ милѣе бурлачества... „Уйди тамъ, а куда?... Ну, уйди—и тютю...“ думалъ Пила. Однако онъ снова подошелъ къ бурлакамъ.

— А васъ много?

— Не всё опшо. Ихъ было человекъ тридцать.

— А далеко?

— Далекко.

— А што робить?

— Плыть.

— Э! А скоро идти-то?

— Скоро.

Пила ушелъ отъ бурлаковъ и поѣхалъ въ Подлипную. Дорогой онъ думалъ: „идти въ бурлаки, или нѣтъ? Бурлачество, баютъ,—хлѣба много... А въ деревнѣ што! тотъ боленъ, другой помираетъ, третьяго везти хоронить надо. Эхъ!... Надоѣла эта жизнь!... Дай, пойду въ бурлаки... Надоѣли подлиповцы; пусть помираютъ, мнѣ не пособить. Только выздоровѣетъ Сысойко и Апроська, возьму ихъ съ собой...“ Пилѣ эта мысль хорошо показалась, онъ захоталъ и рѣшился, во что бы то ни стало, уйти съ Апроськой и Сысойкомъ бурлачить, самъ не зная, что это за дѣло такое, вѣра въ слово богатство и въ надежду имѣть всегда много хлѣбушка... „Уйду же я, уйду! Уже не поклонюсь болѣ никому, не дамъ коровы. Что я безъ коровы-то? Вонъ везу двѣ свиньи, да что толку — не живыя. И Становаго теперь не боюсь“... При мысли о томъ, что онъ будетъ бурлачить, Пила чувствовалъ какую-то легкость, свободу, удовольствіе и никого не боялся...

До Подлипной Пила ѣхалъ четыре дня. Ночи онъ спалъ въ деревняхъ. Каждую ночь ему мерещилось бурлачество, или онъ идетъ куда-то на гору съ Сысойкомъ, Апроськой и всѣми подлиповцами. Сердится Пила: зачѣмъ это прочіе подлиповцы идутъ, зачѣмъ и Матрена тутъ? и старуха Сысойкова тутъ?... Идутъ они долго-долго, все гора, и конца нѣтъ. Вотъ одинъ свалился съ горы, за нимъ другой и прочіе, и Пила въ страхѣ кричитъ и пробуждается. „Не дошли...“ ворчатъ Пила и силится заснуть, чтобы увидать чтонибудь получше — хорошо ли бурлачить... Ему опять кажется, опять онъ съ своимъ семействомъ и подлиповцами на полѣ, и всё рубятъ дрова. Рубятъ, рубятъ, а дровъ нѣтъ... Гдѣ же Сысойка и Апроська?... Жал-

ко стало Пилѣ, сталъ онъ искать ихъ, нашелъ: лежатъ въ подлиповскомъ болотѣ мертвые—медвѣдемъ изгрызены... Заплакалъ Пила, заревѣлъ... Проснулся, на глазахъ слезы... Живы ли Сысойка и Апроська?... Сердце дрогнуло у Пилы: „а что, если померли“?... Пила не могъ придумать, что будетъ съ нимъ, если помрутъ Апроська и Сысойка. Онъ только и придумалъ: „а пошто я-то не помру? Я-то на што живу“... Въ первой разъ въ жизни Пила почувствовалъ сильное горе. Его мучила не корова, а Сысойка и Апроська...

Мысль о Сысойкѣ и Апроськѣ всю дорогу мучила Пилу; всю дорогу онъ не находилъ покоя. Золъ сдѣлался Пила и боялся онъ прѣхать въ деревню, точно въ ней сто медвѣдей засѣли...

Прѣхавъ въ деревню, Пила прямо отправился къ Сысойкѣ. Домой онъ побоялся придти. Въ избѣ было темно и холодно, не слышно ни звука, ни шороха... У Пилы сердце дрогнуло.

— Али померли? Сказалъ Пила.

Пила не получилъ отвѣта. Хотѣлось ему удостовѣриться, залезши на полати, да боялся Пила. Въ первой разъ въ жизни Пила побоялся покойниковъ. Однако Пила залѣзъ на печку. Тамъ лежала мать Сысойки. Пила заглянулъ на полати, никого нѣтъ. Полегче сдѣлалось Пилѣ „Таперь Сысойка у меня... мать вѣрно померла“, сказалъ онъ весело. Сталъ онъ шупать старуху: старуха холодная, не дышетъ, лицо зеленокрасное, глаза открыты, такъ строго смотрять... Пила струсиль старухи, соскочилъ съ полатей, плюнулъ на печку и убѣжалъ на улицу... „Ишшо загрязетъ стерва!“ ворчалъ Пила.

Въ свою избу Пила вошелъ весело. Какъ только онъ вошелъ, на него закричала Матрена.

— Што, дьяволь!... Всѣхъ насъ уморить што ли захотѣлъ?... Вонъ Апроська-то померла!...

Пилу какъ обухомъ кто ударилъ по головѣ, онъ ротъ разинулъ и туло смотрѣлъ на печку, гдѣ сидѣлъ Сысойко, блѣдный и такой сердитый... Жена все ворчала.

— Ишшо не околѣлъ ты, чортъ!... Другіе мрутъ, а ему и смерти нѣтъ!

Пилѣ горько сдѣлалось. Ударилъ онъ жену и полѣзъ на печку. На полатахъ лежала Апроська. Она была такая же, какъ и двѣ недѣли тому назадъ, только не дышала. Пила не вѣрилъ, что она умерла; сталъ онъ ее толкать, она не шевелится... Взвылъ Пила, убѣжалъ на улицу, забрался въ стайку и долго тамъ плакалъ... Въ стайкѣ спали Навель и Иванъ. „Помру ли я?“ спросилъ самъ себя Пила. „Уйду отсель! уйду!...“ закричалъ онъ и вышелъ изъ стайки. Пила хотѣлъ ѣхать, но ему жалко стало Сысойки, да и что дѣлать съ Апроськой? Вести надо ее, опять надо къ попу ѣхать...

Пила вошелъ въ свою избу. Матрена выла на печкѣ, Сысойко дико смотрѣлъ на Апроську. Онъ не плакалъ, а видно было, что его страшно мучило горе. Онъ любилъ Апроську сильно, хотѣлъ съ ней всегда жить; вотъ умерли ребята его матери, умерла и мать... Зачѣмъ же Апроська померла? Онъ-то зачѣмъ не померъ? Дикъ и золь сдѣлался Сысойко, теперь онъ походилъ на собаку, лишившуюся своего дѣтища, онъ готовъ былъ, Богъ знаетъ, что сдѣлать, только бы Апроська была жива, готовъ былъ помереть, но не зналъ, какъ помереть...

Пила также мучился, какъ и Сысойко. Онъ сѣлъ съ Сысойкомъ на полати и долго смотрѣлъ на Апроську, потомъ вскричалъ: „Апроська!...“ Апроська не двигалась, Пила заревѣлъ, заплакалъ и Сысойко. Долго плакалъ Пила, да не помогъ слезами горю. Онъ опять вышелъ на улицу, сѣлъ на крылечко и сталъ думать... Сначала ничего онъ не придумалъ, все Апроська мучила его; потомъ ему опротивѣла своя изба, вся деревня. Пила вскочилъ, какъ бѣшеный, и сказалъ самъ себѣ: „что я за чучело? Что мнѣ жить-то? пойду изъ Подлипной, наплюю на ихъ всѣхъ... Безъ Апроськи что за жизнь“. Онъ вошелъ въ избу.

— Сысойка! айда отсель! Пойдемъ бурлачить!

— Не пойду. Сысойко еще не вѣрилъ тому, что Апроська умерла. „А можетъ она такъ...“ думалъ онъ.

— Э, дура голова! Пойдемъ! бурлачество баская штука, богачество получимъ, а хлѣбушка эво! ужаси!...

Сысойкѣ не хотѣлось идти. Пила сталъ уговаривать его; Сысойко только ругался.

— Ну, и околѣвай, чортъ! Я одинъ пойду, ребятъ съ собой возьму.

Пила сталъ думать, что теперь дѣлать съ Апроськой. Матрена ругается за корову, говорить: вези опять, отдай лошадь... „Ну ужъ, теперь съ меня онъ шишъ возьметъ!“ Однако, онъ все-таки рѣшилъ везти Апроську и мать Сысойки къ попу... „Колп просить чего станеть, я и къ наибольшему его войду... Баеть, у меня начальство есть“.

На другой день по прїѣздѣ въ Подлипную онъ принялся дѣлать гробъ съ Сысойкомъ, Иваномъ и Павломъ. На третій день они уложили въ гробъ мать Сысойки и Апроську въ такой одеждѣ, въ какой онъ умерли. На обѣихъ ихъ были худенькіе полушубки, худые лапти; Сысойко надѣлъ на руки Апроськи свои рукавицы и положилъ ей на грудь ковригу хлѣба. Въ этотъ же день Пила съ женой, дѣтми и Сысойкомъ, положивъ гробъ на Пилины дровни, отправился въ село. Гробъ былъ прикрытъ досками и обвязанъ веревкой. На немъ сидѣли Пила и Сысойко. На Сысойковыхъ дровняхъ, запряженныхъ въ Сысойкову лошадь, ѣхали Матрена, Павелъ, Иванъ и Тюнька.

Дорогой Пила уговаривалъ Сысойку идти бурлачить. Сысойко ругался, и наконецъ понялъ, что въ деревнѣ ему тошно жить, согласился идти съ Пилой туда, гдѣ хлѣба много. Только какъ же безъ Апроськи?

— Ужь не воротись. Жалко, а нешто дѣлать, говорилъ Пила, вздыхая.

— У, Апроська! стерво ты... лѣшій!... вскричалъ со злостію Сысойко. Ему слишкомъ было обидно, что Апроська померла. Дьячокъ удивился, когда увидалъ передъ своимъ домомъ подплицевъ.

Этотъ день былъ теплый, какихъ въ этомъ краю мало бываетъ зимой. Солнце грѣло, съ крышъ капало, вѣтру не было. Пила подумалъ, что лѣто скоро.

— Гли, Сысойко, солнце-то! говорилъ Пила весело, указывая на солнце. — Лѣто тожно скоро... Ишь какъ баско.

Сысойку это не порадовало, а возмутило. Онъ все думалъ объ Апроськѣ.

— А пошто она издохла!... Пошто? вскричалъ Сысойко.

— Пошто? спросилъ и Пила, и ему тоже обидно сдѣлалось.

Вышелъ дьячокъ: — ну что, братцы?

— Што. Знамо што... сказалъ Пила съ сердцемъ. Онъ и Сысойко теперь ходили на звѣрей; вокругъ нихъ собралось много крестьянъ, которымъ Матрена и Павелъ толковали, какъ померла Апроська, и которые жалѣли и умершихъ, и Матрену.

— Кто опять умеръ? спросилъ дьячокъ.

— Кто? Какъ бы не ты, жива бы Апроська-то была... ворчалъ Пила

— Ну полно, Пила... Она теперь покойная...

— Знамо... Зажмурила шары-те. Отъ того и померла...

— Крестьяне, между тѣмъ, съ участіемъ распрашивали Матрену и Сысойку, отчего умерла Апроська.

— Ступайте въ церковь, я сейчасъ буду. Священникъ ушелъ къ Становому, крестьяне по своимъ домамъ, а Пила и Сысойко поѣхали къ церкви. Церковь была отперта сторожемъ. Поставивши гробъ среди церкви, Пила и Сысойко съ Павломъ и Ивановомъ отправились на кладбище.

— Неужли тутъ все люди? спросилъ Сысойко.

— А кто не то. А ты помнишь, гдѣ отецъ-то твой лежитъ?

— Кто его знаетъ!

— А вонъ на той сторонѣ, — туда и пойдемъ копать; а вонъ тамо ребята.

— Пила и Сысойко отгребли снѣгъ, потомъ топорами прорубили неглубокую яму. Эта работа продолжалась съ часъ, до тѣхъ поръ, пока за ними не прибѣжалъ сторожъ.

Въ церкви священникъ и дьячокъ начинали уже отиѣванье. Дьячокъ стоялъ около священника, на которомъ была надѣта ветхая риза. Въ рукахъ у священника было кадило. Въ цер-

кви теплилась одна лампада и горѣли двѣ свѣчки. Гробъ былъ открытъ. Пила и Сысойко стояли около гроба, и смотрѣли на Апроську. Они не молились, а думали; жалко имъ было и досадно, что Апроська умерла, что ее въ землю скоро заркоутъ; а какъ да старуха-то съѣстъ ее?...

— Надо бы другой гробъ-то? сказалъ Сысойко.

— Поздо ужъ.

Пилу и прежде и теперь одно занимало: зачѣмъ это священникъ какой-то штукой съ дымомъ такимъ баскимъ машеть? Это занимало и дѣтей его, и Сысойку.

— Батшко, ты не хлеси Апроську-то, сказалъ Пила.

Священникъ молчалъ.

— Право, брось! Ишшо вырвется...

Священникъ сталъ убѣждать Пилу, что онъ дѣлаеть нехорошо, что это такъ закономъ, установлено. Наконецъ, священникъ кончилъ отпѣванье, посыпалъ трупы землей и велѣлъ подлиповцамъ нести гробъ.

Съ полчаса Пила возился съ Сысойкою. Сысойко просилъ еще посмотрѣть на Апроську, а Пила хотеть закрыть гробъ и увязать веревкой.

— Пила! я ошшо погляжу!

— Ишшо не наглядѣлся!

— Пила, я Апроськѣ носъ откушу!...

— А это вишь! Пила показалъ Сысойкѣ кулакъ.

— Пра, откушу!

— Не тронь!

— Дай?!

Сысойко расцапался съ Пилой. Дьячокъ и сторожъ выпроводили подлиповцевъ изъ церкви, и съ двумя крестьянами вытащили гробъ на улицу.

На кладбищѣ Пила увязалъ гробъ веревкой, покопалъ еще яму и съ Сысойкой и ребятами опустили гробъ въ яму.

— Пила, дай погляжу!

— Ну ужъ, развязывать не стану.

— Я завяжу.

Пила толкнулъ Сысойку и сталъ засыпать гробъ землей. Засыпавъ землей и снѣгомъ яму, Пила и Сысойко воткнули въ курганъ два топора.

— На, Апроська!... Не жалуйся, што обижали тебя... Дѣти Пилы ушли къ матери за церковную ограду. Матрена не пошла на кладбище; она плакала у церкви.

Пила и Сысойко съ полчаса стояли у кургана. Они большую часть времени молчали, смотрѣли на топоры; жалко имъ топоровъ-то, а можетъ Апроськѣ понадобится они. Надо бы съ ней положить... „Вѣдь вотъ Апроська-то жила, жила, а теперь лежитъ вотъ тутъ“... говорилъ Пила и плакалъ.

— Какъ бы ее старуха не съѣла. Пошто же это въ землю-то зарыли? говорилъ Сысойко.

— Пошто! што съ ней, мертвой-то?

— А мы возьмемъ, уволокемъ!

— Нуко возьми! Ужъ теперь ихъ нѣтъ тутъ.

— Вре?!

— Попъ баеть, улетѣли!

— Ахъ, ватаракша! да мы зарыли-то, не попъ?

— Ну, баеть, какъ зароемъ—и тютю. .

Вдругъ Сысойкѣ послышался стонъ изъ земли, онъ пустился бѣжать и, запнувшись о пень, упалъ.

— Экъ те бросило! захохоталъ Пила.

— Пишшить!.. Ай, пишшить!! кричалъ Сысойко.

Пила струсилъ. — Кто пишшить? крикнулъ онъ.

Пила услышалъ изъ могилы стонъ и стукъ... Пилу морозомъ обдало, онъ не могъ двинуться съ мѣста... Изъ могилы раздался еще глухой протяжный стонъ, похожій на визгъ. Пила побѣжалъ. Добѣжавъ до воротъ, онъ закричалъ. „Сысойко! бѣда!“ Сысойко лежалъ на своемъ мѣстѣ, боясь встать... Ему слышался еще стонъ. Пила тоже не шелъ къ Сысойкѣ. Оправившись отъ испуга, онъ сжалъ кулаки и сталъ ворчать: попишиши ты у меня! Я те ужо... Экъ те взяло!.. Сысойко!

Сысойко опять пустился бѣжать и, прибѣжавъ къ Пилѣ, кричалъ: ай бѣда! пишшить! все пишшить...

— И теперь?

— Теперь... Сысойкѣ и теперь казалось, что пишшить. Пила уже не слышалъ стона.

— Кто же пишшить-то!.. Витеръ? спрашивалъ Пила.

— Апроська.

— Ужъ молчалъ бы... Знаешь ты черну немочь.

— Апроська!

— Ну нѣтъ, Апроська улетѣла... Вотъ такъ штука!..

Обоихъ ихъ любопытство брало, что это за штука такая? Идти развѣ послушать, да боялись они, ихъ трясло.

— Ужъ не Апроська ли? сказалъ вдругъ Пила.

— Я тѣ баялъ...

— Подти туда?

Сысойко побѣжалъ за ограду, Пила пошелъ за нимъ.

— Лѣшій! право... чортъ! подемъ, поглядимъ тамока, уговаривалъ Сысойку Пила.

Сысойко не шелъ.

Пила и Сысойко сказали объ этомъ Матренѣ и ребятамъ, и тѣ испугались. Сказали они и крестьянамъ, тѣ сначала не повѣрили, потомъ пошли на кладбище, но такъ какъ тамъ ничего уже не слышали, то и обругали Пилу и Сысойку.

Предметъ любви Пилы и Сысойки—Апроська, была живая похоронена. Интересно было бы знать, что бы случилось съ ними

тогда, когда бы она пробудилась отъ летаргїи въ то время, какъ Пила ладилъ веревку обвязывать гробъ. Вѣроятно они разбѣжались бы, а можетъ быть, и убили бы ее.

Послѣ зарытія Апроськи въ землю и послѣ слышаннаго Пилой и Сысойкомъ стона изъ могилы, горе обоихъ усилилось. Они ходили какъ полуумные, взбѣшенныя, и какъ ни были глупы оба, но у обоихъ явилось въ ихъ мозгахъ сомнѣніе насчетъ смерти Апроськи. Оба они сильно любили Апроську.

Наконецъ, Пила и Сысойко увѣрились въ томъ, что Апроська умерла. Имъ сдѣлалось легче. „Апроська умерла, убилась. А я-то пошто живу!“ думали Пила и Сысойко.

— Пила, заруби меня! сказалъ Сысойко.

— Э!.. ты заруби.

Оба они думали о смерти; но все-таки обоимъ имъ казалось страшно умереть, обоимъ хотѣлось еще пожить...

— Поѣдемъ, Сысойко!.. Поѣдемъ, говорилъ Пила.

— Куда къ лѣшимъ?

— Бурлачить.

— Убей меня!..

— Богачество тамъ... Ну, что въ деревнѣ? Апроськи нѣтъ! Эхъ, горе! Пила заплакалъ.

Сысойко изругался; въ ругани онъ хотѣлъ излить все зло на эту жизнь,—на все, чего онъ не понималъ...

— Пойди ты въ Подлипную... Ну, что тамъ? попремъ.

— Пойдемъ, Пила, пойдёмъ, братанъ... Эхъ, Пила!!

Горе обоихъ велико было. Для обоихъ міръ этотъ казался тяжелымъ, невыносимымъ. У нихъ не было отрады. При всей бѣдности, безъ Апроськи, они думали: какъ жить теперь?

— Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ Сысойко... Веди, а въ Подлипную шабашъ!

— Ужь ты иди, не отставай... Сысойко! умри ты—бѣда мнѣ...

— Мнѣ тоже!..

До утра оба они не спали. Когда они заснули, то имъ помешалась Апроська съ искусанными руками, и они слышали откуда-то стонъ. Они спали не долго и, пробудившись, стали звать Матрену, Павла и Ивана въ городъ

Когда была жива Апроська, Матренѣ было все равно, что есть у нея дочь; не будь дочери, Матренѣ было бы тоже все равно; есть человѣкъ—ладно, а впрочемъ, пожалуй, и не надо бы: хлѣбъ лишній идетъ; только ровно веселѣе съ дѣвкой-то, да и грудью ее Матрена кормила, какъ кормила и прочихъ дѣтей. Только въ этомъ и заключалась любовь матери къ дочери. Когда умерла Апроська, Матренѣ жалко стало ея, а поче-

му жалко, она сама не могла понять. Она плакала, что не увидитъ уже Апроськи, не будетъ говорить съ ней, и сама не знала, чего бы такого попросить у Бога, а только со слезами говорила: „Апроська померла!.. Ахъ, пошто ты померла?.. Пожила бы ты ошшо чуточку, поглядѣла бы я ошшо на красно солнышко..“ Слова эти были заимствованы Матреной у другихъ женщинъ, плакавшихъ и причитавшихъ по усопшимъ, и все-таки они были искреннія, задушевные; больше этихъ словъ Матрена ничего не придумала хорошаго. Матренѣ жалко стало Апроськи, а потому ей тоже не хотѣлось ѣхать въ деревню. Безъ Апроськи пусто теперь дома. Подумай Матрена объ этомъ при жизни Апроськи, представь себѣ то, что Апроська, какъ и всѣ, можетъ умереть, теперь бы ей не такъ жалко было Апроськи. Но Матрена никакъ объ этомъ не думала: она хотя и видѣла умершихъ женщинъ, но никакъ не могла представить себѣ того, что Апроська можетъ умереть; она не могла до сихъ поръ понять: что это такое дѣлается съ людьми, когда умирають, и зачѣмъ ихъ зарываютъ въ землю? Матрена даже не вѣрила, что и она можетъ умереть, а если говорила объ своей смерти, такъ только такъ себѣ, зря, и то когда сердилась. Скажи ей ктонибудь: и ты, Матрена, тоже помрешь, и тебя въ землю зарюють, Матрена тому бы въ лицо плюнула и обругала бы...

Когда Пила сталъ звать Матрену бурлачить, она думала, что бурлачить—баско, и согласилась.

Итакъ, Подлиповцы, Пила съ женой и дѣтьми и Сысойко, отправились бурлачить.

Подлиповцы пріѣхали въ городъ часу въ пятомъ вечера. Они остановились у содержателя постоялаго двора, Терентьяча. Терентьячъ зналъ Пилу, который часто прислуживалъ ему, и потому пустилъ Подлиповцевъ даромъ. Кромѣ подлиповскихъ лошадей, во дворѣ была только одна лошадь. Пила досталъ хозяйскаго сѣна, утасилъ изъ незапертой стайки овса и сталъ кормить лошадей. Подлиповцы отправились въ избу. Въ ней было до двадцати мужиковъ: Пермяковъ, Черемисовъ и Вотниковъ. Половина изъ нихъ лежали на печкѣ, на полатяхъ и на лавкахъ, половина сидѣли за большимъ столомъ и хлебали что-то въ родѣ щей. Въ избѣ не было огня, хотя было очень темно.

— Богъ на-помочь! сказалъ Пила.

— Ладно. Ты откедова? спросили его сидящіе за столомъ.

— Подлипную знаешь?

— Кто те знаетъ. Вячкой или Чердынскій?

— Чердынскій.

— Колдунъ, ребя!

Пила подумалъ: „сдѣлаю я съ вами штуку“.

— Экъ васъ сколь! Бурлачить?

— Бурлачить.

— Э!

— А эта баба-то тоже?

— Тоже.

— Бабъ, бають, не берутъ.

— Ее возмутъ... Она килы садитъ.

Сидѣвшіе за столомъ вытарашили глаза на Матрену.

— Вѣрьте вы ему, ватаракшѣ... Онъ вонъ Андроську уморилъ! ворчала Матрена.

— Слышь, бѣда!.. чурайся! наше мѣсто свято!.. шептались мужики.

Пилу манилъ запахъ щей, и онъ подошелъ къ столу.

— Экую ты гомзулю-то взять!.. Смотри, обтрескаешься! сказалъ Пила одному мужику, оплетавшему большой ломоть хлѣба. Мужикъ спрягалъ кусокъ за пазуху. Четыре мужика вылѣзли изъ-за стола, за ними вышли и прочіе.

— Экой лѣшой, я ись-то не дасть!

— Шаркни его по башкѣ-то.

— Топоромъ ево! кричали мужики.

— Садись, Сысойко. За столъ усѣлись всѣ Подлиповцы— Пила, Сысойко, Матрена съ Тюнькой, Павелъ и Иванъ.

Мужики боялись Пилы и Матрены. Они давно наслышались, что всѣ Чердынскіе крестьяне колдуны, а колдунъ, по ихъ понятіямъ, опасный человѣкъ, да и не человѣкъ, а чортъ не чортъ, что-то особенное: и человѣкомъ ходитъ, и невидимкой дѣлается, съ нечистой силой знается, медвѣдемъ бѣгаетъ, сорокой летаетъ и проч. и проч... Неславшіе мужики стали смотрѣть на Пилу и Матрену, сидѣвшіе за столомъ и вышедшіе изъ-за него стояли у печки и у порога, добѣдая куски хлѣба, и молча смотрѣли на Подлиповцевъ, ожидая какого нибудь чуда.

Пила, его семейство и Сысойко принялись добѣдать лежащій на столѣ хлѣбъ и налитые въ большую чашку скоромные щи.

— А ты напередъ заплати деньги, тогда и распоряжайся, сказала хозяйка и утащила чашку со щами.

— Заплачу, сказалъ Пила.

— Заплатишь ты! Сколько ѣлъ, а все не платилъ.

— А ты погляди, кто у те въ чашкѣ-то сидитъ?

— Кто сидитъ? спросила хозяйка.

— Дай сюды, покажу! Пила подошелъ къ хозяйкѣ.

— Что ты врешь?

— Ослѣпла! Гляди, мышь!

— Ахъ вы, погань экая!... сказала хозяйка.— Вы и хлѣбъ-то весь испоганите. Она хотѣла взять хлѣбъ, но Пила сказалъ ей, что въ ковригѣ лапка чья-то видится. Хозяйка прижалась къ печкѣ и стала смотрѣть на Подлиповцевъ, какъ они охобачивали хлѣбъ. Щей ужъ не было. Мужики дивились.

— Ишь, Якуня, Ваня, што діється!

— Подемъ!

— Ты учись, научить...

Такъ толковали мужики.

— А я ишшо не то сдѣлаю, бахвалился Пила.

— Ой!

— Подемъ, ребя!

— Айда. Стоявшіе мужики ушли.

Хозяйка вѣрила всѣмъ предразсудкамъ и страшно боялась колдуновъ. Пилу она и прежде считала за колдуна, потому что онъ хитрилъ надъ мужиками и возилъ съ собой какія-то травы, которыя и ей давалъ. Увидѣвъ теперь, что его испугались мужики, она тоже струсила. Хотѣла скликать мужа-хозяйива, но въ то же время ей хотѣлось выслужиться и Пилѣ.

— А ты килы садишь?

— Эво! Тебѣ штоли надо?

— Не мнѣ, а Терентыхъ. Проходу мнѣ нѣтъ отъ нея; все говорить: ужь какова нибудь, да буду я тебѣ!

— А много ли дашь?

— Да денегъ-то нѣтъ...

— Кормить станешь?

— Ладно, только сдѣлай килу.

— Ужь сдѣлаю!

Мужики съ печки, полатей, и лежащіе на лавкахъ слушали Пилу и переговаривались между собой.

Сытно наѣлись Подлиповцы. Цѣлую ковригу съѣли.

— Што, Сысойко, наѣлся?

— Баско! Ошшо бы...

— Нѣту болѣ, сказала хозяйка.

— Ну, таперь спать. Пила полѣзъ на полати.

— Убью! не ходи... закричалъ одинъ мужикъ.

— А ты гляди: кила у тебя на рожѣ-то! сказалъ Пила. Мужикъ испугался и ушелъ съ полатей, за нимъ ушли и прочіе. Они улеглись на полъ. Подлиповцы залѣзли на полати и расположились спать, не раздѣваясь, такъ же, какъ и прочіе мужики.

— Учись, Сысойко! всему научу, хвастался Пила.

— Ты врешь все.

— Хошь килу?

— Нѣтъ.

— То-то... Ужь и, братъ, што захочу, все сдѣлаю.

— А зачѣмъ Апроська померла?..

— Такъ ты колдунъ? спросилъ одинъ мужикъ съ печи.

— Колдунъ.

— Глиже! У насъ тоже есть колдунъ; што захочетъ, такъ и будетъ. Баба есть такая, въ трубу вылетаетъ.

— А вотъ эта баба-то—бѣда! сказалъ Пила про Матрену.

— Ой-ли?
 — Въръ ты ему, варнаку! отплюнулась Матрена.
 — А ты молчи! крикнулъ на нее Пила.
 — Што молчать-то!.. Матрена знала, что Пила не колдунъ;
 а впрочемъ, кто его знаетъ. Пила слишкомъ заврался.
 — Ребя, бабы-то нѣтъ ужъ!
 — Ой!
 — Улетѣла! А ты молчи! шепнулъ Пила Матренѣ, которая
 лежала у стѣны.

Мужики струсили. — Какъ улетѣла? спросили они, а загля-
 нуть на полати боялись.

— Да она откедова?
 — Кто ее знаетъ. Сѣла ко мнѣ на лошадь, вези, говоритъ...
 — А ты бы ее топоромъ, топоромъ, такъ бы и хлесталъ.
 — Биль—не беретъ...
 — Куды же она улетѣла?
 — А кто ее знаетъ. Она вонъ къ ейной бабѣ улетѣла.
 — Это къ Терентыхѣ? спросила хозяйка, дрожащая отъ
 страха.
 — Къ ей!
 — Слава тѣ Господи!
 — А ты зачурайся, сказалъ хозяйкѣ одинъ мужикъ, лежащій
 на полу.

Подлиповцы стали засыпать. На полатахъ было такъ тепло,
 что Подлиповцы ни за-что бы не сошли и спали бы долго, дол-
 го. Они уснули скоро. Во снѣ имъ мерещилась Апроська, и
 они часто кричали со сна: „Апроська! пишшитъ!“ Мужики,
 бывшіе въ избѣ, долго еще толковали насчетъ Пилы и расска-
 зывали разные случаи объ колдунахъ, слышанные ими отъ
 людей.

— Недавно, говорилъ одинъ:—у насъ, значить, свадьба бы-
 ла. Баско гуляли. Ладно. Вотъ и появилсь колдунья, и заѣла по
 куричь: съѣмъ, баеть... Бѣда! Такъ и бѣгать за бабами! Ну,
 и драло всѣ, а кто на печку залѣзъ, да кринки на голову и
 поздѣвалъ... Она, будь проклята, и давай кринки на полъ ки-
 дать, кою бросить, и разобьется... Ужаси! Мужики крестились
 и охали.

— Это што, говорилъ другой.—Вячки-те лучше вашихъ Чер-
 дынскихъ. У насъ, братчи, колдунъ издохъ. Какъ воць, и пе-
 ревернетца и побѣжить, и побѣжить!.. Привезли ево въ чер-
 ковь, черковный пѣунъ и давай отцытывать, а попь и давай
 махальничей махать. Махалъ, махалъ долго, а колдунъ и да-
 вай зубами цапать... Пѣунъ побѣгъ; а попь и хлобысни кол-
 дуна-то цитальницей... Колдунъ и померъ.

— У васъ што въ Вяткѣ-то. У насъ лучше есть...
 Лежавшимъ на печкѣ не спалось. Одинъ изъ вихъ досталъ
 огня на лучину, всѣ четверо, лежавшіе на печкѣ, заглянули на

полати: тамъ всѣ Подлиповцы храпятъ, и Пила тутъ, и Матрена тутъ.

— А баба-то прилетѣла!

— Хлобысни бабу-то!

-- Ты хлобысни...

Пила въ это время проснулся, взглянулъ... Мужики испугались и слѣзли съ печки... Пила слѣзъ на печку и уснулъ на ней одинъ. Онъ спалъ лучше всѣхъ.

Подлиповцы пробудились на другой день поздно. Хотѣлось имъ еще поспать, да хозяинъ сказалъ, что у нихъ одной лошади нѣтъ. Пила и Сысойко соскочили, одинъ съ печки, другой съ полатей, вышли во дворъ; дѣйствительно, не было лошади Пилы съ дровнями и двумя топорами.

Пила выругалъ хозяина, говоря: ты укралъ мою лошадь. Хозяинъ тоже выругалъ Пилу, говоря, что лошадь укралъ не онъ, а навѣрное мужики, ушедшіе изъ избы вечеромъ. Пила пошелъ съ Сысойкомъ по городу отыскивать свою лошадь. Но городъ не Подлипная; въ городѣ скорѣ заблудишься, нежели отыщешь лошадь. Пила вошелъ въ сосѣдній съ постояннымъ дворомъ дворъ, тамъ кучеръ выругалъ его и погрозилъ отправить въ полицію; въ — третьемъ онъ натолкнулся на какого-то барина, баринъ прикрикнулъ на него... Пила постоялъ на улицѣ, подумалъ, куда идти искать? „Пропала лошадь, не найдешь. Вотъ если бы я колдунъ былъ, ужъ не украли бы лошадь“, ворчалъ Пила. Горе его велико было, лошадь — товарищъ крестьянина. Куда онъ теперь дѣнется безъ лошади, пожалуй и бурлачить нельзя. „Оказія! Ахъ воры!.. И смерти-то на васъ нѣтъ...“ Изругался Пила сильно; долго ругался, ругалъ и Матрену, и Сысойку, и мужиковъ, и Апроську выругалъ, а лошади не отыскалъ.

По дорогѣ шли вчерашніе мужики.

— Вонъ онъ, колдунъ-то! сказали нѣсколько мужиковъ.

Пила выругалъ ихъ.

— Ишь онъ, чортъ-то! Видно мяконькихъ наклади.

Пила опять выругалъ ихъ.—Лошадь украли! крикнулъ онъ.

Мужики захохотали. Пила бросился на мужиковъ, какъ медвѣдь: одного сшибъ съ ногъ, другаго повалилъ на снѣгъ, третьему носъ разбилъ... Мужики разбѣжались отъ него.

— Смѣшно, лѣшіе?... лошадь украли, дьяволы!.. ругался Пила.

Пошелъ онъ опять на постоянный дворъ. Тамъ было шесть мужиковъ. Пила все ругался.

— А ты не ругайся, и мы ругаться-то мастаки... Тебѣ наш-то лошадь-то? Въ бурлаки съ лошадьми не берутъ,—не нужно. А ты вотъ продай эту. Пила еще хуже заругался. Мужики стали сбивать Сысойку продать лошадь.—Ты то пойми, какая у те лошадь-то: ишь худая, того и гляди, издохнетъ. А ты продай.

— Ты свою заведи, да продай, ворчить Пила.

— Были онъ, свои-то, да тоже продали.

— Што ты, собака, присталъ:— продай да продай!

— А посмотри завтра, и этой не будетъ.

Однако мужики сбили Пилу.

— Ты врешь, что лошадь не надо? спросилъ Пила, понявъ, что имъ нечѣмъ будетъ кормить лошадь.

— Што врать-то, дѣло говорю.—Рубля три дадутъ...

— Экой приткой... Пять давай! Пила больше пяти рублей не зналъ счету: для него пять рублей уже богатство было.

— Не продамъ! сказалъ Сысойко.

— А оно гоже, Сысойко, толкуютъ!—Лошадь-то того и гляди вздохнетъ; ужъ моя ходила чуть чуть, а эта ишь какая пегалица, самому ошшо надо везти.

Пила и Сысойко рѣшили продать лошадь и тутъ же продали одному крестьянину за три рубля. Получивши два рубля, Пила и Сысойко поѣхали съ крестьяниномъ въ питейную лавочку. У питейной лавочки стояло съ пятнадцать мужиковъ.

— Эй ты, дѣшой! Гдѣ баба то? спросилъ Пилу мужикъ, спавшій въ постоялой избѣ.

— Што баба... Вотъ лошадь украли.

— А я, баеть, колдунъ.

— Поговори ты у меня шароглазый песъ!

Мужики осмѣяли Пилу. Пила обругалъ ихъ.

Въ питейной лавочкѣ пили водку три мужика. Крестьянинъ, купившій Сысойкину лошадь, поставилъ полштофа водки, и сталъ подпивать Подлиповцевъ. Сысойко никогда не пивалъ еще водки, со стакана его разобрало. Въ лавочку вошло еще человекъ шесть. Попойка продолжалась съ часъ; Пила, захмѣлѣвъ, пропилъ еще рубль. Мужики стали пѣть и плясать и кричали до ночи, когда ихъ вытолкали на улицу. Мужики орали пѣсни или разсуждали о бурлачествѣ.

— Баско бурлачатъ! замѣтилъ Сысойко, уже пьяный, поддерживаемый Пилой, который тоже пошатывался впередъ и назадъ, направо и налево.

— Баско, отвѣтилъ одинъ мужикъ.

— А што дѣлать-то? спросилъ Пила.

— Плыть. Рѣки эво какія!—Большущія, пребольшущія.

— Лиже ты! А близко?

— Далекю. Теперь будетъ Соликамско городъ, потомъ Усолье городъ, Дедухино...

— Вре!

— Пра. Тамъ Чусова рѣка, Кама-матушка... Вотъ дакъ рѣка! А тамъ, бають, Волга, супротивъ той Кама што! А идетъ она съ тово свѣту, и конца ей нѣту...

— На ней, бають, атаманъ Ермакъ,—силища у него у! какая была! онъ, бають, города бралъ; никто ему не смогъ перечить...

— А тамъ люди-то есть же? спросилъ Пила.

— Есть, да иные, бають.

— Вотъ, Сысойко, куда мы подемъ!—Ты мнѣ долженъ спасибо сказывать, каракуля ты экая... говорилъ Пила.

Пила и Сысойко отстали отъ мужиковъ, шли кое-какъ; Пила хвалился тѣмъ, что онъ сила и колдунъ, Сысойко почти спалъ и только нукалъ да эвалъ. Шагъ за шагомъ ноги обоимъ измѣняли и они, разсудивъ, что лучше тутъ уснуть, улеглись среди дороги, и въ первый разъ въ жизни забывъ о житейскихъ дрязгахъ, о своемъ горѣ, уснули въ обнимку. За-то утромъ они проснулись въ мѣстѣ грязномъ, мѣстѣ прохладномъ и душномъ, среди незнакомыхъ лицъ, мужиковъ и какихъ-то, „кто ихъ знаетъ какихъ“ людей...

Благодѣтельная полиція сжалилась надъ Подлиповцами, спавшими среди улицы на дорогѣ, и стащила ихъ въ чижовку.

Пила и Сысойко никакъ немогли понять, гдѣ они, и что это за люди такіе. Помнятъ они, что были въ кабакѣ, а какъ сюда забрались? Они даже струсили: ужъ не на тотъ ли свѣтъ они забрались, уже не бурлачество ли это? Пошелъ Пила къ дверямъ, двери заперты. Пила удивился. Люди его забавляли: они говорили такія слова, что Пилѣ смѣшно стало. Спросилъ онъ ихъ:—а што, бурлачество это? Тѣ осмѣяли его. Пила ихъ выругалъ и улегся опять на полъ около Сысойка.

— А баско, Сысойко. Спи знай, ишь сколь людей-то, и люди-то все какіе-то востроглазые. Пила и Сысойко уснули. Однако имъ не позволили долго нѣжиться. Пришелъ въ чижовку квартальный съ казаками и растолкалъ ихъ ногами. Пила и Сысойко испугались и встали.

— Кто вы такіе? крикнулъ на нихъ квартальный, Пила струсиль.

— Мы-те? спросилъ онъ.

— Да что ты, скотина, не отвѣчаешь?

— А ты знашь Подлипную?

— Что?

— А ты не кричи! Экъ испугались!.. сказалъ Пила и пошелъ къ дверямъ. Квартальный ударилъ Пилу по лицу, Пила сталъ ругаться и полѣзъ въ драку...

— Въ острогъ его, каналью! Въ кандалы заковать! свирѣпѣлъ квартальный.

— Экъ испугались! Туды тоже и съ лапищами лѣзеть!... Я, батъ, восемь медвѣдевъ убилъ.

— Долго возились съ Пилой и Сысойкомъ солдаты: хочется солдатамъ кандалы надѣтъ на ноги Подлиповцевъ, а они ругаются; одному солдату такую затрещину далъ Пила, что тотъ и свѣту божьяго не взвидѣлъ. Солдаты связали имъ руки, но

и тут Сысойко укусилъ одному солдату руку. Подлиповцевъ вытолкали изъ полиціи и два дюжихъ солдата повели въ острогъ.

Пила и Сысойко никогда не видали арестантовъ, не знали, что за острогъ, не понимали, что такое дѣлается съ ними. Впрочемъ, они струсили. Ужъ не на смерть ли ихъ ведутъ. Пила боялся солдатъ.

— Поштенной, а поштенной, куды это мы? спросилъ Пила робко одного солдата.

— Куды? знамо въ острогъ.

— А это што?

— Не бывальъ коли,—увидишь. Зоворовались, сволочи!

— Поругайся ты, востроглазый!

— Видно плута.

— Право, не ругайся, всего избыю. Пила рванулъ было руки, да руки крѣпко связаны назадъ. Пила чувствовалъ, что онъ ровно безъ рукъ сдѣлался. Онъ пошелъ въ сторону, за нимъ пошелъ и Сысойко.

— Куды! куды! закричали солдаты.

Пила и Сысойко пустились бѣжать. Солдаты ихъ догнали и избили. Пила и Сысойко ругались, ругали другъ друга.

— Баялъ я тѣ, не пойду! ворчалъ Сысойко.

— Молчи, пучеглазый! не ты бы, дакъ не пошелъ бы я.

— А ошшо баеть: я колдунъ! Сысойко выругалъ Пилу. Пила плюнулъ въ лицо Сысойки, Сысойко тоже плюнулъ въ лицо Пилы.

— Смпрно вы, дьяволы! закричалъ на нихъ одинъ солдатъ.

Пила и въ солдата плюнулъ... Солдатъ опять избилъ Пилу. Кое-какъ солдаты довели Подлиповцевъ до острога и сдали офицеру. Смотритель втолкнулъ ихъ въ большую избу, темную, сырую, холодную и грязную, съ удушливымъ запахомъ махорки. Руки имъ развязали.

— Ишь чортъ, куда попали! ворчалъ Сысойко.

— Молчи, собака, звѣрь ты эндовой, мохнорылый песь!...

— Издохнешь, пиголица!

— Тѣфу... мохнорылый песь! Пила плюнулъ въ лицо Сысойки, тотъ тоже плюнулъ. Завязалась драка. Ихъ оглушили хохотомъ тридцать человекъ арестантовъ съ кандалами, лежащихъ на нарахъ и подъ нарами. Двадцать арестантовъ окружили Подлиповцевъ и розняли ихъ.

— Я восемь медвѣдѣвъ убилъ, а ты што? ругался Пила.

— Самъ я одново убилъ... Экой прыткой!

— Ай, да молодцы! Ну-ко ишшо? кричали арестанты.

— Што ишшо? Подойди, песь! кричалъ Пила одному арестанту.

— Ты много ли душъ-то сгубилъ?

— За убійство знамо попался!

— Пила схватилъ попавшійся подъ руки ушатъ и поднялъ его въ порывѣ ярости, его облило чѣмъ-то вонючимъ. Всѣ хотали, даже Сысойко смѣялся. Пила бросился на арестантовъ, Сысойко тоже бросился, но арестанты избили ихъ.

— Не хочу я знаться съ вамъ! сказалъ Пила.—Айда, Сысойко.

Пила пошелъ къ двери; двери были заперты. Пила сталъ стучать въ двери и услышалъ: что стучишь, сволочь? Сиди!

— Я тѣ дамъ, сиди! Пила и Сысойко, что есть мочи, стучали въ двери кулаками и метлой, валявшейся на полу.

— Храберъ! кричали арестанты.

— Ты, Сысойко, за меня держись... Какъ отпрутъ мы, и выскочимъ, а то съѣдятъ здѣсь. Ишь какія рожп-то... Сысойко взялъ въ обѣ руки полы полушубка Пилы. Загремѣлъ замокъ, дверп отворились, Пила и Сысойко выскочили. Но ихъ поймали. Смотритель ихъ жестоко отпоролъ розгами и втолкнулъ въ какую-то темную канурку. Пилъ и Сысойкѣ такъ обидно сдѣлалось отъ боли и отъ всего, что было съ ними, что каждый изъ нихъ хотѣлъ что нибудь сдѣлать этимъ злымъ людямъ. Оба они лежали вмѣстѣ на животахъ; руки были завязаны на спинѣ. Они не могли даже повернуться; такъ ихъ избили и пертерзали!...

— Сысойко!... стоналъ Пила.

— Пила!... Охъ больно!...

— Ну, таперъ помремъ... Пила началъ ругаться, Сысойко тоже, и оба страшно ругались и грызли рогожу, на которой лежали.

На другой день Подлишовцевъ повели въ полицію. Пила и Сысойко шли молча, едва переступая отъ боли. Лица ихъ избиты; отъ ранъ на нихъ запеклась кровь.

— Экъ тебя избили! сказалъ жалобно Пила Сысойкѣ.

— И тебя, батъ, тоже, глаза-те у тебя эво какіе! а носъ-то —бѣда!... стоналъ Сысойко.

Не смотря на боль, обоихъ забавляли ружья солдатскія.

— Што же это торцытъ, Сысойко? Вострое—ножъ не ножъ?...

— А ты спроси!

— Нѣтъ, ты спроси.

— Боюсь, избыють; ошшо пырнетъ востреемъ-то...

— Пила не утерпѣлъ, спросилъ таки солдата:— а это, поштенный, што у те?

— Што што?

— А на ружь-то торцытъ?

— Это ружье, а то штыкъ.

— Эво, не знаютъ што ли ружья-то! Медвѣдевъ вонъ ломомъ билъ, а рябковъ ружьемъ стрѣлялъ, знаю.

Солдаты хохотали:—будетъ вамъ жару и пару!

— Ошшо?

— И какъ еще вздеруть-то!

— А пошто?

— А за-то, не ходи пузато. Не дѣлай убійства.

Пила и Сысойко молчали.

Въ полиціи были городничій и судебный слѣдователь.

Въ присутствіе ввели Пилу одного.

Судебному слѣдователю жалко стало Пилу при видѣ его особы, избитой и худой. Ему сказали только, что есть два важныхъ преступника, которые бѣжали отъ стражи и были пойманы. Обстоятельство дѣла началось съ донесенія квартальнаго, который нисалъ, что Пила и Сысойко валялись пьяные ночью на улицѣ, были приведены въ полицію и тамъ произвели буйство.

— Кто ты такой? спросилъ судебный слѣдователь Пилу.

Пила повалился въ ноги судебному слѣдователю. — Не губи, батшко! Вонъ корову увели, лошадь украли... Апроська померла... Всего избили... Смерть тожно скоро...

Городничій улыбнулся. — Притворяется, каналья!

— Встань! сказала слѣдователь. Когда Пила всталъ, слѣдователь велѣлъ развязать Пилѣ руки.

— Ты говори откровенно: кто ты такой?

— Чердынской.

— Крестьянинъ?

— Хресьянинъ.

— Какой деревни?

— Деревни Подлипной, общество Чудиново.

— Чѣмъ занимаешься?

— А што дѣлать-то?... Хлѣбушка нѣтъ, кору ѣдимъ... Вонъ Сысойковы ребята померли, корову за нихъ увели... А тамъ Апроська померла, Сысойкова мать померла, я и пошелъ бурлачить... Вонъ Матренка съ ребятами у Терентьича на постояломъ живеть... Пусти, батшко, бурлачить-то!.. Ослободи!

— А какъ зовутъ тебя?

— Зовутъ меня Пила.

— Имя и отчество?

— Туто все: Пила родился, Пилой помру... Зовутъ еще Гаврилкомъ, да это только дразнятся, а Пила настоящее; всѣ такъ зовутъ: и попъ, и Терентьичъ здѣшній.

— Зачѣмъ ты драться лѣзь?

— Гдѣ-ка?

— А какъ тебя пьянаго сюда привели и какъ потомъ квартальный сталъ тебя спрашивать.

— Кто его знаетъ, кто онъ. Я съ Сысойкомъ лежалъ, а онъ съ архаровцами пришелъ и давай пинать меня, потомъ и хлестнулъ... А я, батъ, самъ восемь медвѣдевъ убилъ, никому не спущу... Больно прытокъ!... Ишшо не то ему сдѣлаю... Ишшо вотъ желѣзки, собака, надѣлъ...

— Ты не ругайся, а говори дѣло.

— Ужь какъ умѣю... А ужь не спущу... Вонъ архаровцы всего избили, а тамъ еще хлестать стали... Бѣда!... Пила плакаль.

— Онъ, кажется, невиновать, сказалъ слѣдователь городничему.

— Притворяется, собака.

Позвали квартального. Какъ только вошелъ квартальный, Пила чуть не бросился на него.

— Вотъ онъ, ватаракша! Ну-ко, подойди ко мнѣ! Подойди!

— Молчать! сказалъ городничій. Пила присмирѣлъ.

— Вы его привели въ полицію ночью? спросилъ слѣдователь квартального.

— Казаки.

— Онъ говоритъ, вы его били.

— Ахъ онъ каналья! Онъ спалъ пьяный, я сталъ будить его и другаго, они ругаются. Сталъ спрашивать, кто они такіе, этотъ разбойникъ и полѣзъ на меня. Я и велѣлъ заковать въ кандалы и отвести въ острогъ.

— Зачѣмъ?

— Да помилуйте, онъ всѣхъ перерѣжетъ!

— Ахъ ты востроглазый чортъ!... Я тѣ дамъ!!!. Ты меня бить-то сталъ, а ужь тебѣ гдѣ со мной орудовать. На тебѣ и надѣто-то што!... Пиголица, право!

— Онъ вотъ и теперь ругается. Да онъ, можетъ быть, бѣглый какой нибудь.

— Есть у тебя паспортъ? спросилъ слѣдователь Пилу.

Пила не понималъ. — Это какъ?

— Получалъ ты когда нибудь паспортъ изъ волостнаго правленія?

— Какой приткой! Поди-ко, возьми напередъ.

— Знаешь ты, что такое паспортъ?

— А пошто?

— Тебѣ не давали никакой бумаги?

— Нѣту!

Слѣдователь показалъ Пилѣ лежащій на столѣ паспортъ.

— Баско! ослабился Пила. — А ты дай мнѣ! Пилѣ понравился кружокъ съ орломъ на паспортѣ: — а это какая птича-то?

— Есть у тебя квитанція въ платежъ податей?

Пила не понималъ этихъ словъ: — это опять какъ? спросилъ онъ.

— Платилъ ты подати?

— Самъ бы взялъ ошшо, да не даютъ, вонъ Христа ради пособираешь да купишь хлѣбушка. Экъ ты!...

Пила сдѣлался развязиѣе. Слѣдователь понравился ему.

— Вотъ што, поштенный, дай мнѣ хлѣбушка, Христа ради!.. Вотъ у меня Сысойко того и гляди помретъ; а Матрена съ ребятишками померла ужь поди.

— На что же ты пьянствовалъ?

— А я лошадь Сысойкову продалъ хресьянину; хресьянинъ и повелъ насъ, меня да Сысойка, въ кабакъ; хресьяна чужіе пришли, ну и пили... За лошадь два рубля получилъ, а какъ хватился въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня впервые избили, и тю-тю денегъ...

Слѣдователь былъ человѣкъ молодой и понималъ дѣло. Ему жалко стало Пилу.

— Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ онъ Пилу.

— Да вотъ поди лѣто скоро будетъ... Лѣтомъ-то баско...

— Неужели ты не знаешь себѣ лѣтъ?

— Прокурать ты, какъ я погляжу! Померъ бы я, да не могу... Вчера вотъ думалъ, совсѣмъ помру, а нѣтъ... Вонъ Апроська сперва померла... Ахъ дѣвка, дѣвка!.. Пила вспомнилъ, какъ онъ видѣлъ ее въ могилѣ.

— Кто она тебѣ?

— Дѣвка. Матрена родила.

Слѣдователю ее разъ приводилось имѣть дѣло съ подобными крестьянами. По своей глупости они ни за-что, ни про-что попадали въ бѣду. Назадъ тому годъ до него, подобныхъ крестьянъ обвиняли въ разныхъ разностяхъ, приговаривали къ каторгѣ, и они, терпя наказанія и разные муки, шли въ далекія страны, сами не зная, что съ ними дѣлается, и гибли, какъ гибнуть измученныя животныя. Прежнимъ слѣдователямъ никакого не было дѣла до участи этихъ бѣдныхъ крестьянъ, имъ только нужно было скорѣе сдать дѣло въ судъ, который рѣшалъ по тѣмъ даннымъ, какія были въ дѣлѣ. Счастье Пилы, что его сталъ спрашивать не Становой и не Городничій, а такой слѣдователь, какихъ у насъ еще очень немного.

— Если ты окажешься правъ, мы отпустимъ тебя, сказалъ Пилѣ слѣдователь.

Пила повалился въ ноги слѣдователю...— Батшко!пусти скорѣ!.. Куды я безъ Сысойка дѣнусь, и его пусти, вѣдь вонъ тамъ парви ошшо. Пилу вывели въ прихожую.

Позвали Сысойка. Сысойко оказался еще глупѣ Пилы, говорилъ то-же, что и Пила. Онъ даже не зналъ своего настоящаго имени, а говорилъ: „я Сысойко,—и все тутъ“.

Позвали Матрену и ребятъ Пилы. Тѣ рассказали все, что умѣли и знали, а Матрена выла объ Апроськѣ. Хозяинъ постоялаго двора сказалъ, что онъ знаетъ Пилу нѣсколько лѣтъ, что онъ вреда не дѣлаетъ, а больно бѣденъ. Спросилъ слѣдователь и арестованныхъ при полиціи, тѣ показали, что кварталный первый ударилъ Пилу. Служащіе полиціи показали, что кварталный въ тотъ день былъ пьянъ. Пилу и Сысойка расковали и оставили при полиціи подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ донесенія отъ Становаго Пристава, завѣдывающаго Чудиновской волостью, о томъ, есть ли тамъ Пила и Сысойко, и какія настоящія ихъ имена.

Въ полиціи Пила и Сысойко жили съ мѣсяць. Жили они въ небольшой комнатѣ, называемой чижовкой, грязной, съ тремя лавками, двумя небольшими окнами съ рѣшотками и съ разбитыми стеклами въ рамахъ, заклеенными въ нѣсколькихъ мѣстахъ бумагою. Клоповъ, блохъ и вшей въ ней находилось безчисленное множество, и эти насѣкомыя то и дѣло, что насыщались кровью своихъ жертвъ—нѣсколькихъ человѣкъ, постоянно находящихся въ чижовкѣ. Иногда въ чижовкѣ было человѣкъ 10, иногда и 5. Люди эти были большею частію пьяницы, найденные ночью на улицахъ полиціею, люди, навесшіе обиды разнымъ подобнымъ же имъ людямъ, не платящіе долговъ, улченныя въ воровствѣ и разныхъ преступленіяхъ, которые сидѣли тутъ по недѣлямъ, а потомъ или препровождались въ острогъ, или выпускались.

Пилѣ и Сысойкѣ весело было съ этими людьми; но они все-таки имъ не нравились. Они поняли, что чижовка такое мѣсто, куда садятъ только „негожихъ“ людей, да и люди-то эти все ругаются, да говорятъ такія слова, что ужаси“. Первую недѣлю Пила привыкалъ къ этой празднои жизни и удивлялся, какой это добрый человѣкъ носить имъ хлѣбъ, хоть и не свѣжій, а все же настоящій, и воду носить. Но когда онъ узналъ отъ солдата, что онъ подъ судомъ, и хлѣбъ дается ему казенный или царскій, и когда товарищи его надоѣли ему, онъ не залюбилъ эту чижовку и всѣхъ людей, которые въ ней жили, и постоянно ругался съ ними. Первымъ дѣломъ его храбрости въ чижовкѣ было то, что онъ согналъ съ одной лавки двухъ женщинъ и расположился съ Сысойкомъ на мѣсто ихъ. Это было на второй недѣлѣ ихъ заключенія. Всѣ они спали на полу въ своей одеждѣ, на своихъ кулакахъ, такъ какъ постлать и положить подъ-голову нечего было, но привыкнуши спать на полатахъ и появивъ, что спать на лавкѣ лучше, чѣмъ на полу, гдѣ постоянно ходятъ и наступаютъ на нихъ, Пила, во что бы то ни стало, задумалъ отнять одну лавку. Какъ онъ ни приступалъ, его не пускали на лавки и даже гнали, когда онъ садился. Но вотъ одна лавка опросталась: лежавшіе на ней арестованные были выпущены, и на ихъ мѣсто расположились двѣ молодыя женщины, обвинявшіяся въ воровствѣ. Пила узналъ, кто этѣ женщины и не залюбилъ ихъ. Когда на другой день потребовали ихъ къ допросу, Пила и Сысойко тотчасъ заняли ихъ мѣсто. Замѣтивши это, другіе арестованные, перебивающіеся также, какъ и подлиповцы, обидѣлись.

— Вы, сволочи, зачѣмъ легли?

— А што?

— Тутъ занято, почише васъ есть.

— Поговори ты, собака!.. Мы, батъ, раньше тебя живемъ.

Какъ ихъ ни ругали арестованные, Пила и Сысойко только отругивались, а съ мѣста не шли.

Пришли женщины, и увидѣвъ, что имъ, кромѣ пола, лечь некуда, стали толкать Пилу и Сысойка. Тѣ притворились спящими. Когда женщины потащили Пилу, Пила ударилъ одну изъ нихъ такъ, что та упала на полъ.

— Что ты, собака, дерешься?

— Што? Нуко подойди ошно? Подойди!..

— Ты наше мѣсто занялъ.

— Я тѣ дамъ „занялъ“! Прытка больно!..

Въ чижовкѣ всѣ хохотали.

— Да пустите, черти! проспали женщины.

Пила легъ лицомъ къ стѣнѣ и ворчитъ: я те пушшу, вата-ракшу. Ты то пойми: за что мы-то сидимъ? Женщины стали ласкать Пилу.

— Какой ты хорошій! говорила одна.

— Я тѣ „хорошій“... Прытка больно!..

Одна женщина обняла Пилу.

Пила опять ударилъ ее. — Сказано, не тронь! и все тутъ! А съ тобой ужъ не лягу, у меня вонъ Апроська была, а ты чужая...

Подлиповцы каждый день топили печки въ полиціи и у городничаго; случалось, проводили по цѣлому дню въ кухнѣ городничаго, что нибудь работая. Дни эти были блаженные для нихъ: они были нѣсколько свободны, ихъ кормили щами, жаркимъ и даже кашей. Самъ городничій понялъ положеніе Пилы, тѣмъ болѣе, что жена его, Матрена, просила городничаго пустить ее въ чижовку жить съ ребятами. Они теперь жили у одной нищей за 15 к. въ мѣсяцъ и собирали Христа ради. Однако городничій не дозволилъ Матренѣ жить въ каталажкѣ, а погрозилъ отправить въ Подлипную.

Казаковъ и солдатъ подлиповцы не любили, но боялись ихъ; тѣ, зная о подлиповцахъ, обращались съ ними добрѣе, чѣмъ съ прочими арестованными, и часто шутили. По мнѣнію солдатъ и казаковъ, подлиповцы были очень глупы и дики; раздражить ихъ ничего не стоило: осердившись, подлиповцы лѣзли драться на того, кто сердилъ; но не всѣ изъ солдатъ были такіе: одинъ изъ нихъ часто отговаривалъ подлиповцевъ отъ ругани и драки. Отъ этого же солдата они узнали, кого надо бояться, кого бить, кому какъ говорить, кому кланяться, кому нѣтъ. Подлиповцы узнали также, что ихъ Становой и сельскій попъ еще не большія лица, а въ городѣ есть выше ихъ: Исправникъ, Городничій, Судья, а надъ попомъ Благочинный, и что надъ этими лицами еще есть старше, они живутъ въ губернскомъ городѣ и надъ тѣми тоже есть старшіе... Подлиповцы только дивились этому и плохо вѣрили. Говорили имъ также, что этотъ городъ не одинъ и земля велика; подлиповцы только смѣялись.

Въ продолженіи мѣсяца Подлиповцы узнали больше, чѣмъ живши до этого времени; на примѣръ они узнали, что есть мѣста лучше и хуже Подлипной, есть люди богатые и такіе, которыхъ ни за что обижаютъ и дѣлаютъ съ ними не силой, а чѣмъ-то инымъ все, что только захотятъ, какъ это было и съ ними: въ Подлипной они боялись только попа и Становаго, а здѣсь многіе ихъ обидѣли, избили и отодрали, и теперь нигдѣ не пускаютъ. Узнали, что такое паспорта; узнали также, что такъ жить, какъ жили они, нельзя, а вужно идти въ другое мѣсто. Пилъ и Сысойкѣ опротивѣла не только деревня, село, но даже и городъ, и они задумали, какъ выпустить ихъ, тотчасъ же идти бурлачить и вести себя скромнѣе.

Наконецъ, Пилу и Сысойко выпустили изъ полиціи.

— Куда теперь? спросилъ Сысойко Пилу.

— Знамо, бурлачить.

— Айда! А мы Пашку да Ваньку возьмемъ.

— Возьмемъ.

— И Матрену?

— А не то какъ? Ну, и времячко! и городокъ!.. Сколько бѣдъ-то!

Одно къ одному и идти. Апроськи нѣтъ, пишшить поди стерво. Лошади тютю...

— А тамъ, бають, лучше.

— Опять бы бѣды не было?

Насобиравъ на дорогу хлѣба, купивъ на собранныя деньги два мѣшка и по двѣ пары лаптей, Подлиповцы съ Матреной и дѣтьми ея отправились бурлачить. Къ нимъ пристали еще четыре крестьянина Чердынскаго уѣзда, отправляющіеся бурлачить въ третій разъ.

Подлиповцы и прочіе крестьяне очень бѣдно одѣты; но послѣдніе, по одеждѣ, все-таки нѣсколько богаче первыхъ. На нихъ надѣты овчинные полушубки, во многихъ мѣстахъ изодранные, зашитые сѣрыми нитками или дратвой, съ заплатами кожи, холста и синей нанки; подъ полушубкомъ видится поддевка изъ толстой сермяги, также вѣроятно съ заплатами; на головахъ большія шапки изъ бараньей шкуры, тоже съ заплатами; на ногахъ новые лапти; мочальными бечебочками обвязаны сѣрые съ синими изъ нанки заплатами штаны, по колѣни не закрытые ничѣмъ; на рукахъ — или меньшія кожаныя рукавицы, тоже съ заплатами, но они не одни надѣты на руки: подъ ними есть варежки, когда-то связанныя изъ шерсти, а теперь обшитыя холстомъ, или большія собачьи рукавицы, т. е. сшитыя изъ бѣлыхъ собачьихъ шкуръ съ шерстью. Но Пила и Сысойко одѣты еще хуже; на нихъ полушубки изъ овечьей и телячьей шкуры, чуть-чуть прикрывающіе колѣни.

Полушубки эти распластаны во многихъ мѣстахъ, дыры ничѣмъ не зашиты, сквозь нихъ видятся сѣрыя изгребныя рубахи и грудь, такъ какъ у горла нѣтъ ни пуговицъ, ни крючковъ, и они опоясаны ниже пупа толстыми веревками. Отъ полушубковъ болтаются о колѣни клочки кожи. Шапки у нихъ изъ телячьихъ шкуръ тоже съ дырами, ничѣмъ не зашитыми; синіе штаны, обвязанные по колѣни веревками отъ худыхъ лаптей, тоже съ дырами, и сквозь дыръ видно тѣло; лапти худые, изъ носковъ выглядываютъ онучи; рукавицъ не было, ни у Пилы, ни у Сысойки: ихъ украли въ полиціи. Матрена была одѣта въ такой же полушубокъ, какъ и Подлиповцы, такіе же лапти, съ тою только разницею, что колѣни ея прикрывала синяя изгребная рубаха, а на головѣ худенькій платокъ, подаренный ей въ городѣ. Матрена была опоясана веревкой, и за пазухой ея сидѣлъ трехгодовалый Тюнька. На рукахъ Матрены были варежки, такія же, какъ и у крестьянъ, шедшихъ съ ними. На Павлѣ и Иванѣ не было вовсе шерсти, а сверхъ худыхъ рубахъ надѣты сѣрыя поддевки, ноги и колѣна прикрывали тряпки, завязанныя бичевками отъ худыхъ лаптей; на рукахъ большія кожаныя рукавицы съ дырами, на головахъ шапки изъ крѣпкаго войлока. У cadaго изъ нашихъ путешественниковъ болтается на спинѣ по котомкѣ съ хлѣбомъ, по парѣ или по двѣ пары лаптей; у Пилы, кромѣ этого, болтается еще вмѣстѣ съ лаптями худой сапогъ, найденный имъ въ городѣ гдѣ-то среди дороги, вѣроятно брошенный по негодности. Для чего взялъ Пила этотъ сапогъ, онъ и самъ не зналъ, а понравилось. „Баская штука-то! уже продамъ!“ говорилъ онъ, и дѣйствительно продавалъ въ городѣ этотъ сапогъ, только никто его не бралъ.

Идутъ ваши Подлиповцы по большой дорогѣ, ухабистой и частью занесенной снѣгомъ; идутъ по сугробамъ и ругаются. Морозъ какъ на зло щиплетъ имъ и щеки, и колѣни, и пальцы ногъ и рукъ, и уши; хорошо еще, что по обѣимъ сторонамъ лѣсъ густой и высокій. Подлиповцы привыкли къ холоду и ихъ только злятъ проѣзжіе въ повозкахъ и съ дровами: нужно сворачивать въ сторону; а какъ своротилъ, такъ и увязъ въ снѣгу по колѣни, а гдѣ и больше. Больше всего доставалось Павлу и Ивану; они въ первый разъ въ жизни шли куда-то далеко; прежде они ѣздили на лошади, и хотъ холодно имъ было, но все же не ввязи въ снѣгу. Зачѣмъ это тятка и Сысойко коней продали? разсуждали они. Ъхали бы мы, ѣхали баско; а то иди, иди, конца нѣтъ... Они шли два часа и имъ показалось это долго, они устали; имъ щипало пальцы ногъ и рукъ, носы забѣлѣлись, уши тоже.

— Тятка, помру! кричалъ Павелъ.

— Тятка, не пойду! кричалъ Иванъ.

— Я вамъ дамъ! сказалъ Пила и обернулся назадъ. Жалко ему стало ребячь.

— Што, шиплетъ?

— Аяй!

— Три носъ-то, да уши-те. Три хорошенько рукавицами-те! кричалъ одинъ крестьянинъ, а другой сталъ тереть Ивану щеки, носъ и уши.

— Ой, ноги шиплетъ! кричали Иванъ и Павелъ.

— Бѣги! впередъ бѣги, прыгай, тепло будетъ! Ребята пустились бѣжать и стали скакать.

— Ай мальчонки!

— Братъ бы не надо.

— Што имъ въ деревнѣ-то дѣлать; помрутъ!

— Такъ оно. Гли, чтобы не замерзли!

— Не околѣютъ.

Но и тутъ Пила отобралъ отъ Павла рукавицы, и поэтому Павелъ отнималъ у Ивана рукавицы, Иванъ отнималъ ихъ въ свою очередь у Павла, — такъ что эта борьба смѣшила нашихъ путешественниковъ.

Лучше всѣхъ было Тюнькѣ. Ему тепло было на груди матери, а когда ему было холодно, то онъ плакалъ и кричалъ, а мать колотила его. Подлиповцы и товарищи ихъ шли большею частію молча. У всѣхъ была какая-то тяжелая, неопредѣленная дума, какая-то тоска и радость: всѣхъ тяготила мысль о прошедшемъ, радовало будущее, хотѣлось скорѣе получить богатство. Пила и Сысойко думали о прошедшемъ, объ своихъ горестяхъ и о томъ, что-то будетъ въ бурлацествѣ. Сколько проѣхало мимо нихъ повозокъ съ теплыми шубами! Подлиповцы имъ кланялись, снимая шапки и удивляясь звону колокольчиковъ, и долго стояли на одномъ мѣстѣ, глядя на удаляющуюся повозку. Сидѣвшіе въ повозкѣ не только не кланялись имъ, но и не глядѣли на нихъ. Они не знали, сколько потерпѣли горя Пила и Сысойко, не знали, что вся жизнь ихъ была одни лишения, несчастія, горькія слезы; что они не могли оставаться въ своей деревнѣ; что имъ надоѣла своя родина, и вотъ они бѣгутъ отъ нужды, идутъ въ морозъ куда-то въ хорошее мѣсто, гдѣ будетъ имъ лучше, гдѣ будетъ много хлѣба, гдѣ они будутъ свободны... Далеко ли имъ идти, они не знаютъ, а ужъ коли пошли, пойдутъ таки, авось будетъ хорошо, а назадъ не зачѣмъ. Будь хоть тамъ богатство, — они назадъ не пойдутъ: тамъ они лишились Апроськи, коровы, лошадей, тамъ ихъ избили и измучили...

Товарищи Пилы и Сысойки, уже не молодые люди, также ругались и также сѣтовали на свою горькую, безотрадную жизнь; имъ также опротивѣла своя деревня, и они вотъ уже третью зиму оставляютъ свои семейства на произволъ судьбы. Понятія ихъ были не лучше, чѣмъ у Подлиповцевъ. Они разнились отъ Подлиповцевъ только тѣмъ, что были люди уже бывалые, видали города, испытали бурлацкую жизнь, словомъ, были люди тертые. Какъ ни трудна была бурлацкая жизнь,

все же она имъ казалась лучше, чѣмъ въ своей деревнѣ, гдѣ они жили только два мѣсяца въ году и скучали о бурлачествѣ. Теперь они рѣшились не ходить въ свои деревни, а жить въ городахъ на время зимы. Только жалко имъ было своихъ семействъ, но что же дѣлать: бабъ бурлачить не берутъ, а сыновья еще маленькіе. „Пусть сами идутъ добывать хлѣбъ“, говорили они. Пила ихъ ругалъ за это, но крестьяне были своего убѣжденія: они уже обурлачились, стали отвыкать отъ бабъ и разныхъ удовольствій...

Вотъ что рассказывали Подлиповцамъ эти крестьяне.—Спервоначалу баско. Турнуть тебя на барку и заставятъ гребти. Гребешь это, гребешь день и ночь, въ рубахѣ гребешь... спотиѣешь, а барку несетъ по водѣ чуть-чуть, потому, значить, желѣза въ ней много. Почнетъ виторъ, такъ барку-то и давай качать туды да сюды... А на Чусовой такъ наша барка, лѣтось, о камень хлобыснулась и потонула; одинъ бурлакъ, молодой парнюга, дай Богъ ему на томъ свѣтѣ баскую жизнь, потонулъ родной,—такъ и не искали; баютъ, послѣ вынырнулъ, да ужъ мертвый... Насъ было много; робить заставили, значить вытаскивать желѣзо да барку, какъ воды меньше стало... Опосля ужъ на другую барку сѣли... Плыли долго... Городовъ много видали... Чудеса. А какіе тамъ махины бѣгають по водѣ-то, съ колесами, да съ печкой, трубища въ сажень, а гдѣ и больше... Пра! А какъ спааетъ двѣ, либо три огромнѣющіе махины, только безъ колесъ, и волокетъ такъ прытко и къ верху, и къ низу. Баско... Только трудновато на баркѣ-то, а все же ровно лучше. А таперь хлѣбъ тамъ какой есть: бѣлый, — чарскій, баютъ. Все бы ѣлъ да ѣлъ, дорого только... Какіе тамо яблоки да арбузы... Баско!.. Сладко тамъ!

Пила и Сысойко слушали и губы облизывали... Они во всемъ вѣрили товарищамъ и отъ души полюбили ихъ.

— А вы насъ туда и ведите!.. На самое такое мѣсто... говорилъ Пила.

— Ужъ приведемъ, спасибо скажешь... А назадъ ужъ мы не подемъ, шабашъ!

— И мы не подемъ.

Наконецъ, попалась имъ деревня. Всѣ они разбрелись по домамъ. Добрые хозяева, распросивъ ихъ, куда они идутъ, пустили ихъ на печки. Подлиповцы и товарищи ихъ, отогрѣвшись на печкахъ, закусивъ тѣмъ, что дали имъ хозяева, которые были немного по зажиточнѣе Подлиповцевъ, отправились опять въ путь.

Подлиповцы и ихъ товарищи пять дней шли, пять ночей спали въ деревняхъ, пять дней мерзли на холодѣ, оттирали свои щеки рукавицами и бѣгали по дорогѣ, отогрѣвая ноги, ругали холодъ, вѣтры и вьюгу, пять ночей отогрѣвались на печкахъ, а конца все нѣтъ. Пилу и Сысойко брало сомнѣніе: куды это

они насъ ведутъ! часто спрашивали крестьянъ: а скоро придетъ!..

— Да теперь скоро Усолье, тамъ и возмутъ насъ, отвѣчали имъ крестьяне.

Пила и Сысойко послѣ этого терпѣливо стали ждать конца и шли веселѣе. Деревни здѣсь попадались чаще, съ виду онѣ были лучше Чердынскихъ, и людей въ нихъ больше на улицѣ, и всѣ что вибуда да дѣлаютъ; то бревна распиливаютъ, то избу строить, то дрова куда-то да сѣно везутъ.

— Вотъ здѣсь баско!.. говорилъ Пила.

— И хлѣбъ-то здѣсь баскяе, говорилъ Сысойко.

Иванъ и Павелъ часто мерзли отъ холода; крѣпко ихъ пробивало вѣтромъ: часто они плакали... садлись на дорогу; но Пила колотил ихъ и заставлялъ идти. Ребята шли и плакали... На шестой день они пришли въ Усолье.

Усолье большое село, расположенное на берегу рѣки Камы. Оно очень красиво на видъ: соляныя варницы его рисуются на берегу р. Камы; зимою строятся барки и баржа, весною рѣка оживаетъ; всюду съ отплытіемъ льда, свують бѣдные мужики и свѣшатъ куда-то; сплавляются барки внизъ, пароходы, зимовавшіе на Камѣ оживаютъ отъ своего сна, бѣгутъ къ низу один, пли потащутъ за собою баржи. Цѣль этихъ пароходовъ—дать пищу жителямъ. По мелководью Камы выше Усолья и, большею частію, по ненахожденію хорошихъ лоцмановъ, знающихъ Каму отъ Усолья до Чердыни, буксирные пароходы ходятъ отъ Перми только до Усолья, и то весной и до половины лѣта. Отъ Перми до Усолья только два пассажирскихъ парохода. Сбытъ Усолья—соль, но соль постоянно сплавляется коноводками, большими барками, въ которыя помѣщаются десятки тысячъ пудовъ соли, и которыя большею частію дѣйствуютъ лошадьми. Усолье богатое село; въ немъ живутъ зажиточные купцы; остальной людъ большею частію пробивается около варницъ Усольскихъ и Дедюхинскихъ—завода, находящагося вблизи отъ Усолья. Не смотря на то, что и въ Соликамскѣ есть варницы и въ 12 верстахъ отъ него стеклянный Ивановскій заводъ, городъ этотъ, какъ и Чердынь, бѣднѣе Усолья, потому что сбытъ всѣхъ матеріаловъ изъ него шлется въ Усолье, оттуда идетъ въ Пермь и дальше большею частію по рѣкѣ. Соликамскіе жители всегда закупаютъ въ Усольѣ хлѣбъ и другія необходимыя вещи.

Наши Подлиповцы ротъ разинули, при видѣ хорошихъ домиковъ и особенно варницъ: все какіе-то столбы стоятъ, а промежъ ихъ, на верху, перекладыны; дома большіе съ большими лѣстницами до самой крыши, мужчины и женщины по лѣстницамъ какіе-то мѣшки тоскаютъ. Вездѣ народъ что нибуда дѣлаетъ: кто дрова, доски, бревна везетъ; бабы пли ру-

гають мужчинъ, или поютъ звонко пѣсни, мужчины щиплютъ ихъ, онѣ визжатъ и колотятъ ихъ кулаками или мѣшками. Всюду оживленіе, суетня,—иная жизнь, неизвѣстная доселѣ нашимъ Подлиповцамъ... „Эко диво! Вотъ бы поробить!.. А это што? Ишь домина-то какая не широкая да высокая, а въ верху штука какая-то: то поднимается, то унырнетъ“...

— Это, братцы, соль добываютъ. Вишь ты эту махину-то, што штука-то укурнется да вынырнетъ,—это насосъ, а столбы-те эти съ перекладами тоже штука... вишь перекладыну-то: это жолобъ. Соль идетъ въ варницу.

— Вре!

— Пра! Только соль-то не такая, какую мы ѣдимъ, а черная; въ варницѣ,—вишь, гдѣ изъ трубы дымъ-то идетъ,—тамъ она варится и дѣлается бѣлой, настоящей солью.

— Лиже ты! Ахъ цуцело! Это соль-то, што на хлѣбъ сыплетъ! удивлялся Пила.

— Она и есть.

— Вре!

— Ну. А ты самъ погляди.

Товарищи повели Подлиповцевъ въ насосъ. Тамъ чегыре лошади, погоняемая однимъ мальчуганомъ, шли кругомъ столба съ колесами. Колеса двигались, и ихъ много, большіе и маленькіе. Подлиповцы ничего не понимали, и товарищи ихъ, какъ соль добывается. — „Лихо, батъ, колеса-те ворочаются, смотри, какіе большіе. Спереди-то ровно ничего: то укурнется, то вынырнетъ какая-то штука, а здѣсь вишь ты!...“ разсуждали товарищи Подлиповцевъ. Мальчуганъ погонялъ лошадей. „Эй вы черти! Псью! Я васъ!“ и онъ билъ ихъ палкой. Какъ должно быть скучно его занятіе погонять лошадей вокругъ столба цѣлый день, а можетъ быть и недѣлю?.. Павла и Ивана задоръ взялъ: имъ завидно стало. Обоимъ хотѣлось также погонять лошадей, какъ погонялъ этотъ мальчуганъ. Они пристали къ нему попросту, какъ къ обыкновенному деревенскому мальчугану. Мальчуганъ обругалъ ихъ. Подлиповцы вышли. Этотъ мальчуганъ былъ тертый калачъ, испытавшій нужду и горе съ дѣтства, человѣкъ заводскій; а нашъ заводскій мальчикъ не уступитъ взрослому заводскому человѣку, который толковѣе и злѣе крестьянина.

Заводскій человѣкъ больше золь на свою судьбу, чѣмъ крестьянинъ. Крестьянинъ (я беру государственнаго) работаетъ на себя, сколько ему хочется; съ него требуютъ только подати, спрашиваютъ рекрута, да онъ долженъ понравиться, — т. е. удовлетворить Становаго. Заводскій человѣкъ не то. Нанялся онъ въ рабочіе (я беру не то время, когда эти люди были крѣпостными и когда съ ними дѣлали, что хотѣли), назначили ему въ мѣсяцъ, понедѣльно или поденно плату и говорятъ: вотъ тебѣ работа,—непремѣнно чтобы она была кончена. Не кон-

чилъ работникъ къ сроку работу, или прогулялъ нѣсколько дней, т. е. почему нибудь не пришелъ на работу, ему не дадутъ жалованья. Если рабочій дѣлаетъ не такъ, и мастера замѣчаютъ, что онъ лѣнится, его прогоняютъ, не заплативъ платы. И такъ часто заводскому человѣку приходится искать работы долго и голодать, потому что онъ идти въ старое мѣсто боится; но куда пойдешь? какъ оставишь свое семейство, которое живетъ только имъ однимъ? И вотъ онъ за какую бы то ни было плату готовъ опять работать на томъ же заводѣ; „пусть дѣлаютъ, что хотятъ, а я буду робить“... Онъ работаетъ день, на ночь уходитъ домой въ надеждѣ, что получить деньги утромъ; не утромъ, а въ первомъ часу, прикащикъ, явившійся посмотрѣть, работаютъ ли люди, гонитъ отъ себя рабочихъ: прикащикъ человѣкъ богатый, онъ чувствуетъ, что онъ сила, что онъ все, что онъ имѣетъ рабовъ... а этимъ рабамъ ѣсть нечего, убиваются ихъ жены, голодаютъ дѣти!..

Вотъ почему рабочій человѣкъ ко всему относится съ ненавистью. Ни работа его не радуетъ, ни свое семейство; онъ всю жизнь свою мучится: онъ еще въ дѣтствѣ знаетъ, что онъ за человѣкъ, въ дѣтствѣ начинаетъ привыкать къ работѣ, и наконецъ, поступивъ въ рабочіе, видитъ угнетеніе, его бьютъ... Ушелъ бы, да боится: онъ только и умѣетъ дрова рубить, да сѣно косить, да соль варить или что нибудь подобное, къ чему онъ пріучился еще съ восьми лѣтъ.

Всѣ заводскіе мальчики смышленіе крестьянскихъ мальчиковъ: мальчикъ шести лѣтъ уже бѣгаетъ по заводскимъ улицамъ съ другими мальчиками, съ товарищами, не боится старшихъ; видя то, что дѣлаютъ старшіе и что особенно его забавляетъ и нравится ему, онъ дѣлаетъ то же самое одинъ или съ товарищами; онъ также ругается, какъ и взрослый, и кого ненавидятъ старшіе, того ненавидитъ и онъ.

Товарищи Пилы повели Подлиповцевъ въ варницы. Въ варницѣ печь огромная; пламя въ ней такъ и разливается, жара вестерпимая, а мужики то и дѣло бросаютъ въ нее большущія полѣнья... „Диво! Откуда и лѣсу-то столь добыто? Вотъ бы тутъ остаться... тепло было бы, да вонъ и семь мужиковъ, сидя въ углу на землѣ, каждый оплетаетъ большіе гомзули хлѣба, да что-то изъ большаго котла хлебаютъ...“

— Это што? спросилъ Пила одного работника, показывая рукой въ печь.

— Слѣпъ што ли?.. Ишь печь!

— Знамо; ровно, печь...

— Ну, и не спрашивай... Ково вамъ надо?

— Да мы такъ, поглядѣть, сказалъ одинъ товарищъ Подлиповцевъ.

— Эка невидаль! Заставить бы васъ поробить, такъ поваялись бы.

Пила не понималъ: что тутъ труднаго? ужъ не горять ли тутъ люди, „Вонъ попъ баялъ, какъ помрешь, такъ въ огонь, баеть, турнуть... и никогда, баеть, не сторпшь. Вотъ этотъ огонь-то и есть...“ Ему страшно сдѣлалось.

— Подемъ, ребя! Ошшо спалять! говорилъ Пила товарищамъ. Товарищи разговаривали съ рабочими.

— Ужъ какъ трудновато. Не знаемъ—дрова въ кучу складывать, не знаемъ — бросать въ печь, говорилъ одинъ изъ работниковъ.

— Эй вы, черти! что встали? Помогай дрова таскать! кричалъ одинъ мужикъ, бросая въ варницу дрова, привезенныя на семи лошадахъ. Подлиповцы съ товарищами стали бросать къ печкѣ дрова. Подлиповцы охотно работали, ихъ пробиралъ потъ, имъ хорошо показалось носить дрова и бросать ихъ въ кучу.

— Баско, Сысойко!... говорилъ Пила ослабляясь.

— Баско...

— Ты говори спасибо: не я, такъ съѣли бы тебя тамока.

— Ну ихъ къ цорту на кулицки. А мы не пойдемъ отселева?..

— Коли бурлачество—баско... только лиже печь-то, огнища-то эво! Спалять ошшо...

— Нѣтъ ужъ, въ друго мѣсто подемъ.

— А вы откелева? спрашивали между тѣмъ работники товарищей Подлиповцевъ.

— А Чердынскіе. Знашь Егорьевскую волость!

— Нѣтъ.

— А вы здѣшніе?

— Мы Дедюхинскіе; прежь казенные были, теперъ вольные стали.

— И подать не платите?

— Кои года выслужили, не платять. А вы куда?

— Вурлачить.

— Плохо. Бурлачить, сказываютъ, нынѣ не то, что прежде. Пароходовъ много развелось. Вонъ прежде у насъ и заведенія такого не слыхали, а нынче пароходовъ много ходитъ, а тамъ въ губернскомъ пропасть ихъ.

Товарищи Подлиповцевъ повели ихъ въ самую варницу. Тамъ въ огромномъ котлѣ, на подобіе ящика въ нѣсколько сажень длины и ширины, что-то варилось, только видѣлась сѣдая пѣна, которую изрѣдка мѣшали рабочіе; надъ котломъ разныя перекладки подѣланы да доски; на нихъ не то снѣгъ, не то что-то сѣрое и что-то каплетъ въ котель съ досокъ. Въ одномъ мѣстѣ рабочіе бросали лопатками пѣну на эти доски. Въ правомъ углу, при входѣ, изъ стѣны что-то черное уставилось и отъ него жолобокъ къ котлу сдѣланъ. Сысойко дернулъ за кранъ; потекло черное, густое, небаско пахнетъ...

— Што же это? дивился Сысойко.

— Это разсолъ...

— Не замай! Што трогаешь! закричали на Сысойко работники и, оттолкнувши его, завернули кранъ. Пила и Сысойко пристали къ рабочимъ.

— Это што-же?

— А вы куда? Сюды нанимаетесь?

— Нѣтъ. Мы бурлачпть.

— Ишь ты...

— А ты скажи: што это за штука? спрашивалъ Пила, указывая на котель.

— Это котель. Вотъ оттудова, гдѣ крантъ-то, что черное-то бѣжитъ, разсолъ сюда пускаемъ, онъ переваривается къ котлѣ-то, потому, значить, подъ котломъ-то печь... А это въ верху-то полати, тутъ соль дѣлается. Опосля она въ амбары сыплется.

— Такъ это соль-то и есть?

— Она и есть. Одинъ работникъ досталъ съ полатей на лопату соли и показалъ Подлиповцамъ:—вишь какая!

— А ты дай намъ соли-то?

Работникъ далъ. Пила склалъ ее въ мѣшокъ, въ которомъ былъ хлѣбъ.

— Да ты заверни чѣмъ нибудь соль-то, она хлѣбъ испортить.

— А пошто?

— Сырой сдѣлается.

Пила не зналъ, что дѣлать; неловко, какъ хлѣбъ испортится; „выбросить разѣ соль-ту“, да жалко соли-то попуститься. „Дай лучше съѣдимъ“. Подлиповцы расположились ѣсть хлѣбъ, посоливъ его круто солью, до того, что ѣсть вовсе нельзя было. Однако они соль эту ссыпали на другой кусокъ. Наѣвшись, Подлиповцы еще попросили соли, и завязали, каждый, по равной части, въ концы полъ своихъ полушубковъ, спросивъ предвительно: а ничего, не съѣсть соль-та?...

Всему дивились Подлиповцы въ варницѣ, все ихъ забавляло; хотѣлось имъ остаться тутъ, да товарищи торопили ихъ къ рѣкѣ. Они пошли. На берегу рѣки и на льду ея работали барки, полубарки и баржи крестьянами. Подлиповцы въ первый разъ видѣли все это.

— Видишь эти штуки? спросилъ одинъ товарищъ Пилу.

Пила посмотрѣлъ: домины не домины, а съ окнами, трубищи огромныя, по срединѣ ровно колеса.

Въ рѣкѣ стояли три парохода.

— Это вотъ барки; на нихъ мы и поплывемъ. А эти вотъ съ колесами-те то и есть, што мы баяли: больно прытко бѣгаетъ и волокетъ за собой много... много...

— Э, да ты прокурать! Ну какъ на колесахъ по водѣ бѣгать-то? Подико не знаютъ!..

— А такъ.

— Ну, не морочь. Вонъ я сколько разъ былъ на рѣкѣ Камѣ, такъ тамъ колесъ-то нѣту, а вонъ эдакія устроены, говорилъ Пила, показывая на одну лодку.

Всѣ подошли къ пароходу. Пила и Сысойко сначала боялись подойти.

— Не ходи близко, пырнетъ! говорилъ Пила Сысойкѣ.

— А ты подойди!

— Я подойду. А самъ ни съ мѣста. Однако, видя, что товарищи ихъ, Павелъ и Иванъ, подошли близко, они спросили товарищей:

— А ничего, подойти-то можно?

— Можно, не укусить... Пила и Сысойко подошли.

— Онъ, братцы, желѣзный, говорилъ одинъ товарищъ.

— Вре?

— Пра! И какъ бѣжить—свистить..... ужаси!

— Ахъ чортъ! дивились Пила и Сысойко. — Какъ же онъ съ колесами? Да и колеса-то какія-то другія, а не наши... Тамъ поди лошадь гдѣ нибудь спрятана...

— Это вишь ты для виду колесо, а выходитъ, по здѣшнему, перья. Какъ пустятъ его, онъ и почнетъ загребать и почнетъ... да такъ скоро, мигнуть не успѣешь.

— А пошто онъ теперь стоитъ?

— По то: рѣка замерзла. А какъ пройдетъ ледъ, онъ и побѣжить.

— А скоро?

— Когда тепло будетъ.

— А таперъ побѣжить?

— Таперъ нельзя, ишь привязанъ. Подлиповцы посмотрѣли на канатъ: толстая штука; имъ въ первый разъ приводилось видѣть подобную вещь. Они захохотали.

— Силенъ, собака. Ишь какую веревку-то на него надѣли... А какъ онъ да перегрызетъ?...

— Лѣтомъ убѣжить... Лѣтомъ, баятъ, онъ на цѣпи стоитъ: якорь такой съ цѣпью бросають въ воду.

— Ахъ чортъ! ахъ лѣшій!

Долго дивились Подлиповцы надъ пароходомъ и плохо поняли, что это за штука такая. Потомъ они пошли къ баркамъ.

— Это што? спросилъ Пила, указывая на большое пространство, занимаемое рѣкой.

— Это рѣка Кама.

— Вре! Да Кама и у насъ есть, только далеко, два дня ходу.

— Это все Кама.

— Экая цуцело!...

— Куда Богъ несетъ? спросили ихъ рабочіе.

— Бурлачить.

— На Чусовую пробираетесь?

— На Чусовую.

— А вы какіе?

— Чердынскіе.

— Такъ оно. У насъ есть Чердынскіе.

— Кто?

— Да съ Прокопьевской волости двое, да изъ Чудиновской се-
меро.

— Ишь черти! А у васъ нѣтъ ли чего робить?

— Теперь нѣту. А вы на базаръ ступайте, тамъ много бур-
лаковъ. Баютъ, прикащикъ какой-то скоро будетъ нанимать на
Чусовую.

— Ладно... А вы почему робите?

— Да рядились по пяти рублевъ, только опаска есть, какъ
бы не обмишурились. Вонъ въ прошлую зиму робили, робили,
а получили только три рубля.

— А эти мальченки-то съ вамъ?

— Съ намъ.

— Ой не возьмутъ?

— Спехаю, говорилъ Ппла про своихъ дѣтей. Подлиповцы
съ товарищами пошли на рынокъ

На рынокъ они увидѣли до шестидесяти человекъ крестьянъ,
одѣтыхъ очень бѣдно, съ котомками на плечахъ. Всѣ они хо-
дили по рынку, глазѣли, очень мало покупали, потому что у
многихъ не было вовсе денегъ; многихъ изъ нихъ занимали
бездѣлицы, удивляло то, что для сельскаго жителя нисколько
неудивительно. По выговору ихъ, по одеждѣ, по обращенію за-
мѣтно, что они не здѣшніе, а пришли откуда-то изъ далека и
чего-то ищутъ, или куда-то идутъ еще дальше. Надъ ними смѣ-
ялись торговки, смѣялись надъ ихъ выговоромъ и непонятли-
востію даже уличные мальчишки села.

Всѣ эти люди также бѣдны, какъ и Подлиповцы: нужда, бѣ-
дность края, неумѣнье работать заставили ихъ покинуть свои
семьи и идти въ бурлаки съ такимъ же убѣжденіемъ, какъ шли
Подлиповцы и ихъ товарищи. Каждому, какъ видно, опротивѣ-
ла родная сторона, хочется чего-то хорошаго, хочется раздолья,
хочется хорошо поработать, хорошо поѣсть, хорошо поспать...
Здѣсь были крестьяне съверовосточной части Вологодской и во-
сточной части Вятской губерній, смежной съ Пермскою: тамъ,
при всевозможныхъ усиліяхъ, какъ и въ Подлиповой, отъ холо-
да, недобывается хлѣба, а сбыта матеріаловъ очень мало. И
вотъ они, наслышавшись отъ другихъ крестьянъ, что есть хо-
рошее занятіе бурлачество, работа легкая: знай плыви, даютъ
деньги, ѣда въ волю, люди все разные, мѣстности хорошія, —
пустились на удалую въ путь бурлачить по Камѣ, какъ къ бли-

жайшей рѣкѣ отъ ихъ родины, на которой съ давнихъ поръ бурлачило нѣсколько десятковъ тысячъ крестьянъ каждое лѣто...

Послѣ вопросовъ, куда и откуда, Подлиповцы и товарищи ихъ пристали къ толпѣ. Первый день и второй день прошли весело. Подлиповцы, вмѣстѣ съ прочими крестьянами, ходили по селу, дивились надъ хорошими домами, ходили въ варишцы, на рѣку, помогали даромъ работникамъ, плутали по селу, отыскивая свои квартиры. Большую часть дня спали въ постоянныхъ избахъ и въ избахъ бѣдныхъ сельскихъ жителей. На третій день у Подлиповцевъ не было хлѣба. Они насобирали хлѣба и по нѣсколько копѣекъ денегъ у сельскихъ жителей; имъ начала надѣдать эта праздная жизнь; имъ хотѣлось скорѣе дойти до бурлачества. Но вотъ уже четвертый и пятый день прошелъ, а они все ходятъ по селу; крестьянъ прибываетъ все болѣе и болѣе... Всѣ эти крестьяне—жители разныхъ деревень и знакомятся другъ съ другомъ очень просто: спросили, куда и откуда, и конецъ. Въ другъ другъ они видятъ подобнаго себѣ человѣка, знаютъ, кто, куда и зачѣмъ идетъ, знаютъ, что цѣль у всѣхъ одинакова: говорятъ они другъ другу объ своихъ нуждахъ; общаются свои понятія о томъ, что ихъ интересуетъ; видятъ вмѣстѣ въ домахъ, гдѣ ихъ квартиры; дѣлятъ пополамъ хлѣбъ и вмѣстѣ спятъ, гдѣ придется, не разбирая и того, что товарищъ не ихъ деревни, и кто его знаетъ, хорошій онъ, или худой человѣкъ. По имени другъ друга рѣдко называютъ. Они знаютъ товарища по лицу, а въ имени—что толку: онъ ему не братъ, не родня, а такъ сошлись, веселѣе вмѣстѣ. Обругать и осмѣять другъ друга тоже ничего не значитъ; и подерется кто, все какъ-то веселѣе, словно шутя: никто не сердится, а напротивъ, другихъ это забавитъ. Если у бѣднаго и больнаго человѣка нѣтъ хлѣба, другой товарищъ сжалится надъ нимъ, отдастъ ему излишекъ, надѣясь самъ добыть хлѣба хоть милостинкой; да и товарищу хорошо отъ этого: вѣдь и онъ можетъ быть безъ хлѣба и ему при случаѣ поможетъ его товарищъ. Если у кого есть деньги и онъ привыкъ употреблять ихъ на водку, то онъ одинъ не выпьетъ, а позоветъ товарищей, которые ему особенно нравятся, или съ которыми онъ живетъ на квартирѣ. Такъ у всѣхъ этихъ крестьянъ были по два и по три хорошихъ товарища, и всѣ они, сойдясь на рынкѣ, были какъ старые знакомые; конечно не снимали шапокъ и не жали руки, а начинали разговоръ прямо.

— А ты, поштенный, што ротъ-то разинулъ!

— Э! ништо.

— Гли, баба-то какъ стерелешивать! *)).

— Экъ ее разобрало. Всѣ хохочутъ.

— Экой конь-то баской!

*) Бѣжить.

— Запречь бы его бревна возить!

— А што, ребя, сдюжить ли онъ, какъ запречь его вонъ дрова въ варничи возить?

— А пошто?

— А не сдюжить. Ишь, кака штука-то запрежена, легонькая, махонькая, пиголича....

— Не сдюжить. Всѣ хохочуть.

И все въ такомъ родѣ.

Пила и Сысойко такъ свыклись съ своими товарищами, что постоянно ходили съ ними, ѣли и спали на одной квартирѣ. Съ своей стороны и тѣ не отставали отъ нихъ, и если у кого нибудь не было хлѣба, то другой товарищъ удѣлялъ свой излишекъ бѣдному.

Но никто такъ не жилъ дружно, какъ Пила съ Сысойкомъ, Павелъ съ Иваномъ. Объ отношеніяхъ Пилы къ Сысойку и на оборотъ мы знаемъ. Надо сказать и объ дѣтяхъ Пилы. Развитіе ихъ началось съ тѣхъ поръ, какъ отецъ повелъ ихъ въ городъ. Въ деревнѣ ихнему уму не предстояло развитія впереди; они бы выросли также, какъ и Пила и Сысойко; въ городѣ они увидѣли другихъ людей, узнали, что тамъ живутъ разные люди, они видѣли, какъ ихняго отца заковали и вели со связанными руками по городу, и узнавъ отъ людей, что это дѣлается только въ такихъ случаяхъ, когда люди убиваютъ и грабятъ, они поняли, что ихъ отецъ плохой человѣкъ, что какъ онъ ни бахвалится, а есть люди лучше его. Съ этихъ поръ отецъ сталъ казаться имъ, какъ обыкновенный человѣкъ; онъ и Сысойко казались имъ даже смѣшными, и если они шли за ними, такъ только изъ привязанности къ Пилѣ и Сысойкѣ, да и куда дѣнешься безъ нихъ? къ тому же, они шли куда-то въ хорошее мѣсто, а что имъ оставаться здѣсь или въ Подлипной? Видя городскихъ дѣвушекъ, красивѣе и опрятнѣе Подлиповскихъ, ребята подумали, что Подлиповскія дѣвушки хуже, вотъ бы съ этой жить... Чѣмъ дальше шли ребята, тѣмъ больше работали ихъ головы. Они бывали во многихъ деревняхъ; деревни были лучше Подлипной, въ избахъ тоже лучше и дѣвки лучше. Въ селѣ ихъ интересовало и забавляло все, и они старались понять, что это за штука такая? почему здѣсь такъ, а въ Подлипной и въ другомъ мѣстѣ иначе? Но что они могли понять, когда и отецъ, и товарищи отца сами не знали, почему это и зачѣмъ такъ? Вотъ они стали спрашивать сельскихъ жителей, большею частію рабочихъ; тѣ, хотя съ бранью, но рстолковывали имъ. Послѣ этого ребята долго толковали между собой и кое-какъ понимали. Напримѣръ, они поняли, что разсолъ добывается посредствомъ лошадей, что у лошадей больше силы, чѣмъ у людей, и человѣку-мужику безъ лошадей плохо. Это они узнали такъ. Встали они противъ насоса. Насосъ былъ въ бездѣйствіи. Подошли къ дверямъ — лошадей не

было. Они попробовали вернуть колесо, но не повернули. Въ другомъ мѣстѣ лошади были въ дѣйствии, и насосъ былъ въ дѣйствии. Короче сказать, они болѣе понимали, чѣмъ ихъ отецъ, Сысойко и Матрена, которая рѣшительно ничего не понимала, а только охала. Понявъ что нибудь изъ словъ сельскихъ жителей, они сообщали отцу, который не вѣрилъ имъ, и ребята, — послѣ того, какъ онъ разъ выругалъ ихъ, когда они сказали ему: тятка! робъ лучше здѣсь, а бурлачить, бають, трудно, — не стали больше говорить ни ему, ни Сысойкѣ, ни Матренѣ того, что имъ казалось хорошо и что было бы хорошо и тѣмъ. Бурлачество ихъ не манило почему-то, имъ лучше нравилось жить въ селѣ, но какъ отстать отъ отца? „Ужь пойдѣмъ, тамъ, бають, городъ баской есть, тамъ и останемся..“

Теперь жизнь имъ казалась лучше, ихъ тянуло на улицу: они поняли, что прежде они хворали отъ коры, теперь ѣдятъ хлѣбъ и потому теперь хорошо. Одно только нехорошо, ноги устають. Братья постоянно были вмѣстѣ, часто ходили по селу одни, говорили безъ умолку, спорили, дрались между собой и съ сельскими ребятами, которые ихъ очень дразнили, ругали и разадоривали на драки, и которые имъ весьма нравились.

— Ужь мы туда не подемъ! говорилъ Иванъ Павлу, показывая рукой въ ту сторону, откуда они пришли.

— Пусть тятка идетъ, а мы иѣтъ.

— А Агашки не жалко? спросилъ Павелъ Ивана.

— Ну ее къ чертямъ! Здѣсь смотри, дѣвки-то.

— Баскя, а тамъ што...

— А ты, Пашка, не отставай отъ меня.

— Ты не отставай. Вмѣстѣ лучше.

— Мы съ тяткой не подемъ... и съ мамгой не подемъ.

— Куда подемъ?.. подемъ ошшо...

Часто имъ доставались колотушки отъ бурлаковъ за любопытство и за то, что они не давали собираемаго хлѣба, котораго у нихъ было всегда больше, потому что имъ меньше отказывали. Они вывертывались отъ бурлаковъ и ругали ихъ такъ же, какъ и большіе. На ругань не обращалось вниманія ни отцомъ, ни прочими бурлаками, такъ какъ бранное непечатное слово было для всѣхъ обыкновеннымъ, какъ въ дружеской бесѣдѣ, такъ и при удивленіи, и какъ ласка; имъ выражалась и злость, и досада, и радость. Бранными словами даже ночью бредили спящіе бурлаки.

Своего отца Павелъ и Иванъ не боялись и не слушались. Скажетъ онъ имъ: „подите хлѣбъ собирать!“ одинъ изъ нихъ и говоритъ: „поди самъ собирай!“ Онъ ихъ обругаетъ, а они ему языкъ кажутъ. Онъ ихъ бить, и они барахтаются.

— Ахъ черти! ворчатъ Пила.— Въ меня вы, стервы, уродились, сильные будете... Пила даже радовался, что ребята его

умѣють драться, и всегда отнималъ у нихъ хлѣбъ съ бою, причеъ, конечно, ребятамъ больно доставалось.

О Матренѣ нечего сказать. Она постоянно сидѣла или лежала на полатяхъ да говорила съ хозяйкой большею частію о Подлиповцахъ и Апроськѣ.

На пятый день Пила увидѣлъ въ толпѣ прибывшихъ вновь крестьянъ своихъ однопоренцевъ, Елкина и Морошина, прозванныхъ по Подлиповски Елкой и Морошкой. Пила обрадовался. До сихъ поръ онъ рѣдко вспоминалъ Подлиповцевъ, даже сталъ забывать Апроську!

— Вонъ они! весело вскричалъ Пила Сысойкѣ.—Ахъ вы лѣшіе! бурлачить?

— Бурлачить.

— А пошто?

— Да Пилы нѣтъ, што за жизнь, говорилъ Морошка.

— А ребята какъ?

— Баба въ городѣ осталась и ребята съ ней.

— Есть деньги?

— Есть.

— Укралъ?

— Укралъ.

— Ахъ лѣшій, лѣшій! А со мной-то что было, ужаси! Пила началъ рассказывать, какъ его избили, и повелъ своихъ однопоренцевъ въ питейную лавочку.

— Ужь мы все знаемъ, говорили прибывшіе Подлиповцы,

— Ну, ошшо не всё померли? спросилъ Пила Морошку.—А Агашка жива?

— Послѣ твоей Апроськи, парень да дѣвка Тычинки померли... Агашка ушла съ бабой,—куды-то въ домъ робить взяли.

— Ишь ты... А попъ?

— Што съ нимъ... Да я, почесь, и не видѣлъ его.

— А какъ... самъ зарылъ?

— Самъ.

— Ну, таперь кто тамъ у те?

— Да жена.

— А околѣтъ?

— Пусъ.

— Ахъ, чучело!.. Жалости въ тебѣ нѣтъ.

— Такъ теперь кто тамъ? Корчага да Кочеражка? спросилъ Сысойко.

— Идти тожно тоже хочутъ совсѣмъ: уйдутъ, тоже и моя баба съ ними.

— А ты бы и взялъ ихъ!.. Ну ужь, и край! Кто же въ Подлиповной-то останется?

— А собака!..

— Эво! И собаку съ собой надо. А дома-то какъ?

— Дома? Эко диво!—што съ домами-то?.. Помрутъ?

Подлиповцы стали ходить вмѣстѣ съ товарищами Пилы и составили особую толпу.

— Мы, ребя, тожно всё пойдёмъ. Смотри не отставать, а што Богъ дастъ, все пополамъ, усовѣщиваль Пила своихъ однопоревенцевъ.

— Ужь не бай; ты голова, не намъ чета.

Наконецъ, пріѣхаль прикащикъ изъ Шайтанскаго завода за наймомъ бурлаковъ. Около Шайтанскаго и прочихъ заводовъ хотя и есть крестьяне, но они считаютъ за лучшее остаться дома, а крестьяне другихъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи рады за небольшую плату наняться въ бурлаки. Бурлакамъ платятъ отъ 8-ми до 15-ти рублей за сплавъ барки отъ завода до Елабуги и другихъ городовъ выше Нижняго, откуда металлы сплавляются уже пароходами.

Крестьяне числомъ около ста собрались на рынкѣ. Пришелъ прикащикъ. Крестьяне шапки сняли.

— Вы бурлачить?

— Бурлачить.

— Кажите паспорта!

Паспорта были у двадцати человекъ, преимущественно крестьянъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ.

— А у васъ есть паспорта? спросилъ прикащикъ остальныхъ.

— Батшко, не губи!.. Каки тутъ еще паспорта?... вопили крестьяне.

— Безпаспортныхъ мнѣ не надо.

Крестьяне въ ноги ему поклонились.

Долго возился съ крестьянами прикащикъ.

Не понимаютъ они его. Ему каждый годъ приводилось возиться съ ними, и онъ все-таки обдѣлываль дѣло: самъ ѣздилъ въ волости, выправляль паспорта бурлакамъ, и вносилъ за нихъ деньги. Теперъ онъ заключилъ со всѣми крестьянами контрактъ; отобраль паспорта, у кого они были, далъ паспортнымъ по рублю, а безпаспортнымъ по полтиннику; велѣлъ дожидаться его, а самъ отправился въ ихъ волости.

Послѣ отъѣзда прикащика всѣ крестьяне загуляли. Загуляли и Павелъ съ Иваномъ, которые, хотя и были всѣхъ моложе, но тоже попали въ бурлаки и получили по 30 коп. денегъ. Цѣлую недѣлю кутили бурлаки, до тѣхъ поръ, пока не издержали всѣ деньги. Да и промысловые рабочіе то и дѣло подговаривали простаковъ на выпивки и угощались на ихъ счетъ сами. Но когда у бурлаковъ не стало денегъ, рабочіе два вечера сряду угощали ихъ на свой счетъ,—за что промысловые рабочіе очень понравились бурлакамъ. Павелъ и Иванъ купили себѣ лапти и валенки, а остальные деньги проѣли на булкахъ. Одна только

Матрена скучала, ее не приняли въ бурлаки. Она поступила работницей на варницу и содержала Пилу, Сысойку и дѣтей.

Три съ половиной недѣли бурлаки ждали прикащика. Въ это время они хотѣли уйдти, но ихъ отговаривали промысловые рабочіе тѣмъ, что теперь уже нельзя, такъ какъ получены ими задатки. Большая часть ихъ работали на прпстаняхъ, у барокъ и у варницъ, и только небольшими заработками они пробивались въ селѣ.

Наконецъ, прѣхалъ прикащикъ. Онъ пересчиталъ всѣхъ крестьянъ, записалъ ихъ снова, показалъ имъ паспорта, взятые на полгода, выбралъ изъ нихъ четверыхъ въ лоцманы; далъ всѣмъ, кромѣ лоцмановъ, по рублю денегъ, а лоцманамъ по три рубля; велѣлъ идти въ заводъ. Уладивши все съ крестьянами, прикащикъ уѣхалъ.

Прикащикомъ было нанято еще болѣе ста человекъ, только на самыхъ мѣстахъ, въ селахъ и деревняхъ Вятской губерніи.

Всѣ крестьяне, накупивъ по двѣ пары лаптей, по три ковриги хлѣба, соли; наѣлись на ночь сытныхъ щей, крѣпко уснули, а утромъ, вставши до свѣту, закуспли крѣпко на дорогу, увязали плотнѣ свои котомки, собрались за селомъ и тронулись въ путь.

Матрена долго слѣдила за Подлиповцами. Идутъ они, идутъ въ большой толпѣ... вонъ Ванька да Пашка оглядываются и утираютъ слезы... Не взяли Матрену! заплакала она и ушла въ варницу... Одинъ только Тюнька не знаетъ теперь горя: онъ рано встаетъ съ маленькими хозяйскими дѣтьми, и какъ только встанетъ онъ да хозяйскія дѣти, и начинается у нихъ бѣготня да игры. Хорошо еще что хозяйка, мастеровая жена, добрая и есть съ кѣмъ Тюнькѣ порѣзвиться, а не будь ни этой хозяйки, ни дѣтей ея, что бы случилось съ Тюнькой и Матреной? Какъ бы она стала работать съ ребенкомъ? А работа ея такая: дрова она въ варницу таскаетъ, да изъ варницъ въ амбары соль на плечахъ по длинной лѣстницѣ носить. Трудная работа досталась Матренѣ...

II.

БУРЛАКИ.

Итакъ, наши Подлиповцы отправились бурлачить съ товарищами.

Всѣхъ шло сто тридцать одинъ человѣкъ. На Подлиповцахъ такая же одежда, въ какой они были въ Чердыни и въ Усольѣ. На прочихъ товарищахъ или такая же одежда, какъ и у Подлиповцевъ, или разнообразная: тутъ были полушубки изъ разныхъ шкуръ, большею частію распластанные, въ лохмотьяхъ, безъ заплатъ, или просто изорванныя сермяги, поддевки и что-то среднее между сермягой и поддевкой, называемое просто гунькой; у всѣхъ разнообразныя шапки, хотя повсюду и одинаковыя: большія изъ шкуръ, или войлочные на подобіе горшка; на рукахъ у каждаго рукавицы, или кожаныя, или изъ шкуръ, или шерстяныя; на ногахъ у каждаго лапти. У каждаго на спинѣ виситъ котомка съ хлѣбомъ, кое у кого съ разнымъ тряпьемъ. Ниже котомки болтаются по парѣ или по двѣ пары лаптей. Спасибо еще прикащику, который нанялъ ихъ бурлачить: онъ не поспешилъ дать каждому задатокъ; не дай онъ денегъ крестьянамъ, какъ бы они пошли въ дальній путь безъ хлѣба и лаптей?

Всѣ они шли до сборнаго мѣста, т. е. до завода, цѣлыхъ три недѣли, и шли, какъ нѣкогда шли Еврей по пустынь Аравійской, съ тою только разницею, что это были русскіе крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ семействъ. Шли они въ разсыпную по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, узкимъ тропкамъ; плутали по цѣлымъ днямъ въ незнакомыхъ мѣстностяхъ; ругались, мерзли, дрались и даже раскаявались, что пошли.

Ихъ взялись вести четыре лодмана, уже нѣсколько лѣтъ занимавшіеся бурлачествомъ и знавшіе всѣ ставціи-пристанни отъ Чердыни до Нижняго и отъ Билимбаевского завода до Перми;

но у этихъ лоцмановъ не было согласія въ выборѣ дорогъ—каждый изъ нихъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ зимой и отправлялся на Чусовую своими дорогами; сошедшись вмѣстѣ, каждый хотѣлъ идти по своей дорогѣ.

Вотъ, наконецъ, они согласились; всѣ крестьяне идутъ за ними. Идутъ они два часа, едва-едва переступая ногами, не торопясь, разговариваютъ, поютъ пѣсни грустныя, долгія и тяжелыя, а больше молчатъ. Проѣзжающіе заставляютъ ихъ сторониться, и кто изъ ста человѣкъ не успѣлъ своротить съ дороги, того ящикъ хлещетъ витнемъ. Крестьяне ругаются, хохочутъ и лѣзутъ драться. Одному почтовому ящику плохо пришлось отъ нихъ за витень, и крестьяне убили бы его, если бы не вступился почтальонъ и не разогналъ ихъ саблѣй. Всѣхъ забавитъ звонъ колокольчиковъ и шубы проѣзжающихъ баръ. Они сначала дивятся, потомъ хохочутъ. Всѣмъ какъ-то весело и кто поотстанетъ отъ толпы, догоняетъ ее. Подлиповцы идутъ особой кучкой. Они увлекаются разговорами товарищей, ихъ хохотомъ, тѣшатся надъ выговоромъ Татаръ и Черемисовъ; собственные несчастія они начинали уже забывать.

Но вотъ дорога дѣлится на двое. Вся ватага стала.

— Кажись, сюда таперь? спрашиваетъ одинъ лоцманъ.

— Нѣтъ, не сюда, а сюда, говоритъ другой лоцманъ.

— Нако-ся! Таперь по этой, по лѣвой надо: тутъ село будетъ, говоритъ третій.

— Эво! Што у те шары-те чѣмъ заволокло? Вотъ какъ подемъ по этой, по правой — тутъ и будетъ деревня, три версты и всего-то! говоритъ второй лоцманъ.

— Молчи! Тебѣ бають — село, а ты баешь — деревня...

— Медвѣдь ты раменской!... Тебѣ говорятъ — деревня... какъ войдемъ въ нее, и сворачивай на лѣво, говоритъ четвертый лоцманъ.

— Да будьте вы прокляты, лѣшіе! Привычки у васъ нѣтъ, обычаю... Мы десять годовъ по этой дорогѣ хаживали. Черты вы, дьявольскіе! ругается второй лоцманъ.

Остальные лоцманы задумались: — а что, если онъ правду говорятъ?

— Смотри, не обмишурься... Право, знать эта дорога-то? говоритъ первый лоцманъ.

Часть бурлаковъ (бывалые) пристааетъ ко второму лоцману, и говорятъ: — а, батъ, дорога-то на лѣво. Веди! Къ нимъ пристааетъ еще человѣкъ тридцать. Пристаютъ и остальные. Начинается брань беспощадная, крикъ...

— Что, братцы, горло дерете? Коли вы другую дорогу знаете, — пошли... Мы восьмой годъ ходимъ, знаемъ...

— И я восьмой! и я шестой!... кричатъ остальные путеводители.

— Ты веди толкомъ! кричитъ Пила.

- А я уйду тожно! кричить первый лощманъ.
- Ну, и иди, чортъ! што присталь? кричать бурлаки.
- Ребя! валяй его!... бей!...

Перваго путеводителя окружаетъ человекъ сорокъ. Онъ старается всѣхъ урезонить. Бурлаки не вѣрятъ. Остальные лощманы-путеводители идутъ по лѣвой дорогѣ. За ними идутъ и прочіе. Попадается имъ крестьянинъ съ дровами. Онъ знаетъ, кто эти люди.

— Эй, братанъ! эта дорога на Чусовую? спрашиваетъ крестьянина одинъ изъ лощмановъ.

— А вы бурлачить?

— Бурлачить.

— Э! Ступай вкось, тамъ и будетъ рѣка Яйва.

— Вре! А мы ее не прошли?

— Послѣ завтра будетъ.

— Ахъ-ты (слѣдуетъ непечатная брань), да вѣдь Яйва въ Каму бѣжитъ?

— А куды не то?... Кама-то эво што!... Вы бы и шли по Камѣ.

— А ништо, подемъ по Камѣ! говоритъ одинъ лощманъ.

— Ступай. Эдакъ мы скорѣй придемъ: тамъ еще будетъ Косва да Усва, а потомъ Чусова.

— Ну, и подемъ.

Тронулись по лѣвой дорогѣ. Пришли въ деревню. Ночевали. Утромъ тронулись въ путь по правой дорогѣ. Къ вечеру пришли въ эту же деревню... Ночевали. Утромъ пошли по лѣвой дорогѣ.

— Ишь ты, лѣшій! ворчать бурлаки. — Да вѣдь мы были тутотка?

— Гдѣ, въ деревнѣ-то?

— Ну!

— Слѣпъ! Деревня-то совсѣмъ другая: — въ той семь домовъ, а въ этой восемь, говоритъ одинъ лощманъ. Бурлаки вѣрятъ и не вѣрятъ. Лощмана спорять и все-таки идутъ вмѣстѣ всѣ. Наконецъ, пришли и къ Яйвѣ. Рѣка не широкая, покрытая льдомъ, занесеннымъ снѣгомъ.

— А это што? спрашиваетъ Пила, указывая на пространство, занимаемое рѣкой.

— Это рѣка, бають, отвѣчаютъ ему бурлаки.

— Кама? спрашиваетъ Пила.

— Нѣту. Кама вонъ дѣ, указывая рукой на сѣверъ, говоритъ бурлакъ. Пила дивится.

Всѣ стоятъ на берегу рѣки и спорять, какъ идти: направо по рѣчкѣ или налѣво.

— Мы, таперича, какъ подемъ налѣво, и Чусова будетъ, говорилъ одинъ лощманъ: — олонись я не былъ здѣся, добавляетъ онъ.

— Ну, это ошно тово оно... говорить другой лоцманъ.

— Вотъ если бы таперича вскрылась рѣка, да барки бы если пошли, ну и узналъ бы, въ кою сторону путь держать,— говорить первый лоцманъ. Холодно. Всѣ спускаются на ледъ; всѣхъ продуваетъ вѣтеръ. Идутъ кто направо, кто налѣво, кто за рѣку. Всѣ тонуть въ снѣгу и ворчатъ.

— Да вы ладомъ ведите! По Яйвѣ-то никто не бурлачить и мы въ Яйвѣ-то ни разу не шли, а переходили только, ворчить одинъ бурлакъ. Лоцмана ведутъ всѣхъ узенькой дорожкой, попавшейся за рѣкой. Бурлаки радуются. Пришли въ деревню къ вечеру. Поѣли, выпались, утромъ тронулись въ путь. День шли хорошо, пѣли пѣсни или молчали. Къ нимъ пристало нѣсколько Зырянъ.

Увидѣвъ кучу бурлаковъ, Зыряне спросили:— кыдче мунанъ *)?

— Булачить! было отвѣтомъ. Зыряне пристали.

Въ толпѣ были тоже Зыряне и между ними завязался разговоръ.

— Илыся локъ тысь? **).

А Ежва, кырнышъ ***).

Опять попалась рѣка. Бурлаки обрадовались.

— Вотъ она, Чусова-то!

— Вре! Экая махонькая?

— Эта братцы не Чусова, а Косва. Тамъ еще будетъ Усва, вотъ по той мы и пойдемъ въ Чусовую.

Бурлаки успокоились, перешли рѣку и тихимъ шагомъ пошли за своими путеводителями. На третій день послѣ перехода Косвы вышла ссора.

Все шли они по одной узкой дорогѣ; ладно. Вдругъ дорога раздѣлилась на три части. По которой идти? Лоцмана забыли.

Всѣ стоятъ.

— По этой?

— Нѣтъ, по этой!

— Знаешь ты черну немочь! По этой...

Лоцмана дерутся. Ихъ окружають бурлаки.

— Бей ево!... Вотъ такъ!... ну-ко ошно!.. слышится со всѣхъ сторонъ.

Одинъ лоцманъ убѣжалъ по лѣвой дорожкѣ. Его пошелъ догонять другой лоцманъ. Половина бурлаковъ идутъ за этими лоцманами. Два оставшіеся лоцмана уговаривають остальныхъ бурлаковъ идти за ними.

— Пусть они идутъ по той! Ужъ такъ-то ли заблудятся, эво какъ! говорить одинъ лоцманъ.

— Ну, а ты и веди, коли мастеръ, а я пойду съ нимъ... говорить другой лоцманъ.

*) Куда пошли?

**) Издалека шли?

***) Рѣка Вычеда, называемая Зырянами Ежвой. Кырнышъ—ругань.

— И чортъ тебя бей! А мы какъ разъ дойдемъ и по своей...

Бурлаки совѣтуются, какъ имъ идти.

— Тѣ поди ладно идуть, а мы-то какъ?

— Подемъ тожно съ нимъ.

Однако лощмана ведутъ своихъ товарищей по той дорогѣ, по которой ушла недавно половина бурлаковъ. Прошли съ версту, а тѣхъ бурлаковъ не видать. Прошли они двѣ дороги, наконецъ, на третью свернули и пошли.

— Куды же тѣ-то побѣгли?

— Черти... ворчатъ лощмана.

— Надо бы намъ поворотить по той дорогѣ, что впервые попали.

— Кто ево знатъ... И мѣста все другія, ни разу не былъ здѣся.

— И я тоже.

Вотъ подошли они къ большому полю. Дорогу занесло снѣгомъ; вѣтеръ сильный, рѣзкій. Бурлаки ругаются и идутъ по полю, оставляя за собой слѣды большими зигзагами. Идутъ они часъ, все нѣтъ конца. Что за чортъ? ворчатъ бурлаки. Ихъ обуяла лѣнь... Идти не хочется, а хочется попасть. Останавливается одинъ бурлакъ, за нимъ останавливаются всѣ. Садится одинъ на снѣгъ, всѣ садятся... Развязываетъ котомку одинъ, всѣ развязываютъ свои котомки.

— Подемъ назадъ! кричитъ одинъ.

— Айда! кричатъ двадцать человѣкъ.

— Баялъ, не ходи съ нимъ!... ворчитъ Пила. — А пошто назадъ то?

— А пошто? А подемъ... было отвѣтомъ.

— Братцы, пойдѣмте, ночь поди скоро.

Бурлаки боятся ночи.

— А ты веди, цесъ! кричитъ Пила.— Куда ты завелъ въ эту чучу!

— Пырни ево! пырни! кричатъ бурлаки на лощмана.

— Пойдѣмте! право, скоро конецъ, за этимъ полемъ и конецъ.

— Помремъ! говоритъ Пила.

— Не помремъ, а рѣка будетъ. А назадъ подете, заблудитесь.

— Ну, и подемъ. Ужъ много шли, ишшо подемъ, говоритъ Пила. Всѣ идутъ. Посыпалъ снѣгъ, вѣтеръ стихъ. Снѣгъ залѣпляетъ глаза, только и видно, что снѣгъ да товарищей, а что кругомъ товарищей—Богъ вѣсть. Бурлаки злятся, смотрятъ на свою одежду, она въ снѣгу, словно въ мукѣ купались. Всѣ устали.

— Ребя, вонъ лѣсъ! кричитъ одинъ изъ толпы. Всѣ повеселились. Бродятъ около лѣсу и блуждаютъ. Отыскали дорогу, къ ночи спустились подъ гору, и подъ горой уснули. Закусивши утромъ, опять идутъ, дорога опять дѣлится на двѣ дороги. Просто чортъ знаетъ, что такое.

— Ну ужъ и времечко! Прѣжь, какъ поadesh, и конецъ скоро, а таперъ сколь исходили... говоритъ одинъ лощманъ.

— Отъ того все, што не такъ пошли. Говорилъ, надо трактомъ идти, а то мало ли дорогъ-ту! ворчитъ другой лоцманъ.

— Экіе лѣшіе, куды завели. Все лѣса да лѣса, да горы какія-то. Эвонъ гора-то, чучела какая! ворчатъ бурлаки.

— А мы подемъ на гору-то? Тамъ поди баско! говоритъ Сысойко.

— А и поди, попробуй!... Тамъ таперь видимо-невидимо медвѣдѣвъ засѣло, замѣчаетъ Пила.

— Што медвѣди, волки поди стерелешиваютъ... *) Ужаси! замѣчаетъ бурлакъ.

— А што, батъ, здѣсь поди много медвѣдѣвъ?

— Столько—бѣда!

— Вре?

— Видалъ ономеднись. Стадо цѣлое.

— Вре?... И не съѣли?

Бурлакъ-хвастунъ, не бывший никогда въ этихъ мѣстахъ, улыбается и того больше вретъ.

— Какъ хватилъ коломъ, вонъ эдакимъ, одного—и издохъ, другаго хватилъ—побѣжалъ, и тѣ побѣжали.

— Вре?... Ишь ты!

Разговоръ идетъ о медвѣдяхъ, кто сколько на своемъ вѣку медвѣдей убилъ. Всякій старается перебить товарища разговоромъ; кто вретъ, кто говоритъ правду. Больше всѣхъ вралъ Пила.

— Ты вотъ по-моему сдѣлай, говорилъ онъ. — Одново раза лѣтомъ иду, знашь, лѣсомъ: а лѣсъ-то эво! не здѣшній, иное дерево и не охватишь, выше этова, густо... А со мной, знашь ломъ былъ. Ну, иду да собираю грибы... Собиралъ такъ-ту, много набралъ. Баско! и нашелъ на медвѣдя, спитъ... А медвѣдь-то эво какой! Такихъ въ первой увидѣлъ. Вотъ я, знашь, на цыпочкахъ и побѣгъ къ нему и хлопъ его по башкѣ... и хлопъ!... И пику не далъ!...

— Да онъ поди издохлой какой?

— Издохлой!.. Какъ бы не такъ! А пошто я ево хлеснулъ?..

— Значить, ты слѣпъ былъ, или другое что... можетъ спугался?

— Ну ужъ, кто другой спугатся, а я шабашъ.

— Да онъ поди, медвѣдь-то, мухомора обтрескался!

— Сказано—убилъ! кричитъ Пила, сердясь.

— Знамо издохлова.

— Поговори ты, собака!..

Бурлаки хохочутъ и дразнятъ Пилу:—знамо издохлова медвѣдя убилъ.

— А што, если таперь медвѣди прибѣгутъ?

— Сюды-то?

*) Бѣгаютъ.

— Ну... съѣдятъ насъ, али нѣтъ?

— Ну, таперь шабашъ. Насъ-то эво сколь.

Какъ закричимъ и прогонимъ, и чортъ его не догонитъ...

— И топоровъ-то ни у кого нѣтъ.

А мы закричимъ. Побѣжить...

Пришли они въ деревню. Въ деревнѣ сказали имъ, что они не въ ту сторону идутъ къ Чусовой. Пошли опять бурлаки назадъ отыскивать настоящий путь. Опять сбились съ дороги. На другой день встрѣтились съ толпой другихъ бурлаковъ.

— Вонъ они, лѣшіе! сказали обрадованные наши бурлаки.

— Это не тѣ, другіе.

— И то.

— А вы откедова?

— Вячки.

— Вячки ребята хвачки, семеро одново не бояча! съострилъ одинъ молодой бывалый бурлакъ.

Эти бурлаки знали дорогу лучше нашихъ бурлаковъ, и всѣ скоро добрались до Чусовой.

Рѣка Чусовая была уже оживлена въ это время. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на льду и на низкихъ берегахъ ея, на поляхъ строились барки и полубарки; воздухъ оглашался стукомъ топоровъ, крикомъ крестьянъ. Подлиповцы съ товарищами пошли берегомъ. Здѣсь идти имъ было весело: вездѣ народъ, есть съ кѣмъ и слово перемолвить, есть кого и спросить, куда идти, и далеко ли еще, и народъ такой добрый. Рѣка въ этомъ мѣстѣ узка; по обѣимъ сторонамъ ея или высокіе крутые берега, съ нависшими деревьями и скалами, или съ одной стороны крутой берегъ—гора, а съ другой низина, поле. Въ мѣстахъ, гдѣ крутые берега съ обѣихъ сторонъ, было мрачно и страшно. Бывалые бурлаки рассказывали разные ужасы и страхи.

— Вишь, эта гора-то какая, матушка! А бѣдъ отъ нея много бываетъ... Вотъ она теперь ровно впереди, а какъ подемъ, она угломъ будетъ, ровно кто топоромъ обрубилъ... Тутъ бѣда баркамъ. Какъ поплыветъ это барка и хлыбнется о гору, такъ ее и шарахнетъ, а мѣсто бѣда, бають, — два нѣту...

— Бають, тутъ сидитъ кто-то. Чортъ не чортъ, а ужъ больно сердится. Бають, у него въ лапахъ-то стресогласка.

— Что сидитъ! Коли сидѣлъ бы — словили; нынче, бають, начальство строго. Вонъ таперича штуки подѣлали, штобы намъ ловко было плыть. А безъ эвтихъ штукъ бѣда была, потому рѣка ужъ такая бурливая, да камней въ ней много, говорилъ одинъ лоцманъ.

— Экая гора-то! Ахъ ты какая высь! дивятся бурлаки.

— Вотъ гдѣ мы идемъ! говорить весело Пила. — Экъ баско! А тамъ поди ишшо лучше.

Въ этихъ мѣстахъ имъ приходилось идти даже ночью, потому что не было не только что деревень, даже людей, кромѣ ихъ, и ни одной барки. Здѣсь имъ казалось страшно: они боялись не медвѣдей, а чего-то иного. Впереди, позади, — кругомъ все горы, а въ верху небо черное и звѣздъ невидать.

— Ребята, тихонько иди, Смотри, полонья, говорилъ кто нибудь.

— Да мы бы спать.

— Ну иѣтъ. Смотри, какія богородни стоятъ вонъ тамъ. Кое-ва-дни какіе же были...

Въ лѣвой сторонѣ видится что-то бѣлое, большое такое. Немного выше — не то церковь, не то кто его знаетъ, что такое. И такихъ видовъ много. Бурлаки боятся подойти. „Убьеть!“ говорятъ они и дѣлаютъ отъ такихъ мѣстъ большіе круги.

— Боязно, братцы! Теперь-то еще што, а прежде, баютъ, ужаси бывали. Вонъ, сказываютъ, жилъ здѣсь Ермакъ атаманъ-разбойникъ, людей убивалъ, бѣда!.. Онъ, сказываютъ, Сибирь въ полонъ взялъ, рассказывалъ лоцманъ.

— Все одинъ?

— У него сила была огромнѣющая. Люду сколь было, все разбойники...

— А онъ таперъ гдѣ?

— Померъ, сказываютъ.... Сказываютъ утонулъ.

— Вре! А онъ поди спрятался тамъ на горѣ-то?

— Сказываютъ, потонулъ! У него, слышь, зипуна-то не было, а онъ желѣзо носилъ.

— Пра?! Вотъ дакъ сила!.. Какъ хлобыснетъ, и помрешь?

— Ну ужъ, онъ сидитъ поди таперъ, смотритъ шарами-то. Это, смотри, не онъ ли — экой высокой, да бѣлой, ишь какъ усторила *)!...

— Это дерево, а то вонъ камень выдался.

— Ну ужъ не ври, это онъ... Подемъ, поглядимъ?

— Ну-ко поди, онъ тѣ задастъ! Какъ пырнетъ камнемъ-то!.. Бурлаки дали кругъ. И долго толковали бурлаки объ Ермакъ, не зная его, а только наслышавшись о немъ отъ бурлаковъ же. Наконецъ кончился ихъ путь. Они пришли къ заводу.

На берегу было множество крестьянъ: кто пилялъ бревна, кто рубилъ, кто строгалъ, кто гвозди и скобки вбивалъ; достраивались барки, коломенки и полубарки. Подлиповцевъ и прочихъ бурлаковъ сосчитали, повѣрили и выдали имъ по десяти коп. денегъ. Купили они хлѣба, надѣли новыя лапти, взяли господскіе топоры, желѣзныя лопаты и прочіе необходимые инструменты для скорой работы, и стали работать.

*) Долго и строго смотреть на одинъ предметъ.

Всюду работа кипѣла. Каждый человѣкъ что нибудь да дѣлалъ, и если кто не умѣлъ топоромъ, то гвозди вколачивалъ, снѣгъ отскребалъ, или доски таскалъ. Кажется, барку нехитро сдѣлать, а нашимъ бурлакамъ больно мудреною казалась эта штука. Они не могли надивиться, какъ это такая штука построена? съ которой стороны ни подойди, вездѣ гладко, только желѣзки какія-то вбиты, и вся изъ досокъ сдѣлана да бревно. — „Вонъ у насъ избенки-те не такъ дѣлаютча, какъ хошь, такъ и перевернешь бревно и приладишь, а тутъ все инако. И куда экая чучела? домъ не домъ, а кто ее знаетъ, куда она годна?... Дай мнѣ—не возьму. Пра, не возьму!..“

На бурлаковъ кричали мастера.

— Что стоишь: Робы! Деньги только даромъ берете, разбойники!

Бурлакъ почешетъ одинъ бокъ, спину и пойдетъ съ топоромъ къ баркѣ. Что ему дѣлать? Вотъ онъ видитъ, лежитъ доска. Баская доска-то, да вѣрно робить велеть, и бурлакъ начинаетъ рубить доску безъ цѣли, а такъ, думая, что и онъ робить.

— Пошто ты доску-то рубишь, пошто? Я тебѣ!... кричить на бурлака мастеръ или работникъ.

Бурлакъ отходитъ отъ доски и глядитъ на прочихъ.

— Что сталъ? Робы!

— Да што робить-то?

— Што! Подъ, обтеши бревно... У, лѣтятя! скоты! и т. д. И пойдетъ бурлакъ рубить бревно и изрубить его такъ, что оно на дрова годится.

— Ахъ вы безтолочы! Я васъ!... Поди, притяни доску.

Одинъ бурлакъ не совладеетъ, онъ и взять не умѣетъ доску, съ котораго конца ее приложить; вотъ и возьмутся человѣкъ шесть-семь держать доску.

— Лады, лады! Што стали!

Бурлаки прилаживаютъ.

— Не такъ!.. Сюды!!

Бурлаки смотрятъ на доску. Доску берутъ еще человѣкъ пять. Доску приладили.

— Напри брюхомъ!

Наперли всѣ разомъ и такъ сильно, что потъ ихъ пробираетъ, и имъ баско кажется.

Такъ и кипитъ работа. Всѣ быются до поту, и не могутъ понять, что они такое робять и къ чему эдакая работа, больно ужъ баская да чудная.

Работаютъ они каждый день, бахвалятся, что и они робить мастера, а не понимаютъ своей работы. Чувствовать имъ нечего: имъ или баско, или худо; объ своихъ деревняхъ они забыли, съ людьми хорошо, да и чувствовать-то некогда: то рубить, то скоблить, то колотить... Всталъ рано, ѣсть хочется—

чувство, поробиль, ѣсть хочется — чувство, спать хочется — чувство...

О Пилѣ и Сысойкѣ сказать особеннаго нечего. Они точно такіе же были, а пожалуй и хуже. Они теперь блаженствовали. У маленькихъ Подлиповцевъ, Павла и Ивана, было больше способностей, чѣмъ у старшихъ. Они, конечно, не могли сдѣлать больше взрослога, окрѣпшаго мужчины, но понимали, какъ и къ чему такая-то вещь слѣдуетъ и какъ, что и для чего дѣлается. Занятіе ихъ было обдѣлывать поносную, похожую на мачту, или вколачивать скобки. Эта работа имъ такъ казалась хорошей, что они, если ея не было въ одномъ мѣстѣ, шли въ другое и тамъ отгоняли рабочихъ отъ несвоего дѣла.

Теперь отецъ для Павла и Ивана былъ все равно, что и прочіе бурлаки. Они теперь никого не боялись, и старшихъ у нихъ не было.

— Пашка! они всѣ свиньи, говоритъ Иванъ.

— Всѣ. Они робить не умѣютъ.

— И тятка свинья!

— И Сысойко свинья... А мы свиньи?

— Мы-то?.. А пошто?

Немного помолчавъ они опять спрашиваютъ другъ друга, свиньи они или нѣтъ; кажется, свиньи, а ровно и нѣтъ: „свиньи-то эво какія! А мы воно какіе“.

Откуда забралась въ ихъ головы такая мысль, они сами понять не могли; слышали только, что приващикъ ругалъ какъ-то бурлаковъ свиньями...

Съ бурлаками маленькое заводское начальство обращалось, очень грубо; часто обдѣливало деньгами, такъ что многіе голодали. У него, конечно, свои интересы, а надъ бѣднымъ бурлакомъ что хочешь дѣлай — смолчить или изругаетъ, а жаловаться не пойдетъ, да некому...

Настало тепло. Солнышко грѣетъ; снѣгъ съ каждымъ днемъ таетъ и таетъ; съ горъ бѣгутъ въ рѣку ручьи, на вершинахъ видится бурая земля. Барки уже сдѣланы, а бурлаки все еще работаютъ: кто весло дѣлаетъ, кто конопатитъ барки и полу-барки, кто такъ себѣ рубить бревно; работа кипитъ вездѣ; цѣлыя двѣ тысячи бурлаковъ копошатся на берегу у барокъ, на баркахъ, на льду, въ рубахахъ, дырявыхъ и со множествомъ заплатъ; съ иныхъ потъ каплетъ.

Наступаетъ пора ѣды, бурлаки садятся кучками на барки или на обрубки бревенъ, на сломанныя доски, ѣдятъ хлѣбъ, прихлебывая шей съ капустой и дрянной говядиной, кто въ шапкахъ, кто безъ шапокъ. Солнышко такъ и грѣетъ ихъ, оно освѣщаетъ загрубѣлыя, желтыя лица бурлаковъ, и вообще какъ-то привѣтливо. Въ кучкахъ сидятъ преимущественно люди

разныхъ названій: Татары съ Татарами, Черемисы съ Черемисами, Поддиповцы съ Поддиповцами и т. д., такъ что воздухъ оглашается разными нарѣчіями: лепечуть бойко Татары и Черемисы, пришепетываютъ Зыряне, кричатъ Пермьки, выговаривая: поце? зацѣмъ? пуца, и т. д. За обѣдомъ всѣ кажутся веселы: каждому, утомленному работой, любо, что солнышко свѣтитъ и грѣетъ баско, и онъ долго-долго смотритъ на солнышко, до тѣхъ поръ, пока не заболятъ глаза, и думаетъ какую-то думу... Славное солнышко! пошто оно не каждый день такъ свѣтитъ? когда и вовсе его нѣтъ, а когда покажется, да и спрячется, чучело!... Поѣвши, бурлаки опять принимаются за работу, но уже лѣнивѣе утренняго: хочется полежать. Вечеромъ всѣ собираются на барки, сидятъ кучками и толкуютъ больше о бурлачествѣ; сидятъ долго, думаютъ, скоро ли они перестанутъ работать; когда будетъ такая пора, когда они все такъ будутъ сидѣть... Потомъ начинаютъ пѣть свои пѣсни, каждый на своемъ языкѣ, и поютъ они долго, долго, не понимая сами смысла пѣсни, а хорошо имъ кажется и сердце ноетъ, кого-то жаль, кочется чего-то... Тутъ есть и музыканты: тѣ разгоняютъ свою тоску, играя на гармонійкахъ и балалайкахъ какія-то веселыя пѣсни. Но и тутъ не весело: поиграетъ, поиграетъ бурлакъ, отдастъ инструментъ другому, а самъ пристанетъ къ другимъ и поетъ съ ними. Одни только Татары да Зыряне какіе-то чудные: они, какъ кончатъ работу, и ложатся спать, какъ будто имъ не нравится общество остальныхъ людей. Днемъ они иногда поютъ по одиночкѣ или голосовъ въ шесть, такъ надъ ними бурлаки смѣются—больно ужъ забавно поютъ, талалакаютъ на своемъ языкѣ. Умаявшись, надравши горла, бурлаки идутъ спать въ пустыя барки: положивъ подъ голову котомку съ имуществомъ, чашкой, ложкой, лалтями, бурлакъ растягивается на полу; и какъ легъ, такъ и уснулъ...

Становилось все теплѣе и теплѣе. Снѣгъ почти весь стаялъ. Ледъ покрылся водой. Барки уже совсѣмъ отстроены. Стали прибирать бревна, доски, очищали берегъ, сдвигали коломенки, барки и полубарки ближе къ берегу, стали грузить ихъ желѣзомъ и чугуномъ. Воздухъ наполнился крикомъ, руганью, стукомъ, трескомъ, звукомъ отъ желѣза; бурлаки суетились, бѣгали, тащили полосы и листы желѣзные, кряхтѣли, потѣли... На нихъ кричали прикащики, лоцмана, показывая, куда что нужно класть. Наконецъ барки, коломенки и полубарки наполнены, поносныя весла, канаты, шестики, доски, бревна и разныя разности положены на коломенки, барки и полубарки, бурлаковъ распредѣлили на барки, кого до Елабуги, кого до Сарапула, кого до Волги, кого до Саратова. Бурлакамъ до Елабуги назначили 8 рублей, до Сарапула 9, до Волги 10, до Саратова 14 за сплавъ. Всѣмъ заказано быть на готовѣ. На каждой баркѣ было по одному и по два лоцмана, по два водолива. Каждому было наказано, что дѣлать, гдѣ стоять. Дѣлать нечего, а бур-

лаки все что нибудь да дѣлають: то поносную потешеть топоромъ да пообрубить весло, то увидить на боку барки дыру, выстрогаеть дощечку, прибить и законопатить, а то еще дранку на скобки прибить. И сколько на этихъ баркахъ заплатъ! Хотя онѣ и новыя, а все какъ-то кстати приладилось: и сами они въ заплаткахъ, и рабочіе на нихъ тоже съ заплатами носятъ одежду. Барки приладились, нумера на нихъ написали, — первую букву завода на кормѣ выжгли, воткнули въ столбъ на носу палочку съ маленькимъ флагомъ. Среди коломенокъ и барокъ точно барыни какія красуются три большія коломенки-караванки съ мачтами, съ разноцвѣтными кружками на верху мачтъ и съ флагами, на которыхъ красуется названіе завода. Бурлаки большею частію отдыхаютъ, поютъ пѣсни, ѣдятъ и поглядываютъ на другія барки и въ особенности на караванки, на коихъ, сказываютъ, поплывутъ наибольшіе, кои бурлаковъ приняла, да бають, ошшо налить стануть. Бурлаки получили по полтора рубля денегъ, ходять по заводу, покупаютъ хлѣба, мяса, больше луку свѣжаго; нѣсколько человекъ купили бала-лайки. Въ баркахъ и на берегу варятъ въ большихъ котлахъ говядину, брюшину, баранину и ѣдятъ дружно. Накопившіе рубля три денегъ покупаютъ въ заводѣ у рабочихъ чугушки, сковородки, сковородники, утюги и разныя вещи очень дешево и тащутъ въ барки. Даже собираютъ бросовое желѣзо, валяющіеся гвозди, скобки—все пригодится, можетъ быть, кто и купить.

Подлиповцы торжествовали. Они никогда не живали въ такомъ большомъ обществѣ людей своей братьи, и другъ другу сообщали свои чувства.

— Вотъ, значитъ, я сила. Не я бы, такъ што было бы съ вами? говорилъ Пила своимъ товарищамъ.

— Ужь што говорить! откликались Пилѣ товарищи.

— Ошшо не то сдѣлаю.

— Все бы Апроську надо, говоритъ Сысойко печально.

— Надо бы... И Пила задумывается.

— А пошто здѣсь бабѣ нѣту? спрашиваютъ другіе Подлиповцы.

— А кто ихъ знать!... Да што бабамъ-то дѣлать?... все сробили.

Всѣ они ждали той поры, когда они поплывутъ, и говорили объ этомъ предметѣ каждый по своему разуму.

— Вотъ теперъ какъ барка-то стоитъ и зашевелится, побѣжитъ, бають, и не догонишь; а мы ее пехать будемъ весломъ-ту, разсуждаетъ Пила.

— А куда побѣжимъ?

— Куда... знамо куда... А куда—Пила не можетъ объяснить.

— Какъ же мы теперъ побѣжимъ? Смотри, сколь желѣза-то наложено, а насъ-то сколь?.. спрашиваетъ Сысойко.

— Ужь побѣжимъ.

— Да теперъ барку-то не сдвинешь. Поди, лошадь запрегутъ?

— Баютъ, водой поташшитъ.

— Экой прыткой!... А какъ да насъ запрегутъ?...

— Толкуй съ дуракомъ!...

Каждый вечеръ былъ какимъ-то праздникомъ на баркахъ: выпившіе водки плясали, тысячи бурлаковъ пѣли, въ разныхъ мѣстахъ кричали, гдѣ нѣбудь нѣсколько бурлаковъ все еще рубятъ что-то. Все это веселитъ Подлиповцевъ.

— Надо бы Матренку взять. Вотъ бы поглядѣла курва! думаетъ Пила и говоритъ объ этомъ Сысойкѣ. Сысойко вздыхаетъ объ Апроськѣ, потомъ плюетъ и говоритъ: — ну ихъ къ лѣшнимъ!

— Ну ужь, мы теперъ назадъ не пойдѣмъ, говоритъ Пила.

— Такъ и будемъ робить, соглашается съ Пилой Сысойко. Многіе бурлаки курятъ махорку изъ глиняныхъ трубокъ съ коротенькими чубуками.

Пила тоже завелъ трубку и постоянно куритъ махорку съ Сысойкомъ. Сначала ихъ тошнило, а потомъ они втянулись. Для чего они курили, — не знали, а такъ завидно стало: прочіе бурлаки курятъ, да и баско, веселѣе ровно, какъ покуришь.

Отъ береговъ отѣло ледъ, и онъ готовъ тронуться, какъ только придетъ вода. Барки прикрѣпили канатами за сваи, вбитыя въ землю. Вотъ пустили изъ заводскаго пруда воду; вода съ силой вырвалась изъ своего заключенія, быстро большою массою хлынула изъ плотины и пошла катать: все, что было по пути, неслоь водой. Вотъ бросилась вода въ рѣку, сначала покрыла ледъ, потомъ ледъ поднялся, треснулъ, заколыхался... Вода все больше и больше прибываетъ, а ледъ то и дѣло ломаетъ, вертитъ словно въ омутѣ. Бурлаки стоятъ съ разинутыми ртами на баркахъ, на берегу тысяча заводчанъ... Съ берегу слышны крики.

— Тронулся... тронулся. Многіе бросали въ рѣку мѣдныя монеты.

Но ледъ только кружится, чернѣетъ.

— Пошелъ, пошелъ! кричитъ народъ.

Дѣйствительно, рѣка на большое пространство очистилась. Ледъ впереди все болѣе и болѣе напиралъ на берега, трещалъ, ломался и наводилъ на бурлаковъ ужасъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ крестились. Барки покачивало.

— Пошла Чусовая! пошла Христовая... кричитъ народъ и кидаетъ въ нее грошики.

— Нѣтъ ли у те копѣйки? спрашиваетъ дѣвица свою подругу.

Подруга даетъ ей копѣйку, она кидаетъ ее въ рѣку и что-то шепчетъ.

По мѣстному понятію, при вскрытіи рѣки нужно подарить ее для того, чтобы не утопить въ ней.

Ни одного бурлака не было такого, который бы не радовался въ это время. Всѣ были заняты вскрытіемъ рѣки, какъ точно дождались свѣтлаго праздника. Рѣка шумѣла, издали слышался трескъ и какой-то гулъ, бурлаки кричали.

— Смотри, какъ льдину-то шарахнуло!

— Ли што діется! Экъ ее расколело!...

— Смотри, шитикъ тащить!

— Зѣвай! Лови поносную!... Черти!

— Я васъ, я васъ! што глазѣте!... Пехай льдину, пехай.

Съ этого дня началась работа бурлацкая.

Вода все больше и больше прибывала. Мало по малу вода подходила къ баркамъ, и на третій день всѣ барки стояли въ водѣ. Крикъ, бѣготня, стукотня не умолкали.

— Спехивай барки! спехивай! Что стали? кричали лодмана.

Бурлаки берутся за шесты.

— Не такъ, съ этого конца!

-- Канатъ опусти!

— Вяжи... Заматывай, дьяволь!... Подай чалку!

Барки подвигались все ближе и ближе къ рѣкѣ, и наконецъ были уже въ ней.

— Сто-ой!.. Ахъ вы глѣшіе!.. Брось чалку на эту барку!

— Цѣпи!... што ротъ-то разинулъ!... Да подай ты, лѣшій, веревку!

Бурлаки метались на баркахъ и на берегу. Все изъ ихъ рукъ валилось.

Подлиповцы были на берегу. Ихъ очень удивило, что барки такъ скоро попали въ рѣку, и удивлялъ переходъ отъ льда къ водѣ. Все былъ ледъ, а теперь нѣ вотъ! Ишь сколь воды-то!...

Въ каждой баркѣ была уже вода.

— Откачивай воду! живо! кричатъ лодмана въ одномъ мѣстѣ.

— Чини барку! кричатъ въ другомъ мѣстѣ.

Павелъ и Иванъ назначены въ водоливы. Стоять они въ баркѣ другъ противъ друга и большимъ черпакомъ, привязаннымъ веревкой за потолокъ барки (палубу), помахиваютъ, какъ оцепомъ, и выливаютъ имъ воду въ отверстія, сдѣланныя на бокахъ барки.

Ледъ шелъ уже меньше. Бурлаки долго дивились по вечерамъ: куда это ледъ идетъ? И порѣшили на томъ, что идетъ куда-то въ море-окіянь. Съ верху стали приплывать барки все больше и больше. Теперь было уже до ста барокъ, и на каждой отъ 50 до 80 человекъ бурлаковъ.

Черезъ три дня, какъ прошелъ ледъ, бурлакамъ опять нечего дѣлать. Большая часть лежала на баркахъ, суша онучки на солнышкѣ, или ходили въ заводъ за хлѣбомъ. Всѣ чего-то ждали, чего-то боялись, хотѣли скорѣе плыть, рассказывали раз-

ные страхи. Сысойко и Пила съ дѣтми попали на коломенку. Эта коломенка, какъ и другія коломенки, построена изъ сосно. ваго лѣсу, имѣла плоское дно, которое къ кормѣ и носу постепенно сѣуживалось, и имѣла палубу.

Пила и Сысойко смѣняли Павла и Ивана, когда имъ нечего было дѣлать или надоѣдало лежать. Была ли то привязанность къ ребятамъ, жалость къ нимъ, или желаніе поробить — рѣшать не берусь. Только Пила сильно начиналъ надоѣдать лоцману своими услугами. Скажетъ лоцманъ бурлакамъ: подтяните поносную! Пила летитъ со всѣхъ ногъ къ поносной, Сысойко тоже за нимъ, и примутся оба за поносную. Лоцманъ видитъ, что они и взятыя-то не умѣютъ какъ слѣдуетъ, обругаетъ ихъ. Пила спрашиваетъ: а ты скажи, какъ?.. Велитъ лоцманъ какому нибудь бурлаку сбѣгать на другую барку за чѣмъ нибудь, Пила опять бѣжитъ отъ работы.

— Ты куды! Ты знай свое дѣло! говоритъ лоцманъ.

— Сдѣлаю то и то... говоритъ Пила и идетъ на другую барку.

Лежитъ лоцманъ въ коломенкѣ на желѣзѣ и думаетъ что-то, смотря на ребятъ, откачивающихъ воду, Пила и Сысойко гонять ребятъ.

— Подь, чучело! И тутъ робить не умѣешь.

— Вотъ умѣешь!.. Пусти! кричитъ Иванъ.

— Дурень, подь побѣгай... говоритъ Пила Ивану. А ребятамъ давно хочется погулять.

— Не трогь! Што присталъ къ нимъ? Знай свое дѣло, — облаеть Пилу лоцманъ.

— Экой ты Терентьичъ! Мальчовкамъ-то трудно вѣдь.

— Мало ли что! взялся за гужъ, будь дюжъ.

— Да парни-то родные.

— Мало ли, что родные. Знамъ мы родныхъ-то, кто съ борка, кто съ веретейки...

Пила и Сысойко откачиваютъ воду. Покачаютъ, покачаютъ, спины заболятъ, сядутъ и ждутъ, чтобы скорѣе лоцманъ ушелъ, и имъ бы лечь поспать.

— Качай, што стали!

— Да мы такъ...

— Я тѣ дамъ, такъ!...

Этотъ лоцманъ заводскій человѣкъ и уже четырнадцатый годъ бурлачить по Чусовой и Камѣ, лоцманомъ служитъ шестой годъ и знаетъ всѣ опасныя мѣста на рѣкахъ, за что и получаетъ хорошее жалованье. Лоцманъ на баркѣ или на коломенкѣ — глава; безъ него ничего не подѣлаешь. Лоцманъ отвѣчаетъ за цѣлость барки, казеннаго имущества, здоровье людей, — однимъ словомъ, онъ долженъ въ цѣлости сдать то, что принялъ. Поэтому неудивительно, что лоцманъ обращается со всѣми какъ ему вздумается.

Вотъ къ этому-то человѣку и старался втереться Пила, понравиться, для того, чтобы ему лучше было. Онъ понялъ, что все его товарищи бурлаки такіе же люди, какъ и онъ, что отъ нихъ ничего не получишь хорошаго, а еще наживешь худа, пожалуй лоцманъ возьметъ да и прогонитъ, какъ прогналъ шестерыхъ бурлаковъ за то, что они стащили ночью съ барки двѣ полосы желѣза.

Лоцманъ же, бывши самъ бѣднымъ бурлакомъ, всѣхъ считалъ равными себѣ, зналъ нужду каждаго, не налегалъ ни на кого слишкомъ работою и требовалъ только, чтобы всѣ исполняли свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Одно только въ немъ было скверно: зная, какъ и что сдѣлать, онъ хотѣлъ, чтобы всѣ такъ дѣлали и дѣлали живо.

Чтобы больше втереться къ лоцману, Пила сталъ ему наговаривать на бурлаковъ.

И дѣйствительно, лоцманъ по вечерамъ сидѣлъ съ Подлиповцами, спрашивалъ ихъ объ родинѣ и самъ рассказывалъ имъ свои дѣлишки.

— Вотъ ты пошелъ теперь бурлачить, и ладно. Города посмотришь разные, и жизнь-то лучше будетъ. Я, братъ, тоже прежде мыкался такъ-ту, да поправился. Трудно было, за то теперь любезно поживаю: въ заводѣ баба, дѣломъ весело.

Пила слушалъ ротъ розиня.

— Какъ походишь годовъ десятокъ, и самъ будешь лоцманъ.

— А таперъ нельзя?

— Экой ты дурень! Ты знаешь ли, што за штука лоцманъ?

— Э!

— Точно. Возьмешься ты за это дѣло и покаешься. Вотъ таперъ Чусовая. Ужь я знаю все, гдѣ какое мѣсто опасное, а кто его знаетъ, что случится. Вдругъ какъ коломенка-то разобьется, ну и потонетъ. А я отвѣчай... Дура!

— Пила не понималъ, какъ можетъ потонуть коломенка. Лоцманъ растолковалъ ему.

— Эко дѣло!.. Научи ты меня, Терентьичъ! говорилъ Пила.

— Вотъ и учись. Ты стой возлѣ меня. Я тебя заставлю поносной водить.

— Ужь ты и Сысойка заставь.

— И его заставлю. Только смотри, дѣлай, какъ я буду велѣть.

— Ужь не бай! А ты, Терентьичъ, и ребятъ туды поставь.

— Ребятъ нельзя. Работа ихъ легкая. А имъ съ экимъ бревномъ валандаться неподходящее дѣло... Надо тоже и чувствіе, имѣть.

— А если можно, ты лучше со мной поставь.

— Толкуй съ дуракомъ! Ты то пойми: што имъ здѣсь дѣлать-то? Какая у нихъ сила? Ишшо захварають, горе будетъ съ ними.

— Ну, такъ и ладно.

Терентьичъ очень понравился Пилъ, но Сысойко почему-то не взлюбилъ его.

Не долго постояли барки; не долго нѣжились и бурлаки. Надо же и плыть въ дальній путь... Поплывайте, добры молодцы, за богатствомъ. Не знаете вы, что богатство-то вы сами спроваживаете: барки-то полны, да не для васъ все это.

Прикащики сосчитали всѣхъ бурлаковъ. Бѣглыхъ оказалось двадцать четыре человѣка. Барки были осмотрѣны старательно. Дали бурлакамъ по полтиннику денегъ и велѣли готовиться въ путь; а тронуться назначено завтра. Окончивъ повѣрку и осмотръ барокъ, прикащики сказали лоцманамъ: ну, ребята, завтра мы поплывемъ. Смотрите, берегите барки и народъ.

Ужъ въ эвтомъ не сумнѣвайтесь, было отвѣтомъ лоцмановъ.
— Ну, и ладно. А вы, ребята, бурлаки, во всемъ слушайтесь лоцмановъ. Если кто лѣнивъ окажется да буянить будетъ, того мы прогонимъ и денегъ не дадимъ.

Бурлаки на это ничего не сказали, а стояли безъ шапокъ. переминаясь съ ноги на ногу и почесывая свои бока.

— А когда въ Пермь приплывемъ, тогда получите половину денегъ сполна.

Бурлакамъ это любо показалось. Кто поклонился прикащику, а кто и такъ стоялъ и смотрѣлъ на прикащика, какъ будто говорилъ про себя: больно ты хорошъ человѣкъ, только не обидь бѣднаго человѣка...

Когда ушли прикащики, дѣятельность оживилась: лоцмана кричали на бурлаковъ, бурлаки бѣгали, кое-что прилаживали и почививали, готовили барки къ отплытію. Вечеромъ, купивши въ заводѣ хлѣба и лаптей, всѣ бурлаки загуляли—пропили свои трудовыя деньги. Вечеромъ въ заводѣ было большое веселіе: у бурлаковъ много было знакомыхъ изъ рабочихъ и они теперь угощали ихъ за хлѣбъ-соль. Наши Подлиповцы тоже были пьяны, даже Павелъ съ Иваномъ выпили косушку. и лоцманъ Терентьичъ тоже былъ пьянъ и бахвалился тѣмъ, что онъ лоцманъ не на баркѣ, а на коломенкѣ, и шесть лѣтъ благополучно проводилъ барки. Пѣсни и пляски стихли далеко за полночь, и многіе бурлаки вовсе не спали, потому что въ четвертомъ часу утра пріѣхало заводское начальство съ духовенствомъ. Священникъ отслужилъ молебень на караванкѣ, окропилъ барки водой, раздался выстрѣлъ; бурлаки дрогнули, а онъ глухимъ раскатомъ заидся въ горахъ. Выстрѣлили съ караванки еще разъ, еще разъ, и пошла пальба... Народу на берегу много было.

— Отчаливай! Живо!.. крикнулъ кто-то съ главной караванки.

Бурлаки бѣгали какъ угорѣлые по баркамъ, перебѣгали съ барки на барку, кто бралъ весло, кто держалъ поносную, кто веревку...

— Отчаливай вонъ ту! что стали? кричали съ караванки. Барки трещали, скрипѣли...

Одна барка пошла, понесло и людей вмѣстѣ съ нею. Подлиповцы ротъ разинули.

— Крестись! командовали лоцмана.

Крещенные бурлаки перекрестились.

Барку повернуло бокомъ, и она такъ и поплыла.

— Греби возьми!.. Бурлаки схватили весла. Одно весло держали двое.

— Греби сильнѣй! греби-и!!

Бурлаки опустили въ воду весла и стали помачивать ихъ.

— Отчалива-ай!!

Поплыли еще двѣ барки, потомъ три, десять....

Пила и Сысойко стояли по срединѣ коломенки, ничего не понимая.

— Сысойко! сказалъ Пила съ боязнію, и вцѣпился въ полу Сысойкина полужубка.

— Боюсь, отвѣтилъ Сысойко.

Дѣти Пилы перестали откачивать воду. Они тоже стояли около отца и, ухватившись за полы полужубковъ Пилы и Сысойка, дико смотрѣли на удаляющіяся барки.

— Эй вы! Пила! Сысойко! на корму! кричитъ лоцманъ.

Пила и Сысойко подошли.

— А вы што глазѣте! Пошли въ барку! крикнулъ лоцманъ на дѣтей Пилы.—Эй, вы! у весель стойте!... Пошли на носъ! еще шестеро сюда! командовалъ лоцманъ, толкая бурлаковъ и тыча въ ихъ подбородки.

Стали стаскивать въ воду поносныя. Стаскиванье сопровождалось пѣсней: обхватить бурлакъ поносную, наплетъ на нее всею силою и закричить: „дернемъ-подернемъ, да разъ!.. Ха!“— и двигается поносная, а не запоетъ бурлакъ этой простой пѣсни — и силы нѣтъ...

— Смотри, ребя! не робѣть. Что скажу, то и сполнай. Теперь, братцы, боязно, какъ разъ потонемъ! говоритъ лоцманъ.

Всѣ бурлаки струсили, а Пила спросилъ лоцмана: а пошто? Лоцману не до разсужденій было. У него много дѣлъ.

Всѣ приговорены, каждый держать въ рукѣ что нибудь: кто весло, кто поносную, кто шестикъ, лежащій на коломенкѣ, кто веревки.

— Отчаливай! закричалъ лоцманъ Терентьичъ. — Отвизывай веревку-то!

Съ другой барки отвязали веревку съ кормы. Коломенку двинуло въ воду и живо поворотило кормой внизъ по рѣкѣ.

— Мужланы! Анаемы!! Я васъ! реветъ лоцманъ... — Да от-

вязывайте носовую веревку!... Ахъ бѣда!... Греби къ берегу!... стой въ носу!.. Не тронь канатъ!

Бурлаки забѣгали, напугались. Сдвинули поносную и стали; погребли веслами и стали. Лоцманъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Ахъ мука какая! Да будьте вы прокляты, дьяволы эдакіе! Загребай воду-то! Не такъ: въ ту сторону!.. Ахъ бѣда! Отъ себя, чортъ, отъ себя!.. Бурлаки работали, что есть силы. Съ нихъ катилъ потъ, а все не въ толкъ...

— Что вы стали, дьяволы! кричали на эту коломенку съ берегу и съ караванокъ.

— Отчаливай носъ! Принимайся въ гребі! загребай въ рѣку. Коломенка пошла и пошла бокомъ поперекъ рѣки.

— Сильнѣе, сильнѣе! Эй вы, носовые, въ глубь! въ глубь!... А вы къ берегу... Стой весла, иди сюды!

Кормовыхъ и носовыхъ пробрало. Потъ такъ и катилъ съ нихъ. Коломенка скрипѣла, покачивалась и ушла уже далеко отъ завода. Бурлаковъ привѣтствовалъ рѣзкій вѣтеръ. Воздухъ свѣжѣлъ.

— Стой! кричитъ лоцманъ. Бурлаки съли, на рукахъ мозоли, а коломенка идетъ животомъ впередъ.

— Славу Богу—начинъ хорошъ, а тамъ не знаю, что будетъ, говорилъ лоцманъ и крестился. За нимъ крестились и прочіе.

Бурлаки сидятъ и удивляются, что они плывутъ; впереди и позади тоже барки плывутъ. Много ихъ пушено. Сидятъ они, смотрятъ на деревья и дивуются: ровно коломенка-то стоитъ, только деревья бѣгутъ, вонъ и камни бѣгутъ, и мужикъ какой-то бѣжитъ. Чудно! Ничего не поймешь. Коломенку несло очень скоро. Бурлаки не долго сидѣли. Минуть черезъ пять лоцманъ опять поднялъ всѣхъ на ноги.

— Заворачивай корму! живо!... Корма повернулась вкось. —Гребі къ тому берегу, смотри, тутъ плотъ—это заплава называется. Кабы не торнутья... Дѣло въ томъ, что дно р. Чусовой каменистое, и сама она очень быстра и извилиста, такъ что нерѣдко барки ударяются въ береговые камни огромной величины, какіе выглядываютъ даже изъ воды на серединѣ рѣки. Поэтому, въ отвращеніе несчастныхъ случаевъ, придумали ограждать эти камни, носящіе разныя названія, въ родѣ: Косой, Бражка, Узенькій, Писанный, Дужный, Печка, Горчакъ, Разбойникъ,—заплавами, состоящими изъ двухъ плотинъ, изъ которыхъ каждая половина состоитъ изъ трехъ *пряселъ* (бревенъ) длиною до 10 сажень, толщиною до 7 вершковъ, связанныхъ между собою веревками. Они привязываются къ деревьямъ, растущимъ на берегу, такъ, чтобы, плавая по водѣ могли принять на себя барку, если она силою теченія будетъ плыть прямо на камень. Но эти заплавы мало приносятъ пользы, потому что, ударомъ барки о бревно, бревно далеко

относить, и барка все-таки разбивается о камень. Въ двухъ верстахъ показалась черная гора.

— Гребни! не робѣй, ребяташки... Выручи, водки куплю!...

Работа началась на всей коломенкѣ, работали носовые, кормовые и гребни. Весла и поносныя шумѣли, вода отъ плеска тоже шумѣла, вѣтеръ свисталъ и проникалъ каждаго человѣка до костей. Всѣ умялись; всѣ молчатъ, дико смотря на приближающуюся гору. Каждый тренещеть и молится горѣ: матушка, горушка! выручи!.. Лоцманъ нѣсколько разъ перекрестился, поминутно мѣрялъ шестомъ глубину рѣки и самъ помогалъ гребти поносную. Гору миновали благополучно. Лоцманъ перекрестился и сказалъ: брось! Всѣ бурлаки съѣли.

Такъ плыли бурлаки цѣлый день.

И хорошо, какъ плывутъ барки! Люди сидятъ измученные и что-то думаютъ, вѣроятно о трудной работѣ, какой они еще не дѣлывали, и весело имъ кажется: барка плыветъ, лѣсъ и камни мелькаютъ. Ишь, какое дерево-то хорошее промелькнуло! Вонъ какой лѣсъ показался, рѣчка бѣжитъ, а тамъ вдали деревушка подъ горой стоитъ и сѣрые поля съ грядами видятся... Вонъ село какое-то съ деревянной церковью, ишь какія крыши-то высокія, такъ вотъ и кажется, что дома другъ на дружку лѣпятся. Вонъ опять поле плетнемъ огороженное. Какой-то мужикъ въ телѣжкѣ ѣдетъ... А вонъ налѣво лѣсъ горитъ, и тушить-то его некому. А вонъ мужики куда-то бревна везутъ. Вонъ въ лодкѣ мужикъ съ бабой рѣку переѣзжаетъ... И все плыветъ, идетъ, бѣжитъ куда-то, все смотритъ на бурлаковъ, киваетъ имъ привѣтливо: здравствуй, молъ, поштенный! куда те Богъ несетъ?... Вурлаки дѣйствуютъ веслами и поносными; вода плещется, барка скрипитъ, точно какъ плачетъ, обмывается водой, смывая бурлачкія слезы... Бурлаки работаютъ: то и дѣло нагибаютъ спины, наклоняются, поднимаются, шлепаютъ тяжелыми, усталыми ногами, думаютъ что-то, вѣроятно объ томъ: ахъ бы лечь да отдохнуть... Рубашки смокли, прильнули къ горячему тѣлу, по бородамъ текутъ крупныя потныя капли и падаютъ то на весла, то на рукавицы... А барку несетъ бокомъ; лѣса, поля, деревни, люди—все и все куда-то несетъ. Эхъ ты жизнь, жизнь горегорькая! Только одно солнышко стоитъ на одномъ мѣстѣ, ласково такъ смотритъ на міръ божій, да и то не надолго,—возьметъ да и спрячется за сѣрыя тучи, словно дразнится...

Опять впереди утесъ, крутой и страшный. Такъ вотъ и кажется, что тутъ и конецъ рѣкѣ, такъ вотъ и хлопыснется объ камень барка... Но одна барка спряталась, другая нашла на утесъ, треснула, раздался гулъ, крики мужиковъ... Ничего не разберешь! Видно только, что люди копошатся, плывутъ въ штиль, слѣзли на берегъ, и барки не стало... Бурлаки дрогнули и, выпучивъ глаза, смотрѣли въ то мѣсто.

— Валяй на всѣхъ! кричить лоцманъ. Опять возня, ругань.

Гора приближается все ближе, чернѣть, такая страшная, голые утесы, точно страшилища какія висятъ надъ рѣкой: берегись, мошь, зашибу!...

— Греби! греби! Что стали?...

— Эка бѣда! ворчатъ бурлаки. — Скоро ли ужь конецъ то!...

— Греби сильнѣй!... Валай! въ землю смотри... И лощманъ самъ принялся грести.

Миновали утесъ. Тамъ, по колѣно въ водѣ, стояли бурлаки на потонувшей баркѣ и просили пощады у Терентьича... На гору лѣпилось нѣсколько бурлаковъ, къ баркѣ плыли въ шиткѣ два лощмана и четверо бурлаковъ.

— Пусти! говорили они.

— Греби! что стали?..говорить лощманъ Терентьичъ.

— Ради Христа...

— Ну васъ!.. Греби сильнѣе, вонъ тамъ опасно...

Барка завернула за утесъ. Впереди плывутъ барки.

— Вотъ оно што!..

— Бѣда...

— Экъ ее хлобыснуло! разсуждаютъ бурлаки.

— А еще два лощмана! говоритъ лощманъ Терентьичъ.

— Какъ же теперь? спрашиваетъ лощмана Пила.

— А такъ: барка потонула, а можетъ, и люди потонули, лощману бѣда. Ахъ, злочесъ какая! тужитъ лощманъ.

— Эй ты, мужланъ, сворачивай въ глубину! кричитъ лощманъ на лощмана одной барки, плывущей впереди.

— Э! отозвалось съ барки и слышится оттуда крикъ: — вали къ берегу! вали!

Бурлаки плывутъ молча. Темнѣть. Слышны скрипъ барокъ, глухой плескъ воды, да пѣсня: разомъ да разъ! дернемъ подернемъ да разъ!... Ха!...

Вечеромъ пристали къ прочимъ баркамъ. На баркахъ разсуждали объ убившейся баркѣ. Много бурлаковъ хотѣло идти посмотреть на ту барку и потужить съ бурлаками, да идти-то далеко и отдохнуть хочется.

— Эдакъ и мы померемъ, говоритъ Сысойко.

— Не померемъ. У насъ лощманъ — бѣда! говоритъ Пила.

Бурлаки наѣлись сытно и улеглись спать въ барки. Во снѣ имъ свилось: какъ они плывутъ, какъ кричитъ лощманъ, какъ хлобыснется барка объ утесы, какъ они поднимаются на горы и падаютъ въ рѣку...

Ночью приплыло къ баркамъ нѣсколько бурлаковъ съ разбившейся барки. Утромъ ихъ приняли на двѣ барки. Эти бурлаки говорили, что потонули два бурлака, одинъ лощманъ убѣжалъ куда-то, а другой уѣхалъ куда-то къ наибольшимъ.

Въ третьемъ часу утра бурлаки уже отчаливали барки. Берега опять огласились бурлацкою вознею, скрипомъ весель и

повосныхъ, руганью лодмановъ, пѣснями: дернемъ, подернемъ да разъ!... И каждую весну оглашаются такъ берега Чусовой; страшилища утесы, пугалища камни любятъ трудомъ бурлаковъ, издѣваются надъ людскимъ горемъ... И сколько по этой Чусовой барокъ пройдетъ! Не одинъ десятокъ тысячъ людей плывя по этой быстрой, каменистой, страшной рѣкѣ, дрожитъ отъ страха и молится горамъ: „не ударь — проведи... Всю жизнь буду молиться тебѣ... Что хошь возьми — только не убей!...“ Только по ночамъ опасности забываются, и идутъ рассказы про-Ермака Тимофенча, о камнѣ Ермакъ-разбойкъ, да воздухъ оглашается скрипичной игрою съ каравановъ, на которыхъ съ утра до вечера буянятъ и пьянствуютъ прикащики...

До Камы барки плыли восемь дней. Ночью приставали гдѣ попало. Приставали и днемъ около селеній, въ которыхъ закупили хлѣба.

Можно бы много написать про то, какъ бурлаки плыли восемь дней, да не стоитъ, потому что первый день плаванія походилъ на прочіе: тотъ же крикъ лодмановъ, тѣ же пѣсни бурлаковъ, та же возня ихъ, тѣ же думы бурлаковъ. Бурлака мало интересуетъ природа: видитъ онъ баское мѣсто, да что толку? Не про него оно устроилось такъ... Ему бы поѣсть только хорошенько да поспать въ теплѣ... А тамъ, можетъ, и лучше будетъ. Только работа больно какъ тяжела! Почти четверть бурлаковъ чувствуютъ боль, и половина этихъ больныхъ лежитъ, да и на нихъ покрикиваютъ лодмана: что дрыхнете!

— Ой помпраю! стонутъ бурлаки.

— Я тѣ помру! Поцелъ, робь!.. кричитъ лодманъ.

А бурлакъ и пошевелиться не можетъ.

Два бурлака умерли. Ихъ зарыли на берегу. А зарыть очень легко, легко и въ рѣку съ камнемъ бросить, потому: можно сказать, что они убѣгли. Сельское начальство не скоро отыщешь, надо ждать дня три, да оно еще привяжется. Ужъ лучше, какъ зарыли; всѣ знаютъ, что человекъ-то померъ; ну, и спи, родной: по крайности не мучишься!.. Пожалѣютъ бурлаки мертвеца, да и забудутъ въ тотъ же день, только ночью инымъ мерещется да во снѣ что-то страшное.

У заводовъ и большихъ сель барки и коломенки останавливаются для закупки провизіи. Прикащики выдаютъ бурлакамъ деньги на харчи, и съ прибытіемъ барокъ набережныя заводовъ, сель и деревень оживаютъ. Бурлаки запасаются хлѣбомъ, наполняютъ кабачки; жители навизываютъ имъ разныя сласти, — мясо, брюшину, яйца, лукъ, огурцы и т. п. и продаютъ, сравнительно съ приволжскими мѣстами, очень дешево. Бурлакъ, имѣющій деньги, непременно покунаетъ что нибудь и, главное, непременно вернется на барку навеселѣ.

Пила съ Сысойкомъ пробавлялся даромъ. Ни у него, ни у ребятъ его, ни у Сысойка не было денегъ. Хлѣбъ, купленный въ заводѣ, давно весь вышелъ, такъ какъ каждый съѣдалъ въ сутки по полковригъ. Когда не стало у нихъ хлѣба, они воровали изъ котомокъ другихъ бурлаковъ. На рынкахъ, въ селахъ и заводахъ Пила на хитрости пустился. На рынкахъ обыкновенно кричать:

— Хлѣба купи! луку купи!

Пила и говоритъ: давай. И набереть пять ковригъ. Сысойко набереть огурцовъ п луку.

— А вы деньги подайте?

— А ты подожди. Насъ гли сколь—не убѣжимъ.

— Знаемъ мы васъ!

— Толкуй ошно! Сказано, прибѣгу.

Къ торговкѣ или къ торговцу приходятъ другіе покупатели, Пила и Сысойко уходятъ на свою барку; а какъ ушли, и поминай, какъ звали.

Такимъ же манеромъ онъ и мясо покупалъ.

На пристаняхъ бурлаки отдыхали; этотъ отдыхъ былъ для нихъ какимъ-то праздникомъ. Накушавшись хлѣба, доставши сластей, они дружно ѣли кучками и ѣли очень много, такъ много, что другой крестьянинъ не съѣстъ столько: возьметъ пленку луку, съѣсть, — мало, еще съѣсть; возьметъ огурцы, съѣсть, у другаго попросить; нальетъ изъ котла шей въ большую деревянную чашку, накрошитъ въ нее хлѣба, водицы рѣчной подольетъ и хлебаетъ огромной бурлацкой ложкой. Цѣлаго котла не доставало на толпу, и они, выхлебавъ щи, нальютъ въ чашку воды и опять хлебаютъ съ крошками. Да и ши-то какія: вода да мясо, безъ всякой приправы... За то всѣ ѣдятъ дружно, не сердятся, не завидуютъ, какъ будто всѣ родные братья. Наѣтся бурлакъ п начнетъ проминаться—что нибудь ладить, кое-кто лапти чинить, кое-кто спитъ, развалившись на палубѣ, такъ что только вѣтерокъ развѣваетъ волосы да бороды. Вечеромъ стоить посмотрѣть на бурлаковъ, чего-то они не дѣлаютъ: и поютъ, и пляшутъ, и играютъ на гармонійкахъ, точно забыли денной трудъ, точно радуются, что они миновали опасность, не нарадуются, что дождались таки волюшки-свободушки и не думаютъ, что завтра опять будетъ тяжелый трудъ... Почти каждый бурлакъ, плывущій не въ первый разъ, знаетъ пѣсню „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, и пѣсня эта часто поется разомъ на трехъ-шести баркахъ. Больно нравится бурлакамъ эта пѣсня, — почему, они не дадутъ отчета, только чувствуютъ, что она хорошая пѣсня и лучше ея нѣтъ другой пѣсни.

Дѣти Пилы тоже радовались вмѣстѣ съ бурлаками. Работа ихъ была легкая, и братъ съ братомъ постоянно толковали объ чемъ нибудь.

— Слышь, какъ лоцманъ реветъ! дивуется Павелъ.

— Ну ужь и горло! Ребята смѣются.

— Это онъ на Сысойка кричитъ.

— Э! пусть кричитъ... Слышь! Во какъ честить!

— А вотъ на насъ такъ не кричитъ.

— А пошто онъ те вчера билъ?

— Ужь молчи! Самово тебя билъ.

— Вотъ што, Пашка, пошто это барка-то пишшить?

— А кто ее знатъ.

— Поди мужикамъ-то трудно?

— Што мнѣ... А мы вотъ качали-качали, а воды все гли сколь! Какъ ты ее ни отливай, а ее все больше да больше.

— Вотъ што... сдѣламъ дыру въ баркѣ-то, вода и выбѣжитъ...

— Дурень! Да вѣдь вода-то отъ тово и бѣжитъ въ барку — дыры въ баркѣ-то. Ты сдѣлай дыру и потонемъ.

— А тятка-то воръ, гли, сколь хлѣба укралъ.

— Отколотимъ его.

— У него сила, Ванька, — прибьетъ! Вонъ и Сысойко не можетъ съ нимъ справиться.

— Да Сысойко вахлакъ: Сысойка я что есть прибью.

— Пойдемъ спать?

— Давай лучше барки пускать.

— Давай.

Ребята бросаютъ въ воду щепку и смотрятъ: идетъ щепка, или нѣтъ. Щепка стоитъ....

— Умоемся. И ребята умываются грязной водой, покрывшей на полторы четверти дно барки. Читатель, можетъ быть, удивился: зачѣмъ ребята умывались грязною водою, накопившеюся въ баркѣ, когда они могли бы умыться въ самой рѣчкѣ? Во-первыхъ, они были еще глупы; прежде они умывались и купались въ рѣчкѣ, находящейся въ трехъ верстахъ отъ Подлипной, да и я забылъ раньше сказать, что въ Подлипной бань не существовало; во-вторыхъ, они были водоливы и имъ было мало времени на то, чтобы бѣгать на берегъ, а достать воды ведромъ... они вѣроятно не додумались до этого въ тотъ моментъ, когда имъ пришла мысль: есть вода подъ ногами — и ладно.

Больше всего ихъ занимало то: идетъ барка, или нѣтъ.

— Смотри, Пашка, какъ лѣсъ бѣжитъ.

— Ужь я смотрю.

— А барка-то стоитъ...

— Ну и врешь: лѣсъ бѣжитъ и барка бѣжитъ.

— Диво!... Пошто это барка-то бѣжитъ? Вѣдь ее никто не везетъ?

— То-то и есть.

Ребята старались сами узнать, почему это такъ. Спросить некого. Они знали, что бурлаковъ не стоитъ спрашивать. Вотъ

они разъ бросили съ барки доску, доска поплыла; бросили камень, камень утонулъ. Спустили шесть на воду, шесть потянуло къ низу, и они никакъ не могли удержать его.

— Эка сила!

— Вотъ поэтому и тащить насъ.

— А мы попробуемъ, зайдемъ въ рѣку—поплывемъ, али нѣтъ.

Разъ они зашли въ воду по колѣно, ихъ перло къ низу.

— Эка сила—утащить!

Они хотѣли идти дальше, и потонули бы, да ихъ лоцманъ испугалъ:—потонуть вамъ, шельмамъ, хочется!

— Мы, дядя, такъ...

— Я тѣ дамъ такъ! Ступи-ко еще, и утонешь.

— А и то утонешь, вонъ камень потонулъ тоже...

Лоцманъ говорилъ имъ, что есть люди, которые не тонуть, а умѣютъ плавать. Они не вѣрили.

Въ устьѣ рѣки Сылвы, впадающей въ Чусовую, много было барокъ, прилившихъ изъ другихъ заводовъ; барки эти тоже двинулись внизъ.

Всѣмъ хотѣлось скорѣе увидеть Каму, по которой плыть не опасно, а какъ вошелъ въ нее, и дѣлать нечего. Подлиповцамъ больше всѣхъ хотѣлось увидеть Каму. Баютъ, она широкая, глубокая, сердитая такая. Сколько рѣкъ прошли, а всѣ, баютъ, въ Каму бѣгутъ. — Знаемъ мы Каму-то, она отъ Подлиной не далеко, такъ тамъ махонькая, а глубокая, рыбы пропасть, а здѣсь поди и конца ей нѣту, а рыбы-то поди людей ѣдятъ...

Наконецъ, барки стали въ устьѣ Чусовой, противъ деревни, и загородили все устье. Чусовая здѣсь шире и глубже, а Кама шире Чусовой въ три или четыре раза. Берега какъ Чусовой, такъ и Камы, низкіе.

Бурлаки обрадовались.

— Гли, Кама! Экая большая!..

— Баская рѣка и конца-то ей нѣтъ.

— Супротивъ Камы таперь всѣ рѣки дрянъ, и Чусова пиголица противъ нея.

— Вотъ ужъ рѣка дакъ рѣка—никому зла не сдѣлать.

— Одново года бѣда тутъ была. Пошли, знашь, барки, да стали въ Перму, и поди ты, братецъ мой, ледъ съ верху. И ледъ-то какой — ужаста! Какъ царапнетъ барку, и пошла ко дну... Много барокъ перетопило.

— Ну, а теперь ничего?

— Теперь ловко. Теперь мы долго ошно стоять будемъ: кто его знаетъ—этотъ ледъ-то, прошелъ онъ, али нѣтъ.

— Баютъ въ деревнѣ: весь прошелъ.

Барки здѣсь простояли два дня. Въ это время бурлаки боль-

ше спали, а лощманъ, имѣвшій въ деревнѣ родственника, пошелъ къ нему съ Сысойкомъ, Пилой и дѣтьми его, сытно побѣдалъ, выпарился въ банѣ и приварядился. Здѣсь всѣ лощмана выпили водки, надѣли красныя рубахи и навязали на шляпы красныя ленточки. Всѣ были веселы, покуривали махорку, пѣли пѣсни.

— Ну, ребята, доѣхали до Камы, а тамъ какъ по маслу пойдетъ, говорилъ лощманъ.

— Баско, говорили бурлаки.

— А все я васъ провелъ. Молитесь вы должны за меня.

— А ошшо далеко бѣжать-то?

— Да больше тово, сколь прошли.

— А Подлипная близко? спросилъ Пила.

— Какая Подлипная?

— Ну, наша-то деревня?

— Чердынъ-то?

— Ну, Чердынъ городъ.

— Да какъ тебѣ сказать, не солгать? Мы одново разу судно тянули отъ Перми до Чердыни; пошли, тепло было, а пришли туда, холодно стало, потому значить долго шли—рѣка больно мелка. А такъ ходу недѣля.

— Вре?

— Только недѣля. Вотъ таперь тамъ хлѣбъ больно дорогъ, а суда ходять только до Усоля да до Соликамска, а въ Чердынъ рѣдко, потому рѣка мелка, да и Чердынъ въ сторонѣ верстъ за сорокъ стоитъ.

Да мы въ Усольѣ городѣ были. Тамъ ишшо соль дѣлають. А оттуда шли-шли... Пошли, стужа была, а пришли къ баркамъ, тепло стало.

— А можно бы въ двѣ недѣли дойти.

— Ну и врешь!.. Подлиповцы думали, что лощманъ морочить ихъ.

— Вы кругъ большой дали: вамъ бы по Камѣ надо идти или по большому тракту.

— Вре?

— Вамъ можно всево только недѣлю дойти до Перми, а тамъ бы на пароходы наняться.

— И то бы лучше тамъ было.

— Я вотъ теперь Каму хорошо знаю, и на Волгѣ бывалъ годовъ съ пять. Хотѣлъ на пароходъ наняться, да прохворалъ зиму-то; а нынѣ наймусъ безпремѣнно зимой.

— Тамъ баско?

— Да лучше здѣшняго, работы меньше.

— Такъ ты и насъ возьми.

— Можно будетъ, и вамъ доставлю работы.

Пила съ Сысойкомъ задумали поступить на пароходы, еще не зная, что это за штуки такія.

Барки тронулись по Камъ. Кама бушевала, дулъ съ низу сильный вѣтеръ, шелъ дождь. Бурлаковъ пробирало вѣтромъ очень чувствительно, полущубки ихъ смокли. Барки покачивало отъ большихъ волнъ. Подлиповцы въ первый разъ увидали такія волны и дивовались.

— Экая большая, какъ гора! Смотри, какъ хлобыснулась! Ишь какъ! Шумить больно...

Барки плыли въ разсыпную бокомъ. Бурлаки работали съ часъ. Ихъ хорошо пробрало, да и грести не стоило. Бурлакъ такъ гребетъ: спуститъ весло въ воду, обмагнетъ и подниметъ, кое кто развѣ гребнетъ, да и то рѣдко. Работа очень скучная. А въ вѣтеръ немного такъ нагребешь: спустилъ бурлакъ весло въ воду, волна и ударитъ его, а иное и не останется воды. Лоцмана наконецъ прекратили работу, да и не стоило работать, когда барка шла по серединѣ рѣки. Вонъ два острова миновали уже, а теперъ и спи часа два, а тамъ Мотовилихинскій островъ будетъ и Пермь въ двухъ верстахъ.

Подлиповцы, кромѣ Елки, который хворалъ, по прежнему находились у кормы. Пилу и Сысойка больно пробрало вѣтромъ, вымочило дождемъ; они дрожали. Имъ страшно надоѣло сидѣть на кормѣ, а лоцманъ не пускаетъ въ коломенку.

— Сиди, чего еще надо? Вотъ скоро Пермь будетъ, выдыхнешься.

Однако Пила увелъ Сысойка въ нутро коломенки и легъ на желѣзныя доски. Оба дрожали. Въ коломенкѣ лежали семь бурлаковъ.

— Ну ихъ къ лѣшимъ! Не станемъ робить, говорилъ Пила.

— Баютъ: городъ скоро, тамъ и останемся, говоритъ Сысойко.

— И мы съ вамъ! напрашивается Павелъ.

— Васъ не возьмутъ.

— Возьмутъ.

— Коли возьмутъ, ступай. А ужъ мы здѣсь не останемся. Ну ужъ и край! Экъ вымокли. Попремъ тожно...

— А лоцманъ баеть: сила онъ. А тоже и безъ него барку-то тащить.

— Послушай только его, навретъ онъ тебѣ.

— Наплевать намъ на лоцмана! говоритъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Ужъ больно крикливъ. А мы вотъ, какъ онъ закричитъ на насъ, и не пойдемъ! ворчитъ Пила.

— Ты за меня держись: ужъ не пойдемъ! говоритъ Сысойко.

— Городъ, баеть, близко. Да поди ошшо вретъ: сколько водилъ по рѣкамъ-то, да обманывалъ!

— Вотъ онъ таперъ насъ бьетъ. А пошто? говоритъ Павелъ.

— А ты не давайся. Миѣ скажи; я ему задамъ, ворчитъ Пила.

— Баеть, прогоню.

— Ишь командеръ какой, чортъ! Самъ восемь медвѣдевъ убиль...

— Лоцманъ баеть, намъ въ городъ денегъ дадутъ.

— А не дадутъ разъ? Ну-ко не дай... попробуй!

— Эй вы, черти! что спрятались? крикнулъ въ дыру лоцманъ.

Пила и Сысойко ни съ мѣста. Павель и Иванъ тоже перестали откачивать воду.

Лоцманъ еще крикнулъ. Сысойко и Пила хохочуть: экъ испугались! Лоцманъ вошелъ въ барку. За нимъ вошло бурлаковъ двадцать.

— А вы куда! Пошли!.. закричалъ онъ на бурлаковъ.

— Не слушай его, лѣшева. Заведетъ онъ васъ въ чучу! кричитъ Пила.

Бурлаки развалились спать. Лоцманъ руками хлопнулъ.

— Да что вы, анаемы? Пошли!

Бурлаки хохочуть.

— Бурака водка баръ! Пьепъ се, шайтанъ те заѣшь, проговорилъ Черемись.

— Пырни ево! пырни! кричитъ Пила одному бурлаку.

Лоцманъ сталъ бить Пилу. За Пилу вступились прочіе бурлаки.

— Такъ вы такъ! начальство не хотите знать?.. Пошли вонъ!

— А ты деньги подай! Тогда и распорядяйся! кричитъ Пила.

— Деньги подай! говорятъ бурлаки.

Лоцманъ струсилъ. Всѣ бурлаки вооружились на лоцмана и никто не шелъ на палубу.

„Бѣда! еще убьютъ пожалуй!“ думаетъ лоцманъ.

— Братцы, да не сердитесь! ну чѣмъ я васъ обидѣлъ?

— Знаемъ мы, чѣмъ ты обидѣлъ. Подай деньги и робить станемъ.

— Ребятюшки, вѣдь эдакъ мы и городъ проплывемъ.

— Ты городъ кажи!

— Да скоро. Вонъ за тѣмъ угломъ и городъ.

Бурлаки не шли на палубу. Лоцманъ ушолъ.

— Што? Али я не сила? бахвалился Пила.—Пусть одинъ побобить. Пусь...

— Да и што робить-то! Барка-то и безъ насъ идетъ, замѣтили бурлаки.

— Лоцманъ не зналъ, что дѣлать. Напугать бурлаковъ—убьютъ; соврать имъ что нибудь—не повѣрятъ. Онъ стоялъ закручинившись. Съ нимъ стояло трое бурлаковъ. Лоцманъ рѣшился пугнуть бурлаковъ острогомъ.

— Послушайте, братцы: если вы дѣломъ не хотите робить, я, какъ прѣйду въ городъ, начальству васъ отдамъ. Пусть въ острогъ посадить.

— Экой прыткой! говорилъ Пила.

— Тебѣ хочется? Не бывалъ разѣ въ острогѣ-то?.

— Былъ, да теперѣ не затащишь.

Пилу окружили нѣсколько бурлаковъ.

— Такъ ты, батъ, сидѣлъ?

— Бѣда!

— Значить бѣжалъ?

— Прибилъ ошшо, самово прибили. Вонъ и Сысойко прибили.

— А ты за што сидѣлъ—за убійствіе?

Пила осердился, но смолчалъ.

— Ужь знаю, нехорошій человекъ! сказалъ лоцманъ.

— Овъ, ребя, ошшо убьетъ! замѣтили нѣкоторые изъ бурлаковъ и пошли на палубу.

За ними пошли остальные и лоцманъ.

— А вы вотъ еще связались съ ними! сказалъ бурлакамъ лоцманъ.

— Не говори съ ними.

— Хлѣба не вшь...

— Убьетъ...

— Я, батъ, туда пойду! говорилъ Сысойко, скучая отъ лежанки на желѣзѣ.

— Ну и чортъ съ тобой.

— А Пойдемъ!

— Ну те къ лѣшпмъ! Спи, знай.

Иванъ и Павелъ смѣялись надъ Пилою и Сысойкомъ.

— Пашка! дерни Сысойка-то!

— Сысойко, хлобысни тятъку!

— Я те хлобысну! Ну-ко подойди!

Иванъ подходитъ къ Пилѣ, дергаетъ его за полушубокъ; Пила схватываетъ его за волосы и теревить. За Ивана пристаеъ Павелъ; Пила прибилъ и Павла.

Сысойко вышелъ на палубу. Показался городъ.

— Тятъка! гликось тамъ што! крикнулъ Иванъ Пилѣ, увидавъ въ дыру городъ.

Пила посмотрѣлъ, улыбнулся и ткнулъ въ бокъ Елку.

— Вставай—Перма ужъ.

— Ой, пусти! стонетъ Елка.

Пила ушелъ на палубу. Всѣ бурлаки смотрѣли на городъ и дивились.

— Эко баско! Ай да Перма матушка! Вотъ дакъ городокъ! Гли, церковей што, домовъ бѣлыхъ... А барокъ-то, судовъ!

Здѣсь рѣка была въ версту ширины и больно она большою казалась впереди: далеко-далеко тамъ что-то черное видно, тамъ видно и конецъ. Выглянуло солнце и ояты спряталось.

— Греби! вскричалъ лоцманъ. Работа началась. Пила и Сысойко тоже привялись за поносную.

— Ты не тронь, сказалъ одинъ бурлакъ Пилѣ, и оттолкнулъ его отъ поносной.

— Потолкайся, што я не свисну!—Ты вишь городъ.

— Бей ево!

— Я тѣ дамъ бей... Въ воду столкону!

— Греби, греби! что ругаетесь! Мало ли что вамъ скажутъ, такъ вы и вѣрите, заступился лоцманъ за Подлиповцевъ.

Пида и Сыкойко не могли понять, что такое сдѣлалось съ бурлаками. Они не залюбили бурлаковъ...

И опять работаютъ бурлаки молча, нагибая спины, опускаая весла въ воду и поднимая ихъ, — только и слышатся ихъ тяжелые шаги, да барка скрипитъ. Что думаютъ бурлаки, Богъ вѣсть. Они то и дѣло смотрятъ на приближающійся городъ; на лицахъ видится тоска, какое-то желаніе, и что-то такое, что бурлакъ не въ состояніи не только передать другому бурлаку, но даже понять. Одинъ только лоцманъ стоитъ у столба посреди барки и важно, жадно глядитъ на городъ: знай молъ нашихъ!

— Брось гребни! брось носовые! Загребай къ берегу! кричитъ онъ бурлакамъ.

Городъ близко. Около берега, возлѣ города, стояло нѣсколько барокъ, коломенокъ, караванокъ, съ кружками наверху мачтъ и флагами на мачтахъ, баржи, два парохода, изъ которыхъ одинъ готовился къ отплытію. Мимо Подлиповцевъ прошелъ пароходъ съ двумя баржами и оглушительно просвистѣлъ: бойся, молъ, дрянъ ты экая! Всѣ бурлаки смотрѣли на него, какъ на чудо; особенно дивились тѣ, которые въ первый разъ видѣли пароходъ. Ихъ забавляли колеса, дымъ, свистокъ и то, что онъ бѣжитъ къ верху, да еще во-какіе огромные домины претъ. Больше всего дымъ занятенъ: экъ онъ изъ трубы-то валить, черный, да много сколь и выходитъ, да какъ лошадь ржетъ.

— Ну и чортъ!

— Экъ онъ! разсуждаютъ бурлаки.

— Вотъ ошшо! Впереди шелъ пассажирный пароходъ.

— Гли, какъ онъ колесами-те загребать!.. Эво! воно какъ. Ахъ будь онъ проклятъ...

Раздался свистокъ. Бурлаки дрогнули.

— Экая у него пась-то. Варнакъ... право!...

А лоцманъ издѣвается надъ бурлаками да хихикаетъ:

— Оболтусы вы экіе!.. Ничего-то вы не смыслите... Право, дурачье экое. — Вы то поймите, онъ паромъ ходитъ и названіе ему пароходъ.

Бурлаки хохочутъ. Больно ужъ смѣшно лоцманъ баетъ.

— Тамъ котлы подѣланы для паровъ и печь большая устроена. Онъ саженъ двадцать въ день сѣдаетъ.

Бурлакамъ опять смѣшно. — Ишь ты чортъ! А пошто?

— По то, что пароходъ. Парами ходитъ.

— Прокурать, право, ты! Экой зубоскаль!..

— А тамъ машины такія устроены, кои сами дѣйствуютъ.

— Ну ужъ и сами?

— Ей Богу.

— Такъ-таки сами?

— И люди только дрова бросаютъ, да машинистъ около машины сидитъ, наблюдаетъ.

— Такъ онъ самъ бѣжитъ?

— Экіе вы дураки! Лоцманъ плюнулъ въ рѣку. — Вратъ вамъ стану — нужно, подикось.

— А пошто же у него весловъ нѣту?

Лоцманъ рукой махнулъ и отошелъ отъ бурлаковъ прочь.

— А вѣдь прокуратъ лоцманъ-то. Ишь што сбрежалъ: самъ, баетъ, ходитъ, толкують бурлаки и хохочуть.

Причалили къ берегу противъ почтовой конторы. Здѣсь было уже барокъ двадцать. Бурлаки сидѣли и ходили на баркахъ, на берегу, плелись на гору въ городъ. На горѣ гуляла губернская публика. Все это занимало Подлиповцевъ, и они тоже сошли на берегъ, постояли подъ горой, потолковали, идти или нѣтъ, и рѣшили, что идти нѣзачѣмъ, нѣтъ денегъ, да и поздно, — ушли опять на свою барку. Наѣлись сытно хлѣба съ водой и легли спать, но никакъ не могли уснуть. Больно ихъ забавляли пароходы и публика губернская. Разговоры шли теперь въ родѣ слѣдующаго:

— Ну, гаперъ доплыли въ Пермь. Отдохнемъ. Супротивъ Перми да Елабуги ужъ не будетъ такихъ городовъ.

— Тамъ еще Нижной городъ есть. Огромнѣющей, дома эво какіе! А тотъ супротивъ Нижняго пиголича.

— Тотъ, бають, губерня, потому, бають, все наибольшіе живутъ, страшные такіе... Всѣмъ городамъ правятъ и Чусова тоже на Пермь молятся.

— Вре! А Чердынъ? спросилъ Пила.

— И Чердынъ тоже.

— А Подлипная?

— Тоже.

— Ну, братъ, врешь... У меня только и было начальство — попъ да Становой! ворчитъ Пила.

— Ну, значитъ, ты Вячкой.

— Я тѣ дамъ Вячкой! Самъ ты Вячкой... бранится Пила.

Барки то и дѣло прибывали. Къ каждой баркѣ приходили солдаты, служащіе въ дистанціи путей сообщенія, осматривали барки, билеты, считали бурлаковъ, придирались къ лоцманамъ за большихъ, кричали и получали отъ лоцмановъ деньги.

Первый день вроселъ скучно для бурлаковъ. Всѣ они умаялись и рано легли спать. Нѣкоторые изъ нихъ ходили въ городъ, да только такъ, поглазѣть. Ночью еще приплыло нѣсколько барокъ и вновь приплывшіе бурлаки не давали спать приплывшимъ раньше, потому что кричали: — бери чалку! по-

томъ наступали на ноги спавшихъ на баркахъ бурлаковъ. Бурлаки ругались.

Въ полдень, на другой день, бурлаки получили по полтиннику денегъ. До этого времени нѣкоторые изъ нихъ продавали въ городъ, за дешевую цѣну, скородки, чугушки и прочія желѣзныя вещи, и на деньги эти покупали хлѣба, булокъ, огурцовъ, сушеныхъ судаковъ и луку. Соленые и сушеные судаки бурлаки разрубивали на нѣсколько частей и большею частію глотали не размоченные, прикусывая хлѣбомъ и свѣжимъ лукомъ.

Бурлаковъ, не бывавшихъ въ большихъ городахъ, очень занимала Пермь. По правдѣ сказать, городъ этотъ не казнить, жители бѣдны, хорошіе дома построены большею частію на одной улицѣ, идущей отъ сибирской заставы къ дому В., а потомъ къ будкѣ, стоящей на краю дога. Но бурлаки эти въ первый разъ видѣли большіе дома, въ первый разъ ходили по прямымъ улицамъ. Ихъ все забавляло: и люди, и кареты, и телеграфные столбы.

Въ этотъ день Пилу и Сысойка съ ребятами лодманъ не отпустилъ въ городъ, а заставилъ чинить барку. Посмотримъ поближе на жизнь бурлаковъ въ Перми хотя въ третій день, когда Подлиповцы пошли въ городъ.

Четыре часа утра. Барокъ больше сотни; но барки все еще приплываютъ. Посреди ихъ красуются четыре караванки съ разноцвѣтными кружками и съ надписями на флагахъ, означающими названіе заводовъ. Бурлаки почти всѣ встали и каждый что нибудь ладить. Стукъ, звукъ отъ желѣза, скрипъ и говоръ не умолкаютъ и слышатся далеко. Нѣсколько бурлаковъ кучками сидятъ или лежатъ подъ горой и на горѣ; сидящіе разговариваютъ или зѣваютъ, или ѣдятъ хлѣбъ, лежащіе дремлютъ, или смотрятъ на барки, на рѣку на небо... Хорошо сидѣтъ на горѣ противъ рѣки, такъ бы все и сидѣлъ, и мысли все какія-то хорошія появляются въ головѣ... И часто бурлакъ засыпаетъ, нѣжась на сырой землѣ... Онъ отдыхаетъ, и хочется ему все бы такъ отдыхать.

Пять часовъ утра. Въ это время къ баркамъ идутъ городскія и мотовилихинскія *) торговки и приносятъ на доскахъ, положенныхъ на головы, хлѣба и калачей и на коромыслахъ луку, квасу и огурцовъ. Бурлаки берутъ на расхватъ, или хлѣба, или луку. Квасъ пьютъ всѣ. Пила старался достать хлѣба даромъ, да здѣсь торговки оказались хитрѣе его: сами мастерицы обманывать, а хлѣбъ большею частію продаютъ съ закалой.

*) Мотовилихинскій заводъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ города.

Въ восьмомъ часу бурлаки идутъ толпами въ городъ, кто въ полушубкахъ, кто въ однѣхъ рубахахъ. Лоцмана отправляютъ къ начальнику дистанціи, за ними идутъ и прикащики и другія старшія лица надъ бурлаками, плывущія на караванкахъ. Зачѣмъ они идутъ къ начальнику дистанціи, объ этомъ рѣдкій житель Перми не знаетъ, а мы умолчимъ.

Бурлаки валомъ валяютъ въ городъ, а на баркахъ все еще много ихъ: тамъ все не умолкаетъ стукъ, скрипъ. Нѣсколько барокъ уже отплываютъ.

Пилъ и Сысойку лоцманъ не далъ денегъ за то, что они нагубили ему. Въ этотъ день лоцманъ велѣлъ имъ не отлучаться съ барокъ, а самъ ушелъ. Ихъ взяло горе.

— А мы побѣжимъ, сказалъ Пила Сысойкѣ.

— Куды подемъ? здѣсь баско.

— А мы подемъ поглядимъ.

Пила пошелъ къ дѣтямъ.

— Сколько онъ далъ? спросилъ онъ Павла.

— Ишь! Павелъ показалъ мѣдные деньги 20 копѣекъ.

— Много, говорилъ Иванъ.

— Подемъ! скомандовалъ Пила дѣтямъ.

— Да онъ велѣлъ воду откачивать.

— Што откачивать! Хоть ты качай не качай, а воды гли сколько.

Ребята пошли.

— А вы намъ дайте денегъ. Какъ получимъ, отдадимъ.

Ребята не давали.

— Вы собираете. Право, дай!

Ребята поругались, а какъ стали всходить на гору, отдали по 15 коп. каждый. Деньги взялъ Пила.

Вошли они на гору съ двумя бурлаками. На горѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сидѣли горожане, глазѣвшіе на барки и на бурлаковъ. Подлиповцамъ хорошо сдѣлалось, когда они посмотрѣли на рѣку.

— Ишь ты! улыбаясь, говорилъ Пила. Они вошли въ улицу. Проѣхала карета. Пила долго ломалъ голову и не могъ понять, что это за штука такая.

Пройдетъ ли хорошо одѣтый господинъ, Подлиповцы шапки снимаютъ и смотрятъ на него; попадется ли офицеръ, они тоже снимаютъ шапки и долго дивуются: кто же это такой? Попался имъ на встрѣчу молодой дьяконъ безъ пушка на лицѣ въ шелковой рясѣ, Пила долго смотрѣлъ на него, разсуждая, кто это. Ему казалось, что это женщина, и онъ хотѣлъ догнать дьякона, посмотрѣть на него, да товарищи отговорили. Куда ни посмотри, вездѣ хорошо. Вотъ бы пожить тутъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на деревянныхъ тротуарахъ сидятъ бурлаки и ѣдятъ; нѣсколько человекъ лежатъ около заплотовъ на травѣ.

— Вы отклева? спрашивают Подлиповцы бурлаковъ. Тѣ скажутъ.

По улицамъ идутъ бурлаки: одинъ несетъ чипунки, другой коты, третій пять ковригъ чернаго хлѣба на спинѣ, обвязавъ ихъ веревкой, двое тащатъ на палкѣхъ брюшину, осердіе, старую, почти засохшую говядину... Кто ѣсть, а кто и такъ идетъ; попадаются даже пьяные.

Увидали они телеграфные столбы.

— А это што?

— А это соль добываютъ, рѣшилъ Пила.

Однако они подошли къ одному столбу, около котораго стояла кучка бурлаковъ.

— Што ребя, диво? сказалъ Пила, думая, что въ столбахъ ничего нѣтъ удивительнаго.

— Да, бають, тутъ бѣда. Сказалъ ты слово, и пошло качать, говорятъ одинъ бурлакъ.

— Поди ты къ лѣшимъ!.. Вишь ты, тутъ соль добываютъ.

— Ионалъ! Ты видалъ ли, какъ соль-ту добываютъ?

— Эво?

— Тамъ столбы-то не экіе, да и перекладины, подѣланы а тутъ желѣзки, да еще чегыре.

Пила въ тупикъ сталъ, однако подумалъ: „можетъ и здѣсь соль дѣлають, только иначе“.

— Эй, поштенный! Это што? спросилъ одинъ бурлакъ мѣшанина.

— Это телеграфъ.

— Какъ?

Тотъ повторилъ.

— А што же тутъ дѣлають?

— Письма отправляютъ.

Бурлаки не знали, что за штука такая письмо.

— Теперича, какъ пошлешь письмо за тысячу верстъ ут-ромъ, оно вотъ и побѣжитъ по проволокаѣ и къ обѣду тамъ будетъ.

— Худо мѣсто! сказалъ Пила. И бурлаки отошли прочь.

Передъ окнами одного дома пѣли двое Зырянъ. Имъ что-то подали. Пилъ завидно стало, и онъ пошелъ просить подъ окно ради Христа; ему не подали ничего.

— Не баско здѣся, сказалъ онъ.

Подлиповцы шли посерединѣ дороги. По полу, какъ называли они тротуары, они боялись идти: ишшо прибьютъ.

Они пришли на рынокъ. По всему рынку бродили и терлись около торгашей и торговыхъ бурлаки. Торговцы кричали, ругались и силой навязывали бурлакамъ купить что нибудь. У Подлиповцевъ глаза разбѣжались: чего-то нѣтъ на рынкѣ!.. А какія еще есть булки бѣлыя, да махонькія, кределли, да штучки какія-то... Такъ бы вотъ и съѣлъ все. Пила купилъ пекар-

скую булку *). Эта булка такъ понравилась Пилѣ и Сысойкѣ, что они ее въ четыре приема съѣли.

— Што? говорить Пила.

— Давай ошшо! просить Сысойко.

Они купили еще и съѣли, и все-таки не наѣлись, потому что такую мягкую булку они ѣли въ первый разъ; онѣ на вкусъ Подлиповцевъ были только сладки, но сравнительно съ чернымъ хлѣбомъ далеко не питательны.

Пошли всѣ въ питейную лавочку, взяли у ребятъ послѣднія деньги и пропили.

— А псъ хочется, говорить Пила.

— Бѣда!..

— А больно баско тамо! Все бы ѣлъ да ѣлъ.

— Денегъ нѣтъ. Лоцманъ не далъ.

Въ лавочкѣ было восемь бурлаковъ, изъ коихъ два съ той барки, на которой былъ Пила. Подлиповцевъ поподчивали. Они захмѣлѣли. Ребята ушли собирать милостынку и черезъ часъ пришли съ семью кусками хлѣба; въ рукахъ у нихъ было двѣнадцать грошиковъ.

Подлиповцы вышли изъ лавочки. На улицѣ били ихъ лоцмана, Терентьича. Пила и Сысойко пристали за лоцмана.

— Ну, спасибо, братцы, выручили, говорить лоцманъ и поцѣловалъ Пилу и Сысойка: — таперь подемте пить. Лоцманъ былъ пьянъ.

— А ты пошто мнѣ не далъ денегъ? ворчитъ Пила.

— А почто ты ослушаться вздумалъ? Ты знай, я сила!.. Я барку по Чусовой провелъ.

— Сама прошла.

— Ну, и не дамъ денегъ, не дамъ... Не перечь мнѣ! Не пере-е-ечь!!

Лоцманъ привелъ Подлиповцевъ въ питейную лавочку, купилъ полштофъ водки и угостилъ ихъ, даже Иванъ и Павелъ вышли. Лоцманъ далъ Пилѣ рубль.

— Пей, ребя! Таперь праздникъ! кричали въ лавочкѣ бурлаки.

— Ужь таперь нѣтъ опаски!.. Лоцманъ повелъ Подлиповцевъ въ трактиръ и тамъ угостилъ супомъ и жаркимъ. Подлиповцы сладко наѣлись.

Изъ трактира лоцманъ и Подлиповцы вышли пьяные и по выходѣ на улицу тотъ-часъ же запѣли пѣсню. Даже Павелъ и Иванъ пошатывались и что-то пѣли. По улицамъ было очень

*) Нисколько не похожую на французскую, какъ замѣтилъ одинъ несчастный критикъ, отозвавшись о Подлиповцахъ съ полнымъ непониманіемъ этихъ людей, сравнивая ихъ съ петербургскими судорабочими. Пекарская булка въ Перми продолговатая, вѣситъ около фунта и по роду муки называется или казанской сайкой, или сибирской пекарской булкой. *Авторъ.*

много пьяныхъ бурлаковъ. Большая часть ихъ пѣла и играла на гармонійкахъ и балалайкахъ. Горожане смотрятъ на нихъ да посмѣиваются. Но никто не обижаетъ бурлаковъ.

Нѣсколько бурлаковъ нашли себѣ теплыя гвѣздышки въ домахъ бѣдныхъ мѣщанъ. Хозяева домовъ пускали бурлаковъ по 3 коп. въ сутки отъ 6 до 15 человѣкъ. И крѣпко спали бурлаки въ теплыхъ избахъ, и хорошо имъ было, хотя они и на грязномъ полу спали. Давно уже они не спали такъ, и долго еще имъ не придется такъ спать.

Подлиповцы съ лодманомъ едва добрались до своей барки и какъ только пришли, такъ и завалились спать и проспали весь вечеръ и всю ночь.

На баркахъ точно праздникъ подъ вечеръ: всѣ сидятъ кучками; одни хлебуютъ щи, другіе ѣдятъ колодку судака, третьи хлебуютъ вареное прокислое молоко. Передъ каждымъ лежитъ коврига хлѣба. Пьяные спятъ. На барки возвращаются тоже пьяные. Изъ города слышны бурлацкія пѣсни. Наѣвшись, бурлаки начинаютъ пѣть, играть на инструментахъ и пляшутъ. На одной караванкѣ кто-то играетъ на скрипкѣ, на другой кто-то играетъ на гитарѣ, визжитъ женщина, звенить посуда.

Былъ тихій, прекрасный вечеръ.

Губернская публика, человѣкъ до двухъ-сотъ, ходитъ взадъ и впередъ по маленькой набережной, называемой загономъ. Любуется ли она бурлаками, Богъ вѣсть. Для нея играетъ музыка на возвышеніи, посреди площади. Далеко разносится эта музыка, заключающая въ себѣ польки. Музыканты играютъ скверно, но все-таки около загородки стоятъ бурлаки и боятся войти въ загонъ, слушаютъ они музыку: хорошо и весело играютъ, долго бы слушалъ, да непонятно что-то. Постоитъ бурлакъ, заноситъ у него сердце, и пойдетъ онъ невеселый на барку. А тамъ поютъ родныя пѣсни, выигрываютъ родныя-же пѣсни, пляшутъ—все какъ-то лучше, отрадыѣ...

— Баско играютъ, да не по намъ, разсуждаютъ бурлаки.

— И люди-то тамъ какіе! Сморчи... чучелы...

— Эхъ, батъ, сыграй веселую... Вотъ тутъ болитъ! говоритъ одинъ бурлакъ, указывая на грудь или на сердце.

— Што тамъ! У нихъ свое, у насъ свое. Имъ такъ-то не спѣтъ. Затягивай! Знай нашихъ! кричитъ какой нибудь пьяный лодманъ.

И выпѣваются бурлацкія пѣсни, грустныя, заунывныя, и далеко, далеко, и долго разносятся эти пѣсни. А поютъ-то какъ они: сидитъ бурлакъ, подопретъ щеки руками, задумается точно, въ глазахъ жизнь видится, на лицѣ горе, и смотритъ въ воду... Слушаешь эти пѣсни, все бы слушалъ ихъ, а словъ разобрать не можно, только и слышится какой-то стонъ протяжный...

Въ прежніе годы, когда не плавали еще пароходы по Камѣ до Перми, Кама была запружена до половины барками, и тогда городъ наполнялся бурлаками. Теперь только десятая часть прежняго: пароходы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращаютъ число бурлаковъ. Что будетъ съ этими людьми, когда имъ негдѣ будетъ бурлачить?

Есть люди, которые называютъ бурлаковъ самыми послѣдними, бросовыми людьми. Есть даже и такіе, которые называютъ ихъ негодяями, вредными. Но они ошибаются: бурлаки только люди необразованные, грубые, самые бѣдные люди. Вѣдь у бурлака только и есть богатства, что на немъ надѣто, да что онъ съѣдаетъ... и для этого онъ трудится больше, нежели другой. А терпѣніе переносить зной, холодъ, дождь?.. — „Надо же кому нибудь быть бурлакомъ“... обыкновенно говорятъ люди, насмѣхающіеся надъ бурлаками и непонимающіе бурлацкой жизни.

Въ Перми барки простояли еще три дня. Въ послѣдній день бурлаки съ утра скучали: дѣлать нечего, а хочется дѣлать; сходить бурлакъ на рынокъ, денегъ нѣтъ, — лоцмана не даютъ, — говорятъ, прикащики не даютъ; просто задоръ беретъ. Есть же такіе богачи, что у нихъ и хлѣба-то множество и всякой всячины пропасть! Походитъ, походитъ бурлакъ по рынку и по городу, погорюетъ, что напрасно онъ пропилъ деньги, и идетъ на барку.

Подлиповцамъ хорошо казалось жить на баркахъ. Хотя и бываетъ работа, за то не всегда, а хлѣбъ-то у нихъ всегда есть, даже еще много. Жалко, нѣтъ Матрены!.. Ну, Апроська померла, куда съ ней больной. Здѣсь и безъ бабъ хорошо: татары да Зыряне смѣшаты; и городскіе смѣшаты, говорятъ какъ-то иначе да надъ ними смѣются.

Подлиповцы узнали здѣсь больше, нежели они знали въ деревнѣ и въ Чердыни: они узнали, что міру божьему нѣтъ конца, что деревня ихъ дрянъ, люди совсѣмъ другіе, чѣмъ они; что имъ ужъ не быть такими, какіе ходятъ въ городъ въ богатой одеждѣ. Имъ хотѣлось еще побывать дальше и прискаты себѣ такое мѣсто, гдѣ бы было хлѣба много, и можно бы было спать подольше.

Между тѣмъ барки постоянно приплывали, и выправивши билеты и заплативши положенный съ нихъ сборъ, плыли внизъ. Когда отправились караванки, то съ нихъ палили изъ пушекъ.

Въ воскресенье назначено было плыть лоцману Терентьичу. Пила съ Сысойкомъ и ребятами отпросились у лоцмана купить хлѣба. Лоцманъ отпустилъ на полчаса. Звонили къ обѣднѣ. Пила и Сысойко нѣсколько разъ проходили мимо собора и заглядывались на него. Идя теперь мимо его и увидавъ, что въ огра-

ду идетъ много людей, въ томъ числѣ и бурлаки, Подлипovsky вошли въ соборъ. Ребята пробрались въ народъ на самую середину, а Пила съ Сысойкомъ стоять у дверей. Видятъ они, посреди церкви одѣваютъ кого-то, и надѣваютъ-то на него все хорошее... Нигдѣ такихъ одеждъ они не видали. Нигдѣ не слышали такого хорошаго пѣнія... Никогда не видали такой хорошей церкви... И расписано-то какъ. Пѣвчіе пропѣли очень громко... Сердце дрогнуло у Пилы. Настала тишина. Пила не утерпѣлъ.

— Баско! Ай баско!! сказалъ онъ.

— Ишь ты. А!—проговорилъ Сысойко.

Ихъ вывели на улицу казаки.

Они долго терлись на крыльцѣ; заглядывали въ стекла, видѣли только архіерея да много людей, хотѣли пробраться въ церковь, но ихъ не пустили.

— Эко ты диво! Кто же это? удивлялся Пила, отходя прочь отъ церкви.

— Я баялъ, не надо идти.

— Ужь намъ гдѣ! А ты, Сысойко, поди скличь ребятъ-то, а то безъ нихъ барки не пойдутъ.

— Самъ скличь.

— Поди, право. Боюсь.

— Они пошли къ воротамъ. Имъ попался офицеръ. Они сняли шапки. Офицеръ прошелъ.

— Поштенный! а поштенный! окликнулъ офицера Пила.

— Что вамъ? спросилъ тотъ.

— Кликни тамъ Пашку да Ваньку, тятка молъ зоветъ, плыть тожно надо.

— Ступайте сами.

— Да не пушкаютъ. — Офицеръ ушелъ. Пила и Сысойко постояли нѣсколько времени, попросили еще кого-то послать къ нимъ ребятъ, да тотъ и не отвѣтилъ даже имъ. Они пошли на рынокъ.

— Эко дѣло... Какъ таперъ безъ ребятъ-то? говоритъ Сысойко.

— Ты говори!..

— Ходить бы не надо.

— Ты вотъ то говори: они поди богатство тамъ получаютъ.

— Экъ ты!

— А получаютъ. Ишь какъ тамъ баско... Вдругъ Богъ-отъ и дастъ имъ богатство. Эвотъ сколько! Эво!.. говоритъ Пила, указывая рукой на большой домъ.

— Пожалуй. Толды мы вмѣстѣ станемъ жить?

— А не то, такъ и Матрену скличемъ.

— Апроську бы надо...

Пилъ грустно сдѣлалось. Теперь ему казалось, что у него и родныхъ вовсе нѣтъ, кромѣ Сысойка, а ребята такъ и пропали. Жалко!

На рынкѣ они купили по три ковриги хлѣба и печенку. Сысойко несъ хлѣбъ, Пила печенку. Они опять подошли къ архиерейской оградѣ.

— Пойдемъ туда, говорилъ Сысойко.

— И! Гли, туда какіе все идутъ.

— А вонъ бурлаки.

— Насъ не пустятъ, ошшо въ острогъ засадятъ.

Однако они вошли въ ограду, взошли на крыльцо и хотѣли войти въ церковь. Ихъ опять прогнали... Они пошли на барки.

— Можетъ, они ужъ тамъ, откачиваютъ...

Ихъ барка отваливала.

— Шевелись! черти!.. кричалъ на нихъ лодманъ.

Барка уже плыла. Пилу, Сысойка и еще трехъ бурлаковъ посадили на шитикъ.

— А ребята здѣсь? спросилъ Пила лодмана на баркѣ.

— Ждать мнѣ твоихъ ребятъ!

— Врешь?

— А ты пошто ихъ бросилъ?

— Да они въ церкви остались, не нашли... Эка бѣда!

— Поди глазбютъ тамъ впервые-то!

— Какъ же теперь?

— А такъ... На другу барку можетъ пустятъ, только едвали пустятъ безъ билета.

— Не здѣсь ли они, Сысойко? погляди, — спросилъ немного погодя Пила Сысойка.

— Можетъ.

Пила сходилъ на барку. Въ баркѣ отливали воду два бурлака. Пилъ и Сысойку еще скучнѣе сдѣлалось. — Эко горе! Какъ же теперь безъ ребятъ то! Помрутъ они тамъ.

А барка между тѣмъ плыла да плыла. Города уже невидно.

До Елабуги плыли полторы недѣли. Въ это время они на сутки останавливались для починки барокъ и для закупки провизіи въ городахъ Осѣ и Сарапулѣ. О житьѣ бурлаковъ въ это время сказать нечего: оно было такое же, какъ и на Чусовой и въ Перми, съ тою только разницею, что работы было меньше, чѣмъ на Чусовой. Бурлаки уже привыкли къ бурлацкой жизни, мало сѣтовали на свою судьбу; не удивлялись, какъ прежде, надъ пароходами, попадавшими имъ навстрѣчу и обгонявшими ихъ раза по четыре въ сутки; не удивлялись надъ величиною баржи: имъ теперь все приглядѣлось, надоѣло.

Съ потерею дѣтей Пила сдѣлался очень скученъ и еще болѣе привязался къ Сысойку.

— Нѣту у меня теперь ребятъ, только ты одинъ, говоритъ онъ Сысойку ночью, лежа съ нимъ въ баркѣ.

— Идти бы назадъ въ церковь.

— Што дѣлать! Ужь ты не отставай отъ меня.

— Ты только не брось.

— Я не брошу. Што мнѣ одному-то? Вонъ наши Подлиповчи — што имъ, — своихъ пріятелей завели.

Елка и Морошка работали на носу и рѣдко говорили съ Пилой и Сусойкомъ. Имъ почему-то нравились Пила и Сусойко, и они даже наговаривали объ нихъ бурлакамъ, что они колдуны, въ острогѣ сидѣли и прочее.

Каждый разъ, когда нечего было дѣлать, Пила и Сусойко садились куда нибудь вдалекѣ отъ прочихъ бурлаковъ, смотрѣли другъ на друга и жалѣли другъ друга.

— Плохо, Сусойко! Айнъ плохо... Такъ вотъ и болитъ *нутро*; ужь болитъ!

— Какъ болитъ!.. Помереть бы...

— Сусойко, зачѣмъ ты не баба?..

— А пошто?

— Да такъ. Все бы оно лучше.

— А мы подемъ назадъ?

— Да надо ребятъ найти. Какъ найдемъ, и подемъ сюда.

Половина барокъ поплыла изъ Елабуги къ устью Волги и въ Саратовъ. Подлиповцевъ и прочихъ бурлаковъ заставили выгружать желѣзо на берегъ, а потомъ нагружать въ баржи. По окончаніи нагрузки Пила и Сусойко получили по четыре рубля денегъ, а прочіе больше и меньше, смотря потому, кто сколько забралъ раньше впередъ. Нѣсколько бурлаковъ поступили на баржи, тысяча человѣкъ пошли въ Вятскую губернію, кто по рѣкѣ Вяткѣ, впадающей въ Каму недалеко отъ Елабуги, кто проселочными дорогами. Человѣкъ двѣсти нанялись вести суда до Осы, Перми, Усоля и Чердыни. Грузъ былъ большею частію съ хлѣбомъ. Пила и Сусойко нанялись съ прочими Подлиповцами до Усоля по шести рублей и получили задатку по полтора цѣлковыхъ.

Работа для Подлиповцевъ теперь была еще тяжелѣе. Судно дожидалось попутнаго вѣтра. Вѣтеръ подулъ. Подняли паруса съ пѣснями: ухнемъ! ухнемъ! разомъ да разъ!!! Вѣтеръ натянулъ паруса и потянулъ судно. Подлиповцы удивлялись первый день, какъ это ихъ тянетъ вѣтеръ. Прошли они такъ верстъ десять, судно вошло въ такое мѣсто, гдѣ вѣтеръ не могъ тащить судно. Судно подплыло къ берегу, посредствомъ гребли, и стало на якорь. — Бери бичеву! сказали лоцмана. Бурлаки, въ томъ числѣ и Подлиповцы, положили въ лодку бичеву — веревку, привязанную за верхушку и середину мачты, съ кожаными петлями или лямками, и приплыли на берегъ.

— Вери бичеву!..

Бурлаки надѣли на груди лямки. Всѣхъ ихъ было пятнадцать, на суднѣ было десять бурлаковъ.

— Трогайся съ Богомъ! трогайся! Што стали?

Бурлаки тронулись, пошли и стали: веревка точно за гору была привязана.

— Што стали! Шевелись, натягивай! кричатъ мужики съ судна.

Бурлаки потянули бичеву и все ни съ мѣста.

— „Ухнемъ, ухнемъ! да разъ!“.. Они натянулись впередъ всей силой, ихъ подало впередъ.

— „Ухнемъ, ухнемъ! да разъ!.. Дерни, подернемъ, да разъ!“.. И они уже шли, нагнувши спины, опустивши голову внизъ; руки болтаются, ноги переступаютъ едва-едва... „Дернемъ, подернемъ, да разъ.“ И они идутъ, не увеличивая скорости шага; на плечахъ ихъ точно что-то тяжелое лежитъ, такое тяжелое, что ужаси... Идутъ они такъ часъ, груди у нихъ болятъ, ноги устали; съ нихъ каплетъ потъ, большія шапки ихъ закрываютъ глаза... Идутъ они тихо и покачиваются изъ стороны въ сторону.

Идутъ они сегодня по песку, солнышко ихъ жжетъ. На другой день идутъ болотистымъ берегомъ, ноги вязнутъ; выбились изъ силъ, а лодманъ то и дѣло кричитъ: што стали, пошли живо! На третій день идетъ дождь, гремитъ громъ, сверкаетъ молнія, а они идутъ и тинутъ богачество... Вотъ судно встало на мель. Пошли они къ судну по колѣно въ водѣ, вошли на судно и сталкиваютъ его шестью съ мели и опять ихъ подбираетъ потъ, солнышко или дождь. Вонъ стоятъ суда съ высокими мачтами.

— Стой! кричитъ лодманъ.

Они хотятъ встать, ихъ пятитъ назадъ.

— Брось бичеву!

Они снимаютъ лямки и бросаютъ. Бичева подбирается на судно. Много ловкости нужно имѣть лодману, чтобы провести судно къ верху; много труда для бурлаковъ, нанявшихся вести судно на своихъ плечахъ!...

Какъ трудно подымается судно къ верху, это видно изъ того, что наши Подлиповцы пришли изъ Елабуги въ Пермь черезъ мѣсяць, потому что они большею частію тащили его, а вѣтеръ дулъ рѣдко.

Пила и Сысойко, вездѣ спрашивали про Павла и Ивана, но никто не зналъ объ нихъ. Въ Перми они не шли бичевой, а сначала стояли противъ рѣчки Данилихи, потомъ, когда подулъ вѣтеръ съ низу, ихъ протянуло до рѣчки Егошихи, и здѣсь они простояли два дня, въ которые выправили билеты. Пила справлялся на трехъ баржахъ и ничего не узналъ объ дѣтяхъ.

— Померли! рѣшилъ онъ.—Ну хоть не мучатся. А то што имъ жать-то... А вотъ на насъ такъ нѣту смерти.

— И мы поди не помремъ? спросилъ на это Сысойко.

— Какъ не помремъ — всѣ помирають. А все бы теперъ лучше...

— А ты живи: я-то какъ безъ тебя?

— Ну и ты помри.

— Утонуть?

— Ступай на Чусову, хлобыснись.

— Боюсь..

— Вотъ мы таперъ муку премъ, а небось ее не дадутъ намъ, а даютъ когда гривну, когда полтину.

— Знамо, они богатые.

— Вотъ, бають, и въ Чердынь муку плавать, а пошто она тамъ дорога?

— А по то: кто плавить-то, — богатъ: Вотъ тѣ и богачество!

— Ужь именно! Какъ прежь жили, такъ и таперъ придемъ безъ всего, да ошшо ребяты нѣтъ.

— Што дѣлать!.. Вотъ тѣ и бурлачество!

— Трудно. Оно и баско тамъ, да што? А мы, Сысойко, не подемъ ужъ въ Перму, лучше соль будемъ дѣлать: ишь какъ тамъ тепло, и денегъ, бають, больше дадутъ.

— И то ладно. Только на чучелу бы попасть, што съ колесами бѣгать.

— Попробуй—попади! Прогонять. Вездѣ гнали, и изъ Перми прогонять. Народъ тамъ, бають, злой...

— Все бы поплавать.

— Чортъ ты экой! Ты погляди, што у те на груди-то? У меня, смотри кожа слѣзла... А спина-то? Самого такъ и пошатывать, — хоть помереть тожно... Сысойко! Пошто мы родилсь-то?.. Вонъ лошадямъ такъ славная жизнь-то...

— Ну ихъ!.. А мы соль будемъ дѣлать.

Черезъ день Пила и Сысойко ведутъ такой разговоръ:

— Ошшо бы такъ-ту поплавать, какъ по Чусовой плыли... Людей сколь, барокъ!.. города разные... И хлѣбъ тамъ былъ... говоритъ Сысойко.

— Такъ оно. А таперъ и люди-то побѣгли, бають, дамой.

— А намъ куды?.. што намъ въ деревнѣ-то?..

— Тамъ, Сысойко, бають, города баскіе есть. Бають, Перма супротивъ ихъ пиголица... Походимъ ошшо тамока?

— Подемъ.

— Бають, городъ есть такой:—дома все каменные, а вышина-то... въ Перми нѣтъ такихъ домовъ. Тамъ, бають, царь живетъ.

— И туды подемъ... А денегъ даютъ?

— Бають, баско тамъ.

— А мы и таперъ подемъ!

— Куды таперъ понешь? Я чуть иду, такъ бы вотъ и лежалъ... А мы положимъ въ Усолъ и подемъ...

Черезъ день опять другое:

— Гли, Пила, траву косятъ!.. Што бы намъ землю дали,—ужь и бурлачить бы не пошли.

— Э! Людямъ счастье, а намъ гдѣ ужь! Вонъ, баютъ, много есть бросовой земли, а не даютъ—богатые люди продаютъ, да дорого... Здѣсь ошшо што: все лѣсъ да лѣсъ, а вонъ ниже Пермы видали мы, какія земли-то, баютъ, хлѣба много.

— Пожить бы тамъ... Гли, плоть плыветъ!

— Пусь плыветъ. Ты вотъ то суди:—люди-то на немъ такіе же, какъ и мы. А ты погляди, какъ рыбу ташишатъ неводомъ. Вотъ дакъ ремесло! Лучше этова ремесла ничего нѣтъ.

— И легко!

— Поймалъ и съѣлъ, и продать можно.

— Подемъ рыбачить.

— Подемъ... Поспимъ и подемъ.

— Слышь, Сысойко, какой я сонъ видѣлъ... Ходимъ мы въ Перми, дома все пинакіе, огромнѣющіе—ужасти! Церквей сколь!.. Хлѣба такъ и навладена цѣлая гора... Набрали мы много хлѣба... Идемъ, идемъ, да и очутились въ рѣкѣ и хлѣба нѣтъ,—неводъ тащимъ... Вытащили—ничего нѣтъ; ошшо пошли, много достали рыбы... Столъ много, што ужасти... Потомъ мы въ варницѣ очутились... Печь большая, пребольшая; все дрова кидаютъ, и мы кидамъ... Только кидамъ, кидамъ такъ-ту дрова, и вижу я въ печкѣ-то Апроську...Кричитъ она: тятка, вытащи! тятка, вытащи!.. Ужасти... Стою я и не смѣю въ печку водти, а только тебя жгетъ, жгетъ, и самъ будто ты въ полымъ сталь. Кричу я эдакъ, а меня въ печку толкаютъ... Вотъ дакъ сонъ.

— Бѣда!

— А какъ худо жить!.. Ходили мы, ходили съ тобой, а што выходили? Смотри, лапти-то у насъ куды гожи?.. а гунька-то, гунька-то!..

— Ну и жись!

— Походимъ ошшо; можетъ, лучше будетъ.

— Кто ево знатъ. Ты считай, сколь бѣдъ-то.

— А попъ баялъ, какъ помрешь, баеть, на томъ свѣтѣ лучше будетъ,—баско... Значитъ и домъ будетъ, и лошадь, и корова...

Послѣ этого разговора оба друга весь день ничего не говорили.

Предоставляю читателю самому судить о положеніи Пилы и Сысойки. А такихъ бурлаковъ очень много. Пила говорилъ правду, что ему бы родиться не слѣдовало: родился зачѣмъ-то чловѣкъ; въ дѣтствѣ терпѣлъ горе, вся жизнь его горе-горькая, ужь какъ ни пробовалъ выбиться изъ нищеты, нѣтъ-таки—стой! Куда лѣзешь, лапотникъ?..

До Усолья осталось верстъ тридцать. Полдень. Идетъ дождь и немилосердно мочить бурлацкіе полушубки. Идутъ бурлаки часа четыре, то по колѣна въ водѣ, то по болотистому берегу, то перескакиваютъ черезъ ручейки, переходятъ лужи. Всѣ устали, измучились, какъ загнанныя лошади, у всѣхъ пересохло горло. Всѣ молчатъ уже съ часъ.

Пила идетъ впереди, Сысойко рядомъ, Елка и Морошка позади ихъ. Пила и Сысойко страшно исхудали и походятъ на мертвецовъ. Они цѣлую недѣлю пролежали въ суднѣ, теперь немного поправились, и хотя едва едва переступаютъ ногами, хотя у нихъ кружатся головы, лоцманъ заставилъ-таки ихъ тащить судно. Двѣ недѣли не цѣли бурлаки пѣсень, говорили мало. А это худой признакъ. Водку пили только въ Перми.

Идутъ бурлаки по отлогому берегу около плетня, которымъ огороженъ чей-то покосъ съ лѣсомъ; ноги скользятъ, запинаясь за пни; всѣ они покачиваются изъ стороны въ сторону, свѣсивши головы, опустивши руки. Одинъ только бурлакъ, молодой парень, то и дѣло тараторитъ, издѣвается надъ Вятскими мужиками.

— Пошли, значить, Вячки утку стрѣлять, а никто и не умѣетъ стрѣльнуть. Штука. значить, забористая...

— Ты ужъ баялъ. Лонись баялъ, давече баялъ...

— Тогда не все; таперь какъ есть скажу.

— Ну бай.

— Ну и пошли, значить, стрѣлятъ семь мужиковъ одну утку, а ружье у нихъ у всѣхъ одно, да и то забарабали у богатаго хресьянина... Ладно. Увидѣли утку и закричали:—лови ее, халяву! Побѣгли, она и спряталась. Потомъ выбѣгла и сидитъ на озерѣ... Вотъ они и стали ружье затыкать порохомъ: одинъ положилъ горсть, другой баеть:—погоди, я положу! Моя, баеть, копейчка нещербовата.. Третій тоже баеть: моя копейчка нещербовата, и пехаетъ горстоцку пороху... И всѣ такъ бають и пехаютъ горстоцку пороху... Ну и положили всѣ по горстоцкѣ пороха, затыкали семью тряпками... Ну вотъ одинъ баеть: я стрѣльну, другой тоже хочетъ стрѣльнуть и расцапались, а потомъ и обхватили всѣ ружье разомъ... Ружье, какъ бзданетъ ихъ всѣхъ,—кому руку ушибло, кому лицо—бѣда! а одинъ, какъ стоялъ, такъ и упалъ—покойникъ сдѣлался. А они и бають:—скрадивать! скрадивать! и полегли съ нимъ, головами врозь... Такъ и лежатъ, а встать не смѣютъ... Только ѣдетъ мужикъ и видитъ ихъ... Едва-едва сдогадались, што одинъ мужикъ померъ. Ну ихъ и сцапали опосля, приволокли къ начальству.

Бурлаки даже не улыбнулись и молча слушали рассказъ. Они уже въ четвертый разъ на этомъ дню слышали этотъ рассказъ. Молодой бурлакъ обидѣлся, зачѣмъ бурлаки не смѣются, и началъ другой рассказъ, какъ Вячки онучи сушили...

Судно нашло на мель. На немъ шесть бурлаковъ работали шестами. Бичевники стали.

— Трогай сильнѣе, трогай! што стали? понукаль бичевниковъ лоцманъ съ судна.

Бичевники натянули бичеву, наперлись, закричали: „дернемъ, подернемъ, да разъ! ухнемъ да ухнемъ! разомъ, да разъ!“.. Судно стоитъ на одномъ мѣстѣ.

— Пошло, родимые, пошло! Прибавь силушки! Вотъ у рѣчки отдохнемъ... понукаетъ лоцманъ.

Бичевники наперлись пуще прежняго, зашѣли; судно подвинулось, они пошли, но плы такъ трудно, словно нѣ-вѣсть что тащили... Идутъ они, ни о чемъ не думая, а только далеко, далеко раздается ихъ пѣсня: „ухнемъ! ухнемъ! разомъ, да разъ!.. ха! дернемъ, подернемъ, да разъ!“.. Вдругъ бичева лопнула, всѣ бурлаки упали... Кто ударился головой о плетень, кто колышкомъ о камень, кто расшибъ носъ и губы, кто свалился къ водѣ, кто упалъ на товарища...

Восьмеро встали. У одного окровавлено лицо, другой жалуется, что бокъ ушибъ, третій кажетъ руку, двое кричатъ: ой брюхо болитъ! оченьки!

Пила и Сысойко лежатъ безъ чувствъ въ разныхъ сторонахъ, облитые кровью. Бурлаки окружили ихъ и стали смотреть. Пила разбилъ лобъ, переломилъ лѣвую ногу... Сысойко разбилъ грудь...

Всѣ запечалились.

— Померли!.. Родимые...

— Эхъ ма! Вотъ тѣ и жизнь!.. Охъ-хо-хо! и бурлаки утираютъ черными жесткими ладонями глаза...

Пилу и Сысойку накрыли полушубками и отошли прочь.

Приплылъ на берегъ одинъ лоцманъ съ бурлаками. Всѣ погоревали, долго судили: что дѣлать съ Пилой и Сысойкомъ, и рѣшили свезти въ деревню. Пилу и Сысойку положили на рожи, завернули рогожами, приплатили въ шитикъ на судно и тамъ положили на палубѣ. Бурлаки не отходили отъ нихъ, обмыли водой обоихъ и положили такъ, какъ мертвецовъ. Сысойко пришелъ въ чувство, застоналъ, взглянулъ въ лѣвую сторону, гдѣ лежалъ Пила... Лицо Пилы было страшно.

— Пила! простоналъ Сысойко.

— Дай водицы ему, сказалъ лоцманъ одному бурлаку.

Бурлаки почерпнули въ ведро воды и влили въ ротъ Сысойкѣ воду. Тоже сдѣлали и съ Пилой.

Пила пошевелился, но не издалъ звука.

Сысойко смотритъ на Пилу дико. „Пила!“ опять стонетъ онъ.

Пила издалъ глухой стонъ.

— Больно? спрашивали Сысойка бурлаки.

Сысойко смотритъ на всѣхъ дико, стонетъ... Вотъ онъ повернулся на бокъ и смотритъ на Пилу. Пила открылъ глаза, по-

шевельлѣ губами и ничего не сказалъ... Потомъ онъ протянулъ къ Сысойкѣ руку и умеръ...

— Померъ!

— Добрый былъ, добрый...

— И мы такъ померемъ... разсуждаютъ бурлаки, чуть не плача.

— Тятка!.. стонетъ Сысойко.

— И онъ помереть...

— Сысоюшко! поживи ошшо чутьчку!.. говорятъ Сысойкѣ бурлаки.

Лоцманъ никакъ не могъ заставить бурлаковъ тянуть судно.

— Не трогъ! говорятъ.—И мы померемъ.

— Братцы, спехнемъ хоть судно-то. Смотрите, вѣтеръ!

— Нѣтъ, братавъ... Гляди!

Лоцманъ привыкъ уже къ подобнымъ сценамъ и перевезъ Пилу и Сысойка въ деревню, находившуюся недалеко.

Пилу схоронили бурлаки. Не одна слеза упала на Пилу. Холодные были эти слезы, слезы бурлацкія...

Сысойка оставили въ деревнѣ и судно кое-какъ сдвинули съ мели. Оставили Сысойка въ деревнѣ безъ бурлаковъ у одного крестьянина и, черезъ четыре дня послѣ отплытія судна, онъ умеръ...

Родился человѣкъ для горе-горькой жизни, весь вѣкъ ташилъ на себѣ это горе, оно и сразило его... Вся жизнь его была въ томъ, что онъ старался найти себѣ что-то лучшее...

Вотъ каково бурлачество и каковы люди бурлаки.

Елка и Морошка благополучно добрались до Усолья и тамъ поступили на варницы. Отъ работниковъ они узнали, что жена Пилы Матрена за воровство попала въ острогъ, а Тюнька воспитывается какою-то нищею. Эта нищая каждый день бьетъ его. беретъ съ собой, заставляетъ говорить: подайте ради Христа! пропиваетъ насобиранный хлѣбъ и деньги и часто оставляетъ его безъ хлѣба.

Положеніе этого ребенка очень незавидно. Вѣдь и онъ вырастетъ, и какимъ онъ будетъ человѣкомъ?..

Что сдѣлалось съ Павломъ и Иваномъ? Они не нахвалятся своею судьбой; жизнь имъ кажется хорошая. У нихъ заведенъ сундучекъ, въ которомъ хранятся сапоги, зеркальцо, чай, сахаръ, двѣ ситцевыя рубашки, два тиковыхъ синяго цвѣта халата. Они лѣтомъ кочегарами на пароходѣ, а зимой работаютъ на пристани. Лѣтомъ они бывали въ Нижнемъ, въ Саратовѣ, въ Астрахани, ѣдали яблоки и арбузы, очень развились и даже умѣютъ читать.

Пила оставилъ ихъ въ Перми въ соборѣ. Тамъ они стояли около архіерейскаго мѣста (престола по церковному) и глядѣли, какъ одѣвали архіерея. Когда они услышали слово *баско!* то

думали, что это такъ и должно быть, и не обратили вниманія на волненіе въ народѣ, когда выводили изъ собора Пилу и Сысойка, потому что они въ это время смотрѣли на архіерея, на духовенство, на цѣвчпхъ и на живопись. Ихъ все удивляло. Когда былъ великій выходъ, Павелъ сказалъ Ивану:

— А тятки нѣтъ!

— Онъ, поди, смотритъ. И простояли всю обѣдню. Они бы, пожалуй, два дня простояли, если бы два дня шла архіерейская служба. Когда сталъ выходить народъ изъ церкви, они спохватились, что нѣтъ отца, забѣгали на дворъ, вездѣ выглядывали его, ушли опять въ церковь, тамъ уже не было людей. Они зашли и на хоры, и тамъ нѣтъ, пошли въ алтарь, но оттуда ихъ прогналъ староста. Погоревавъ на улицѣ объ отцѣ, они пошли на рынокъ, походили тамъ часа съ три, насобирали Христа ради милостинки, наѣлись, спросили бурлаковъ объ отцѣ, ничего не узнали и пошли глазѣть на народъ.

— Гдѣ же тятка-то? говорилъ Павелъ.

— Кто ево знаетъ.

— Онъ, поди, уплылъ?

— Безъ насъ не уплыветъ.

— А мы какъ?

— Мы здѣсь останемся. Ишь баско!

— Все тятки жалко...

По городу они ходили съ часъ и зашли на бульваръ. На бульварѣ начала собираться губернская публика. Они выпались въ канавѣ и когда пробудились, то бульваръ былъ уже полонъ народа; игралъ военній оркестръ; въ шалашѣ играли фокусники. Ребята все высмотрѣли, всему дивились: ихъ очень забавляли офицеры, нарядъ людской, гимнастическія упражненія, качели, танцы въ залѣ.

— Баско!

— У насъ нѣту такъ-то

— И на баркахъ инако.

— Вотъ такъ городъ!

— А мы ужъ здѣсь останемся...

— А какъ протурять?

— Смотри, бурлаковъ сколь. Гдѣ же тятка-то.

— Онъ, поди, смотритъ: ишь сколь людей-то! Ишь што діется! говорятъ ребята, указывая на круглую качель.

Ночью они уснули на бульварѣ. Утромъ на бульварѣ никого не было, и ребята заплакали съ горя.

Въ городъ имъ попались бурлаки.

— Видѣли тятку? спросилъ ихъ Павелъ.

— А вы бурлаки?

— Бурлаки.

— Откедова?

— Чердынскіе.

— А откелева съ баркамъ-то идете?

— А заводъ Шайтанскій есть, оттоль и плывемъ. А тятъку-ту Пилой зовутъ, да ошшо Сысойко съ нимъ.

— Не знамъ мы твою Пилы, и Сысойка не знамъ.

— Шайтански отвалпли ужъ.

Ребята запечалились и пошли съ бурлаками на рынокъ. Они заплакали. Куда идти? гдѣ жить?

Пошли они собирать милостинку. Два дня собирали милостинку, исходили весь городъ, а ночами спали у соляныхъ амбаровъ. Потомъ они наткнулись на одну пристань, увидѣли, какъ и что работаютъ люди, сами стали работать и получили за работу по 20 коп. сер. въ сутки. Цѣлую недѣлю они спали подъ лодками, а потомъ надъ ними сжалился одинъ водоливъ, узнавшій отъ нихъ о потерѣ отца, и пустилъ спать въ баржѣ. По свѣту этого водолива, ребята и поступили на пароходъ съ жалованьемъ по 6 руб. въ мѣсяцъ.

Житье на пароходѣ ребятамъ кажется хорошимъ. Когда идетъ пароходъ, они постоянно бросаютъ въ печь дрова, и въ это время ходятъ черные, какъ трубочисты, и только изрѣдка любятъся людьми. Они узнали, что такое пароходъ, и знаютъ каждый уголокъ въ пароходѣ, каждую вещь, для чего она тутъ хранится или придѣлана. Товарищи любятъ ихъ, въ особенности любятъ ихъ подручный повара, и часто даетъ имъ, то кусочекъ пирога, то кусочекъ жаркова или пныхъ какихъ сладстей понемногу, а главное, въ свободное время, когда пароходъ стоялъ, учили ихъ читать. Въ это свободное время Павелъ и Иванъ купались въ рѣкѣ, смывали съ себя сажу, надѣвали чистенькія рубашки и ходили по городу, или спали, или починивали свою одежду. Зимой они отскребаютъ снѣгъ, метутъ, колятъ дрова, носятъ воду и дрова, то смотрителю пристани, то служащимъ на пристани и часто исправляютъ должность кучеровъ.

Они часто вспоминаютъ про отца и Сысойка. Сидятъ они у печки пароходной, покуривая трубки, и горюютъ:

— Жаль, Пашка, что отца нѣтъ. Все бы вмѣстѣ лучше.

— Куда же онъ пропалъ? Вотъ и Сысойка нѣтъ.

— Ужъ Сысойко отъ отца не отстанетъ. Они поди все бурлачутъ.

— Да теперь ужъ поздно бурлачить: вонъ суда плывутъ къ верху. Я, знаешь, ходилъ на палубу, а бурлаки судно тянутъ. Жалко мнѣ стало.

— Поди, отецъ также тянетъ.

— А мы какъ увидимъ гдѣ отца да Сысойка, дадимъ имъ денегъ и звать будемъ съ нами жить.

— Ладно.

Объдаютъ они и говорятъ:

— Жалко, Ванька, что отца нѣтъ! Поѣлъ бы онъ съ нами. Въдъ онъ никогда такъ не ѣлъ.

— Живъ ли онъ, Пашка?

— Не потонулъ ли съ баркой?..

Одѣвнутся они прилично и говорятъ:

— Какъ посмотрѣлъ бы на насъ отецъ да Сысойко, удивились бы... Ишь какіе мы!

— А мы какъ накопимъ денегъ, полушубки хорошіе купимъ, а то дали намъ какіе-то большіе да старые.

— Они, поди, теперь и не узнаютъ насъ.

— Я бы, знаешь, какъ сталъ бы жить съ нами отецъ съ матерью да съ Сысойкомъ, про людей бы да про города разные сталъ имъ рассказывать, а не то и читать имъ станемъ.

— Не повѣрятъ.

— Намъ бы повѣрили: ты разсуди, вѣдь они родные намъ.

А вотъ скажи другой имъ, и не поймутъ.

— Почто же они такіе?

— А Богъ ихъ знаетъ. Такъ ужь, вѣрно, Богъ устроилъ. Одинъ богато живетъ, а другой бѣдно, и живутъ-то вездѣ по своему. Одинъ сытъ, а другой кору ѣстъ.

— А пошто же не всѣ богаты?

— Ну ужь, и не говори больше... Ты говори спасибо, что и такъ-ту живемъ.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes the need for transparency and accountability in financial reporting. The text outlines various methods for data collection and analysis, including the use of spreadsheets and specialized software. It also addresses the challenges of data security and privacy, particularly in the context of digital information storage and transmission.

The second part of the document focuses on the implementation of internal controls and risk management strategies. It provides a detailed overview of the organizational structure and the roles of different departments. The text highlights the importance of regular audits and reviews to ensure compliance with relevant laws and regulations. It also discusses the role of management in setting the overall direction and goals of the organization, and the importance of effective communication and collaboration among all employees.

The final part of the document concludes with a summary of the key findings and recommendations. It reiterates the importance of ongoing monitoring and evaluation of the organization's performance and the need for continuous improvement. The text also provides a list of references and sources used in the research, and includes a list of appendices and supporting documents.

Г Л У М О В Ы.

I.

Таракавовскій чугуино-литейный и мѣдно-плавильный заводъ, съ Круглой горы, представляетъ видъ разбросаннаго шестиугольника. Какъ разъ подъ самой горой справа прудъ, а въ немъ есть два маленькихъ острова, поросшіе ивой; съ южной стороны вытекаетъ изъ пруда небольшая рѣчка, сперва скрывающаяся въ лѣсу, а потомъ правѣе идетъ по голой, покатистой мѣстности и точно убѣгаетъ въ гору съ сѣрватою почвою, гору — безъ лѣсовъ и кустарниковъ, какъ и гора Круглая. Немного лѣвъѣе, какъ будто подъ самой горой, а на самомъ дѣлѣ въ полуверстѣ отъ горы, построены двѣ четырехугольныя каменныя фабрики съ красными крышами, четыре длинныхъ зданія на заднемъ пластвѣ, потомъ впереди фабрикъ плотина съ вешняками. Но эти фабрики кажутся довольно мизерными съ остальною массою пестрыхъ и черныхъ домовъ съ высокими крышами, и маленькими садиками, сплотившимися такъ тѣсно другъ съ другомъ, что трудно съ перваго раза найти въ этой массѣ какой нибудь промежутокъ. Но это только для перваго впечатлѣнія. Если же постоять подольше и приглядѣться, то начинается вотъ что: заводскіе дома построены большею частію на холмистыхъ мѣстахъ, пересѣкаемыхъ ручейками, лѣтомъ высыхающими, а весною причиняющими своимъ разливомъ значительные ущербы въ домашнемъ хозяйствѣ Таракановцевъ. А такъ какъ холмы никто не трудился сравнивать и они, согласно законамъ природы, устроились какъ пришлось, то отъ этого происходитъ то, что съ горы нельзя различить промежутковъ между домами. Здѣсь не мѣшаетъ еще прибавить, что когда на горѣ существовала будка, то ни одинъ караульный не могъ положительно сказать въ случаѣ пожара: чей горитъ домъ, потому что ему казалось всегда пламя не въ томъ мѣствѣ, гдѣ оно было. Это недоумѣніе объясняется безолаберной кучей строеній. Почти въ серединѣ массы домовъ виднѣется голубая церковь, около церкви лѣсъ; правѣе виднѣется что-то похожее на вѣсы, потомъ длинное одноэтажное бѣлое зданіе съ садомъ; рынка же

на площади вовсе невидать. Берега пруда съ правой стороны высокіе, крутыя, потому что, какъ говоритъ Таракановцы, гора Круглая пустила по правому берегу пруда отростокъ. Этотъ отростокъ, впрочемъ, имѣеть на себѣ густой сосновый и березовый лѣсъ, куда лѣтомъ бѣдные таракановцы ходятъ за малиной, а богатые ѣздятъ пить чай, закусывать, однимъ словомъ благодушествовать подъ зеленью. Особенныхъ видовъ въ правой сторонѣ нѣтъ: лѣсъ и лѣсъ, то горы, поднимающіяся высоко, то холмы, чуть-чуть виднѣющіеся въ промежуткахъ лѣса, то гдѣ нибудь лѣсъ горитъ — и вся эта масса съ лѣсомъ и горами, наконецъ, точно упирается въ небо, какъ будто тутъ ей и конецъ. Налѣво же къ пруду выходятъ огороды съ банями безъ крышъ, построенными ближе къ пруду для того, чтобы лѣтомъ было удобнѣе изъ бани окунуться въ воду, а зимою на берегу пруда охладиться, что впрочемъ многимъ дорого обходится, потому что съ пруда часто дуетъ рѣзкій холодный вѣтеръ...

Заводъ, вмѣстѣ съ людьми, принадлежитъ частному лицу (мы взяли нѣсколько лѣтъ назадъ). Поэтому у обитателей завода особый характеръ, отличный отъ другихъ человѣческихъ рядовъ тѣмъ, что мужчины преимущественно рабочіе на заводѣ: рабочіе въ рудникахъ, рабочіе въ лѣсахъ, рабочіе на фабрикахъ. За эту работу въ старое время они получали провіантъ, имѣли покосы, на господскій счетъ строили дома и пользовались нѣсколькими свободными днями въ году. Всѣ они управлялись своимъ начальствомъ, тоже крѣпостными людьми, начальниковъ у нихъ было много: десятникъ, сотникъ, нарядчикъ, штейгеръ, урядникъ, приказчикъ. Послѣднихъ бывало и по два въ заводѣ и они были главными рычагами всего заводскаго дѣла. Выше приказчика былъ Управляющій, служившій заводовладѣльцу по найму и замѣнявшій своею личностью владѣльцевъ, которые на заводъ никогда и не заглядывали. Случалось, что господа дѣлали управляющими и своихъ крѣпостныхъ, но рѣдко. А такъ какъ надъ рабочими постоянно существовало свое начальство, крѣпостное, то у таракановскаго заводууправленія существовали свои домашніе законы, — словесныя или письменныя приказанія и наставленія. Тѣсно связанные съ внутренней обстановкой жизни рабочаго люда, эти законы вошли въ обычай каждаго чловека, который ни возражать имъ, ни противиться не смѣлъ, а даже самъ, въ семейномъ своемъ быту, примѣнялъ эти законы къ дѣлу.

Таракановцы народъ рабочій, и чѣмъ они отлпчаются отъ другихъ рабочихъ, такъ это развѣ тѣмъ, что въ прежнее время они должны были работать всякую работу, гдѣ и что имъ дадутъ. Мало по малу у Таракановцевъ сложился характеръ, состоящій въ томъ, чтобы надуть свое крѣпостное начальство, выйти сухимъ изъ воды, сгрубить кому угодно, осмѣять того, кто поддается, обругать въ сердцахъ того, кто больно жметъ, рабо-

тать подобно машинѣ и, въ свободное время, отводить горе за водкой или пивомъ въ дружеской компаніи, въ которой можно и подраться. Отъ этого и отъ того, что рабочіе работаютъ по нѣсколькѣ*человѣкъ вмѣстѣ, у нихъ существуютъ товарищества, основанныя на томъ общемъ интересѣ, чтобы работать вмѣстѣ, пить вмѣстѣ, жить дружно, въ случаѣ промаха кого нибудь изъ товарищей, напримѣръ въ кражѣ чугуна, мѣди, въ порубкѣ лѣса, не выдавать своего, на основаніи того заключенія, что крѣпостное начальство, желая откупиться на волю, воруетъ гдѣ сотнями рублей, а гдѣ и больше. Не мѣшаетъ замѣтить, что большинство рабочихъ были раскольники и хоти, со временемъ, раскольники слились съ православными, но и теперь еще можно найти настоящихъ раскольниковъ на Козьемъ болотѣ; у нихъ сложился своеобразный заводскій взглядъ на разныя вещи, не говоря уже о предрасудкахъ и разныхъ суевѣріяхъ. Книгъ никто изъ рабочихъ не читалъ, потому что книгъ не было да если бы и были, то читать умѣли немногіе, выучившіеся самоучкой, и поэтому у Таракановцевъ существовала съ испоконъ вѣку практика, а о теоріи они и понятія не имѣли. На основаніи вотъ этой-то практики они и строили разныя убѣжденія, заключенія и мнѣнія, а какъ практика все-таки вертѣлась на томъ, чтобы работать, потому что безъ работы голоднымъ насидишься, то каждая рабочая артель горячо отстаивала свое занятіе: кайловщикъ, рабочій въ рудникахъ, хотя и ненавидѣлъ свое занятіе, потому что оно очень тяжело и уноситъ много здоровья, однако не любилъ слесаря, подзадоривалъ на драку куреннаго рабочего и водилъ вообще компанію съ рудничными рабочими; слесарь, человѣкъ большею частію работающій дома, съ презрѣніемъ относился къ фабричному рабочему и подзадоривалъ на драку портного или сапожника, надѣясь въ то-же время на свою силу и ловкость и т. д.

Женскій полъ, занятъ преимущественно хозяйственными домашними дѣлами, рожденіемъ и кормленіемъ дѣтей. Зная, что мужъ въ домѣ глава, хозяинъ и кормилецъ, жена боится въ чемъ нибудь огорчить мужа, потому что хоть какъ не дери горло (а таракановскія женщины очень голосисты), а съ мужемъ несправишься. Но все-таки нельзя сказать того, чтобы таракановская женщина была забита въ конецъ. Правда, ея умственное развитіе останавливается при выходѣ замужъ или при рожденіи втораго ребенка, но вѣдь и мужа тоже недалеко въ умственныхъ способностяхъ, хотя далеко превосходятъ женщинъ доказательствами, называя при томъ женскій языкъ балалайкой. Стоитъ только послушать, какъ собираются три женщины и о чемъ нибудь разговариваютъ: мало того, что онѣ голосяты безъ умолку, нѣтъ, каждой хочется перекричать остальныхъ, вернуть такое слово, чтобы остальные рты разинули и хорошо еще, если онѣ не передерутся; а между тѣмъ весь этотъ крикъ происходитъ отъ того, что каждой хочется показать другой, что и она умна,

и что мужъ ея не пѣшка какая нибудь, или что у нея слава Богу не одинъ ребенокъ. Мало этого: мужъ, не посовѣтовавшись съ женой, не заведетъ чего нибудь для хозяйства, не дастъ денегъ въ долгъ, не позоветъ гостей на праздникъ. Кромѣ этого, такъ какъ тѣ мужья, которые работаютъ въ рудникахъ, домой возвращаются черезъ недѣлю или черезъ двѣ недѣли, а тѣ, которые работаютъ на фабрикахъ—поздно вечеромъ, то жены въ домахъ дѣлаются полными хозяйками и мужья, возвратившись домой, не имѣютъ права вмѣшиваться въ женское хозяйство; такъ, на примѣръ, если пропадетъ корова—дѣло женское; мужъ только побранитъ жену за слабый надзоръ, тоже и съ курицами и съ овечками; пронади же лошадь въ отсутствіе мужа, — мужъ здорово исколотитъ жену, потерялся сапогъ или шило, — женѣ быть битой. И все это объясняется очень просто: мужъ — хозяинъ всего своего имущества и, изъ любви къ женѣ, предоставляя ей право не только безапелляціонно распоряжаться хозяйствомъ, но и, такъ сказать, даритъ ей для забавы корову, курицъ и овечекъ, отъ которыхъ большею частію пользуются его дѣти. Умѣетъ она владѣть коровой—владѣй, а не умѣетъ—сама виновата; пропала—покупай на свои деньги.

Занятій у обоюго пола Таракановцевъ очень много, но эти занятія обезпечиваютъ ихъ кое-какъ. Работать на сторону приходится очень немногимъ мужчинамъ, а женщины работаютъ только на свои семейства, да и то, какъ говорится, бѣгаетъ, бѣгаетъ, всѣ ноги обѣгаетъ, еле-еле до постели доберется. Жизнь женщины на заводѣ все равно что колесо, медленно движущееся, и только развѣ какой нибудь важный, изъ ряда обыкновенныхъ, случай явится въ какой нибудь день, только тогда это колесо приостановится не надолго. За то и бываетъ же отдыхъ этому колесу, такой, гдѣ женщина не только вполнѣ являетъ себя хозяйкой дома, но даже дѣлается госпожей надъ всѣмъ домомъ.—Это заводскіе праздники.

II.

Много разныхъ Глумовыхъ въ таракановскомъ заводѣ: есть Глумовъ приказный въ главной заводской конторѣ, есть Глумовъ портной, есть Глумовъ нарядчикъ, пятокъ другихъ Глумовыхъ уже находится на покоѣ, а пять еще находятся въ работахъ или въ самомъ заводѣ или въ другихъ заводахъ, подвѣдомственныхъ таракановскому, и большинство этихъ Глумовыхъ въ родствѣ между собою не состоятъ, но всѣ эти Глумовы — ничто въ сравненіи съ извѣстнымъ родомъ Глумовыхъ, — родомъ Якова Петровича. Вотъ этихъ-то Глумовыхъ знаетъ почти весь заводъ, начиная съ маденькихъ ребятъ. Потомки Якова Глумова горди-

лись своимъ предкомъ, потому что онъ сѣумѣлъ одинъ поставить крестъ на соборную колокольню губернскаго города. Дѣло было такъ: Яковъ Глумовъ обладалъ порядочной силой и ловкостью; онъ занимался преимущественно постройкой домовъ. Пристрастившись къ этому занятію, онъ ушелъ на заработки и вотъ, въ губернскомъ городѣ, ему представился случай отличиться: нужно было поставить крестъ на соборной колокольнѣ. Всѣ рабочіе, участвовавшіе при построеніи собора, затрудились поднять крестъ на колокольню; недоразумѣніе состояло въ томъ: какимъ образомъ подняться по шпигу, имѣющему вверху пространства двѣ четверти ширины. Другое-бы дѣло—изъ нутра продѣть, но изъ нутра неловко, да и одному не справиться, а двоимъ тѣсно. И странное дѣло: четыре человѣка занимались обивкой шпигу, но никто изъ нихъ, кромѣ Якова Глумова, не рѣшился исполнить такое трудное дѣло, потому что всякій боялся: ну, какъ слетитъ съ верху! Колокольня стояла два мѣсяца безъ креста, начальство вызывало охотниковъ, предлагало большія деньги, но желающихъ не являлось, а Яковъ Глумовъ,—еще за два мѣсяца хваставшійся товарищамъ и горожанамъ на работѣ, въ питейныхъ и на рынкѣ, что какъ ни поймаютъ, а безъ него не поднимутъ креста, — помалчивалъ. Онъ былъ человѣкъ гордый и ждалъ, что за нимъ придутъ, ему поклонятся. И онъ не ошибся. Явился архитекторъ, разсыпался въ любезностяхъ, наговорилъ кучу вздору и сталъ упрашивать Глумова. „Нѣтъ, отвѣчалъ Глумовъ, я человѣкъ семейный и зашто же я стану жизнь свою губить?“ „Нить тысячъ назначено тому, кто подниметъ крестъ.“ „Я развѣ пять тысячъ стою своимъ дѣтямъ: дѣти отъ меня науку только-что начали примать.“ Наконецъ уломали кое-какъ Глумова взяться за дѣло. Назначенъ былъ день, народу къ собору собралось чуть ли не весь городъ, да еще приѣзжихъ сколько понаѣхало. Лѣса съ колокольни еще не были убраны до колоколовъ, а выше лѣсовъ не было. Крестъ стоялъ у перилъ. Но Якова Глумова не было. Наконецъ явился и онъ. Это былъ низенькій человѣчекъ, съ блѣднымъ лицомъ, одѣтый очень просто. „Четыре человѣка со мной!“ крикнулъ Яковъ Глумовъ, гордо озирая праздную толпу, и пошелъ. Черезъ полчаса онъ былъ на колокольнѣ, полчаса его не было видно, черезъ часъ онъ явился на колокольнѣ и кричалъ стоявшимъ на лѣсахъ рабочимъ: привязывайте крестъ, но такъ какъ они возились долго, то онъ спустился самъ, и самъ обвязалъ крестъ, какъ нужно. Потомъ онъ привязалъ крестъ на спину и гдѣ задѣвая за крышу, гдѣ по веревкѣ, въ полчаса добрался до шпигу. Отдохнувъ немного, онъ въ пять минутъ очутился на верхушкѣ шпигу и сѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало. Это очень удивило народъ. Когда же онъ спустился со шпигу, его осыпали распросами: какимъ образомъ могъ онъ сидѣть на шпигѣ, но онъ отвѣчалъ: „это дѣло мое.“ Собравъ много денегъ, Глумовъ сталъ гулять, и хотя городское начальство сначала поблажало герою, но на-

конецъ дурачествамъ Глумова не было границъ и его принуждены были послать въ таракановскій заводъ, гдѣ онъ еще больше сталъ безчинствовать, на основаніи того, что онъ герой и героемъ его прозвали большіе люди.

Этотъ Глумовъ, какъ говорятъ, сгорѣлъ съ вина, и послѣ его смерти не осталось ни копѣйки денегъ сыновьямъ и дочерямъ.

Сыновья Глумова пошли въ отца, но имъ, подобно отцу, героями не случилось быть, а приходилось пользоваться отцовскою славою, на основаніи которой, одинъ изъ братьевъ былъ даже выбранъ Козьямъ Болотомъ въ старинины, т. е. въ начальники надъ раскольниками, но это начальство продолжалось недолго: его посадили въ острогъ и сослали въ каторжную работу за какое-то преступленіе.

Въ настоящее время существуютъ въ Таракановскомъ заводѣ внуки Якова Глумова: Тимофей Глумовъ, Маланья Степановна съ дочерью Прасковьей и двумя сыновьями: Ильей и Павломъ.

Живутъ они въ Козьемъ Болотѣ въ десятомъ домѣ по лѣвую руку. Здѣсь кстати замѣтить, что новыхъ домовъ тутъ не строятъ на томъ основаніи, что съ новымъ домомъ много хлопотъ, да и у рабочаго человѣка очень немного свободнаго времени, которое идетъ на починку сапоговъ или кое-какихъ поправокъ, нанять же для этого плотника не на что. Кромѣ этого рабочіе, на старости лѣтъ обратившіеся въ раскольниковъ, такого мнѣнія на счетъ новинъ, что строить новый домъ и грѣхъ, и гордость,—потому что какого мнѣнія будутъ остальные товарищи: осрамить и будутъ грызть всю жизнь. Подобный случай дѣйствительно былъ. Одинъ рабочій сломалъ вѣтхій домъ, находившійся ближе къ фабричному порядку, зиму онъ прожилъ въ избушкѣ, выстроенной въ огородѣ, а на другое лѣто выстроилъ домъ съ избой и комнатою. Всѣ обитатели Козьяго Болота корили его, называя отщепенцомъ, т. е. отдѣлившимся отъ нихъ и тѣмъ, что онъ на показъ себя выставляетъ, желая увѣрить всѣхъ, что онъ человѣкъ богатый, и на прочихъ плюетъ. Рабочій не находилъ покою нигдѣ, жену его еще больше ѣли, ничего ей не давали въ долгъ и если она, по простотѣ своей, давала кому нибудь муки, квасу или соли, то ей долгъ не возвращали, считая мужа ея богатымъ человѣкомъ; наконецъ домъ этотъ во время страды сожгли и рабочій переселился въ солдатскій порядокъ. *)

Какъ бы то ни было, рабочіе Козьяго Болота не жалуются на ветхость своихъ жилищъ, а каждый свою избушку утыкаетъ мохомъ или паклею, преимущественно мохомъ, потому что ни у одного Таракановца вѣтъ ни пашень, ни полей, на которыхъ бы росъ ленъ, и подпираетъ въ случаѣ надобности бревешкомъ. И такихъ полуразвалившихся домишковъ, какъ домъ нашего героя Глумова, въ Козьемъ Болотѣ не мало.

*) *Порядкомъ* называется часть завода, имѣющая свое особое мірское управленіе—нѣчто въ родѣ отдѣльной деревни.

Настоящихъ хозяевъ въ домѣ Глумовыхъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ было двое: Игнатій и Тимофей Петровичи Глумовы.

Оба брата различились другъ отъ друга родомъ занятій и характерами. Игнатій былъ грубъ и золь и, вѣроятно, поэтому работалъ въ рудникахъ, а Тимофей былъ мягокъ, угождалъ мелкимъ начальникамъ, терся то при полиціи, то при лазаретѣ и наконецъ попалъ въ караульные на гору, гдѣ въ то время существовала *караушка*, замѣнявшая на заводѣ каланчу, хотя въ сущности ея назначеніе состояло въ томъ, чтобы отбивать часы, т. е. смѣны рабочихъ.

Не смотря на то, что Игнатій Петровичъ былъ золь и грубъ съ мелкими начальниками, въ родѣ штейгеровъ и нарядчиковъ. въ товарищескомъ кругу онъ былъ добрѣйшее существо. Сочувствуя каждому человѣку въ томъ, что положеннаго урока такому-то рабочему не исполнить, онъ всегда поддерживалъ мнѣніе, что не дурно было бы посбавить уроковъ, но это мнѣніе не приводилось въ исполненіе потому, какъ говорятъ заводскія бабы: „рабочіе только на словахъ бойки, а коснись дѣло на лицо, у нихъ и каша во рту застыла“. И разсужденіе это довольно мѣтко характеризуетъ трусость рабочихъ. Такъ Игнатій Петровичъ, бывши душою рудничнаго общества на работахъ, въ рудничной избѣ, въ питейныхъ домахъ, въ гостяхъ, нерѣдко подговаривалъ товарищей подать просьбу управляющему объ уменьшеніи урочныхъ работъ. Товарищи голосили, хорохорились; но на другой день вся вчерашняя храбрость исчезала и они, махая руками, говорили: „наплевать! Ужъ коли старики наши эти порядки не могли измѣнить, такъ намъ ли ужъ соваться съ свинымъ рыломъ въ золотую лохань.“ Одинъ только Игнатій Петровичъ не измѣнялъ своего мнѣнія. Онъ разъ утромъ, послѣ праздника, опохмѣлявшись съ товарищами, уговорилъ ихъ подписать прошеніе управляющему, прошеніе, написанное очень красно заводскимъ учителемъ Петромъ Савичемъ Курносовымъ. Прошеніе это было подано лично Управляющему. Стали спрашивать подписавшихся и только двое съ Игнатіемъ Петровичемъ высказали свои жалобы, а остальные, боясь наказанія, или молчали, или говорили: „мы такъ; мы ничего...“ Само собой разумѣется, что изъивившимъ претензію пришлось не легко, такъ что Игнатію Петровичу не привелось уже быть повышеннымъ въ рабочей іерархіи, хотя онъ былъ изъ лучшихъ работниковъ; онъ такъ и умеръ рабочимъ на рудникѣ. Курносовъ же потерялъ учительское мѣсто.

Въ домашнемъ быту Игнатій Петровичъ былъ, по выраженію хозяекъ, золотой человѣкъ. Дѣйствительно, уѣзжая на рудникъ, находящійся отъ завода во ста пятидесяти верстахъ и проработавъ тамъ почти безъ отдыха *два* и три недѣли, онъ возвращался домой измученнымъ и жена его, Матрена Степановна, любившая его нѣжно и занимавшаяся на заводѣ леченіемъ больныхъ, уха-

живала за нимъ, какъ за ребенкомъ; не возражала на его грубыя рѣчи и если когда и случались сцены, такъ это развѣ тогда, когда онъ приходилъ домой пьяный, садился на лавку и начиналъ ругаться, начиная съ десятника и постоянно оканчивая своей женой и дѣтьми, воображая, что въ отравленіи его жизни всѣ участвуютъ. Жена въ это время сидѣла противъ него и доказывала ему, что онъ самъ виноватъ, потому что понапрасну деньги пропиваетъ и хотя думаетъ, что ему весело теперь, да все-таки работалъ онъ на рудникъ не въ послѣдній разъ. Игнатій Петровичъ хотя и возражалъ на эти бабьи разсужденія, но уже поворачивалъ свои ругательства совсѣмъ въ другую сторону и потомъ скоро засыпалъ. Съ женой вообще онъ обходился хорошо, дѣтей не обижалъ.

Хвастался Игнатій Петровичъ только лежа на постели: „али и не Глумовъ? и пьянъ, и сытъ и въ своемъ дому на кровати лежу... Вотъ гдѣ жизнь! А сойди я съ кровати—я скотъ, ничтожная тварь.“ Совсѣмъ другое дѣло—Тимофей Петровичъ. Этотъ еще въ дѣтствѣ слылъ за дурачка, но когда онъ достигъ совершеннѣйшаго, товарищи стали замѣчать, что этотъ дурачекъ себѣ на умѣ и въ насмѣшку говорили, что глумовская порода хоть на комъ нибудь изъ ея роду да проявитъ себя чѣмъ нибудь особеннымъ. Яковъ Глумовъ славу приобрѣлъ долголѣтней опытностію и практикой; вотъ всѣ замѣчаютъ на потомкахъ Глумовыхъ переворачиваніе этой славы только въ другую сторону: сколько былъ славенъ Яковъ Глумовъ, столько же ничтожны теперь его потомки и все это происходитъ отъ гордости. Такъ объясняли Таракановцы, но ничего этого не понималъ или не хотѣлъ понять Тимофей Петровичъ. Идея у него была такая: ссориться со штейгерами и прочею дрянью не стоить, нужно ласкаться къ нимъ и угождать имъ. Онъ такъ и дѣйствовалъ, и его жаловали больше другихъ, хотя онъ почти всегда или сидѣлъ безъ дѣла съ трубкой въ зубахъ или перешаживалъ отъ одной кучки къ другой, забавляя рабочихъ остротами, прибаутками и одною очень смѣшною пѣсней, за которую ему дали названіе „медвѣжьяго вожака.“ И это названіе мало того, что превратилось въ поговорку, но рабочіе еще спрашивали его постоянно: „а скоро ли, Тимошка, кривая ножка, ты медвѣдя намъ будешь показывать?“ На это Тимофей Глумовъ только хохоталъ, или говорилъ смѣясь „а что развѣ не хорошо съ медвѣдемъ ходить“ и начиналъ приплясывать и припѣвать: „а гри — дю грю, да гри де-грю, дя-гри-де-гря!!“ сопровождая эти слова смѣшными жестикуляціями, которые до слезъ и коликъ смѣшили толпу, а нѣкоторые даже сами принимались размахивать руками. Целъзя сказать положительно: эти ли насмѣшки товарищей надъ Тимофеемъ Петровичемъ, или у него дѣйствительно была мономанія, только, на двадцать четвертомъ году своей жизни, онъ промыслилъ себѣ маленькаго медвѣ-

женка; и какъ же онъ ухаживалъ за нимъ! Не пьетъ, не ѣстъ до тѣхъ поръ, пока его пасынокъ, какъ онъ называлъ медвѣженка, не развалится и хоть ты бей его не встанетъ съ мѣста. Онъ даже и спалъ недалеко отъ пасынка, который былъ впрочемъ привязанъ за одинъ уголъ сарая, выходящаго въ огородъ. Сначала этотъ медвѣженокъ наводилъ страхъ на семейство Глумовыхъ, такъ что въ огородъ не только дѣти, но и женщины боялись идти; но потомъ, хотя и привыкли къ нему, — медвѣженокъ ни на кого не кидался, жралъ по-многоу ржанаго хлѣба и никому не надоѣдалъ, — да только медвѣженокъ со временемъ сталъ пошалить, въ родѣ того, что, въ отсутствіе Тимофея Петровича, перегрызалъ веревки и бѣгалъ по грядамъ безъ зазрѣнія совѣсти и даже разъ испугалъ самого Игнатія Петровича, только-что вышедшаго изъ бани освѣжиться. Тогда Тимофея Петровича стали гнать изъ дому, въ противномъ же случаѣ грозили убить его пасынка. Пошелъ Тимофей Петровичъ по заводу, медвѣдя съ собой потащилъ за веревочку. Народъ старый, молодой и малый валитъ за нимъ и хохочетъ.

— А ну-ка, Тимошка, покажи фокусъ-покусъ!..

— Какъ твой барыня капусту въ огородѣ воровала!

— Ой, насмѣшилъ этотъ Тимошка? Хо-хо! глядите медвѣдя его назадъ претъ.

Съ этимъ медвѣженкомъ Тимофей Петровичъ осрамилъ себя на весь заводъ. До спѣхъ поръ онъ только кормилъ его, а такъ какъ объ ученіи его раньше не подумалъ, то теперь, на всѣ приказанія плясать и показывать фокусы-покусы, медвѣженокъ только мычалъ или лежа сосалъ лапу.

Народъ хохоталъ надъ Тимошкой, и тутъ же одинъ рабочій сложилъ пѣсню такого рода, что въ заводѣ появился цыганъ съ медвѣдемъ; вывелъ этотъ цыганъ медвѣдя къ народу, плясать заставлялъ, да вмѣстѣ медвѣдя самъ до того наплясался, что лишь кое-какъ до перваго кабака добрался.

Послѣ этого Тимофей Петровичъ не чудилъ и, въ качествѣ непремѣннаго работника, исполнялъ разныя должности: былъ онъ и при лазаретѣ сторожемъ, былъ и казакомъ при полиціи и всюду слылъ за дурака, которому только и занятія, что быть на побѣгушкахъ, такъ какъ у него ноги казенныя.

Среда, въ которой онъ проводилъ жизнь, была какъ разъ по характеру Тимофея Петровича. Изъ товарищей его многіе были огъявленные плуты и, хотя самъ онъ прежде плутомъ не былъ, но каждый про себя думалъ, что такого плута рѣдко гдѣ сыщешь; эта среда сдѣлала его пьяницей, взяточникомъ и даже воромъ. Вотъ за одно воровство его и сослали на Круглую гору быть караульщикомъ денно и ночью. Это было самое тяжелое наказаніе на таракановскомъ заводѣ.

И дѣйствительно, какое нужно наказаніе рабочему, которому ни почемъ розги, который привыкъ работать въ рудникахъ?

Отдать въ солдаты... Но заводоуправленіе лишится одной рабочей силы, да и за что давать негодяю жизнь лучшую заводской. Вотъ оно придумало устроить на горѣ будку, поставить около будки столбъ, на верху столба сдѣлать подобіе крыши, подъ крышей повѣсить десятифунтовой колоколъ и назначить буяна или мошенника, котораго не берутъ ни розги, ни рудники, сторожить заводъ съ тѣмъ, что этотъ сторожъ можетъ отлучаться съ горы въ заводъ разъ въ сутки, а именно послѣ полуденной смѣны. Отлучка эта заключалась въ томъ, что сторожъ обязанъ явиться въ полицію для того, чтобы показать себя и потомъ запасть въ провизіей.

Но какъ исполнять свою должность Тимофей Петровичъ!.. На первый день онъ перевелъ висѣвшіе въ его избушкѣ стѣнные часы на цѣлые полсутки и ударилъ смѣну; на другой день забилъ въ набатъ. Но это не сошло ему даромъ, и какъ онъ потомъ ни изошрялся, а долженъ былъ исполнять свое дѣло. Однако же исполнять свою обязанность съ грѣхомъ пополамъ. Въ первый мѣсяцъ онъ отбивалъ часы какъ встанетъ, потому что часы стояли и поправить ихъ въ заводѣ было нѣкому, потому что часовой мастеръ не брался ихъ чинить, а новые часы начальство не хотѣло купить. Впослѣдствіи Глумовъ пропилъ и эти часы, т. е. заложилъ въ кабакъ и донесъ полиціи, что въ его отсутствіе часы украли. Глумовъ, какъ и всѣ рабочіе, пробуждался въ четыре часа, поэтому утромъ онъ рѣдко ошибался: иногда развѣ отбивалъ часы часомъ раньше, или часомъ позже—что впрочемъ ему въ вину не ставили. Потомъ онъ ковырялъ сапоги, т. е. клалъ заплаты на худые сапоги, взятые въ починку отъ рабочихъ. Такимъ образомъ, занимаясь починкой сапоговъ, Глумовъ не глядѣлъ на заводъ, отговариваясь тѣмъ, что пожаровъ въ заводѣ давно не бывало. Потомъ онъ затапливалъ желѣзную печь, варилъ что нибудъ и ложился спать и, какъ только выспится, выйдетъ къ столбу; если есть солнышко, то ляжетъ на одну половинку крыши,—сѣверную, служащую часамъ по черточкамъ, сдѣланнымъ на ней: если солнышко лѣтомъ дошло до пятой черточки—двѣнадцать часовъ, зимой до второй—тоже двѣнадцать—онъ бьетъ часы, а потомъ идетъ подъ гору въ заводъ, гдѣ частенько проснитъ не только вечернюю смѣну, но и цѣлую ночь. Въ ненастную погоду онъ отбивалъ смѣну по своему усмотрѣнію и за это его ругали рабочіе, потому что однимъ приходилось работать дольше другихъ и тѣ, которые работали больше, проклинали Глумова и въ глаза называли его взяточникомъ.

Заводское начальство только сперва строго преслѣдовало Тимофея Петровича, но потомъ какъ будто совсѣмъ забыло о существованіи на горѣ избушки съ Глумовымъ, потому что Управляющимъ приказано было завести часы на церкви и эти часы отбивали смѣну. Но сторожъ туда поналея не лучше Глумова.

Рабочіе считали Тимофея Петровича за полоумнаго и постоянно дразнили его тѣмъ, что онъ ничто. Трезвый Глумовъ отмалчивался, но пьянаго его трудно было разувѣрить, что онъ ничего незначущій человѣкъ. Сдѣлавъ руки фертомъ, выпитивъ правую ногу впередъ, онъ доказывалъ всѣмъ, что онъ самъ себѣ господинъ.

— А гдѣ твое господство? спрашивали его рабочіе.

— А избушка на горѣ.

— Эхъ ты. А ты вотъ что скажи намъ: не срамъ это Якову Глумову, что его потомки на горѣ съ чертями живутъ?...

Разъ, это было на третій день Успеньева дня, утромъ, именно въ то время, когда надо идти на работы, раздался на горѣ набатный звонъ. Таракановцы перепугались, многіе кидались изъ улицы въ улицу сломя голову, какъ говорится; многіе всползли на крыши, — дыму нигдѣ не видать и никому въ голову не придеть — взглянуть на гору. Вдругъ одинъ подростокъ кричить:

— Глядите, Тимошка Глумовъ горитъ!

Мало-по-малу всѣ бывшіе на крышахъ стали глядѣть на гору и каждый хохоталъ и дивился премудрости Тимофея Глумова: избушка горѣла, а самъ Глумовъ, стоя у столба, позванивалъ. Полицейское начальство глядѣло изъ оконъ фабрики и кричало Глумову:

— Въ полицію!

— Погибаю! кричалъ Глумовъ что-было силы и не переставалъ трезвонить.

На прудъ выплыло много лодокъ, лодки были полны любопытными. Избушка горѣла ярко, а такъ какъ вѣтру не было, то дымъ поднимался столбомъ къверху.

— Спасайте! кричалъ Глумовъ.

Начальство хохотало. Вотъ на Тимошкѣ вспыхнула рубаха, но онъ ее въ мигъ сбросилъ.

Такъ онъ безъ рубашки и пришелъ на фабрику къ начальству.

— Ты зачѣмъ сожегъ избу? спросили его.

— Видитъ Богъ не я,.. отпирался Глумовъ.

Начальство разсудило, что Глумовъ хитрый проходимецъ, — избу зажегъ и чуть самъ не сгорѣлъ, исполняя свою обязанность, и дало ему, какъ полоумному, чистую отставку съ половиннымъ провіантомъ.

Это было въ тотъ годъ, какъ умеръ Игнатій Петровичъ. Съ тѣхъ поръ Тимофей Петровичъ живетъ въ отцовскомъ домѣ съ семьей брата и по прежнему занимается починкой сапоговъ. Но главное его занятіе состоитъ въ томъ, чтобы стащить изъ фабрики или магазина все, что плохо лежитъ, и это краденое онъ сбываетъ у заводскихъ кузнецовъ, которые, между прочимъ, занимаются и торговлей, какъ въ самомъ заводѣ, такъ и въ горномъ городѣ.

III.

Хозяйствомъ Глумовыхъ прежде заправляла Маланья Степановна, женщина всѣмъ уважаемая въ Козьемъ Болотѣ за то, что она была миролюбиваго характера, права кроткаго и, главное, умѣла лѣчить отъ всякихъ болѣзней травами, часть которыхъ она собирала сама, то въ болотахъ, то въ лѣсахъ, а часть покупала у докъ—таракановскихъ торгашей. Знала ли она въ точности, чѣмъ боленъ такой-то или такая-то, разъяснить довольно трудно, но всѣ знали, что науку лечить она переняла отъ своей бабушки, которая очень любила ее и, желая дать ей какое нибудь независимое ремесло, чтобы имѣть свои деньги, научила ее еще при себѣ лекарскому искусству. Однако, какъ бы то ни было—умирали ли больные отъ ея леченья, или выздоравливали-ли, но она, какъ и бабушка ея, была въ славѣ и ее, почти всѣ больные Козьяго Болота и Медвѣдки приглашали къ себѣ, какъ свою лекарку,—потому свою, что въ каждомъ порядкѣ была непремѣнно своя знахарка, и заводскіе привыкали постоянно къ одной, не подрывая доходовъ другой. Но вдругъ сосѣди и пріятельницы Маланьи Семеновны стали замѣчать, что „наша лекарка какъ будто немножко рехнулась въ расудкѣ“. И этого имъ было достаточно на первыхъ порахъ, чтобы потолковать о всѣхъ качествахъ Маланьи Степановны, и въ числѣ этихъ качествъ стали отыскивать въ ней дурныя стороны, потому что, какъ они понимали, полоумнымъ человѣкомъ чортъ шутить. Изъ боязни ли этого чорта или по недоувѣрію къ знахаркѣ, но Маланью Степановну стали рѣже приглашать къ себѣ, а потомъ пугали ею своихъ ребятъ и совсѣмъ отшатнулись отъ нея. На самомъ же дѣлѣ сосѣдки и пріятельницы Маланьи Степановны не понимали въ чемъ дѣло. У Маланьи было три сына и дочь, изъ которыхъ она особенно любила старшаго Егора; этого-то сына извела работа и наказанія. Ей было горько, она долго плакала, совѣтовалась съ мужчинами и женщинами, сочиняла прошенія и хлопотала, но когда не могла найти справедливости у заводскаго начальства, то впала въ безпамятство и дѣлала часто не то, что бы слѣдовало.

Но это еще ничего. А вотъ умеръ ея мужъ; она, вмѣсто того, чтобы заботиться о похоронахъ, неизвестно куда скрылась и только черезъ мѣсяцъ привезъ ее казакъ въ домъ связанную; но какую... лице ея было избито, въ грязь; руки искусаны; глаза дикіе. Она, то хохотала, то ругалась. Съ полулюбопытствомъ и полуиспугомъ оглядѣли ее сосѣди, стали спрашивать ее, но она, не признавая никого, говорила что-то такое, что никто рѣшительно ничего не могъ понять. Она даже дѣтей своихъ не признавала. Постояла она въ избѣ съ четверть часа и вдругъ выбѣжала во дворъ. Пошли во дворъ сосѣди—она лежитъ подъ

телѣгой и какъ только увидѣла народъ, крадучись, исчезла въ огородъ и тамъ, не обращая вниманія на то, что сѣла на грядку съ капустой, она стала рыть грядку.

— И штой-то стряслось съ ней? спрашивали женщины казачка.

— Ничего не знаю. Повѣренный Талановъ велѣлъ приставить домой.

Такъ никто и не зналъ на заводѣ, отчего сошла съ ума Маланья Степановна: знали только, что она была въ горномъ городѣ, а зачѣмъ—ни отъ кого не добьешься толку.

Такимъ образомъ все хозяйство въ домѣ Глумовыхъ перешло въ руки Парасковьи Игнатьевны, дѣвицы девятнадцати лѣтъ.

На долю русской простой рабочей женщины приходится очень, много труда. Вся ея жизнь до самой старости, до тѣхъ поръ, пока ее не замѣнитъ хорошая помощница, заключается въ томъ, чтобы работать. Примѣровъ искать нечего. Такъ Маланья Степановна занималась хозяйствомъ до сѣумашествія, и только сѣумашествіе, кажется, избавило ее отъ заботъ, но и она не могла жить безъ дѣла. Женщина, если и работаетъ много, то она все-таки сознаетъ, что вѣдь и она хозяйка, и у нея есть свое хозяйство, и она сосѣдями не обижена, спокойно смотритъ въ глаза каждому, и никто, кромѣ ея мужа, не смѣетъ ей сказать худого слова. Другое дѣло, положеніе дѣвушки, подвергающейся почти на каждомъ шагѣ соблазнамъ, не имѣющей такихъ правъ, какъ женщина.

О дѣтствѣ Парасковьи Игнатьевны говорить нечего, потому что какъ и въ заводскомъ классѣ, такъ и въ крестьянскомъ быту воспитаніе дѣвицъ одинаково. Лишь только она начала ходить, лепетать, ее уже заставили возиться съ маленькими братьями и сестрами, которые почти каждый годъ пополняли семейство; но къ несчастію родителей умирали, потому къ несчастію, что чѣмъ больше у рабочаго дѣтей, тѣмъ больше идетъ провіанту, а впоследствии дѣти будутъ помогать родителямъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что родители заботятся только о томъ, какъ бы накормить дѣтей и какъ нибудь одѣть, все же остальное предоставляютъ волѣ Божіей, на томъ основаніи, во-первыхъ, что и сами они росли также, а во-вторыхъ, о теоретическомъ воспитаніи, основанномъ на различныхъ началахъ новѣйшаго времени, они не имѣли никакого понятія. Поэтому всѣ заботы по воспитанію ограничиваются тѣмъ, чтобы выкормить себя поскорѣе работника. Дѣвушка съ двѣнадцати лѣтъ, а иногда и раньше, становится уже работницей въ домѣ; кромѣ того, что она возится съ ребятами, кормитъ ихъ, она должна все дѣлать, начиная съ мытья половъ и посуды и кончая огородомъ,—только мать не даетъ ей доить корову и печь хлѣбы. Въ пятнадцать

дѣтъ дѣвушка становится правою рукой своей матери, и сама, безъ понужденія, знаетъ, что ей дѣлать, а мать только распоряжается, показывая видъ крикомъ, что она, т. е. мать, учить ее какъ жить своимъ хозяйствомъ.

Но при здоровомъ разсудкѣ матери, Парасковья Игнатьевна было гораздо легче, потому что тогда, что нужно было сдѣлать скоро и въ разъ, могло дѣлаться съ долгимъ ворчаніемъ, ненужною ходьбою отъ одной вещи до другой, отъ сѣней до погреба и т. д. Тогда можно было полчаса лишнихъ простоять на выгонѣ, куда выгоняютъ коровъ, можно было потолковать съ подругами, два лишнихъ часа проплясать на вечерахъ, и всѣ эти прогулки кончились бы только тѣмъ, что мать поворчала бы часа три. Теперь же на ея руки было отдано все—и лошадь, и корова, и овцы и даже огородъ. А извольте, наиримѣръ, выполоть огородъ, когда еще надо поить корову, кормить куриць, а тутъ мать пристаётъ съ чѣмъ нибудь. А мать часто надѣдала Прасковью Игнатьевну.

Хотя мать и не злилась на дочь, не бросалась на нее въ припадкахъ раздраженія, но на Маланью Степановну часто приходило то, что пугало не только Прасковью Игнатьевну, но и Тимофея Петровича. Такъ, наиримѣръ, зимой она часто уходила въ огородъ босая и тамъ рылась въ снѣгу; затопятъ баню, она завалится на полокъ и трудно ее выжить оттуда. Какъ-то разъ ночью она затопила печь въ кухнѣ, и суетилась около квашенки и когда ее спросили, что она дѣлаетъ, она отвѣчала: „Олады надо стряпать! Вѣдь сегодня поминки моему Егору,“ и начала ругаться неприличными словами. Тимофей Петровичъ посовѣтовалъ Прасковью Игнатьевну не трогать ее: пусть топить,—дровъ не жалъ, да и теплѣе будетъ, — и легъ спать, но дочь провозилась съ матерью до утра.

Хорошо еще, что Тимофей Петровичъ помогаетъ по-хозяйству. Нельзя сказать, чтобы онъ любилъ молодую хозяйку, но ивогда, пообъдавъ плотно, говорилъ: спасибо хозяйюшка, наормила, напоила—всегда такъ мужу угождай.

IV.

Іюнь мѣсяцъ. Погода стоитъ жаркая. Солнышко жжетъ, на небѣ чисто, въ воздухѣ накопилось много пыли, а дымъ отъ фабрикъ стелется гуще и гуще надъ фабричнымъ порядкомъ. Для ребятъ погода хорошая; они почти всѣ бѣгаютъ на улицахъ, даже дѣвушки сидятъ или на лавочкахъ или на дощечкахъ, положенныхъ въ воротахъ для того, чтобы между землею и половниками воротъ не было промежутковъ. Дѣвушки, какъ водится, сидятъ съ грудными или двухъ-годовалыми ребятами, еще не умѣ-

ющими ходить на ногахъ. Время послѣ обѣденное, и по хозяйству все что нужно сдѣлано, женщины съ чулками или пряжами тоже сидятъ за воротами на тѣхъ сторонахъ улицы, гдѣ солнце, или еще не показывалось, или куда уже сегодня не будетъ показываться. Женщины преимущественно толкуютъ по хозяйству, о какомъ нибудь нарядчикѣ, о какой нибудь коровѣ, рассказываютъ сны, приводятъ примѣры различныхъ уроковъ (несчастливыхъ случаевъ) и т. д. Всѣ онѣ хотя и голосятъ, по заводу растягивая, но голосятъ такъ, что между ними замѣтно согласіе, а той горячки, какую они порютъ до обѣда, теперь и слѣда нѣтъ. Это онѣ отдыхаютъ. Мужья же ихъ и дѣти, подростки, теперь находятся на работѣ; половина изъ нихъ придетъ сегодня вечеромъ, половина завтра. На полянкахъ разосланъ для сушенія холстъ, кое-гдѣ на солнечной сторонѣ заплотовъ сушатся онучи.

И въ Козьемъ Болотѣ сухо, и тамъ та-же картина, какъ и въ другихъ улицахъ. Ребята кричатъ, визжать, хохочутъ, дерутся, ругаются, какъ старшіе; женщины голосятъ; такъ что въ такой узкой улицѣ ничего не разберешь.

Все шло хорошо въ этой улицѣ, только вдругъ четверо парней отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, доселѣ весело игравшіе въ бабки, вдругъ начали драться. Къ нимъ присоединились еще восьмеро; остальные ребята, вѣроятно, чувствуя себя слабосильными переставши играть смотрѣли въ отдаленіи на баталію, и съ удовольствіемъ, и съ завистью, а тѣ, которые были побойчѣе, кричали:

— Хорошенько Яшка Тюньку! Луи его!

Какъ ни кричали женщины на ребятъ, но они не прекращали драться, потому драка была въ крови рабочихъ. Безъ драки не оканчивалась ни одна попойка рабочихъ, если дѣло доходило до разрѣшенія какихъ нибудь споровъ или вопросовъ; парень, обиженный другимъ парнемъ, искалъ случая отомстить ему, а такъ какъ у каждаго парня есть свои пріатели, а у пріателей свои враги, то настоящая драка этимъ и объясняется. Наконецъ, двое ребятъ уже лежали на землѣ съ окровавленными лбами, трое шли въ разныя стороны со слезами, придерживая носы. Но вотъ одна женщина, вооружившись вилами, приблизилась къ драчунамъ и по солдатски крикнула:

— Долго ли еще вамъ баталь-ту производить?

Но ребята еще хуже продолжали свое дѣло. Тогда женщина махнула граблями и двое ребятъ свалились отъ ея удара на землю. Ребята прекратили драку, но начали ругаться во все горло разными непечатными словами. Женщины голосили, пугая парней тѣмъ, что онѣ непременно будутъ жаловаться отцамъ, а тѣ зададутъ имъ хорошую пороню.

— Да разѣ мы сами! кто началъ то, спроси всѣхъ?... оправдывался одинъ рыжеволосый парень.

Женщины не обратили на это оправданіе никакого вниманія, а завели между собой разговоръ о непослушаніи парней.

— Разъ мы? вонъ Илька Глумовъ первый учаль (началь), кричалъ другой парень.

— Ахъ ты бѣлобрысая крыса! А кто бабки-то въ прошлое воскресенье утянулъ...

Мало по малу парни опять вцѣпились въ драву, но въ это время по улицѣ шло чловѣкъ въ сѣренькомъ пальто и черныхъ брюкахъ, въ фуражкѣ съ околышемъ мѣстной формы. На видъ ему было годовъ 28, лицо его карявое, обросшее баками и усами; походка неровная, онъ не то подпрыгивалъ, не то прихрамывалъ и размахивалъ руками.

— Учитель! учитель! тараканій мучитель! голосили ребята, переставая играть, и косили ему глаза, а нѣкоторые дѣлали руки въ боки, поднимали голову къ верху и представляли прошедшаго мимо нихъ учителя.

Учитель на это не обращалъ вниманія, потому что ребята такія штуки выдѣлывали съ нимъ всегда, если не было въ виду отцовъ. Передразнивали они учителя, и вообще всѣхъ носящихъ не зипунъ, потому что имъ смѣшно казалось видѣть чловѣка, живущаго въ одномъ съ ними порядкѣ, не въ той одеждѣ, въ какой ходятъ рабочіе.

— Здорово живете бабоньки! сказалъ мужчина, снявъ фуражку и поклонившись на лѣво, гдѣ около одного дома разговаривали шесть женщинъ.

— Здорово, Петръ Савичъ. Къ Глумовымъ? спросила одна женщина.

Учитель мотнулъ головой и сказалъ:—теплень-то какая, бабы! А? такъ и жеть? а?

— Чево и говорить. А скоро у тѣ свадьба-то?

Учитель рукой махнулъ.

— А што такъ?

Учитель остановился:

— Да вотъ.—И онъ замолчалъ, вѣроятно желая что-то смѣшное выдумать, но только плюнулъ. Въ это время къ учителю подошло нѣсколько ребятъ, изъ коихъ одинъ, годовъ пяти, лепеталъ, протягивая руки къ нему: дядя пляни—икъ! за что и былъ отведенъ матерью за ухо въ сторону.

— Такъ знать свадьбѣ не бывать?

— Не знаю, бабы! Дѣло дрянъ: сами знаете, на три цѣлковыхъ немного наскачешъ.

Учитель пошелъ. Драчуны играли въ бабки.

— Илья? есть кто въ избѣ-то, крикнулъ учитель Ильѣ Глумову.

— Я почемъ знаю! огрызнулся Илья Глумовъ.

— Драть васъ шельмецовъ надо!..

— Самого-то давно-ли въ кузницѣ драли.

Остальные парни захохотали.

Учитель плюнулъ со злости и отворилъ калитку у воротъ дома Глумовыхъ.

— Куда лезешь, кургузый дьяволъ! Говорятъ никого нѣтъ дома, кричалъ Илья Глумовъ и подбѣжалъ къ учителю.

Учитель не то сробѣлъ, не то ему сдѣлалось стыдно, что, безстыжій парень его, учителя, обзываетъ ни за что.

— Я не къ тебѣ иду, свинья.

— Самъ съѣшь. Воровать поди лезешь. И такъ все на меня говорить.

Въ это время во дворѣ показалась Прасковья Игнатьевна, дѣвушка высокая, бѣлолицая, съ голубыми глазами и пепельнаго цвѣта волосами. На ней надѣтъ ситцевый старенькій сарафанъ, на ногахъ худенькіе башмаки, на головѣ платокъ.

— Илька! я тебя, страмецъ, прикрикнула Прасковья Игнатьевна.

Илья обозвалъ сестру нехорошимъ именемъ и ушолъ.

— Здравствуйте, Прасковья Игнатьевна.

— Здравствуйте. За чѣмъ пришли?

— Я... я пришолъ къ Тимофею Петровичу.

— Дома нѣтъ.

— Однако вы, я вижу, сердитесь.

— Самы виноваты: зачѣмъ неприличные слова говорите. Развѣ можно?

— Ну простите... Ей Богу до свадьбы не буду... Такъ прощайте Прасковья Игнатьевна.

Прасковья Игнатьевна не трогалась съ мѣста, а учитель тихонько пошелъ къ воротамъ.

— Такъ вы куда теперь? окликнула учителя Прасковья Игнатьевна.

— Пойду—куда глаза глядятъ.

— Ну не то иди въ огородъ: у насъ огурцы какіе славные. Вошли въ огородъ.

Картофель уже поднялся на полъ-аршина, горохъ видся по тычинкамъ и скрывалъ собою баньку, капустные лдсты начали сжиматься, въ парникахъ между огуречными листьями желтели цвѣточки, виднѣлись зеленые огурцы, а отъ парниковъ, устроенныхъ около сарая, по тычинкамъ, упирающимся въ крышу сарая, тянулись съ листьями вѣтви тыква, которыхъ теперь еще было немного и величиной онѣ были въ кулакъ.

Войдя сюда, холостой человѣкъ могъ позавидовать тому, что все это сдѣлано стараніемъ женщины, все принадлежитъ хозяйству, главное все свое. И надо еще то сказать, что женщинѣ

только и есть развлеченія, что огородъ, за которымъ она, впрочемъ, ухаживаетъ какъ за дитей.

Вдругъ между грядами появилась высокая фигура Тимофея Петровича. Лицо его съ перваго взгляда казалось смѣшнымъ: глаза широкіе съ сросшимися бровями; на красномъ лицѣ множество складокъ и бородавокъ; борода выросла какъ-то въ лѣвый бокъ; волоса кудреватые, рыжіе.

— А! женишокъ явился... Я ужь считалъ: первый вторникъ, говорю, — недѣля, другой, говорю, — двѣ, третій... говорилъ Тимофей Петровичъ, приближаясь къ молодымъ людямъ.

— Ты, дядя, поли.

— Поли. А что дашь?

— Что тебѣ дать-то: рѣпу любишь, да не поспѣла.

— Нѣтъ, ты постой женишокъ, што я тебѣ скажу...

— Слышите Петръ Савичъ... вотъ умора то... Ха-ха-ха!... Ой батюшки!.. хохотала Прасковья Игнатьевна.

— Ты молчи; осержусь.

— Знаю: твое сердце только до лавки дойти... Жениться хочеть...

— Али я рожей на свинью похожъ? Али я не молодець? хорохорился Тимофей Петровичъ, дѣлая руки фертомъ, и отпачивая по привычкѣ лѣвую ногу впередъ, при чемъ лице его еще смѣшнѣе дѣлалось, такъ что молодые люди захохотали.

— Молодецъ Тимофей Петровичъ. Только этой штуки и недоставало послѣ караушки.

Тимофей Петровичъ захохоталъ, икнулъ, вздрогнулъ и сказалъ:

— А кто моя невѣста, это---фю-ю!! Въ пакетъ, братецъ ты мой, запечатано семью печатями. Какъ есть къ вѣнцу... дотоль вамъ и во снѣ не приснится... Въдь, братецъ ты мой, штучка! да еще какая штучка-то!!.. Диво будетъ во всемъ заводѣ—знай Глумовыхъ. Кррахъ!! заключилъ Глумовъ, дѣлая смѣшной жестъ руками и ртомъ. Молодые люди захохотали.

Въ огородъ вышла Маланья Степановна. Это была высокая, худощавая женщина, съ блѣднымъ лицомъ и начинающими сѣдѣть волосами. На головѣ у нея надѣто что-то въ родѣ шапочки; на ней самой поверхъ сарафана шугайчикъ, заплатанный въ разныхъ мѣстахъ. Ноги босые; а подола распластаны, такъ что на висящихъ доскуткахъ много накопилось колючихъ репейныхъ шишекъ.

Увидѣвъ Петра Савича, она скоро подошла къ нему и захохотала, потомъ дрожащимъ голосомъ спросила:

— Табачку-то принесъ?

— Принесъ, баушка, принесъ.—Петръ Савичъ вытащилъ изъ кармана бумагу, въ которой былъ завернуть нюхательный табакъ. Тимофей Петровичъ ушелъ во дворъ. Старуха взяла ще-

потку табаку, нюхнула, еще взяла, — нюхнула. Потомъ схватила бумагу.

— Будетъ, баушка.

— Дай!!.. Ахъ ты полуварначье, нашивальна, гривенка, на колотный пятачекъ.

Петръ Савичъ отдалъ ей бумажку. Она спрятала бумажку подъ шугайчякъ и пошла къ грядамъ. Пройдя не много, она съела и стала выдергивать траву.

— Слава Богу, Петръ Савичъ, нынче не чудить. Сегодня она мнѣ стряпать что есть помогала и даже чуть, постарому, ухватомъ не отвозила меня: я ставлю похлебку въ печь, а она говорить: соли надо, а я вѣдь не маленькая, слава тѣ Господи... сама знаю сколько чего надо. Нѣтъ, говорить, посоли. Ну пристала, даже досадно сдѣлалось.... Соли, говорю, и согрѣшила, заворчала на нее. Она схватила ухватъ, да какъ крикнетъ: што ты ворчишь. А?

— Значитъ, она въ здоровомъ умѣ.

— Како ужъ... Захотѣлъ отъ нея ума... Хошь огурчика?

— Давай, коли не жалко.

Прасковья Игнатьевна нагнулась; на лицѣ показался румянецъ. Она быстро перебирала руками и скоро, не поднимаясь, подала Петру Савичу желтый огурецъ, ростомъ въ два вершка. Минуты черезъ двѣ она выпрямилась, откусила огурецъ и пошла къ грядамъ.

— Посидимъ, Прасковья Игнатьевна.

— Экое посѣдало!.. Все бы сидѣть... Мужикъ еще слава-те... Анъ нѣтъ: вѣдь учитель! и она захохотала.

— Пока не учитель, што дальше Богъ дастъ.

— Хочешь полоть?.. Вонъ ту гряду поли.

— Нѣтъ, я тебѣ буду помогать.

— Помощникъ!! Мѣшать только... Ну, нето иди... Только рукамъ волю будешь давать, крапивою все лицо изжалю. Вотъ-те сказъ...

Пошли они въ середину огорода, присѣли у мака и ихъ стало не видно.

Хорошо сидѣть въ огородѣ, на бороздѣ между грядъ, на которыхъ растутъ овощи, скрывающіе своими листьями отъ всякаго посторонняго взгляда. Кругомъ трава и трава, чиркаютъ въ кустахъ сверчки, дышется хорошо, — такъ и кажется, что сидишь совсѣмъ гдѣ-то не дома, а въ хорошемъ мѣстѣ, изъ котораго бы не вышелъ, если бы сверху не палило солнышко. Но еще лучше сидѣть рядышкомъ жениху и невѣстѣ.

Негодной травы, мѣшающей рости овощамъ, въ каждомъ огородѣ бываетъ много. Такъ и у молодыхъ людей работы было много. Они полчаса молча выдергивали траву, бросая ее на борозду, на которой сидѣли и чуть-чуть подвигались съ мѣста.

Прасковья Игнатьевна, кажется, только тѣмъ и была занята, что выдергивала траву, а Петръ Савичъ вздыхалъ и то и дѣло взглядывалъ на свою невѣсту, которая при каждомъ его вздохѣ улыбалась и на щекахъ ея показывался легкій румянецъ. Разговора ни тотъ, ни другая не начинали.

Вдругъ Прасковья Игнатьевна ударила по рукѣ Петра Савича.

— Такъ помогаютъ! Зачѣмъ рѣшу-то выдергиваешь?

— Насилу-то слово сказала.

— Ты хорошъ: цѣлый день просиди съ тобой—слова не дождешься. А еще слава — женихъ!

— Женихи цѣлуются съ невѣстой.

— Болтай, пустомѣля!.. Это все ты около своихъ писарей перенялъ дурацкую привычку.

— Ей-Богу, чувство такое.

— Ну-ка скажи, ученый человекъ: чувство ли это, што нашъ Управляющій при всемъ при народѣ руку у генеральской дочери поцѣловалъ.

— Заведено ужъ такъ.

— Нѣтъ, ты скажи: вѣдь Управляющій женатъ?

— Порядки такіе — свѣтъ того требуетъ, потому они люди вышіе...

Прасковья Игнатьевна осталась довольна этимъ объясненіемъ.

— Однако, вѣдь ты, Паруша, цѣловалась на вечерахъ!

— Экъ нашелъ какой разговоръ! Цѣловалась и не съ тобой однимъ, а со многими парнями, потому пѣсни такія.

— А все-жъ дружка себѣ съ вечерки выбрала, и послѣ вечерки, помнишь, у лѣсенки, какъ цѣловала...

— Дуракъ! сказала съ неудовольствіемъ Прасковья Игнатьевна и замолчала. Щеки покрылись румянцемъ; она стала тяжело дышать.

Петръ Савичъ обнялъ ее и сталъ цѣловать; она не пренятствовала, а даже сама раза четыре поцѣловала.

— Будетъ, Петя... увидятъ, унимала шопотомъ Петра Савича Прасковья Игнатьевна; но Петръ Савичъ не выпускалъ ее изъ объятій. Прасковья Игнатьевна сама обняла его. Грудь ея поднималась, сердце билось сильно, лицо горѣло.

— Петя... дружекъ... што же это со мной дѣется?

— Это любовь, Паруша...

— Петя, скажи мнѣ по правдѣ: будешь ты водку проклятую пить?

— Не знаю.

— Нѣтъ, ты скажи... А то што-жъ за жизнь! Ужъ я лучше и не пойду за тебя. Не будешь?

— Не буду.

— Ну, побожись.

— Ей-Богу.

— Пить будешь: бить буду... Ну, а што-жь, скоро?

— Свадьба-то?.. Ахъ, Прасковья Игнатъевна, и самъ я не знаю, што мнѣ дѣлать?

— Спроси бабъ, коли самъ не смыслишь. Ну, какой ты мнѣ мужъ будешь? Не даромъ и ребята-то тебя кургузкой зовуть.

— Тебѣ што: у тебя хоть отрада есть—огородъ.

— Выбирай другую, коли я...

— Да слушай, ты совсѣмъ не то... Вотъ у тебя домъ, а у меня ничего... Вотъ мнѣ и совѣстно жениться то.

— А развѣ наши парни не такъ же женятся?

— А я не хочу.

— Ну, и вышель ты дуракъ и больше ничего, и Прасковья Игнатъевна захохотала.

Немного погода, Прасковья Игнатъевна сказала Петру Савичу:

— А коли ты любишь меня, да хочешь, штобы я тебѣ жена была, ты скорѣ женись. Потому такъ не хорошо. Ты мужчина, кто тебя знаетъ, што у тѣ на умѣ, можетъ у тѣ тамъ другая невѣста есть...

— Прас...

— Нѣтъ, ты дай сказать... Можетъ ты это такъ, обмануть меня хочешь... Я вѣдь не игрушка, тоже и разсудокъ, хоть и дѣвичій, да имѣю... Тебѣ ничего, а што наши бабы говорятъ: глядите, говорятъ, дѣвоньки, учитель-то, Курносовъ, повадился къ Глумовымъ ходить... Да еще и почище говорятъ... Я тебѣ-то и говорю: коли ты хочешь жениться—женись: у насъ домъ слава-те Господи, не чужой, а до той поры и не ходи сюда. Вотъ что... А што мы цѣловались сегодня, такъ это ужъ въ послѣдній разъ до свадьбы.

— Вотъ вѣрно ты-то не хочешь выйдти за меня?

— Я съ тобой и говорить до свадьбы не хочу.

— Однако, говоришь... Прасковья Игнатъевна... Развѣ такъ принимаютъ жениха?

Прасковья Игнатъевна пошла прочь изъ огорода. Вошедши во дворъ, она заперла дверь на задвижку.

— Прасковья Игнатъевна! кричалъ Петръ Савичъ.

Прасковья Игнатъевна не откликалась и, минутъ черезъ пять, отперла дверь и захохотала.

Когда Петръ Савичъ вошелъ во дворъ, Прасковья Игнатъевна спросила его:

— Молочка не хотите ли?

— Нѣтъ, покорно благодарю. Прощай...

— Прощайте... Такъ мои слова помнить будете?

— Я твою крестную мать буду просить.

— Ладно. Послѣ завтра я буду у нея: муки надо дать. А вы завтра не приходите. А что она скажетъ мнѣ, я скажу тебѣ въ воскресенье въ церквѣ.

Отецъ Курносова былъ казначеемъ главной конторы, и такъ какъ мѣсто это въ заводѣ считается очень выгоднымъ, то онъ имѣлъ въ фабричной улицѣ полукаменный домъ и нѣсколько тысячъ денегъ. У него былъ братъ, но съ братомъ онъ жилъ не въ ладахъ, да и братъ былъ просто нарядчикъ. Счастье, какъ говорятъ Таракановцы, везло только старшему брату, который разными кривдами и неправдами добился мѣста казначея. Самъ же казначей считалъ себя очень умнымъ человѣкомъ и гордился тѣмъ, что онъ съ тогдашнимъ Управляющимъ въ молодости плавалъ на караванкахъ, т. е. сопровождалъ металлы. Считая брата за невѣжду, грубаго человѣка, онъ не оказывалъ ему ни малѣйшей помощи, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ человѣкъ честный и не желаетъ навлекать—на себя неприятностей со стороны управляющаго. Меньшой братъ ненавидѣлъ его и все его семейство, кромѣ Петра, который частенько воровалъ у отца деньги и приносилъ дядѣ водки и бѣгалъ къ нему изъ училища. Если бы Петръ Савичъ не ходилъ къ дядѣ, то онъ въ послѣдствіи, можетъ быть, и самъ сдѣлался бы казначеемъ. Но ему почему-то нравилось бывать у дяди, проводить по нѣсколько часовъ времени въ обществѣ его товарищей и отъ нихъ-то онъ узналъ всю гадкую сторону, и своего отца, и другихъ лицъ, которые почему-то ему нравились. Такъ продолжалось до выпуска его изъ училища. Послѣ этого, отецъ, желая дать ему еще болѣе образованія, отправилъ его доучиваться въ городъ на господское содержаніе; но въ первый же годъ обученія Петра Савича въ городѣ отецъ его умеръ, а домъ отъ неизвѣстнаго случая сгорѣлъ со всѣмъ имуществомъ и деньгами, и начальство на этомъ мѣстѣ выстроило полицію. Кончилъ Петръ Савичъ ученіе и пріѣхалъ въ свой заводъ съ званіемъ учителя таракановской заводской школы, а такъ какъ въ заводѣ у него не было ни кола, ни двора, то онъ и приткнулся къ единственнымъ родственникамъ—сыновьямъ дяди, двумъ братьямъ куреннымъ рабочимъ, холостымъ людямъ, жившимъ въ Козьемъ болотѣ.

Отсюда началась его практическая жизнь, но жизнь полная борьбы, надломавшая его силы очень рано.

Изъ завода въ городъ онъ уѣхалъ съ разными предразсудками, раздѣляя всѣ таракановскія убѣжденія. Въ то время онъ еще плохо понималъ отношенія крѣпостнаго начальства къ рабочимъ и на оборотъ; но проживши въ городѣ четыре года, онъ, такъ сказать, совершенно переродился, такъ что по пріѣздѣ въ заводъ красивая его внѣшность показалась ему гадкою. Съ первой же недѣли онъ хотѣлъ уѣхать изъ завода, но у него была задача: обучать дѣтей и онъ прівыкъ за это дѣло съ жаромъ.

Въ заводѣ полагалось два учителя: священникъ и учитель, на правахъ мастерового. Обучали въ школѣ чтенію, письму, ариѳметикѣ и закону божію. Свѣтскіе учителя при немъ были пьяницы, на дѣло свое смотрѣли какъ на поживу, на примѣръ, дѣломъ посылали по грибы, по малину, заставляли полоть гряды у себя или у прикащика. Словомъ, это было не училище, а собраніе ребятъ для того, чтобы потѣшаться надъ ними, постегать ихъ, спросить по книжкѣ урокъ ради развлечения и потомъ дать каждому какую нибудь работу. Объ образованіи думалъ только нѣсколько законоучитель, но и тотъ приходилъ въ школу рѣдко. Правда, мальчиковъ въ школѣ было немного: туда отдавались дѣти состоятельныхъ родителей, а бѣдные были такого мнѣнія о школѣ, что тамъ ребята избалуются, да и нѣтъ у нихъ такихъ излишковъ, чтобы давать учителямъ подарки. Но какъ бы то ни было, школа существовала, мальчики ходили туда ради шалостей, а по выходѣ оттуда кое-какъ умѣли писать и маломальски знали ариѳметику. Поступилъ Петръ Савичъ учителемъ, растолковалъ ребятамъ ласково, какъ онъ будетъ учить ихъ и началъ обученіе лаской, за что ребята полюбили его и охотно стали учиться. Къ ариѳметикѣ онъ добавлялъ геометрію, исторію и географію, и эти предметы не заставлялъ онъ силой учить, а кто желаетъ; однако пожелали всѣ, такъ что онъ затруднился на счетъ книгъ, купить которые заводское начальство отказалось. Все шло хорошо, но въ первый же годъ заводскій прикащикъ, завѣдывавшій школой, бывши въ школѣ приказалъ Петру Савичу, чтобы родители учениковъ принесли по рублю денегъ на книги. Зная очень хорошо, что книги обязана покупать главная контора, такъ какъ на содержаніе школы господиномъ назначена извѣстная сумма, Петръ Савичъ возразилъ, что онъ этого исполнить не можетъ, такъ какъ большинство родителей люди бѣдные и имъ дорога каждая копейка.

— Развѣ шустера бѣднѣе меня? Развѣ я не вижу каждый день пьяныхъ? Молокососъ! закричалъ прикащикъ.

— Позвольте мнѣ исполнять свою обязанность: я здѣсь хозяинъ, а вы зритель.

— Что такое? Ты, свинья, ты эдакъ грубить? и прикащикъ ударилъ по щекѣ Петра Савича. Тотъ не выдержалъ и самъ ударилъ по щекѣ прикащика.

Прикащикъ разсвирѣпѣлъ, ребята тряслись отъ испугу. Потребовалъ прикащикъ розогъ, чтобы выстегать учителя, но розогъ въ школѣ не было.

Потребовали Петра Савича къ управляющему заводомъ. Онъ объяснилъ въ чемъ дѣло; тотъ сказалъ: „не твое дѣло! коли тебѣ приказываютъ, ты долженъ исполнять“. И положилъ такую резолюцію на донесеніи главной конторы: „учителя Курносова за нанесеніе побоевъ заводскому прикащику въ школѣ,

наказать въ школѣ же розгами двадцатью пятью ударами.“ Такъ учителя и выстегали въ школѣ въ присутствіи всѣхъ учениковъ и прикащика...

Съ этихъ поръ ребята съ недовѣріемъ стали смотрѣть на своего учителя и такъ какъ онъ былъ смиренный, розгами никого не дралъ, то они перестали заниматься дѣломъ, и если онъ кого нибудь ставилъ на колѣни, то тотъ называлъ его „стеганымъ учителемъ“. Въ другой разъ тотъ же прикащикъ замѣтилъ въ училищѣ геометрію. Смотрѣлъ онъ въ книгу долго, ничего не понялъ.

— Это што-жь? меня кажись такимъ фитулинамъ не обучали. Што это за арцы?

— Это геометрія.

— Бѣсовская книга. Хорошо!—И прикащикъ унесъ книгу, а на другой день потребовали учителя въ главную контору.

— Ты какимъ предметамъ обучаешь мальчиковъ? спросилъ Управляющій.

Петръ Савичъ сказалъ.

— Знаю. Геометрія вещь хорошая, но какое ты имѣешь право безъ моего, понимаешь безъ моего разрѣшенія, преподавать ее? Развѣ мальчишки должны знать *все*. Это для насъ, понимаешь для насъ, для дворянъ эта наука существуетъ.

— Я понимаю по моему убѣжденію такъ, что эта наука развивается...

— Молчать! И если еще будешь преподавать какую нибудь науку—въ рудники сошлю. Взятчикъ, мерзавецъ...

— Позвольте, началъ было Петръ Савичъ, но управляющій всталъ съ кресла и крикнулъ.

— Подъ арестъ на недѣлю?!

Съ этихъ поръ у Петра Савича отпала охота учить дѣтей и онъ сталъ проводить время, то на фабрикахъ, то въ избахъ, рабочихъ, не проповѣдая имъ что нибудь, а просто ради препровожденія времени. На фабрикахъ онъ учился, въ кузницѣ помогалъ лошадей подковывать и высказывалъ, что гораздо лучше бы было, если бы его обучили какому нибудь мастерству, — „а то сдѣлали изъ меня учителя и не даютъ учить, какъ слѣдуетъ“. А такъ какъ рабочіе въ компаніи непременно пьютъ водку, а за неимѣніемъ водки пиво, настоящее на русскомъ табакѣ, который придаетъ пиву дурманъ, то и Петръ Савичъ сначала пробовалъ ради компанства, а потомъ сталъ выпивать по многу и въ пьяномъ видѣ часто приходилъ въ экстазъ, т. е. начиналъ составлять различные планы, что онъ сочинитъ самому генералу прошеніе, въ которомъ опишетъ всѣ плутни заводскаго начальства и завирался до того, что начиналъ говорить стихами,— что до слезъ смѣшило рабочихъ и они стали называть его не иначе какъ стихоплетомъ.

А такъ какъ школу бросить было нельзя, потому что надо получать жалованье и провiантъ, то онъ ходилъ изрѣдка туда, и то съ похмѣлья; рассказывалъ ребятамъ сказки, разныя смѣшныя исторiйки и рѣдко занимался своимъ дѣломъ, предоставивъ занятiя предметамъ старшимъ мальчикамъ. Мальчики обращались съ нимъ безцеремонно, курили табакъ въ школѣ, дрались и играли такъ, что онъ не могъ унять ихъ ни какимъ манеромъ и наконецъ, когда уже они совсѣмъ отбѣглись отъ рукъ, онъ ввелъ розги; тогда ребята стали его побаиваться. Такъ онъ и учительствовалъ съ грѣхомъ пополамъ, пока его не оставили черезъ Игнатiя Петровича Глумова, съ которымъ онъ познакомился съ тѣхъ поръ, какъ поселился у дяди въ Козьемъ Болотѣ. Глумовъ былъ, какъ описано выше, ярый человѣкъ; такой человѣкъ, какъ Петръ Савичъ, былъ ему съ руки и они такъ сошлись другъ съ другомъ, что въ свободное время или Игнатiй Петровичъ проводилъ часа два у Петра Савича, или тотъ у Глумовыхъ.

Поэтому, много объяснять нечего о сближенiи Петра Савича съ Прасковей Игнатьевной. Но это сближенiе случилось „не съ бухты барахты,“ или такъ: подошелъ, наговорилъ любезностей и въ первый же день приступилъ къ изясненiю своей любви, нѣтъ, до однихъ только ласкъ дѣло тянулось съ годъ, да до поцѣлуевъ, и то на вечеркахъ, на которыя Петръ Савичъ былъ приглашаемъ, какъ музыкантъ на гитарѣ, тоже годъ. Все это объясняется тѣмъ, что въ первое время, когда Петръ Савичъ ходилъ къ Глумовымъ, Прасковья Игнатьевна, по его же выраженiю, была цвѣточекъ, до котораго и прикоснуться опасно, да и онъ въ то время былъ современныхъ убежденiй и на женщину смотрѣлъ съ современной точки зрѣнiя; вся его любезность къ женскому полу заключалась въ томъ, что онъ рассказывалъ разныя анекдоты, а не увлекалъ его пустыми вещами, идущими къ любовной цѣли, такъ какъ онъ и не думалъ жениться. Кромѣ того Прасковья Игнатьевна, занятая хозяйствомъ въ то время, когда онъ приходилъ, не вступала съ нимъ въ разговоры и на него почти не обращала вниманiя, такъ какъ она, на равнѣ съ ребятами, недолюбливала приказныхъ. Потомъ, когда онъ сталъ попивать водку и махнулъ рукой на всѣ идеи и рѣшилъ быть человѣкомъ практичнымъ, личность Прасковьи Игнатьевны стала ему показываться чаще и чаще. И сталъ онъ постоянно думать о ней и о себѣ думать, себя сравнивалъ съ ней и разницы не находилъ, хотя и считалъ себя развитѣе ея... Когда же онъ раздумывался о настоящей своей жизни, о томъ, что дальше съ нимъ будетъ, то онъ прочь гонялъ мысль о женитьбѣ: у него нѣтъ лишней копѣйки, а зарабатывать деньги какимъ нибудь ремесломъ онъ не въ состоянiи, потому что и долота не умѣетъ правильно держать; разъ какъ-то сталъ доску пилить, пилу сломалъ. Но какъ ни старался гнать прочь мысль объ женитьбѣ, но образъ любимой дѣвушки такъ и рисовался

передъ нимъ... „Чортъ знаетъ, что такое дѣлается со мной!“ говорилъ онъ и начиналъ играть на гитарѣ какую нибудь пѣсню; заиграетъ, сердце такъ и поетъ, хочется идти къ Глумовымъ, ну и пойдетъ, а какъ увидитъ Прасковью Игнатьевну, сробѣетъ, слова не найдетъ сказать, а та еще по-просту издѣвается надъ нимъ, несчастнымъ горемыкой.

А чѣмъ дальше, тѣмъ эта привязанность къ милому существу росла и росла, а тутъ не стерпѣлъ, пустился плясать съ Прасковей Игнатьевной, да потомъ все съ ней и плясалъ, такъ что парни сердились на него и не разъ хотѣли побить, да сама Прасковья Игнатьевна заступилась за него; ну а ужъ если дѣвушка заступается за кавалера, то тутъ дѣло не просто.

Родители часто между собой поговаривали; „а славный этотъ Петръ Савичъ; главное голова у него золото. Вотъ бы нашей-то краля. Съ его головой далеко можно уйдти“. И приводили примѣры, какъ одинъ приказный, называвшійся въ заводѣ златописцомъ за то, что красиво переписывалъ, въ Управляющіе вышелъ. И разъ даже, въ Успенѣинъ день, подгулявшіе родители велѣли поцѣловаться молодымъ людямъ, что привело въ замѣшательство Петра Савича.

— А вѣдь краля, не писанная, а настоящая... хвастался Игнатій Петровичъ.

— Ну-ко, женишогъ, цѣлуйся, настаивала мать, а за ней и гости.

Правда, что это была потѣха родителей подъ веселую руку, чего бы они не придумали въ другое время, но съ этихъ поръ Петръ Савичъ оковчательно рѣшился жениться и ни на комъ больше, какъ только на Прасковѣ Игнатьевнѣ.

— Ну и заварилъ же я кашу? думалъ часто Петръ Савичъ; но какъ ни думалъ, а все-таки приходилъ къ тому заключенію, что жениться лучше: тогда онъ привяжется къ дому, будетъ чѣмъ нибудь заниматься; наконецъ будетъ выслуживаться или заискивать расположенія начальства, по пословицѣ: „съ волками жить, надо по волчьи выть.“

И Петръ Савичъ сталъ шить сапоги, чему онъ обучался болѣе года. Но работы было очень немного, потому что въ заводѣ были цеховые мастера получше его; рабочіе отдають своимъ пріятелямъ, въ родѣ Тимофея Глумова, и за работу даютъ косушку или шкаликъ. Остается работать на городѣ; но и это все-таки воходить на авось, да и его трехъ-рублеваго жалованья, какое онъ получаетъ изъ главной конторы за переписку бумагъ, едва-едва на полмѣсяца хватаетъ.

Еще осталась одна надежда: не сдѣлаютъ ли опять учителемъ, такъ какъ учительское мѣсто еще не занято. И онъ рѣшился сходить за протекціей къ священнику.

V.

Смутно и медлинно просыпаются понятія Таракановскихъ дѣтей. Долго—они не понимаютъ смысла словъ, въ родѣ „женихъ, невѣста“, которыми ихъ называютъ родственники за красоту, за высокій ростъ или за послушаніе и за какую нибудь услугу, за которую подарить мальчика или дѣвочку не имѣется сластей. Потомъ они начинаютъ понимать, что женихъ и невѣста—это такія особыя личности, которыхъ будутъ вѣнчать въ церкви, а отсюда и вытекаетъ то обстоятельство, что въ заводѣ при каждой свадьбѣ дѣти наполняютъ церковь, желая узнать, что такое женихъ и невѣста. Это до десяти и до двѣнадцати лѣтъ. Съ этого времени родители часто ругаютъ дѣвицъ дылдами, дѣвицы спятъ зимой на полу, одѣвшись своими сарафанами: такъ приучаютъ ихъ родители для того, чтобы онѣ вставали раньше матерей; попрекаютъ ихъ и тѣмъ, что онѣ много ѣдятъ и не умѣютъ ничего дѣлать и, желая приучить дѣвушку къ дѣлу, говорятъ: „вѣдь ужъ слава тѣ Господи, невѣстой смотришь, хошь куды подѣ вѣнецъ... Попадется вотъ уже тебѣ мужъ—вышколить онъ тебя.“ Слова эти болѣе и болѣе врѣзываются въ голову дѣвушки, но она все еще не понимаетъ сущности слова—жена и мужъ, и хотя она и поетъ пѣсни любовнаго содержанія, все-таки изъ этихъ пѣсенъ она не понимаетъ ни одного слова, даже не можетъ рассказать на словахъ отъ перваго до послѣдняго слова содержаніе пѣсни, и поетъ, какъ шарманка, для того, что хочется пѣть. Правда, дѣвушки играютъ въ клетки, въ куклы, называютъ куколъ женихами и невѣстами, клетки домами, комнатами, но это не болѣе, не менѣе, какъ представленіе того, что онѣ замѣтили, что онѣ слышали и чего не могли понять. Но вотъ матери говорятъ дѣвушкамъ, чтобы онѣ не долго ходили туда-то; усиливаютъ надъ ними надзоръ такъ, что частенько доводятъ ихъ до слезъ: хочется на улицу выйти—поиграть или попѣть, и вдругъ не велятъ, а прежде можно было. И если дѣвушка гдѣ нибудь замѣшкается или заговорится съ какимъ нибудь парнемъ на глазахъ матери, то ее ругаютъ и даже бьютъ, объясняя при этомъ, что она не большая, чтобы ей калякать съ парнями. Съ пятнадцатилѣтняго возраста, когда дѣвушка обязана въ домѣ дѣлать все, она уже сама стѣсняется идти одна въ лѣсъ, сперва за земляникой, потомъ за грибами и за малиной, потому что, во-первыхъ, въ домѣ ее всѣ называютъ невѣстой, взыскивая уже какъ съ большой, а во-вторыхъ, она уже замѣчаетъ и со стороны другихъ, въ особенности парней, другое обращеніе. Но лѣтомъ еще весело: теплое время какъ-то не заставляетъ дѣвушку много задумываться, потому что тогда у нея есть кой-какія развлеченія: есть огородъ, гдѣ она поетъ, ходитъ съ подругами въ лѣсъ и тамъ поетъ; въ праздничный хорошій день она тоже поетъ съ дѣвушками пѣс-

ни въ хоровахъ и даже играетъ съ парнями въ мячикъ; а зимой она постоянно находится въ домѣ и въ свободное время или прядетъ, или вяжетъ, или что нибудь починиваетъ и въ это же время преимущественно думаетъ и думаетъ о томъ: неужели и она скоро будетъ замужемъ и какимъ образомъ это устроится? И воспоминаетъ все, что ею усвоено доселѣ: жизнь ея подругъ, лѣтнія сцены, прошлогоднія вечерки и при послѣднемъ представленіи она чувствуетъ трепеть и въ то же время что-то радостное. Наступаетъ время вечерокъ, родители безпрекословно отпускаютъ дѣвицъ на вечерки, даже дозволяютъ имъ мазать лице мѣломъ, брови сажей, даютъ зипуны и т. д. Съ радостью бѣжитъ дѣвушка на вечерку. гдѣ участвуютъ преимущественно молодые люди обоихъ половъ, приглашенные по выбору родителей. Приходитъ она туда, ее сначала осмѣиваютъ, потомъ садятъ, угощаютъ орѣхами и пряниками; парни острятъ то надъ той, то надъ другой дѣвицей, шиплются, — потому что здѣсь это дозволяется и, чѣмъ рѣчиствѣе и острѣе парень, тѣмъ онъ больше нравится дѣвицѣ, такъ что всѣ его дурныя стороны, обиды, какія онъ нанесъ дѣвушкамъ до сихъ поръ, теперь забываются. Потомъ начинаются пляски съ различными пѣснями. Прежде дѣвушка только пѣла эти пѣсни, не понимая въ нихъ ни одного слова, здѣсь же, послѣ каждаго періода слѣдуетъ поцѣлуй... Къ концу вечерки полный разгаръ: дѣвицы и парни уже выпили не по одной рюмкѣ сладкой водочки, каждая дѣвица къ одинадцати часамъ получила до сотни поцѣлуевъ, лицо ея разгорѣлось, кровь волнуется, съ парнями она, какъ съ своими братьями, обращается, парни ей милы, ей хочется еще плясать, плясать всю ночь съ ними, и она пляшетъ до усталы, кончая послѣдней пѣсней, повторяющейся по нѣскольку разъ. Пѣсня эта заключается въ слѣдующемъ: посреди комнаты поставятъ стулъ, на этотъ стулъ садится парень, вокругъ этого парня ходятъ дѣвушки съ своими кавалерами, такъ что Марью держитъ за лѣвую руку Навель, правую руку Ивана держитъ Саша, лѣвую Павла Прасковья и т. д.; идя медленно, всѣ они поютъ протяжно пѣсню:

Сидитъ дрема, (2 раза).
 Сидитъ дрема, сама дремлетъ.
 Полно дремушка дремати:
 Время дремъ, (2 раза).
 Время дремъ выбирать.
 Бери дрема, (2 раза).
 Бери дрема, кого хочешь.

Въ это время парень, сидящій на стулѣ въ кругу, долженъ выбрать дѣвушку изъ круга, и онъ схватываетъ ту, которая ему болѣе нравится. Кругъ поетъ:

Сади дрема, (2 раза).
 Сади дрема на колѣни.

Парень садить дѣвицу на колѣни, обнимаетъ. Кругъ поетъ:

Цѣлуй дрема (2 раза);
Цѣлуй дрема сколько хочешь.

Парень радъ случаю, а дѣвица, если ей не по нраву парень, не рада, что попала къ нему, но ужъ порядокъ такой—надо его выполнять съ точностью.

Вечерки и балы одно и тоже. На вечеркѣ пляшутъ дѣвушки необразованныя, дѣвушки рабочія, которыя еще не построили себѣ идеаловъ, потому что ихъ умственное развитіе сосредоточивается на тѣхъ же заводскихъ людяхъ, которыхъ они, или знаютъ, или видятъ; цивилизованный классъ устраиваетъ балы, маскарады и проч. и дѣло все-таки кончается тѣмъ же, только въ болѣе изящномъ видѣ.

Послѣ этихъ вечеринокъ заводская дѣвушка начинаетъ скучать болѣе прежняго, начинаетъ серьезно подумывать о томъ парнѣ, который больше нравился ей на вечеркѣ и если она бываетъ на вечеркахъ часто, то эти пляски и поцѣлуи доводятъ ее до привязанности къ молодому человѣку, о которомъ она думаетъ и день и ночь. Тоже самое происходило и съ Прасковьей Игнатьевной. Такъ какъ она была самая красивая дѣвушка въ своемъ порядкѣ, то у нея много было поклонниковъ, что очень не нравилось ея подругамъ и онѣ постоянно корнили ее тѣмъ, что она своей *намазанной рожей* всѣхъ парней отбила отъ нихъ. Но Прасковья Игнатьевна не чувствовала особенной привязанности ни къ одному парню, такъ какъ она не знала, кто изъ нихъ лучше и милѣе, къ тому же она была дѣвушка гордая, считала себя красивой, а въ каждомъ парнѣ находила многіе недостатки. Такъ было до шестнадцати-лѣтняго возраста, когда ее въ Коземъ Болотѣ всѣ стали называть невѣстой. На шестнадцатомъ году ей понравился одинъ парень Семень Горюновъ. Она его видѣла въ первый разъ, поэтому-то, вѣроятно, онъ и заинтересовалъ ее. Парень этотъ былъ изъ фабричнаго порядка. Надумавшись раньше, что ее рано или поздно родители отдадутъ замужъ, она, между прочимъ, составила себѣ такой идеалъ своей любви: женихъ долженъ быть моложе ея, красивъ, рѣчистъ, умѣлъ бы ее ласкать, не ругался бы разными словами, а все бы сидѣлъ съ нею да говорилъ ей хорошія рѣчи. Главное, чтобы онъ не былъ пьяница и драчунъ. На вечеркѣ Семень Горюновъ явился дѣйствительно такимъ: это былъ румяный, высокій парень, одѣтый чисто. Велъ онъ себя и прилично, и съ достоинствомъ, приятно какъ узнала тутъ же Прасковья Игнатьевна, онъ былъ сапожникъ и человѣкъ трезвый. Прошло четыре вечерки, Горюновъ только съ нею и пляшетъ и она такъ привязалась къ нему, что почти каждый праздникъ отпрашивалась у матери къ обѣднѣ и проходила съ нимъ нѣсколько улицъ, не смотря на остроты парней и насмѣшки дѣвицъ. Но выйдти

замужъ за него не было суждено Прасковья Игнатьевнѣ; Семень Горюновъ послѣ пасхи женился на дочери штейгера...

А въ это время въ домъ Глумовыхъ уже часто ходилъ Петръ Савичъ и приходилъ постоянно трезвый.

Замѣчая привязанность ея родителей къ учителю, вниманіе учителя къ ней, частые подарки его и ласковый разговоръ, она, разобитая поступкомъ Горюнова, считая всѣхъ парней обманщиками, стала подумывать, не лучше ли ей выйдти замужъ за человѣка старше ея, такого человѣка, котораго и отецъ ея любитъ. Стала она считать жениховъ въ Козьемъ болотѣ и Медвѣдкѣ, насчитала ихъ много, но всѣ они оказались неподходящими: такъ Яковъ Переплетчиковъ, парень 20 лѣтъ, хоть и видный и водку мало пьетъ, но она никогда не проститъ ему, что онъ ей, пятнадцатилѣтней дѣвицѣ, угодилъ мячикомъ въ самый затылокъ, когда она шла съ водой, отъ чего она упала въ грязь и такъ замарала подолъ, что мать отодрала ее по спишѣ плеткой. У отца Павла Безпалова денегъ много, потому онъ раскольничьимъ попомъ былъ въ лѣсахъ; да что за радость выходить за хромого? Иванъ Фотѣевъ тоже не дурной парень, но мать у него нехорошая женщина, потому что Маланью Степановну до сихъ поръ считаетъ воровкой, тогда какъ сама украдала у нихъ двѣ курицы съ пѣтухомъ и продала на рынкѣ. Есть, правда, еще женихъ въ Медвѣдкѣ, Василій Глумовъ; онъ часто что-то ходилъ къ отцу, но онъ какой-то гордецъ, никогда даже слова ей не сказалъ, хвастается, что онъ мастеръ, ругалъ отца за непорядки какіе-то и, главное, сказываютъ, что у него сестра скверная женщина. Всѣ эти женихи, перебранные Прасковьей Игнатьевной, были, что называется, люди стоящие и о нихъ не одинъ десятокъ дѣвицъ подумывалъ, но Прасковью Игнатьевну бѣсило еще то, что ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ей ни одного любезнаго слова, не только что не посылалъ свахъ къ матери...

Отецъ часто говорилъ матери Прасковьи Игнатьевны, что Петръ Савичъ золотой человѣкъ, какъ будто бы намекая дочери, что такого жениха не скоро сыщешь, потому что онъ уменъ и непременно дойдетъ до важной должности. А этого Прасковья Игнатьевнѣ было достаточно и она стала подумывать о Петрѣ Савичѣ, сравнивая жизнь своего отца съ его жизнью. Жизнь рабочаго человѣка она хорошо понимала; нужду и горе она видѣла на каждомъ шагу. Выйди она замужъ за рабочаго человѣка, — заботы будетъ много, а съ ребятами и вдвое. И она стала мечтать о лучшей жизни, приравнивая къ рабочимъ приказныхъ. Приказныхъ она не любила до тѣхъ поръ, пока не ознакомилась съ Петромъ Савичемъ, и однако находила, что жизнь приказнаго не въ примѣръ лучше рабочаго; считаются они на линіи мастеровъ; въ рудникахъ и въ лѣсу не работаютъ; находится въ виду начальства, содержанія получаютъ больше рабо-

чихъ, жены ихъ ходятъ наряднѣе рабочихъ, дома они имѣютъ порядочные и хоть какъ ни ругаютъ ихъ рабочіе, а все же къ нимъ обращаются съ просьбами. Все это соблазнительно дѣйствовало на требовательную натуру Прасковьи Игнатьевны, ей захотѣлось выйдти изъ рабочаго кружка, довольно грубаго вездѣ, и выборъ ея остановился на заводскомъ учителѣ Петрѣ Савичѣ. Стала она плясать съ Петромъ Савичемъ и на первыхъ порахъ ей обидно становилось, что онъ какъ-то неохотно цѣлуетъ ее, но она это простила ему, потому что онъ, если не поцѣлуями любезенъ, то занимателенъ разговорами: о чемъ ни спроси, все объяснитъ, какъ по писанному, да и она, поговоривши съ нимъ въ углу, на счетъ поцѣлуевъ, согласилась, что дѣйствительно много цѣловаться приторно и даже сказала Петру Савичу, что она охотно бы вовсе перестала цѣловаться на вечеркахъ, такъ какъ почти отъ всѣхъ, кромѣ Петра Савича, изо рта или лукомъ или чеснокомъ пахнетъ. Мало-по малу молодые люди стали разговаривать другъ съ другомъ, стали поигрывать въ карты при родителяхъ, острили другъ надъ другомъ и Прасковья Игнатьевна все болѣе и болѣе привязывалась къ нему и приходила въ заключенію, что Петръ Савичъ именно такой и есть чело-кѣкъ, какой ей нуженъ.

Но вотъ Петръ Савичъ сталъ жаловаться на скверное житье, что его, Богъ знаетъ за что, тѣснятъ; стала она замѣчать, что онъ чаще и больше пьетъ водку, даже къ нимъ приходилъ выпивши, отца уводилъ съ собой и потомъ отецъ возвращался домой пьяный и ругался. Сердце ныло у Прасковьи Игнатьевны, она по долгу задумывалась надъ тѣмъ: неужели Петръ Савичъ собьется съ толку и выйдетъ совсѣмъ негоднымъ чело-кѣкомъ? А такихъ примѣровъ она знавала много. Но опять ей жалко становилось его, потому что, дѣйствительно, какъ онъ говорилъ, его пона-прасну тѣснятъ. Умеръ отецъ; Петръ Савичъ лишился должности; сосѣди говорили, что въ этомъ дѣлѣ виноватъ одинъ Петръ Савичъ, какъ выскочка, который вездѣ суется первый, но Прасковья Игнатьевна находила, что Петръ Савичъ все-таки правъ; она на его мѣстѣ то же бы сдѣлала, и ее, какъ женщину, скорѣе послушали бы, потому что съ нее взятки гладки. Передъ самой смертью отца, Петръ Савичъ изъяснился ей въ любви и она повѣрила этой любви и не находила въ ней ничего дурного. Послѣ смерти ея отца, Петръ Савичъ рѣдко сталъ ходить въ домъ Глумовыхъ, на томъ основаніи, что не хорошо ходить холостому мужчинѣ въ домъ, гдѣ хозяйка дѣвушка, и Прасковью Игнатьевну часто беспокоило, что дѣлается съ Петромъ Савичемъ. Спрашивала она вскользь о немъ Тимофея Петровича, но тотъ шуточно отвѣчалъ: „што ему: пьетъ поди, да просьбы строчить“. Это очень огорчало Прасковью Игнатьевну; она стала сердиться на дядю и подозрѣвать, что онъ, пожалуй, разстроитъ ея счастье.

Послѣ описаннаго выше разговора Петра Савича и Прасковьи Игнатьевны, она долго не могла заснуть ночью. Ее мучила мысль: каковъ-то будетъ дальше Петръ Савичъ. Изъ разговора его она замѣтила, что онъ какъ будто холоднеѣе, чѣмъ былъ прежде. „А если онъ все также будетъ вести себя, тогда наплевать,“ думалось ей. Но ей будетъ скучно безъ друга: работы и заботы по хозяйству много, и для чего это? „Хлопочешь, хлопочешь съ утра до вечера и ни отъ кого спасибо не получишь, не съ кѣмъ даже слова сказать или поговорить толкомъ. Заговоришь съ дядей, онъ отшучивается, считаетъ тебя дѣвкой, съ которой не стоитъ много разговаривать, или начнетъ говорить о Петрѣ, сведетъ на Ивана. На улицу выйдешь, бабы смѣются, надѣдаютъ спросами да распросами: „а скоро-ли у тя, Игнатьевна, свадьба-то?“ дѣвицы говорятъ: „какого ты Глумиха женишка-то подцѣпила: учитель, да еще стеганый.“ А посоветоваться не съ кѣмъ: „крестная мать глухая, все надо кричать, такъ что еще кто подслушаетъ, да передастъ съ прикрасами... То-ли было дѣло, если бы я была замужня... вдова.. какъ бы захотѣла, такъ бы и сдѣлала.“

Такъ думала Прасковья Игнатьевна и додумалась, что Петръ Савичъ человекъ хорошій, только водку пьетъ. „Ну, я буду дожидаться, говорила она, какъ только онъ получить какуюнибудь должность, да не будетъ пить водку, я объявлю ему, что я согласна быть его женой и условіе такое выговорю: жить въ нашемъ домѣ, не обижать мамоньку и полагать ей. Деньги штобы онъ мнѣ отдавалъ, а я уже буду пиво варить, такъ оно и дешевле будетъ и онъ отъ водки отстанетъ, а это конпанство — чтобы его и духу не было. Надо опять и то принять въ расчетъ, што у насъ дѣти будутъ. А если я замѣчу, што онъ все также будетъ пьянствовать, я и на глаза его не пущу; потому, коли хочеть мнѣ мужемъ быть, долженъ любить меня, а што я его прошу, да онъ не исполняетъ, — разѣ это любовь? И ни за кого ужъ я потомъ не пойду замужъ, потому, послѣ этого, выходитъ, что всѣ мушны обманщики и не одному ихнему слову нельзя вѣрить. А одна-то я проживу какънибудь, потому огородъ у меня неотъемлемый, лошадь тоже своя: захотѣла съѣздила въ лѣсъ, дровъ нарубила, руки-то, слава Богу, не отпали,... корова своя...“

VI.

Петръ Савичъ жилъ въ старомъ порядкѣ съ сроднымъ братомъ Иваномъ Яковлевичемъ. Домъ у Ивана Яковлевича былъ новый и состоялъ изъ кухни и комнатки, которая называлась свѣтелкой, въ ней было три окна и довольно свѣтло, а стѣны

и потолокъ оклеены бумагой. Здѣсь было довольно чисто, даже больше было мебели, посуды и одежды, чѣмъ въ домѣ Глумовыхъ. И это потому, что Иванъ Яковлечъ женился не на безприданницѣ, получилъ за нею перину, три подушки, халатъ и даже самоваръ, такъ какъ родныя невѣстки были православныя и любили въ праздники пить чай. Иванъ же Яковлевичъ еще въ дѣтствѣ отсталъ отъ раскола. Жена Ивана Яковлевича, нельзя сказать, чтобы была красивая, но женщина молодая, здоровая, полная и, главное, у нея въ рукахъ дѣло скоро дѣлалось. У нихъ былъ уже ребенокъ — дѣвочка, которая еще качалась въ зыбкѣ. Ребенка всѣ любили, даже Петръ Савичъ по нѣскольку разъ бралъ маленькаго червячка, какъ онъ называлъ малютку Марью, и училъ ее Богу молиться, звать папу, маму и дядю. Ребенокъ былъ бойкій, дядю любилъ даже больше своихъ родителей, при первомъ словѣ отца или матери: „а гдѣ Божинька?“ ребенокъ обращалъ головку къ двумъ образамъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, и колотилъ правой рученкой по груди, что очень забавляло не только родителей, но и постороннихъ.

Иванъ Яковлевичъ преимущественно занимался дѣланіемъ кадокъ, боченковъ и набиваніемъ на тѣ и на другіе обручей желѣзныхъ и деревянныхъ, и такъ какъ во всемъ заводѣ было только двое мастеровъ по этой части, то работа у него была всегда, только половина денегъ уходила на водку. Впрочемъ, онъ пилъ не постоянно, но если ему попадалась рюмка водки, то его уже трудно было остановить, и если бы не жена приберегала деньги, не запирала накрѣпко вещи и потомъ не уходила куда нибудь, то пришлось бы плохо обоимъ, такъ какъ у нихъ корова еще была очень молода и молока давала мало. Трезвый Иванъ Яковлевичъ былъ славный человекъ; постоянно занимался дѣломъ, не совался въ женское хозяйство и, занимаясь чѣмъ нибудь, больше напѣвалъ пѣсни; но пьяный онъ лѣзъ драться хоть будъ тутъ и другъ, и врагъ, отъ чего и самъ бывалъ частенько битъ. Жена его, Маремьяна Кириловна, была существо смирное, тихое, такъ что, если она куда нибудь сядетъ съ шитьемъ или съ чулкомъ, только и слышно ее, когда она съ ребенкомъ возится.

Петръ Савичъ любилъ эту семью, которую онъ называлъ голубями и завидовалъ ихъ жизни. Иванъ же Яковлевичъ съ женой тоже были ласковы съ нимъ, отъ угла и стола не отказывалп; но пьяный Иванъ Яковлевичъ кидался на Петра Савича съ кулаками и тузилъ его въ спину за то, что Петръ Савичъ будто бы пріудариваетъ за его женой, причемъ, если тутъ была Маремьяна Кириловна, доставалось и ей на калачи. Впрочемъ, трезвый Иванъ Яковлевичъ говорилъ Петру Савичу: „ну ты, братъ, не сердись, что я тебя побилъ. Нравъ у меня ужъ такой дрянной съ дѣтства. Вся моя забава въ жизни — на-

питься и подраться съ кѣмъ нибудь, кто на глаза попадется... А што я тутъ жену припелель, такъ это тоже шутка, потому я ее знаю и тебя знаю; вѣдь шила въ мѣшкѣ не утайшь.“

На другой день послѣ свиданія съ Прасковьей Игнатьевной, утромъ, напившись чаю, Петръ Савичъ принядся было за починку своихъ сапоговъ. Поковырявъ немного шиломъ подошвы, онъ вдругъ обратился къ Ивану Яковлевичу, затоплявшему въ кухнѣ печь, потому что Маремьяна Кириловна кормила грудью ребенка.

— Послушай-ко братъ, што я у тебя хочу попросить...

— Ну.

— Нѣтъ ли у тебя съ рубль денегъ?

— На што опять? На водку поди, взъѣлся Иванъ Яковлевичъ.

— Нѣтъ, мнѣ на дѣло нужно. Знаешь ли, что я хочу сдѣлать? — хочу я угостить нашего казначея и отца Петра.

— Выдумывай. Такъ вотъ и пошелъ сюда казначей.

— Думаешь — не поидетъ.

— Даю руку на отсѣченіе. Если бы ты учителемъ былъ въ школѣ и тогда бы онъ не пошелъ, а сказалъ бы: „приду!“ ну и жди его: покамѣстъ бы стали ждать, водку и выпили бы. Да на што тебѣ непременно казначей понадобился, да еще съ отцомъ Петромъ?

— Я думаю опять въ учителя побраться.

— Гм!.. Ну это мудрено што-то послѣ такой исторіи, какъ глумовская. Ну а твоя невѣста што?

Петръ Савичъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Ты братъ, не сердись, право... А вотъ не лучше ли тебѣ сходить къ Переплетчикову. Прикащикомъ-то онъ недавно, теперь принимаетъ всякія просьбы, потому дѣло новое, нельзя же сразу цѣпной собакой сдѣлаться. А онъ слыхалъ я, братъ, изъ ученыхъ; въ столицѣ бывалъ. Это что нибудь да значить.

Петръ Савичъ поковырялъ еще сапогъ, положилъ его подъ лавку и сталъ одѣваться.

— Не знаю, что будетъ, говорилъ Петръ Савичъ. Послѣ такой исторіи, мнѣ право совѣстно проситься опять туда же, откуда выгнали. Проклятое житье!

— Гордость одна тебѣ мѣшаетъ. Вѣдь тоже жили же до тебя учителя, да еще какіе дома настроили: въ двѣ, да въ три горницы.

— А честно ли свое дѣло-то они исполняли?

— Найди ты честнаго человѣка, я тебѣ полштофъ водки поставлю. Право! Да вотъ хоть бы я: честно это заводское добро воровать? Вѣдь я желѣзо беру изъ кузницы, а знаю, что оно воровское и мнѣ попадаетъ почти даромъ. А што я заклепываю обручи дома,—это тоже развѣ честно, потому что полиціи то и

дѣло боишься, хорошо еще нѣтъ такого молодца, который бы донесъ. А вѣдь все нужда. Такъ и ты съ своей гордостью шляйся по міру.

— Да и тебѣ заплачу за все...

— Ну другъ я тебя словомъ не обидѣлъ, а только говорю къ дѣлу. Вотъ ты тоже думаешь жениться; ну и поживи...

— Полно тебѣ, Иванъ Яковлевичъ, толковать-то пустяки! Когда, такъ отъ него слова не дожدهшься, а тутъ такъ ужъ больно рѣчиствъ сталъ, сказала мужу Маремьяна Кяриловна.

Иванъ Яковлевичъ замолчалъ, а Петръ Савичъ вышелъ.

Невесело у него было на душѣ. Все, что онъ видѣлъ теперь вокругъ себя, казалось мрачно, люди, попадавшіеся ему на встрѣчу, казались какими-то врагами; онъ злился и самъ не зная на что. „Вотъ даже и сродный братъ гонить изъ дому“, подумалъ онъ и чѣмъ больше думалъ на эту тему, тѣмъ болѣе приходилъ къ такому заключенію, что дѣйствительно Иванъ Яковлевичъ правъ. Онъ мастеръ, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы достать досокъ, обдѣлать эти доски и сдѣлать вещь такъ, чтобы она была прочна и хороша и чтобы заказчики не бранили его. И все это онъ дѣлаетъ за небольшую цѣну. А надо же прокормить себя, жену, надо же и на черный день запастись чѣмънибудь. Мало ли какіе могутъ быть случаи. А онъ то, Петръ Савичъ, помогъ ли Ивану Яковлевичу чѣмънибудь? Да, помогалъ ему выпивать водку. И вотъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ лишился учительскаго мѣста, прошелъ уже годъ, а онъ все живетъ у брата, ни копейки не отдавая ему, точно тотъ обязанъ кормить его. Поневолѣ человекъ выскажется.

Съ такими мыслями дошелъ онъ до главной конторы. Тамъ, въ первой комнатѣ, онъ увидѣлъ прикащика, который разговаривалъ о чемъ-то съ казначеемъ. Поклонившись обоимъ, онъ ушелъ въ другую комнату, гдѣ занимался постоянно. А такъ какъ у него не было сегодня дѣла, то онъ приткнулся къ двумъ писцамъ, тоже сидящимъ безъ дѣла и разговаривающимъ о рыбной ловлѣ на пруду.

— Вотъ ты, Петръ Савичъ, не ходишь рыбачить, а я вчера сорокъ штукъ карасей поймалъ.

Петръ Савичъ промолчалъ; ему хотѣлось спросить: въ какомъ часу прикащикъ принимаетъ просителей, но вдругъ его позвалъ казначей.

— Вотъ что, Курносовъ; прикащику нужно переписать одну вѣдомость, такъ ты отправься къ нему. Да смотри-скажи, что, молъ, казначей забылъ передать вамъ, чтобы ему привезли на дворъ сажень пятьдесятъ дровъ.

— Гдѣ же я буду переписывать?

— Конечно въ конторѣ.

— Я все хочу побезпокоить васъ насчетъ учительства.

— Ну ужь это, братъ, пѣсня старая. Оно хотя и нѣтъ учителя и теперь бы это дѣло можно устроить, да управляющій-то какъ? Вѣдь онъ тебя знаетъ.

— Но вы можете сказать, что смѣненный прикащикъ былъ самъ скверный человекъ.

— Это можно. Ну, а ты что бы мнѣ далъ за хлопоты?

— Вы знаете, что у меня ничего нѣтъ.

— Я тебя научу. Теперь лѣто; какъ только ты получишь мѣсто учителя, пошли за мальчишками, кромѣ моего парнишка, и объяви имъ, что де управляющій приказалъ имъ: гдѣ хотять, а чтобы на другой день было поймано пятокъ скворцовъ.

— А если они не поймаютъ.

— Это ужь ихнее дѣло. Скажи какъ знаешь: въ работу или какъ... Тогда и ты можешь пожитьяся.

Еще злѣе сдѣлался Петръ Савичъ, но дѣлать было нечего: Иванъ Яковлевичъ говорилъ правду, добромъ здѣсь безъ хлѣба насидишься.

Кончилъ онъ работу прикащику и явился къ нему вечеромъ. Тотъ прочиталъ и довольно вѣжливо спросилъ его:

— Ты гдѣ воспитывался: въ заводѣ или въ городѣ?

— Въ городѣ. Назадъ тому годъ я былъ здѣсь учителемъ, но бывший прикащикъ допекъ меня за то, что преподавалъ геометрію.

— Скотина! Такъ развѣ наша школа безъ учителя?

— Да.

— Хорошо. Я управляющему сегодня же скажу о тебѣ, и вѣлю назвать школу училищемъ съ двумя свѣтскими учителями и законоучителемъ.

— Я еще хочу спросить васъ: какъ я долженъ поступать въ такихъ случаяхъ, если будутъ получаться приказанія со стороны начальства; напримѣръ, посылаютъ мальчиковъ рыбу ловить, велятъ приносить денегъ на образъ.

— Ну?

— Я нахожу, что это несправедливо.

— Конечно. Я этого не допущу въ училищѣ... Завтра же ты собери вѣхъ ребятъ, которые учатся и объяви имъ, что я послѣ завтра буду. Чтобы они всѣ одѣлись чисто, вымылись въ банѣ и волосы остригли; понимаешь, по городски... И если я найду училище въ порядкѣ, прикажу тебѣ выдать пособіе. Женавъ?

— Никакъ нѣтъ. Хочу жениться.

— Прекрасное дѣло. Учитель непременно долженъ быть женатымъ. А если казначей спроситъ дровъ, такъ ты скажи ему, что я подумаю. Лѣсъ-то вѣдь не мой, господскій.

И веселъ же вышелъ отъ прикащика Петръ Савичъ. Такой справедливости и милости онъ еще не знавалъ доселѣ въ заво-

скомъ крѣпостномъ начальствѣ. А радоваться ему было отчего, потому что ужь если что сказалъ прикащикъ, такъ тому и быть; недаромъ прикащикъ въ заводѣ первое лицо послѣ управляющаго, недаромъ прикащикъ всѣми заводскими дѣлами заправляетъ...

Повеселѣлъ и Иванъ Яковлевичъ, на радостяхъ онъ купилъ водки и закутилъ...

Созваны были мальчики въ школу, явился туда и прикащикъ. Ребята были дѣйствительно причесаны, умыты, рубашенки тоже прилажены. При появленіи прикащика они, по обыкновенію, крикнули: здравіе желаемъ!

— Ну, ребята, вотъ вамъ учитель. Школа теперь преобразована въ училище и предметовъ въ ней будетъ больше. Слушаться учителя! А ты, учитель, дери ихъ, какъ только можно. Слышите?! Всѣ приказанія учителя исполнять, иначе на работы сошлю. Ну, теперь по домамъ до августа мѣсяца. Сказавъ это, прикащикъ ушелъ.

Петръ Савичъ былъ введенъ въ учителя.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что мальчики, образующіеся въ школѣ или заводскомъ училищѣ, не только освобождаются отъ работъ, но получаютъ отъ заводоуправленія, по положенію, провіантъ, и даже деньги,—нѣсколько коп. въ годъ. По окончаніи ученія въ школѣ они поступаютъ, если годны, въ писаря.

Пошелъ Петръ Савичъ въ главную контору; тамъ казначей, поздравивъ его съ учительской должностію, спросилъ:

— А скворцы?

— Прикащикъ объявилъ ученикамъ, чтобы они, кромѣ ученія, никакихъ порученій не исполняли.

— Хорошо. Я спрошу прикащика... Изволь-ка вотъ это переписать...

Черезъ недѣлю Петръ Савичъ получилъ пособія пятнадцать рублей и ему назначили по должности учителя пять рублей жалованья и двойной паекъ провіанту; выдали также и билетъ на порубку дѣса въ двойномъ количествѣ, противъ количества, назначеннаго писарямъ.

Прошло двѣ недѣли, а Петръ Савичъ не являлся къ Прасковѣ Игнатьевнѣ: онъ, то хлопоталъ о деньгахъ, то о провіантѣ, то гулялъ съ пріятелями, а тутъ на недѣлю уѣзжалъ въ городъ за покушкой обновъ къ свадьбѣ, но и въ хлопотахъ онъ все-таки не забывалъ свою невѣсту—она была для него теперь дороже всѣхъ.

А между тѣмъ, въ эти двѣ недѣли, Прасковья Игнатьевна много передумала худого и хорошаго насчетъ Петра Савича,

Въ ту ночь, когда она составила планъ будущности, ей приснилось, что она обрѣзала свою косу; когда она пробудилась, ее пробрала дрожь отъ этого сна. Таракановцы вѣрятъ въ сны и многіе изъ нихъ они отгадываютъ. Такъ, обрѣзать косу во снѣ, значитъ быть большому несчастію; взлѣзть на гору тоже и т. п. Поэтому Прасковья Игнатьевна, дѣвушка суевѣрная, очень испугалась и стала думать: какое такое съ ней—именно съ ней,—случится несчастіе? Развѣ корову украдутъ? Но вѣдь она себѣ обрѣзала косу. Развѣ мать умретъ; но она хоть и мать, а все же жалко на нее смотрѣть, ужь хоть бы она померла. Нѣтъ! несчастіе должно непременно съ ней случиться, и несчастіе большое.....

Затопила она печь, управилась съ коровой, овечками, курами. Тимофей Петровичъ сталъ одѣваться.

— Ты, дядя, куда?

— Туда, гдѣ насъ нѣтъ.

— Обѣдать будешь?

— Объ этомъ сорока на двое сказала.

„Толкуй съ дуракомъ“, подумала Прасковья Игнатьевна и занялась своимъ дѣломъ, однако спросила дядю:

— Слышь, дядя, какой я сегодня сонъ видѣла, косу обрѣзала... Такъ-таки по корень обрѣзала. А куды ее дѣла, не знаю.

Тимофей Петровичъ подумалъ немного, приложилъ указательный палецъ правой руки къ правой ноздрѣ и, отпятивъ лѣвую ногу впередъ, съ достоинствомъ знатока, сказалъ:

— Эко дѣло! Женихъ, надо быть, улизнетъ.

— Ужь отъ тебя не жди хорошаго, сказала обиженная Прасковья Игнатьевна.

Дядя ушолъ, а Прасковья Игнатьевна стала ходить изъ горенки въ избу, сама не зная зачѣмъ. Она, казалось, ни о чемъ не думала. Потомъ остановилась у зеркала, поглядѣла въ него и вдругъ вскрикнула и убѣжала во дворъ. На нее напала дрожь.

— Дѣвка! услышала она знакомый голосъ.

Недалеко отъ нея стояла мать съ охалкой картофельной мякны.

Прасковья Игнатьевна подошла къ ней и вдругъ кинулась ей на шею.

— Мамонька! голубушка...

Маланья Степановна присѣла и начала выть. Повыла она немного и стала ругаться. Прасковья Игнатьевна испугалась за мать. Въ это время пришелъ Илья Игнатьичъ.

— Парашка, ись.

— Погоди, съ матерью ишь што приключилось.

Илья поглядѣлъ на мать издали и пошелъ въ огородъ, нацѣвая: „со святыми упокой“.

Такъ пробилась Прасковья Игнатьевна цѣлый день и только вечеромъ пришла ей мысль о Петрѣ Савичѣ.

— Вѣдь и не икнулось?... Онъ значить и не помянулъ обо мнѣ?

Стала она думать о Петрѣ Савичѣ и въ голову ея лѣзли мысли одна другой хуже.

— И что я за дура, думаю о немъ? Вѣдь онъ мнѣ чужой, совсѣмъ чужой.

Запѣла она пѣсню „Гулинька“; но пѣсня не клеилась.

— Нѣтъ, онъ пожалуй послѣ того, што я сказала ему, на другой женится, потому всѣ мужчины обманщики. Видала я ихъ на вечеркахъ-то!!.. А мало ли со стороны-то розсказней?..

— А пожалуй, чего добраго онъ все притворяется; у него поди есть мѣсто, да онъ какъ дѣло коснулось и на понятный.

— Нѣтъ, онъ совсѣмъ поди тамъ спился.

Такъ она продумала до утра. Днемъ была гроза и она не пошла къ крестной матери. Ночью рѣшилась завтра же идти къ ворожеѣ Бездонновой.

Къ ворожеѣ нужно было идти на тощахъ. Задала она корму коровѣ, лошади, овечкамъ, выпустила куръ, надѣла на голову платокъ и пошла, оставивъ избушку незапертою на тотъ случай, что можетъ быть придетъ дядя; въ Козьемъ-Болотѣ немногіе запирали дома, потому что въ отсутствіе хозяевъ воровства не случалось.

Попадается ей на встрѣчу сосѣдка Фокина.

— Куда это ты Прасковья Игнатьевна покатила?

— Иду къ крестной.

— А што она?

— Да надо провѣдать.

— А новость слыхала? Вотъ такъ новость.

— Ну ужь!.. и Прасковья Игнатьевна пошла.

— Игнатьевна! постой!?! про твою жениха новость-то!

Прасковья Игнатьевна остановилась и сказала: врешь, али въ забыль (вправду)?

— Провалиться.— Сосѣдка подошла къ Прасковьѣ Игнатьевнѣ и сказала:— Курносовъ-то должность получилъ; самъ прикащикъ далъ. Учителемъ слышь сдѣлали.

— Ей Богу?

— Врать штоли стану, ребята сказывали, когда я въ трахту была... Али это несчастье?

Сосѣдка зорко глядѣла на Прасковью Игнатьевну, которая не знала куда ей дѣваться: она была и рада, и плакать хотѣлось, но отчего?—она никому бы не могла отвѣтить на этотъ вопросъ въ ту минуту.

— Ошалѣла родимая, сказала вполголоса сосѣдка и повернула съ дороги влѣво къ своему дому, а Прасковья Игнатьевна

воротилась домой. Пришедши въ комнату, она упала на колѣни, заплакала и стала шептать:

— Матушка! Тихвильская Божія Матерь!. Спасибо тебѣ!.. Помогти ты моему счастью!.. Господи! какъ я рада-то. Дай ты ему Господи здоровья, да совѣтъ, да любовь... Петру-то Савичу, моему милому... Она наклонила голову къ полу...

— Вона! Племянница!

Прасковья Игнатьевна вздрогнула, обернулась: дядя... Стыдно ей почему-то сдѣлалось. Украдкой отерла она слезы, встала и сказала, сама не понимая что:

— А я думала...

— Думаютъ одни индѣйскіе пѣтухи... Ну племянница, я, братъ того... женюсь!! Беру, братъ, я себѣ... Шабашъ.

— Дядя, ложись спать.

— Спать?! Нѣ-ѣтъ!.. Во!! и онъ вытащилъ изъ за пазухи косушку... Ты думаешь я дуракъ. Нѣ-ѣтъ, краля, нѣтъ! Твой Петька вотъ теперича уменъ сдѣлался: учитель, ребячій мучитель...

— Правда ли?

— А онъ,—штожь не былъ?

— Я не велѣла.

— Ну значитъ пьянъ. Значитъ проку въ немъ нѣтъ.

Тимофей Петровичъ вытащилъ изъ за пазухи чесноку и сталъ ѣсть его съ ломтемъ ржаного хлѣба.

— Ты думаешь я дуракъ... Ладно. Слыхалъ я пословицу: „дураки умныхъ учатъ.“ Такъ вотъ и я тебя хочу поучить...

— Дядя спать бы ты легъ: вѣдь ты ужъ сколько время-то какъ изъ дому.

— Свѣтло еще; уснемъ. Выходи, племянница, замужъ, да выходи за ровню. Ей Богу! послушай дурака... А што этотъ учитель? што въ немъ проку? Я дуракъ, а всежь рабочій; мнѣ не стыдно и грязь руками брать; хоть куды меня назначь.

— Недаромъ ты и плутовать-то, подсмѣялась надъ дядей Прасковья Игнатьевна.

— Вотъ именно што сразила!... Вотъ теперь по неволѣ спать надо ложиться... Эхъ! дѣвка! Сказалъ бы я тебѣ много, да слушать-то ты меня не станешь, потому я дуракъ!!!

— Отчего дурака и не послушать.

— Ну такъ слушай. Твой женихъ получилъ мѣсто, а отъ чего онъ къ тебѣ не является? Погляжу я какъ онъ къ тебѣ явится и што онъ наговорить тебѣ... Мое дѣло сторона... Но вотъ я бы што тебѣ посоветовалъ по своему дурацкому разсудку: выходи лучше за нашего брата, потому свой человекъ. Ты на меня гляди: женюсь — п баба-то у меня какая!

— Какая?

— Сказать тебѣ—захохочешь. и все Козье Болото захохочетъ, да мнѣ плевать...

Прасковья Игнатьевна очень смѣшна показала физіономія дяди и она расхохоталась.

— Дураку всякъ смѣется, а если умный напьется, такъ умнѣ его и нѣтъ... Извини-сь, *до дамсъ*, мы кавалить каляшо неу-мнѣйтъ. Мы еще гулять пойдѣйтъ, заключилъ дядя, передразнивая англичанина, механика на фабрикъ; это означало что онъ осердился.

И Тимофей Петровичъ, выпивъ остатокъ изъ стекляницы, вышелъ изъ избы.

„Вотъ съ какими мнѣ родными пришлось жить. И что отъ нихъ хорошаго услышишь: пьянъ, какъ свинья, и я должна слушать его!“ думала по уходѣ дяди Прасковья Игнатьевна и даже, отворивши окно, съ улыбкою смотрѣла, какъ дядя идетъ по грязи въ халатѣ, переваливаясь изъ стороны въ сторону.

Она была весела,—весела потому что Петръ Савичъ получилъ мѣсто, и въ этомъ настроеніи она впервые думала: „неужели такой дуракъ, какъ ея дядя, можетъ жениться? и на комъ? Неужели какая нибудь дѣвица можетъ полюбить его?“ И она гордо смотрѣла на противоположный домъ, въ которомъ жилъ куренной рабочій съ женой и семью ребятами...

Легла она спать; икается.

— Это Петя. Онъ обо мнѣ заботится.

Мало по малу мысли ея приняли другой оборотъ: „а штоже онъ, въ самомъ-то дѣлѣ не пришелъ ко мнѣ... Мало, што я могла ему запретить: онъ мущина, а я дѣвка.—Легла спать въ одиннадцать часовъ.

— Дядя говоритъ, обманетъ. Не придетъ, говоритъ. Дядя дуракъ, а всежъ друзья они. Вѣрно онъ дядю напоилъ и сказалъ: не хочу моль съ дѣвкой видѣться, потому съ соимъ прикащикомъ говорилъ.

Икнулось.

— Это онъ!... Ахъ бы чихнуть... Ну загадаю: икнется или нѣтъ?..

Прошло полчаса. Начало свѣтать. Прасковья Игнатьевна сѣла къ окну и стала гадать на треноваго короля: все дороги, на сердцѣ ложится или тузъ пикъ—ударъ, или семерка пикъ—вѣрныя слезы.

„Если бы исполненіе желаній.“ Выпало: всѣ четыре туза на сердцѣ. И опять гадаетъ, и опять слезы.

— Нѣтъ, онъ не женится на мнѣ; карты вѣрно ворожатъ: они мнѣ сказали дружка милаго, они предсказали несчастіе—отецъ померъ. А што я сонъ видѣла—это быть мнѣ дѣвкой. А развѣ это несчастіе?

— А всежъ свое хозяйство лучше... Всеже меня никто не урекнетъ ничѣмъ...

— Нѣтъ, это все дядя. Его вѣрно подзучили... Нѣтъ, Петя пришелъ бы...Онъ радъ моимъ словамъ, я испытала его...Ну

не буду о немъ думать и буду я дѣвкой весь вѣкъ; лошадь у меня есть, огородъ неотемлемый, корова... Она однако скоро заснула.

А на другой день пошла къ крестной матери, живущей въ Медвѣдкѣ.

Въ Медвѣдкѣ ни улицъ, ни переулковъ нѣтъ, а дома расположены такъ, какъ кому приходила охота ихъ строить; поэтому почти между каждымъ домомъ есть порядочный промежутокъ, — что-то въ родѣ канавы. Дома въ Медвѣдкѣ построены копытообразно и хотя у cadaго домохозяина есть огородъ, но въ немъ кромѣ бобовъ и картофеля почти ничего не поспѣваетъ, потому что, какъ говорятъ жители Козьяго Болота, земля дрянная. Собщеніе съ Медвѣдкой въ грязное время довольно неудобно: чтобы попасть съ тракту къ дому, противоположному съ Козьимъ Болотомъ, надо или сдѣлать большой кругъ или перейти нѣсколько овраговъ.

Домъ Марьи Савишны Пермяковой стоялъ въ самой серединѣ Медвѣдки и состоялъ изъ одной избы съ сѣнцами. Въ избѣ уже нѣсколько лѣтъ царилъ бѣдность и грязь. Печь, хотя и большая, но уже нѣсколько разъ проваливалась и ее нѣсколько разъ кое-какъ поправляли; углы избы прогнили; не смотря на сухую, пору, полъ въ избѣ былъ постоянно мокрый, вѣроятно потому, что хозяйка рѣдко выходила на улицу по нездоровью; двѣ лавки были уже очень стары и на нихъ нужно было садиться съ осторожностію. Все имущество хозяйки, состоящее изъ какихъ-то грязныхъ, вонючихъ тряпокъ, хранилось на полатахъ, которые хотя и подпирались, но задѣвать о подножки ихъ было опасно, тѣмъ болѣе опасно было спать взрослому человѣку на самыхъ полатахъ...

Когда вошла въ избу Прасковья Игнатьевна, Пермякова спала на печкѣ. Это была низенькая старуха, которая теперь казалась небольшимъ комочкомъ; на ней надѣтъ синій изгребной сарафанъ и худенькій ситцевый платокъ на головѣ, да еще виднѣлся на горлѣ гайтанъ (снурокъ), на который былъ вдѣтъ мѣдный грошовый крестъ. Больше на ней ничего не было.

Въ то время какъ Марья Савишна принимала отъ купели Прасковью Игнатьевну, она, Марья Савишна, имѣла достатокъ, т. е. мужъ ея былъ лѣснымъ объѣзчикомъ и съ порубщиковъ лѣсовъ не по билетамъ, получалъ кое-какія деньги. Жить было можно, и семейство Пермякова жило хорошо до тѣхъ поръ, пока мужа Марьи Савишны не понизили за пьянство въ лѣсные сторожа. Тогда уже доходовъ не стало и Пермяковы, привыкшіе кушать хорошо, начали сначала проживать деньги, потомъ принуждены были продать и лошадь. Выдался въ заводѣ такой годъ, въ который свирѣпствовала горячка; все семейство Пермяко-

выхъ, состоящее, кромѣ родителей, изъ трехъ сыновей и одной дочери, заболѣло въ разъ; болѣзнь кончилась весьма печально: мужъ и старшій сынъ померли, а Марья Савишна оглохла. Положеніе ея было ужасно; денегъ нѣтъ, хлѣба нѣтъ, со стороны и воды не допросишься, потому что горячка многихъ разорила, а заводоуправленіе рабочимъ пособіа не выдавало, а если и выдавало, то мастерамъ,—хоть вой... Но вытѣмъ дѣла не поправишь, вотъ она и продала корову, продала куръ, продала дрова и сѣно и могла биться кое-какъ съ полгода. Но когда опять вышло все, когда настала весна, всѣ огородныя овощи вышли, она стала жалѣть, что напрасно продала корову. Хорошо еще что помогали Глумовы; они помогли ей разсовать дѣтей: Гаврило попалъ къ кузнецу съ обязательствомъ прожить у него семь лѣтъ на его хлѣбѣ, а Николай къ торгашу бакалейными вещами въ таракановскомъ гостиномъ дворѣ, находящемся на рынкѣ. Марья служить въ кухаркахъ, но ее что-то часто гоняютъ съ мѣстъ и она назадъ тому двѣ недѣли поступила къ таракановскому почтмейстеру за тридцать коп. въ мѣсяць.

Такъ какъ дѣти Марьи Савишны помогаютъ ей немного, то и бьется она кое-какъ. Сама зарабатывать она не въ силахъ. Правда когда здорова, она вяжетъ чулки, на продажу, но этого все-таки мало: нужно вообразить, что заводъ не городъ, а мѣстный рынокъ не ярмарка, да и кому нужны чулки какойнибудь г-жи Пермяковой?..

Прасковья Игнатьевна прежде очень любила крестную мать, но когда она подросла, познакомилась съ разными семействами, и когда крестная мать впала въ нищету, ей сначала стала противною изба крестной матери, а потомъ она стала чувствовать менѣе любви и къ самой крестной матери, почему стала очень рѣдко бывать у нея и то развѣ когда ее пошлютъ провѣдать. У крестной матери она не была уже съ полгода.

Въ избѣ пахло не хорошо. Поэтому Прасковья Игнатьевна вышла на крылечко и вдругъ надумала: а зачѣмъ я пришла?

Пошла она посовѣтоваться съ крестною матерью. Теперъ же пришла къ тому убѣжденію, что крестная мать не можетъ ей ничего посовѣтовать хорошаго, да и сама она не маленькая.

Во дворъ съ узломъ вошла дочь Марьи Савишны, худощавая дѣвушка лѣтъ четырнадцати, съ блѣднымъ лицомъ, заплаканными глазами, съ непокрытою головою, босая, въ одномъ продранномъ во многихъ мѣстахъ сарафанчикѣ. Въ лѣвой рукѣ она держала кошель.

— Прасковьюшка! сказала дѣвочка, подошла къ ней и плутовато стала смотрѣть на нее.

— Аль отказали?

— Четвертые сутки... Ходила да всего-то четыре ломтика насобираала... Каторжные! и дѣвушка бросила кошель на крылечко, а сама стала мыть въ лужѣ правую ногу.

— Ты вчера дома была?

— Чево?

— Дома, спрашиваю, вчера была—весь день?

— Была.

— Никто не приходилъ?

— Нѣтъ; а что?.. Сегодня меня стегали... Дѣвочка заплакала. Глаза ея сверкали... — Прасковья Игнатьевна дай копѣчку?

— На што?

— Ужь ты вѣчно такая... А слышала я, учитель-то сегодня въ школѣ былъ и парней туда скликали.

— А самово не видала.

— Што дашъ.

— Машка! ты съ кѣмъ разговаривашъ, послышалось изъ избы. Все это произнесено было охриплымъ голосомъ.

Прасковья Игнатьевна вошла въ избу.

Старуха сидѣла на краю печки, свѣсивъ ноги. Лицо ея было блѣдно-желтое—кожа да кости; горло тоже кожа да кости, волосы сѣдые на головѣ; въ глазахъ виднѣлось мало жизни.

„Какъ она живетъ, Господи! Одна маята только,“ подумала Прасковья Игнатьевна; сердце ея больно кольнуло и ей еще противнѣе показалась изба, еще жалче крестная мать.

— Охъ старость, старость!.. И скоро ли это Господь мнѣ конецъ пристроить? Легла бы я въ сыру землю... Охъ хо-хо... заплакала старуха, но слезы у нея уже всѣ были выплаканы; это было сухое рыданіе, болѣзненно искажающее лицо, такъ что больно жалко становилось этого человѣка. На глазахъ Прасковья Игнатьевна навернулись слезы.

— Охъ! горю не поможешь... Нѣтъ... И старуха стала слезать съ печки. Прасковья Игнатьевна помогла ей спуститься, но затыкала носъ одной рукой, потому что изо рта крестной матери пахло какъ отъ покойника.

Марья Савишна была еще крѣпка на ноги. Вышла она на крылечко, спросила у дочери хлѣба, сѣла и стала сосать кусокъ, потому что у нея не было ни одного зуба.

— Вотъ прежде сахаръ сосала, а теперь... Всѣ зубоньки, крестница, выпали. . Не ѣшь ты, голубушка, никогда сахару; съ него все и раззоренье наше вышло.

— Маменька, ты знаешь Петра Курносоза? крикнула Прасковья Игнатьевна.

— Учителя-то? это казначейскаго-то сына?

— Ну... Сватается за меня.

— И... Крестная мать закачала головой и задумалась.

— Эхъ стара я стала, продолжала она, много-то ужъ не хожу... Плохо дѣло-то!

— А што?

— Да пара-ли онъ тѣ?.. Вотъ бы тебѣ изъ нашихъ женихато... Мало ли: вонъ Глумовъ... мало-ли ихъ.

— Такъ не ходить, ты говоришь?

— Воля твоя, крестница. Оно, учитель, должность знатная... Да прокъ-отъ будетъ-ли. Будетъ ли прокъ, милая моя крестница... А што у тѣ мать-то?

Разговоръ принялъ направленіе о Глумовыхъ, при чемъ крестница рассказала крестной матери о желаніи дяди жениться. Это очень удивило Марью Савишну и она то и дѣло стала твердить съ улыбкой:—Тимошка-то дурачекъ!.. Ахъ ты оказія!

Прасковья Игнатьевна стала торопиться домой, но ее удерживала крестная мать, увѣряя, что ей скучно одной, а дочь ея нисколько не посидитъ съ нею, все рыскаеть. Уважая старуху, Прасковья Игнатьевна посидѣла еще нѣсколько времени; но рѣчи о женихѣ Курносовѣ ни та, ни другая, не заводили.

Дорогой къ дому Прасковья Игнатьевна стала каяться, что она только по напрасну ходила къ крестной матери.

Прошолъ послѣ этого день, прошло два и три дня; а Курносовъ неидетъ не только къ Глумовымъ, но и въ Козье Болото. Много въ это время передумала Прасковья Игнатьевна о своемъ женихѣ и каждый разъ засыпала съ тою мыслію, что если Курносовъ изважничался, то она не пойдетъ за него замужъ. Пришелъ дядя, принесъ съ собой двѣ пары сапоговъ и сказалъ:

— Ну, племянница, готовься къ свадьбѣ. Курносовъ кланяться велѣлъ.

Прасковья Игнатьевна испугалась; она думала, что онъ долго жить приказалъ, т. е. померъ. Она поблѣднѣла.

— Ей Богу! Въ городъ за подарками поѣхалъ, потому денегъ много дали, дураку, за пьянство, продолжалъ дядя серьезно.

— Видѣлъ, али врешь? спросила Прасковья Игнатьевна, подозрѣвая дядю въ обманѣ.

— Наплевать... Только у насъ съ нимъ уговоръ состряпанъ.

— Да што жъ онъ?

— Я говорю уговоръ: напередъ моя будетъ свадьба.

— Да неужели въ заболъ? Дядя ты врешь! (Что за наказанье!.. Околѣтъ бы вамъ всѣмъ, проговорила она про себя).

— Ей Богу! Послѣ Петрова дня моя первая свадьба назначена, ужъ прошено, перепрошено; опосля твоя; я это все обдѣлалъ, нужды нѣтъ, што дуракъ.

VI.

На тракту есть домъ непремѣннаго рабочаго Оглоблина; но этотъ домъ, хотя и называется домомъ Оглоблина, только имъ владѣетъ мастерская вдова, Дарья Викентьевна Огородникова.

Замужъ она вышла шестнадцати лѣтъ. Скоро оказалось, что мужъ ея былъ пьяница и забудыга, она и нанялась на рудникъ, въ качествѣ кухарки, для рудничныхъ рабочихъ, но прожила тамъ не больше года: работать она ничего не умѣла, кромѣ печенія хлѣба. Сначала нищенствовала въ заводѣ; по наученію рабочихъ подавала на мужа нѣсколько просьбъ заводскому исправнику, но такъ какъ эти просьбы были написаны глупо и безтолково и даже одна просьба была написана въ рифму какимъ-то пьянымъ писаремъ, то ихъ и не принимали и стали наконецъ гонять прочь Дарью отъ исправническаго дома. Наконецъ, по протекціи одного рабочаго, она попала въ цаловальниці и дѣло свое исполняла добросовѣстно три года съ половиной, и въ то время скопила кое-какой капиталаецъ. Вотъ тутъ-то и познакомился съ ней Тимофей Петровичъ.

Такъ Дарья и осталась въ кабацкѣ до смерти мужа, когда она преспокойно вошла въ свой домъ, въ свой потому, что домъ принадлежалъ ея родителямъ, умершимъ еще до ея замужества.

Съ этихъ поръ Тимофей Петровичъ сдѣлался своимъ человекомъ у Дарьи Огородниковой, но сначала на это не обращалъ никто вниманія, потому что онъ у нея исправлялъ иногда обязанности кузнеца, такъ какъ она завела кузницу и имѣла двухъ работниковъ; а потомъ, хотя и узнали многіе, но, потолковавъ немного, рѣшили, что какъ и Тимошка дурачекъ, такъ и Дарья Огородникова люди отпѣтые, и ихъ даже и за людей-то считать не стоитъ.

Какъ бы то ни было, но Дарья Огородникова вела дѣла свои хорошо. Не повезло у ней на кузницѣ, она стала печь калачи и эти калачи стала продавать проѣзжающимъ ямщикамъ, мѣщанамъ и разнымъ людямъ. Лѣтомъ, кромѣ калачей, продавала и ягоды, и такимъ образомъ получала кое-какой барышъ. Потомъ она стала варить брагу и пиво, и зазывала секретно ямщиковъ, и такъ пріучила ихъ къ себѣ, что они постоянно, подъ предлогомъ купить калачей, останавливались у ея дома и пили пиво даже до того, что запѣвали пѣсни. А когда узнали и рабочіе, что Огородникова продаетъ пиво, и они стали захаживать къ ней, но кабатчикамъ не сказывали, а если кто и сказывалъ, то у нея ничего не находили.

Вотъ эта-то Дарья и есть невѣста Тимофея Петровича, которую онъ удивилъ теперь весь заводъ. Только и было разговору, что о дурацкѣ Тимошкѣ и Дарьѣ Огородниковой.

Стоитъ, напримѣръ, кучка на рынкѣ у вѣсовъ и непремѣнно разговоръ идетъ о Глумовѣ.

— Слышали новость?

— Какъ не слышать: Тимошка-то!! Вотъ она задача-то

— И что это за родъ такой: чудятъ да и только.

— Нѣтъ, онъ, надо полагать, не полоумный. Надо ему поздравлины сдѣлать. И т. д., все въ этомъ родѣ.

Прасковья Игнатьевна, какъ узнала объ этомъ, со стыда не знала куда и дѣться. Выйдетъ на улицу, ее дразнятъ дядей.

— Што, учительша, дядюшка-то твой какую загвоздку намъ задалъ. Задача—ей Богу!

— Да я-то чѣмъ виновата! взбѣется Прасковья Игнатьевна.

Между тѣмъ Тимофей Петровичъ свадьбу свою устроилъ не зря. Онъ очень былъ привязанъ къ Дарьѣ Викентьевнѣ. Въ ней онъ видѣлъ обиженную женщину, съ годами пришедшую въ нормальное состояніе и привязавшуюся къ нему, такому человѣку, которому и цѣны нѣтъ. Но онъ не говорилъ ей о женитьбѣ раньше потому, что боялся жениться, да и Дарья Викентьевна ему повода на это не подавала. Привязываясь все больше и больше къ Дарьѣ Викентьевнѣ, онъ находилъ ее самою лучшею женщиною во всемъ заводѣ и, не обращая вниманія на заводскихъ бабъ, всюду преслѣдуемый насмѣшками, онъ только у нее и находилъ ласку и покой. Случалось—Дарья Викентьевна и поколачивала его, но ему мило были эти колотушки, онъ зналъ, что его колотить другъ, который въ тысячу разъ милѣе ему всѣхъ другихъ друзей. Также ему очень нравилось то, что Дарья Викентьевна работаетъ и деньги не тратитъ по пустому, а бережетъ для хозяйства; онъ предложилъ ей такого рода планъ: „когда мы женимся, тогда я заведу свою кузницу и мы откроемъ маленькую торговлю мелкими вещами; табакъ будемъ продавать, соль, говядину...“

Дарья Викентьевна согласилась вполне съ Тимофеемъ Петровичемъ...

Послѣ Петрова дня, въ православной церкви первая свадьба была Тимофей Глумова съ Дарьей Огородниковой; но кутежъ продолжался у молодыхъ только сутки... Глумовъ, какъ водится, поселился въ домъ своей жены и купилъ у Прасковьи Игнатьевны лошадь за восемь рублей; на эти деньги Прасковья Игнатьевна сшила себѣ сарафанъ, купила ботинки и платокъ на голову.

Съ замираніемъ сердца дождалась Прасковья Игнатьевна дня своей свадьбы, а подруги ея, приглашенные ею и Петромъ Савичемъ ради веселья, еще болѣе пугали ее именно самымъ обрядомъ. Петръ Савичъ былъ очень веселъ и милъ, не только съ невѣстой, но и съ гостями, угощалъ всѣхъ сладкой водкой и разными сластями; во все время до свадьбы смѣшилъ всѣхъ до слезъ, даже Маланья Степановна, сидѣвшая постоянно на лежанкѣ, хихикала. Она вела себя смирно и больше рассказывала Марьѣ Савишнѣ, которую Прасковья Игнатьевна пригласила жить-пока къ себѣ, рассказывала разный вздоръ, въ которомъ гости не понимали никакого смысла, и который Марья Савишна не могла слышать и думая, что Маланья Степа-

новна сочувствуетъ ея горю, съ своей стороны разсказывала свое горе отъ тѣхъ поръ, какъ она прежде много ѣла сахару и заканчивала тѣмъ, что теперь принуждена жевать хлѣбъ.

Наступилъ и день свадьбы — великій день для невѣсты. Плакала она и, сама не зная о чемъ, кинулась на шею матери и разстроила мать, которая убѣжала въ огородъ, откуда ее никакъ не могли выпарпать за ноги. Народу въ церкви было много, потому что женился учитель; тысяцкимъ жениха былъ казначей главной конторы, а посаженнымъ отцомъ самъ прикащикъ. Церковь была биткомъ набита народомъ, не смотря на то, что полицейскіе служители энергично толкали и гнали народъ отъ церкви, для того, чтобы въ церкви было свободнѣе стоять заводской аристократіи.

Женихъ стоялъ разфранченный; пріѣхала и невѣста въ кисейномъ платьѣ, подаренномъ женихомъ. Народъ острилъ, то надъ женихомъ, то надъ невѣстой, доказывая, что невѣста цѣлою четвертью выше жениха. Наконецъ началось и вѣнчаніе съ пѣвчими. Народъ, стоявшій ближе къ жениху и невѣстѣ, не спускалъ съ нихъ глазъ. Но вотъ женщины ахнули: изъ рукъ невѣсты упало кольцо, стали искать кольцо — не нашли. Для формы казначей далъ свое... Повели жениха и невѣсту вѣнчать, съ жениха вѣнецъ свалился. Невѣста была блѣдна.

— Мужъ умретъ, вѣнецъ свалился, гудѣлъ народъ.

Все-таки свадьба кончилась, но не весела была молодуха; она теперь каялась въ томъ, что пошла замужъ за Петра Савича. Во всю дорогу мужъ не могъ добиться отъ нея слова — она или плакала, или ей представлялись разные ужасы и причиною этихъ ужасовъ былъ страшный сонъ.

— Знала бы не спала я въ ту ночь, какъ мнѣ видѣть проклятый сонъ, говорила она Петру Савичу.

И сколько ее ни развеселялъ мужъ, но не добился веселости.

Въ домѣ Глумовыхъ молодыхъ благословилъ иконой и хлѣбомъ прикащикъ и, по выпивкѣ задравнаго стакана, сказалъ:

— Знай я, што въ Козьемъ Болотѣ есть такая красивая дѣвка, непремѣнно бы женился.

Гости едва умѣшались въ домѣ, они большею частію были изъ писарскаго класса, такъ что Прасковья Игнатьевнѣ было очень неловко сидѣть съ ними; къ тому же присутствіе прикащика стѣсняло гостей, и они говорили какъ-то не весело. Но когда уѣхалъ прикащикъ, тогда и пошли гарцовать гости: крики, пляска, пѣсни поднялись такія, что Маланья Степановна, сидѣвшая до сихъ поръ спокойно на грядѣ, теперь заползла въ яму, находящуюся не далеко отъ бани и завывала.

Долго гарцовали гости, многіе перепились до того, что не могли тащить ногъ.

Такъ и поселился Петръ Савичъ въ домѣ Глумовыхъ и отъ сихъ поръ началась другая жизнь Прасковьи Игнатьевны.

VIII.

Через недѣлю послѣ свадьбы привелось Прасковѣ Игнатьевнѣ готовить кушанье, а запасу въ ея погребѣ и чуланчикѣ было очень немного: муки фунтовъ десять, отрубей фунтовъ пятнадцать и только. Мяса не было, и Петръ Савичъ утѣшалъ свою жену, что онъ завтра непременно купить говядины, такъ какъ надѣется получить съ одного пріятеля небольшой дождокъ. Корова у нихъ была продана, а лошадь, какъ уже извѣстно, взялъ къ себѣ Тимофей Петровичъ. Выскребла Прасковья Игнатьевна остатокъ муки, заварила квашню, а ночью половина этой квашни сплыла и разлилась по печи и отъ печи къ полу, такъ что проснувшаяся хозяйка почти въ первый разъ увидѣла свою печь съ сѣрыми полосами и прокляла свой сонъ; но все-таки ее успокоилъ мужъ, „что на это наплевать; отъ этого хлѣба не много убудеть, только ей придется немного заняться очисткой печи, на которую нельзя взобраться не испачкавшись“. Но это пустяки. А вотъ, когда ушелъ ея муженекъ на рынокъ, она постаралась поскорѣе закрыть трубу и столкнуть въ печь четыре короваи тѣста, устоявшагося въ плетеныхъ чашкахъ, употребляемыхъ единственно для устоя ржаного тѣста. По-видимому, она совсѣмъ забыла о томъ, что мужъ ушелъ за мясомъ и, стало быть, она рано посадила хлѣбы, ибо прибравъ все, усѣлась къ столу и стала чинить мужнину халатъ. Приходить мужъ, приносить два фунта говядины.

— А я ужъ хлѣбы посадила... сказала хладнокровно Прасковья Игнатьевна.

— Молодецъ... Значитъ сегодня отложимъ попеченіе? проговорилъ мужъ полусердито и полунасмѣшливо.

— Видѣлъ поди, что я печь затопила! Ишь, чуть не цѣлый день шатался! Не бѣгать же мнѣ за тобой... проговорила недовольно Прасковья Игнатьевна.

— Изволь сварить, гдѣ хочешь! крикнулъ мужъ.

— Вари самъ...

— Слушай?!

— Ты не кричи — сама кричать-то умѣю.

И эта сцена кончилась тѣмъ, что молодая хозяйка поставила горшокъ съ говядиной, водой, капустой, рѣпой и морковью въ печь. Она хотѣла досадить мужу за его грубость, зная по опыту, что щи не могутъ свариться въ вольномъ жару.

— Обѣдать! scomандовалъ тотъ такимъ тономъ, какъ будто бы обратился къ работницѣ.

— Подожди маленько, Петя, говоритъ Прасковья Игнатьевна мужу.

— Есть хочу... живо!

— Тебѣ говорить — не посѣло. Ишь явился когда съ говя-

дпной-то, когда печь застыла... По твоей милости у меня самой ни роспки во рту не было.

Мужь смолчалъ, закурилъ трубку и легъ въ постель; но голдь не давалъ ему покою и онъ часто кричалъ:

— Обѣдать!

— Подожди; не готово, отвѣчала жена.

Наконецъ, видя, что мужъ начинаетъ не на шутку сердиться и, пожалуй, по любви, задасть ей тряску, она подѣла къ нему на кровать и стала ласкаться, только мужу было не до ласкъ. Онъ вскочилъ, какъ дикій звѣрь, и крикнулъ:

— Да дашь ли ты мнѣ обѣдать-то?

— Дамъ, дамъ, Петръ Савичъ... проговорила Прасковья Игнатъевна глухимъ голосомъ.

Дрожащими руками она покрыла столъ синей изгребной скатертью, наставила и наложила всего, что требуется для ѣды на четверыхъ. Помолились всѣ Богу и усѣлись.

— Это што? спросилъ ее мужъ, указывая на отрѣзанный ломоть.

Щеки Прасковьи Игнатъевны покрылись румянцемъ, она ничего не могла сказать. Братья съ улыбкой смотрѣли то на жену, то на Курносова.

— Для этого я што-ли на тебѣ женился?

— Прости, Петръ Савичъ... квашня убѣжала... оправдывалась Прасковья Игнатъевна, не смѣя почему-то упомянуть о щахъ.

Щи не сварились. Такъ обѣдъ и кончился небольшой ссорой молодыхъ людей. Петръ Савичъ сердился на жену, и за то, что она перепортила обѣдъ, и за то, что у нихъ нѣтъ больше ни капли муки; Прасковья Игнатъевна плакала, досадуя на то, что она, злосчастная, не могла угодить Петру Савичу, хотя и всячески старалась, а онъ не хочетъ простить ей ошибку. Но мужъ еще ничего; а вотъ пришла Маремьяна Кириловна, которую Прасковья Игнатъевна не долюбивала съ самой свадьбы за то, что она громче и дольше всѣхъ хотала, пересмѣивала ея походку и хвалила свои сережки такъ, какъ будто бы хотѣла увѣрить всѣхъ, что только она одна можетъ и должна носить ихъ, а всѣмъ прочимъ они не къ лицу. Пришла и разсѣлась, да и просидѣла до вечера, какъ будто бы у нея дома и дѣлъ никакихъ не было. Тары да бары и время дотянулось до вечера; вечеромъ Маремьяна Кириловна наконецъ-то спохватилась, что у нея дома осталась недоеною корова, и стала прощаться, но чортъ сунулъ Петра Савича пригласить ее отъужинать. Та было-стала отговариваться, по обыкновению, такъ, чтобы ее еще больше попросили. И Маремьяна Кириловна осталась.

— Что-то, молодуха, ѣмъ я хлѣбъ-то... а онъ какъ будто больно сыроватъ, сказала Маремьяна Кириловна и разразилась

вдугъ смѣхомъ; ея примѣру послѣдовали мужъ и братья. А Прасковья Игнатьевна сидѣла, какъ на иголкахъ, и когда затворила калитку за гостею, то послала ей въ догонку всѣхъ чертей.

На другой день все Козье Болото узнало, что молодуха Глумиха, что вышла за учителя Курносова, печь хлѣбы не умѣетъ.

И вотъ съ этого дня, какъ только она ни выйдетъ на улицу и какъ только ни попадется ей на встрѣчу какая нибудь женщина, то первый вопросъ, который она слышитъ: „а што, молодуха, научалась ли ты хлѣбы-то печь?“ И ношли, какъ водится, шушуканья и пересуды...

Какъ бы то ни было, а съ этого времени, со времени толковъ о томъ, что она плохая стряпуха, Прасковья Игнатьевна начала сознавать, что роль ея въ обществѣ измѣнилась. Сосѣдки, преимущественно дѣвицы, съ усмѣшкой замѣчали ей: „какое, подумаешь, счастье тебѣ вышло! Вотъ и видно ворожея у тѣ была хорошая... И лицо-то у тѣ какъ-то по другому выказывается.“ Это конечно Прасковья Игнатьевна принимала за насмѣшку, но все таки подмѣчала въ этихъ словахъ какую то зависть и досаду, которыя она перетолковывала такъ: „все это онѣ отъ того на меня зубы точатъ, что я вышла замужъ за учителя и не за стараго какого нибудь, а молодого. И больше она ласкалась къ мужу, высказывая ему насмѣшки сосѣдокъ, на что почтенный супругъ преважно отвѣчалъ: „стоитъ о чемъ разговаривать!“

Однимъ словомъ, она была новичкомъ въ новой жизни и ей непонятны казались многіе мелкіе случаи изъ мелкой драмы заводской жизни. Однажды сосѣдка обратилась къ Прасковья Игнатьевнѣ со вздохомъ.

— Такъ-то, молодуха! Всяко бываетъ въ жизни... Эхъ, молодость!

Прасковья Игнатьевна, — точно послѣднее слово относилось къ ней съ укоризной, — потушила глаза.

— Вѣдь вотъ, подумаешь, какъ время-то идетъ! сказала она.

— Што и говорить. Вотъ я ужъ и за вторымъ мужемъ.

— Ну, а я бы въ другой разъ не пошла замужъ, сказала вдругъ Прасковья Игнатьевна и тотчасъ же почувствовала, что она что-то неподходящее сказала, потому что у нея слова вышли безсознательно.

— Вотъ и видно—молода... А каковъ у тѣ муженекъ-то?

Не понявъ вопроса: относится ли онъ къ насмѣшкѣ надъ ея мужемъ или къ тому, каковъ онъ съ ней, Прасковья Игнатьевна надула губы и промолчала.

— Не колачивалъ еще? спросила вдругъ другая женщина, находившаяся тутъ же.

— Съ чего ему бить-то меня!.. Смѣть!..

Женщины разомъ захохотали, а одна сказала:

— Вотъ отсохни языкъ, коли вру: придетъ пора, будешь говорить про него и то, и другое... Намъ ли ужъ не знать этого?... А, можетъ быть, ты терпишь? Я тоже куды какъ съ первоначалу-то терпѣлива была. Ну, да оно и то надо сказать: баба я молодая, прожила съ мужемъ недѣлю, онъ меня бить... Разъ это дѣло говорить: „ой, бабы, мужъ у меня драчунъ...“ Тебя же и осудятъ и смѣяться надъ тобой будутъ: глядите-ко, бабы, не успѣла она замужъ выдти, а муженекъ-то ее костыляеть. Значить это по нашему выходитъ што—въ молодухѣ изьянь есть... Такъ ли, молодуха?

Прасковья Игнатъевна покраснѣла. Нечего таить: разъ за что Петръ Савичъ ударилъ ее по спинѣ кулакомъ. И какъ же ей обидно то было. И она вполнѣ согласилась въ душѣ съ мнѣніемъ сосѣдокъ.

— А вѣдь и знаешь, что ты чиста, какъ голубь... Вотъ и молчишь, и терпишь, а потомъ и привыкнешь, и знаешь, съ которой стороны онъ тебя ударить хочетъ, да и не отвертываешься... Поплачешь, поплачешь, да съ тѣмъ и останешься, еще за слезы зуботычину получишь.

Между тѣмъ дѣвицы указывали пальцами на бывшую ихъ подругу и, съ свойственною ихъ возрасту и воспитанію завистью, вспоминали всѣ проказы Прасковьи Игнатъевны, всѣ обиды, причиненныя имъ въ дѣтствѣ, называли ее гордячкой и поэтому говорили, что она непременно овдовѣтъ, такъ какъ и доказательство этого уже есть: вѣнецъ свалился съ головы жениха во время вѣнчанія. Но главная нить разговоровъ все-таки состояла въ томъ, что каждой дѣвицѣ хотѣлось узнать: каковъ-то у Прасковьи Игнатъевны мужъ, какъ-то онъ обращается съ нею. Но какъ спросить объ этомъ Прасковью Игнатъевну? Разъ какъ-то дѣвицы остановили Прасковью Игнатъевну, когда она возвращалась отъ женщинъ домой.

— Спѣсива стала Прасковья Игнатъевна. Нѣтъ, штобы поспѣла съ нами.

Но Прасковья Игнатъевна почему-то сочла неприличнымъ сѣсть съ дѣвицами и не знала, что отвѣчать имъ.

— Да сядь, упрашивали ее дѣвицы.

— Ужо, когда нибудь, а теперъ нѣкогда.

Такъ она и ушла, а дѣвицы еще болѣе не влюбили ее и дѣло наконецъ дошло до того, что онѣ при встрѣчѣ съ Прасковьей Игнатъевной перестали кланяться ей и косо поглядывали. Прасковья Игнатъевна съ своей стороны не только не считала нужнымъ кланяться имъ первая, но и сей почему-то было стыдно дѣвицѣ и она старалась дѣлать видъ, что она слишкомъ спѣшитъ по важному дѣлу. Она уже думала: „наплевать мнѣ на нихъ!.. Я ужъ теперъ не ровня имъ! Еще, пожалуй, выпрашивать стануть, какъ я съ мужемъ...“ и т. д.

На первых порахъ замужества у Прасковьи Игнатьевны дѣла было немного. Коровы, какъ я сказалъ раньше, у нихъ не было, стало быть заботы значительно поубавилось: оставались курицы, овечки, огородъ и стряпня; но странное дѣло,—Прасковья Игнатьевна стала тяготиться огородомъ, овечками, курами и мало по малу совсѣмъ начала забывать о нихъ. Вся ея забота только въ томъ и состояла, чтобы угодить мужу стряпней, а курицы и овечки оставались по цѣлымъ днямъ безъ корму, надѣдали ей во дворъ до того, что она швыряла въ нихъ чѣмъ попало. Огородъ перешелъ въ руки Маланьи Степановны, которая, вѣроятно, по случаю тепла, постоянно хлопотала надъ грядками. Съ утра до вечера можно застать ее въ огородѣ, только дождь вгонялъ ее въ баню или въ чуланъ, и на всевозможныя приглашенія Петра Савича идти въ избу, старуха не шла и даже рѣдко принимала пищу изъ рукъ, потому что она хлѣбъ воровала изъ сѣней ковригами и эти ковриги можно было отыскать гдѣ нибудь въ травѣ или въ углу пустаго амбара. Впрочемъ, Маланья Степановна большею частію питалась овощами: молодой рѣдкой, морковью, огурцами и преимущественно картофелемъ, которымъ она заваливала полную печь бани тогда, когда прогорятъ дрова, отъ чего большая часть картофеля превращалась въ пепель, а кое-что съѣдалось ею, такъ какъ она имѣла обыкновеніе остатки зарывать въ землю. Мужъ и жена дали полную свободу Маланьѣ Степановнѣ на томъ основаніи, что она давала имъ полную свободу нѣжничать, а Прасковья Игнатьевнѣ такъ было хорошо въ своей избѣ и комнаткѣ, что она только ради забавы выходила въ огородъ. А забавляться ей было чѣмъ: то ее смѣшитъ, что мать, взобравшись по перекладинамъ до самой крыши сарая, роется между тыквенными листьями и мурлычетъ что-то подъ носъ,—значитъ находится въ веселомъ расположеніи духа, то мать лежитъ между грядками и сладко спитъ, не смотря на то, что ее облѣпять кучи мухъ и комаровъ. Такимъ образомъ, хотя огородъ и находился не въ цвѣтущемъ состояніи, но Прасковья Игнатьевна была довольна матерью, и въ огородѣ почему-то видѣла теперь немного пользы. Это небрежное обращеніе съ курами и овечками, недосмотръ за огородомъ сосѣдки называли лѣнью, и въ глаза высказывали ей это, но она отмалчивалась и думала: „какое такое имъ дѣло до меня! Надо же мнѣ погулять...“ Но эта лѣнность стала мало по малу отражаться на хозяйствѣ Прасковьи Игнатьевны значительнымъ ущербомъ: куры и овечки одна за другой незамѣтно для нея самой стали исчезать, капуста въ огородѣ портилась и это она замѣтила довольно поздно, а какъ замѣтила, то и не знала, что ей предпринять. Поискала она своихъ куръ и овечекъ—ни у кого нѣтъ, да и куда она ни придетъ, ее же бранить за то, что она не умѣетъ владѣть своимъ хозяйствомъ, подозрѣваетъ Богъ знаетъ въ чемъ честныхъ хозяекъ. Пошла она къ Дарьѣ Викентьевнѣ съ жалобой, та сказала, что она са-

ма во всемъ виновата и указала на себя, какъ на хорошую хозяйку, у которой есть время на все—и торговлей заниматься, и управляться своимъ хозяйствомъ. Завидно стало Прасковья Игнатьевна, стала она думать, какъ это такъ Дарья Викентьевна умѣетъ управляться со всѣмъ, и у нее еще есть свободное, почти все послѣобъденное, время?

И она спросила Дарью Викентьевну, которую назвала не теткой, а по имени.

— Приложи стараніе—и все тутъ. Нечего сидѣть-то сложа рукъ. Ну, какая ты есть хозяйка и чему тебя отецъ-то съ матерью обучали?

Очень обидны показались эти слова молодухъ. Дорогой она сознавала, что дѣйствительно Дарья Викентьевна права, но она почему-то не понравилась ей своей рѣзкой правдой.

— И впрямь я буду стараться! Всѣ онѣ только важничаютъ, а поди тоже не лучше нашего живутъ.

А жили молодые въ это время не казисто. Хорошо еще, что было дѣто и много помогать хозяйкѣ огородъ. Жалованья Петръ Савичъ получалъ только три рубля; получалъ онъ и провіантъ, но его хватало только на полмѣсяца, да и то приходилось обимъ ѣсть часто недопеченое, къ чему Петръ Савичъ уже сталъ привыкать и становился менѣе и менѣе взыскателецъ; но вѣдь однимъ хлѣбомъ сытъ не будешь, нужно же и говядины купить, соли и крупъ купить, и три рубля расходовались Петромъ Савичемъ до пятнадцатаго числа. Все это Прасковья Игнатьевна знала, но ей неловко казалось говорить объ этомъ мужу, потому что, по ея понятію и по понятію прочихъ таракановскихъ женщинъ, о прокормленіи семейства долженъ заботиться мужъ.

Наконецъ, стала Прасковья Игнатьевна замѣчать, что мужъ что-то очень рано уходитъ на службу, а домой возвращается поздно и на-веселѣ, и какъ придетъ, такъ и ложится спать, а она хочетъ ѣсть. Братья тоже возвращаются домой поздно. Спросить мужа: зачѣмъ онъ не пришелъ обѣдать—неловко, потому что обѣдать нечего, и Прасковья Игнатьевна пришла къ тому заключенію, что Петру Савичу не даютъ денегъ и онъ ѣсть у своихъ пріятелей. „Буду и я тоже такъ дѣлать.“ И вотъ она пошла въ пятницу къ одной сосѣдкѣ, какъ разъ около обѣденной поры; пришла къ ней за пригоршнею соли, сѣла и завела рѣчь о томъ, что мать ея нынче уже тыкву начинаетъ ѣсть сырую. Сосѣдка пригласила Прасковью Игнатьевну ѣсть, что Богъ послалъ, она стала-было сперва отговариваться, но потомъ сѣла. Въ субботу пошла къ другой сосѣдкѣ за веретешкомъ, и опять такъ отобѣдала. Но въ воскресенье идти къ третьей сосѣдкѣ ей показалось совѣстно. Въ этотъ день, по случаю ненастной погоды, мужъ и братья какъ на зло, были дома. Утромъ было скучнѣе всѣхъ прочихъ дней: мужъ сердитый какую-то книжку читаетъ, братья играютъ въ карты и ругаются,

потому что Павелъ плутуетъ, а Илья его ловить. Сидитъ Прасковья Игнатьевна у окна и не знаетъ, за что бы ей приняться; но сколько она ни думаетъ, ничего не можетъ придумать; потомъ и ничего уже какъ будто не стало въ головѣ, точно она одеревенѣла. Наконецъ братья ей начпають надождать и она прикрикнула на нихъ:

— Добрые-то люди въ церковь ушли, а вы...

— Такъ мы не добрые люди! Ну-ка, чѣмъ мы хуже тебя? присталь Илья къ сестрѣ.

— Говори не кричи, и такъ можно.

— А вотъ мы еще прибавимъ на пятакъ.

И Илья началъ неистово свистать.

— Смирно вы, ослы! крикнулъ Петръ Савичъ, выведенный изъ терпѣнья поведеніемъ шуриновъ.

— Самъ осель! сказалъ Илья.

— Ахъ ты!.. и Петръ Савичъ поднялся съ кровати.

— Ну-ка тронь! закричалъ Илья. Глаза его засверкали.

— Пошелъ вонъ, негодяй! крикнулъ Петръ Савичъ, подходя къ Ильѣ съ кулаками.

— Самъ вонъ!

Петръ Савичъ не выдержалъ, ударилъ Илью, Илья не спустилъ и хватилъ Петра Савича по лицу кулакомъ, а потомъ залегъ въ кухнѣ на полати.

Петръ Савичъ разсвирѣпѣлъ, но не могъ выцарапать съ полатей Илью, такъ какъ тотъ сидѣлъ тамъ въ углу и отмахивался палкой. Павелъ былъ скромнѣе брата и во время драки вышелъ во дворъ. Между Ильей и Петромъ Савичемъ началась такого рода перепалка.

— Въ чужомъ дому живешь, да хозяевъ гонишь, безстыжій! кричалъ Илья.

— А ты ничего не дѣлаешь, осель! На чужомъ хлѣбѣ живешь.

— Хороши хлѣбы и жену-то нечѣмъ кормить. Прогоню еще изъ дома-то...

— Илья, перестань! вскричала Прасковья Игнатьевна; лицо ея поблѣднѣло, самое ее трясло и отъ злости, и отъ испуга.

— Не твое дѣло! крикнулъ мужъ.

— Петръ Савичъ! разѣ неправда, что ты меня моришь... Што сосѣди-то говорятъ, проговорила Прасковья Игнатьевна, и заплакала.

— У! черги! проговорилъ Петръ Савичъ, и сталъ одѣваться.

Прасковья Игнатьевна плакала. Вдругъ Петръ Савичъ подошелъ къ ней и ударилъ ее по спинѣ, такъ что жена взвизгнула.

— Зачѣмъ ты ее бьешь-то? вскочивши съ полатей и подбѣжавъ къ Петру Савичу, сказалъ Илья. — И не стыдно тебѣ... По міру заставляешь ходить.

Петръ Савичъ затихъ. Онъ сознавалъ, что онъ сегодня надѣлалъ сгоряча много глупостей, но просить прощенія у шу-

рина и жены ему не хотѣлось; не хотѣлось также, въ присутствіи шурина, утѣшить жену, и онъ, не простившись съ ней и не сказавъ ей ни слова, вышелъ. Когда онъ поровнялся съ окномъ, Прасковья Игнатьевна отворила окно и спросила робко:

— Петръ Савичъ... купи муки.

— Куплю,—и онъ пошелъ.

— Топить печь-то?

— Я почему знаю,—и онъ зашагалъ скоро по грязи.

Прасковья Игнатьевна заплакала. Въ первый разъ послѣ замужества она была унижена мужемъ передъ братомъ; въ первый разъ ей показалась эта новая жизнь противна... Но никто не могъ ее утѣшить въ это время. Илья тоже ушелъ и Прасковья Игнатьевна осталась одна, и ей въ первый разъ показалось страшно сидѣть дома. Не могла она ни мыслями, ни работою преодолѣть какой-то боязни... Въ другое время она бы зашла, а теперь нельзя — это было во время обѣдни, и она вдругъ вздумала отправиться въ церковь. Но когда она дошла до церкви, то народъ уже выходилъ оттуда.

— А, здорово, молодуха! кричалъ рабочій, идущій изъ церкви въ тиковомъ халатѣ, съ двумя товарищами, и снялъ фуражку.

Прасковья Игнатьевна поклонилась.

— Никакъ Курносовъ-то гуляетъ?

Мастеровые прошли.

— Куды это?.. крикнула молодухѣ молодая бойкая женщина.

— На рынокъ иду.

— Покупать вольнокъ! Ну, счастливо, только, надо-быть, поздно, смѣялась бойкая женщина.

И много еще пришлось Прасковьѣ Игнатьевнѣ останавливаться и выслушивать насмѣшки. Слезы душили ее, но она только глотала ихъ и боялась, какъ бы ей не заплакать. Рынокъ пустѣлъ, торгаши смѣялись надъ ея бѣлымъ лицомъ и нахально предлагали купить то, что ей вовсе не нужно.

Пошла она опять къ Дарьѣ Викентьевнѣ.

— Што это, молодуха, подглази-то у тѣ какіе красные... Ай-ай! встрѣтила гостью Дарья Викентьевна.

— Ничего.

Такъ Прасковья Игнатьевна и промолчала и ничего не сказала объ утренней сценѣ. Молчала она и за обѣдомъ, молчала и послѣ обѣда. И хотя Тимофей Петровичъ приставалъ къ ней съ шуточками, но ей не до смѣху было, и она печальная ушла домой, такъ что Дарья Викентьевна очень была удивлена поведениемъ Прасковьи Игнатьевны и обратилась къ мужу съ такимъ вопросомъ:

— Ты не знаешь-ли, што съ ней?

— Съ мужемъ поди не ладить.

— Ну ужъ и муженекъ! Давно-ли женился, а у Павловыхъ день и ночь трется.

— Ты этого не говори; мало-ли што дураки толкуютъ.

— Положимъ пустяки! Мы вонъ съ тобой какъ маялись... Такъ то мы, а она другое дѣло. Нынче вонъ и порядки-то иные: чуть чево? острамятъ, да еще какъ...

Тимофей Петровичъ не возражалъ и немного погодя вдругъ сказалъ женѣ:

— Дарюха!.. смѣваю я — здѣсь невыгодно торговать-то.

— Это почему такъ? На тракту, да невыгодно... Ты еще скажешь: и кузницу долой...

— Затараторила... Я вовсе не къ тому, што невыгодно. А видишь суть какая: не худо-бы въ Козьемъ болотѣ лавочку открыть. А?

— Вотъ ужъ! полезъ туда съ торговлей, скажутъ новые порядки ввелъ.

Однако Дарья Викентьевна задумалась.

— И што это ты вздумалъ непременно лавченку въ Козьемъ болотѣ?

— Знаешь? началъ нерѣшительно мужъ. Я никому не хотѣлъ говорить, да ужъ такъ и быть скажу тебѣ, только ты молчи... Какъ ты думаешь на счетъ этого: не худо бы купить у племянницы-то домъ.

— Ну?

— Знаешь домъ родовой, да и я съ Игнатьемъ самъ его строилъ.... Оно конечно у меня робята тоже свои и у Игнатя свои; пополамъ значить...

Жена задумалась.

Вдругъ входитъ къ нимъ Курносовъ. Пальто загрязнено, о брюкахъ и говорить нечего; его пошатываетъ.

— Пьянъ, дядя... пьянъ! проговорилъ Курносовъ и сѣлъ на скамейку къ столу.

— Хорошъ молодой! Диви бы жену какую выбралъ—драннуху али бы...начала Дарья Викентьевна.

— Хуже!!—Курносовъ махнулъ рукой.

— Чѣмъ же она худа-то?

— Стряпать не умѣетъ.

Тимофей Петровичъ и Дарья Викентьевна захохотали.

— Стыдился бы ты говорить-то? сказала сердито Дарья Викентьевна.

— Вру я штоли? Сама поди видѣла, ѣла.

— Все это, какъ я погляжу, Петруха, одна придирка съ твоей стороны. Право! Ты не обидься моими глупыми рѣчами: глупъ я давно, а все-жъ скажу, што и я тоже не съ рынку покупалъ хлѣбъ-то. Кто пекъ, да щи-то варилъ? Племянница. О-охъ ты!! проговорилъ недовольно Тимофей Петровичъ и вышелъ во дворъ.

Дарья Викентьевна была чѣмъ-то занята и тоже вышла вслѣдъ за мужемъ. Петръ Савичъ посидѣлъ немного и тоже вышелъ.

IX.

Послѣ описанныхъ выше сценъ прошло три недѣли. Положеніе Прасковьи Игнатьевны немного улучшилось: Петръ Савичъ пересталъ пить и ежедневно ходитъ на службу, послѣ обѣда уходитъ рыбачить съ Матвѣемъ Матвѣичемъ Потаповымъ, извѣстнымъ въ таракановскомъ заводѣ стихоплетомъ. Матвѣй Матвѣичъ очень смѣшной человекъ, и трезвый, и навеселѣтъ—последнее впрочемъ случается рѣдко: Матвѣй Матвѣичъ любитъ выпить на даровщину, да и не только выпить, но и въ званіи любимца Управляющаго онъ частенько объѣдаетъ у приказныхъ. Глаза у него каріе, брови, волосы и усы черные, онъ еще молодъ, на жирномъ лицѣ замѣтна постоянная улыбка, онъ то и дѣло вдыхаетъ носомъ въ себя воздухъ, а когда смѣется, то лѣвую ладонь прикладываетъ къ лѣвому глазу—по привычкѣ, перенятой отъ прикащика Переплетчикова, съ которымъ онъ хотя и не былъ друженъ, но у хорошихъ людей сталкивался. Прасковья Игнатьевна давно его знала, какъ шута гороховаго, ей весело было съ нимъ — и только. Она даже не умѣла подмѣтить въ немъ ничего дурного, напротивъ, она искренно хвалила его за то, что онъ часто приводилъ домой ея пьянаго мужа и говорилъ ей, что онъ всячески старается направить Петра Савича на истинный путь, т. е. не даетъ водки и т. п. Захаживалъ Потаповъ и безъ Курносова, но только болталъ вздоръ и смѣшилъ до слезъ Прасковью Игнатьевну, которая нарочно упрашивала его посидѣть. Посѣщенія Потапова только одними шутками и заканчивались. — Прасковья Игнатьевна не могла не нарадоваться тому, что муженекъ ея не пьетъ по прежнему, но ей почему-то и отъ чего-то скучно становилось. Ей казалось, что рабочія женщины живутъ лучше ея, у нихъ все есть по домашности, а у нея ничего нѣтъ.

— У людей-то, погляжу я, и корова, и лошадь.

— Выдумывай, скажетъ Петръ Савичъ и замолчитъ на цѣлый день.

Что онъ думалъ и думалъ-ли онъ чтонибудь—сказать трудно, но все прежнее хозяйство дома Глумовыхъ теперь замѣнилось присутствіемъ огромнаго самовара, по всей вѣроятности, попавшаго въ старый хламъ на рынкѣ отъ какого-нибудь красноносаго сбитеньщика. Прасковья Игнатьевна, хотя и радовалась самовару на первое время—„какъ не радоваться, говорила она самой себѣ, и мы значить не мошки какія:“ вѣдь Петя-то учитель, но она никакъ не могла понять: откуда это Петя могъ достать самоваръ и на какія деньги? И къ чему этотъ самоваръ торчать на шкафчикѣ, когда онъ употребляется только при подучкѣ Петромъ Савичемъ денегъ, да развѣ Дарья Викентьевна придетъ побаловаться. Посидитъ она немного и говорить.

— Ну-ко, молодуха, угости: поставь самодырѣ-то, въ горлѣ што-то першить.

Поставить Прасковья Игнатъевна самодыръ, какъ умѣть, а Дарья Викентъевна ухаживаетъ за нимъ, какъ за дитей. Поспѣетъ самоваръ, надо чай заваривать, а у молодухи чайника нѣтъ, а есть только безъ блюдечка чайная чашка, принесенная Дарьей же Викентъевной, которая хотя и подарила молодухѣ блюдечко, но Прасковья Игнатъевна вздумала кормить пзъ него любимую свою кошку и какъ-то разъ наступила на него и раздавила.

— Эко дѣло! Надо бы посудинку захватить... Экая я дура набитая, вѣдь пзъ-ума вонь! сѣтуетъ Дарья Викентъевна помотритъ на самоваръ; а Прасковья Игнатъевна хохочетъ, хотя и знаетъ, что у Дарьи Викентъевны и дома нѣтъ посудыны, а что она только хвастаетъ. Она знаетъ, что будетъ теперь дѣлать Дарья Викентъевна и поэтому ей смѣшно, но предложить ей что нибудь — значить разобидѣть ту.

— Ну надъ чѣмъ ты, дура, смѣешься? крикнетъ вдругъ на Прасковью Игнатъевну Дарья Викентъевна, а та животъ подпираетъ руками — до того ей смѣшна причуда Дарьи Викентъевны.

Наконецъ Дарья Викентъевна открываетъ крышку самовара; паръ изъ самовара заставляетъ ее сторониться, она достаетъ пзъ кармана, сдѣланнаго на правомъ боку сарафана, бумагу въ которой завернуты чайные выварки, смѣшанные съ травой лабазникомъ.

Стали пить чай — налили въ двѣ деревянные чашки; вышла желто-красная жидкость. А такъ какъ трава засѣдала въ краиѣ, то приходилось часто прибѣгать къ помощи прутика отъ вѣника.

Отпили немного молча; сахару нѣтъ. Поставили чашки; объ сдять, то глядятъ въ окно, то въ чашки.

— Паруша! говорятъ вдругъ Дарья Викентъевна.

— Ну?

— Не лучше-ли съ толокномъ?!

— И то! и Прасковья Игнатъевна скоро идетъ во дворъ, потому въ погребушку и приноситъ мѣшечекъ съ толокномъ. Обѣ онѣ сыпать толокно въ чай и обѣ хвалить это кушанье, а Дарья Викентъевна причмокивая говоритъ:

— Кабы я была управляюща — все бы съ толокномъ! Пра-а!..

И точно заводскія женщины очень любятъ толокно особенно съ пивомъ; но вѣдь у каждаго человѣка свой вкусъ; поэтому и Дарья Викентъевна съ Прасковьей Игнатъевной любили пить чай только съ толокномъ, надъ чѣмъ Петръ Савичъ, и въ особенности Илья Игнатъичъ, вдоволь потѣшались.

Но какъ ни хорошо было пить чай съ толокномъ, а самоваръ просто сбилъ съ толку Прасковью Игнатъевну: станетъ ли она дѣлать что, часто смотритъ на самоваръ, а то и подойдетъ къ нему, возьметъ его въ руки, оглядитъ и скажетъ: а важнѣющій!.. Разъ она какъ-то утромъ долго пролежала. Погода была север-

ная — вотъ уже третью недѣлю шелъ дождь, такъ бы и не вышелъ изъ дому. Петру Савичу нездоровилось и онъ не хотѣлъ идти въ училище. Илья Игнатьичъ ковырялъ свой сапогъ у лавки и насвистывалъ неистово какую-то грустную пѣсню, а Павелъ Игнатьичъ щипалъ лучину на змѣекъ, который лежалъ еще недодѣланнымъ посреди пѣзы и разговаривалъ съ полѣномъ, или, иначе сказать, забавлялся, ругая и наговаривая вздоръ полѣну и отвѣчая за него...

— Петя... И что это со мной, право?.. начала вдругъ Прасковья Игнатьевна.

— Што тебѣ еще?

— Да достатки-то наши...

— Погоди; вотъ прикащикъ обѣщался дать должность въ конторѣ.

— И когда это будетъ... Господи! Ужъ продамъ же я этотъ проклятый самоваръ. Ей Богу продамъ?

— А ты думаешь дешево онъ мнѣ стоитъ: я цѣлый мѣсяцъ корпѣлъ вывода съ раскольническихъ книгъ вотъ эдакія буквы (онъ показалъ ноготъ на мизинцѣ)... Вотъ мнѣ и дали только этотъ самоваръ.

— Вотъ такъ хвастушка; разѣ кержаки пьютъ чай.

— Дура! въ городѣ я его досталъ, а городскіе раскольники чай ньютъ въ тихомолку.

— Ну а я вотъ продамъ, и все тутъ. Прода-амъ? Петинька, дружекъ, прода-амъ...

— Отстань! што привязалась? Будетъ время купимъ и корову, и лошада.

— Ты и самоваръ пропъешь, тебѣ только доткнуться до этого проклятаго винища и пошелъ локать... И што въ самъ-дѣлѣ за жизнь! Штой-то въ самъ дѣлѣ? И чѣмъ я хуже другихъ! Сказано куплю корову и куплю! — Прасковья Игнатьевна встала, крикнувъ на послѣднемъ словѣ.

— Смѣй только, такъ я тебѣ бока поломаю!

— И што ты со мной сдѣлаешь? Бить будешь опять? А начальство-то на што. Оно развѣ не вступится; ужъ я знаю, что я сдѣлаю.

— Ну-ко што ты сдѣлаешь со мной, если дойдетъ дѣло до этого? спросилъ насмѣшливо мужъ жену.

— Ужъ я знаю! — И ушла во дворъ.

„Въ самомъ дѣлѣ што я сдѣлаю? Этакой вѣдь олухъ!“ ворчала Прасковья Игнатьевна и стала думать, зачѣмъ она во дворѣ стоитъ? Вонъ мать ея силится дровни стащить на другое мѣсто, вѣроятно, ей не нравится, что дровни лежатъ непремѣнно тутъ, а не на другомъ мѣстѣ, только силенки-то у нея мало. Подошла къ ней дочь и наклонилась къ дровнямъ для того, чтобы приподнять одинъ конецъ ихъ и, по желанію матери, оттащить ихъ съ ней туда, куда она вздуμαетъ.

- Уйди! сказала мать и замахнулась на нее костлявою рукою.
- Вѣдь не стащишь?
- Чево?

— Не стащишь, говорю! крикнула Прасковья Игнатьевна и прошептала: о глухая тетеря! Но прошептавши это, она подумала: эхъ я! мать-то какъ обозвала...

Старуха крихтитъ надъ дровнями, а дровни подаются плохо, и такъ какъ они хотя немного, а все таки подаются, то ее это и занимаетъ. Поэтому, Прасковья Игнатьевна и не стала ей мѣшать больше.

Мысль купить во что бы то ни стало корову крѣпко засѣла въ головѣ Прасковьи Игнатьевны, желаніе это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалось; все думалось, что тогда у нея будетъ свое молоко, она будетъ его копить, дѣлать изъ него масло, творогъ, она будетъ ѣсть манъги. И Господи, сколько у нея тогда будетъ удовольствія, и какъ она будетъ любить корову! „Даже вотъ мамонька, и та можетъ отъ этого придеть въ чувство.“ Но какъ ни хороши были эти думы передъ сномъ и послѣ сна, но онѣ не могли осуществиться, оставалось только продать самоваръ, а какъ его продашь, когда онъ не ея, а мужа?

— А я-то чья? не его разѣ?! разѣ онъ не мой? пришло ей какъ-то въ голову и она стала развивать эту мысль; только сколько ни думала, въ дѣйствительности оказывалось, что она очень безсильна на то, чтобы бороться съ мужемъ. Это ее стало бѣснать и она пошла къ одной ворожеѣ въ Медвѣдку. Пошла она къ ней посоветоваться, какъ къ женщинѣ опытной. Послѣ пустяшныхъ переспросовъ о житьѣ-бытьѣ съ обѣихъ сторонъ, Прасковья Игнатьевна робко приступила къ дѣлу.

- Не знаю какъ помочь тебѣ... Самоваръ, говоришь, есть?
- Есть, да не мой, а мужъ не даетъ.
- Пошли-ко ты его ко мнѣ, я уговорю его.
- Не пойдетъ онъ, а ты сама приди.

Пришла къ ней ворожея. А Петръ Савичъ былъ такого убѣжденія, что, эти шептуньи только деньги выманиваютъ, и ненави-дѣлъ ихъ.

Старуха вела себя чинно, больше молчала. Петру Савичу она высказала, что пришла съ предложеніемъ: не купить ли онъ корову?—дешево продаютъ. Петръ Савичъ сказалъ, что онъ не такъ богатъ, чтобы накупать коровъ и всякую дрянъ, которую надо кормить и сказалъ женѣ, чтобы она не смѣла и думать объ этой дряни; что она его только сердитъ своими глупыми фантазіями. Прасковья Игнатьевна пустилась въ слезы; старуха приняла другой тонъ и стала корить Петра Савича тѣмъ, что онъ ни рыба ни мясо, пустая башка; Петръ Савичъ выгналъ старуху вонъ и получилъ отъ нея названіе варнака.

Прасковья Игнатьевна была пририта, а ночью пьяный мужъ

прогналъ ее изъ дому за то, что она попрекнула его самоваромъ, который онъ съ вечера унесъ куда-то.

Итакъ Прасковья Игнатьевна не могла дѣйствовать самостоятельно безъ того, чтобы не быть битой. Но эта сцена не только не прекратила ея желаній приобрести корову, но еще болѣе увеличила. На первый разъ, какъ только мужъ прогналъ ее изъ дому, она долго плакала и проклинала свою жизнь. Въ первый разъ ей пришла въ голову мысль убѣжать изъ двора далеко-далеко, но когда она стала успокоиваться, ей жалко было покинуть свое родное гнѣздышко, свою мать, да и куда она пойдетъ. „Не пойду, а буду настаивать на своемъ: бить будетъ,—сама сдачи дамъ!“ И она храбро вошла въ избу...

Петръ Савичъ спалъ, какъ мертвый.

— Пстой же чортъ ты эдакій! Сдѣлаю же я съ тобой штуку; покажу я тебѣ какъ бить меня.

И она отрѣзала у него ножницами одну половину усовъ.

— Стриженный учитель!! сказала она, и такъ ей сдѣлалось смѣшно, такъ она долго хохотала, что разбудила Илью, который, посмотрѣвъ на Курносова, тоже захохоталъ.

— Полъ головы ему обстриги, кричалъ Илья.

— Будетъ и этого.

Но вотъ Курносовъ пошевелился, взглянулъ, что-то пробурчалъ и опять заснулъ, но для Прасковьи Игнатьевны и этого было достаточно для того, чтобы перепугаться: не даромъ Петръ Савичъ съ такимъ стараніемъ постоянно разглаживаетъ и подстригаетъ свои молодые усы... А что будетъ съ нимъ, когда онъ проснется и по обыкновенію протянетъ руку къ лѣвой половинѣ усовъ...

Отъ страха она пошла къ дядѣ. Тотъ обругалъ Курносова.

Нечего и говорить о томъ, что продѣлка Прасковьи Игнатьевны подняла много шума на заводѣ. Дѣло въ томъ, что Курносовъ проснулся рано; замѣтилъ онъ съ пьяна или нѣтъ, что у него нѣтъ одной половины усовъ, только разобидѣвшися тѣмъ, что нѣтъ ни въ избѣ и ни во дворѣ жены, — что случилось въ первый разъ, онъ, надѣвъ халатъ, отправился въ первый попавшійся кабакъ, но дорогой вдругъ остановился удивленный и пораженный.

— Што за дьяволъ? говоритъ онъ, шупая лѣвую щеку.

По дорогѣ идетъ шесть рабочихъ; останавливаются.

— Здорово, дядя Курносовъ, говоритъ одинъ рабочий.

— Здорово! говоритъ сердито Курносовъ.

— Аль торнулся — расшибъ щеку-то?

— Смотрите!! показалъ Курносовъ на щеку.

Рабочіе какъ взглянули, такъ и поджали животики!

— Черти!! дьяволы!! кричалъ онъ, привскакивая и поворачиваясь.

Но сбѣжалась толпа, и со всѣхъ сторонъ посыпались остро-
ты на бѣднаго Курносова.

— Хорошъ учитель, ребячій мучитель! Съ однимъ усомъ...
Хо-хо!

— И какъ это угораздило кого-то! Молодца!

— Это непременно ему женушка соблаговолила! Какова баба?!
Микита бойся своей Агулины, голову отрѣжетъ.

— Самъ своей бойся: у тебя вонъ усы есть, а у меня поло-
женья такого и въ поминѣ не было.

И рабочіе смѣясь повалили въ кабакъ, куда пошелъ Кур-
носовъ.

Весь заводъ узналъ объ этомъ пропсшествіи и заговорилъ о
томъ старый и малый, прибавляя, что пьяному учителю Кур-
носову жена усы обстригла.

Каково было положеніе Петра Савича, можетъ догадываться
самъ читатель.

X.

Петръ Савичъ отъ природы былъ честень. Онъ бы могъ
имѣть пятиконный домъ въ заводѣ, если бы сталъ подличать,
угождать прикащику и дѣлать поборы съ родителей ввѣрен-
ныхъ ему учениковъ; служба въ главной конторѣ и завѣдывая
тамъ лѣсною частію, онъ могъ бы сколько угодно продавать
лѣсу; но онъ этого не хотѣлъ, считая все это воровствомъ,
за что не только не любило его начальство, называя его бло-
хой и ябедникомъ, но и товарищи, изъ которыхъ Матвѣй Мат-
вѣичъ Потаповъ первый смѣялся надъ его *анакоретствомъ*,
какъ онъ понималъ честнаго человѣка. При такомъ положеніи
дѣлъ Петръ Савичъ полюбилъ честную дѣвушку, которая по
красотѣ приходилась, на его взглядъ, красивѣе всѣхъ завод-
скихъ дѣвицъ. Но когда онъ женился, то почувствовалъ на се-
бѣ всю тяжесть семейной жизни, потому что передъ свадьбой
начальство ему много пообѣщало хорошаго, а послѣ свадьбы
ничего ему не было дано, и онъ долженъ былъ жить на три
рубля, да сочинять кое-кому изъ рабочихъ прошенія, выручая
за нихъ весьма немного. Къ тому же за прошенія ему иногда
приходилось сидѣть подъ арестомъ въ полиціи безъ сапогъ.
Положеніе его было довольно неказистое. Оставалось или под-
личать или терпѣть, а тутъ еще дома неприятности: жена въ
первое время стирать не умѣетъ. Но потомъ онъ успокаи-
валъ себя, что холостой онъ жилъ на квартирѣ, гдѣ ему по-
стоянно давали щи и кашу въ его вкусъ. Тамъ онъ требовалъ
какъ жилецъ, платящій деньги, а теперь онъ вдвоємъ, даже
въ пятеромъ: вѣдь заводоуправленіе не выдаетъ ни ему, ни

маленькимъ Глузовымъ ни соли, ни крупы, ни мяса. А ужь если онъ взялся за гужъ, то долженъ быть дюжъ, т. е. колп женился, то долженъ и семейство свое содержать. Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ виновата Маланья Степановна, что она воротилась изъ горнаго города сумасшедшею? Чѣмъ же виноваты Илья и Павелъ Глузовы, оставшіеся сиротами?

— И сунуло меня жениться! ворчалъ обыкновенно Петръ Савичъ, дойдя наконецъ до настоящей причины своей бѣдности. Но уже дѣло сдѣлано, поправить его могутъ только обстоятельства; главное ему нужно хорошенько отрезвиться, бросить эту проклятую водку и работать, работать. При послѣднемъ заключеніи вертѣлись въ головѣ Петра Савича какіе-то хорошіе планы, только они вертѣлись въ нетрезвомъ состояніи и поутру казались непримѣнимыми или невозможными. А тутъ жена пристаесть съ коровой. „И не можетъ она, дура набитая, понять того, что намъ самимъ подчасъ жрать нечего, а она съ коровой. Покосясь вонъ Тимофей Глузовъ взялъ, и я ужь давно даже перепилъ за этотъ покосъ, еще пожалуй росписку представить въ судъ? А на что я куплю сѣна? Ну какъ я ей разъясню это? Вѣдь я понимаю, что корова подруга женщины, какъ и лошадь для мушеры... Она изъ за меня продала корову... Она должна требовать съ меня корову; но это опять бремя для меня“. Но высказать этого онъ не умѣлъ своей женѣ, да ему, обязанному ей, было совѣстно говорить о томъ, что она сама должна понять.

„Бросить службу, и идти въ непремѣнные работники!.. Брошу я этихъ подлецовъ?“ Но перейти въ непремѣнные работники значитъ упасть, не надѣяться на свои силы тамъ, гдѣ онъ могъ принести пользы гораздо болѣе, чѣмъ въ рабочихъ. А съ кѣмъ посоветуешься? съ женой? Она заплачетъ; будетъ говорить, что онъ ее обманулъ, подмазавшись къ ней учителемъ; обманулъ отца ея, дядю простака и придурня. „И будетъ она сохнуть, да и я-то, что буду?“ Такъ онъ думалъ утромъ, когда жена просила у него самоваръ.

Рабочіе любили Петра Савича. Любили они его за то, что онъ былъ простой человекъ. Еще мальчикомъ онъ умѣлъ потрафлять рабочимъ сочиненіемъ писемъ, еще мальчикомъ его любили ребята-товарищи за то, что онъ не былъ фискаломъ, а умѣлъ хорошо острить и забавлять ихъ, рассказывая изъ вычитанныхъ книгъ разныя исторія, забавные случаи. Когда онъ поступилъ на службу, какъ рабочіе, такъ и товарищи отшатнулись отъ него, прозвавъ его кургузкой. Идетъ ли онъ по улицѣ, ребята ему языкъ кажутъ: рабочіе надъ нимъ острятъ; случится ли въ заводѣ свадьба богатая, рабочихъ въ церковь не пускаютъ, они толкуются у церкви и на крылечкѣ, а Курносова пропускаютъ; рабочіе толкуются у провіантскаго магазина, а Курносову рабочей везетъ кудъ муки... Сблизиться

съ рабочими въ это время Курносову было довольно трудно. Но вотъ его сильно обидѣли, обидѣли его убѣжденія... а онъ и раньше съ пріятелями-приказными пивалъ не только водку, но и ромъ, ради веселья; ну и вздумалъ отправиться въ кабакъ. Рабочіе сперва при входѣ Курносова замолчали, а потомъ стали зло издѣваться намъ нимъ, это его взбѣсило и онъ напился до того пьянъ, что пустился въ драку съ рабочими; его отвели въ полицію. Мало-по-малу Курносовъ вдавался въ пьянство; мало-по-малу мнѣнія объ немъ измѣнялись; и съ тѣхъ поръ какъ онъ попалъ въ домъ Игнатія Глумова, его всѣ рабочіе полюбили до того, что стали обращаться съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ. Со временемъ онъ втянулся въ интересы рабочихъ, и его горе слилось съ горемъ рабочихъ; но когда онъ высказывалъ это рабочимъ, никто изъ нихъ не могъ понять: какъ можетъ приказный и для чего сочувствовать ихъ горю, когда это никому изъ нихъ не принесетъ пользы. Рабочіе пили горькую и его за компанію угощали, а ему, не понявшему сущности чувствъ и страданій рабочихъ, казалось, что хотя его и любятъ они, но издѣваются надъ нимъ, какъ надъ кургузкой, пьяницей... И онъ старался не пить ради любви къ женѣ, но трудно было остановиться и его спасала только рыбная ловля, но за то, какъ попала лишняя рюмка въ глотку — все нппочемъ, — все горе и зло снова является къ нему и тогда онъ „пропащій человекъ“, какъ выражались о немъ рабочіе.

— Пойду работать! Кайломъ пойду бить! кричитъ Курносовъ, переставши вдругъ играть на гитарѣ, подъ плясъ рабочихъ, ихъ любимую пѣсню.

— Ой-ли? А знаешь ли ты, съ которой стороны кайло-то беретъ? острять надъ нимъ.

— Въ шахту его, братцы!

И начнутъ рабочіе качать Курносова, взявши его за руки и за ноги, а потомъ и бросятъ.

— Воровать стану! кричитъ онъ, хмѣля все болѣе и болѣе.

— Ну это вашему брату, кургузкамъ, болѣе съ руки.

Но это были только шутки, потому что Курносовъ не могъ рѣшиться на такую крайность.

Такъ и бился онъ до обрѣзанія усовъ, а тутъ опять запылъ и попалъ въ полицію.

Усовъ на немъ не было: какіе-то добрые люди обрили ему усы, но общее впечатлѣніе у Петра Савича ясно ему представлялось, когда онъ лежалъ въ дремотѣ: жена подходитъ къ нему съ ножницами и стрижетъ... стрижетъ...

И страшно онъ золъ сдѣлался на свою жену. Всѣ обиды въ сравненіи съ этой ему казались пустяжными: его жена осрамила его на весь заводъ! Ну какъ онъ пройдетъ теперь по улицѣ? какъ явится въ контору, въ церковь на крылосъ и въ

училище? „Лучше помереть“ шепчетъ онъ „противна она теперь мнѣ“.

— Правъ у тебя дикій! говорятъ ему товарищи арестанты.

— А если она глупа?

— Значитъ возжи опустил!

„Ну это не въ моемъ характерѣ, думаетъ Петръ Савичъ.

— И што за важность усы? говоритъ одинъ арестованный.

„Нѣтъ это все таки насиліе. Кабы она меня любила, успокоила бы меня. Она меня не любитъ, она еще и не то сдѣлаетъ со мной... Господи! помоги мнѣ... шепчетъ Курносось.

Ему стыдно казалось предстать передъ Прасковью Игнатьевну—до того онъ находилъ себя глупымъ и беспомощнымъ человѣкомъ. Да и Прасковья Игнатьевна, подумавъ хорошенько, находила свой поступокъ дурнымъ, и крѣпко запечалилась.

„И съ чего это я вздумала ему усы стричь?“ спрашивала она себя. Ей жалко было мужа, стыдно передъ людьми, которые ее будутъ останавливать вопросамъ: „не ты ли Курносову усы обрѣзала?...“ Но какъ изгладить этотъ поступокъ, когда общество интересуется отъ скуки всякою мелочью. „Какъ я теперь пойду къ нему? Жалко и больно жалко ей стало Петра Савича, а домой идти боится. Хочется провѣдать мать—стыдно.

„Пойду! Не боюсь я его!“ думаетъ она иной разъ, одѣнется и опять раздѣнется.

Пробыла она у дяди три дня. Дарья Викентьевна сердится.

— Штожь ты живешь въ людяхъ, али дома своего нѣтъ?

— Пойду, тетушка.

— Колды пойдешь-то! Рада на чужомъ хлѣбѣ жить.

А тутъ пришелъ Илья Игнатьичъ, началъ говорить, что колл сестра не придетъ, ему совѣтуютъ домъ продать. Тимофей Петровичъ назвалъ его щенкомъ и сказалъ, что отъ дома онъ еще, можетъ, и щепки не получить.

Пошла домой Прасковья Игнатьевна съ братомъ, сердце щемить у нея. Однако она спросила его:

— А Петръ Савичъ дома?

— Въ полиціи, говорятъ, сидитъ.

— Такъ я, Иля, туда пойду.

— Ты накорми насъ наперво.

— Чѣмъ?

— Ужь это мое дѣло! Двѣ полосы желѣза продалъ. Говядины купилъ, водка есь.

— Я, Иля, схожу къ нему.

Сестра пошла къ мужу, а братъ направился къ дому рабочаго Дмитрія Гурьяныча Горюнова, но сестра замѣтила, что онъ вошелъ на пути въ питейный домъ, и тяжело вздохнула.

— И отчего это раньше я не замѣчала, што мужики съ измалѣтства пьютъ! подумала Прасковья Игнатьевна.

— Што нужно? спросилъ Прасковью Игнатьевну Петръ Савичъ, сидя на корточкахъ передъ лавкой и играя, съ двумя рабочими и одной женщиной, въ карты, въ дураки.

Прасковья Игнатьевна и позабыла посмотреть: есть у него усы плъ нѣтъ,—ей не до того было.

— Провѣдать, сказала она робко.

— Нечего провѣдывать-то.

— Да ты на что сердишься то?... Усы-то тебѣ Илька обрѣзалъ. Петръ Савичъ посмотрѣлъ на нее.

— Какъ ты меня прогналъ, я и ушла къ дядѣ Глумову, а утромъ прихожу, тебя и нѣтъ. Илька копошится у печки. Гдѣ, спрашиваю, Петръ Савичъ?.. А онъ хохочетъ... А Пашка говорить: Илька ему усы обкарналъ.

— Разсказывай, матушка, сказки.

— Все это я мекаю враки, Савичъ, што про твою жену толкуютъ, сказалъ одинъ рабочій.

— А коли такъ, вотъ мое слово: штобы твоихъ братьевъ и духу не было въ домъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ Петръ Савичъ.

— Съ тѣмъ, штобы ты не пьянствовалъ! сказала Прасковья Игнатьевна.

На этомъ и покончился разговоръ супруговъ.

Прасковья Игнатьевна и рада была, что братья не будутъ съ нею жить и неловко ей было прогнать ихъ, какъ братьевъ. Рада она была потому, что они раздражали ея мужа, совались не въ свое мѣсто, были для нея какъ бѣльмо на глазу и въ особенности Илья заявлялъ право на домъ, бывши четырьмя годами моложе ея. Неловко прогнать потому, что онъ братья, онъ получаютъ провіантъ, помогаютъ ей кое-что дѣлать. Она предоставила разрѣшить этотъ трудный для нея вопросъ мужу.

Братья перебрались къ дядѣ Тимофею Петровичу и между ними и Курносовымъ завязалась непримиримая вражда.

XI.

Училище стояло на площади. Внутренность этого зданія цвѣтомъ походила больше на кабакъ, а зимою въ немъ учителя могли пробить часъ, единственно или изъ любви къ дѣлу или ради того, чтобы показать начальству, что они не берутъ даромъ деньги, иначе вонь и грязь хотя кого бы проняли. Настоящее училище существуетъ только для пріѣзда видныхъ гостей. Этотъ домъ каменный, двухъ-этажный и въ немъ живетъ нарядчикъ Площадниковъ, тестъ прикащика. Въ самомъ же училищѣ, находящемся внизу, находится прачешная Площадникова, а когда нужно показывать училище начальству, то стѣны бѣ-

лать, полы моютъ и втаскиваютъ въ комнату съ двумя окнами четыре парты, шкафъ, въ которомъ ровно ничего нѣтъ, столъ и стуль....

Въ описанномъ выше зданіи прежде существовалъ столярни, но съ тѣхъ поръ какъ владѣлецъ предписалъ управляющему завести въ заводъ школу, то управляющій приказалъ назначить для нея это зданіе; тогда и назначено было отвести для столярни заднюю половину дома, что за западными дверьми, а такъ какъ помѣщенія оказалось мало, то и дали еще другой домъ, что находится во дворѣ.

Семь часовъ утра. Около восточныхъ дверей сидятъ пять учениковъ, мальчики отъ шести до пятнадцати лѣтъ, въ тиковыхъ халатахъ, худыхъ сапогахъ и фуражкахъ. Это дѣти зажиточныхъ мастеровъ. На полянкѣ лежатъ двѣ засаленыя и съ сильно загнутыми углами книжки. Двери заперты. Они играютъ въ гальки. Двое парней по четырнадцати лѣтъ въ синихъ штанахъ, бѣлыхъ рубахахъ, босые, недалеко отъ спящихъ, играютъ въ шожки, т. е. мечутъ правыми ногами жестяную пуговку съ прикрѣпленнымъ къ ней клочкомъ собачьей шкурки съ шерстью. Они то и дѣло кружатся, разѣваютъ рты, ругаются, когда шожка не упала на ногу, и очень заняты своей игрой. Недалеко отъ нихъ десятилѣтній мальчикъ тоже босой, въ рубахѣ и штанахъ, около училища выдѣлываетъ разныя штуки мячикомъ, а другой въ огромной теплой шапкѣ, стоя около него и куря воронкообразную *попероску*, то и дѣло кричить:

— Сорвешься, Сенька! сорвешься? Черезъ руку?.. Черезъ ногу?.. Ну на лбу сорвешься!!..

У южныхъ дверей четверо ребятъ въ рубахахъ и подштанникахъ жарятъ въ бабки; у новой столярни двое дерутся.

Всѣ эти ученики по виду нисколько не походятъ на учениковъ, но, по обращенію между ними, можно въ нихъ замѣтить училищный духъ, духъ общительности и дружбы, на томъ основаніи, что они играютъ не въ общей кучѣ. Это даже замѣтно и изъ того, что вошелъ еще ученикъ во дворъ въ длинной, прорванной во многихъ мѣстахъ, рубахѣ, съ болячками на лицѣ и съ черными кудреватыми волосами и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе.

— Кудряшка-мурашка, сколько видъ получилъ? съострилъ одинъ изъ халатниковъ.

— Собака! сказалъ кудряшъ.

Халатникъ вскочилъ, подбѣжалъ къ кудряшу и ударилъ его поспивъ, но кудряшъ вмигъ повалилъ его на землю. Къ кудряшу подошли остальные пріятели халатника и вѣщались въ него; остальные игроки и драчуны стали заступаться за кудряша; завязалась всеобщая драка, которую рознялъ сторожъ, вышедшій изъ училища съ метлой.

Ученики числомъ до двадцати повалили въ училище, и тамъ продолжали тѣ же игры, какъ и во дворѣ, съ тою впрочемъ разницею, что игравшіе въ бабки теперь играли въ карты и бабки; бабки лежали у каждаго въ картузѣ. Само собою разумѣется, ребята голосили, немногіе, переставши играть, курили табакъ и задирали другъ друга на драку.

— Курносовъ пдетъ! крикнулъ одинъ парень, вошедшій въ училище со двора.

Ученики бросили игры, побѣжали на свои мѣста, на скамейки; по немногу стихли, но потомъ заговорили опять и опять заиграли.

— Урокъ?! крикнулъ одинъ парень-халатникъ, подошедшій къ мальчику безъ халата. Тотъ заплакалъ.

Короче сказать и здѣсь, въ этой грязной школѣ, существовали между школьниками тѣ же нравы, какіе существуютъ въ городахъ; но здѣсь они были доведены до того, что ребята, страшась учителя больше всего на свѣтѣ, боялись и старшаго, спрашивающаго уроки, потому что если ученику нечего дать старшему, то этотъ ученикъ непременно будетъ высѣченъ.

Вошелъ Курносовъ и засталъ учениковъ въ расплохъ, заиграли.

— Смирно! лошади! крикнулъ онъ.

Ученики встали. Одинъ изъ нихъ сталъ читать молитву. После молитвы всѣ сѣли; сѣлъ и Курносовъ на свое мѣсто и началъ перекликать учениковъ. Онъ пришелъ сегодня въ училище съ цѣлю заняться добросовѣстно.

— Старшій!

Всталъ старшій.

— Подойди ко мнѣ.

Старшій подошелъ къ столу. Курносовъ спросилъ его, что такое умноженіе, тотъ сказалъ:

— Умноженіе есть вычитаніе и дѣленіе.

— На колѣни на окно, лицомъ на улицу, скомандовалъ Курносовъ.

Парень стоитъ, переминается съ ноги на ногу.

— Розогъ хошь?!

Парень пошелъ къ окну и ворчитъ: безъусый учитель! Курноско!

— Петръ Савичъ, онъ говоритъ: безъусый Курноско, сказалъ мальчикъ безъ халата.

Курносовъ промолчалъ. Мальчики стали шептаться, потомъ заговорили громко, захохотали. Можно было только понять: Курноско безъусый.

— Тпше! Всѣхъ передеру!!

— Самъ драный!

— Жена усы обрѣзала! гадятъ ребята, и старшій сѣлъ на

свое мѣсто и сталъ ругать учителя разными бранными словами.

Курносовъ потерялъ терпѣніе и ушелъ въ столярную.

— Шабашъ? спросилъ его рабочій, сидя на верстахъ и обтесывая доску. Въ столярной было до десятка рабочихъ, изъ нихъ кто закуривалъ трубки, кто работалъ, кто ѣлъ.

— Покурить пришелъ.

— А каково тебѣ женушка усы-то отчекрыжила! острилъ какой-то молодой рабочій.

Остроты сыпались на Курносова со всѣхъ сторонъ, но скоро кончились. Завязался разговоръ о казакѣ Девяткинѣ, сломавшемъ вчера ногу, потомъ перешелъ къ тому, что Иванъ Оминъ вчера попался на глаза управляющаго пьяный, но тотъ этого не замѣтилъ. Пришелъ казакъ изъ полиціи, потомъ полицейскій писарь, закурили трубки, заговорили о Девяткинѣ, стали звать Курносова въ кабакъ, но онъ пошелъ въ училище.

Въ училищѣ происходила драка.

— Ребята! Али вамъ не говорили, что старшихъ нужно слушаться.

— Мы сами съ усамп, съострилъ кто-то.

— Тото и есть, что ни у кого изъ васъ нѣтъ усовъ-то.

Ученики переглянулись и улыбнулись.

— А что если мнѣ усы, жена или тамъ кто другой, обстригъ, это дѣло не ваше. Вы должны то помнить, что я вамъ хочу принести пользу, хочу научить грамотѣ лаской, а не розгами. Давайте учиться. Хотите учиться?

Всѣ молчатъ и смотрятъ на Курносова.

— Кто хочетъ учиться — встань на лѣво, а не хочетъ — на право.

На право отошелъ одинъ халатникъ и семеро безхалатниковъ.

— Кто не хочетъ учиться, идите домой и скажите вашимъ роднымъ: Курносовъ, молъ, насъ вытурплъ за то, что намъ лѣвъ учиться.

Это была самая рѣзкая мѣра, принятая за наказаніе Курносовымъ, не употребляющимъ розогъ. Исключенный изъ училища, какъ бы онъ ни былъ грубъ, глупъ, исключался и изъ общества товарищей: его не принимали играть, его постоянно дразнили выгнаннымъ изъ школы, и исключенный изъ училища, если онъ былъ сынъ бѣднаго рабочаго, посылался въ работы на рудникъ, безо всякихъ отговорокъ — такая ужъ почему-то была принята съ издавна мѣра начальствомъ; если онъ былъ сынъ богатаго рабочаго, тотъ приводилъ его въ полицію, немилосердно дралъ, или прогонялъ изъ дома, конечно на недѣлю.

Исключенные ребята не трогались съ мѣста.

— Идите, коли грамотѣ знать не хотите, коли не хотите писарями быть.

— Хочу, сказалъ одинъ; за нимъ другой, наконецъ всѣ.

Затѣмъ послѣдовало разрѣшеніе остаться.

Ребята молчали. Курносовъ сталъ объяснять сложеніе: спросилъ бумаги; ея не было, поэтому онъ сходилъ самъ за двумя листами бумаги въ полицію; карандаши имѣлись. Курносовъ нѣсколькимъ далъ по осьмушкѣ бумаги и, написавъ букву или слово, заставлялъ ребятъ писать. Ребята старательно выводили буквы, но недолго, потому что въ училищѣ не было тихо: двое твердили азы; трое твердили умноженіе, раскачиваясь какъ маятникъ отъ усердія; одинъ читалъ по складамъ какую-то сказку, стоя передъ Курносовымъ. Писаки начали толкать другъ друга, стали играть въ херики и оники.....

ХІІ.

Успеніинъ день большой праздникъ въ таракановскомъ заводѣ, во-первыхъ потому, что къ этому дню таракановцы кончаютъ со страдою, а во-вторыхъ въ этотъ день, какъ и въ первые три дня пасхи, нѣтъ работы ни на рудникахъ, ни на фабрикахъ, ни въ лѣсахъ. И послѣ этого дня трое сутокъ тоже работы нѣтъ нигдѣ. Эта волюта дана съ издавна еще первымъ владѣльцомъ. Кромѣ того въ этотъ день въ заводѣ рѣзговънѣе и ярмарка, на которую съѣзжаются татары и крестьяне изъ окрестныхъ деревень съ кожей, лошадьми и тому подобными мѣстными продуктами.

Канунъ праздника. Утро. Петръ Савичъ топить баню, а жена его моетъ полъ. На лицѣ ея замѣтна и усталость, и безпокойство. Думаешь она о томъ: дастъ ли ей Петръ Савичъ денегъ на рыбный пирогъ, да и съумѣетъ ли она сострипнуть его? Вотъ коровы нѣтъ; курочекъ завела христомъ-богомъ парочку съ пѣтухомъ, ужъ одиннадцать яичекъ слава тѣ Господи накопила, пива и браги наварила много. Что бы это сострипнуть? Придутъ ли Глумовъ съ женой завтра?

Имба вымыта, посланы въ ней половики; глядитъ свѣтъ въ окнахъ ясно и въ избѣ хорошо, и весело Прасковѣ Игнатьевнѣ. Главное, Петръ Савичъ не пьетъ и также веселъ; значитъ и праздникъ хорошо встрѣтится и проведется.

Гдѣ-то Петръ Савичъ досталъ денегъ, купилъ соленого сига въ два фунта по 5 коп. за фунтъ, поросенка за 20 коп., масла и еще кое-чего. Не нарадуется она, сосѣдки то и дѣло приходятъ къ ней разузнать, чего она кушила, рассматриваютъ поросенка, хвалятъ, спрашиваютъ почемъ на рынкѣ то и другое, хотя сами хорошо это знаютъ, потому что безъ рыбнаго пирога и поросенка какой праздникъ? А заходятъ они для того, чтобы пригласить

къ себѣ въ гости на завтра и пригласить ли ихъ хозяйка къ себѣ на завтра?

Суетня въ заводѣ всеобщая: мужчины идутъ на площадь къ конторѣ удостовѣриться: будетъ ли завтра угощеніе, т. е. приготовленъ ли огромный столъ. Приготовленъ. Женщины бѣгаютъ чуть не сломя голову на рынкѣ, кричатъ и ругаются; тамъ достраиваютъ балаганы, а тамъ толпится праздная талпа у кабака. Къ вечеру всѣ прибрались, выпарились въ банѣ, надѣли чистое бѣлье, полежали, походили изъ дома въ домъ; мушны рано легли спать, а женщины и дѣвицы гдѣ до утра, а гдѣ и до полночи не спали; у нихъ много хлопотъ;—то надо починить, то надо дошить, пригладить, пріутюжить, примѣрить, посмотреть въ зеркало, и хотя все это старо, но хочется завтра себя показать не неряхой какой нибудь, а исправной хозяйкой или красивой дѣвицей-невѣстой... Теперь только и думъ: какъ-то проведется завтра праздникъ? Всѣ невозгоды, накопившіеся за цѣлый годъ, забылись.

Рано утромъ пробудились хозяйки; рано растолкали они дочерей и рано затопили печи. Ругаютъ матери дочерей, ругаются сестры съ сестрыми, свекрови съ невѣстками, и эта ругань идетъ все пзъ за стряпни: то не такъ, другое неладно и ругань пробуждаетъ мужей, братьевъ, которые обругавъ бабъ, переворачиваются на другой бокъ и снова засыпаютъ, на томъ основаніи, что сегодня не будетъ бить призывной колоколь... Мало по малу въ избахъ раздается трескъ изъ печекъ, начинаетъ пахнуть хорошо жаренымъ и печенымъ. Стрипаютъ и Прасковья Игнатьевна, а мужъ ея, помогая ей стряпать, то и дѣло дразнить ее.

— Неумѣешь!

— Да отвяжись ты чуча! прости Господи, сердится жена.

Курносозъ щиплетъ ее.

— Петька, свинья! Оболью шами-то.

Наконецъ печка у нея истоплена; въ печкѣ стоятъ горшокъ со щами, латка съ поросенкомъ и пекутся два пирога, одинъ съ рыбой, другой съ малпной. Теперь на душѣ ея легко и она вдругъ присѣла, потомъ вскочила и, подойдя къ мужу, чистившему свой сюртукъ, обняла и крѣпко поцѣловала его, такъ что тотъ испугался.

— Экъ тебя! сказалъ онъ.

— Какъ я, Петя, рада! О-охъ какъ рада!

— Чему?

— Всему.

— Да одѣвайся?!

Надѣла она подвѣнечное платье, на голову шолковую косынку, вдѣла въ уши посеребренные мѣдныя сережки съ янтарными язычками, на шею платокъ—все это продолжалось около часу и въ продолженіи этого времени она успѣла вынуть изъ печи пироги и положить ихъ на печь.

— Ишь ты краля какая, Параша! любуясь на жену, говорилъ Петръ Савичъ, одѣтый тоже по-праздничному.

— Што-ты!!—и Прасковья Игнатъевна кокетливо посмотрѣлась въ зеркало. Щеки ея покраснѣли.

— И ты, голубчикъ, тоже хорошъ. Голосъ ея дрожалъ. Она подошла къ мужу, обняла его и еще разъ поцѣловала.

— Славно, Петя! Всегда бы такъ. А?

— Да! вздохнуль Курносовъ.

Ударили къ обѣднѣ. Курносовъ сталъ торопить жену, которая принесла изъ погреба два жбана: одинъ съ брагой, другой съ пивомъ и поставила ихъ на столъ, который предварительно накрыла синей скатертью, вытканною ею же.

Вышли. Идутъ рядомъ. На дворѣ тепло; солнышко такъ и грѣетъ. На небѣ нѣтъ ни одной тучки. Легкій вѣтерокъ слегка колеблетъ концы платка, надѣтаго на шею Прасковьи Игнатъевны. Изъ воротъ многихъ домовъ то и дѣло выходятъ нарядныя женщины—въ сарафанахъ, красныхъ ситцевыхъ платкахъ на головахъ, дѣвнцы съ распущенными назадъ косами, заплетенными въ разноцвѣтныя ленты. Мушны въ черныхъ и голубыхъ тиковыхъ халатахъ, опоясанныхъ пониже поясицы разноцвѣтными опоясками.

Со всѣхъ порядковъ и улицъ народъ стекается къ собору; все принимаетъ праздничный видъ.

Кончилась обѣдня; народъ хлынулъ изъ церкви; давка произошла необъяснимая... Но народъ неидетъ отъ церкви, а толпится на площади передъ нею. Всѣ чего-то ждуть. Вотъ выходитъ изъ церкви все заводское начальство и управляющій. Мужчины сняли фуражки.

— Здорово, ребята! Съ праздникомъ! сказалъ управляющій.

Народъ что-то прогудѣлъ.

— Выставить у конторы пять ведеръ водки на мой счетъ, сказалъ онъ прикащику.

— Покорно благодаримъ! гудѣлъ народъ.

— Три дня гулять! сказалъ управляющій и сошелъ съ крыльца.

Невозможно описать, съ какимъ ожесточеніемъ рабочіе подступили къ водкѣ, потому что пришедшаго раньше трудно было оттерѣть отъ даровой попойки, а всего народу было, по крайней мѣрѣ, человекъ триста и онъ постоянно прибывалъ. Многие даже дрались и отъ драки опрокинули столы съ ведрами.

— Эй вы, анаемы! Што вы надѣлали! Добрались до даровой водки-то! кричали стоявшіе у столовъ, тузя и друга, и недруга, во всѣ стороны.

— Глядите Гришка-то? кричали рабочіе указывая на одного, который едва уплеталъ ноги.

Когда вся водка была выпита, народъ разошелся по домамъ,

гдѣ началось всеобщее угощеніе. Старшіе въ семействахъ угощали родню и друзей, не имѣющихъ родни.

Заводъ загулялъ на славу. Загулялъ онъ потому, что его сегодня обласкали и подарили ему три дня свободы, а заводская свобода значить то, что въ эти дни даже мелкихъ воровъ прощаютъ, въ полицію не берутъ пьяныхъ, народъ можетъ грубить начальству сколько хочетъ,—короче все прощается, кромѣ крупныхъ преступленій.

Если бы какой нибудь новичокъ попалъ въ это время на заводъ, у него бы закружилась голова: въ домахъ пляска, пѣніе, крикъ, ругань; на улицахъ идутъ полупьяныя заводскія бабы подъ руки съ мужчинами и орутъ пѣсни; танцуютъ молодые рабочіе, играя на гармонійкахъ и балалайкахъ; другіе танцуютъ съ дѣвцами, наряженными въ лучшія платья, ештыя на заводскій манеръ; полупьяные ребята скалятъ зубы, аркаются съ большими и малыми, играютъ въ мячикъ, въ бабки, кувыркаются на чемъ попало. Велие веселіе въ заводѣ!

Вонъ у одного новенькаго дома въ два окошка молодой мущина, въ красной ситцевой рубахѣ и синихъ изгребныхъ штанахъ, босой, играетъ на балалайкѣ „барыню“; около него танцуютъ три женщины и двое мужчинъ, — женщины въ сарафанахъ, сшитыхъ по послѣдней модѣ, а мужчины въ такомъ же нарядѣ, какъ и музыкантъ, съ тою только разницею, что у одного на головѣ фуражка съ полукозырькомъ, а у другого на ногахъ надѣты ботинки. Они такъ впилсь въ танцы, что кажутся, все свое горе забыли: хохочутъ, ругаются, насвистываютъ, прыгаютъ что есть мочи и щелкаютъ другъ друга по носу, губамъ, спинѣ и рукамъ. Долго на нихъ любовался старикъ съ сѣдыми длинными волосами, безбородый, умный, какъ видно по лицу; старикъ улыбался и... вдругъ пустился въ плясъ....

Молодые люди не удивились этому, а каждый изъ нихъ хотѣлъ доказать старику-отцу, тестю, что онъ, т. е. молодой человекъ, не въ примѣръ лучше его танцуетъ. У старика устали ноги, онъ чуть не задохся, а молодые люди танцуютъ; музыкантъ двѣ струны порвалъ на балалайкѣ и пересталъ играть,—танцы кончились.

Передъ господскимъ домомъ стоятъ двое рабочихъ. Одинъ изъ нихъ немного выпивши, а другой пьяный. Немного выпившаго величаютъ Хозяиномъ, а пьянаго Екатеринбургомъ.

— Нѣтъ... Ты думаешь я пьянъ! Э!! ты мнѣ теперича представь работу, теперича... да я теперича всю работу сполна сроблю!! Теперича восемнадцать лѣтъ роблю... теперичавъ шахтахъ восемь лѣтъ ползалъ... Это што?! теперича... говоритъ Екатеринбурговъ глядя на господскій домъ.

— Дядя! Полно голубчикъ... Полно. Хуже для насъ ты сдѣлаешь, унималъ его Хозяиновъ.

— Теперича справедливость дѣ—ѣ!! А!...—онъ заскрежеталъ зубами и заплакалъ.

— Дядюшка! милый ты мой... Ну перестань. Вѣдь поправимся.

— Поправимся?... Веди меня къ нему; веди! Я спрошу его: што молъ, теперича, ваше благородье, какъ молъ теперича... Я ему покажу!

Къ нимъ шли четверо рабочихъ и кричали:

— А вотъ мы вытребуемъ ево... каково онъ теперича пьянъ за наше здравіе, али еще...

— Стой ребя!!—Я пѣсю какую сейчасъ про него сочинилъ, —и онъ зацѣлъ грустно и во все горло.

Далеко за ночь раздавались по заводскимъ улицамъ пѣсни, которыя не могли заглушить и собаки; слышались крики, ругань и все это смолкло къ утру.

На рынкѣ утромъ происходила давка.

Торгашъ обмѣрялъ кого-то на гниломъ ситцѣ. Это замѣтила дѣвица, сказала своей роднѣ. Вмигъ явился на сцену аршинъ; смѣряли, невѣрно.

— Въ палицѣ! кричитъ толпа.

— Што въ палицѣ—протрясемъ ево!

Торгаша трясутъ, взявши за руки и за ноги; народъ оставливается и хохочетъ.

— Пихайте ему въ ротъ ситецъ!

— Будешь обманывать?

— Ворочайте балаганъ.

— Потише братцы! унимаетъ рабочихъ казакъ.

— Веди его въ палицѣ.

— Не могу.

— Качайте казака.

И казака качаютъ, народъ хохочетъ. Но при этомъ никто и не думаетъ что нибудь украсть.

Кабаки во весь день пусты. Вечеромъ народъ повалилъ въ господскій садъ. Тамъ играла музыка, заѣзжіе акробаты показывали фокусы; въ двухъ мѣстахъ продавали водку, въ нѣсколькихъ кислые щи, которые пили преимущественно дѣвицы, а если у мужчинъ были деньги, то онѣ прикладывались и къ водкѣ. Всѣ смѣялись, весело разговаривали, остряли, удивлялись акробатамъ. Стала менѣ свѣтитъ луна. Вдругъ народъ повалилъ изъ сада: господскій домъ иллюминированъ; на пруду пароходъ свистокъ далъ, пѣвчіе, въ томъ числѣ и пьяный уже Курносовъ, садятся въ шитикъ; готовятся пускать фейерверкъ... Народъ столпился на плотинѣ. Прудъ оглашается крикомъ, визгомъ, руганью, свистками и другими звуками; кое-кто играетъ

на гармоникахъ, кое-кто поетъ, но голосъ обрывается... На плотинѣ давка.

Вотъ тронулся пароходъ, заиграла на немъ музыка: катается управляющій и всѣ должностные люди завода; поплыла по пруду лодка съ пѣвчими, грянули пѣвчіе „въ низъ по матушкѣ по Волгѣ.“ И, какъ они хорошо грянули!...

— Ай-да хватай ребята!

— Слышите Курносовъ: „у-у-у?“ Голосище!

Курносовъ дѣйствительно пѣлъ не въ тактъ.

Вдругъ что-то зажужало. Всѣ вздрогнули. Къ верху полетѣлъ огонекъ и разсыпался звѣздами.

— Ай! а-а-й! Черти! На ноги наступаете! кричитъ народъ.

Опять ракета, другая, третья... Вдругъ ракета упала въ народъ. Крикъ, визгъ, ругань огласили воздухъ...

Наконецъ, кончились ракеты, охрипли голоса пѣвчихъ, присталь пароходъ къ пристани. Народъ разошелся по домамъ пьяный, за исключеніемъ ребятъ и дѣвицъ.

На другой день пьянство еще болѣе усилилось. Курносовъ, получившій за вечернее пѣніе пять рублей, и изъ за стола выйти не могъ. Гостей у Прасковьи Игнатьевны было много, и всѣ ею остались очень довольны. На третій день Прасковья Игнатьевна съ мужемъ отгащвала у Ивана Яковлевича Курносова, и покорооче сблизилась съ его женою, Матреною Кирilloвою.

На четвертый день весь заводъ началъ приходить въ себя: у всѣхъ болятъ головы, надо идти на работу, опохмѣлиться многимъ не-начто. Очнулись всѣ.

— Што-жъ это такое было. Все ушло?

— Кануло. Жди годъ!

— А славное времячко было? И отчего это не вседды такъ.

Курносовъ пропьянствовалъ недѣлю и пропилъ все до послѣдней копѣйки.

XIII.

Прошло три мѣсяца. Въ это время не произошло никакихъ переменъ, ни въ жизни Курносовыхъ, ни въ жизни Глумовыхъ. Курносовъ по прежнему рыбачилъ, пѣлъ, ходилъ въ училище и контору, Прасковья Игнатьевна была счастлива и сосѣдки полюбили ее, какъ вообще любятъ молодую нечванливую хозяйку. Корову она не могла купить, потому что всѣ деньги, приобретаемые Петромъ Савичемъ въ качествѣ пѣвчаго отъ похоронъ и свадебъ, шли на мясо, настоящей чай, къ которому Петръ Савичъ имѣлъ большую охоту и къ которому Прасковья Игнатьевна мало по малу привыкла. Но вотъ Петръ Савичъ сталъ опять попивать и

пропадалъ изъ дома по цѣлымъ суткамъ. Это сильно беспокоило Прасковью Игнатьевну тѣмъ болѣе, что она чувствовала себя беременною; она старалась всячески уговаривать мужа, чтобы онъ не пилъ, упрасивала друзей его, чтобы они, ради Христа не давали ему водки, но Петръ Савичъ трезвый говорилъ одно: развлеченья мнѣ нѣтъ!

— Да какое же тебѣ развлеченье? вѣдь ты пѣвчій.

— Рыбачить нельзя.

— Полно-ко, Петя! Неужто тебѣ непременно пьянствовать надо?

— Попала рюмка и пошелъ! Накости меня бѣсятъ. А въ училищѣ зубъ съ зубомъ не сходится: стужа, угаръ. .

И дѣйствительно, какъ попадетъ Петру Савичу рюмка, онъ посчетъ пьянствовать и играетъ съ пріятелями въ карты, проигрываетъ деньги, такъ что нужно закладывать вещи или займовать, а тутъ и закладывать нечего стало и въ долгъ перестали давать. Такъ прошло до Николаина дня, а послѣ него стала Прасковья Игнатьевна замѣчать, что Петръ Савичъ и худѣетъ, и скучаетъ, придетъ со службы домой и не раздѣваясь ходитъ по избѣ. Она кушанье уже поставила на столъ, а онъ все ходитъ, да пашироски-вертѣлки куритъ.

— Петръ Савичъ?

Онъ молчитъ.

— Хочешь ѣсть-то? спроситъ она его шутя.

— Чево?

— Наплевать!

Очнется какъ будто Петръ Савичъ, молча сидеть за столъ, молча и нехотя ѣсть.

— У тебя ровно завязло што-то въ роту-то. Али водки давно не пивалъ?

Онъ поморщится, сморкнется и ничего не отвѣтитъ.

— Въ рабочіе хочу идти, сказалъ Курпосовъ.

— Ну такъ што!... Я вонъ ужъ три пары варешокъ связала, авось Богъ дастъ и продамъ.

— Вотъ ужъ! а шерсти-то сколько издержала?... Здѣсь не городъ.

Послѣ этого разговора Петръ Савичъ скоро ушелъ, а немного погодя къ ней пришла одна торговка, у которой она покупала мясо.

— Слышала новость: твой то муженекъ съ Машкой Баклушиной таскается.

Прасковья Игнатьевна поблѣднѣла и не могла выговорить.

— Не вѣришь? Хоть кого спроси.

— Уйди ты отъ меня. Это ты съ дуру.

Торговка ушла.

Прасковья Игнатьевна думала, что этой бабѣ злые люди нав-

рали по глупости такую нелѣпность, но какъ только станетъ она ласкаться къ Петру Савичу, онъ отворачивается и злится.

— Петя ты пошто нойѣ такой?

— Отстань! фу ты... крикнетъ Петръ Савичъ.

Прасковья Игнатьевна заплачетъ, а Петръ Савичъ уйдетъ и воротится домой пьяный, но не бьетъ и не ругаетъ ее.

Опять горе стало душить Прасковью Игнатьевну: то она задумается, то заплачетъ; надо идти по воду, она идетъ къ сосѣду, старику Занадворову, и какъ войдетъ къ нему, плюнетъ и скажетъ: оказія! штой-то со мною дѣется.

— Што Петруха-то запылъ? спросить ее Занадворовъ.

— Не знаю.

— Ну да дѣло-то къ празднику, молодой человекъ. Знамо ст-горя. Дѣло приближалось къ маслянницѣ.

Да денегъ нѣтъ.

— Ну это другое дѣло. Совѣтовъ-то слушать онъ только не любитъ. Радъ бы я его на путь наставить, да съ дуракомъ и Богъ неволенъ. Ты бы въ контору, и къ пѣвчимъ сходила, къ этому дураку-балагуру Потапову и сказала: не давайте моль-ему денегъ.

Сходила Прасковья Игнатьева въ контору, сказали: онъ ужъ теперь не учитель, а што поетъ, такъ это его охотка.

Сердце сжалось у Прасковьи Игнатьевны. Потаповъ сказалъ, что Петръ Савичъ не послушался его совѣтовъ не пить въ школѣ водку; говоритъ: „не могу, ребятъ въ школѣ сколько, а возиться съ ними холодно“. Управляющему подалъ прошеніе о перемѣщеніи училища въ другое мѣсто — прошеніе перехватили, а его уволили непремѣннымъ работникомъ и только за пѣніе не посылаютъ на работы.

Тонъ, съ какимъ говорилъ все это Потаповъ, сильно не понравился Прасковѣ Игнатьевнѣ, и она сожалѣла о томъ, что пришла къ нему, а не къ другому. Она даже думала, что онъ издѣвается надъ Петромъ Савичемъ и не хотѣла вѣрить ни одному его слову.

Наступила масляница; первый день Петръ Савичъ провелъ дома и жаловался женѣ, что его обидѣли. Потаповъ вѣрно говорилъ объ обстоятельствахъ, служившемъ поводомъ къ увольненію Петра Савича отъ учительской должности. Слушая его слова, Прасковья Игнатьевна обнимала его и плакала.

Два дня Петръ Савичъ пробылъ дома, потомъ его пригласили на похороны — и исчезъ Петръ Савичъ. Сосѣдъ Занадворовъ тоже закутился куда-то, и пошла Прасковья Игнатьевна разыскивать своего мужа.

По случаю масляницы большинство рабочихъ не работаетъ; начальство кутитъ въ это время и раскучивается въ пятницу, когда на фабрики и на рудники ни одну собаку не заговнешь,

да и сторожа тамъ тоже не живутъ. Короче съ пятницы до чистаго понедѣльника въ заводѣ пьянство всеобщее; объ катаньяхъ и говорить нечего; даже самъ управляющій поощряетъ катушку (гору, сдѣланную на пруду,) освѣщаетъ ее фонарями вечеромъ и заставляеть музыкантовъ потѣшать публику.

Не смотря на то, что на пруду есть катушка, въ рѣдкомъ дворѣ нѣтъ своей катушки; въ рѣдкомъ дворѣ съ утра до вечера не катаются ребята на саяхъ, на лубкахъ или просто на штанахъ. Однако, до обѣда на улицахъ рѣдко, рѣдко проѣдетъ рабочій на дровняхъ, только во дворахъ хохочутъ ребята.

Въ одномъ изъ такихъ дворовъ, около растворенныхъ воротъ стояли двѣ молодыя женщины; одна изъ нихъ жаловалась другой на своего мужа. Увидѣвъ Прасковью Игнатьевну одна женщина остановила ее:

— Постойко-съ, Курносиха! ты не слыхала новость?

— Ну?

— Вчера твой-то муженекъ съ Санькой Подковыркиной кораблемъ катался!

— Это што! онъ говоритъ, — мнѣ теперь все одно... Жену, говоритъ, жалко трогать, потому — убивается очень.

Прасковья Игнатьевна ничего не могла сказать на это: въ глазахъ ея рябило, въ головѣ была путаница.

— Какая ты злосчастная. Сходи въ палицу.

Прасковья Игнатьевна рѣшилась идти въ полицію. Она проѣдала тетку, дала ей блиновъ, тетка поблагодарила ее, пораспросила про мужа. Это ее еще больше разстроило.

Небо ясно; солнышко весело глядитъ. Холодно, дуетъ съ пруда рѣзкій вѣтерокъ. По фабричной улицѣ впередъ и назадъ точно плывутъ сани, пошевни, кошевы, запряженные, каждая, по одной лошади, которыя изукрашены для праздника бубенчиками, колокольчиками, сковородками. Въ каждахъ саяхъ, пошевняхъ, въ кошевахъ сидятъ люди обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ. Мужчины почти все пьяны, женщины полупьяны, сидятъ въ различныхъ позахъ въ различныхъ костюмахъ, нѣкоторые безъ шапокъ, нѣкоторые безъ платковъ, многіе играютъ на гармонійкахъ, балалайкахъ, поютъ пѣсни. Перейти дорогу невозможно. Прасковья Игнатьевна пошла къ катушкѣ. Кое-какъ Прасковья Игнатьевна добралась до господской улицы. Тамъ впереди плывущихъ саней и пошевней стоять, толкуются, идутъ люди всякихъ возрастовъ, а впереди ихъ ѣдетъ *масляница*. Въ небольшой кошевѣ, запряженной въ одну лошадь, сидитъ человекъ десять мужчинъ, которые держатъ высокій шестъ съ развивающимися флагами; отъ верхушки этого шеста тянутся къ угламъ кошевы веревки, почему шестъ походить на мачту, а сама кошева называется *кораблемъ*. Въ серединѣ кошевы сидитъ нарядный человекъ на колесѣ. Онъ

и сидящіе въ кошевѣ конюхи (рабочіе конныхъ машинъ на рудникахъ) поютъ слѣдующую пѣсню:

По горенкѣ похожу,
 Въ окошечко погляжу, (2 раза).
 Спомиленькимъ потужу!
 Тужить-плачить дѣвица, 2 р.
 Уливается слезами.
 Задила любезная, 2 р.
 Всѣ дорожки и лужка,
 Круты славны бережка. 2 р.
 Сбережку, спокаmeshку
 Бѣжитъ рѣчка, не шумить,
 И спокаmeshку не гремить! 2 р.
 Во саду, во садикѣ
 Соловей громко поетъ; 2 р.
 Ты не пой соловеюшко
 Громко звонок во саду! 2 р.
 Не давай вазолушку
 Къ сердечку моему! 2 р.
 Безъ тово мое сердечко
 Изнываетъ все во мяѣ: 2 р.
 На чужой сторонущкѣ
 Стосковалась живучи; 2 р.
 Чужая сторонущка
 Безъ вѣтра сушить-крушить! 2 р.
 Чужо-етъ отецъ я мать
 Безъ вины журятъ, бранятъ; 2 р.
 Все побить дѣвку хотятъ!
 Посылаютъ дѣвицу—2 р.
 На ключъ по воду съ ведромъ,
 По морозу босикомъ! 2 р.
 Прищипало ноженъки
 До ключика идучи; 2 р.
 Ознобила рученьки
 Свѣжу воду черпучи! 2 р.
 Кабы знала-вѣдала
 Дѣвка замужъ не пошла—2 р.
 За стараго старика:
 Старой не отпустить никуда! 2 р.

Эту пѣсню пѣла теперъ вся гуляющая и ѣдущая заводская публика.

Подѣхала масляница къ господскому дому, остановилась, снова запѣли пѣсню. Изъ дома управляющаго вышла прислуга, потомъ разфранченный лакей поднесъ масляницѣ, т. е. разфранченному рабочему, предсѣдательствующему на колесѣ, трехрублевую бумажку и сказалъ:

— Карлъ Ивановичъ приказалъ гулять за его здоровье.

— Мы здоровы какъ коровы!

— Побольше бы давалъ!... Скажи ему поклонъ отъ масляницы, галдили рабочіе и масляница тронулась на плотину.

Прасковья Игнатьевна пошла на прудъ къ катушкѣ. По срединѣ пруда сдѣлана большая высокая гора, обставленная елками, разукрашенная флагами на господскій счетъ. По ней катались на санкахъ съ стальными полозьями и на конькахъ ребя-

та, молодые люди, было даже два старика охотниковъ до катанья; а вокругъ нея двигались сани, пошевни, наполненные людьми, и толпилось много народу, который щелкалъ мелкіе кедровые орѣхи. Всѣ катающіеся, гуляющіе и смотрѣвшіе стоя на катающихся, были очень веселы, пѣли, кричали, хохотали, если кто нибудь перевертывался на катушкѣ и раскраивалъ себѣ носъ или губу. Версты за полторы отъ катушки, на лѣво шла потѣха ребятъ: они съ ожесточеніемъ дрались, и на эту буйную толпу съ удивленіемъ смотрѣли нѣсколько человѣкъ рабочихъ.

Походила Прасковья Игнатьевна нѣсколько времени, горько ей; молодые мужчины то-и-дѣло приглашаютъ ее прокатиться, а она спрашиваетъ: гдѣ Курносовъ? ей отвѣчаютъ: у Савки въ лавкѣ.

Пошла; глядитъ въ разныя стороны. „Нѣтъ не найдешь; народу видимо-невидимо...“ Вдругъ видитъ: народъ валить отъ катушки въ одну сторону, народъ хохочетъ, кричитъ: хорошенько! такъ ево! ево выстегать-бы!... Кто это! — Курносовъ Аристархова бьетъ. — Увели въ полицію. — Ково? — Курносова.

— Экая я несчастная! думаетъ Прасковья Игнатьевна и идетъ домой.

На другой день она отправилась къ исправническому письмоводителю.

Письмоводителемъ таракановскаго заводскаго исправника въ это время былъ урядникъ горнаго правленія Иванъ Ивановичъ Косой. Самъ исправникъ, хотя и смыслилъ слѣдственную часть, но мало занимался дѣлами, потому что честно производитъ слѣдствіе нельзя было. Напримѣръ: накурлесить много прикащикъ — ничего не будетъ прикащику, стоитъ только подарить исправника, представить къ исправнику рабочаго съ полосой желѣза и рабочій по слѣдствію оказывается большимъ воромъ; если же рабочій самъ не промахъ или заподозрится состоятельный человѣкъ, то дѣло составитя такъ, что въ немъ виноватаго никого не пайдено. Если бы исправникъ былъ человѣкъ честный, такой, какихъ требовалъ законъ, то ему не прожить бы въ заводѣ ни одного мѣсяца: его бы обвинили во взяткахъ. Поэтому исправникъ брался только за самыя крупныя дѣла, а остальное сваливалъ на письмоводителя, который самъ писалъ допросы и показанія, часто подписывался подъ руку исправника и даже такъ ловко велъ дѣла, что о многихъ исправникъ вовсе не зналъ. На этомъ основаніи Косова знали больше исправника и всѣ обращались сперва къ нему, а ужъ потомъ къ исправнику, который въ свою очередь отсылалъ къ письмоводителю и пр. и пр...

Косой, человѣкъ лѣтъ тридцати, краснощекій, съ коротенькими волосами и въ форменномъ сюртукѣ, отбиралъ допросы отъ одного рабочаго.

— Ты не рядись.

Рабочій досталъ изъ-за пазухи кошель, досталъ изъ кошеля неохотно трехъ-рублевую и подалъ письмоводителю.

— Э—э!

— Ослобони, Иванъ Ивановичъ... самъ знаешь, дѣло торговое... по насеткѣ (по наговору).

— Ничего не могу сдѣлать: Яковлевъ подарилъ лошадь управляющему.

Письмоводитель сталъ писать, нотомъ, немного погоды, спросилъ рабочаго.

— Подпишешься.

— Прочитать-бы.

— Это еще что?. Эдакъ всякій будетъ читать, у меня времени не хватитъ. Подписывай.

Рабочій подписался.

— Андреевъ! крикнулъ Косой.

Вошелъ десятникъ.

— Запри.

— Батюшко, Иванъ Ивановичъ...

— Ну, ну.

Рабочаго увели. Вошла Прасковья Игнатьевна, низко поклонилась письмоводителю.

— Ты што?

— Ослобони Петра Савича.

— Кто онъ? чей?

— Курносовъ.

— Въ лазаретъ!

Пошла Прасковья Игнатьевна въ лазаретъ. Это было большое каменное зданіе, находящееся за фабриками. Въ немъ было двѣ половины: черная и бѣлая. Въ черной помѣшались непремѣнные работники и ихъ жены, а въ бѣлой мастеровые. Курносовъ лежалъ въ бѣлой. Прасковья Игнатьевна едва узнала своего мужа: онъ лежалъ въ сѣромъ халатѣ, лицо измѣнилось, пожелтѣло, носъ сдѣлался вострымъ... При видѣ жены, онъ что-то про-бормоталъ и пригласилъ ее рукою съѣсть на кровать.

Она сѣла.

— Петя? голубчикъ... говорила рыдая Прасковья Игнатьевна; сердце ея словно на части разрывалось.

— Но Петръ Савичъ только руками разводилъ.

Посидѣла Прасковья Игнатьевна у больнаго съ часъ, и пошла.

— Вылечите его ради Христа говорила она фельдшеру.

— Вылечимъ, утѣшаль ее фельдшеръ.

Вышла она изъ лазарета, ее пошатываетъ; она плачетъ.

— Господи, какая я несчастная!

— Што у ть, али кто померъ? спросилъ ее мастеровой.

— Ой мужъ хвораеть!

— Эко дѣло. Уповай на Бога.

Отошла Прасковья Игнатьевна немного, остановилась и не знаешь, что ей дѣлать. Домой идти страшно. Ноги отказываются тащить; животъ болить сильно. „Пойду я къ воржеѣ Бездоновой... спрошу ее...“, и отправилась она къ Бездоновой, жившей за лазаретомъ въ фабричномъ порядкѣ.

XIV.

Марѳа Потаповна Бездонова жила на самомъ краю завода, подъ горой. Домъ ея старый, стѣны кое-какъ поддерживаются подпорами, и не защищай его гора и противоположные дома отъ вѣтра, онъ давно бы рухнулъ на которую нибудь сторону. Къ этому дому даже заплота нѣтъ: заплотъ былъ да понемногу разсыпался, а строить новый Бездонова, говорятъ, не считала за нужное. Говорятъ, что на предложеніе: построить заплотъ она имѣетъ такое свое мнѣніе: построю, помру. Но у нея было, тоже опять таки, говорятъ, на это нѣсколько причинъ, и изъ нихъ самая важная: черезъ ея дворъ ходили къ внуку ея Корчагину бѣглые рабочіе, которые приносили ему, будто бы, золото.

Въ избѣ Бездоновой темно и не было никого. Прасковья Игнатьевна кое-какъ дошла до лавки и сѣла къ окну. Она не видывала Бездоновой и думала теперь: какъ я буду разговаривать съ ней, не выдавши ее; какъ да она начнетъ ругаться.... Немного погодя въ избу вошла сторбившаяся старуха съ бѣлымъ морщинистымъ лицомъ и сѣдыми волосами. Она кряхтѣла и охала, казалось, что она утомилась. Прасковья Игнатьевна встала.

- Здорово баушка, сказала она.
- А кто тутъ? темно, не вижу.
- Это я.
- А кто ты?

Старуха подошла близко къ ней, стала разглядывать ее.

— Видала. Не ты ли учительша-то?

— Да.

— Вотъ какая ты!... А... Ну садись... Слыхала я, мать моя, о тебѣ много... Здоровъ ли Курносоевъ-то?

- Прасковья Игнатьевна заплакала.
- Голубка!! сказала старуха.

Когда Прасковья Игнатьевна успокоилась немного, старуха спросила ее:—а ты не беременна ли?

- Ой не могу! Беременна я, баушка.
- Ну такъ пойдѣмъ. Я тѣ ко внуку сведу.

Кое-какъ Прасковья Игнатьевна доплелась до дома Корчагина, кое-какъ она взлѣзла на полати, а какъ взлезла, такъ и почувствовала страшную боль.

Она выкинула мертвого младенца, и не могла придти въ себя часа три.

Марѳа Потаповна Бездонова много пережила п времени, п людей, п много перенесла горя; другія женщины въ ея лѣта забываютъ многое изъ пережитаго, но она все помнитъ. Замужъ она вышла не рано, но черезъ полгода мужъ утонулъ. Другой мужъ попался чахоточный п тоже скоро умеръ; только съ третьимъ мужемъ она прожила двадцать лѣтъ п прижила съ нимъ двухъ сыновей п одну дочь. Но она п сыновей пережила п теперь живетъ въ избѣ второго мужа, а въ домѣ третьаго мужа, находящемся рядомъ съ ея избой, живетъ дочь Акулина Васильевна Корчагина, слѣпая женщина въ сыномъ Васильемъ Васильевичемъ п дочерью Варварой Васильевной. А такъ какъ Марѳа Потаповна жила въ своей избушкѣ одна, да еще на отбойномъ мѣстѣ у горы, то слободчане поговаривали, что она непременно съ чертями водится. На это у нихъ было нѣсколько оснований, напр. то, что ее въ Козьемъ Болотѣ не видали уже годовъ съ семь, а въ фабричномъ порядкѣ она къ очень немногимъ ходила; потомъ Марѳа Потаповна еще при первомъ мужѣ ворожила. Надо замѣтить, что въ таракановскомъ заводѣ не было п нѣтъ ни одной дѣвушки, которая бы не ворожила въ карты п не гадала на оловѣ, во время свитокъ. Сначала Марѳа Потаповна ворожила въ карты ради баловства ребятамъ, а потомъ ворожба у нея вошла въ привычку, въ прибыль. Послѣ смерти послѣдняго мужа она была уже извѣстна всѣмъ въ заводѣ за отличную ворожею п къ ней приходили не только дѣти, жены рабочихъ, но даже сама прикащица, п дочери членовъ главной конторы. Когда у Бездоновой измозолилсь карты до того, что ни на что не годились, то она никакъ не хотѣла покупать новыхъ картъ п стала гадать на водѣ. Ужъ Богъ ее знаетъ, что она клала въ воду, только приходившія къ ней женщины говорили, что онѣ видѣли въ водѣ, то лицо, то домъ или что нибудь въ родѣ этого. Оттого-то никто въ заводѣ не пользовался такою довѣренностію, какъ она, п никто не имѣлъ столько богатыхъ матеріаловъ для разказовъ, какъ она; только отъ нея трудно было выклинить какое нибудь слово.

Съ годами, говорятъ, мѣняется въ человѣкѣ п наружность, п характеръ. Марѳа Потаповна, послѣ смерти послѣдняго мужа, значительно измѣнилась п наружностью п характеромъ. Къ суровой наружности нужно прибавить еще грубый выговоръ. Прежде ее можно было застать всегда дома утромъ, а теперь какъ-ни придешь, почти всегда у нея избушка на клюшкѣ. П вотъ къ названію колдуньи прибавили еще *вѣщица* п всѣ люди отъ мала до велика въ заводѣ стали говорить: „Бездонова вчера изъ трубы вѣкшей вылетѣла; Бездонова изъ брюха ребятъ таскаетъ.“ Бездонову стали бояться; стали ходить къ ней только люди самые храбрые. Бездонова это знала, но, не обращая вниманія, говорила одно:

„дуры... мнѣ и на покой пора, я и безъ вашихъ денегъ прокормлюсь“. А у нея деньги были въ подполья, въ корчагѣ, и объ этомъ знали только внукъ и внучка.

Когда Прасковья Игнатьевна пришла въ себя, то не могла понять, гдѣ она теперь: темно, тепло, мокро.

— Баушка! произнесла она негромко, но никто не откликнулся. Кликнула она еще разъ.

— Што, дитятко? откликнулась старуха и прибавила: да ты не кричи!

— Я гдѣ?

— Спи-ко со Христомъ....

— Пошто мнѣ больно?.. неужто я...

— Ты выкинула.

— Ково?

— Мертваго.

Прасковью Игнатьевну словно кольнуло въ сердце, по кожѣ прошли мурашки. Ей не вѣрилось, чтобы она могла родить мертваго, ей даже подумалось: вѣдь она колдунья; съѣла поди.— Старуха отворила двери, холодъ полосами поднимался съ полу, въ избѣ стало холодно. Однако старуха пришла скоро, зажгла лучину. Прасковья Игнатьевна приподняла голову и увидѣла, что изба Корчагина была гораздо больше ея избы и перегорожена нѣдвое: тотчасъ какъ войти въ избу, налѣво, противъ печки, перегородка, выкрашенная желтой краской. Она упирается въ полати и идетъ вплоть до передней стѣны такъ, что въ кухнѣ собственно одно окно, а въ комнатѣ два окна на улицу, да третье во дворъ. На печи лежитъ дочь Бездоновой, женщина съ сѣдыми волосами, съ морщинистымъ лицомъ. Сестра Корчагина Варвара Васильевна, сиди у окна, придетъ; въ комнаткѣ Василій Васильевичъ строгаеть доски. Тамъ, въ углу между перегородкой и стѣной на дворъ, стоитъ кровать съ войлокомъ и подушкой на ней, подъ кроватью сундукъ, окрашенный красной краской.

Прасковья Игнатьевна пролежала долго; скучно, а въ избѣ никто не говоритъ, только Василій Васильевичъ то стружить что-то, то стучить, насвистывая или напѣвая въ полголоса, или ворчить про себя. Соснула она; опять темно, а въ избѣ Корчагинъ шеичется съ сестрой.

— Ну што?

— Бросилъ.

— Никто не видалъ?

— Нѣтъ... А и увидѣли бы, такъ тоже бы присудили; куды съ нимъ, съ мертвымъ.

— Ее бы надо прогнать, штобы опосля ловчѣе было отпереться.

Прасковья Игнатьевна не поняла этого разговора, но когда

она спросила, гдѣ мертвый младенецъ, ей сказали, что похоронили его.

На третій день она слѣзла съ палатей и стала проситься домой, но ее не пустилъ Корчагинъ, говори, что онъ, уважая Петра Савича, ни за что не отпуститъ ее. Когда же она сказала, что ей надо провѣдать его, то Корчагинъ съ удовольствіемъ вызвался сходить къ нему. Но въ этотъ день ему не удалось сходить, и онъ пошелъ на другой. Прасковья Игнатьевна съ нетерпѣніемъ ожидала его прихода. Пришелъ онъ разстроенный, блѣдный.

— Кланяется, сказалъ онъ.

— Живъ ли?

— Поправляется.

Но черезъ часъ Корчагинъ ушелъ и воротился домой навеселѣ. На другой день ушелъ изъ дома рано, сказавъ, что надо съ одного торгаша получить старый долгъ. Пришелъ онъ поздно, тоже на веселѣ... Курносовъ померъ отъ тифа и боли въ горлѣ, но Корчагинъ успѣлъ заказать всѣмъ не говорить объ этомъ его женѣ, чтобы не убить п ее. Марѣ Потаповна приняла всѣ мѣры, чтобы Прасковья Игнатьевна пожила у Корчагина подольше и исподтиха приготовилась къ такому роковому извѣстію.

Въ пять дней Прасковья Игнатьевна поправилась на столько, что могла слезать свободно съ палатей и ходить. Акулина Васильевна разговаривала съ ней съ удовольствіемъ, Корчагинъ хотя и рѣдко отвѣчалъ на ея слова, но за то онъ работалъ; сестра его куда-то уходила на сутки и когда приходила домой, то братъ косо глядѣлъ на нее. Прасковья Игнатьевна теперь уже меньше чувствовала горя. Ей казалось, что она несчастная женщина, но несчастна черезъ Курносова. „И што онъ за человекъ, коли пьетъ, коли мнѣ коровы не могъ куить.“ Но ей все-таки жалко было его и она каждый день просила Корчагина сходить въ больницу справиться: здоровъ ли онъ. На шестой день она попросила Корчагина опять объ этомъ, но онъ промолчалъ. Она смотритъ на него; онъ посвистываетъ, а на улицѣ мятель. Не терпитъ ей.

— Василій Васильичъ!

— Ну! взъялся Корчагинъ.

— Сходи ради Христа.

— Некогда мнѣ ходить!

— Такъ я пойду.

Корчагинъ молчитъ.

— Экой какой злой! а работа-то какъ кипитъ у него... Ишь какъ онъ шилой-то ширкаетъ скоро!...— Долго глядѣла она на Корчагина, завидно ей стало: вотъ, думала она, какъ бы Петька пьюга такъ робилъ! и табакъ онъ не куритъ, и всегда трезвый.

Отецъ Корчагина былъ плотникъ и кое-чему обучилъ сына. На восемнадцатомъ году онъ уже зарабатывалъ деньги дома, и могъ нанимать вмѣсто себя рабочаго на фабрику, а за даровую работу заводскому прикащику его причислили къ разряду мастеровъ. Такихъ хорошихъ мастеровъ, какъ Корчагинъ, въ заводѣ было немного, и онъ получалъ большіе заказы, но работалъ одинъ; потому что считалъ неприличнымъ для себя имѣть работниковъ; онъ не жилъ въ другомъ порядкѣ потому что привыкъ къ родному гнѣздышку, къ сосѣдямъ, къ тишинѣ, тутъ была еще и другая причина, о которой мы узнаемъ впоследствии. Здѣсь ему никто не завидовалъ и онъ во всемъ заводѣ считался за честнаго и разсудительнаго человѣка.

— Послушай, Прасковья Игнатьевна: и што тебѣ за охота ходить въ лазаретъ. Помретъ такъ не важность, проговорилъ вдругъ Корчагинъ.

— Ишь ты, помретъ!

— Хороша жизнь съ пьяницей?

— И не грѣхъ тебѣ обижать меня.

— Чево грѣхъ! я дѣло говорю. Помретъ не важность. Только надо не зря замужъ выходить, какъ ты... А впрочемъ — вѣдь приказный... какъ же!

Задумалась надъ этими словами Прасковья Игнатьевна, и горько ей, что про ея мужа такъ говорятъ, но она почти согласилась съ этими словами.—Ужь не лучше-ли ему помереть што ли! Не мучился бы... Право.

— Я домой пойду, говоритъ она.

— Какъ знаешь. Если бы ты померла, а то хворать будешь, говоритъ ей Корчагинъ.

Прожила она въ гостяхъ еще два дня. На третій день вечеромъ пришли къ Корчагину двое рабочихъ. Они были таракановскіе, но находились въ бѣгахъ, работали на золотыхъ приискахъ.

— Долгонько! сказала Корчагинъ весело.

— Ну ужъ и времена новѣ! нигдѣ нѣтъ счастья: вездѣ билеты спрашиваютъ, а въ городѣ и безъ насъ много народу.—Этта на большой дорогѣ спали было насъ, да мы утекли.

— Ну какъ на промыслахъ?

— Да што! съ мѣсяць робили, за мѣсто крестьянъ насъ считали. Такъ-гу ватага у насъ большая—человѣкъ почитай пятьдесятъ, да порядку мало; всякъ нарываетъ себѣ карманъ набить. Ну да это пустое, а то вотъ обидно: заставляютъ работать, да потомъ шею намылятъ, иди значить туда, отколѣ пришелъ. А кон знаютъ, што бѣглой—молчи!—представимъ. Ну и робишь какъ кроть. Теперь мы золото сами искалп. Придешь къ управителю и говоришь: такъ и такъ, крестьянинъ. Знаю, говорить... Ну, говорю: хочу золото искать, почему положишь, ваше благородье. А ты, говоритъ, представь перво, тогда и по-

ложу. Хоть, говоритъ, по рублю за золотику, а самъ отъ казны, говорятъ, три рубля на это получаетъ, ну и срядишься за рубль семьдесятъ.... Получишь кружку съ печатью и пойдешь золота искать, выспрашивать у крестьянъ: нѣтъ ли кружки, или обманешь какъ ни на есть. Ну, получишь золота тамъ съ фунтъ, жалко попускаться, да владѣть нельзя. Принесешь къ управителю, онъ и расчитываетъ по рублю, а спорить станешь, обышу говоритъ, въ палицу посажу и бумагу, говоритъ, такую дамъ, што ты никакой работы болѣ не получишь.... Ну и возьмешь по рублю, потому расчетъ самому нужно сдѣлать съ крестьянами да товарищами....

— А поточъ ужъ управитель такъ дѣлаетъ: возьметъ въ книгъ и напишетъ расходъ: такому-то дано за золото по три рубля; а не то, чтобы начальству угодить, и по два съ полтиной напишетъ. Ему глядишь и повышение, а намъ посрамлене.

Стали ужинать.

— А ты Василій Васильичъ не слыхалъ про волю?

— Про какую?

— Въ городъ были, такъ тамъ рабочіе калякаютъ, только ничего тутъ не поймешь.

— Пропишутъ уже вамъ волю!

— Истиннымъ Богомъ, говорятъ: дадутъ намъ такую волю, што на всѣ четыре стороны хоть ступай.

Корчагинъ захохоталъ, гости осердились и ушли спать къ старухъ Бездоновой, отдавъ Корчагину какой-то свертокъ.

Утромъ, прощаясь съ Корчагинымъ, они совѣтовали Прасковю Игнатьевнѣ ѣхать въ городъ.

— Вамъ, бабамъ, ничего: съ васъ билетовъ мало спрашиваютъ, а если и спросятъ, то можно сказать: погеряла, молъ. Да и бабъ разныхъ въ городъ много, поэтому и вашей братьи тамъ много требуется. Иная барыня сама гроша не стоитъ, а прислуга у ней бабьей штуки три, али больше.

Утромъ, послѣ этого разговора, Корчагинъ спросилъ Прасковью Игнатьевну.

— Тебѣ который годъ?

— Мнѣ?.. лѣтомъ двадцатый пойдетъ. А што?

— Такъ. Я тебѣ тоже совѣтую въ городъ ѣхать; у меня тамъ есть купецъ Вакинъ, я къ нему поѣду скоро, а если у него нѣтъ для тебя мѣста, такъ у меня тамъ богатые первостатейные мастера есть. Только ты баба красявая.

— А мужъ то?

— Коли онъ не будетъ пить, пріѣдетъ къ тебѣ.

— Ну ужъ.

Прасковья Игнатьевна обидѣлась и рѣшилась завтра же отправиться домой.

Когда она пошла, то въ ноги поклонилась Бездоновой и Корчагину.

— Колп въ городъ намѣрена, то приходи, я черезъ двѣ недѣли ѣду. И дядя твой ѣдетъ со мной...

На улицѣ тепло. Солнышко, то застигается тучами, то выглядываетъ снова туманнымъ кружкомъ. Кое-гдѣ изъ трубъ поднимается сѣрый дымъ, доказывающій, что въ этихъ домахъ печки еще истопливаются. Кое-гдѣ покажется на краснкѣ трубы сорока, воробышекъ, посидятъ, поклюются и летятъ снова. Съ крышъ каплетъ, на солнечной сторонѣ со стеколь спалзываютъ все ниже и ниже куржаки, и падаютъ на снѣгъ съ крышъ п рамъ сосульки.

По улицѣ никто не ѣдетъ; во дворахъ кое-гдѣ кричатъ ребята, гогочуть курицы, мяукають кошки.

Ноги у Прасковьи Игнатьевны начинаютъ щипать, потому въ худые ботинки попадаетъ мокрый снѣгъ, подолъ сарафана вымокъ до колѣнъ.

Дошла она до своего дома и ужаснулась. Три стекла выбито, калитка настезъ. Во дворѣ нѣтъ ни дровъ, ни саней, ни дровень.

Двери въ погребъ тоже отворены, въ погребу точно Мамай воевалъ: горшки, корчаги перебиты, отъ куда-то кирпичи принесены. Въ сѣняхъ хоть шаромъ покати. Дверь въ избу отворена и половинка держится на одномъ нижнемъ шалнерѣ; столъ опрокинутъ посреди избы; въ избѣ стужа.

— Што за оказія! удивлялась Прасковья Игнатьевна.

Взглянула на печь, тамъ сидитъ парень лѣтъ тринадцати и палкой ковыряетъ дыру въ трубѣ.

— Што ты тутъ, разбойникъ, дѣлаешь! крикнула на парня Прасковья Игнатьевна; парень ей языкъ показалъ. Она стала искать чѣмъ бы ей побить парня, да ничего не нашла. Ступила она на приступокъ печки, парень ударилъ ее по рукѣ палкой и сказалъ: куда лезешь, шкура! домъ-отъ нашъ!

Парень кое-какъ ушелъ грозясь, что онъ тяткѣ и мамкѣ пожалуется на нее. Смелá она руками снѣгъ со скамеекъ, искала топора, чтобы порубить что нибудь на дрова. Нѣтъ.

— Гдѣ же мамонька!

Пошла въ огородъ, слѣды есть только давнишніе. Не въ банѣ ли она? Отогнула она окошечко, имѣющее видъ отдушины; въ банѣ все-таки темно, отъ окошка къ полку проходитъ лучъ свѣта. Пощупать стѣны и полкъ боязно, потому что вдругъ старуха можетъ схватить ее и изгрысть. Машинально вышла она за баню, подошла къ ямѣ, которую дядя ея прошлое лѣто копалъ на завалины къ дому и вскрикнула. Тамъ лежала ея мать внизъ головой.

— Мамонька! крикнула она и, не получивъ отвѣта, потащи-
ла мать за ноги; но не могла сдвинуть ее.

Не помня себя, она убѣжала къ сосѣдкѣ и сказала, что мать
ей упала въ яму.

— Гдѣ ты была-то?! Вѣдь мужъ-то померъ, а она по людямъ
шатается.

— А штобъ тѣ извѣло, проклятую! крикнула она и выбѣ-
жала изъ избы.

Прасковью Игнатьевну это извѣстіе до того поразило, что
она не могла устоять и сѣла на лавку, потомъ зарыдала.

Сосѣдка испугалась за нее, позвала еще сосѣдку.

— Ой! ой! Господи! Мать пресвятая Богородица! рыдала Пра-
сковья Игнатьевна.

Кое-какъ сосѣдки уняли ея рыданія разсужденіемъ, что чему
быть, того не миновать; всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.

Мало по малу Прасковья Игнатьевна успокоилась, сказала,
что она была все это время у Бездоновой и на другой день
послѣ того какъ была въ лазаретѣ у мужа, выкинула мертва-
го. Сосѣдки жалѣли ее, но какъ опытные женщины, совѣтова-
ли ей не убиваться; что пожалуй она замужствомъ немного
выиграла, потому что вонъ Семенъ Покиднинъ за долги Кур-
носова думаетъ домъ у Прасковьи Игнатьевны отнять.

Прасковья Игнатьевна только плакала. Она ничего не могла
теперь придумать хорошаго. Сообщила она о смерти матери.
Сходили сосѣдки въ огородъ Глумовыхъ, потужили, покачали
головами и ушли, не зная что дѣлать.

— Дядѣ бы надо сказать, сказала Прасковья Игнатьевна со-
сѣдкѣ.

Она не могла идти.

Глумовъ пріѣхалъ въ саняхъ, старуху вытащили изъ ямы,
принесли въ комнату, обмыли, положили на столъ.

Черезъ день ее похоронили рядомъ съ Петромъ Савичемъ.

Прасковья Игнатьевнѣ страшно казалось жить въ отцовскомъ
домѣ и она пошла къ Глумову, и двѣ недѣли пролежала въ го-
рячкѣ.

XV.

Жизнь таракановскихъ обывателей текла обычнымъ, медлен-
нымъ ходомъ. Что было сегодня, то будетъ завтра и т. д. Но
и заросшее тинистое болото не всегда имѣетъ ровную поверх-
ность, и его волнуютъ вѣтры и непогоды. Наши таракановцы
имѣли также свои бури. Невозмутимая ихъ жизнь порою воз-
мущалась разными изъ ряду выходящими событіями.

Избѣгая повтореній, я постараюсь покороче изложить сущность
дѣла.

Читатели уже знают, что заводскими дѣлами заправлялъ прикащикъ съ подначальными ему должностными людьми, подобно тому, какъ это и вездѣ водится. Всѣ они были изъ крѣпостныхъ. Настоящаго прикащика таракановскаго завода зовутъ Афонгономъ Степанычемъ Переплетчиковымъ. Онъ былъ сынъ штейгера, и потому его въ дѣтствѣ на работы не требовали, а ему было дано приличное для сына должнаго человека образование. Сначала онъ обучался въ заводской школѣ и учился очень прилежно, не смотря на то, что учителя о наукахъ смыслили столько же, сколько и заводскіе ребята, служили заводу для того, чтобы скопить денежки на черный день и мучили ребятъ хуже любой бурсы; не смотря на самоуправство наставниковъ, которые могли и не приходить иной разъ въ школу, на томъ основаніи, что управляющій считалъ низостью заглянуть туда; маленькій Переплетчиковъ заучилъ все, что преподавалось по книжкамъ; мало этого, у него своего разума настолько хватало, что онъ учителей взялъ въ руки, т. е. придетъ учитель пьяный, онъ подговоритъ ребятъ кричать, свистѣть и все-таки былъ *старшимъ*, т. е. могъ самъ замѣнить въ училищѣ должность учителей въ ихъ отсутствіе. — Потомъ онъ кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ на заводскій счетъ. Таракановскіе владѣльцы заботились объ образованіи своихъ крѣпостныхъ. А потомъ онъ занимался дѣлами у таракановскаго повѣреннаго. Девятнадцать лѣтъ онъ зналъ очень много, т. е. зналъ всѣ плутни, черезъ которые онъ прошелъ и даже проводилъ повѣреннаго, плута изъ плутовъ.

Какъ образованнаго человека его назвали мастеромъ, т. е. человекомъ свободнымъ отъ работъ, что-то въ родѣ чиновника и назначили казначеемъ главной конторы. Должность эта состояла въ томъ, что онъ записывалъ на приходъ деньги, получаемыя изъ разныхъ мѣстъ за металлы; выписывалъ въ расходъ суммы по предписаніямъ; кромѣ этого на его обязанности было выдавать рабочимъ заработную плату, по правиламъ установленнымъ *закономъ и владѣльцами*. Въ его время денежные дѣла были очень запутаны, но онъ постарался запутать ихъ еще больше. Во-первыхъ, подрядчики по провіанту жаловались главному начальнику, что имъ недодаютъ столько-то денегъ; по отчетамъ заводоуправленія значилось, что подрядчики перебрали; а къ концу исправленія имъ должности казначея заводоуправленія оставалось должно подрядчикамъ нѣсколько тысячъ. Во-вторыхъ, сосѣдніи заводоуправленія жаловались на порубку ихъ лѣсовъ таракановцами, заводили спорныя дѣла о земляхъ; таракановское заводоуправленіе, зная, что тутъ балуются управляющіе, мирались съ ними деньгами; а, по милости Переплетчикова, вдругъ завелись спорныя дѣла о земляхъ таракановскаго заводоуправленія съ палатой имуществъ тогда, когда сосѣднія заводскія земли за долги перешли въ казну... Въ третьихъ, большая часть суммы, слѣдующей за металлы, хранилась въ кредит-

ныхъ учрежденіяхъ, но это былъ долгъ казнѣ; въ заводѣ были свои деньги, но не гласные, ихъ получали, продавая металлы на нижегородской ярмаркѣ; другой способъ пріобрѣтенія негласныхъ суммъ былъ не менѣе остроуменъ: металлы товали въ рѣкахъ, а потомъ утопленники продавались купцамъ и объ этомъ знали казначей, прикащики и управляющій; другимъ же постороннимъ лицамъ знать не полагалось. Подъ залогъ земель брались изъ казны суммы, которыя рѣдко отсылались владѣльцамъ; они поступали въ заводъ на закупку провіанта или другія экономическія надобности. Владѣльцы тратили въ годъ сотни тысячъ, но въ заводѣ выходило въ пять разъ больше; владѣльцамъ посылались краткіе отчеты, но запросовъ отъ нихъ, что много выходитъ денегъ, никогда не было. Въ четвертыхъ, провіанту закупалось въ годъ тысячъ на сто, а люди сѣдали только на тридцать; а по отчетамъ значилось, что рабочимъ выдано платы тридцать тысячъ, а рабочіе говорили, что выдано въ годъ не больше трехъ тысячъ..... и проч.

Какъ видитъ читатель, должность Переплетчикова была прібыльна, но ему хотѣлось другой должности потому, во-первыхъ много дѣла, во-вторыхъ въ послѣднее время его службы ему пришлось получать выговоры отъ управляющаго за *безпечность*, прикащикъ говорилъ ему въ глаза, что онъ первый воръ, а рабочіе терпѣть его не могли и сложили про него такую пѣсню.

И да казначе-еть Переплетчиковъ
Объегорилъ всѣхъ начальниковъ;
И вотъ скоро-де не баринъ нашъ,
А казначей злодѣй,
Самъ совѣтный лиходѣй
Владѣть заводомъ станеть и т. д.

Поступилъ Переплетчиковъ караваннымъ смотрителемъ, т. е. слѣдовалъ съ таракановскими металлами, которые сплавлялись въ количествѣ до тридцати пяти барокъ. Жизнь хорошая: на приставяхъ ходи отъ барки къ баркѣ, распоряжайся, заставляй бурлаковъ пѣсни пѣть и плясать, пей, ѣшь и спи, сколько хочешь. Но дѣло не въ этомъ. Въ каждомъ караванѣ каждый годъ разбивало барки отъ быстроты и каменстаго дна рѣки, которая, не смотря на разливы, была мелка; случались эти оказіи и съ переплетчиковымъ караваномъ, но рѣдко, потому что онъ лоцмановъ подъ судъ отдавалъ за то, что они по ночамъ слѣдили, т. е. не могли совладать съ барками. Тонула одна или двѣ барки, а онъ писалъ больше, и дѣлалъ такъ ловко, что утопшія поступали въ его пользу. Заводоуправленіе знало объ этомъ и получало отъ него барыши. За хорошее усердіе Переплетчикова сдѣлали прикащикомъ. До него было два прикащика: одинъ по распорядительной части, другой по хозяйственной; онъ же объ должности сосредоточилъ въ себѣ. Прикащикъ-помощникъ управляющему. Управляющій хотѣлъ, прикащикъ испол-

нялъ. Но въболъшинствѣ случаевъ прикащикъ заправлялъ дѣлами владѣльцевъ, потому что управляющій ничего не зналъ и Переплетчиковъ водилъ его на помочахъ. Къ управляющему народъ не допускался, управляющаго народъ видалъ рѣдко; къ прикащику могъ являться всякій, онъ былъ какъ отецъ. У Переплетчикова были свои любимые мастера, нарядчики, штейгера, игравшіе въ свою очередь роль въ заводѣ.

Здѣсь кстати пояснить три пункта упомянутыхъ при описаніи личности казначея.

Въ заводѣ былъ какой нибудь купецъ, который закупалъ у крестьянъ муку и заключалъ съ заводоуправленіемъ условія. Мука принималась, но оказывалась ненадлежащей доброты и была съ пескомъ. Если купецъ не хотѣлъ брать муку обратно, то ему не выдавали денегъ, и заводоуправленіе покупало муку у прикащика, казначея и смотрителя магазиновъ, за дорогую цѣну, при чемъ рабочимъ, вслѣдствіе дороговизны, выдавали половинное количество муки.

Таракановское заводоуправленіе вело торговлю лѣсомъ, строило изъ него барки и другія вещи, что въ отчетахъ не показывалось; лѣсу было мало: рабочимъ его выдавали за деньги, т. е. нужно было подарить. Поэтому рабочіе рубили его воровски, выжигали по 20 верстъ въ годъ для того, что имъ дозволяли рубить палникъ; пламя переходило въ чужіе лѣса, которые также рубили таракановцы; истреблялись межевые знаки, столбы; но виновныхъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ пожарахъ, никого не находили. А вслѣдствіе истребленія межевыхъ столбовъ и знаковъ на нихъ, тѣ и другія заводоуправленія хозяйничали по сосѣдству другъ у друга и для очистки совѣсти заводили дѣла, которыя почти никогда не оканчивались по дружбѣ управляющихъ и повѣренныхъ заводскихъ...

Металловъ выплавлялось въ годъ обыкновенно больше показаннаго въ отчетахъ. Половина поступала на приходъ, другая шла въ пользу заводоуправленія и рабочихъ, съ которыхъ не брали денегъ за гвозди, утюги, браковку, ломъ и т. п. вещи; однако рабочимъ за все количество металла выписывались въ расходъ деньги на господскій счетъ такъ хитро, что никакой бухгалтеръ не подкопался бы, потому что тутъ значились прогугы, наемъ крестьянъ въ три-дорога и пр. Въ отчетахъ значились поправки зданій, покупка машинъ,—чего вовсе не было.

Коммисіонеръ, поставлявшій муку въ таракановскій заводъ, вдругъ отказался поставять ее. Муки было немного въ магазинахъ, закупать негдѣ, потому что время осеннее, да и въ заводской конторѣ нѣтъ денегъ. Рабочимъ муки не даютъ, не даютъ денегъ за работу, а даютъ билеты на рубку лѣса для дровъ, изъ самыхъ дальнихъ дачъ, гдѣ и рубить нечего, а по-

томъ хватають ихъ за то, что они лишній возъ нарубили. Народъ голодаетъ, волнуется; цѣлый день не отходитъ отъ главной конторы; кабаки пусты, много больныхъ...

Управляющій жилъ въ городѣ: онъ дожидался разрѣшенія изъ министерства о выдачѣ денегъ подъ залогъ одной дачи и въ счетъ будущихъ металловъ.

Заводское начальство беспокоится. Прикащикъ роздалъ рабочимъ свои деньги и сказалъ, что они должны винить управляющаго за его безалаберность. Рабочіе успокоились, но хлѣбъ на рынкѣ былъ дорогъ.

Издавали рабочіе деньги, перестали работать.

Начальство молчитъ. — „Мы сами два мѣсяца, по милости управляющаго, не получали ни жалованья, ни провіанта.“

Пріѣхалъ къ прикащику нарочный отъ повѣреннаго изъ города съ такимъ извѣстіемъ: „Карлъ Ивановичъ черезъ день пріѣдетъ сюда. Денегъ ему выдали тридцать тысячъ“.

— Тридцать тысячъ впередъ за четыре мѣсяца! Да онъ съ ума сошелъ! Намъ нужно восемьдесятъ... говорилъ прикащикъ и призвалъ къ себѣ на совѣтъ казначея главной конторы.

— Я удивляюсь, отчего владѣльцы наняли въ управляющіе такого дурака, что намъ и рабочимъ придется кору глотать; а ему все ни почемъ, потому онъ нахапалъ.

Да еще какъ!.. Владѣльцы изнабазулились (избаловались): они думаютъ, что только одни инженеры честные люди... Посмотри-ко въ другихъ заводахъ, гдѣ управляющіе изъ крѣпостныхъ, тамъ всѣмъ рай-житье: всѣ сыты и довольны. Вотъ бы тебя въ управляющіе...

— Однако, я подверну исправнику такое дѣльцо, ты только не говори.

— О!

— Мнѣ наплевать: я купецъ.

— Счастливецъ!.. Однако надо что нибудь дѣлать?

— Я хочу выйдти.

— Полно, пожалуйста, прималындивать-то (представляться). Тебя никакой шайтанъ (чортъ) съ этого мѣста не стуритъ. Тебѣ заводоуправленіе сколько должно?

— Да тысячь двадцать семь.

— А мнѣ три тысячи сто. Я думаю продать муки.

— Гм! плутъ!.. Почему ты думаешь?

— По рублю.

— Возьми семь гривенъ, вѣдь мука-то ржаная, самъ посуди. На што я, и тутъ я хочу продать по семи гривенъ... Безбожникъ!

— Если вы по семи, я согласенъ по шести.

— Я по пятидесяти пяти, потому что я имѣю въ виду не одну тысячу кулей.

— У меня сотни; а у васъ тьмы сотенъ... Я не могу меньше шестидесяти.

— Ну ладно, тамъ увидимъ. Я доложу нашему дармоѣду.

Черезъ день пріѣхалъ управляющій, явились къ нему заводскій исправникъ, прикащикъ и казначей, поздравили съ пріѣздомъ.

— Ну что, работаютъ? спросилъ управляющій прикащика.

— Да... Только хлѣба нѣтъ, денегъ нѣтъ.

— Я привезъ! привезъ!! какъ вы смѣете мнѣ говорить дерзости? Я зачѣмъ ѣздилъ?

— А позвольте васъ спросить, сколько вы привезли? спросилъ храбро прикащикъ.

— Тридцать тысячъ!!

— А нужно восемьдесятъ.

— Что?!

— Вы имѣете донесеніе.

— Очень нужно мнѣ возиться со всякимъ хламомъ!.. Ну, а вы что скажете: смирно у васъ? спросилъ управляющій исправника.

— Точно такъ-съ.

— Главный начальникъ недоволенъ вами.

И управляющій быстро ушелъ изъ залы;—значить съ вами холоуями не хочу больше разговаривать.

— Дуракъ! сказалъ прикащикъ.

— Тоже объ мелочахъ толкуетъ! прибавилъ казначей.

— Попрекаетъ горнымъ членомъ, а я чѣмъ виноватъ? говорилъ болѣзненно исправникъ.

Въ этотъ день управляющій вдругъ изволилъ приказать положить сани въ одну лошадь и былъ очень взволнованъ. Когда ему доложили: лошадь готова-съ, онъ спросилъ лакея.

— Ты кто такой?

— Ключкинъ.

— Кто ты такой?

Лакей молчитъ.

— Ты чей?

— Чего изволите спрашивать?

— Свиныя! прошипѣлъ управляющій и вышелъ на улицу.

Когда онъ сѣлъ въ сани, кучеръ не трогался.

— Пошелъ!

— А лакея нѣту-ка.

— Не нужно! не разговаривать!!.. А ты пріятель изъ какихъ?

— Чего?...

— Погодите я уже доберусь до васъ!!

— Куда ваше сіятельство ѣхать?

— Вези меня на фабрику, вези по всему заводу...

Кучеръ удивился; управляющій рѣдко бывалъ на фабрикахъ, и вдругъ прямо съ пріѣзда ѣдетъ туда. Онъ подумалъ: вѣрно

генераль (ревизоръ заводовъ отъ правительства) журовить (спѣшить) ѣхать сюда; вѣрно непорядки какіе нибудь пронюхаль.

— Это што тамъ? указаль управляющій на порядокъ Козье болото.

— А это Козье болото. Тамъ живетъ все отпѣтый народъ, все кержаки.

— Кто?

— Кержаки.

— А что это такое за кержаки?

— Они по старой вѣрѣ все: двумя пальцами молятся.

— Ахъ помню что-то. въ корпусѣ слыхаль. Вези къ нимъ!

Подѣхали къ кузнечной фабрикѣ. Заперта.

— Это что значить? спросилъ управляющій кучера.

— Да провіанту нѣту-ка въ магазяхъ и не робятъ.

Поѣхали въ Козье болото.

— Чей домъ? спросилъ управляющій кучера, указавъ на лѣвый угольный домъ, когда въѣхали въ улицу..

— Не знаю.

Проѣхали мимо нѣсколькихъ домовъ. Изъ оконъ глядятъ мушны и женщины; ребята, никогда не выдавшіе управляющаго, бѣжали за санями. На улицу изъ заднихъ домовъ то и дѣло выходили мушны и стали у переулка, выходящаго изъ Козьяго болота къ мосту.

Управляющій велѣлъ кучеру остановиться, вылѣзъ изъ саней, вошелъ во дворъ, потомъ полѣзъ по лѣсенкѣ на крыльцо, ступеньки трещать. Онъ никогда не бывалъ въ такихъ конурахъ. Въ сѣняхъ онъ заблудился. Вышла баба въ рубахѣ; отъ нея пахло потомъ, въ избѣ кричали ребята, ревѣлъ ребенокъ.

— Господи Иусе! вскрикнула баба, столкнувшись съ управляющимъ. Кто тутъ?

— Я!

— Да кто ты; свинья! Приказей!... Ково тебѣ?

— Я управляющій!

Баба ушла въ избу и заперла дверь на крючекъ.

У воротъ галдилъ народъ.

— Чья баба? спросилъ управляющій, глядя на одного рабочаго.

Рабочіе молчатъ, имъ что-то сказать хочется, толкають другъ друга, переминаются съ ноги на ногу, то снимають, то надѣвають фуражки.

— Кто вы такіе?

Рабочіе сняли фуражки, но промолчали: они съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— На работы!

— Провьянтъ выдай за два мѣсяца!

— Рошетъ вели сдѣлать!

— Кто виновать? спросилъ управляющій.

— Прикащикъ Переплетчиковъ.

Управляющій сѣлъ въ сани и уѣхалъ, а рабочіе повалили во дворъ той бабы, у которой былъ управляющій.

— Къ почтмейстеру! сказалъ онъ кучеру. Въ почтовой конторѣ кучеру сказали, что почтмейстеръ ушелъ бѣгомъ стрѣлять. Вѣрно было явиться вечеромъ, а до этого времени всѣ въ заводѣ были въ волненіи: никто не понималъ, зачѣмъ управляющій ѣздилъ въ Козье болото.

Явился вечеромъ почтмейстеръ. Это былъ старый человѣкъ, ужасный трусъ. Онъ никогда не бывалъ у управляющаго, потому что управляющій считалъ его ни за что.

— Кто здѣсь получаетъ періодическіе журналы?

Почтмейстеръ выпучилъ глаза.

— Я спрашиваю: кто получаетъ, — однимъ словомъ кто слѣдитъ за литературой.

— Прикажете вѣдомостичку.

— Да вы сумасшедшій, или не понимаете меня?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Читаете вы газеты?!

— Вѣдомости?... Никакъ нѣтъ-съ. Не люблю-съ.

— Я васъ прошу молчать, если васъ будутъ спрашивать о волѣ, всѣмъ говорите: никакой воли никому не будетъ, *понимаете*.

Почтмейстеръ ушелъ удивленный и сконфуженный. Пошелъ къ прикащику, рассказалъ какъ его распустилъ управляющій; прикащикъ хохоталъ.

— Дуракъ ты, а не почтмейстеръ, право! Ты братъ большой бы доходъ могъ извлечь изъ того, что теперь всѣхъ занимаетъ.

— Што такое?

— Ну ужь не скажу. А у тебя есть-ли овесъ да сѣно? Нѣтъ, такъ пошли почталюна.

Почтмейстеръ опять таки остался въ недоумѣніи. По приходѣ домой, онъ перебралъ губернскія и сенатскія вѣдомости, чего-то отыскивая; но такъ какъ онъ ихъ не читалъ и не зналъ, что ему нужно, то и потерялъ даромъ время.

Въ этотъ же день прикащикъ былъ позванъ къ управляющему.

— Вы слышали что нибудь о волѣ?

— О какой-съ? спросилъ съ удивленіемъ прикащикъ.

— Я отъ владѣльцевъ имѣю письмо: они нарочно по этому дѣлу въ Петербургъ изъ за-границы пріѣхали, зовутъ меня къ себѣ, просятъ какъ можно лучше соблюсти ихніе интересы. Пожалуйста вы побезпокойтесь.... У васъ большіе безпорядки: всѣ жалуются на невыдачу провьянта... Выдать! хоть какъ бы ни дорога была мука; купить! Рабочихъ заставить силой работать. Слышите?

Ночью сгорѣлъ большой хлѣбный магазинъ; рабочіе работали на пожарѣ, но за то всё воспользовались хлѣбомъ и черезъ день пошли на работы.

Однажды въ одномъ кабакѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ рабочихъ, калякали они между выпивкой водки. Входитъ солдатъ.

— А сѣра амуниція! сказалъ одинъ рабочій.

— Ты не замай моей амбиціи, кайло, отвѣтилъ солдатъ.

— Чево и говорить: много-ли ты галокъ то настрѣлялъ?

— Почище вашего брата: на турка ходилъ.

— А видѣлъ ли ты каковъ турокъ-то?

— Одначе, братцы, угостите водочкой.

— И такъ будетъ съ тебя.

— Не буянь! я царю служу; служба трудная. А ваше дѣло што?.. А еще волю хочутъ дать вахлакамъ.

— Какую волю?

— Царь вамъ волю даетъ.

— Што онъ сказалъ? съ изумленіемъ обратился одинъ изъ рабочихъ къ другимъ собесѣдникамъ.

— Это онъ, вишь ты, на шарамышку (на даровщинку) выпить захотѣлъ.

— Да вѣрите мнѣ или нѣтъ? Я восьмой годъ вѣрой и правдой царю служу. У меня у самого брата крѣпостные крестьяне; и чтожь мнѣ баламутить-то васъ.

— Угостить ево надо!

— Ну-ко скажи какую такую волю хочетъ намъ Царь дать? Вошелъ другой солдатъ.

— Да вправду ли говоритъ онъ о волѣ? Вотъ другой солдатъ... Эй, другъ сердешной, тараканъ запешной, што ты скажешь о волѣ.

— Не слыхалъ што-ли?

— Такъ это вѣрно!

— Про волю-то?.. Самъ царь, толкуютъ, крѣпостнымъ крестьянамъ даетъ...

Рабочіе слушали съ удивленіемъ, но не понимали за что воля и въ чемъ состоитъ эта воля. Просили растолковать солдатъ, но они говорили, что въ городѣ объ этомъ разно толкуютъ. Такъ ничего и не довѣдались наши таракановцы, но чуяли они, что будетъ что-то доброе.

Первую ночь въ слободахъ спали только ребята; большіе судили и думали: что это за воля, посмотрѣть бы на нее, али ужъ нѣтъ ли указа такого?

— Какая жа эта воля: али напишутъ билетъ и потурятъ насъ отсюда на другу землю, что-ли?

— Ужь не хотятъ ли заводы уничтожить?

— Нѣтъ вотъ такую бы волю: и землю бы намъ, и покосы

подарили бы, и за работу бы ладно считали, да не обижали. Хошь робъ, хошь вѣтъ.

— Нѣтъ я смѣкаю не для того-ли это солдаты толкуютъ, штобы задрать насъ на драку съ ними? Имъ вишь ты скушно... Надо предупредить товарищей-то.

Черезъ недѣлю пришелъ въ заводъ рабочій, бывшій въ городѣ. Онъ клялся, что въ городѣ даже объявленья прибиты на столбахъ, написано: скоро воля будетъ.

Опять заговорили, опять полезли въ головы предположенія различныя, то хорошія, то худыя; и эти предположенія совсѣмъ сбили съ толку рабочихъ. Они сдѣлались задумчивы, мало пѣли, руки опускались. Нѣкоторые рабочіе вовсе не шли на работы; но за ними не приходили десятники и только, по обыкновенію, на нихъ насчитывали прогулы. Всѣхъ удивляло поведеніе начальства: оно было теперь смирное, а штейгера, родня нѣкоторыхъ рабочихъ, не смотря на запрещеніе прикащика говорить рабочимъ о волѣ, говорили имъ: подождемъ братцы; воля скоро будетъ, порядки у насъ нынѣ пойдутъ.

XVI.

Читатели уже знаютъ, что дѣти работали на рудникахъ и хотя эти работы и считались по заводски легкими, но для крестьянскаго мальчика онѣ были бы очень тяжелы, потому что крестьянскіе мальчишки не испытываютъ того, что испытываютъ дѣти горнорабочихъ: работать на рудникахъ много значить; тасканіе тачекъ съ глиной и рудой въ шахтѣ, гдѣ темно, душно, сыро и приходится пробыть десять или восемь часовъ,—невыносимо и для взрослога. Мальчишки съ двѣнадцати-лѣтняго возраста назывались малолѣтними, и брались на работы тогда, когда недоставало подростковъ; за это они получали полтора пуда въ мѣсяцъ провіанту. Съ 15-ти лѣтняго возраста они назывались подростками и ихъ брали на работы уже безъ отцовъ и обращались какъ съ обыкновенными рабочими; за это они получали въ мѣсяцъ два пуда провіанту. Заводоуправленію съ одной стороны было выгодно заставлять работать ребятъ, потому что они работаютъ старательнѣе взрослыхъ рабочихъ; но съ другой стороны было и убыточно, потому что чѣмъ больше у рабочихъ ребятъ мужскаго пола, тѣмъ больше выходитъ на нихъ муки.

• При отцѣ Илья Игнатьичъ рѣдко работалъ на рудникахъ. По метрическому свидѣтельству онъ значился пятнадцати, по заводски шеснадцати лѣтъ, такъ какъ ему наступилъ уже шеснадцатый годъ; его забыли въ прошломъ году записать въ подростки и назвали этимъ именемъ только нынѣ. Илья Игнатьичъ очень боялся, чтобы его не послали въ рудникъ;—малолѣтки работаютъ на

поверхности рудниковъ, но подростки непременно въ шахтахъ, и этого избѣгнуть нельзя, если попадешь на рудникъ. Рабочіе на рудникахъ распредѣлялись безалаберно; тамъ на бользни не обращали вниманія, а исполнялись приказанія прикащика, чтобы вездѣ былъ полный комплектъ рабочихъ. А мальчикъ, работая въ сыромъ мѣстѣ, слабосильный, не могъ, при всемъ своемъ стараніи сработать столько, сколько могли сработать взрослые, окрѣпшіе рабочіе, и поэтому, по метрическимъ книгамъ таракановскихъ церквей и вѣдомостямъ доктора, значилось, что большинство умершихъ и больныхъ въ заводѣ состояло изъ ребятъ отъ 11 до 19 лѣтъ; но ни на бользнь, ни на смертность ихъ заводскимъ начальствомъ не обращалось должнаго вниманія, потому вѣроятно, что семь тысячъ заводскихъ женщинъ исправно рожали каждый годъ по ребенку, но за то въ послѣднее время стали замѣчать, что изъ каждой тысячи ребятъ умираетъ если не половина, то по крайней мѣрѣ двѣ трети, не доживъ до совершеннолѣтія.

Ростя почти подъ присмотромъ маленькихъ ребятъ, дѣти еще очень маленькіе выражали свои желанія и досаду крикомъ, капризничали и привыкали къ разнаго рода побоямъ и наказаніямъ. Колотушки и ругань съ годами вмѣстѣ съ физической силой развивались въ нихъ. Они жили въ кругу такихъ людей, которые довольно грубо обращались со всѣми, не умѣли изъясняться такъ, какъ изъясняются образованные люди; отъ этого и дѣти, подражая старшимъ, становясь съ каждымъ мѣсяцемъ, а можетъ быть и днемъ, воспріимчивѣе, усвоивали то, что видѣли и слышали. Такъ и Илья Игнатьичъ въ настоящее время курилъ табакъ, пилъ водку, ругался какъ большой и старался во что бы то ни стало переспорить старшихъ. Дома онъ жилъ рѣдко, а больше игралъ въ бабки, дрался съ ребятами; не боялся матери, мало слушался и отца, однако побаивался его, и не смѣлъ ничего сказать ему рѣзкаго, хотя бы тотъ задѣлъ его за живое. Кромѣ отца онъ никого такъ не любилъ въ жизни и только ему одному высказывалъ свое горе и только его совѣтовъ слушался. Это происходило оттого, что отецъ работалъ, добывалъ пропитаніе, былъ глава въ домѣ, гдѣ его всѣ боялись и уважали. Привязанность его къ отцу была такова, что онъ скучалъ, когда отецъ долго не приходилъ домой, а когда тотъ возвращался, онъ долго терся около него, выспрашивалъ что нибудь и немедленно исполнялъ его приказанія. Сестру онъ не любилъ, потому что она была не парень и не любила играть съ нимъ въ бабки или бороться.

Послѣ смерти отца онъ жилъ съ сестрой, а потомъ у дяди вмѣстѣ съ братомъ, и когда его взяли на фабрику на работы, онъ дома жилъ только по ночамъ, а въ праздники убѣгалъ къ сосѣдямъ или участвовалъ въ артельныхъ играхъ, заключавшихся въ томъ, что друзья, человекъ въ тридцать, играли от-

дѣльно отъ другихъ и въ эту артель парень изъ чужой артели не принимался до поры до времени. Павелъ тоже бѣгалъ за нимъ, но когда оттуда стали его гвать, онъ присталъ къ ребятамъ однихъ съ нимъ лѣтъ.

Поработавъ на фабрикѣ мѣсяца четыре, Илья Игнатьичъ рѣдко ночевалъ дома; но тетка знала, что онъ терся у засыпщика Горюнова, который былъ помощникомъ плавильщика на горнахъ. У него было два сына, Егоръ 17 лѣтъ и Иванъ 12 и дочь Аксинья 15 лѣтъ. Жена его умерла отъ горячки назадъ тому три года и теперь хозяйствомъ Горюнова заправляла его сестра Акулина Савинова. Илья попалъ въ это семейство очень просто: Егоръ работалъ около отца вмѣстѣ съ нимъ, Илья, куря табакъ изъ отцовской трубки, всегда угощалъ Горюновыхъ, которые съ своей стороны угощали и подростка Глумова. Въ праздники Глумовъ игралъ съ Егоромъ Горюновымъ, съ нимъ же забѣгалъ къ нему въ домъ и тамъ игралъ съ Аксиньей и сыновьями Горюнова въ карты, а ежели было поздно, то тамъ и ночевалъ, боясь проспять время работы, а потомъ вмѣстѣ съ Горюновыми отправлялся на работу.

Часто они играли въ карты, въ носки, а такъ какъ интересъ этой игры заключался въ томъ, чтобы проигравшему щелкать колодой картъ по носу, то безъ сценъ не обходилось: братъ брату щелкали носы безъ всякаго удовольствія, но когда Аксинья принималась щелкать по носу Ильи Игнатьича, ему не нравились; братья хохотали, хохотала Аксинья, онъ толкалъ ее ногами, краснѣлъ со стыда, мигалъ ей глазами, но она наслаждалась щелканіемъ Илькина носа, хохотала и выдавала братьямъ его подмигиванья; за Глумова братья не заступались; если же Глумову приводилось щелкать носъ Аксиньи, то она щипала его за руку, ругала проклятымъ, краснѣла, коспла глаза. Глумовъ прилагалъ все свое стараніе, чтобы Аксинья было больнѣе, но Аксинья убѣгала въ уголь или куда нибудь, дулась на Илью и говорила: я тебя тихонько, а ты, лѣшакъ, изо всей мочи. Братья не говорили Аксинья, что она не права, но если Илья Игнатьичъ силой хотѣлъ исполнить полное количество щелчковъ, то который нибудь изъ братьевъ начпналъ барахтаться съ Глумовымъ.

Но не смотря на эти размолвки, Илью Игнатьича приглашалъ даже самъ Дмитрій Гурьянычъ Горюновъ. Приглашалъ онъ потому къ себѣ Глумова, что у Глумова не было отца, а спать у Горюнова было гдѣ — мѣста довольно.

Время для Ильи Игнатьича шло весело, — на фабрикѣ народу много, работа нетяжелая, — онъ помогалъ рабочимъ подвозить къ горнамъ въ тачкахъ или руду или флюсъ, т. е. песокъ и уголь, или просто песокъ или уголь и поэтому назывался *таскальщикомъ*; эта работа продолжалась недолго; остальное время онъ терся около рабочихъ, мѣшалъ имъ, острялъ и по-

лучалъ колотушки отъ мастеровъ; потомъ, если у его пріятеля была получка, пріятель приглашалъ его въ кабакъ, если же не было, то онъ отправлялся спать. А о праздникахъ и говорить нечего.

Передъ масляницей Илья пришелъ къ Горюновымъ въ обѣдъ, когда ему нечего было дѣлать на фабрикѣ. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ идетъ туда, гдѣ теперь только Аксинья и ея тетка, а можетъ быть и никого нѣтъ. Ему хотѣлось поболтать и поиграть въ карты съ Аксиньей, а если тетка дома, онъ выдумалъ предлогъ попросить шила. Оказалось, что дома только одна Аксинька, какъ узналъ объ этомъ Глумовъ, заглянувъ въ окно. Аксинья его не видала, какъ онъ глядѣлъ. У Горюновыхъ была изба и горенка; Аксинья мыла въ горенкѣ. Илья крадучись подошелъ къ двери горенки и вскрикнулъ: кукареку!

Аксинья вскрикнула, выпрямилась, поправила рубаху, полы которой были заткнуты за поясъ; лицо ея отъ работы было красное, въ поту.

— Куда ты идешь, сиволапой! крикнула Аксинья.

Илья Игнатьичъ улыбался и толкнулъ ногой шайку, изъ которой Аксинья бросила въ Глумова мочальную вѣхотку, вѣхотка попала ему сперва въ лицо, потомъ упала на полъ. Вмигъ Илья Игнатьичъ подскочилъ къ Аксиньѣ и сталъ ее щекотать. Та завизжала, захохотала, забила и укусила плечо Глумова.

— Што? каково?... хохотала Аксинья, когда Глумовъ схватился за плечо.

— Свинья.

— Отъ свиньи слышу. Зачѣмъ пришелъ! Пошелъ, дуракъ... и Аксинья стала толкать его грязными руками изъ избы; но тотъ упирался.

— Тетка придетъ, задастъ тебѣ! Вонъ! вонъ! и она вытолкала его изъ избы вѣникомъ.

Илья Игнатьичъ долго еще дурилъ у окошекъ, пока его не прогнала возвратившаяся домой тетка Аксинья.

XVII.

Послѣ масляницы Илью Игнатьича цѣлую недѣлю не звали на фабрику, тамъ нечего было дѣлать подросткамъ. Мастера поговаривали, что скоро ребятъ пошлютъ на рудники. Жить у дяди было скучно, вотъ онъ и терся у Горюновыхъ. Вдругъ приходитъ утромъ десятникъ Филатовъ и говорить ребятамъ:

— Одѣвайтесь, живо! на рудникъ.

Ребята поблѣднѣли; ослушаться нельзя.

— А кто тебя послалъ? спросилъ Глумовъ.

— Указъ отъ прикащика вышелъ послать пятьдесятъ подростковъ да двадцать малолѣтковъ.

— Такъ ты и отпиши: непойдемъ.

— Я тебѣ дамъ непойдемъ! Ты знаешь—я тебя такъ вздеру што мое почтеніе!

Десятникъ имѣлъ власть наказывать ребятъ розгами; поэтому надо было повиноваться. Ребята одѣлись, лѣниво пошли къ вѣсамъ, а Филатовъ пошелъ за другими. У вѣсовъ, у кузницы, боролись ребятъ тридцать. Всѣ они худенькіе, блѣдные; на нихъ изорванные отцовскіе полушубки или халатишки; у немногихъ есть на рукахъ варежки, а у остальныхъ руки голыя.

— Господа, буде въ шахты будутъ назначать, непойдемъ, закономъ запрещено, говорилъ восемнадцатилѣтній парень, учившійся въ городскомъ уѣздномъ училищѣ и жившій у повѣреннаго на посылкахъ, но теперь посланный въ рудники за кражу ложекъ у повѣреннаго. Ребятами за слово *господа* онъ былъ прозванъ пуговицей, что ему очень не нравилось.

— А ты, пуговица, отъ кого это узналъ?

— Знаю. Строго запрещено. Мы на землѣ должны работать, а не въ землѣ.

— Ладно! пропишутъ тебѣ землю.

Поѣхали. Дорогу описывать нечего. Не мѣшаетъ только сказать, что въ дорогѣ было очень холодно; ребята то молчали, то смѣялись другъ надъ другомъ, то боролись. Бывшихъ въ шахтахъ немного, они то и дѣло пугали небывавшихъ тѣмъ, что тамъ нужно ползать на колѣняхъ съ тачкой, да того и гляди, что задавить.

Къ руднику пріѣхали вечеромъ; солнышка не было, и такъ какъ здѣсь большое поле, то вѣтеръ съ правой стороны дулъ сильный, холодный, гоня собою снѣгъ на насыпи и вертя его такъ ловко, что ребята говорили: глядите, какъ чортъ-то вертится! Рабочіе и ребята медленно катали тачки; а вѣтеръ то и дѣло заплеталъ ребятамъ длинныя халатишки или у рабочихъ распихивалъ ихъ очень широко. Въ трехъ мѣстахъ у насыпей разложены огни, около которыхъ грѣются запачканныя въ глинѣ ребята, а большіе покуриваютъ изъ трубокъ махорку и разговариваютъ о сегодняшнемъ рабочемъ днѣ.

Ребята вошли въ избу. Шесть человѣкъ рабочихъ спятъ на полатахъ, пять подростковъ играютъ въ карты, принадлежащія сторожу избы. Сторожъ получаетъ карты отъ ребятъ. Игравшіе ребята многимъ изъ пріѣхавшихъ были знакомы.

Отогрѣлись немного ребята въ избѣ, ѣсть хочется, а нечего, потому что немногіе взяли изъ домовъ хлѣба, да и тотъ дорогой товарищи съѣли. Въ избу стало появляться больше и больше рабочихъ и ребятъ, которые входя крихтѣли или что нибудь говорили въ родѣ: ну-жъ погодку Богъ даль!.. Настала пора ужи-

на. Жена сторожа Прасковья, занимавшаяся печеньемъ хлѣба и варкой шей на рабочихъ, засуетилась. Принесла она изъ сѣней пять ковригъ хлѣба. Ее торопили. Вытащила она изъ печи чугунь шей, двое рабочихъ налили изъ него въ большую деревянную чашку, поставили ее на нары противъ оконъ, притащили со двора скамейку и человекъ двадцать рабочихъ усьлось на нее. Хлѣбать было неудобно, потому что приходилось вставать, а ребята то и дѣло толкали которагонибудь рабочаго. На другихъ нарахъ тоже ужинали. Въ избѣ говоръ, смѣхъ, визгъ.

Послѣ ужина рабочіе и ребята, работавшіе днемъ, легли спать, а пріѣхавшихъ нарядчикъ распредѣлилъ на работы въ шахты. Ночью на поверхности руду не отвозили, потому что начальство боялось, чтобы рабочіе не отвозили ее въ какоенибудь мѣсто, неизвѣстное для него, а потомъ домой. Но такое опасеніе было напрасно: рабочій не много бы выплавилъ въ изной печи. Всѣ пріѣхавшіе подростки и малолѣтки попали въ шахты. Глумовы и еще трое были спущены въ одну шахту. Читатели уже знакомы съ рудничными работами. Поэтому я отъ имени Ильи Игнатьича Глумова скажу, что ему показалась ужасно невыносимо-тяжелой эта работа: онъ точно ослѣпъ, оглохъ, ползаетъ на колѣняхъ толкая грудью ручку отъ тачки, голова то и дѣло стучается въ землю, ноги и все туловище до груди промокло, потому что дно шахты неровное, грязное, съ ямами, а досокъ, посланныхъ на дѣл, въ темнотѣ не сыщешь. Не помнить онъ какъ упалъ куда-то, завязъ; кажется заснулъ; кажется такъ дремалъ... „Штожь это такое? Долго ли еще я прораблю“. Пошелъ. Наткнулся на кого-то.

— Хто? хриплымъ голосомъ спросилъ кто-то.

— Я, сказалъ Глумовъ, но голосъ точно отнялся. Натужился Илья Игнатьичъ, крикнулъ... не много слышишь откликнулось гдѣ-то: онъ стоялъ противъ корридора, въ которомъ былъ ходъ къ верху.

Проработалъ онъ четыре дня и хотя спалъ по ночамъ въ избѣ, но въ послѣдній день до того изнемогъ, что не могъ катить тачки. Проспиться домой невозможно: нужно проработать недѣлю и онъ надумалъ бѣжать, не осмысливъ куда. Когда ночью рабочіе спали крѣпко, онъ взялъ мѣшечекъ съ хлѣбомъ и солью, принадлежащій какому-то рабочему и вытащивъ изъ подъ головы рабочаго полушубокъ, надѣлъ этотъ полушубокъ на себя и съ замираніемъ сердца вышелъ на дворъ. Куда идти? Темно, звѣзды свѣтятъ тускло; вѣтеръ рѣжетъ лицо. Горько заплакалъ Илья Игнатьичъ и плача пошелъ въ сторону противоположную отъ рѣки. Страшно ему сдѣлалось, хотѣлось воротиться, но вдругъ на него напала злость: онъ пошелъ скорѣе, сжималъ кулаки, проклиналъ громко и свѣгъ, и полушубокъ. Но не все же злиться, а надо убираться поскорѣе куданибудь: вотъ рабочіе тоже по ночамъ убѣгаютъ и не розыскиваются. Ноги, то вязнутъ

въ снѣгу, то онъ спотыкается о что-то и падаетъ. Наконецъ рога; онъ повернулъ на лѣво, стало легче. Ноги давно устали, наконецъ заболѣли кости, потомъ не можетъ ступать на подошвы. Сѣлъ онъ и сталъ ѣсть, думая, что онъ не хорошо сдѣлалъ, что убѣжалъ. Что скажутъ товарищи, которые наравнѣ съ нимъ работаютъ и не бѣгаютъ? Задумался онъ надъ этимъ и стыдно ему сдѣлалось. Драть стануть, больно выстегаютъ; товарищи сердиться будутъ. Всталъ онъ, хотѣлъ идти назадъ, но ноги перестали служить, свалился онъ на снѣгъ и не можетъ встать, а уже свѣтать начинаетъ.

Вдругъ онъ отъ боли просыпается. Передъ нимъ на двухъ лошадяхъ верхомъ сидятъ лѣсные объѣздки.

— Вставай, околѣешь! сказалъ одинъ изъ нихъ и слезъ съ лошади.

Илья всталъ.

— Чей ты?

— Я съ рудника.

— А! Бѣглець!!

— Пусти его; плевать!

— Ишь ты! три цѣлковыхъ за него выдадутъ.

— Дядюшка, отпусти, заплакалъ Глумовъ.

— Не разговаривай!

— Я самъ уйду.

Лѣсные объѣздки сказавъ: плевать, нашъ вѣдь онъ, и уѣхали.

Еще стыднѣе сдѣлалось Ильѣ Игнатьичу; на рудникъ онъ идти боится, а дѣлать нечего.

Пришелъ Глумовъ на рудникъ. Рабочіе обругали его дуракомъ за то, что онъ пришелъ назадъ, ребята прозвали его воромъ и бѣглецомъ. Пошелъ онъ въ избушку къ нарядчику. Нарядчикъ еще не зналъ объ его бѣгствѣ.

— Прости меня, Максимъ Пантелѣичъ, сказалъ Глумовъ, поклонившись ему въ ноги.

— Што, укралъ?

— Я, Максимъ Пантелѣичъ, больно нездоровъ; лѣшій меня взялъ; побѣгъ ночью...

— Ахъ ты мерзавецъ, да я тебя вздую!

— Прости! не буду...

— Ну ступай; гдѣ робишь?

— Въ шахтѣ.

— Ступай къ конной машинѣ! Позови Сеньку Безрылова.

Рабочіе удивились милосердію нарядчика, который любилъ, чтобы тотчасъ послѣ проступка у него слезно просили прощенія. Только благодаря этому Глумовъ отдѣлался такъ дешево.

XVIII.

Возвращаясь къ исторіи таракановскаго завода и къ печальной судьбѣ Прасковьи Игнатьевны, я напомню читателю, что онъ разстался съ моей бѣдной и темной героиней въ холодномъ и всѣми покинутомъ домѣ Глумовыхъ, у мертвaго тѣла ея матери и у могилы ея мужа. „Все прахомъ пошло!“—думала Прасковья Игнатьевна, заливаясь слезами. Но чѣмъ больше она думала о своемъ прошломъ, тѣмъ неотвязчивѣе представлялся ей пьяный, избитый или лежащій въ гробу съ страшно измѣнившимся лицомъ мужъ. Сердце ея обливалось кровью; она старалась ни о чемъ не думать, но Курносовъ какъ тутъ—какъ только она закроетъ глаза; откроетъ глаза, ей какъ будто слышатся слова пьянаго мужа: „нетужи Паруша! общал!“—„Черную немочь!“ скажетъ съ сердцемъ и шопотомъ Прасковья Игнатьевна и опять задумается о прошломъ. „И что это за жизнь была! и дернуло же меня выйти за приказнаго. Правда хорошо было подчасъ, больно хорошо“... и опять обливалось сердце кровью и она думала о настоящемъ. „Что мнѣ тутъ дѣлать, гдѣ голову преклонить?“—размышляла Прасковья Игнатьевна и стала серьезно раздумывать о переселеніи въ городъ.

Разказы о городской жизни подбивали ее еще больше переселиться изъ Таракановскаго завода. „Не даромъ же Тавька Крыжанова ушла въ городъ еще до моей свадьбы и не возвращается домой, а вонъ еще слзпой матери къ пасхѣ три цѣлковыхъ послала; не даромъ вонъ и Кудряшева двоихъ дѣвокъ къ себѣ выннсала“. И Прасковья Игнатьевна стала засыпать и просыпаться съ одной мыслію—о поѣздкѣ въ городъ. „Тамъ меня никто не будетъ грызть“.

На другой день она спросила дядю:

— Ты скоро въ городъ-то поѣдешь?

— Да къ Ефорьеву дню надо-бы. А што?

— Ты меня свезешь?

— Тимофей Петровичъ захохоталъ.

— Чему ты смѣешься! Эка невидаль какая! Не держать же намъ ее, сказала тетка, видимо тяготившаяся Прасковьей Игнатьевной, которая въ послѣднее время жила у родныхъ.

Вечеромъ Дарья Викентьевна стала отговаривать Прасковью Игнатьевну, чтобы она не ѣхала, что въ городѣ она заплачется и будетъ каяться, что ушла изъ завода, но Прасковья Игнатьевна и слушать не хотѣла.

Стала она собираться въ дорогу. Братья повидимому скучали; Дарья Викентьевна пуще прежняго злилась, но Прасковья Игнатьевна стояла на своемъ, уже четыре раза ходила въ главную контору за полученіемъ билета на жительство внѣ завода, даже продала одеженку Петра Савича за два рубля и эти день-

ги дала столоначальнику. Посовѣтовали сходить къ прикащику. Пришла, пожаловалась на главную контору.

— Я, душа моя, главной конторой не завѣдываю и въ ея дѣла не имѣю права вмѣшиваться... А тебѣ что за фантазія пришла идти въ городъ?

— Хочу.

Постоявши немного и посмотрѣвши на Прасковью Игнатьевну нѣсколько минутъ, прикащикъ вдругъ сказалъ:

— Иди за мной.

Ни жива, ни мертва пошла молодая женщина за прикащикомъ. Прикащикъ вошелъ въ гостиную и сѣлъ въ кресло.

Прасковья Игнатьевна остановилась въ дверяхъ.

— Ты женщина красивая. Хочешь я тебя къ себѣ пристрою?

— Покорно благодарю, Афиногенъ Степанычъ.

— Нѣтъ, однако. Ты будешь жить барыней, дѣла тебѣ будетъ немного. Чай Курносоевъ-то шипъ тебѣ оставилъ?

— Нѣтъ ужъ вы увольте меня... въ городъ хочу.

— Какъ знаешь. А знаешь, что я могу тебя и не отпустить и не отпущу, коли захочу, единственно изъ за твоего каприза. Вечеромъ я пошлю за тобой лошадь съ кучеромъ.

— Афиногенъ Степанычъ...

— Я тебя же жалѣючи говорю это, потому что въ городѣ вашего брата какъ неприютныхъ собакъ... А я человекъ вдовый. Знаю я, что ты женщина честная; знаю и то, что ты не содлоно хлебала за-мужемъ. А я могу тебя озолотить.

Прасковья Игнатьевна плакала.

Вдругъ лакей приноситъ прикащику бумагу. Прочитавши бумагу прикащикъ поблѣднѣлъ, но не много оправился.

— Такъ вечеромъ, Прасковья Игнатьевна, я за тобой припшю. Отговариваться нечего.

Прасковью Игнатьевну бросило въ потъ отъ такого предложенія. Она всю дорогу плакала, такъ что всѣ, кто попадался ей на встрѣчу, съ удивленіемъ спрашивали ее, что съ ней, но она ничего не могла отвѣтить и ушла къ Корчагину.

— Василій Васильичъ! спаси ты меня! проговорила она, поклонившись ему въ ноги, и рассказала все, что говорилъ ей прикащикъ.

— Не нужно было тебѣ къ прикащику ходить. Ужъ онъ извѣстенъ этимъ... Ты бы ко мнѣ раньше пришла, я бы устроилъ это дѣло.

Прасковья Игнатьевна осталась у Корчагина.

Между тѣмъ вдругъ по заводу пронеслась вѣсть о пріѣздѣ ревизора, вѣсть, взволновавшая все таракановское населеніе. Казаки или полицейскіе служители то и дѣло переходили изъ дома въ домъ и звали свободныхъ отъ работъ рабочихъ къ главной конторѣ и грозили тѣмъ, что если кто не придетъ, то-

го завтра же пошлютъ на работы за полтора ста верстъ. Рабочіе идутъ нехотя, ругаются. Они не знаютъ зачѣмъ ихъ зовутъ къ конторѣ, — да и подобныя сходки случались въ заводѣ нерѣдко.

Передъ конторой, длиннаго одноэтажнаго деревяннаго дома въ девять оконъ на улицу, противъ дома около воротъ, стояли, ходили и сидѣли на завалинкѣ конторскаго дома человѣкъ сто рабочихъ разныхъ лѣтъ въ халатахъ изъ зеленой китайки и армякахъ. Тутъ были старики, рассказывающіе окружающимъ ихъ, молодымъ рабочимъ про прежнихъ исправниковъ, смотрителей, и управляющихъ; тутъ были люди серьезно страдающіе чахоткой, гемороемъ и т. п. болѣзнями, люди желающіе опохмѣлиться, люди бойкіе, постоянно спорящіе, говорящіе, хохочущіе, которые цѣлый день могутъ проболтать безъ устали языкомъ. Къ нимъ приходили новыя кучи рабочихъ.

— Опоздали, говорили имъ молодые рабочіе.

— Нѣтъ, не опоздали. А вы што тутъ, ково караулите?

— Тебя, штобъ ты къ Окулинѣ въ гости не ходилъ.

Въ толпѣ поднялся хохотъ.

Толки были разные; чѣмъ больше прибывало народу, тѣмъ больше говоръ усиливался, такъ что вичего нельзя было разобрать, кромѣ заливающегося хохота въ разныхъ мѣстахъ, да восклицаній.

— Илюха! Будь ты проклятая хвастуша и т. п.

Казалось, народъ былъ веселъ, но это только казалось. Рабочему человѣку если что кажется, то онъ крестится. Нельзя было тремъ стамъ рабочимъ стоять молча, къ тому же и люди все были знакомые.

— Штожъ, братцы, долго-ль намъ ждатель-то? Я съ самаго утра пришелъ.

— Ну и до вечера прстоишь.

— Это вѣрно. Я оноедни къ исправнику пришелъ еще черти въ кулачки не дрались, а домой воротился ночью.

Въ толпѣ хохотъ.

— Братцы, глядите вверхъ, крикнулъ кто-то громко.

Всѣ стали смотрѣть вверхъ. Полетѣли фуражки съ головъ, снова хохотъ, многіе стали бороться.

А между тѣмъ въ конторѣ происходило что-то необыкновенное: тамъ служащіе перебѣгали изъ комнаты въ комнату, сторожа и бабы мыли стекла въ окнахъ. Это заняло рабочихъ и они стали острить надъ бабами.

Приѣхалъ къ конторѣ исправникъ. Ему никто не снялъ шапки. Онъ кричалъ, чтобы ему дали проѣздъ, но рабочіе отъ нечего дѣлать рады были потѣшиться.

— Ну-ко проѣздъ. Посмотримъ, какъ ты по намъ поѣдешь.

Исправникъ самъ ударилъ лошадь, которая рванулась впередъ и смяла одного рабочаго.

— Ужь смѣяться, такъ было бы надъ кѣмъ, а это што! ска-
заль одияъ мастеръ.

— Хоть бы не ты говорилъ, да не мы слушали. Вотъ надъ
тобой, такъ стоитъ смѣяться. Вѣдь ты мастеръ, ну, а мастеръ,
значить, первый плуть, сосвѣтнй мошенникъ.

— А вы первые воры: кто желѣзо воруетъ?..

— Ты первой.

Народъ не стоялъ въ одномъ мѣстѣ, а бродилъ по площади,
человѣкъ по десяти стояли по угламъ.

— Ёдетъ? кричали имъ со всѣхъ сторонъ.

— Штаны надѣваетъ, кричали стояшіе на углахъ.

Къ нимъ то и дѣло подходили женщины. Онѣ хотѣли дознаться
сами: зачѣмъ мужиковъ къ конторѣ созвали?

— Куда ты лезешь, востроносая!

— Смотри, запряжеть онъ тебя воду таскать.

Женщины ругались, мужчины ихъ гнали, и онѣ стали отдѣль-
но отъ мужчинъ и разсуждали по-своему:

— Ужь чего добраго, бабоньки, не волю ли хотять объявлять?

— Я тоже смѣкаю... Севодня во снѣ видѣла чистое поле, да
рѣку большую.

— Болтай, пустомеля. Совсѣмъ не волю, а поди опять наря-
ды какіе вибудь...

— Ну ужь дураки же будутъ мужики, если даромъ робить
будутъ.

Ребята тоже стояли отдѣльно. Они, то острили надъ бабами,
то надъ мужиками, то боролись.

А дождь мочить и мочить незамѣтно.

Наконецъ, въ первомъ часу, показался изъ-за угла управляю-
щій, ѣдущій въ пролеткѣ, запряженной въ двѣ сивыхъ лошади.
Народъ сторонился, кое-кто изъ мужчинъ снялъ фуражки, бабы
поклонились, а управляющій сдѣлалъ только разъ подъ козырекъ.

Управляющій вошелъ въ контору, а народъ столпился въ од-
ну массу, только женщины стояли позади. Ребята забрались
впередъ.

Вышелъ на крыльцо управляющій, прикащикъ и исправникъ.
Исправникъ крикнулъ рабочимъ:

— Шапки долой!

Рабочіе лѣвно сняли фуражки и шапки, женщины перекре-
стились.

— Ребята, къ намъ ѣдетъ ревизоръ. Слышите!

Рабочіе поглядѣли другъ на друга; десять человѣкъ надѣли
фуражки, за ними стали надѣвать и другіе. Женщины стояли
на носкахъ съ разинутыми ртами и рабски-боязливо смотрѣли
изъ-за головъ мужчинъ на начальство.

— Вамъ сказано шапки долой! крикнулъ исправникъ.

Въ толпѣ прошелъ не ясный гулъ, начался шопоть, толкотня подь бока, молодые прятали свои головы за спины старыхъ рабочихъ.

— Я васъ всѣхъ перепорю! Сказано, шапки долой?!

— Самъ скидывай со своей башки чучелу-то, сказалъ кто-то. Народъ заволновался, заговорилъ.

— Смирно!!

Народъ затихъ, а одинъ старикъ проговорилъ:

— Коли ты насъ, ваше благородье, за дѣломъ звалъ, дѣло и говори. Мы народъ рабочій, намъ время дорого. Мы, какъ бы то ни было, люди...

— Молчать!

— Нечего страшать-то.

Народъ захохоталъ; женщины, какъ видно, струсили и далеко отошли отъ мужчинъ.

— Слушайте, началъ управляющій, чтобъ ни одна шельма не смѣла жаловаться ревизору, чтобы никто и пикнуть не смѣлъ. Когда онъ прїѣдетъ, вы соберитесь на площади и кричите: ура!

— Какой бойкой! да намъ и не выговорить такое слово, проговорилъ кто-то не громко, прочіе толкали другъ друга въ бока, шептали что-то, хохотали.

— Понимаете, что я вамъ сказалъ?

— Не глухіе вѣдь, сказалъ одинъ. Заговорили всѣ.

— Эй, кто грамотные! въ контору! крикнулъ исправникъ и начальство ушло въ контору.

Говоръ начался неописанный; на что женщины—и тѣ голосили больше всѣхъ.

— Эхъ вы! еще мужики называетесь! Ну гдѣ у васъ разсудокъ-то, у дураковъ?...

— Да я бы ему за его слова просто въ лицо наплевала. Ишь говорить: я васъ всѣхъ перепорю; командеръ какой!

— Ну, ну, не ваше дѣло, ширококоротыя!

— Стыдно, вѣрно. Погоди: ужъ я буду тебя страшить.

— Вотъ, братцы, диво: у насъ ревизоръ-то былъ годовъ девять! говорили старики...

— Да онъ вретъ: за какимъ дьяволомъ ревизору къ намъ ѣхать.

— Нѣтъ тутъ должно быть штука: смѣнять вѣрно онъ управляющаго хочетъ.

— Хорошее бы дѣло сдѣлалъ.

— Эй, бабы! идите писать въ контору.

— Братцы, айда въ кабакъ!

— Подь ты къ лѣшимъ! Нѣтъ, вотъ онъ меня совсѣмъ смутилъ: зачѣмъ ревизоръ сюда ѣдетъ?

— Вѣрь ты имъ...

— Смотри, ребята, сколько грамотѣвъ-то идетъ—четверо!

Всѣ захохотали. Изъ трехъ сотъ человѣкъ рабочихъ писать не умѣли сто человѣкъ. Двое рабочихъ долго ловили одну молодую женщину и притащили ее къ исправнику.

— Вотъ тебѣ грамота! сказали они.

— Штожь намъ, уходить? спросили рабочіе исправника.

— Завтра извольте на господскую улицу шлаку навозить, сказааь исправникъ.

— Рубь дашь за сутки?

— Бороды остричь, волосы подравнять, явиться, когда пріѣдетъ ревизоръ. не въ лохмотьяхъ..

— Толкуй еще: бабамъ обручи надѣвать, мужикамъ кургузи съ хвостиками (фраки) надѣть. Умень, братъ, ты, какъ попъ Семень, а тотъ, кто дѣлалъ тебя исправникомъ, еще вѣрно умнѣ тебя... говорили въ толпѣ.

Рабочіе стали расходиться.

Между тѣмъ четверо грамотныхъ стояли въ прихожей у дверей и ждали что-то будетъ. Они смотрѣли въ комнаты, гдѣ писцы, изогнувшись на разныя манеры, строчили по бумагѣ перьями. Ихъ это смѣшило и они о каждомъ судили по-своему вполголоса. Ихъ смѣшило то, какъ управляющій, важно сидя въ предсѣдательскомъ креслѣ, распекалъ прикащика, потомъ столоначальника, который вдругъ поклонился ему въ ноги. Въ конторѣ писцы переговаривались тихо, только и слышенъ былъ пискливый голосъ управляющаго. Сторожа беззащитно подходили къ писцамъ, небрежно обращались съ ними; но писцы, какъ видно, хотѣли показать нашимъ грамотѣямъ, что они люди не послѣдніе: они, заложивъ перья за уши, шаркая ногами, проходили мимо ихъ, курили папирсы въ прихожей, пуская дымъ въ форточку.

— Што, боязно курить-то, сказааь одинъ рабочій.

Писцы молчали.

— Ловко вѣрно онъ васъ покостыляаь... А вы скажите, зачѣмъ онъ насъ звааь сюда?

— Адресъ подписывать.

— Какой?

— Не знаю.

Управляющій позвааь рабочихъ въ присутствіе.

— Только? спросилъ онъ сердито.

— Только, ваше благородье, остальные еще склады учать.

— Подписывай вотъ тутъ свою фамилію.

Рабочій не шевелится.

— Что же ты?

— Да какъ же можно подписывать, коли не знаешь суть. Можетъ, мы на свою голову подписываемъ.

Управляющій объяснилъ, что тутъ заключается благодарность ревизору за... и прочее.

— Не будемъ мы подписывать.

— Вотъ вамъ десять руб. только подпишите и убирайтесь къ чорту.

— А што же, подпишемъ? Десять цѣлковыхъ деньги, ребята, говорили двое шопотомъ.

— Не надо намъ и десяти рублей, сказалъ третій, и сталъ стыдить остальныхъ.

Управляющій приказалъ прикащику назначить рабочихъ сейчасъ же въ тяжелыя работы, рабочіе помялись и подписали бумагу, содержаніе которой имъ не дали прочитать.

Весело рабочіе погуляли этотъ день: всѣ заводскіе кабаки были полны. Рабочіе говорили, что день у нихъ, по милости начальства, пропалъ и они разсудили закончить его пьянствомъ. Хозяева кабаковъ говорили:

— Хорошо-бы было, если бы эти сходки у насъ чаще бывали.

Хозяева этихъ кабаковъ были преимущественно отставные мастера, которыхъ рабочіе не любили прежде за самосудство, а теперь помирились съ ними ради кабака.

— Штожь, братцы, теперь дѣлать: бабы толкуютъ ревизоръ намъ чистую волю хочеть привезти.

— Ахъ ты большая голова! Хорошъ рабочій, безмозглой бабы слушается.

— Нѣтъ, это вѣрно: даромъ ревизору ѣхать сюда—все равно што время терять.

— Ты бы лучше говорилъ: надо ему обсказать все, какъ слѣдуетъ: какіе теперича у насъ порядки—кто палку взялъ, тотъ и капралъ!

— Надо про все сказать.

— А до той поры робить не надо!

— Ты вотъ, какъ пьянъ, такъ боекъ, а коснись дѣло трезвому, такъ въ роту каша застынетъ. Дуракъ!!

— И ты хорошъ, штейгеру служишь.

— Кто служитъ штейгеру?.. Гдѣ этотъ подлець? закричали человекъ пять.

— Вотъ онъ!

Дѣло кончилось дракой. И не въ одномъ кабакѣ была драка. Мужчины далеко за полночь хороводились, а женщины суетились сами не зная отъ чего. Не одна изъ нихъ перерывала въ сундукахъ свои вещи, пересмотрѣла подвѣчное платье, вдѣла сережки въ уши, сбѣгала къ сосѣдкамъ покалякать о томъ, чтобы приличнѣе было надѣтъ, когда пріѣдетъ ревизоръ и спорили между собой: съдой онъ или нѣтъ, высокій или низкій, толстый или тонкій, злой или добрый...

Многіе изъ рабочихъ сочиняли прошенія ревизору на управляющаго и прикащика, читали, переписывали, но выходило и не ладно и не складно. Это женщинъ очень злило.

— Вы только на словахъ бойки!.. Вотъ и видно, что у васъ вѣту ви на грошъ ума—разума! кричали онѣ; а еще хорохоритесь.

Прошла недѣля. Начальство успокоилось. Оно ежедневно получало рапорты отъ повѣреннаго, что ревизоръ еще не тронулся; но рабочіе совсѣмъ изумились. Многіе изъ нихъ даже гривенныя свѣчи ставили, чтобы ревизоръ пріѣхалъ поскорѣе.

Пріѣздъ ревизора въ заводъ серьезно занялъ всѣхъ таракановцевъ. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не видалъ нынѣшняго ревизора. И поэтому каждый, ожидая его, чувствовалъ какой-то страхъ. Почти каждый думалъ: хорошо-бы рассказать ему о худомъ житьишкѣ, вѣдь онъ большой человекъ и все можетъ сдѣлать. Недаромъ же его такъ боятся. У каждаго были знакомые и родные, живущіе въ другихъ заводахъ, и они рассказывали, что ревизоръ не кричитъ на рабочихъ, а начальниковъ распекаетъ бойко. Надеждъ у каждаго было много, каждый разговаривалъ только о немъ, и всякій изъ таракановскихъ жителей, не видѣвшій ревизора, уже хвалилъ его; женщины не давали покою мужчинамъ.

— Если вы, олухи царя небеснаго, будете смотрѣть на него да хлопать ушами, мы вамъ не жены.

— А вы прытки больно: сами и суньтесь къ нему!

Жены совсѣмъ сбили съ толку мужчинъ. Мужчины сдѣлались задумчивы, работа валилась изъ рукъ, дѣлалась нехотя; прератились пѣсни, пьянство; въ домахъ воцарился разладъ: мужья сердились на женъ за всякую всячину, жены корили мужей безтолковостью; ревновали... Одни только ребята не обращали вниманія на пріѣздъ ревизора, а ждали, что вотъ и они узнаютъ, что такое ревизоръ, о которомъ они, какъ и женщины, имѣли сказочное понятіе.

Наконецъ пріѣхалъ и ревизоръ. Первая объ этомъ узнала дѣвочка. Она розыскивала корову и мимоходомъ увидела около господскаго дома солдата, хотя солдаты были и не рѣдкость въ заводѣ; еще недавно таракановцы кормили двѣ роты, но у господскаго дома раньше солдатъ не стояло и потому дѣвочка подошла къ солдату довольно близко. Она полюбопытствовала.

— Не подходить! крикнулъ на нее солдатъ.

Дѣвочка вздрогнула, но не пошла прочь. Солдату хотѣлось развлечься.

— Убью! крикнулъ онъ.

— Оо-ой! такъ вѣдь и испугались!

— Тебѣ говорятъ уйди. По тротуарамъ не велѣно ходить... Самъ здѣсь.

— Ой да што это!...

— Пошла! ты думаешь я калякать съ тобою стану! Ревизоръ здѣсь! и онъ такъ толкнулъ дѣвочку, что она два раза перевернулась около тротуара.

У кабака стояли двадцать семь рабочихъ. Въ самомъ кабакѣ тѣсно, тамъ пѣсни и пляски.

— Семень, дай на касушку.

— Нѣту, братецъ, у самова. Голова во какъ болитъ! Э...

А штобъ этого левизора!... Ничего не сдѣлаешь.

Толкуй! прикащикъ што говорилъ: всѣмъ быть на работахъ, бочку вина обѣщаль.

— Кабы теперъ эта бочка.

Подходитъ казакъ.

— Ахъ вы, штобъ вамъ всѣмъ лопнуть!... На работу. Левизоръ пріѣхаль.

Рабочіе съ испугомъ обзирали казака, но немного погоды пошли на фабрики.

Бабы то и дѣло бѣжали куда-то; но скрытничали другъ передъ дружкой.

— Ты куда?

— Ой не говори, некогда.

— Да ты видѣла?

— Видѣла. Ружье у него. О!

Подбѣгали онъ къ тому мѣсту, гдѣ кончается улица и начинается площадь. Съ этого мѣста видно было господскій домъ. Дальше онъ боялся идти.

— Дѣвонька... это левизія? спрашивала баба свою сосѣдку, указывая рукой на солдата.

— Ишь солдатъ. Онъ ево стережетъ.

— А што-жь онъ убѣжитъ разъ?...

— Толкуй! Коли левизоровъ стерегутъ... такъ што послѣ этова съ намъ-то?...

— Дура ты, дѣвонька. Солдаты баяли, што они потому такъ торчатъ, штобы не украли. А ты разсуди: наши мужики разъ понимаютъ што? возьмутъ, да и утачатъ.

— Гляньте: онъ сюда смотритъ.

И бабы шли назадъ и толковали между собой, только Богъ одинъ вѣдаетъ о чемъ. Они были очень довольны, что видѣли солдата. Ребята были посмѣлѣе, тѣ долго стояли противъ господскаго дома, но казаки разогнали ихъ.

Толки пошли по всему заводу различные и разговаривали все про ревизора. Одни говорили, что видѣли ревизора, другіе третируютъ солдата.

Къ первому часу казаки собрали свободныхъ отъ работы мужичивъ на площадь. Мужчины не знали, зачѣмъ ихъ собираютъ. За мужичинами пошли бабы, но ихъ прогнали. Онъ все-таки стояли въ улицѣ такъ, что видѣли и господскій домъ и мужиковъ.

Часъ простояли, два. Рабочихъ было до пяти сотъ. Подъѣхаль къ рабочимъ на пролеткѣ исправникъ.

— Сію минуту ревизоръ подѣдетъ къ вамъ; ура, кричите; и онъ крикнудъ ура! и поѣхаль назадъ....

— Кабы ты опохмѣлиться... Крикнули бы—ухъ какъ! разсуждали мужики.

— Што-то будетъ съ мужиками?...глядите, какъ исправникъ горячится: откуда и голосъ взялся, разсуждали бабы.

Пріѣхалъ прикащикъ, и всталъ около рабочихъ, заговорилъ съ ними любезно; его окружили. Вдругъ вышелъ изъ подъѣзда господскаго двора тоненькій, низенькій человекъ, въ горной инженерной формѣ, и сѣлъ въ коляску съ управляющимъ. За нимъ ѣхали въ ливейкахъ горные чиновники, скакали на лошадяхъ исправникъ и казакъ. Поровнявшись съ рабочими, ревизоръ поднялъ лѣвую руку къ шапкѣ, мужики сняли фуражки и шапки.

— Ура! крикнулъ прикащикъ и протянулъ правую руку съ бумагой. Но никто изъ рабочихъ не подхватилъ за прикащикомъ „ура!“

— Что это? спросилъ ревизоръ прикащика, указывая на бумагу, которую тотъ держалъ.

— Рабочіе вашему пр-ву подносятъ адресъ.

— Хорошо. Благодарю!! и взявъ лѣвою рукою бумагу, онъ правою поднялъ руку управляющаго и велѣлъ ѣхать на фабрику. Прикащикъ обругалъ рабочихъ и поѣхалъ за начальствомъ. Народъ повалилъ за нимъ.

Бабы были въ восторгѣ. Между ними завязался споръ. Однѣ говорили, что лицо у ревизора желтое, другія—зеленое, третьи говорили, что у него глаза блестятъ. Но все-таки всѣ пошли за мужиками.

Около фабрикъ, на плотинѣ стояло много народа. Народъ постоянно прибывалъ, но женщины стояли за мужчинами. Веселости не было, говорили шопотомъ; время казалось каждому длинно.

Ревизоръ осмотрѣлъ работы, распекъ для вида заводское начальство и даже показалъ ему, какъ нужно для какой-то штуки печь топить; рабочіе смотрѣли на него во всѣ глаза и ждали случая сказать ему что-то; но онъ, повидямому, избѣгалъ даже того, чтобы остановиться близко рабочаго. Когда онъ сталъ выходить изъ фабрики, разговаривая съ механикомъ англичаниномъ, то одинъ рабочій сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Ревизоръ!

Ревизоръ остановился, поглядѣлъ на право и на лѣво и спросилъ:

— Кто говоритъ? Сюда!!

Рабочіе почувствовали начальнической тонъ, лица заводскаго начальства измѣнились, сказавшій слово рабочій поглядѣлъ на товарищей и подошелъ къ ревизору, около котораго стояло заводское начальство.

— Говори! сказалъ строго ревизоръ.

— Вотъ што ваше благо... ваше... тепарича... я теперича... тово... началъ оробѣвшій рабочій.

— Что?

— Покажи теперича... теперича обижаютъ; сына застегали... голубчикъ...

— Онъ сумасшедшій в—во, сказалъ управляющій.

— А! Ну такъ отослать его въ сумасшедшій домъ. Ахъ позвольте, Карлъ Ивановичъ: у васъ рабочіе всѣ должно быть сумасшедшіе.

Управляющій растерялся.

— Этотъ по ошибкѣ попал... сказалъ прикащикъ.

— Не съ вами говорятъ! крикнулъ ревизоръ и вышелъ изъ фабрики.

Увидѣвъ народъ, онъ спросилъ управляющаго:

— Отчего эти не работаютъ?

— Они... они...

— Они... Я вижу, что они давно они... передразнилъ управляющаго ревизоръ, и вдругъ крикнулъ народу:

— Довольны ли вы??

Всѣ молчатъ. Молодые пятятся за стариковъ, бабы начинаютъ выдвигаться впередъ. Одна старуха подошла къ ревизору и бросилась къ нему въ ноги съ воемъ.

— Батюшка! голубчикъ!... помилуй... Всегда покосомъ пользовались, отняли теперь.

— А!... Лошадь?!

Вмигъ подали лошадь и ревизоръ съ легкостью резиннаго мячика съѣлъ въ пролетку и поѣхалъ. За нимъ поѣхала свита. Управляющій подошелъ къ народу.

— Я васъ подлецы! я в-васъ!!.. по домамъ!! потомъ уѣхалъ самъ.

Народъ заволновался. Больше всѣхъ голосили бабы.

— Ну не правда ли, что вы свиньи! отъ чего вы не говорили. А?

— Ну-ну, ты первая молчала.

— Ахъ, штобъ вамъ околѣть совсѣмъ! Ну зачѣмъ вы, безмозглые, шли-то сюда?

Мало этого, жены стали плевать на мужей, мужчины стали ругаться между собой.

— Ты што говорилъ? я, говорить, первый начну, а зачѣмъ за Окульку спрятался?

— Да одинъ бы...

— Будьте вы прокляты хвастуши. Вотъ и надѣйся. На словахъ таиъ города берете.

Половина разошлась по кабакамъ, изъ остальныхъ одна половина пошла домой, другая на площадь къ господскому дому. Въ верхнемъ этажѣ господскаго дома играла музыка, передъ домомъ стояли линѣйки, двѣ кареты. Человѣкъ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ подошли къ солдату и стали спрашивать его: уви-

дять ли они еще ревизора? Тотъ объявилъ, что ревизоръ послѣ обѣда уѣзжаетъ изъ завода. Это удвигло рабочихъ.

— Да ты врешь! какъ же прежде, говорятъ, ревизоры виномъ поили, а теперь...

— Положенья такого нѣтъ, потому бунтуете очень.

— Братцы, солдата надо водкой поподчивать. Солдатъ, айда въ кабакъ...

— Нельзя.

— Вотъ тебѣ разъ! Водку пить нельзя? Да онъ, братцы, смѣшной какой-то. Пойдемъ, говорятъ. Мы тебя угостимъ.

— Уйди нельзя, караулъ!

— Дуракъ, братъ, ты—караулъ нашелъ! Да ты чево караулишь то?

— Служба такая—законъ... Ничего я не караулю...

— Жалко ево, братцы. Илюха, бѣги купи полуштофъ.

Черезъ нѣсколько минутъ одинъ рабочій привнесъ полуштофъ. Солдатъ выпилъ немного, еще выпилъ и скоро весь полуштофъ выдулъ, а какъ выдулъ и расположилъ спать подъ окнами, ружье положивъ подъ голову.

Рабочихъ это долго смѣшило, и они цѣлый день разговаривали про этого солдата.

Бабы стали миролюбивѣе.

Но больше всѣхъ перетрусилось заводское начальство. Оно знало, что за нимъ много есть тайныхъ грѣшковъ въ уздиномъ судѣ и въ другихъ высшихъ инстанціяхъ, есть много важныхъ дѣлъ по которымъ оно обвиняется въ жестокостяхъ и притѣсненіяхъ, рабочихъ, въ воровствѣ и т. п. Но никто такъ не трусѣлъ, какъ управляющій.

Карлъ Ивановичъ Риттеръ былъ сынъ горнаго инженера, человека небогатаго, который умеръ рано. Обучался онъ въ горномъ институтѣ и, окончивъ въ этомъ заведеніи курсъ наукъ, былъ посланъ съ чиномъ поручика на службу въ горные заводы. О горнорабочихъ онъ имѣлъ такое же понятіе, какъ о жителяхъ луны. По теоріи онъ зналъ, гдѣ и какой долженъ быть грунтъ земли, въ какомъ мѣстѣ должна быть руда, но напрактикѣ выходило иначе. Приказывалъ онъ рыть гору въ такомъ-то мѣстѣ, гору рыли, но руды или было такъ мало, что разработку должно было бросать или руды вовсе не было; въ рудники спускаться онъ боялся и поэтому оказывалось, что штейгера знали лучше его. Впрочемъ онъ со словъ стариковъ и штейгеровъ описывалъ рудники, происхожденіе руды, но надъ этими описаніями долго бы хохотали рабочіе. Прослужилъ онъ горнымъ смотрителемъ два года, нажилъ порядочный капиталъ, ему показалось скучно жить въ провинціи, и онъ, подъ предлогомъ усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ, уѣхалъ за границу. Оттуда онъ вернулся бариномъ и съ пустымъ карманомъ, же-

нился на дочери знатнаго челоуѣка въ горномъ мѣрѣ и былъ опредѣленъ горнымъ начальникомъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ этой должности, онъ нѣсколько не обращалъ вниманія на положеніе рабочихъ, требовалъ, чтобы рабочіе не получали даромъ усадьбы, покосы, провѣнать, и старался нажить себѣ состояніе посредствомъ тихаго общипыванія казны. Наконецъ, бывши за границей, владѣльцы Таракановскихъ заводовъ уполномочили его на управление своими заводами, и онъ вышелъ въ отставку, потому что владѣльцы назначили ему жалованье въ 15 т. р. с., господскій домъ и опредѣленное количество процентовъ съ вы плавленныхъ металловъ.

До двухъ часовъ ночи управляющій совѣтовался съ своею пра-вою рукою—прикащикомъ, какъ ему лучше принять ревизора, главное, чтобы не дать замѣтить беспорядковъ. Прикащикъ увѣрилъ, что адресъ, который онъ подастъ ревизору отъ имене рабочихъ, выручитъ ихъ изъ бѣды, потому что въ адресѣ рабочіе очень радуются прїѣзду ревизора, благодарятъ его за то, что онъ далъ имъ хорошаго управляющаго и потому вѣчно будутъ молить Бога за него...

Среди хлопотъ прикащикъ забылъ о Прасковѣ Курносовой. Рабочіе съ утра до вечера работали на площадяхъ, на улицахъ, вычищая и выметая все грязное, замѣченное прикащикомъ; нѣсколько каменныхъ домовъ бѣлили; училище было переведено изъ столарни въ каменный домъ; мальчикамъ выдали по рублю денегъ для того, чтобы они хоть какъ нибудь обулись и повязали шеп платками; вездѣ была суетня; даже бабы, и тѣ суетились, проклиная свою жизнь... Все готовились какъ къ большому празднику.

Вотъ въ это-то суетливое время Корчагинъ и отправился къ столоначальнику главной конторы, которому онъ прошлаго года дѣлалъ рамы въ окна.

— Отвяжись ты съ своимъ паспортомъ! Никого неведѣно выпускать изъ завода, сказалъ тотъ.

— Да вѣдь баба не мужикъ; съ нея на заводѣ работы не спрашивается.

— Нельзя.

Корчагинъ положилъ на столъ пятирублевую ассигнацію. Столовачальникъ на первыхъ порахъ не зналъ, что и дѣлать: хочется и деньги взять, а если взять, такъ надо билетъ дать, а билеты не велѣно давать: есть приказъ въ его столѣ отъ управляющаго.

— Ну была не была! только для тебя, Корчагинъ, дѣлаю это. Да и что тебѣ за фантазія непременно теперь билетъ получать.

— Священникъ просить; а время не терпитъ; какъ, можно говорить, скорѣе посылай мнѣ свою племянницу, говорилъ Корчагинъ столоначальнику.

— Значить ты его надулъ.

— Надулъ.

Ночью Корчагинъ выѣхалъ съ Тимофеемъ Глумовымъ въ городъ, съ ними поѣхала и Прасковья Игнатьевна. Родственникамъ ихъ было заказано, что если спросятъ Прасковью Игнатьевну, то сказали бы, что она пошла третьяго дня къ прикащику и съ тѣхъ поръ ее не видали, а Корчагинъ и Тимофей Глумовъ поѣхали на ярмарку въ спасскій заводъ, находящейся отъ таракановскаго въ семидесяти трехъ верстахъ и принадлежащей тоже таракановскимъ владѣльцамъ.

XIX.

До города Корчагинъ, Глумовъ и Прасковья Игнатьевна ѣхали сутки. Дорогой вездѣ, гдѣ они ни останавливались, жители были перепуганы извѣстiемъ, что скоро поѣдетъ въ таракановскій заводъ ревизоръ, спрашивали ихъ, что-то теперь подѣлываетъ заводоуправленiе и зачѣмъ они не дождались прiѣзда ревизора? Таракановцы отвѣчали на эти вопросы пѣхотя, отрывочно, потому что они торопились въ городъ. У нихъ были свои заботы и оба они очень боялись того, чтобы ихъ не нагнали, не обыскали и не воротили въ заводъ. А каждый изъ нихъ ѣхалъ въ городъ съ извѣстною цѣлю. Такъ Глумовъ везъ два куска мѣди, три полосы желѣза, и разныя желѣзныя и чугуныя вещи за пазухой, кромѣ того у него были спрятаны двѣ серебряныя ложки, отлитыя имъ въ кузницѣ, а Корчагинъ везъ фунта полтора золота, которое онъ купилъ у промысловыхъ рабочихъ, и которое везъ теперь извѣстному богачу раскольнику Бакину, внуку того Бакина, который прежде былъ управляющимъ таракановскими заводами. Какъ Глумовъ, такъ и Корчагинъ уже не въ первый разъ возили золото, мѣдь, желѣзо и чугунъ въ городъ и никогда не попадались. Однако, и на этотъ разъ они добрались до города благополучно. Прасковья Игнатьевна, сидя по срединѣ долгушки очень рада была своей поѣздкѣ и не знала, какъ благодарить Корчагина за то, что онъ не допустилъ прикащика наругаться надъ нею.

Показались новенькiе домики съ крышами и безъ крышъ, дворы ничѣмъ неогороженныя; потомъ дворы огороженные плетнемъ, дощаными заплотами, дома липились другъ къ другу.

— Ты, Вася, возьми къ себѣ племянницу-то, сказалъ Глумовъ Корчагину.

— А на твоей квартирѣ разъ нельзя?

— То-то што негдѣ. У Потѣва-то всего одна конура, а ребятъ свора. Вѣдь онъ итичникъ, что называется первый. У него годичъ поди штукъ сто.

— Тутъ тоже ребята; все молодежь. Впрочемъ, они теперь въ мастерской спятъ.

— Какъ-же мнѣ тамъ?.. Нѣтъ я, дядя, съ тобой, говорила Прасковья Игнатьевна.

— Дура! Тамъ и накормятъ, а у Потѣева-то впроголодь.

Прасковья Игнатьевна очень не хотѣлось поселиться на первый разъ въ городъ съ постороннимъ человѣкомъ; она обидѣлась на дядю и когда Корчагинъ остановилъ лошадь передъ пятиоконнымъ деревяннымъ домомъ и вылѣзъ изъ долгуши, вылѣзла и она.

— Такъ на рынокъ увидимся! сказалъ Глумовъ Корчагину.

— Увидимся. Пойдемъ, Прасковья Игнатьевна... Однако што это такое? и Корчагинъ сталъ смотрѣть на окна.

Такъ какъ былъ вечеръ, то въ окнахъ видѣлись зажженные свѣчи. два окна были отворены и изъ дома слышались крики, визгъ, пляска.

— Никакъ свадьба? заключилъ Корчагинъ и отворилъ калитку во дворъ, за нимъ боязливо вошла и Прасковья Игнатьевна. Тимофей Петровичъ, между тѣмъ, уже скрылся въ переулокъ.

Дворъ большой, по бокамъ крытый навѣсомъ. На лѣво въ домъ два окна, имѣющія разстоянiя отъ фундамента полтора аршина, немного подалеже оковъ парадное крыльцо съ полутора десятками ступенекъ, на которыхъ посланы половикъ, за крыльцомъ выходило во дворъ маленькое окошечко. Противъ крыльца и оконъ, у заплота лежать груды камней, двѣ мраморныя плиты, къ заплоту поставлены два мраморныхъ креста. Подъ навѣсомъ у заднихъ построекъ бродятъ двѣ здоровыя лошади, запряженныя въ заводскiя долгушки, околоченныя фигурально желѣзомъ, и выкрашенныя голубой краской. Корчагинъ обошелъ крыльцо; за угломъ домъ имѣетъ видъ двухэтажнаго, полукаменнаго, верхнiй этажъ недавно обшитъ тесомъ, въ немъ два окна, а въ нижнемъ три окна и дверь. Далѣе небольшая рѣшетка огораживаетъ маленькiй садикъ, въ которомъ стоялъ небольшой простой работы столъ и двѣ табуретки.

Все это, кромѣ двухъ лошадей, запряженныхъ въ долгушки, принадлежитъ мастеру гранильной фабрики, Гаврилу Поликарповичу Подкорытову.

Подкорытовъ еще съ дѣтства приучался вырѣзывать на камнѣ, что угодно, и работа его до сихъ поръ въ славу. Обучился онъ въ академiи, изъ него вышелъ бы извѣстный художникъ, но онъ былъ казенный человѣкъ, сынъ мастераго; родители не имѣли и понятiя, что если сына обучить дѣлу какъ слѣдуетъ, то изъ него выйдетъ прокъ, да и родители видѣли въ сынѣ усерднаго работника, помощника себѣ, и поэтому ему давались часто работы не по силамъ. Проработавъ на фабрикѣ лѣтъ десять въ качествѣ мастераго, Гаврило Поликарповичъ за одну хорошо обдѣланную имъ яшмовую вазу получилъ зва-

ніе мастера и теперь начальствует надъ нѣсколькими фабричными рабочими. Но одно обстоятельство чуть не погубило Гаврила Поликарпыча. Секретарь конторы гранильной фабрики сказалъ управляющему, что у мастера Подкорытова есть превосходная вещь — нищій, вырѣзанный изъ камня; — управляющій приказалъ принести эту вещь въ контору, и оставить ее на тотъ случай, что ее посмотритъ генераль, и безъ сомнѣнія Подкорытову выдадутъ или награду или золотую медаль. Но черезъ двѣ недѣли статуи въ конторѣ не оказалось; ее взялъ къ себѣ управляющій. Это взбаломутило Подкорытова, онъ пошелъ къ управляющему, тотъ сказалъ ему, что онъ покупаетъ статуя за двадцать пять рублей.

— И пяти тысячъ не возьму! сказалъ Подкорытовъ.

— Какъ знаешь. А ты изъ какого мрамора дѣлалъ?

— Изъ своего.

— А гдѣ ты деньги взялъ?

Подкорытовъ подалъ жалобу генералу; управляющій потребовалъ къ себѣ Подкорытова и сказалъ ему:

— Ты еще смѣешь жаловаться? Изволь отправиться на гауптвахту, и покажу тебѣ, какъ воровать мраморъ.

Заплакалъ Подкорытовъ, просидѣлъ на гауптвахтѣ недѣлю, а статуя неворотилъ.

Послѣ этого случая Подкорытовъ ходилъ на фабрику только для важивы; онъ взялъ себѣ за правило: „коли начальники воруютъ, воруй и рабочій“.... и въ качествѣ мастера онъ браковалъ хорошіе камни, возилъ ихъ къ себѣ домой и покупалъ для себя горный хрусталь, аметистъ, аввамаринъ и другіе камни отъ тѣхъ рабочихъ и крестьянъ, которые или сами находили ихъ, или покупали у бѣглыхъ заводскихъ рабочихъ. Живя въ заводахъ и деревняхъ, они слышали, что эти камни очень цѣнные, что за нихъ казна даетъ порядочныя деньги, а имѣть эти камни рѣшительно нѣтъ пользы тому, кто не знаетъ въ нихъ толку. Подкорытовъ зналъ, что если крестьянинъ или рабочій объявитъ о находкѣ начальству, то ему выдадутъ деньги развѣ черезъ полгода или объявятъ черезъ полицію, что представленный такимъ-то камень оказался горнымъ хрусталемъ низшаго достоинства, за что и неполагается представившему его денегъ; или вмѣсто того, чтобы выдать за камни тридцать рублей, выдадутъ три рубля. Подкорытовъ зналъ цѣну каждому необдѣланному камню и покупалъ его съ барышомъ для себя и безобидно для продавцевъ.

Когда Подкорытовъ разжился, то передалъ наблюденіе за работами на фабрикѣ другому мастеру, а самъ, приходя туда, только шутилъ съ рабочими, въ дѣла не вмѣшивался и за это всѣ любили его. Впослѣдствіи онъ открылъ мастерскую дома: въ ней работали четыре мальчика: выдѣлывали изъ плитъ памятники, изъ мрамора кресты, вырѣзывали на нихъ стихи и разныя разности; а такъ какъ онъ считался въ гордѣ за извѣстнаго мастера, то его

заваливали работой, только теперь онъ предоставилъ мастерскую въ распоряженіе своему девятнадцатилѣтнему сыну Ивану, тоже мастеру.

Съ Корчагинымъ Подкорытовъ познакомился назадъ тому лѣтъ шесть. Приѣзжалъ онъ разъ на заводъ купить мрамора, а въ заводѣ жилъ его тесть почтальонъ, часто возившій съ почтой мраморъ. Этому почтальону Корчагинъ дѣлалъ садокъ для птицъ, садокъ понравился Подкорытову; онъ разговорился съ нимъ, пригласилъ навѣстить его, когда онъ будетъ въ городѣ. Съ этого времени они сошлись такъ, что Корчагинъ уже въ четвертый разъ ос-танавливается прямо у Подкорытова.

Когда вошелъ Корчагинъ въ избу, въ кухнѣ происходило ликованіе: трое парней отъ четырнадцати до 18 лѣтъ, сидя за столомъ въ переднемъ углу, играли въ карты, курия воронкообразными папироски; каждый изъ нихъ что влбудъ говорилъ, каждый кричалъ, кривлялся, размахивалъ руками и хохоталъ. Посреди кухни, парень лѣтъ семнадцати, играя на гитарѣ, отплясывалъ „Свни“ и то и дѣло подбѣгалъ къ кухаркѣ, женщинѣ лѣтъ тридцати, въ ситцовомъ платьѣ, довольно здоровой, голосистой, которая при каждомъ подскакиваніи шалуна шлепала его широкою ладонью, то по спинѣ, то по головѣ. Двое, повидимому, рабочихъ, сидя на скамьѣ подъ полатями, ѣли не торопясь по куску рыбнаго пирога и сдержанно о чемъ-то толковали. Весь этотъ гамъ, хохотъ ребятъ, пляска парня, суетня кухарки, то и дѣло перебѣгавшей отъ самовара къ тарелкамъ, привелъ Корчагина къ тому заключенію, что у Подкорытова сегодня справляется какой влбудъ праздникъ.

— Здорово, крещеные, сказалъ Карчагинъ, войдя въ кухню и кладя на лавку фуражку. Одиъ изъ игравшихъ парней посмотрѣлъ на вошедшаго; за нимъ посмотрѣли остальные, только плясунъ кружился, не обращая никакого вниманія.

— А, Васька Корчагинъ! сказалъ одинъ изъ игравшихъ, и сталъ играть снова.

— Али у васъ балъ—чортъ съ печи упалъ?.. Здорово, Илюха, косые глаза! проговорилъ Корчагинъ, подходи къ одному изъ игроковъ и ударивъ его по спинѣ ладонью.

— Ты што, таракановская блоха, долго не бывалъ? сказалъ Илюха.

Прасковья Игнатьевна стояла у дверей и не знала, что ей дѣлать. Пока Корчагинъ здоровался съ рабочими Подкорытова, кухарка Федосья увидѣла ее и, подошедши къ ней, спросила строго:

— Ты што?

— Она со мной приѣхала, сказалъ Корчагинъ. Рабочіе Подкорытова захохотали.

— Съ законнымъ бракомъ! имѣемъ честь... галдили они.

Корчагинъ ничего не сказалъ на это. Курносова присѣла на скамейку. Одинъ изъ рабочихъ, сидѣвшихъ на скамейкѣ, спросилъ ее:

— Ты чья? отколева?

Она молчитъ.

— Эй ты, долгоязыый, што у тѣ, у бабы то, отсохъ штоли языкъ-то? Корчагинъ сердито поглядѣлъ на него, а Плюха началъ уськать.

— Ты, черномазый, молчи. Не къ тебѣ пришли, не съ тобою п знаются. Прасковья Игнатьевна, иди сюда.

Курносова не двигалась съ мѣста. Сидѣвшіе на скамейкѣ встали и подошли къ Корчагину.

— Видно птицу по полету, кто она таковая! извѣстно, все эти заводскіе мошенники... проговорилъ одинъ изъ нихъ, небрежно набивая махоркой трубку.

— Ужъ и не говори! гдѣ фальшивыя бумажки дѣлаютъ, какъ не въ заводахъ? проговорилъ его товарищъ, заливаясь горластымъ смѣхомъ.

— Какъ бы ты былъ умнѣе, я бы поговорилъ съ тобой. Ты вотъ што скажи: пошто васъ гранильщиками называютъ?—сказалъ Корчагинъ.

— Вы коли въ гости пришли, такъ должны молчать; а не то подите на улицу, кричала кухарка.

Нѣсколько времени городскіе рабочіе приставали къ Корчагину, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія; они ворча сѣли на скамейку. Здѣсь не мѣшаетъ объяснить слѣдующее обстоятельство: городскіе рабочіе принадлежали не помѣщикамъ, а казнѣ, и потому носили форменное платье. Въ сущности назначеніе, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ рабочихъ состояло въ томъ, чтобы работать, но помѣщичьи рабочіе завидовали казеннымъ, потому что они жили въ городѣ, гдѣ находилось главное горное начальство, которому можно было жаловаться; съ своей стороны казенные рабочіе относились къ помѣщичьимъ съ-высока, какъ будто думая, что они принадлежатъ казнѣ или Царю, а не какому нибудь частному лицу. Кромѣ этого у казенныхъ мастеровыхъ были еще такого рода преимущества, какихъ не было у крѣпостныхъ, а именно: сынъ мастера-ваго, обучившесъ въ горныхъ училищахъ, могъ сдѣлаться урядникомъ (звание равное унтеръ-офицеру) и по выслугѣ опредѣленнаго закономъ срока, могъ получить оберъ-офицерскій чинъ, который давалъ право или на переходъ на службу въ другія вѣдомства или на выходъ въ отставку.

Между тѣмъ Семень сидѣлъ около Прасковьи Игнатьевны.

— Какое, слышь, у тѣ лицо важнѣющее!... и онъ бралъ ее за руку. Курносова убѣжала во дворъ.

— Ну ты куды ее? спросилъ Илья Корчагина про Курносову.

— Къ Бакину. Въ прошлый разъ я общался ему.

— Развѣ она изъ гульныхъ?

— Избави Богъ!

— А баба ничего: можно жениться... Што-жъ ты не женишься? проговорилъ другой рабочій.

Корчагинъ промолчалъ. На другой день, проснувшись раннимъ утромъ, Корчагинъ собрался идти къ купцу Бакину.

На углу Макулинской улицы и Бакинскаго переулка стоитъ большой каменный двухъ-этажный домъ, принадлежащій комерціи совѣтнику Бакину. Какъ домъ, такъ и хозяинъ его известны въ городъ даже ребятамъ, потому что съ именемъ богача Бакина соединяются самые разнорѣчивые и двусмысленные толки, которыхъ таинственность придаетъ имъ особенный характеръ. Никто навѣрное не знаетъ: что такое Бакинъ? Человѣкъ онъ лѣтъ шестидесяти, лысый, съ сѣдою бородой, съ задумчиво-смирненнымъ взглядомъ. Лѣтомъ онъ ѣздитъ въ купеческомъ кафтанѣ, носитъ сюртуки, зимой ѣздитъ въ собольей шубѣ и собольей шапкѣ. Въ магистратѣ онъ бываетъ разъ въ годъ; вѣжливы онъ со всѣми; бываетъ у высшаго начальства на обѣдахъ, первый жертвуетъ тысячи на богоугодныя заведенія, но ни съ кѣмъ не входитъ въ близкія и интимныя отношенія. Купцы всячески старались заискривать его расположенія, зная, что онъ имѣетъ нѣсколько миліоновъ денегъ; чиновники, особенно горные, хвалили его какъ превосходнаго человека за то, что онъ щедро дарилъ ихъ рублями; таракановцы видѣли въ немъ защитника, потому что вся его прислуга была пзъ таракановцевъ, и Бакинъ иногда заступался за нихъ подъ видомъ благочестія. И все таки о немъ ходили самые странные слухи.

Никто такъ хорошо не зналъ Бакина, какъ Василій Васильевичъ Корчагинъ и его бабушка Марѳа Потаповна Бездоннова. Родъ Бакиныхъ идетъ отъ московскихъ торговыхъ людей. Въ началъ гоненія на раскольниковъ, Петръ Бакинъ принужденъ былъ съ своимъ семействомъ бѣжать. Онъ поселился на соляныхъ промыслахъ, принадлежавшихъ Строгоновымъ. Тамъ его и его товарищей, пришедшихъ вмѣстѣ съ нимъ, не принуждали къ новизнѣ, а заставляли работать, но такъ какъ Бакины торговали солью, то ихъ стали преслѣдовать, потомъ пытать; однако, сыну Петра Бакина Аристарху удалось убѣжать и онъ пріютился въ таракановскомъ заводѣ, на козьемъ болотѣ, выдавъ себя за раскольникяго архіерея. Но Аристархъ ни какъ не думалъ, что его записали въ крѣпостные; это узналъ его сынъ Семень, торговавшій на широкую руку въ господскомъ порядкѣ и считавшійся первымъ багачемъ и мошенникомъ. Бо-

гачемъ его считали бѣдняки, получавшіе отъ него по субботамъ гривеники, а мошенникомъ начадство, потому что онъ его ловко обиралъ и надувалъ. Наконецъ Бакинъ, выпущенный на волю за то, что построилъ въ заводѣ единовѣрческую церковь, записался въ купцы и повернулъ дѣло такъ, что заводоуправление стало одолажаться у него и въ восемь лѣтъ задолжало ему болѣе ста тысячъ рублей. Деньги онъ получилъ, управляющаго смѣнили, а Бакинъ уѣхалъ на золотые пріиски, предоставлявъ женѣ своей построить въ городѣ домъ. Сынъ его Андрей Семеньчъ десять лѣтъ жилъ, то въ Сибири, то на Уралѣ, то въ столицахъ и всѣми дѣлами въ городѣ заправляла сестра Андрея, Катерина. Будучи ханжей и прикидываясь благодѣтельницей, она принимала у себя бѣдныхъ, преимущественно таракановскихъ бабъ. Замужемъ она не была, потому что называла себя сестрой милосердія; но аристократія, особенно дамы, разсуждали иначе, потому что имъ ближе было знать это дѣло, тѣмъ болѣе что она иногда танцевала на вечерахъ... Одна прислуга не могла понять ея поведенія: Катерина ѣздилла на гулянья, на балы, а дома носила вериги и заставляла дворника бичевать себя.

Теперь она умерла. Андрей Семеньчъ пмѣетъ не одинъ десятокъ золотыхъ пріисбовъ и живетъ безвыѣздно въ городѣ. По вторникамъ и субботамъ онъ принимаетъ бѣдныхъ и раздаетъ имъ деньги; таракановцы, какъ земляки, получаютъ отъ него совѣты, а тѣ, которые пмѣютъ съ нимъ дѣла, приглашаются въ его комнаты.

Прислуги у Бакина было вотъ сколько: поваръ Елисей съ молодой женой Марьей, которая подаетъ Бакину умываться, моетъ посуду, поправляетъ ему постель; дворникъ Петръ съ женой Акимьей прачкой, кучеръ Савелій съ молодой женой судонойкой Матреной, садовники Кирилъ и Клементій и коровница Акулина, старая жевщина. Есть у него и управляющій Стружковъ.

Корчагинъ пришелъ въ кухню Бакина въ девятомъ часу утра.

— Смотрите!.. Экъ ево! сказалъ кучеръ Савелій, показывая на Корчагина правой рукой, въ которой онъ держалъ ложку.

Начались разспросы. Еся прислуга Бакина была таракановская и поэтому потолковать было о чемъ. Корчагина пригласили завтракать.

— А я, братцы, къ вамъ бабу привезъ: знаете Курносиху?

— Штожь она дѣлать у насъ будетъ? Разъ къ своей любовницѣ пристроить...

— А это самъ знашь нехорошо, потому примѣръ дрянной,— замѣтилъ кучеръ Савелій.

— Такъ, какъ вы посовѣтуете?

— Скажи ему, можетъ, онъ и поможетъ ей чѣмъ нибудь.

Около часу ожидалъ Корчагинъ свиданія съ Бакинымъ. Прихожая Бакина отличалась отъ другихъ барскихъ прихожихъ тѣмъ, что лѣвая ея стѣна состояла изъ огромной стеклянной рамы и за ней жадныя свѣтъ разныя цвѣты и деревья. Марья, жена повара, то и дѣло проходила въ столовую и изъ столовой въ комнаты съ серебрянымъ самоваромъ, фарфоровыми чашками и гордо взглядывала на Корчагина.

— Ступай... да ноги-то вытри, сказала наконецъ Марья.

— Чисты.

— Вытри! тебѣ говорятъ...

Вошелъ Корчагинъ въ большую комнату съ тремя окнами, съ лакированнымъ поломъ, голубыми обоями, съ люстрой посреди потолка, съ двумя зеркалами. На мраморныхъ столахъ стояли золотые подсвѣчники, вазы; у оконъ въ большихъ банкахъ росли цвѣты. Разнообразія такъ много въ этой комнатѣ, что съ разу трудно все осмотрѣть. Изъ этой комнаты три хода, изъ которыхъ одинъ шелъ въ оранжерей, которые тянулись изъ комнаты къ пизу по лѣстницѣ и оканчивались садомъ. Здѣсь пахло не то ладономъ, не то мускусомъ. Прошли другую комнату съ бѣлыми обоями на стѣнахъ. Въ этой комнатѣ не было цвѣтовъ, а были на стѣнахъ картины въ позолоченныхъ рамахъ. Картины эти изображали какихъ-то смиренно-блѣдныхъ мужей, вѣроятно, мучениковъ раскола. Въ третьей комнатѣ съ зелеными обоями, расписнымъ потолкомъ, на которомъ нарисованы нагя женщины, стоялъ по срединѣ большой столъ, на столѣ большой серебряный самоваръ, чайный приборъ, нѣсколько фарфоровыхъ вазъ съ фруктами, яблоками и ягодами; окна завѣшивались большими занавѣсами. Комната отъ мебели, статуй, дивановъ и разныхъ украшеній казалась очень маленькой. Самъ Бакинъ лежалъ на диванѣ въ горностаевомъ халатѣ, въ туфляхъ и бархатной шапочкѣ на подобіе скуфы.

Корчагинъ три раза поклонился ему въ ноги и, наклонивъ голову, сказалъ: благослови, отче... Бакинъ перекрестилъ его голову и сказалъ: будь благословенъ.

— Съ миромъ-ли?

— Съ миромъ, Господь милости послалъ.

Бакинъ задумался, потянулся, зѣвнулъ, а Корчагинъ подумалъ: взялъ бы тебя...

— Я сегодня нездоровъ, сказалъ вдругъ Бакинъ, потирая лѣвою рукою лобъ.

Молчаніе. Стучать маятники часовъ, поютъ соловьи и канарейки. Бакинъ лѣниво мѣшаетъ ложкой въ чашкѣ.

— Вы не слыхали, что учитель Курносовъ померъ. Онъ опился съ горя... Жена его, хоть и не имѣетъ дѣтей, однако житье ея плохое. Дядю ея вы знаете... началъ вдругъ Корчагинъ, пе-

ремывивъ прежнюю манеру разговоровъ, заключавшуюся въ томъ, что онъ говорилъ съ Бакинѣмъ какъ дьячекъ съ архіереемъ, пропзнося въ носъ и на распѣвъ.

— Шла бы работать... Именно работать, сынъ мой, прогну-силъ Бакинъ.

— И ее привезъ сюда. Сдѣлайте такую милость..

— Но... теперь, сынъ мой... Ты бы обратился къ моему управителю.

Корчагина эти слова удивили, потому что прежде онъ самъ давалъ просителямъ записки или на имя своего управляющаго Стружкова или на имя какого нибудь должностнаго лица. Бакинъ замолчалъ, замолчалъ и Корчагинъ.

— Правда ли что намъ дадутъ даромъ волю? спросилъ вдругъ робко Корчагинъ.

— Што?

Корчагинъ повторилъ свой вопросъ.

— Да... я самъ хлопоталъ объ этомъ.

Бакинъ всталъ, сталъ ходить по комнатѣ. Молчаніе продолжалось минутъ пять.

— Еще что? спросилъ вдругъ Бакинъ.

— Я крупки привезъ.

— А! много? спросилъ живо Бакинъ и глаза его засверкали.

— Не въспль.

Корчагинъ вытащилъ изъ-за пазухи платокъ, развернулъ его; въ платкѣ былъ свертокъ бумаги, а въ бумагѣ была баночка, въ которой заключалось золото. Бакинъ взялъ банку, посмотрѣлъ и сказавъ: „только“! ушелъ въ другую комнату. Черезъ полчаса онъ вышелъ и сказалъ Корчагину:

— Фунтъ съ четвертью. А ты сколько заплатилъ бѣглымъ?

— Сто рублей.

Пришелъ крадучись низенькій человекъ въ черномъ кафтанѣ. Это былъ управляющій Бакина Назаръ Пантеленчъ Стружковъ, старый человекъ, съ лысой головой, называемый въ городѣ апостоломъ.

— Назаръ, выдай ему полтора ста рублей, сказалъ Бакинъ управляющему. Управляющій поклонился и спросилъ: больше никакихъ приказаній не будетъ?

— Нѣтъ.

Управляющій ушелъ. Корчагинъ стоялъ, онъ хотѣлъ что-то сказать.

— Ну... мнѣ некогда... я ѣду.

— Андрей Семенычъ, я хотѣлъ васъ попросить... насчетъ Курносовой...

— Ну?

— Такъ нельзя ли ей помочь.

— Приходи завтра, и Бакинъ уйдетъ.

— Свинья! прошепталъ Корчагинъ, и, сжавъ кулаки, сердито вышелъ изъ комнатъ Бакина, съ намѣреніемъ никогда больше не являться къ нему.

— Ну, скотина вашъ баринъ, сказалъ Корчагинъ, встрѣтившись съ дворникомъ Петромъ.

— Пезамай: такого барина едва ли гдѣ сыщешь, смѣялся Петръ.

— Приходи завтра... мнѣ некогда передразнивалъ Корчагинъ Бакина. Прислуга захохотала и всѣ наперерывъ стали рассказывать какое, когда и кому Бакинъ сдѣлалъ замѣчаніе. Карчагина между тѣмъ пригласили обѣдать.

XX.

Когда Корчагинъ воротился въ домъ своего пріятеля Подкорытова, Прасковья Игнатьевна уже не было. Изобитенная и напуганная работниками Подкорытова, обманутая его дочерью въ томъ, что Корчагинъ больше не воротится, она надѣла зипунъ и вышла на улицу, не сказавши никому ни слова. Поворотила она отъ воротъ на лѣво, прошла нѣсколько домовъ; попался ей мужчина, сидящій въ телѣгѣ.

— Дядюшка, а гдѣ здѣсь рынокъ? спросила она проѣзжающаго.

— Какой? Здѣсь четыре рынка: хлѣбный, деревянный, два сѣнныхъ.

— Ну хоть хлѣбный.

— Иди въ переулочъ. Потомъ на лѣво въ уллицу, потомъ на право.

Поблагодарила Прасковья Игнатьевна мужчину и пошла. Долго она шла, нѣсколько разъ останавливалась передъ большими домами, глядѣла на кареты, но до рынка не добралась.

Ноги начали уставать, хочется ѣсть; а кругомъ все пусто... „Никакъ я заблудилась?“ подумала Прасковья Игнатьевна и остановилась...

Куда идти? на квартиру? А у кого она ночевала сегодня? какъ она спросить, когда и фамиліи хозяина не знаетъ—кажется Подковыркинъ? Вотъ спросила она одну женщину: гдѣ находится домъ Подковыркина—не знаетъ. Опять пошла Прасковья Игнатьевна. Вотъ поле какое-то, горка, домъ, большой, около него солдаты съ ружьями ходятъ. Пошла она къ одному салдату робко. Солдатъ остановился, глядитъ на нее.

— Чево глядишь! зѣвай!! сказалъ другой солдатъ и тоже остановился.

Прасковья Игнатьевна поклонилась солдату низко и сказала:

— Не знаешь-ли ты, солдатикъ, дорогу..

— Знаю... а што дашь?

— Нечего дать-то...

— Двѣ дороги: одна въ Сибирь, другая въ Расею. Ишь двери-то! изъ нихъ въ Сибирь ходять, а другихъ воротъ изъ этой долины не полагается, съострилъ другой солдатъ.

— Да мнѣ бы на рынокъ.

— А! Ну-такъ иди все прямо, какъ разъ въ рынокъ упрешься.

Прасковья Игнатьевна пошла. Солдаты еще нѣсколько разъ кричали ей, но она думала о томъ, куда бы ей дѣться: хочется ѣсть, ноги устали. Развѣ Христа ради попросить? Но какъ? „Я молодая... совѣстно...“ Однако она вошла въ одну избу, никого нѣтъ. Вышла. Вошла въ другую, чай пьютъ. Попросила Христа ради—Богъ подастъ.

— И отъ чего это я, дура набитая, раньше не подумала? Онъ, кто его знаетъ, можетъ на зло... Онъ и въ заводѣ-то какой-то чудной.. думала она о Корчагинѣ, идя сама не зная куда. „Это все штуки дяди: ишь, говоритъ, вельзя...“ и страшно обидѣлась Прасковья Игнатьевна на дядю.

Вотъ рынокъ. Торгаши складываются, запираютъ лавки, побрякиваютъ ключами и идутъ домой. Подошла она къ бабѣ, что припиками торгуетъ.

— Христа ради...

— Сама матка Христа ради торгую, сказала та.

— Тетушка... я заблудилась.

— Гдѣ ты живешь?

— Не знаю...

Баба вытаращила на нее глаза.

— Ты бѣглянка?

— Нѣ...

Подошелъ солдатъ.

— Служивой, имай: бѣглянка!

— Ну ихъ! и солдатъ ушелъ.

— Тетушка, у меня билетъ есть, ей Богу есть... Пусти ночевать.

— Говорятъ тебѣ сама Христа ради живу.

Рынокъ пустѣлъ. Зашла она въ пустое мѣсто, окруженное лавками. Присѣла на заваленкѣ и заплакала... Стало темно; залаяли собаки, привязанныя къ нѣсколькимъ лавкамъ, застучали палками караульные. Страшно... Уйти бы... держи! держи! вдругъ услышала она и вздрогнула... Сильно застучали палками, громче прежняго залаяли собаки; кто-то за кѣмъ-то бѣжалъ недалеко... Она крестилась, молилась... Утихло. Отлегло отъ сердца у Прасковьи Игнатьевны; она начала засыпать... Опять лай... Стало свѣтатъ; караульные спали, собаки тоже... Крадучись вышла изъ засады Прасковья Игнатьевна и скоро очутилась въ улицѣ. Вошла она въ пустой дворъ; въ домѣ какъ

видно не живутъ, забралась на сѣнникъ и тамъ пролежала до сумерекъ. Въ сумерки вышла попросить милостинку, насилу дали кусокъ хлѣба.

— Теперь у меня мѣсто вѣтъ; только хлѣбца бы...

Зашла въ кухню пятикооннаго дома, никого нѣтъ, только на столѣ лежитъ коврига ржанаго хлѣба. Она поспѣшно взяла ее и спрятала подъ зипунъ. Входитъ кухарка съ ведромъ.

— Чево тебѣ? крикнула кухарка.

— Мѣста, тетушка, ищу. Работать хочу... проговорила робко Прасковья Игнатьевна.

— И тебѣ... дамъ мѣсто. А подъ назухой-то што?

— Ничево.

Кухарка поставила ведро и отдернула полу зипуна. Взглянувъ на столъ, она закричала: матушки свѣты!.. Ой!.. Ограбили!..

На этотъ крикъ пришла толстая барыня.

— Что такое, Агафья? проговорила она, сжимая губы и растягивая слова.

— Вотъ, матушка, воровку поймала... Это она все хлѣбъ воруетъ.

Барыня принялась тузить Курносому какъ только могла, грозилась отправить ее въ полицію, но вытолкала за ворота, не давъ ни куска хлѣба.

Безсознательно подошла она къ плотинѣ. Прудъ... Темнѣеть. Спустилась она къ плоту, поглядѣла на набережную, никого нѣтъ. Спустилась съ плота по колѣна; вода студеная какъ въ ключѣ... Вышла она изъ воды.

— Еще прудъ! то-ли дѣло у насъ-то!.. сказала она и пошла къ самымъ вѣшникамъ подъ крышу. Тамъ она заснула.

Звонятъ въ большой колоколъ. „Пойду въ церкву“. Былъ какой-то праздникъ и поэтому въ церкви было человекъ тридцать, а на паперти стояло шесть женщинъ въ ободранныхъ одеждахъ, съ истасканными лицами, протягивающихъ руки въ то время, когда ктонибудь шелъ мимо нихъ въ церковь или изъ церкви, и голосащихъ на разные тоны: милостинку, Христа ради, убогой, слѣпой; и если которая изъ нихъ получала копѣечку, то на нее всѣ нападали, обзывали ее отборною бравью...

Курносова приткнулась къ послѣдней.

— Ты куда! нѣтъ што-ли другихъ-то перквей?

— Гоня ее, Марья, шкуру бѣлолицую... голосили нищенки. Курносова молчитъ. Ее стали выталкивать. Шелъ купецъ.

— Ахъ вы, негодяйки! гдѣ вы стоите? крикнулъ онъ на нищихъ.

Вышла изъ толпы нищенокъ корявая и протянувъ руку запричитала: слѣпой, убогой... подай купецъ-отецъ благодѣтель.

— Свиньи! сказалъ купецъ и вышелъ.

— Ишь пузо-то лопнуть хочеть! нахалалъ денегъ-то: два дома имѣешь, а нищимъ хоть бы грошъ далъ, штобъ тѣ око-лѣть! ворчали нищенки, слѣдя за удаляющимся купцомъ.

Подаль кто-то Курносовой денежку.

— Ну-ко кажи!

— Дѣли на всѣхъ! голосили нищенки.

Курносова показала денежку; денежку отъ нея отняли и ее стали гнать; но изъ церкви стали выходить люди. Всѣ нищенки протянули руки и заголосили на разные тоны. Прасковья Игнатьевна дрожала отъ страху и шепотомъ просила милостинку, проклявша свою жизнь. Она получила три копѣйки да два грошика.

Прасковья Игнатьевна очень была рада, что насобирала чetyре коп. денегъ; она пошла на рынокъ, гдѣ и купила хлѣба. Отдохнувши немного у гостиняго двора, она пошла искать себѣ мѣста.

Долго Прасковья Игнатьевна бродила по городу. Придетъ въ одинъ домъ, говорятъ невадо, въ другомъ говорятъ: мы безъ рекомендаціи не принимаемъ, кто тебя знаетъ, можетъ быть, ты и воровка... Ходила, ходила Прасковья Игнатьевна, сѣла на тротуары и заплакала.

— Ты што плачешь? спросила ее какая-то старушка.

— Ой, тетушка, заблудилась я... не знаю што и дѣлать.

— Ишь ты! Какъ же ты это заблудилась-то? Нездѣшная видно?

— Изъ тарагановскаго завода прѣехала съ дядей Глумовымъ да мастеромъ Корчагинимъ.

— Зачѣмъ, matka, прѣехала-то?

— Мѣсто они мнѣ хотѣли найти.

Мало по малу старуха разговорилась съ Курносовой, пожалѣла ее и посовѣтовала ей сходить теперь же на искосокъ на постоянный дворъ, гдѣ хозяйка нуждалась въ работницѣ.

Дворъ былъ весь заграможденъ телѣгами, наполненными раз-ною кладью, лошади распряжены; около нихъ суетятся чetyре-пять ямщиковъ; подъ телѣгами снуютъ курицы, выклевывая овесъ.

Курносова подошла къ одному ямщику, который былъ поближе другихъ. Она поклонилась ему, когда онъ поглядѣлъ на нее.

— Ты што, ѣхать штоли?

— Нѣтъ...

— Ну?

— Мѣсто ищу въ работу.

Вышла изъ дому хозяйка, оглядѣла Прасковью Игнатьевну и спросила отъ нея паспортъ. Та дала. Хозяйка, взявъ билетъ, подала его прочитать грамотному ямщику.

— Красивая! сказалъ ямщикъ.

— Да што писано въ бумагѣ-то? спросила хозяйка.

— Можно: двадцати лѣтъ; баба-вдова!

— Да ты говори што писано, вислухой!

Ямщикъ кое-какъ прочиталъ вслухъ; хозяйка, слушая, оглядывала Прасковью Игнатьевну.

— Стряпать умѣешь? спросила хозяйка Прасковью Игнатьевну.

— Умѣю.

— Ну, ладно, посмотримъ.

Съ первой же минуты хозяйка заставила Курносову мыть столъ, посуду, выносить помой. У нея болѣла голова, она чувствовала то жаръ, то ознобъ. Ночью она стала бредить, хозяйка злилась, хотѣла выбросить ее на улицу, но ямщики посоветовали свезти ее завтра въ больницу.

Итакъ Прасковью Игнатьевну свезли въ больницу

XVI.

Между тѣмъ какъ Прасковья Игнатьевна странствовала въ поездахъ за мѣстомъ. Корчагинъ не найдя ее у Подкорытова, вмѣстѣ съ Глумовымъ отправился въ свою очередь ее отыскивать. Но его странствіямъ суждено было окончиться очень скоро. Оба пріятели попали въ острогъ, гдѣ и просидѣли три недѣли. Сначала ихъ обвиняли за кражу у Бакина золотыхъ часовъ съ дорогими камнями. А потомъ, такъ какъ у нихъ не было билетовъ на выѣздъ изъ завода, то начальство стало требовать изъ завода свѣдѣнія: кто такіе Корчагинъ и Глумовъ, и чѣмъ они занимаются. Управляющій Бакина, по приказанію своего хозяина, увѣдомилъ таракановское заводоуправленіе, что Корчагинъ силою вломился въ комнаты Бакина и поэтому Бакинъ просить наказать *злодѣя* по-заводски. Итакъ завелось два дѣла: о кражѣ часовъ, съ насиліемъ и со взломомъ, и о бѣгствѣ изъ завода въ городъ для грабежа. Само собой разумѣется, грабителей заковали, и въ городъ была пущена молва, что Корчагинъ сидитъ въ острогъ уже въ другой разъ; того и гляди, что онъ подкупитъ солдатъ и убѣжитъ.

Противъ Корчагина были всѣ, кромѣ Подкорытова, который принималъ самое дѣятельное участіе въ спасеніи своего пріятеля. Ему вся полиція была хорошо знакома и онъ могъ бы, поэтому, творить всякія дебоши, если бы только былъ расположенъ къ нимъ. Однако въ этомъ случаѣ полицейскіе чины отказались принять его совѣтъ: обыскать прислугу Бакина, обыскать развѣхъ закладчиковъ и закладницъ. Они не согласились на это, потому что ихъ, т. е. полпнеймейстера, просилъ Бакинъ сокрушить во что бы то ни стало Корчагина. Поэтому Подкорытовъ сталъ дѣйствовать самъ. Ему были знакомы всѣ

золотыхъ и каменныхъ дѣлъ мастера, главные аферисты, отдающіе займы и подѣ закладъ дельги. Все эти господа никакъ не знали да и не могли знать, что Подкорытовъ знакомъ съ какимъ-то Корчагинымъ.

* Однако онъ двѣ недѣли напрасно подлаживался къ аферистамъ. Только разъ приходитъ въ магазинъ золотыхъ и бриллиантовыхъ вещей. Разговорился съ хозяиномъ, тотъ пригласилъ его къ себѣ вечеромъ выпить пуншъ. Подкорытовъ отъ пунша никогда не отказывался. Пришелъ; начались разговоры о разныхъ разностяхъ, вдругъ Подкорытовъ вынимаетъ изъ желетки золотые часы и говоритъ:

— А сколько эти часы стоятъ?

— Да какъ тебѣ сказать... Прежде они сто стоили, а теперь не больше шестидесяти, пожалуй за пятьдесятъ можно купить.

— Ну, братъ, ты врешь! я ихъ за двѣсти не продамъ, потому они вѣрно ходятъ, такъ вѣрно!..

— А вотъ часы такъ часы! Такихъ я думаю у самого вашего генерала никогда не бывало, и обладатель дорогихъ часовъ ушелъ въ другую комнату. Не много погода, онъ вынесъ золотые часы, которые и сталъ показывать Подкорытову.

— Вотъ, батюшка, на этой недѣли изъ за-границы получилъ.

— Ну нѣтъ, мои лучше.

— Да брильянтъ-то, брильянтъ-то одинъ чего стоятъ.

Подкорытовъ пошелъ въ прихожую подѣ предлогомъ плюнуть, такъ какъ онъ въ хорошихъ домахъ всегда плевалъ въ прихожей. Тамъ онъ записалъ № часовъ и число камней. Брильянтикъ то и дѣло хвалилъ часы.

— Сколько же они стоятъ?

— Да три тысячи.

— Фю-ю! просвистѣлъ Подкорытовъ, развелъ руками и поклонился окну.

Это значило, что онъ удивился.

— Тысячу возьми — куплю.

— Куды тебѣ мастеру иять такіе часы. Да тебя убьютъ!

Вечеромъ Подкорытовъ сходилъ въ узднй судъ, сдѣлалъ справку изъ дѣла: какой № у Бакинскихъ часовъ. № оказался схожимъ съ часами брильянтика. Подкорытовъ на другой день утромъ отправился къ Бакину, которому онъ часто дѣлалъ вещи изъ мрамора. Бакинъ принялъ его сухо, но пригласилъ сѣсть на стулъ.

— Ну что, Андрей Семенычъ, нашли часы?

— Гдѣ найдешь! Ужъ я знаю, что если таракановцы что укрдутъ, то значить въ воду кануло.

— Хотите я сегодня же вамъ привнесу ваши часы.

— Какъ?

Бакинъ вскочилъ съ кресла.

— Это ужь дѣло мое. Брильянтикъ Лефоръ продаетъ мнѣ ихъ за три тысячи рублей, такъ я пришелъ предупредить васъ: согласны вы уплатить мнѣ эту сумму.

Бакинъ согласился, а вечеромъ получилъ свои часы. Начались спросы. Лефоръ купилъ часы отъ одного золотыхъ дѣлъ мастера, тотъ купилъ ихъ отъ афериста, аферисту они были заложены женою Бакинскаго повѣра, Марьей.

Корчагина и Глумова выпустили изъ острога, а Марью съ мужемъ Бакинъ прогвалъ, но не посадилъ въ острогъ по повѣстной ему одному причинѣ.

Денегъ, какія ему слѣдовало, Корчагинъ не получилъ; жаловаться было нельзя, потому что его и Глумова торопили ѣхать; Потѣва угнали въ лѣсъ; жена его между тѣмъ успѣла продать лошадь и долгушку Глумова... Жаловаться тоже было некому.

Корчагина и Глумова отправили изъ полиціи къ повѣренному съ казакомъ. Повѣренный заперъ ихъ въ темную комнату и послалъ нарочнаго въ заводъ, что дѣлать ему съ вынужденными изъ острога бѣглецами. Заводууправленіе приказало повѣренному отправить ихъ немедленно связанными и представить прямо къ исправнику. Противъ этого протестовать было нельзя. Сказалъ Корчагинъ, что онъ и Глумовъ подадутъ прошеніе на Бакина, но повѣренный замѣтилъ, что онъ въ такомъ случаѣ будетъ хлопотать за Бакина.

Проѣхали улицы двѣ, почтарь развязалъ ихъ и повезъ къ Подкорытову, который угостилъ ихъ, сочинилъ имъ просьбу на Бакина и обѣщался хлопотать за Прасковью Пгватъевну, о которой въ городѣ не было никакого слуха.

Проѣхали. Бѣдутъ молча; отмалчиваются отъ почтаря. Въ головѣ Корчагина и Глумова такъ много было нехорошаго, что каждый изъ нихъ ничего не могъ высказать съ толкомъ, не могъ связать ни одной мысли. У каждаго было свое горе и поэтому ихъ соображенія мѣнялись одно другимъ и оба видѣли другъ въ другѣ не то чтобы врага, а человѣка съ дурными наклонностями. Корчагинъ сердился на Глумова и никакъ не могъ придти къ тому заключенію, что Глумовъ несколько не виноватъ. „Если бы я не поѣхалъ съ нимъ, то ничего бы не было: я ему говорилъ, чтобы онъ Курносову къ Потѣву взялъ, а онъ не взялъ. На вопросахъ показывалъ, что я золото продаю Бакину?“ Глумову было досадно, зачѣмъ онъ взялъ съ собою Корчагина. Не будь съ нимъ Корчагина, онъ не просидѣлъ бы въ острогѣ чуть не мѣсяць. А для него, торговаго человѣка, каждый день дорогъ. Корчагинъ человѣкъ ремесленный. Онъ какъ пріѣдетъ, тотчасъ примется за работу, а Глумовъ и лошади лишился. На чемъ онъ теперь станетъ возить въ городъ желѣзные вещи? Но главное его безпокоитъ то, что скажетъ его жена? Какъ онъ явится передъ ея свѣтлыя очи. Онъ напередъ зналъ, что она ему теперь покою не дастъ, потому что съ собою онъ ни-

чего невезеть. „Пропала моя головушка ни за грошъ! Пропала и торговля у Дашки, потому промѣны дѣлать нечѣмъ. И все это по милости Корчагина.“

— Послушай, Корчагинъ: теперь я, черезъ тебя, и лошади и телѣги лишился; ты это посуди, проговорилъ онъ, не глядя на Корчагина.

— Самъ виноватъ, сказалъ грубо Корчагинъ, не глядя на него.

— Слушай што я тебѣ скажу: заплати мнѣ сорокъ рублей.

Корчагинъ промолчалъ.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ.

— Жалуйся...

— Будь ты проклятое стругало!

Пріятели замолчали. Глумовъ негромко насвистывалъ, но боялся, повидимому, смотрѣть на Корчагина. Корчагинъ сталъ еще злѣе, ему не только не хотѣлось говорить съ Глумовымъ, но даже смотрѣть въ его спину. Онъ даже хотѣлъ крикнуть ему: не свисти! но языкъ точно присохъ.

Послѣ этой размолвки Корчагинъ и Глумовъ не разговаривали другъ съ другомъ во всю дорогу. Глумовъ на полдорогѣ отъ города къ заводу сознавалъ, что онъ напрасно обидѣлъ Корчагина, потому что Корчагина самого обидѣли, онъ потерялъ въ городѣ Курносому, съ которой онъ, можетъ быть, жилъ и на которой вѣроятно онъ хотѣлъ жениться, когда будетъ воля. У него отняли въ городѣ деньги, онъ думалъ, что теперь Корчагинъ прекратитъ съ нимъ всякіи дѣла и при случаѣ, пожалуй, скажетъ, што я дѣлаю серебряныя ложки... Вѣдь вотъ онъ не выдалъ меня, а я дуракъ выдалъ, што онъ Бакину золото продастъ. За это его не потянули, потому что въ допросахъ это не включили; а скажи Корчагинъ про меня, меня бы обыскали. Онъ за золото чистыя денежки заплатилъ, у него ихъ взяли въ полицію; онъ ничего—молчитъ, а я на какія деньги лошадь ту приобрѣлъ? А вѣдь при случаѣ Корчагинъ поможетъ мнѣ... Но сколько Глумовъ ни начиналъ заводить съ Корчагинымъ разговоръ, тотъ отмалчивался. Да и Корчагину не до разговоровъ было: его беспокоило то, что сдѣлалось съ Курносой! Подкорытовъ говорить, не выдалъ. А времени прошло много. Неужели она въ заводъ ушла?.. А, можетъ, она и служить у кого нибудь... Ахъ! Господи праведный, помоги ты Прасковѣ Игнатьевнѣ.

Въ заводъ пріѣхали ночью. Пріятелей заперли въ полицію, въ одну комнату съ арестантами.

— Што новаго? спрашивали арестованные. Глумовъ рассказалъ имъ все, что случилось съ ними. Корчагинъ молчалъ. Онъ псхудалъ и сдѣлался блѣднѣе прежняго.

— А мы думали, вамъ неминовать плетей.

— Да вотъ, Васюха, на меня разбѣрыжился, молчитъ, хотъ ты какъ не заговаривай съ нимъ. Послушай, Вася; вѣдь я такъ съ горяча.

— Все равно! што сказано, того неворотишь.

— А развѣ мнѣ необидно. Самъ ты это посуди, другъ.

— А! теперь такъ другъ... Нѣтъ я не забуду...

— Постой, Корчагинъ!.. Это еще што, что васъ въ острогѣ морили... Здѣсь-то што творится, сказалъ одинъ изъ арестованныхъ.

— Ты, Алексѣй, молчи: не растравляй его.

— А што?.. говорите, братцы сказалъ Корчагинъ такимъ голосомъ. точно онъ предчувствовалъ бѣду.

— А тебѣ придется вѣрно на фатерѣ пожить теперь.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Твой-то домъ съ дымомъ улетѣлъ.

Корчагинъ поблѣднѣлъ и задрожалъ: што ты врешь?! крикнулъ онъ.

— На четвертый день какъ ты уѣхалъ и загорись въ фабричномъ порядкѣ у Платоновой, ну такъ-таки пять избъ спалило.

Корчагинъ молчалъ.

— А мой-то домъ живъ ли? спросилъ Глумовъ.

— Еще сто лѣтъ проживетъ. Не всѣмъ же горѣть. А важно, братъ, горѣло, что и подступиться было трудно. Извѣстно, строенье старое, сухое, дотронуись такъ пыль одна. Мы было думали: ну прощай фабрика, да хорошо што вѣтеръ-то съ озера на гору дулъ, да и самъ знаешь, у насъ машины первый сортъ, не дали. И такъ дома четыре разрушили понапрасну.

— Отъ чего загорѣлось-то? спросилъ Глумовъ.

— А Богъ ево знаетъ. Болтають отъ сажи будто, да вздоръ... Болтають еще, што Варвару твою видѣли во дворѣ Платоновой; а она говоритъ, што ее овечку заперли во дворѣ Платоновой. Не разбираешь.

— Гдѣ же сестра-то?

— Она теперь на Петровскомъ рудникѣ стряпухой. Болтають съ Подосеновымъ. А Бездониха отъ испугу померла... Только мать твою перетасили къ Вавилѣ Оумину.

На другой день Корчагина и Глумова выпустили изъ полиціи; Корчагинъ помирился съ Глумовымъ, но, все-таки говоря съ нимъ, глядѣлъ въ сторону.

— Ты, Корчагинъ, коли тамъ што плохо, приходи ко мнѣ, не откажу, говорилъ на прощаньи Глумовъ.

— Не откажу! Экая свинья!.. Вотъ што значитъ быть въ бѣдѣ: этотъ скотъ вчера обругалъ меня, денегъ спросилъ, а сегодня ужъ поддразниваетъ... Ты узнай напередъ: буду ли я еще тебѣ, подлецу кланяться. Еще тебя-то пустятъ ли женушка. И при этомъ Корчагинъ расхохотался.

Горе Корчагина было велико. Положимъ, что домъ строилъ не онъ, а его отецъ, но онъ къ этому дому такъ привыкъ, что ни за что бы не вышелъ изъ него, и хотя онъ находилъ, что онъ

построенъ на старинный манеръ, но не тревожилъ его старыхъ стѣвъ, потому что новый домъ строить не для чего, да и тогда всѣ старики заговорили бы, что Корчагинъ богачъ. Но и это положимъ ипчего, а вотъ гдѣ теперь жить?

Еще не доходя саженъ пятьдесятъ до пепелища онъ увидѣлъ, что вся фабричная улица на лѣво загромождена досками и бревнами. По этому старую, отчасти уже прогнившему на сквозь, можно было заключить, что дома въ этомъ порядкѣ построены очень давно. Въ двухъ мѣстахъ двое рабочихъ складываютъ бревна, вытаскиваютъ изъ досокъ гвозди. Они спорятъ.

— Нѣтъ, Пантелѣевъ, эта доска моя.

— Ну коли твоя, такъ хватай, чортъ-те деря!

— Ты не ругайся: ты и такъ двумя лишними бревнами завладѣлъ.

— А ты-то, ты-то цѣлую стѣну стаскалъ во дворъ. Не помнить што ли, что на одномъ бревнѣ картинка отъ конфетъ была приклеена.

— Здорово, братцы, сказалъ Корчагинъ.

— Ты што, убѣждалъ што-ли изъ острога-то? Острожная сука!

— Выпустили...

— Разсказывай сказки-то. Вотъ по твоей милости до чего мы дожили!

— Развѣ я виноватъ?

— Вся ваша порода такая.

Корчагинъ пошелъ къ своему мѣсту.

— Куда? закричалъ на него одинъ изъ рабочихъ.

— На свое мѣсто.

— Я тебѣ покажу свое мѣсто! Послѣ экова дѣла оно наше. Спроси свою-то сестрицу, зачѣмъ она Платоновскій домъ зажгла.

— Кто видѣлъ?

— У! чуча... острожная сука-а!

Осмотрѣлъ Корчагинъ пожарище: обгорѣлые столбы торчатъ, да печи цѣлы, грядны обгорѣли, посѣрѣли и сдѣлались тверды, какъ камень. Перебралъ онъ угли въ ямахъ, ничего нѣтъ; даже обгорѣлыхъ инструментовъ нѣтъ.

Зашелъ Корчагинъ съ горя въ кабакъ, выпилъ осьмушку въ долгъ и сталъ думать, что ему дѣлать теперь. Придумалъ онъ справиться хорошенько на счетъ дома Игнатія Глумова, но тамъ его приняли сухо и онъ не добился никакого толку. Оставалось хлопотать у начальства, Пошелъ онъ къ прикащику.

— Скажи пожалуйста, какимъ оброзомъ ты вхожъ къ Бакину? спросилъ Корчагина прикащикъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ Корчагина. Въ самомъ дѣлѣ, быть въ комнатахъ Бакина такому ничтожному человѣку, какъ Корчагинъ, много значило и заводууправленіе думало, что онъ, т. е. Корчагинъ имѣетъ какія нибудь вредныя дѣла противъ заводууправленія.

— Видите ли Финогенъ Степановичъ, я знакомъ въ городѣ съ мастеромъ Подкорытовымъ, а онъ вхожъ къ Бакину. Въ это время какъ я прїѣхалъ къ Подкорытову, Подкорытовъ былъ нездоровъ и послалъ меня съ запиской за деньгами къ управляющему Бакина. Управляющій сказалъ мнѣ, что Бакинъ ему не говорилъ оденгахъ. Подкорытовъ написалъ письмо къ самому Бакину.

— Не врешь—такъ правда... Мы это узнаемъ. А о какихъ ты деньгахъ, будто украденныхъ у тебя въ полиціи, говорилъ повѣренному.

— Я съ Бакина ничего не получилъ за то, что я высидѣлъ въ острогъ. Вотъ поэтому я и хочу съ квартальныхъ взыскать двѣсти рублей... Сами посудите, дома нѣтъ, инструментовъ нѣтъ, у Глумова лошадь съ долгушкой украли. Онъ на меня сердится.

— Ты долженъ съ Бакина просить, а не съ полиціи, тѣмъ болѣе что у тебя не было денегъ... Да! Тимошка Глумовъ показывалъ на допросахъ, что ты возилъ золото Бакину и онъ купилъ у тебя на двѣсти рублей; а какъ ты разъ засталъ его съ дѣвкой, то онъ испугался и далъ тебѣ пощечину. Ты думаешь, я ничего не знаю? Ну-ко что ты скажешь на это?

— Вы ужъ на этотъ счетъ вытайте самого Глумова, потому что онъ это сказалъ со злости. Онъ вчера еще просилъ у меня прощенія,

— А если я велю тебя пытать? Если я тебя турну въ максимовскіе рудники пѣшкомъ, и велю тебя назначить въ самыя тяжелыя работы?! Мало этого, велю тебя, не принимая во вниманіе никакія твои отговорки, наказывать каждый день полеговку, передъ обѣдомъ, эдакъ по десяточку?! Что ты на это скажешь? и прикащикъ скрестилъ на груди руки.

— Воля ваша. Вѣдь двухъ смертей не будетъ, а одной не мивовать.

— Нѣтъ, я тебѣ покажу де-ся-ять смер-тей!!

Минуть пять прикащикъ ходилъ молча по комнатѣ, покурывая сигару.

— Ишь выдумали возить золото въ городъ!... Вы забыли, что у васъ естъ прикащикъ... нѣтъ, чтобы иодарить! проговорилъ онъ медленно.

— Все это показывалъ Глумовъ со злости. Вѣдь извѣстно всѣмъ, что онъ дурачекъ.

Прикащикъ проходилъ изъ угла въ уголъ молча съ полчаса.

— Вотъ што, Корчагинъ,—можешь ты достать мнѣ золота? спросилъ онъ вдругъ.

— Не знаю.

— А чужимъ знаешь! крикнулъ прикащикъ. Я требую и баста!

— Похлопочу, пожалуй.

— Не пожалуй, а чтобы через двѣ недѣли было хоть съ фунтъ.

Корчагину нельзя было отказываться: отказаться значитъ навлечь на себя тяжкое наказаніе прикащика. Прикащикъ опять походилъ съ четверть часа и вдругъ спросилъ Корчагина.

— Такъ ты точно видѣлъ у Бакина дѣвку?

— Молодая, красивая... прелесть, сказалъ Корчагинъ, ударяя въ слабую струну прикащика.

— Врешь? сказалъ весело прикащикъ.

— Волоса и платье это... просто картина!

— Ахъ будь онъ проклятъ!! Поди, никто не видитъ.

— Кромѣ жены повара Марьи, что часы ukrала, никто не видитъ; а знать-то, я думаю, знаютъ.

— Удивительная вещь! изъ торгашей какіе тузы сдѣлались. А ты корпишь, корпишь, только непріятности одни,

Прикащикъ замолчалъ.

— Афиногенъ Степанычъ? сказалъ вдругъ Корчагинъ.

Прикащикъ былъ занятъ чѣмъ-то. Онъ не отвѣчалъ минутъ пять. Остановившись у одного стола передъ зеркаломъ, онъ сталъ глядѣться въ зеркало.

Вошла Пелагея Семихина въ терновомъ платьѣ и въ сѣткѣ.

— Афиногенъ Степанычъ обѣдать готово, сказала она и пошла.

— Постой! сказалъ ей прикащикъ. Она остановилась.

— А что, Корчагинъ: которая лучше: Бакина или моя?

— Ваша несравненно лучше.

— Хоть бы вы при людяхъ-то не страмили меня, сказала Пелагея.

— Ну, пошла на свое мѣсто!! А ты, Корчагинъ, иди на кухню, тамъ накормятъ.

— Афиногенъ Степанычъ! я хотѣлъ попросить васъ объ одномъ дѣлѣ.

— Ну?

— Послѣ смерти Игнатія Глумова остались два сына и дочь, теперь домомъ завладѣлъ Александръ Покидкинъ. Позвольте мнѣ въ этомъ домѣ жить; я имъ буду платить деньги за житье.

— Это дѣло исправника. А ты вотъ исполни мое приказаніе. Тогда посмотримъ.

Исправникъ послалъ Корчагина къ писмоводителю, а писмоводитель запросилъ двадцать пять рублей.

Корчагинъ находился въ такомъ положеніи, что не зналъ, какъ теперь ему жить. На счетъ дома Игнатія Глумова онъ долженъ былъ отложить попеченіе, потому что искъ должны начать дѣти Глумова, а у нихъ на домъ не было никакихъ документовъ. Теперь у него нѣтъ инструментовъ, нѣтъ денегъ, и лѣсу. Нужно признаться у почтмейстера или у когонибудь.

А онъ хорошо зналъ, каково занимать: займешь рубль, да за этотъ рубль сработаешь кредитуру на десять рублей и спасибо не получишь. Больше всего его огорчало поведеніе сестры не потому, что она ушла на рудникъ и живетъ съ штейгеромъ, а ему много наговорили про нее. Его злило то, что она украдала деньги, не приберегла его инструменты, которые онъ скапливалъ годами. Но опять и то еще можетъ быть, что она и не украдала деньги и инструменты, а припрятала. Онъ пошелъ къ ней.

Въ рудничной избѣ, гдѣ обѣдали и спали рабочіе, Корчагинъ не засталъ сестры. Ему сказали, что она въ это время постоянно уходитъ къ штейгеру Подосенову. Корчагинъ присѣлъ. Половина рабочихъ сѣтовали, что они не пахли, проклинали Варвару и дожились спать, другіе жевали ржаной хлѣбъ, привезенный ими съ завода. Всѣ ругали Варвару, какъ только могли, на томъ основаніи, что дома у нихъ всегда исправно, а здѣсь, гдѣ женщина служить для нихъ за деньги, они не получаютъ ни хлѣба, ни щей, и все это идетъ въ пользу штейгера. Все это они старались какъ можно злѣе высказать Корчагину, который во всемъ соглашался съ рабочими. Но вотъ то, что Варвара хочетъ выйдти за мужъ за приказнаго Прохорова и строить въ запрудской сторонѣ домъ въ пять оконъ, — взбѣсило его.

Въ это время вошла въ избу Варвара Васильевна, пошатываясь. Отъ нее пахло водкой. Платокъ съ ея головы свалился, волосы растрепались, сарафанишко изодранъ.

Въ избѣ всѣ замолчали. Всѣ смотрѣли то на Корчагина, то на его сестру.

— Здорово живешь, сестричка! сказала Корчагинъ ядовито. Многіе улыбнулись, но всѣ молчали.

Варвара Васильевна поглядѣла на брата сурово, толкнулась правымъ бокомъ объ печку, заглянула въ печь и упала на полъ.

— Камедь! проговорили нѣсколько человекъ. Корчагина трясло отъ злости. Варвара Васильевна встала, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ столу, отворила столѣшницу, потомъ пошла прочь. Корчагинъ подошелъ къ ней и ударилъ ее по щекѣ.

— Узнала ты меня? крикнулъ онъ ей и взялъ ее обѣ руки въ свои.

— Каторожный!.. осторожный!.. я тебѣ... заголосила сестра и плюнула въ лицо Корчагина.

— Сестра! гдѣ деньги? спросилъ Корчагинъ ласково.

— Деньги!.. тамъ!! та-а-мъ... говорила его сестра, растягивая.

— Отрезвить бы ее.

— Окатить!... галдили рабочіе, сжимая кулаки.
 — Ты замужь выходишь? допрашивалъ ее Корчагинъ.
 — И выйду!... Домъ ему построю, потому деньги мнѣ баушка благословила.

— Благословимъ же ее, братцы?! кричали рабочіе.
 — Покажемъ, какъ мѣнять насъ на Подосенова! заговорили рабочіе и встали. Варвара завопила.

Одинъ рабочій принесъ охапку розогъ. Начали операцію надъ сестрой Корчагина. Корчагинъ сначала былъ доволенъ этимъ, но когда, по его соображенію казалось, что Варвару довольно наказывать, то онъ никакъ не могъ удержать рабочихъ: они кричали:

— Ты деньги берешь! мы хлѣбъ свой носимъ! По твоей милости въ избѣ холодно! По твоей милости Степка, сынъ Курносова околѣлъ....

Кончили. Варвара отрезвѣла и съ ревомъ выбѣжала изъ избы. Немного погоди вошелъ Подосеновъ, худенькій, низенькій человекъ лѣтъ сорока, съ свирѣпою физиономіей. На немъ былъ надѣтъ тиковый зеленого цвѣта халатъ, полы котораго были заткнуты за опояску.

За нимъ шло трое рабочихъ, изъ которыхъ одинъ несъ охапку розогъ.

Подосеновъ назывался рабочими двумя именами—сморчкомъ и винной бочкой; какъ первое такъ и другое названіе шло къ нему.

— Кто кухарку стегалъ? крикнулъ Подосеновъ, оглядывая рабочихъ.

Всѣ молчать.

— Который тутъ братъ кухарки?

— Я, сказалъ гордо Корчагинъ.

— Раздѣть!! крикнулъ штейгеръ, разводя руками.

Съ мѣста никто не тронулся.

— Ра-здѣть!! крикнулъ во все горло штейгеръ и вицѣпился въ халатъ Корчагина.

— Руки коротки, сказалъ Корчагинъ, толкнувъ штейгера такъ, что онъ ударился спиной въ печь.

— Ш-што?

— То, што я не подъ твоей командой состою, проговорилъ Корчагинъ передразнивая Подосенова.

— Я тебѣ, покажу, покажу!

— Хорошъ онъ нонѣ? спросилъ Корчагинъ рабочихъ.

— А вотъ мы поглядимъ...

— Долой Варвару!

— Не могу... Я... я ее вотъ какъ уважаю!

— Уважаемъ!!

И Подосенова выдрали. За операціей спрашивали его: будетъ ли онъ жаловаться. Онъ поклялся, и сказалъ одѣваясь, что онъ съ этихъ поръ уѣзжаетъ въ заводъ и выходитъ въ отставку.

— Въ послѣдній разъ вы меня дерете, ребята. Волю зачун-ли, волю!!.. Воля вамъ будетъ, ребята, только такого штейгера вамъ не найдти, какъ я... Я всегда писалъ, что всѣ исправны и по моимъ вѣдомостичкамъ выдавали вамъ деньги сполна...

— Не посягать ли ево съизнова?!

— Посмотрю я, какой будетъ новый штейгеръ.

— Поди къ... чорту!!

Подосенова выгнали изъ избы.

— Эй?! конецъ!! шабашъ! всѣ сюда?! кричалъ штейгеръ неистово рабочимъ.

Въ полчаса къ избѣ собралось человекъ полтора ста рабочихъ съ подростками и малолѣтними.

— Вы говорили... вы проклипали меня?... Я не хорошъ!! Ребята??! Эхъ! ребята??? Меня заставляли!... Мнѣ самому не втерпеть было..

— Водку-то пить?... ворчалъ народъ.

— Гуляйте! че-е-ерти!!!

И Подосеновъ, съвъ въ долгушку, уѣхалъ.

— Што онъ,— очумѣлъ?

— Съума спятилъ! Говорилъ народъ.

— Айда домой, ну ихъ къ чертямъ!

И рабочіе пошли домой.

Прошли десять верстъ; смотрятъ лошадь и долгушка Подосенова стоятъ около лѣсу. Подосенова нѣтъ.

Двое зашли въ лѣсъ на правую сторону, походили въ лѣсу...

— Виситъ!

— Кто?

— Подосеновъ!!

Подосеновъ повѣсился.

Этому происшествію всѣ въ заводѣ долго дивились и единогласно заключили, что Подосеновъ изгибъ отъ пьянства... Но были люди, которые говорили, что Подосенова сильно допекалъ за что-то прикащикъ.

XXII.

У бѣднаго человекъ первая забота о насущномъ кускѣ хлѣба и постоянное желаніе выйдти изъ подъ неволи; но какъ только бѣдный человекъ выбьется изъ нужды и попадетъ въ начальники, онъ круто повертываетъ отъ своихъ собратьевъ

по ремеслу, и старается подражать тѣмъ, кто прежде командовалъ надъ нимъ. Еще хуже, если этотъ человѣкъ изъ крѣпостныхъ, сынъ начальника неиспытанной самъ горя. Таковъ былъ и Переплетчиковъ. Прежде, когда онъ былъ побѣдѣе, одѣвался просто, разговаривалъ съ рабочими и принималъ участіе въ ихъ положеніи; потомъ, мало-по-малу, онъ сталъ отдѣлаться отъ своихъ заводчанъ: одѣвался какъ городской франтъ, окружилъ себя толпой ненужной ему прислуги и смотрѣлъ свысока на всѣхъ. Въмѣсто одноэтажнаго деревяннаго дома, онъ выстроилъ двухъ-этажный каменный въ двѣнадцать оконъ на улицу. Внутренность дома отличалась всѣми неудобствами и роскошью первогильдейнаго купца: полы паркетные, мебель дубовая, вездѣ цвѣты, въ окнахъ и дверяхъ драпиріи, на стѣнахъ картины, преимущественно соблазнительнаго свойства, на столахъ мраморныя статуи, въ залѣ стоитъ мраморный бюстъ перваго заводовладѣльца подъ стеклянныиъ колпакомъ, въ кабинетѣ на столахъ и въ шкафу лежатъ рѣзные камни, въ клѣткахъ распѣвають соловьи и канарейки. Въмѣсто огорода у него явился большой садъ съ прудомъ, въ которомъ водятся караси, ерши и окуни, ловить которыхъ можетъ только самъ прикащикъ да управляющій. Въ этомъ саду разъ въ годъ, а именно въ Троицу, дозволяется гулять рабочимъ и слушать даромъ заводскую музыку.

Прикащикъ Переплетчиковъ въ настоящее время вдовъ, дочери его съ нимъ не живутъ; для чего же, спроситъ читатель, онъ имѣетъ такой домъ; неужели онъ одинъ занимаетъ его? Верхній этажъ занимаетъ онъ одинъ; половину нижняго занимаетъ его канцелярія, при которой есть даже клѣтка для виноватыхъ, а другую занимаетъ его прислуга. Стараясь во всемъ пародировать большихъ баръ и не желая отказывать себѣ ни въ чемъ, онъ имѣетъ прислугу какъ помѣщикъ: у него есть дворникъ, кучеръ, садовникъ, лакей, эконома, горничная, прачка и кухарка. Всѣмъ этимъ людямъ онъ ничего не платитъ, потому что они заводскіе. Хотѣлось еще ему завести повара, да въ заводѣ не было такихъ рабочихъ, которые бы умѣли готовить кушанье по карточкѣ, а нанимать въ городѣ повара онъ не хотѣлъ.

Прежде всѣмъ хозяйствомъ заправляла жена Переплетчикова и дочь его Марья Афиогеновна. Когда умерла его жена и дочь вышла замужъ за нарядчика Плотникова, тогда хозяйство стала вести двоюродная сестра его жены, вдова Марья Алексѣевна, бывшая замужемъ за чиновникомъ. Говорить, что Переплетчиковъ и при жизни жены ухаживалъ за ней, а послѣ сталъ открыто жить съ Марьей Алексѣевной, общаясь жениться на ней. Марья Алексѣевна была глупая женщина, читавшая по складамъ и умѣвшая кое-какъ записывать цифры. Она совалась всюду, весь день грызла прислугу, ругалась какъ базарная тор-

говка, требовала отъ каждаго почтенія на томъ основаніи, что она дворянка; но ее никто не боялся, вѣроятно потому, что Переплетчиковъ не рѣдко бивалъ ее, теребилъ за волосы, приговаривая: „я тебя, шкуръ барабанной, покажу дворянство!“ Однако не смотря на то, что во время обѣдовъ и баловъ, даваемыхъ Переплетчиковымъ, она дѣзла къ заводскимъ аристократкамъ съ разговорами о своихъ снахъ и о непочтеніи къ ней прислуги; не смотря на забывчивость такого рода, что, держа въ лѣвой рукѣ платокъ, она искала этотъ платокъ, билась, бѣгала изъ угла въ уголь, называя всѣхъ ворами и воровками; не смотря на то, что надъ ней въ глаза смѣялись заводскія барышни, — она была не прочь порисоваться: любила вырядиться, нарумяниться и выставить себя на показъ при всякомъ удобномъ случаѣ; и женщина была не промахъ: безъ зазрѣнія совѣсти она вытаскивала изъ кармановъ прикащика деньги, когда онъ являлся домой пьяный. Это она называла сбереженіемъ на черный день...

Переплетчиковъ, и пьяный, и трезвый потѣшался надъ ней вдводемъ, но сдѣлать ей ничего не могъ. Онъ ото всѣхъ требовалъ повиновенія, а Марья Алексѣевна его не слушалась. Это обѣсило его: „Какъ? меня всѣ боятся! а эта бабенка и знать меня не хочетъ; я могу уничтожить ее, а она командуетъ надо мной?... Сокрушу!“ горячился онъ и рѣшилъ постегать ее, но случая къ этому не представлялось. Марья Алексѣевна прятала концы въ воду очень ловко. Золь сдѣлался Переплетчиковъ, надѣла ему Марья Алексѣевна. „Прогоню!“ думалъ онъ. „Нѣтъ, я ее напередъ выдеру...“ и эта мысль еще больше раздражала его. Разъ онъ пріѣхалъ откуда-то ранѣе обыкновеннаго. Марья Алексѣевна ругалась въ кухнѣ. Дверь въ кабинетъ Переплетчиковъ въ этотъ день забылъ запереть, но находящаяся въ кабинетѣ шкатулка съ банковыми билетами и деньгами всегда заперлась, и онъ первымъ долгомъ, какъ возвращался домой трезвый, подходилъ къ шкатулкѣ, отпиралъ ее и считалъ деньги. Теперь, спохватившись, что кабинетъ не запертъ, онъ кинулся къ шкатулкѣ — замокъ сломанъ. „А! ладно,“ сказалъ вслухъ Переплетчиковъ. Стали обѣдать.

— Теперь што? спросилъ прикащикъ лакея, подававшего второе блюдо.

— Катлеты-съ.

— Позови, каналья, кучера и садовника, а Пантелею вели принести изъ сада свѣжихъ котлетъ. Понимаешь? Живо?

Марья Алексѣевна думала, что вѣроятно Переплетчиковъ будетъ потѣшаться за обѣдомъ надъ тѣмъ, какъ лакея будутъ называть, — что и случалось прежде.

Вошелъ кучеръ, толстый человекъ, съ лысой головой и русой большой бородой и молодой дюжей садовникъ. Остановились они у дверей и ждали съ нетерпѣніемъ приказанія своего бари-

на. Переплетчиковъ велѣлъ принести изъ комнаты Марьи Алексѣевны сундукъ, а самъ прінесъ изъ кабинета на сцену шка-тулку. Марья Алексѣевна поблѣднѣла. Все это дѣлалось молча.

— Топоръ! сказалъ Переплетчиковъ.

Немного погодя былъ принесенъ топоръ. Переплетчиковъ разломалъ шкатулку; въ ней не оказалось десяти сто-рублевыхъ бумажекъ; разломали сундукъ Марьи Алексѣевны: оказалось мно-го вещей, принадлежащихъ Переплетчикову.

— Пантелей! крикнулъ Переплетчиковъ.

Явился дворникъ Пантелей, сухошавый человекъ, съ сѣдыми кудреватыми волосами и безъ бороды. Въ охабкѣ онъ держалъ пучекъ розогъ.

— Взять ее! крикнулъ прикащикъ, показывая на Марью Алек-сѣевну.

Какъ ни кричала, какъ ни отбивалась Марья Алексѣевна, а ее все-таки постегали, и постегали на славу.

— Узнала ли ты теперь свое дворянство? спросилъ Переплет-чиковъ, когда перестали съць Марью Алексѣевну.

— Я на тебя, подлецъ, жалобу, подамъ.

— Вотъ испужала-то!

И Марью Алексѣевну вытолкали изъ дома прикащикъ. Жа-ловаться она не посмѣла, потому что прикащикъ подозрѣвалъ ее въ отравленіи его жены.

Переплетчиковъ былъ женатъ три раза. Первая жена у него была красавица и изъ-за нея онъ получилъ должность казначея главной конторы, такъ какъ она жила съ управляющимъ, о чемъ зналъ Переплетчиковъ. Сначала супружества онъ любилъ ее, какъ слѣдуетъ, но потомъ связался съ другой женщиной, на которой потомъ и женился. Но эту женщину онъ не могъ любить такъ, какъ любилъ первую, билъ ее и вколотилъ во гробъ. Третья жена хотя и принесла ему много въ приданое, но была женщина больная и онъ оказывалъ больше предпочтенія Марьѣ Алексѣевнѣ.

Прогналъ онъ Марью Алексѣевну, но скоро сохватился: изъ всѣхъ трехъ женъ ни одна такъ не угождала ему, какъ эта чи-новница. Правда, она и ругала его, била, но за то все у нея было въ порядкѣ, все она дѣлала по его. — „Ты ругайся, да дѣ-лай какъ я велю“. Повиновеніе жены Переплетчиковъ считалъ идеаломъ добродѣтели.

Послѣ Марьи Алексѣевны ему сдѣлалось скучно. Онъ могъ бы выбрать себѣ въ любовницы любую дѣвушку; но кого вы-берешь? Чиновницѣ ему больше не надо; не надо ему и гра-мотныхъ. Ему нужна красавица, неучъ, такая, которая бы и пикнуть не смѣла передъ нимъ. И сколько онъ ни высматри-валъ подходящихъ, не находилъ ни въ городѣ, ни въ заводахъ.

Но вотъ однажды докладываетъ лакей, что пришла къ нему

съ просьбой Пелагея Семихина. Онъ вышелъ въ приемную, взглянулъ и остолбенѣлъ.

Это была высокая, здоровая дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, съ очень красивымъ лицомъ и голубыми глазами. На головѣ ея съ причесанными по городски волосами надѣтъ былъ красный ситцевый платокъ, на ней самой ситцевый сарафанъ. На лицѣ замѣтно выраженіе грусти, въ глазахъ замѣтна робость и покорность.

Такой красавицы Переплетчиковъ еще не видывалъ и онъ невольно поклонился ей и спросилъ ее ласково:

— Что скажешь?

— Аппногенъ Степанычъ, отецъ мой померъ, провянту миѣ не даютъ.

— Не положено. А мать есть?

— Нѣтъ.

— Домъ есть?

— Есть.

— И женихъ есть?

— Сватается писарь Зюзинъ.

— Знаю. Вѣдь онъ пьяница и картежникъ? Ты это знаешь ли?

— Слыхала Аппногенъ Степанычъ?

Семихина вздохнула.

— Чтожь ты по любви идешь за него?

— Не... знаю... Нужда...

— То-то вы дуры! Учить васъ некому. А я бы совѣтовалъ тебѣ бросить эту фанаберію, потому... Я знаю, что за пособіемъ послалъ теби Зюзинъ... Такъ?

— Нѣ...ѣтъ.

— Ладно. Вотъ тебѣ десять рублей.

Прикащикъ далъ Семихиной десять рублей. Семихина поклонилась ему въ ноги.

Вечеромъ въ тотъ же день прикащикъ потребовалъ къ себѣ Зюзина; Зюзина притащили къ нему изъ кабака. Онъ былъ такъ пьянъ, что едва держался на ногахъ, поэтому прикащикъ велѣлъ запереть его въ своей члжевкѣ и послалъ за Семихиной.

— Что, голубушка, поди, всѣ деньги ухнула.

— Всѣ долги заплатила.

— И женишку дала малую толику. Гдѣ же онъ теперь — въ кабакъ?

— Не знаю.

Прикащикъ крикнулъ лакея и велѣлъ отвести Семихину въ члжевку къ ея жениху.

Семихина ахнула, потому что Зюзинъ спалъ пьяный, на полу лежала разорванная трехъ-рублевая ассигнація.

— Проси прошенія у прикащика! онъ все знаетъ, сказалъ лакей Семихиной.

На другой день вечеромъ прикащикъ позвалъ къ себѣ Пелагею Семихину. Она кинулась ему въ ноги и стала просить прощенія.

— Хорошо. Чтожь скоро свадьба?

— Я не пойду за него.

— Что такъ.

— Пьяница. Онъ всё деньги проигралъ.

Она говорила уже свободно, потому что была не изъ робкаго десятка, да и прикащикъ говорилъ съ ней ласково.

Онъ опять далъ ей три рубля и черезъ два дня позвалъ къ себѣ. Ее ввели въ столовую, гдѣ онъ ужиналъ.

— Ну, красотка, что ты подѣливаешь?

— Мнѣ... я сидѣла... шила.

— Для своего жениха пьянчуги... Вотъ что: хочешь служить у меня?

Семихина поклонилась.

— Съ завтрашняго дня тебѣ будетъ дѣло. Хочешь вѣтъ?

— Нѣтъ.

— Врешь! садись.

— Покорно благодаримъ.

Однако Переплетчиковъ уговорилъ ее съesty; подвинулъ стулъ къ ней, налилъ ей рюмку мадеры.

— Ней, красотка! сказалъ прикащикъ негромко и поднесъ ей рюмку.

— Покорно благо...дарю... сказала Семихина, и покраснѣла.

— Ну—ну!

Пелагея выпила, отерла губы платкомъ, а Переплетчиковъ обнялъ ее. Пелагея взвизгнула, но Переплетчиковъ цѣловалъ ее.

— Пустите! пустите! кричала Пелагея, но прикащикъ держалъ ее крѣико.

Вдругъ онъ выпустилъ ее, и пересѣлъ на другой стулъ. Пелагея вскочила и побѣжала къ двери.

— Куда?

Пелагея, неслушая его, убѣжала; но выхода изъ комнату Переплетчикова не могла найти. Прикащикъ пошелъ искать ее. Въ одной изъ комнатъ; Пелагея стояла и плакала.

— О чемъ ты, дѣвка, плачешь? о чемъ ты слезы льешь? сказалъ шуточно прикащикъ.

— Пустите меня, ради Христа, проговорила едва слышно Пелагея.

— На это вашей милости я могу только то отвѣтить, что вы дуры—съ набитыи, потому единственно, что я тебя хотѣлъ испытать.

— Вотъ ужь!

— Право, красотка моя, неписаная. Что же ты стоишь, невесело глядишь? Аль Зюзина боишься?

Пелагея замолчала.

— Пойдемъ ужинать, и прикащикъ взялъ ее за руку.

Пелагея стала отбиваться, но прикащикъ поцѣловалъ ее, выпустилъ и позвалъ лакея.

— Проводи ее. Знаешь?— Да не гляди такъ. Ужинъ и вино чтобы были... Понимаешь.

Пелагея пошла за лакеемъ, который свелъ ее внизъ въ совершенно отдѣльную комнату и эту комнату заперъ на ключъ, который и отдалъ прикащику. Изъ комнатъ Переплетчикова было четыре хода: одинъ парадный, который велъ на улицу и въ его канцелярію, другой въ кухню—черный, третій въ баню, четвертый въ отдѣльную комнату. Эта комната была сдѣлана для матери Переплетчикова, которая любила уединеніе или короче сказать *спасалась* въ ней, а послѣ ея смерти эта комната оставалась никѣмъ незанятою.

Утромъ Пелагея Вавиловна сиди на мягкой перинѣ, положенной на спальную кровать, завѣшанную пологомъ, плакала; Переплетчикова сидѣлъ около нея.

— Пустите ли вы меня? крикнула Пелагея.

— Воля твоя! Иди. Только не лучше-ли тебѣ у меня остаться: ты будешь барыня, ни въ чемъ я тебѣ не буду отказывать. Только ты будь хороша, да ласкова... Ты думаешь я тебя обидѣть хочу! Дура! Если ты будешь хороша, я женюсь на тебѣ, только ты умѣй угодить и потрафить мнѣ.

Пелагея Вавиловна слушала и молчала. Когда онъ кончилъ, она не знала что ему сказать; въ головѣ ея бродили неясныя слова: прикащ... убѣ... хочеть жениться...

Прикащикъ ушелъ и заперъ дверь на ключъ. Пелагея опять заплакала. Ее давило горе, но когда она выплакалась, то ей противна показалась прежняя жизнь: прежде ее били, упрекали, смѣялись надъ тѣмъ, что она подолгу расчесываетъ свои длинные волосы: теперь самъ прикащикъ лелѣетъ ее... „А если онъ... такъ развѣ не было съ ней того же зимой, когда она была съ отцемъ въ хлыстовщинской сектѣ... Онъ самъ прикащикъ, а Зюзинъ писарь, некрасивый, цыганка и батракъ; въ полиціи не одинъ разъ драли.. Только стыдно... стыдно...“

Вошелъ лакей.

— Афиногенъ Степанычъ приказалъ позвать васъ на верхъ, сказалъ лакей Пелагеѣ.

Пелагея на скоро одѣлась и пошла.

— Сегодня истоплена баня; ступай вымойся; отъ тебя какъ отъ псины пахнетъ, а потомъ я тебѣ дамъ женины вещи. Не могу же я смотрѣть на тебя въ такой одеждѣ.

Весь этотъ день Пелагея Вавиловна провела въ нѣгѣ. На другой день началась служба ея: прикащикъ, уходя въ свои комнаты, сказалъ ей, чтобы она завтра утромъ пришла къ нему

за приказаніями. Когда она пришла, прикащикъ уже занимался и велѣлъ ей достать изъ комода чистое бѣлье, потомъ принести съ водой умывальникъ. Нужно было идти въ кухню, а Пелагеѣ не хотѣлось—стыдно. Однако пошла!

Прислуга, бывшая въ кухнѣ, косо поглядѣла на нее, переглянулась, а кухарка сказала:

— Съ законнымъ бракомъ!

Всѣ захохотали. Лицо Пелагеи Вавиловны зардѣлось.

— Скоро, дѣвушка, тебя въ барыни—то прозвель... Вотъ мы такъ не можемъ до такой чести дожить, сказалъ кучеръ. Всѣ захохотали. Пелагея Вавиловна вспыхнула и, поставивъ, на скамью умывальникъ съ тазомъ, ушла на верхъ.

— Что ты? спросилъ прикащикъ Пелагею Вавиловну, видя, что она плачетъ.

— Обзываются.

Переплечиковъ позвонилъ. Пришелъ лакей.

— Позови-ко сюда Пантелея.

Явился дворникъ.

— Вы скоты, какъ смѣете обзывать ее?.. Да я васъ всѣхъ перепорю—мошениковъ.

— Мы ничего...

— Я тебѣ дамъ ничего! скажи всѣмъ, что если я еще что нибудь услышу отъ нея, не только что перепорю васъ, прогоню, въ работы сошлю. Пошелъ!

Прошло дня четыре. Прислуга при входѣ Пелагеи Вавиловны въ кухню шепталась, а молодые люди старались подскочить къ ней и, подмигивая товарищамъ, спрашивали ее:

— Чего изволите, барышня?

— Какое на васъ платьице нарядное, замѣчалъ другой.

Пелагея Вавиловна вспыхивала, но молчала и глядѣла въ полъ. Идти въ кухню было для нея пыткой и она старалась какъ нибудь уговорить лакея, чтобы онъ замѣнилъ ее. А работы у Пелагеи Вавиловны было немного: она мыла чайную посуду, разливала чай, чему она научилась съ трудомъ, глядела бѣлье.

Прошло три недѣли. Прикащикъ съ ней ласковъ, прислуга не такъ надѣдаетъ, какъ прежде.

Въ пятницу вечеромъ у прикащика были гости: исправникъ, писмоводитель его и зять Плошкинъ съ женами. Прикащикъ заставилъ Пелагею подавать гостямъ чай. Мужчины сидѣли въ залѣ, женщины въ гостиной.

— А что какова? спросилъ Переплетчиковъ исправника, когда Пелагея брала отъ исправника стаканъ.

— Недурна.

Пелагеѣ Вавиловнѣ сдѣлалось обидно, зачѣмъ прикащикъ хваляется ею и страмить ее. Когда она вошла съ подносомъ къ

дамамъ, растягивающимъ слова по-заводски, то исправничья жена спросила ее:

— Ты на содержаніи!

Пелагея Вавиловна не поняла этого слова.

— Чтожь ты стоишь? спросила опять жена исправника.

— Чашку...

— Ахъ ты дура... Да ты развѣ не городская?

— Нѣтъ.

Пелагею позвалъ прикащикъ.

Исправникъ, Плошкинъ, письмоводитель и прикащикъ о чемъ-то крупно спорили.

Прикащикъ съ исправникомъ жилъ дружно и несколько не боялся его, потому что могъ во всякое время подкупить его; письмоводителя онъ считалъ ни за что, но приглашалъ къ себѣ какъ родственника.

— Небывать! Небывать! кричалъ прикащикъ.

— Будеть! Тогда ужъ вашему брату отпадетъ лафа! горячился исправникъ.

— А ты думаешь вашего брата не погонять метлой!

— Не только не погонять, мы строже будемъ.

— Нако выкуси! и прикащикъ показалъ исправнику кукишь.

Завязался споръ; каждый считалъ себя честиѣе другого, стали корить другъ друга.

— Ты за Павленковское дѣло сколько получилъ, а что дѣлалъ-то? кричалъ прикащикъ.

— А ты какъ фабрику-то строилъ?

— Вы начальство, какъ можно... Вы рабочихъ давите, вмѣшался письмоводитель.

— Чѣмъ?

— Напримѣръ, Глумовское семейство... Кому оно обязано...

— Да что вы меня, скоты эдакіе, Глумовыми дразните, чтобъ вамъ всѣмъ околѣть!

Однако скоро затихли. Подали закуску, вина и водку. За водкой опять стали корить другъ друга, опять помянули Игнатія Глумова и Курносова; отъ нихъ рѣчь перешла ко многимъ обиженнымъ прикащикомъ, который свирѣпѣлъ. Гости, не помирившись съ прикащикомъ, ушли по домамъ.

Когда они ушли, прикащикъ долго ходилъ по комнатамъ и ворчалъ.

„Вы думаете я боюсь васъ?... А вотъ я вамъ докажу, что я на васъ на всѣхъ плевать хочу! Вы мнѣ напередъ долги заплатите, а потомъ тащите меня подъ судъ... А хоть я и строгъ, за то и милостивъ и доброе дѣло сдѣлаю, не испугаюсь... У васъ есть свои шпионы, а я заведу своихъ..“

Утромъ на другой день Нереплетчиковъ потребовалъ къ се-

бъ своего письмоводителя и отдалъ такой приказъ: принеси мнѣ списокъ дѣтей Семихина, Ильина, Глумова, Мокѣева.

Когда списокъ былъ принесенъ, прикащикъ написалъ на немъ: зачислить въ легкія работы на фабрики, выдавать провіантъ сполна, да пенсіи на каждого по пуду въ мѣсяцъ. Доложили ему, что явился Корчагинъ. Онъ велѣлъ провести Корчагина въ кабинетъ.

— Ну что, другъ сердечный, тараканъ запечный. Много ли ты нашелъ золота!

— Двѣ недѣли Афиногентъ Степанычъ пробылъ на промыслахъ. Порядки новѣ совсѣмъ другіе. Всего только полфунта, и то въ долгъ рабочіе повѣрили.

Прикащикъ взялъ золото, поглядѣлъ и сказалъ:

— Вотъ это вѣрнѣе будетъ. Можешь нарубить пятьдесятъ бревенъ для дому.

И прикащикъ далъ Корчагину записку.

— А что Корчагинъ. Илья Глумовъ хорошій парень, не воръ?

— Да.

— Грамотѣ умѣеть?

— Плохо.

— Ну это ничего... Такъ возьми почини садокъ.

Корчагинъ вышелъ не совсѣмъ довольный прикащикомъ, но за то избавлялся отъ тяжелыхъ наказаній.

По уходѣ его, прикащикъ позвалъ къ себѣ своего письмоводителя и, подавая ему списокъ подростковъ, сказалъ:

— Гришкѣ Пономареву, что у меня въ лакеяхъ, я даю вольготы на полгода, потомъ записать его въ кузницу, а Ильку Глумова записать ко мнѣ. Понимаешь.... Завтра же быть ему здѣсь.

XXIII.

Изъ предъидущихъ главъ читатель, можетъ быть, заключилъ о прикащикѣ, что онъ человѣкъ рѣшительно ничего не дѣлающій, а только распоряжающійся на словахъ. Да и когда, подумаетъ читатель, заниматься ему, если онъ проводилъ все время въ удовольствіяхъ. Того же мнѣнія былъ сперва и Илья Игнатьичъ, который въ кабинетъ прикащика допускался очень рѣдко. А Пелагея Вавиловна знала, что прикащикъ дѣятельно работалъ, и знала это потому, что она стала довѣрною его особой: часто, по его приказанію, она сидѣла въ кабинетѣ, чего не осмѣливался сдѣлать никто, даже покойная его жена. Сидѣла она въ кабинетъ вотъ почему: прикащикъ, занимаясь сочиненіемъ бумагъ, счетами, планами, не любилъ вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не окончитъ работу, и Пе-

лагея Вавиловна должна была подавать ему то книгу, то упавшую бумагу съ полу, то закурить сигару, то почесать спину или ногу... Пьяный онъ бывалъ и Глумова, и Пелагею Вавиловну, и поэтому Илья Игнатьичъ радъ не-радъ былъ улизнуть въ прихожую и захрапѣть, но Пелагеѣ Вавиловнѣ много было возни съ прикащикомъ. Приходя въ кабинетъ (прикащикъ, прѣвзяя откуда бы ни было, всегда прямо проходилъ въ кабинетъ) и бросивъ на столъ бумаги, онъ садился въ кресло и ругалъ тѣхъ, у кого и гдѣ онъ былъ, — преимущественно начальство.

— Кто, говорилъ онъ, кромѣ меня есть сила? Я командиръ — я всѣмъ орудую! Не будь рабочихъ, не будь меня, не было бы и васъ, скотовъ; не нажили бы заводовладѣльцы миліоны, не строили бы въ Россіи и за-границей дворцы себѣ... Вамъ денежки подай, а мы работай, а отъ васъ што получаешь? того и бойся, што къ чертямъ пошлють... Вы васъ за скотовъ считаете, — хуже!... Грабятъ васъ нужно...

Пелагея Вавиловна, слушая эти слова, думала: „хорошо, если бы ты эти рѣчи говорилъ трезвый: завтра почнешь рабочихъ обижать, да наживать деньги плутнями, да обидами“... Она уже не одиный разъ слушала эти слова и имѣла уже понятіе, почему онъ такъ обращается съ *мастерками* (т. е. рабочими). Разсуждали о заводовладѣльцахъ и гости прикащика, слышала она споры о томъ, отъ кого хуже достается народу; но дѣлала видъ, что ничего этого не понимала. Разъ прикащикъ спросилъ ее: умѣеть ли она читать? — Нѣтъ, не умѣю. Онъ ее сталъ учить, но она ничего не понимала: прикащикъ наказалъ ее розгами за непониманіе, но и розги не помогли. Призванъ былъ къ прикащику дядя ея и тайно спросилъ: не знаетъ ли онъ, кто пишетъ Пелагеѣ Семихиной письма, но къ счастью Пелагеи, дядя ея сказалъ: — кажись, Пелагею никто не училъ грамотѣ, разъ у васъ выучилась.

— Сними со стѣны образъ: сказалъ прикащикъ.

Дядя Пелагеи принялъ на себя страшную клятву. Онъ снялъ образъ, приложился къ стеклу и повѣсплъ. И прикащикъ остался доволенъ. Впрочемъ онъ напрасно безпокоился: Пелагея хотя и умѣла читать писаное, но никогда не трогала бумагъ и была такой человекъ, которому все равно, есть или нѣтъ книги, бумаги, перья и крадашя, да и записывать ей нечего было.

— Палашка! крѣкнетъ прикащикъ. Пелагея войдетъ.

— Сказано — стоять! што я дуракъ, по твоему.

— Дуракъ.

— Почему?

— Потому, неумѣешь заставить управляющаго въ ноги тебѣ кланяться...

— Молодецъ дѣвка! Ей Богу женюсь! цѣлуй меня...

— А разъ я не плутъ?

— Первая шельма во всемъ свѣтѣ, а все-жъ съ господами въ аду на одну доску не поставитъ.

— Ампы! Цалуй меня, скотина; ноги мои ляжи... Озолочу!.. А шельма я, у какой! Я управляющаго, эту пустумблю, въ ногахъ заставлялъ валиться, а ты все-таки должна мои ноги лизать.

Уложить Пелагея Вавиловна спать прикащика и сама ляжетъ, какъ ей велѣно лечь: на полъ или вмѣстѣ съ прикащикомъ, или въ креслѣ. Въ пять часовъ она должна будить его. Проснувшись, прикащикъ выпьетъ графинъ воды и прививается за работу, которая продолжалась до девяти или десяти часовъ. Пелагеевъ было строго наказано, чтобы объ его занятіяхъ никому не говорить, во время занятій, за которыми онъ выпивалъ еще два графина воды, никто кромѣ Пелагеи не смѣлъ входить въ его кабинетъ. Если у прикащика мало было письменныхъ занятій, то онъ, лежа, читалъ бумаги и письма. Если онъ когда нибудь не вызжалъ изъ дома, это значило, что онъ занимался важными дѣлами, и тогда только одна Пелагея входила къ нему по звонку.

Илья Игнатьичъ думалъ, что прикащикъ забываетъ, что говорить по вечерамъ пьяный. Но прикащикъ могъ рассказать все, что онъ говорилъ и что ему говорили пьяному; но никогне высказывалъ этого ни кому, и только одна Пелагея съумѣла подмѣтить въ немъ эту черту, и какъ онъ ни притворялся непомнящимъ, но она хорошо понимала, что прикащикъ любитъ не лесть и поклоны, а чтобы его приказанія тотчасъ же исполнялись. Если онъ сказалъ: ляжи мои ноги, она должна была лизать, иначе это послушаніе чрезъ день или чрезъ недѣлю припомнится ей, а такъ какъ она ни въ чемъ не ослушалась прикащика, то онъ сначала дивился терпѣнію этой дѣвки и ждалъ случая, когда она сгрубитъ ему. Но Пелагея хотя и ругалась, но ругалась такъ, что прикащикъ не считалъ эту ругань за грубость. Прикащикъ на разные лады испытывалъ Пелагею, но ничего не нашелъ въ ней худаго и разъ трезвый сказалъ ей за утреннимъ чаемъ:

— Если бъ ты не была мерзавка, хорошая ты была бы дѣвка.

— А кто виноватъ-то: не ваша ли свѣтлость... Кто говорилъ женюсь?

— Мало ли что говорится. Говорится, што земля вертится, да я не вѣрю... Скажу тебѣ откровенно: ты золотая дѣвка, и мнѣ правится, што ты съ такимъ человѣкомъ, какъ я, умѣешь ладить.

— Чортъ съ вами сладить!

— И чортъ со мной не сладить, а ты тово... За это я тебя жалую въ экономки, потому ты теперь при гостяхъ безгласна.

Да ты смотри, вот што: за тобой будутъ ухаживать, такъ ты не отказывайся, приглашай ихъ къ себѣ, да выпытывай, што. я тебѣ скажу. Это важно!

Пелагея Вавиловна долго не соглашалась на послѣднее предложеніе и доказывала прикащику, что ему враговъ нечего бояться.

— Теперь такъ, а какъ будетъ воля, — другіе порядки будутъ, сказль прикащикъ.

— Пугаютъ васъ этой волей...

— А я, думаешь, не знаю, што ты и всѣ рабочіе вздыхаютъ по волѣ. Нѣтъ, дѣвка, я человекъ старый и чувствую, што мнѣ не сдобровать. Я люблю командывать, держать въ рукахъ начальство... Да не тѣ времена... Вотъ у меня враговъ много, а сокрушить ихъ я неволюнъ. Значитъ наступаютъ другіе порядки, и бѣдный смотри въ оба, и берегись.

— Да какъ же беречься-то, когда мастерку нѣтъ пощады, мастерка безъ вины обвиняютъ, вступалась Пелагея Вавиловна,

— А съ нами этого развѣ не бываетъ: попадись я — меня не помилуютъ, если я не имѣю десяти тысячъ. Имѣй я пятьсотъ рублей, или будь я честенъ, мнѣ недѣли не пробить прикащикомъ. Все это я говорю тебѣ потому, что ты одна умѣешь угождать мнѣ. Но горе тебѣ, если ты хоть одно мое слово кому нибудь проболтаешь.

Около этого времени прикащикъ крѣпко задумалъ жениться, но куда онъ ни приходилъ высматривать невѣсть, ни одна ему не нравилась. „Не прежніе годы, когда я былъ молодъ, да вѣровалъ, что жена по нраву всю жизнь будетъ. Всѣ эти длиннохвостыя, да блѣднолицыя дрянъ; ни одна изъ нихъ не годится мнѣ въ жены; всѣ онѣ рады случаю выйти за прикащика а я вотъ ихъ удивлю.“ И выборъ его остановился на Пелегеѣ, которой онъ могъ помыкать, какъ его милости угодно. Но онъ не любилъ никому высказывать своихъ секретовъ, потому что предположенія его мѣнялись другими на другой день, когда онъ былъ трезвый, да и секреты, высказанные кому нибудь, могли бы пожалуй испортить все дѣло. Не смотря на скрытое обращеніе съ Пелагеей, ему иногда жалко становилось ее. А это иногда бывало съ нимъ утромъ, когда Пелагея мыла ему ноги, причемъ ей густые бѣлокурые, какъ лень, волосы падали на его ногу. Ему хотѣлось разцѣловать ее отъ души, только гордость не допускала его до этого: онъ никогда не могъ допустить того, что онъ долженъ жениться на ней: дрянъ, ничто! думалъ онъ о Пелагеѣ.

Бѣдная дѣвушка уже перестала мечтать о замужествѣ съ Переплетчиковымъ. Она, проживши нѣсколько мѣсяцевъ, убѣдилась, что она для прикащика въ одно и тоже время игрушка и

хуже послѣдняго слуги. Во всей дворнѣ его она не видѣла ни одного человѣка, который бы пожалѣлъ ее, съ которымъ бы можно было поговорить отъ души: въ кухнѣ она была предметомъ развлеченія. Когда она ходила на рынокъ за покупками, на нее какъ будто всѣ смотрѣли и она, поднявши глаза, потупленные отъ стыда въ землю, видѣла нѣсколько рукъ, поднятыхъ на нее и какъ-будто слышала слова: „вотъ она, Палашка Семихина, наложница прикащика! Глядите: обручи! обручи! Ребята бѣжали за ней и кричали: обручи-те всплыли! подними кринку-то!“ Бѣжать ей некуда, да и зачѣмъ бѣжать, когда она сыта, одѣта, обута, живетъ въ хорошихъ горницахъ, которыя бѣдной дѣвушкѣ преже и во-снѣ не грезилась. Положимъ, что она убѣжитъ, но что она станетъ дѣлать съ своею несмѣлостью и робостью? А замужъ ее въ заводѣ возьметъ развѣ тотъ, кому прикащикъ прикажетъ взять, да и этотъ человѣкъ будетъ бить ее...

Трудно постоянно терпѣть подобно Пелагеѣ Вавиловнѣ. Тутъ нужно надѣяться на будущее, но какъ надѣяться и чего желать?... Такъ и билась-мучилась Пелагея Вавиловна, и ждала чего-то лучшаго. Не смотря на то, что она сдѣлалась экономай въ домѣ прикащика и была въ родѣ начальницы надъ прислугой, отъ этого было не легче, потому что ей приходилось сталкиваться съ прислугой чаще, и прислуга постоянно грызла ее тѣмъ, что ворона залетѣла въ высокія хоромы. Время шло; она чувствовала беременность, горе душило ее... Поговорить не съ кѣмъ. Одинъ только Илья Игнатьичъ вращается ей, да и тотъ или бѣгаетъ, или спитъ. Илья Игнатьичъ съ перваго же дня погупленія его къ Переплетчикову понравился ей. Глумовъ былъ рослый парень, красивъ, и всячески старался угодить ей, потому что никто изъ прислуги прикащика ему не нравился, какъ она, заводская красавица. Сестра его была красивая женщина, но она жила съ нимъ, она родная, а эта чужая; эту обижаютъ всѣ, какъ и его всѣ презираютъ. Онъ понималъ, что Пелагея Вавиловна терпѣть не можетъ прикащика, какъ и онъ, но боялся уцѣпнуть ее. Вотъ онъ сталъ каждый день помогать ей мыть посуду, но эта работа производилась молча, они или обмѣнивались нѣсколькими словами, относящимися до посуды и мытья ея въ то время, когда былъ дома прикащикъ. Когда же не было дома Переплетчикова, и Глумовъ убиралъ комнаты, она шути указывала ему, что сдѣлать, хотя и сама мало смыслила, ей нравились споры Ильи Игнатьича, доказывавшаго, что это кресло лучше такъ поставить: нравится еще Пелагеѣ Вавиловнѣ въ Ильѣ Игнатьичѣ то, что онъ никогда не жаловался на нее прикащику и ни разу ничѣмъ не попрекнулъ ее. Съ своей стороны Илья Игнатьичъ не слышалъ отъ нея такихъ словъ, какія говорятъ ему кухонные обитатели, и онъ радъ не радъ былъ постоять около Пелагеи, посмотреть ей въ глаза и помочь ей чѣмъ нибудь. Оба

понимали другъ друга, но не заговаривали о томъ, что ихъ мучило: Илья Игнатьичъ видѣлъ въ Пелагеѣ обиженную дѣвушку, опозоренную на весь заводъ прикащикомъ, разсуждалъ объ ней также, какъ разсуждали и другіе рабочіе, ненавидящіе развратъ въ должностныхъ людяхъ, находящихся въ услуженіи заводскаго начальника...

Пелагея Вавиловна ему нравилась болѣе Аксины Горюновой, дѣвушки постоянно смѣющейся, не испытавшей никакого горя. И онъ сталъ рѣже ходить къ Горюнову, да и то не надолго. И Пелагеѣ Вавиловнѣ хотѣлось говорить съ Ильей Игнатьичемъ, только ей обидно казалось, что онъ самъ не хочетъ говорить съ нею. „Онъ—лакейшко, а я любовница“, думала, она и сердце ея обливалась кровью... Часто Илья Игнатьичъ въ отсутствіе прикащика приходилъ въ комнату Пелагеи Вавиловны, которая сидѣла за работой, краснѣлъ и дрожащимъ голосомъ спрашивалъ:

— Что шьешь? а потомъ молчалъ, болѣе и болѣе робѣлъ и злой уходилъ изъ ея комнаты.

Пелагея Вавиловна тоже не разъ приходила въ прихожую и долго стояла, смотря на красивое лицо и на длинныя русые волосы спавшаго Ильи Игнатьича; но сѣсть къ нему не смѣла; будить было жалко. Наконецъ она-таки не вытерпѣла. Около Николина дня, послѣ обѣда, Переpletчиковъ уѣхалъ изъ дому. Черезъ пять минутъ входитъ Пелагея въ прихожую—Глумовъ спитъ, растянувшись на рундукѣ.

— Илья! крукнула она.

Илья Игнатьичъ вскочилъ. Это размѣшило экономку.

— Пріѣхалъ што-ли? спросилъ онъ, протирая глаза кулакомъ.

— Нѣтъ, не пріѣхалъ... Да ты што спишь все? только до-ткнешься до мѣста и спишь! Вчера, какъ ты мель полы въ комнатахъ, я ушла въ кухню; прихожу черезъ четверть часа, ты сидишь въ креслѣ и спишь, и щетку обнялъ.

Между тѣмъ Илья Игнатьичъ опять легъ и заснулъ. Пелагея Вавиловна посмотрѣла на него и негромко сказала:

— Илья!

Глумовъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на Пелагею, сердце его радостно забилось и онъ сѣлъ на рундукѣ.

— Хошь въ карты играть? сказала Пелагея Вавиловна.

— Не хочу, сказалъ сердито Глумовъ.

— А што?

— Спать хочу.

— Мнѣ скучно одной-то.

— А мнѣ што за дѣло... и онъ закрылся халатомъ.

— Экой ты какой неучъ! Ну разговаривать будемъ, у меня тамъ самоваръ стоитъ...

Видя, что Илья Игнатьичъ не отвѣчаетъ ей, она ушла. Но какъ только она вошла въ пріемную, Глумовъ вскочилъ, вздер-

нулъ сапоги, накинулъ халатъ и пошелъ къ Пелагеѣ Вавиловнѣ. Въ ея комнатѣ въ два окна, убранной просто, дѣйствительно стоялъ на столѣ самоваръ. На блюдѣ лежала сибирская шаньга, разрѣзанная на кусочки.

Выпили по чашечкѣ молча. Оба глядѣли другъ на друга, оба краснѣли; у обоихъ руки тряслись, такъ что плясали чайныя чашки на блюдечкахъ.

— Што же ты молчишь? спросила вдругъ хозяйка Илью Игнатьича.

— А ты што молчишь?

Ильѣ Игнатьичу было неловко. Пелагея Вавиловна была старше его, — любовница прикащика, командовавшая надъ прислугой. Что и какъ говорить съ этой барыней? Если бы она была Аксинья, ту бы можно было ущипнуть, а эту поцробуйка... Илья Игнатьичъ сидѣлъ, какъ на иглокахъ. Онъ не смѣлъ сказать ей любезности

— Што же ты не пьешь? спросила экономка.

— Не хочу.

— Какой ты право вахлакъ... Съ кухаркой и въ карты играешь и разговариваешь...

Илья Игнатьича это взбѣсило и онъ сказалъ ей дерзко: „врешь!“

Дни четыре Илья Игнатьичъ пилъ чай у Пелагеи Вавиловны и каждое утро онъ строилъ планы, какъ бы ему лучше объясниться съ ней, что она красавица, но, встрѣчаясь съ ней, онъ робѣлъ, потому что боялся, а какъ она прикащику скажетъ. Разъ сидѣли они за чаемъ. Глумовъ начинаетъ шалить, т. е. бросаетъ куски сахару въ чашку Пелагеи Вавиловны, та сердиться. Напились чаю; Глумовъ дремлетъ.

— Илья, сказала вдругъ Пелагея Вавиловна.

Глумовъ открылъ глаза и сѣлъ, какъ слѣдуетъ.

— Ты все спишь. Какой ты счастливецъ.

— А што?

Пелагея Вавиловна не отвѣчала, а смотрѣла на Илью Игнатьича; Илья Игнатьичъ смотрѣлъ на нее.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Утромъ Глумовъ рѣшилъ дѣйствовать не по бабѣ, но Пелагея Вавиловна вела себя какъ слѣдуетъ.

Вечеромъ за чаемъ онъ велъ себя свободнѣе и уже обхватилъ Пелагею Вавиловну. Пелагея Вавиловна плакала и говорила:

— Ты не повѣришь, какъ я измучилась.

— Чево тебѣ мучиться-то? ты столько не дѣлаешь, сколько я дѣлаю.

— Эхъ, Илья Игнатьичъ! плохо же ты знаешь... Да и что говорить: ты все спишь. Одинъ Богъ только знаетъ, что я пе-

реношу!.. Даже и во снѣ я вижу все нехорошее... Прежде я пробуждалась такъ легко, безъ заботы, а теперь думаешь, думаешь... Вставать надо, надо будить прикащика, услуживать ему. И кто его знаетъ: можетъ быть, онъ одинъ разъ побьетъ меня или заставитъ дѣлать что нибудь нехорошее..

— Пелагея Вавиловна рыдала, Ильѣ Игнатьичу жалко стало ее, но онъ думалъ, что его жизнь тяжелѣе ея.

— А вотъ ты бы въ рудникъ поработала, какъ я работала... Это что! Тебѣ што? ты барыня...

— Не говори ты этого... я сама думала о томъ, что я глупая. Я думала, што я напрасно мучусь. Вѣдь не одна я попадаю такъ насильно къ такимъ людямъ... вѣдь мы невиноваты; намъ нельзя убѣжать, ты это знаешь. Одно средство—повѣситься.

— Попробуй-ко! нѣтъ я, братъ ни за что не повѣшусь. Я лучше убью, а не повѣшусь, горячился Илья Игнатьичъ, крѣпче обвиняя Пелагею Вавиловну.

— Кабы я была мужчина, такъ я бы и въ рудникъ могла робить, вѣдь и отецъ мой, и дѣдъ мой робили въ рудникахъ и ты тоже робилъ. Только насъ-то не берутъ туда, потому намъ не вынести, сплы у насъ такой нѣтъ. Все это ничего, да...

— Што?

— Иля, голубчикъ... Онъ общалъ жениться на мнѣ.

— Рассказывай сказки-то! Переплетчиковъ не такой дуракъ, штобы на тебѣ женился.

— Я тоже думаю.

Скоро пріѣхалъ прикащикъ и сказалъ Глумову:

— Въ Рождество ты поѣдешь со мной.

А къ рождеству прикащикъ подарилъ Ильѣ Игнатьичу сюртукъ и брюки и далъ денегъ на покупку тулупа.

Въ Рождество Переплетчиковъ разфранченный поѣхалъ къ обѣднѣ въ соборъ. Кучеръ тоже былъ разфранченъ. Илья Игнатьичъ стоялъ назади санокъ. Прикащикъ важно вошелъ въ церковь. Илья Игнатьичъ снялъ съ него шубу, которую положилъ себѣ на плечо, а калоши и шапку держалъ въ рукахъ. Онъ стоялъ около старосты, продававшего свѣчи. Давка въ церкви была страшная, и рабочіе то и дѣло поглядывали на молодого *лакешка* и спрашивали его:

— Што хороша твоя служба?

— Ужь коли человекъ самъ не можетъ съ себя шубы снять, да въ рукахъ шапку держать, хорошей службы у него быть не можетъ

— Ну я бы ни за што не сталъ снимать шубы, да держать ее. Гляди, какова, взопрѣлъ парень-то.

— А ты, глумовская выдра, сколько получаешь за такую службу? спросилъ Илью Игнатьича одинъ рабочій съ усмѣшкой, желая этимъ кольнуть Глумова.

— Што ты присталъ ко мнѣ, чортъ? крикнулъ Илья Игнатьичъ. На него взглядыло человѣкъ пятьдесятъ. Народъ пошевелился; сдѣлалась давка; слышались голоса шопотомъ: кто?

— Не въ отца, братъ, пошелъ,—прикащикъ сука... сказалъ шопотомъ одинъ рабочій.

Пріѣхалъ къ молебну управляющій въ инженерно-горной формѣ. Какъ ни было тѣсно, полицейскіе растолкали народъ на двѣ половины и устроили проходъ для управляющаго, съ котораго снялъ шинель и калоши его лакей въ ливреѣ. Этотъ лакей сталъ около Глумова и важно поглядывалъ на сосѣда и рабочихъ. Онъ принадлежалъ собственно управляющему, который въ числѣ прочихъ ста человѣкъ купилъ его у раззорившагося помѣщика. Однако скоро между двумя лакеями начался разговоръ.

— Ты чей? спросилъ лакей управляющаго Илью Игнатьича.

— Прикащика Переплетчикова, отвѣчалъ грубо Глумовъ, глядя изъ подлобья на лакея управляющаго.

— А! небрежно сказалъ ливрейный лакей.

— Што у управляющаго хорошо жить? спросилъ какой-то рабочій. Лакей промолчалъ; Илья Игнатьичъ повторилъ вопросъ.

— Не чета твоему прикащику. Прикащикъ подначальный моему барину. Мой баринъ съ нимъ все можетъ сдѣлать, говорилъ громко лакей управляющаго. Народъ обернулся и зло поглядѣлъ на лакея въ ливреѣ.

Оба лакея глядѣли въ разныя стороны. Лакей управляющаго глядѣлъ на рабочихъ, а Глумовъ молился.

Немного погода вышелъ Глумовъ на крыльцо, за нимъ вышелъ и лакей управляющаго.

Этотъ лакей очень не понравился Ильѣ Игнатьичу тѣмъ, что онъ вдругъ началъ превозносить управляющаго.

— То ли дѣло мой баринъ! Въ городъ пріѣдетъ, вездѣ почетъ, самъ главный начальникъ пріятель ему и мнѣ тамъ большое обхожденіе... Пьешь, ѣшь, просто чего хочешь. А этихъ дѣвокъ и не говори!.. это што, а вотъ въ самомъ Петербургѣ мой баринъ у министра съ владѣльцами обѣдалъ, а я съ швейцаромъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ, за дочкой его ухаживалъ. Пять тысячъ даютъ, да скверно, что я женатъ... У твоего прикащика сколько слугъ?

— Шестеро, нехотя отвѣчалъ Глумовъ.

— А у моего барина вотъ сколько слугъ: я самый первый и главный и называюсь камердинеромъ, потомъ на женской половинѣ лакей, мальчикъ и горничная, да на мужской лакей; экономка изъ дворянокъ, старушка, потомъ прачка, судомойка, два повара, два кучера, дворникъ, да для дѣтей гувернантка, потомъ есть еще буфетчикъ и швейцаръ. И всѣ мы жалованье получаемъ, живемъ на готовомъ содержаніи съ семействами, такъ

что насъ съ ребятишками всего навсе насчитается до сорока человекъ.

Послѣ обѣдни прикащикъ поѣхалъ къ управляющему. Передъ господскимъ домомъ стояло десятка два санокъ. Кучера — непремѣнные работники, прикомандированные къ разнымъ *господамъ*, или сидѣли въ саняхъ, или стояли кучками и, покуривая табакъ изъ трубокъ и папиросокъ, толковали о своихъ господахъ, о томъ, какой баринъ хорошій человекъ или подлець, о томъ, какъ такая-то лошадь не даетъ себя чистить, запрягаться и т. п. Здѣсь они рѣшали разные вопросы, рассказывали сны, хвастались попойками, ухаживаніями за кухарками и горничными, и узнавали разные новости изъ заводской и городской жизни.

У дверей въ подъездѣ стоялъ швейцаръ, отворявшій посетителямъ двери. Лакеевъ въ приемную не пускали, потому что швейцаръ снималъ съ гостей пальто, шубы и шинели, тотчасъ по входѣ въ приемную, большую теплую комнату съ калоннами и дубовыми скамьями, и вѣшалками. Изъ этой приемной шла во второй этажъ широкая мраморная лѣстница съ колонами, съ ковромъ по срединѣ и цвѣтами по бокамъ.

Илья Игнатьичъ терся около кучеровъ и лакеевъ и въ продолженіи часа со всѣми познакомился. Всѣ они были, что называется, ухорскіе, отчаянные, готовые на всякую гадость, и гордились своими должностями. Они ему не понравились и скоро надѣли насмѣшками, разспросами о прикащикѣ; ругали прикащика, какъ только могли, и относились къ нему съ пренебреженіемъ. Прошло часа три; холодъ и голодъ мучили не одного Илью Игнатьича; стали погавиривать о томъ, что хочется ѣсть, и „чортъ ихъ знаетъ, скоро ли ихъ лѣшій оттуда вытащитъ“, наконецъ стали развѣзжаться: первый уѣхалъ почтмейстеръ безъ лакея, и его за это всѣ кучера осмѣяли.

— Вѣрно не пригласилъ къ обѣду-то!

— Не зашто... Онъ не стоитъ того, кричали кучера.

За почмейстеромъ вышелъ ассесоръ казенной палаты, пріѣхавшій сюда для освидѣтельствованія торговли. Онъ уѣхалъ тоже безъ лакея. Опять заговорила толпа. Лакеи говорили, что онъ хочетъ жениться на дочери повѣреннаго, а кучера, что ему всѣ купцы нерады: придетъ въ лавку, возьметъ дорогую вещь и скажетъ: деньги пришлю. Тѣмъ и кончитъ ревизію.

Уѣхали священники на трехъ санкахъ. Заговорили объ единовѣрческихъ священникахъ.

— Теперь што будетъ у него?

— Обѣдъ; то закуска была.

А — А обѣдать кто будетъ?

— Кто? разумѣется, прикащикъ, повѣренный, исправникъ, горный начальникъ, пвженеры, да мало ли кто?

— Этакъ, братцы, до вечера приходится...

— Штобъ ихъ всѣхъ разорвало тамъ!

Какъ ни старались кучера и лакеи развлечься сужденіями про начальниковъ, насмѣшками другъ надъ другомъ, пздѣваньями надъ проходящими мимо ихъ, которые говорили имъ одно: „погодите тутъ, а мы ужъ пообѣдали и выпались“; однако голодъ мучилъ всѣхъ. Всѣмъ стало обидно: рабочіе уже пообѣдали, а они толкуются на улицѣ, дожидаясь господъ, а уѣхать по домамъ нельзя. Больше всѣхъ запечалился Илья Игнатьичъ. Прежде въ этотъ день онъ хорошо наѣдался, игралъ и былъ очень веселъ. Никто его никакъ не могъ заставить что нибудь дѣлать или оторвать отъ игры. Жалко ему сдѣлалось прежнихъ дней; припомнилось много худого и хорошаго, припомнилась ему сестра, особенно нравившаяся ему въ этотъ день, когда она играла съ нимъ и съ сосѣдними ребятишками въ жмурки и т. п. игры. Такъ грустно сдѣлалось ему, что онъ заплакалъ, но плакалъ недолго и незамѣтно, ругая прикащика, какъ только умѣлъ.

Кучера и лакеи часто уходили во дворъ и выходили оттуда чрезъ четверть часа съ раскуренными трубками. Пошелъ и Глумовъ во дворъ. Тамъ на право въ домъ было два хода одинъ въ покои управляющаго, называемый чернымъ, а другой въ кухню. Въ эту-то кухню и ходили раскуривать трубки лакеи и кучера. Но надо сказать правду, раскуриваніе трубокъ было только предлогомъ войти въ кухню: имъ хотѣлось узнать, что дѣлаютъ ихъ господа, хотѣлось погрѣться и понюхать хотя ароматъ отъ кушаній, которыми управляющій угощалъ своихъ гостей.

Два повара—одинъ высокій и тонкій, другой низенькій, толстенный, съ краснымъ лицомъ, съ котораго катилъ градомъ потъ, суетились около печи, два лакея бѣгали съ тарелками, двѣ женщины мыли посуду—и всѣ они ругались между собой, торопились; посуда звенѣла, плита шипѣла; въ кухнѣ было темно отъ пару, не смотря даже на то, что были отворены двери. Изъ комнаты глухо слышалась музыка.

У стола въ переднемъ углу обѣдали и пили водку кучеръ и лакей горнаго начальника, которые жили въ домъ управляющаго. Они важно глядѣли на заводскихъ кучеровъ и лакеевъ и на ихніе вопросы отвѣчали нехотя. Поварамъ, лакеямъ и судомойкамъ не нравилось, что заводскіе кучера и лакеи толкуются въ кухнѣ, и они кричали:

— Пошли вонъ! весь полъ изгадили своими лапщами.

— Ничего... мы только закуримъ.

— А што скоро? спрашивалъ какой нибудь кучеръ.

— Што скоро?

— Отобѣдаютъ?

— Только второе блюдо, еще шесть осталось.

— Да што они—по часу одно блюдо вдятъ?...

— Пошли, вамъ говорить!.. Не видите што ли, генеральскіе объѣдаютъ. Куда вы съ вашимъ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ, говорили лакеи управляющаго. Половина кучеровъ на свои деньги сходила въ кабакъ и, выпивъ по косушкѣ, закусила рѣдкой и калачама; другая половина отъ нечего дѣлать боролась. Часовъ въ шесть гости стали развѣзжаться. Послѣдній вышелъ прикащикъ.

Когда Глумовъ сталъ раздѣвать прикащика, тотъ сказалъ ему: — А вѣтъ-ли у тебя на примѣтѣ какого нибудь мальчишки этакъ лѣтъ восьми.

— Есть—дяди Глумова сынъ, ему будетъ семь лѣтъ.

— Ну и хорошо. Завтра я уѣзжаю въ городъ одинъ, и ты можешь гулять эти три дня и приведешь ко мнѣ мальчишку. Какъ его звать?

— Колькой.

— Пошли сюда Палашку. Скажи мнѣ откровенно: Палашка таскается съ кѣмъ?

— Нѣтъ. Она все плачетъ.

— Свинья... пошелъ вонъ!

XXIV.

Рано утромъ прикащикъ, запечатавъ свой кабинетъ, уѣхалъ. Его провожала вся прислуга.

— Вотъ и уѣхалъ красное солнышко. Гуляемъ Илья Игнатьичъ, говорила, улыбаясь, Пелагея Вавиловна.

— Ты пойдешь куда?

— Некуда мнѣ идти. Я съ тобой хочу гулять. Мы сострапемъ хорошія кушанья, прислугу созовемъ, плясать будемъ. Я хочу угостить ихъ, чтобы они не ворчали на меня.

— А я напьюсь, ей Богу напьюсь!.. Пойду гулять по заводу.

— Дуракъ!.. Што за удовольствіе пить водку?.. Надо, чтобы, весело было.

— Не хочу я сидѣть въ комнатахъ, я гулять хочу.

— Счастливымъ ты, право... а мнѣ и выйти некуда.

Илья Игнатьичъ пошелъ на рынокъ. Ему хотѣлось купить шейный платокъ такой, чтобы вся прикащикья дворня дивилась, но онъ, пересмотрѣвши въ десяти лавкахъ сто платковъ, выбралъ только одинъ съ рисункомъ, изображающимъ лѣсъ, озеро и лодку, плывущую по озеру. Въ этой лодкѣ сидятъ трое: на кормѣ молодой человекъ въ халатѣ; посреди лодки, лицомъ къ молодому человеку сидитъ дѣвушка безъ платка на шеѣ, а въ гребняхъ сидитъ въ шляпѣ, похожей на горшокъ, пожилой мужчина. Эта картинка ему очень понравилась, и онъ, идя изъ лавки, долго глядѣлъ на платокъ, разсуждая: „это Переплетчи-

ковъ. Такъ ему и надо, гребни, гребни крѣпче... это Пелагея, а это я. А озеро это наше. А вотъ завода-то и нѣтъ.“ И онъ воротился въ лавку.

— Ну што? спросилъ его прикащикъ.

— Да на платкѣ картинка чудесная, одного нѣтъ; нашего завода нѣтъ, нѣтъ ли у тѣ такихъ, штобы и заводъ тутъ нашъ былъ нарисованъ.

— Да ты изъ какихъ? огрѣлъ его торгашъ, расхохотавшись во всю глотку.

— Давай мнѣ картинку съ прудомъ, закричалъ Глумовъ.

— Экая прыть у лакеишки... пошелъ знай! такихъ картинъ еще на фабрикѣ не заводилось.

Илья Игнатьичъ снова исходилъ разныя лавки, но его уже гнать стали, потому что онъ въ одну и ту же лавку заходилъ раза по три. Платокъ этотъ ему такъ понравился, что онъ ни за что его не промѣнялъ бы ни на какіе платки въ мірѣ. Потомъ Илья Глумовъ ходилъ около магазиновъ съ золотыми и серебряными вещами, разной посудой и думалъ про себя: „дрянь все! и деньги были бы, не купилъ бы. А если бы я былъ богатъ, какъ прикащикъ, построилъ бы я около пруда домъ, купилъ бы лодку, сани и лошадь. Лѣтомъ бы сталъ рыбачить, а зимой кататься по заводу.“

При этомъ ему вдругъ пришла въ голову мысль идти къ Корчагину, узнать о сестрѣ, но онъ не зналъ, гдѣ онъ теперь живетъ послѣ пожара, бывшаго въ старой слободѣ. Онъ зашелъ въ первый попавшійся ему кабакъ, подъ названіемъ „Лапоть“, извѣстнѣйшій въ заводѣ по разгуду рабочихъ.

Кабакъ для Ильи Глумова не былъ новостью. Покойный отецъ его часто посылалъ за водкой въ кабакъ, посылали его и сосѣди отца. Дорогой онъ надпивалъ водки и приходилъ домой съ посоловѣвшими глазами. Когда послѣ смерти отца, онъ работалъ на фабрикѣ, то ему часто приходилось бывать съ рабочими въ кабакахъ; рабочіе угощали его и другихъ подростковъ на свой счетъ, случалось, и Илья Игнатьичъ угощалъ рабочихъ, если ему удавалось утянуть отъ дяди или Дарьи Власьевны десять коп. Пилъ онъ просто для веселья. Кабакъ былъ половъ набитъ рабочими, такъ что до сидѣльца съ трудомъ можно было пробраться. Одни рабочіе орали пѣсни, наигрывая на гармоникахъ и притопывая ногами; другіе кричали громко, потому что нужно было кричать, иначе сосѣдъ сосѣда не услышитъ; третьи сидѣли уже пьяные. Было тутъ трое подростковъ, которые, сидя въ разныхъ мѣстахъ, звонко голосили. Отъ табачнаго дыму сразу начинала болѣть голова, но у Ильи Игнатьича голова не забаливала, только винный и табачный запахъ казались ему весьма противными.

Одинъ изъ посѣтителей, менѣе другихъ занятый разговорами, дернулъ Илью Игнатьича за рукавъ и крикнулъ:

— Ты што? Братцы, глядите!.

Человѣкъ пять поглядѣли на Илью Игнатьича.

— Ильва Глумовъ?!

— Прикащичій лакей!

— Подслушникъ!

— Бей его робя?! Што вы тутъ не примѣчаете?.. онъ цѣлый часъ съ нами терся *тресья вешная!*

Илья Игнатьичъ притворился пьянымъ.

— Ахъ штобъ васъ!.. прикащикъ, штобъ ему околѣтъ совѣмъ, уѣхалъ... Вина!.. кричалъ во все горло Глумовъ.

Въ это время кто-то ударилъ его въ спину.

— Што ты дерешься! за што ты меня бьешь, будь ты прокляты? Што я тебѣ сдѣлалъ?

— Я тебя бью!.. Бьетъ тебя Гришка Палицынъ за то, што ты за одно съ палицей!..

— Братцы пустите... Угощу! Всѣхъ угощу, кричалъ Илья Игнатьичъ; что есть мочи.

Рабочіе захохотали.

— Чево вы орете, черти! Вру я што ли? Я, вотъ сквозь землю провалиться, укралъ два цѣлковыхъ и кучу...

— Давай штофъ! крикнулъ онъ сидѣльцу.

— Глядите, парень-то?! Точь въ точъ Игнатко Глумовъ, дай Богъ царство небесное...

— Да тебя развѣ прогналъ Фомка-то?

— Боекъ, коли воровать у прикащика умѣеть...

— Пейте! кричалъ Илья Игнатьичъ.

Рабочіе хохотали, хлопали ладонями по спинѣ Илью Игнатьича и кричали:

— Молодецъ, Илюха! Ну-ко самъ, самъ!! Глядите! весь стаканъ сразу выпилъ... Ахъ чортъ!

Илья Игнатьичъ молодецки выпилъ стаканъ, покраснѣлъ и еще надилъ стаканъ.

Рабочіе загалдили. Одни говорили объ Игнатіѣ Петровичѣ, другіе ругали Тимофея Глумова, скрывшагося куда-то изъ завода. Потомъ около Ильи Игнатьича образовался кружекъ изъ двѣнадцати рабочихъ, которые спрашивали его о прикащикѣ и о такихъ вещахъ, о чемъ ему и не въ домекъ было послушать. Илья Игнатьичъ бойко отвѣчалъ на всѣ вопросы: что самъ зналъ, что подслушалъ, гдѣ просто на просто, по привычкѣ русскаго человѣка, вралъ.

— А про волю не слыхалъ?

— Будетъ, говоритъ прикащикъ.

Рабочіе опять загалдили, а одинъ, наставя кулакъ надъ головою Ильи Игнатьича, крикнулъ:

— Ежели ты еще што про волю скажешь — покойникъ будешь!.. Потому вы заодно съ прикащикомъ насъ мучите, штобъ вамъ околѣтъ...

Немного погода, кто-то запѣлъ:

Мое-тъ миленькій да дружокъ,
Онъ да уѣхалъ
Въ славный Питеръ городокъ и т. д.

Человѣкъ пятнадцать пѣли вдругъ, присоединился къ нимъ и молодой Глумовъ. Голосъ его сильнѣе звучалъ прочихъ.

— А ну ее къ черту, эту пѣсню! Плясать хочу! Ситниковъ, играй „во саду ли, въ огородѣ“, кричалъ Илья Игнатьичъ.

— Аты што за командиръ?

— Ты што за укащикъ? Али лобъ у тѣ чешется?..

— Играй „сѣни!“

Скоро заиграли въ четыре гармоникки „сѣни“ и вся публика толкалась въ тѣсной комнаткѣ. Отъ выдѣлыванія колѣнами и локтями разныхъ штукъ многимъ пришлось не понутру. Штофъ распили скоро, кто-то взялъ полуштофъ и попотчивалъ Илью Игнатьича. Онъ хотя уже и былъ пьянъ, но выпилъ еще стаканъ.

— Братцы, кто видѣлъ Корчагина, мастера? спросилъ Илья Игнатьичъ.

— Корчагинъ ужъ не мастеръ, а куренной рабочій.

Это удивило Илью Игнатьича, но скоро одинъ рабочій крикнулъ:

— Корчагинъ!

— Ась! откликнулся голосъ Корчагина.

Илью Игнатьича провели къ Корчагину. Онъ, сидя у стола, дремалъ и ворчалъ:

— Всѣ мошенники! и Тимошка Глумовъ мошенникъ!

Въ это время онъ увидалъ Илью Игнатьича и, не узнавши его въ нарядѣ писца, сказалъ:

— Ты што, червильная пивка?

— А то; куда ты мою сестру дѣвалъ? крикнулъ Илья Игнатьичъ.

— Какую твою сестру?

— Забылъ! ты думаешь, я ничего не знаю. А зачѣмъ ты отъ меня спрятался?

— Да ты-то што за птица?

— Я Илья Глумовъ. Говори: гдѣ моя сестра, Прасковья?

Корчагинъ былъ въ замѣшательствѣ, а Илья Игнатьичъ вцѣпился ему въ волоса. Корчагинъ оттолкнулъ его такъ, что онъ расшибъ себѣ носъ; но опять вцѣпился въ Корчагина; однако ихъ розняли и поднесли обоимъ по рюмкѣ водки.

— Не хочу я съ нимъ съ подлецомъ, пить. Онъ мою сестру увезъ.

— Дуракъ ты и больше ничего. Ты мнѣ обиду большую сдѣлалъ.

Илья Игнатьичъ опять хотѣлъ вцѣпиться въ Корчагина, но его удержали, говоря:

— Ты не дури! Ты знай, што мы за него все вступимся, а за тебя — никто.

— А разъ мнѣ не жалко сестры?

Рабочіе захохотали.

— Скажите, — какой онъ въ хмѣлю жалостливый.

— Твой отецъ не былъ жалостливый во хмѣлю, а у тебя, Илья, вѣрно бабье нутро?

— Нѣтъ, брацы, Илька правъ: Илька сестру спрашиваетъ крикнулъ кто-то.

— Братцы виноватъ ли я, што увезъ ее въ городъ. Сами знаете, ей не житье бы здѣсь... говорилъ Корчагинъ.

— Вѣрно!

— Што Корчагинъ скажетъ — пиши-подписывай: „быть по сему“.

— А ты, Илюха, не ернись... Твою сестру прикащикъ хотѣлъ въ любовницы взять, а я не хотѣлъ этого. Взялъ да и увезъ въ городъ и къ мѣсту пристроилъ.

— Хора! Хора! Ай-да Корчагинъ!

Илья Игнатьичъ почувствовалъ уваженіе къ Корчагину.

— Я далъ слово жениться на ней и женюсь.

— Хора! хора!.. Водки! Рубаху съ себя сниму, а попотчую Корчагина, кричалъ одинъ рабочій. Все посѣтители „Лаптя“, въ томъ числѣ и постоянно приходящіе, узнавъ въ чемъ дѣло, были въ такомъ настроеніи, что готовы были, Богъ знаетъ, что сдѣлать такое хорошее Корчагину; каждый кричалъ, ругалъ другихъ; попрекамъ, кажется, не было бы конца, но тѣмъ и кончилось дѣло, потому что въ одномъ углу двое заплѣли и загнушили своими пѣснями кричащихъ, въ другомъ углу двое дрались. Черезъ четверть часа спокойствіе водворилось; изъ гостей одни разсуждали о недодачѣ денегъ заводоуправленіемъ, недодачѣ провіанта и дровъ, а другіе плясали, третьи такъ себѣ сидѣли,

Илья Игнатьичъ сидѣлъ рядомъ съ Корчагинымъ за одной стороною большаго стола, за другими сторонами стола сидѣли по два рабочихъ, и каждая пара разговаривала между собою, не мѣшая другимъ парамъ. Каждая пара были друзья, еще не совсемъ знакомые съ другими парами, потому что нѣкоторые изъ нихъ были присланы въ таракановскій заводъ изъ другихъ сосѣднихъ заводовъ.

Корчагинъ говорилъ Ильѣ Игнатьичу:

— Ты еще молодъ и мало испыталъ горя...

— А разъ я не поззаль съ тачкой въ шахтѣ? Што ты хвастаешься-то.

— Не горячись, Илья Игнатьичъ. То, что ты перенесъ, еще цвѣточки. А вотъ ты съ мое поживи. Я еще молодъ, а смотри,

какой я сухой. А отъ чего все это произошло? Я петерь пьянъ и потому не умѣю тебѣ сказать толкомъ, отъ чего я такой сдѣлался...

— Ты мастеръ былъ первый во всемъ заводѣ.

— Былъ. А теперь куренной рабочій.—А ты думаешь, легко мнѣ досталось мастерство? Эхъ ма, да не дома! Я одинъ бился, какъ рыба объ ледъ. Мнѣ никто не помогалъ, я самъ десять лѣтъ учился, десять лѣтъ инструменты приобрѣталъ. Потомъ я скопилъ капиталъ, надѣялся, Богъ знаетъ, на что... надѣялся завестись своимъ хозяйствомъ, женой, для того чтобы мнѣ было утѣшеніе, развлеченіе, было съ кѣмъ слово молвить... Да подвернулась мнѣ въ это время твоя сестра... Чего про нее не говорили люди!..

Корчагинъ тяжело вздохнулъ, прослезился и выпилъ стаканъ водки.

— Такъ-то, душа моя!.. Я ужъ тебѣ говорилъ, что ей нельзя было жить здѣсь, и я свезъ ее въ городъ. И теперь не знаю, что съ ней дѣлается... Пріѣзжаю я сюда... домъ сгорѣлъ, моя сестра гуляетъ... А тутъ и говорить не стоитъ... А тутъ меня и въ куренные рабочіе стурили... Ловко это?

— Штожъ ты думаешь теперь?

— Да што думать? Нашему брату только нужно съ панталыку сбиться, а тутъ и пиши — пропало. Когда я теперь поправлюсь?.. Вотъ и и пью съ горя. И глупо я дѣлаю, ей Богу! и Прасковья меня мучить, потому я не знаю, жива она или нѣтъ, и положеніе мое меня мучить, а все-таки глупо я дѣлаю... А что-жъ мнѣ дѣлать, будьте вы прокляты всѣ! Ну, скажите, што мнѣ дѣлать? Если я задавлюсь, вы скажете: я дуракъ, и бросите меня, какъ собаку... Вѣжать надо въ городъ, въ работники надо идти, вотъ одно спасенье!.. А какъ убѣжишь? Да и не обидно развѣ мнѣ, што я столь безпокоился? Ужъ мнѣ не прожить столько, сколько я прожилъ: прожитые года были хоть и тяжелы, за то я надѣялся, а теперь опять нужно съизнова начинать.

— Это вѣрно, сказалъ одинъ рабочій, слушавшій молча Корчагина, за нимъ подтвердили и другіе, сдѣвшіе за однимъ столомъ съ Корчагинымъ. Илья Игнатьичъ уже спалъ.

Былъ уже часъ одинадцатый вечера. Посѣтителей становилось больше и больше. Тѣхъ посѣтителей, которые были при приходѣ Глумова; въ „Лапть“ давно уже не было. Съ тѣхъ поръ посѣтителей перебивало много со всѣхъ улицъ завода. Тутъ были и пріѣзжіе изъ другихъ заводовъ и рудниковъ, особенно петровскаго, куда къ Рождеству приговялись люди изъ дальнихъ заводовъ, и эти люди не могли встрѣтить праздникъ дома, потому что они работали на рудникѣ въ первый день Рождества и на третій день должны быть на рудникѣ.

Корчагинъ чувствовалъ, что онъ пьянъ и хочетъ спать, но вставать съ скамейки не хотѣлось, хотѣлось еще послушать рабочихъ, потолковать съ ними. Вдругъ входитъ въ кабакъ его сестра Варвара въ оборванной шубейкѣ и съ шалью зеленого цвѣта на головѣ, а за ней еще какая-то женщина въ одномъ сарафанѣ, съ непокрытой головой, — обѣ пьяныя. На шали Варвары, на волосахъ другой женщины, на плечахъ и спинахъ обѣихъ лежалъ снѣгъ; на пришедшихъ за ними рабочихъ тоже снѣгъ — значить, идетъ снѣгъ.

— Варвара! А штобъ тѣ розорвало, кричатъ рабочіе.

— Угостите водочкой, и Варвара запѣла какую-то пѣсню, начала притопывать лѣвой ногой.

Ее обнялъ какой-то черноволосый рабочій, утащилъ въ уголъ; другую женщину никто не бралъ.

Корчагинъ поднялся съ мѣста, надѣлъ фуражку и, растолкавъ Илью Игнатьича, сказалъ ему:

— Пойдемъ.

— Я... спать... Я гуляю.

Корчагинъ взялъ подъ мышки его голову и потащилъ вонъ изъ кабака. Ему дали дорогу.

— Видѣлъ? спросилъ его одинъ рабочій.

— Што же такое? дуру не образумишь.

— Такъ оно... самъ испортилъ.

Корчагинъ утащилъ Глумова въ свою квартиру, находящуюся въ домѣ казака Занадворова.

Корчагинъ хотя и всталъ поздно, а именно, когда уже широко разсвѣло и не нужно было зажигать лучину или свѣчку, однако всталъ раньше Глумова. Глумовъ пробудился тогда, когда уже отзвонили къ обѣднѣ; въ это время Корчагинъ обдѣлывалъ садокъ для птицъ. Кровати у него въ избѣ не было, а изба его украшалась простымъ столомъ, небольшою скамейкой, стуломъ для гостей, сдѣланнымъ самимъ Корчагинымъ, и чурбаномъ, на которомъ сидѣлъ самъ Корчагинъ. На одной стѣнѣ висѣлъ зипунъ; съ полатей свѣсилась одна штанина, да виднѣлась пила. Недалеко отъ зипуна въ стѣну были заткнуты два небольшихъ ножа, подпилокъ и долото, около печки лежало нѣсколько полѣнцевъ и топоръ. Въ переднемъ углу висѣлъ небольшой мѣдный крестъ или распятіе.

Илья Игнатьичъ, лежа на полу, долго глядѣлъ на Корчагина, удивляясь его ловкости всовывать палочки въ перекладники, но ему хотѣлось лежать: голова болѣла, онъ не могъ встать.

— Ты чево... кому это? спросилъ онъ Корчагина.

— Да такъ... На базаръ снесу, можетъ купить.

— А ты бы другое што...

— Што я стану дѣлать-то? Смотри вотъ все украшеніе, даже самыхъ главныхъ инструментовъ нѣту. А покупать—не скоро купишь, потому капиталовъ нѣту. Опять и робить некогда,..

— Плохо.

— Плохо, Илья Игнатьичъ, больно плохо. Горе беретъ, такъ, что и не знаешь, что бы надъ собой сдѣлать. Водки выпьешь еще того хуже, дѣлать не хочется, денегъ жалко, а поправиться нѣту силъ...

— Ну я, братъ, погулялъ таки вчера. Никогда такъ не гуливалъ... Въ чемъ это я сюртукъ-то вывалялъ?

— Больно, братъ, ты пьянъ былъ... Не годится такъ пить, потому, разъ здоровье свое испортишь, а другой—у тебя еще не такое большое горе: ты еще жить начинаешь.

— Нѣтъ, я, Корчагинъ, гулять хочу. Деньги есть!.. Недостаюетъ—тулушишко пропью.

— А какъ ты съ прикащикомъ-то будешь ѣздить?

— Наплевалъ бы я на него. Што я свинья што-ли какая? и такъ всѣ сухой меня называютъ... Корчагинъ! давай стряпать пирожки съ говядиной... Право. А?

— Ошутилъ! ха, ха! Ежели бы и былъ семейный человекъ—такъ, а то у меня всего одна деревянная чашка, да ложка, да и тѣ гдѣ-то на печкѣ валяются.

— Ну, ко мнѣ пойдешь.

— Не пойду.

— Пойдемъ, сказано—гуляю! Угошу! У насъ поди тоже гуляютъ. Вася, пойдешь...

— Нѣтъ, мнѣ нельзя, у меня дѣло есть, а завтра надо на работу идти.

Сколько Илья Игнатьичъ не уговаривалъ Корчагина идти къ нему въ гости, Корчагинъ не пошелъ. Глумовъ обругалъ его и направился домой.

Дорогой до своей квартиры или до господскаго дома, онъ еще зашелъ въ кабакъ и пришелъ домой безъ тулупа, вовсѣмъ пьяный.

— Гдѣ у тебя тулупъ-то? спросилъ его дворникъ.

— Прошилъ, и сюртукъ пропью... Все пропью! говорилъ Илья Игнатьичъ, хохоча и махая руками.

У переплетчиковской прислуги были гости, но онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и, кое-какъ взобравшись на палату, уснулъ подъ пляску и пѣсни гостей. Оставался еще одинъ день гулять Ильѣ Игнатьичу, но ему было не до гулянья. Когда онъ проснулся, ему стыдно стало передъ прислугой и передъ самимъ собой. Мысль, какъ онъ покажется передъ свѣтлые очи прикащика, ужасала его, и онъ думалъ, что хорошо, если онъ отдѣляется одной поркой, а если онъ прогнать его? куда тогда пристроится Илья Игнатьичъ?.. Носъ бо-

лить, на немъ не то шишка, не то засохло что-то, сюртукъ и брюки замараны, разорваны; полушубка нѣтъ. „Вѣдь и носъ не заживетъ до завтра?“ думалъ онъ.

— И не стыдно тебѣ такъ напиваться, мальчишка ты этакой, грызла его Прасковья, у которой впрочемъ былъ надъ лѣвымъ глазомъ большой синякъ, неизбѣжный послѣ вечеровъ.

— Погоди ты, страмецъ, скажу я прикащику... Онъ тѣ! Куда ты тулупяшко дѣлъ! ворчалъ дворникъ.

— Онъ его продалъ, должно быть. Ну какъ не драть ихъ шельмецовъ, поддакивалъ садовникъ.

Ильѣ Игнатьичу тошно было слышать всѣ эти слова.

И началъ Илья приводить себя и свой носъ въ порядокъ, но до порядка еще было далеко. Пелагея Вавиловна почивила ему одешонку и онъ весь день сидѣлъ съ ней, играя въ карты, причемъ вмѣсто того, чтобы бить Илью Игнатьича по носу, Пелагея Вавиловна щелкала его по лбу пальцами, отъ чего къ вечеру у него на лбу вскочилъ порядочный волдырь.

Вечеромъ они пили чай вмѣстѣ. Пелагея Вавиловна достала изъ кладовой для Ильи Игнатьича бутылку рому, а для себя бутылку хересу, сказавъ при этомъ: „гуляемъ! Хоть безъ него-то погулять.“

Толковали они о пустягахъ, потомъ опьянѣли, развеселились. Илья Игнатьичъ сталъ ее щипать за бока, она колотила его кулакомъ по плечу. Эта игра такъ понравилась имъ, что они стали играть въ ладошки, т. е. щолкать руками другъ друга. Потомъ Илья Игнатьичъ обнялъ Пелагею. Она не препятствовала и только сказала дрожащимъ голосомъ:

— Ты што—второй прикащикъ што-ли?

— Ну его! А вотъ, Пелагея, какой платокъ я купилъ—предестъ.

Сталъ онъ искать платокъ и внигдѣ не нашелъ платка. Это горе проняло его до слезъ, вся веселость пропала, но Пелагея скоро развеселила его, и оба они неволью дошли до того, что стали цѣловаться, а потомъ вмѣстѣ легли спать.

Напрасно ждали на другой день прикащика. Онъ не приѣзжалъ цѣлую недѣлю, и во все это время прислуга сидѣла дома, не смѣя никуда отлучиться. За то когда онъ приѣхалъ, то былъ ужасно сердитъ, но ничего не замѣтилъ Ильѣ Игнатьичу на счетъ его подбитаго носа.

— Онъ о чемъ-то думаетъ. Какъ не погляжу, сидитъ съ перомъ и думаетъ, лежитъ и думаетъ, говорила Ильѣ Игнатьичу Пелагея Вавиловна.

— Поди, подѣ судъ попалъ, замѣтилъ Глумовъ.

— А хорошо бы, еслибъ онъ насъ прогналъ. Мы бы повѣнчались и въ городъ поѣхали. Я бы бѣлье стала стирать, а ты бы въ лакеи пошелъ.

— Гляди, онъ женится на тебѣ, смѣясь говорилъ Глумовъ.

Черезъ недѣлю по прїѣздѣ, прикащикъ взялъ съ собой Илью Игнатьича и спросилъ его:

— А тулупъ гдѣ?

— Меня рабочіе избили на пруду; говорятъ, лакей прикащика; стали бить, я вырвался и тулупъ оставилъ.

— Ну такъ и ходи въ сюртучишкѣ!

А вечеромъ того же дня прикащикъ спросилъ Илью Игнатьича:

— Што-жъ, гдѣ мальчишка?

— Кузнецъ Саватѣевъ не пускаетъ его; говоритъ, пусть уплатятъ мнѣ двадцать пять рублей за обученіе.

— Хорошо!

Черезъ часъ послана была съ Ильей Игнатьичемъ къ исправнику записка такого содержанія:

— „Покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе наказать не-премѣннаго работника таракановскаго завода Ивана Саватѣева за ослушаніе и неявку на работы двадцатью пятью розгами и выслать его на петровскій рудникъ.“

На другой день Колька Глумовъ былъ уже на кухнѣ прикащика.

Переплетчикову вздумалось имѣть казачка, для того чтобы удивить управляющаго, и онъ дѣйствительно удивилъ его.

Около крещенья у Переплетчикова былъ балъ, на который были приглашены всѣ сановитые особы завода, въ томъ числѣ и управляющій съ семействомъ. Послѣ танцевъ стали уживаться. Прислуживали только Пелагея, Илья и Николай Глумовъ, который былъ одѣтъ въ красную рубаху, подпоясанную ремешкомъ съ мѣдной застѣжкой, и въ плисовые штаны, засунутые за сапоги. Гости обращались съ прикащикомъ фамилиарно, и только къ одному управляющему относились съ подобострастіемъ и уваженіемъ.

— Послушай, Переплетчиковъ, неужели у тебя только прислуги? спросилъ управляющій.

— Моя прислуга расторопная.

— А это что, любовница твоя?

— Такъ по малости... А вы поглядите на этого мальчику— это казачекъ.

— Казачекъ! Ахъ ты плутъ! Я только-что хотѣлъ казачка завести... Что же онъ у тебя дѣлаетъ?

— Все дѣлаетъ. Колька, пляши.

Колька сталъ плясать и пыхтѣть: потъ съ него такъ и лилъ; гости хохотали.

— Молодецъ! сказалъ управляющій.

— Пой! про волю—пой... Какъ ее: „ужъ ты горе мое“...

Колька пропѣлъ. Управляющій остался недоволенъ.

— Откуда ты эту пѣсню выучилъ?

— Робята поютъ.

Кувыркайся, шельма ты адская! сказалъ прикащикъ, и казачекъ сталъ кувыркаться. Это кувырканье опять размѣшило гостей, только нелегко доставалось Колькѣ. Колька былъ еще малъ, онъ никогда не былъ въ хорошихъ домахъ, не видалъ такого собранія: на него стоило только крикнуть, и онъ готовъ былъ голову сломать, чтобы угодить начальству.

Весь ужинъ Колька проплясалъ, прокривлялся и пропѣлъ.

— Молодецъ мальчишка! подойди! возьми косточку, сказалъ управляющій. Колька взялъ косточку и не зналъ, что дѣлать съ ней. Будь на ней мясо—онъ бы не задумался.

— Грызи.

— Я не собака... сказалъ Колька и куксилъ глаза.

— Тебѣ приказываютъ! крикнулъ прикащикъ.

Колька сталъ грызть, но зубы не брали. Гости хохочутъ.

— Шельма этотъ Переплечиковъ... Я тобой недоволенъ, проговорилъ управляющій прикащику.

— Отъ чего?

— Отъ того, что я не имѣю казачка, и никто кромѣ меня не смѣетъ имѣть казачка, горячо сказалъ управляющій.

— А почему такъ?

— Потому что я здѣсь глава.

Однако, эта вспышка заглушилась скоро тостами за управляющаго, и онъ сталъ просить Переплетчикова подарить ему казачка.

— Не мой, онъ—господскій.

— Я могу сдѣлать, что онъ будетъ мой.

— А я не продамъ, да и воля скоро будетъ.

— Когда еще будетъ! Послушай, я могу всю твою прислугу отобрать отъ тебя.

— Покуда я прикащикъ, никто у меня прислуги не отыметъ, а съ этой должности вы меня не имѣете права смѣстить.

— Имѣю.

— А должокъ-то двадцать-то тысячъ?

— Возьми вексель.

— Нѣтъ-съ! что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.

— Подлецъ! вотъ судьба навалила мнѣ чорта на шею!..

Такъ Колька и остался у прикащика казачкомъ. Должность его состояла въ томъ, что онъ долженъ былъ спать въ дверяхъ спальни Переплетчикова, подавать ему то, что Переплетчикову было лѣнь поднять, подавать ему спички, сигары, трубку, разносить чай гостямъ. Но кромѣ этого у него много было дѣла: Илья Игнатьичъ заставлялъ его чистить сапоги, подсвѣчники и т. п., прислуга заставляла чистить посуду, Пелагея Вавиловна мыть чашки. Колька все дѣлалъ безропотно. У него еще много оставалось свободнаго времени. Разъ онъ какъ-то

прибѣжалъ къ прикащику въ кабинетъ на его зовъ. Лицо его было грязное, въ слезахъ.

— Отъ чего ты такой чупарый?

— Панкратъ пьяный дерется. Настьку всю избилъ; меня избилъ... Я говорю, скажу молъ прикащику, што лошадь храмлетъ,—онъ какъ...

— Што? какая лошадь?

— Сегодня говорили, куриць собака съѣла. Пелагея ругалась сколько... Ключъ, говарятъ, потеряли.

Прикащикъ позвалъ Пелагею Вавиловну, распекъ ее и отправился самъ въ кухню, въ которой онъ не бывалъ пять лѣтъ. Въ кухнѣ выла Настасья, кучера не было, дворникъ и садовникъ были пьяные. Прикащикъ позвалъ ихъ идти по кладовымъ, каретникамъ и сараямъ. У прикащика было три лошади и четыре коровы; оказалось только двѣ лошади и двѣ коровы.

Прикащикъ промолчалъ. А на другой день всю кухонную прислугу потребовали въ полицію, наказали розгами, и на мѣсто ея явилась новая. Всѣ вещи прежней прислуги и деньги ихъ прикащикъ велѣлъ раздѣлить Пелагеѣ и Ильѣ Игнатьичу, которому внизу была отведена одна пустая комната.

Къ масляницѣ Илья Игнатьичъ ходилъ щеголемъ и обзавелся друзьями между лакеями, которые ходили къ нему въ гости, и къ которымъ онъ самъ ходилъ.

XXV.

Великимъ постомъ, въ воскресенье Василій Васильевичъ Корчагинъ былъ дома и чпнилъ почтмейстерскую шкатулку. Ему хотѣлось кончить работу скорѣе, а такъ какъ работа подходила къ концу, то онъ и не обѣдалъ до окончанія ея. Часу къ четвертому шкатулка была поправлена совсѣмъ. И хотя въ это время дни уже длинные, но день выдался пасмурный и снѣжный, отъ чего въ избѣ Корчагина было темновато. Корчагинъ пообѣдалъ, т. е. съѣлъ два ломтя черного хлѣба, да похлебаль соленой капустки съ солеными огурцами и картофелемъ. Онъ не торопился ѣсть, а съ умилениемъ поглядывалъ на шкатулку.

— Слава Богу, говорилъ онъ вслухъ, кончилъ. Полтинникъ получу и то ладно... Кабы прежняя пора, я бы за эту работу меньше двухъ цѣлковыхъ не взялъ... право... ну да наплевать! Одно горе—долговъ пропасть. Вотъ теперь получу я полтинникъ, ну што я изъ него сдѣлаю. Хоть я вещей и не закладывалъ, потому не гуляю, какъ товарищи, а все-таки долговъ много. и деньги взяты на-слово. Какъ бы это расплатиться-то: Маремьянъ нужно непременно бы отдать четвертакъ, чтобы

совѣмъ совѣсть очистить, а то шутка съ покрова дожидается, и дѣло-то ея больно некорыстное (т. е. бѣдное). Емельянову вонь полтора цѣлковыхъ долженъ,—и тому давно пора возвратить—эко горе мое горькое! Потомъ онъ легъ на печь отдохнуть и раздумался о Прасковѣ Игнатьевнѣ. Вдругъ къ нему пришелъ рабочій Фоминъ, только-что воротившійся изъ города.

— Здорово крещеные! сказалъ онъ, входя въ пѣзу, снимая шапку, покрытую снѣгомъ, и не замѣчая Корчагина на печкѣ.

— Здорово, Фоминъ, съ прїѣздомъ! сказалъ Корчагинъ. Немного погодя, онъ соскочилъ съ печки.

— Ну, братъ, и городъ, будь онъ проклять! ругался Фоминъ.

— Што такъ! али обжегся?

— Куда не поворотись — вездѣ давай деньги и берегись мошенниковъ... Фоминъ немного помолчалъ и, улыбувшись, началъ:

— Ты вѣдь ничего не знаешь, а я много вѣстей привезъ.

— Што? спросилъ, удивляясь Корчагинъ: онъ не зналъ, какую такую новость могъ сообщить ему Фоминъ.

— Поставь, братъ, жбанъ пива. Ей Богу—штуки!

— И ведро бы поставилъ, Петръ Павлычъ, да въ карманѣ-то великій постъ,

— Ну, пойдёмъ, я тѣ поставлю отъ себя; только надо говорить по душѣ и не хмурясь.

— Да ты скажи.

— Нельзя!

Кое-какъ Василій Васильевичъ уговорилъ Фомина.

— А первое я тѣ скажу—воля вышла.

— Ну! и Корчагинъ махнулъ рукой. А другое што, спросилъ онъ Фомина, недовольный пмъ.

— Нѣтъ, ты слушай: вчера было воскресенье, самъ былъ въ соборѣ, гдѣ самъ архіерей служилъ. Манифестъ читали. Народу, што-это и не говори! только рабочихъ долго не пускали въ соборъ-то, потому начальство ждали.

— Штожь-ты, врешь, али нѣтъ?

— Што я подлець штоли какой? говорю манифестъ читали объ волѣ! Протодьяконъ читалъ, голосъ у него не нашему теперешнему соборному дьякону чега... Важно рывкалъ!

— Кому-жь эта воля?

— Да тутъ сказаны крестьяне господскіе, а объ мастеровыхъ ничего не сказано.

— Значить—намъ воли нѣтъ.

— Толковали тутъ приказные, што въ манифестѣ-де пропустили насъ, въ горномъ правленіи дополненье объ насъ есть.

— Ну это все враки! А другое што?

— А другое: иду я это утромъ въ перковь-ту, и встрѣчаю Прасковью Глузову. Худая такая, въ шубейкѣ. Ну вотъ я остановился противъ нея и говорю; „Здорово Прасковья Игнатьев-

на.—Она какъ будто не узнала меня, тоже остановилась и глядитъ на меня.—„Не узнала?“ говорю.—Да ты, говоритъ, таракановской... Ты не Петръ ли Фоминъ?“—„Такъ, говорю“—ну и разговорились—„гдѣ говорю, ты живешь?—А я, говоритъ, живу въ куфаркахъ у столоначальника правленскаго Панкратова, три рубля на ассигнаціи, говоритъ, въ мѣсяцъ получаю; кормятъ, говоритъ. Башмаки, говоритъ, къ новому году подарили, къ пасхѣ тоже, говоритъ, общались башмаки купить“.—Я говорю, молъ, Корчагинъ соболѣзнуеть объ тебѣ. А она говоритъ: „скажи ему, што онъ мерзавецъ, потому меня бросилъ. Я, говоритъ, по его милости три мѣсяца въ лихоманкѣ была, въ больницѣ лежала“.

Это извѣстіе очень обрадовало Корчагина. Что касается до воли, то онъ вѣрилъ и не вѣрилъ Фомину.

На другой день Корчагинъ былъ у почтмейстера, тотъ поздравилъ его съ волей и сказалъ, что къ управляющему прѣхалъ чиновникъ отъ губернатора и привезъ манифестъ объ волѣ. Почтмейстеру Корчагинъ повѣрилъ на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, почтмейстеръ долженъ знать, какъ почта, что дѣлается во всемъ свѣтѣ. Онъ узналъ отъ почтмейстера только, что всѣхъ рабочиихъ уволили изъ крѣпостнаго состоянія и что теперь будетъ отъ нихъ зависѣть работать на заводѣ или нѣтъ. Больше почтмейстеръ ничего не зналъ, но и этого было достаточно Корчагину. Онъ шелъ изъ почтовой конторы веселый, такъ и порывался сказать каждому встрѣчному: манифестъ объ волѣ привезли! но его мучили вопросы:—„Что же это такое? Какая такая воля? прежде насъ тиранили—тиранили, суда никакова на нихъ, поддѣловъ, не было, а теперь вдругъ воля? И кто это схлопоталъ намъ волю?“

Слово воля онъ плохо понималъ. Вольный человекъ значитъ человекъ, никому неподначальный и т. д... Но онъ думалъ: не будутъ ли за эту волю деньги съ рабочихъ взыскивать? или вмѣсто теперешнихъ рабочихъ пригонять изъ другихъ мѣстъ новыхъ, а намъ скажутъ: вы не годитесь, уходите, братцы, отсюда, вы вольные, люди многострадавшіе прежде, а теперь никому неподначальные... и потому ищите другой работы...

На встрѣчу къ нему летѣла молодая женщина. Она размахивала руками; на лицѣ ея виднѣлся испугъ, губы дрожали.

— Экъ тѣ проняло! што ты, угорѣлая? крикнулъ ей Корчагинъ.

— Ой бѣда!

— Што доспѣлось?

— Воля!.. и баба пробѣжала.

„Дура“ сказалъ Корчагинъ и подумалъ про себя: какъ, право, мы падки до диковинокъ! Надо было до-подлинно узнать это дѣло и онъ повернулъ къ господскому дому. Передъ подъездомъ господскаго дома стояли трой саней, около нихъ стояли трое ку-

черовъ, которыхъ окружали человекъ пятнадцать рабочихъ и горячо о чемъ-то разсуждали.

Подойдя ближе къ нимъ, Корчагинъ узналъ, что это кучера прикащика, исправника и повѣреннаго Тараканова.

— Вонъ Корчагинъ!.. Василій, иди скорѣе! прокричалъ одинъ рабочій.

— Ну што?

— Воля вышла!

— Слышалъ.

— Отъ самого губернатора, слышь, чиновникъ манифестъ привезъ. Почтовый ящикъ объ этомъ сказывалъ. Онъ, этотъ чиновникъ, ящику-то бумагу читалъ.

— Станетъ чиновникъ съ ящикомъ разговаривать:.. Христа ради разъ.

— Тебѣ говорятъ, разговаривалъ...

— А ты видѣлъ?.. одно слово — насъ пытаются — вотъ што! Въдъ ужъ давно объ этой волѣ говорятъ.

— Теперь мы совѣтъ держимъ: зачѣмъ пріѣхалъ сюда исправникъ, да прикащикъ съ повѣренными.

Вышелъ изъ подъѣзда исправникъ. Онъ былъ сумраченъ, къ нему подошли рабочіе, сняли шапки.

— Ваше благородье, объясни ты намъ это дѣло: вышла воля, али нѣтъ?

— Кучеръ? крикнулъ онъ своему возницѣ.

Кучеръ исправника, ругавшій до сихъ поръ своего хозяина, сталъ ругать рабочихъ, замахиваясь кнутомъ, вѣроятно, по привычкѣ угождать исправнику.

— Исправникъ уѣхалъ. Такъ прошло время до воскресенья. Рабочіе были въ такомъ настроеніи, что головы у нихъ точно были не свои, руки опустились, ноги ослабѣли, мало влосъ. Дома, на работѣ только и было говору, что о губернаторскомъ чиновникѣ и о манифестѣ. Теперь всѣ вѣрили тому, что получена воля, но каждый понималъ эту волю по своему и старался узнать общее мнѣніе объ ней. Въ толпахъ разсуждали разно. Это еще болѣе приводило въ смущеніе рабочихъ; они послѣ работы долго не могли заснуть, и если спали, то часто просыпались: воля не выходила изъ головы, человекъ чувствовалъ и дрожь, и радость... Бабы тоже голосили, ходили отъ сосѣдки къ сосѣдкѣ и разсуждали объ этомъ случаѣ опять-таки по-своему, по-бабьи, и при этомъ, каждая, думая, что она говоритъ дѣло, горячо отстаивала свое мнѣніе, вслушиваясь между прочимъ въ сужденія толковой бабы... Мужчины и женщины то и дѣло понавѣдывались, т. е. ходили по одному и по два къ господскому дому, къ исправническому дому и къ конторѣ. Имъ хотѣлось узнать: уѣхалъ или нѣтъ губернаторскій чиновникъ. А это для нихъ много значило. Но чиновникъ не уѣзжалъ еще. Въ

пятницу стали наполняться кабаки и рабочіе совѣтовались: ходить или нѣтъ на работы. Надо просить, чтобы имъ прочитали манифестъ. Рѣшили начать это съ понедѣльника. Но въ субботу утромъ попался одному рабочему соборный дьячекъ.

— Слышалъ ты новость—воля вышла.

— Слышалъ, да што толку...

— Завтра читать будутъ царскій манифестъ въ соборѣ.

— Такъ отъ Царя воля-то?

— Да. А ты, отъ кого думалъ? Тутъ, братъ, только Царь и можетъ уволить васъ, потому вонъ у вашихъ господъ сколько заводовъ, да людей, говорятъ, тысячь пятьдесятъ, а у другихъ и по двѣсти тысячь есть.

— Да какъ же толкуютъ: воля не намъ, а крестьянамъ?

— Всѣмъ—кто крѣпостной.

— А казенные?

— Казеннымъ воли нѣтъ, потому они казенные.

Въ этотъ же день всѣ рабочіе узнали, что завтра будутъ за обѣдней въ соборѣ читать царскій манифестъ о волѣ и на работы никто не пошеть.

Мужчины вымылись въ банѣ, надѣли чистые рубахи и штаны съ вечера; женщины тоже съ вечера приготовили для себя подвѣчные сарафаны, а худые сарафаны и шубейки постарались поскорѣ починить.

Въ воскресенье, еще далеко до обѣдни, площадь передъ соборомъ была полна народа. Тутъ были и старыя и молодыя, мужчины, женщины и дѣти въ заводскихъ одеждахъ, пестрѣвшихъ и рѣзавшихъ глаза всевозможными яркими цвѣтами.

Народъ гудѣлъ. Каждый говорилъ и разговоры касались заводскаго начальства. Отперли двери въ соборъ, народъ хлынулъ къ собору, но у дверей стояло восемь солдатъ, неизвѣстно какимъ образомъ попавшихъ сюда, которые заперли дверь пзнутри.

Соборъ окружили со всѣхъ сторонъ, а боковыя двери были заперты. Толки пошли разные; ругательства слышались далеко.

Пріѣхалъ дьяконъ съ дьяконницей и дѣтьми. Ихъ впустили въ церковь. Начались разсужденія о дьяконицѣ.

— Смотри какая худоба, а какъ вырядилась!..

— А вотъ ее пошто пустили?

— Напрямъ, братцы!

Пріѣхалъ священникъ съ женой и дѣтьми, рабочіе стояли у паперти и на лѣстницѣ и, какъ только отворили двери, челоувѣкъ пятьдесятъ ворвались въ соборъ. Такъ за священнослужителями и чиновниками, которыхъ пускали безпрепятственно, рабочіе мало по малу врывались въ соборъ и скоро въ соборѣ было очень тѣсно, не смотря на кулаки солдатъ и сабли двухъ казаковъ, пріѣхавшихъ сюда будто бы съ бумагами изъ города..... Казаки объяснили рабочимъ, что и въ городахъ, такъ ведется, что

напередъ въ соборы должны попадать начальники, а если праздникъ царскій, то простой народъ вовсе не допускается... Народу вокругъ собора было очень много; всѣ они походили теперь на богомольцевъ, сошедшихся въ престольный праздникъ на ярмарку. Прошелъ часъ и никто изъ стоящихъ и толкущихся вокругъ собора не зналъ, что дѣлается въ церкви; стоявшіе у крыльца съ завистью глядѣли на начальниковъ, проходящихъ въ соборъ, и жалѣли о томъ, что они равьше не пробрались къ крыльцу; стоявшіе на ступенькахъ крыльца то и дѣло заглядывали въ соборъ сквозь стекла, сдѣланныя въ дверныхъ рамкахъ. Они ждали, когда дьяконъ будетъ читать бумагу.

— Што?

— Нѣту. Надо быть скоро.

И всѣ плотно столпились передъ крыльцомъ собора; но мѣста было не много, поэтому многіе стояли за оградой.

Отворили двери. Паръ хлынулъ изъ собора и разсѣялся скоро надъ головами народа; изъ церкви слышалось пѣніе, какъ издали.

— Ну што? кричали рабочіе, стоявшіе передъ крыльцомъ.

— Значить, обманули! говорили задніе.

Погоди... Поны въ ризахъ на средину идутъ, подсказывали стоящіе въ дверяхъ собора.

— Што-ты! Молебствіе, значить.

— Шш... шш... цсъ!.. произнесли стоящіе въ дверяхъ и замахали руками.

Началась толкотня.

„Божію милостію“... послышалось глухо изъ церкви. Мужчины сняли шапки и фуражки, женщины открыли уши, всѣ привстали на цыпочки. Водворилась гробовая тишина.

— Кабы Курносовъ былъ живъ, славно бы прочталъ, замѣтили нѣкоторые изъ рабочихъ, недовольные сильнымъ голосомъ дьякона.

Стоящіе назади рабочіе мало по малу стали шептаться.

— Эко горе! Вѣдь и сдѣлаютъ же такія церкви, што всѣ люди не умѣщаются.

— Говори! а сколько тысячъ-то издержано? страсть.

— А, долго читають?.. Эка оказія... Вотъ тѣмъ счастье. Хоть бы пробыть какъ, и говорившій это пролезалъ, но на третьемъ шагу его останавливали.

— Куда лезешь!

— Молчи...

— Накладемъ въ спину-то!

— Мы стоимъ же! ишь какой баринъ! крикнула звонко женщина.

— Ишь вѣдь какая ширококоротая! Сейчасъ видно—старо-слободская! проговорилъ рожимъ голосомъ рабочій, желая воста-

новить тишину. Но тишина уже не возобновлялась. Стали говорить громко; всё были недовольны.

— Ничего не слышно, а дьяконъ бумагу держитъ, губами шелеть.

— Охрипъ, значить!

Наконецъ чтеніе кончилось, кончилась и обѣдня.

Народъ заволновался и повалилъ изъ собора; на площади за оградой поднялся шумъ и говоръ, одни широко размахивали руками, дѣлая крестное знаменіе, другіе махали шапками и платками; ребятишки, глядя на оживленную толпу своихъ отцовъ и небывалую суматоху, приемирѣли; народъ пуше и пуше волновался на площади, площадь загудѣла.

— Слышали; своими ушами слышали: воля, братцы, всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ, говорили бывшіе въ церкви, отпыхиваясь.

Изумленіе было на всѣхъ лицахъ.

— Воля! воля! воля! слышалось въ воздухъ и больше ничего нельзя было разобрать. А бывшіе въ церкви говорили:

— Ужь такъ много тамъ написано, что и не разберешь. Всѣмъ крѣпостнымъ сказано воли и всё отойдутъ въ крестьяне, али куда хошь; отберутся отъ помѣщиковъ черезъ два года...

— Слышь! Даромъ отберутъ!

— Куда отберутъ?

— На волю. Куда хошь: хоть въ купцы! кричали со всѣхъ сторонъ.

— А покось?

— Покосы и земля наша!

— Одно, братцы, худо: объ мастеровыхъ не сказано и казенныхъ рабочихъ нѣтъ.

— Не намъ баяютъ валя!.. Врутъ!.. Это они отъ того, что обслышались: сами баяютъ, дьяконъ много читалъ.

— Надо дьякона просить снова прочитать.

Между тѣмъ начальство уже развѣхалось не обративъ вниманія на волнующійся народъ, которому теперь никакого не была дѣла до управляющаго, прикащика и прочаго начальства.

Въ этотъ день весь рабочій народъ загулялъ на радостяхъ; но не случилось ничего худого, даже не было дракъ. А на другой день никто не пошелъ на работы.

Это встревожило заводоуправленіе. Оно стало бояться того, чтобы рабочіе совсѣмъ не перестали работать и не сдѣлали бы какихъ нибудь безпорядковъ въ заводѣ. Уговаривать ихъ теперь было поздно. Прикащикъ бывшій у управляющаго, говорилъ ему:

— Я теперь ничего не могу сдѣлать, потому вы сами старались отклонить мысль отъ воли. Всѣ рабочіе еще въ прошломъ году слышали объ волѣ. Они ее ждали.

— Это все вы разожгли рабочихъ.

— Не я, а вы требовали, чтобъ я не говорилъ имъ ничего. Вы думали, что строгостью вы что нибудь сдѣлаете. А теперь я вамъ не слуга, и прикащикъ ушелъ. Онъ очень боялся безпорядковъ: и въ эту же ночь уѣхалъ въ городъ со всѣми бумагами и деньгами, оставивъ дома прислугу въ томъ числѣ и Глу-мовыхъ съ Пелагеей Вавиловой.

Когда узналъ объ этомъ управляющій, то сдѣлалъ прикащикомъ Назара Плошкина, зятя Переплетчикова, всѣми рабочими ненавидимаго, но умѣвшаго ладить такъ съ рабочими, что они были не очень взыскательны.

Прошла недѣля, а рабочіе на работы неидутъ подь тѣмъ предлогомъ, что они даромъ работать не хотятъ. Заявили прикащику, что они не желаютъ быть подь командой нынѣшнихъ мастеровъ, нарядчиковъ и штейгеровъ. Въ понедѣльникъ рабочіе стали совѣтоваться, что имъ дѣлать: ѣсть нечего. Пошли толпы къ конторѣ, вошли въ контору и стали просить провіанта, денегъ, заработанныхъ за прошлый мѣсяцъ и обѣщаясь сегодня же идти на работы. Имъ отказали. Вечеромъ толпы народа самовольно вытащили изъ магазина всю муку и нотомъ разошлись по домамъ.

Ночью посланъ былъ нарочный къ главному начальнику горныхъ заводовъ съ донесеніемъ о безпорядкахъ.

Дѣла рабочихъ были въ скверномъ положеніи: взятая ими мука въ куляхъ оказалась съ пескомъ, эту муку они высыпали передъ господскимъ домомъ; у нихъ не было ни сѣна ни дровъ. Многіе захворали, дѣти и скотъ начали пздыхать; толпы народа ходили по заводу, карауля Плошкина и управляющаго. Жены ругали мужей за то, что вся бѣда произошла отъ нихъ, потому что прежде, когда они работали, ничего подобнаго не было. Рабочіе раздѣлились на партіи: одни хотѣли работать, другіе нѣтъ.

Между тѣмъ, какъ Переплетчиковъ уѣхалъ изъ завода, Илья Игнатьичъ опять загулялъ. Домой онъ приходилъ черезъ день или два черезъ два. Послѣ попойки онъ всегда ласкался къ Пелагее Вавиловнѣ, и мысль жениться на ней росла въ немъ все больше и больше.

Однажды они пили чай.

— Я, Пелагея, вчера ходилъ къ пону. Онъ говоритъ: я не могу обвинять тебя съ любовницей прикащика. Я къ другому, тотъ ничего, только говоритъ: ты молодецъ, принеси свидѣтельство, да бумагу изъ конторы. А въ конторѣ даромъ не даютъ... А славно бы безъ него-то обвиняться.

Пелагея была оштытѣе. Она знала, что прикащикъ долго не пріѣдетъ, но она не довѣряла молодому человеку, не смотря на всѣ его клятвы.

— Послушай, Иля, а чѣмъ мы жить-то станемъ?

— Вотъ чѣмъ! повѣдемъ въ городъ. Я въ лакеи наймусь. Вѣдь я теперь вольный.

— Кабы у тѣ бумага была такая.

— А манифестъ для чего читали?

— Все-таки безъ бумаги неловко. Да и какое у тѣ имя будетъ: крестьянинъ ты будешь, али мастеровой?

— Все равно, хоть кто.

— Ну, а на что мы повѣдемъ?

— А разѣ мало у прикащика вещей?

— Нѣтъ ужъ ради Христа не воруй.

Въ этотъ день онъ ничѣмъ не рѣшили.

Ильѣ Игнатьичу скучно было безъ дѣла и онъ гулялъ.

Куда онъ ни приходилъ, вездѣ говорилъ, что онъ скоро обвѣщается съ Палагеей Семихиной и объ этомъ узнали все въ заводѣ, а новый прикащикъ Плошкинъ переселился въ домъ Переплетчикова, какъ родственникъ; прогвалъ Пелагею Вавиловну, а Глумова назначилъ въ работы на рудникъ. Пелагею Вавиловну никто не принималъ жить въ заводѣ и она ушла на кардонъ, находящійся близко отъ рудника, гдѣ работалъ Глумовъ и куда Пелагея Вавиловна ходила ежедневно. Она знала, что у Ильи Игнатьича есть пятьдесятъ рублей, которые онъ приобрѣлъ продажею серебряныхъ ложекъ и шубы Переплетчикова разнымъ заводскимъ торгашамъ. Кончилъ Илья Игнатьичъ работу на рудникѣ и сталъ собираться въ городъ. Все было приготовлено, молодые люди нашли попугчика и вдругъ все разстроилось. Зашелъ Илья Игнатьичъ въ кабакъ съ своимъ попутчикомъ, взялъ полуштофъ и отдалъ двадцати-пяти рублевую бумажку. Бумажка оказалась фальшивою. Все бы это ничего, но въ кабакъ сидѣли два солдата, которые обязаны были наблюдать за порядками; они, не смотря на мольбу Ильи Игнатьича, сидѣльца п вой Пелагеи представили Глумова къ исправнику вмѣстѣ съ Палагеей Вавиловной.

Тамъ они ночевали до утра въ разныхъ мѣстахъ. Наканунъ отъ Пелагеи отобрали узелъ съ бѣльемъ и платьями, а отъ Ильи Игнатьича шкатулку съ чаемъ и сахаромъ. Позвали Илью Игнатьича къ исправнику въ канцелярiю, гдѣ былъ письмоводитель и двое писцовъ.

— Кто ты? крикнулъ исправникъ.

— Глумовъ.

— А, это не тотъ ли? не родня ли Курносова? спросилъ онъ письмоводителя.

— Тотъ самый...

— Ну и ты туда пойдешь! Гдѣ ты взялъ фальшивую бумажку?

— Не знаю.

— Казакъ сведи его въ баню. Алексѣй Александрычъ, допытайте его.

Подъ ударами розогъ, Илью Игнатьича заставляли сознаться:

самъ онъ дѣлалъ фальшивыя деньги или отъ кого получалъ. Но Илья Игнагичъ не помнилъ ничего. Ночью прѣѣхалъ Переплетчиковъ съ новымъ исправникомъ. Допросы отложили, Пашкинъ былъ отставленъ, выгнанъ изъ дома Переплетчикова и долженъ былъ заплатить за самовольное завладѣніе чужимъ домомъ деньги. Глумова стали судить только за фальшивыя билеты. Онъ сперва показывалъ, что нашелъ, только гдѣ—не помнить. Его отослали въ городской острогъ. Пелагею Вавиловну наказали снова и она на другой день оказалась въ бѣгахъ; Колька былъ прогнанъ и жилъ пока у Корчагина.

XXVI.

Вскорѣ послѣ этихъ происшествій въ заводъ прѣѣхалъ горный начальникъ съ двумя чиновниками, изъ которыхъ одному было поручено произвести слѣдствіе о бунтѣ рабочихъ, которые будто бы были усмирены солдатами, тогда какъ рабочіе восстановили порядокъ сами до прихода солдатъ. Объявлено было рабочимъ, чтобы незанятые работами собрались въ главную контору. Въ контору пришло очень не много рабочихъ, потому что они боялись расправы.

Поругавъ рабочихъ, горный начальникъ, прочиталъ имъ дополнительныя правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ вѣдомства министерства финансовъ. Голосъ у него былъ сиповатый и такъ какъ онъ читалъ скоро, то рабочіе очень мало поняли.

— Поняли? спросилъ горный начальникъ кончивъ чтеніе.

— Поняли да не совсѣмъ! ты читалъ: одни увольняются теперь, а другіе черезъ годъ, третьи черезъ два года

— Ну! Чего же вамъ еще надо?

— А какъ же тутъ сказано: называть насъ мастеровыми? мы и теперь мастеровые...

— Мастеровой тотъ же крѣпостной!

— Вы... какъ вамъ сказать?.. Если вы будете работать на заводѣ за плату, тогда будете называться мастеровыми, потому что нельзя же назвать васъ мѣщанами или чиновниками.

— Да мы, ваше благородіе и не желаемъ въ мѣщане. Намъ волю надо, чистую волю...

— Такъ что же вы меня спрашивали? ну называйтесь сельскими работниками.

— А это што?

— А хлѣбопашествомъ занимайтесь, коли не хотите на заводѣ работать.

— Рады бы заниматься, только никто изъ насъ изъ цоконъ

вѣку этимъ не занимался, потому кромѣ покосовъ мы земли не имѣли, да и времени не было на это дѣло.

— Ну теперь можете идти по домамъ, сказалъ горный начальникъ.

— Позволь, ваше благородье, еще побезпокоить... началъ одинъ рабочій. Теперь вотъ тутъ въ бумагахъ сказано: брать съ насъ за усадьбу шесть цѣлковыхъ. А гдѣ же и эти деньги-то возьму?

— Мы пспокоиъ вѣку пользовались усадьбой-то...

— Если кто изъ васъ казенный, т. е. числится даннымъ отъ казны въ спомоществованіе владѣльцу, тотъ не будетъ платить деньги.

— А чѣмъ я виноватъ коли я въ крѣпости состою?

— Опять за покосъ, што тутъ сказано...

— Вамъ послѣ растолкуютъ. Идите.

— Рабочіе вышли и долго толковали у конторы.

— Это просто выдумки. Это они душу нашу дотягиваютъ...

— Можетъ, это онъ вретъ. Ну какъ теперь: я домъ построилъ на Филатовой землѣ: деньги ему, значить, заплатилъ, а съ меня будутъ брать съизнова.

— За покосъ, сказано, урокъ надо отбивать.

Недоумѣніе во всемъ заводѣ росло все больше и больше. Дополнительныя правила и самый манифестъ были прочитаны нѣсколько разъ въ каждомъ домѣ. Но понять положеніе могли немногіе. Особенно на первыхъ порахъ положеніе рабочихъ было трудное: идти изъ завода въ другое мѣсто они не могли, потому что вездѣ одинъ исходъ — работа, нужно было работать на такихъ же условіяхъ и приводилось оставаться тутъ же, гдѣ они родились. Провіанту не отпускали, деньги выдавали черезъ двѣ недѣли и черезъ мѣсяць, но выдача по старому производилась неаккуратно, потому что касса заводоуправленія была пуста.

Всѣхъ особенно мучило то: какъ назвать себя? Пріѣхалъ мировой посредникъ, прочиталъ рабочимъ въ три недѣли положеніе объ устройствѣ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, и сталъ спрашивать: будутъ ли они робить на заводѣ.

— Какъ не робить? робить надо, потому мы безъ работы не можемъ жить.

— Такъ кто желаетъ въ мастеровые?

— Никто не желаетъ въ мастеровые.

Долго бился съ рабочими посредникъ, но — онъ сынъ помѣщика, смотрѣвшій на крестьянъ, какъ на крѣпостныхъ, не принималъ жизни горнорабочихъ, о которыхъ онъ до сихъ поръ

не имѣлъ никакого понятія. Оказывалось то, что его не понимали рабочіе, и онъ не понималъ ихъ, а изъ этого выходило то, что рабочіе думали, что посредникъ держитъ сторону заводоуправленія.

Сначала посредникъ горячо принялся за свое дѣло, но потомъ такъ охладѣлъ, что заставлялъ по долгу ждать себя, рѣзко говорилъ съ рабочими, пропуская мимо ушей жалобы на стѣсненіе ихъ мастерами, наказанія безъ вины розгами. На просьбы рабочихъ объяснить имъ что нибудь, посредникъ говорилъ: я ужъ вамъ говорилъ! и уходилъ въ другую комнату, а потомъ уѣзжалъ къ управляющему. Кромѣ этого онъ часто разбѣзжалъ по другимъ заводамъ (катался какъ выражались рабочіе), и его рѣдко можно было застать дома, гдѣ всѣми дѣлами заправлялъ писарь, плутъ изъ плутовъ, а потомъ его долго не видали рабочіе и посылали просьбы къ нему за триста верстъ.

Тѣ, которые выслуживали срокъ, были уволены, но по прежнему занимались работами. Это были уже совѣтъ вольные и, глядя на нихъ, рабочіе стали дожидать себя чистой воли. Но эти вольные не считали себя чисто вольными на томъ основаніи, что они должны платить за усадьбы деньги, за покосы работать.

Непониманіе съ одной стороны, неумѣнье объяснить — съ другой, породили неизбежное броженіе въ массахъ. Явился люди, которые старались мутить и безъ того мутную воду.

Чаще прежняго стали повторяться убійства и грабежи, такъ что начальство приходило въ затрудненіе: что дѣлать съ рабочими и какими мѣрами водворить порядокъ? Заводоуправленіе рѣшилось для примѣра розыскать и наказать виновныхъ. Виновныхъ, по указанію Плошкина, нашлось много: тутъ были всѣ его враги, и въ число ихъ попалъ Перевошиковъ: тутъ же оказалось человекъ тридцать рабочихъ, въ томъ числѣ и Корчагинъ. Въ дѣлѣ много было собрано уликъ противъ Перевошикова, но онъ такъ легко отдвѣлся, представилъ такія записки управляющаго и разные счета, что слѣдователи стали въ тупикъ. Они жили въ господскомъ домѣ, играли въ карты съ управляющимъ и пиженерами, и поэтому имъ неловко, казалось, запутывать дѣло во вредъ управляющему.

Думали, думали они и свели дѣло къ тому, что нѣсколько человекъ рабочихъ, напившись пьяны, растаскали ночью муку изъ магазина и что эти рабочіе уже сданы въ солдаты до приѣзда слѣдователей; затѣмъ власти уѣхали, а Корчагинъ съ двумя рабочими ушелъ въ городъ.

XXVII.

Въ больницѣ Прасковья Игнатьевна пролежала три мѣсяца въ двухъ палатахъ. Сосѣди ея были женщины разныхъ званій

возрастовъ и характеровъ. Крикъ, разговоры и оханья не прекращались цѣлый день, такъ что большинство больныхъ постоянно протестовало противъ кричащихъ и хохочущихъ дѣвицъ, проводящихъ время въ куреніи папиросъ, игрѣ въ карты и въ разговорахъ съ разными *родственниками*. Какъ проводила время Курносова въ больницѣ — описывать не стоитъ, только, какъ водится въ каждомъ обществѣ, она имѣла, на третій мѣсяцъ своего пребыванія въ больницѣ, хорошую пріятельницу, швею, но ханжу, хваставшуюся знакомствомъ съ молодыми монахинями. Эта женщина очень была дружна съ ней, много надавала ей хорошихъ совѣтовъ и доказывала, что если она будетъ робѣть, то впакаго мѣста не найдетъ. Курносову стали выписывать изъ больницы, пріятельница дала ей записку къ своей сестрѣ, но та была пьяна въ этотъ день и очень не понравилась Прасковѣ Игнатьевнѣ.

Опять начались ея похождения по городу, выпрашиваніе милостыни и ночевки подъ небеснымъ навѣсомъ. Въ это тяжелое для нея время, она много видѣла гадостей въ городѣ... Не разъ вечеромъ она слышала отъ дамъ въ шляпкахъ и кринолинахъ такія слова, которыя говорятъ съ досады мужчины, не разъ къ ней приставали мужчины, и какъ она ни была бѣдна, она не допустила себя пасть, и къ ней не приставала никакая грязь.

Однажды вечеромъ она шла домой. По ея одеждѣ видно было, что она нищенка. Она очень устала и сѣла на тротуаръ противъ одного деревяннаго пяти-этажнаго дома съ бѣлыми занавѣсками въ окнахъ. Окно было отворено и около него сидѣли двѣ, по видимому, дѣвушки и, играя въ карты, звонко хохотали. Курносовой обидно сдѣлалось. Ей припомнились прежніе годы, когда она также играла съ подругами и хохотала. Потомъ у нея забилось сердце: припомнился Курносовъ, котораго изъ за нее замучили... Наконецъ вздумала она и о Корчагинѣ.

— Кабы не онъ, думала она, не была бы и въ этомъ проклятомъ городѣ. Сколько горя-то, Господи, и приняла здѣсь? И зачѣмъ это онъ бросилъ меня окаянный...

— Эй ты!.. вдругъ услышала она и оглянулась; нѣтъ никого, только дѣвицы хохочутъ. Въ это время ихъ было три.

— Ты чево тутъ сидишь? сказала одна Прасковѣ Игнатьевнѣ.

— А што?

— А што? Алѣ мужчинъ отъ насъ отбивать вздумала. Прасковья Игнатьевна встала и поплелась, но ее астановила одна изъ дѣвицъ.

— Заходи къ намъ, сказала она.

— Зачѣмъ?

— У насъ весело.

Прасковья Игнатьевна постояла, подумала и пошла дальше...

На другой день, часу въ первомъ, она зашла въ одинъ домъ попросить милостыни. Тамъ немолодая женщина сказала ей:

- Чѣмъ по міру-то шататься, шла бы на мѣсто.
- Не принимаютъ, тетушка; я нездѣшная.
- То-то нездѣшная, поди заводская какая.
- Таракановская.

— Ужь это сразу видно. У меня вонъ четыре дѣвки живутъ, всѣ — таракановскія. Каждая изъ нихъ по рублю, а когда и по три въ день зарабатываютъ.

Курносова удивилась.

— Хорошее у тѣ, тетушка, мѣсто... А вотъ я дура набитая и копѣйки мѣдной не достану. Я бы, тетушка, ужъ тебѣ въ ноги поклонилась!.. Я бы все стала дѣлать, только бы ты кормила меня... говорила со слезами Курносова.

— Поди туда въ номеръ.

Курносова поклонилась ей въ ноги, за что и получила названіе дуры.

— Поди, говорятъ, въ номеръ.

— Ужь какъ я тебѣ благодарна... говорила со слезами она, не слушая хозяйку. Въ это время изъ двери на лѣво вышла дѣвушка лѣтъ восемнадцати въ одной рубахѣ съ растрепанными волосами. Она, какъ видно, только-что пробудилась.

— Катя, уведи ее въ номеръ.

— Это на мѣсто Сашки?

— Ну да. Да не болтай ей много-то, она *еще дура*.

— А! проговорила Катя и увела удивленную Курносову узенькимъ темнымъ коридорчикомъ съ четырьмя дверми на лѣво въ темную и не большую комнату.

— Посиди здѣсь, я умоюсь и приду.

— Ладно.

— А ты изъ какихъ?

— Я заводская, таракановская.

— Замужняя, али дѣвка.

Прасковья Игнатьевна сказала. Катя ушла. Стала Прасковья Игнатьевна смотрѣть на свое новое жилище. „Ужь чевото больно темно. Што жъ это онѣ въ темнотѣ такой дѣлаютъ?“ И вдругъ ей почему-то страшно сдѣлалось, почему-то противна сдѣлалась эта комната. Она задумалась; на нее нашель столбнякъ. Черезъ нѣсколько времени, осмотрѣвшись кругомъ и наслушавшись, скаредныхъ рѣчей Кати, Курносова догадалась въ чемъ дѣло и опрометью пустилась бѣжать изъ позорнаго дома.

На другой день снова Прасковья Игнатьевна ходила по рынку и, протягивая руки барынямъ, говорила:

— Матушка, барыня, не возьмешь ли ты меня въ работу.

Много ова переспросила барынь и только одна заговорила съ нею:

— Какую тебѣ работу?

— Хоть какую нибудь.

— Да ты заводская штоли?

— Да... возьми, матушка.

— Мнѣ нужна работница... Ты умѣешь бѣлье стирать?

— Дома стирала. А у васъ не знаю какъ; ты покажи—я все сдѣлаю.

— А сколько бы ты взяла?

— А сколько дашь, то и ладно. Я много буду тебѣ благодарна, матушка.

— Ты не причитай: я не люблю этого. Не первую я тебя нанимаю. А ты не воровка?

— Ой! убей меня царица небесная, чтобы я когда што нибудь у маменьки безъ спросу взяла.

— А ты не живала въ людяхъ-то?

— Нѣтъ.

— То-то смотри... Хорошо будешь служить, три рубля на ассигнація положу... Работы у меня немного.

Курносова, не смотря на грязь, повалилась въ ноги барынь. Это изумило барыню и она, подавая ей варзюнку, въ которой лежали говядина, яйца и капустный вилокъ, сказала:

— Возьми это, да иди за мной. Смотри не отставай.

— А я тебя забыла спросить, какъ завутъ-то? спросила вдругъ барыня.

Курносова сказала.

— А вотъ я еще забыла спросить: билетъ есть?

— Какъ же, матушка.

— То-то. Оноедни такъ безъ пачпорту взяли одну, такъ она шаль у меня украла. Мужъ ругалъ—ругалъ меня изъ за канала... А у тебя мужъ есть?

— Нѣту, померъ.

— Ну это ничево. Смотри, чтобы къ тебѣ не ходили разные любовники эти...

— Ой, какъ можно!... я вѣдь не здѣшняя.

— Будешь хороша, мы не обидимъ тебя. Мой мужъ самъ столначальникъ горнаго правленья, титулярный совѣтникъ.

— Ужъ я такъ сразу поняла, што она большая барыня... Эко горе! если бы мать знала, мужъ ея похлопоталъ бы... думала Прасковья Игватъевна.

У этой чиновницы домъ былъ свой, т. е. купчая совершенна на нее, а деньги платилъ мужъ. Домъ полукаменный въ пять оконъ въ каждомъ этажѣ, съ вида очень приглядный, а внутри расположенный по вкусу хозяина такъ, что въ каждомъ этажѣ было по двѣ квартиры, и потому считавшейся для нѣ-

которыхъ состоятельныхъ людей неудобнымъ, а бѣднымъ очень дорогимъ по квартирамъ. Однако хозяева не обижали себя: они занимали три комнаты, самыя лучшія въ домѣ, съ окнами, выходящими на площадь. Въ кухнѣ, съ обыкновенной большой русской печью, полатей не было, да и кухня была устроена такъ, что окно выходило въ корридорчикъ, изъ котораго былъ ходъ въ другую квартиру въ двѣ комнаты съ кухней, отъ чего въ кухнѣ было не совсѣмъ свѣтло.

Семень Семенычъ Панкратовъ былъ уже десятый годъ столоначальникомъ горнаго правленія и считался за доку и дѣльца. Онъ любилъ играть въ проферансъ по копѣечкѣ такъ, что у него разъ въ недѣлю собирались сослуживцы. Гости были друзья, вели себя смирно, и никогда тишина въ домѣ не нарушалась. Семень Семенычемъ или его гостями, потому что, начавъ службу съ писца и прошедши всѣ мытарства до столоначальника, онъ на все смотрѣлъ здраво и просто, никогда не выходилъ изъ себя. Даже въ его одеждѣ выказывалась овечья кротость: онъ постоянно ходилъ на службу въ форменномъ сюртукѣ съ оловянными пуговицами и стоячимъ воротникомъ съ голубымъ кантомъ; лѣтомъ надѣвалъ шинель, тоже съ стоячимъ воротникомъ и съ оловянными пуговицами, зимой въ тулупѣ изъ сибирскихъ мерлушекъ; дома при небольшихъ или равныхъ ему гостяхъ носилъ халатъ и вязаную ермолку на головѣ, при большихъ гостяхъ надѣвалъ форменный сюртукъ, который застегивалъ на три пуговицы: верхнюю, среднюю и нижнюю; безъ гостей всегда ходилъ въ ситцевой рубашкѣ и черныхъ штанахъ босикомъ.

Вставалъ онъ рано, въ пять часовъ утра; въ шесть пилъ чай, а въ семь онъ уже занимался сочиненіемъ докладовъ и въ десять уходилъ въ правленіе. Послѣ обѣда онъ постоянно спалъ до шести часовъ, когда въ гостиной уже шипѣлъ самоваръ. Послѣ чаю, если онъ не уходилъ играть въ карты, или, если у него не было гостей, занимался чтеніемъ канцелярскихъ бумагъ. Книгъ онъ никакихъ не читалъ: „терпѣть не могу эту фанаберію“—говорилъ онъ.

Совсѣмъ другое — Варвара Андреевна, его супруга. Она съ самаго утра была на ногахъ и это не нравилось кухаркамъ, потому что она вездѣ совалась, кричала, постоянно указывала.

Сколько ни перебывало у нея кухарокъ съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея сдѣлался столоначальникомъ, всѣ удивлялись, что она вставала раньше ихъ и постоянно будила ихъ пинками, говоря: „ишь тресья! Барыня встала, а она спитъ! Вставай, ставь самоваръ!“ Если самъ Панкратовъ не спалъ; то кричалъ изъ спальни: „Опять!.. Пошла языкъ чесать ни свѣтъ, ни заря.“ Однимъ словомъ, эта женщина не могла, кажется, ни одной минуты жить безъ дѣла: во все входила сама, за всѣмъ надзирала; ей казалось, что она только одна хорошо дѣлаетъ, и прислуга

ей ни какъ не можетъ понять того, что она сама ей тысячу разъ указывала. Отъ этого происходили частыя ссоры съ кухарками, оканчивавшіяся всегда тѣмъ, что кухарка уходила. Умаявшись и накрпчавшись досыта, она послѣ обѣда всегда ложилась спать часа на два, и въ это время ее никто не смѣлъ будить, да и къ ней въ это время никто не ходилъ. Впрочемъ бывали и исключенія у обоихъ супруговъ: лѣтомъ въ хорошій день они любили подышать свѣжимъ воздухомъ, прокатиться по озеру, находящемуся отъ города въ четырехъ верстахъ, порыбачить, напиться чаю на свѣжемъ воздухѣ и съѣсть уху изъ свѣжихъ карасей. Послѣ вечерняго чаю Варвару Андреевну томила скука и она подзывала къ себѣ кухарку и, разговаривая съ ней, почпывала или вязала чулокъ, при чемъ и кухарка должна была, глядя на хозяйку, что нибудь дѣлать, а если у кухарки не было работы для себя или она, утомившись, хотѣла спать, хозяйка давала кухаркѣ надвизывать ей чулокъ, носки, или сбивать смѣтану въ кринкѣ для масла. Варвара Андреевна очень ласкова была съ прислугой вечеромъ, такъ что прислуга забывала всѣ непріятности, сдѣланныя хозяйкой днемъ, и удивлялась: отъ чего хозяйка утромъ злая такая, что отъ нея хочется бѣжать, а вечеромъ такая добрая, что ни за что бы не отошелъ отъ нея. А все это происходило отъ того, что вечеромъ у нея не было заботы: пообѣдала она хорошо, ужинъ стоитъ въ печкѣ, варить и мыть нечего, все сдѣлано; на душѣ легко; она чувствуетъ довольство и хочетъ съ кѣмъ нибудь отвести душу.

Таковы были Панкратовы, жаловавшіеся своимъ гостямъ, обремененнымъ большими семействами, что Господь Богъ не даетъ имъ дѣтей. На это гости, слышавшіе отъ несчастныхъ супруговъ сто разъ эту пѣсню, въ послѣднее время стали говорить имъ, что у нихъ за то есть двѣ отличныя коровы, двадцать одна курица и пять пѣтуховъ.

Кромѣ этого у Панкратовыхъ былъ огородъ въ двадцать пять сажень длины и въ десять ширины; половину огорода засаживала Варвара Андреевна разными разностями, и поэтому лѣтомъ ея заботы и хлопоты, а равно и кухарки, удвоивались.

Еще есть одна черта въ Варварѣ Андреевнѣ: она ни за что не пуститъ въ свой домъ дѣвицу или холостого мужчину, будь онъ хоть столоначальникъ. Она очень хорошо знала, что большая часть столоначальниковъ люди женатые или вдовцы, а другіе—холостые живутъ шикарно и не пойдутъ въ ея домъ. Почему не пойдутъ,—она предполагала изъ того, что вотъ уже семь лѣтъ она владѣетъ домомъ, и ни одинъ холостой столоначальникъ не являлся нанимать у нея квартиру. Холостыхъ мужчинъ и дѣвицъ она потому не желала имѣть своими квартирантами, что они испоганятъ ея домъ, т. е. къ мужчинамъ будутъ ходить любовницы, а къ дѣвицамъ любовники, и противъ это-

го никакой надзоръ не будетъ имѣть силы. Теперь у нея вверху въ другой половинѣ живетъ семейный секретарь магистрата уже два года, а внизу въ одной половинѣ семейный помощникъ бухгалтера казначейства, другая половина стоитъ пустая и окна закрыты ставнями,—что означаетъ, что квартира отдается. Бумажки надъ воротами или на стеклахъ въ рамкахъ не введены еще въ этомъ городѣ.

Прослужила Прасковья Игнатьевна у Панкратовыхъ двѣ недѣли. Первые три дня хозяйка была съ ней очень любезна; показывала ей какъ посуду мыть, какъ самоваръ ставить, какъ гостямъ чай подносить; учила ее, какъ ей говорить по городски. А Прасковья Игнатьевна многихъ словъ не понимала. Скажетъ ей хозяйка: поди-ко, принеси кострюли, или принеси миску, она выпучить глаза, а спросить стыдится. Бьется, бьется хозяйка, на силу растолкуетъ. Надъ ея выговоромъ до слезъ смѣялись не только Панкратовы, но и гости, и всѣ прозвали ее въ насмѣшку *саранарушкой*, потому что слово *черепушка* она никакъ не могла выговорить.

Работы ей было много, она все дѣлала; хозяйка только толкалась, указывала, горячилась, кричала, причемъ Курносова не одну тарелку и не одно блюдечко разбила. Но работа ее не мучила, ей досадно было, зачѣмъ хозяйка постоянно трется около нее, когда она сама знаетъ, что дѣлать; зачѣмъ хозяйка сердится и говорить, что она неряха, что она не умѣетъ даже половъ мыть, въ поганой водѣ посуду полошеть и пр. Все это сносила Прасковья Игнатьевна молчаливо, и это нравилось хозяйкѣ. Разъ Прасковья Игнатьевна подслушала разговоръ хозяйки съ гостями.

— Славная мнѣ кухарченка попалась! Все у нея кипитъ въ рукахъ,—проворная! И какая смиренная: кричишь, кричишь—молчить. Однако разъ замѣтила слезы... Инда жалко стало! Не знаю, что дальше будетъ.

Это утѣшило Прасковью Игнатьевну, и она заплакала отъ радости. Она сама находила, что мѣсто ея хорошее: утромъ ее поятъ чаемъ съ булкой, обѣдаетъ и ужинаетъ она въ волю, и хотя она одна кушаетъ,—за то ей покойнѣе одной кушать. Одно обидно, хозяйка попрекаетъ, что она безъ спросу хлѣбъ ѣсть. А Курносова часто хотѣла ѣсть и за ней водился такой грѣшокъ, что она ѣла воровски. За то вечеромъ хозяйка была съ ней любезна и говорила ей кое-что о своей жизни. Курносова уже рассказала ей свою жизнь и хозяйка жалѣла ее.

— Я ужъ теперь, барыня, ни за кого не пойду замужъ, говорила обыкновенно Прасковья Игнатьевна, когда разговоръ касался этого предмета.

— Ну, ты этого не говори. Только безъ старыхъ людей ни шагу... Это я на себѣ испытала. Мало ли что тебѣ человѣкъ наговорить. Вотъ ты испытала и казись.

— Нѣтъ, барыня, ни за что въ свѣтъ я не пойду замужъ. Я отъ васъ ни за что не уйду.

Такъ и привыкла Прасковья Игнатьевна къ Панкратихѣ. Не смотря на то, что Варвара Андреевна всячески налегала на нее, она все сносила молча, не смотря на разные испытанія въ родѣ того, что на полу лежали мѣдные деньги, но Курносова тотчасъ отдавала находку. Курносова безропотно работала и встала безъ шопота часто ночью, если кошка скребла двери.

Панкратовъ тоже хвалилъ Прасковью Игнатьевну и однажды сказалъ ей:

— Молодецъ ты баба! хорошо, еслибъ вышла замужъ за хорошаго человѣка;—я пожалуй посватаю.

— Я, баринъ, ни за кого не пойду.

— Ой-ли! Сердце, братъ, не камень, съ нимъ не совладаешь— вотъ что! Не вѣтъ же тебѣ въ работницахъ жить. Поди, сама любишь своимъ хозяйствомъ заниматься?

— Гдѣ ужъ мнѣ...

Разговоры объ этомъ стали повторяться чаще. Панкратовъ, видя упорство Курносовой, сталъ поддразнивать ее замужествомъ, а ее это злило. Она думала, что на свѣтъ нѣтъ справедливыхъ, т. е. честныхъ людей и въ ея голову крѣпко засѣла мысль никогда не довѣряться мужчинамъ. Однако ей хотѣлось самой заниматься хозяйствомъ, имѣть корову, овечекъ, куриць. А такъ какъ для этого ей нужно быть женой, то нерѣдко ее брало раздумье, и счастье женщинъ въ родѣ Панкратихи приводило ее въ долгое уныніе, въ которомъ она жаловалась на свою судьбу.

Прасковья Игнатьевна и въ праздники сидѣла дома. Хозяйка иногда говорила ей, чтобы она шла на бульваръ, но ей не хотѣлось идти.

— Што мнѣ тамъ? и такъ хорошо, говорила она обыкновенно. Ей не хотѣлось идти на гулянья потому, во-первыхъ, что ей совѣстно было выйти изъ дома: „я нищенкой ходила по городу, всѣ меня обзовутъ нищенкой“; а во-вторыхъ, какъ-то она пошла на бульваръ, послушала музыку, посмотрѣла, какъ люди веселятся,—сердце у нея защемило, сдѣлалось такъ грустно, такъ грустно, что она дала себѣ слово ни за что не ходить на гулянья.

Къ пасхѣ хозяйка подарила ей платокъ на голову и ситцу на платье, и это такъ ее обрадовало, что она со слезами долго разглядывала свою обнову и ничто ее на праздникѣ не веселило, какъ новое платье, сшитое ею по указанію хозяйки.

Она считала себя счастливою женщиною и, когда ушли изъ дому хозяева, она долго пѣла прежде любимую ею пѣсню: „всѣ-то ноченьки я млада просидѣла“.

Потомъ ей вздумалось посмотрѣться въ зеркало. Она посмотрѣла и удивилась:

— Господи! Экое лицо-то у меня не хорошее: кожа, да кости!
 Но на этотъ разъ она не заплакала, а заплѣла опять свою пѣсню. Только подъ вечеръ ей сдѣлалось скучно, и она съ нетерпѣніемъ ждала хозяевъ, думая, что они добрые люди и Богъ сжалился надъ ней, потому что безъ нихъ она пропала бы.

XXVIII.

Лѣтомъ Корчагинъ пріѣхалъ въ городъ и скоро розыскалъ домъ Панкратова. Хозяйка суетилась около печки, Курносова мѣла въ комнатахъ полъ.

— Богъ на помощь! Добраго здоровья, сказалъ Корчагинъ хозяйкѣ.

Хозяйка слегка поклонилась, утерла губы фартукомъ, посмотрѣла на него пристально и спросила:

— Чево тебѣ?

— Прасковья Курносова здѣсь живетъ?..

— Здѣсь. На што тебѣ?

— Я таракановскій!

— Ну?

— Такъ поговорить бы мнѣ хотѣлось съ ней на счетъ ея братьевъ.

— Подожди, она полы вымететь.

Скоро пришла Курносова съ вѣникомъ; пристально посмотрѣла она на Корчагина, поморщицалась и пошла къ печкѣ. Корчагинъ удивился: лицо Курносовой худое, блѣдное, глаза впали, но она бойка, одѣта чисто.

— Принеси-ко воды-то! не знаешь што ли, што въ кострюлю воды надо налить... Ишь ржавчина. Всю кострюлю, негодная, испортила! смотри, не течетъ ли ужъ?

— Хозяюшка, нельзя ли отпустить Прасковью Игнатьевну сегодня къ мастеру Подкорытову, сказалъ Корчагинъ, которому можно было слышать ворчанье хозяйки.

— На што это? крикнула хозяйка.

— Важный дѣла, хозяйюшка.

— Говори здѣсь.

— Такія дѣла, што страсть: съ братьями ея несчастіе случилось.

— Какое? спросила Прасковья Игнатьевна, посмотрѣвъ на Корчагина.

— Приходи послѣ обѣда—отпущу. А теперь уходи съ Богомъ, сказала хозяйка. Корчагинъ вышелъ, хозяйка проводила его до воротъ.

— Что бы это значило, што Курносова даже и глядѣтъ на

меня не хочеть. Али она больно на меня разсердилась. Ну п жизнь же ея! .Если это все такъ каждый день, то должно быть больно скверно... Надо ее выручать, думалъ Корчагинъ, стоя у воротъ Панкратова; сердце его сильно билось. Онъ очень обрадовался, что увидалъ Курносову, но ему было досадно, что онъ не могъ съ ней ничего поговорить и иди на квартиру, онъ думалъ, какъ бы начать разговоръ о томъ, что онъ весь измучился объ ней, и какъ бы было хорошо, если бы она вышла за него замужъ. Эти думы не покидали его до четвертаго часу, и часы эти онъ проводилъ тревожно, хотя и разговаривалъ съ знакомыми.

Курносова тоже мучилась; ее беспокоили братья, о которыхъ въ послѣднее время она очень много думала и особенно думала о меньшомъ Николаѣ, котораго ей хотѣлось пристроить въ городъ. Расположенія или привязанности къ Корчагину теперь у нея никакой не было, но она не сердилась уже на него, и ей только хотѣлось высказать то, что она по его милости перенесла много горя.

Въ четвертомъ часу, сходявъ въ кухню, для того чтобы Курносова одѣвалась, Корчагинъ сталъ поджидать ее за воротами.

На Курносовой надѣто было платье, подаренное ей Панкратихой и платокъ на головѣ. Сердце точно жалось у Корчагина при видѣ исхудалой Прасковьи Игнатьевны.

— Здравствуй, Прасковья Игнатьевна. Ты нынче барыней поживаешь... Давеча и смотрѣть-то не хотѣла на меня.

— Стоять на этакаго смотрѣть.

— Что дѣлать, Прасковья Игнатьевна! у меня сестра не только что домъ сожгла, а даже научила дядю и мѣсто отнять. Совсѣмъ я раззорился по ея милости.

Они шли.

— Такъ и надо! сказала Курносова.

— За что ты на меня сердишься, Прасковья Игнатьевна?

Она прервала его, но онъ не далъ ей говорить.

— И зачѣмъ тебѣ было выходить изъ дому, зачѣмъ было не подождать меня?

— Да вы съ дядей нарочно меня туда привезли и бросили... Не забуду я этого.... Што же ты не говоришь о братьяхъ? Вызывать вызывалъ... а... Ишь! оправданіе нашелъ. Поди п ихъ сгубили...

— Говорю тебѣ—напрасно сердишься... А съ братьями твоими горе случилось великое. Не надо бы объ этомъ и знать-то тебѣ.

— Небось опять травить хошь! Нѣтъ, теперь ужь не та пора.

Василій Васильевичъ начиналъ сердиться, но не подавалъ вида, что сердится.

— Видишь ли ты, какое дѣло случилось, и всему этому виновать прикащикъ... Какъ мы тебя свезли въ городъ, онъ и давай меня давить: въ куренные протурилъ.

— Такъ и надо. Мой отецъ тоже въ рудникъ робилъ.

— Ты слушай!.. Ну послѣ того, какъ онъ не могъ тебя выцарапать изъ города, взялъ къ себѣ Пелагею Семихину.

— Пелагею! Господи! чуть не крикнула Прасковья Игнатьевна.

— Ну, а потомъ онъ взялъ къ себѣ Илью, твоего брата, въ лакеи.

— Ну?

— Ну вотъ такъ и жили Илья и Пелагея у прикащика до той поры, какъ волю объявили въ заводѣ, и понравились они другъ другу.

— Што ты? Это Ильи-то? Вѣдь ему еще девятнадцати лѣтъ нѣту.

— Ну это пустяки, потому Илья-то и раньше хотѣлъ жениться на Аксиинѣ Горюновой. Все это было ладно, да грѣхъ случился. Какъ волю прочитали, прикащикъ разсорился съ Назаромъ Плошкинымъ и съ управляющимъ, и уѣхалъ въ городъ. А управляющій сдѣлалъ прикащикомъ Назара. Ну Илья загулялъ и говорить всѣмъ, что онъ женихъ Пелагеи Семихиной, и сталъ продавать прикащикія вещи, да ему надавали фальшивыхъ денегъ, за которыя онъ и сидитъ въ острогѣ.

— Господи! Да што это за напасть... Курносова заплакала.

— Этого еще не доставало! Господи, когда это конецъ-го будетъ, право... Я и раньше думала, что изъ Ильки не будетъ толку.

Потомъ Корчагинъ собралъ ей заводскія новости, сказалъ, что онъ въ заводъ не поѣдетъ, а Подкорытовъ рекомендовалъ его одному мастеру, и онъ будетъ получать въ мѣсяцъ рублей пятнадцать. Но это не развеселило Курносову.

— Прощай, Прасковья Игнатьевна. Мнѣ надо съ тобой еще кое-о чемъ поговорить, да ты теперь встревожена больно... Попроси своего-то хозяина, чтобъ онъ выхлопоталъ тебѣ бумагу отъ повѣреннаго, да не поможетъ ли онъ твоимъ братьямъ... На Тимофея-то Петровича надежда плоха, онъ нонѣ послѣ жены все пьянствуетъ.

А тѣмъ временемъ перевели Илью Игнатьича въ городской острогъ, о чемъ Корчагинъ немедленно извѣстилъ Курносову. Илья Глумовъ заболѣлъ и отпавленъ былъ въ лазаретъ. Курносова навѣщала его и плакала. Корчагинъ молчалъ. Его тоже давило горе.

Вдругъ Илья Игнатьичъ сказалъ сестрѣ:

— Ты не реви!.. Вонъ Вася, твой женихъ, не реветъ же. — Женихъ, скоро у тѣ свадьба-то?

Корчагина подернуло, онъ поблѣднѣлъ; Курносову затрясло и оба они скоро вышли изъ острожнаго лазарета, а выйдя на улицу, Курносова сказала Корчагину:

— Ты съ какой стати меня невѣстой называешь?.. Ишь мнѣ даже не сказалъ...

— Прасковья Игнатьевна, радость моя, говорилъ со слезами Корчагинъ.

— Прасковья Игнатьевна, пошла отъ него чуть не бѣгомъ.

Корчагинъ стоялъ какъ помѣшанный и не зналъ, что ему сказать Прасковѣ Игнатьевнѣ,

Прошелъ мѣсяцъ. Корчагинъ и Курносова нигдѣ ни встрѣчались.

Корчагинъ заработалъ еще кромѣ хозяйской платы пять рублей и весьма похудѣлъ отъ того, что всѣ его хлопоты за Курносову не стоили даже благодарности. „Не люди, такъ Богъ знаетъ, сколько я мучился, какъ любилъ ее и для чего...“ Но онъ все-таки надѣялся добиться чего нибудь. Случай скоро представился: работалъ онъ на одного Панкратовскаго жильца и бывалъ у него часто. Скоро онъ познакомился съ старой кухаркой, и такъ какъ мастеръ, у котораго онъ работалъ, жилъ близко отъ дома Панкратовыхъ, то онъ съ кухаркой видѣлся часто.

— Ну что? спрашивалъ онъ разъ старуху.

— Да говорила во дворѣ: „што, говорю, нейдешь, дѣвка, замужъ. Она этто глаза вытаращила и говоритъ: ужъ я дала себѣ слово ни за кого не выходить замужъ и не выйду. Будь тутъ хоть кто. Всѣ, говорить, мужчины плуты...—Ну я говорю, ты еще мало знаешь людей.—Видала, говорить, много.—Я и говорю: „ну вотъ вашъ Корчагинъ чѣмъ не женихъ. Одно слово мастеръ, да и старался сколько для тебя.—Она и говоритъ, все это я передумала, да кабы онъ одну штуку не сдѣлалъ, пошла бы за него“.—„Какую?“ спрашиваю.—Про это, говорить, онъ самъ знаетъ. А я, говорить, проживу и безъ мужа, потому работой буду весь вѣкъ кормиться и на меня указала: ты говорить, Пантелѣевна ужъ старуха, а все-таки въ людяхъ живешь, работаешь. Такъ и я буду маяться...

— Горда вишь она больно заключила старуха.

Корчагинъ очень разобидѣлся этимъ, но мало по малу, какъ раздумался, сталъ приходить къ тому заключенію, что Курносова пожалуй и права, и ее теперь упрашивать не стоитъ. „Я ей не полюбился должно быть сначала. А это я знаю потому, что она и прежде неохотно со мной разговаривала. Значить, я насильно хотѣлъ жениться на ней. А насильно милому не быть... Штожь такое! Дѣвочекъ много... Только кромѣ нея мнѣ ни одна дѣвка не нравится, да и она честная, работающая дѣвка, съ ней легче бы было горе мыкать.. Досадно, что та, кою ты любишь, считаетъ тебя ворогомъ... И что я за дуракъ,

не сообразилъ раньше объ этомъ?.. А што я для нее сдѣлалъ — сдѣлалъ бы тоже всякій съ моимъ характеромъ.

Корчагинъ не загулялъ съ горя, а сталъ крѣпче работать. Товарищи, прослышавшіе отъ кухарки помощника бухгалтера о его интригѣ, подсмѣивались надъ нимъ, но съ нимъ шутить было неловко и они изрѣдка только отъ нечего дѣлать языкъ чесали.

Шелъ какъ-то Корчагинъ по городу, неся столъ на головѣ. Попалась ему на встрѣчу Курносова. Онъ даже не мигнулъ и прошелъ мимо ея молча. Курносова также не поклонилась ему, а когда онъ прошелъ, оглянулась и долго стояла, глядя на удаляющагося Корчагина.

— Осердился... А вѣдь я дура: онъ много заботился обо мнѣ. Не онъ—такъ что бы было со мной? Эти мысли день ото дня мучили ее, но ей не хотѣлось думать о немъ, не хотѣлось видѣть его: въ немъ было что-то противное, онъ напоминалъ ей обо многомъ.

— Ужо я ему скажу: пусть онъ не попадается мнѣ на глаза. А то ужъ онъ больно близко живетъ; не хорошо по улицѣ пройти: всѣ на тебя глядятъ.

На другой день она пошла за табакомъ для Панкратова. Идетъ Корчагинъ на встрѣчу, а какъ ближе сталъ подходить, отвернулъ лицо въ сторону. Курносова остановилась.

— Василій Васильичъ....

— Ну?

— Ты што все меня караулишь?. Я не люблю, кто надо мной подглядываетъ.

— Это отъ чего? сказалъ свирѣпо Корчагинъ.

— Оттого што мнѣ тошно на тебя глядѣть; больно... Не то—я на другое мѣсто уйду.

Корчагинъ перешелъ къ другому мастеру, и Курносова не видала его годъ.

Ее мучило то, что она обидѣла Корчагина, ей жалко его, онъ такой добрый былъ, ласковый... Поговорить бы съ нимъ ладкомъ... нѣтъ... не надо... не люблю я его и сама не знаю отчего... Черезъ годъ Корчагинъ вдругъ пришелъ въ кухню Панкратова. Курносова поблѣднѣла.

Прощай, Прасковья Игнатьевна, проговорилъ онъ. Голосъ его дрожалъ.

— Ты куда?

— Теперь я вольный—пятнадцать лѣтъ кончилось моей службы на заводѣ. Теперь иду въ мотовилихинскій заводъ, тамъ пушки будутъ лить. Прощай. Не поминай ляхомъ.

— Прощай... едва слышно сказала Курносова; сердце у нея

обмерло, голова отяжелѣла и она не замѣтила, какъ вышелъ Корчагинъ.

Она хотѣла бѣжать, догнать его, броситься ему въ ноги и благодарить его много—много за все, что онъ сдѣлалъ ей, но на нее крикнула хозяйка.

— Што стоишь, ротъ-то разинула?.. Ишь любовника завела, сука! Курносова поглядѣла на нее такъ зло, что та сказала:

— Это что такое значить, матушка?

Курносова заплакала, а хозяйку это больше взбѣсило, она начала ругаться.

— Матушка барыня, вѣдь онъ много для меня сдѣлалъ... Онъ жениться хотѣлъ на мнѣ, да я отказала: онъ опротивѣлъ мнѣ.

— Ну и бѣги за нимъ. Пошла хоть сейчасъ, плакса ты про-
глатая....

— Куда я пойду... Если бы я такая была.

— Нечего юнчить-то, барыней-то сидѣть, шевелись!

Весь этотъ день Прасковья Игнатьевна провела, какъ помѣшанная: то у нея въ глазахъ двоилось, то она не понимала наказовъ хозяйки, то за одной вещью ходила по три раза и не находила ее... И досталось же ей отъ Варвары Андреевны.

Вечеромъ хозяйка, сидя съ мужемъ около стола и наслаждаясь чаепитіемъ, вдругъ позвала Курносову. Курносова плакала, ей жалко было себя и она думала, что она гордая и отъ гордости обидѣла Корчагина.

— Смотри, Семенъ Семенычъ, все плачетъ, сказала, улыбаясь хозяйка.

— Надо ее замужъ выдать.

— На, пей чай-то. Пей здѣсь, проговорила хозяйка Курносовой, подвигая чашку съ чаемъ. Она думала этимъ оказать ей большое благодареніе.

— Покорно благодарю... сказала едва слышно Курносова.

— А дѣвка дура, што не пошла замужъ. Мужъ — мастеръ, значить, житье хорошее. Смотри, наши мастера прицѣвючи живутъ, говорилъ Панкратовъ.

— А вѣдь мужичка, и та любовь разбираетъ: не люблю, говорить, его.

— Значить—другой есть на примѣтъ.

Курносова глотала горькія слезы и думала: уйду же я отъ васъ!

Хозяйка послѣ чаю заставила Курносову надвизывать чулокъ и говорила: хорошо ты дѣлаешь, что не выходишь замужъ. Я ужъ знаю, што мужчины только до свадьбы ангелы, а послѣ—бѣда. А ты такая подхалюза (т. е. смирная).

А Курносова думала: вотъ твой мужъ смирный, и куда ты какъ бойчѣе супротивъ него, но молча слушала наставленія хозяйки.

Прошелъ мучительно мѣсяцъ; Корчагинъ дѣйствительно уѣхалъ далеко, а Прасковья Игнатьевна осталась мыкать свое горе у Панкратовыхъ.

Дальнѣйшая исторія моихъ бѣдныхъ таракановцевъ оканчивается печальной катастрофой. Прасковья Игнатьевна, измученная работой и сильно заболѣвшая отъ простуды, слегла въ постель и года черезъ два послѣ того, какъ Корчагинъ оставилъ городъ, умерла одинокая и всеми забытая въ общественной больницѣ. Братъ ея Илья Глумовъ, просидѣвъ въ острогѣ слишкомъ три года, ушелъ на поселеніе и скоро тамъ окончилъ дни свои въ бѣгахъ, въ холодную зиму, на большой сибирской дорогѣ. А Николай Глумовъ пропалъ безъ вѣсти, такъ что никто больше не слышалъ о немъ... Что же до Переплетчикова, то, съ освобожденіемъ крестьянъ, кончилось его раздольное житье; поссорившись съ управляющимъ, онъ попалъ подъ судъ и, разсоривъ свои награбленныя денежки, съ горя запилъ и безвыходно сидѣлъ въ кабакахъ, ожидая даровой рюмочки. Пелагея Семихина, бѣжавшая съ Глумовымъ, пріютилась въ публичномъ домѣ, проклиная свою судьбу и прикащика. Только Корчагинъ вышелъ, что называется, въ люди. Устроившись на литейномъ заводѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ трудолюбіемъ и года черезъ два, накопивъ малую толику денегъ, основалъ свою собственную мастерскую, на которой работали все почти таракановцы. Какъ всѣ бѣдные и много терпѣвшіе люди, разбогатѣвъ, дѣлаются *кулаками*, и Корчагинъ славился *кулачествомъ*. Съ рабочими онъ обращался круто и пользовался ими, какъ вьючнымъ скотомъ. Раздавая по праздникамъ грошовое подаваніе, онъ съ чистою совѣстію забивалъ въ могилу сотни людей непосильнымъ трудомъ, который наваливалъ на своихъ работниковъ. Домъ его былъ полной чашей счастья, а мастерская—слезъ и страданій.

ГДѢ ЛУЧШЕ?

I.

Зима. Небо заволокло тучами. Дуетъ рѣзкій вѣтеръ. На большой дорогѣ, близъ села Моргунова, никто нейдетъ и не ѣдетъ; только полѣсовщикъ, сиди у своего шалаша, имѣющаго видъ пирамиды, занесеннаго и убитаго для тепла съ трехъ сторонъ снѣгомъ, покуриваетъ изъ трубки махорку и, пошевеливая направо и налево, сосредоточенно смотритъ на толстое сосновое дерево, однако стоящее отъ опушки лѣса, сквозь который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь, въ зимнее время, видятся пустыя пространства, покрытыя толстыми слоями снѣга. Вотъ проѣхала тройка почтовыхъ лошадей, запряженная въ повозку съ заледенѣлою поверхъ ея накладкою съ почтовымъ ящикомъ и какимъ-то чиновникомъ въ шинели и фуражкѣ съ кокардою; но еслибы не колокольцы, то полѣсовщикъ, казалось, и не обратилъ бы вниманія на этихъ проѣзжающихъ. Когда повозка уже скрылась съ изгибомъ дороги изъ вида, полѣсовщикъ всталъ, засунулъ трубку въ карманъ полушубка и сказалъ глядя на дерево:

— Кабы не начальство, срубилъ бы я тебя! Ей-Богу,.. Два бревна бы изъ тебя сдѣлалъ и полтинникъ былъ бы у меня въ кошелѣ... И знатный бы я купилъ платокъ хозяйскъ!.. А срубить нельзя, потому всѣ деревья на перечесть

И полѣсовщикъ, почесавши спину, ушелъ въ шалашъ.

Немного погодя, на дорогѣ съ западной стороны, показалась небольшая группа людей, шедшихъ вразсыпную.

Когда изъ шалаша вышелъ полѣсовщикъ съ чугуннымъ ломомъ, эта группа, состоящая изъ пяти человекъ, уже приближалась къ нему.

Полѣсовщикъ, положивши ломъ на лѣвое плечо, сталъ разглядывать приближавшихся путниковъ. Впереди шелъ мужчина лѣтъ 48 съ карявымъ широкимъ лицомъ, на правой щекѣ котораго былъ большой шрамъ, съ кудреватыми пепельнаго цвѣта волосами и маленькой бородкой тоже пепельнаго цвѣта, съ большими глазами, густыми сросшимися бровями, съ толстымъ

носомъ и бородавкой на лѣвой ноздрѣ. На немъ надѣтъ былъ тулупъ, спитый изъ овчинъ и покрытый синимъ, уже облинявшимъ сукномъ. На ногахъ сапоги, на головѣ фуражка, на шеѣ ситцевый платокъ, свернутый на подобіе галстука. За нимъ шелъ человекъ лѣтъ двадцати восьми, съ блѣднымъ, привлекательнымъ лицомъ, голубыми умными глазами, съ небольшими усами и пепельнаго цвѣта волосами на головѣ, остриженными въ скобку. На немъ тоже былъ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, съ закинутыми полами за красную тканую опояску: на головѣ фуражка, на ногахъ сапоги. Шагахъ въ двухъ отъ него шла женщина лѣтъ двадцати, съ румянымъ правильнымъ лицомъ, карими глазами. Голова ея была покрыта желтымъ шерстянымъ платкомъ съ радужнымъ кружкомъ, въ видѣ колеса, на затылкѣ; на ней надѣтъ шугайчикъ, подбитый куделею и покрытый зеленымъ тикомъ. Этотъ шугайчикъ покрываетъ только грудь и спину, а ситцевый свѣрый съ цвѣточками сарафанъ служить дополненіемъ одѣянія; но и сарафанъ этотъ не совсѣмъ прикрываетъ ноги, обуты въ шерстяныя чулки и ботинки. Всѣ трое несли на спинахъ по мѣшечку или узелку разныхъ величинъ, а у втораго мужчины, кромѣ этого, къ мѣшку была привязана пила. За женщиною шли рядомъ два мальчика, изъ коихъ одному было лѣтъ осемнадцать, другому пятнадцать. Лицо старшаго было очень блѣдно и худощаво, на немъ выражалась боль; лицо же младшаго было полно, румяно и красиво; въ глазахъ старшаго замѣчалась злость, презрѣніе, въ глазахъ младшаго хитрость и плутоватость. Костюмами оба мальчика не щеголяли: на обоихъ надѣты были тиковые халаты одинаковаго зеленого, полинявшаго цвѣта, продравные подъ пазухами и на локтяхъ, отъ чего у старшаго виднѣлась загрубѣлая сине-красная кожа локтя, а у меньшаго рукавъ красной изгребной рубахи; на обоихъ были надѣты фуражки съ разорванными бумажными козырьками; на ногахъ старшаго были худые сапоги, на ногахъ младшаго ботинки.

Первый мужчина поравнялся съ полѣсовщикомъ.

— Здорово, живая душа!—проговорилъ онъ, снявъ фуражку, и пошелъ къ полѣсовщику.

Остальные сгучились въ одномъ мѣстѣ, но второй мужчина пошелъ за первымъ.

— Куда Богъ несетъ?—спросилъ улыбаясь полѣсовщикъ, глядя на лицо подошедшаго мужчины.

— Туда, гдѣ лучше.

— Ха, ха!

— Да! Вотъ ты и раскуси!.. Небось много лѣтъ по лѣсу шагаешься, а не выдумалъ другаго мѣста?

— Что и говорить!—и полѣсовщикъ задумался.

Мужчина сталъ накладывать въ трубку табакъ; полѣсовщикъ тоже вытащилъ свою трубку и подставилъ лѣвую ла-

донь къ мужичиѣ; тотъ, не говоря ни слова, насыпалъ на ладонь полѣсовщика немного табаку.

— Скоро ли вы тамъ?—сказала женщина по-заводски, растягивая послѣднее слово.

На нее никто не обратилъ вниманія. Мальчишки пошли къ шалашу, за ними пошла и женщина.

— Издалека идете?—спросилъ мужичиѣ полѣсовщикъ.

— Да верстъ двѣсти будетъ...

— Сперва ѣхали по-цыгански—всѣ вмѣстѣ, то на дровняхъ, то на дровахъ, какъ придется. Да больно тихо и холодно. Пѣхтурй-то лучше!—говорилъ молодой мужчина.

— Такъ вы туда, гдѣ лучше! Гмъ!! Гдѣ же это такое мѣсто?—говорилъ въ раздумьи полѣсовщикъ.

— Искать будемъ.

— Это всѣ вмѣстѣ,—всѣ пятеро?! Это хозяйка, молодухато?—спросилъ полѣсовщикъ молодаго мужчину.

— Хозяйка.

— То-то: лицомъ-то схожи.

— Вретъ! Какая я ему хозяйка: онъ Короваевъ, а я Мокроносова.

Молодой мужчина поглядѣлъ сердито на женщину.

— Чего лицо-то корчишь? Ты напередъ женись на мнѣ да потомъ и хвастайся!—проговорила женщина.

— Однако, баба-то у васъ вострая. А должно быть неакуратная, што у нее башмакъ развязался и завязка э-вонъ-дѣ болтается,—проговорилъ полѣсовщикъ и захохоталъ.

Щеки женщины покраснѣли болѣе обыкновеннаго и она, отошедши немного, стала завязывать ботинокъ.

— Што жъ, али у васъ своево хозяйства нѣту, што вы пошли?—спрашивалъ полѣсовщикъ путниковъ.

— Было, да развѣхалось,—сказалъ пожилой мужчина.

— А ты видно столяръ?

— А што? Есть здѣсь гдѣ работа?

— Да оно пожалуй: столяръ не полѣсовщикъ... Вамъ объ этомъ говорить нечего—люди заводскіе, какъ и я, грѣшный человекъ. Только у меня въ селѣ Демьяновомъ есть шуринъ; такъ, братецъ ты мой, онъ этимъ ремесломъ такъ разжился, что мое почтеніе! Съ измальства къ этой работѣ приучился.

— А ты-то што же торчишь тутъ?

— Э! То-то, ты заводскій человекъ, а ума-то у те мало. Што и говорить, коли, разъ я не обученъ къ такому ремеслу... топоромъ я мастеръ, а стругать—нѣтъ; а другой: здѣсь все жъ вольготнѣе,

— Такъ онъ какъ, одинъ, или съ рабочими работаетъ?

— Одинъ-одинъ, безъ рабочихъ, какъ перстъ... Да и окромя

его есть мастера, да ужь тѣ супротивъ него далеко не въ ходу. А ты не къ намъ ли искать-то счастья идешь?

— Нѣтъ... я посмотрю.

— То-то. Если къ намъ, такъ ты ожжешься. Народъ у насъ вотъ какой: все бы взять... А што до отдачи, такъ на этомъ покорно благодаримъ... Вотъ што!

— Што жъ мы здѣсь на житье што-ли пришли? — крикнула женщина.

— Такъ, ты говоришь, мѣсто дрянъ? Эдакъ нажить капиталъ нельзя? — спросилъ полѣсовщика пожилой мужчина.

— Ха, ха! Да откуда нажитья-то? Ежели торговлей, такъ торгашей — какъ червей!

— Ну, это еще надо узнать. Прощай, другъ; спасибо за огонь!

И путники пошли не торопясь, разговаривая другъ съ другомъ.

Полѣсовщикъ долго стоялъ въ одномъ положеніи, глядя на удаляющихся путниковъ.

— Ишь ты! Пошли искать, гдѣ житье лучше! Оказія! — сказалъ онъ, и какъ только скрылись путники, пошелъ въ лѣсъ, говоря самъ съ собою: — гдѣ лучше?.. Посмотрѣть на васъ, такъ плевка не стоите. А тоже чевото ищуть... Ахъ горе, горе!..

II.

Пожилой мужчина, Терентій Ивановичъ Горюновъ, — отставной мастеровой Терентьевскаго горнаго завода; женщина, Пелагея Прохоровна Мокроносова, — мастерская вдова, племянница Терентья Ивановича Горюнова; мальчики — ея братья: старшій — Григорій Прохоровичъ Горюновъ, младшій — Панфилъ Прохоровичъ Горюновъ. Другой мужчина — мастеровой Терентьевскаго горнаго завода, Власъ Васильевичъ Короваевъ.

Всѣ эти лица назадъ тому годъ жили въ Терентьевскомъ частномъ горномъ заводѣ и имѣли различныя занятія. Терентій Ивановичъ съ самаго дѣтства слылъ въ заводѣ за чудака, потому что забавлялъ всѣхъ своею непонятливостію и своею смѣшною фізіономіею, которая, говорятъ, съ дѣтства была очень уродлива. Поэтому, можетъ быть, онъ, вмѣсто рудничныхъ работъ, попалъ на посылки къ разнымъ должностнымъ лицамъ завода, и въ такомъ положеніи проболтался до двадцати-пятилѣтняго возраста, когда у него явилось непреодолимое желаніе жить своимъ умомъ, своимъ хозяйствомъ и имѣть самостоятельный родъ занятій. На первыхъ порахъ онъ могъ выдумать

только музыкальное занятіе, т. е. игру на гармоникѣ, на которой лучше его во всемъ заводѣ никто не игралъ. Сталъ онъ разыгрывать въ кабакахъ разныя заводскія пѣсни; а такъ какъ кабаки въ то время существовали отъ откупа, водка была дорогая и скверная, почему въ будни покупателей ея было мало, то цаловальники придумали такое средство: за каждое посѣщеніе Терентія Горюнова съ музыкой и за игру для посѣтителей, не менѣе десяти человѣкъ, платитъ ему гривну мѣди. И Терентій Горюновъ ежедневно по вечерамъ, какъ разъ къ тому времени, какъ рабочіе возвращались съ работъ изъ фабрикъ домой, садился на крылечко кабака и, завидя какого нибудь рабочаго, начиналъ играть какую нибудь заунывную заводскую пѣсню, зная напередъ, что у рабочаго и безъ музыки не весело на душѣ. Поравнявшись съ Горюновымъ, рабочій останавливался.

— Што, Тешка, горе великое, плачешь? — спрашиваетъ рабочій.

— Горе мое великое, выпить хочется, да денегъ не ма! — говоритъ Горюновъ и продолжаетъ наигрывать

— Будь ты проклятая пакля!

Рабочій плюнетъ и поидетъ.

— А ты заходи: въ долгъ повѣрнуть, а я развеселю.

Рабочій подумаетъ-подумаетъ; руки и ноги болятъ отъ работъ, кости ломить, на душѣ не весело, и пойдетъ въ кабакъ, и если итъ денегъ, цаловальникъ отпуститъ водки на мѣдокъ.

Мало по малу музыка Горюнова производила свое дѣйствіе: за однимъ рабочимъ шли въ кабакъ другіе и выпивая водки, заставляли его играть на гармоникѣ. И рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы Горюновъ не получалъ отъ цаловальниковъ по гривнѣ. Но зато эти деньги не легко ему доставались. Не говоря уже о мозоляхъ на пальцахъ, ему постоянно приходилось сносить насмѣшки и ругательства рабочихъ, заключавшіяся въ томъ, что онъ, Горюновъ, нарочно прикинулся дурачкомъ для того, чтобы ему не работать, что онъ вовсе не дуракъ, а первый плутъ во всемъ заводѣ. Хотя Горюновъ и старался доказать, что онъ тоже работникъ, потому что играть цѣлый вечеръ для одного или нѣсколькихъ рабочихъ не штука, что, забавляя рабочихъ онъ этимъ самымъ, такъ сказать, выкупаетъ фабричную работу, но его не хотѣли слушать ни пьяные, ни трезвые. Доходило до того, что пьяные его били за малѣйшее ослушаніе, или просто за то, что онъ не умѣлъ угодить имъ игрой, такъ какъ музыка доводила нѣкоторыхъ до остервенѣнія. Однако, какъ ни ругали его рабочіе въ пьяномъ видѣ, онъ все-таки слылъ въ заводѣ за отличнаго игрока, и только непьющіе водки называли его пропащимъ человѣкомъ.

Своею гармоніею, а главное игрой, Горюновъ произвелъ мало по малу такое дѣйствіе, что не было въ заводѣ мужчины, ко-

торый бы хоть разъ не поѣтилъ кабака и не выпилъ тамъ чего нибудь. Если кто до тѣхъ поръ имѣлъ о кабакѣ дурное понятіе, тотъ съ этого времени находилъ много въ немъ утѣшенія; непьющій водки человѣкъ заходилъ туда потѣшиться надъ пьяными товарищами и выпить за компанію кружку пива, которая стоила грошъ; дома убійственное однообразіе, пискъ дѣтей, ворчаніе старухи-матери; въ кабакѣ—пляски, дружественные разговоры, игра Горюнова на гармоникѣ, пѣсни... И Горюновъ прославился. Но сильно за то его не взлюбили женщины и дѣвицы. По ихъ понятіямъ Горюновъ былъ самый развратный негодяй, котораго непремѣнно нужно какимъ нибудь образомъ вытурить изъ завода, потому что онъ развращаетъ мужей, отцовъ, братьевъ, сыновей и жениховъ. Прежде, бывало, мужчины въ свободное время что нибудь дѣлали дома, а теперь все время проводятъ въ кабакѣ, и если не пьянствуютъ, то играютъ въ карты или въ шашки. Кабакъ не только для взрослыхъ, но и для подростковъ сталъ лучше дома. Прежде, бывало, подростокъ играетъ съ дѣвками на улицѣ въ мячъ, а теперь сидитъ въ кабакѣ и сосетъ трубку или папироску... И чего-чего не дѣлали бабы и дѣвки заводскія съ Горюновымъ! Мало того, что онѣ ругали его въ глаза, но частенько изъ-за угла выливали на него ушатъ съ водой, хлестали по немъ изъ оконъ мокрыми вѣниками, жаловались на него полицейскому начальству—ничто не помогло... Но въ жизни всегда бываетъ такъ, что то, противъ чего мы протестуемъ во время нашей скуки, въ другое время намъ нравится. Такъ и безъ Горюнова не проходила ни одна богатая вечеринка или свадьба въ заводѣ, ни одно народное гулянье; тогда Горюновъ нравился всѣмъ своею игрою, нравился женщинамъ своею острою, дѣвкамъ шуточками, уморительными разсказами, иногда даже очень некрасиваго свойства, да притомъ онъ не протестовалъ, когда надъ его лицомъ и манерами издѣвались хуже, чѣмъ надъ куклой.

Горюновъ былъ добрѣйшее существо: никто не слыхалъ отъ него никогда не только браннаго слова, но и неудовольствія; онъ всегда казался веселъ, доволенъ своею судьбою; но никто не зналъ того, что такое занятіе не нравится Горюнову. Никто не зналъ, что Горюновъ замышляетъ другой родъ занятій, копить гривны, собираетъ всякія бросовыя вещи (что относили къ его дураковатости)... И каково же было удивленіе терентьевцевъ, когда Горюновъ къ масляницѣ соорудилъ для заводчанъ катушку съ горы!.. До тѣхъ поръ катушка существовала на пруду, т. е. ее дѣлали на столбахъ; теперь же Горюновъ разыскалъ въ горѣ такое мѣсто, которое какъ разъ было для этого удобно. Всѣ заводчане бросили старую катушку, кинулись къ Горюнову... Горюновъ торжествовалъ цѣлую масляницу и собралъ не мало денегъ. Деньги эти онъ употребилъ на покупку дома своей любовницѣ, вдовѣ Тюневой, которая тор-

говала на широкой улицѣ калачами и секретно пивомъ и брагой. Всѣ въ заводѣ знали про эту связь, но не обращали вниманія, потому что Горюнова считали за дурачка, а Тюневу за самую послѣднюю женщину, отъ которой уже нечего ожидать хорошаго. Горюновъ днемъ терся въ ея домѣ, изрѣдка зазывая гостей, угощая ихъ пивомъ и брагой и наигрывая на гармоникѣ, а по вечерамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, являлся къ брату. Семейство брата не только не было недовольно тѣмъ, что Терентій Ивановичъ ничего не помогаетъ въ хозяйствѣ, но ему даже пріятно было то, что онъ приноситъ ему то свѣчку сальную, то булку и утѣшаетъ маленькихъ ребятъ своими прибаутками. Въ семействѣ всѣ любили его, особенно дѣти.

Горюновъ никогда ничѣмъ не хвастался и ничѣмъ не гордился, да и нечѣмъ было; однако рабочіе заключили, что онъ не такой дуракъ, какъ объ немъ думаютъ бабы. Они думали, что Горюновъ не сирота пересталъ играть въ кабакахъ на гармоникѣ. Другіе на его мѣстѣ непремѣнно стали бы пьянствовать, попрошайничать, а онъ нѣтъ. Онъ своей любовницѣ даже купилъ, а это что нибудь да значить! И хоть бы любовница была молодая да красивая, а то корявая, длинноносая, низенькая ростомъ, — такая, что ее возметъ замужъ развѣ такой рабочій, которому не на комъ больше жениться; мало этого, любовница даже бьетъ Горюнова. Нѣтъ говорили рабочіе, Тешка выкинетъ какую нибудь штуку и удивитъ насъ всѣхъ чѣмъ нибудь, на то онъ и при полиціи, и при разныхъ начальникахъ на посылакахъ состоялъ, и отъ нихъ, вѣроятно, что нибудь да перенялъ... Пробовалъ-было рабочіе совѣтоваться съ нимъ — никакого не вышло толку: Горюновъ несетъ такой вздоръ, что смѣшно становится, а какъ засмѣются рабочіе, и онъ захохочетъ. Тѣмъ совѣты и кончатся.

Братъ Горюнова былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ съ малолѣтства работалъ въ рудникахъ, прошелъ всѣ тягости горнозаводской обязательной на помѣщика службы, былъ человѣкъ горячій, справедливый, ни кому не лстылъ, и отъ этого много терялъ, и наконецъ, за одну жалобу, сочиненную писаремъ Мокроносковымъ и подписанную имъ, его назначали въ самыя тяжелыя работы, гдѣ онъ и умеръ, а жена его, ходившая съ жалобой по этому случаю къ главному горному начальству, не только ничего не выходила, а ее привезли изъ горнаго города связанною, избитою и съумасшедшею.

Въ это время Горюновъ женился на любовницѣ, а племянница его вышла замужъ за писаря Мокроносова. Пелагея Прокоровна была дѣвушка смиренная, работящая. Ей нравился писарь не потому, что онъ умѣлъ играть на гитарѣ, говорилъ складно, умѣлъ рассказывать непонятныя для нея вещи такъ, что она понимала ихъ, но за то, что его любилъ ея отецъ. Самъ Мокроносовъ ничего хорошаго не могъ обшачать своей невестѣ,

а только увѣрялъ, что онъ ее будетъ любить, будетъ стараться для ея счастья всѣми силами, а главное, не станетъ пить водку, которую онъ, не задолго до свадьбы, сталъ употреблять въ большомъ количествѣ. И дѣйствительно, мѣсяца три супруги жили хорошо, но потомъ Пелагея Прохоровна стала замѣчать, что мужъ ея тоскуетъ, попиваетъ понемногу водку, не говоритъ съ ней ласково, а если и скажетъ, такъ съ сердцемъ. Узнала она, что мужа ея притѣсняють за то, что онъ возстаётъ противъ разныхъ несправедливостей, дѣлаемыхъ рабочимъ заводоуправленіемъ. Всячески старалась молодая женщина утѣшить своего мужа,—мужъ запилъ, нагрубилъ кому-то и его назначили куреннымъ рабочимъ; а тутъ еще стали бабы говорить, что онъ связался съ какою-то женщиною. Въ это время умерла ея мать, за долги отца ея съ братьями выгнали изъ дома, и она на первыхъ порахъ поселилась у дяди, который тогда уже занимался торговлею.

Наконецъ, мужъ Пелагеи Прохоровны захворалъ и умеръ; она осталась беременна и безъ средствъ, но, къ счастью, попала на квартиру къ доброй старушкѣ-ворожеѣ, у которой и родила мертвого ребенка. Но этого ребенка не удалось ей увидеть, потому что старуха-раскольница бросила его въ прудъ,—на что она имѣла свои причины. У этой-то старухи Пелагея Прохоровна познакомилась съ внукомъ ея, Власомъ Васильевичемъ Короваевымъ, котораго она и прежде нѣсколько разъ видала съ отцомъ.

Короваевъ—столярный мастеръ. Онъ работалъ чисто, хорошо и честно. Человѣкъ онъ былъ добрый, и малѣйшая несправедливость волновала его черезчуръ, но онъ никогда не задиралъ и не вооружалъ начальства, зная хорошо, что изъ этого ровни никакой не будетъ пользы ни ему, ни рабочимъ, а произойдетъ одинъ вредъ. Работу онъ имѣлъ всегда; былъ вхожъ и къ заводскому прикащику,—двигателю всего заводскаго дѣла. Онъ былъ холостъ, и не хотѣлъ жениться до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть средствъ откупиться на волю. Пелагея Прохоровна прожила въ его домѣ двѣ недѣли; какъ онъ, такъ и она другъ другу нравились, но между ними даже и рѣчи не заходило ни о любви, ни о женитьбѣ. Короваевъ видѣлъ въ Пелагеѣ Прохоровнѣ женщину молодую, слабую, неопытную, завлечь которую стоило небольшого труда; но ему совѣстно было говорить ей о томъ, чтобы она прискакала себѣ какойнибудь трудъ, что у него жить она долго не можетъ; сказать же ей, что она ему нравится и что онъ думаетъ жениться на ней, онъ не рѣшался до тѣхъ поръ, пока не выкупится на волю. Пелагея же Прохоровна думала: „онъ хорошій мастеръ, но человѣкъ гордый.—Вотъ бы такой мнѣ мужъ... Только онъ не ласковый“. А тутъ вышло такое обстоятельство, что ей нужно было идти къ прикащику хлопотать о провіантѣ у братьямъ. При-

кащикъ предложилъ ей быть его любовницей, и хотѣлъ даже послать за ней лошадь вечеромъ, но вечеромъ же по заводу разнеслась вѣсть, что въ заводъ привезли *волю*. Переполохъ по этому случаю въ заводѣ былъ страшный, и продолжался недѣли три, и въ это время Пелагею Прохоровну дядя Горюновъ и Власъ Васильевичъ увезли въ городъ Заводскъ, гдѣ и нашли ей мѣсто кухарки, но сами попали въ острогъ по подозрѣнію въ кражѣ вещей у одного богатаго купца. Въ острогъ они просидѣли больше мѣсяца, ихъ нашли невиновными, но за то они не получили назадъ денегъ, взятыхъ у нихъ при арестованіи; у Терентія Ивановича пропала въ городѣ лошадь съ телѣгой; когда же ихъ привезли въ заводъ, какъ бѣглыхъ, то Короваевъ узналъ, что его сестра Василиса сожгла его домъ, уѣхала на рудникъ и живетъ тамъ съ нарядчикомъ, что Григорій Прохорычъ работаетъ на рудникѣ въ шахтѣ, Павиль въ фабрику; Горюновъ засталъ свою жену больною, жена сказала ему, что его домъ отбираетъ начальство за его прогулы.

Домъ отъ Горюнова, дѣйствительно, отняли за то, что онъ прежде не работалъ на заводъ и не поставлялъ вмѣсто себя работниковъ, и выдали ему чистую волю. Горюновъ поѣхалъ жаловаться, но ничего не выходило, а прожилъ всѣ деньги. Безъ денегъ въ заводѣ ему нечего было дѣлать, а заниматься на фабрику или въ лѣсу онъ не хотѣлъ; Короваевъ тоже не могъ никакъ поправиться, потому что ему мѣсяца три нужно было зарабатывать деньги на инструменты. Обоимъ друзьямъ жизнь опротивѣла въ заводѣ; вездѣ они видѣли несправедливости; народъ сталъ бѣднѣть, воровать, пьянствовать; многіе пошли искать счастья въ другія мѣста.

Поэтому, Горюновъ, послѣ смерти жены, рѣшился идти въ другое мѣсто искать счастья; съ нимъ согласился идти и Короваевъ. Племянники Горюнова тоже обрадовались этому и стали проситься съ нимъ. Горюновъ и Короваевъ рѣшили поосмотрѣться въ городѣ. Но въ городѣ рабочихъ рукъ оказалось такъ много, что не только нашимъ терентьевцамъ, но и многимъ другимъ трудно было достать какую нибудь работу. Нельзя сказать, чтобы работы не было; но при наплывѣ рабочихъ со всѣхъ сторонъ, плата за работу дается небольшая, прежніе рабочіе стараются держаться прежнихъ мѣстъ, а болѣе ловкіе оттираютъ отъ работы простаковъ. Горюновъ и не искалъ для себя работы,—ему хотѣлось торговать, потому что и прежде онъ торговалъ гвоздями, мѣдною посудою, фальшивыми серебряными вещами, но такъ какъ теперь у него ничего не было для продажи, то нечего было и думать о торговлѣ. Походилъ онъ, по городу съ недѣлю; навѣстилъ знакомыхъ мастеровъ, которымъ прежде продавалъ камни—аметистъ, топазъ и пр., хотѣлъ купить у нихъ выдѣланныя вещи, но мастера страшно дорожились. Постушить же куда нибудь въ лавку прикащикомъ Горю-

новъ не могъ, потому что въ прикащики принимаютъ людей знакомыхъ, по рекомендаціямъ. Такъ Горюновъ и прожилъ безъ дѣла съ мѣсяць. Короваевъ тоже не могъ найти выгодную работу, потому что въ городѣ очень много цеховыхъ мастеровъ и работать на прадажу бесполезно. Счастливіе ихъ были Григорій и Панфилъ: они попали въ извозчики, съ платою въ мѣсяць по три рубля.

Положеніе Горюнова и Короваева было довольно неказистое: деньги выходили, а достать неоткуда...

— Здѣсь сколько хошь живи, ничего не наживешь. Этотъ городъ просто помойная яма!—говорилъ Горюновъ.

— Да, Терентій Ивановичъ! Были мы съ тобой люди опытные когда-то.

— Не мы этому виноваты... Однако, надо идти въ другое мѣсто. Вотъ что я придумалъ: вѣдь у тебя много знакомыхъ съ золотыхъ приисковъ. Не махнутъ ли намъ туда?

— Знакомые есть, только развѣ они помогутъ?.. Развѣ въ ихней волѣ давать намъ плату?

— Ты не то судишь! Мы будемъ имѣть золото ...

— Я на это не согласенъ. Лучше идти въ другое мѣсто, гдѣ меньше городскаго народа.

— Постой! я мальчикомъ былъ въ селѣ Моргуновѣ,—тамъ соль добываютъ. Работы страхъ какъ много.

— Не лучше ли намъ идти на пушечный заводъ? Онъ, говорятъ, только-что начинается.

— Нѣтъ, ужъ я туда не пойду: тамъ рабочихъ теперь много. Ужъ если здѣсь ихъ много, то тамъ и еще больше, а въ Моргуновѣ должны быть свои люди.

Черезъ два дня послѣ этого разговора, пораспросивши у разныхъ рабочихъ, гдѣ лучше жить, Короваевъ и Горюновъ рѣшили идти на соляные промыслы. Но оставалось еще одно затрудненіе:

— Мы какъ пойдемъ: одни, или нѣтъ?—опросилъ Короваевъ Горюнова.

— Это ты насчетъ нашихъ-то спрашиваешь... Оно, конечно, лучше, если всѣ выѣстѣ будемъ жить. Только самъ разсуди... баба!

— Ну, съ Палагеей Прохоровной мы, можетъ быть, и поладимъ.

— То-то, чтобы не вышло чегонибудь...

Горюновъ пошелъ на квартиру Пелагеи Прохоровны. Она еще очень недавно поступила въ кухарки къ женѣ столоначальника и говорила, что хуже этого мѣста она нигдѣ въ городѣ не имѣла. Но какъ ни тяжела была жизнь въ кухаркахъ, ей все-таки не хотѣлось уходить изъ города, къ которому она начинала привыкать. Поэтому, когда Горюновъ сдѣлалъ ей предложеніе, что

бы идти вмѣстѣ съ нимъ, братьями и Короваевымъ въ другое мѣсто, она долго не соглашалась, и Горюновъ убѣдилъ ее только тѣмъ, что она будетъ сама хозяйка, не намекая, впрочемъ, на Короваева.

Въ это время у Пелагеи Прохоровны былъ уже короткій знакомый, дворникъ сосѣдняго съ ея хозяйкою дома, Егоръ Максимовичъ. Ему было годовъ подъ сорокъ, но онъ былъ еще красивый мужчина. Часто, какъ только Пелагея Прохоровна поидеть куда нибудь, Егоръ Максимовичъ выходилъ изъ калитки, кланялся ей и говорилъ любезности. Случалось по вечерамъ, когда не было дома хозяйина и хозяйки, Пелагея Прохоровна сидѣла на лавкѣ рядомъ съ Егоромъ Максимовичемъ и разговаривала о заводской жизни, о своей барынѣ и т. п.; но Егоръ Максимовичъ вель себя прилично и никогда не дозволялъ себѣ сказать какое нибудь неприличное слово. Егоръ Максимовичъ былъ вдовъ и имѣлъ уже взрослую дочь. Поэтому ей ни какъ не приходило въ голову, что бы онъ могъ предложить ей выйти за него замужъ; ей просто нравилось говорить съ хорошимъ человѣкомъ, посовѣтовать съ нимъ.

Собралась Пелагея Прохоровна совѣмъ, распростилась съ хозяйкой и пошла къ Егору Максимовичу.

— Куда это?—спросилъ тотъ, точно въ испугѣ.

— Искать доброе мѣсто—гдѣ лучше!

— Здѣсь, въ городѣ?

— Нѣтъ. Дядя съ собой зоветъ.

— Напрасно, Пелагея Прохоровна... А я на тебя надѣялся...

— Хуже этой барыни ужъ едва ли я еще кого найду... Ужъ теперъ я въ кухаркахъ не буду жить.

— Ну, это еще вилами писано!.. А я на тебя крѣпко полагаюсь...

— Что такъ?

— Да такъ... Думаю, баба молодая, красивая... Работающая...

А я вдовъ.

— Ну?!

— Неужели ты не догадываешься?

Пелагея Прохоровна захохотала и сказала:

— Полно-ка, Егоръ Максимовичъ! Ровня ли я тебѣ: мнѣ двадцатый годъ, а тебѣ сорокъ четвертый...

— Только тридцать восемь... Подумай Пелагея...

— Покорно благодарю.

— Напрасно ты идешь! Обманеть тебя дядя,—помани меня!

Пелагея Прохоровна ушла. Дорогой, сперва предложеніе дворника смѣшило ее, но потомъ ей сдѣлалось стыдно: „и какъ это я не замѣчала, что онъ лебезить около меня для того, чтобы опутать меня. Поди, тамъ всѣ про меня говорятъ нехорошо... А я, дура, говорила ему обо всемъ, думала, что онъ хорошій человѣкъ. А онъ ва поди! Женишокъ!.. Ужъ если и идти замужъ

такъ за молодаго, а то... И выдумалъ же вѣдь, что я пойду за него: ты-де бѣдная, а у меня деньги есть...“

Черезъ день послѣ этого они отправились съ Григорьемъ и Панфломъ въ дорогу.

Дорогой они больше молчали, потому что о прошедшемъ говорить не стоило, а въ будущемъ неизвѣстно что будетъ. Всѣ, каждый порознь, надѣялись, что гдѣ нибудь да найдутъ они хорошее мѣсто. Теперь у каждаго изъ нихъ болѣе прежняго было привязанности другъ къ другу и ко всѣмъ вообще, потому что прежде они жили порознь, каждый пріобрѣталъ средства самъ собой, а теперь идутъ они всѣ вмѣстѣ, и Богъ знаетъ, кому изъ нихъ будетъ лучше? Но никто такъ не нравился Пелагеѣ Прохоровнѣ, какъ Короваевъ. Ей нравился его высокій ростъ, его широкіе мѣрные шаги, его лицо и глаза, съ любовью смотрящіе на нее въ то время, когда онъ оборачивается, но не нравилось ей то, что онъ ничего не говоритъ съ ней, а если и говоритъ, то при дядѣ. И хочется ей самой сказать ему, что за нее сватался дворникъ, ждетъ она удобную минуту, но когда дядя и братья отойдутъ далеко, ей сдѣлается неловко: „ну, хорошо ли говорить ему объ этомъ? Стыдъ! Еще подумаетъ, Богъ знаетъ, что.“ А если и взглянетъ на нее Короваевъ, встрѣтятся ихъ взгляды, — сердце Пелагеи Прохоровны точно ожжетъ что.

III.

— А скверно, что мы не спросили, гдѣ лучше остановиться, — сказалъ Короваевъ, когда онъ и его сотоварищи свернули съ большой дороги на проселочную, идущую между мелкимъ кустарникомъ березника.

— Э! Мы не богачи какіе!... Обглядимся, тогда и устроимся, — сказалъ Горюновъ.

Мало по малу стали рѣдѣть и кустарники. Наконецъ путниковъ охватилъ рѣзкій сильный вѣтеръ съ лѣвой стороны, и передъ ними открылась широкая равнина. Это ровное мѣсто походило не на поле, а скорѣе на озеро, потому что справа и слѣва виднѣлись небольшія возвышенности, частію покрытыя кустарникомъ, а въ серединѣ равнины виднѣлась вода; въ одномъ мѣстѣ даже росъ тощій мелкій кустарникъ, и отъ него до какого-то мѣста стояли столбы. Но не это заняло путниковъ. Налѣво отъ дороги строилось много барокъ: тамъ и сямъ пилили доски, обтесывали бревна; народъ копошился и воздухъ оглашался стукомъ топоровъ, шарканьемъ пилъ, дружными возгласами нѣсколькихъ голосовъ въ разъ: „дернемъ, подернемъ“... Наши путники не сводили глазъ съ рабочихъ, и наконецъ подошли къ одной кучкѣ.

— Богъ на помочь! — сказалъ Горюновъ.

Рабочіе посмотрѣли на пришедшихъ, не переставая работать, и ничего не сказали.

— Почему робите?

— По шести рублевъ въ мѣсяцъ...

— Маловато.

— И это слава Богу. А вы не здѣшніе што ли?

— Какъ не здѣшніе? Любопытно стало — вотъ и спросили.

— Есть тутъ чего любопытнаго.

И путники пошли.

— А эта работа намъ не съ руки... У насъ тоже строятъ баря, да только отъ нихъ много не поживишься! — проговорилъ Короваевъ.

— Я помѣкаю: нельзя ли мнѣ тутъ какую выгоду приобрѣсти, — сказалъ въ раздумьи Горюновъ.

Мало по малу передъ ними выростало село, расположенное частію на низкомъ, частію на холмистомъ мѣстѣ; но видѣлись только крыши и колокольни двухъ церквей, остальное же закрывалось рядомъ множества высокихъ столбовъ съ перекладинами, насосовъ, варницъ и высокихъ въ три яруса амбаровъ.

Наши путники подошли какъ разъ къ промысламъ, находящимся на берегу рѣки Дуги. По самому берегу, на невысокихъ, убитыхъ деревомъ со сваями набережныхъ, стоятъ огромные соляные амбары; на водѣ стоятъ затянутые льдомъ два парохода, нѣсколько судовъ и готовыхъ уже барокъ или барокъ строящихся; между амбарами и набережными, вездѣ вѣдутъ или съ дровами, или съ порожними дровнями. Далѣе, внутрь отъ амбаровъ, идутъ длинныя лѣстницы къ варницамъ; между ними стоятъ насосы, а разстоянія между лѣстницами и насосами заняты дровами, бревнами, досками, кирпичемъ. Здѣсь рабочихъ почти не видать; но за то здѣсь пахнетъ сырой и, несмотря на холодъ, кое-гдѣ съ насосовъ и крышъ сочится разсолъ и съ сосульками отваливается на сырой снѣгъ.

Походили путники по варницамъ, высмотрѣли все, что имъ дозволили посмотрѣть, и между прочимъ узнали, что и здѣсь рабочіе перебиваются кое-какъ, и здѣсь плата за трудъ небольшая и поэтому рѣдкій рабочій не находится въ долгу у тѣхъ, которые нанимаютъ его работать.

— Вездѣ вѣрно одно, — сказалъ Короваевъ.

— Посмотримъ. Земля-то не кливомъ сошлась, — замѣтилъ Горюновъ.

— Коли у тебя денегъ много — можно весь свѣтъ, пожалуй, обойти.

— И не ходи! — сказалъ Горюновъ, обернувшись къ Короваеву. Прошли они церковь; недалеко отъ церкви увидели постоялый домъ. На постояломъ никого теперь не было и хозяйка очень обрадовалась, что къ ней пришло много гостей.

— Ну, что ты съ насъ возьмешь за постой? — началъ Горюновъ.

— А долго вы проживете?

— Не все-же мы у тебя будемъ жить... Мы надолго пришли сюда, своимъ домкомъ надо будетъ заводиться.

— Что жъ, дѣло хорошее. Прежде у насъ все свои робили на промыслахъ, а послѣ воли столько набѣхало заводскихъ, что бѣда! Есть даже и такіе, кои и дома себѣ настроили.

— Ишь ты!

— Ей-Богу! Только народъ — собака, нашимъ промысловымъ не уступить: нашъ-то еще думаетъ, какъ бы ему мѣшокъ съ солью утащить, а тотъ ужъ этотъ мѣшокъ утащилъ. Право!

— И всѣмъ дѣло есть?

— Теперь поменѣ стало, потому съ волей господа крѣпко прижались: гдѣ бы нужно всѣ варницы пустить, а они только четверть. Оттого и соли поменѣ, и рабочимъ мало даютъ. Теперь-то мало работы; а то весной и бабамъ много работы.

Послѣ обѣда, молодежь, въ томъ числѣ и Пелагея Прохорова, улеглась спать, а Короваевъ съ Горюновымъ пошли въ село.

— На постояломъ-то дворѣ невыгодно жить, Терентій Ивановичъ, — сказалъ Короваевъ Горюнову.

— Надо будетъ поискать квартиру.

— Только я съ вами жить не буду.

— Это дѣло твое, а я тебя не неволю. Только мы съ тобой еще походимъ, поглядимъ, что за народъ здѣсь.

Отправились они въ харчевню. Тамъ четверо мастеровыхъ пили чай.

Короваевъ и Горюновъ сѣли къ столу недалеко отъ мастеровыхъ.

— Ежели мнѣ теперь Усольцевъ не заплатитъ, я его камнемъ.

— Ну, не горячись. Ужъ ты эту пѣсню давно поешь!

— Не вѣришь?

— А помнишь, какъ онъ съ Агашки-то платокъ содралъ, какъ ты расходился? И ничего!

— Агашка сама съ нимъ раздѣлалась.

— Полно!! Агашка, извѣстно, поругалась - поругалась, да и только. А што наша ругань? Нѣтъ, ты бы его смазалъ хорошенько.

— Я его съ лѣстницы!

— Дуракъ! Съ лѣстницы спустишь — въ острогъ попадешь! Не такъ ли? — спросилъ мастеровой, обращаясь къ Короваеву.

— Чево и говорить.

— А вы не здѣшніе? Видно, на работы пришли?

— Да.

— То-то!

— Ну, и обожглись, значить. Заводскіе?

— Заводскіе. Только жить-то тамъ нельзя: покосы и дома отняли; совсѣмъ раззорили.

— Скверно. А все жъ на одномъ мѣствъ лучше, я тѣ скажу, потому все свои, свои и выдадутъ, и выручатъ. Такъ ли?

— Это такъ. Только больно неприятно, когда ѣсть нечего.

— Полно-ка! Коли бы жрать нечего было, не пилъ бы чай...

— Это можно себѣ позволить. Иной послѣднія деньги на водкѣ пропиваетъ.

— Дѣло, братецъ, говоришь. Какимъ же ты ремесломъ занимаешься?

— Да надо приглядѣться. Я столяръ.

— Баринъ!

— Почему баринъ?

— Потому что тяжелой работы не знаешь, съ господами знаешься. Съ такими людьми мы компанства не водимъ; а потому дабы повелѣно было, не доводи до грѣха, убираться вашему брату, стругалу, по добру, по здорову! И мастеровой подошелъ къ Короваеву.

— Однако, ты видно по гражданской печати обученъ?—проговорилъ, смѣясь, Короваевъ.

— А это видишь?—сказалъ мастеровой, показывая черный кулакъ.

— И свои имѣемъ.

— Тебѣ говорятъ—уходи, потому эта харчевня наша: здѣсь все промысловые, съ Поносовскаго промысла.

— Чѣмъ же мы вамъ мѣшаемъ?

— Мѣшаете, да и все тутъ.

— Послушайте! Уходите добромъ... Наши скоро придутъ; ихъ много: ихъ не заговоришь и не переборешь.

Короваевъ и Горюновъ не шли.

Мастеровые стали шептаться. Немного погодя одинъ изъ нихъ вышелъ.

— Понимаешь?—сказалъ шепотомъ Короваевъ Горюнову.

— Гармонійку-то я забылъ, вотъ што скверно!—отвѣчалъ Горюновъ.

Вдругъ въ харчевню вошло человекъ пять рабочихъ. У двоихъ за кушаками были засунуты сырые сѣрые мѣшки, остальные ничего не дѣлали при себѣ.

— Гдѣ? Эти?!—крикнулъ дюжій рабочій и подошелъ къ Короваеву и Горюнову, которые держали въ рукахъ блюдечки съ чаемъ.

— Кто вы такіе?—крикнулъ рабочій, уперши руки въ бока и разодвинувъ ноги.

Остальные окружили столъ, за которымъ сидѣли Горюновъ и Короваевъ.

— А ты изъ какихъ, изъ полицейскихъ?—спросилъ Короваевъ, поставивъ блюдечко.

— Изъ полицейскихъ.

— Ну такъ иди туда, откуда пришелъ!

— Ты зубы-то не заговаривай, а коли тебя турятъ (гонятъ), такъ пошелъ! проговорилъ другой рабочій.

— Никто меня не воленъ гнать, потому я такія же деньги плачу, какъ и всѣ.

— То-то не такія. Аевасьпчъ не возьметъ съ васъ того, што онъ съ насъ беретъ.

— Извѣстно. Съ не-нашихъ всегда вдвое,—сказалъ хозяинъ харчевни и захохоталъ.

— То-то и есть. Вы должны быть благодарны, что мы вашему хозяину барышъ доставили. Не приходи бы такихъ дураковъ, какъ мы—пришлось бы закрывать заведеніе.

— Охъ ты оселъ!.. Много ты передашь!.. Хорошій человекъ водку беретъ, а то пришли, взяли чаю на гривенникъ, да и спдятъ цѣлый день!—проговорилъ хозяинъ и подошелъ къ столу.

— Эй! кто изъ васъ водку пьетъ—угощу! Знай терентьевскаго Горюнова!—сказалъ Горюновъ, вставши, и сдѣлалъ такую гримасу, что всѣ смотрѣвшіе на него захохотали.

Скоро явился полуштофъ; по выпитіи изъ него по стаканчику рабочіе уже не ругались съ терентьевцами, а дружно разговаривали.

Отъ нихъ они узнали, что соляные промыслы находятся въ трехъ селеніяхъ, отстоящихъ въ недалекомъ разстояніи одно отъ другаго—Моргуновъ, Притыкинъ и Демьяновъ. Изъ нихъ первые два принадлежали пяти разнымъ владѣльцамъ, а Демьяново казнѣ. Самп господа никогда не жили въ своихъ селахъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже и не бывали въ нихъ. Они жили или за-границей, или въ столицахъ, и поэтому всѣми дѣлами заправляли управляющіе съ прикащиками, которые были или мѣстные купцы, или отставные чиновники и обращались съ рабочими какъ настоящіе господа. Но этихъ господъ рабочимъ приводилось видать на промыслахъ очень рѣдко, разъ или два въ годъ; настоящими же хозяевами были смотрителя, нарядчики и т. п. мелюзга, которая изъ каждаго рубля, изъ каждой рогожи или куля старалась приобрѣсти въ свою пользу копѣйку. Они обсчитывали рабочихъ ежедневно; жалобы на нихъ не принимались или оставались безъ уваженія, и если, не смотря на это, рабочихъ всегда много было на промыслахъ, такъ потому только, что имъ нечего было вѣтъ; куда ни пойдн, всѣ работы находятся въ рукахъ этихъ пиявицъ, напр., постройка барокъ, судовъ, караулы, очистка льда и т. п., даже торговлю всю они забрали въ свои руки. Изъ всего этого Горюновъ вывелъ то заключеніе, что ему здѣсь ничего не приобрѣсти, и крѣпко призадумался.

Печальные вышли изъ харчевни Короваевъ и-Горюновъ: не того они ждали здѣсь. Имъ хвалили промыслѣ.

— Надо попробовать,—сказалъ Горюновъ.

— Нечего тутъ и пробовать, — проговорилъ сердито Короваевъ.

— Што жъ дѣлать-то?

— А я думаю идти въ другое мѣсто. Пойду въ М. заводъ. Если тамъ не повезетъ на столярномъ ремеслѣ, я буду пушки лить.

— Полно-ка, Власъ Васильичъ!

— Это будетъ вѣрнѣе... Говорять, тамъ даютъ 75 коп. пенденщины.

— Враки!

— Ну, а если не повезетъ тамъ, и дальше пойду... Мнѣ мастеръ Подкорытовъ сказывалъ, что, кромѣ Петербурга, нигдѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, гдѣ бы можно хорошо заработать деньги одинокому человѣку. Только идти туда далеко.

— И все-таки твой мастеръ нашлся на гранильной фабрикѣ, не въ Петербургѣ...

— Што жъ ему было дѣлать, когда онъ былъ сосланъ туда?

— Какъ знаешь, а я здѣсь останусь... Попробую.

Домой они пришли часу въ девятомъ вечера. Григорій, Панфиль и Пелагея играли съ хозяйкой въ карты у зажженной лампы.

— Ну ужъ и село... Дрянъ, говорятъ,—сказалъ Горюновъ.

— Кто это сказалъ? Небось мастерки! О, они никому добра не пожелаютъ,—сказала хозяйка, сдавая карты.

— Да это и видно. Самыя строенія, что-есть, нисколько отъ нашихъ домовъ не отѣнились. Да вотъ мы давеча шли, почти на каждомъ углу нищій.

— Стоитъ на это обращать вниманіе; извѣстно, нищій—лѣнтяй!

— А если онъ на костыляхъ?

— Мало ли ихъ вонъ пьяныхъ: зимой, какъ обрубки какіе, на улицахъ валяются. Поневолѣ не только ноги, а и руки отморозишь.

— А я, Пелагея Прохоровна, завтра въ путь,—сказалъ Короваевъ, обращаясь къ Пелагее Прохоровнѣ.

— Куда??—крикнули Григорій и Панфиль.

Лицо Пелагеи Прохоровны поблѣднѣло и она не могла ничего выговорить.

— Пойду въ М. заводъ.

— А какъ же ты все тараторилъ: „въ Моргуновѣ хорошо, лучше Моргунова другаго мѣста нѣтъ“?—сказалъ Григорій Прохоричъ.

— Мало ли что говорили мнѣ люди.

— Попросту скажи: съ вамп, молъ, не хочу вмѣстѣ робить,— сказала Пелагея Прохоровна измѣнившимся отъ внутренняго волненія голосомъ.

— Ну, это еще не доказано,—сказалъ Короваевъ и сталъ укладываться на лавкѣ.

Хозяйка спросила: будутъ ли нѣтъ они ужинать. Ужинать никто не хотѣлъ. Всѣмъ было не то скучно, не то неловко. Горюновъ курилъ трубку за трубкой; Короваевъ лежалъ на лавкѣ и что-то соображалъ, часто перебирая пальцы; Григорій и Панфиль лежали на полатяхъ на животѣ и, глядя на Пелагею Прохоровну, старались разсмѣшить ее. Пелагея же Прохоровна складывала желтый платокъ, который у ней въ дорогѣ былъ надѣтъ на голову. По этому складыванію замѣтно было, что у ней мысли не въ порядкѣ.

„Это онъ нарочно уговорилъ дядю идти сюда, чтобы потомъ самому легче уйти въ другое мѣсто. Онъ знаетъ, што дядя ужъ не пойдетъ въ другое мѣсто. Онъ и прежде такой былъ: все бы ему лучше, все особливо отъ другихъ робилъ... И деньги большія имѣлъ... И теперь у него должны быть деньги, потому онъ хотѣлъ раньше на волю откупиться, только, говорить, деньги сестра украла. Вретъ! Нѣтъ, онъ боится, чтобы мы у него не попросили денегъ. Должно быть, дядя просилъ у него денегъ.“—И она вызвала дядю на крыльцо.

— Дядя! ты не просилъ ли у Короваева денегъ! — спросила она Горюнова.

— Съ какой стати я у него буду просить денегъ,—сказалъ тотъ сердито.

— Я думаю, онъ боится, чтобы мы не попросили у него денегъ, потому и идетъ въ другое мѣсто.

— То-то ты, баба, не въ свое дѣло вмѣшиваешься. Иди лучше спать, а завтра пойдемъ въ варницы, можетъ быть какую нибудь работу достанемъ.—И Горюновъ ушелъ въ избу.

Пелагея Прохоровна успокоилась немного. Она знала, что дядя хотя и прикидывается дуракомъ, но всегда говоритъ правду. И ей стало досадно, что она до сихъ поръ такъ много думала о Короваевѣ, который, какъ надо полагать, о ней вовсе не думалъ, потому что, еслибы онъ думалъ о ней, то не сказалъ бы ей, что идетъ отсюда въ другое мѣсто, не проживши здѣсь даже и сутокъ. И сказалъ-то какъ, точно онъ куда-нибудь въ лавку или на улицу уходитъ. А она считала его за своего человѣка; онъ ей нравился, человѣкъ молодой, высокій, степенный, непьющій, работающій...

И какъ ни старалась Пелагея Прохоровна успокоить себя, а заснуть не могла долго; Короваевъ разобидѣлъ ее.

„Въ самомъ дѣлѣ, што я о немъ думаю? Онъ мнѣ чужой и я ему чужая. И што я сержусь-то на него? Мало ли кто вразвится, да я-то ему не нравлюсь“.

Пелагея Прохоровна ворочалась съ боку на бокъ, такъ что полати скрипѣли. Дядя и братья ея храпѣли.

— Оказія!.. Это оттого не спится все, што даве спала... — проговорила шопотомъ Пелагея Прохоровна.

— Не спишь? — произнесъ негромко Короваевъ.

Пелагея Прохоровна притаилась, т. е. старалась ни шевельнуться, ни вздохнуть тяжело, чтобы Короваевъ думалъ, что она спитъ.

„Погоди!.. Коли ты гордецъ, и я буду такая,“ подумала Пелагея Прохоровна.

— Не спишь, говорю? — произнесъ также негромко Короваевъ.

„Ладно!“ подумала Пелагея Прохоровна, улыбаясь. Но черезъ полчаса она уже сожалѣла о томъ, что не отозвалась на голосъ Короваева, а потомъ, пораздумавши, пришла опять къ тому заключенію, что хорошо сдѣлала.

„Если онъ хочетъ говорить со мной, отчего онъ не говоритъ днемъ!... Ишь нашелъ время! Проснется дядя или которыйнибудь изъ братьевъ, што они подумаютъ? Ему ничего, а мнѣ какво?.. Можетъ, онъ при нихъ не хочетъ говорить...“

Тутъ припомнились ей сцены съ писаремъ, который старался какънибудь поговорить съ ней наединѣ; припомнилась ей сцена, какъ писарь поладилъ съ ней гряды въ огородѣ. Сперва на другомъ концѣ гряды былъ, а потомъ мало по малу все приближался къ ней, ползъ, ползъ да и обинялъ ее... Посмотрѣла она послѣ на гряды, писарь только видъ дѣлалъ, что онъ выдергиваетъ траву, потому что травы нисколько не выдернуто.

„Ну, такъ зато былъ тотъ женихъ. Тотъ раньше говорилъ мнѣ, что онъ жить безъ меня не можетъ.“

Такъ всю ночь и не спалось Пелагеѣ Прохоровнѣ. Въ четыре часа поднялся Короваевъ. Ночь была лунная и луна хорошо освѣщала избу. Короваевъ одѣвался. Пелагеѣ Прохоровнѣ, хотя и хотѣлось спать въ это время, но она вышла во дворъ, чтобы ей не спать. Она сама не могла хорошенько понять зачѣмъ ей нужно прощаться съ Короваевымъ...

Вышла она во дворъ. Во дворѣ, крытомъ навѣсомъ, было темно, хоть глаза выколи. Наткнулась она на что-то, уперлась и заплакала.

Одно только она думала, что несчастіе ея нѣтъ женщины. Съ дѣтства она не видала свѣтлыхъ дней, съ мужемъ было еще больше горя, и только живя у Короваева она отдохнула немного, а потомъ опять пошла тяжелая жизнь... Не съ кѣмъ ни поговорить хорошенько; не съ кѣмъ посовѣтоваться, какъ слѣдуетъ; никто не приласкаетъ ее.

— Пелагея Прохоровна! Ты гдѣ? — услышала она голосъ Короваева.

Слезы болѣе прежняго пошли изъ глазъ Пелагеи Прохоровны. Она рыдала.

— Ну, о чемъ ты плачешь, Пелагея Прохоровна? — проговорилъ Короваевъ, ущупавъ въ темнотѣ Пелагею Прохоровну.

Пелагея Прохоровна очнулась. Ей и стыдно, и досадно сдѣлалось, что ее поймали на мѣстѣ въ слезахъ.

— Тебѣ што за дѣло? — проговорила она неровнымъ голосомъ.

— Можетъ быть, и есть дѣло... Вѣдь я слышалъ, што ты не спала всю ночь.

— Потому и не спала, что кусали.

— Полно-ка, Пелагея Прохоровна... Однако, вотъ что я тебѣ долженъ сказать одинъ на одинъ. Тебя я знаю давно, и ты меня знаешь... Палагея Прохорова... Пошла ли бы ты за меня замужъ?

— Вотъ ужь!.. — сказала Пелагея Прохоровна, не зная, что сказать въ эту критическую минуту.

— Скажу тебѣ одно, что теперь я не могу жениться, потому что у меня ничего нѣтъ, кромѣ пилы да долота. Теперь я пойду добывать себѣ капиталы, и если Богъ мнѣ поможетъ, да ты не выйдешь замужъ, тогда... А до той поры прощай... Дай мнѣ руку... — Голосъ Короваева дрожалъ; онъ говорилъ точно у него давно накопѣло въ душѣ.

Когда Пелагея Прохоровна протянула ему руку, онъ крѣпко пожалъ ее и сказалъ:

— Твой дядя едвали долго проживетъ здѣсь... Онъ думаетъ идти на золотые, но я тебѣ идти туда не совѣтую... Здѣсь будетъ лучше, потому что здѣсь и бабы работаютъ... Подожди съ мѣсяць, а я поживу въ М. и пришлю тебѣ въ варницы съ кѣмъ-нибудь вѣсточку о своемъ житѣѣ. Прощай! — Короваевъ пожалъ крѣпко руку Пелагеи Прохоровны, выпустилъ ее и пошелъ къ калиткѣ.

— Ты ужь развѣ совсѣмъ? — спросила съ испугомъ Пелагея Прохоровна.

— Совсѣмъ. Кланяйся дядѣ и братьямъ... Тамъ на столѣ я оставилъ хозяйкѣ деньги за постой.

Послѣднія слова Короваевъ говорилъ уже на дорогѣ.

Пелагея Прохоровна остановилась въ калиткѣ и стала смотрѣть на Короваева, который, мѣрно и широко шагая, удалялся все дальше и дальше отъ нея и, наконецъ, скрылся въ переулкѣ.

Грустно сдѣлалось Пелагеѣ Прохоровнѣ, голова ея отяжелѣла, слезы душили ее.

— Кто тутъ стоитъ? — крикнула грозно хозяйка съ крыльца.

— Это я... — сказала, едва оправившись отъ испуга, Пелагея Прохоровна и заперла калитку.

— Чего ты тутъ торчишь?

— Товарища нашего проводила — Короваева.

— Какъ? Да онъ мнѣ деньги не заплатилъ!

— Онъ на столѣ оставилъ... Будить тебя не хотѣлъ.

— Што меня будить, когда я всегда въ это время встаю.

Хозяйка зажгла лучину и, удостовѣрившись, что на столѣ, дѣйствительно, лежатъ мѣдныя деньги, подобрала ихъ.

Въ это время Горюновъ проснулся и черезъ минуту съѣлъ, спустивъ ноги съ печки.

— Ушелъ? — спросилъ онъ съ удивленіемъ и полуиспугомъ.

— Ушелъ совсѣмъ, — сказала Пелагея Прохоровна.

— И хорошо сдѣлалъ.

— И Терентій Ивановичъ слѣзъ съ печки.

Пелагея Прохоровна долго думала надъ словами дяди, но спросить его не рѣшалась; однако онъ самъ разрѣшилъ ихъ, сказавъ хозяйкѣ, что разошедшись, они не будутъ мѣшать другъ другу и сойдутся вмѣстѣ тамъ, гдѣ отыщутъ хорошее житье.

IV.

Съ разсвѣтомъ Горюновъ съ племянниками вышли изъ постоялаго дома. Горюновъ сказалъ имъ, что надо искать квартиру, потому что въ постояломъ домѣ жить невыгодно, и нужно присмотрѣться къ селу, котораго они еще не знаютъ. Пришли они на промысла; тамъ работы были только въ варницахъ, да и то половинѣ рабочихъ нечего было дѣлать, почему одни изъ рабочихъ отскабливали снѣгъ отъ дверей, другіе починивали сапоги. Отъ нихъ они узнали, что работа бываетъ временно и тогда народу требуется много; а въ такое время, какъ теперь, работы едва хватаетъ и на сельскихъ жителей, потому что варницы не всѣ пускаютъ въ ходъ въ одно время.

— Вамъ лучше придѣлаться помѣсячно, потому тогда все же какая нибудь работа будетъ. Только надо смотрителю взятку дать, — совѣтовали рабочіе Горюновымъ.

— А сколько онъ положить жалованья?

— Да глядя по человѣку, какъ понравится. Попробуйте, можетъ, онъ и приметъ... На него полоса приходитъ, ино время приметъ, въ другое нѣтъ. Вонъ онъ у той варницы съ саженью ходитъ.

Горюновы выжидали, когда смотритель смѣрялъ полѣвницу, отпустилъ возчиковъ и пошелъ къ насосу. Горюновы подошли къ нему.

— Почтенный!.. — началъ Горюновъ.

Смотритель обернулся, оглядѣлъ Горюновыхъ.

— Мы слышали, у тебя работа есть.

— Ну? — промычалъ сурово смотритель.

— Почему ты платишь въ мѣсяць?

— Это зависитъ отъ того, кто што дѣлаеть и какъ дѣлаеть. Только теперъ на моихъ варницахъ полный комплектъ. Хотите даромъ.

— Кто же даромъ работаетъ?!

— Ну и убирайся...

И смотритель пошелъ.

Золъ сдѣлался Терентій Ивановичъ. Злило его то, что ему хвалили Моргуново, и вдругъ тамъ нельзя найти работы, а если и есть, то за нее нужно платить.

Однако Горюновъ рѣшился сходить въ квартиру смотрителя.

Смотритель жилъ не далеко отъ варницъ и занималъ цѣлый домъ въ нѣсколько комнатъ. Горюновъ вошелъ въ прихожую, гдѣ мальчикъ годовъ двѣнадцати чистилъ сапоги. Ему пришлось простоять часа два, до тѣхъ поръ, пока смотритель не вышелъ въ прихожую за тѣмъ, чтобъ надѣть тулупъ и идти.

— Мнѣ бы по секрету надо поговорить съ твоей милостью... — сказалъ Горюновъ и сдѣлалъ гримасу, которая вызвала улыбку смотрителя.

— У насъ нѣтъ секретовъ.

— Видишь ли: я все могу дѣлать, могу и за рабочими смотрѣть.

— Э! какую ты несешь пѣсню. Да ты знаешь ли порядки-то наши?

— Долго ли узнать: я самъ заводскій человѣкъ и учить меня нечево... Я и подарить въ состоянii вашу милость, если должность будетъ хороша.

— Однако ты мѣтишь-то ловко! Ну, да ладно, приходи послѣ завтра и приноси двадцать пять рублей. Если найдется мѣсто — назначу, нѣтъ — подожди.

— А позволь спросить: сколько жалованья?

— Да жалованье казенное: есть и семьдесятъ два рубля въ годъ, и пятьдесятъ четыре рубля, меньше тридцати шести нѣтъ.

Смотритель вышелъ, за нимъ вышелъ и Горюновъ, думая, какъ это можно жить на такое жалованье. „Значить, воровать нужно,“ думалъ Горюновъ. Но что воровать? въ чемъ состоитъ та должность, за которую нужно дать смотрителю деньги? Если эта должность приноситъ большой доходъ отъ расчетовъ съ рабочими — Богъ съ ней... Лучше я на золотые тогда пойду прямо.“

Два дня потомъ Горюновы присматривались къ селу. Хлѣбъ, мясо и прочіе продукты были здѣсь дороже терентьевскаго; народъ отличался отъ терентьевскаго большею плутоватостью и здѣсь труднѣе было сбыть вещь въ родѣ желѣза и чугуна.

Квартиры Горюновы не находили, потому что сторонніе дома были заняты семейными рабочими, а въ порядочныхъ домахъ, гдѣ жили небольшія семейства, просили дорого. Хозяйка же постоялаго двора стала притѣснять ихъ за то, что они не стали брать у нея кушанье, и запросила вдругъ за постой по пяти копѣекъ съ человѣка въ сутки безъ права пользованія полатами и печкою, да и у нея въ это время стояли возчики, которые, впрочемъ, только обогрѣвались и скоро уѣзжали. Эти возчики были жители сосѣднихъ селеній и дальше своего мѣста они ничего не знали. Поэтому отъ нихъ Горюновъ ничего не могъ узнать для себя полезнаго.

Горюновъ явился къ смотрителю въ назначенный день.

— Ну, мѣсто я для тебя нашелъ, давай деньги.

— Назаръ Пантелеичъ, я человѣкъ пришлый, издержался дорогой.

— Запѣлъ! Эти пѣсни мы знаемъ. Ну да, впрочемъ, мы послѣ сочтемся. Ты только дай мнѣ росписку и свой билетъ.

Горюновъ отдалъ свой билетъ смотрителю.

— Ты будешь наблюдать за вываркой соли и за тѣмъ, чтобы рабочіе не таскали соль съ варницы. Вотъ твоя варница; седьмой номеръ.

Смотритель ввелъ Горюнова въ варницу, сказавъ рабочимъ, что онъ отказалъ Яковлеву и что они должны теперь слушаться Горюнова.

— Каждый день ты мнѣ долженъ представлять отчетъ: сколько подъ варницу брошено дровъ, сколько въ ходу было лошадей, ребятишекъ, и чтобы соль была въ исправности.

Итакъ Горюновъ былъ принятъ въ варницу уставщикомъ съ платою въ годъ по усмотрѣнію смотрителя варницы. Условія между Горюновымъ и смотрителемъ заключено не было.

Племянники и племянница пошли тоже въ варницы. Имъ предлагалась плата по денно, какъ и прочимъ рабочимъ, которые получали за двѣнадцать часовъ двадцать копѣекъ. Но такъ какъ въ варницѣ былъ полный комплектъ рабочихъ, то рабочіе изъявили Горюнову свое неудовольствіе.

— Ну, братцы, какъ нибудь... Покажемъ, что нужно было больше рабочихъ, — говорилъ Горюновъ.

— Нечего тутъ и показывать, когда Назарко и такъ обдѣливаетъ рабочихъ.

— Ну, у меня не обдѣлить. Много будете мной благодарны.

Рабочіе въ первый день много смѣялись надъ Горюновымъ, который въ соляномъ дѣлѣ рѣшительно ничего не смыслилъ. Такъ, напр., онъ чуть не задохся отъ дыма, который шелъ изъ-подъ ямы, надъ которой сдѣлана четырехъ-саженная квадратная цпрень или по промысловому сковорода. Дымоотводныхъ трубъ отъ этой ямы сдѣлано не было, и поэтому

дымъ разстился облакамъ по всей варницѣ и потомъ уходилъ въ отверстія, сдѣланныя въ крышѣ варницы. И хорошо еще, что рабочіе были хорошіе, знали дѣло какъ слѣдуетъ, и Горюнову не нужно было понукать и указывать. По ихъ понятію, Горюновъ здѣсь былъ совсѣмъ не нужный человекъ, и если онъ терся около кого нибудь, то ему совѣтовали идти спать, а не мѣшать. Племянникамъ его и Полагаѣ Прохоровнѣ ничего не давали дѣлать; но такъ какъ они мѣшали имъ, то и заставляли ихъ кидать въ печь подъ цирень дрова, что имъ на первый разъ казалось очень тяжело, во первыхъ, потому, что имъ приводилось бросать полуторааршинныя полѣнья, а во вторыхъ, у печи было слишкомъ жарко. Смотритель навѣстилъ по вечеру новаго уставщика и распекъ, какъ его, такъ и рабочихъ, за то, что въ цирень было пущено очень много разсола.

— Што ты дѣлаешь, разбойникъ! Вы-то што, олухи эдакіе, дѣлаете? Ахъ бѣда!—кричалъ и бѣгалъ смотритель около шпренги, наполненной разсоломъ.

Горюновъ ничего не понималъ, но однако сказалъ:

— Ну дакъ што жъ такое?

— Ты што, спалить што-ли хошь варницу? Ты знаешь ли, што какъ пустишь на приводъ, она вспыхнетъ? Понялъ ли ты это?

Горюновъ почесалъ затылокъ.

Ночью варницу пустили на приводъ, т. е. прекратили топку, заперли варницу и печь закрыли для того, чтобы соль изъ густаго и горячаго разсола осадилась. Въ такомъ положеніи варницу оставляютъ на двѣнадцать и шестнадцать часовъ. Утромъ Горюновъ сталъ проситься въ село, такъ какъ у него не было хлѣба.

— Оставь у варницы двоихъ для караула, а самъ приходи часа черезъ три, потому надо будетъ разсолъ, который, прокипитъ теперь, на полати скидывать.

Горюновы вышли изъ промысловъ. Они хотѣли идти на рынокъ за покупкою хлѣба на остальные деньги, но съ ними встрѣтился тотъ самый полѣсовщикъ, съ которымъ они видѣлись недалеко отъ села. Онъ несъ на спинѣ три пары глухарей.

— А! знакомые! Што, ужъ робите?—спросилъ онъ.

— Меня въ уставщика взяли,—сказалъ Горюновъ.

— Сколько взялъ?

— Просить двадцать пять, да я еще не далъ ничего.

— Смотри, братъ, не плошай! Онъ уставщиками какъ лошадыми мѣняетъ. Гдѣ вы живете?

Горюновъ сказалъ, что еще не нашелъ квартиры.

— Э! Ты бы меня спросилъ, когда мы встрѣтились на большой дорогѣ. Хошь у меня жить? Я къ своей пзбенкѣ пристрой-

ку сдѣлалъ для сына, да онъ померъ, дай ему Богъ царство небесное!

Полѣсовщикъ началъ разсказывать про умершаго сына, который былъ и силенъ и уменъ, и красавецъ. Противъ его сына не было во всемъ селѣ такого зубоскала и насмѣшника. И къ работѣ онъ былъ прилеженъ и случалось, что прокармливалъ все семейство, когда отецъ и мать хворали. И совсѣмъ было парень чуть не женился на первой заводской красавицѣ, да Богъ его знаетъ, отъ чего съ нимъ такая притча случилась: осенью онъ плылъ на лодкѣ, въ которой было два мѣшка съ солью. Плылъ, какъ и всегда, какъ ни въ чемъ не бывало, ночью, и вдругъ наплылъ на колъ. Засѣла лодка на колу ни впередъ, ни назадъ, вертится во всѣ стороны, хоть ты што хощь дѣлай! Всталъ Никитка, лодка и перевернись. Очутился Никитка въ водѣ, думалъ стать, да ногами дна не могъ ощупать. А лодка перевернулась, набой зацѣпляются за колъ, мѣсто быстрое, вода бурлитъ, дуетъ рѣзкій вѣтеръ, льдинки маленькія такъ и стучать объ лодку... Кое-какъ справился, сѣлъ въ лодку и поплылъ мѣшки разыскивать. Про соль-то ужъ онъ и не думалъ, мѣшковъ жалко было. Плавалъ долго: ему кажется, будто мѣшокъ плыветъ, а то—льдинка. Все-таки одинъ мѣшокъ отыскалъ. Ну, и захворалъ и дня черезъ три померъ...

— Ну, да чему быть, тому не миновать! Всѣ подъ Богомъ ходимъ,—заклучилъ полѣсовщикъ, утеревъ правый глазъ кулакомъ.

— А вотъ дома-то я ужъ полторы недѣли не бывалъ. Мясъ вовсе не ѣдалъ, и глухари были, да жалко. Сожрать не долго, а пользы никакой не будетъ. Моя старуха привозила простоквашу да хлѣба,—питался славно... А тутъ и перестала. Ну, годъ-то не тетка, плюнулъ на все и пошелъ.

Полѣсовщикъ повелъ Горюновыхъ на рынокъ и проходилъ тамъ около часу, потому что за глухарей не давали того, что онъ просилъ. Кое-какъ онъ продалъ ихъ за тридцать копеекъ.

На рынкѣ встрѣтился съ нимъ его пріятели. Пріятели эти были такого рода: они рубили воровски лѣсъ на дрова въ соседней дѣлянкѣ и провозили дрова мимо полѣсовщика, которому и давали кое-когда чтонибудь. Пріятели позвали его въ харчевню выпить чаю, потому что они хорошо продали дрова. Полѣсовщикъ сталъ звать и Гарюновыхъ, тѣ отговаривались тѣмъ, что имъ некогда.

— Толкуйте! Это смотритель для того велѣлъ приходить такъ рано, чтобы дать вамъ за ту же все цѣну другую работу.

И пріятели полѣсовщика тоже стали приглашать Горюновыхъ для компаніи. Они пошли.

Въ харчевнѣ никого не было, кромѣ хозяйки, молодой женщины, которая, какъ пришли посѣтителы, спала, сидя на лав-

кѣ и положивши голову на руки, которыя лежали на столѣ. Приходѣ посѣтителей она проснулась.

— Вотъ она лѣнь—продать ее на ремень!—проговорилъ одинъ изъ пріятелей полѣсовщика.

— Никого нѣту,—скажу, я и заснула,—проговорила хозяйка, широко зѣвая.

— Али мужа-то нѣту?

— А штобъ ему поколѣть! Вчера утромъ пріѣхалъ изъ Демьянова пьяный-препьяный, и давай драться... Кое-какъ скрутила его, привязала за голову да за ноги къ кровати,—уснулъ. Пробудился,—я ему косушку поставила... Ну, думаю, поправился человѣкъ, пошла на рынокъ. Прихожу, а онъ, штобъ ему чирей въ горло!—сидитъ пьяный у стола, а на полу, передъ нимъ, разбитая бутылъ валяется...

— А какой славный былъ мужикъ !..—дивились пріятели полѣсовщика.

— Ну ужъ... Никакого удовольствія не можетъ доставить! Што это за мужъ!

Пріятели угостили полѣсовщика водкой и сами выпили. Горюновы не принимали никакого участія ни въ разговорахъ, ни въ угощеніи. Мушны закурили трубки; хозяйка подозвала Пелагею Прохоровну, спросила все и стала ей изливать свое горе. Горе, по ея рассказамъ, заключалось въ томъ, что харчевню она открыла на свои деньги, а такъ какъ ей одной трудно управиться со всѣмъ безъ мужчины, какъ напр. купить водки, а братьевъ или свободныхъ родныхъ у нея нѣтъ, то она и согласилась выйти замужъ за товарища дѣтства. Но онъ ее обманулъ, потому что и не любитъ ее, и лѣнивъ и пьяница.

— Думаю, думаю, мать моя, какъ бы мнѣ лучше сдѣлать,—ничего не выходитъ! А если эдакъ все будетъ, пожалуй въ долги войдемъ. А у насъ, я тѣ скажу, стоитъ только разъ попасть въ долги, такъ запутаешься, что не приведи Богъ. Наше дѣло такое, што займовать приходится не копѣйками, а рублями... А если взялъ рубли, такъ говорятъ—отдай въ срокъ, да всѣ сполна, а не то и опечатають, а потомъ и потянутъ къ посреднику на расправу: тотъ и приговоритъ работатъ на того, кто деньги далъ... Такъ заведеніе и перейдетъ въ чужія руки. А будь-ка бы помощникъ хорошій мужчина,—не то бы было.

— Ты бы наняла.

— Наняла?—хозяйка покачала головой и прибавила:—вотъ и видно, што ты еще мало мытарствъ прошла. Вонъ мужики знаютъ меня.

— Какъ не знать, Степанида Игнатьевна! Давно знаемъ и дивимся твоему уму-разуму. А дай-ка намъ еще по стаканчику. Выпили еще по стаканчику.

— Ахъ, кабы да воля была! Срубилъ бы я дерево!—сказалъ полѣсовщикъ, отчаянно ударивъ кулакомъ объ столъ.

— А ты и сруби—кто тебѣ не велить.

— Нельзя,—дерево примѣтное.

— А ты сруби, да и скажи: вѣтромъ, молъ, сломало.

— Не то вы толкуете... А это дерево у меня, какъ бѣльмо на глазу. Много оно мнѣ причинило горя. Вотъ хоть бы, къ при- мѣру, сыну помереть, такъ што бы вы думали? Какъ ночь— оно и выть. Ей-Богу!

— Можетъ, тамъ кладъ какой есть.

— Копалъ. Хотъ бы камень.

Начался разговоръ окладахъ. Рассказывали, какъ одинъ ма- стеровой, коная яму для погребушки, вырылъ чугуноу старинной формы, съ старою золотою монетою. Взялъ да и объявилъ началь- ству, потому что былъ дуракъ; начальство куда-то представило монеты. Такъ ничего и не получилъ мастеровой, а только послѣ этого помѣшался—весь огородъ изрылъ, такъ что огородъ ни на что не сталъ годенъ.

— А вотъ такъ на золотыхъ рабочіе лучше поступаютъ.

— Какъ?

— Промоетъ золото золотниковъ десять и завяжетъ в трип- ку, а какъ идти съ присковъ, и заткветъ его... Да! Такіе, братецъ ты мой, есть богатѣи,—чудо! Дома какіе настроили.

— Это гдѣ же?—спросилъ Терентій Иванычъ.

— Въ нашихъ мѣстахъ. Подъ одного мужика начальство дол- го подкапывалось,—ничего не могло сдѣлать; и угрозы не по- дѣйствовали. Вишь ли! Онъ домъ большой въ селѣ имѣлъ; вни- зу самъ жилъ. Ну, и постоянный дворъ держалъ. А сперва ку- да какъ бѣденъ былъ. Ну, начальство думаетъ, на какіе капи- талы нашъ мужикъ разжился? Сосѣди тоже удивляются и зави- дуютъ. И земли много приобрѣлъ, и деньги вносятъ безъ при- нужденія. Только въ городъ ѣздитъ и тамъ по долгу живетъ. Разъ даже становой обыскать его велѣлъ среди дороги. Такъ, братецъ ты мой, онъ губернатору жаловаться сталъ, станова- го и смѣнили. А тутъ, слушаемъ, вдругъ говорятъ: онъ фаль- шивая деньги дѣлаетъ, нтому что у него нашли фальшивый золотой въ пять рублей. Ну, и посадили въ острогъ, а потомъ въ городъ плетью драли... И человекъ ни за что погибъ! А побигъ онъ потому, что ему какой-то раскольникъ далъ вмѣ- стѣ съ золотомъ и монету. Хотя онъ и говорилъ, што нашелъ монету, однако его и драли, и били, и ѣсть не давали, чтобы онъ сознался, што самъ дѣлалъ деньги... Однако говорили, што онъ убѣжалъ еще до каторги, и гдѣ теперъ—неизвѣстно.

— А надо бы попытаться на прискахъ.

— Я бы непременно пошолъ, кабы не ребяташки.

— И съ ними можно.

— Ну, нѣтъ. Надо сперва самому попробовать, если хорошо, и семейстно взять, а худо—наплевать.

Посѣтителѣ вышли изъ харчевни и пріятелѣ разстались съ полѣсовщикомъ и Горюновыми.

Полѣсовщикъ пошелъ рядомъ съ Терентіемъ Ивановичемъ. Оба шли сперва молча, полѣсовщикъ первый проговорилъ:

— Охо хо! Жизнь она—жизнь!

— Што и говорить.

— Вѣрно нашему брату, мужику, нигдѣ нѣтъ счастья?

— Ну, это еще надо извѣдать.

— Извѣдать! Хорошо тебѣ говорить, коли у тебя нѣту жены и ребятъ... Ты встань, да и пошолъ!.. А я на твоемъ мѣстѣ, ей-Богу бы, на золотые пошолъ.

— Да я и думаю.

— Ахъ, кабы я одинъ былъ! Ужъ давно я объ этомъ предметѣ думаю! Эхъ, горе, горе! Вотъ теперь только и есть всего капитала, што тридцать копеекъ... А срублю же я это дерево, будь оно проклято! — заключилъ съ отчаяніемъ полѣсовщикъ.

V.

Домъ полѣсовщика, Елизара Матвѣича Ульянова, ничѣмъ не отличался отъ прочихъ домовъ своею наружностью: такой же высокій фундаментъ съ высокими завалинами на случай потопа, т. е. разлитія рѣкъ Дуги и Ульи, идущей мимо дома Ульянова и впадающей въ Дугу верстахъ въ двухъ отъ его дома; такъ же высоко отъ завалинъ сдѣланы въ домѣ два окна, находящіяся другъ отъ друга на разстояніи одной сажени, изъ которыхъ одно выше другаго цѣлымъ поларшиномъ. Однимъ словомъ, наружный видъ дома свидѣтельствовалъ, что хозяинъ его былъ человѣкъ практической, и если самъ не испыталъ непріятности, причиняемой разливомъ рѣкъ, то видалъ по крайней мѣрѣ это. Внутри домъ имѣлъ пазу съ печкой и полатями и горницу съ однимъ окномъ, выходящимъ на рѣку, съ лежанкою безъ тепла, устроенною потому, что всѣ промысловые такъ устроиваютъ, и потому еще, что кирпичъ некуда было дѣвать. Двѣ стѣны въ этой горницѣ оклеены бумагой, третью еще только начали оклеивать, да бумаги не хватило. Въ горницѣ столъ крашенный, два стула простой работы, тоже окрашенные; на окнѣ стоятъ два горшка, изъ коихъ въ одномъ растетъ лукъ, а въ другомъ красный перецъ, а на шкафчикѣ, стоящемъ въ углу, противъ лежанки, стоитъ самоваръ, покрытый большою тряпичею.

У Елизара Матвѣича было кромѣ жены, Степаниды Власовны, четверо дѣтей, изъ коихъ дочери Елизаветъ теперь шелъ восемнадцатый, а самой меньшей дочери, Марьѣ, четыре года.

Принадлежа помѣщику, Елизаръ Матвѣичъ рано былъ взятъ на работы. Управляющій имѣніемъ и людьми, думая угодить помѣщику и стараясь самъ современемъ сдѣлаться солепромышленникомъ, такъ сказать, выжималъ весь сокъ изъ крѣпостнаго человѣка. Мало того, что заставлялъ мужчинъ работать безъ отдыха, онъ требовалъ, чтобы и бабы, дѣвки и ребята не шалберничали дома, а были на промыслахъ, и если на промыслахъ его хозяина не было работы для всѣхъ, то работали бы по найму для другихъ управляющихъ, преимущественно его тестя. Работая на варницахъ, Ульяновъ ничего не нажилъ. Правда, жена принесла ему въ приданое самоваръ, но чай онъ пилъ только въ самые большіе праздники, и то для того, чтобы не отстать отъ товарищей, которые все-таки считали себя почему-то выше горнозаводскихъ людей, хотя и разнились отъ нихъ только родомъ занятій да свободнымъ обращеніемъ съ мелкимъ начальствомъ, которое сильно трусило рабочихъ, потому что бывали примѣры такого рода, что одного зрителя столкнули въ амбаръ, гдѣ онъ и задохнулся въ соли; другаго начали качать для того, чтобы бросить въ адъ или печь подъ циреню; третьяго хотѣли сварить съ разсоломъ... Ульяновъ, какъ и прочіе, жилъ день за днемъ, не сыто и не голодно, и поэтому у него даже и праздниковъ не бывало, т. е. праздники или свободные дни хотя и были, но ему не было весело, и если онъ пилъ водку, пѣлъ пѣсни, такъ потому, чтобы не отстать отъ товарищей и показать, что и онъ промысловый рабочій... А тутъ пошли дѣти, съ дѣтьми увеличились еще болѣе прежняго нужды, но все-таки хозяйка его умѣла управляться такъ, что дѣти не умирали съ голоду. Провіантъ, т. е. мука, получаемая за работу мужа и ея, шла для ѣды, а то, что давала корова, шло въ продажу; а хотя Елизаръ Матвѣичъ и дѣлалъ берестяные бураки, лубочные наберухи, лукошки, но за нихъ давали очень мало, потому что мастеровъ этого рода было въ селѣ много. Пашень промысловымъ рабочимъ не давали, покосы были небольшіе и сѣна съ нихъ едва-едва хватало для коровы.

Когда же Елизаръ Матвѣичъ поступилъ въ полѣсовщики—по протекціи его жены, которая носила лѣсничему молоко и, какъ толковали злыя бабенки, имѣла съ нимъ любовную связь,—тогда для Елизара Матвѣича настала другая жизнь. Дѣло въ томъ, что назадъ тому десять лѣтъ лѣсу было такъ много въ дистанціи Елизара Матвѣича, что онъ называлъ его непроходимымъ; на этотъ лѣсъ всѣ, начиная отъ лѣсничаго и кончая сторожемъ, смотрѣли какъ на доходную статью, потому что никому и въ голову не приходило, что отъ порубокъ лѣсъ будетъ сперва рѣдѣть, а потомъ и совсѣмъ исчезнетъ. Лѣсничій заставлялъ лѣсныхъ сторожей рубить для него лѣсъ на дрова и бревна, заставлялъ строить ему домъ, помощникъ его тоже и т. д.; сторожа знали, что начальство не стѣсняясь продаетъ лѣсъ, а потому и сами распоряжались деревьями по своему усмотрѣнію.

Годовъ шесть Елизаръ Матвѣвичъ блаженствовалъ: въ будни носилъ ситцевыя рубахи, къ каждому воскресенью дома варилось пиво, но Елизаръ не хотѣлъ пить пиво; ему нравилось сидѣть въ харчевнѣ или въ кабацѣ за косушкой сивухи съ веселой компаніей, отъ которой онъ узнавалъ новости и происшествія, случившіяся въ его отсутствіе; у жены его было двѣ коровы, много гусей, утокъ и курпцъ; въ большіе праздники супруги не садились за столъ безъ пирога съ просоленнымъ сгономъ и безъ жаренаго поросенка; дѣти ходили не оборванные. И деньги водились какъ у мужа, такъ и у жены, которая хорошо работала на промыслахъ или, вѣрнѣе сказать, отъ скуки и отъ печего дѣлать проводила тамъ цѣлые дни. Одно только не нравилось тогда Елизару Матвѣвичу, что въ кордонѣ находилось двое полѣсовщиковъ, которые чередовались поведѣльно, отчего Елизаръ Матвѣвичъ говорилъ, что его товарищъ собираетъ его доходы въ свою пользу. Но и тутъ, по просьбѣ его жены, прогнали другаго полѣсовщика и онъ остался одинъ. Но въ это время лѣсу уже стало меньше; начальство стало строже; чаще и чаще оно стало придираяться, а разъ даже лѣсничій приказалъ дать ему двадцать пять розогъ за то, что онъ недосмотрѣлъ, кто стравилъ въ просѣкѣ межевой знакъ со столба, хотя Ульяновъ и зналъ, что знакъ стравленъ по приказанію того же лѣсничаго. Доходилки все-таки были, потому что чѣмъ строже лѣсные сторожа, тѣмъ лѣсоистребленіе и кража идутъ успѣшнѣе и ловчѣе, а стало быть и плата за пропускъ мимо кордона дровъ и бревенъ увеличивается. На послѣдокъ, однакоже, доходы стали уменьшаться, и хотя онъ былъ и одинъ на кордонѣ, но ловить было некого, такъ какъ крестьяне и мастеровые предпочитали удобнѣе и выгоднѣе производить порубки въ другихъ мѣстахъ. Съ прїѣздомъ новаго лѣсничаго, изъ молодыхъ и ученыхъ, трудно было поживиться чѣмъ нибудь. Дистанція была размѣрена на площади, въ каждой площади деревья сосчитаны, выправлены столбы. Теперь и для себя было опасно рубить лѣсъ, и если Ульяновъ крѣпко нуждался въ деньгахъ, то со страхомъ и трепетомъ принимался за рубку, часто останавливаясь и прислушиваясь то къ эху, то къ шелесту листьевъ. Къ счастью его, новый лѣсничій не заглядывалъ уже больше въ лѣсъ. Только разъ перепугался Ульяновъ: наѣхали землемѣры, натянули цѣпи, наставили треножникъ, но и отъ нихъ онъ отдѣлался, угостивъ ихъ селянкой изъ яицъ и полштофомъ водки.

Трудно было отставать Ульяновымъ отъ хорошей жизни. Приходилось сперва закалывать утокъ и нести ихъ на продажу, потомъ пришлось продать не только гусей, но и одну корову. Надѣялся Ульяновъ на то, что его переведутъ въ хорошее мѣсто за его честную службу, но не переводили. Износились ситцевыя рубахи, пришлось покупать ленъ, чесать, прѣсть, бѣлить нитки и ткать; дѣти выросли, въ селѣ все подорожало, за трудъ

дѣтямъ давали мало, пришлось и лошадь продать, изъ боязни, чтобы ее не замучили въ варницахъ, куда ее часто брали по требованію.

Но вотъ вышла воля. Объявили и Ульянову, что онъ теперь временно-обязанный, и если захочетъ, то пусть остается полѣсовщикомъ за десять руб. въ годъ. Подумалъ Ульяновъ съ недѣлю, потолковалъ съ пріятелями и остался, потому что ему нравилась уединенная жизнь, и онъ выдумалъ огаливать толстыя деревья, растущія внутри дистанціи, т. е. обрубать толстыя отростки на дрова и рубить тонкія дерева и кустарники. Времени у него было много свободнаго и онъ эти отростки и кустарники рубилъ на дрова, которыя и продавалъ. Кромѣ этого онъ могъ стрѣлять птицу, забираясь въ чужія дистанціи, доставать бересту, лыко, лубки на разныя подѣлки. Но и это въ послѣднее время дотого оскудѣло, что онъ подумывалъ заняться какимъ нибудь другимъ дѣломъ; однако выгоднаго и сподручнаго пока не находилось. Прежде на дѣтей давали муку, и Елизаръ Матвѣичъ радовался появленію на свѣтѣ новаго бахара, и горевалъ, когда этотъ бахаръ проживалъ полгода или еще меньше; но теперь онъ и четверымъ дѣтямъ не радъ, а что было бы, еслибы у него всѣ одиннадцать дѣтей были живы! Хорошо еще, что Лизавета носить на промыслахъ соль и получаетъ поденщину отъ пятнадцати до двадцати коп., но велики ли эти денги, если работы на промыслахъ для бабъ и дѣвокъ бывають раза четыре въ мѣсяцъ. А развѣ она на восемь гривенъ съѣсть? Ей надо и одѣться, и башмаки нужны, потому что она дѣвушка невѣста, промысловая красавица, которой стыдно въ люди показаться босою съ грязными лапщами. Хорошо еще, что Степанъ работаетъ на промыслахъ и получаетъ отъ пяти до десяти коп., въ день,—все же хоть самъ себя кормить и таскаетъ матери кое-когда сальные огарки и мать его имѣетъ отъ нихъ кое-какую выгоду. Но еще двое дѣтей у Ульянова. Никиту отецъ давно бы пристроилъ куда нибудь, да онъ какой-то хилый, точь въ точь какъ чахоточный лѣсничій, а Машка еще недавно только бѣгать начала.

Когда Ульяновъ вошелъ въ избу съ Горюновыми, жена его, худощавая женщина съ изнуреннымъ лицомъ, но еще не совсѣмъ утратившимъ прежнюю красоту, сидя на печкѣ, пряла шерсть; Никита и Марья, сидя на полу передъ матерью, чесали куделю, отчего въ избѣ было очень пыльно, а на полу по всей избѣ много сору. Лизавета Елизаровна ткала въ комнатѣ половикъ. Она была высокая, здоровая дѣвушка, такъ что, по загорѣлому или красному отъ вѣтра и отъ огня лицу ея, ей можно было дать года двадцать два. Руки ея были довольно развиты, крѣпки и жестки, что доказывало, что она уже давно зна-

кома съ тяжелою работою, а прямой надменный взглядъ ея карихъ глазъ какъ будто говорилъ, что она не боится никого.

— Здорово, старуха!.. Ахъ вы проклятые! Разъ нѣту вамъ банн?.. Нашли, гдѣ куделю чесать,—проговорилъ хозяинъ, обращаясь сперва къ женѣ, потомъ къ дѣтямъ.

— Ну, гости дорогіе, садитесь. Вотъ она, моя-то хата! Тъесновата, да зато тепло какъ въ раю.

— Ужъ не говорилъ бы! Не то время...—проговорила хозяйка, слѣзая съ печки.

Она оглядѣла вошедшихъ подозрительно, слегка поклонившись имъ.

— Прежде жарили, знаешь какъ, печь-ту, потому учету не было, а теперь берешь полѣно-то, да и ожигаешься.

— А ты бы взяла да и расколола его на пятеро,—сказалъ Терентій Ивановичъ.

Хозяйка посмотрѣла на него съ презрѣніемъ, сложила руки на груди и сказала дочери:

— Лизавета, накорми-ка отца-то.

Лизавета сидѣла у окна противъ двери въ избу и смотрѣла на вошедшихъ гостей, особенно на Пелагею Прохоровну и Григорья Прохоровича, которые смотрѣли то на нее, то на присло.

— Сама корми,—некогда... Еще бы онъ привелъ чуть не полную избу,—проговорила недовольно дочь.

Хозяйка ушла въ сѣни, а Пелагея Прохоровна не утерпѣла и вошла въ комнату, гдѣ между нею и хозяйскою дочерью скоро завязалось знакомство.

Немного погодя, хозяйка приготовила кушанье для мужа: натерла рѣдьки въ большую деревянную чашку, налила въ чашку квасу и ложку коноплянаго масла. Хозяинъ сталъ приглашать ѣсть и гостей, но они отказались, говоря, что еще съ осени закормлены.

— Какъ ты думаешь, Власовна,—началъ нерѣшительно мужъ послѣ того, какъ жена узнала, кто такіе гости:—я хочу ихъ пустить въ ту половину.

— Ужъ ты вѣчно такъ. Ужъ если ты думаешь, такъ ужъ чего и говорить.

— А ты какъ думаешь?

— Чево мнѣ думать!? Ты всегда хорошо дѣлалъ: по твоей лѣнѣ да пьянству вотъ мы до чего дошли! Мнѣ што! Хочешь, штобы сгноили—пускай.

— Слышалъ, дядя Терентій, какова у меня баба-то? Ежели я что захочу, не нравится, и носъ къ верху вздернетъ, а если она што захочетъ, такъ такъ тому и быть слѣдуетъ.

— Дуракъ...

— Съѣлъ меду буракъ.

— По чьей милости ты въ полѣсовщики-то попалъ?—сказала жена обидчиво.

— О! Всѣ знаютъ... Сказать ли?

— Уйди, безсовѣстный!.. И жена ушла въ комнату, гдѣ Пелагея Прохорова уже свободно разговаривала съ хозяйской дочерью.

Горюновы поселились въ другой половинѣ дома Ульяновыхъ, но первую ночь ночевали на промыслахъ, потому что квартиру нужно было протопить, а дровъ Степанида Власовна не давала, говоря, что ихъ очень мало для себя. Въ квартиру они вернулись на другой день вечеромъ, и каждый изъ нихъ несъ пли по два длинныхъ толстыхъ полѣна, или по одному, смотря по силамъ каждаго. Но только что они вошли во дворъ, какъ услышали крикъ въ хозяйской половинѣ, а Елизавета Елизаровна, стоя у рукомойки, плакала.

— О чемъ, дѣвка, плачешь? О чемъ слезы льешь?—сказалъ шутя Терентій Иванычъ.

— Охъ! тятенька пьяный пришелъ! Уймите вы его, онъ убьетъ мамоньку.

— Проводи-ка ты, голубушка, въ квартиру-то, а я уже пойду погляжу, что хозяинъ творить.

Елизавета Елизаровна повела жильцовъ въ новую половину, а Терентій Иванычъ пошелъ къ хозяину.

Елизаръ Матвѣичъ, сидя у стола и держа въ одной рукѣ маленькій пузырекъ, ругался. Онъ былъ пьянъ.

— Э! сосѣдъ!! Посмотри-ка, што моя-то благовѣрная творить!.. Отравить хочеть!—кричалъ Ульяновъ.

— Полно-ка, Матвѣичъ, дурить-то!

— Не вѣришь? Ты мнѣ не вѣришь, што она съ лѣсничимъ жила?..

— Мнѣ какое дѣло!

— Тебѣ нѣтъ дѣла, а мнѣ есть... Теперича ты не вѣришь, што она меня хочеть отравить; а ты еще вѣрно забылъ, што я твой хозяинъ и могу теперича тебя въ зашей!

— Да съ чево ей отравлять-то теби?

— Нѣтъ, ты послушай...

Въ избу вошла Степанида Власовна съ избитыми щеками, пзъ носа ея сочилась кровь.

— Варваръ ты! Разбойникъ...—кричала Степанида Власовна. Мужъ поднялся съ лавки, но Горюновъ усадилъ его.

— Постой! ты знай, что я въ рудникахъ робилъ и не эдакихъ еще скручивалъ... Ты поглядѣлъ бы на себя-то, на кото ты похожъ?..

— Я? ты думаешь: кто я? Я лѣсной князь, потому я надъ лѣсомъ командую.

Ульяновъ вошелъ въ свою сѣру и сталъ говорить о своей лѣсной службѣ, и наконецъ вошелъ въ такой паѣосъ, что, размахивая руками, бросилъ склянку, не замѣтивъ того самъ, а Горюновъ подобралъ и положилъ въ карманъ своего тулупа.

Между тѣмъ Степанида Власовна вышла на дворъ. Тамъ Григорій Прохорычъ возился съ толстымъ сучковатымъ полѣномъ. Какъ онъ не ухитрился расколоть его, оно не раскалывалось, а только топоръ крѣпче прежняго засѣдалъ въ немъ. Пелагея Прохоровна и Лизавета Елизаровна стояли не далеко отъ него и хохотали.

— Да скоро ли, Гришка? Заморозить, што ли, насъ хочешь?!—говорила сестра.

— Гдѣ ему, вахлаку, расколоть!—говорила, смѣясь, Лизавета Елизаровна.

— А вотъ расколю! Уйдете ли вы?!—горячился Григорій Прохорычъ.

— Охъ ты, заводская лопата! И полѣно-то расколоть не умѣешь...

— Ты бойка! Ну, расколп! Расколи?!

— Затопили печь-ту?—спросила Степанида Власовна.

— Да вотъ дожидаемся, когда этотъ вахлакъ расколетъ,—сказала Пелагея Прохоровна.

Хозяйка пошла въ квартиру Горюновыхъ, за нею и Лизавета Елизаровна съ Пелагеей Прохоровной.

Григорья Прохорыча потъ пробиралъ крѣпко и ему очень было стыдно, что его осрамила хозяйская дочь, красивая дѣвка, которую такъ и хотѣлось ему, по заводскому обыкновенію, уцѣпнуть. И выбралъ же онъ такое полѣно проклятое... нужно же было ей войти во дворъ съ сестрой; но небудь ея, онъ скорѣе бы расколотъ полѣно, а то никакъ онъ неможетъ поспасть куда слѣдуетъ.

Однако, все-таки онъ расколотъ полѣно, и когда пошелъ въ квартиру, хозяйка уже выходила изъ нея.

— Гляди, дѣвка, наше полѣно взялъ, ей-Богу!—сказала Лизавета Елизаровна.

— Есть што брать! Погляди на щепки сперва, потомъ говори.

— Будь ты проклятая, хвастуша!

Дѣвѣнцы занялись разговорами, но не долго: кто-то застучалъ въ стѣну, и Лизавета Елизаровна убѣжала, оставивъ своихъ сестру и брата у Горюновыхъ.

Елизаръ Матвѣичъ, объявивъ своей супругѣ, что завтра чѣмъ свѣтъ онъ отправляется въ лѣсъ и поэтому ему нужно напечь хлѣба, отправился съ Горюновымъ въ варницы. Это путешествіе въ варницы супруга объяснила тѣмъ, что онъ нашелъ

по себѣ пріятеля пьяницу, а такъ какъ у новаго пріятеля нѣтъ денегъ, то онъ повелъ его разыскивать другихъ иудителей, чтобы напиться пьяному.

— И откуда это онъ все такихъ пріятелей пріобрѣтаетъ?— спросила дочь.

— Небось ты рада!

— Есть чему мнѣ радоваться.

— То-то будешь опять строить лясы-балясы...

— Мамонька...

— Думаешь, не знаю какъ ты съ Ванькой Зубаревымъ... Смотри-кось, брюхо-то вздуло... Варначка!*)

Лизавета Елизаровна надула губы, сѣла къ окну, задумалась, утерла появившіяся на глазахъ слезы.

— Чево тамъ прихилилась (притаилась)... Я думаю, надо квашню заводить, — крикнула мать.

На другой день утромъ Ульяновъ отправился въ лѣсъ, взявъ съ собой три ковриги хлѣба и буракъ съ простоквашей. Онъ было началъ придирааться къ дочери насчетъ склянки, но дочь успокоила его, что склянку ей матери приносилъ фельдшеръ и въ этой банкѣ былъ спиртъ, которымъ мать терла себѣ лѣвую руку.

— То-то смотрите вы... Доведете вы меня до того, што я брошу васъ, — сказалъ Елизаръ Матвѣичъ.

Но такъ какъ эти слова доводилось и женѣ, и дочери слушать не въ первый разъ, то и теперь имъ въ семействѣ Ульянова не придали никакого значенія.

VI.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ Горюновы водворились въ домъ Ульяновыхъ, и послѣ ухода на кордонъ Ульянова, Терентій Иванычъ сказалъ, что завтра будутъ носить изъ прокопьевскихъ и алтуховскихъ варницъ въ амбары соль. А такъ какъ эта вѣсть распространилась по всему побережью отъ другихъ рабочихъ, то все населеніе побережья и другихъ улицъ, въ домахъ которыхъ живутъ преимущественно бѣдныя семейства, еще съ вечера стало готовиться на работу на завтрашній день. Еще съ вечера въ домахъ происходили ссоры братьевъ съ сестрами изъ-за того, что, братья хотѣли оставить работы въ варницахъ и другихъ мѣстахъ и заняться соленошеніемъ. Сестры говорили, что это занятіе бѣбе, а не мужское, потому что бабамъ нѣту такого положенія, чтобы работать въ варницахъ. Отцы и матери старались прикратить эти ссоры тѣмъ заключеніемъ, что на промыслахъ съ самаго основанія ихъ

*) Каторжная.

соль носили бабы, что это дѣло бабѣ, и только въ случаѣ недостачи бабъ прихватываются мужчины. Но самая вражда женщинъ къ мужчинамъ еще больше выразилась утромъ на промыслахъ.

Утромъ въ шестомъ часу, передъ домомъ смотрителя, на площадкѣ стояло сотни двѣ женщинъ и съ полсотни мужчинъ. Было темно, шель сибгъ и по тѣснотѣ происходила толкотня, тычки, щипки, взвизгиванья, руганье и хохотъ. Здѣсь ничего нельзя было разобрать: голосили женщины на разные лады, кричали и свистали мужчины, пищали ребяташки.

— Бабы! Гоните прочь мужиковъ!—кричить женщина.

— Отгоняйте ихъ къ полѣнницѣ!—кричить другая.

— Попробуй, коли бойка...

— И какъ это не стыдно: чѣмъ баловать, шли бы въ другое мѣсто.

— Безъ бабъ и робить скучно,—крикнулъ молодой парень.

— Только никакъ не съ тобой, косорылымъ... Отчего вы на варницы бабъ не пушаете?

— Што легче, за то и берутся!—кричали бабы.

— До обѣда проносятъ, а потомъ и ноги протянуть,—съостриль мужчина.

Всѣ захохотали.

Началась свалка: женщины стали толкать мужчинъ; мужчины начали сердиться не наштутку и стали употреблять въ дѣло кулаки; женщины схватили кто полѣно, кто подпорку отъ полѣнницы,—отчего нѣкоторыя полѣнницы разсыпались. Послышались взвизгиванья, стоны, оханья, ругательства: одного мальчугана придавало полѣнницей, трехъ женщинъ изувѣчило, одному мужчинъ переломило ногу.

— Варвары! Што вы надѣлали? Въ острогъ васъ мало посадить!—кричали со всѣхъ сторонъ женщины.

— Кто полѣнья-то взялъ?—кричали мужчины.

У женщинъ уже теперь не было полѣненья.

— Бабы! Кто изъ васъ бойчѣе? идите къ смотрителю.

Нѣсколько женщинъ отдѣлилось, составили кучу и стали держать совѣтъ.

— Олена, чы бойчѣе, ты первая говори.

— Нѣтъ, онъ меня терпѣть не можетъ. Лизку надо заставить.

— Пожалуй, я пойду,—сказала Лизавета Елизарова.

— Сказать ему, мужчинъ намъ не надо; пусть въ алтуховскіе идутъ.

— Чего и говорить: первая со своимъ женишкомъ кривобокимъ пойдетъ....

Начались попреки, и дѣло опять дошло чуть не до драки, но вышелъ смотритель. Въ это время уже свѣтало.

Пять молодыхъ женщинъ, и въ томъ числѣ Лизавета Елизаровна, подошли къ нему.

— Назаръ Пантелепчъ, што это за порядки: мужчины за бабами хвостомъ бѣгають.

Смотрителя окружили всё, и мужчины, и женщины.

— Мужчинъ намъ не надо.

— Заставь ихъ полѣнницы складывать: они полѣнницы уронили, народу сколько изувѣчено.

— Ну-ну... пошли!

— Да ты выслушай.

— По гривнѣ съ бабы! — сказалъ смотритель и пошелъ.

Народъ повалилъ за нимъ: мужчины хохотали, женщины злились.

— Ну, гдѣ это справедливость?

— Тащите его къ дровамъ. Пусть онъ посмотритъ, што мужчины дѣлають!

Женщины стали напирать смотрителя къ дровамъ, мужчины отталкивать.

— Стой! Што это такое? Али я не начальство? — кричалъ въ бѣшенствѣ смотритель, размахивая кулаками, но женщины скрутили ему руки.

— Кто меня смѣетъ трогать! — кричалъ смотритель.

— Бабы, до коихъ ты больно лакомъ! Пустите его!.. Покажите полѣнницы!.. — кричали женщины.

Полѣнницы были близко, смотрителя пустили. Онъ хотѣлъ какъ нибудь уйти отъ нихъ, но его удержали.

— Послушай, Назаръ Пантелепчъ! Если ты съ нами такъ будешь вѣжливъ, мы и къ управляющему пойдемъ, — кричали бабы.

— Нѣтъ сегодня работы!!

— Если ты мужчинъ не заставишь складывать полѣнницы, мы къ управляющему пойдемъ.

— Убирайтесь къ чорту! Кто полѣнницы разсыпалъ? Кто народъ искалѣчилъ? — кричитъ смотритель, увидя охающихъ больныхъ съ перешпечными руками или ногами.

— Бабы!

— Мужчины!!

— Пошли вонъ! Свиньи!.. Везите въ лазаретъ больныхъ, — управляющій неравно прїѣдетъ...

Мужчины пошли прочь, къ варницамъ.

— Куда пошли! Эй, вы?! — кричалъ смотритель мужчинамъ.

Мужчины разбѣжались.

— Ншто, не правду мы говоримъ, што вы трусы?..

— Ну-ну! Каждый разъ съ вами мука. Идите къ варницамъ, да этихъ уберите.

Всѣ женщины стали къ двери въ варницу, откуда предполагалось носить соль по длиннымъ, не очень крутымъ лѣстницамъ, тянущимся до амбара сажень на сто. Дверь была заперта. На одномъ плечѣ у каждой женщины болтался мѣшокъ; большинство изъ нихъ ѣли черный хлѣбъ. Не много женщинъ держали въ рукахъ небольшіе бураки съ квасомъ. Всѣ голодали, кто о чемъ хотѣлъ, но особенно о недавнемъ геройскомъ подвигѣ; сожалѣній объ изувѣченныхъ слышалось немного, потому что всѣ были въ такомъ настроеніи, что каждой хотѣлось непременно попасть на работу.

Пелагея Прохорова стояла сзади Лизаветы Елизаровны. Она не участвовала ни въ ссорахъ, ни въ разговорахъ; ее удивляла смѣлость промысловыхъ женщинъ и то, что онѣ здѣсь имѣютъ таки превосходство надъ мужчинами. Особенно ее удивляли рѣзкія выраженія, бойкость и вертлявость Лизаветы Елизаровны, которая здѣсь не походила на хозяйскую дочь, дѣвушку смирную, какою она ее видѣла дома въ теченіи недѣли. А такъ какъ она молчала и женщины видѣли ее на промыслахъ въ первый разъ, то ей часто приводилось быть далеко отъ Лизаветы Елизаровны, которую она теряла изъ вида, но которая, впрочемъ, ее самъ звала и потомъ держала то за руку, то за шугайчикъ, то за сарафанъ.

— Я тебѣ говорю, не отставай! Ототрутъ—не попадешь!—говорила она каждый разъ.

Но вотъ подошелъ смотритель. Женщины старались выдвинуться впередъ, и оттерли Пелагею Прохоровну.

— Мокроносиха!—крикнула Лизавета Елизаровна, оглядываясь и увидавъ голову Пелагеи Прохоровны аршинахъ въ двухъ отъ себя, рванулась къ ней, столкнувъ съ мостковъ женщинъ десятокъ, и крѣпко схватила шугайчикъ Пелагеи Прохоровны.

— Какая ты розня! Держись!—крикнула она сердито, толкая ее впередъ.

— Да толкаются.

Въ мигъ Мокронососова съ Ульяовой очутились передъ смотрителемъ, который отбралъ отъ женщинъ мѣшки. Сзади смотрителя стояли Терентій Ивановичъ, Григорій и Панфилъ Горюновы и двое другихъ рабочихъ. По лѣстницѣ поднимались припасный или пріемщикъ соли въ амбаръ съ огромными ключами и одинъ рабочій.

— Куда ты ее поставила? Куда?!

— По мордѣ ее свисните, — голосили бабы, обращаясь къ Лизаветѣ Елизаровнѣ.

— Ну-ка, попробуй...

— Ты Лизка, опять буянить... А это что за баба?—спросилъ смотритель, оглядывая Пелагею Прохоровну и отбирая отъ нея мѣшокъ.

— Тебѣ што за дѣло!

— А баба ничего... Ну, на эту будетъ. Пошли туда!.. — проговорилъ онъ остальнымъ женщинамъ съ мѣшками.

— Назаръ Пантелеичъ! Родименькой!.. На эту?.. — голосили женщины.

— Ну-ну... Пошли! Считайте мѣшки! — И смотритель швырнулъ отобранные мѣшки къ двери въ варницу.

Терентій Иванычъ сталъ считать мѣшки.

— Смотри: которые съ клеймами, тѣ только бери. Нѣтъ ли сшивокъ внутри, дыръ?

— Все въ исправности, — сказалъ Горюновъ. Не принятыя женщины побѣжали къ другой варницѣ.

— То-то... Онѣ толстопятыя всегда всѣ лѣстницы обсыпаютъ, какъ снѣгомъ... Ну, сегодня вамъ плата по гривеннику за сто мѣшковъ.

Женщины заголосили.

— Ну, не хотите, такъ пошли прочь.

— Всегда четвертакъ платилъ.

— Ну-ну. Пятнадцать коп.. и дѣлу начинъ. Начинайте, благословясь.

И смотритель, не слушая криковъ женщинъ, сталъ отпирать варницу.

Въ варницу нахлынули чуть не разомъ всѣ принятыя сорокъ женщинъ, въ числѣ коихъ оказалась принятою и Степанида Власовна, которую до сихъ поръ ни дочь, ни Мокроносова не замѣчали въ большой толпѣ.

На стѣнѣ варницы, противоположной амбарамъ, были на большомъ пространствѣ начерчены мѣломъ кресты и палочки. Нѣкоторыя женщины присѣли и стали вѣсть, безцеремонно захватывая соль съ палатей; посыпавъ ее немного на куски, остальную заталкивали въ большіе карманы, замѣтно оттопырившіеся на бокахъ сарафановъ.

— Не нажрался еще, штобъ вамъ треснуть! — говорилъ смотритель, отталкивая женщинъ отъ палатей.

— Начинай! Будетъ вамъ шалберничать-то, сороки.

Женщины похватали мѣшки, причемъ безъ криковъ не обошлось, потому что каждой хотѣлось своей мѣшокъ получить, но пришлось брать какой попало, такъ какъ смотритель торопился, безцеремонно колотя по спинамъ бабъ.

Смотритель раздѣлилъ бабъ на двѣ смѣны, по двадцати въ каждую. Начали насыпать мѣшки, потомъ вѣсить соль въ мѣшкахъ. Смотритель требовалъ, чтобы каждый мѣшокъ тянулъ не менѣе двухъ пудовъ, излишекъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, т. е. какъ бы сильно не перетягивалъ двухъ-пудовую гирю, не сбрасывался.

Теперь только и слышалось въ варницѣ: поменьше сыпъ! Скинь, Христа ради — какъ перетянуло гирю... Ладно... Упрешь! Толста больно... Поднимай!

Молодые Горюновы только и дѣлали, что поднимали мѣшки на плечи женщинъ, и когда Лизвета Елизаровна поставила мѣшокъ на носокъ лѣваго сапога Григорья Прохорыча, онъ ущипнулъ ее, да такъ больно, что она взвизгнула, а смотритель, захотавъ, сказалъ:

— Што, Лизка, вѣрно не на нашего наскочила!

Лизвета ударила всей пятерней по лицу Григорья Прохорыча, такъ что у него на щекѣ обрзовалось четыре полоски съ солью. Положивъ мѣшокъ на плечо, Лизвета Елизаровна пошла, какъ ни въ чемъ не бывало, но Пелагея Прохоровна почувствовала, что у ней мѣшокъ какъ-то не такъ, какъ у людей, лежить на плечѣ и кажется ей тяжела эта ноша.

— Ну, ну... Чево вертишься съ мѣшкомъ-то, не отставай, — крикнулъ смотритель и начертилъ на стѣнѣ крестъ...

Этотъ крестъ означалъ число разовъ или число мѣшковъ этой смѣны.

Потомъ, насыпанье соли для второй смѣны началось такимъ же образомъ. Эти женщины пошли къ амбару тогда, когда на верхней площадкѣ лѣстницы, предъ дверями амбара, показалась женщина съ порожнимъ мѣшкомъ на плечѣ.

Всѣ двадцать солоносокъ шли по лѣстницамъ въ рассыпную, въ разстоянїи другъ отъ друга на сажень и на пять сажень. По многимъ изъ нихъ можно было заключить, что онѣ уже давно привычны къ этому занятію и имъ нисколько не тяжела эта работа — подниматься постепенно съ ношей кверху по скользкимъ и шаткимъ доскамъ. Ступеньки сдѣланы кое-какъ на крутыхъ подъемахъ и поворотахъ. Всѣ онѣ идутъ скоро, держа одною рукою мѣшокъ, а другою размахивая или подперевъ бокъ. Одна только Пелагея Прохоровна отстала сажень на тридцать отъ нихъ. Изъ варницы на нее крикнули, она вздрогнула; солоноски оглянулись и подняли ее насмѣхъ... Теперь ужъ не такъ тяжело ей, а только скользко. Ей такъ и кажется, что ноги у ней подкашивають, что ноги ея катятся, что она упадетъ, или вдругъ переломится доска и она провалится, а ухватиться не за что, — перилъ нѣтъ... И чѣмъ дальше она идетъ, тѣмъ рвзче ее пробираетъ вѣтеръ; чѣмъ выше она поднимается, тѣмъ больше увеличивается ея пугливость, она боится глядѣть внизъ, и только видъ другихъ женщинъ, уже возвращающихся съ пустыми мѣшками, не позволяетъ ей вернуться назадъ или бросить мѣшки съ лѣстницы и бѣжать съ промысловъ.

— Сваси, Царица небесная... Дойду, можетъ... — шепчетъ она.

Взошла она на верхнюю площадку; тамъ перила сдѣланы, ухватилась за перила и остановилась.

— Обломай перила-те! Ишь нѣженка какая! Мы почише тебя рожей-то, да не отдыхаемъ же.

„Будь оно проклято житье!“ думаетъ Пелагея Прохоровна и идетъ въ амбаръ.

— Што, Мокроноспа, устала? — спросила вдругъ Лизавета Елизаровна.

— Ой! голова кружится.

— Привыкнешъ, и на крышу влѣзешь. Скорѣе, пойдемъ вмѣстѣ назадъ-ту.

Амбаръ имѣлъ вышины сажень шесть. Въ немъ потолка не было, а только около стѣнъ на парекладины были положены доски; несмотря на то, что противъ двери въ крышѣ сдѣлано слуховое окно, ставень котораго теперь былъ отодвинутъ, въ амбарѣ всетаки было не совсемъ свѣтло. Здѣсь соль не перевѣшивали, а двое рабочихъ только снимали мѣшки съ плечъ женщинъ, брали мѣшки за дно и вытряхали соль внутрь амбара, а припасный, сидя на противъ дверей за небольшимъ столикомъ, на которомъ, кромѣ счетъ и листа бумаги, стоялъ еще графинъ съ водкой, клалъ на счетахъ каждый мѣшокъ и каждую смѣну, отмѣчая на бумагѣ карандашемъ, какъ самую смѣну, такъ и число мѣшковъ въ смѣнѣ, заставляя, во время своей выпивки съ холода водки, погодить бабамъ ссыпать соль и часто путаясь поэтому въ смѣнахъ, за что его, конечно, ругали, какъ кто умѣлъ.

Сперва всѣ ходили скучные, оттого что не совѣмъ размяли свои члены. Черезъ часъ женщины стали живѣе, скорѣе прежняго шли впередъ къ амбару и съ подпрыгиваньями бѣжали назадъ. Всѣ острили то надъ какой нибудь веловкой женщиной, то надъ Пелагеей Прохоровной, ея дядей и братьями, о которыхъ тецерь уже всѣ узнали, кто они такіе. задирали на ссору, изощрялись въ ловкости самимъ закидывать мѣшки на плечи, хохотали и старлись, во что бы то ни стало, разозлить мужчинъ. Мало по малу и Пелагея Прохоровна попривыкла и къ ходьбѣ, и къ ношѣ, и она сдѣлалась сообщительнѣе; хотя ей совѣстно было шутить съ мужчинами, все-таки она ввернула два три словца въ отпоръ смотирителю, который на нее, какъ замѣчали солоноски, обратилъ милостивое вниманіе. И ей казалось весело носить соль послѣ того, какъ она разъ двадцать поднялась къверху; прежній страхъ прошелъ, такъ что она сама смѣялась надъ своею трусостью. Одно ей не нравилось въ это время. — это то, что солоноски черезъ чуръ говорятъ не хорошія вещи... Чего, чего только онѣ не говорятъ о мужчинахъ, да и себя-то не очень жалбуютъ. Такого свободнаго обращенія, такихъ свободныхъ выраженій она и отъ роду не слыхивала въ Терентьевскомъ заводѣ. Правда, и тамъ народъ обращается свободно въ масляницу, на гуляньяхъ, какъ на примѣръ, въ Троицынъ день, когда молодежь на горѣ березки хоронитъ, такъ зато время такое праздничное, а не рабочее. Стали попрекать Пелагею Прохоровну нехорошимъ житьемъ; Пелагея Прохоровна старалась мол-

чать, понимая, что никакимъ ея оправданіямъ не повѣрятъ; наконецъ таки разсердили и ее, и она крикнула:

— Мало вы меня знаете, безсовѣстныхъ вы эдакія!

Молодые женщины на смѣхъ подняли эти слова, а пожилыя отстали.

Надоѣли женщинамъ остроты, насмѣшки, издѣванья другъ надъ дружкой; всѣ начали чувствовать усталость, а отдыхать некогда: надо хоть сотню выверстать, а ужъ смотритель пошелъ объѣдать, значитъ, двѣнадцать часовъ, а всего снесено только по тридцати восьми мѣшковъ...

Затянула одна голосистая женщина на лѣтвищъ пѣсню, пѣсню подхватили еще три женщины и запѣли всѣ, исключая Пелагеи Прохоровны, которая не понимала этой промысловой пѣсни про тяжелое промысловое житье, изъ котораго выходъ только одна быстрая рѣченька, уносящая волюшку къ милому дружечку, уплывшему куда-то въ море-окіанъ на островъ хлѣбородный, на который бѣдную, несчастную рабу злые люди-лиходѣи не пускаютъ, и кромѣ того, ей про волюшку и объ миломъ и думать не велятъ.

Послѣ того, какъ смотритель ушелъ, женщины стали приставать къ Горюнову, чтобы онъ не вѣсилъ соль, на томъ основаніи, что припасный ее не перевѣшиваетъ; Горюновъ сперва не соглашался, но къ женщинамъ пристали и рабочіе, насыпавшіе соль. Горюновъ уступилъ и даже пять лишнихъ крестовъ прибавилъ на стѣнѣ. За это онъ такъ понравился всѣмъ женщинамъ, что они его превозносили до небесъ; Пелагея Прохоровна говорила, что дядя у нея отличнѣйшій человекъ, а изъ двѣцъ нѣкоторыя охотно заигрывали съ его племянниками, изъ коихъ Панфилу прибавляли лишнихъ три года, такъ какъ онъ на вершокъ только былъ ниже ростомъ Григорья.

Первая смѣна стала объѣдать, то есть ѣсть ржаной хлѣбъ, запивая его водой. Въ это время стали приходить въ варницу взрослые парни. Появленію парней дѣвцы обрадовались, потому что онъ теперь могли замѣниться ими. Парни вели себя чинно, стараясь вернуть какое нибудь мудреное словцо женщинамъ, не показывая, впрочемъ, вида что оно произнесено для того, чтобы его похвалила его зазноба. Но это была вѣжливость вообще къ дамскому полу; парни здѣсь не осмѣливались подойти прямо каждый къ своей подругѣ, начать съ ней разговоръ, потому что это было неприлично, такъ какъ тутъ находились даже и матери нѣсколькихъ дѣвицъ и такого парня подняли бы на смѣхъ всѣ женщины.

Пелагея Прохоровна сидѣла рядомъ съ Лизаветой Елизаровной. Объ онъ посматривали на парней, но первая смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, а вторая—съ презрѣніемъ. Пелагея Прохоровна замѣтила, что парни не вызываются сами носить соль, а напротивъ, ихъ сами дамы вызываютъ.

— Поняла ли? Это наши кавалеры. Гляди, вонъ пятеро ужъ понесли, а вонъ тѣ двое, што стоятъ облизываются, съ носомъ остались...

— Што такъ?

— Одинъ-то съ Одувановской все хороводился, да она сегодня о полънилицу ушиблась... И стыда нѣтъ у человѣка: вѣдь знаетъ, што она нездорова, пришелъ.

— А другой?

— Ну, тотъ погодить... У него губа больно толста.

И Лизавета Елизаровна съ негодованіемъ встала и пошла съ Мокроносовой.

— Охъ вы, вахлак! А еще парни прозывается, — сказала она Григорью Прохорычу, съ неудовольствіемъ взглянувъ на него.

— Собака такъ собака и есть! — отвѣтилъ Григорій Прохорычъ.

— Осель! Нѣтъ, штобы замѣнить, — сказала Лизавета Елизаровна.

Григорью Прохорычу сдѣлалось стыдно, и онъ, когда сестра и Ульянова подошли къ нему, самъ вызвался, нести за Лизавету Елизаровну соль.

— Давно бы такъ! А ты неси за сестру, — сказала Лизавета Елизаровна Панфилу.

Мокроносова и Ульянова замѣнили молодыхъ Горюновыхъ, но Панфилъ ходилъ только два раза: больше идти у него не хватило силъ; поэтому обѣ женщины стали чередоваться. Два парня, про которыхъ говорила Пелагея Прохоровна Лизавета Елизаровна, долго стояли около двери варницы, какъ оплеванные, и молча переносили насмѣшки. Одинъ изъ нихъ было-попросилъ Лизавету Елизаровну нести за нее соль, но она ему сказала:

— Не стойшь! У меня другой есть помощникъ.

— Ну, погоди!.. Каковъ ни на есть дамъ, твоему помощнику.

— Не беспокойтесь, пожалуйте.

— Ноги я ему обломаю.— Съ этими словами парень ушелъ.

Въ одну изъ смѣнъ Лизаветѣ Елизаровнѣ пришлось идти сзади Григорія Прохорыча.

— Што, небось, усталъ?—спросила она его.

— Ничего.

— То-то и есть! Ваше дѣло только хвастаться... Только и слышно отъ мужчинъ: охъ, какъ чижало. А вотъ мы и бабы, да не говоримъ, што намъ тяжело.

Григорій Прохорычъ только промычалъ. Тѣмъ и кончился разговоръ въ эту смѣну.

Въ другую смѣну женщины заплѣли пѣсню, имъ подтигивали и парни, голоса которыхъ рѣзко отличались отъ женскихъ го-

лосовъ. Лизавета Елизаровна пѣла немного, она часто остана-
вливалась, прислушивалась, поетъ или нѣтъ Горюновъ.

— Ты што жъ не поешь? Али горлу твоему тоже чижало?

— Кабы умѣлъ, запѣлъ бы...

— Ну и парень! Чему васъ въ заводѣ-то обучали?

— У насъ другія пѣсни, на другой голосъ.

— Ну-ка спой.

Горюновъ не сталъ пѣть.

Къ вечеру стали появляться на варницахъ и мужчины—братья,
дяди и мужья, покончившіе съ работами на другихъ варницахъ;
въ числѣ ихъ было шесть человекъ возчиковъ и Елизаръ Мат-
вѣичъ, который обыкновенно прїѣзжалъ съ кордона прямо въ
варницы, такъ какъ дорога до дома шла мимо промысловъ.

— Дайте-ка, бабы, мы поносимъ, разомнемъ косточки,—на-
прашивались мужчины, безцеремонно хватаясь за мѣшки. Жен-
щины хотя и изъясняли свое неудовольствіе за то, что мужчи-
ны не въ свое суются дѣло, однако, съ радостію отдавали мѣш-
ки и садились, говоря:

— Охъ, устала!

— Не ты бы говорила, да не мы бы слушали. Съ самаго съ
обѣда не носила.

— Ахъ ты... Сосчитай, сколько теперь-то на бабъ мужчинъ,
—перекорялись женщины.

Мужчинъ съ парнями было и теперь на половину меньше
всѣхъ женщинъ.

Женщины, числомъ девятнадцать, стали чередоваться съ тѣ-
ми, которымъ некъмъ было замѣниться, болѣе прежняго остри-
ли надъ мужчинами и парнями, которые къ вечеру уже безъ
церемоній обращались съ своими предметами, щекотя и
щипля ихъ, перекидываясь съ ними любезными словцами въ
родѣ „Магрешка толстопятая“, „Офимья безголосая“, на что и
имъ отвѣчали соответственными выраженіями. Горюновъ стар-
шій скоро замѣтилъ, что соленошеніе идетъ не такъ успѣшно,
какъ раньше, и прибавилъ еще два креста по просьбѣ одной
тридцатилѣтней здоровой женщины, которой онъ частенько от-
пускалъ каламбуры, что и смѣшило ее чуть не до слезъ. Онъ
не обращалъ вниманія на шалость молодежи, но когда уже не-
возможно было опредѣлить, кто изъ какой смѣны, а молодежь
стала дурачиться больше и бѣгать по варницѣ, тогда онъ крик-
нулъ:

— Таскай, пока свѣтло!

— Ставь крестъ!—отвѣтили ему.

— Да я и такъ десять крестовъ лишнихъ поставилъ.

— Спасибо на этомъ, прибавь еще десяточекъ.

— Кромъ шутокъ говорю—робь! Смотритель придетъ — кто
будетъ въ отвѣтъ, какъ не я?

— На праздникъ угостимъ! Считай за нами.

Такъ Горюновъ ничего и не могъ сдѣлать и относилъ всю причину безпорядковъ къ присутствію мужчинъ, до которыхъ бабы работали усердно. „Впрочемъ, — думалъ онъ, — мнѣ какое дѣло. Онъ будутъ получать деньги, а не я“, и онъ подозвалъ племянницу.

— Ты што же съла?

— А што мнѣ идти, когда никто нейдетъ. Што скажутъ?

— Да вѣдь еще сотни нѣту... Подумай, сколько тебѣ придется денегъ. Я и такъ ужъ много лишнихъ крестовъ поставилъ.

— Бабы! сходите разъ, да и баста! — крикнула Пелагея Проровна.

— Смотрите, какъ наша-то заводчанка разохотилась! Пойдемте не то, — проговорила одна женщина.

На этотъ разъ пошли всѣ сорокъ женщинъ въ разъ, отстранивъ мужчинъ; въ продолженіе всего хода пѣли.

Это былъ послѣдній разъ.

Припасный, несмотря на то, что въ графинѣ уже не было водки, бодро держался на ногахъ и, по мѣрѣ того, какъ его пробиралъ хмѣль, становился придирчивѣе и ругался, по привычкѣ, безъ мѣры, но не отъ сердца. Сколько его ни просили женщины сдѣлать прибавку въ своей бумагѣ, онъ твердилъ одно: нельзя!

Заперевъ дверь амбара, припасный съ рабочими сошелъ внизъ. Тамъ, около варницы, собрался солоноски, около нихъ терлись мужчины и парни. Дверь въ варницу захлопнули за припаснымъ. Тамъ былъ въ это время прикащикъ, пріѣхавшій съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ, смотритель и Терентій Ивановичъ.

— Противу прошлыхъ разовъ, сегодня больше отнесено соли. Не видите разъ, што соли осталось чуть не на полъ-сутокъ, — говорилъ прикащикъ, указывая на полати.

— Да и я сомнѣваюсь. Больше восьмидесяти мѣшковъ по зимамъ не вынашивалъ, а сегодня выношено девяносто девять, — говорилъ смотритель.

Припасный сталъ считать на своей бумагѣ палочки. По его запискѣ оказалось, что первая смѣна прошла шестьдесятъ девять разъ, вторая семьдесятъ.

— Чортъ васъ разберетъ тутъ! Сколько же всего разовъ-то схожено? — кричалъ прикащикъ.

— Я самъ считалъ! Я не могъ ошибиться, — проговорилъ смотритель, строго смотря на Горюнова.

— А я даромъ сдѣлать? — горячился припасный.

— Взятюшники! Мопенники! Живодеры! — кричалъ прикащикъ.

— Помплуй, Иванъ Сидорычъ! Съ чего тутъ взято!

— Вы думаете, надуете меня? Нѣ-вѣтъ! — И подошедши къ стѣнѣ, онъ стеръ половину крестовъ.

— Вотъ коли такъ! Не плутуйте потомъ... Подай мнѣ свою бумагу да зовите бабъ,—проговорилъ прикащикъ, обращаясь къ припасному и къ остальнымъ.

Когда женщины вошли въ варницу, въ ней уже былъ зажженъ въ фонарѣ салный огарокъ.

— Плохо же вы, бабы, нынче работаете. Прежде по полутора-ста мѣшковъ вынашивали, а теперь и плата больше, а вы и пятидесяти мѣшковъ въ день не можете вынести... Вольныя нынче стали!! Свободу вамъ дали!!

Женщины плохо понимали слова прикащика.

— Што рты-то разинули? Связано, всего по сорока пяти мѣшковъ вынесли.

— Не грѣхъ тебѣ, Иванъ Сидорычъ, обижать!—завопили женщины.

— Ничего не знаю, такъ записано. Хотите получить по десяти копѣекъ. Итакъ ужъ цѣлыхъ три копейки дѣлаю накладки.

Женщины было начали возражать, но прикащикъ прикрикнулъ на нихъ и прицугнулъ ихъ тѣмъ, что онѣ и этихъ денегъ не получатъ. Женщины согласились, ругая смотрителя и припаснаго.

Разсчитавшись съ женщинами, прикащикъ приказалъ смотрителю непременно очистить завтра варницу отъ соли, сказавъ ему, что онъ завтра не будетъ, а онъ, смотритель, можетъ самъ придти или приѣхать къ нему за деньгами для расплаты съ солоносками. Потомъ прикащикъ уѣхалъ.

— Экъ, чортъ его принесъ! Я хотѣлъ самъ разсчитать своими деньгами, а его сунуло... Однако ты, Горюновъ, ловокъ приписывать. А знаешь ли ты, што стоитъ эта приписка? Сколько ты слупилъ съ бабъ?

— Провалиться на семь мѣствъ, шобы я приписалъ.

— Клятвамъ, мы, братецъ, не вѣримъ. Эту вину я тебѣ прощаю на первый разъ, потому единственно, што тебѣ на первыхъ порахъ разжиться немного не мѣшаетъ.

— Назаръ Пантелеичъ...

— Не заговаривай... За тобой еще есть долгишко?.. Впередъ попадешься, не плачь. Спроси вонъ припаснаго, какъ эти дѣла нужно обдѣлывать, шобы и волки были сыты, и овцы цѣлы.

Съ этими словами смотритель вышелъ изъ варницы, заперевъ дверь.

Терентій Ивановичъ долго стоялъ въ раздумьи у варницы. Ни одной веселой мысли не приходило ему въ голову. Жизнь казалась ему такою противною; прикащикъ, смотритель и припасный такими гадкими, что онъ готовъ былъ въ эту же ночь уйдти въ другое мѣсто.

А солоноски, въ сопровожденіи мужчинъ, съ пѣснями выходили съ промысловъ въ село. И далеко раздавалась ихъ протяжная, безтолковая, невеселая пѣсня.

VII.

Такъ же начался и второй день на промыслахъ; только къ обѣду смотрителя соль была вся выношена изъ варницы, въ которой служилъ Терентій Ивановичъ; но женщины не шли по домамъ, а дожидались расчета. Теперь онъ положительно зналъ, сколько каждую свесено мѣшковъ, потому что записывалъ самъ смотритель, который, прежде, чѣмъ идти домой, объявилъ, что каждой бабѣ приходится за сегодняшнюю носку по шести съ половиною коп. Женщины, отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи смотрителя, сперва хвастались тѣмъ, кто сколько изъ нихъ принесъ вчера домой на рубахѣ и на загривкѣ соли, насыпавшейся туда отъ мѣшковъ, кто сколько принесъ соли въ мѣшковыхъ складкахъ; каждая старалась убѣдить другую, что она постоянно воруетъ соль, а одна дѣвица уговаряла тоже дѣвицу, что та даже вся пропитана солью, какъ татарка козлятиной. Но тутъ не было и тѣни неудовольствія; говорили потому объ этомъ, что говорить было не о чемъ, кому же на промыслахъ безъ воровства нельзя жить — это даже говорить и Терентій Ивановичъ, который рассказалъ уже женщинамъ нѣсколько разъ про вчерашній урокъ, данный ему смотрителемъ. Наконецъ, надобно болтать, стали бороться, а болѣе молодые и вертлявые даже начали кататься съ лѣстницы, какъ будто у нихъ и заботы никакой, не было. Но смотритель не приходилъ долго; женщины стали зябнуть; развлеченій нѣтъ никакихъ. Пошли на берегъ; тамъ по льду кое-гдѣ ребята катаются на конькахъ, на санкахъ или просто бѣгаютъ, кидаются въ то же время и снѣгомъ. Скучно и здѣсь, такъ бы и не глядѣлъ ни на что, не такъ какъ лѣтомъ. Тогда такъ и рвутся солоноски на берегъ. Усядутся онѣ на набережныхъ или на сходахъ и начинаютъ пѣть... И чѣмъ дольше сидитъ женщина, тѣмъ ей кажется легче, она сосредоточивается сама въ себя. Нравится ей этотъ просторъ, эти бурыя волны, лодки, слегка колеблемыя имп; сердце у ней бьется, поетъ и ей хочется куда-то... И долго-долго тогда сидятъ женщины, до тѣхъ поръ, пока ихъ не перевезутъ всѣхъ на другой берегъ или пока не покатаетъ ктонибудь въ лодкѣ.

Пришелъ смотритель, рассчиталъ женщинъ, а Горюнову сказалъ, что съ понедѣльника нужно пустить варницу въ ходъ; до понедѣльника же онъ будетъ свободенъ.

Горюновъ попросилъ у него денегъ.

— Какія такія тебѣ деньги? — спросилъ съ неудовольствіемъ смотритель.

— Я ужъ восемь дней прослужилъ.

— Стыдился бы ты говорить-то. Вѣдь ты ужъ содралъ съ бабъ шесть цѣлковыхъ?

— Не стыдно тебѣ говорить-то это? Не знаешь ты меня.

— Еще говори спасибо, что я держу тебя... А што касается до жалованья, такъ ты долженъ помнить условіе.

— Но чѣмъ же мнѣ жить?... Самъ разсуди, я нанялся не для того, чтобы даромъ служить.

— Даромъ! Ха-ха!.. И онъ мнѣ еще говоритъ!.. Ступай-ка, братецъ ты мой, домой, сходи въ баню, а завтра помолись Богу за наше здоровье: можетъ, поумнѣе будешь.

Смотритель ушелъ.

— И это у человѣка нѣтъ совѣсти. Ну, хорошее же я житье нашелъ. Двадцать пять лѣтъ, по крайней мѣрѣ, я жилъ своимъ умомъ, а теперъ... Нѣтъ, правду сказалъ Коронаевъ, не житье здѣсь...

Задумался Горюновъ крѣпко. Денегъ у него всего только рубль, идти въ другое мѣсто нѣтъ тоже резона, потому что нужно напередъ отыскать мѣсто... Идти на золотые пріиски,—пожалуй, дѣло рискованное. Казенные пріиски и пріиски богатыхъ людей ему извѣстны; они обставлены такъ, что тамъ трудно чѣмъ нибудь поживиться, а хотя и платятъ за работу, то тоже и тамъ въ глуши начальство самоуправничаеъ, какъ ему хочется, потому что, имѣя деньги, во всякое время можетъ найти рабочихъ изъ бѣглыхъ, ссыльныхъ и друхихъ людей за безцѣнокъ. Остается идти на такіе пріиски, которые только что открываются, хозяева которыхъ, люди неопытные въ этомъ дѣлѣ, вручаютъ разработку мошенникамъ, которые только высасываютъ у хозяевъ деньги и, по нерадѣнію своему и неумѣлости, доводятъ пріиски до того, что ихъ потомъ или бросаютъ по негодности, или продаютъ за безцѣнокъ.

— Надо разузнать объ этомъ, во что бы ни стало... И лишь бы попасть мнѣ только на такой пріискъ, забралъ бы я его въ руки.

Елизаръ Матвѣвичъ былъ дома, и когда семейство его ушло въ баню, Горюновъ сообщилъ ему свои мысли.

— И я, братъ, думаю объ этомъ ужъ давно. Недавно мимо меня проходилъ одинъ бѣглый. Попросился погрѣться. Я впустилъ и сталъ спрашивать: не знаетъ ли онъ, гдѣ жизнь лучше? Ну, конечно, онъ захохоталъ. какъ и я въ тѣ поры, какъ впервые васъ встрѣлъ... Ну, онъ все-таки сказалъ: супротивъ, говорить, того мѣста, гдѣ я жилъ, не бывать лучше! Сталъ я отъ него добиваться правды,—нельзя, говоритъ: сказывать не велѣно, потому, говоритъ, штука!.. Раскольники тѣмъ мѣстомъ пользуются; золота, говоритъ, тамъ больно много, только про то раскольники и знаютъ.—Ну, я думалъ, онъ вретъ, сталъ пытаться: колп, мозъ, правду говоришь, зачѣмъ не жилъ тамъ? Скажи да и только мнѣ мѣсто, и говорю ему: живи, молъ, ты у меня хоть сколько... Ну, онъ увѣздъ сказалъ, а мѣста нѣтъ. Тамъ, говоритъ, верстахъ въ пятидесяти уже моютъ золото, только

непорядковъ много. А убѣжалъ онъ изъ острога, и опять, туда же пробирался.

— Не махнуть ли намъ туда, Елизаръ Матвѣичъ?

— Махнуть!.. Легко сказать. А пойди, и до половины не дой-
дешь.

— Оно, правда, верстъ четыреста будетъ... Только я на тво-
емъ мѣстѣ не такъ бы думалъ.

— Какъ же?

— А взялъ бы да и срубилъ остальной лѣсъ.

— Ну, вѣтъ! Легко срубить, а отсчитываться-то какъ?

— О, Елизаръ Матвѣичъ! Я думаю, нечего тебя учить отсчи-
тываться.

Скоро пріятели разстались. но оба они не спали цѣлую ночь, думая, какимъ бы образомъ имъ разжиться деньгами, какъ луч-
ше сдѣлать относительно семействъ: оставить ли ихъ здѣсь, или
взять съ собой? У обоихъ только и было мысли о золотыхъ
прискахъ... „Шутка работать на прискахъ. своимъ руками дос-
тавать и промывать золото. Да тогда нужно дуракомъ, олухомъ
быть, чтобы пропускать этотъ металлъ въ чужія руки даромъ.
Вотъ теперь дозволено даже крестьянамъ самимъ пскать золото,
за это имъ деньги платять, только имѣть его у себя или прода-
вать его нельзя. Вотъ бы тогда я сталъ богачъ; сперва бы сдѣ-
лался довѣреннымъ, потомъ записался бы въ купцы...“ И мно-
го, много хорошаго шло въ головы обоихъ пскателей счастья;
много приходило несбыточнаго и много такого, что могло осу-
ществиться при особенномъ счастьи и при ловкости человѣка.

Утромъ, въ воскресенье. въ домахъ происходила стряпня. За
непымѣемъ большихъ денегъ, Степанида Власовна пекла яшныя
ватрушки и пирогъ съ грибами. Пелагея же Прохоровна не-
чего было печь: не на что было; хотя же Степанида Власовна
и предлагала ей капусты, но у нея не было муки, и она еще
рано утромъ купила на рынкѣ двѣ ковриги хлѣба и фунтъ мя-
са. Терентій Ивановичъ сидѣлъ у окна задумчиво, племянники
разсуждали о бабахъ и часто ссорились. Всѣ эти четыре лица,
казалось, не обращали вниманія другъ на друга и, за исклю-
ченіемъ братьевъ, не относились другъ къ другу ни съ какимъ
вопросомъ, и какъ будто тяготились другъ другомъ. Братья еще
плохо понимали жизнь; дядю считали за человѣка равнаго себѣ
относительно работы. и только потому, что онъ теперь уставщикъ
на варницѣ, думали, что онъ долженъ имѣть деньги, и имъ
придется работать на варницахъ шутя. Пелагея Прохоровна
думала, что, пришедши сюда, она промѣняла кукушку на яст-
реба. Здѣсь она, хотя и свободная женщина, за то у нея ни-
чего нѣтъ, а пріобрѣтетъ ли она что нибудь впослѣдствіи, ска-
зать трудно. Работа тяжелая, люди чужіе, обращеніе у нихъ не
хорошее. И все это случилось по милости дяди и Короваева.
Терентій Ивановичъ думалъ, что ему не надо бы было брать

племянницу и племянниковъ: пусть бы они жили какъ хотятъ, и пусть ищутъ себѣ счастья сами. А то завелъ онъ-ихъ въ такое мѣсто, гдѣ они совсѣмъ собьются съ толку, потому что люди молодые...

Зазвонили къ обѣднѣ. Пелагея Прохоровна стала чесать голову. Пришла Елизавета Елизаровна.

— Ты пойдешь?—спросила она Пелагею Прохоровну.

— Чего я тамъ забыла!

— Пойдемъ. У насъ пѣвчіе очень хорошо поютъ.

— Ну ужъ! противъ городскихъ врядъ ли споютъ.

— У васъ только и хорошо въ городѣ, а сами... Пойдемъ!

— И я пойду!—сказалъ Терентій Иванычъ.

— И я! и я!—прокричали два брата

Черезъ полчаса Горюновы, Пелагея Прохоровна и Елизавета Елизаровна отправились въ православную церковь.

Церковь была биткомъ набита народомъ; но мастеровые стояли на право, а заводскія женщины и дѣвцы вальво, исключеніе составляли аристократки, которыя стояли впереди на правой сторонѣ, и ихъ какъ будто отгораживали отъ рабочаго класса купцы, чиновники и вообще люди высшаго сельскаго общества. Пожилые рабочіе молились усердно, можно сказать, отъ всей души; но молодежь промысловая, надо сказать правду, пришла сюда ради развлечения: послушать пѣвчихъ, дьякона, посмотреть на дѣвицъ, на ихъ наряды и, при случаѣ, подмигнуть и скорчить лицо.

Послѣ обѣдни, холостые мужчины отправились или въ гости къ своимъ невѣстамъ, на капустный или грибной пирогъ, или въ харчевни; семейства шли отдѣльно кучками, молодежь говорила незамужнимъ дамамъ любезности, но изъ приличія, не выходила, потому что въ селѣ всѣ семейства были на перечеть, и никто не хотѣлъ, чтобы про него или его дочь говорили дурно. Кто шелъ черезъ рынокъ, тотъ покупалъ мелкихъ кедровыхъ орѣховъ, но другихъ не подчивалъ и самъ не угощался, такъ какъ праздникъ состоялъ въ томъ, чтобы сперва пообѣдать, потомъ поспать, потомъ поиграть до вечера въ карты развлекаясь между прочимъ и орѣхами.

Скуденъ былъ обѣдъ Горюновыхъ. Пелагея Прохоровна и Терентій Иванычъ молчали, но не молчали братья.

— У людей дакъ попроги, а у насъ все рѣдка да рѣдка!—говорилъ Григорій Прохорычъ.

— И это хорошо,—замѣтилъ дядя.

— Робишь, робишь, а поѣсть нечего!

— Ужъ молчалъ бы лучше! сколько ты выробилъ денегъ-то!—проговорила Пелагея Прохоровна.

— Што ты меня упрекаешь? развѣ я не заплачу вамъ! Ты своего-то Короваева упрекай, што онъ бросилъ тебя...

— Гришка!—крикнулъ дядя

— Я давно Гришка!.. нечего кричать-то!

— Кабы ты былъ умнѣе, не говорилъ бы! И Терентій Ивановичъ вышелъ изъ-за стола.

— Ты, дядя, што же?—спросила съ испугомъ Пелагея Прохорова.

— Я сытъ...

— Да шей-то похлебай.

— Не хочу.

И Терентій Ивановичъ, одѣвшись, ушелъ къ хозяину, но Ульяновъ тотчасъ послѣ обѣда куда-то ушелъ.

Сестра и оба брата доѣли обѣдъ молча; потомъ братья ушли. Пелагея Прохорова прилегла было не много, но ей сдѣлалось страшно скучно. Она отправилась къ хозяйкѣ, которая въ это время уже лежала на печи, а дѣти ея, кромѣ Марьи, играли въ карты.

— А што же братья?—спросила Лизавета Елизаровна.

— Ушли.

Но она ничего не сказала о сценѣ за обѣдомъ.

— Я вотъ прошу мамоньку, штобы вечерку намъ устроить...—начала Лизавета.

— Толкуй еще!—проговорила мать съ печи.

— Ну, мамонька! люди устраиваютъ, а намъ отчего не устроить.

— Не выдумывай.

Лизавета Елизаровна дала гостѣмъ горсть орѣховъ, и онѣ стали играть на орѣхи. Пришелъ Григорій Прохорычъ.

— Непремѣнно куплю себѣ коньки! Всѣ катаются,—сказалъ онъ.

— Голову сломишь. А угощенье принесть?—спросила Лизавета Елизаровна.

— Какое?

— Невѣжа. А еще въ городѣ жилъ. Убирайся!

Григорія Прохорыча не принимали играть.

— Дайте не то въ займы денегъ!—сталъ просить Григорій Прохорычъ.

— Хорошъ мужчина: у хозяевъ денегъ просить на угощеніе. Степанъ, гони его!

— Лизка, не дури!—проговорила съ печи мать.

— Не твое дѣло, мамонька. Спи тамъ.

— Дадите вы уснуть!

Мать слѣзла съ печи и усѣлась тоже играть въ карты; Григорій Прохорычъ былъ принятъ.

Горюновъ между тѣмъ вошелъ въ одно питейное заведеніе, которое по случаю праздника было биткомъ набито рабочими. Но пьяныхъ въ немъ не было еще ни одного человѣка, потому

что всё пришли сюда только что послѣ обѣда покалякать или провести весело время. Хозяинъ заведенія не былъ въ претензіи за то, что никто не бралъ водки, а только курилъ махорку. Онъ зналъ, что чѣмъ больше будетъ въ его заведеніи по-святителей, тѣмъ больше будетъ къ вечеру выручки. Рабочіе толковали о разныхъ дѣлахъ, обращаясь часто за подтвержденіемъ своихъ мнѣній къ хозяину; двое насвистывали слегка; двое тоже слегка наигрывали на гармоникахъ, одинъ игралъ на балалайкѣ, но никто никому не мѣшалъ, потому что если разговоръ касался держащаго въ рукахъ гармонику, то онъ громко отвѣчалъ, не выпуская изъ рукъ гармоники.

— Што, говорятъ, Назарко тебя надулъ?—спросилъ одинъ рабочій, обращаясь къ Горюнову, когда тотъ вошелъ.

— А ты почему знаешь?

— Это не секретъ. Тутъ, братецъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Што жъ ты теперь думаешь дѣлать?

— Подожду еще недѣлю, тогда...

— Тогда онъ и скажетъ: покорно благодаримъ: задаромъ-де служили нашей милости.

— Хоть ты и заводскій человекъ, а практики у тебя ни на грошъ нѣтъ!

— Чего ты толкуешь? Какую такую ты еще механику выдумалъ?—прокричалъ другой рабочій.

— Уговорить другихъ: не хотимъ-де за эту цѣну робить.

— Дуракъ! Да онъ тебя прогонитъ. Разъ мало нашего брата, што безъ работы шляются? Разъ нынѣ мало развелось нищихъ?

— А отчего! Оттого, что мы сами плохи.

— Какъ?

— А такъ. Нѣту у насъ согласія. Такъ-ту мы по отдѣльности тараторимъ, а сбири насъ всѣхъ, и сало во рту застыло. Народъ загадилъ.

— Коснись дѣло до тебя, ты первый лыжи дашь!

— Что жъ; мнѣ одному въ петлю лѣзти? Одинъ въ полѣ не воинъ. А вотъ мы даже на счетъ платы не можемъ сговориться! Што сказано въ Положеньи-то: рабочіе должны выбирать старость, а гдѣ они, старосты?

— Поди-ка сунься!

— Нѣтъ, можно бы собраться хоть сотиѣ—другой, и выбрать припаснаго, смотрителя...

— Што ты толкуешь, братецъ, выбрать!.. Тебя еще вѣрно не дирали хорошенько-то. Помнишь ли ты прошлогоднее дѣло?

— А кто имъ велѣлъ барки рубить да муку топить?

— Такъ и слѣдовало!

— Вовсе не такъ. Собраться всѣмъ селомъ къ управляющему и требовать платы.

Эти разсужденія продолжались еще долго и расписывать ихъ вѣтъ никакой надобности, потому что они рѣшительно не приводили рабочихъ ни къ какой цѣли. Дѣло въ томъ, что согласіе между рабочими не существовало, потому что они работали на разныхъ варницахъ, принадлежащихъ разнымъ господамъ, и жили дружно только съ тѣми, которые работаютъ съ ними вмѣстѣ и которые горой стоятъ за товарища. А такъ какъ на однихъ промыслахъ было нѣсколько лучше другихъ промысловъ и требованія первыхъ были больше послѣднихъ, то послѣдніе, завидуя первымъ, были недовольны ими, говоря, что они заботятся больше о себѣ, чѣмъ о товарищахъ, только работающих отъ нихъ отдѣльно. Кромѣ этого, одни изъ рабочихъ были слишкомъ робки; они привыкли сносить все терпѣливо, и если у нихъ спрашивали мнѣнія, то они, наученные опытомъ, ничего не могли посоветовать, находя все толки бесполезными; другіе старались какъ нибудь поддѣлаться къ какому нибудь мелкому начальнику изъ-за личной выгоды; третьи, поправившись немного выгодною женитьбою, только въ своей компаніи были бойки. Молодежь была, конечно, смѣлѣе, ей бояться было нечего, но такъ какъ она не могла обходиться безъ любви, увлекалась дѣвушками и женщинами, то и отъ нея, т. е. отъ всей сельской молодежи, нечего было добиваться единодушія, если одна половина ея ревновала другую къ предметамъ своей любви. При этомъ надо еще взять во вниманіе то, что рабочіе живутъ въ селѣ въ нѣсколькихъ улпцахъ или поридкахъ, носящихъ названія, соответственныя или мѣстности, или какой нибудь личности, или данныя какому нибудь событію, и въ нихъ православные смѣшиваются съ едновѣрцами и отчаянными раскольниками, которые только въ частности заботятся о себѣ, о своихъ родныхъ и партіяхъ. Поэтому, еслибы и пришлось потребовать голоса отъ всѣхъ рабочихъ всего села, то разногласія вышла бы большая, и у начальства не достало бы терпѣнія выслушать мнѣніе каждой партіи, каждаго промысла еще и потому, что это начальство дѣлилось на нѣсколько лицъ, изъ коихъ каждое оберегало свой постъ, защищая интересы своего хозяина, враждебно относясь къ другому лицу.

Споры, какъ водится, прекратились за выпивкой водки но стакану. Нѣсколько человекъ хотѣли было возобновить ихъ, но нашлись другіе разговорныя—о женщинахъ, о томъ, сколько бы можно было при постоянной работѣ выварить соли; что можно бы было устроить варницы каменные, а не деревянные, потому что деревянные легче сгораютъ, отчего уменьшаются работы. Говорили о томъ, что можно бы было по всему берегу сдѣлать такія же набережныя, какъ противъ собора, для того, чтобы село не затопляло, а то выстроили набережную для баръ, а рабочихъ ходить туда по вечерамъ не пускаютъ, будто они ни вѣсть какіе воры. Много было говорено въ заведеніи; много было сказано хорошаго, практическаго, до чего иному барину

пришлось бы долго додумываться. Въ этомъ заведеніи рѣдкій человекъ не былъ практическимъ человекомъ, пріобрѣтшимъ практику долготѣннымъ опытомъ, работою на варницахъ, гдѣ онъ развивался съ дѣтства около добыванія и обработыванія соли, но тѣмъ и заканчивалось его умственное развитіе, и онъ ничего уже больше не могъ выдумать, кромѣ того, что лошадей въ насосахъ можно бы было замѣнить какою нибудь машиною, какъ это устроено на пароходахъ, что если и существуютъ еще коноводки, большія барки, сплавляемыя съ солью, дѣйствующія посредствомъ лошадей, такъ для того, чтобы хозяевамъ и ихъ главнымъ помощникамъ сберечь въ свою пользу капиталъ. Но и эти разговоры были ни больше, ни меньше, какъ przeprowadzenie времени.

Терентій Ивановичъ не удивлялся понятливости рабочихъ, находя ихъ даже развитѣе своихъ терентьевцевъ. Но чѣмъ больше разговаривали рабочіе, тѣмъ больше Горюнову казалось, что онъ здѣсь человекъ лишний, такъ какъ всякому рабочему хотѣлось бы занять его мѣсто, и что тѣ же рабочіе издѣваются надъ нимъ, потому что смотритель хочетъ пользоваться даровыми деньгами, назначивъ въ уставщики человека, незнакомаго съ солянымъ дѣломъ, такого, который еще не умѣетъ воровать.

Рабочіе мало по малу оживлялись болѣе и болѣе. Хотя теперь и играли уже на гармоникахъ, какъ слѣдуетъ, но эту музыку заглушали крики рабочихъ, которые, начиная хмѣлѣть, уже ругались, задирая на драку. Горюновъ взялъ гармонику и началъ играть. Онъ, какъ прежде, старался привлечь публику своею игрой, но такъ какъ онъ игралъ пѣсни заводскія, то на его игру никто и не обратилъ вниманія. Пришлось возвратитъ гармонику.

— Штожь ты насъ не подчуешь!— подошедши къ Горюнову, сказалъ рослый черноволосый рабочій.

— Радъ бы угостить, да не на что.

— А зачѣмъ даромъ служишь?

Къ Горюнову подошло человекъ шесть.

— Мы и въ крѣпости состояли, даромъ-то не служили. А ты пришелъ, Богъ знаетъ, откуда...

— Ты этимъ нашъ кредитъ подрываешь!

— И намъ не станутъ платить изъ-за тебя, кричали рабочіе.

— Кто вамъ говоритъ, што я даромъ работаю? — спросилъ Горюновъ.

— Самъ ты говорилъ, што Назарко не далъ тебѣ денегъ.

— Дастъ.

— Не дастъ, помани меня: онъ не тебя одного надуваетъ.

— А вотъ што: коли храберъ, подемъ съ нами теперь къ нему.

— Нѣтъ, братцы, я теперь не пойду. Идти придется рѣвкой.

— Ты насъ за кого считаешь?

Начался крикъ. Горюнова стали бить, но въ это время въ заведеніе вошелъ Уляновъ съ мужчиной въ полушубкѣ.

— Стой!! Команду слушай! Братцы! Поберегитесь — сила! — кричалъ Уляновъ навеселѣ.

Рабочіе затихли и подступили къ Улянову.

— Прощайте, братцы! Прощай моя служба!

— Съ ума сошелъ, Уляновъ! — кричали рабочіе.

— Глядите, какъ нализался! Дай-ко, Фадѣй, ему косуху!

— Я васъ подчую... Фадѣй полуштофъ!.. Кон-чен-но!! — И Уляновъ крѣпко ударилъ рукой о стойку, такъ что посуда на полкахъ задрезжала.

Рабочіе хохотали, ругали Улянова шути, и сколько ни допытывались отъ него сути, онъ ничего не сказалъ никому, кромѣ Горюнова, которому сказалъ на ухо, что завтра, чѣмъ свѣтъ, онъ идетъ на пріиски, и если Горюновъ захочетъ, то онъ его приглашаетъ съ собой.

— Послушай, братъ, тулупъ-то у тебя хорошъ, только если пойдешь, онъ тебѣ будетъ мѣшать. Промѣняемся, — проговорилъ вошедшій съ Уляновымъ мужчина Горюнову.

Уляновъ угощалъ своихъ пріятелей, и поэтому на Горюнова и вошедшаго мужчину не обращали вниманія.

— Ты не безпокойся. Я, братецъ ты мой, подрядилъ Улянова на пріиски, и тебя подряжу. Хоть сейчасъ пять рублей задатку, — говорилъ мужчина.

— Объ этомъ мы потолкуемъ завтра.

— Завтра надо ѣхать... А вотъ тулупъ-то я бы у те взялъ.

— Какъ же безъ тулупа?

— Охъ ты кайло! Ну, промѣняемся. Пять рублей придачи!

— Десять!

— Шесть!

— Семь!

Горюновъ промѣнилъ свой тулупъ на полушубокъ и получилъ придачи шесть съ полтиной.

Немного погоды, Уляновъ, Горюновъ и мужчина вышли изъ заведенія.

— Ну, други, рѣшено? — спросилъ мужчина по выходѣ изъ заведенія.

— Я плохо што-то понимаю, — сказалъ Горюновъ.

— Узнаемъ все — не покаешься, — сказалъ Уляновъ.

— Уговоръ такой: никому не говорить, куда мы идемъ, и никого больше не брать, — сказалъ мужчина.

— Ну, такъ завтра мы къ тебѣ придемъ въ заутреню.

— Ладно. Прощайте. Помните: никому не говорить.

И мужчина пошелъ на лѣво; Горюновъ съ Уляновымъ пошли на право.

Дорогой Ульяновъ вполголоса разсказаль Горюнову, что этотъ человекъ кумъ его кумы, Кирпичниковъ, котораго онъ не видалъ годовъ пять и о которомъ не имѣлъ никакого извѣстiя. Теперь онъ встрѣтилъ его у кумы и узналъ, что онъ ѣздилъ съ присковъ къ одному купцу, которому обязался разыскать какой нибудь прискъ, и находится на одномъ прискъ доврѣннѣмъ. Ульяновъ сталъ соболѣзновать о своей жизни, и Кирпичниковъ предложилъ ему работу на прискъ съ платою въ мѣсяць по пятнадцати рублей и согласился принять даже Горюнова за ту же плату, какъ человекъ грамотнаго, который можетъ ему сводить счеты. Эту плату онъ обѣщаль дать только на первый разъ. Ульяновъ занкнудся было о семействахъ, своемъ и Горюнова, но Кирпичниковъ сказаль, что семейство у здѣсь можетъ жить, а что туда идти далеко, и хорошо еще, 'уживутся ли они тамъ съ бѣглыми.

Дома, ложась спать, они ничего не сказали своимъ семействамъ о предстоящей поѣздкѣ. Но утромъ безъ сцены у Ульянова не обошлось.

Ульяновъ пробудился въ четвертомъ часу, всталъ и зажегъ лучину, что удивило Степаниду Власовну.

— Ну, хозяйка, ставай благословись. Далекое сегодня пойду.

— Будь ты проклятая хвастуша, — отвѣчала хозяйка и отвернудась къ стѣнѣ.

— Бромъ шутокъ... На золотые иду.

— Наплевала бы я тебѣ!.. Еще не всю водку-то вылокалъ въ кабакахъ.

Елизаръ Матвѣичъ сталъ собираться не на шутку въ дальнiй путь. Жена слѣдила за нимъ сперва прищурившись, но потомъ ее стало брать раздумье: неужели онъ такъ рано идетъ?.. У меня и хлѣба-то для него не напечено.

— Какъ же ты на кордонъ безъ хлѣба идешь?

— Шабашъ! Деревья еще вчера кумъ продалъ. Баста!.. Ставай, говорю, кромъ шутокъ.

Жена съла и проговорила:

— Да ты чего?

— На золотые иду съ Кирпичниковымъ.

— А онъ развѣ здѣсь?

— Вчера прiвхаль къ кумъ, а сегодня ѣдемъ съ нимъ.

— Да ты въ своемъ ли умъ-то?

— У тебя што ли стану займовать?

Жена все еще не вѣрила.

— Да ты это въ заболь, али...

— Ну-ну! Нѣ вотъ тебѣ десять рублей,—сказаль Ульяновъ, подавая женѣ деньги, и постучаль въ стѣну къ Горюнову.

Оттуда послышался голосъ Терентiя Ивановича: сейчасъ.

Дѣти Ульянова, кромъ Марьи, тоже пробудились и глядѣли на родителей.

— Ты, тятенька! Какъ же это?.. Ничего не сказалъ... проговорила Лизавета Елизаровна.

— Тятка, я съ тобой!—сказалъ Степанъ.

— Давно я знала, што это твое знакомство съ Машкой до добра не доведетъ... Подлый ты человекъ!—проговорила Степанида Власовна.

— Послушай...

— Нечего мнѣ слушать!.. Дѣти на возрастѣ, сами должны имѣть понятие... Што, небось, и Машку съ собой берешь?

— Послушай, жена...

— Убирайся, подлая рожа! Господи! И зачѣмъ я за эдакаго подлеца вышла замужъ?—заплакала жена.

— Мамонька... сказала дочь.

— Кромѣ горя, ничего не было... Ну, чѣмъ я кормиться-то буду? Чѣ-ѣ-мъ?..

— Прокормишься... дѣти прокормятъ...

— Хорошъ отецъ, што семейство бросаетъ... Кормитесь, говорите, сами.

— Дура ты, и больше ничего! Прощай милая дочка!.. Хорошо будетъ, я прїѣду за вами.

— Да ты, тятенька, не шутишь?

— Я, знаешь, не люблю шутить... Береги мать...

— Нечего меня беречь. Меня хорошіе люди накормятъ, а дочь мнѣ не кормилица... Я знаю, што она...

— Мамонька!—крикнула дочь въ испугѣ, и упала на колѣни передъ матерью.

— Это еще што такое? Што за комедья?—спросилъ Елизаръ Матвѣичъ въ недоумѣніи.

— Ты бы дочь-то напередъ устроилъ, а то куда мнѣ съ ней, съ...

— А-а!! въ матушку значитъ пошла!

— И батюшко-то хорошъ!..

Елизаръ Матвѣичъ сѣлъ въ большомъ волненіи на лавку. Его лицо выражало и горе, и злость, но онъ старался преодолѣть себя. До сихъ поръ онъ еще не зналъ, что его дочь беременна, что не рѣдкость въ селѣ, на промыслахъ, гдѣ дѣвочки часто, особенно лѣтомъ, увлекаются молодыми парнями и даже зрителями и припасными. Ему досадно было, что онъ объ этомъ не узналъ раньше... Но что бы онъ могъ сдѣлать тогда?.. Ему и противны казались въ это время жена и дочь, но ему и жалко было ихъ, жалко было покидать свой домъ, потому что Богъ знаетъ, что можетъ случиться въ его отсутствіе. Жена и дочь плакали, сидя первая на кровати, вторая на печкѣ, куда она спряталась изъ боязни, чтобы отецъ не сдѣлалъ ей что нибудь худое; Степанъ, сидя на полатахъ, около лежащаго Никиты, смотрѣлъ то на родителей, то на се-

стру, думая, что такое сдѣлала сестра; Никита тупо глядѣлъ на всѣхъ, ковыряя пальцемъ въ носу, и готовъ былъ заплакать каждую минуту.

Вдругъ всѣ вздрогнули. Кто-то шелъ на крыльцо, отъ чего ступеньки скрипѣли.

— Ну!.. Дѣлать нечего. Слово далъ,—нельзя. Собирайтесь.

Въ избу вошли: Горюновъ, Пелагея Прохоровна и два ея брата. Пелагея Прохоровна плакала. Дѣти Ульянова слѣзли съ печи и полатей.

Теперь всѣмъ стало ясно, что Ульяновъ не шутитъ, но ни вошедшіе, ни хозяева ничего не проговорили другъ другу.

— Сядьте, сказалъ Ульяновъ.

Всѣ сѣли. Женщины заплакали, парни смотрѣли другъ на друга, стараясь не плакать: но эта нѣмая сцена пробрала даже и отцовъ: даже они утерли по разу ладонями свои глаза и, какъ бы устыдившись этого, встали. За ними встали и остальные.

— Ну, хозяйка, прощай! Не поминай меня лихомъ... А ты, мила дочка... Эхъ! Не думалъ я, не думалъ!.. Ну, Степка! Взалъ бы я тебя съ собой, да самъ не знаю еще, хорошо ли тамъ. А вы не баловать у меня, слушаться старшихъ... Эхъ, горе, горе!—говорилъ хозяинъ, цалуясь съ женой и дѣтьми, которые рыдали, да и самъ Ульяновъ плакалъ.

— Прощай, Степанида Власовна. Покорно благодарю за ласки... Моихъ-то не обидь. Будьте вмѣстѣ... говорилъ Терентій Иванычъ, прощаясь съ хозяйкой.

Ульяновъ и Горюновъ вышли; за ними вышли семейства и стояли за воротами до тѣхъ поръ, пока тѣхъ не стало видно въ темнотѣ.

VIII.

Степанида Власовна была оскорблена. Ее бѣсило то, что мысль о золотыхъ пріискахъ подала мужу не она, а, какъ ей думалось, торговка Машка, или Марья Оглоблина, съ которой она подозрѣвала Елизара Матвѣича въ связи.

Забравъ себѣ это въ голову, Степанида Власовна въ Оглоблиной уже видѣла непримиримѣйшаго врага своего и старалась всячески нанести ей какую нибудь обиду и словомъ, и дѣломъ.

На первыхъ порахъ, она отправилась на кордонъ, удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли ея мужъ продалъ дѣсь Оглоблиной. Увидала она вотъ что.

Передъ входомъ въ шалашъ былъ разведенъ огонь, но какъ видно, онъ былъ разведенъ давно, потому что дрова уже дого-

ралп и легкой дымокъ едва замѣтно развѣвался вѣтромъ въ разныя стороны. Въ шалашѣ она нашла чью-то котомку, худыя рукавицы и кусокъ ржаного хлѣба. Значить, здѣсь уже хозяйничали чужіе люди, здѣсь, въ томъ самомъ шалашѣ, въ которомъ ее мужъ жилъ десять лѣтъ, командуя надъ лѣсомъ и собирая гривны съ порубщиковъ, гдѣ она не одну ночь провела въ продолженіе десяти лѣтъ... Обидно сдѣлалось Степанидѣ Власовнѣ... Она сразу почувствовала, что и воздухъ въ шалашѣ иной и она точно ни вѣсть куда забралась. И слышится ей стукъ топоровъ и ширканья пилъ, чего она во все десятилѣтіе не слыхала около шалаша.

Нарушилось спокойствіе лѣса, настало варварское раззореніе, и все это по милости Машки Оглоблиной, которую она не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ, въ пмянины мужа, перваго августа, на полянкѣ между шалашемъ и лѣсомъ угощала пивомъ и пирогомъ съ малиною!..

Вышла она изъ шалаша и стала смотрѣть по сторонамъ. На право стоять двои дровней, на каждыя положено по два длинныхъ бревна: недалеко отъ нихъ крестьянинъ въ рубахѣ очищаетъ бревно отъ сучковъ, другой въ полшубкѣ такъ и хлещетъ топоромъ въ дерево, которое только какъ будто вздрагиваетъ немного; третій уже наклакъ цѣлый возъ долготья и все еще накладываетъ, ругая мальчугана за то, что онъ еле-еле шевелится: вальво стоять трои дровней и около нихъ тоже идетъ потѣха... А на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ третьемъ годѣ Степанида Власовна нашла много рыжиковъ, двое—по виду мастеровыхъ—пилятъ за разъ двѣ березы...

— Мошенники! Варвары!! Кто вамъ дозволилъ хозяйничать здѣсь?—прокричала, не помня себя отъ злости и обиды, Степанида Власовна и подбѣжала къ пильщикамъ.

Тѣ поглядѣли на нее, захохотали и ничего не сказали, продолжая свою работу.

— Откуда это явилась?—проговорилъ крестьянинъ, увязывающій возъ съ долготьемъ.

— Да кто вамъ позволилъ, говорю, лѣсъ рубить?—кричала Ульянова.

Порубщики захохотали и начали отпускать на ея счетъ насмѣшки и сарказмы.

— Да ты-то кто такая?—спросилъ ее одинъ изъ порубщиковъ.

— Не узнали?! Теперь и знать не хотите, а прежде боялись.

— Смотрите, баба чья-то съ цѣпи сорвалась!

— Связать ее надо—искусаетъ.

Степанида Власовна разъярилась, но скоро замѣтила, что чѣмъ больше она ругается, тѣмъ больше смѣшить порубщиковъ, которые нарочно еще старались разозлить ее. Но двое порубщиковъ знали ее и ихъ очень удивляло присутствіе здѣсь жены Ульянова.

— Послушай! Тебѣ чего здѣсь надо?—спросилъ ее серьезно порубщикъ, подошедши къ ней съ угрожающимъ видомъ.

— А то и надо, што я не дозволю рубить лѣсъ, не дозволю!!— кричала Степанида Власовна.

— Хо-хо! Видно, нонѣ бабѣ стали придѣлать въ полѣсовщички? А есть ли у те форма,—начали острить надъ Ульяновой порубщички.

Степанида Власовна совсѣмъ растерялась. Она не знала, что ей еще сказать порубщичкамъ; она даже забыла, зачѣмъ она пришла сюда!

— Хорошо! Я не я буду, што не пожалуюсь на васъ!—сказала она и пошла домой.

— Свяжете ее, ребята!

— Пожалуй, штобы худо не было въ самѣ-дѣлѣ?

— Стоить съ бабой связываться! Не видите, што ли, што она полоумная. И безъ насъ околѣетъ дорогой.

— Ну, нѣтъ. По моему надо допросить ее. Эй, тетка, иди-ко сюда!

Степанида Власовна, ускорившая шаги отъ первыхъ словъ порубщичковъ, теперь остановилась.

— Иди, говорить, сюда. Можетъ ись хошь?

Степанида Власовна, успокоившись, что порубщички ей ничѣмъ не угрожаютъ, подошла къ нимъ.

— Послушай, тетка, ты зачѣмъ пришла сюда?

— Я къ мужу пришла на кордонъ...

— Ай врешь! Твоего мужа, коли онъ Ульяновъ, ужъ нѣтъ теперь, и тебѣ это должно быть извѣстно.

— Связать ее да зашибить!..

— А вотъ я зачѣмъ пришла... Правда ли, што Ульяновъ продалъ лѣсъ Машкѣ Оглоблиной?

— Мы по чемъ знаемъ... А тебѣ што изъ этого?

— А то и дѣло, што Оглоблиха похваляется этимъ передо мной.

— Ну, значить ты дура, што вѣришь этому.

Порубщички поѣхали, кто на право, кто на лѣво. Степанида Власовна пошла за возомъ съ дровами и всячески старалась выпытать отъ порубщича, дѣйствительно ли Ульяновъ продалъ лѣсъ Оглоблиной, но тотъ отмалчивался.

Пришла она въ село, рассказала Пелагеѣ Прохоровнѣ о видѣнномъ и заплакала.

— Нѣтъ, говорила она, я не поущусь! Я пойду къ лѣсническому.

— Чтобы худо не было, мамонька, сказала дочь.

Однако, Степанида Власовна пошла къ лѣсническому и сказала, что ея мужъ неизвестно куда скрылся. Пришла она на кордонъ и видитъ, мужики рубятъ лѣсъ безъ разбора. Спросила она о мужѣ, тѣ сказали: спроси, говорятъ, у торговки Марьи Оглобли-

ной. Теперь, говорятъ, уже не Ульянолъ караульщикъ, а Машка Оглоблина; она намъ и лѣсъ продала.

Лѣсничій плохо понялъ жалобу Ульяновой, и черезъ недѣлю поѣхалъ осматривать лѣсъ. Потребовалъ Ульянова, Ульянова не оказалось, а въ дистанціи его много оказалось порублено лѣсу. Притянули къ суду жену; Степанида Власовна повторила свою жалобу. Потянули и Оглоблину, но та отперлась не только отъ того, что давала деньги Ульянову за лѣсъ, но и отъ всякаго знакомства съ нимъ. Она говорила:

— Ходить, можетъ быть, онъ ходилъ ко мнѣ за калачами, потому ко мнѣ много ходять. А што если его жена приплела меня въ это дѣло, кумовства ради, такъ по одной злобѣ и потому, што де легче на куму свалить всю бѣду... А имѣла ли я право покупать и продавать лѣсъ, такъ это въ ея безмозглую голову могла зайти такая дурь.

Завязалось дѣло: было спрошено множество разныхъ крестьянъ и мастеровыхъ, но остался по дѣлу виноватъ одинъ Ульяновъ, а такъ какъ его въ селѣ не было, то у него и описали домъ и все его имущество, и стали гнать изъ дома его жену и жильцовъ. Скоро нашелся и покупатель. Купивъ домъ, онъ пустилъ за деньги на квартиру Ульяновыхъ съ Мокроносовой и Горюповыми.

Все это обдѣлалось въ два мѣсяца послѣ отсутствія Елизара Матвѣича, и всѣ въ селѣ говорили, что о продажѣ дома Ульянова особенно хлопотала вдова Оглоблина за то, что Степанида Власовна не хотѣла покориться ей, не хотѣла извиниться передъ нею за нанесенныя ею Оглоблиной оскорбленія.

Можно себѣ представить гнѣвъ госпожи Ульяновой, когда она, вскорѣ по вѣздѣ въ ея домъ новаго хозяина, узнала, что Оглоблина исчезла изъ села. Ульянова нарочно сходила въ ту улицу, гдѣ жила Оглоблина, и увидала, что въ ея домъ вѣзжастъ ея племянникъ изъ Демьяновскаго селенія.

— Хотъ бы узнать мнѣ, куда мой мужъ спроваженъ! Ужъ я пошла бы туда.

Теперь Степанида Власовна казалась помѣшанною не на шутку: она цѣлый день съ утра и до вечера бродила то на промыслахъ, то на рынкѣ и все выпрашивала: нейдетъ ли кто на золотые.

IX.

Со времени отъѣзда Ульянова и Горюпова, Пелагея Прохорова съ каждымъ днемъ все больше и больше сближалась съ Лизаветой Елизаровной. Пока еще былъ здѣсь дядя, она могла гордиться имъ, человѣкомъ, попавшимъ въ уставщики, значить имѣющимъ кое-какое значеніе на промыслахъ; но теперь, когда

дядя исчезъ, она очутилась совершенно одна съ братьями. Но что ей братья? Братья хотятъ жить сами для себя и отъ нихъ не жди помощи. Воиъ даже когда дядя подарилъ ей пять рублей, Григорій сталъ укорять ее въ томъ, что ее больше любятъ, и деньги слѣдовало бы дать не ей, а имъ. Чтобы отвязаться отъ братьевъ, она отдала эти деньги Григорью, который ей за это и спасибо не сказалъ. Отдала она деньги и стала горевать, ругая себя глупою. „Вѣдь мнѣ съ этими деньгами можно бы было дойти до города!—“думала она на первыхъ порахъ. Но какъ она пойдетъ въ городъ одна, не зная дороги? Еще нападутъ на нее, ограбятъ и Богъ знаетъ, что сдѣлаютъ съ ней. Другое дѣло, еслибы она была пожилая женщина. Но и не это еще удерживало ее въ селѣ: она дождалась извѣстiя отъ Короваева. Уйдя она изъ села,—и не узнаетъ ничего о Короваевѣ, о которомъ она думала теперь больше прежняго, зная, что онъ любитъ ее и не хочетъ жениться на ней зря.

Сознавая, что она здѣсь чужая, она рада была поговорить съ кѣмъ нибудь отъ души. Но говорить было не съ кѣмъ, кромѣ Лизаветы Елизаровны. Лизавета Елизаровна тоже рада была своей сосѣдкѣ и старалась раскрыть передъ ней свои тайны, надѣясь на то, что она ее не выдастъ, потому что Пелагея Прохоровна не щепетъ знакомства съ другими женщинами и вообще женщина молчаливая. И онѣ скоро сошлись, понравились другъ другу и стали прiятельницами. Хотя Пелагея Прохоровна и много страннаго находила въ поведенiи своей подруги, но приходила къ тому заключенiю, что здѣшняя жизнь не похожа на заводскую въ томъ отношенiи, что тамъ дѣвушки до выхода замужъ большею частiю живутъ дома, и если знакомятся съ парнями, то въ церкви, на гуляньяхъ и на вечеркахъ,—здѣсь же онѣ равно сталкиваются съ мужчинами и парнями на промыслахъ. По промысловымъ понятiямъ ничего не было страннаго въ томъ, если пары заходили слишкомъ далеко и дѣвушка дѣлалась беременною, потому что скоро послѣ беременности она выходила замужъ. Но Лизавета Елизаровна не говорила о своей беременности. Однакоже, Пелагея Прохоровна стала замѣчать, что Лизавета Елизаровна дуется на одного парня, который любезничаетъ съ черноволосой невысокой дѣвицей и носитъ за нее соль, и при этомъ парень старается оказывать большiя ласки Григорю Прохорочу, который отъ парня получаетъ насмѣшки и угрозы. Ясно казалось Пелагеѣ Прохоровнѣ, что или парень разобидѣлъ кѣмъ-нибудь Лизавету Елизаровну, или Лизавета Елизаровна разобидѣла парня. Пелагеѣ Прохоровнѣ, со свойственной женщинамъ любознательностию, хотѣлось разспросить свою подругу объ этомъ, но было неловко начпнать прямо, и она только намекала на парня; но та или сердилась, или отмалчивалась.

Дѣло въ томъ, что Лизавета Елизаровна была гордая дѣвушка. Она требовала, чтобы тотъ, который любитъ ее, исполнялъ малѣйшiе ея капризы: напр., уронить она съ лѣстницы платокъ,

Ванька Зубаревъ долженъ сходить за нимъ; нужны ей къ празднику сережки — Ванька Зубаревъ долженъ купить ихъ, хотя бы и въ десять коп. Ванька Зубаревъ хороводился съ ней полтора года и цѣлый годъ угождалъ ей безпрекословно. Сперва, конечно, поломается, поогрызется, но все-таки исполнить приказъ Лизаветы Елизаровны. Никто такъ не могъ угодить Лизаветѣ Елизаровнѣ, какъ онъ, и за то какъ было хорошо и весело съ нимъ, особенно лѣтомъ! Хотя Зубаревы и жили въ Демьяновѣ, только Иванъ Демьянычъ работалъ на Моргуновскихъ промыслахъ, потому что на нихъ было больше требованія на рабочихъ и плату давали больше на цѣлыхъ десять копѣекъ противъ Притыкинскихъ промысловъ. У него была своя лодка, въ которой онъ каждый лѣтній день переплывалъ два раза рѣчку Улю и въ которой послѣ работы каталъ и Лизавету Елизаровну. Очень любилъ Зубаревъ Лизу Ульянову, и та любила его, какъ только можетъ любить шестнадцатилѣтняя промысловая дѣвушка, дочь бѣдныхъ родителей. Бывало, сидятъ они ночью въ лодкѣ обнявшись, а лодка плыветъ какъ попало по теченію, и далеко такъ уплывутъ они; случалось ворочаться имъ домой верстъ изъ-за пятнадцати, и тогда Зубаревъ или пластался на веслахъ, или шелъ бичевой, а Лизавета Елизаровна правила на кормѣ весломъ, подсмѣиваясь надъ возлюбленнымъ. Случалось возвращаться имъ и въ грозу, и тогда Лизавета Елизаровна, сидя на берегу съ Зубаревымъ подъ опрокинутой лодкой, отъ страха молила всѣхъ угодниковъ, каялась въ грѣхахъ и клялась, что она въ послѣдній разъ плаваетъ съ Зубаревымъ. На промыслахъ, само собою разумѣется, всѣ знали про связь Лизаветы Елизаровны съ Иваномъ Зубаревымъ и не обращали вниманія на нихъ, потому что у каждаго или у каждой были любовницы или любовники; мать тоже знала, что Зубаревъ ухаживаетъ за ея дочерью, и думая по себѣ, что онъ на ней женится, не очень бранила ее за позднія возвращенія домой; отецъ же, живя на кордонѣ, конечно, ничего не зналъ, а если и замѣчалъ отсутствіе дочери, то удовлетворялся какимъ нибудь отвѣтомъ своей жены. Все шло хорошо около года, а потомъ Лизавета Елизаровна стала замѣчать, что Иванъ Зубаревъ сталъ холоднѣе съ нею, меньше исполнялъ ея прихоти и капризы. И случилось это съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они были въ чащѣ лѣса, гдѣ провели всю ночь съ полнымъ удовольствіемъ. Правда, послѣ этого Лизавета Елизаровна сильно привязалась къ Ивану Зубареву и въ первое время изъ гордой дѣвушки сдѣлалась до того кроткой, что позволяла прикрикивать на нее Зубареву, исполняла его приказанія, но потомъ замѣтила, что Зубаревъ не только взялъ надъ ней верхъ, но и обращеніе его съ нею стало уже не то: точно она ему надоѣла. И вотъ стала она замѣчать, что Зубаревъ рѣже показывается на промыслахъ, а если и придетъ, такъ дожидается, чтобы она его изъ милости попросила поносить соль. Наконецъ, онъ ее весьма

оскорбилъ: снесъ два мѣшка соли и ушелъ, а немного погода сталъ носить соль за другую дѣвицу.

У Лизаветы Елизаровны, какъ она увидала это, чуть мѣшокъ съ солью не свалился съ плечъ и она сама не помнитъ, какъ она доносила до вечера соль, получила расчетъ и пришла домой раньше обыкновеннаго, такъ что мать ея, не носившая въ этотъ день соли по нездоровью, удивилась и спросила:

— Али Зубаревъ не былъ?

Но Лизавета Елизаровна ничего не сказала. Она никакъ не могла понять поведенія Ивана Зубарева. Этотъ человекъ такъ любилъ ее, такъ много общалъ ей впереди хорошаго, общался послѣ Рождества жениться на ней, а какъ прошелъ Екатериининъ день, вдругъ выкидываетъ съ нею такую штуку. Это что нибудь да значитъ. Хотѣлось ей переговорить съ Зубаревымъ, но онъ цѣлую недѣлю не являлся на промыслы, а на другой недѣлѣ на всѣхъ промыслахъ не было работы для женщинъ. На третьей недѣлѣ, объ этомъ парнѣ замѣтила Лизаветѣ Елизаровнѣ Пелагея Прохоровна. Тогда Лизавета Елизаровна думала, что Зубаревъ подойдетъ къ ней, возьметъ ея мѣшокъ, но онъ какъ будто самъ хотѣлъ, чтобы Лизавета Елизаровна поклонилась ему. Когда Григорій Прохорычъ понесъ за нее соль, хотѣлось Лизаветѣ Елизаровнѣ поговорить съ нимъ, высказать ему, что она беременна—но не время было, а вызвать Зубарева въ другое мѣсто во время рабочее неприлично, потому что такихъ примѣровъ еще не бывало на промыслахъ.

Григорій Прохорычъ видалъ дѣвушекъ и покрасивѣе Лизаветы Елизаровны; онъ уже два раза былъ влюбленъ, и въ послѣдній разъ даже хотѣлъ жениться на любовницѣ прикащика, у котораго онъ былъ лакеемъ; но вмѣсто женитьбы угодилъ въ острогъ по обвиненію его въ кражѣ вещей, а его невѣста задавалась не отъ любви къ нему, а не желая болѣе переносить каторжную жизнь. Острогъ его не испортилъ, такъ какъ онъ изъ него скоро былъ выпущенъ по просьбѣ прикащика, имѣвшаго обыкновеніе прощать всѣхъ своихъ враговъ въ свои именины, но научилъ смотрѣть на жизнь болѣе практически, чѣмъ прежде. Еще бывши въ острогѣ, онъ поклялся не увлекаться дѣвками, не слушать ихнихъ любезностей, но встрѣтившись съ Лизаветой Елизаровной, онъ не могъ устоять. Она съ перваго же дня огорошила его, задѣвъ его самолюбіе пустякомъ—неумѣньемъ расколоть сучковатое полѣно. Столкнувшись на промыслахъ съ женщинами, онъ, какъ молодой человекъ, не могъ не вглядываться въ нихъ и не вслушиваться въ ихъ слова. Какъ онъ ни крѣпился, какъ ни заключалъ по своему, что всѣ эти бабы и дѣвки отчаянныя, но кровь въ немъ волновалась и ему нравилось употреблять въ дѣло щипки. Не зная никакихъ отношеній между дѣвицею Ульяною и парнемъ, погрозившимся обломать ему ноги, онъ думалъ, что Лизавета Елизаровна лег-

ко ему достанется. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Еще въ воскресенье, передъ отъѣздомъ дяди, онъ очень разыгрался съ Лизаветой Елизаровной, и когда она вышла зачѣмъ-то въ сѣни, то догналъ ее, обнялъ, но получилъ за это такую пощечину, что ему долго было совѣстно показаться на глаза передъ Лизаветой Елизаровной, да и она сама, завидя его во дворѣ, отворачивалась отъ него и уходила скорѣе домой.

Наступило Рождество, и прошло весьма скучно въ обоихъ семействахъ. Лизавета Елизаровна очень рѣдко заходила къ Горюновымъ, и то въ такое время, когда Григорья Прохорыча не было дома, а Пелагея Прохоровна, узнавая, что братъ ея сдѣлалъ глупость, и не настаивала на томъ, чтобы она ходила къ брату. Прошли и святки скучно. Прежде, бывало, у Ульяновыхъ передъ Крещеньемъ всегда вечерка устраивается, а нынче нѣтъ. Прежде отбои пѣтъ отъ дѣвицъ: приходи ради Христа на вечерку, — нынче только развѣ на улицѣ попадется Лизаветѣ Елизаровнѣ дѣвушка и спросить: а што это ты не была на вечеркѣ? И тутъ же прибавляла: а Ваньку Зубаревскаго не видала? Братъ, впрочемъ, ходили на вечерки, ходилъ и плясалъ на вечеркахъ и Григорій Прохорычъ, только къ нему не благоволила ни одна дѣвица, такъ какъ у каждой былъ свой кавалеръ, и каждый изъ этихъ кавалеровъ старался разругать дѣвицу Ульянову для того, чтобы выжить изъ компаніи Гришку Горюнова, какъ пришлеца. Не весело было Григорью Прохорычу на этихъ вечеркахъ, чужой онъ былъ на нихъ, неприятно ему было слышать, какъ конфузятъ и обзываютъ дѣвицу Ульянову, говоря даже про нее, что потому-де у нихъ въ домѣ, въ придѣлѣ (въ новой половинѣ, гдѣ жилъ Григорій Прохорычъ) пѣтъ вечерки, что Лизка брюхата и любовникъ ее бросилъ, такъ какъ она горда не кстати и съ порокомъ, но обо всемъ слышанномъ тамъ онъ ничего не говорилъ сестрѣ.

Въ крещенскій сочельникъ обѣ женщины гадали въ новой половинѣ. Пришелъ Григорій Прохорычъ; гаданье прекратили.

— Погадайте на меня, — сказалъ онъ, подойдя къ гадальщицамъ.

— Не стойшь. — сказала Лизавета Елизаровна.

— Тебя, што ли, просятъ! Палагеюша, погадай!

— Какой ты сегодня ласковый сдѣлался!.. Гадай самъ, — сказала Пелагея Прохоровна, отдавая поварешку брату и обратилась къ Лизаветѣ Елизаровнѣ: — пойдемъ къ тебѣ.

— И я съ вами.

— Очень нужно! — сказала Лизавета Елизаровна.

— Важна ужъ что-то больно стала не кстати!.. Послушала бы ты, што говорятъ-то про тебя!

— Ну, дакъ што? Языкъ-то вѣдь безъ костей.

Подруги пошли къ двери.

— Што мнѣ, околѣвать, што ли, здѣсь!

Подруги захохотали и ушли.

Григорій Прохорыч бросилъ поварешку подъ лавку, потушилъ лучину и легъ на печь. Брата дома не было: онъ со Степаномъ Ульяновымъ еще не приходилъ изъ села. Спать ему не хотѣлось и онъ сталъ думать, можетъ быть, въ тысячный разъ, о томъ, какъ бы ему хорошо было найдти гдѣ нибудь кладъ и потомъ жениться... жениться на Лизкѣ. Чѣмъ больше думалъ онъ о дѣвицѣ Ульяновой, тѣмъ больше она ему нравилась. Правилась ему въ ней ея гордость, ея рѣчи, трудъ, и онъ ставилъ ее выше первыхъ двухъ своихъ любовницъ, изъ которыхъ первая ничего не умѣла дѣлать, а только хныкала: вторая, живя у прикащика, сдѣлалась барышней и едвали бы перенесла съ нимъ тяжелую жизнь. А на Лизѣ жениться хорошо: она будетъ работать и онъ тоже, да и дома строить не нужно. Тутъ мысли его привилидругой оборотъ: онъ находилъ себя ничтожнымъ человѣкомъ въ сравненіи съ Лизаветой Елизаровой; халатишко у него худой, починить его нечѣмъ да и не стоитъ: станетъ затягивать нитку—такъ рвется; полушубка нѣтъ, сапоги оборвались, подошвы на нихъ отпадываютъ, а новые купить не на что, потому что сестрины деньги онъ издержалъ по пустякамъ. — „Вотъ сегодня у одного сапожника я укралъ шило и драгву выпросилъ, завтра надо будетъ починить какъ нибудь. Опять кожи нѣтъ. Кабы было лѣто, можно бы гдѣ нибудь найти въ грязи или въ назъму кусокъ кожи...“

Вдругъ онъ услышалъ стукъ въ стѣнѣ отъ Ульяновыхъ. Сталъ слушать. Еще застучали и, кажется, сестра произнесла его имя.

— Не пойду! Самъ хотѣлъ—обругали. А теперь не пойду. Не смѣйся, горохъ, не лучше бобовъ!—проговорилъ про себя Григорій Прохорычъ.

Его такъ и порывало идти къ Ульяновымъ, но и не хотѣлось ему уступить. „Брюхо толще, такъ губа тоньше“, сказалъ самъ себѣ Григорій Прохорычъ и рѣшилъ не идти, хотя бы они тамъ всѣ кулаки объ стѣну отбили. Однако онъ не утерпѣлъ, слѣзъ съ печки и, подошедши къ стѣнѣ, наставилъ лѣвое ухо, чтобы услыхать оттуда что нибудь, но стѣна была бревенчатая; онъ слышалъ, что кто-то говорилъ и вдругъ захохоталъ, сперва Ульянова дѣвица, потомъ его сестра.

— Это онъ надо мной смѣются.

Опять смѣхъ.

— А чортъ съ ними!.. Нечего мнѣ тамъ дѣлать...

И Григорій Прохорычъ легъ на печь, но лежать было скучно, хотѣлось идти; онъ злился и на себя, и на Лизавету Елизаровну, и на сестру.

Пришла сестра.

— Ты што же не пришелъ?—спросила она брата.

— Очень нужно.

— Ну, брюхо толще, тамъ губа тоньше.

— Послушай, Пелагея, што это она надо мной издѣвается?

— Кто?

— Кто?! Лизка!

— Да я какъ не издѣваться надъ дуракомъ. Зачѣмъ ты ее въ сѣняхъ-то обхватилъ?

Григорій Прохорычъ замолчалъ. Теперь ему стало понятно, что сестра его стала пріятельницей Лизаветы Прохоровны.

— А што, Пелагея, какъ ты думаешь, пойдетъ она за меня? — спросилъ вдругъ братъ сестру, когда та уже стала засыпать.

— Выдумывай.

— Нѣтъ, въ самъ-дѣлѣ!

— Спи-ко лучше. Скоро утро.

Легли спать. Пелагея Прохоровна заснула скоро, но Григорій Прохорычъ не могъ заснуть. Утромъ братъ и сестра молчали: братъ стыдился сестры, сестра что-то обдумывала. Григорій Прохорычъ усѣлся за сапогъ около окна, повертѣлъ его: починить безъ кожи нельзя: какъ ни верти, а нужна заплатка.

— Поговоришь? — сказалъ вдругъ дрожащимъ голосомъ братъ сестрѣ. Щеки его покраснѣли.

— И што ты это выдумалъ, братъ! Какая она тебѣ ровня?

— А тебѣ што за ровня?

— Я другое дѣло... Говори самъ... Это твое дѣло.

— Какъ я буду говорить, коли она такая фря...

Послѣ обѣда Пелагея Прохоровна завала къ себѣ Лизавету Елизаровну. Лизаветъ Елизаровнѣ, вѣроятно, уже было извѣстно о намѣреніи Григорія Прохорыча, потому что она поклонилась ему неловко, щеки покраснѣли болѣе обыкновеннаго и голосъ ея былъ неровный.

Стали играть въ карты. Всѣ молчали. Каждый хотѣлъ что-то начать, но что-то удерживало.

Наконецъ первая начала Лизавета Елизаровна.

— Какіе нынче женихи-то молчаливые... — проговорила она, сдавая карты, какъ бы про себя.

— Григорій Прохорычъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и не зналъ, что ему дѣлать: сидѣть, или бѣжать?

Минуть пять никто не промолвилъ слова.

— Женишокъ! Што же ты молчишь? — сказала вдругъ Лизавета Елизаровна.

— Я... — сказалъ Григорій Прохорычъ, вздрогнувъ.

Объ женщины захотали.

— Хорошъ же ты будешь муженекъ, нечего сказать... Однако, Григорій Прохорычъ, позвольте васъ спросить: какіе вы имѣете на меня виды? — сказала уже серьезно Лизавета Елизаровна.

— Лизавета Елизаровна...

— Убирайся!!

И Лизавета Елизаровна, бросивъ карты, ушла отъ Пелагеи Прохоровны.

— Поди къ ней, пока матери нѣтъ дома, — сказала сестра брату. Братъ послушался сестры.

Когда онъ пришелъ къ Ульяновымъ, Лизавета Елизаровна, сяди у палець, плакала и, казалось, не замѣтила вошедшаго Горюнова, который остановился въ дверяхъ и не смѣлъ тронуться дальше.

— Лиза! — сказалъ онъ.

Лизавета Елизаровна вздрогнула.

— Зачѣмъ ты пришелъ? — крикнула она.

— Лизавета Елизаровна!.. Я люблю тебя.

Лизавета Елизаровна захохотала.

Григорій Прохорычъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и поцаловалъ. Она не сопротивлялась, но плакала.

— Голубчикъ Гриша! Ты мнѣ нравишься... Но...

— Лизанька!.. — говорилъ Горюновъ, прижимая Лизавету Елизаровну.

— Гриша!.. Я не хочу тебя обманывать... — говорила рыдая Лизавета Елизаровна.

— У! Дура! Ее цалуютъ, а она плачетъ! Лиза, не смѣй плакать! — говорилъ шути Григорій Прохорычъ, утирая слезы съ глазъ и щекъ Лизаветы Елизаровны.

Лизавета Елизаровна боролась сама съ собой, наконецъ встала и сказала:

— Подумалъ ли ты о томъ, што про меня говорятъ на промыслахъ и на вечеркахъ?

— Што?

— Ты вѣришь тому, што говорятъ про меня?

— Нѣтъ.

— Такъ я тебѣ скажу: што про меня говорятъ — вѣрно... Я говорю тебѣ потому, штобы ты зналъ и послѣ не каялся, што и обманула тебя... Одна голова не бѣдна!.. Я себя съ ребенкомъ прокормлю какъ нибудь, за то меня никто не укорить.

Григорій Прохорычъ стоялъ, какъ оплеванный. Онъ не зналъ, шутить съ нимъ Лизавета Елизаровна, или говорить правду.

— Али ты не вѣришь моимъ словамъ? Поди спреси свою-то сестру, мнѣ отъ нея нечего таить, да и тебя я не боюсь. Подумай-ко лучше о томъ, хорошо ли жениться на дѣвушкѣ съ накладомъ?.. Хорошо ли получить въ приданое ребенка?

Григорій Прохорычъ стоялъ пораженный, не зная, что сказать.

Лизавета Елизаровна съела за палець, нагнулась и закрыла лицо руками. Съ четверть часа она сидѣла въ такомъ положе-

нїи, и когда открыла лицо, то увидала, что Григорїи Прохорычъ все еще стоялъ, разглядывая свою фуражку.

— Не вѣришь?—спросила Лизавета Елпзаровна.

— Обманула ты меня... Тяжко ты меня обманула! — сказалъ онъ со вздохомъ.

— Я тебя не завлекала; ты добровольно носилъ за меня соль.

Григорїи Прохорычъ вышелъ. Пришедши домой, онъ швырнулъ въ уголь фуражку и сказалъ сестрѣ:

— П тебѣ не стыдно!.. Будто я пятнадцатїи ребенокъ, чтобы меня такъ дурачить. Свинья!

— Што, вѣрно губа-то не дура!

— Молчи! Убью!!!

— Дуракъ!.. Только вы мужчины и хороши. Припомни-ко, не лебезилъ ли ты около Горбуновой...

— У-у!! Змѣ-я!..—проговорилъ со злостію Григорїи Прохорычъ, и отыскавъ фуражку, вышелъ изъ избы.

X.

Григорїи Прохорыча ужасно разобидѣло то обстоятельство, что онъ влюбился въ такую дѣвушку, которая уже беременна. „Двухъ дѣвокъ я любилъ, а такой штуки со мной не случилось... Хорошо еще, что она сама сказала,“—думалъ онъ. Онъ теперь цѣлыя сутки терся на промыслахъ и терпѣливо сносилъ насмѣшки молодыхъ рабочихъ, которые смѣялись надъ тѣмъ, что пришлецъ Гришка Горюновъ хочетъ жениться на бывшей любовницѣ Ваньки Зубарева, и когда ужъ его выводили изъ терпѣнія, онъ кричалъ, что они напрасно чешутъ языки, потому что онъ не дуракъ и даже не живетъ въ Ульиновскомъ домѣ. Рабочіе, видя, что Горюновъ живетъ безвыходно на промыслахъ, даже на рынокъ не ходитъ, а покупаетъ хлѣбъ у торговковъ, приносящихъ хлѣбъ на промысла, удивлялись его терпѣнію и въ то же время говорили, что Горюнова вѣроятно отшелкала Лизка Ульинова. Словомъ, Горюнову казалось, что рабочіе всячески старались разбѣсить его. Все шло въ такомъ порядкѣ цѣлую недѣлю до тѣхъ поръ, пока не открылось на варницахъ соленошеніе. Къ этому времени рѣдкій холостой рабочій не зналъ о пороки Лизаветы Ульиновой, а знали всѣ объ этомъ отъ Марьи Оглобляной.

Явились на промысла женщины, по обыкновенію явились и мужчины, для того чтобы или пошалить, или самимъ попасть въ работу съ женщинами. Всѣ голосили о семействѣ Ульиновыхъ, и теперь было меньше спора о томъ, чтобы мужчины не работали съ женщинами, потому что каждой хотѣлось уз-

нать дѣло во всей подробности и выслушать мнѣніе мужчинъ и за тѣмъ поругать мужчинъ за нанесенное женскому полу оскорбленіе.

Говоры шли разные по этому дѣлу.

— Я давно замѣчала, што Лиза беременна, да молчала,— потому не мое дѣло.

— Потому, молъ, сама беременна...

— Сука, дакъ сука и есть!..

— Не правду што ли говорю! Скрывать-то, матушка, нечего. Ты знаешь пословицу: отецъ да мать не знаютъ, а весь міръ знаетъ. Вотъ што! А вотъ это надо разсудить, што Лизка теперь?

— Не видать ее. Поди не явится.

— Стыдно.

— Ну, она не такая!

— Слышала? заводской Гришка за нее сватался!

— Слышала, да што-то онъ, говорятъ, все здѣсь живетъ. Должно быть, какъ узналъ, въ чемъ дѣло, то и на попятный.

— Смотрите, бабы и дѣвки, заводскаго Гришку Горюнова въ компанью не принимать.

— Тебѣ не надо, не прймай.

— Отсохъ бы у те языкъ-то. Говорять, Гришка этотъ Зубаревскому примѣру послѣдовалъ!

— Сама первая, смотри, не бросься ему на шею.

— Слава Богу, еще въ разсудкѣ.

— Васъ слушать надо уши зажавши. Правду говоритъ пословица: „двѣ бабы—рынокъ, а три—такъ ярмонка.“

— Извѣстно: „много голку, да мало толку!“

— Не суй перста въ ротъ, пожалуй откусись. А вы вотъ што скажите, умныя головы: дѣло ли это, обмануть дѣвку?

— Што жъ такое? Мы примѣръ съ баръ беремъ. Коли бара обманываютъ, намъ и подавно можно.

— Не слушайте его, дурака. Отъ него никогда не дожدهшь ся добраго слова.

— Зачѣмъ не дождаться. Кричать-то только не для чего: извѣстно, немного попѣто, да на вѣкъ надѣто.

— Хорошо. Теперь ты скажи: не обидно ли дѣвкѣ, если ее обманываютъ?

— А какъ же мужья-то умираютъ?

— Што съ дуракомъ и говорить!.. Осель, такъ осель и есть. Ты бы то подумалъ: што бы ты сказалъ, если бы твоя дочь родила?

— Я бы ее въ зашей!

— То-то и есть, чужое страхомъ огорожено; въ чужихъ рукахъ ломоть великъ... Охъ вы! Ну, не мужское ли это дѣло

пристать за бабъ? Вѣдь вы съ начальствомъ-то хороводитесь, а не бабы.

— Поди сунься, такъ двадцать пять и запросить.

Пришла Лизавета Елизаровна съ Пелагеей Прохоровной. Всѣ, какъ увидали ее, смолкли.

— Што-то не видать тебя давно, Елизаровна? Съ новой другой спозналась, насъ и знать не хочешь? Али замужъ скоро выходишь?—кричали ближнія женщины.

— Это ужъ мое дѣло! Лучше дома сидѣть, чѣмъ слушать выкомуры.

— То-то женишка-то новаго и подсылала подслушивать...

— Какого женишка?

— А Гришку-то.

— Съ чего вы взяли, што онъ мнѣ женихъ? И не стыдно вамъ говорить-то!.. По себѣ, видно, судите...

— Хотѣла, видно, обмануть молодца, да не на таковского напала.

— Хоть бы не ты говорила, Осимья!.. Не тебя ли стыдили въ прошломъ годѣ!.. Я молчу. И какое вамъ дѣло, бабы, до меня? Экая важность, што я беременна! Будто ужъ дѣвкѣ и родить нельзя! Будто и за вами нѣтъ грѣховъ... Я знаю, што дѣлаю.

— Безстыдница, такъ безстыдница и есть! Ты бы мужчинъ-то постыдилась.

— Нечего мнѣ ихъ бояться. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ же на мнѣ жениться, недалеко, какъ въ Крещенье въ ногахъ у меня валялся, а какъ я сказала ему, што я... ну, онъ и драло.

Женщины молчали.

— Это не заводской ли Гришка?—спросилъ мужчина.

— Ну, хоть бы и онъ, такъ вамъ-то што?

— Славно онъ нарѣзался.

Женщины вооружились противъ мужчинъ; мужчины доказывали, что никому не охота жениться на беременной, и стояли больше за свою братью. Но теперь всѣ были вооружены противъ Ивана Зубарева. Всѣ грозилась, какъ только онъ покажется на промыслахъ, свернуть ему голову; но Лизавета Елизаровна упросила не дѣлать ему никакого вреда, потому что не стоитъ изъ-за него быть въ отвѣтѣ, а лучше сказать ему, чтобы онъ не смѣлъ больше показываться на промыслахъ; приневоливать же его жениться на ней не надо, потому что онъ ей теперь противенъ.

Тѣмъ разговоры и кончились. Начали носить соль и объ утреннемъ разговорѣ никто не заводилъ рѣчи, даже не говорили и о томъ, что Горюновъ, при входѣ женщинъ въ варницу, ушелъ, не поклонившись ни сестрѣ, ни Лизаветѣ Елизаровнѣ. Хотя же сестра и спросила Панфила, куда ушелъ братъ, но

онъ ничего не могъ сказать положительнаго. Григорій Прохорычъ ушелъ въ другія варницы. Онъ далъ себѣ слово всячески стараться избѣгать встрѣчи съ Лизаветой Елизаровной, которую онъ любилъ, обнималъ, и которая такъ жестоко оскорбила его.

Въ полдень показался на промыслахъ Иванъ Зубаревъ. Онъ нерѣшительно шелъ къ варницѣ, то и дѣло оглядываясь и озираясь по сторонамъ, какъ будто боялся, чтобы его не зашибли откуда нибудь полѣномъ. Онъ дошелъ благополучно до варницы, вошелъ въ нее, постоялъ немного и подошелъ къ одной дѣвицѣ, за которую въ послѣднее время носилъ соль.

Та обругала его, упрекнула Ульяновой.

— Не хочешь ли ты и со мной такую же штуку сдѣлать, какъ съ ней?—сказала она и ушла.

— Гляди, бабы, Зубаревъ! — начала Лизавета Елизаровна: — стоитъ какъ оплеванный! На него никто и вниманія не обращаетъ, а онъ стоитъ... Спросите, чево ему надо еще?

Бабы заголосили, парни приняли угрожающій видъ.

— Лучше уходи добромъ въ свое село. Намъ ты теперь, полѣ твоихъ пакостей, не товарищъ,—сказала одна дѣвица.

Парни окружили Зубарева.

— Не троньте его!.. Я больше васъ имѣю право бить его, да не хочу рукъ марать объ этакую гадячу... Посмотримъ, удасться ли ему еще надуть такую дуру, какъ я,—проговорила Лизавета Елизаровна.

— Посмотримъ: кто возьметъ тебя замужъ!—крикнулъ Зубаревъ.

Всѣ заголосили, парни начали бить Зубарева, но Лизавета Елизаровна уняла ихъ. Зубаревъ ушелъ освищенный и обруганный.

— Теперь ужъ онъ и близко не подойдетъ къ нашимъ промысламъ,—говорили женщины, довольныя своею храбростью.

— Ну, и нашимъ на Демьяновскомъ не совсѣмъ ловко будетъ теперь,—проговорили парни.

О Зубаревѣ можно сказать не много. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей. Сперва онъ увлекся и полюбилъ дѣвушку пекренно. Но когда замѣтилъ, что она беременна, онъ ужаснулся своего поступка, думая, что его заставятъ жениться на Ульяновой, а отецъ выгонитъ его изъ дома. Онъ очень хорошо зналъ правила промысловыхъ обычаевъ, что парень или мужчина, давшій обещаніе дѣвушкѣ жениться на ней, долженъ былъ исполнить его, если она беременна отъ него. Отговорки не принимались. Лизавету Елизаровну онъ зналъ хорошо, но ему было неловко сказать ей, что ему не нравится ея беременность, и онъ сталъ думать, нельзя ли какъ нибудь выпутать-

ся изъ этого дѣла. Объяснилъ онъ это дѣло своей замужней сестрѣ, сказавъ ей, что его невѣста беременна, но, можетъ быть, и не отъ него. Та посоветовала ему ходить порѣже на Моргуновскіе промыслы, ревновать невѣсту къ кому нибудь. По ея совѣту и дѣйствовалъ Зубаревъ. Послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, онъ замѣтилъ, что за Лизавету Елизаровну носить соль другой парень, и этого было достаточно ему, чтобы заподозрить ее въ невѣрности. Онъ не взялся помогать Лизаветѣ Елизаровнѣ, и даже не поговорилъ съ ней. Но онъ любилъ ее, ему жалко было ее, ему хотѣлось поговорить съ ней; но гордость и подозрѣніе, что она, дѣйствительно, можетъ быть, промѣняла его на заводскаго парня, удерживали его, да онъ и радовался, что на мѣсто его подвернулся другой парень. Въ этотъ день онъ шелъ на Моргуновскіе промыслы за тѣмъ, чтобы сказать Лизаветѣ Елизаровнѣ, что онъ давно слѣдилъ за ней, и узналъ, что она вѣтренная, почему онъ съ нею и не хочетъ быть больше знакомъ.

XI.

Послѣ этого событія случилось то, что домъ Ульяновыхъ перешелъ во владѣніе припасаго Онуфріева, который до той поры не имѣлъ своего дома. Его нельзя было никакъ уговорить, чтобы онъ пообождалъ немного въѣзжать въ домъ. Онъ ничѣмъ не хотѣлъ слушать и очень скоро перетаячился съ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены, сестры и пятерыхъ дѣтей, въ старую половину, т. е. въ ту, гдѣ жили Ульяновы, потому что она была помѣстительнѣе новой, такъ какъ въ ней была изба и комната. Новую половину онъ отдалъ въ распоряженіе Ульяновыхъ съ платою ему въ мѣсяць пятнадцати коп. и съ тѣмъ, чтобы Ульяновы таскали на семейство Онуфріевыхъ воду. И такъ Ульяновы помѣстились въ новой половинѣ съ Пелагеей Прохоровной и ея братомъ Панфломъ.

Теперь все хозяйство осталось на рукахъ Лизаветы Елизаровны, которая никакъ не хотѣла, чтобы Пелагея Прохоровна считала себя хозяйкою. Степанида Власовна теперь совсѣмъ перемѣнилась. Раньше она была строгою хозяйкою, требовала, чтобы у нея все было исправно, чисто, все лежало на своемъ мѣстѣ; прежде рано истапчивалась печь, рано испекались хлѣбы и остальное время было занято или пряжею, или вязаньемъ, или тканьемъ. Теперь же, считая себя болѣе прежняго обиженною и оскорбленною, она и въ дочери, и въ сыновьяхъ, и въ маленькой дѣвочкѣ подозрѣвала враговъ. Вставала она рано, будила всѣхъ рано и начинала ворчать, что ее всѣ обидѣли, ни отъ кого ей нѣтъ почету, никто ее не хочетъ слушать.

— Да кто тебя, мамонька, не слушаетъ? Всѣ мы тебя любимъ,—скажетъ Лизавета Елизаровна.

— Это и видно. Я што говорила: не топи печь —дровъ нѣтъ...

— Это ужъ не твое дѣло. Не ты заботишься о дровахъ-то.

— Ну, вотъ! Я стала теперь не хозяйка въ своемъ домѣ?.. То, бишь, выгнали... И начинала она разводить исторію о томъ, какъ она, по милости злыхъ людей и неповиновенія дѣтей, дошла до такой бѣдности.

Выйдетъ Лизавета Елизаровна къ коровѣ. Корова тощая, ѣсть хочетъ, а сѣна нѣтъ, купить не на что, украсть совѣстно, потому что и такъ уже сколько дней пробавлялись чужимъ сѣномъ. Просто мука съ одной этой коровой!.. Кабы она молока не давала—Господь бы съ ней... И ночь-то спокойно не заснешь; проснешься, корова на умъ: „какъ бы ее прокормить сегодня, какъ бы украсть гдѣ сѣна“... Думаетъ, думаетъ Лизавета Елизаровна и ползетъ на поломанную телѣгу къ сосѣднему сараю, засунетъ въ шелку руку, пошарить, пошарить,—труха одна. И хорошо еще, что никого сегодня нѣтъ тамъ во дворѣ, а то ей не одинъ разъ уже приводилось слышать: „и какой это чортъ сѣно воруетъ? Сколько было сѣна—одна труха только теперь. Ужъ поймаю же я кого вибудь изъ Ульяновыхъ, штобъ у нихъ отсохли руки“..

— Мамонька! Ужъ продать бы што ли корову-то! Нечего ей ѣсть-то.

— Ну, вотъ! все я виновата во всемъ... Нѣтъ ужъ, поколѣю я, а корову не продамъ.

Дѣлать нечего, пойдетъ Лизавета Елизаровна къ сосѣдямъ, кои подобрѣе, кои прежде побирались у Ульяновыхъ. И чего, чего только она не выслушаетъ отъ нихъ? Отъ однихъ словъ убѣжалъ бы человекъ... Но не поколѣвать же коровѣ изъ-за людскихъ неприяностей: „пусть говорятъ, что хотятъ, пусть конфузятъ и страмятъ насъ, какъ хочуть — все снесу, только бы дали сѣна“... За то какъ рада, съ какимъ восторгомъ несетъ домой Лизавета Елизаровна охапку сѣна, точно она несетъ несмѣтныя сокровища... За то во всемъ околodтвѣ про нее стали говорить: „ни у кого нѣтъ такого безстыдства, какъ у Лизки Ульяновой. Извѣстно, отпѣтая... Вѣдь знаетъ, что у насъ не горы золота, а лѣзетъ. И только ужъ по человѣчеству жалко и животинку: потому, чѣмъ бѣдная коровенка виновата, что ее морять голодомъ“...

А Степанида Власовна не понимала всего этого. И много, много было такихъ недостатковъ, черезъ которые почти на каждомъ шагу приводилось получать Лизаветѣ Елизаровнѣ неприяности. Мать же, если и сидѣла иногда цѣлый день дома за пряжей или тканьемъ, то отъ нея житья не было: все ворчитъ и говоритъ вздоръ, а уйдти некуда; да и когда мать дома, нужно больше хлѣба; мать требуетъ щей, а если Лизавета

Елизаровна говоритъ ей, что у нихъ семья большая, дай бы Вогъ, чтобы на всѣхъ до дѣта картофеля да свеклы хватило, такъ она начинаетъ укорять ее женихомъ.

— Небось брюхо нажила, а женишку поблажку дала!.. Нѣтъ, мы не такъ прежде дѣлывали.

— Хоть бы ты этого-то не говорила, мать!—взъѣтся Лизавета Елизаровна.

— Какъ я тебя начну щепать! Ты развѣ не моя дочь? Не я тебя вспоила, вскормила, на ноги поставила? Ну, дура же я была, што не швырнула съ полатей тебя... Только бросить, мокренько бы стало.

— Мамонька! Да чѣмъ же я виновата?

— А! Теперь дакъ чѣмъ виновата! Нѣтъ, матушка, коли кататься любишь, люби и саночки возить... Изволь теперь кормить меня.

„Мать права“, думаетъ Лизавета Елизаровна. „Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ она виновата, што я беременна? Какая мать въ состоянїи уберечь свою дочь на промыслахъ?.. Вотъ теперь я знаю, што отъ такого баловства можно нажать горе на всю жизнь, а тогда я и вѣрить этому не хотѣла, потому что молодая еще очень была.. Если мать и ругала меня, я думала, она зла мнѣ желаетъ. А все же и она виновата: отчего бы матерп лаской да съ любовью не научить дѣвчонку, какъ дѣйствовать, если парень умасливаетъ дѣвку? Отчего не сказать: бойся, молъ, мила дочка, парней, и до тѣхъ поръ, какъ парень не женится на тебѣ, не спи съ нимъ.. Чѣмъ виновата мать, что у насъ такая бѣдность? Вѣдь знаетъ она, што ни я, ни Степанъ не сидимъ безъ дѣла, и все-таки нашихъ денегъ не хватаетъ на недѣлю. Чѣмъ и отецъ виноватъ былъ, если у него доходовъ не стало... И зачѣмъ она всю вину теперь на меня сваливаетъ, зачѣмъ сама объ своихъ дѣтяхъ не заботится?“

Семейство отдыхало, когда Степаниды Власовны не было дома. Но и въ это время у Лизаветы Елизаровны щемило сердце. „Лучше бы она не ходила, меньше бы говорили про насъ“. И дѣйствительно, Степанида Власовна ходила не за дѣломъ, не для работы, а такъ, Богъ знаетъ зачѣмъ. На нее нашла апатїя; дѣлать ей ничега не хотѣлось; при видѣ знакомыхъ она горячилась, подозрѣвая ихъ въ отравленїи ея, мужа ея и ея семейства... На улицѣ, въ домахъ, куда ее принимали изъ жалости, она не могла вайти себѣ покоя. Дома ей было душно; ея семейство давило ее. И вотъ она стала попивать водку, и такъ крѣпко, что на нее уже нечего было надѣяться.

Панфилъ жилъ очень дружно съ Степаномъ. Хотя же они и соорились часто, потому что во многомъ не сходились другъ съ другомъ и дрались частенько изъ-за того, что который нибудь изъ нихъ воровалъ у другаго кусокъ хлѣба, надѣвалъ ботинки или фуражку, но если не было дома одного, другой ску-

чалъ. Степанъ работалъ на вороту, т. е. погонялъ лошадей, и за это получалъ платы за день десять коп. Случалось, что онъ отъ устатка свалвался и сладко засыпалъ, но за это его колотили безъ пощады, не считая еще его за человѣка. Такая работа, впрочемъ, не всегда бывала, да и она мальчику очень надобдала, и поэтому онъ съ охотою шелъ въ варницы, и если тамъ за броску дровъ въ печь, за складку дровъ въ полѣвницу или очистку сѣвга откуда нибудь на промыслахъ ничего не давали, то онъ все-таки днемъ не шелъ домой, потому что еду дома бывало скучно, онъ отвыкалъ уже мало по малу отъ дома и считалъ себя большимъ человѣкомъ, почему и не любилъ, чтобы его дома ругали. Поэтому часто случалось, что или Степанъ прибѣжить къ Панфилу покурить табачку, погрѣться, или Панфила къ Степану убѣжить отъ рабочихъ, которые за что нибудь хотятъ бить его, или просто почалякать со скуки. А у Панфила новостей или рассказовъ было больше, потому что онъ терся съ людьми, а Степанъ только около лошадей.

Разъ Панфила приходитъ къ Степану, который, отъ нечего дѣлать, изошрялся попасть хворостинной въ глаза которой нибудь изъ лошадей. Увидя Панфила, Степанъ бросилъ хворостяку и подошелъ къ нему. Лошади стали.

— Слышь, Степка, што мужики говорятъ: мы напрсно деньги-то отдаемъ дома.

— А имъ што за дѣло?

— Вы, говорятъ, дураки, ужъ не маленькіе теперь. Сколько, говорятъ, вы ни принесете, все возьмутъ, а вамъ ничего не отдадутъ. Не надо, говорятъ, отдавать деньги. Лучше, говорятъ, на сапоги копить.

— Дурень! какъ не отдать-то?

— А ты возьми и не отдай—не дали, молъ... Я дакъ не отдамъ, потому сестра сама большая. Сама замужемъ была, и я ей больше не помощникъ. Вонъ Гриша тоже не живетъ съ нами. А мы, Степка, на квартиру пойдемъ

Степанъ ничего не сказалъ. Онъ задумался. Слова Панфила его точно ошпарили; онъ, вытараща глаза, смотрѣлъ на метелку, и долго простоялъ въ такомъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока не вывела его изъ оцѣпенѣнія одна лошадь, начавшая чихать. Панфила уже не было въ насосъ.

Степанъ былъ совсѣмъ сбигъ съ толку своимъ пріятелемъ. Находясь постоянно среди рабочихъ и считая себя тоже рабочимъ, только еще небольшимъ, онъ понималъ все, что творилось вокругъ него; но онъ былъ въ такомъ возрастѣ, въ которомъ легко подыняются вліянію товарищей и взрослыхъ. Свое ничтожество передъ взрослыми онъ сознавалъ изъ того, что онъ не имѣлъ такой силы, какъ взрослые; взрослый легко могъ

стиснуть ему руку такъ, что онъ чувствовалъ сплывѣйшую боль; на многія слова онъ не могъ ничего отвѣчать; не могъ многого сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ взрослые: взрослые ругали его мальчишкою, не дозволяли ему дотрогиваться до такихъ вещей, до которыхъ ему не слѣдовало дотрогиваться, умѣряли его любопытство, толкали его оттуда, гдѣ ему, по его лѣтамъ, быть не слѣдовало, теребили за уши, если онъ забирался въ кабакъ и тянулъ изъ рюмки водку. Поэтому, отстраняемый всюду, даже въ церкви, на задній планъ, онъ всячески старался добиться того, отъ чего его отстраняли, и старался во всемъ подражать взрослымъ, для того, чтобы его не считали мальчишкою. Вообще ему, промысловому мальчику, приходилось переносить много, и надо удивляться живучести его природы.

Въ отцѣ Степанъ видѣлъ домохозяйна, главу, но онъ его нисколько не боялся, потому что его не боялась мать, которая, какъ онъ понималъ, держала отца въ ежовыхъ рукавицахъ. Отъ рабочихъ онъ слышалъ, что его отецъ мокрая курица, которую мать его можетъ загнать куда угодно. Кромѣ этого, онъ слыхалъ отъ брата, что онъ незаконный сынъ, что отецъ его другой, и поэтому онъ не имѣлъ особенной любви къ отцу, относился къ нему какъ къ хозяину. Мать была для него не то: онъ ее всегда видѣлъ дома, мать одѣвала его, давала ѣсть, крпчала на него и колотила его, когда онъ ее не слушался, Степанъ не боялся постороннихъ людей, которые его бранили и били; а мать скажетъ слово—онъ боится, чтобы она его не ударила, а станетъ огрызаться, ему же доставается. Изъ ея разговоровъ онъ понималъ, что мать, если работаетъ на промыслахъ, прядетъ куделю, ходитъ куда нибудь, то все это она дѣлаетъ для дѣтей. Но видя, какъ рабочіе обращаются съ пожилыми женщинами на промыслахъ, онъ все-таки сознавалъ, что женщина не мужчна, ея власть надъ нимъ нейдетъ дальше ея дома, и что поэтому мать его только въ своемъ семействѣ имѣетъ верхъ надъ дѣтьми, но на промыслахъ существо довольно слабое, ничѣмъ не рознящееся отъ другихъ женщинъ, съ которыми кто хочетъ, тотъ и запгрываетъ, которыхъ кто хочетъ, тотъ и обругаетъ. Все-таки онъ свою мать уважалъ, и если кто при немъ говорилъ про нее нехорошо, или ругалъ ее, онъ заступался за нее, что очень смѣшило молодыхъ рабочихъ. И сосѣди говорили, что у Ульяновыхъ изъ дѣтей только одинъ Степка покорный, который со всѣхъ ногъ бѣжитъ туда, куда пошлетъ его мать и относили это къ тому, что онъ былъ любимецъ Степаниды Власовны. Знакомые Степаниды Власовны говорили, что Степанъ походить лицомъ и манерами на нее. И дѣйствительно, Степанъ, вымывшись въ банѣ и приварядившись, казался очень красивымъ мальчикомъ. Въ характерѣ его было много женственности и онъ былъ мальчикъ, какъ говори-

ли дѣвушки, завидушій. Но однако, несмотря на то, что зависть свою онъ проявлялъ передъ всѣми родными и любилъ поѣсть сладкаго, онъ каждую копѣйку отдавалъ матери, и если покупалъ пряникъ, то не зналъ, что ему соврать матери, которая знала, сколько Степанъ получалъ заработка. Такъ было до отъѣзда отца. При прощаніи, въ его голову врѣзались непонятныя слова родителей и сестры; онъ замѣтилъ, что въ семействѣ что-то отъ него скрываютъ. Онъ долго думалъ объ этой сценѣ и ничего не могъ выдумать, а пришелъ только къ тому заключенію, что его отецъ человѣкъ нехорошій, сестра тоже нехорошая, потому что она что-то сдѣлала нехорошее, коли плакала. Но отчего, спрашивается, ушелъ отецъ? Отчего онъ его не взялъ съ собой, если на золотыхъ хорошо? Отчего отецъ плакалъ и всѣ плакали, когда прощались съ нимъ?.. Ужъ не обидѣлъ ли кто отца? Думалъ Степанъ и старался подслушать, что про него говорятъ рабочіе. Изъ этихъ подслушваній онъ узналъ, что его мать ругаютъ всѣ мужчины за то, что она сама не умѣла беречь деньги, когда отецъ имѣлъ большіе доходы; что не тратъ она деньги на угощенія своихъ любовниковъ, Елизаръ Матвѣичъ не сидѣлъ бы понапрасну три года въ дѣсу безъ дѣла, а могъ бы заняться торговлей, что отъ такой сварливой жены поневолѣ побѣжишь куда нибудь. И много, много Степанъ услышалъ отъ рабочихъ. Горько ему было, плакалъ онъ, что обижаютъ его мать, и при первомъ же случаѣ хотѣлъ пожаловаться ей, но въ первые дни мать была очень сердита, къ ней нельзя было и подступиться, ругала его, гнала вонъ, говоря, что теперь ей и самой нечего жрать, не только что кормить еще такую ораву.

— А, мамонька, моп деньги... — сказалъ Степанъ, думая что онъ этимъ угодитъ матери.

— Ты што меня коришь своими-то деньгами? Ахъ ты, мерзавецъ! Онъ только што въ работу поступилъ, а ужъ началъ укорять меня, што я на его деньги живу.

Долго ругалась мать, и даже побила Степана въ этотъ день. Степана это разобидѣло. Ему думалось, что матери не жалко его. Она не понимаетъ того, какъ ему тяжело на работѣ.

Мать день ото дня становилась сердитѣе; если сынъ отдавалъ ей деньги, она ругала его, зачѣмъ онъ мало принесъ, что онъ, вѣроятно, сошелся съ мошенниками, которые обираютъ его. Станетъ возражать Степанъ, мать такъ крикнетъ на него, что онъ вздрогнетъ и не найдетъся, что сказать.

Крѣпко сталъ Степанъ подумывать о томъ, какъ бы угодить матери. Прежде мать по головѣ его гладила, когда отдавалъ онъ ей недѣльный заработокъ, кормила его досыта, если что печла сладкое, то сама не попробуетъ, а дастъ ему; теперь бьетъ за то, что онъ мало носитъ денегъ, хотя онъ теперь цѣлыми двумя копѣйками получаетъ больше прежняго, сладка-

го ничего нѣтъ, да и хлѣбъ даже покупають съ рынка. Прежде мать заботилась: нѣтъ ли на халатишкѣ дыры, цѣлы ли у него ботинки; теперь все разваливается, мать не спрашиваетъ, а поди-ка сунься къ ней, когда она все ворчитъ. Хорошо еще, что сестра кое-какъ заштопаеть. О Елизаветѣ Елизаровнѣ онъ тоже былъ дурнаго мнѣнія, но она въ послѣднее время стала ему больше нравиться, потому что она съ нимъ разговаривала, играла съ нимъ въ карты, спрашивала его, кормила и заштопывала дыры на халатишкѣ и на ботинкахъ; когда сестры и Пелагеи Прохоровны не было дома, туда хоть не показывайся: ни корки оглоданной не найдешь нигдѣ. Кромѣ этого ему нравилось то, что она отказалась быть женою Григорія Прохорыча, котораго онъ терпѣть не могъ за его хвастовство и надменность.

Степану мало приводилось работать съ рабочими. Онъ больше находился въ насосѣ около лошадей одинъ или съ какимъ нибудь рабочимъ, который больше молчалъ. Въ такомъ уединеніи у него много было времени думать, къ тому же онъ не былъ охотникомъ пѣть одинъ пѣсни. И онъ думалъ много. Но главною его думою ежедневно было о томъ, что будетъ изъ него, когда онъ сдѣлается богачемъ, и какимъ образомъ ему достичь до того, чтобы сдѣлаться богатымъ человѣкомъ? Все это онъ развивалъ на разные лады; каждый новый предметъ давалъ ему тему для новыхъ думъ. Лѣтомъ онъ думалъ, что найдеть деньги подъ лодкой, въ которой онъ или кто нибудь перевозилъ состоятельнаго человѣка черезъ рѣку; на эти деньги онъ завелъ бы нѣсколько лодокъ, въ которыхъ его семейство стало бы перевозить весной людей черезъ рѣку дешевле, чѣмъ берутъ на перевозѣ, и такимъ образомъ нажилъ бы много денегъ и изъ нихъ половину бралъ бы себѣ, а половину отдавалъ матери и т. д. Зимой онъ думалъ: хорошо бы заработать деньги на лошадь, которую бы можно было запречь въ ворота, и тогда онъ сталъ бы получать платы по четвертаку въ день, по праздникамъ бы сталъ на этой лошади возить дрова на варницы и мало по малу разжился бы и т. д. И чѣмъ больше казалась ему невыносимою брань, тѣмъ больше онъ проводилъ время въ думахъ о богатствѣ и даже мало спалъ по ночамъ. А тутъ еще новое горе: промысловая Варька, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, съ которой онъ съ трехлѣтняго возраста игралъ вмѣстѣ, стала ему нравиться болѣе прежняго. Варьку онъ сталъ почему-то бояться, и при мысли о ней по всему тѣлу чувствовалъ что-то пріятное: такъ вотъ и хочется видѣть ее, сидѣть съ ней и смотрѣть на нее. Ужъ онъ ее разъ обнялъ въ чуланѣ, да она его такъ оттолкнула, что онъ сильно ушибъ объ косякъ лѣвый локоть. А какъ разъ обнялъ да получилъ толчокъ, захотѣлось и въ другой разъ, только она сказала:

— Не стойшь! Подари мнѣ платокъ съ картинкой, такъ я

тебѣ позволю обнимать меня часто. Тогда и я тебѣ вареники подарю:

Задумался Степанъ крѣпко надъ словами своего пріятеля. „Въ самомъ дѣлѣ думалъ онъ, если я не стану отдавать денегъ матери или сестрѣ, я накоплю денегъ. Куплю себѣ ботинки, Варькѣ платокъ; Варька мнѣ подаритъ вырезки и чулки». Но какъ это сдѣлать? Что сказать матери, куда деньги спрятать?

По окончаніи работы онъ зашелъ за Горюновымъ въ варницю, тотъ уже спалъ. Улыиновъ разбудилъ его.

— Не пойду. Гришка вонъ тоже не ходитъ, и я не пойду. Не ходи и ты, коли хочешь быть мнѣ товарищемъ, — сказалъ Степанъ Панфилу.

Въ первый разъ пришлось Степану ночевать въ варницѣ. Случалось ему спать и въ шалашѣ у отца, и въ лѣсу, и на берегу рѣки, за то онъ спалъ тамъ въ виду матери или съ разрѣшенія ея; теперь же ему пришлось повиждать мать и сестру по своему капризу. Но отстать отъ Павла ему не хотѣлось, рабочіе говорили: гдѣ Степкѣ спать въ варницѣ, онъ и на шагъ не можетъ отойти отъ матери и спать на перинѣ. Степанъ легъ къ Панфилу, но долго ворочался съ боку на бокъ, и еслибы не ночь, то давно убѣжалъ бы домой.

На другой день ему было очень скучно объ матери и онъ боялся теперь показаться ей. Чѣмъ больше онъ думалъ о своемъ поступкѣ, тѣмъ больше находилъ себя неправымъ, потому что никто, кромѣ матери, такъ не любилъ его раньше. А если теперь она не любитъ, то, можетъ быть, это не долго будетъ продолжаться. Вечеромъ Степанъ направился домой, но Панфилъ попался ему на встрѣчу. Онъ несъ на веревочкѣ двухъ налимовъ.

— Степка! Иди уху хлебать!.. Славная будетъ уха, съ лукомъ, съ перцемъ... Славно будетъ! Гуляй, Степка!!

У Степки слюни текли отъ желанія похлебать ухи; ему слышался запахъ рыбьяго навара. Онъ уже съ Покрова не ѣдалъ рыбы. Тогда мать пекла пироги съ сигаи, а объ налимахъ онъ только слыхалъ, что они хороши. И онъ пошелъ за Панфиломъ.

Панфилъ Горюновъ справлялъ сегодня свое вступленіе въ товарищество рабочихъ. Хотя рабочіе и не считали его за большаго рабочаго, но такъ какъ онъ работалъ наравнѣ съ ними то же, что и они, то они и не гнушались съ нимъ водить компанію, обѣдать вмѣстѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже затыкались имъ, т. е. просили его, въ случаѣ отсутствія товарища, замѣнить того, за что онъ, кромѣ спасибо, пока ничего не получалъ. Товарищество состояло въ томъ, чтобы работать вмѣстѣ, въ случаѣ утайки кѣмъ либо какой нибудь промысловой вещи всѣмъ молчать, хотя бы при этой утайкѣ не было

произведено между товарищами никакого дѣла, не выдавать товарища, если онъ почему нибудь ушелъ изъ варницы съ поль-дня или съ поль-ночи, а требовать, чтобы ему была положена плата, какъ и всѣмъ, за полное число урочнаго времени. Товарищество составляли большею частью друзья, и поэтому въ компанію къ нимъ попасть было нелегко. Панфилъ же попалъ потому, что онъ былъ мальчишкѣ бойкій, вострый на словахъ, умѣлъ угодить всѣмъ, раза два уже обругалъ смотрителя и тотъ ничего не сдѣлалъ за это мальчишкѣ, потому что не нашелъ, чѣмъ возразить на его рѣзкія замѣчанія. Особенно же рабочимъ нравилось въ Горюновѣ то, что онъ откажется жить съ сестрой и, стало быть, будетъ имѣть деньги, которыми легко можно будетъ имъ позаймствоваться отъ него. Рыбу же Панфилъ досталъ довольно смѣло. Напротивъ амбара, недалеко отъ берега, онъ замѣтилъ утромъ какого-то мужичку, вытаскивающаго изъ маленькой проруби палку, потомъ какую-то плетушку. Это его заняло. Онъ подошелъ къ нему и узналъ, что мужчина становитъ морды и снасти, которыми ловятъ рыбу. Вотъ вечеромъ Панфилъ и пошелъ ловить рыбу. Морду онъ не могъ поднять, а бичевка съ вершковыми крючками была такъ велика, что онъ ее едва на четверть вытащилъ изъ дыры. И тутъ съ нимъ чуть не случилась бѣда: одинъ крючокъ зацѣпился за халатъ, его стало тянуть къ дырѣ; ладно, что онъ ножикъ взялъ съ собой и обрѣзалъ бичевку и потомъ схватилъ бичевку съ налпмами, пустился бѣгомъ къ варницамъ, потому что услышалъ недалеко отъ себя крикъ рыбака, который хотѣлъ его побить. На промыслахъ онъ былъ въ безопасности, потому что туда рыбаковъ идти побоялся бы.

Уху хвалили всѣ, несмотря на то, что къ ней недоставало водки. Степанъ вѣкъ съ жадностію, и послѣ ужина у него прошла охота идти домой.

Такъ прошло до субботы. Въ субботу утромъ ребята задумались: гдѣ имъ выпариться и гдѣ провести воскресенье. Утромъ Панфилъ высказалъ это затрудненіе товарищамъ. Тѣ тоже призадумались.

— Въ банѣ выпариться безпремѣнно надо и рубаху надо тоже попарить, да вымыть надо... У насъ-то нѣту бань, самъ паримся гдѣ попало, а вамъ ребяташкамъ и подавно негдѣ... Мы пожалуй съ собой возьмемъ, только куды послѣ бани вамъ дѣваться? Вѣдь не все же на промыслахъ быть? Вѣдь бываетъ же и свинья праздникъ.

Такъ рабочіе вопросъ о томъ: гдѣ провести ребятамъ праздникъ, ничѣмъ не рѣшили.

Въ субботу была работа и женщинамъ на промыслахъ. Какъ водится, тамъ были Лизавета Елизаровна съ матерью и Пелагея Прохоровна. Степанида Власовна поработала немного и пошла разыскивать сына.

— Варварь! Въ добрую землю видно вошелъ!—кричала она на Степана.

Степанъ молчалъ.

— Съ этакихъ лѣтъ отъ дому сталъ лытать (бѣгать)! Гдѣ ты былъ?

— Здѣсь!

— Врешь! Не повѣрю!

— Я, мамонька, не пойду больше домой. Мнѣ и здѣсь хорошо.

Мать разразилась ругательствомъ, но на нее прикрикнулъ рабочий.

— Што кричишь-то! Только парня-то отъ дѣла отнимаешь. И такъ ужъ чуть не всѣ жилы изъ него вытянула,—проговорилъ онъ вслухъ и оттолкнулъ ее отъ насоса.

Степанида Власовна пошла жаловаться на рабочихъ смотрителю, что они совсѣмъ развратили Степку, и просила его заступиться за нее, то есть отодрать его хорошенько сейчасъ же при ней, какъ это было прежде.

— Не могу. На то есть полиція.

Степанида Власовна заплакала и поклонилась смотрителю въ ноги, прося его выдать ей заработокъ за Степана.

— Ты, матушка, сама въ состояніи робыть! Онъ тебя и теперь разитъ водкой.

И смотритель выталкалъ отъ себя Степаниду Власовну.

Степанида Власовна не унялась, а пошла къ полицейскому начальству, которое отказалось наказать розгами ея сына, но дало ей бумагу, чтобы заработную плату сына ея Степана выдавали ей.

Смотритель позвалъ къ себѣ Степана и объявилъ ему о продѣлкѣ его матери. Степанъ стоялъ блѣдный, молчалъ.

— Не ты первый... Эти пьяныя бабы меня совсѣмъ сбили съ толку, и я не знаю, какъ помочь тебѣ... Если я всѣмъ стану помогать, самому придется голодомъ сидѣть! А супротивъ полиціи я ничего не могу сдѣлать, потому наши порядки съ ея порядками не сходятся.

Вечеромъ Степанида Власовна получила за Степана деньги за всю недѣлю, такъ какъ Степанъ работалъ всю недѣлю на одномъ мѣстѣ. Рабочіе ее стыдили; уговаривала ее и Лизавета Елизаровна не брать деньги, если Степанъ не хочетъ ихъ отдавать имъ для хозяйства; плакалъ Степанъ,—ничто не помогло. Степанида Власовна ушла съ деньгами.

— А вѣдь, ребята, съ ней ничего не сдѣлаешь. Она мать!—говорили рабочіе.

— Да парню-то отъ этого не легче!.. Надо бы его пристроить куданибудь.

— Кто станетъ даромъ кормить?.. Слушай, Степка... Твоя мать беретъ за тебя деньги, значитъ, полиція думаетъ, што она

живетъ на твой счетъ и семью кормить... а всѣмъ теперь, послѣ Елизара, извѣстно, што кормитесь вы Лизкой. И дуракъ ты будешь, если не станешь требовать свое... Ступай домой хозяиномъ. Знать, молъ, не хочу; давай мнѣ мое; одѣвай, обувай меня,—проговорилъ одинъ рабочій.

— Хоть бы кормила, и то ладно,—замѣтилъ кто-то въ голѣ.

— Настроенный такимъ образомъ рабочими, Степанъ пошелъ домой съ сестрою, Панфиломъ и Пелагеею Прохоровною, которая говорила, что хорошо онъ дѣлаетъ, что не живетъ дома, потому что ее и такъ коритъ Степанида Власовна угломъ. И еслибы она, Пелагея Прохоровна, имѣла больше заработка, то ушла бы на другую квартиру, да и теперь живетъ только потому, что ей веселѣе съ Лизаветой Елизаровной.

Степаниды Власовны дома не было. Она пришла уже въ то время, когда всѣ выпарились въ банѣ, и пришла пьяная, но ворчала недолго и, свалившись на полъ, скоро заснула. Лизавета Елизаровна пощупала карманъ въ сарафанѣ Степаниды Власовны, ничто не брякало.

— Какъ есть всѣ уходила!—сказала она съ горестью.

Вскорѣ легли спать всѣ обитатели этой квартиры, и черезъ полчаса, какъ погасили лучину, въ избѣ настала тишина, прерываемая храпомъ Степаниды Власовны. Не спали только Пелагея Прохоровна и Степанъ, но оба они, занятые своими мыслями, думали, что спать всѣ.

Вдругъ Пелагея Прохоровна, снавшая на кровати рядомъ съ Лизаветой Елизаровной, услышала, что кто-то слѣзъ съ печки и подошелъ къ Степанидѣ Власовнѣ. Немного погодя что-то стукнуло подъ лавкой. Пелагея Прохоровна задрожала, встала и на цыпочкахъ подошла къ столу, на которомъ она ущупала спички. Она чиркнула спичкой, спичка зажглась и въ этотъ моментъ она увидѣла Степана, поднявшаго руки кверху съ топоромъ. Въ тотъ моментъ, какъ освѣтило избу, топоръ выпалъ у Степана назадъ отъ него и попалъ на голую ногу Пелагеи Прохоровны, но къ счастью не остріемъ, а обухомъ.

Пелагея Прохоровна схватила за руки Степана.

— Што ты дѣлаешь, разбойникъ?—крикнула она въ испугѣ.

— Ничего... Нусти...—и Степанъ сталъ барахтаться.

— Лиза! Помоги мнѣ.

— Што такое?—проговорила въ испугѣ Лизавета Елизаровна.

— Братчикъ-то твой...

Лизавета Елизаровна вскочила, зажгла огня на лучину и увидела: Пелагея Прохоровна борется съ Степаномъ, которой старался вырвать свои руки изъ рукъ Мокроносовой, а ртомъ старался достать или локоть, или плечо ея, чтобы укусить.

Увидя топоръ, Лизавета Елизаровна крикнула и съ ней сдѣлалось дурно.

Въ это время проснулся Панфилъ и открыла глаза Степанида Власовна.

Степанъ вырвался и выбѣжалъ изъ избы.

Пелагея Прохоровна оттолкнула ногой подъ лавку топоръ.

Степанида Власовна присѣла, оглядѣлась, потомъ выбѣжала на дворъ и закричала:

— Караулъ!.. рѣжутъ!..

На ея крикъ сбѣжались хозяева, и узнавъ отъ нея, въ чемъ дѣло, хотѣли идти спать, потому что на нее не стоило обращать вниманія, но вышла Пелагея Прохоровна и стала звать хозяйку на помощь Лизаветѣ Елизаровнѣ, котóрой съ испугу сдѣлалось душно.

Хозяинъ, узнавъ о покушеніи на жизнь матери Степаномъ, никакъ не хотѣлъ прекратить это дѣло, и какъ его ни упрашивали Мокроносова, Горюновъ и Лизавета Елизаровна не разглашать о немъ, онъ, для своей безопасности, созвалъ двухъ сосѣдей въ квартиру своихъ жильцовъ и утромъ заявилъ полиціи.

Лизавета Елизаровна къ утру выкинула мертвого ребенка. Къ утру же разыскали Степана и посадили въ полицію, гдѣ онъ сказалъ, что хотѣлъ убить мать за то, что она отняла у него заработокъ.

• XII.

Степанида Власовна два дня ходила по селу, какъ ошалѣлая. На первыхъ порахъ ей такъ и казалось, что весь свѣтъ вооружился противъ нея. Ужъ если ея родной сынъ, ея любимецъ, поднялъ на нее руку, чего же можно ждать ей отъ чужихъ! Она не хотѣла себѣ вѣрить, что она сама своими глазами видѣла сына! Но его держала за руки ея жилищка, Пелагея Прохоровна; дочь ея выкинула отъ испуга; сынъ въ глаза сознался ей въ преступленіи. Много слезъ пролила Степанида Власовна наединѣ и при людяхъ, жалуясь на то, что она самая несчастная въ селѣ женщина. Поступокъ Оглоблиной въ сравненіи съ поступкомъ ея сына, по заключенію Степаниды Власовны, былъ капля въ моръ: Оглоблиной она могла сдѣлать вредъ, могла ее срамить, какъ ей хотѣлось, но сынъ... сынъ, котораго она любила, на котораго возлагала большія надежды, ея родной сынъ поднялъ на нее руку... Слыханное ли дѣло въ селѣ? Она никакъ не могла понять, что за причина, что сынъ поднялъ на нее руку? Что бы онъ выигралъ, убивъ мать свою? Ужъ ему острога не миновать, какъ онъ ни скрывайся. Развѣ ему жизнь надобна въ селѣ? „Я не держала; иди хоть на всѣ четыре стороны; я бы держать не стала... Отчего бы ему не

сказать мнѣ: я, молъ, не хочу отдавать тебѣ деньги, и я бы ничего... Стала бы сбирать Христа-ради и прокормила бы какъ нибудь ребятишекъ..." Такъ говорила Степанида Власовна всѣмъ спрашивавшимъ ее съ удивленіемъ объ сынѣ, стараясь услышать отъ нихъ сочувствіе, жалость къ ней, всѣмъ обиженной. Но они говорили одно: сама, матушка, виновата; ты сама довела до того сына, што онъ поднялъ на тебя руку. Отчего наши дѣти не поднимаютъ на насъ руку? А вѣдь и наше-то житье не барское!

Теперь Степанида Власовна уже не ругалась дома, гдѣ она проводила большую часть времени, потому что ей тяжело было показываться въ селѣ, гдѣ она какъ будто чувствовала себя оплеванной. Напротивъ, она старалась держать себя дома хорошо хозяйкою, доброю матерью. Она теперь уже не бранила и дочь за то, что та выкинула младенца, а заботилась о томъ, чтобы та выздоровѣла, сообщала ей результаты своихъ походовъ насчетъ продажи коровы, насчетъ слуховъ про Оглоблину, которая, какъ она узнала отъ пріѣзжающихъ на рынокъ изъ деревень крестьянъ, торгуетъ въ городѣ калачами, пряниками и орѣхами; сдѣлалась ласкова съ Пелагеей Прохорковной, которая спасла ее отъ смерти. Все это удивляло молодыхъ женщинъ, и онѣ не знали, къ чему отнести такую перемѣну въ Степанидѣ Власовнѣ.

Недостатки Ульяновыхъ увеличились еще болѣе. Это Степанида Власовна видѣла и особенно ощущала при наступленіи Пасхи. И она раскаявалась въ томъ, что послѣ отъѣзда мужа тратила понапрасну время на нанесеніе оскорбленій Оглоблиной, прощивала почти половину заработка Степана. Хотя бы польза была изъ этого, думала она. Хотя Оглоблиной и нѣтъ теперь въ селѣ, но ей-то отъ этого не легче. У нея нѣтъ своего дома, не на что купить даже льну, для того, чтобы изъ него извлечь какую нибудь выгоду, и стало быть не на что купить хлѣба! А теперь еще Пякита и Марья захворали, нужно звать лекарку, ей нужно платить... Сбирать Христа-ради совѣстно, потому что у нея есть взрослая дочь, которая одна въ состояніи своими заработками прокормить цѣлое семейство. Но и дочь расхворалась. Иныя женщины такъ на третій день послѣ родовъ въ спахъ работать, а Лизавета Елизаровна вотъ уже цѣлый мѣсяцъ съ кровати не встаетъ, худѣетъ, ничего не ѣсть. Ходила Степанида Власовна даже къ доктору посоветоваться насчетъ болѣзни дочери, да докторъ ее не принялъ. Ходила Степанида Власовна и къ начальству разному, проси его выпустить Степана, потому что она прощаетъ его поступокъ и не желаетъ, чтобы его судили; но надъ ней посмѣялись и сказали ей, что теперь она надъ сыномъ не имѣетъ уже никакой власти, потому что онъ находится въ рукахъ правосудія,

Походить, походить Степанида Власовна по селу, пощеть

во многихъ домахъ работы, нигдѣ нечего ей дѣлать. Куда ни придетъ—вездѣ удивляются, что она шьетъ работы, тогда какъ иную женщину не скоро заманишь на работу въ какой нибудь домъ, потому что женщины любятъ только носить соль, отчего, вѣроятно, въ богатыхъ семействахъ и выработалась поговорка: „тяжела на подъемъ, какъ солоноска.“ Да и что ей работать на домахъ? Богатыя семейства имѣютъ прислугу большею частію изъ дѣвушекъ, которыхъ держатъ изъ-за хлѣба; бѣдныя дѣлаютъ все сами. Въ одномъ мѣстѣ ее, впрочемъ, заставили вымыть полъ, но хозяйка послѣ обѣда шаль потеряла, и Степаниду Власовну свели въ полицію. Шаль нашлась, а Степаниду Власовну выпустили. Въ другомъ мѣстѣ заставили бѣлье стирать, да увидала хозяйка, что Степанида Власовна не умѣетъ стирать бѣлье, прогнала ее, не заплативъ за потраченное время ни копѣйки. Придетъ она домой усталая, задумается. Дѣти стонуть, дочь лежитъ исхудалая.

— Господи помилуй! Господи помилуй! — шепчетъ съ отчаяніемъ Степанида Власовна и посмотритъ на дочь.

„Неужели она помретъ?“—спрашиваетъ сама себя Ульянова.

Возьметъ прялку, на прялкѣ замотанъ клочекъ кудели, и положитъ назадъ прялку.

И только одна Пелагея Прохоровна спасала эту семью отъ голодной смерти.

Пелагеѣ Прохоровнѣ давно опротивѣла здѣшняя жизнь. Не разъ приставали къ ней мужчины съ любезностями, не одинъ уже дѣлалъ ей предложенія „скоротать съ нимъ жизнь.“ Отъ всѣхъ она отдѣлывалась или молчаніемъ, или рѣзкими возраженіями, за что ее и стали всѣ звать гордячкой; а такъ какъ она ни съ кѣмъ компании не вела, то преимущественно женщины стали считать ее женщиною злою, старающеюся только о своей пользѣ, и смѣялись надъ тѣмъ, какъ она цѣлый день носила соль одна; если же отъ устатка она прислонялась къ стѣнѣ или садилась, ей говорили, что она лѣнится, что если она своимъ усердіемъ хочетъ выслужиться передъ смотрителемъ и получить какъ нибудь больше денегъ, то не должна присѣдять и прислоняться къ стѣнѣ. Мало этого, про нее стали говорить, что она мѣтитъ попасть въ любовницы прикащика, который постоянно на нее заглядывается и одинъ разъ даже передалъ ей лицій гривенникъ по тому поводу, какъ онъ самъ сказалъ при возвращеніи этого гривенника Пелагею Прохоровною ему, что ему угодно сдѣлать ей презентъ. Наконецъ женщины стали отталкивать Пелагею Прохоровну отъ дверей варяпцы для того, чтобы она не попала въ солоноски. Но Пелагея Прохоровна, къ удивленію женщинъ, все-таки попадала въ солоноски, но за то ей приводилось много выслушивать отъ нихъ и брани, и насмѣшекъ. Все это тяжело было переносить Пелагеѣ Прохоровнѣ; она проклинала тотъ день, въ который согласилась идти съ дядей

изъ города, и давно ушла бы изъ села обратно въ городъ, еслибы не было холодно. Кромъ холода ее удерживало то, что Короваевъ хотѣлъ извѣстить ее о своемъ житѣ въ М... заводѣ, и она дожидалась чуть не каждый день вѣсти объ немъ, да и Григорій Прохорычъ, ушедшій туда же черезъ двѣ недѣли послѣ признанія Лизаветы Елизаровны, хотѣлъ написать ей подробно о тамошнемъ житѣ, и если найдетъ Короваева, то и объ немъ. Но ни Короваевъ, ни братъ, ничего ей не писали; ни объ нихъ, ни объ дядѣ не было никакого извѣстія, точно они въ воду канули.

„Всѣ они обманщики, они только о себѣ заботятся. Ишь куда завели меня! Это они нарочно завели меня сюда, чтобы я имъ не мѣшала, чтобы избавиться отъ лишняго человѣка. Такъ погодите же! Дождусь я лѣта, и сама пойду искать себѣ счастія. Ужъ не поклонюсь я вамъ! Мой дѣдушка тоже никому не кланялся, самъ въ люди вышелъ, съ нашимъ господиномъ въ Петербургѣ жилъ, и еслибы не набѣдокурилъ тамъ, не то бы было съ нами. Будете вы помогать, чтобы я потомъ по вашей дудкѣ пѣсни пѣла, да ужъ поздно. А што Короваевъ злой человѣкъ, это изъ того видно, што онъ и дядю мово сюда затащилъ и разошелся съ нимъ на другой же день. Ужъ еслибы онъ захотѣлъ жениться на мнѣ, могъ бы съ кѣмъ нибудь грамотку послать: хорошо ли худо ли ему.“

Такъ думала Пелагея Прохоровна, и твердо рѣшила лѣтомъ непременно опять идти въ тотъ же городъ, въ которомъ она жила раньше. „Говорятъ, городовъ много на свѣтѣ, только въ разныхъ мѣстахъ разные порядки. А въ этомъ городѣ порядки мнѣ знакомы; у меня есть тамъ знакомые и я скоро попаду на мѣсто, и Лизаветѣ можно тамъ скорѣе найдти мѣсто. Ну, а если не понравится тамъ, накоплю денегъ и дальше пойду: не все же и тамъ злые люди живутъ.“

На заработанные деньги Пелагея Прохоровна сперва покупала муки, крупы и мяса; но трудно было сводить концы съ концами, то есть разсчитывать такъ, чтобы денегъ достало до работы; и потому она стала отказывать себѣ въ мясѣ и рубль тянула на полторы недѣли; Степанида Власовна, получивъ деньги, со своей стороны старалась что нибудь состряпать, сварить, но Пелагея Прохоровна удерживала ее, говоря:

— Мы, Степанида Власовна, не померли же и съ рѣдки да съ хлѣба. А безъ горохова-то киселя проживемъ.

— Полно-ка толковать-то! Мнѣ развѣ не обидно, што ты насъ кормишь!

— А ты не трать деньги на кисели да на вотрушки, — глядишь, дня три и впереди.

Степанида Власовна такъ и не пекла, и ничего не варила. Только тогда и варились щи, когда Панфилъ привосилъ самъ мяса.

Панфилъ по цѣлымъ днямъ жилъ на промыслахъ, зарабатывая отъ десяти до двадцати копеекъ. На хлѣбъ у него выходила половина этой суммы, а если ему удавалось украсть рыбы, то его угощали и хлѣбомъ. Въ двѣ недѣли онъ могъ накопить очень немного денегъ, которыя и ушли на покупку большихъ старыхъ сапоговъ, хозяинъ которыхъ уже не нуждался въ нихъ, такъ какъ, получивши порядочный заработокъ, купилъ себѣ другіе; но и эту обновку нужно было починить, и Панфилъ опять копилъ цѣлую недѣлю деньги на починку сапоговъ, а остатокъ употребилъ на угощеніе своей сестры въ воскресенье. Рабочіе удивлялись терпѣнію молодого Горюнова, называя его желѣзнымъ человѣкомъ, старались выпросить у него денегъ, приглашали его пить по вечерамъ въ трактирахъ чай, но Горюновъ денегъ не давалъ никому съ той поры, какъ его обманули двое рабочихъ: они обѣщали отдать ему долгъ при полученіи расчета, но тогда къ нимъ явились другіе кредиторы, которымъ они были должны давно, и не пять и не десять копеекъ. Впрочемъ, Панфилъ не отказывался отъ посѣщенія харчевень; ему, напротивъ, нравилось быть тамъ, гдѣ происходили оживленные споры, ссоры, а иногда и драки. Тамъ онъ садился въ уголъ и изъ угла вслушивался въ разговоры рабочихъ, которые ставили послѣднюю копѣйку ребромъ, хвастаясь тѣмъ, что у нихъ, благодаря Бога, руки здоровы и они впередъ могутъ заработать и больше этого. Ему нравилось слѣдить за хозяиномъ харчевни или хозяйкой и подручнымъ, какъ тѣ наливали неполныя рюмки водки и присчитывали на посѣтителей деньги. Его удивляло то, что эти семейные рабочіе почти все свободное время проводить въ питейныхъ домахъ, посѣщая непременно одинъ какой нибудь кабакъ или одну харчевню, пропиваютъ иногда свои халаты, сапоги, жадуясь въ то же время на обманы начальства и на судьбу, обременившую ихъ большими семействами, отъ которыхъ дома нѣтъ никакого покоя. Въ этихъ заведеніяхъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ еще и то, что сельскіе уроженцы хвастались передъ пришлыми своею удалюю, смышленностью и какиъ-то благородствомъ; они ненавидѣли пришлыхъ за то, что тѣ отнимаютъ у нихъ заработокъ, и лишь только въ какомъ нибудь заведеніи сойдутся пришлые съ коренными, — быть дракъ, которая впрочемъ заканчивается тѣмъ, что одна которая нибудь сторона угощаетъ другую. Мало этого, Горюновъ замѣтилъ, что и коренные не живутъ въ ладахъ. Не говоря уже о томъ, что въ кабакахъ происходятъ драки между рабочими разныхъ варницъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, — и въ домахъ на именинахъ или въ праздники, когда рабочіе идутъ въ гости въ ту часть села или въ то село, гдѣ празднуется церковный престолъ, и тамъ дѣло безъ драки не оканчивается, хотя и начинается дружно. Поэтому немудрено, что Панфила, который не угощалъ никого ничѣмъ, курилъ табакъ на чужой счетъ и

былъ не прочь выпить на чужой счетъ пива, браги или водки, крѣпко недолюбливали рабочіе, и когда дѣло доходило до ссоры и драки, его постоянно выгоняли. Панфилъ ничего не могъ подѣлать съ пьяными; защитниковъ за него не было изъ среды паніи всѣмъ хотѣлось разбѣсить заводскаго выродка, который стихи сочиняетъ, то есть думаетъ; но на другой день, когда рабочіе являлись на работы съ больными головами, онъ все накипѣвшее въ немъ за ночь зло старался выместить на нихъ.

— Што, пьяная рожа! Болитъ голова-то. Опохмѣлитесь хошь! И Панфилъ показывалъ рабочему пятакъ.

Рабочій впивался глазами въ монету и чесалъ голову.

— Што, небось, пропилъ всѣ денги! Ижъ женны башмаки надѣлъ...

— Молчи!.. Убью!! У! штобъ тѣ околѣть!—ругался рабочій и кидался на Горюнова; но тотъ убѣгалъ.

Немного погодя Горюновъ опять дразнилъ рабочаго.

— Хошь опохмѣлитесь?

Рабочій молчитъ.

— Трещитъ голова-то! И Горюновъ приготовлялся бѣжать, слѣдя за движеніемъ членовъ своего врага.

— Послушай...

— А ты возьми да скушай! И Горюновъ отвертывался или бѣжалъ, смотря по тому, замахивался ли на него врагъ, или бросался къ нему.

Случалось, Панфилъ покупалъ водки косушку, разбавляя ее водой и насыпая въ посуду для крѣпости немного махорки. Въ этомъ случаѣ онъ показывалъ склянку.

— Видишь?

Рабочій подходилъ къ Горюнову и хотѣлъ вырвать склянку, но тотъ отвертывался.

— Вода!—говорилъ рабочій, не вѣря мальчишкѣ.

— Понюхай!

— Да дай въ руки...

— Нѣтъ, ты изъ моихъ рукъ понюхай.

Рабочій нюхалъ. Доволенъ ли?

— Панфилъ Прохорычъ!.. А... Дай... чуточку! И рабочій начиналъ плевать.

— А! Тутъ дакъ Панфилъ Прохорычъ!.. А вчера кто меня вытолкалъ?

— Не буду. Пьянъ былъ... Все тебѣ отдамъ,—дай испить.

Но Горюнову было невыгодно отдать склянку одному рабочему. Онъ начиналъ травить двухъ или трехъ рабочихъ, и отдавъ имъ склянку, получалъ за нее хлѣба, котораго и доставало ему дня на два, на три.

Деньги онъ хранилъ въ извѣстномъ только ему одному мѣс-

тѣ, потому что при себѣ ихъ имѣть было опасно, такъ какъ рабочіе къ вечеру всегда приставали къ нему, а ночью нерѣдко онъ просыпался отъ производившихся кѣмъ нибудь обысковъ въ его одеждѣ.

Въ субботу онъ забиралъ остатокъ денегъ, бралъ одно или два толстыхъ полѣна, которыя обвязывалъ веревкой и несъ на плечѣ до квартиры Пелагеи Прохоровны. И если онъ шелъ рано, то заходилъ на рынокъ и покупалъ муки и мяса. Приходу его всѣ были рады не потому, что онъ былъ рѣдкій гость, но съ его приходомъ появлялись щи, и воскресенье проводилось весело. Если же и въ воскресные дни случались работы въ варницахъ, то Горюновъ не пропускалъ и этихъ дней, и тогда отдавалъ деньги сестрѣ на кушанье, и шелъ на работу, надѣясь получить за нее вдвое больше, чѣмъ въ будни.

Первые дни Пасхи Пелагея Прохоровна и Григорій Прохорычъ провели вмѣстѣ. Какъ у всѣхъ православныхъ, и у нихъ былъ сыръ и сострипанъ куличъ на заработанныя деньги Степаниды Власовны, Горюнова и Мокроносовой. Лизавета Елизаровна начала поправляться, такъ что могла ходить по избѣ, и подумывала послѣ Пасхи выйти на промысла, но она все-таки была слаба.

На третій день Пасхи нашимъ пріятельницамъ опять-таки нечего было ѣсть. Всѣ кромѣ Лизаветы Елизаровны, пошли искать работы, но на промыслахъ работы не было, потому что начальство только-что раскучивалось. Рѣшено было общимъ совѣтомъ, во что бы то ни стало, продать корову, которая еле двигала ногами, но за нее давали мало, потому что время было такое, что ни у кого не было денегъ. Кое-какъ продали ее за пять рублей. Но когда появилось столько денегъ, Степанида Власовна, первымъ долгомъ отправилась въ кабакъ ихватила водки, до которой она уже давно не дотрогивалась, а выпивши водки, пошла на рынокъ и купила двѣ пары ботинокъ—себѣ и Пелагеѣ Прохоровнѣ и опять sprysнула эту обнову, такъ что домой пришла пьяная и принесла всего только два рубля.

Пелагея Прохоровна высказала ей свое неудовольствіе.

— Будто ты вкогда не имѣла большихъ денегъ? Никитка помираетъ, а ты пьешь. Не сама ли ты жалѣла, што мы напрасно купили порасенка?.. А тутъ какъ добралась до водки, и напилась!

— Виновата... Мои деньги, потому и выппла.

— Придется, вѣрно, мнѣ уйти отъ васъ.

— И съ Богомъ, матушка. Хоть сейчасъ. Эдакое вѣдь сокровище!

И Степанида Власовна долго ворчала, высказывая то, что она сама себѣ укащикъ и очень будетъ рада, если Пелагея Прохоровна уйдетъ отъ нея; что вся эта бѣдность происходитъ

отъ нея, такъ какъ раньше съ Ульяновыми еще не случилось такой напасти. Но утромъ Степанида Власовна стала извиняться передъ Пелагеей Прохоровной, прося ее забыть все то, что она наговорила пьяная, и даже отдала всѣ деньги на храненіе Пелагеѣ Прохоровнѣ.

Трудно было Пелгеѣ Прохоровнѣ придержать деньги. Степанидѣ Власовнѣ было скучно, и она къ вечеру же стала просить у нея десять коп. на куделю. Кудели не купила, а пришла домой выпивши, а такъ какъ она не была пьяна, то ей было совѣстно передъ Пелагеей Прохоровной и она молча легла спать. На другой день она выпросла тридцать коп. на ленъ, сказавъ, что она куделю забыла у какой-то женщины. Панфилъ вызвался сестрѣ—слѣдить за Ульяновой и, вернувшись домой часа черезъ два, сказалъ, что Степанида Власовна дѣйствительно заходила въ одну лавку, но оттуда вышла безъ льна, и потомъ, купивъ два калача, отправилась въ харчевню. Домой ова пришла на другой день немного выпивши и, подавая Пелагеѣ Прохоровнѣ и Лизаветѣ Елизаровнѣ крендельки, сказала:

— А льну-то я опять не купила: попалась мнѣ Безукладникова и говоритъ: нынѣ богата стала, нѣтъ, штобы должокъ отдать. Ну, я взяла и отдала.

Обѣ женщины промолчали и молили Бога, чтобы скорѣе прошли праздники.

Сосѣди тоже узнали, что у Ульяновой появились деньги, и отъ нихъ отбою не было: одна просила гривну, другая крупы чашку, третья сѣна и т. д. Тѣ, которые пришли раньше другихъ, получили немного денегъ, а отъ другихъ стали запирать двери, потому что денегъ на шестой день Пасхи осталось только двѣ копейки.

На восьмой день умеръ Никита.

XII.

Смерть Никиты опечалила все семейство. Всѣ бѣгали по селу, какъ угорѣлые: Степанида Власовна хлопотала о томъ, чтобы схоронить его даромъ. Но куда она ни приходила, — всѣ, отъ гробовщика, до могильщика, отказывались оказать какую нибудь помощь безъ денегъ, ссылаясь на свою бѣдность и на то, что теперь мретъ мало народа. Другое дѣло, еслибы мальчишка померъ весной, когда больше мретъ взрослыхъ, тогда можно было бы отъ обрѣзковъ сколотить гробъ для мальчишки и заодно уже отпѣть даромъ и попути вырыть для него яму. Пелагея Прохоровна ходила къ начальству, прося его о пособіи, но оно сказало, что мальчишка ничѣмъ не заявилъ себя

такимъ, чтобы на похороны его можно было ассигновать отъ управленій какую нибудь сумму; къ тому же мальчишка не важная особа; другое дѣло, еслибы онъ былъ сынъ какого нибудь зрителя или хоть писаря, тогда можно бы выдать родителямъ пособіе. Успѣшнѣе были хлопоты Панфила Прохорыча. Хотя онъ былъ и не очень краснорѣчивъ, но все-таки съумѣлъ убѣдить рабочихъ въ томъ, что Ульяновой нечѣмъ хоронить сына. Рабочіе поворчали, поворчали и все-таки отъ помощи не отказались: одинъ сколотилъ пзъ старыхъ досокъ гробъ, другой вызвался ему выкопать могилу, при чемъ безъ драки съ кладбищенскимъ сторожемъ дѣло не обошлось, а на похороны пожертвовали кто сколько могъ: кто копѣйку, кто грошъ.

Схоронили Никиту. Въ квартирѣ точно кого не доставать стало. Давно уже въ ней никто не хохоталъ громко, а теперь и разговаривали не громко: всѣхъ словно что-то давило.

— Что это какъ долго нѣтъ нынче работы? Ахъ, какъ бы я рада была, еслибы только поскорѣе открылась для бабъ работа. Я бы и ледъ колоть пошла на рѣкъ,—говорила Лизавета Елизаровна.

— А я все думаю: куда бы мнѣ пристроить Марью. Ужъ я давно хожу по селу, никому не надо. Ужъ я бы даромъ отдала,—говорила Степанида Власовна.

— Конечно, нужно отдать даромъ, только я бы не совѣтовала тебѣ отдавать, потому я и Лизавета пойдемъ въ городъ.

— Куда въ городъ?

— Ужъ это мое дѣло. Въ городъ гораздо будетъ лучше, потому что тамъ, по крайней мѣрѣ, будемъ сыты и квартира будетъ теплая

— Въ самомъ дѣлѣ!.. И отчего это ты мнѣ раньше не сказала? А далеко?

Целагея Прохоровна сказала и объяснила, почему она дожидается лѣта.

— Я бы давно ушла, только подумай: могу ли я, ободранная и босая, идти... А лѣтомъ мы туда всегда найдемъ попутчиковъ... Однихъ богомольцевъ сколько ходитъ по большой дорогѣ, только бы выйдти на нее.

— Такъ и я съ вами пойду. Только какъ съ Марьей-то?

— Надо весны дожидаться. Вотъ, какъ будутъ грузить коломенки, тогда мы накопимъ денегъ. Только ты, мамонька, ради Христа, не пей.

— Вотъ тѣ Христось! провалиться мнѣ, штобы я стала пить.

— А Машу мы тамъ можемъ легко пристроить. Тамъ она можетъ мастерству обучиться.

— Дай бы ты, Господи!

И всѣ стали ждать тепла; даже Маша надоѣдала всѣмъ, спрашивая: а скоро ли мы пойдемъ далеко-далеко?..

Панфилю одобрялъ эти намѣренія и разсказалъ сестрѣ, что онъ въ городъ ни за что не пойдетъ, и что онъ уже надумалъ идти въ М. заводъ, и только дожидается дѣта, когда онъ можетъ даромъ доплыть тута съ барками.

Пелагея Прохоровна задумалась.

Панфилю Прохоричу не говорилъ ей раньше о своемъ намѣреніи идти туда же, куда ушелъ Короваевъ и Григорій Прохоричъ. Она думала, что М. заводъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ ей извѣстныхъ заводовъ, и хотя нерѣдко ей приводилось слышать похвалы о М. заводѣ, куда будто бы со всѣхъ сторонъ стекаются рабочіе, потому что тамъ производятся какія-то спѣшныя постройки, но Пелагея Прохоровна замѣчала, что тѣ, которые говорили объ этомъ, не трогались съ мѣста, а жили по прежнему въ селѣ, и ей казалось, что эти люди говорятъ объ этомъ для того, чтобы соблазнить молодежь и простыхъ людей. Пелагея Прохоровна любила Панфила за то, что онъ не грубилъ ей и всегда старался ей чѣмъ нибудь угодить; въ городъ онъ навѣщалъ ее чаще Григорія и иногда приносилъ даже лакомства. Здѣсь, кромѣ его, у нея не было родни, и съ нимъ ей было все-таки веселѣе, такъ какъ они другъ друга понимали, другъ другу сочувствовали. Вдругъ ей пришла въ голову мысль, не получилъ ли братъ письма изъ М... Стала она отъ него выпытывать объ этомъ, но тотъ божился, что онъ идти туда уже давно задумалъ, напрашивался идти даже съ Григоріемъ, но Григорій его не взялъ. Онъ говорилъ, что Короваевъ не спроста ушелъ туда, и если ничего не пишетъ ей, такъ можетъ быть потому, что копить деньги.

— А мы, Пелагея, пойдѣмъ туда вмѣстѣ.

— Нѣтъ; ужъ я туда не пойду. Лучше ужъ здѣсь остаться, чѣмъ туда идти: здѣсь, по крайней мѣрѣ, для бабъ работа есть, а въ заводѣ, подумай, какая можетъ быть бабамъ работа?

— А если Короваевъ женится на тебѣ?

— Что мнѣ на шею ему вѣшаться? Ужъ пожалуйста, не ворви мнѣ про него.

Такъ братъ и сестра и не стали говорить больше ни о Короваевѣ, ни о походѣ въ разные мѣста, но оба все-таки думали о М. заводѣ.

Стала Пелагея Прохоровна ворожить въ карты на трефового короля. Все выпадаютъ дороги, да печаль на сердцѣ, а письма нѣтъ...

Наконецъ прошелъ ледъ; вода на обѣихъ рѣкахъ прибывала по часамъ и заливала прибрежныя сельскія улицы такъ, что въ нихъ плавали на лодкахъ. Широко разлились рѣки, по цѣлымъ днямъ дулъ холодный вѣтеръ и бурлила вода. Погода стояла сы-

рая; вездѣ было грязно, мрачно; за то на набережныхъ происходила дѣятельная работа. Тамъ съ утра до вечера грузили въ коноводки соль, скрѣпляли бревна въ плоты, на плоты складывали дрова, причаливали другіе плоты съ дровами или съ камнемъ, преимущественно точильнымъ. Въ это время только одни богатые люди, сиди на балконахъ своихъ домовъ, любовались широкимъ разливомъ рѣкъ и дѣятельностію людей на пристаняхъ, рабочій же классъ старался какъ можно болѣе заработать денегъ, рѣдко останавливаясь, чтобы выправить свои члены изъ согнутаго положенія, часто бѣгая къ водѣ, чтобы напиться, и на ходу закусывая. За то вечеромъ многіе изъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, садились на набережныя и затягивали свои грустные пѣсни.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Пелагея Прохоровна сидѣла съ Лизаветой Елизаровной и ея матерью отдѣльно отъ другихъ рабочихъ. Всѣ три женщины, уперши руками головы, смотрѣли на волны, высоко поднимающіяся и съ шумомъ разбивающіяся объ набережныя. Онѣ уже вдосталь наговорились о томъ, какъ имъ лучше сдѣлать насчетъ житья. Ульяновы уговаривали теперь Пелагею Прохоровну остаться съ ними до осени, потому что лѣтомъ на промыслахъ больше работы, чѣмъ зимой, и Пелагея Прохоровна не знала, что ей дѣлать, потому что она получала заработка по тридцати коп. въ день. Но несмотря на этотъ заработокъ, у всѣхъ было тяжело на душѣ, всѣмъ чего-то хотѣлось, но чего—онѣ не могли себѣ объяснить. Имъ хорошо казалось сидѣть здѣсь, хотя вѣтеръ и дулъ прямо въ лицо. Недалеко отъ нихъ рабочіе, мужчины и женщины, голосовъ въ двѣсти поютъ-тянутъ промысловую пѣсню, словъ которой вдали почти невозможно понять. Сердце надрывается отъ этой пѣсни, хочется другой жизни; въ этомъ плескѣ волнъ какъ будто слышится отзывъ, что лучшая жизнь есть. Но гдѣ она?

„Нѣтъ ужъ, я пойду въ городъ“,—подумала Пелагея Прохоровна, и ей такъ сдѣлалось горько, что изъ глазъ закапали горячія слезы, но она постаралась поскорѣе вытереть ихъ.

— Пелагея! Гляди, што-то бабы и мужчины въ кучу собрались,—сказала ей Лизавета Елизаровна, тронувъ за плечо.

Никто не пѣлъ. Рабочіе столпились въ одну кучу и галдили. Пріятельницы подошли туда.

— Ишь ловокъ! Пѣсни наши, говоритъ, вравятся... Спой ты ему веселую?!—галдили рабочіе.

— Небось даромъ хочеть?—кричали женщины.

Скоро мужчины и женщины разошлись, разсуждая о томъ, какъ управляющій Егорьевскими промыслами подошелъ къ рабочимъ и сталъ просить ихъ спѣть веселую пѣсню и тѣмъ нарушилъ ихній покой, потому что они пѣли отъ души. А пѣть на заказъ никому не хотѣлось даромъ, да и что за пѣнье на заказъ, когда на душѣ не весело!

Дома Ульяновы застали Панфила Прохорыча съ какимъ-то пожилымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ за столомъ въ ситцевой рубахѣ и молча курившимъ изъ трубки махорку.

Гость поклонился вошедшимъ и сказалъ:

— Елизаръ Матвѣичъ приказалъ кланяться.

Начались разспрашиванья.

Оказалось, что мужчина пришелъ сюда нарочно изъ Удойкинскихъ пріисковъ, на которыхъ работали Ульяновъ и Горюновъ. Ульяновы очень обрадовались ему. Обрадовалась и Пелагея Прохорова.

— А дядю нашего выдаешь?—спросила она.

— Какъ не видать. Въмѣстѣ робили, только онъ нонѣ все больше особо отъ Ульянова.

— Хорошо ли тамъ?—спрашивали гостя.

— Ничего, жить можно. Только глушь! Съ одной стороны кержаки, съ другой—лѣсъ да горы, да звѣри... Всякъ себѣ хозяинъ, потому хоть и есть начальство, только мы на него и вниманія не обращаемъ.

— Такъ ты неужели нарочно пришелъ?—спросила Степанида Власовна, совсѣмъ растерявшись и утирая глаза. Она уже успѣла поблагодарить Бога, что мужъ ея здоровъ и ему тамъ можно жить.

— Далъ слово, такъ надо исполнить. И такъ крюкъ, почитай, двѣсти верстъ далъ.

Хозяйка не знала, съ чего и начать распрашивать гостя, да и ее предупреждали остальные, которые то и дѣло спрашивали его то объ Ульяновѣ, то о Горюновѣ. Гость отвѣчалъ отрывочно. Изъ словъ его хозяева узнали, что на пріискахъ хорошо и Ульянову, и Горюнову, потому что они служатъ казаками, но Горюнову лучше, такъ какъ онъ кержакъ и друженъ больше съ кержаками (то есть раскольниками).

— А што, хозяйка, угости-ка меня водочкой, да нѣтъ ли у те жаренова мочалка?

Степанида Власовна начала плакаться на свою жизнь и рассказывать о томъ, какъ, по милости Машки Оглоблиной, у нея отняли домъ, но не спросила его: не видать ли Оглоблиной на пріискахъ.

— Неужели у васъ ни у кого нѣту денегъ? А я вамъ грамотку привезъ отъ Ульянова.

Степанида Власовна вскрикнула отъ радости.

Гость не торопясь вытащилъ изъ-за голенища что-то завернутое въ тряпицу, не торопясь развязалъ тряпицу, развернулъ засаленную бумагу и подалъ хозяйкѣ.

Дрожащими руками взяла Степанида Власовна письмо, перекрестилась и стала вертѣть его въ рукахъ.

— Што, небось рада! Небось еще не такъ обрадуешься, какъ деньги получишь!

— Што ты... Деньги?

— Да. Ульяновъ велѣлъ дать тебѣ пять цалковыхъ и росписку ему представить. Умѣеть ли кто грамотѣ-то?

— Да мы по церковному, — сказала Пелагея Прохоровна и Панфиль Прохорычъ.

— Ну, а я только цифры и умѣю писать. Подемте къ грамотѣямъ-

Немного погодя всѣ вышли во дворъ, сѣли въ лодку и подплыли къ одной харчевнѣ, въ которой хозяинъ, по отсутствію гостей, уже ложился спать.

Черезъ четверть часа, хозяинъ, надѣвши огромные очки въ мѣдной оправѣ, прочиталъ слѣдующее:

„Дражайшей моей супругѣ и сожительницѣ, Степанидѣ Власовнѣ свидѣтельствую мое низжайшее почтеніе, съ пожеланіемъ добраго здравія и въ дѣлахъ хорошаго успѣха. Наипаче же здравія тѣлеснаго и душевнаго. Дочери моей Лизаветѣ Елизаровнѣ посылаю мое родительское благословеніе на вѣки нерушимое, каковое посылаю Степану, Никитѣ и Маріи и всѣмъ по поклону. Съ сей вѣрной оказіей посылаю вамъ денегъ пять рублей. Прошу ихъ беречь и на меня не рассчитывать, потому мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, а наипаче на пріскахъ того и бойся, чтобы черемисъ, али татаринъ, али какой бѣглый каторжникъ не укукошилъ тебя. Низжайшее мое почтеніе и поклонъ Пелагеѣ Прохоровнѣ и братцу ея родному Григорію Прохоровичу. При сей вѣрной оказіи Терентія Иваныча здѣсь нѣтъ, а хотѣлъ написать. Живите хорошенько. Больше всего уповайте на Бога. О себѣ скажу, што мы съ Терентіемъ Иванычемъ ссоримся рѣдко и довѣренный намъ благоволитъ. Хорошо бы Степку имѣть при себѣ, да далеко. Отъ сего письма остаюсь живъ и здоровъ.

„Ульяновъ.“

Слушая это письмо, Степанида Власовна плакала, прочіе смотрѣли на лицо читающаго. Когда хозяинъ кончилъ чтеніе и свернулъ бумагу, Степанида Власовна попросила его повторить, но хозяинъ отказался отъ повторенія, потому что его интересовала прісковая жизнь, и онъ, наливъ принесшему письмо стаканъ водки, сталъ его спрашивать о пріскахъ.

Степанида Власовна взяла у хозяина полштофъ водки и кусокъ семги домой. Она хотѣла угостить дома, да и самой ей хотѣлось выпить, въ харчевнѣ же никто не хотѣлъ оставаться, потому что отъ нея до квартиры нужно было плыть въ лодкѣ, которую между тѣмъ могли украсть.

За водкой гость разговорился съ хозяйкой и, между прочимъ, высказалъ, какъ ближе идти на пріискъ, потому что Степанида Власовна, узнавая, что на пріскахъ очень мало бабъ, изъ-

явила желаніе идти на прискъ, и это желаніе гость одобрилъ. Панфилъ Прохорычъ сидѣлъ недалеко отъ нихъ молча; его весьма занимали слова гостя, который рисовалъ присковую жизнь съ хорошей стороны, и ему захотѣлось, во что бы то ни стало, идти туда скорѣе.

Гость вынулъ изъ-за пазухи рубашки бумажникъ, завернутый въ тряпку, и вынулъ изъ него пачку ассигнацій.

Степанида Власовна ахнула, увидя столько денегъ.

— Это, тетка, не мои деньги: тутъ хозяевъ много. Видишь ли, я сбывалъ крупку и получалъ деньги. Только вы смотрите—молчокъ! Потому тутъ и ваши главы имѣютъ часть.

Панфила Прохорыча трясло при видѣ такой кучи денегъ.

Гость вынулъ пятирублевую бумажку и подалъ ее хозяйкѣ.

— Дай мнѣ бумажку!—сказалъ дико Панфилъ Прохорычъ.

— Да стоишь ли ты еще бумажки-то?—проговорилъ смѣясь гость.

— Право, дай. Дядя заплатитъ.

— Да тебѣ на што?

— Я на приски пойду.

— А медвѣдей не боишься?

— Чего бояться? Видалъ.

Но гость не далъ денегъ Панфилу, а завязалъ ихъ крѣпко и спряталъ опять на груди, подъ рубашкой.

Всю ночь Панфилъ не могъ уснуть. Ему хотѣлось украсть у гостя бумажникъ, но гость хотя и крѣпко спалъ, а при каждомъ прикосновеніи руки Панфила переворачивался на другой бокъ и сжималъ на груди которую нибудь руку.

Рано утромъ гость распрощался съ хозяевами.

— Дядя! Возьми меня,—упрашивалъ гостя Панфилъ.

— Воровать не умѣешь. Ты думаешь, што я не чувствовалъ, какъ ты ночью около меня шарился. Ну, да што объ этомъ говорить.

И гость ушелъ.

Хозяйка очень радовалась неожиданной получкѣ денегъ, а когда она явилась на промыслѣ, тамъ уже всѣ знали о полученіи ею денегъ и приставали съ разспросами о мужѣ.

Панфилъ не пошелъ на промысла. Онъ цѣлый день ходилъ по рынку и въ харчевни, надѣясь найти присковаго рабочаго и уговорить того взять его съ собой. Къ вечеру онъ увидалъ его выходящимъ изъ одного полукаменнаго дома.

— Дядя! Возьми.

— Куда я тебя возьму?

— Я тебя поблагодарю послѣ.

— Што мнѣ твоя благодарность! Взять я тебя не могу съ собой, а коли хошь, дорогу могу указать. Согласенъ?

— Я и одинъ пойду.

— Ну, ладно, коли у те есть такая охота. Пойдемъ.

Рабочій зашелъ въ питейный, разсказалъ Павфилу, какъ идти до такого-то города, изъ этого города до такого-то села, а въ селѣ всякій знаетъ дорогу на Удойкинскій пріискъ, потому что рабочіе закупаютъ въ немъ провизію.

— Есть ли у тебя деньги-то?

— Немного.

— Ну, я тебѣ дамъ, пожалуй, пять рублей подъ росписку.

Горюновъ поблагодарилъ.

Содержатель кабака написалъ росписку за Горюнова и подписался за него.

Рабочій угостилъ водкой хозяина и Горюнова, разговаривая о чемъ-то шепотомъ съ хозяиномъ.

Выпивши водки и посидѣвши съ четверть часа съ рабочимъ, Горюновъ болталъ безъ умолку, ругалъ здѣшнюю жизнь, благодарилъ рабочаго за то, что онъ указалъ ему дорогу на золотые, лѣзъ цаловаться съ нимъ и хотѣлъ угостить его, но тотъ поставилъ ему еще косушку, вышелъ не надолго на улицу и потомъ уже не являлся.

Горюновъ раскутился. Къ вечеру стали появляться рабочіе, онъ хотѣлъ угостить ихъ водкой, но хозяинъ давалъ пятирублевой его бумажкѣ цѣну только рубль, доказывая, что эта бумажка фальшивая. Горюнова вытолкали изъ кабака—до того онъ сдѣлался назойливъ.

Утромъ онъ объявилъ сестрѣ, что идетъ къ дядѣ; сестра посмѣялась надъ нимъ, думая что онъ шутить. Горюновъ обругалъ сестру и пошелъ покупать сапоги. Купивши сапоги, онъ пошелъ купить платокъ сестрѣ; но въ лавку вошелъ хозяинъ коженнаго товара и крикнулъ на него:

— Ты гдѣ это научился фальшивыя бумажки стряпать?

Горюновъ поблѣднѣлъ, но не обернулся.

— Тебѣ говорятъ?

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ хозяинъ лавки.

— Да вотъ я ему продалъ сапоги за два рубля. Онъ и даетъ пятирублевую. Я со слѣпа-то не разглядѣлъ, передалъ племянницѣ, та и дала ему сдачи, а какъ ушелъ онъ, я и сталъ разглядывать, и сравнилъ съ своей бумажкой. Смотри! И онъ показалъ бумажку лавочнику.

— Се!.. Фальшивая и есть!—проговорилъ лавочникъ.

— Самъ накопилъ фальшивыхъ,—началъ было Панфилъ, но его ударилъ въ спину хозяинъ лавки, такъ что онъ выскочилъ на улицу и пустился бѣжать.

— Держите! Ловите!—кричали оба лавочника.

Горюнова остановили; около него собралась куча народа. Продавшій сапоги разсказалъ, въ чемъ дѣло, съ прикрасами.

— Не давалъ я ему фальшивой бумажки.

— Ахъ ты песь!.. А сапоговъ ты тоже не покупалъ?

— Я на другіе...

— А откуда ты взялъ такую бумажку?

Толпа между тѣмъ росла.

— Э! Да это тотъ и есть, што вчера у Евстигнѣева Бориса въ кабакъ былъ! Онъ и есть. Ведите его въ полицію! За это я отвѣчаю! Я у него вчера видѣлъ фальшивую пятирублевку. Горюнова стали бить и отправили въ полицію.

Горюновъ рѣшительно ничего не понималъ, попавши въ полицію. Ругательства, остроты сыпались на него со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ никакъ не могъ обдумать, что ему сказать, зная, что онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Стали его допрашивать; явилось много свидѣтелей, которые показывали на него различно. На первыхъ порахъ, Горюновъ хотѣлъ отдѣлаться одними словами: „ничего не знаю. Сапоговъ не покупалъ.“ Словомъ, Горюновъ одурѣлъ совсѣмъ, ему не давали одуматься, и только подъ розгами заставляли его сказать, что бумажку онъ получилъ отъ рабочаго съ Удойкинскихъ пріисковъ при сдѣльцѣ. Этимъ признаніемъ и закончили первые допросы и не тревожили его больше двухъ недѣль. Хотя онъ и былъ посаженъ въ секретную, но въ этой комнатѣ вмѣстѣ съ нимъ заключалось нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которыхъ некуда ужъ было посадить. Большинство его товарищей состояло изъ мелкихъ воровъ, представленныхъ сюда сельскими состоятельными людьми, изъ бродягъ и лицъ непомнящихъ родства, — такихъ людей, которымъ или нечего было ѣсть, или которые искали себѣ различными способами лучшей, свободной жизни. Онъ съ перваго же дня не могъ ни въ чемъ сойтись съ ними, не могъ отличить изъ нихъ ни одного человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить; но насмѣшки ихъ надъ нимъ, издѣванья надъ его простотою, заставляли его огрызаться съ ними, ругаться и даже драться. Короче сказать, ни Горюновъ не понималъ своихъ товарищей, ни они не понимали Горюнова.

Скука была невыносимая Панфилу среди этихъ товарищей. Онъ проклиналъ свою жизнь, а равно дядю за то, что тотъ уговорилъ его придти сюда, плакалъ; но все-таки, не считая себя виноватымъ, думалъ, что не долго проживетъ въ этомъ адѣ, и всячески старался избѣгать товарищества, лежа то подъ лавкой, то сидя въ углу съ закрытымъ ладонями лицомъ. Много ему привелось увидеть тутъ различныхъ сценъ, много такого, чего онъ не видалъ до сихъ поръ, но ему некуда было дѣваться, да и его часто сталкивали съ мѣста, и онъ очень обрадовался, когда его вывели на свѣжій воздухъ.

— Панфилушко! Што ты надѣлалъ? — спрашивала сестра, увидавшая его выходящимъ подъ стражею изъ полиціи.

— Ничего не знаю, — отвѣчалъ братъ.

— Правда ли, говорятъ, что ты убилъ того рабочаго, который былъ у насъ?

— Врутъ.

Тѣмъ и кончилось свиданіе и разговоры брата съ сестрой, потому что Горюнова торопили къ слѣдователю. Черезъ двѣ недѣли ему, однако, удалось ночью убѣжать изъ полиціи. Зашелъ онъ къ сестрѣ, но Пелагея Прохоровна, какъ сказала Лизавета Елизаровна, уже ушла въ городъ. Панфилъ вышелъ изъ воротъ бывшаго ульяновскаго дома и задумался: куда ему идти теперь? Ни въ селѣ, ни на промыслахъ ему нельзя показаться,—тамъ его схватятъ. Оставалось одно: наняться на плоты, и онъ пошелъ туда; но плоты хотѣли пустить черезъ день, а днемъ его увидалъ одинъ промысловый рабочій и его свели обратно въ полицію. Началось новое слѣдствіе о побѣгѣ Панфила, и продолжалось съ мѣсяцъ, въ теченіе котораго онъ уже сталъ привыкать къ этой жизни. По окончаніи слѣдствія, его повели съ другими арестантами въ городъ, но дорогой онъ захворалъ, и только черезъ полтора мѣсяца, пришедши въ чувство, узналъ, что находится въ тюремномъ лазаретѣ.

Жизнь въ лазаретѣ ему казалась лучше полицейской, потому что онъ лежалъ на отдѣльной койкѣ, могъ ходить по комнатѣ, сидѣть не мѣшая другимъ насмѣхаться надъ солдатами, караулившими у дверей больныхъ арестантовъ. Въ известное время ему приносили пищу и лекарства. Сперва его пугали трудно больные, скоро умирающіе арестанты, за которыми уже не было никакого надзора и которыхъ нпчѣмъ не лечили, пугали операціи, докторъ, производившій эти операціи; но потомъ онъ привыкъ и скоро отличилъ фельдшера отъ лекаря, находя, что въ фельдшерѣ больше силы, чѣмъ въ лекарѣ, потому что фельдшеръ можетъ выпisać больнаго въ тюрьму, куда идти никому не хотѣлось. Въ палатѣ были всякіе больные; судимые и судящіеся за разныя преступленія, которые часто смѣнялись новыми, такъ что Горюновъ ежедневно боялся, чтобы и его не выписали. Но въ палатѣ были такіе больные, которые лежали въ ней по цѣлымъ годамъ. Одни изъ нихъ, дѣйствительно были больны, другіе выписывались въ тюрьму только дня на три, и являлись въ палату со свѣжими новостями. Эти люди находились съ фельдшерами въ дружественныхъ отношеніяхъ. А такъ какъ они почти жили постоянно въ палатѣ, то считали себя чѣмъ-то въ родѣ дядекъ, безъ умолку говорили, насмѣхались надъ различными болями, которыя имъ привелось испытать. Ихъ любили больные за шутки и заискивали ихъ расположенія на томъ основаніи, что они иногда держали передъ докторомъ чернильницу. Вотъ къ этимъ-то людямъ и старался поддѣлаться Горюновъ. Несмотря на то, что они казались ему смѣшны-

ми и черезчуръ хвастливыми, онъ старался угодить которому нибудь изъ стариковъ тѣмъ, что подавалъ кружку съ водой. Онъ думалъ, что эти больные, большею частію состоятельные раскольники, обвиняемые въ дѣланіи фальшивыхъ серебряныхъ вещей, жившіе доселѣ въ свитахъ и отпировавшіе обряды по своему тайно отъ начальства, и что они могутъ много хорошаго сдѣлать для него. Однако, какъ онъ ни ухаживалъ за ними, сколько ни просилъ ихъ о себѣ, они, какъ онъ замѣчалъ, заботились болѣе всего о себѣ, вели себя заносчиво, а къ нему относились какъ къ ничтожному псу. Это, наконецъ, стало злить Панфила. И какова же была его радость, когда начальникъ лазарета велѣлъ двухъ изъ нихъ непременно выписать изъ лазарета и больше не принимать, такъ какъ онъ замѣтилъ ихъ уже давно здоровыми. И какъ же злы были эти люди на все и на всѣхъ, надѣвая арестантскія одежды и подставляя ноги для того, чтобы на нихъ надѣли кандалы!.. Но послѣ нихъ вскорѣ всѣ стали чувствовать какую-то пустоту, чего-то какъ будто недоставало. И все это произошло отъ того, что какъ бы надменны ни были старики-лазаретники, при нихъ было какъ-то весело: они умѣли рассказывать разные анекдоты, развлекали больныхъ смѣшными сценами, остротами и т. п. Скучно сдѣлалось и Панфилу: больныхъ много; больные разговаривать не любятъ, выздоравливающіе разговариваютъ или играютъ въ карты, Богъ вѣсть какимъ образомъ упавшія въ лазаретъ; подойдетъ онъ къ нимъ, они его называютъ щенкомъ и гонятъ прочь. Хорошо еще, что сестра, жившая въ это время ужъ въ городѣ, навѣщала его по воскреснымъ днямъ. Она приносила ему сдобныя кушанья, тайкомъ увесенныя отъ барыни, у которой она жила, рассказывала о своихъ господахъ или о томъ, что она уже теперь живетъ на другомъ мѣстѣ, и хотя всѣ эти рассказы и городскія новости сообщались въ теченіе четверти часа, а потомъ въ продолженіе получаса братъ и сестра молчали, все-таки Панфилъ былъ въ тысячу разъ веселѣе при сестрѣ, чѣмъ безъ нея. Но вотъ не пришла сестра въ праздникъ, не пришла и въ воскресенье. Справился онъ объ этомъ, сказали: больно она ужъ смазливая; начальство не приказываетъ пущать. Какъ ни обидно было слышать это брату, но дѣлать было нечего, — сестра ужъ больше не показывалась въ лазаретѣ.

На третій день послѣ этого событія, къ Панфилу подошелъ пожилой больной. Съ этимъ больнымъ Горюновъ никогда не вступалъ въ разговоры, потому что онъ и самъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Это былъ высокій, худощавый мужчина, съ рыжими курчавыми волосами. Глаза его постоянно принимали серьезный видъ, лицо съ небритыми волосами — постоянно, когда онъ сидѣлъ задумчиво, передергивалось множествомъ складокъ. Къ этому надо еще прибавить то, что онъ свои желтыя щеки постоянно утиралъ грязнымъ платкомъ, что даже

удивляло докторовъ, которые не находили не только на его лицѣ, но и на всемъ тѣлѣ пота. Онъ говорилъ басомъ, глухо.

— Ты за что сидишь?—спросилъ онъ Горюнова.

Горюновъ молчалъ. Отъ этого вопроса его покорило. Въ самомъ дѣлѣ, за что онъ сидитъ? Горюновъ сознавалъ, что онъ взятъ за фальшивую бумажку и за побѣгъ изъ полиціи, но кому какое дѣло до этого?

Этотъ больной разозлилъ его, и онъ закрылъ глаза.

— Што закрываешь глаза-то! Не съѣмъ, — проговорилъ задумчивый больной. Въ палатѣ сдѣлалось тихо.

— Фальшивыя бумажки дѣлаешь, — сказалъ кто-то.

— Эдакой мальчишка! Ха-ха!

— Съ измалѣтства въ механику пустился! — слышалось съ разныхъ коекъ въ перемежку съ хохотомъ.

Серьезный больной присѣлъ на кровать Горюнова. Тотъ не противился этому.

— Нѣтъ, однако?.. Ты вѣдь Горюновъ?.. Про Горюновыхъ я слышалъ, — говорилъ неотвязчивый больной.

Панфилъ со страхомъ глядѣлъ на него: такой у него былъ суровый видъ въ это время.

— Ты кто?—спросилъ неловко Панфилъ неотвязчиваго чело-вѣка.

— Слыхалъ про Никитинскаго письмоводителя Гусева?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ это я... А за што я сижу, про это я знаю. И имъ не удастся меня словить! Не запугаютъ... Нѣ-ѣтъ!.. Трехъ управляющихъ первыхъ плутовъ проведь... Нѣтъ!! И лицо Гусева сдѣлалось очень страшно, на щекахъ выступили багровыя пятна.

— Хочешь, я научу тебя писать?—спросилъ вдругъ Гусевъ Панфила.

Но Панфилъ не отвѣчалъ. Гусевъ что-то пробурлилъ и ушелъ отъ него недовольный. Больные стали издѣваться надъ нимъ.

Съ часъ послѣ этого пролежалъ Горюновъ, сердясь сначала на Гусева за то, что онъ, можетъ быть, съ худымъ намѣреніемъ выпрашивалъ про его дѣло, но потомъ, какъ обыкновенно бываетъ съ молодыми людьми, покинутыми и презираемыми даже тѣми, преступленія коихъ, можетъ быть, тяжелѣе его, онъ сталъ сожалѣть, что такъ грубо оттолкнулъ чело-вѣка, который его, неопытнаго въ дѣлахъ, можетъ быть, хотѣлъ научить. Ему теперь самому хотѣлось поговорить съ Гусевымъ, но какъ заговорить съ нимъ послѣ такого грубаго обращенія? Что скажутъ больные? „Снюхался!“ скажутъ, и ставятъ насильно выпроваживать его изъ лазарета.

Весь этотъ вечеръ Панфилъ провелъ мучительно, думая, какъ бы ему поговорить съ Гусевымъ. Да и что это за чело-вѣкъ

такой? Кромѣ того, что говорили объ немъ больные, онъ ничего объ немъ не зналъ. Да и больные говорили объ немъ разное, потому что онъ уже давно находится въ больницѣ. А коли давно, значить онъ боится попасть въ острогъ, откуда, какъ говорятъ больные, одна дорога: или въ каторгу, или на поселеніе. Одни изъ арестантовъ говорили, что это 'бывшій писецъ никитинской заводской конторы, и что онъ находился въ бѣгахъ изъ острога нѣсколько лѣтъ, жилъ по фальшивому паспорту и самъ дѣлалъ фальшивые паспорта. Другіе говорили, что онъ обокралъ заводскую контору и составилъ фальшивую росписку подъ руку прикащика и т. п. Однимъ словомъ, общее мнѣніе больныхъ состояло въ томъ, что Гусевъ хорошій мастеръ дѣлать фальшивые билеты.

Между тѣмъ, дѣло Гусева было очень простое и вмѣстѣ съ тѣмъ нешуточное. Онъ считался при главной заводской конторѣ писцомъ. По знанію заводскаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, онъ давно бы могъ получить должность столоначальника, но никакъ не могъ угодить начальству, которое на должности столоначальниковъ опредѣляло или за большія деньги или свою родню. У Гусева было большое семейство; извлекать доходы онъ ни изъ чего не имѣлъ возможности, потому что сидѣлъ въ такомъ столѣ, гдѣ никакимъ образомъ не могъ получать ихъ. Вотъ онъ и выдумалъ давать рабочимъ паспорта. Бланки и печать достать ему было плевое дѣло, оставалось только сдѣлать подпись; и это не трудно-тѣмъ болѣе, что на подписи мало обращаютъ вниманія. Онъ занялся этимъ ремесломъ, и даже возбудилъ со стороны товарищей удивленіе тѣмъ, что скоро обшилъ свой домъ тесомъ, завелъ лошадь и приобрѣлъ еще одну десятину покоса. Это, конечно, дошло и до начальства, которое стало допытываться до настоящей причины. И вдругъ получается въ главной конторѣ бумага отъ заводскаго исправника; при бумагѣ приложенъ билетъ отыскиваемаго уже полгода рабочаго. Исправникъ просить донести ему, давала ли контора билетъ рабочему, и если давала, то почему она доносила ему раньше, что этотъ рабочій находится въ бѣгахъ? Въ конторѣ забѣгали, стали справляться, сличать почерки рукъ и рѣшили, что это дѣло Гусева, но по случаю именинъ управляющаго его такъ и замаяли. Гусевъ съ этихъ поръ сталъ еще осторожнѣе, но товарищи то и дѣло корили его тѣмъ, что онъ постоянно выдаетъ фальшивые билеты и этимъ самымъ наживаетъ много денегъ. Гусеву не давали покоя, Гусева старались согнуть въ бараній рогъ; онъ все сносилъ терпѣливо, но, наконецъ, докончили такъ его. Гусевъ часто ходилъ на почту за полученіемъ писемъ и посылокъ на имя конторы и управляющаго; денежныя же письма всегда получалъ казначей. Разъ какъ-то управляющій приходитъ въ контору и спрашиваетъ: а кто получалъ въ такое-то время изъ почтовой конторы на имя мое

посылку? Казначей справился и сказалъ, что посылку получалъ Гусевъ. Гусевъ струсилъ, сказавъ, что онъ не помнитъ, получалъ, или нѣтъ такую посылку. Справились въ почтовой конторѣ—посылку получилъ, по довѣренности управляющаго, Гусевъ. Но Гусевъ призналъ почеркъ руки и росписку въ книгѣ за казначейскій. А такъ какъ въ заводѣ всѣ писцы и должностные люди, учившіеся писать по одному почерку отъ одного учителя, за небольшими исключеніями, писали почти однимъ почеркомъ, то и заключили, что Гусевъ довѣренность на повѣсткѣ сдѣлалъ фальшивую и посылку укралъ. Его стали судить, не принимая никакихъ оправданій, тѣмъ болѣе, что какъ началось объ немъ дѣло, главная контора Никитинскаго завода представила заводскому исправнику два фальшивыхъ билета, выданныхъ Гусевымъ двумъ рабочимъ.

Во весь вечеръ Гусевъ не подходилъ къ Горюнову, да и онъ все лежалъ, переворачиваясь часто съ боку на бокъ. Горюновъ часто смотрѣлъ на него. Онъ нѣсколько разъ намѣревался подойти къ нему, но самолюбіе удерживало его и вечеромъ, и ночью, въ продолженіе которой въ арестантской палатѣ горѣла лампа. Утромъ, однако, онъ не могъ преодолѣть себя и, подъ предлогомъ напиться воды, подошелъ къ нему; Гусевъ лежалъ на спинѣ, заложивши обѣ руки подъ голову. Панфилъ робко взялъ кружку, открылъ—воды не было.

— Ты говоришь... Ты хочешь писать учить... началъ нерѣшительно Панфилъ.

Гусевъ молчитъ; смотритъ сердито на Панфила.

— А можно?

— Што можно? Научиться?—пробурлилъ Гусевъ.

— Ну? Научи.

— То-то... Зазнались ужъ вы больно... Предлагаютъ, такъ чванитесь.

— А для чего учиться-то?

— Дуракъ! Ты што показывалъ-то? Помнишь ли ты, что ты показывалъ на вопросахъ! Подписывалъ?

Горюновъ плохо понялъ его слова и стоялъ вытаращивши на него глаза.

— Вотъ то-то и есть. Въдъ ты не подписывалъ?

— Нѣтъ.

— Ну. А тамъ, можетъ, такіе крюки вписаны, што тебя, можетъ, въ убійствѣ обвиняютъ. Дуракъ!

Панфилъ Прохорычъ улыбнулся безсознательно.

— Чему смѣешься? Дѣло говорю. Што ты показывалъ, помнишь ли?

Горюновъ не зналъ, что сказать. Онъ дѣйствительно не помнилъ, что показывалъ. Ему только хорошо памятли были наказанія. Онъ все-таки не понималъ, къ чему это Гусевъ хо-

четь учить его писать, и какая отъ этого можетъ быть ему польза.

Весь этотъ день прошелъ въ совѣтахъ Гусева о томъ, какъ онъ, Панфилъ, можетъ много выиграть отъ обученія письму. Онъ на допросѣ можетъ сказать, что его даже и не спрашивали прежде, а только постоянно наказывали. А что онъ былъ наказываемъ, такъ доказательствомъ этому служить то, что онъ вскорѣ по прибытіи въ городъ попалъ въ лазаретъ. Показаній онъ никакихъ не подписывалъ. Нѣсколько больныхъ, слышавшихъ совѣты Гусева, одобряли это.

Но какъ учиться писать? Не только у Гусева, но и во всей палатѣ не было ни куска бумаги, ни карандаша. Такъ прошло мучительныхъ два дня, въ которые Гусевъ училъ Панфила писать его фамилію и имя углемъ на столѣ. Панфилъ почти весь уголи издержалъ изъ печки, черкая на столахъ и стѣнахъ, и на третій день удивилъ докторовъ тѣмъ, что подъ его подушкой найдено было нѣсколько углей, а столъ его весь исчерченъ. Когда Панфилъ объяснилъ, что онъ учится писать, то докторъ улыбнулся и сказалъ, что онъ или хитритъ, или сходить съ ума. Панфилъ сталъ просить у другаго доктора бумаги и карандашъ; докторъ сказалъ, чтобы онъ обратился за этими вещами къ начальству, и общался поговорить объ этомъ кому слѣдуетъ. О Панфилѣ, и въ особенности его занятіяхъ, заговорили все въ палатѣ, и нѣкоторые даже приставали къ фельдшерамъ, чтобы тѣ принесли бумаги; но они грубо отговаривались отъ этого тѣмъ, что докторъ еще не прописалъ для мальчишки такихъ вещей, а если не прописалъ, то и думать объ этомъ ему нечего, а нужно лежать покойнѣе до тѣхъ поръ, пока его не выпишутъ въ тюремный замокъ. Однако, къ вечеру одинъ изъ служителей досталъ гдѣ-то два листа сѣрой бумаги и карандашъ, что больнымъ стоило не дешево, такъ какъ они все гроши свои выложили для того, чтобы имъ выучиться писать. Когда была принесена бумага и карандашъ, охотниковъ учиться писать выискалось такъ много, что между ними чуть не произошла драка: подняли такой гвалтъ, что часовой, слѣдившій за больными сквозь окошечко изъ корридора, принужденъ былъ позвать начальство, а оно послало солдатъ. Къ счастью, это событіе кончилось ничѣмъ, потому что при входѣ въ палату солдатъ больные затихли и успѣли припрятать бумагу и карандашъ, а потомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и принялись учиться писать, но это занятіе скоро надоѣло имъ, и они, пославъ его къ чертямъ, скоро забыли о немъ и съ хладнокровіемъ смотрѣли на Панфила, выводящаго карандашемъ на бумагѣ разныя кривулины. Панфилъ усердно занимался новымъ для него дѣломъ. Правда, онъ еще въ заводѣ учился писать и читать, но занимался шути, отъ нечего дѣлать; потомъ, пробывши все лѣто на рудникѣ, а зиму на промыслахъ, онъ

забылъ почти все. Поэтому неудивительно, что въ одну недѣлю, исчертивъ два листа бумаги, онъ уже могъ разбирать печатное. И какова же была его досада, когда на другую же недѣлю ученія его выписали изъ лазарета!.. Онъ плакалъ, молилъ сельдшероу и служителей оставить его еще на недѣлку—ничто не помогло. Пришлось разстаться съ Гусевымъ, который училъ его говорить на допросѣ слѣдующее: фальшивый билетъ далъ ему рабочій съ припсковъ при хозяинѣ кабака Борисѣ Евстигнѣевѣ, который самъ и подписался на роспискѣ; объ этомъ рабочемъ знаютъ Ульяновы, которые получили отъ него тоже пять рублей. Изъ полиціи онъ не бѣгалъ, а ушелъ потому, что двери были не заперты, и на томъ основаніи, что его хотѣли выпустить изъ полиціи на свободу въ тотъ же день, но не выпустили потому, что у него не было денегъ, которыхъ просилъ за это квартальный, и что онъ никогда не подписывалъ никакихъ показаній, хотя и умѣлъ писать. На прощанье Гусевъ далъ ему бумагу, на которой было написано черное прошеніе.

Въ огромной каморѣ со сводами, находящейся во второмъ этажѣ, съ двумя небольшими окнами, выходящими наружу къ полямъ, съ крѣпкими рѣшетками, сдѣланы были нары, какъ у двухъ стѣнъ, направо и налево, такъ и посерединѣ каморы. Въ этой каморѣ помѣщался тридцать одинъ арестантъ, большинство которыхъ состояло изъ воровъ, бѣглыхъ и непомнящихъ родства; были тутъ и обвиняемые въ убійствахъ, но только двое, и попали они сюда потому, что въ другихъ каморахъ для нихъ уже не было мѣста. Всѣ они еще судились.

Утро. Въ каморѣ темно, сыро, душно. Хотя и полагались для арестантскихъ каморъ почники, но они исправно уносились въ шесть часовъ вечера, тотчасъ послѣ переклички. Въ окнахъ форточекъ не имѣлось, вѣроятно потому, что начальство считало роскошью для арестантовъ чистый воздухъ. Впрочемъ, нѣкоторые арестанты имѣли свои свѣчи, и хотя строго запрещалось куреніе табаку, не только въ каморахъ, но и на дворѣ, однако арестанты свободно курили, вѣроятно потому, что само начальство курило въ каморахъ.

Въ каморѣ тихо. Только изрѣдка кто нибудь пробурлитъ что-то; изрѣдка кто нибудь простонетъ или кашляетъ разъ, два, три, охрипло, за нимъ послѣдуетъ кашель фистулой, потомъ кашель сухой, свистящій, и вдругъ камора огласится смѣсью разныхъ кашлей, ворчаніемъ и плевами людей, бряцаніемъ цѣпей, и немного погодя все это смолкнетъ и опять или послышится кашель, или бряцанье цѣпей, или хралъ кого нибудь... За то въ корридорѣ, за дверью, не умолкаютъ шаги часоваго и изрѣдка слышатся какіе-то возгласы.

Лунный свѣтъ глянулъ сквозь оконныя стекла и тускло освѣтилъ камору: въ ней образовались двѣ широкія косыя полосы съ темными черточками. Эти полосы, ложась отъ оконъ до печи и двери, тускло освѣщали только одинъ уголъ каморы: онѣ освѣщали нѣсколько головъ и кандалы, на которыхъ только блестяли заклепки; остальное было все мрачно. Но и этотъ свѣтъ вдругъ исчезъ за густыми громадными тучами. Онъ никого какъ будто не разбудилъ.

Но вотъ слышится, кто-то какъ будто скребетъ и скребетъ, то скоро, то сильно, то тихо, и вдругъ перестанетъ. Вдругъ что-то какъ будто треснуло, посыпалось и опять настала грубая тишина.

Опять кто-то скребетъ.

— Какой тутъ дьяволъ?!—слышится чей-то голосъ въ углубленіи каморы, почти въ самомъ углу.

Въ каморѣ тихо. Немного погода слышится скрипъ наръ, звѣвки, царапанье кожи.

Панфилъ лежитъ подъ нарами. Онъ только третью сутки какъ прибылъ сюда изъ лазарета, и въ это время не успѣлъ еще обзавестись своей квартирой въ каморѣ. Положеніе его въ тюрьмѣ весьма безпокойно; во первыхъ, онъ не находилъ себя ни въ чемъ виновнымъ; во вторыхъ, ему было досадно, что онъ, убѣжавши изъ полиціи, не сѣлъ въ любую лодку и не уплылъ по теченію рѣки. Но куда бы онъ уплылъ? У него не было ни денегъ, ни хлѣба! Безъ паспорта его никто бы никуда не принялъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ жители не особенно жалуютъ бѣглыхъ, боясь, чтобы они ихъ не обокрали, и предпочитая получить за поимку бѣглаго платы отъ казны три рубля. „И за что такая напасть мнѣ? Ну, хоть бы я укралъ что!“ думалъ Панфилъ.

Общество тюремныхъ товарищей по каморѣ пугало его, потому что онъ почти ни въ одномъ человѣкѣ не встрѣтилъ сожалѣнія къ себѣ; всѣ они ругались по острожному, называли другъ друга ворами, корили другъ друга всѣмъ; у нихъ, казалось, не было уже ни стыда, ни совѣсти; они говорили такія вещи, отъ которыхъ морозъ по кожѣ Панфила подиралъ. Ложь, обманъ, нахальство, грубость царили во всей каморѣ, ни съ кѣмъ нельзя было посоветоваться, поговорить отъ души, потому что никто никому не только не сочувствовалъ, а ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда когонибудь изъ товарищей, сидящихъ рядомъ и хлѣбающихъ прокислыя щи изъ одного ушата, повѣдутъ на эшафотъ и будутъ наказывать плетью. Это была любимая тема для заключенныхъ, вѣроятно, потому, что каждый, думая, что и ему не миновать тяжелаго наказанія, приготовлялъ себя къ нему и тѣмъ самымъ утѣшалъ себя нѣсколько. Панфилъ считалъ это общество за адъ, ненавидѣлъ всѣхъ, и его языкъ не поворачивался говорить съ кѣмъ нибудь. Кромѣ

этого, онъ видѣлъ, какъ грубо обращались съ его товарищами даже солдаты, какъ эти заключенные всячески старались выслужиться передъ солдатами для того, чтобы выйти во дворъ, получить лишній кусокъ хлѣба... Панфилу, непривыкшему къ такому обществу и неиспорченному еще, до того казалось оно противнымъ, что онъ проклиналъ свою жизнь, грызя рукава своей грязной рубахи, пропитанной всякою гадостью. Ему хотѣлось даже разбить голову объ стѣну, хотѣлось повѣситься. Будь одинъ, онъ придумалъ бы что нибудь и лучше, но при теперешнемъ положеніи онъ лучше этого ничего не могъ выдумать, и только не приводилъ своихъ мыслей въ исполненіе потому, что повѣситься—не на что, бить свою голову объ стѣну — больно; попробовалъ онъ руками давить шею — боли не вынесъ...

А кандалы на ногахъ брячатъ; ноги словно разбухли, отяжелѣли... Даже въ каморѣ онъ не нашелъ себѣ порядочнаго мѣста: на нарахъ и такъ тѣсно, да и ими владѣютъ люди — иные уже годъ, а иные и больше. Можетъ быть, они и уступятъ ему мѣсто, но за деньги, а денегъ у него нѣтъ ни гроша. У него уже третій день какъ болитъ желудокъ и онъ никакъ не можетъ хлебать прокислыхъ щей; сухія корки ржаного солдатскаго хлѣба опротивѣли ему... Одно его немного утѣшало въ это время—это то, что вчера ему писарь переписалъ прошеніе и сегодня онъ надѣялся подать его стряпчему.

Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то надъ нимъ не то шепчетъ, не то сопить... И слышитъ онъ вдругъ слова: Богородица дѣво радуйся, благодатная Марія, Господь съ тобою... Милосердія двери... обрадованная дѣва Матерь Божія, раба своего защити и помилуй...

Стало тихо... Вдругъ кто-то зарыдалъ надъ нимъ... Рыдаетъ кто-то и долго, долго, тяжело рыдаетъ, точно вся внутренность его хочетъ перевернуться.

Слушалъ, слушалъ Панфилъ; грустно, тяжело ему сдѣлалось, сердце давило, горло точно кто обхватилъ ему... Выползъ онъ кое-какъ изъ-подъ варъ, всталъ на колѣни, заплакалъ, зарыдалъ... Ничего онъ не чувствуетъ, ничего не слышитъ; стоитъ онъ, понуривши голову, а слезы, жгучія слезы такъ и льются изъ глазъ.

— Господи! Господи Иисусе Христе!!—вопить Панфилъ, и ничего больше не можетъ произнести отъ неудержимыхъ слезъ. Сердце давитъ, голова отяжелѣла, глаза не могутъ глядѣть въ темноту.

— Кто это сопить?—крикнулъ кто-то вблизи Панфила.

Панфилъ вздрогнулъ, и рыданія его еще больше усилились. Онъ положилъ голову на полъ и плакалъ пуще прежняго.

— Нпкакъ мальченко плачетъ.

— Не трожь! Молитву творить.

— Господи, спаси и помилуй.

— Мальченко! А мальченко! Што воешь-то? Али поможешь горю?

— Вотъ ты, собака, николды крестомъ образины не перекрестишь.

— Самъ хорошъ, сволочь!—говорили съ разныхъ сторонъ арестанты.

— И какъ вамъ, братцы, не стыдно! Али у васъ совѣсти ни на грошъ нѣту-ка? И изъ-за чего вы это крикъ-то подняли, безстыжіе люди, прости Господи,—говорилъ кто-то далеко отъ Панфила.

— Молчи!

— Гдѣ у васъ, у мерзавцевъ, Богъ-то? Еретики вы проклятые!

Въ каморѣ настала тишина. Въ это время Панфилъ уже не плакалъ, а усердно молился, прося Бога и Богородицу избавить его отъ великой напасти. Ему было теперь легче.

Раздался продолжительный звонокъ по корридору. Арестанты уже разговаривали. Разговоры вертѣлись около осторожной жизни и воспоминаній прошлаго, и все это приправлялось хохотомъ, остротами, руганью со всѣхъ сторонъ, такъ-что говорили почти всѣ разомъ. Теперь уже Панфилу молитва не шла на умъ. Онъ стоялъ около наръ. Ему хотѣлось заговорить съ тѣмъ, который молился, но тотъ лежалъ неподвижно.

— Дядюшка!—сказалъ онъ, дернувъ что-то попавшееся ему въ руку.

— Ахъ ты собака! Што ты теребишь, аспидъ!

— Пусти посидѣть.

— Есть васъ всякихъ, Пошелъ!!

Панфилъ удивился: этотъ человѣкъ молился недавно, и вдругъ теперь даже слова не хочетъ сказать, какъ слѣдуетъ.

Осердился Панфилъ и крикнулъ:

— Съѣлъ я у те мѣсто-то! Чортъ!

— Што чертыхаешься-то, щенокъ! Давно ли молился-то?

— А ты-то. Кто давѣ быкомъ-то ревелъ?

Арестантъ замолчалъ и подвинулъ ноги. Панфилъ сѣлъ. Разговоры арестантовъ нисколько не интересовали его; онъ понималъ, что они все врутъ, бахвалятся. Ему хотѣлось бы приказать имъ, чтобы не кричали такъ... Ему потомъ завидно стало, что они такъ рѣчисты, скоро находятъ остроты, и онъ думалъ: „куды нашимъ мастеровымъ противъ нихъ! Сто словъ на одно слово скажутъ, закидаютъ словами. И бабы наши въ подметку имъ не годятся, нужды нѣтъ, что рѣчисты и куды какъ горласты...“ Наконецъ ему надобло слушать, голодъ мучить, хочется пить.

— Ахъ убъчи бы!—шепчетъ онъ и сжимаетъ кулаки.

— Чево!—спрашиваетъ его арестантъ, лежащій около него на нарѣ.

— Убъчь!

— Хо-хо! Молодъ, братъ.

— А ты бѣгалъ?

— Извѣстно... Дѣло привычное. На шафотъ пробовалъ, опять буду пробовать и опять утеку въ лѣса.

— Ты изъ лѣсу?

— Ну да.

На этомъ разговоръ и покончился.

Загремѣлъ замокъ. Отворили дверь. Паръ хлынулъ въ камору и скоро наполнилъ ее до того, что огонь на свѣчкѣ мелькалъ тускло.

— На ноги!—крикнулъ унтеръ-офицеръ.

Арестанты заговорили. Послышались шлепки; унтеръ билъ по щекамъ арестантовъ обѣими ладонями.

— Руки отобьетъ!—кричатъ арестанты и хохочутъ.

— Равняйся!!—кричитъ унтеръ.

Арестанты ругаются, половина изъ нихъ равняется, то есть подходитъ на середину каморы и становится передъ унтеромъ.

— А вы? а вы? я васъ! Розокъ!—кричитъ унтеръ на остальныхъ.

Два человѣка нейдутъ съ мѣстъ. Унтеръ записываетъ ихъ и начинаетъ переключку. Всѣ.

За унтеромъ запирается дверь; опять гремитъ замокъ. Арестанты ругаются.

— Уступи ты мнѣ мѣстечко,—проситъ Панфилъ того арестанта, который утромъ молился.

— Што дашь?

— Да што дагъ-то?

— Ну, и убирайся.

Идетъ Панфилъ къ другимъ, его гонять прочь. Некуда ему приюгиться... Свѣтаетъ.

Опять гремитъ замокъ. Входятъ двое солдатъ съ ружьями, унтеръ и еще двое солдатъ безъ ружей, палачъ въ красной ситцевой рубашкѣ и плисовыхъ шароварахъ и смотритель. Арестанты встаютъ на ноги.

— Которые?!—кричитъ унтеру смотритель.

Унтеръ вызываетъ двухъ арестантовъ.

— Раздѣть!

— Ваше благородіе... Я... ноги отекли.

— Ра-а-з-дѣть!! Я вамъ покажу! Эй ты, мальчишко! мальчишко?!—крикнулъ вдругъ смотритель на Панфила, который, сидя на нарахъ, смотрѣлъ съ разинутымъ ртомъ на смотрителя, котораго онъ видѣлъ еще въ первый разъ, такъ какъ онъ являлся въ каморы только въ экстренныхъ случаяхъ.

Всѣ оглянулись на Панфила.

— Взять!—кричитъ смотритель.

Одинъ изъ солдатъ подошелъ къ Панфилу и потащилъ его къ смотрителю; Панфилъ сталъ барахтаться.

— Въ секретную!—кричалъ смотритель.— Ты што? шельма! разбойникъ!—кричалъ смотритель.

— Розогъ!—крикнулъ вдругъ неистово смотритель.

Явилось четыре солдата съ охапками розогъ. Началась секучія. Наказывали двоихъ арестантовъ и Панфила. Смотритель былъ недоволенъ тѣмъ, что ихъ наказывали концами розогъ, онъ то и дѣло кричалъ:

— Комлемъ! Крѣпче! Я вамъ!

Кое-какъ Панфилъ всталъ съ полу. Онъ не понималъ, за что его наказали.

Арестанты хохочуть.

— Молодецъ, мальченко... стерпѣлъ! Вынесетъ и плети...

Панфилъ заплакалъ; надъ нимъ еще пуще стали смѣяться. Въ каморѣ дѣлается свѣтлѣе. Яснѣе и яснѣе обрисовываются лица арестантовъ, блѣдныя, исхудалыя, съ различными выраженіями, съ бритыми затылками, съ черными отъ грязи холщевыми рубахами. Большинство арестантовъ копошилось на нарахъ, меньшинство или ходило, или сидѣло въ различныхъ позахъ.

Опять отворили дверь. Вошли два часовыхъ, унтеръ и писарь.

— Безукладниковъ! Соловьевъ! Кузьминъ! Возьми!—кричалъ писарь, обращаясь при послѣднемъ словѣ къ солдатамъ.

— Одѣвайся! На работу!—кричалъ унтеръ, и потомъ, обратясь къ писарю, сказалъ:—трехъ мало съ этой каморы. Вонъ этого мальчишку еще надо.

— Мальчишко? чей?

— Горюновъ,—сказалъ негромко Панфилъ.

— Пошелъ на работу!

Панфилъ чувствовалъ сильную боль, но не протестовалъ противъ такого распоряженія, потому что ему очень хотѣлось выйти на свѣжій воздухъ, увидеть людей. И онъ скоро вышелъ на дворъ въ сѣромъ арестантскомъ полушубкѣ, покрывавшемъ его ноги ниже колѣнъ, съ чернымъ клеймомъ на спинѣ, въ круглой сѣрой арестантской шапкѣ, тоже съ клеймомъ на верхушкѣ, и въ худенькихъ сапогахъ, тѣхъ самыхъ, въ которыхъ онъ былъ привезенъ изъ завода въ городъ. Тяжелые кандалы еще болѣе усиливали его страданія, онъ шелъ кое-какъ, но солдатъ, шедшій зади его, толкалъ его кулакомъ въ спину.

Скоро они вышли за острожную ограду.

Хотя въ тюремномъ замкѣ и было много такихъ арестантовъ, которые уже были присуждены къ тюремному заключе-

нію и употреблялись на городскія работы, но смотритель находилъ для себя выгоднымъ назначать въ работы еще неприсужденныхъ къ тюремному заключенію рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ, и назначалъ преимущественно обвиняемыхъ въ кражахъ—во первыхъ, потому, что эти арестанты не бѣжали, а во вторыхъ, онъ деньги, которыя платили имъ за работы по закону, получалъ себѣ. Впрочемъ, арестанты рады были тому, что они цѣлый день пробудутъ нѣсколько на свободѣ, не въ острогѣ, и увидятъ свободныхъ людей, которые дадутъ имъ хоть копѣйку денегъ. Такъ и Панфиль, несмотря на то, что былъ измученъ, дышалъ на улицѣ свободнѣе. И какъ ему хотѣлось не воротаться больше въ тюрьму! Только, встрѣчая людей, ему стыдно было смотрѣть имъ въ глаза; когда товарищи его протягивали руки, прося Христа-ради подать несчастнымъ, ему совѣстно было протянуть свою руку. Но когда онъ, проходя мимо рынка, увидалъ, что товарищи его купили себѣ по копѣчному калачу, у него пропалъ стыдъ и онъ сдѣлался назойливъ. Но благодѣтелей было мало.

Работа была не очень трудная: арестанты пилили дрова и могли свободно разговаривать съ крестьяниномъ, раскалывавшимъ полѣнья. Для нихъ незамѣтно прошло время до обѣда, они работали охотно и, казалось, совсѣмъ, забыли про тюрьму, только солдаты съ ружьями, кандалы и арестантскіе полушубки напоминали имъ, что они опять вернутся туда, а обращеніе съ ними хозяйской прислуги, которая удѣляла имъ изъ жалости залеснѣвшія корки хлѣба и обглоданныя кости, приводило къ тому тяжелому сознанию, что они преступники. Здѣсь не было тѣхъ ругательствъ, какія происходили съ утра до ночи въ тюрьмѣ, а всѣ они больше молчали, вздыхали тяжело, обдумывая прошлое и настоящее и содрогаясь о будущемъ, которое имъ рисовалось въ довольно неказистомъ видѣ. Даже солдаты были не такъ грубы съ ними и отъ скуки помогали имъ пилить дрова.

День приближался замѣтно къ концу, нужно было опять идти въ тюрьму, арестанты сдѣлались ожесточеннѣе и молчаливѣе. Одинъ только Горюновъ надоѣдалъ солдатамъ тѣмъ, что ему хочется достать бумаги и карандашъ. Въ домѣ у хозяйки, у котораго работали арестанты, ни того, ни другаго не оказалось. Однако, Панфиль, выхода изъ кухни, успѣлъ стащить съ полки, находившейся въ небольшихъ сѣняхъ, булку, и сдѣлалъ это такъ ловко, что солдатъ не замѣтилъ. А сдѣлалъ это онъ безсознательно: увидалъ булку, сдернулъ ее и спряталъ. И только дорогой на него напалъ такой страхъ, что онъ не зналъ, что ему сдѣлать съ кражей и куда ее дѣвать. Что скажутъ арестанты, которымъ онъ говорилъ, что онъ самъ не знаетъ, за что сидитъ? Ему нѣсколько разъ хотѣлось бросить булку, но голодъ бралъ свое, и онъ крѣпче прижималъ булку, такъ что на него обратилъ вниманіе солдатъ.

- Што ты ежишься, собака?—крикнулъ солдатъ на Панфила.
 — Ничего,—отвѣчалъ тотъ.
 — Стой-косъ?!

Солдаты остановились, всѣ окружили Панфила и вдругъ всѣ захохотали.

— Ахъ воръ! Ахъ мошенникъ!—говорили они, и во всю дорогу заставляли рассказывать Горюнова о кражѣ. Но въ тюремномъ корридорѣ солдаты отняли у него булку, говоря, что они берутъ ее за труды.

Нечего и говорить о томъ, что о Панфилѣ вся камера рассуждала, какъ объ молодцѣ, который въ такихъ дѣлахъ далеко уйдетъ впередъ. Теперь ужъ ему дано было названіе булочный воръ, и этимъ именемъ его всѣ называли вмѣсто фамилии.

Ни на другой, ни на третій день Панфила не посылали на работу. Камера отворилась только въ извѣстное время, да развѣ какого нибудь арестанта выведутъ изъ нея для отобранія въ судъ допросовъ, или введутъ этого арестанта послѣ допроса. Скука была страшная; арестанты повторяли ежедневно все одно и то же, и ругались все злѣе и злѣе. Малѣйшее происшествіе въ острогѣ, узнанное какъ нибудь случайно, малѣйшее событіе, переданное арестантами, требовавшимися въ судъ, и можетъ быть невѣрное, изобрѣтенное самими же арестантами,—все это оживляло камеру, двигало мозги каждаго. Говорили всѣ, каждый старался отличиться передъ другими островами, шутками, каждый старался доказать, опровергнуть и переспорить ругательствами. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ Панфилъ ходилъ на работу, въ камеру приходилъ прокуроръ и Панфилъ подалъ ему прошеніе. Арестанты говорили, что за эту жалобу достанется Панфилу, но онъ надѣялся, что дѣло его, можетъ быть, кончится скоро, потому что сестра его, въ это время, жила у судейскаго засѣдателя. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ недѣлю онъ былъ выпущенъ, обокралъ сестру и исчезъ неизвѣстно куда. Пелагея Прохоровна очутилась безъ денегъ и къ тому же, по неудовольствію съ хозяевами, лишлась мѣста...

XV.

Горюновъ и Ульяновъ очень радовались своему путешествію на приски; первый предполагалъ забрать какой-нибудь прискъ въ руки, то есть сначала оглядѣться, расположить рабочихъ къ себѣ, познакомиться съ раскольниками, которые непременно, по его мнѣнію, должны были жить недалеко отъ присковъ, и потомъ самому сдѣлаться довѣреннымъ. Ульяновъ радовался тому, что давнишнее желаніе добывать золото исполнится. Онъ

не хотѣлъ быть довѣреннымъ; нѣтъ, ему хотѣлось только имѣть золото, продавать его и въ то же время жить ни отъ кого независимо. Онъ мечталъ о томъ, чтобы ему дожить свои дни въ покоѣ, чтобы у него была жилая избушка, непременно около ключа, и въ лѣсу водилось бы много птицъ, за которыми, отъ нечего дѣлать, можно было бы охотиться. Хозяйка варила бы ему пиво и брагу, дѣти бы подросли, сыновья поженились, а дочери вышли замужъ, жили бы недалеко отъ него и каждый большой праздникъ приходили къ нему. Славно бы было Ульянову. Но Горюновъ и Ульяновъ, думая каждый самъ о себѣ, въ то же время не хотѣли ни работать, ни жить вмѣстѣ, находя, что если они будутъ жить вмѣстѣ, то никогда не достигнутъ своихъ цѣлей; этого другъ другу они однако не высказывали. Вообще, какъ Горюновъ и Ульяновъ, такъ и Кирпичниковъ, рѣдко говорили другъ съ другомъ. Когда они останавливались ночевать (по ночамъ Кирпичниковъ боялся ѣхать), то говорили хозяевамъ, что они люди торговые, ѣздили въ городъ, да оттуда воротились ни съ чѣмъ, потому что ихъ обокрали. А дорога была дальняя, тѣмъ болѣе; что они ѣхали по проселкамъ, во многихъ мѣстахъ занесеннымъ снѣгомъ и узкимъ до того, что, сидя въ саняхъ, нужно было постоянно нагибаться, чтобы по лицу не хлестало широкими вѣтвями деревь. Чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ мѣстность была лѣсистѣе, гористѣе, дороги были хуже и хуже, приходилось раза по три, по четыре переѣзжать черезъ узенькія рѣчки съ крутыми берегами; меньше и меньше имъ стало попадаться селъ и деревень, самыя деревни были очень бѣдны на видъ, да и гористая мѣстность повидимому очень мало приносила пользы людямъ. Здѣсь, въ этихъ деревняхъ, съ пятью, шестью домами, въ это время жили только старики и старухи, немогущіе ни пройти далеко, ни дома работать. Они уже отработали и доживали свои дни въ нищетѣ, водясь съ внучатами. Молодыхъ людей въ избахъ не было—все они ушли на пріиски. Здѣсь только и было рѣчи, что о пріискахъ, и мѣстный житель не зналъ больше другаго ремесла. Поэтому нашимъ путешественникамъ рѣдко попадались встрѣчные мужичины. Эти люди, идя по одному или не больше трехъ, завидя санп, заворачивали съ дороги въ сторону, несмотря на то, что вязли по животъ въ снѣгу. Если же какой нибудь челоѣкъ, большею частію татаринъ, съ дороги не сворачивалъ, то Кирпичниковъ брался за ружье и зорко слѣдилъ за движеніями пѣшехода и оглядывался часто, до тѣхъ поръ, пока, по его мнѣнію, опасность не миновалась.

— Время теперь самое опасное, — говорилъ онъ: — того и бойся, штобы кто не выскочилъ изъ лѣсу и не ударилъ тебя бастрогомъ (толстой палкой). Теперь самое удобное время бѣгать изъ тюремъ, али изъ каторги, потому снѣгъ. Мы вотъ ѣдемъ по дорогѣ, а бѣглый бѣжитъ по полю, али по льду на

рѣчкахъ, на лыжахъ цѣлый день, и если нѣтъ лѣсу, верстѣ шестьдесятъ можетъ откатать... Тоже съ приисковъ бѣгаютъ такимъ манеромъ. Я въ первый разъ такъ ѣхалъ—не берегся, да какъ напало на меня четыре человѣка, сталъ бояться. И ружье не помогло!

Наконецъ путешественники въѣхали въ холмистую мѣстность, безъ лѣса, съ изрытою во многихъ мѣстахъ землю, съ высокими въ разныхъ мѣстахъ насыпями, въ которыхъ торчали или шести, или просто палки. Кое-гдѣ на ней были разбросаны обгорѣлыя бревна, торчащія изъ-подъ снѣга, кое-гдѣ лежали въ кучахъ дрова, кое-гдѣ видѣлись разоренныя постройки съ высокими, полуразвалившимися трубами. Въ одномъ мѣстѣ жгутъ дрова, обсыпанныя землею, а недалеко отъ этого навалены въ безпорядкѣ въ большомъ количествѣ угли; въ другомъ сдѣлано подобіе кирпичнаго сарая, на доскахъ котораго въ разныхъ мѣстахъ лежатъ кирпичи. Это былъ покинутый приискъ. За нимъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, стали появляться столбы съ выжженными буквами, просѣки съ обгорѣлымъ рѣдкимъ лѣсомъ, съ накладенными въ немъ во многихъ мѣстахъ кучками дровъ; дальше справа лѣсъ густѣлъ, слѣва былъ только кустарникъ, который, чѣмъ дальше ѣхали путешественники, тѣмъ больше и больше рѣдѣлъ. Тутъ начинались Удойкинскіе приiski. Холмистая мѣстность казалась какъ будто загороженною съ запада и сѣвера высокими грядами горъ, на вершинахъ которыхъ бѣлѣлись снѣга, а бока поросли чернымъ лѣсомъ; съ юга и востока пространство застилалось лѣсомъ, который, чѣмъ дальше, тѣмъ становился какъ будто бы выше. Издали казалось, что горы какъ будто шли прямымъ треугольникомъ около приисковъ, преграждая дальнѣйшій путь, но между тѣмъ, чѣмъ дальше путешественники възжали на приискъ, тѣмъ больше этотъ уголь расширялся, сѣрѣлъ и принималъ разнообразный видъ. Тутъ же, при подошвѣ горъ, текла быстрая рѣчка Удойка, съ очень холодною лѣтою и весною водою. Все пространство большею частію было изрыто, и холмы были прокопаны. Въ этихъ мѣстахъ постройки уже были частію сложены, частію заброшены, но по нимъ можно было судить, что онѣ построены недавно. Въ настоящее время у подошвы горы была выстроена большая изба съ четырьмя окнами, выходящими на рѣчку Удойку. Къ этой избѣ шли путешественники и подъѣхали, такъ какъ она служила жилищемъ довѣреннаго, въ ней останавливались земская полиція, ревизоръ и другое начальство. Около крыльца съ пятью ступеньками, по которымъ ходили въ избу, стояла паровая машина, вичѣмъ не покрытая и безъ всякаго призора. Недалеко отъ нея, направо у самой рѣчки стоялъ домъ въ три окна съ фигурными ставнями у оконъ. За домомъ вплоть до подошвы горы все пространство было огорожено плетнемъ. Тутъ жилъ мастеровой Костроминъ, торгующій водкой, пивомъ, хлѣбомъ, калачами. Наискосокъ отъ этого дома, за рѣчкой Удойкой,

стояла большая изба для рабочихъ. За нею, въ одной верстѣ, стояло что-то похожее на амбаръ, но съ трубой на крышѣ. Тутъ была баня съ полкомъ, въ которой, на полку, жили преимущественно женщины, не желавшія жить съ мужчинами въ большой избѣ, а внизу около полка, — лошади, справлявшія работы на погонахъ, употребляемыхъ для растирки песковъ. За этими постройками, окруженными каналами съ перекладинами на нихъ для ходьбы, въ двухъ мѣстахъ стояли четыре большія избы, сколоченныя изъ досокъ, каждая съ тремя большими окнами, изъ коихъ было два по бокамъ, аршина на два отъ земли, а одно въ серединѣ, сдѣланное почти вровень съ землей, и съ желѣзными трубами, изъ которыхъ шелъ или дымъ, или парь. Изъ этихъ избушекъ, гдѣ производилась промывка золота, слышался стукъ, какъ отъ дѣйствія машинами, и пѣсни нѣсколькихъ мужскихъ голосовъ. Около каждой избушки, между четырьмя столбами, вокругъ каждаго столба ходятъ, погоняемые мальчиками, по четыре и по пяти лошадей, которыя приводятъ своею ходьбою въ движеніе два каменные круга, вдѣланные у стѣны въ перекладину и приводящіе съ своей стороны въ движеніе толчею, находящуюся въ избѣ и имѣющую видъ молота, медленно, но грозно опускающагося въ средину большой чаши, въ которую сверху сыплютъ изъ тачекъ руду. Около краевъ чаши стоятъ рабочіе съ молотами и граблями или боровами, и первые изъ нихъ разбиваютъ мелкіе куски руды, а вторые сгребаютъ размельченную руду въ трубу, откуда она поступаетъ въ вашгертъ, или деревянный ящикъ съ нагрѣтою, водою, приводимою въ движеніе посредствомъ ручнаго колеса. Черезъ дно этого ящика вода просачивается съ мелкими частицами руды въ корыта или жолоба, сдѣланные немного наклонно. Осаждающійся на днѣ этого жолоба золотой песокъ рабочіе подбираютъ совочками и кладутъ въ небольшія жестыя кружки съ печатями. Нѣсколько человекъ накладываютъ промытую землю, въ которой не содержится золота, въ тачки и отвозятъ по доскамъ прочь.

Домъ довѣреннаго или изба, какъ его называли попросту, состоялъ изъ прихожей, двухъ чистыхъ комнатъ и кухни. Онъ принадлежалъ владѣльцу пріиска, какому-то дворянину, какъ и всѣ прочія постройки. Кирпичниковъ былъ встрѣченъ прикащикомъ, исполнявшимъ на пріискахъ должность нарядчика, и ревизоромъ чиновникомъ, обязаннымъ слѣдить за тѣмъ, чтобы золото вымывалось какъ слѣдуетъ и не поступало въ руки рабочихъ.

— Ну, братецъ ты мой, насили мы дождались тебя! — проговорилъ прикащикъ.

— Што такъ?

— Да золота очень мало. Вонъ Яковъ Петровичъ придирается: говорить, плохо слѣдишь! А я говорю, чѣмъ бы на птицѣ

ходить съ ружьемъ, взявъ бы самъ и стоялъ да смотрѣлъ, какъ и что промываютъ.

— Нѣтъ, Гришка, воруеть!—сказалъ чиновникъ.

Начались перекоры.

— А вотъ мы посмотримъ. Надо узнать, сколько промыто грязи.

— Всѣли, братецъ ты мой! Изъ ста пудовъ вышло только двѣ доли.

— Ха-ха! да кому ты говоришь?

Между тѣмъ рабочіе подходили со всѣхъ сторонъ въ избѣ и черезъ часъ ихъ было уже человекъ до пятидесяти. Тутъ были и Татары, и Башкиры въ сѣрыхъ войлочныхъ зипунахъ и мѣховыхъ бараньихъ треугольныхъ шапкахъ, или малахаяхъ. Черемисы, Зыряне и Калмыки въ полшубкахъ, зипунахъ и просто въ рубашкахъ, въ разнообразныхъ мѣховыхъ шапкахъ; тутъ были мужчины и безъ шапокъ, съ завязанными тряпицами или платкомъ щеками и ушами, и раскольники въ востренькихъ плисовыхъ шапочкахъ; тутъ было до десяти женщинъ, изъ которыхъ двухъ можно было сразу назвать Татарками по широкимъ шароварамъ, съ повязаннымъ холстомъ головами и въ продранныхъ бараньихъ шубахъ. На большинствѣ надѣты лапти, на меньшинствѣ валенки изъ войлока. На рукахъ у мужчинъ надѣты или кожаныя, или большія собачьи и бараньи рукавицы съ вывороченною наверхъ шерстью; у женщинъ шерстяныя варежки. Нѣкоторые держали на плечахъ лопаты; нѣкоторые упирались ломомъ, какъ палками; большинство переминалось, не держа ничего въ рукахъ. Всѣ голосили, каждый на своемъ языкѣ, и не обращали никакого вниманія на крики и угрозы казаковъ.

— Работать надо! Пушла, руска мужикъ, пушла!—кричали казаки, грозясь нагайками.

— Нечего гнать русскихъ! Свою братью гони.

— Погонять моя твоя будить скоро на бульшой дорога! Собакъ!

Но, повидимому, казаки только для вида исполняли свою обязанность и кричали по привычкѣ командовать.

Народъ, несмотря на то, что стоялъ въ одной кучѣ, раздѣлялся на нѣсколько небольшихъ кучекъ по націямъ; такъ Татары стояли съ Татарами, Русскіе съ Русскими, разсуждая только между собой; съ другими они только огрызались. У всѣхъ на лицѣ видѣлось нетерпѣніе, ожиданіе чего-то, и только по нѣсколькимъ башкирскимъ лицамъ можно было заключить, что кромѣ башкиръ, всѣмъ не очень-то хорошо здѣсь; лица же башкировъ, кромѣ выраженія суровости, не изображали ни горя, ни радости.

Вышелъ Кирпичниковъ съ прикащикомъ.

— Здорово, ребята!—сказалъ онъ, снявъ шапку.

Кое-кто снялъ шапки, кое-кто произнесъ что-то.

— Вы лѣнитесь, шельмы! — проговорилъ прикащикъ.

— Расчетъ подай! Деньги дай!

— Прикащикъ говорить, что онъ отдалъ деньги, — сказала Кирпичниковъ.

— Што онъ отдалъ! Хлѣба нѣтъ. Для того, што ли, мы пришли сюда?

— Никто не держитъ, голубчикъ. Знаю я, откуда ты!

— Деньги подай! Што намъ, голодомъ, што ли, быть?

— Сегодня, братцы, мнѣ некогда, — и прикащикъ ушелъ.

Рабочіе заговорили, приняли угрожающій видъ; казаки хватились за винтовки; Кирпичниковъ засунулъ правую руку за полу тулупа.

— За что вамъ платить, когда вы ничего не дѣлали! много ли золота-то безъ меня промыли? Всего только четверть фунта! — кричалъ Кирпичниковъ.

— Врутъ! они воровали!

— По мѣстамъ!

— Деньги подай! — и рабочіе подошли къ избѣ.

— Это видите! — крикнулъ вдругъ довѣренный, вытаскивая посолецъ. — Смѣй только кто подойти!

— Прикащика вытребуй! Зачѣмъ онъ ушелъ? Трусь!

— По мѣстамъ! Я сейчасъ буду на прискахъ!

И довѣренный ушелъ въ избу. Рабочіе разошлись въ свою.

Изда рабочихъ имѣла большія полаты, на которыхъ умѣщались до двадцати человѣкъ; подъ ними и около стѣнъ стояли широкія скамейки изъ тонкихъ досокъ.

Въ избѣ было темно, дымно, угарно и сыро; на полу лежала грязь, да и скамейки не отличались особенною чистотою. Придя сюда рабочіе стали ругаться.

— Отчего ты, татарская образина, молчалъ?

— Моя все сказаль. Твой куда языкъ дѣвалъ?

— У тебя былъ ломъ!

— У тебя лопата. Боялся — собакъ стрѣлить!

— Вамъ бы только ругаться другъ съ дружкой, а до дѣла коснись, вы и ни тяпъ, ни ляпъ. Ужь добро мы, бабы, Христаряди робимъ, и денегъ намъ даютъ меньше вашего, потому ужъ вездѣ права наши одинаковы. А вы-то, вы-то мужики!.. кричала одна женщина.

— Сунься — коли онъ стрѣлять хотѣлъ.

— Не выстрѣлилъ бы, а лиха бѣда, одинъ бы околѣлъ — не важность!

— А если бы въ тебя...

— Не безпокойся! въ тебя скорѣе бы попалъ! Вотъ ужъ некого было бы жалѣть-то!

Рабочіе захохотали.

И здѣсь рабочіе раздѣлялись на партіи... Татары, Башкиры и часть русскихъ забрали себѣ полати, на печи спали казаки и бабы, исправлявшія здѣсь должности кухарокъ на рабочихъ, за что ни рабочіе, ни довѣренный имъ ничего не платили, такъ какъ онѣ и сами ѣли готовое, и имѣли время работать на припскахъ, недалеко отъ избы, за что имъ и выговорена была плата по пятнадцати копѣекъ; на скамейкахъ спали остальные, которыхъ не пускали ни на полати, ни на печь. Въ числѣ этихъ были двѣ татарки съ своими мужьями и двумя парнями татарченками, пришедшія сюда недавно, и нѣсколько человекъ бѣглыхъ, которыхъ, впрочемъ, никто, кромѣ довѣреннаго и прикащика, не спрашивалъ, кто они такіе, но которымъ часто приводилось брать мѣсто съ бою; ребята спали на полу, а если было свободно, то и въ большой печкѣ.

Эти разнородцы постоянно ссорились другъ съ другомъ, смѣялись другъ надъ другомъ, задирали на ссору, высказывая каждый свое умственное и физическое превосходство. Попреками не было конца, потому что каждый считалъ другаго за вора, мошенника и пройдоху, и доказывалъ это тѣмъ, что честный человекъ не пойдетъ въ работу на приски. Но какова ни была жизнь въ избѣ, все сходились въ нее, каждый ложился на пріобрѣтенное имъ мѣсто и никто не выдавалъ передъ начальствомъ другаго, если замѣчалъ за нимъ что нибудь. Такъ, если Татаринъ зналъ, что русскій клалъ между складокъ лаптей нѣсколько песчинокъ золота, онъ никому не говорилъ объ этомъ, а старался какъ нибудь обмѣнить этотъ лапоть. Если продѣлка Татарину удавалась и объ ней узнавали рабочіе, то Татарина долго грызли русскіе, преслѣдовали за воровство ругательствами вездѣ, и на оборотъ. Но никто не смѣлъ объявлять объ этомъ начальству, опасаясь за свою жизнь, потому что здѣсь судъ былъ коротокъ: ябедникъ на другой же день оказывался убитымъ гдѣ нибудь во рву.

Двѣ женщины стали доставать изъ печи котлы съ кислыми капустными щами. Одинъ котелъ принадлежалъ христіанамъ, другой пновѣрцамъ, потому что ни тѣ, ни другіе не хотѣли ѣсть вмѣстѣ, чтобы не опоганить себя.

Начался крикъ, свалка; рабочіе кинулись за чашками, лежащими подъ печкой. Чашки были грязны. Кто не бралъ чашки, развязывалъ узелокъ съ хлѣбомъ.

Въ избѣ сталъ подниматься паръ отъ нѣсколькихъ чашекъ, которыя держали на колѣняхъ рабочіе.

Пришли женщины со своими чашками и ложками. Опять крикъ, свалка; женщины голосають пуще мужчинъ, а у одной пищить на рукахъ грудной ребенокъ. Женщинамъ некуда было сѣсть.

— Къ чему ты эту куклу-то съ собой взяла! — крикнулъ одинъ рабочій.

Женщина не обратила на него вниманія и полѣзла за щами, но ей уже не досталось шей.

— Дайте хлебнуть Христа-ради,—просила женщина.

— Што дѣлала?

— Мальчонку кормила... Дайте ложечку.

— Самимъ мало.

— Погодите же... Припомню же я вамъ.

— Машка! Иди, дамъ ложку.

Женщина рванулась въ ту сторону, откуда слышалось приглашеніе.

Молодой рабочій стоялъ съ чашкой у желѣзной печки, то нагбаясь, то присѣдая, то ворочаясь и закрывая руками чашку для того, чтобы въ чашку не загребала ложками.

— Хлебай скорѣе!—и онъ присѣлъ на полъ, не обращая вниманія на толкотню.

Женщина съ жадностію стала хлебать, не обращая вниманія на то, что щи протыли и прокислоя. Ребенокъ плащаль.

— У!—произнесъ мужчина и ударилъ по головѣ ребенка ложкой.

— Варваръ! не жалко тебѣ своего-то ребенка!—крикнула женщина, ударивъ по лицу мужчины кулакомъ.

— Говорю, разшибу.

— Смѣй.

· · · · ·

— На работу!.. Довѣренный идетъ осматривать, — крикнулъ прикащикъ, входя въ избу.

— Скажи, не пойдемъ.

— Братцы! Мнѣ-то развѣ охота непріятности получать! Вѣдь онъ говоритъ: дери ихъ чѣмъ попало.

Рабочіе стали ругаться, и немного погода половина ушла на работу, изъ другой половины одни легли, жадуясь на нездоровье, другіе прикладывали къ головамъ снѣгу и валились въ снѣгъ: они угорѣли.

Добывка руды происходила въ это время въ трехъ мѣстахъ, въ логахъ и въ небольшой площади, по обѣимъ сторонамъ рѣчки Удойкп. Въ логахъ рабочіе копали слой глины параллельно площади, слѣдя за полосой, въ которой, по ихъ мнѣнію, должно находиться золото; на площадкѣ же копали внутрь. Довѣренный осмотрѣлъ работы и позвалъ рабочихъ къ своему дому.

Черезъ часъ онъ роздалъ деньги и велѣлъ завтра гулять. Рабочіе, въ томъ числѣ и женщины, отправились къ Костромну.

Это былъ сѣдой высокій старикъ. Ему было болѣе ста лѣтъ. Онъ очень рано началъ работать въ рудникахъ и съ присеками былъ знакомъ больше, чѣмъ кто нибудь. Настоящій присекъ онъ ус-

тупилъ теперешнему хозяину за тысячу рублей, и выговорилъ себѣ право торговать на приискѣ хлѣбомъ, водкой и т. п. Въ городѣ у него былъ сынъ купецъ, а здѣсь съ нимъ жилъ женатый племянникъ, который ему помогалъ торговать. Въ городъ онъ не ѣздилъ, потому что, какъ онъ говорилъ, не любилъ городской жизни и порядковъ, не любилъ и сына, который сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, отставъ отъ дѣдовскихъ обычаевъ. Рабочіе любили старика за то, что онъ забавлялъ ихъ рассказами. Особенно онъ любилъ рассказывать о Пугачѣ, который чуть-чуть его не повѣсилъ на колокольнѣ за то, что онъ, бывши старостой въ единоувѣрческой церкви, держалъ икону внизъ головой въ то время, какъ Пугачъ прикладывался къ пей.

Отъ дома Костромина не было отбою; племянникъ, племянница и онъ самъ то и дѣло высовывали руки изъ окна, спрашивая бумажку. Рабочій подавалъ бумажку, на которой былъ записанъ заборъ. Костромины, сосчитавъ долгъ, писали цифру, и объявляли ее въ окно.

Костромины не пускали къ себѣ въ домъ вечеромъ, потому что при свалкѣ ничего бы имъ не подблатъ съ рабочими. Они уже были научены опытомъ, что рабочіе, при полученіи денегъ, прежде уплаты долговъ старались забрать что нибудь отъ содержателя лавочки, и очень скоро опрастывали даромъ боченокъ съ водкой.

Народъ между тѣмъ съ ожесточеніемъ толкался передъ окнами, ругая другъ друга, колотя въ спины, не разбирая личностей, потому что каждому хотѣлось просунуть свою руку съ буракомъ въ окно.

— Нива!

— Водки!

— Кумысь! — кричатъ рабочіе.

— И што это за порядки такіе — дверь запирають! Што онъ за баринъ! — кричатъ недовольные Костроминимъ.

Мало по малу, рабочіе были удовлетворены. Каждый, отдавая съ запиской долгъ, просилъ отпустить ему на столько-то копѣекъ чего нибудь. Костромины уничтожали старую записку, получая деньги, и, если денегъ не доставало, говорили:

— Десяти копѣекъ недостаетъ.

— Получай!

— Ниши въ долгъ! — отвѣчалъ покупатель.

Черезъ часъ каждый мужчина несъ къ избамъ по разнокалиберному бураку, въ которомъ заключались водка, пиво или кумысь. Кромѣ бураковъ мужчины несли, кто калачъ, кто витушку, кто крендельки, кто кусокъ мяса, кто нѣсколько огурцовъ, кто табаку. Женщины несли бураки съ пивомъ и брагой. Вся эта толпа шла до избушекъ съ хохотомъ, визгомъ и руганью. И

еслибы не этотъ гвалтъ, то всю эту публлку можно было бы сравнить съ тою, которая въ крещенскій сочельникъ идетъ до-мой съ крещенскою водою.

Началась попойка въ мужской избѣ подъ свѣтъ сальной свѣчки, едва освѣщающей избу. Ребята сидѣли въ кучкѣ у дверей, попивая пиво и водку изъ своихъ бураковъ и покурывая табакъ.

Невозможно описать тотъ гамъ, который происходилъ здѣсь. Говорили, кричали всѣ, стараясь каждый похвалить себя и обругать другаго чѣмъ нибудь. Теперь здѣсь не было ни надъ кѣмъ никакого начальства, всякъ чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ, не боясь никого. Всѣ пьющіе казались веселыми, и тѣхъ, которые казались скучными и которые отказывались принимать участіе въ попойкѣ, заставляли пить силой.

— Ты што сидишь-то? О чемъ ты такую думу задумалъ?

— Лей на него! Лей въ него—Костроминъ отвѣтять!

— Не могу, братцы!—говорилъ больной.

— Слышите! Вытащимте его вонъ. Онъ худое замышляетъ! И больной поневолѣ долженъ былъ пить.

У довѣреннаго тоже происходилъ пиръ, но онъ сказалъ Горюнову и Ульянову, чтобы они отправлялись въ избу къ рабочимъ, такъ какъ онъ назначаетъ ихъ въ работы наравнѣ съ прочими и выдалъ имъ впередъ по пятидесяти копѣекъ.

Когда Горюновъ и Ульяновъ пришли въ избу, въ ней было ужасно накурено махоркой; свѣтъ едва мерцалъ, рабочіе мужчины, женщины и ребята пѣли разные пѣсни, кричали, паи-грывали на балабайкахъ и гармонійкахъ и плясали.

— Штейгерскую!

— Татарскую!

— Кержацкую!—кричалъ народъ во все горло.

Вдругъ одинъ запѣлъ:

Во Шадринскомъ во селеньи
Живуть люди старовѣры,
Съ давнихъ уже лѣтъ...

Всѣ подхватили послѣдній стихъ и продолжали во все горло:

Они пастыря не знаютъ,
Сами требы исправляютъ
Во всемъ Шартошъ (bis).
Вотъ родятся, умирають
И усопшихъ отпѣвають
Сами безъ попа (bis).
Вдругъ является причетникъ,
Называется священникъ
Старобрядческой (bis).
Не спросивъ его письма —
Недовольно вѣдъ ума! —
Приняли его (bis).
Не спросивъ его природу,
Лишь бы былъ долгодородый,
Тотъ у нихъ и попъ (bis).

Отвели попу квартиру,
 Пребогату и не сыру...
 Сталь попъ поживать (bis).
 Ни объ чемъ ихъ попъ не тужить,
 Во часовнѣ у нихъ служить,
 Какъ должно попу (bis).
 Его слишкомъ принимаютъ;
 Что попросить, награждаютъ, —
 Все ему даютъ (bis).
 Еще свѣдало начальство
 Про попово постоянство —
 Взяли попа въ судъ (bis):
 Вотъ судить попа не можно,
 Посадить-то его должно
 Въ келью, за замокъ (bis).
 Попъ по лестовкѣ спасался,
 Съ кержачками жить ласкался..
 Ты съ ними простишь! (bis).
 Они всѣ про то узнали
 И не много толковали —
 Прогнали его (bis).
 Мы теперь тебѣ не други:
 У тебя есть новы слуги,
 Ходятъ за тобой (bis).
 Камедьянты всѣ, при лентахъ,
 Все лакеи въ позументахъ
 Стерегутъ тебя (bis).
 За серебряны монеты
 Сокують тебѣ бреслеты
 На ручки твои (bis).

Во время этой пѣсни четыре раскольника, съ стриженными напередѣ чубами, вышли на улицу.

— Што, братцы?—проговорилъ Ульяновъ.

— Всегда такъ!.. Отъ пьяныхъ покою нѣтъ. А ничего не сдѣлаешь, потому какъ запретить?.. Все же, по крайней мѣрѣ, свои. А вотъ какъ Татары заталамкаютъ—хоть вонъ бѣги.

Шесть человѣкъ вышли изъ избы и увели Горюнова и Ульянова въ избу.

— Угощай же!.. Вы съ довѣреннымъ пріѣхали!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Отговариваться нельзя было, и Горюновъ съ Ульяновымъ послали двоихъ рабочихъ по общему совѣту за водкой и пивомъ.

Началось опять пьянство съ пѣснями и пляской. Ульянова приняла въ товарищи, предоставивъ имъ самимъ выбрать мѣсто въ избѣ для себя. Нѣсколько человѣкъ уже ложились спать, женщины одна за другой уходили.

— Татара-то! Татара-то!—прокричала одна женщина, восторженно вбѣгая въ избу.

— Што?—спросило нѣсколько голосовъ.

— Кобылу довѣреннаго жарять.

Рабочіе вышли изъ избы; недалеко отъ дома горѣлъ большой

костеръ и оттуда слышались татарскія пѣсни и пляски. Въ воздухѣ пахло нехорошо.

Рабочіе долго удивлялись надъ продѣлкою Татаръ. Каждый изъ пришедшихъ давно уже не ѣдалъ мяса и каждому хотѣлось попробовать кобылятины, не смотря на отвращеніе въ трезвомъ видѣ къ этому кушанью, но обладатели кобылы не давали.

— Мы вамъ не мѣшаемъ, вы намъ не мѣшай!—говорили магометане, засовывая въ ротъ большіе куски мяса и съ наслажденіемъ чмокая губами.

Русскіе стали приставать; магометане подсмѣиваются.

— Вы съ нами не хотите знаться и мы не хотимъ съ вами.

— Собаки! развѣ мы не дѣлимся съ вами!

— Много вы дѣлитесь! Не вы добыли кобылу. Купите?

— Подѣлитесь—сказалъ казакъ.

— Што дадите?

— Водки хотите?

Магометане заговорили между собою. Одни говорили, что водку пить грѣшно, другіе говорили, что они живутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ водку пить можно: коли Русскимъ кобылу ѣсть можно, и намъ водку пить можно.

— Давай!—кричали татары.

— Садись, бабы, съ нами,—лебезили около бабъ башкиры.

Бабы опьянѣвшія отъ водки и желавшія перекусить горячаго мяса, не противились. Русскіе начали ругаться.

— Што кричать! Къ намъ же пришли кобылу ашать!—дразнили Русскихъ Татары.

— Што взяли!! Небось коровы не утащите!—дразнили съ своей стороны женщины, входя въ кружокъ иновѣрцевъ.

Появилась водка, начались пляски, пѣсни и долго долго за полночь раздавались на присскахъ эти отчаянныя пѣсни, уносимыя далеко по направленію вѣтра.

Въ мужскую избу возвратились немногіе.

Горюновъ и Ульяновъ легли на скамейку и долго не могли уснуть. Раскольники, не принимавшіе участія въ оргіяхъ, говорили имъ, что приски сначала были богаты золотомъ, а теперь съ каждымъ днемъ золота становится меньше, такъ что эти приски надо бы давно бросить, а начать въ другомъ мѣстѣ. О здѣшней жизни они говорили, что она хороша только по наслышкѣ. „Вы видѣли, говорилъ одинъ изъ ихъ, какъ рабочіе справляютъ полученіе заработка. А все отъ того, что рабочимъ платятъ не каждыя сутки, а когда случаются у довѣреннаго деньга. Получивши деньга, рабочіе не знаютъ, что съ ними дѣлать, а отдать ихъ на сбереженіе некому. Вотъ они и пьянствуютъ, закупаая провизію у Костромина, который ихъ надуваетъ не хуже городского торгаша, а самое ближнее село,

откуда бы можно было получать провизию, находится въ пятидесяти верстахъ. Истративши въ два, три дня деньги, рабочіе берутъ въ долгъ хлѣбъ и водку; мясо же у Костромина не всегда бываетъ.“

— Обожглись, вѣрно, мы, Терентій Ивановичъ,—сказалъ Ульяновъ.

— Посмотримъ,—отвѣчалъ Горюновъ, думая о томъ, какъ бы ему понравиться и довѣренному, и рабочимъ.

XVI.

„Нѣтъ, такъ жить нельзя!“ — думалъ Горюновъ, лежа утромъ на скамьѣ: „если я все такъ буду только глазами хлопать, я и здѣсь ничего не приобрету. Въ заводѣ мнѣ нельзя было ничего добиться, потому что тамъ меня всѣ знали, я ничѣмъ себя не могъ заявить передъ начальствомъ. Здѣсь дѣло другое. Здѣсь я могу выиграть... Стану я служить и начальству, и рабочимъ...“

— И Горюновъ задумалъ сдѣлаться казакомъ сперва, потомъ расположить въ свою пользу рабочихъ прибаутками, кротостью и простоватостью, ласкать ребятъ для того, чтобы они его любили и сообщали все, что они знаютъ о прискахъ. А по его мнѣнію, ребятамъ должны быть больше извѣстны мѣста золотого песку, такъ какъ они лѣтомъ шлеются по лѣсамъ. Немѣшаетъ также поддѣлаться къ какой нибудь бабѣ, сойтись хорошенько съ Костроминымъ и найдти товарища изъ раскольниковъ, которые говорятъ, что эти приски нужно бросить,—стало быть, они знаютъ другія мѣста.

Утромъ Горюновъ отправился къ довѣренному. Довѣренный, прикащикъ и ревизоръ играли въ стуюлку, записывая выигрыши и проигрыши на бумагѣ. На другомъ столѣ стояла водка и жареная пельмени.

— Ты што!—спросилъ довѣренный охриплымъ голосомъ Горюнова.

— Да навѣдаться пришелъ. Въ избѣ-то нечего дѣлать... А вы не слыхали, что съ кобылой?

— Ну?—спросилъ въ испугъ довѣренный.

— Ее съѣли.

— Какъ?—довѣренный вскочилъ; остальные захохотали.

— Такъ. Вчера вашъ казакъ ее закололъ.

— Отчего жъ ты не сказалъ мнѣ?

— Я только сегодня узналъ.

Начальство перестало играть. Всѣ отправились сперва въ кухню, но тамъ никого не было; въ конюшнѣ дѣйствительно не оказалось кобылы.

Прикащикъ и ревизоръ усердно хохотали надъ Кирпичниковымъ, который злился и доказывалъ, что ему за кобылу давали семьдесятъ рублей, да онъ не продалъ ее.

— Што же ты теперь дѣлать станешь? — спрашивали Кирпичникова его пріатели.

— Да што дѣлать-то станешь? теперь всѣ пьяны, сегодня остальные деньги пропьютъ. Пойти теперь къ нимъ—на клочки растерзаютъ, потому народъ всякій... Но я имъ покажу, какова кобыла! Я ихъ проморою.

— Смотри, чтобы другую не съѣли.

— Нѣтъ ужъ, дудки. Вамъ што... Хочешь быть казакомъ и состоять при мнѣ?—спросилъ вдругъ Кирпичниковъ Горюнова.

— Если жалованья...

— Жалованья я тебѣ дамъ шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Ну, да кромѣ того, ты будешь пользоваться доходами отъ рабочихъ, такъ что тебѣ придется получать въ мѣсяцъ рублей двадцать пять. Только смотри, держи ухо остро... Я знаю, што эти проклятые татаришки и башкиры только видъ дѣлали, что они усердно исполняютъ свою службу, а я думаю, они не мало накопили денегъ и золота. А твоя обязанность будетъ состоять въ томъ, что ты одну недѣлю будешь спать и находиться съ рабочими, а другую у меня... А теперь призови ко мнѣ дѣвокъ.

Горюновъ стоялъ улыбаясь.

— Што? смѣшно? Поди къ бабамъ въ баню и скажи: довѣренный молъ, зоветъ... Да потомъ скажи... Ну, да ужъ я самъ скажу.

О первомъ времени должности Горюнова и Ульянова, котораго Кирпичниковъ сдѣлалъ тоже казакомъ, говорить много нечего. Башкиры и Татары сильно ихъ не влюбили, бунтовали товарищей и даже въ дракъ вышибли лѣвый глазъ Горюнову, вслѣдствіе чего довѣренный долженъ былъ отобрать нагайки и винтовки отъ татаръ и замѣнить татаръ русскими.

Всѣ русскіе обрадовались тому, что они выжили инородцевъ, а если теперь и остались Черемисы, то они были и прежде очень смиренны. Но больше всѣхъ радовался Терентій Ивановичъ, который своею добротою уже начиналъ привлекать къ себѣ рабочихъ, работая съ ними заодно на промыслахъ и забавляя ихъ какиминибудь смѣшными разсказами. Не смотря на то, что рабочихъ было меньше противъ прежняго на половину, работы все-таки не хватало на всѣхъ, такъ что иногда вѣсколькимъ человѣкамъ вовсе нечего было дѣлать, потому что въ дѣйствиі были только двѣ промывальни и раскопка земли производилась въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ въ остальныхъ золота не находили, и ихъ бросили. Но и въ этихъ промывальняхъ очень мало промывалось золото. Довѣренный сердился, распекалъ казаковъ за то, что они даромъ получаютъ деньги и дѣйствуютъ съ

рабочими заодно. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить тому, что золота мало. А зима между тѣмъ свирѣпствовала, рабочіе голодали и ежедневно осаждали пзбу довѣреннаго, прося денегъ. Горюновъ видѣлъ, что дѣло плохо, и говорилъ объ этомъ Кирпичникову, но тотъ хотѣлъ взять строгостью, хотя отъ этого дѣло не поправилось: рабочіе, въ томъ числѣ и женщины, разошлись; съ ними ушелъ и Ульяновъ. На пріискѣ осталось только двое рабочихъ, Иванішевъ и Анучкинъ, и два брата Глумовы, изъ коихъ первые чего-то выжидали, а послѣднимъ некуда было дѣваться, потому что ихъ дяди, съ которымъ они пришли на пріиски, былъ кѣмъ-то убитъ прошлою осенью. Горюновъ обласкалъ ребятъ и помѣстилъ даже жить съ собой въ кухнѣ довѣреннаго, гдѣ онъ уже имѣлъ пріятельницу, тридцати-пяти-лѣтнюю женщину, Офимью Голдобину, которая и прежде стряпала здѣсь на начальство.

Довѣренный очень запечалился и не зналъ, что ему дѣлать. Чиновникъ уѣхалъ сдавать золото, уѣхалъ и прикащикъ разыскивать рабочихъ. Но дня черезъ три послѣ ихъ отъѣзда — ночью уѣхалъ и довѣренный съ Иванішевымъ.

Запечалились и остальные, потому что довѣренный забралъ всѣ свои бумаги и всѣ вещи и ничего не сказалъ Горюнову.

— Бросил! экая оказія... горевалъ Горюновъ.

— За то теперь мы поживемъ... Давайте сами промывать золото! — сказала неожиданно Офимья.

— Будь ты проклятая чуча!.. Гдѣ мы его возьмемъ? — сказалъ Анучкинъ.

— Полно-ко, батюшка!... Будто я не знаю, што у тебя на умѣ.

— Ну, коли знаешь, такъ молчи. Однако, гдѣ же это ты нашла такое золото?

— Какъ гдѣ — а вверхъ по рѣчкѣ!

Анучкинъ поблѣднѣлъ.

— Што, небось отгадала... Я, братъ, все знаю, какъ ты оттуда по ночамъ руду носишь мѣшками на промывальни.

— Ну ужъ, молчи, пожалуйста.

— Небось, одинъ хочешь все себѣ забрать?

Хлѣба у нихъ было еще недѣли на двѣ; Костромивы собирались уѣзжать, но Анучкинъ ихъ отговаривалъ тѣмъ, что надо подождать до лѣта, авось пріискъ перейдетъ въ другія руки, и объявилъ, что онъ знаетъ, гдѣ есть руда и руда богатая, только нужно достать лошадей и телѣги.

На другой день явилось на пріискѣ шесть крестьянъ съ шестью телѣгами. На общемъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы золото дѣлить поровну между Костромивымъ, Офимьею, Горюновымъ и Анучкинымъ, какъ главными руководителями этого дѣла, съ тѣмъ, что они должны объ этомъ молчать и хранить золото въ секретѣ; остальнымъ назначена была плата при хорошей вымылкѣ по пятидесяти коп., а при плохой по двадца-

ти пяти копѣекъ въ сутки. За работу принялись всѣ: Костроминъ, Офимья съ Горюновымъ, Анучкинымъ и Глумовыми. Одинъ изъ нихъ копалъ и возилъ руду въ пошевникъ къ ближайшей промывальнѣ. Каждый отдыхалъ не больше двухъ часовъ въ сутки; о пищѣ заботились тоже мало. Руда была дѣйствительно богатая, такъ что въ первые дни намывали золота до десяти золотниковъ, а на второй недѣли въ каждыя сутки получалось не менѣе четверти фунта. На третьей недѣлѣ наши рабочіе захотѣли отдохнуть и раздѣлить между собою безъ спору золото. На долю Терентія Иваныча пришлось четверть фунта. Костроминъ уговорилъ своихъ товарищей свезти золото на храненіе къ своему пріятелю, живущему въ двадцати верстахъ отъ пріисковъ, старцу Якову.

Старецъ Яковъ жилъ въ такомъ мѣстѣ, что лѣтомъ добраться до него могъ только человѣкъ, знающій одну тропинку. Онъ жилъ въ небольшомъ домикѣ съ двумя сыновьями, которые работали на разныхъ пріискахъ лѣтомъ, а зимою приходили къ нему. Домъ былъ окруженъ густымъ сосновымъ лѣсомъ; этотъ лѣсъ съ своей стороны былъ окруженъ очень топкимъ болотомъ. Поэтому, къ обиталищу Якова были положены въ одномъ мѣстѣ въ травѣ жердочки, по которымъ могъ ходить только человѣкъ привычный, понимающій, что такое равновѣсіе, потому что въ эту тину уходила цѣлая сажень, если не больше. Въ вѣтеръ по этой импровизированной дорогѣ никто не рѣшался идти, потому что держаться приходилось только за тонкій камышъ. Весною, вся эта мѣстность верстъ на пятнадцать ширины заливалась водой и среди ея красовалось нѣсколько островковъ. Къ этому времени, Яковъ и его сыновья запасались на весь годъ мукою, приплавливая ее въ лодкѣ, и въ это же время Яковъ ѣздилъ къ одному богатому городскому кушцу, тоже раскольникову, которому и сбывалъ золото. Впрочемъ, Яковъ не постоянно сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ. У него много было дѣла и зимой, и лѣтомъ, но зимой его труднѣе было застать дома, потому что тогда онъ больше всего опасался облавы. Лѣтомъ онъ зналъ, что до него невозможно добраться, зимой же на его гнѣздо могли набѣжать бѣглые и разболтать о немъ. Кромѣ же бѣглыхъ, въ эту мѣстность, по его соображенію, попасть было некому, такъ какъ кругомъ жили раскольники и только развѣ могли зайти сюда еще землемѣры или межешники, но и отъ нихъ пока Богъ миловалъ. Яковъ былъ извѣстенъ на большомъ пространствѣ; Яковъ держалъ, такъ сказать, на помочахъ раскольниковъ; безъ Якова ни одинъ раскольникъ не смѣлъ заявить о какомънибудь открытомъ имъ мѣстѣ золотого песка, — въ противномъ случаѣ съ такимъ человѣкомъ разговаривать недолго. Яковъ заботился о томъ, чтобы раскольники были сыты, и если уже имъ было плохо, то онъ разрѣшалъ объявить о такомъ-то мѣстѣ человѣку наибольшему, но ничего не смыслящему въ пріисковомъ дѣ-

лѣ, и этого человѣка указывалъ самъ, такъ какъ онъ имѣлъ отъ своихъ большія свѣдѣнія о всемъ, что главнѣйшимъ образомъ творится въ государствѣ. Яковъ былъ извѣстенъ и начальству, которому давно хотѣлось словить его; оно подозрѣвало Якова въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ, фальшивыхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, приписывало ему грабежи и убійства, хотя онъ во всемъ этомъ нисколько не былъ виноватъ; полиціи вступали одна съ другою въ полемику изъ-за него, но Яковъ свободно жилъ въ своемъ гнѣздѣ, гостилъ тамъ, гдѣ ему было хорошо, и являлся на пріискахъ. Якова любили всѣ тѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, считали его за добрѣйшаго человѣка и берегли его.

Зимой постоянныхъ дорогъ къ Якову не было проложено, потому что тѣ, которые знали его, ходили къ нему на лыжахъ, чтобы не оставалось слѣда. Лошади оставлялись на привязи въ лѣсу подъ чѣмъ нибудь присмотромъ издали отъ узенькой дорожки проложенной дроворубами.

Костроминъ сказалъ Горюнову и Анучкину, что онъ пойдетъ одинъ для переговоровъ съ Яковомъ.

— Хорошо еще, согласится онъ видѣть васъ. Вѣдь въ вашу душу не залѣзешь,—говорилъ онъ строго.

— Пожалуй, Дороей Леонтычъ... Мы понимаемъ,—говорилъ Анучкинъ.

— Тебя-то возьму, пожалуй, а ты, Терентій, подожди... Ты, пожалуй, дай мнѣ на всякій случай золото-то.

Терентій Иванычъ задумался.

— А если они меня обманутъ?

— Неужели ты думаешь, што мы съ худымъ намѣреніемъ взяли тебя съ собой?.. Умѣешь ли ты на лыжахъ-то ходить?

— Умѣю.

— Однако, намъ нельзя покинуть лошадь... Такъ какъ?

Горюновъ отдалъ золото. Костроминъ и Анучкинъ ушли... Скоро Горюновъ потерялъ ихъ изъ вида, и какъ ни заглядывалъ во всѣ стороны, заходя въ лѣсъ, не могъ отыскать ихъ.

Избушка Якова была бревенчатая съ двумя окнами, выходящими на югъ и западъ. Въ углу, противъ южнаго окна, была большая печь съ лежанкою. На стѣнахъ между оконъ были наставлены одинъ на другой мѣдные образа. При входѣ Костроминъ съ Анучкинымъ, Яковъ, высокій худощавый старикъ съ черными волосами и бородой, въ скуфейкѣ и черномъ кафтанѣ, опоясанномъ бичевкой сидя на скамьѣ, разговаривалъ съ двумя раскольниками, ушедшими недавно съ Удойскихъ пріисковъ.

— Изсякли?!—сказалъ улыбаясь Яковъ послѣ обычныхъ обрядностей.

— Богъ не безъ милости,—проговорилъ Костроминъ.

— Благодареніе Богу. Надежный ли тамъ караульничекъ-то?

— Кто его знаетъ... Мы съ нимъ работали, такъ онъ намъ нравится... Впрочемъ, я его взялъ для того, чтобы онъ не убѣжалъ и не объявилъ... А вѣдь мы намыли не мало, съ помощію Божіею... Ну, а отсюда онъ не уйдетъ. Тамъ въ буракѣ пиво. Мы его смѣшали съ табакомъ для крѣпости.

— Ну, такъ какъ же ты, Дороей, думаешь?

— Да вотъ Тарасу Трифону Анучкину теперь очередь.

— Я давно знаю объ этомъ мѣстѣ, и другое у меня есть на примѣтъ... А дѣло наше такое, того и жди, чтобы не наѣхали... Только наврядъ ли и тамъ будетъ много золота, потому довѣренный, извѣстно, въ этомъ дѣлѣ не смыслить. Столбы наставить, начнутъ рыть канавы, настроятъ избъ и промывальни тамъ, гдѣ не слѣдуетъ... Неужели я стану указывать!

— А если тебя сдѣлаютъ довѣреннымъ? Полно-ко морочить старыхъ людей! Давно тебѣ, какъ видно, хочется въ начальство попасть, да воли нѣтъ... Охо-хо!.. Замѣчаю я, нѣтъ нынче въ людяхъ той крѣпости, какъ въ прежніе годы; ненадежны стали новѣшніе люди. Отчего прежде объ этомъ краѣ и разговору не было? Отчего нынче здѣсь уже до сотни присковъ разрабатывается?

— Но вѣдь всѣ почти брошены, хоть и въ нихъ есть золото.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, отчего прежде-то объ здѣшнемъ краѣ не было и рѣчи? всѣ считали здѣшнія мѣста за самыя негодныя?.. Оттого, что жадность человѣка такова; ты ему дай шей, онъ захочетъ каши; ты ему рубль, онъ проситъ два... Обычай городскіе стали нравиться, водка стала лучше браги; мало одной жены, по двѣ завели... Поневолѣ жадность явится.

— Пожилъ бы ты въ мірѣ!—сказалъ недовольно Анучкинъ.

— Слава Богу, сорокъ лѣтъ выжить—это мнѣ не укоръ, да и я не про тебя говорю. Ты бѣглый, тебѣ едва ли ловко въ городъ-то явиться!

— Я на Дороея полагаюсь. Пусть онъ будетъ довѣреннымъ.

— Избави Богъ! Пусть лучше внукъ мой будетъ.

— Дѣлайте, какъ знаете. А все бы обождать не мѣшало, потому что теперь многіе изъ господъ поостыли... ха-ха! Смѣшно мнѣ, право, на этихъ людей: слышали они, што есть въ здѣшнемъ краѣ золото и думаютъ, что его можно лопатами грести. Что жъ? Подождите немного; можетъ, какой нибудь денежный баринъ и рѣшится довѣрить, Костроминъ, твоему сыну, ну, а ты, Тарасъ, помогай, да больше о своихъ старайся; дѣлай такъ, чтобы и тебѣ было хорошо, и барину, и намъ.

Скоро гости разстались съ хозяиномъ, который далъ за золото денегъ и обѣщался извѣстить, когда пронюхаетъ про простватаго, но денежнаго барина.

— Я уже сына своего Никифора пошлю по веснѣ развѣдать, и если онъ узнаетъ, то предложитъ барину такъ; скажетъ, что

онъ пошлетъ ему и мужика, который знаетъ мѣсто, и довѣреннаго. Ну, разумѣется, объяснить все, какъ слѣдуетъ, и Тарасу нечего будетъ бояться, потому богатство милѣе порядковъ: и бѣлаго съ почетомъ принимаютъ, гдѣ нужно.

Съ ними вышли и другіе два раскольника, которые обѣщались хранить въ секретѣ совѣтъ Якова съ тѣмъ условіемъ, что бы имъ плата производилась больше другихъ и у нихъ не отнимали бы золото.

Костроминъ далъ Терентію Иванычу двадцати-пяти рублевую бумажку. Терентій Иванычъ посмотрѣлъ на свѣтъ бумажку, тщательно ощупалъ ее и по видимому не рѣшался брать.

— Думаетъ, фальшивая! Ошибаешься, другъ. Яковъ этими вещами не занимается,—голову могу положить на отвѣченіе, вотъ што.

— Нѣтъ... мало...

Костроминъ захохоталъ. Товарищи торопили Костроминна ѣхать.

— Ты знаешь ли толкъ-то въ деньгахъ?—спросилъ вдругъ Костроминъ Горюнова.

— Не ты одинъ!—началъ Горюновъ; но Костроминъ опять захохоталъ.

— Говорилъ бы, слава Богу, што и это дали! Въ своемъ заводѣ тебѣ и во снѣ не приснились бы такія деньги,—говорилъ Анушкинъ, садясь въ пошевни, въ которыхъ уже сидѣли остальные. Костроминъ стегнулъ лошадь.

— Дороей Леонтычъ!.. Подожди меня-то—сказалъ Горюновъ, догоняя лошадь.

— Нѣтъ, мы тебя не возьмемъ! Ты недоволенъ...

— Што дѣлать... я ничего....

— Иди куда хошь, а ты намъ не товарищъ.

Цѣлый часъ Горюновъ шелъ за пошевнями, упрашивая, чтобы его взяли, говори, что онъ доволенъ всѣмъ; цѣлый часъ Костроминъ и его товарищи не хотѣли брать его съ собой, свѣтуя ему идти туда, гдѣ лучше и гдѣ больше даютъ денегъ.

Но все-таки, проѣхавши верстъ пять, они посадили его, взявъ съ него клятву, чтобы онъ молчалъ объ этой поѣздкѣ и не выдавалъ ихъ началству.

Теперь у Горюнова исчезли всѣ мечты о забраніи въ свои руки приска. Онъ ясно понималъ, что попалъ въ ежовыя рукавицы и долженъ будетъ работать на тѣхъ же, которыхъ онъ считалъ своими товарищами и въ рукахъ которыхъ находился приски; эти люди знаютъ присковое дѣло; въ сбытъ золота не затрудняются, да и по прекращеніи работъ найдутъ поддержку, какъ вотъ и эти двое раскольниковъ, ушедшіе съ присковъ назадъ тому мѣсяцъ. Они и рабочихъ найдутъ, потому что въ окрестности всѣ жители знаютъ ихъ... А онъ, пришлецъ, мечталъ.... „Да, не легко, Тереха, деньги достаютъ и на золотыхъ прискахъ. Ужь, кажется, ничего нѣтъ дороже

золота, а и тутъ золото ни во что мнѣ поставили. И какъ я надѣялся, што на золотыхъ неперемѣнно накоплю большой капиталъ и умру я не въ бѣдности! а дѣло-то выходитъ, што здѣсь еще пожалуй хуже: того и бойся, што или убьютъ тебя, пла ты поробишь, поробишь, да съ тѣмъ же и уйдешь, съ чѣмъ пришелъ“.

Но гдѣ же лучше?—спрашивалъ себя Терентій Ивановичъ. Что скажутъ ему его пріятели, родные, когда онъ воротится къ нимъ и когда ему нечѣмъ будетъ похвастаться... Вѣдь и самъ Терентій Ивановичъ видалъ у бѣглыхъ мастеровыхъ золото, и Коротаевъ съ нимъ нерѣдко ѣздилъ въ городъ съ золотомъ. „Не надо было мнѣ отдавать золото Костромину; надо бы мнѣ было спрятать его, а потомъ и я бы привезъ золото въ городъ“, подумалъ было онъ, но потомъ ему представились всѣ опасности, какимъ подвергаютъ себя на каждомъ шагу рабочіе нѣ пріисковъ, имѣя у себя золото, и то, какъ имъ дешево платятъ за него ловкіе люди...

Что же дѣлать? Неужели идти назадъ? Но куда идти съ эти-ми двадцатью пятью рублями, которые можетъ быть, еще и не деньги, а просто фальшивая бумажка? Да опять и то надо подумать: вѣдь онъ только что началъ жизнь на пріискахъ. Люди живутъ на пріискахъ десятки лѣтъ и все-таки не тянетъ ихъ въ другія мѣста... А Костроминъ еще беретъ его къ себѣ въ компанію.

Всѣ эти размышленія убѣдили его, что ему надо пожить и потерпѣть на пріискахъ: „авось, можетъ быть, Богъ и поможетъ мнѣ выдти изъ бѣдности въ люди“.

Костроминъ съ товарищами засталъ на пріискахъ земскую полицію, нѣсколько человѣкъ изъ прежнихъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ былъ и Ульяновъ, прикащика, Иванишева и какого-то пожилаго низенькаго человѣка въ еновомъ тулупѣ. Они бродили около рѣчки и около ископанной недавно Костроминымъ мѣстности. Нѣсколько новыхъ рабочихъ съ крестьянами, работавшими съ Костроминымъ, тесали бревна, копали землю и въ разныхъ мѣстахъ ставили столбы. Какой-то господинъ въ легкомъ пальто что-то чертилъ на бумагѣ.

— Выдалъ, подлець!.. Ахъ разбойникъ!—говорили Анучкинъ и Костроминъ, услыхавъ отъ одного новаго рабочаго, что сюда пріѣхалъ открывать новый пріискъ самъ главный довѣренный, и что Киричниковъ уже не пріѣдетъ, такъ какъ Иванишевъ на него насаждалъ много нехорошаго главному довѣренному.

Костроминъ и Анучкинъ очень сердились на Иванишева за то, что онъ, не спросясь ихъ, продалъ телку; теперь оказа-

лось, что и Костроминъ, и Анучкинъ оба знали объ этой телкѣ, каждый разсчитывалъ на нее, считая ее неистошимымъ богатствомъ, которое они берегли много лѣтъ, и къ которому приступили только потому, что имъ нечего было вѣтъ. Про-это-то мѣсто они и говорили Якову. И вдругъ ихъ же товарищъ, свой человекъ, передалъ это мѣсто въ руки того же барина, которому указалъ Удойкинскій пріискъ Костроминъ...

По отъѣздѣ полиціи, главный довѣренный выдалъ всѣмъ рабочимъ не въ счетъ жалованья десять рублей для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ, и приказалъ имъ начать работы на новомъ мѣстѣ.

Костроминъ съ товарищами махнули на все рукой и остались на пріискѣ.

Съ вечера началось пьянство на всемъ пріискѣ, только Костроминъ съ товарищами, въ томъ числѣ и Терентій Иванычъ, принятый въ ихъ компанію, долго вели между собою бесѣду, заключавшуюся въ томъ, чтобы Костромину попрежнему заниматься съ семействомъ торговлей, а прочимъ работать, но такъ какъ и этотъ довѣренный назначаетъ плату поденно, то если кто нибудь изъ нихъ узнаетъ, гдѣ находится богатое мѣсто, стараться скрыть его и копать въ другомъ мѣстѣ.

XVII.

Пелагея Прохоровна, какъ читатели видѣли, жила уже нѣсколько времени въ городѣ. Читатели также, надо полагать, замѣтили, что она жила въ разныхъ мѣстахъ въ кухаркахъ. Жизнь ея была вездѣ нехороша и ей приходилось часто мѣнять мѣста, но все-таки хорошаго мѣста на ея долю не выпа-ло. На послѣднемъ мѣстѣ она жила долго, но вдовецъ хозяинъ сталъ ей предлагать очень нехорошія условія, на которыя она не согласилась, а именно быть его любовницей. Поэтому она рѣшилась удрать отъ хозяина, и такъ какъ паспортъ былъ у нея въ рукахъ, то она, завязавши свое имущество въ платокъ, вышла изъ дома, въ которомъ жила. Было еще очень свѣтло, когда Пелагея Прохоровна вышла съ узелкомъ на улицу. Солнце уже сѣло, и надъ сѣверо-западной частью города на небѣ отливались золотистыя, фіолетовыя и розовыя гряды горъ. Нѣсколько городскихъ барышень, стоя у городского пруда въ одиночку, упершись въ чугунную рѣшетку, задумчиво смотрѣли на отражающіеся въ тучахъ лучи солнца—и мечтали. Вечеръ былъ тихій, прохладный; пыль, поднятая днемъ съ улицъ, постепенно садилась на строенія и на землю. Звзды было не слышно; служащій народъ, чиновники, послѣ дневныхъ занятій, большею частью холостые и семейные, безъ женъ и дѣтей,

вышли къ пруду и на бульваръ, а нѣкоторые изъ нихъ садилсь на паруходъ иплыли къ дачѣ, отъ которой слышалась музыка и часть которой была освѣщена фонарями. Очень немногіе шли въ соборъ посмолрѣть, не свадьба ли тамъ, потому что у собора стояло два павозчка. Нельзя сказать, чтобы народъ этотъ былъ веселъ; на всѣхъ лицахъ замѣтно было или уныніе, или тоска, или зависть.

Пелагея Прохоровна робко шла до пруда. Ее нисколько не удивила гуляющая публика, напротивъ, она завята была своимъ положеніемъ, чувствовала, что теперь она свободна, но что-то такое тяготило ее, въ головѣ ея какъ будто пусто стало. Она шла сама не зная куда.

На пруду въ это время плылъ паруходъ очень медленно. На паруходѣ пѣсенники орали уже полупьяными головами „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. За паруходомъ плыла лодка, въ которой пѣли нѣсколько человекъ приказныхъ изъ соборныхъ пѣвчихъ „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“. Впереди парухода и рядомъ съ нимъ плыло тоже нѣсколько лодокъ съ любителями духовныхъ и свѣтскихъ пѣсенъ, которые старались подтянуть пѣвчимъ со всѣмъ усердіемъ.

Все это издадека привлекало сюда праздный народъ въ родѣ чиновниковъ, дѣвицъ съ шляпками и безъ шляпокъ; сюда шли подмастерья, покончившіе со своею работою, какъ и другіе любители приключеній. Народу было много. Народъ толкался, хохоталъ, острилъ насчетъ другихъ, особенно насчетъ молодыхъ незнакомыхъ женщинъ. Кончилась пѣсня, сотня голосовъ закричала: „фора! еще!“ и начались ругательства, крики. Пелагея Прохоровна пошла прочь, не обращая вниманія на любезности халатниковъ, предлагавшихъ ей пройтись съ нею. Она шла задумавшись. Вдругъ она увидала на тротуарѣ сидящую женщину, которая держала на колѣняхъ ребенка.

— А! это ты!—сказала женщина, узнавъ Пелагею Прохоровну.

Пелагея Прохоровна была очень удивлена тѣмъ, что эту женщину она гдѣ-то видѣла, лицо ей довольно хорошо было памятно, но гдѣ она видѣла ее, кто она такая, она никакъ не могла припомнить.

— Аль не узнала? Богата вѣрно стала понче.—И женщина такъ поглядѣла на узелокъ Пелагеи Прохоровны, что та стала сама не своя. И голосъ знакомый, рѣзкій, и улыбка, отъ которой ее когда-то коробило, знакомая ей.

Вдругъ она вскрикнула ей:

— Катерина Васильевна!

— То-то... Ты куда идешь?

— На гуляньѣ была...

— Счастливая!—и Катерина Васильевна тяжело вздохнула, потомъ сказала:

— Ты безъ мѣста? Иди ко мнѣ ночевать!

— Покорно благодарю.

— Полно-ко дурить! Иди... Ахъ ты прокляненный. Смучилъ ты меня... говорила она, тормоша ребенка, который ежился и охриплымъ голосомъ кричалъ и часто кашлялъ.

— Царница небесная!—проговорила женщина съ отчаяніемъ.

Пелагеѣ Прохоровнѣ жалко стало прежней Катъки, которая назадъ тому полтора года часто была прогоняема отъ разныхъ господъ за воровство и дурное поведеніе, слыла между кухарками за самую отчаянную дѣвку, не имѣвшую ни стыда, ни совѣсти. И каково же было удивленіе всѣхъ прачекъ и кухарокъ, когда она объявила, что скоро выходитъ замужъ за мастера, и даже назначила день свадьбы. Сначала думали, что это такъ, мало ли что можетъ наболтать бѣшенная Катъка, но черезъ недѣлю всѣ кухарки и прачки узнали, что въ церкви уже было два оглашенія о свадьбѣ Катерины, и Катъка стала называться съ тѣхъ поръ Катериной Васильевной, ею стали больше прежняго интересоваться, заискивать ея расположенія для того, чтобы узнать ея жениха, о которомъ ходили разные слухи. Одни говорили, что онъ въ городѣ первый гранильщикъ, то есть отчаянный воръ и головорѣзъ; другіе, что онъ для того только и женится на Катеринѣ, чтобы жить на ея счетъ, такъ какъ она работающая баба. Какъ бы то ни было, а Катерина Васильевна вышла замужъ и свадьбу ея имѣли удовольствіе видѣть около десяти прачекъ и кухарокъ, и эти смотрины пришлось имъ не по сердцу, потому что Катерина Васильевна ихъ вдосталь удивила: женихъ ея былъ высокій, здоровый, красавецъ и, главное, молодъ, такъ что на взглядъ ему было не больше двадцати лѣтъ.

Съ этихъ поръ въ тѣхъ порядкахъ или частяхъ города, откуда собрались на прудъ прачки и кухарки, никто уже не видалъ Катерины Васильевны, точно она уѣхала куда нибудь. Поэтому и не мудрено, что Пелагея Прохоровна, не прививавшая и прежде явнаго участія въ сужденіяхъ объ ней, мало была знакома съ нею и не любила ее, какъ женщину бойкую и болливую.

Теперь же, встрѣтившись съ нею на улицѣ ночью и видя ее плачущею и проклинающею ребенка, она рѣшительно не понимала, что такое случилось съ этою бойкою женщиною.

— Горе мое! горе мое! — стонала Катерина Васильевна. Но слезъ уже теперь у нея не было, только лицо ея подергивалось. Пелагея Прохоровна при лунномъ свѣтѣ замѣтила, что лицо ея—кожа да кости, а прежде какая она была здоровая!

— Катерина Васильевна! Дай мнѣ ребенка-то: простудишь... Вѣтрено.

— Пусть колѣетъ.

— Какъ тебѣ не стыдно. Бога-то ты не боишься!

— Што мнѣ съ нимъ, совсѣмъ раззорилась. Хоть бы собака была въ домъ-то!... Хоть бы старуха какая... Голубушка, почувуй ты у меня эту вочку: ничего и не могу сдѣлать съ ребенкомъ-то.

Пелагея Прохоровна молча согласилась. Катерина Васильевна шла рядомъ съ нею и тоже молчала. Ребенокъ хрипѣлъ. Пелагея Прохоровна думала о настоящемъ положеніи этой женщины, но заговорить ей было неловко. Ей самой ясно припоминалась ея первая жизнь въ городѣ, и очень хотѣлось помочь Катеринѣ Васильевнѣ, которая уже тѣмъ несчастіе ея, что имѣеть на рукахъ ребенка.

Катерина Васильевна жила совсѣмъ въ противоположной части города и почти въ трехъ верстахъ отъ пруда. Домъ Хорохорова былъ низенькій, деревянный, съ тремя окнами на улицу. Онъ еще издали обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что внутренность его казалась провалившеюся, и что если онъ еще не развалился весь въ разныя стороны, такъ оттого только, что по угламъ бревна были частію скрѣплены желѣзными толстыми полосами и частію упирались въ столбы. Всякій, кто шелъ мимо этого ветхаго дома, съ заколоченными двумя окнами, съ прогнившею крышей, на которой тамъ и сямъ росла трава, безъ тротуара, а съ засоренной канавкой, всякій улыбался и говорилъ: и должно быть домъ-то старѣе заплотовъ! Да это отчасти и оправдывалось тѣмъ, что ворота запирались хорошо и доски на заплотѣ были еще довольно крѣпки и даже на верху заплота были вбиты гвозди, такъ что домъ походилъ на развалившееся укрѣпленіе, въ которое гораздо легче войти не черезъ заплотъ, потому что стоитъ только дернуть за доску крыши, какъ крыша и рассыплется. Во дворѣ было еще хуже: заднія постройки и крылечко у дома провалились. Огородъ только отчасти огораживался и поэтому сосѣди рады были случаю пустить въ него свою скотину. Только одна баня, съ крышей на ней и маленькимъ окошечкомъ, была крѣпче обиталища хозяевъ. Въ огородѣ хотя и были посажены овощи, но гряды всѣ перетоптаны и изъ нихъ все повыдергано. Кромѣ этого, полицейское начальство давно уже дѣлало распоряженіе о томъ, чтобы этотъ домъ съ задними его постройками, въ видахъ искорененія безобразія, былъ сломанъ, но этотъ приказъ не былъ исполняемъ не только новыми его хозяевами, Хорохоровыми, но и прежними. Впрочемъ, и сосѣдямъ не нравился этотъ домъ, и они постоянно говорили, что въ немъ уже нѣсколько лѣтъ живутъ или бѣглые, или мошенники, и поэтому трое сосѣдей зорко слѣдили за нимъ.

Пелагея Прохоровна удивилась, увидавъ, что не смотря на то, что въ кухнѣ полъ кривой и половицы шатаются, вездѣ было очень чисто, свѣтло и глядѣло привѣтливо. Такъ что, судя по убранству кухни, можно было подумать, что хозяйка не

такъ бѣдна, какъ она говоритъ. Столъ хотя и простой работы, но окрашенный, стѣны оклеены Сенатскими Вѣдомостями, кровать занавѣшена и за занавѣской виситъ мужской халатъ, исковерканная проволока отъ кринолина, зимній женскій шугайчикъ и еще что-то въ родѣ тулупа; въ переднемъ углу два образа съ посеребренными окладами, передъ ними въ бумажномъ плетеномъ кошелькѣ висятъ два позолоченныхъ пасхальныхъ яйца; по обѣ стороны этихъ образовъ и подъ ними стѣна изукрашена картинами духовнаго содержанія.

Въ кухнѣ не было жарко, какъ бываетъ въ другихъ кухняхъ, въ которыхъ топятъ печи, жарятъ и пекутъ; просыпающіяся мухи жужжали, но, какъ видно, и ихъ было немного. Пелагею Прохоровну еще болѣе прежняго удивило отсутствіе не только мужчины въ кухнѣ, но даже и лѣтней мужской одежды, кромѣ халата. Однако, она не рѣшилась спросить хозяйку объ этомъ предметѣ, да и хозяйка укачивала ребенка, напѣвая усыпляющія нѣсенки. Хозяйка прилегла на кровать и проговорила:

— Одно къ одному такъ и идетъ: вотъ корова теперь перестала доить и изволь ее дожидаться, скоро ли она отелится. Опять тоже и кормить ее надо, а корма-то нынѣ, не приведи Богъ, какъ дороги! Купишь сѣна пудъ, глядишь, на другой день ужъ и нѣтъ, потому заплотовъ нѣтъ. Николлай-то Иванычъ такъ и купилъ мѣсто безъ заплотовъ. Сосѣди все и таскаютъ... А своего покоса нѣтъ, потому мѣщанамъ не даютъ покосовъ.

Обѣ молчали нѣсколько минутъ.

— Гдѣ же у те мужъ-то?—спросила вдругъ Пелагея Прохорова и почувствовала, что она нехорошо сдѣлала.

— Въ острогѣ.

— Што ты?

— Оказія вышла... Не шуточное дѣло! И совѣмъ не виновать, а все своя оплошность дурацкая. Вишь ты, онъ больно любилъ рыбу ловить и лѣтомъ часто уходилъ рыбачить или сюда на прудъ, или куда нибудь на озеро. И лодку свою имѣлъ, и припараты рыболовные имѣлъ всякіе, только теперь я ихъ всѣ распродала почти задаромъ. Такъ тутъ однава раза лѣтомъ, почитай въ то время, какъ малину носить, онъ и отправился съ однимъ своимъ пріятелемъ вереть за семь отъ города... Черезъ двой сутки пріѣзжаютъ они—Николлай Иванычъ и пріятель, оба подпивши; рыбы было порядочно. Раздѣлили они рыбу межъ собой; я сварила уху, пріятель сходилъ за водкой, выпили всѣ и я тоже. Только я и спрашиваю, а што молъ Петрову¹ много вы отдали! Пріятель и говоритъ: нашъ, говоритъ, Иванъ сталъ болванъ, потому, говоритъ, што какъ только мы утромъ пробудились, его и слѣдъ пропалъ. А онъ, говоритъ, съ вечера былъ хорошо пьянъ. — Мужъ говоритъ: мы искали, искали его и слѣдовъ нѣтъ. Знать, говоритъ, ушолъ

въ село; тамъ есть дѣвцы, съ которыми онъ знакомъ. Ну, мы тогда посмѣялись, — тѣмъ дѣло и кончилось. Только на третій день послѣ этого и приходитъ къ намъ работникъ Петрова и спрашиваетъ про Ивана. Ну, знамо, не искать же намъ его. Сказываетъ, посылали и въ село, да и тамъ не нашли. Вотъ и привязались къ моему мужу и его пріятелю: — куда дѣвали Ваньку Петрова? А потомъ, вдругъ и объявили мастерки, што они нашли его убитымъ въ кустахъ. Повезли нашихъ молодцовъ туда, они съ бухты-барахты и покажи то мѣсто, гдѣ они ночевали въ послѣдній разъ, а отъ этого мѣста на разстояніи какой нибудь полверсты текла въ озеро рѣчка, въ ней и нашли Петрова. Ужъ такъ, говорятъ, онъ изуродованъ, не приведи Богъ! Кто-то такъ хватилъ его по головѣ, что голова на двѣ половины разсѣчена... Мой мужъ и пріятель говорили, что они въ этомъ дѣлѣ ни капелки неучастны и што никакого крику не слышали, потому што спали крѣпко, а што вѣрно Петрова укукошили мастерки, потому они до него давно добирались: разъ, — онъ обсчитывалъ ихъ деньгами за камни, другой, — они давно хотѣли задать ему мятку за своихъ бабъ и дѣвокъ. Но какъ они ни отпирались, а ихъ всетаки посадили въ острогъ, потому што придрались къ мужнину топору и его халату: въ крови, — такъ значитъ и человекъ убитъ. Мы хоть и говорили, што около этого времени мужъ теленка кололъ въ халатѣ, а топоромъ отрубалъ голову, кою я сварила на студень. А што топоръ былъ невымытъ, такъ вотому, што не было въ немъ больше надобности. Нѣтъ, не повѣрили! И вотъ уже годъ скоро кончится, какъ онъ сидитъ... Сказывали мнѣ на прошлой недѣлѣ, што въ судѣ чиновникъ рѣшенье пишетъ и што хочетъ обоихъ въ каторгу... Я испугалась... Охъ, мать Пресвятая Богородица! знаю я, што мой мужъ не только убить не въ состоянїи, а даже и поколотить человекъ. Онъ ежели курицу заколетъ, такъ ни за что ѣсть не станетъ; даже и теленка не ѣтъ, я ужъ обманомъ кормила его... Бѣгала я и къ секретарю — нельзя, говорить. Я прошу: вы бы слѣдствіе тамъ въ селѣ произвели, можетъ, кто изъ тамошнихъ убилъ. Онъ меня прогналъ и сказалъ: курицу яйца не учать. Бѣгала къ судѣ — никакъ не могла застать дома, а наконецъ, и гнать стали отъ дома. Сколько однихъ прошенъевъ носила стряпчему — не принимаетъ... А народъ тамъ въ селѣ, охъ! такой злой и изъ воды сухой выдетъ; поэтому вѣрно и побоялись пытать ихъ. А онъ, мой голубчикъ... спичка спичкой сталъ!... Въ воскресенье была у него — кашляетъ безпрестанно, кровью харкаетъ... Присидя въ лазаретъ — не пускаютъ: для убійцъ тамъ, сказываютъ, нѣтъ мѣстовъ.

Катерина Васильевна замолчала, но она не плакала, а сидѣла уперевъ лѣвою ладонью щеку и качала головой; лицо ее немножко подергивало. Пелаген Прохоровна сидѣла блѣдная и смотрѣла въ уголъ. Ей жалко было очень Катерину Васильевну,

которая была, по ея мнѣнію, въ тысячу разъ несчастнѣе ея. Вотъ она, бойкая-то женщина... О, Владычица!...

— Катерина Васильевна!—сказала шепотомъ Пелагея Прохорова, потому что у нея во рту было сухо.

Та не только не отвѣчала, но даже и не поглядѣла на нее. Она повторила. Та промычала.

— Ты бы заснула! Успокойся маленько, пока ребенокъ-то спитъ.

— Нехочется мнѣ спать-то... Свѣтло ужь.

Между обѣими женщинами было много разницы. Хозяйка была хотя и высокая, но по народному выраженію худа, какъ спичка. Она, казалось, нисколько не заботилась о своемъ нарядѣ: платьишко во многихъ мѣстахъ продралось, подола за-скорбли отъ грязи, рукава оборваны, руки, лицо и шея давно не мыты и только, если чѣмъ она можетъ кому нибудь понравиться, такъ это развѣ правильнымъ очертаніемъ блѣднаго лица, которое, несмотря на отпечатокъ на немъ горя, все-таки еще было красиво. Но за то это была жена обвиненнаго въ убійствѣ, жена будущаго каторжника, жена опозореннаго и не имѣющаго никакихъ правъ и преимуществъ человѣческихъ въ жизни... Пелагея Прохорова теперь уже не могла сравниться съ прежнею девятнадцатилѣтнею заводскою красавицею, какою она пришла въ городъ въ первый разъ и какою ее встрѣчала въ первое время Катерина Васильевна. Она была двадцатидвухлѣтняя женщина съ загрубѣлымъ и покраснѣвшимъ отъ работы лицомъ, съ твердыми здоровыми руками. Она пополнила, въ глазахъ ея выражалось болѣе осмысленности, губы ея, казалось, мало складывались для улыбокъ. Ея ситцевое платье теперь не сидѣло на ней, какъ прежде, мѣшкомъ, и къ ней уже не шелъ сарафанъ, который она уже два года какъ перешла на юбку и который надѣтъ ей теперь казалось стыдно. Правда, ея пепельные волосы какъ будто немножко пожелтѣли и порѣдѣли, за то всякій городской рабочій могъ сразу сказать про нее: „вотъ баба, такъ баба! Только бы ей купчихой сдѣлаться, разжирѣла бы на отличку.“

Ребенокъ началъ пищать въ люлькѣ. Катерина Васильевна взяла его на руки и стала качать, сказавъ, что у нея у самой молоко высохло.—Я ужь четыре раза носила ее въ люди. Въ первый разъ отдала на вскормленье нищей и денегъ ей дала рубль серебромъ впередъ за мѣсяцъ. Только прихожу какъ-то къ заутренѣ, гляжу: на паперти чей-то ребенокъ плачетъ, я поглядѣла—мой. Жалко мнѣ стало. Взяла я его и пошла въ церковь, а нищая-то, коей я дала ребенка, стоитъ въ углу между дверью и стѣной и дремлетъ. Я ее ткнула, она разинула ротъ, изо рта, какъ отъ лаханки, такъ и разитъ ви-нищемъ. Стала молокомъ кормить—покою нѣтъ. Да и сама посуды, што за работа съ ребенкомъ? У меня нѣтъ здѣсь род-

ни, а у мужа и подавно. Пригласила было одну чулошницу къ себѣ жить; такъ она весь день рыскаетъ по городу, а ночью и не добудисься. Взяла дѣвчонку, та платье утащила. А жильца куда пустишь? Тамъ вонъ есть комната, да кто въ нее пойдетъ, потому, потолокъ провалился. А какъ Николай-то Иванычъ покупалъ его еще до свадьбы, такъ и не думалъ, што случится этаякая оказія. Хорошо еще, што насъ самихъ не задавило, мы въ тѣ поры ходили за малиной. А вѣдь семьдесятъ пять рублей отдалъ. Я и то ужъ продаю его—какъ на смѣхъ дають не больше десяти рублей. Рабочій народъ въ этомъ краю не живетъ. Такъ и ума не приложу, што дѣлать теперь... Кабы не ребенокъ, я бы знала, што мнѣ дѣлать. Сегодня вотъ весь день рыскала: всѣхъ докторовъ здѣшнихъ обѣгала — ни одного дома не застала... И какая я прежде была спокойная! А какъ вышла замужъ—и не то стало. Разъ, у мужа не всегда была работа, а если была, то онъ деньги забиралъ впередъ — а попробуй-ко, каково брюхатой бабѣ бѣлье стирать или полы мыть? Вотъ отъ этого, должно быть, я перваго-то ребенка и выкинула мертваго. А все же и весело было съ мужемъ: онъ такой смирной и никогда супротивъ меня не шелъ, и трудились мы, надо правду сказать, другъ для дружки. И каково мнѣ было терпѣть позоръ-то, какъ его посадили въ острогъ: какъ я сказала объ этомъ господамъ, на которыхъ я работала, они и сказали: ну, матушка, теперь мы тебя увольняемъ отъ работы! можешь на другихъ, потому ты жена такого-то... И молоко перестали брать, говорятъ: можетъ быть, въ молокъ-то находится кровь... И чего-чего только я не перетерпѣла!... Да не уступлю имъ! Буду терпѣть, а по миру не пойду. Здѣсь не будетъ житься, въ другой городъ пойду.

— Катерина Васильевна, знаешь ли что? Я сама хочу робить: стирать и гладить я умѣю; полы мыть—плевое дѣло,—сказала дрожащимъ голосомъ Пелагея Прохоровна.

— Ты?—спросила хозяйка, и съ удивленіемъ посмотрѣла на гостью.

— Я затѣмъ сюда и пришла въ городъ, да безъ толку. Сама знаешь, сперва и ничего не понимала погородски, и денегъ у меня не было.... И она рассказала про жизнь на промыслахъ.

— Трудное дѣло... А много ли у те капитала-то?

— Да тринадцать рублей. А кабы братъ не укралъ, было бы много.

— На эти деньги можно... Корову можно рублей за восемь купить; ну, свѣна хоть на два рубля.

— Такъ ты пусти меня къ себѣ,—проговорила робко Пелагея Прохоровна.

— Ловко ли это будетъ?... Мѣста намъ хватить, только какъ

насчетъ коровы-то? гдѣ ты ее держать будешь?.. Сосѣдки не пустятъ: это дѣволы, а не люди.

— Ничего, какъ нибудь.

— Ибѣтъ, не какъ нибудь, а это загвоздка: всѣ сосѣдки смотрятъ на меня, какъ на цугалу какую... Однако?

— Али ты боишься меня, Катерина Васильевна?—голосъ ея дрожаль...

XVIII.

Часовъ черезъ пять послѣ этого разговора, корова Катерины Васильевны отелилась; Пелагея Прохоровна не спалось; она думала о томъ, какимъ образомъ ей найдти работу, и пришла только къ тому предположенію, что хорошо бы ей продавать хоть ягоды. У коровы не было сѣна. Мокроносова вызвалась купить его, и утромъ пошла на рынокъ, но дорогой, недалеко отъ дома Хорохоровыхъ, встрѣтила дѣвочку лѣтъ восьми: эта дѣвочка шла тоже въ середину города изъ самой крайней улицы и несла три маленькія наберушки съ земляничкой.

— Почему ягоды?—спросила она дѣвочку.

Та сказала. Сравнительно съ заводскими, эти ягоды оказались слишкомъ дороги, но она рѣшилась купить ихъ. Дѣвочка уступила на цѣлыя десять копеекъ, и даже продала наберушки.

Пелагея Прохоровна повернула на главную улицу. И какъ ей стыдно было крикнуть въ первый разъ: ягодъ не надо ли! Ягодъ купите! Однако, кричать нужно... Крикнула разъ—покраснѣла, крикнула въ другой—голосъ дрянной... Но на улицѣ никто не покупаетъ ягодъ: стала она заходить во дворы—собаки кидаются на нее; но за то тутъ купили одну корзинку очень выгодно для Пелагеи Прохоровны такъ что она цѣлыя десять копеекъ нажила отъ той наберушки. Кухарки она не замѣтила, и поэтому спокойнымъ голосомъ спросила купившую у нея ягоды, когда та стала отдавать ей деньги:

— Не надо ли вамъ, барыня, прачку?

— Да вотъ я не знаю... У меня стираетъ Авдотья, я ей велѣла придти вчера вечеромъ, а она и по сихъ поръ мнѣ глазъ не показывала... А ты, поди, вовсе не умѣешь стирать-то?

— Што вы, барыня, я давно этимъ ремесломъ занимаюсь.—И щеки Пелагеи Прохоровны покраснѣли.

— На кого же ты стираешь?

— Я-то..? Да у меня много... одинъ бухгалтеръ, другой—въ правленіи служить.

— Што же, мало што ли стирки-то теперь?

— Да видишь ли: я корову купила; всѣ деньги истратила.

- Замужемъ, или нѣтъ?
 — Какъ же, замужемъ, за Курносовымъ... Плохое наше житье.
 — Ну, ладно, я подумаю; приходи вечеромъ. Если не придетъ Авдотья, такъ ужъ дѣлать нечего.

Пелагея Прохорова вышла съ сильнымъ бѣніемъ сердца, голова ея отяжелѣла. „Што я такое наврала?“—думала Пелагея Прохорова, выйдя за ворота. Она сама не понимала: какимъ образомъ она могла соврать? Она вдова, и на поприще прачки вышла въ первый разъ. А ужъ если она соврала, то значитъ нужно теперь врать и врать, а это нехорошо. А если узнаютъ?

Однако, дѣло сдѣлано; Мокроносову выручили ягоды. Она замѣтила домъ и пошла дальше, думая о томъ, такъ сказать, если спросить: „а какъ зовутъ того или другаго, на которыхъ она стираетъ?“ Надо такъ сдѣлать, чтобы имена не забывались. „Экая я дура! Вотъ теперь и хлопочи.“

Продала она и остальные ягоды и нашла работы еще въ одномъ домѣ: вымыть полы сегодня же. Она, занялась и боялась, чтобы ее не спросили: кто она такая? Однако избѣжать этого было невозможно, и здѣсь она уже не врала, а говорила правду. Когда, послѣ господскаго обѣда, которымъ ее, впрочемъ, не угостили, она стала собираться домой, то хозяйка пригласила ее стирать бѣлье на слѣдующей же недѣлѣ, и работы предвидѣлось на цѣлые три дня.

Пелагея Прохорова была очень весела. Она, кажется, не была такъ весела даже и въ первый день свадьбы.

Она радовалась тому, что нашла работу, будетъ получать деньги и будетъ жить самостоятельно, никому не подчиняясь, никого не боясь. Когда она пришла на рынокъ,—это въ первый разъ, какъ она живетъ въ городѣ,—она заходила во множество лавокъ, заглядывалась на дорогія, красивыя вещи, смотрѣла ситецъ, и до того надоѣла купцамъ и прикащикамъ, что ее почти изъ каждой лавки выгоняли насмѣшками. Теперь ей больше прежняго хотѣлось угодить Катеринѣ Васильевнѣ, и она купила ей платокъ на голову съ картинками, осьмушку чаю и полфунта сахару, и даже едва не забыла купить сѣна, коровѣ. Катерина Васильевна не очень раздѣляла радость своей жилочки, говоря, что это начало еще ничего не можетъ обѣщать хорошаго въ будущемъ, и по ея мнѣнію, ни больше, ни меньше, какъ одно раззоревіе. Но Пелагея Прохорова подумала, что Катерина Васильевна завидуетъ потому, что она не только не получала работы, но помощникъ аптекаря не отдалъ ей денегъ за то, что она будто бы потеряла одну хорошую мавишку. Подарокъ она спрятала до болѣе удобнаго времени, потому что Катерина Васильевна весь этотъ день была сердитая. Когда же Пелагея Прохорова сосчитала свои деньги, то ихъ оказа-

дось только девять рублей съ копѣйками. Это очень встревожило ее, и она сказала Катеринѣ Васильевнѣ:

— Сколько я денегъ-то истратила! И куда? кажется, ничего такого не покупала.

— И остальные проживешь.

— Нѣтъ, ужъ я теперь беречь буду.

— Сколько я тебѣ должна?

— Полно-ка, Катерина Васильевна. Неужели у меня нѣтъ креста на вороту... Я вовсе не къ тому говорю, чтобы...

Въ воскресенье Катерина Васильевна пошла въ острогъ, съ нею пошла и Пелагея Прохоровна. Тамъ въ конторѣ имъ объявили, что убійца Хорохоровъ померъ еще въ понедѣльникъ и похороненъ, какъ собака, въ острожномъ мѣстѣ. Это извѣстiе такъ ошеломило бѣдную женщину, что она не могла устоять на ногахъ, сѣла на лавку, и долго дико глядѣла на одно мѣсто, такъ что ее вывели изъ острога солдаты. Пелагея Прохоровна, держа на рукахъ ребенка Катерины Васильевны, всически старалась утѣшить ее, но не могла.

Съ полчаса онѣ шли молча. Катерина Васильевна высказывала немножко, какъ бы про себя: „какія, въ самомъ дѣлѣ, въ жизни бѣды бываютъ.“ Ну, развѣ думала она, встрѣтивъ въ первый разъ Николая Ивановича на похоронахъ у своей прiятельницы Евдокимовой, думала ли она, что такой красивый молодой человѣкъ, къ которому товарищи и грубые мастеровые обращаются съ уваженiемъ, потому что онъ грамотный, черезъ годъ будетъ обвиненъ въ убiйствѣ, умретъ и будетъ похороненъ какъ собака?.. И вдругъ все какъ будто исчезло. Для кого она теперь будетъ стараться? Съ кѣмъ и для кого будетъ работать? Теперь пусто; сердце не бьется радостно, а обливается кровью... И зачѣмъ такое несчастiе приключилось именно съ нею, а не съ другимъ человѣкомъ, который бы имѣлъ порядочный домъ, порядочное хозяйство, родню, которая бы хотя помогла ей съ ребенкомъ водиться?

Пелагея Прохоровна брала дешевле другихъ за стирку и мытье половъ, и у нея работы было больше. Мало по малу она приобрѣла уже нѣсколько домовъ и могла предоставить часть работы своей подругѣ, Катеринѣ Васильевнѣ.

Но и стирка бѣлья было дѣло не совѣмъ легкое и выгодное для нашихъ женщинъ. Неудобство состояло главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ не имѣли возможности брать бѣлье на домъ, потому что иной день имъ обiимъ не приводилось бывать дома и бѣлье могли украсть, да еслибы и обѣ онѣ были дома, то и тутъ углядѣть невозможно безъ того, чтобы не караулить его постоянно которойнибудь изъ нихъ. Поэтому онѣ и стирали у небогатыхъ семействъ въ ихъ квартирахъ. На третiй мѣсяцъ, несмотря на то, что онѣ стали брать дороже, работы у обѣихъ женщинъ было такъ много, что онѣ сходились только

по вечерамъ, а иногда даже и ночевали въ людяхъ. Только воскресные дни онѣ бывали дома. И несмотря на такой усиленный трудъ, средства обѣихъ женщинъ увеличивались очень мало, такъ что къ концу августа у Пелагеи Прохоровны было капиталу только семнадцать руб., а у Катерины Васильевны только двѣнадцать; правда, рубля по три еще было не получено каждою съ разныхъ господъ, но онѣ и не надѣялись получить долгъ, такъ какъ нѣкоторыя лица уже выѣхали изъ города.

Обѣ женщины жили дружно; обѣдать имъ приводилось вмѣстѣ только по воскреснымъ днямъ, и онѣ расходовали деньги съобща. Но все таки, несмотря на дружбу, обѣ онѣ высказывали мысль, что хорошо бы было какънибудь избрать другой родъ труда, наиримѣръ завести еще корову. Но завести корову хотѣлось каждой и обѣ не соглашались купить корову съобща,

Отъ этого произошло-то, что Катерина Васильевна стала поговаривать, что она хозяйка и ей никто не можетъ препятствовать дѣлать то, что она хочетъ. Такъ мысль о коровѣ и кончилась опять ничѣмъ.

Между тѣмъ въ старой улицѣ, гдѣ жили наши работницы, на нихъ стали смотрѣть какъ на нѣчто особенное. Эта улица была населена мелкимъ чиновнымъ людомъ и мѣщанскимъ сословіемъ. Люди эти жили тѣмъ, что занимались какимънибудь ремесломъ дома, или отдавали комнаты служащимъ въ присутственныхъ мѣстахъ лицамъ. Имъ не нравилось, что на ихъ улицѣ живутъ какія-то двѣ женщины, которыя бываютъ дома только по ночамъ и по воскресеньямъ. Особенно не нравилось ихъ женамъ, что при встрѣчѣ съ ними, Мокроносова и Хорохорова не только не кланялись имъ, но даже и не глядѣли на нихъ. Онѣ звали, чѣмъ занимаются эти женщавы, но никакъ не смѣли простить имъ этого неуваженія, а особенно того, что даже въ воскресенье и въ будничные хорошіе вечера, когда обитатели отъ мала до велика высыпали на улицу посплетничать и отвести душу разговорами, нашихъ работницъ не было видно на улицѣ. Все это ихъ злило, и онѣ всячески старались изловить ихъ въ чемънибудь.

Разъ Пелагея Прохоровна шла домой вечеромъ. У многихъ домовъ сидѣли женщины. Посреди дороги мальчуганы играли въ городки. Пелагея Прохоровна глядѣла впередъ и слышала, какъ про нее говорили, но она не повернула головы.

— Поломойка! — окликнулъ ее женскій голосъ, но она и не поглядѣла въ ту сторону, откуда ее спрашивали, и прибавила шагъ.

— Извѣстно, самая послѣдняя женщина. Тварь!— А какого она поведенія!— крикнули справа и слѣва.

Это разозлило Мокроносову и она остановилась.

— Што, небось неправду говорятъ? Сколько у тебя любовниковъ-то!

— Отсохли бы у васъ у всѣхъ языки-то,— крикнула Пелагея Прохоровна, плюнула и пошла.

— Какъ!! што!! Василь Иванычъ!— слышалось изъ разныхъ мѣстъ.

Въ Пелагею Прохоровну кинули мячикъ, она забросила его за чей-то дворъ. Это разозлило еще больше праздный народъ, къ ней подбѣжали женщины и стали ее ругать. Никакихъ оправданій никто не принималъ.

— Въ полицію ее! Бейте ее! она гульная.

Это оскорбленіе до слезъ проняло Мокроносову, однако ее не побили, потому что всѣ остались и тѣмъ довольны, что оскорбили беззащитную женщину. Но дерзости стали повторяться больше и больше, и наконецъ дошли даже до того, что въ одну ночь нѣсколько пьяныхъ писцовъ стали стучаться въ ворота хорохоровскаго дома и, не получивши никакого отвѣта, разбили стекло въ кухонномъ окнѣ. Улица отъ этой шалости пришла въ ярость: утромъ рано нѣсколько человѣкъ пришло въ кухню Катерины Васильевны и стали гнать ее изъ дому, а такъ какъ она доказывала свои права купчею крѣпостію, то три человѣка стали разламывать крышу съ дома, разломали трубу и стали выбрасывать ея вещи на улицу.

Такое самоуправство сосѣдей поставило нашихъ работницъ въ такое положеніе, что онѣ рѣшительно не знали, что дѣлать?.. Но это недоразумѣніе кончилось тѣмъ, что пришелъ квартальный надзиратель и повелъ ихъ въ часть, какъ того требовали всѣ близкіе сосѣди Катерины Васильевны, велѣлъ прекратить разборку дома, снести обратно вещи, но не доходя до части, освободилъ ихъ отъ ареста за пять рублей. У части Пелагея Прохоровна распостилась съ Катериной Васильевной.

Нанявши у одной мѣщанки комнату съ кухней за рубль серебромъ въ мѣсяцъ, Пелагея Прохоровна пустила на квартиру за полтинникъ женатаго писца, и по прежнему стала заниматься стиркой бѣлья. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого она встрѣтила на рѣчкѣ Катерину Васильевну.

— Ну, какъ живешь, Катерина Васильевна? — спросила она свою подругу.

По твоему: домъ продала за двадцать рублей. Наняла квартиру: двѣ комнаты съ кухней и прихожей— Въ кухню-то бѣлье стираю, а комнаты отдаю холостымъ приказнымъ.

— Холостымъ, говоришь?

— Такъ што такое? Я имъ и стряпаю. Дрова только дороги

и квартира студеная... По пяти рублей съ нихъ получаю. Одна мебель пятнадцать рублей стоила. Сынишко со мной теперь.

— Отчего мы прежде съ тобой не подумали такъ жить?

— Я думала, да проку не видно... Не знаю, что дальше будетъ? А корову не кушила?

— Съно нынѣ дорогое, съ коровой возни много.

Кончился мѣсяцъ, писецъ съ женой съѣхали. Осталась Пелагея Прохоровна одна во всей квартирѣ. Квартиру никто не смотритъ. Однако, платить за нее надо—заплатила, купила дровъ. Правда, она дома бывала рѣдко и поэтому могла сберечь деньги отъ пищи, которую ее угощали господа, но все-таки одной ночевать въ квартирѣ ей было скучно. Опять стали появляться въ головѣ мысли у ней, что не худо бы было имѣть свой домъ. Припомнились ей слова Короваева, его прощанье съ ней. „Гдѣ-то очь теперь? Поди, женился!“ И она старалась перебирать въ своей памяти всѣхъ мужчинъ, которые заигрывали съ ней. Но ни одинъ изъ нихъ не нравился ей такъ, какъ нравился Короваевъ. Она старалась не думать объ немъ, ей хотѣлось забыть его, но и при работѣ и лежа дома она раздумывалась о своей настоящей жизни, въ которой чего-то недоставало. „Нѣту у меня здѣсь родни, вѣтъ ни кола, ни двора, и работаю я только для того, чтобы мнѣ жить для самой себя... Поглядись на бабенокъ, все же имъ есть съ кѣмъ отъ души поговорить. А я одна, и любовника я не хочу имѣть...“

Такъ думала часто Пелагея Прохоровна за работой и безъ работы.

Наконецъ, зимой она впустила къ себѣ чиновника за рубль. Чиновникъ прожилъ у ней тихо недѣлю, и когда она уходила изъ дому, то бралъ ключъ съ собой. Потомъ чиновникъ изъявилъ согласіе, чтобы она готовила ему кушанье. Пелагея Прохоровна согласилась за пять рублей въ мѣсяцъ и стала стирать бѣлье на дому на холостыхъ чиновниковъ того присутственнаго мѣста, въ которомъ служилъ ея жилецъ. Въ первый мѣсяцъ, за всѣми расходами она выручила два рубля и нашла, что жипца съ пищею держать выгодно, потому что, готовя на чиновника, и она будетъ сыта.

Между тѣмъ ее безпокоилъ вопросъ, что-то подѣлываетъ ея дядя и гдѣ-то братья. Ей хотѣлось съѣздить въ заводъ, показаться въ немъ не прежней Мокроносовой, а теперешней городской Пелагеей Прохоровной, но у нея не было большихъ денегъ, а съ этою поѣздкою она потеряетъ прежнихъ господъ, на которыхъ стираетъ теперь, должна будетъ лишиться квартиры и съ тѣмъ вмѣстѣ самостоятельной жизни, хотя и тяжелой.

И она ограничилась тѣмъ, что послала въ Герентьевскій заводъ письмо къ одной своей подругѣ, которая недавно пріѣзжала въ городъ хлопотать о домѣ, доставшемся ей по духовной отъ мужа, но отвѣта не получила.

Разъ, идя домой подъ вечеръ съ взитымъ отъ одной чиновницы грязнымъ бѣльемъ, она поравнялась съ обозомъ, передніе возы котораго уже заходили въ постоянный дворъ. Обозъ былъ большой и загородилъ дорогу. Пелагея Прохоровна стала оглядывать обозъ и около одного воза увидала лицо, которое ей было знакомо. Обозъ остановился, Пелагея Прохоровна подошла къ извозчику. Это былъ Панфилъ Прохорычъ.

Пелагея Прохоровна ему очень обрадовалась.

— Да вѣдь ты на пріиски хотѣлъ идти?—спросила сестра брата.

— Мало што я хотѣлъ... Я было и пошелъ, да настрашали: говорятъ, на какой пріискъ попадешь. Если пріискъ хорошій и платять—ладно, если нѣтъ—другъ дружку обкрадываютъ. А вотъ я теперь въ извозчики нанялся... И это не нравится, потому все въ дорогѣ ходимъ... Думаю на желѣзную дорогу идти робить, говорятъ, тамъ очень, очень хорошо, потому работы много... Вотъ еслибы я имѣлъ деньги, хорошо бы было. Говорять, тамъ много прикащиковъ и каждый помногу наживаетъ.

— И ты этому вѣришь?

— Ей-Богу! Еслибы я накопилъ десять рублей, непременно ушелъ бы туда. Вотъ и Короваевъ съ Гришкой ушли на той недѣлѣ туда.

— Што ты! И Короваевъ?

— Вратъ што ли я стану?—Возы въ это время двинулись.

— Да ты врешь!! Гдѣ ты Короваева-то видѣлъ?

— Въ городѣ въ Прикамскѣ. Мы съ обозами на пристань ѣхали, а онъ съ Гришкой и съ Лизкой Ульяновой...

— Нѣтъ?!

— Ей-Богу... Лизка Ульянова съ матерью и ребятишками шла. И другіе тоже какіе-то съ ними... Куда?—спрашиваю. На желѣзную дорогу, говорятъ, далеко. А Короваевъ и говорить: а Пелагею Прохоровну видѣлъ?

— Нѣтъ?

— Видѣлъ, говорю. Онъ и говорить: замужемъ поди она? Нѣтъ, говорю, въ куфаркахъ живетъ...

Въ это время возы были все во дворѣ. Панфила крикнули и онъ ушелъ въ домъ.

XIX.

Сообщенныя Панфиломъ новости очень поразили Пелагею Прохоровну. Она никогда не думала, чтобы Короваевъ ушелъ изъ М. завода, чтобы Лизавета Елизаровна, привыкшая къ промышленной жизни, и мать ея могли пуститься въ незнакомыя имъ

мѣстности съ посторонними мужчинами. Ей не вѣрилось, чтобы это было такъ, что они ушли. А если они ушли, то тутъ есть какая нибудь причина. Но какая? Правда, она видѣла людей, натягивающихъ телеграфную проволоку, слыхала, что гдѣ-то строятъ желѣзную дорогу, а въ одно время только и было разговоровъ, что о постройкѣ отъ города желѣзной дороги, вслѣдствіе чего на рынкѣ по воскресеньямъ не одна сотня бродила мастеровыхъ, думая, что ихъ будутъ уже нанимать на желѣзную дорогу; но того, чтобы кто нибудь изъ знакомыхъ уходилъ далеко для работы на желѣзной дорогѣ, чтобы кто нибудь хвастался хорошимъ заработкомъ, она не слыхала. Да и что такое желѣзная дорога?... Все это маклаки смущаютъ рабочихъ. Но теперь Панфилъ совсѣмъ ее сбиль съ толку.

„Этотъ парнишка, какъ посидѣлъ въ острогѣ, совсѣмъ испортился,“—думала она, стараясь не вѣрить ему.

„А если они въ самомъ дѣлѣ ушли?“—спрашивала она себя, и ей дѣлалось обидно.

„Я вмѣстѣ съ нимъ шла. Я помагала Лизкѣ... и вдругъ ушли одни. Охъ, злые люди! Они только о себѣ заботятся... Тутъ непременно штуки какія нибудь... Вѣрно, Лизка сманила мать въ заводъ, потому-де Григорій чувствуетея и женится на ней, али въ любовницы къ себѣ возьметъ ее!“

Немного погодя, она думала иначе.

„Нѣтъ, Григорій Прохорычъ не такой... Какъ помоложе-то онъ былъ, ну, тогда, пожалуй бы, Лизка ему съла на шею и поѣхала бы. Ужъ коли онъ на прикащицкой любовницѣ хотѣлъ жениться! Ну, а какъ посидѣлъ изъ-за этой голубушки въ острогѣ опытиѣ сталь... На Лизкѣ ужъ онъ не женится... Эдакая, подумаешь ты, безстыжая! человѣкъ ее ненавидитъ, а она за нимъ... А Короваевъ-то? Короваевъ-то?“

Но про Короваева она не знала, что и подумать, потому что этотъ хитрый, по ея мнѣнію, человѣкъ ничѣмъ не связанъ съ ней. Ей хорошо помнятся его слова: „у меня ничего нѣтъ, кромѣ долота и пилы. Я иду,—говорилъ онъ,—добывать себѣ капиталы. Если, говорилъ, ты не выйдешь замужъ, я, говорилъ, буду свататься за тебя.“

„Вотъ онъ, женишокъ-то любезный!... Онъ поди теперь посмѣивается: жди, молъ...“—говорила чуть не громко Пелагея Прохоровна.

На другой день она нарочно сходила на постоянный дворъ, но не въ тотъ, въ которомъ остановился ея братъ, а въ другой. Тутъ она узнала отъ ямщиковъ, что дѣйствительно изъ М. завода многіе идутъ на желѣзную дорогу, потому что въ М. теперь работы стало меньше противъ прежняго.

—Какъ начали фабрики-то строить, народу навалило въ М. изъ всѣхъ заводоу и деревень! Работа была всѣмъ, платили

хорошо; а теперь работы стало меньше, и то парви больше самыя трудныя работы справляютъ—около огня, али около машны, пожилые не выносятъ, хвораютъ, ну и плата, значить, стала небольшая. Вотъ кто скопиль немного деньжонокъ, заплатилъ за годъ оброки—и пошелъ на желѣзную дорогу. Тамъ, говорягъ, и по полтора цалковыхъ за сутки платягъ. Это выходитъ въ мѣсяць сорокъ пять цалковыхъ...—говорилъ Пелагея Прохоровнѣ одинъ ямщикъ.

—Но вотъ ты нейдешь же туда.

—Эхъ, дѣваха! Ты думаешь, хорошее наше житье-то? Кабы не привычка отъ пзмалѣтства къ этому дѣлу, удержалъ бы ко меня на одномъ мѣстѣ? Ни! И такъ все грозить, што и у насъ такую дорогу построить. Ну, и урываешь: чуть пзлизекъ какой будетъ, надо бы къ дому, али откупить землю, возьмешь да и купишь еще лошадь... А ты не туда ли хошь?

—Нѣтъ.

—То-то. Вы въ городахъ-то какъ поживете, такъ васъ и рукой не достанешь. Хоть ѣсть нечего, а въ городѣ лучше нравится жить.

—Какое житье!

—То-то. Поди, предметъ есть?

Теперь ужъ Пелагея Прохоровна не сомнѣвалась въ томъ, что Короваевъ ушелъ на желѣзную дорогу. Ей припомнилось обѣщаніе Короваева написать ей въ село черезъ мѣсяць. „Значить, и тамъ нехорошо. Поэтому онъ и не извѣщалъ меня, и не хотѣлъ, чтобы я шла туда.“

Она не обвиняла Короваева; напротивъ, онъ былъ правъ. И въ самомъ дѣлѣ, что за жизнь, когда и одному-то ѣсть нечего, а тутъ еще будутъ дѣти... Прежде вонъ въ заводахъ надѣтей провіантъ давали, а теперь не только не даютъ провіанту, а отымаютъ и покосы, и дома; теперь за все плати деньги, а платы за трудъ едва достаетъ, чтобы покупать муку, которая съ каждымъ мѣсяцемъ вездѣ дорожаетъ. На рынкѣ только и разговору, что богатые люди скупили муку, что въ такомъ-то мѣстѣ неурожай, а отъ эгого и мясо и прочее стало дорого. Поневождъ будешь искать мѣста, гдѣ лучше. Вотъ она теперь и квартиру свою пмѣтеть, а едва сводить приходъ съ расходомъ. Хорошо еще, что у нея чиновникъ живетъ не требовательный: самъ сапоги себѣ чистить, самъ въ лавочку за табакомъ и калачами ходитъ, и ничего не говоритъ, если она подаетъ ему вчерашнія подогрѣтыя щи. Въ скоромные дни и она сыта отъ этого чиновника, потому что онъ за хлѣбы платитъ въ мѣсяць пять рублей, а вотъ въ постъ — не знаешь, что и варить: чиновникъ проситъ уху изъ окуней или ершей, жаркое тоже изъ рыбы, а рыба дорога, фунта едва на обѣдъ достанетъ. Не станешь же кормить его горошницей, али картофельной похлебкой... Хотя же она и получаетъ деньги за

стирку бѣлья и мытье половъ, такъ мало ли и расходовъ по хозяйству? то дровъ надо купить, то мыла, то синьки, то крахмалу, свѣчъ; горшокъ какойнибудь разобьется, надо новый завести и т. п. И вся жизнь только въ томъ и заключается, что съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера работаетъ, такъ что въ иной день и сидѣть-то рѣдко приводится, и хотя бы покой былъ, а то все думаешь о томъ, какъ бы тебя похвалили, а не обругали, какъ бы все было цѣло. Въдъ это рѣдкость, чтобы барыня при отдачѣ денегъ не обругала. Отъ сосѣдей тоже непріятности; не многіе вѣрятъ, что она не имѣетъ любовника, и распускаютъ разные толки. Всѣ эти толки съ разными прикрасами передавала ей хозяйка дома, къ которой каждый вечеръ приходилъ отставной вахтеръ, значительное лицо въ приемной одного высшаго въ этомъ городѣ присутственнаго мѣста. Такъ ужъ сложилась городская жизнь, что о бѣдной рабочей женщинѣ не вѣрили, чтобы она могла жить самостоятельно и не обращая вниманія на любезности жильца. И вотъ, Целагеѣ Прохоровиѣ городъ сталъ казаться противнымъ со всеми его обывателями.

Ну куда идти? Вотъ вопросъ, который заставлялъ ее крѣпко призадумываться, потому что всѣ тѣ, у которыхъ она спрашивала о томъ, гдѣ строится желѣзная дорога, не зная объ этомъ, а говорили, что гдѣ-то далеко. Даже ея жилецъ, изрѣдка читающій газеты, говорилъ, что по желѣзнымъ дорогамъ у насъ уже ѣздить, и строятся другія, только онъ не обратилъ вниманія на мѣстность, потому что дороги строятся не въ нашей губерніи. „Стройся дорога въ нашей губерніи, меня никто не удержалъ бы въ правленіи, потому я человекъ трезвый, имѣю три чина и мнѣ тамъ дали бы хорошую должность. А далеко ѣхать не стоитъ, потому что и въ тѣхъ губерніяхъ много такихъ чиновниковъ, какъ я.“ — „Кабы близко!..“ — думала Целагея Прохорова... Чѣмъ больше она думала, тѣмъ больше ей противна казалась теперешняя работа, тѣмъ сильнѣе хотѣлось уйти изъ этого города. Только куда уйти? Кромѣ этого ее затрудняло то: лучши ли тамъ? Въдъ Короваевъ не бывалъ тамъ, а если онъ шелъ въ М. заводъ, то потому, что ему этотъ заводъ хвалили!.. „Что будетъ, то и будь, а здѣсь я не останусь. Если здѣсь не знаютъ дороги на желѣзную дорогу, пойду въ Прикамскъ. Въдъ ходятъ же бабы на богомолье и въ Кіевъ, и въ Иерусалимъ, а сперва тоже не знаютъ дороги. А чѣмъ н-то хуже ихъ? Онѣ ходятъ потому, што имъ ходить нравится и ханжи потакаютъ имъ, а я пойду на работу. Што мнѣ, въ самомъ-то дѣлѣ, на одномъ мѣствѣ жить? Будто я чѣмъ связана здѣсь...“

И она объявила жильцу, что идетъ на желѣзную дорогу работать.

Это очень удивило жильца и онъ сказалъ:

— Полно-ка, Пелагея Прохоровна, уможь-то мутить. Пословица говоритъ: на одномъ мѣстѣ камень обрастаетъ. Ну, куда ты пойдешь и зачѣмъ? Чего еще тебѣ здѣсь мало?

— То-то вы мужчины и не понимаете, што нашему брату трудно деньги достаются.

— Ну, матушка... Што жь дѣлать: черезъ силу п конь не скачетъ.

Жилецъ сталъ отговаривать ее. Катерина Васильевна пугала ее, говоря: какъ она пойдетъ одна такую даль. Но она твердо рѣшилась идти и ее останавливало только безденежье. На лицо у нея было денегъ около рубли; посуда, корыто и т. п. принадлежности для бѣлья стоили ей три рубля; два платья стоили на худой конецъ рублей десять, ну и другія вещи можно продать, какъ-то: платокъ шерстяной, купленный ею къ пасхѣ, теплый шугайчикъ, — можетъ и дадутъ рубля три. Кромѣ этого ей должны были двѣ барыни за стирку и за мытье половъ и четыре прачки, которымъ она давала по мелочамъ дня на два, на три, и онѣ не отдавали денегъ уже цѣлые мѣсяцы. Пошла она къ барынямъ, тѣ просили подождать до полученія пенсiи; прачки, узнавъ, что она хочетъ идти въ Прикамскъ, не сказали, когда онѣ могутъ отдать долгъ. Прошелъ мѣсяць. Въ продолженiе его Пелагея Прохоровна работала изо всей силы, но за работу получила денегъ даже меньше прежняго; изъ словъ тѣхъ, на которыхъ она работала, въ родѣ такихъ: „скоро ты богаче насъ будешь“, она поняла, что ей не хотить платить потому, что надѣются отдѣлаться отъ нея ничѣмъ, такъ какъ она хочетъ идти. За вещи давали тоже почти десятую часть, зная, что она очень нуждается въ деньгахъ.

Это еще болѣе раздосадовало Пелагею Прохоровну. Въ свободное воскресенье она сама стала продавать на талкучкѣ платье, платокъ и шугайчикъ и только къ вечеру продала ихъ за пять рублей. Въ понедѣльникъ она получила нѣкоторые долги и у ней сосланилось капиталу семь рублей.

Распростившись съ чиновникомъ, съ хозяйкой и сосѣдками, она пошла на постоянный дворъ. Тамъ она узнала, что на желѣзную дорогу идти гораздо короче и гораздо дешевле не черезъ Прикамскъ, а на городъ Поярковъ, откуда она за рубль можетъ уплыть на пороходъ до Нижняго.

Такъ и сдѣлала Пелагея Прохоровна, отправившись за полтинникъ до Пояркова съ обозами.

Въ Поярковѣ она увидала людей, выговаривающихъ уже иначе, людей развитыхъ на столько, на сколько жизнь на большой рѣкѣ и постоянныя столкновенiя съ людьми изъ разныхъ мѣстъ могутъ развитъ ихъ умственную дѣятельность, людей

здоровыхъ, сильныхъ, красивыхъ, людей, преимущественно прокармливающихъ свои семейства работою на пристаняхъ, — словомъ, людей смышленѣ Пелагеи Прохоровны.

Дѣло въ томъ, что городъ находился на такомъ мѣстѣ при рѣкѣ, гдѣ было удобно какъ по глубинѣ рѣки, такъ и отлогому берегу приставать пороходамъ, судамъ, баркамъ, плотамъ, грузить въ нихъ и выгружать изъ нихъ товары на берегъ, на которомъ постоянно на нѣсколько сотъ сеженъ были покладены товары, покрытыя цыновками, а дрова тянулись и не на одну версту. Здѣсь постоянно, даже и по ночамъ, когда приставали къ городу для нарузки дровъ пассажирскіе пароходы, работы было много и для мужчинъ, и для женщинъ, но такъ какъ городъ былъ небольшой и татарскій, и татары занимались больше садоводствомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ, то рабочихъ рукъ все-таки было немного, такъ что не рѣдкость было увидать на пристани работающихъ стариковъ и мальчиковъ отъ четырнадцатилѣтняго возраста. Пелагеѣ Прохоровнѣ нравилось оживленіе на пристани, оживленіе въ ближайшихъ къ рѣкѣ улицахъ. Здѣсь она не видала той вражды, происходящей на промыслахъ между мужчинами и женщинами, напротивъ, здѣсь мужчины и женщины, работая вмѣстѣ, свободно обращались другъ съ другомъ и хвастались одни передъ другими, кто больше получилъ денегъ. Но и здѣсь она не замѣтила особеннаго довольства. Недостатки были у всѣхъ, и она относилась это къ тому, что здѣсь вездѣ пили чай, вездѣ обѣды состояли изъ щей и кашп, у рѣдкихъ не имѣлось скота, а главное, всѣ жаловались на большіе оброки и другія взысканія. Съ перваго же дня по прибытіи въ городъ она стала работать на пристани, а такъ какъ она была здѣсь лицо новое, то ее стали распрашивать, и всѣ хвалили ее за то, что она пошла сюда. Ей приводилось носить товары или дрова на носилкахъ вдвоемъ и она носила съ женщинами, изъ которыхъ одна и приняла ее на квартиру. У этой женщины она не замѣтила нищеты: все у ней было хорошо, дѣти ея не ходили оборванные, она пила чай; съ мужемъ, работающимъ тоже на пристани, она не ссорилась. Отъ нихъ она узнала, гдѣ строится желѣзная дорога, только они не совѣтовали ей идти туда, потому что тамъ рабочихъ очень много и женщинамъ приходится только копать и возить землю, за что платятъ мало. Лучше будетъ для нея, если она пойдетъ въ Москву.

„Въ самомъ дѣлѣ, што мнѣ дѣлать на желѣзной дорогѣ?“ думала Пелагея Прохоровна. — Здѣшняя жизнь ей казалась лучше заводской, и она думала, что чѣмъ дальше она пойдетъ, тѣмъ больше она увидитъ новаго, хорошаго и останется тамъ, гдѣ ей лучше понравится, ее тянуло дальше и она спросила:

— А далеко Москва?

Ей сказал.

Выручивши на пристани три рубля, Пелагея Прохоровна отправилась на баркѣ до Костромы. О путешествіи Пелагеи Прохоровны говорить нечего. Чѣмъ дальше она плыла, чѣмъ ближе подвигалась къ Москвѣ, тѣмъ больше она видѣла хорошаго: города были красивые, люди говорили свысока, не глядѣли такъ робко, какъ въ Заводскѣ, гдѣ она жила въ кухаркахъ; рѣже она стала встрѣчать лапотниковъ, да и по берегамъ рѣки попадались хорошія пашни. Здѣсь никто не бранилъ ее за то, что она пошла искать мѣсто, гдѣ лучше, напротивъ, ее хвалили за это, хотя и говорили, что Богъ знаетъ, гдѣ лучше... Многіе вонъ все больше въ Петербургъ идутъ, и какъ зайдетъ человѣкъ туда, такъ и живетъ тамъ, говорили ей въ заключеніе.

Въ Ярославлѣ она увидала нѣсколькихъ мужиковъ и одѣтыхъ подеревенски женщинъ. Любопытно ей стало, потому что у каждаго человѣка былъ узелокъ, сундучекъ или сума, и она спросила одну изъ женщинъ, куда они ѣдутъ.

— Въ Питеръ, матушка. А ты?

— На желѣзную дорогу.

— Ой, голубушка... Оттодь идемъ.

— Худо тамъ?

— Съ голоду помрешь. Такой жизни никому не пожелаешь.

— А я въ Москву тоже думаю.

— Въ Москву наводитъ тоску!—сказалъ одинъ мужичина, захотавъ.

Пелагея Прохоровна не знала, что ей дѣлать, куда идти. Въ Нижнемъ она пробыла четыре дня, но здѣсь она большею частію сидѣла на баркѣ, потому что отъ нея на берегъ пужно было плыть въ лодкѣ. Въ Нижнемъ въ это время была ярмарка, Волга была почти на половину запружена судами и пароходами, по подгорью кишилъ народъ; отовсюду, и съ берега, и съ рѣки, слышался говоръ, возгласы, шумъ, трескъ и свистки парашодовъ. Ее, робкую женщину, все это поражало; на все она смотрѣла съ удивленіемъ, обо всемъ разспрашивала... Впрочемъ, она разъ сходила съ судорабочими на ярмарку, но, воротясь оттуда, ничего не могла сообразить. Она видѣла только огромную толкучку всякихъ людей, смѣсь всевозможныхъ товаровъ, она была оглушена неописуемымъ говоромъ и трескомъ; она ходила тамъ какъ угорѣлая, и когда вернулась на судно, у нея долго болѣла голова... „Господи, думала она, сколько тутъ народу! И откуда только народъ этотъ взялся... Хорошо-то какъ здѣсь“. Но тутъ она не осталась. „Гдѣ ужъ мнѣ тутъ жить! Вонъ купила я булку — десять коп. заплатила; за вѣшенье дала двадцать коп... Въ платкѣ у меня была завязана рублевая бумажка, платокъ я положила въ карманъ — вытатили... Здѣсь только на берегъ выйди — непременно чего нибудь купишь... Нѣтъ, Богъ съ нимъ, и съ большимъ городомъ“. За Нижнимъ она видѣла много народу только на пристаняхъ боль-

шихъ городовъ, гдѣ рабочихъ было все меньше и меньше на берегахъ; больше и больше ей приводилось видѣть бурлаковъ, тянувшихъ кверху суда, вездѣ только и было разговоръ, что о большихъ оброкахъ, о плохихъ урожаяхъ, строгихъ господахъ, недодачахъ жалованья и платы за трудъ, обманахъ прикащиковъ, живущихъ на счетъ рабочихъ людей... Чѣмъ дальше она плыла, тѣмъ больше она видѣла фабрикъ, съ дымящимися высокими трубами, винокуренныхъ заводовъ, и тѣмъ больше слышала жалобъ на худое житье и видѣла людей, куда-то идущихъ съ котомками на плечахъ... И кого она ни спросить: куда идетъ этотъ народъ? Ей отвѣчали: туда, гдѣ лучше! На заработки. Но гдѣ такое мѣсто, ей не могли отвѣтить, а только говорили, что они идутъ въ Петербургъ.

Но отчего же ей совѣтовали въ Поярково идти въ Москву, а здѣсь народъ съ пренебреженіемъ отзывается объ Москвѣ, идти въ Петербургъ?

— А што, разѣ не хорошо въ Москвѣ?—спросила она одного мужчину, хваставшагося на постояломъ дворѣ тѣмъ, что супротивъ такого города, какъ Петербургъ, нигдѣ нѣтъ такихъ городовъ и ему Питеръ извѣстенъ и вдоль, и впоперекъ.

— Москва-то? Што Москва? дрянь, окромя святыхъ угодниковъ... Супротивъ Питера далеко не доросла...—старался объяснить мужчина.

— Да вѣдь она столица?

— Объ этомъ кто спорить!... Москва большая деревня—вотъ што!—сказалъ мужчина, довольный тѣмъ, что онъ объяснилъ-таки, почему Москва хуже Петербурга.

— Вовсе не то ты толкуешь: въ Питерѣ завсегда работу достанешь, а въ Москвѣ не то,—сказалъ другой мужчина.

— Ну, нѣтъ: Москва приторна... Тамъ живешь какъ будто не на своемъ мѣстѣ, въ Питерѣ хочется, а какъ поживешь въ Питерѣ, не заманишь тебя въ Москву и калачомъ московскимъ, такъ разѣ, когда домой пойдешь, зайдешь къ святымъ угодникамъ помолиться.

— Хорошо ли тамъ-то?—приставала Пелагея Прохоровна.

— Бамамъ тамъ хорошо,—говорили мужчины.

Женщинъ, живавшихъ въ Петербургѣ, здѣсь не видно было. Туда шли женщины на заработки въ первый разъ съ мужьями, шли дѣвицы, говоря, что у нихъ тамъ, въ Петербургѣ, живутъ родные.

И Пелагея Прохоровна рѣшилась плыть до Твери, откуда, какъ ей говорили, до Петербурга желѣзная дорога.

Въ Твери она въ первый разъ увидала и желѣзную дорогу, и поѣзды, третъеклассные вагоны, которые были наполнены большею частію простымъ народомъ. Здѣсь она увидала и прѣзжающихъ изъ Петербурга. Стала она спрашивать женщинъ

о жить въ Петербургѣ, но одинъ изъ нихъ хвалили петербургскую жизнь, другія нѣтъ. Она замѣтила, что даже и тѣ, которыя ругали Петербургъ, все-таки ѣхали домой не надолго.

Должно быть тамъ хорошо, думала она. Ужъ много я шла сама не зная куда, а теперь вонъ сколько народу-то ѣдетъ и когда ни спросишь: ты куда? онъ говоритъ: куда! знамо въ Питеръ!

И Пелагея Прохоровна, взявши билетъ, сѣла въ вагонъ третьяго класса.

Скоро поѣздъ пошелъ, и еще скорѣе она познакомилась съ своими сосѣдями.

XX.

Вся зима прошла на приискахъ въ постройкахъ на новомъ приискѣ, который былъ названъ Ново-Удойкинскимъ. Золото въ это время не промывалось, потому что приходилось много времени употреблять на копаніе канавъ, которыя проводили къ новымъ постройкамъ, устроеннымъ по совѣту Костроминна и другихъ рабочихъ. Денегъ у главнаго довѣреннаго было не много, рабочимъ онъ выдавалъ по малости, такъ что имъ едва доставало въ теченіе недѣли на хлѣбъ. Рабочіе ругались, но сознавали, что, пожалуй, довѣренному не пзъ-за чего платить много денегъ, не получивши золота, да и Богъ знаетъ, будетъ ли еще много золота на новомъ мѣстѣ. Поэтому старые рабочіе уходили на другіе прииски, новыхъ прибывало мало, а пзъ оставшихся большинство хворало и имъ не оказывалось никакой медицинской помощи. Весной вода залила почти все пространство какъ на старомъ, такъ и на новомъ приискахъ, и съ ней было много хлопотъ, но все-таки золота промывалось гораздо больше, чѣмъ на старомъ приискѣ, и поэтому на новомъ приискѣ было до шестидесяти мужчинъ и до двадцати женщинъ. Но у довѣреннаго все-таки не было денегъ и онъ давалъ Костромину росписку за роспиской въ должныхъ ему деньгахъ, потому что Костроминъ снабжалъ всѣхъ рабочихъ хлѣбомъ, капустой, солью и другими овощами. Хотя же полпуда золота и было отправлено въ горное правленіе, но оттуда денегъ не выдали.

А тутъ разнеслась по приску вѣсть, что старецъ Яковъ померъ; дѣти увезли его въ село, разломали избу и сами скрылись неизвѣстно куда. Костроминъ съездилъ туда удостовѣриться и вернулся больвой; черезъ три дня и онъ померъ. Запечалились на приискахъ всѣ рабочіе, потому что Костроминна они любили, онъ многихъ выручалъ изъ бѣды, давалъ за крупинки золота деньги, такъ что нѣкоторымъ рабочимъ незачѣмъ было уходить въ другія мѣста для продажи его. Кромѣ этого рабо-

чимъ не нравился другой Костроминъ, Степанъ и его жена Анисья, которые постоянно присчитывали на рабочихъ деньги; всѣ думали, что теперь хоть живой ложись въ землю. Особенно всѣ почувствовали, какъ нехорошо жить безъ хорошаго человѣка на припекахъ тогда, когда Костроминъ увезли хоронить старика въ село, заперевъ домъ. Два дня еще прошло—ладно, на третій ни у кого не было хлѣба, даже изъ дома довѣреннаго по нѣскольку разъ посылали къ дому Костромина узнать, пріѣхали ли торгошн; нѣкоторые рабочіе такъ даже и сидѣли у дома Костромина, думая, что если пріѣдутъ Степанъ или жена его, то они напередъ отпустить довѣренному; но Костроминъ не являлись. Терпѣніе рабочихъ и довѣреннаго истощилось, почему первые выломали двери въ домъ Костромина, но въ домъ не нашли ни куска хлѣба, а забрали всю водку, пиво и брагу; довѣренный послалъ въ село Горюнова за покупкой муки и другой провизіи, о чемъ его просилъ самъ Горюновъ, думая двадцать пять руб., полученные имъ отъ Костромина, употребить въ дѣло.

Горюновъ, пріѣхавъ въ село, первымъ дѣломъ купилъ за десять рублей лошадь и за три крестьянскую телѣгу, потомъ уже закупилъ муки, крупы, соли и мяса. Едва онъ вѣхалъ на припски, какъ его окружили рабочіе, требуя муки. Никакія увѣщанія Горюнова не принимались, и онъ долженъ былъ дать имъ цѣлый мѣшокъ муки, доказывая, что мука принадлежитъ ему.

По окончаніи дневныхъ работъ, когда одни изъ рабочихъ сидѣли на горѣ и пѣснями старались немного развлечь себя, а другіе сидѣли подъ горой, разсуждая о пріисковой жизни въ Сибири и на Уралѣ, о жизни каторжныхъ и о прежнихъ хорошихъ временахъ, когда торговать золотомъ было не въ примѣръ лучше теперешняго, Горюновъ подошелъ къ нимъ и, поговоривъ немного о бывшемъ его заводскомъ начальствѣ, началъ:

— А што-то Степанко Костроминъ не ѣдетъ.

— А што?

— Должно быть, вашель добрую землю. Ужъ не продаетъ ли онъ какое нибудь мѣсто.

Рабочіе загадили. Увидавши волненіе влѣзу, рабочіе, сидѣвшіе на горѣ, спустился внизъ и подошли къ этимъ.

— Да ты это откуда узналъ?—спрашивали пришедшіе Горюнова.

— Я только предполагаю, потому сами разсудите, сколько они съ насъ брали за все.

— Брали дѣйствительно дорого.

— А можно бы и безъ нихъ обойтись,—сказалъ Горюновъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Вотъ обошлись же и безъ нихъ, не помер-

ли. А муку я покупалъ на половину дешевле, чѣмъ они намъ продавали.

— Ты къ чему это, Тереха, рѣчь-то ведешь?—спросилъ вдругъ Анучкинъ, не принимавшій доселѣ участія въ разговорахъ.

— Къ тому, што и самимъ можно покупать муку. Стоитъ телько челоувѣка надежнаго выбрать.

— Не думаешь ли ты, што ты одинъ надежный челоувѣкъ?—говорилъ Анучкинъ.

— Я только къ слову сказалъ... я говорю—выбрать...

— То-то... Не хочешь ли ты, кривая собака, востроминское мѣсто занять?

— Можетъ быть, тебѣ угодно, потому ты и спрашивасшь.

— А позволъ-ко тебя спросить: откуда ты деньги взялъ? На какія ты деньги муку купилъ?

— Про то я знаю... Можетъ, у тебя есть деньги, да ты небось не купилъ муки... Братцы!—обратился Горюновъ къ рабочимъ, съ недоумѣниемъ смотрящимъ то на Анучкина, то на Горюнова:—хорошо ли я сдѣлалъ, што муку привезъ?

— Кто объ этомъ спорить!

— Ну, а вотъ ему хочется, штобы мы съ голоду мерли.

Одни изъ рабочихъ захохотали, другіе стали ругать Анучкина. Анучкинъ пошелъ. Горюновъ пошелъ за нимъ.

— Послушай, Тарасъ Трифонычъ, изъ за чего ты на меня зубы-то грызешь?—спросилъ Горюновъ Анучкина:—насчетъ этого у насъ уговору не было... Въдь ты не захотѣлъ же почему-то купить муки, а теперь, какъ другой купилъ, ты изавидуешь... Послушай, Тарасъ Трифонычъ. Я давно насчетъ этого думалъ, и думалъ именно заняться торговлей съ тобой. А што я не объявилъ объ этомъ раньше тебѣ, такъ не зналъ, какъ это понравится рабочимъ. Хочешь вмѣстѣ торговать?

Анучкинъ не соглашался, но къ утру, когда на прискахъ всѣ спали, уѣхалъ на Горюновской лошади.

— Воръ! Посмотримъ, какъ онъ намъ шары свои покажетъ,—говорили утромъ рабочіе про Анучкина, узнавши объ его продажѣ.

— Богъ съ тобой, Горюновъ! Не я ли тебя взялъ съ собой на приски, а ты другому предоставляешь барыши,—говорилъ Ульяновъ.

— Елизаръ Матвѣичъ! Я ли не другъ тебѣ...

— Такъ друзья не дѣлають: ты отъ меня все особо, все особо...

— А кто виноватъ? Не ты ли больше всѣхъ ходишь въ лѣсъ стрѣлять птиць... Кто велѣлъ тебѣ зимой стѣюда уходить? Самъ ты не хочешь со мной якшаться. Насильно милому не быть.

Скоро послѣ этого пріѣхалъ Анучкинъ. Анучкина обругали, но онъ сказалъ: меня просилъ Горюновъ съѣздить, я и съѣздилъ.

— Такъ, Тарасъ Трифоновъ, вельзя,—началъ Горюновъ.

— Почему? По моему удобію попеременно ѣздить, чтобы другъ другу не завидно было.

Такъ и стали Горюновъ съ Анучкинымъ торговать, переселившись въ домъ Костроминъ съ Офимьей и Глузовыми, изъ которыхъ Офимья готовила кушанье даже на довѣреннаго и пекла хлѣбы на рабочихъ, а послѣдніе, въ отсутствіе Горюнова и Анучкина, продавали рабочимъ табакъ, водку и калачи. Теперь вечера рабочіе стали проводить въ домъ Костроминъ.

Явился прикащикъ въ сопровожденіи солдатъ—значило, что онъ везъ деньги—и Костроминъ.

Костроминныхъ не пускали въ ихъ домъ, они условіями и росписками доказывали право на владѣніе домомъ, и хотя потомъ пустили ихъ, но никто не сталъ у нихъ покупать ничего. Довѣренный разсчиталъ рабочихъ, рабочіе не стали платить долговъ Костромину и дали Горюнову денегъ на закупку съѣстныхъ припасовъ и водки. Горюновъ побоялся ѣхать въ село, передалъ деньги Анучкину; Анучкинъ командировалъ Ульянова, не сказавъ объ этомъ Горюнову. Ночью Костроминъ уѣхалъ со всѣмъ имуществомъ съ приска и зажгли свой домъ. Анучкинъ поѣхалъ за ними слѣдомъ и къ утру наѣхалъ на мертвое тѣло: Ульяновъ лежалъ поперегъ дороги съ прострѣленной головой. Денегъ при немъ не оказалось.

Объ этомъ происшествіи объявлять не стали, а изъ среды раскольниковъ рабочихъ нашелся одинъ попъ, который и отпѣлъ Ульянова по своему. Всѣ здоровые рабочіе сопровождали до могилы Ульянова, изрѣдка перекидываясь словами, но никто такъ не былъ печаленъ, какъ Горюновъ, который всю вину въ смерти Ульянова сваливалъ на себя и на Анучкина.

И такъ теперь Горюновъ и Анучкинъ сдѣлались маркитантами. Дѣла ихъ шли хорошо тогда, когда были на прискахъ деньги, и худо тогда, когда на прискахъ не было денегъ. Но за то теперь на прискахъ уже было меньше больныхъ, потому что оба торговца брали съ рабочихъ небольшіе проценты на свой затраченный капиталъ, на прискахъ больше и больше стало расходиться водки, больше появилось гармоній и балалаекъ, но было уже меньше такихъ оргій, которыя происходили при Костроминѣ, потому что большинство здоровыхъ рабочихъ все свободное время проводило въ лавочкѣ.

Прошла зима, въ теченіе которой золота добывалось мало и начальство часто уѣзжало недѣли на три изъ присковъ. Весной довѣренный заплѣ.

Разъ, во время отсутствія Анучкина, прибѣгаетъ Николай Глумовъ и говоритъ Терентію Иванычу, что онъ, перейдя гору Троскурицу, въ пяти верстахъ вверхъ по рѣкѣ отъ построекъ Ново-Удойкинскаго пріиска, нашелъ самородку. Самородка вѣсила четверть фунта. Горюновъ тотчасъ же предложилъ за нее мальчику десять рублей. Тотъ отдалъ и даже вызвался показать ему мѣсто, которое имъ замѣчено, тѣмъ, что онъ воткнулъ въ гору палку.

Съ горы, съ того мѣста, въ которомъ Николай Глумовъ воткнулъ палку, представлялся великолѣпный видъ: на нѣсколько верстъ подъ горой волнами росъ лѣсъ; кое-гдѣ казалось, какъ будто сдѣлана просѣка, но между тѣмъ оттуда выходила зигзагами рѣчонка, начало и конецъ которой терялись въ лѣсахъ; кое-гдѣ видѣлось большое озеро, какъ будто отлого положенное разбитое стекло на зеленѣющую массу лѣса; справа и слѣва возвышались точно луковицы горы или съ чернымъ лѣсомъ, или съ бѣлою или глинистою почвою. Здѣсь царилъ тишина, прерываемая только чириканьемъ птичекъ, карканьемъ воронъ и шибетаньемъ сорокъ.—Въ полуторѣ верстахъ отъ горы Николай Глумовъ указалъ на небольшой холмъ, поросшій невысокими соснами, которой былъ окруженъ кустарникомъ березы, рѣдкимъ до того, что къ нему свободно проходило солнце, и около него съ одной стороны журчалъ узенькій источникъ. Здѣсь въ кварцовыхъ породахъ Горюновъ увидалъ золотоносныя росыщи, которыя чуть-чуть были видны для глазъ и тянулись по дугу саженъ на двѣсти.

Горюновъ запримѣтилъ мѣсто и пошелъ на югъ по теченію источника, но источникъ вдался вправо, мѣстность была холмистая; между холмами не было воды; ему пришлось проходить черезъ густой лѣсъ, потомъ наткнуться на аршинную змѣю, на болото, на рѣчку и только къ вечеру на другой день онъ вышелъ съ Глумовымъ на Старо-Удойкинскій пріискъ.

Анучкинъ былъ дома и подозрительно смотрѣлъ на Горюнова, разспрашивая, гдѣ онъ былъ такъ долго, но Горюновъ говорилъ, что онъ искалъ свою лошадь.

Довѣренный между тѣмъ пьянствовалъ, такъ что всѣми дѣлами заправлялъ прикащикъ съ ревизоромъ. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ Горюновъ нашелъ телку, прикащикъ, оставивъ Анучкина при довѣренномъ для того, чтобы если довѣренному понадобится водка, то Анучкинъ подавалъ бы ему ее, ушелъ съ ревизоромъ на охоту.

Анучкинъ рѣдко приходилъ къ Горюнову, а когда вечеромъ Горюновъ пришелъ навѣдать его, то нашелъ его запершимся въ комнатѣ. Сквозь замочную скважину Горюновъ увидалъ, что Анучкинъ что-то дѣлаетъ, наклонившись къ полу.

— Вижу, все вижу,—безсовѣтный. Вотъ тѣ и товарищъ!—проговорилъ Горюновъ.

Анучкинъ вздрогнулъ, подошелъ къ двери и тоже взглянулъ въ замочную скважину, но такъ какъ въ нее глядѣлъ Горюновъ, то онъ увидалъ только черной зрачокъ.

— Отпирай!—шепнулъ Горюновъ.

— Не довнесешь?

— Провалиться!

Анучкинъ отперъ дверь.

Довѣренный лежалъ на спинѣ съ посинѣлымъ опухшимъ лицомъ и открытыми глазами, на которые уже были наложены мѣдныя гривны. Онъ умеръ. Въ комнатѣ было душно, жарко; но Анучкинъ работалъ усердно: онъ уже до половины разобралъ вещи въ чемоданѣ, принадлежащемъ довѣренному, и только на днѣ его увидалъ кожаную сумку, наполненную золотомъ.

Анучкинъ раздѣлилъ золото пополамъ съ Горюновымъ, рассыпавъ его въ плитки; затѣмъ сумку положилъ на мѣсто, скралъ вещи, заперъ чемоданъ и положилъ ключи подъ подушку довѣреннаго. Затѣмъ они вышли изъ избы, чтобы спрятать золото.

— Ну, Терентій Ивановичъ, молчокъ!

— Ты только молчи. Не удрать ли намъ теперь.

— А въ лавкѣ кто?

— Возьмемъ съ собой Кольку Глумова.

— Это на какой предметъ?

Горюновъ спохватился.

— Ты, братъ, не копн. Я за Колькой давно слѣжу... Знаю, братъ, куда онъ ходитъ въ лѣсъ-то.

— Куда?

— А за пять да за шесть верстъ... Однако, Горюновъ, намъ надо рѣшиться съ тобой: намъ съ тобой обоимъ послѣ этого не ужиться на пріискѣ. Мы и раньше ссорились другъ съ другомъ. Намъ надо разойтись: или тебѣ, или мнѣ вонъ отсюда. Ты думаешь, я безъ цѣли допустилъ тебя ограбить довѣреннаго? Да еслибы я тебя понималъ такъ, што ты человекъ неразсудительный, я бы тебя у дверей же убилъ бы и забралъ бы все золото... Ты человекъ неопороченный, а я бѣглый, мнѣ только и можно жить, что здѣсь... Ужъ ты предоставь мнѣ умереть въ покоѣ!

Горюновъ молчалъ. Онъ думалъ, что Анучкинъ правъ.

— Съ деньгами ты вездѣ можешь заняться чѣмъ угодно, а покажись я—меня схватятъ и посадятъ въ острогъ. Правду ли я говорю?

— Я не буду мѣшать тебѣ, Тарасъ Трифоновичъ. Я уѣду.

Анучкинъ крѣпко пожалъ ему руку, утеръ наворачнувшіяся на глазахъ слезы и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Спасибо, Терентій Ивановичъ... По гробъ не забуду тебя... Ей-Богу!—И они разошлись.

Пришедши домой, оба они ни слова не говорили никому о смерти довереннаго и не возобновляли разговора относительно дѣла и находящейся руды въ известномъ имъ обонмъ мѣстѣ.

Горюновъ соболѣзновалъ о томъ, что сдѣлалъ оплошность. И къ чему ему было говорить объ отъѣздѣ съ Колькой Глузовымъ съ присковъ? Ему бы надо молчать и выждать удобнаго времени, потомъ ѣхать въ городъ, продать золото, записаться въ купцы, какъ и сдѣлали самостоятельные мастеровые Терентьевскаго завода, еще находясь въ крѣпостномъ состояніи, а тогда, въ случаѣ рѣшенія по справедливости дѣла объ ихъ каверзахъ, онъ могъ бы избѣгнуть тѣлеснаго наказанія. Горюновъ не могъ теперь имѣть приска, потому что онъ считался мастеровымъ; но только стоило записаться въ купцы... „Эдакой я дуракъ! И отчего это я не сообразилъ сегодня. А вѣдь я думалъ раньше объ этомъ. Все это отъ радости произошло: шутка ли найти самородку...“ Но обѣщаніе уже было дано Анучкину; Анучкинъ еще въ прошломъ году говорилъ, что онъ знаетъ богатое мѣсто, и если это мѣсто у него украдутъ, то ему не для чего больше и жить.

„Нѣтъ, не туда ты попалъ, Тереха! Здѣсь народъ сборный; надо много воли, чтобы чтонибудь забрать въ руки... Тутъ надо десятки лѣтъ жить, чтобы потомъ считать своимъ какоенибудь мѣсто... Не даромъ сколько здѣсь живетъ народу, котормъ кромѣ присковъ некуда дѣваться...“

„Вотъ она и присковая жизнь. Пришелъ я съ двумя глазами, а уйду съ однимъ. А уйти надо, пока цѣлъ. Богъ съ нимъ, и съ золотомъ...“

Въ это время на прискахъ только и было разговоровъ, что о строящихся желѣзныхъ дорогахъ, о чемъ постоянно сообщали вновь прибѣгающіе бѣглецы. Жизнь на желѣзныхъ дорогахъ они хвалили, но говорили, что пробраться туда очень трудно, потому что нужно пройти непременно тѣ губерніи, черезъ которыя рѣдко кому удается пройти благополучно.

Горюновъ сообразилъ, что тамъ ему будетъ лучше, именно потому, что тамъ онъ будетъ находиться вблизи большихъ городовъ, такъ обсчитывать и творить расправу, какъ на прискахъ, тамъ едва ли можно, да и онъ продастъ золото и будетъ хлопотать, чтобы его сдѣлали какимънибудь прикащикомъ или надсмотрщикомъ, которые, какъ говорили бѣглецы, получаютъ тамъ большое жалованье.

И такъ Горюновъ рѣшилъ идти на желѣзную дорогу.

Въ домѣ довереннаго безъ сцены не обошлось. Когда пришли утромъ съ охоты прикащикъ съ ревизоромъ, Анучкинъ сказалъ имъ, что доверенный ночью, выпивая изъ стакана водку, поперхнулся, съ нимъ сдѣлались корчи, такъ что Анучкинъ держалъ его за ноги, но скоро доверенный захрипѣлъ и

померъ; оба пріятели очень обрадовались, сказавъ: туда и дорога, а прикащикъ, заперевъ дверь, сказалъ Анучкину, чтобы онъ объявилъ о смерти довѣреннаго рабочимъ и съѣздилъ въ село за станovýmъ приставомъ. Анучкинъ сталъ смотрѣть въ замочную скважину. Прикащикъ досталъ изъ-подъ подушки ключи, отперъ чемоданъ и съ чиновникомъ сталъ выбрасывать изъ него вещи.

— Тутъ, проклятая... цѣла!—говорилъ съ яростію и радостію прикащикъ; но отперевъ сумку и поглядѣвъ въ нее, вдругъ поблѣднѣлъ, разинулъ ротъ, не то отъ испуга, не то отъ удивленія, и ничего не могъ выговорить.

Чиновникъ, спдя, какъ и прикащикъ, на карачкахъ, улыбнулся и спросилъ:

— Пусто?—и взялъ сумку.

— Полюбуйся-ко!—проговорилъ прикащикъ.

— Чего и говорить... мерзавецъ! И чиновникъ швырнулъ сумку въ прикащика.

„Ну, слава Богу! Теперь они подерутся; надо скорѣй отослать Горюнова... А то послѣ они опомнятся и будутъ оба подозрѣвать меня“, подумалъ Анучкинъ и объявилъ Горюнову, чтобы онъ ѣхалъ какъ можно скорѣе въ горный городъ и взялъ съ собою Глумовыхъ.

— А ихъ зачѣмъ?

— Они знаютъ телку.

Ребята безпрекословно согласились ѣхать въ село за закупкой провизіи, какъ имъ объявилъ Горюновъ.

Черезъ пять дней Терентій Ивановичъ былъ въ городѣ. Первымъ дѣломъ онъ отправился къ одному богатому купцу раскольнику, но управляющій сказалъ, что купецъ умеръ, а всѣми его дѣлами заправляетъ его братъ, который имѣетъ нѣсколько пріисковъ въ разныхъ мѣстахъ и принимаетъ золото отъ бѣглыхъ людей изъ другихъ пріисковъ черезъ посредство управляющаго, потому что ему самому неловко разговаривать или рядится съ мужиками.

— За самородку я тебѣ дамъ триста рублей; золота тянетъ два съ половиною фунта... Хочешь получить по полтора рубля за фунтъ?—сказалъ управляющій, отдавая свертокъ Горюнову.

— Вы меньше казенной цѣны даете. На казенныхъ пріискахъ управители платятъ по два съ половиною за золотникъ

— Берешь, или нѣтъ?

— Да хоть пятьсотъ рублей дайте.

— Ни копѣйки. Двѣсти рублей сейчасъ, двѣсти черезъ шесть мѣсяцевъ, когда получатся деньги изъ петербургскаго монетнаго двора. Согласенъ?

— Если росписочку дадите.

— Ничего я тебя не дамъ. Ты знаешь ли, мнѣ только стоить позвонить и позвать служителя... и тебя сейчасъ же арестуютъ. Понимаешь?

— Кабы вы понимали, какъ не легко достается золото! Нельзя ли хоть черезъ мѣсяць, потому не мое золото.

— Управляющій подумалъ и сказалъ:

— Если хочешь получить триста рублей сейчасъ, приходи за остальными черезъ полгода.

Горюновъ согласился.

Получивши деньги, Горюновъ записался въ городскіе мѣщане и сталъ разыскивать свою родню, но нигдѣ никто изъ его знакомыхъ объ его роднѣ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, почему онъ и уѣхалъ въ М. заводъ. Узнавши тамъ, что Короваевъ съ Григорьемъ Горюновымъ и какою-то молодою женщиною ушли на желѣзную дорогу, Терентій Ивановичъ поплылъ на пароходъ въ Нижній, радуясь, что Пелагея Прохорова вышла таки замужъ за Короваева.

XXI.

По пріѣздѣ въ Нагорскъ, Терентій Ивановичъ съ Глузовыми долго искалъ главное управленіе желѣзной дороги, отъ котораго, какъ онъ узналъ на пароходѣ, зависитъ опредѣленіе должностныхъ лицъ. Отыскавши правленіе, Горюновъ не скоро добился въ немъ толку, отъ кого зависитъ опредѣленіе. Дальше хорошо обставленной и хорошо меблированной приемной, въ которой сторожа были отставные рослые унтеръ-офицеры съ медалями, его не пускали, да и въ приемной онъ не могъ добиться никакого толку прежде, чѣмъ не подарилъ сторожей, занимавшихся приготовленіемъ для членовъ чая и снимавшихъ и вадывавшихъ на членовъ верхвія одежды. Сначала сторожа гнали его, но потомъ, когда онъ подарилъ ихъ, сказали, что едва ли правленіе можетъ что сдѣлать для него, такъ какъ оно опредѣляетъ и увольняетъ только главныхъ лицъ, ведетъ дѣла съ конторами, и общали похлопотать за него передъ однимъ снисходительнымъ членомъ. Но сколько ни приходилъ Горюновъ въ приемную, онъ только и видѣлъ, какъ служащіе съ важностію приходили и уходили мимо него, презрительно смотря на его смѣшную фигуру. Наконецъ таки сторожа выхлопотали ему аудіенцію съ однимъ членомъ на лѣстницѣ.

— Мы не принимаемъ!—сказалъ важно членъ и сталъ спускаться.

— Ваше б-іе, я могу залогъ внести.

— Безъ рекомендаціи мы не принимаемъ.

— Я, в-в-іе...

— Что ты меня останавливаешь, скотина!

Горюновъ опять прибѣгнувъ къ помощи сторожей, но тѣ посовѣтовали ему лучше обратиться въ какую нибудь контору, подчиненную правленію, но успѣха не обѣщали, потому что теперь уже всѣ должности заняты.

Проѣхавши Нагорскъ, Горюновъ увидалъ другую жизнь. До этого города онъ видѣлъ жизнь бережливую, людей занятыхъ преимущественно славомъ по рѣкамъ товаровъ, дѣса, металловъ и камней; эти товары и люди давали средства къ существованію городамъ, селамъ, деревнямъ; тамъ люди или жили постоянно въ однихъ мѣстахъ, или все лѣто находились на рѣкахъ; здѣсь же, напротивъ, несмотря на то, что ему попадалось много фабрикъ, онъ проходилъ хорошіе луга, превосходныя пашни; народъ, большею частію въ лаптяхъ, куда-то шелъ и ѣхалъ, то съ котомками, то съ камнемъ, товарами, и народъ зтотъ торопился; на всѣхъ лицахъ видѣлось какое-то нетерпѣніе; пѣшеходы говорили мало, и если говорили, то часто вздыхали, какъ будто въ словахъ ихъ заключалась надежда, и сомнѣніе.

— Куда вы?—спрашивалъ Горюновъ.

— На желѣзную дорогу.

— А товары?

— Кои на желѣзную дорогу: имъ, пѣшеходамъ-то осталось не больше ста верстъ, а тамъ они скоро въ Москву попадутъ, а кои въ другія края.

Встрѣчные, большею частію въ телѣгахъ, отвѣчали, что они тоже съ желѣзной дороги и ѣдутъ за провизіей, или за камнемъ, или за кирпичами.

Наконецъ не стало ѣхать по дорогѣ товаровъ. Толпы народа больше и больше прибывали изъ разныхъ мѣстъ или на дорогу, идущую къ желѣзной; больше и больше стало ѣхать по тому же направленію телѣгъ съ камнемъ и кирпичемъ, такъ что часто ихъ шло до пятидесяти телѣгъ; больше и больше везли туда бревенъ. Больше и больше по дорогѣ попадало нищихъ, которые или шли на встрѣчу Горюнову, или сидѣли кучкамъ около дороги... Пашни казались заброшенными; въ деревняхъ видѣлись только дѣти, глухіе, слѣпые и больные старые люди да тощій скотъ; меньше и меньше становилось по дорогѣ дѣсу, п тамъ, гдѣ было поле, земля была ископана на нѣсколько футовъ внутрь. А дороги не видать.

— Гдѣ же дорога?

— А во! Направо-то, видишь песокъ, какъ гряда сдѣлана!—указывая на насыпь, говорили Горюнову шедшіе на желѣзную дорогу.

Насыпь была равна; она то была выше дорогъ, по которой шелъ Горюновъ, то ниже ея; но на насыпи суетился народъ,

къ ней подвозили песокъ, недалеко отъ нея на площадкѣ складывали камни, кирпичъ; въ разныхъ мѣстахъ копали землю, разбивали крупные камни, кое-гдѣ распиливали бревна, что-то тесали. По одной сторонѣ насыпи бѣлѣли телеграфные столбы. Кругомъ было мрачно; отъ рабочихъ слышались громкія восклицанія, да стукъ топоровъ тамъ и сямъ оглушалъ мѣстность. На разстояніи шести, семи верстѣ около опушки лѣса или около насыпи сдѣланы были небольшія избушки изъ досокъ или балаганы, служащія помѣщеніемъ для рабочихъ въ ночное время и мѣстомъ для склада топоровъ, пилъ, лопатъ и другихъ вещей, принадлежащихъ строителямъ желѣзной дороги. Дорога шла параллельно желѣзной дорогѣ между рѣдкимъ лѣсомъ и полями, на которыхъ только была кое-какъ вспахана земля. Пересѣкши насыпь, дорога шла по ровному мѣсту, около дороги. На этой сторонѣ лѣсъ былъ вырубленъ сажень на десять отъ края уступа и отсюда дорога казалась какъ бы вырѣзанною между холмами. Далѣе дорога заворотила вправо, и версты полторы шла лѣсомъ, а потомъ пошла опять въ виду насыпи, которая отсюда казалась высокою стѣною.

— Прежде здѣсь никакой дороги не было, а теперь, гляди, какую проложили дорогу, и дорога-то эта выходитъ короче трактовой, только по ней не велятъ ѣздить съ товарами, али проѣзжающимъ, потому эта дорога компанейская, — объясняли Горюнову пѣшеходы.

Здѣсь уже меньше ѣхало телѣгъ съ приважденностями дороги, за то попадались на встрѣчу телѣги, наполненныя больными мужчинами и женщинами.

— Господи помилуй! Ни одного дня не пройдетъ безъ того, чтобы не попадались хворые.

— Куда же ихъ везутъ?

— Куда? Извѣстно, куда! Вывезутъ на большую дорогу, и пди, откуда пришло. Хорошо, если село свое или деревня близко, а то такъ и помретъ иной человекъ на дорогѣ. У компанеевъ денегъ много, только не стануть же они съ хворыми возиться, когда, говорятъ, они подрядились дорогу къ сроку сдѣлать... Коли въ силѣ человекъ — робъ, и отдыха нѣту, а коли умираетъ — домой его. Разъ было привязали къ управителю, онъ и говорить: у насъ де люди не умирають, а коли они умерли за чертой — дѣло не наше, а Божье.

Товарищи Горюнова были крестьяне недалнихъ губерній. Всѣ они жаловались на большія подати.

— Поневоля пойдешь въ тяжелую работу. Пршшлое лѣто мы всей семьей ходили... Только еслибы не тяжелая работа да не болѣзнь, плчего бы. И такъ всѣ повинности уплатили, а зиму дома промаялись кое-какъ.

Мало по малу мѣстность по обѣимъ сторонамъ насыпи дѣ-

далась оживленнѣе. По одной или по обѣ стороны насыпи лежали на нѣсколько верстѣ длины перекладины для полотна; на насыпи укладывали перекладины, засыпая пескомъ полотно; по бокамъ насыпь кое-гдѣ убивали щебнемъ. Дальше на полотнѣ лежали рельсы, а еще дальше рельсы уже укладывали на полотно; въ промежуткахъ рѣчекъ уже окончивалась кладка фундамента и приступали къ кладкѣ устоевъ для мостовъ; черезъ одну рѣку, шириною въ шестьдесятъ сажень, береговые устои были уже готовы, и одинъ рѣчной гранитный быкъ былъ выведенъ на половину; окрашенныя металлическія части къ этому мосту лежали на полотнѣ. На протяженіи по крайней мѣрѣ тридцати верстѣ, какъ на полотнѣ, такъ и около него, работало много народа, преимущественно мужчинъ; женщинъ же было очень немного. Работа шла разнообразная: кто дѣйствовалъ лопатой, кто молотомъ, кто киркой, кто топоромъ, кто ломомъ... Здѣсь никто не сидѣлъ безъ дѣла, а если и курилъ трубку, то старался сократить это удовольствіе или работалъ держа трубку во рту. Но полотно и около насыпи ходили мастера и прикащики, большею частію нѣмцы или чухонцы въ курткахъ или пальто, или въ черныхъ рубахахъ, опоясанныхъ ремнемъ, и черныхъ засаленныхъ брюкахъ, въ длинныхъ сапогахъ, застегнутыхъ повыше колѣнъ ремнями, и въ фуражкахъ на подобіе крышекъ съ длинными козырьками и съ пуговками на верхушкахъ ихъ. Они, покуривая трубки или сигары, понукали народъ работать скорѣе, распорядились тѣмъ, какъ и что нужно сдѣлать, куда что и какъ приложить. Близъ двухъ деревень, между которыми проложена дорога, около дороги построено нѣсколько балагановъ: въ однихъ хранились инструменты, въ другихъ находились кузницы, въ третьихъ помѣщались рабочіе. За этими балаганами стояли цѣлыя полѣнницы кирпича, а противъ нихъ былъ устроенъ большой бассейнъ, строили каменное водоемное и водокачальное зданіе и производили каменную кладку зданій. Всюду между этими постройками валялись коробки съ гайками, крючьями и молотками, рельсы, перекладины, мужскіе зицуны, полушубки, лопаты и всякіе инструменты. Кое-гдѣ около дороги догорали щетки... Народу вездѣ было такъ много, что его трудно было сосчитать. Работа, что называется, кипѣла; здѣсь не слышалось пѣсенъ и веселыхъ разговоровъ, но за то воздухъ оглашался стукомъ чугуна и стали, какъ на какой нибудь большой фабрикѣ.

„Ну, Тереха, здѣсь много не разживешься. Народу-то, народу-то!!.. Недаромъ столько его валить сюда“, думалъ про себя Горюновъ, удаляясь.

Но никто такъ не удивлялся, какъ Николай и Петръ Глумовы.

— Славно здѣсь, Терентій Ивановичъ. Только ребятъ здѣсь что-то не видать.

„Гдѣ-то мой?“ думалъ Горюновъ, и подошедши къ одной кучкѣ рабочихъ, обтесывающихъ каменья, спросилъ:

— Не знаете ли, братцы, Короваева или Горюнова?

— Такихъ не слышали... Какой губерніи?

Горюновъ сказалъ.

— Такихъ не знаемъ. Здѣсь много всякихъ.

— Кто же у васъ въ работу принимаетъ?

— А вонъ чухна, што съ цыгаркой ходить.

— А русскихъ развѣ нѣтъ?

— Русскихъ-то? Русскіе только подрядами занимаются: муку, кирпичъ да другіе матеріалы поставляютъ и отъ себя прикащиковъ нанимаютъ, только компанеймъ-то нѣмцы лучше нравятся. Прежде, бывало, были русскіе, да прогнали ихъ, потому они пить стали да крѣпко поворовывали. Ну, а эти хоть и воруютъ, все же люди свои, а если и пьютъ, такъ на ногахъ крѣпки. Теперь вонъ погляди, кто мосты дѣлаетъ? Чухны да нѣмцы!.. И платятъ имъ цалковыхъ по три по пяти въ сутки.

— Есть же у васъ кто нибудь главный-то?

— Какъ нѣту. Онъ вонъ въ деревнѣ живегъ; поди теперь съ инженерами въ карты дуются.

Горюновъ изъ этихъ разговоровъ понялъ, что ему тутъ не сдѣлаться прикащикомъ. Онъ видѣлъ, что прикащики распоряжаются даже надъ тѣмъ, что и откуда взять, и спорить съ мастерами; онъ же въ постройкѣ желѣзной дороги ничего не смыслить. Поэтому онъ затруднился въ томъ, что ему выбрать для занятія. Не обидно ли будетъ ему, промывавшему золото, дѣлать то, что ему прикажутъ? Онъ соглашался работать вблизи деревни; но боялся, чтобы его не послали туда, гдѣ только что начинаютъ облаживать полотно дороги.

Горюновъ подошелъ къ прикащику и изъявилъ желаніе работать.

— Что можешь? — спросилъ его прикащикъ.

— Да все, что угодно.

— Такъ нельзя... Ты долженъ знать одинъ ремесло, — каменщикъ, плотникъ, токарь, али машинистъ... Э! не годишься!

— Почему?

— Мы съ однимъ глазомъ не принимаемъ.

— Такъ возьми ребятъ.

— Силы у нихъ нѣтъ. Можете дыры сверлить? Вонъ какъ тотъ сверлитъ.

— Мы на горныхъ заводахъ робили, — сказалъ Горюновъ.

— Ну, а здѣсь не заводъ, а желѣзная дорога.

Однако, прикащикъ принялъ Горюнова и Глумовыхъ, заставивъ ихъ сверлить дыры въ рельсахъ.

Сперва Глумовымъ эта работа нравилась: имъ приходилось

сидѣть на горбнѣ около рельсовой полосы и двигать къ себѣ обѣими руками рѣзецъ. Они работали попеременно: сперва сидѣлъ Николай, а Петръ стоялъ передъ нимъ, подливая масло въ рѣзецъ, потомъ садился Петръ, но къ вечеру они устали, и когда увидалъ ихъ прикащикъ сидящими безъ дѣла, то угрозился прогнать. Горюнову досталась тоже нетрудная работа: разбить рельсовую полосу къ вечеру, когда ее хотѣли пригнать на полотно; но сколько ни усердствовала Горюновъ, ударяя молотомъ въ долото, онъ только до половины разбилъ полосу, и прикащикъ, отобравъ отъ Горюнова марку, велѣлъ ему уходить прочь.

Все-таки Горюновъ съ Глузовыми проработалъ на рельсахъ недѣлю. Въ воскресенье онъ захотѣлъ отдохнуть, но увидалъ, что на желѣзной дорогѣ праздниковъ нѣтъ, напротивъ даже по ночамъ стали работать, зажигая фонари. За сутки давали платы рубль серебра.

Все рабочіе умѣшались въ нѣсколькихъ балаганахъ, сколоченныхъ на скорую руку изъ досокъ; въ этихъ балаганахъ пекли для нихъ хлѣбъ и варили щи, да въ нихъ лежали и больные. Все остальное время рабочіе находились на работѣ. Каждый рабочій, получившій утромъ марку съ номеромъ, долженъ былъ носить эту марку при себѣ, и потомъ вечеромъ или другой день утромъ предъявить ее прикащику для отѣтки въ его записной книжкѣ; если какой нибудь рабочій не въ состояніи былъ работать, прикащикъ отбиралъ отъ него марку, и если были у него деньги, рассчитывалъ его, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко. Колоколовъ на желѣзной дорогѣ не было, но каждая смѣна или остановка работы, время обѣда и ужина, конецъ обѣда и ужина извѣщались свистками прикащиковъ. Къ обѣду и ужину прикащики подносили рабочимъ по чаркѣ водки, и рабочіе ѣли подъ открытымъ небомъ тамъ же, гдѣ они работали, несмотря и на дождь. Работа не прекращалась на рельсахъ ни днемъ, ни ночью, ни въ дождь, ни въ громъ, только въ градъ и грозу рабочіе уходили въ балаганы, потому что бывали случаи, что нѣсколькихъ рабочихъ убило при работахъ около желѣза. Въ дождь прикащики надѣвали кожанья пальто, а рабочіе свои зипуны или полушубки вверхъ шерстью. Когда не было дождя, рабочіе спали на открытомъ воздухѣ, на сухихъ мѣстахъ: усталые, измученные и голодные, они скоро засыпали. Кормили всѣхъ скверными щами, потому что мясо привозили изъ города и хлѣбъ былъ недопеченый... Отъ этого рѣдкій рабочій былъ въ состояніи проработать къ ряду два мѣсяца, забирался въ балаганъ, и если ему становилось легче, онъ опять шелъ на работу; а если ему становилось хуже, его отвозили въ компанейскихъ телѣгахъ на тракторную или проселочную дороги, въ села или деревни, смотря по тому, что было ближе къ желѣзной дорогѣ. Это дѣлалось и потому еще, что въ городахъ больныхъ

съ желѣзной дороги будто бы не принимали, такъ какъ тамъ или вовсе не существовало больницъ, или въ больницахъ помѣщались только городскіе обыватели. Больше всѣхъ доставалось рабочимъ, устроивавшимъ мосты. Имъ хотя платили и больше, но рѣдкіе изъ нихъ могли въ ненастное время проработать мѣсяць или три недѣли, не захворавъ потомъ.

Но какъ ни тяжела была работа, здѣсь каждый надѣялся на полученіе хорошей платы, и это удерживало рабочихъ на желѣзной дорогѣ. Хотя же они однажды и требовали отъ управляющаго улучшенія пищи, но онъ имъ сказалъ: не хотите компанейскихъ хлѣбовъ, можете сами печь хлѣбъ и варить щи, и велѣлъ прекратить кормъ рабочихъ. И всѣ рабочіе остались безъ хлѣба и безъ щей, потому что сельскимъ деревенскимъ жителямъ строго было приказано не продавать ничего на желѣзную дорогу, подъ опасеніемъ взысканія большаго штрафа, также никто не смѣлъ и съ дорогъ подвозить провизію къ желѣзной дорогѣ. Пришлось обратиться къ компанейской пищѣ, за которую вычитали по пятнадцати копѣекъ въ сутки съ человека, не ставя, впрочемъ, разбавленную водой водку въ счетъ. Если же кто хотѣлъ выпить болѣе двухъ чарокъ въ сутки, тотъ платилъ по четыре копѣйки за чарку. Однако несмотря на разныя строгости, рабочіе напивались въ селахъ и деревняхъ на ночь и покупали тамъ табакъ. Чтобы прекратить такое самовольство прикащики стали хлопотать о томъ, чтобы имъ было дозволено вычитывать изъ платы рабочихъ каждое путешествіе въ село и деревню, но управляющій разрѣшилъ прикащикамъ заниматься торговлею въ селахъ. Сельскимъ жителямъ было трудно конкурировать съ богатыми людьми, которые всячески старались раззорить своихъ противниковъ какимъ нибудь образомъ. Отъ этого и вышло то, что въ селахъ цѣны на все, кромѣ водки, поднялись очень высоко, и рабочіе, получавшіе деньги отъ прикащиковъ половину или двѣ трети ихъ отдавали имъ же.

Прожилъ Горюновъ на желѣзной дорогѣ мѣсяць, а своихъ не розыскалъ. Онъ такъ и думалъ, что Коровяевъ непременно ушелъ куда нибудь, и подумывалъ махнуть въ Петербургъ поцѣловать счастья. О Петербургѣ и здѣсь ходили хорошія вѣсти... Но его удерживало то, что такого-то числа назначена была отъ станціи проба на протяженіи пятнадцати верстъ: хотѣли пустить локомотивъ съ пятнадцатью вагонами, наполненными рельсами. Этого дня ждали съ нетерпѣніемъ; большинство рабочихъ хотѣло удостовѣриться въ полезности ихъ труда, и сомнѣвалось, чтобы поѣздъ могъ пройти по рельсамъ, не свалившись въ оврагъ, такъ какъ рельсы были положены въ одномъ мѣстѣ на поларшина отъ края, а полотно было устроено на три сажени выше отъ земли.

Наконецъ насталъ и этотъ день. Прикащики и мастера бѣгали какъ угорѣлые съ ранняго утра, смотря направо, откуда долженъ былъ идти поѣздъ; всѣ инструменты были убраны съ рельсовъ и полотна, тормозы были нѣсколько разъ испробованы и приведены въ порядокъ, рабочихъ гнали съ полотна. Но къ вечеру ихъ извѣстили, что у двухъ вагоновъ лопнули два колеса и поѣздъ придетъ завтра. Вечеромъ, впрочемъ, показались вдаль локомотивъ, свистнулъ и медленно прошелъ одинъ по рельсамъ. На третій день онъ привезъ двадцать вагоновъ-ящиковъ съ рельсами, отцѣпилъ вагоны и ушелъ обратно по другому пути.

— Каково преть -то! Въ каждомъ ящикъ чать пудовъ двѣсти будетъ... Штука.

— И не упалъ!

— Знато, значить, устроили.

Съ этого дня началось движеніе между двумя станціями, изъ коихъ на одной постройке уже приводились къ концу, а на другой еще только что оканчивали кладку фундамента. Локомотивъ по два раза въ сутки привозилъ сперва вагоны-ящики съ пескомъ, на которыхъ уже сидѣли съ лопатами по два человѣка, и выбросавъ изъ ящика песокъ, отправлялись назадъ, потомъ камень и другія принадлежности для желѣзной дороги. Теперь работа шла еще сильнѣе прежняго и, какъ говорится, приводилась уже на бѣло.

Горюновъ уже хотѣлъ идти совѣтъ, да захворалъ Николай Глумовъ, котораго ни за что не захотѣлъ покиннуть братъ. На другой день захворалъ не только братъ, но и Горюновъ, и человѣкъ пятьдесятъ рабочихъ, отъ нихъ горячка распространилась и въ другіе балаганы, а время было дождливое, осеннее, дулъ рѣзкій вѣтеръ. Прикащики струхнули, донесли управляющему, который распорядился построить на скорую руку большой балаганъ вблизи села. Пока отстроили балаганъ, рабочіе умирали десятками въ старыхъ, сырыхъ и угарныхъ балаганахъ на полу и въ грязи. Начальство вызвало нѣсколькихъ фельдшеровъ съ однимъ уѣзднымъ лекаремъ, которые, надо правду сказать, больнымъ рабочимъ не принесли ровно никакой пользы, потому что при нихъ не было лекарствъ и они могли только пустить кое кому кровь. Между тѣмъ, управленіе желѣзной дороги хвасталось публично, что у него около станцій устроены больницы на нѣсколько кроватей и больные пользуются всѣми медицинскими средствами на счетъ управленія. Избу состроили скоро, но въ ней еще больше стало умирать. Однако, несмотря на то, что больные не умѣщались въ избахъ, валялись тамъ и сямъ десятками, въ рабочихъ недостатка не было; они то и дѣло замѣнялись другими, и большею частью уже такими, которые давно работали на дорогѣ, перенесли болѣзнь и, такъ сказать, обтерпѣлись, и которыхъ привозили въ ящи-

какъ уже по желѣзной дорогѣ изъ другихъ промежуточныхъ станцій, гдѣ рабочихъ уже требовалось немного.

Горюновъ выздоровѣлъ, то есть онъ могъ едва-едва бродить, а на желѣзной дорогѣ тѣ, которые были въ состояніи немного ходить, уходили въ села или въ деревни, гдѣ и поправлялись. Такъ и Горюновъ ушелъ въ село одинъ. Глумовы померли еще въ старомъ балаганѣ. Къ этому горю прибавилось еще другое: во время его безпамятства у него украли платокъ съ деньгами, который онъ постоянно носилъ за рубахой на груди. Въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ поправился совсѣмъ. Въ это время дорога въ томъ мѣстѣ, гдѣ работалъ первое время Горюновъ, была уже окончена совсѣмъ, на дорогѣ рабочихъ уже не было, а рабочіе были только у станцій, красиваго каменнаго зданія съ фигурчатыми окнами и стѣнами.

— И чортъ же меня сунулъ сюда, прости Господи!—ворчалъ Горюновъ.—Купилъ бы я на родинѣ домъ, устроилъ бы постоянный дворъ... Нѣтъ! Жадность поганая! Денегъ больше захотѣлось имѣть... Што я теперь? Нищій... Ужъ лучше бы было помереть, какъ ребятишки Глумовскіе померли. Бѣдные ребятишки! А какъ я васъ любилъ-то вѣдь. И Горюновъ утиралъ слезы съ глазъ.

Горюновъ не зналъ, что ему дѣлать? Работать на дорогѣ въ эдакой морозъ ему не хотѣлось. Раньше у него была по крайней мѣрѣ надежда, что онъ къ имѣющимся у него деньгамъ накопитъ еще хоть рублей пятьдесятъ или семьдесятъ и потомъ поѣдетъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ, по его мнѣнію, съ деньгами онъ могъ бы чѣмъ нибудь заняться. Но теперь, что онъ за человѣкъ безъ денегъ? Теперь у него и охоты не было работать. Но надо же было что нибудь дѣлать. И онъ пошелъ къ станціи, тамъ рабочіе додѣлывали платформу. Горюновъ поздоровался съ ними, тѣ молча кивнули головами и сдѣлали между собой вѣстное на его счетъ замѣчаніе, состоящее въ томъ, что этотъ кривой человѣкъ, вѣроятно, накопилъ порядочно денегъ, что безъ работы шляется. Недалеко отъ нихъ двое рабочихъ въ полшубкахъ стругали балку.

— Богъ на помочь!—сказалъ Горюновъ.

Оба рабочіе, держа стругъ въ рукахъ, стали глядѣть на Горюнова.

— Кажись... Ахъ вы христовые!—проговорилъ внѣ себя отъ радости Терентій Ивановичъ, и по заскорузлomu его лицу пробѣжали двѣ слезинки.

Рабочіе были Короваевъ и Григорій Прохорычъ.

Радость всѣхъ трехъ была неописанная, но они пожали только другъ другу руки. Послѣ разспросовъ, какъ живется, Горюновъ усѣлся около нихъ на доски и сталъ накладывать трубку табакомъ.

— Ну, а гдѣ же, Власъ Васильичъ, твой молодуха?—спросилъ Горюновъ Короваева робко, боясь услышать непріятное о своей племянницѣ.

— Какая?—спросилъ въ свою очередь Горюнова съ удивленіемъ Короваевъ.

— Какъ?.. Мнѣ сказали въ М. заводѣ, што ты ушелъ съ Пелагейей...

Короваевъ улыбнулся и сказалъ:

— Я самъ объ ней хотѣлъ спросить у тебя... Гдѣ она?

— Оказія!.. Какъ же это?

— Это вонъ Григорій шелъ съ Лизаветой, а я съ ними для компаніи, сказалъ—Короваевъ.

— Я сестру оставилъ въ сель... Потомъ я встрѣтился съ Лизаветой въ Прикамскѣ: она владѣ тамъ таскала... Ну, она сказала, што Пелагея ушла въ городъ Заводскъ, вскорѣ, какъ Панфила стали судить за фальшивую бумажку... Панфила потомъ выпустили... Я его видѣлъ и звалъ сюда. Хотѣлъ идти,—говорилъ Григорій Прохорычъ.

Запечалились земляки. Но горю не можешь. Разказовъ было такъ много у каждаго, что они до вечера проговорили, сидя вмѣстѣ.

Короваевъ говорилъ, что въ М. заводѣ онъ никакъ не могъ заниматься столярною работою, потому что ему не на кого было работать, и онъ работалъ на литейномъ заводѣ. Но работа у огня разслабила его силы такъ, что онъ пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ въ больницѣ. Жизнь въ М. заводѣ ему не нравилась по дороговизнѣ и потому, что онъ тамъ начиналъ порядочно попивать, не желая отстать отъ товарищей, да и работа была такая, что вышитъ хотѣлось. Поэтому онъ никакъ не могъ скопить много денегъ. Подумывалъ онъ и выписать туда Пелагею Прохоровну, которая могла бы купить корову и продавать въ городѣ молоко, чѣмъ даже прокармливаютъ себя инныя тамошнія женщины, но для этого нужно было непременно имѣть свой домъ, огородъ, покосъ, да и онъ не зналъ, понравится ли Пелагейѣ Прохоровнѣ такое занятіе. „Тамошнія женщины — говорилъ Короваевъ — сизмалѣтства привыкли ходить въ городъ, отстоящій отъ завода въ трехъ верстахъ, по два и по три раза въ день, во всякую погоду. Онѣ женщины бойкія, и у нихъ не пропадетъ ни одна копейка. А Пелагейѣ Прохоровнѣ ко всему этому нужно бы было привыкать“. А тутъ чуть-было его не женили: стала за нимъ очень очень ухаживать сестра хозяйки, у которой онъ жилъ на квартирѣ, и дошло даже до того, что самовольно стала распорядиться его деньгами. Вотъ поэтому Короваевъ и рѣшился пдти на желѣзную дорогу.

Григорій Прохорычъ говорилъ, что ему тоже не нравилось житье въ М. заводѣ, потому что тамъ много было всякаго на-

рода, и каждый человекъ то и дѣло, что хвастался умвѣемъ взитъ за все; въ сущности же дѣлились всѣ, надѣясь на другихъ. Кромѣ этого, въ М. такъ было много воровъ, что по ночамъ было опасно ходить отъ города въ заводъ. Тамошнія дѣвочки ему не нравились, потому что предпочитали халатникамъ сюртучниковъ, наряжались по-городски, и вообще, на его взглядъ, не могли бы ужиться съ однимъ мужемъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ зарабатывали себѣ пищу и одежду отъ огородовъ и коровъ. Хотя же онъ и сердился на Лизавету Ульяновну, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидалъ ее на пристани, его тянуло поговорить съ ней, такъ какъ до нея у него не было тамъ знакомыхъ женщинъ, въ которыхъ бы онъ могъ влюбиться, а у нея тоже тамъ не было пріятелей. Мало по-малу они сошлись, но общались другъ другу жениться, накопивъ капиталъ на желѣзной дорогѣ, куда пошла съ нимъ и Степанида Власовна съ дѣтмып. Но Степанида Власовна испугалась далекаго путешествія и осталась съ дѣтми въ Поирковѣ.

Вечеромъ всѣ земляки ушли въ теплую избу. Изба здѣсь была свѣтла, просторна и имѣла большую русскую печь. Это была образцовая изба, которую компаней показывали начальству путей сообщенія, увѣряя его, что здѣсь помѣщается большинство рабочихъ, которыхъ привозятъ сюда на машинѣ. Въ избѣ было нѣсколько женщинъ, и въ томъ числѣ Лизавета Елизаровна. Она была говорливѣе всѣхъ, и по голосу ее далеко было слышно. Она тоже обрадовалась Терентію Иванычу; но извѣстіе о смерти отца ее недолго печалило: ей уже много приводилось видѣть, какъ здоровые люди умирали скоро.

— Я, дядя, хочу въ Петербургъ.—Хвалятъ тамошнее житье-то. Лизка мнѣ покою не даетъ,—проговорилъ Григорій Прохорычъ.

— Да какъ! Што это за жизнь?. Здѣсь съ голоду помрешь, и околѣешь какъ собака... Да я и одна найду туда дорогу,—говорила Лизавета Елизаровна, лежа съ Григорьемъ, около котораго лежали Короваевъ и Терентій Иванычъ.

— А есть ли деньги то, Гришка?—спросилъ дядя племянника.

— Мы съ Лизкой ужъ накопили тридцать рублей.

— Да и я тоже думаю,—сказалъ Короваевъ.

— У меня были деньги, да украли ихъ. Въдъ пятьсотъ рублей было!—привралъ Горюновъ.

— Ну, мы дадимъ; послѣ сочтемся.

— Не хотѣлось бы мнѣ такъ-ту, ребята...

— Полно-ка, Терентій Иванычъ!.. Я вонъ тоже на Гришкины деньги ѣхала сюда,—сказала Лизавета Елизаровна.

— То ты... Нѣтъ, я лучше поработаю.

И земляки остались; но прожили только до апрѣля мѣсяца, потому что сперва захворалъ Григорій Прохорычъ, потомъ Ли-

завета Елизаровна выкинула младенца, котораго и зарыли въ землю, какъ вещь негодную, на что прикащики не обращали вниманія.

Въ апрѣлѣ, земляки поѣхали въ Питеръ попробовать: не лучше ли житье въ столицѣ?

XXII.

Июнь мѣсяцъ, полдень. Несмотря на то, что идетъ дождь, дѣятельность и всеобщее движеніе не прекращается въ Петербургѣ. Какъ и въ хорошую погоду, многолюдныя улицы полны народомъ; торгаши булками, рубцами, печенкой, яблоками и другою мелочью стоятъ около своихъ подвижныхъ лавочекъ, накрытыхъ клеенкой; артельщики несутъ на головахъ пли роля, или по полдюжинѣ стульевъ, диваны и т. п. громоздкія вещи; ломовыя лошади, сопровождаемыя понукиваньемъ и руганью извозчиковъ, везутъ шагомъ, часто останавливаясь, кули, тюки хлопчатой бумаги, пеньки, желѣзо, машины, ящики съ водой и съ пустыми бутылками; безчисленные городовые, стоя на углахъ улицъ, или отгоняютъ кого-то, или распекаютъ домоваго извозчика, за то, что у него упала лошадь, или остановился огромный возъ не въ указанномъ мѣстѣ. Изъ высокнхъ трубъ фабрикъ и заводовъ, по окраинамъ столицы, поднимается черный дымъ и потомъ, разсѣваясь, наполняетъ и безъ того удушливый воздухъ смрадомъ. Рѣки и каналы запружены барками и судами, изъ которыхъ выгружаютъ на берега дрова, камни, кирпичи, доски. Много судовъ и барокъ медленно пробираются по рѣкамъ и каналамъ дальше. Огромныя дилижансы и пароходы биткомъ набиты пассажирами, ѣдущими съ дачъ и на дачи. На Невскомъ не рѣдкость встрѣтить двухъ мужиковъ съ завязанными бичевой назадъ руками и сзади ихъ городского, держащаго подъ лѣвой мышкой книгу, а въ правой рукѣ концы бичевочки. . Вездѣ движеніе, суета, восклицанія яблочниковъ, штокъ-фишниковъ, спичечниковъ, татаръ съ халатами, поясами, платками или просто съ узлами и т. п.; трескъ, не умолкающій ни на одну минуту, жалобный стонъ и ревъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ, неслышный въ серединѣ города. Никому, кажется, нѣтъ дѣла до того, что дождь мочить и мочить; только на панеляхъ пѣшеходы стараются обойти лужи, ругая тѣхъ, которые задѣваютъ ихъ зонтиками разныхъ объемовъ, и дворниковъ, которые, сметая съ панелей грязь и воду, безъ церемоніи задѣваютъ метлами по ногамъ пѣшеходовъ. Каменьщики преспокойно спускаются и поднимаются съ телѣжками по лѣсамъ около недокладенныхъ каменныхъ домовъ; кое-гдѣ приколачиваютъ надъ окнами во-

венькія вывѣски, кое-гдѣ поправляютъ штукатурку и красятъ стѣны на домахъ; тамъ и сямъ мужики въ оборванныхъ поддевкахъ разбиваютъ на мостовой камни, вколачиваютъ одинъ къ другому, или выбрасываютъ изъ ямы на поверхность черную вонючую грязь и выкачиваютъ воду, пробуя, хорошо ли дѣйствуетъ водопроводная труба. Безъ умолку пристають къ пѣшеходамъ извозчики, безпрестанно ходятъ вокругъ каланчей два сторожа, взглядывая изрѣдка на вывѣшенные два черныхъ шара. Но никто никому не мѣшаетъ, всякій идетъ своей дорогой, ничѣмъ не интересуясь, останавливаясь развѣ тамъ, гдѣ много собралось въ кучу народа; все куда-то спѣшитъ, торопится; на лицахъ не замѣтно радости; каждый при своемъ мѣстѣ, и считаетъ себя находящимся при дѣлѣ.

Поѣздъ, слѣдующій изъ Москвы, опоздалъ. Весь дворъ заруженъ извозчиками, извозицymi и городскими каретами; барскія кареты стоятъ особо. Извозчики сидятъ смиренно, толкуя другъ съ другомъ; кучера съ огромными бородами, покуривая изъ трубокъ табакъ, тоже разговариваютъ съ лакеями и съ презрѣніемъ поглядываютъ на меньшую братію. По двору ходитъ нѣсколько городскихъ. Въ вокзалахъ народъ, барыни разодѣтыя по погодѣ, баре, купцы, купчихи, чиновники и чиновницы, полиція, бѣдно одѣтые люди. Нѣкоторые изъ солидныхъ людей свободно расхаживаютъ по платформѣ, то и дѣло наткнутся на жандармовъ, квартальныхъ и городскихъ. Всѣ эти люди пришли и пріѣхали встрѣчать поѣздъ. И въ этой встрѣчѣ есть двѣ цѣли: одни встрѣчаютъ родныхъ, знакомыхъ, друзей; другіе стараются поживиться насчетъ пріѣзжающихъ; не говоря объ извозникахъ, въ вокзалѣ находится до сорока квартирныхъ хозяевъ, которые только тѣмъ и живутъ, что прямо съ желѣзной дороги берутъ къ себѣ на квартиры жильцовъ.

Но вотъ показался поѣздъ. Задрожала мостовая по линіи желѣзной дороги. Поѣздъ идетъ тише и тише, наконецъ онъ остановился. Весь народъ, бывшій въ вокзалахъ, рванулся на платформу, извозчики скучились на подъѣздѣ и передъ подъѣздомъ. Народъ сталъ выходить изъ вагоновъ, и Боже мой! сколько въ теченіе четверти часа вышло изъ нихъ народа, народа простаго! И куда дѣнется весь этотъ простой народъ—мужики, бабы, дѣвки?.. Всѣ суетятся, розниа ротъ разыскиваютъ своихъ товарищей по деревнямъ, свою родню, хватаютъ за руки или полы полушубковъ, кацавеекъ, поддевокъ... Слышатся восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: „Митрей! а Митрей!.. Не видалъ ли, любезный, мою бабу?.. О штобъ тебѣ околѣть! сказано—держишь за меня! Держи крѣпче мѣшокъ-то: оборвутъ!“ Каждый изъ пріѣхавшихъ простыхъ людей что нибудь да имѣетъ при себѣ: кто котомку или попросту полушубокъ, обмотанный ремнемъ и надѣтый на спину, кто мѣшокъ, кто пиду, кто лотокъ и т. п. Но вотъ мало по малу платформа опустѣла, опустѣлъ и вокзалъ.

Около воротъ на панели стояла молодая женщина съ узломъ подъ лѣвой мышкой. По всему видно было, что она только что прѣехала и не знаетъ, куда идти. Казалось также, что ее все удивляло: и большіе дома, построенные въ сплошную съ вывѣсками сверху до низу, точно облѣпленные картинками, и трескъ, и многолюдство, и крики торгашей подъ самымъ ухомъ, предлагавшихъ и спичекъ, и яблоковъ, и другихъ сластей... Она стояла рознія ротъ, ничего не понимая; голова ея кружилась.

— Прикажете отвезти-съ?—надовдали ей извозчики.

— Што стоишь-то?—крикнулъ на женщину городской, должность котораго состояла въ томъ, чтобы стоять у воротъ Николаевской желѣзной дороги, и который, видя стоящую женщину съ узломъ, хотѣлъ развлечься.

Женщина очнулась и вдругъ спросила:

— А гдѣ у васъ тутъ Богъ-то?

— Не видишь што-ли! Ослѣпла. И городской показалъ ей на Знаменье.

Женщина, отличивши, наконецъ, церковь отъ большихъ домовъ, перекрестилась и поклонилась на церковь.

— Скажи, ради Христа, куда мнѣ идти?—спросила опять женщина городского.

Этотъ вопросъ немного озадачилъ городского, но онъ думалъ не долго.

— Всякой дряни въ столицу хочется!.. а дороги не знаетъ! Ты поди вѣхала съ кѣмъ побудь?

— Какъ же! Только не понравились они мнѣ... Укажи, ради Христа, я тебѣ гривну дамъ.

— Иди на постоялый.

— Да тутъ ко мнѣ приставали какіе-то фармазоны: мастеровые не мастеровые, кто ихъ знаетъ. Такъ они просили съ меня тридцать коп. въ сутки.

— Какъ зовутъ?

— Меня-то?

— Ну, да!—прикрикнулъ городской.

Пелагея Мокроносова.

— Што за узелъ? Развяжи-ка?!

— Стану я для тебя развязывать!! Ишь што выдумалъ!

— Ну, ну!! Въ полицію сведу. Извозчикъ?!—крикнулъ вдругъ городской и потомъ прибавилъ:—узнаешь!

Пелагея струсила и стала развязывать узелъ. Въ узлу оказалось два сарафана, одно ситцевое платье и шерстяной платокъ.

Пока она показывала и трясла свои вещи, народу вокругъ нея и городского собралось много. Народъ этотъ былъ боль-

шею частію простой, занятой, но останавливающейся тамъ, гдѣ собирается въ кучу человѣкъ десять,

Народъ говорилъ:

— Воровку поймали!

— Господи, какая молодая, и....

— Ну, ну!! Пошли! Чего ни видали? — крикнулъ на народъ городской. Но народъ только попятился отъ городского.

Куча росла.

— Паспортъ?!—спросилъ вдругъ у Мокроносовой городской.

— Ишь выдумалъ!! Онъ у меня далеко... вотъ гдѣ. И она указала на грудь.

— Доставай.

Мокроносова засунула руку за пазуху и съ большимъ уси-ліемъ достала платокъ, на которомъ было нарисовано сраженіе при Синопѣ. Развернувши платокъ, она подала городскому пас-портъ. Городовой сталъ читать про себя. т. е. не поднимая губъ и не открывая рта. Нѣсколько головъ заглянули на паспортъ съ обѣихъ сторонъ головы городского.

Посмотрѣвши паспортъ и провѣривши его съ личностью Мо-кроноссовой, городской возвратилъ ей его, сказалъ: ступай! и пошелъ прочь.

Народъ тоже разбрелся въ разныя стороны.

„Што же это такое? што ему нужно было отъ меня? и што онъ за человѣкъ такой есть? Такой оказіи со мной еще нигдѣ не случилось!“—думала Пелагея Прохоровна.

А народъ идетъ и ѣдетъ по площади по разнымъ направле-ніямъ; трескъ, стукъ, крики сливаются въ одно; на домахъ пе-стрыя вывѣски точно картинки; извощики, видя стоящую съ узломъ женщину, то и дѣло предлагаютъ свои услуги прокатить ее по Питеру за полтинничекъ; прохожій народъ то и дѣло стал-киваетъ ее то съ павели, то въ лужи на павели. Голова за-кружилась у Пелагеи Прохоровны: все ей кажется ново, не-понятно, удивительно.

— Куда я прѣехала? Много я городовъ видала.... а здѣсь.... Што же это такое?

— Московскіе калачи хороши! — прокричалъ пожилой мужчи-на, неся на головѣ корзину, и обратясь къ Пелагеѣ Прохоро-виѣ, сказалъ ласково: — не желаете ли купить?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ снялъ съ головы корзину и откинулъ клеенку. Въ корзину оказались булочки французскія, русскія и польскія.

Пелагеѣ Прохоровнѣ хотѣлось ѣсть. „Отчего не купить и не попробовать питерскихъ булокъ,“—подумала она и стала раз-сматривать булочки.

— Какую желаете?... эти московскія, эти французскія, это пеклеванный.

— Што это за пеклеванный?

— Мука такая есть. Господа его очень любятъ... Въ трактирахъ все тоже пеклеванный.

— Значить, питерской.

— Именно! И дешевле противъ этихъ, и сытнѣе будетъ.

Пелагея Прохоровна купила цѣлую булку и спросила у торговца: куда ей идти? Тотъ, разспросивъ ее, откуда она и когда прѣехала, указаль путь.

— Вотъ теперь ты поверни направо, будетъ Лиговскій каналъ. Направо черезъ каналъ будетъ идти переулокъ, ты въ переулокъ не ходи, а иди прямо. Тутъ ты увидишь постоянный дворъ, только туда не ходи, потому тамъ извозчики живутъ, а иди дальше. Тамъ спросишь: гдѣ молъ, постоянный дворъ, што для прѣзжающихъ съ машины...

— Покорно благодарю.

И Пелагея Прохоровна пошла. Дождь въ это время пересталь идти.

Когда она вошла по указанію направо въ улицу, картина представлалась ей уже другая: дома попроче, мало красивыхъ вывѣсокъ, много питейныхъ заведеній; изъ дворовъ несетъ чѣмъ-то не хорошимъ; мало идетъ и ѣдетъ народа. Но главное, что ее заняло—это Лиговскій каналъ, посреди улицы, съ мутною вонючею водою и огороженный деревянными перилами. Здѣсь было много грязи, проходъ черезъ каналъ — узенькій, деревянный мостикъ. Направо деревянные тротуары съ провалившимися досками, а кое-гдѣ просто канава. Пелагея Прохоровна поглядѣла въ канаву. Она забыла слово каналъ, потому что не понимала его и поэтому думала, что это рѣка. Но какая же это рѣка: изъ нея такъ и несетъ чѣмъ-то нехорошимъ, и узенькая она, и вода въ ней должно быть стоитъ, ни судововъ ни лодокъ нѣтъ на ней.

— Этотъ калашникъ надулъ меня: потому какой это Питеръ?

Она оглянулась назадъ. Тамъ дома какъ на картинкахъ писано—красивые... Ишь тамъ какъ трещить и гудеть... И она пошла назадъ туда, гдѣ трещить и гудеть. На встрѣчу ей шелъ мужчина, держа подъ мышкой фунта два чернаго хлѣба, а въ правой рукѣ булку и печенку, которыя онъ откусываль понемножку. Онъ былъ уже выпивши и шелъ неровно. Одѣтъ онъ былъ въ оборванный полушубокъ, синіе изгребные штаны, въ лапти и мѣховую рваную во многихъ мѣстахъ шапку, промокшую до того, что съ нея и теперь изрѣдка капали на лицо капли, которыя, протекая по лицу до бороды, оставляли на той или на другой щекѣ черныя полоски. Онъ прошелъ мимо Пелагеи Прохоровны молча, даже посторонился отъ нея.

„Это изъ нашихъ! Непремѣнно. Бурлаки у насъ такъ-то ходятъ“, — подумала Пелагея Прохоровна и пошла за нимъ.

Немного погоди она догнала этого человѣка.

— Дядюшка!—сказала она, ставъ съ нимъ нога въ ногу.

— Шго!—сказалъ онъ охриплымъ голосомъ, глянуль на нее, и потомъ, мотнувъ головой, сталъ глядѣть на мостовую.

— Питеръ ли это?

Знамо, Питеръ.

— Гдѣ бы мнѣ остановиться?..

— Остановиться?.. Извѣстно, гдѣ люди останавливаются... Онъ глянуль на нее и опять сталъ глядѣть на мостовую.

— Уважи ты мнѣ дорогу.

— И укажу! провалиться...

— Да ты мнѣ скажи, куда идти-то?

— Куда идти?! Подемъ къ Артемьевѣ... Я у ней живу.

— А есть ли тамъ бабы?

— Какъ не быть бабамъ... А ты, братъ... Кабы мнѣ такую бабу!

— Пустое говоришь. Ты доведи до мѣста.—Они пошли.

— Развѣ я цесъ?.. Нѣтъ, у меня душа христіанская... Я къ слову: потому у меня жена въ деревнѣ. Да какая она теперь жена мнѣ?

И крестьянинъ остановился.

— Почему теперь я въ Питеръ?—спросилъ онъ сердито. Лицо его подернуло, брови сдвинулись.

— Вы всѣ таковы. У васъ все только жены виноваты.

Крестьянинъ махнулъ рукой и изъ руки выпалъ недоуѣдливый кусокъ булки, который и попалъ въ лужу. Крестьянинъ взялъ его, обгерьъ грязь полшубкомъ, поскоблилъ пальцемъ и откусилъ.

„И здѣсь тоже, видно, хорошъ народецъ“, подумала Пелагея Прохоровна.

Крестьянинъ вошелъ во дворъ одного изъ деревянныхъ домовъ.

Пяти-оконный деревянный домъ, обшитый тесомъ, съ питейнымъ заведеніемъ, принадлежалъ, какъ гласила голубая дощечка надъ воротами, купчихѣ Фокиной. Онъ стоялъ особнякомъ отъ другихъ домовъ, потому что съ одной стороны находился дровяной дворъ съ возвышающимися около самаго забора и заслоняющими съ одной стороны свѣтъ къ дому рядами еще не распиленного на дрова лѣса, съ другой же стороны находилось пустопорожнее мѣсто, на которомъ, впрочемъ, купчиха Фокина лѣтомъ садила капусту и картофель. Какъ передъ домомъ Фокиной, закоренѣлой старовѣрки, такъ и передъ дровянымъ дворомъ и пустопорожнимъ мѣстомъ, вмѣсто тротуара, существовала канавка, которая впрочемъ только отчасти походила на канавку,

но за то къ каждыиъ воротамъ были сдѣланы деревянные мостки. Въ настоящее время, въ дождливую погоду, около низенькихъ оконъ дома нельзя было вовсе ходить, хотя грязи было и не очень-то много, но почва была такая, что ноги скользили. Несмотря на то, что наши старовѣры чистоту любятъ, дворъ купчихи Фокиной не оправдывалъ этой славы: онъ былъ очень грязенъ и вонючъ до того, что въ немъ пахло какъ изъ бочки съ протухлой рыбой или говядиной. Впрочемъ, это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что Фокина сама въ домъ не жила, а прѣзжала въ него только изрѣдка. Кромѣ дома, во дворѣ былъ флигель съ двумя окнами по бокамъ и дверью въ серединѣ, выходящими къ воротамъ.

Помѣщеніе въ этомъ флигелѣ тоже не отличалось изяществомъ; войдя въ дверь, даже простой человекъ могъ замѣтить, что внутренность его устроена съ расчетомъ. А именно: большая изба съ двумя окнами—одно недалеко отъ двери къ выходу, другое налѣво. Но съ перваго раза нельзя отличить, изба ли это, или горница: во первыхъ, потому, что въ ней не было поластей: во вторыхъ, направо въ углу на заднемъ планѣ стоитъ чугушка и отъ нея проведена черезъ все помѣщеніе желѣзная труба, идущая, надъ дверьми направо, въ помѣщеніе хозяйки; и въ третьихъ, въ этомъ помѣщеніи нѣтъ ни наръ, ни скамеекъ, ни стола и ни стула. Проконтылыя сырыя стѣны, когда-то оклеенныя желтыми обоями, которыя въ иныхъ мѣстахъ уже отпотѣли и отпали, а во многихъ мѣстахъ висятъ клочками; грязный, нѣкогда не моющийся полъ; въ углу маленькій образокъ, который съ перваго раза трудно замѣтить; сырой потолокъ съ дракмаи крестъ-на-крестъ и штукатурные карнизы; сырой табачный и иной непріятный воздухъ—вотъ и все въ этомъ помѣщеніи, которое содержательница флигеля, солдатская вдова Софья Артемьевна, называла постоянно избой. Такъ и намъ слѣдуетъ называть это помѣщеніе.

Когда Пелагея Прохоровна вошла въ эту избу, она замѣтила, что нѣсколько мужчинъ въ поддевкахъ, зипунахъ, а болѣе въ полшубкахъ, различныхъ лѣтъ, высокіе и низкіе, сидѣли на полу около стѣнъ, точно собирались пѣть „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Такое предположеніе, впрочемъ, въ настоящій моментъ было невѣрно, потому что они говорили почти всѣ разомъ, передавая глиняныя и деревянные трубки съ коротенькими чубуками сосѣдямъ. Подалѣе отъ двери лежало четверо крестьянъ во всемъ какъ есть, подложивши подъ головы свои узелки; въ переднемъ и противоположномъ ему углахъ лежало нѣсколько котомокъ. Тутъ же можно было замѣтить кирку, пилу, лотокъ. Изъ хозяйской комнаты слышались крики женщинъ.

— Ермолаю Евстигнѣву! крикнуло нѣсколько голосовъ вошедшему крестьянину. Нѣсколько человекъ слегка приподняли шапки. Пелагея Прохоровна ушла въ хозяйскую половину.

— Ну, как дѣла?

— Нашелъ ли мѣсто?

— И не спрашивайте!.. Народу новича страсть. На Стѣнной насъ собравши, почитай, было ста два. Дождемъ такъ и мочить. Ну, стояли, стояли, топтались, топтались,—хоть бы кто!!

— Нѣтъ?!

— Провалиться!

— Надо по заводамъ походить.

— Да што на заводахъ-то дѣлать? На фабрикахъ другое дѣло.

— На суда бы.

— То-то, братцы; тамъ все стояли, кои на суда... Вотъ въ маляры да въ каменщики спрашивали. А такихъ, штобы на суда—не было. Народъ галдитъ: чать поздно! Пошла къ рѣкамъ—въ полной препорціи! Судовъ страсть и народу страсть.

— Мы тоже по рѣкамъ-ту ходили—народу въ препорціи. Надо рыдиться песокъ плавить или хоша камень.

— Вре?!

— Семдесятъ пять надѣть просить. Мы въ прошлое лѣто съ дядей Митріемъ ходили въ Питеръ, такъ у него деньги были, онъ и купилъ лодку—семдесятъ пять выложилъ да ванилъ четырехъ работниковъ: такъ онъ еще въ барышахъ остался и лодку имѣеть. Только померъ теперь.

— А лодка?

— Што лодка? я ходилъ къ тому мѣсту, гдѣ мы ее подъ караулъ оставили, караульщикъ и не даетъ: „дай—говорить—такую бумагу, што лодка тебѣ предоставлена, и плыви, говорить, съ ней по Невѣ“. А у меня бумаги нѣтъ. Ночеваль я тамъ, а утромъ ужъ лодки и нѣтъ. Ну, што ты подѣлаешь?

— Ничего не подѣлаешь. Извѣстно, простота не доводитъ до добра.

Помѣщеніе хозяйки—кухня и комната, какъ хотпте называйте его, было уже мужскаго, которое отдѣлялось отъ него перегородкой до потолка и имѣло изразцовую печь, похожую на русскую. Все пространство, вровень съ печкою, было занавѣшено ситцевой драпой занавѣской, сквозъ которую видѣлись кровать и комодъ. Въ переднемъ углу стоялъ столъ со шкафомъ; на столѣ красовался самоваръ, не чищенный болѣе мѣсяца; по обѣимъ сторонамъ стола стояли три стула съ рѣшетками. Надъ столомъ въ углу укрѣплено три образа въ фольговыхъ украшенияхъ, которыя отъ времени и отъ копоти уже отлывали. Стѣны оклеены голубыми обоями, которыя хотя и прокопѣли, но еще цѣлы. На стѣнѣ, противоположной дверямъ, виситъ небольшое зеркальцо и двѣ картинки, изъ которыхъ одна изобрази-

жаеть дѣвочку, держащую въ рукахъ книгу, а другая нѣмца, отправляющагося на охоту съ ружьемъ и двумя собаками. По толокъ здѣсь выштукатурень, полъ чистый.

Въ то время, какъ въ это помѣщеніе вошла Пелагея Прохоровна, шесть женщинъ въ коротенькихъ шугайчикахъ и полушубкахъ, въ сарафанахъ и въ платкахъ на головахъ, 18 до 45 лѣтъ, сидѣли на своихъ узелкахъ въ рядъ на полу у стѣны, закусывая кто хлѣбомъ чернымъ, кто бѣлымъ хлѣбомъ съ соленымъ огурцомъ и селедкой. Тутъ же была и хозяйка, низенькая, толстенная женщина, съ распухшимъ краснымъ лицомъ, съ широкимъ ртомъ, съ подбородкомъ заплывшимъ до того, что съ перваго взгляда казалось, нѣтъ ли у нея тутъ грыжи, съ толстымъ краснымъ носомъ, свидѣтельствующимъ, что она въ день употребляетъ не малое количество водки, съ маленькими карими глазами, то и дѣло перебѣгающими съ одной женщины на другую и успѣвающимъ заглянуть въ мужское помѣщеніе. Одѣта она была, въ это послѣбѣденное время, въ старенькую черную терновую юбку, которую жильцы называли платьемъ, потому что она носила еще такую же черную кофточку съ широкими, немного, поменьше поповскихъ, рукавами. Въ ухахъ ея сережекъ не было; но на лѣвой рукѣ, на указательномъ пальцѣ, находилось постоянно кольцо польскаго серебра—знакъ ея вдовства.

Пелагея Прохоровна помолилась на образа и поклонилась хозяйкѣ и женщинамъ, которыя, при входѣ ея въ комнату, замолчали.

— Што тебѣ?—спросила хозяйка охрипшимъ голосомъ, наливая въ чашку кофе.

— Пусти на квартирю.

— Тѣсно!—отвѣтила хозяйка и принялась пить кофе, не спуская глазъ съ Пелагеи Прохоровны.

Пелагея Прохоровна ступила шагъ впередъ и оглядѣла женщинъ. Женщины все незнакомыя: въ томъ вагонѣ, въ которомъ она ѣхала,—этихъ не было.

„И куда это народъ дѣлся? Сколько ѣхало бабъ одиѣхъ, а здѣсь ни одной нѣтъ,“ подумала она, и обратилась снова къ хозяйкѣ:

— Скажи, пожалуйста, хозяйюшка, Питеръ ли это?

Хозяйка засмѣялась, разлила кофе и закашлялась такъ, что принуждена была выйдти вовъ на дворъ; женщины захохотали; щеки Пелагеи Прохоровны покраснѣли.

Оглушенная дружнымъ хохотомъ вѣхъ женщинъ, Пелагея Прохоровна ничего не нашлась сказать. Она чувствовала, что ея щеки горятъ. „Нѣтъ это не Питеръ..“ подумала она, и взглянула на женщинъ: женщины смѣются и хохочуть. „Экія гадкія!“ подумала Пелагея Прохоровна, и пошла было къ двери, но ее схватила одна женщина за сарафанъ

— Ты куда пріѣхала-то?—спросила она Пелагею Прохоровну, закрывая ротъ рукою, чтобы не хохотать. Нарѣчіе у этой женщины было тверское.

— Знамо куда: въ Питеръ везли на чугунокъ,—сказала сердито Пелагея Прохоровна.

— А за мѣсто Питера ты куда попала?

— Къ чертямъ!—крикнула Пелагея Прохоровна.

Женщины снова дружно захохотали.

Пелагея Прохоровна вышла во дворъ и столкнулась съ хозяйкой.

— О, штокъ тебѣ!... Чуть-чуть изъ-за тебя не подавилась!—крикнула хозяйка на весь дворъ.

— Ты это куда пошла-то?—крикнула она снова, увидавъ, что Пелагея Прохоровна идетъ съ узломъ къ воротамъ.

— Ужь я въ другое мѣсто.

— Въ другое? Да ты заплатила ли мнѣ за постой-то?—И хозяйка подошла къ Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— За какой?

— А вотъ за какой!—И она толкнула Пелагею Прохоровну къ флигелю.

Въ это время изъ дому въ оба окна смотрѣлъ народъ — въ одно мужчины, въ другое женщины.

— Да ты што дерешься-то въ самъ-дѣлѣ?—крикнула Пелагея Прохоровна и замахнулась, но хозяйка успѣла отвернуться.

— Хошь, я городского позову?

— Зови хошь чорта!—Пелагея Прохоровна пошла.

— Послушай, бѣлоручка? куда ты пойдешь-то? — сказала хозяйка ласково.

— Куда нибудь... Только съ такой драчуньей и съ такими зубоскалами я ни за что не останусь.

— Ладно...

Пелагея Прохоровна вышла за ворота и задумалась: куда ей идти, направо или налево.

Въ это время изъ кабака вышелъ молодой здоровый кабаччикъ съ длинными, гладко причесанными волосами, съ небольшими усиками закрученными кверху, въ ситцевой бѣлой рубашкѣ, въ жилеткѣ, въ драповыхъ брюкахъ и въ бѣломъ холщевомъ фартукѣ.

— Дура ты, дура оголтѣлая! Ты должна спросить добрыхъ людей, гдѣ можно пристанище имѣть. Ты посмотри, все ли у тебя цѣло въ узлу-то!—проговорилъ онъ скороговоркой, обращаясь къ Пелагеѣ Прохоровнѣ, и Пелагея Прохоровна подумала, что и въ Питерѣ есть добрые люди.

— Ну, что ты стоишь-то? Ты посмотри: все ли цѣло въ узлу-то.

— Да я его все въ рукахъ держала.

— Должно быть, ты еще не знакома съ питерскими мазуриками?

На улицу изъ двора вылетѣла хозяйка Артемьевна, и, оставившись около самаго крыльца передъ кабачникомъ, плюнула ему въ лицо и съ яростію проговорила:

— Подлый ты человѣкъ! Мазурикъ!! Кто воровскія вещи принимаетъ?

— Ты сперва уличи... У кого, какъ не у тебя, по ночамъ обыски дѣлаютъ. Слушай, баба: иди наискосокъ; тамъ ты будешь спокойнѣе, — проговорилъ кабачникъ, обращаясь къ Пелагеѣ Прохоровнѣ, и потомъ ушелъ въ кабакъ.

Артемьевна рванулась было въ кабакъ, но кабачникъ толкнулъ ее съ крыльца, проговоривъ съ достоинствомъ приличнымъ хозяину питейнаго заведенія.

— Куда?! Ты сперва въ баню сходи, потомъ лѣзь ко мнѣ.

Ярость Артемьевны была велика. Она нѣсколько минутъ топталась передъ крыльцомъ кабака, ворча какъ собака, не могущая изловить кошку, забравшуюся на крышу послѣ большой царапины, которою та угостила собаку.

Пелагея Прохоровна не стала дожидаться конца этой сцены. Она была рада, что избавилась отъ такой хозяйки, у которой и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, случаются нехорошія вещи. Ее еще все удивляло: отчего это здѣсь и дома дрянные, и народу мало, и народъ какой то нехорошій, точь въ точь какъ въ какомъ нибудь уѣздномъ городишкѣ. А ей дорогой говорили, Питеръ отличный городъ, что въ немъ и грязи никогда нѣтъ и народъ вѣжливый... И все оказалось напротивъ. Даже и народъ, простой народъ говорить какъ то иначе, непонятно. Тутъ и толку никакого не добьешься... Знала бы, не поѣхала бы такую даль! Ужъ если начинъ такой, то и жизнь здѣсь поди худая... хорошо, видно, тамъ, гдѣ насъ нѣтъ!..

Однако, ужъ дѣло сдѣлано, денегъ много потрачено на дорогу и въ дорогѣ, и теперь у Пелагеи Прохоровны денегъ только пятьдесятъ семь копѣекъ.

Съ такими мыслями Пелагея Прохоровна подошла къ каменному двухъ-этажному дому въ пять оконъ съ подъездомъ въ серединѣ и съ двумя лавками въ подвалѣ, изъ коихъ въ одной продавался хлѣбъ, овощи и другіе съѣстные припасы, а въ другой — водка. Пелагея Прохоровна поглядѣла кругомъ — чуть не въ каждомъ домѣ красуются на дверяхъ вывѣски со словами „распивочно и на выносъ“.

„Вотъ гдѣ пьяное-то царство!“ подумала Пелагея Прохоровна и вошла во дворъ.

Дворъ большой, грязный, вонючій; здѣсь пахло еще хуже двора купчихи Оюкиной. Но за то здѣсь нѣсколько извошпичныхъ ко-

лодь опрокинутыхъ, изломанныхъ; на заднемъ планѣ построены давнымъ давно какія-то клѣтушки съ запертыми на замки дверями. Налѣво, противъ каменнаго дома выходилъ деревянный флигель съ пятью окнами на улицу, двумя во дворъ и съ крыльцомъ.

Войдя въ темныя сѣни, Пелагея Прохоровна услышала говоръ нѣсколькихъ голосовъ мужскихъ и женскихъ. Постучалась налѣво—никто не отпираетъ, но за звонокъ она не взялась: она еще не понимала этой мудрости.

— Тебѣ кого? спросила ее вышедшая изъ правыхъ дверей худощавая, высокая пожилая женщина.

— Да на постоялый.

— Разѣ тутъ постоялый? Не слышь што ли, въ которой сторонѣ мужичье ореть?—проговорила эта женщина сердито.

— Можно туда идти-то?—спросила смиренно Пелагея Прохоровна.

— На то и постоялый, штобы народъ шелъ... Я сейчасъ приду. Женщина позвонила, и когда ей отворили дверь налѣво, она вошла туда.

Большая комната съ двумя окнами противъ двери и съ неоклеенными стѣнами; двое широкихъ нарѣ по правую и по лѣвую сторону съ проходомъ между ними, имѣющимъ видъ площадки; въ углу большая круглая печь, обитая желѣзомъ сверху до низу; далѣе, дверь въ темную комнату съ русскою печью, вѣроятно кухню—вотъ постоялая изба, куда вошла Пелагея Прохоровна. На обѣихъ нарахъ сидѣли въ разныхъ позахъ и лежали направо мужчины, налѣво женщины. Мужчинъ было человекъ двадцать, женщинъ до десятка; какъ тѣ, такъ и другіе говорили, и поэтому въ избѣ говоръ происходилъ неописанный, такъ что сразу нельзя было понять, въ чемъ дѣло или о чемъ люди толкуютъ. Но хотя здѣсь были нары, и на полу лежать не приводилось, за то табачный дымъ заставлялъ кашлять, и несмотря на то, что въ избѣ было два окна, въ ней отъ дыму было темно.

— Экъ ихъ какъ накурили, словно въ казармѣ!—сказала Пелагея Прохоровна и закашлялась; потомъ, отмахивая правою рукою дымъ, подошла къ женщинамъ.

— А! сусѣдка. А я тебя искала, искала... Ну, полѣзай!—проговорила радостно одна молодая женщина съ вешнущками на лицѣ, въ розовомъ шугайчикѣ и ситцевомъ платкѣ на головѣ; она подвинулась.

— Куда?! И такъ тѣсно.

— Пусть на мужское отдѣленье идетъ, — проговорили двѣ женщины.

— Со мной въ одномъ вагонѣ ѣхала.

— Мало што!..

— Бога вы не боитесь. Пользай!!

Пелагея Прохоровна присѣла къ женщинѣ, но та уговорила ее залѣзть на средину варъ для того, чтобы устроиться — „потому-де, можетъ еще съ машины народъ найдетъ“—и тогда, пожалуй, придется подъ нары лѣзть. Пелагея Прохоровна замѣтила, что шесть женщинъ сидятъ у самой стѣны на своихъ узелкахъ, увидела свободное мѣсто, полѣзла и тоже сѣла на свой узелокъ. Пришла хозяйка, Марья Ивановна, та самая высокая, худоцавая женщина, которая встрѣтила ее въ сѣняхъ.

— А гдѣ тутъ новая?—спросила она, прищурила глаза и стала разглядывать и считать женщинъ.

— Здѣсь!—Пелагея Прохоровна встала.

— А!! Ловко ли?

— Ничего. Я вонъ тутъ наискось была, такъ тамъ на полу...

— Нѣ-ѣтъ?! произвели нѣсколько разъ женщины, удивляясь. Это ужъ такая женщина! Она бы и не имѣла жильцовъ, потому что же за спѣвныя плч спанье на полу, да ейной любовникъ на машину ходитъ и оттуда народъ заманиваетъ... Ну, баба, надо съ тебя за квартиру три копѣчки. Здѣсь въ Питерѣ сами жильцы знаютъ, што деньги нужно вносить впередъ

— Сколько же?—спросила Пелагея Прохоровна.

— Да ужъ мы со всякаго беремъ по положенью три копѣчки. Ночуешь—ладно, не ночуешь—деньги не возвращаются, было бы тебѣ это извѣстно. Потому я женщина бѣдная, за квартиру-то двадцать рубликовъ въ мѣсяцъ!

— Што ты?—удивились женщины.

— Што дѣлать!

Пелагея Прохоровна отдала три копѣчки.

Хозяйка положила монету въ карманъ своего ситцеваго платья и посоветовала Пелагеѣ Прохоровнѣ имѣть на всякій случай поближе паспортъ.

— Потому, ночью можетъ полиція придеть, она часто по ночамъ шляется, воровъ да бѣглыхъ разыскиваетъ. Прежде Богъ миловалъ, спокойно было на этотъ счетъ, да чортъ подсунулъ къ намъ въ сосѣди эту Артемьевну. Разъ у ней бѣглаго изъ тюрьмы нашли—ну, стали и къ намъ ходить съ тѣхъ поръ.

— Да вѣдь она почемъ знала, что онъ бѣглый?

— А отчего она паспорта не спросила?.. Теперь тоже у нихъ съ кабачкомъ постоянно ругань; она своимъ мужикамъ говорить: не берите у нашего кабачика водку, потому-де, нехорошая та водка, съ дурманомъ; ну, а мужика долго ли застрашать, они и идутъ въ другой кабакъ, а онъ за это отгоняетъ отъ нея жильцовъ: она-де воровка, у нея постоянно по ночамъ обыски дѣлають.

Пелагея Прохоровна стала ѣсть пеклеванный хлѣбъ. Поже-

вавши немного, она выплюнула на ладонь, посмотрѣла и понюхала хлѣбъ.

— Бабы! Какой это я хлѣбъ купила?—проговорила она, съ удивленіемъ смотря на женщины и часто отплевываясь.

— Ну-ко?

Пелагея Прохоровна передала хлѣбъ одной женщинѣ. Хлѣбъ пошелъ гулять по нарѣ. Однѣ изъ женщинъ находили этотъ хлѣбъ хорошимъ, другія викауда негоднымъ и спрашивали:

— Гдѣ купила?

— Какой-то булочкикъ продалъ тамъ недалеко отъ машинъ. Онъ еще говорилъ: — господской, говорить, самый питерскій.

— Ну-ко?

Опять пошелъ хлѣбъ гулять, и прогулялъ до того, что мало по малу отъ него остался малевкій кусочекъ.

— Какъ вамъ, бабы, не стыдно!—сказала Пелагея Прохоровна, получивъ кусочекъ.

— Нехорошій хлѣбъ! Напрасно только деньги истратила.

— Нѣтъ, хлѣбъ ничего; кабы анису поменьше, еще бы лучше былъ!—говорили женщины.

— Однако, бабы, не мѣшало бы похлевать чего нибудь.

— Я вотъ цѣльную недѣлю ничего горячаго въ ротъ не брала.

— Марья Ивановна, нѣтъ ли чего похлевать?

— Нѣту. Сама двои сутки ничего для себя не варила. Кофею питаюсь.

— А гдѣ бы эдакъ похлевать?

— Не знаю... Ужъ вѣрно, до тѣхъ поръ не придется, какъ на мѣста поступите.

— Экое дѣло!.. А ты, Прохоровна, непременно сведи насъ туда, гдѣ принимаютъ на мѣста,—сказала одна молодая, худенькая, низенькая женщина лежащей на животѣ, въ углу, длинной женщинѣ, ноги которой уходили подъ столъ. Эта длинная женщина повернула отъ стѣны лицо молодое, но желтое, и проговорила:

— Охъ, не могу! Животъ такъ и колетъ.

— Ты бы клубокъ подложила.

— Охъ, вжала коробочку,—не дѣйствуетъ.

— И съ чего это заболѣлъ-то?!

— Должно быть, съ селедки: такая нехорошая попалась.

— Бабы! хоть бы капуста похлевать. Марья Ивановна, одолжи чашки и ложекъ. Мы заплатимъ.

Хозяйка заворчала, но все-таки сжалилась надъ бѣдными женщинами, дала имъ бутылку подъ квасъ, большую деревянную чашку и пять ложекъ деревянныхъ, сказавъ при этомъ: смотрите! не изломайте. По полученіи этихъ вещей, женщины

учивили складчину и командировали одну из своей среды за капустой, квасомъ и солеными огурцами.

Надо замѣтить, что изъ числа этихъ одиннадцати женщинъ только одна бывала въ Петербургъ, а именно та, которая всѣхъ длиннѣе и лежитъ на животѣ въ углу. Дарья Прохорова своей фамиліи не знала и въ ея паспортѣ значилось: крестьянка Дарья Прохорова замужняя, а въ паспортѣ ея мужа значилось: крестьянинъ Коновъ Дорофѣевъ, женатый. Дарья Прохорова жила въ Петербургъ два года, но въ это время ей Петербургъ такъ опротивѣлъ, что она воротилась въ деревню. Въ деревнѣ она прожила года два и вышла замужъ за молодого крестьянина, у котораго былъ въ домѣ хромой отецъ и сестра вдова съ ребятигами. Этотъ молодой крестьянинъ съ другими крестьянами на лѣто уходилъ на заработки въ Петербургъ. Такъ онъ и нынче ушелъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а въ концѣ мая жена получила письмо, что ея мужъ въ больницѣ. Дарья Прохорова испугалась, оставила своего шестимѣсячнаго ребенка и маленькихъ сестреночъ на попеченіе золовки и поѣхала въ Питеръ. Мужа она нашла въ больницѣ; онъ только что началъ поправляться. Поэтому она рѣшилась не уѣзжать изъ Питера до тѣхъ поръ, пока не выздоровѣетъ мужъ. Но вотъ она вчера цѣлый день ходила по старымъ мѣстамъ, спрашивала лавочниковъ объ мѣстахъ, но утѣшительнаго мало: сегодня ходила въ Никольскій рынокъ—тоже неудачно. Остальныя женщины, какъ и Пелагея Прохорова, пріѣхали въ Петербургъ въ первый разъ вчера и сегодня. Двѣ пріѣхали съ мужьями (тоже въ первый разъ) изъ Тверской губерніи. Мужья хотятъ торговать чѣмъ нибудь, и съ ними три сестры, которымъ на родинѣ дѣлать нечего, такъ какъ на кирпичномъ заводѣ, гдѣ онѣ раньше работали, теперь работы стало очень мало. Остальныя двѣ дѣвушки—одна изъ Новгородской, а другая изъ Витебской губерніи; сестры этихъ дѣвушекъ живутъ тоже въ Петербургѣ, а онѣ раньше работали на фабрикахъ и жили въ городахъ. Двѣ женщины, одна изъ Калужской, а другая изъ Костромской губерніи, были солдатскія жены, но мужья ихъ писали имъ рѣдко откуда-то издалека, и онѣ жили въ губернскихъ городахъ, а потомъ вздумали попытать счастья въ Петербургѣ.

Мужчины такъ накурили махоркой, что у женщинъ начали разбалываться головы и онѣ стали жаловаться другъ дружкѣ на головную боль, но ни одна не понимала причины. Наконецъ кашель сталъ душить всѣхъ женщинъ. У Пелагеи Прохоровны тоже разболѣлась голова и она закрыла платкомъ ротъ.

— Ты што закрываешься-то?—спросила ее сосѣдка.

— Смотри, што дыму-то отъ табачища... Отъ него знать-то и голова болитъ! Имъ што: они нальются водки и курятъ!

Женщинамъ этого было достаточно: онѣ поняли причину

головной боли. Къ тому же рѣдкій изъ мужчинъ не былъ выпивши. Онѣ закричали на мужчинъ, но тѣхъ унять было трудно.

— Мы здѣсь сами себѣ господа! денежки за фатеру наравнѣ платимъ.

— Можно, я думаю, и на улицѣ курить.

— Не замай! И такъ дома-то жены намъ всѣ уши прожужжали. Здѣсь-то намъ и повальготнѣе.

— Мы вамъ не мѣшаемъ,—сидите, курицы, на ящикахъ.

— Што съ ними, съ дураками, говорить.—И сказавши это, одна женщина отворила дверь. Дымъ немного вышелъ, но противъ такого самоуправства возстала Марья Ивановна.

— Кто вамъ приказалъ дверь отпирать? У меня тамъ благородные люди живутъ.

— Што намъ ксптѣтъ тутъ? Отчего у те окна не отпираются и отдушникъ нѣтъ?

— Идите на улицу, теперь лѣто.

— Ну и Питерь!—замѣтила съ сердцемъ Пелагея Прохоровна, не зная, что и какъ возразить хозяйкѣ.

Стали хлебать капусту съ квасомъ. Квасъ и капуста оказались нехорошими, огурцы гнилые; но на тощѣе желудки и это было слава Богу.

Мужчины то уходили, то приходили. Были тутъ и посѣтители, которые говорили, что въ Питерь житье годъ отъ году хуже, и рассказывали о своихъ дѣлахъ. Женщины, особенно Пелагея Прохоровна, вслушивались въ эти разговоры. Разговоры были до того невеселые, что не одна женщина призадумалась надъ тѣмъ: что-то съ ней будетъ! не худо ли она сдѣлала, что поѣхала въ Петербургъ, который ей тамъ въ глуши казался прекраснымъ мѣстомъ, въ которомъ, какъ она слышала, умирать не надо. И зачѣмъ эти самыя крестьяне, жившіе въ Петербургѣ, испытавшіе жизнь петербургскую, обманывали ихъ?

— Не врутъ ли они?—спросила Пелагея Прохоровна сосѣдку.

— Кто ихъ знаетъ! Только што же имъ врать-то... А не погуляемъ ли по Питеру?

— Нѣтъ. Еще заблудишься.

Послѣ скудной трапезы, женщины сидѣли цемного. Онѣ легли и лежа слушали толки мужчинъ. Однако сонъ бралъ свое и Пелагея Прохоровна уснула.

Когда она проснулась, было темно. Мужчины галдили, а двое пѣли:

Ахъ московская дорожка,
Шириною два аршина.
По ней бѣгаетъ машина—
Настоящій соловей!
Не качаетъ, не трясетъ—
Словно вихоремъ несетъ...

Но Пелагею Прохоровну не интересовала эта пѣсня, у нея болѣлъ животъ. Сосѣдки охаютъ. Долго крѣпилась Пелагея Прохоровна и тоже заохала.

— Што, животъ?! Это съ капусты да съ огурцовъ,—проговорила сосѣдка.

— Што и ѣсть-то мы будемъ! съ рыбы животъ болить, съ капусты тоже!—проговорила другая сосѣдка.

— Да будь онъ проклятъ этотъ Питерь... Хоть бы водки выпить съ перцемъ!—сказала Пелагея Прохоровна.

Она не могла уснуть до утра. Утромъ пошла она въ заведеніе—заперто.

Былъ какой-то праздникъ и водки нельзя было достать до окончанія обѣдни.

Пелагея Прохоровна захворала.

XXIII.

Мужчины и женщины рано разбрелись по Питеру изъ избы Марьи Ивановны. Женщины, въ томъ числѣ и опривившаяся Дарья Прохоровна, пошли на Никольскій рынокъ продавать ся, какъ онъ выразили Пелагею Прохоровну свое желаніе наняться въ работы. Съ собой онѣ захватили и узелки. Мужчины тоже, захвативши свои котомки, мѣшки и инструменты, у кого какіе были, пошли на Сѣнную наниматься. Изба опустѣла; въ ней не было ни одного узелка, и только соръ, хлѣбныя и огуречныя корки и табачный дымъ давали знать вновь вошедшему жплцу, еслибы такой появился, что здѣсь Русью пахнетъ. Пелагея Прохоровна осталась одна, потому что и хозяйка куда-то ушла, затворивъ двери въ сѣняхъ на замокъ. Не выносимо скучно сдѣлалось Пелагею Прохоровну; много она передумала въ отсутствіе хозяйки, длившееся часа два. Она думала и о томъ, что-то съ нею дальше будетъ, и о томъ, что гдѣ она ни жила—вездѣ было плохо. Изъ видѣннаго ею во многихъ городахъ и даже здѣсь въ Петербургѣ она смутно понимала, что едва ли есть гдѣ на землѣ такой уголокъ, гдѣ бы хорошо и весело жилось. Но отчего это? Кто въ этомъ виновать? Она было подумала, что виноваты мужики тѣмъ, что пьянствуютъ и не берегутъ деньги, но въ жизни она видѣла совсѣмъ не то: она, трезвая женщина, начинала мало по малу приходиться къ тому заключенію, что пьянство пропсходитъ не отъ баловства, а совсѣмъ отъ другой причины. Ея отецъ всегда пилъ по недѣлѣ послѣ того, какъ его наказывали розгами. Ея мужъ пилъ всегда послѣ ссоры съ начальствомъ. Въ вагонахъ мужики ѣхали трезвые—отчего же они въ столицѣ напились всѣ до-пьяна? И тутъ есть какая нибудь причина. Какая

же причина? — Пелагея Прохоровна доискиваться не стала, потому что мысли ей приняли другой оборотъ. Ее теперь не удивляла ни грязь, ни вонь петербургскихъ улицъ, ни Артемьевина, ни эта Марья Ивановны постоянная пѣза; ее удивило то, какъ это бабы пошли на рынокъ продаваться? Правда, онѣ объяснили ей вскользь смыслъ этого слова, но зачѣмъ же именно продаваться, когда человѣкъ пришелъ въ Питерь для того, чтобы важить деньгн? Нѣтъ ли въ этомъ словѣ нехорошаго чего нибудь? Ахъ, какъ ей самой хотѣлось поскорѣй побывать на этомъ рынкѣ и узнать доподлинно суть дѣла. Да и неужели иначе нельзя найти работу?

Пелагея Прохоровна пристѣла. Животъ болитъ; въ избѣ душно. Солнце ярко освѣщаетъ дворъ.

„Тутъ совѣтъ околѣнешь! Нѣтъ, не утерплю я: пойду какъ нибудь на этотъ рынокъ“.

Вошла хозяйка.

— Ну што, бѣлоручка?

— Охъ, не могу!

— Вижу я, ты очень нѣжнаго воспитанія. Воевъ у бабъ тоже животы болѣли, да онѣ пошли продаваться.

— Пойду п я. Далеко рынокъ-то этотъ?

— Ты бы еще до вечера пролежала: гляди, гдѣ солнце-то! А до рынка-то, пожалуй, часа полтора будетъ ходьбы... Шго, у тебя, видно, много денегъ-то?

— Марья Ивановна... Напрасно ты обижаешь меня. Богъ съ тобой! Виновата ли я, что пища у васъ здѣсь нехорошая?

— Э-э! Ко всему надо привыкать. Подмети-ко лучше избу-то, чѣмъ такъ сидѣть.

И Марья Ивановна принесла изъ своей кухни метлу.

Пелагея Прохоровна начала мести, но хозяйка, посмотрѣвъ на нее, съ сердцемъ выхватила метлу и сказала:

— Я такъ и поняла, что ты бѣлоручка! А тоже хочеть въ людяхъ жпть. Поди, ложись лучше на свое мѣсто.

Пелагея Прохоровна не стала возражать и легла. Хозяйка тщательно вымела полъ, спрыснула его водой и опять вымела. Послѣ этой операціи она сходила за кипяткомъ, который принесла въ большомъ мѣдномъ, почти черномъ чайникѣ и усѣлась въ избѣ пить кофе, сѣвши за столъ на маленькую скамеечку, которую она прпташила изъ кухни.

— Хочешь кофею?—спросила она Пелагею Прохоровну.

— Покорно благодарю; я его отродясь не пивала.

— Ты выпей, легче будетъ.

— Нѣтъ, не хочу я этого поила.

— А здѣсь ты должна привыкать ко всему. Если ты поступишь въ кухарки или прачки, тебѣ будутъ давать кофею. Куда хочешь дѣвай; таково ужъ здѣсь положенье.

Пелагея Прохоровна попросила Марью Ивановну разъяснить ей, что значить ходить на Никольскій рынокъ продаваться. Марья Ивановна, находясь въ хорошемъ настроеніи и имѣя свободное время, объяснила подробно этотъ вопросъ. Въ чемъ дѣло—читатели скоро узнаютъ.

Солнышко манить на улицу; въ избѣ душно, несмотря даже и на то, что Марья Ивановна отперла дверь въ сѣни; безъ дѣла скучно. Вошла Пелагея Прохоровна во дворъ, присѣла на крылечко, солнце такъ и палить, какъ изъ печи; во дворѣ душно, тяжело дышется, въ горлѣ першить.

„Нѣтъ, у насъ не въ примѣръ лучше. У насъ если жарко—окно отворимъ, и ничѣмъ не пахнетъ. А если на улицѣ жарко, схоронимся куда нибудь въ сторону; здѣсь и схорониться некуда, и пахнетъ нехорошо, и въ горлѣ першить!“—думала Пелагея Прохоровна и ушла въ избу.

Марья Ивановна, моя чашку, напѣвала духовныя пѣсни. Пслѣ этого, она не торопясь одѣлась въ своей кухнѣ.

— Ты никуда не пойдешь? — спросила она Пелагею Прохоровну.

— Куда я пойду? Кабы я въ силахъ!

— Ну, такъ запись на крючекъ, а я пойду на желѣзную дорогу.

— Зачѣмъ?

— Надо мужиковъ зазвать.

— И ты каждый день такъ ходишь?

— Какъ же! Подъ лежачій камень вода не побѣжитъ, говорить пословица.

И Марья Ивановна вышла.

„Какая она добрая и старательная. Вотъ бы мнѣ до такой жизни дожить.“

Но Пелагея Прохоровна не понимала того, какъ нелегко Марья Ивановнѣ достаются мѣдныя гривны. Она не знала того, что если Марья Ивановна не пойдетъ сегодня на желѣзную дорогу, да не будетъ тамъ, по пріѣздѣ повѣзда, заманивать честнымъ и нечестнымъ образомъ пріѣзжающихъ крестьянъ, то съ желѣзной дороги къ ней придетъ развѣ или уже остававливашійся у нея, или заблудившійся, случайно забредшій сюда горемыка; а на этихъ людей, что ночевали сегодня, надежда плохая, потому что половина изъ нихъ, можетъ быть, поступить на мѣста, а другая половина разбредется по другимъ постояннымъ дворамъ, которые ближе къ Сѣиной площади.

Пришла Марья Ивановна и привела съ собой пятнадцать мужчинъ и шесть женщинъ. Мужчины и женщины галдили; но на лицѣ Марьи Ивановны выражалось неудовольствіе. И немудрено: сегодня ей меньше вчерашняго пришлось набрать народа.

— Никто не бывалъ?—спросила она сердито Пелагею Прохоровну.

— Нѣтъ.

— Вотъ што: ты бы шла въ другое мѣсто,—сказала она шепотомъ на ухо Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— Зачѣмъ?

— Кто те знаеть, какая у тебя болѣзнь? Можетъ, холера.

Пелагея Прохоровна поблѣднѣла. Хозяйка ушла. Женщины стали знакомиться съ Пелагеей Прохоровной. Изъ нихъ двѣ бывали въ Петербургѣ и утѣшили Пелагею Прохоровну тѣмъ, что, можетъ, къ завтраму болѣзнь пройдетъ. Онѣ думали такъ потому, что въ Петербургѣ съ непривычки почти у всѣхъ бабъ бываетъ эта болѣзнь въ первый день по прїѣздѣ, если только онѣ напьются питерской воды или поѣдятъ чего нибудь соленого.

Въ избѣ происходило то же самое, что и вчера: мужчины и женщины сидѣли отдѣльно; мужчины курили, выходили, приходили на-веселѣ, женщины отъ скуки часто ѣли или черный хлѣбъ, или булки; у одной даже оказался розанчикъ. Къ вечеру всѣ женщины переговорили между собой много, успѣли раза два поссориться; мужчины успѣли къ вечеру выпить, кто по косушкѣ, кто по двѣ косушки, и накурили какъ вчера. Къ одиннадцати часамъ уснули всѣ, кромѣ Пелагеи Прохоровны, которая, лежа въ углу, вертѣлась съ боку на бокъ, что ужасно беспокоило добрую Марью Ивановну.

— Ты не спишь?—спросила она тихонько Пелагею Прохоровну, подойдя къ ней.

— Нѣтъ.

Хозяйка вышла изъ избы и немного погоди привела городского.

— Ну, штожь я сдѣлаю?—ворчалъ сквозь зубы городской.

— Отправь ее въ больницу.

— Не могу. Вѣдь у нея нѣтъ адреснаго билета?

— Одинъ паспортъ.

— Ну, значить, безъ адреснаго и днемъ въ больницу не примутъ.

— Што же дѣлать? А если у нея холера?

— Если будетъ худо, завтра объяви въ кварталъ. Тогда посмотримъ.

— Боже ты мой! Вотъ наказанье-то!

Городовой вышелъ. Хозяйка ушла въ свою кухню, сѣла на кровать и задумалась.

— Слышите, ребята—холера! — проговорилъ одинъ крестьянинъ.

— Што ты врешь!—сказалъ другой, проснувшійся отъ слова холера.

— Ей-Богу! Сейчасъ полиція приходила и объявила хозяйкѣ, што если помрутъ мужики—объявить.

— Господь съ нами! Да гдѣ жъ эта холера!—говорили проснушіеся крестьяне.

— Што вы его, дурака, слушаете. Онъ напзался вчера и бредить.

— Своими ушами слышалъ—провалиться!

— То-то, вчера едва на ногахъ держался! Спалъ бы лучше, а не мутилъ народъ.

Женщины тоже проснулись, слышали весь этотъ разговоръ и трусили не на шутку, но больше всѣхъ трусила Пелагея Прохоровна и хозяйка: первая трусила не потому, чтобы боялась холеры или смерти — нѣтъ: она боялась, чтобы женщины не подумали, что холера съ ней, и тогда ей не попасть завтра на Никольскій рынокъ, что ее, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ свезутъ въ полицію, тогда какъ съ ней просто слабость, маленькая головная боль и бессонница, а животъ пересталъ болѣть съ тѣхъ поръ, какъ она выпила осьмушку перцовки вечеромъ; хозяйка, по простотѣ своей, думала, что съ Мокроносовой дѣйствительно холера. А умри-ка у нея кто нибудь, хлопотъ и возни не оберешься.

Женщины не могли уснуть до утра. Онѣ рассказывали разные ужасы изъ деревенской, сельской и городской жизни; говорили о покойникахъ, о колдунахъ, о томъ, какъ вѣдьмы новорожденныхъ ребятъ въ трубу вытаскиваютъ и пр.

Утромъ Пелагея Прохоровна ходила по избѣ бодро. Хозяйка подошла къ ней и спросила шепотомъ:

— Прошло?

— Слава Богу. Перцовка, знать-то, помогла.

Немного погодя послѣ этого, женщины, въ томъ числѣ и Пелагея Прохоровна, вышли на набережную Лиговскаго канала со своими узелками. За ними вышли и мужчины. Мужчины и женщины столпились въ кучки.

— Куда идти-то?—спросилъ одинъ мужчина товарищей.

— Пойдемте по Глазовской. Я тамъ робилъ... Оттуда Сънная-то близко, проговорилъ мужчина въ толпѣ.

— Пойдемте прямою дорогою по Невскому, да по Садовой, — сказала одна женщина другимъ женщинамъ.

— Веди! только чтобы въ мѣсту...

Бывалая женщина тронулась, за ней пошли остальные, въ томъ числѣ и Пелагея Прохоровна.

Когда онѣ вышли на уголъ Невского и Лиговскаго канала, Степанида Антиповна (такъ звали бывалую женщину) взглянула на часы на башнѣ, устроенной надъ зданіемъ московской желѣзной дороги. Стрѣлка показывала половину шестаго часа.

— Какъ разъ впору: половина шестаго. Покуда идемъ, да што... проговорила Степанна Антиповна.

Женщины тоже поглядѣли на башню и подивились надъ тѣмъ, какъ это часы высоко придѣланы, да еще такъ, что ихъ изда-лека видно!

Солнце уже высоко стояло и грѣло слегка. Легкій вѣтерокъ съ моря освѣжалъ воздухъ. Теперь дышалось легче оттого, что пыль къ этому времени осѣла на строенія и мостовыя.

Въ это раннее время, дѣятельности и движенія въ Петербургѣ мало. На Невскомъ пусто; парѣдка развѣ проѣдетъ карета или извозчикъ съ загулявшимся кутилой. Извозчики, сидя въ пролеткахъ, дремлютъ и поднимаютъ головы тогда, когда мимо ихъ проѣдетъ извозчикъ или съ сѣдокомъ, или безъ сѣдока. Мало стоитъ на перекресткахъ городскихъ. Заперты магазины, но уже отворены мелочныя лавки и питейныя заведенія, въ которыя заходятъ и изъ которыхъ уже выходятъ: изъ первыхъ женщины кухарки, женщины прачки, швеи: изъ вторыхъ—мастеровые, подмастерья, рабочіе. Дворники въ розовыхъ вязаныхъ фуфайкахъ, или просто въ ситцевой рубашкѣ и черной жилеткѣ, въ фуражкѣ и съ фартукомъ метутъ мостовыя, панели. То и дѣло со всѣхъ сторонъ стекаются на Невскій разные рабочіе. Въ одномъ мѣстѣ уже выбрасываютъ изъ ямы черную воющую землю размокшую какъ грязь. Въ другомъ мѣстѣ, по лѣвую сторону Невскаго, десять человекъ рабочихъ бросили на недоконченную мостовую два лома, мѣшечки съ хлѣбомъ, молотки и стали снимать кто рваные подшубки, кто поддевки. Въ это время дремлютъ на мостахъ торгоши булокъ, печеныхъ яицъ, кренделей, яблоковъ и разныхъ разностей; они почти круглый годъ живутъ около своихъ лавочекъ; въ это время не гремятъ мостовыя, не кричатъ мальчики со спичками, торгоши яблоковъ, рыбы и т. п.; только откуда-то слышится свистъ, какъ отъ локомотива или какъ изъ фабричной трубы.

Женщины шли и удивлялись. Ихъ все удивляло: громадные дома, построенные вплотную, и множество вывѣсокъ на нихъ, и то, что въ каждомъ домѣ, исключая немногихъ, весь нижній этажъ занятъ лавками, и зеркальныя стекла въ окнахъ, и большое число рабочихъ, то и дѣло выходящихъ изъ улицъ, или идущихъ по Невскому куда-то все впередъ, рельсы посреди улицы. И говорили они между собой: „Нѣтъ у насъ лучше Питера города; и сколько, должно быть, въ немъ господъ живетъ! и неужели купцы могутъ торговать выгодно, если въ каждомъ домѣ нѣсколько лавокъ; и хорошо бы пожить въ верхнемъ этажѣ: все бы тогда увидѣлъ и все бы спѣлъ у окна и глядѣлъ на улицу“. И чѣмъ дальше онѣ шли, тѣмъ больше имъ нравился Петербургъ; онѣ не чувствовали усталы и каждой казались теперь противными родныя мѣста, деревни, села, города, каждой хотѣлось жить въ Петербургѣ.

— Тыщу рублей давай теперь мнѣ, не пойду отселева... Эхъ, кабы Власть Васильичъ надумился прїѣхать сюда. Озолотѣлъ бы онъ. А дядя дурачекъ зажилъ бы припѣваючи: ему бы только глазами взглянуть на Питеръ, онъ бы выдумалъ штуку.. Да будь у меня деньги, я ей-Богу завела бы постоянный дворъ... А што эти мужики говорили, што здѣсь худо—враки! Дѣла здѣсь, должно быть, много. Вѣдь вонъ сколько насъ на машинѣ прїѣхало и всѣ разошлись. Съ постоянной избы сколько ушло и не воротились. И говорятъ, каждый день столько народу прїѣзжаетъ... Да, хорошо, должно быть, здѣсь. Но кто же живетъ въ этихъ домахъ? Неужели все господа? Такъ думала Пелагея Прохоровна, и спросила объ этомъ Степаниду Антиповну.

— Все господа и купцы.... Живутъ больше такъ: у каждаго своя комната. Вотъ въ этомъ дому, я думаю, человекъ тысяча живетъ.

Женщины удивились.

— Народу здѣсь страсть! Говорятъ, тысячи тысячъ. Полиція каждый день ведетъ счетъ, никакъ не можетъ сосчитать.

Женщины еще больше удивлялись.

Такъ они дошли до Сѣнной.

На Сѣнной торгаша уже отпирали лавки, мужчины и женщины, большею частію пожилыхъ лѣтъ, катили сюда изъ разныхъ улицъ телѣжки съ разными разностями и останавливались каждый на своемъ мѣстѣ. Мало по малу Сѣнная площадь наполнялась торговыми людьми, женщины стали предлагать нашимъ женщинамъ яблоковъ, нитокъ, катушекъ, тесемокъ, стали появляться женщины въ салопчикахъ и черныхъ суконныхъ пальто съ рогожными кулками въ видѣ сумочекъ. Но не это торговое движеніе, только что начинающееся, привлекло все вниманіе нашихъ женщинъ, а то, что въ углу между церковью и Полтарацкимъ переулкомъ толпилось до двухъ-сотъ крестьянъ; около нихъ стояло нѣсколько женщинъ.

— Подойдемте къ мужикамъ: нѣтъ ли нашихъ, сказала Степанида Антиповна и повернула къ толпѣ.

„Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли тутъ дяди, али Васьки Короваева. Можетъ, они съ желѣзной-то и пошли сюды. Вотъ бы обрадовались-то!“ подумала Пелагея Прохоровна.

— Это и есть Никольскій?—спросила она Степаниду Антиповну.

— Еще не дошли. Это Сѣнная прозывается,—проговорила Степанида Антиповна.

Мужчины галдили. Женщины подошли къ нимъ, стали заглядывать; ни одного нѣтъ знакомаго; даже и тѣхъ нѣтъ, которые ночевали въ одной съ ними избѣ.

— Еще хвастались, а вотъ мы скорѣе ихъ дошли,—сказала Степанида Антиповна.

— Што жъ они тутъ стоять?—спросила Пелагея Прохоровна.

— А ванимаются. Этотъ рынокъ мужской.

Пелагея Прохоровна придвинулась ближе къ мужчинамъ. Въ срединѣ ихъ стоялъ высокий, здоровый мужчина въ фуражкѣ и темно-синемъ суконномъ кафтанѣ. Онъ говорилъ:

— Такъ ежели тридцать коп...

— Несподручно,—загалдилъ народъ.

— Харчи чьи?—спросилъ молодой мужчина.

— Харчи ваши. Такъ пожалуй тридцать пять.

— Нѣтъ... Такъ негодится, говорилъ народъ и отошелъ отъ него, потомъ разсыпался по углу площади.

Стали сбираться въ кучки, въ которыхъ говорили:

— Какая, онъ говорить, работа?

— Поны передѣлывать, стѣны штукатурить.

— Далеко отселева?

— Сколько человѣкъ-то?

— Нады спросить.

Кучки опять разсыпались, подошли къ подрядчику, окружили его.

— Сколько требуется народу?

— Пятьдесятъ человѣкъ, потому кто ежели портить только, тово вонъ. Ну, такъ какъ?

— Ну а какъ идти?

— Какъ хотите, можно я на машинѣ. Отсюда въ Царское всего четвертакъ стоитъ.

— Пойдите бабы, кабы не опоздать,—сказала вдругъ Степанида Антиповна и пошла.

Женщины тронулись. Прошли Сѣнную, перешли Вознесенскій проспектъ. Впереди и сзади нашихъ женщинъ шли тоже женщины, по пяти, по двѣ и даже въ одиночку.

Сердце забилось сильнѣе у Пелагеи Прохоровны. „Продоваться!“ подумала она— „Что-то будетъ, что-то будетъ.“

Вотъ и площадь. По лѣвую сторону каменные лавки, зданіе похожее на гостиный дворъ съ подваломъ, въ которомъ тоже устроенны лавки, которыя тоже отворяютъ торгаши, а нѣкоторыя уже вывѣшиваютъ на двери веревки, бичевки, шлеи, дуги съ колокольцами и безъ колокольцевъ. Впереди отъ Старо-Никольскаго моста стоитъ нѣсколько женщинъ съ узелками.

Поравнявшись съ соборомъ, женщины усердно помолились на него и потомъ подошли къ женщинамъ, оглядѣли ихъ, поклонились имъ; тѣ тоже оглядѣли вновь пришедшихъ и слегка кивнули головами.

Пришедшія остановились.

— Вы подальше отъ насъ!—сказала одна молодая женщина изъ прежде пришедшихъ и тронула за руку Степаниду Антиповну, желая ее отвести.

— Это почему? спросила сердито Степанида Антиповна тронувшую ее женщину.

— Потому, ты намъ не компанья.

— Я тебѣ покажу компанью... Вотъ и видно, что изъ новенькихъ.

— Какъ бы не такъ! Вотъ тебя такъ и по облику видно, што ты калужская луковица.

— Ахъ ты, подлая! Можетъ, ты калужская-то, а я вовсе не калужская, а питерская.

— Оно и замѣтно.

— Двигайтесь, бабы, плотнѣе, — крикнула храбро Степанида Антиповна своимъ одноночлежницамъ и толкнула назойливую бабу.

Баба разсвирѣпѣла, обозвала Степаниду Антиповну воровкой. Женщины заголосили и едва не вступили въ рукопашную, но къ нимъ подошелъ городской, стоявшій доселѣ какъ статуя. Онъ подошелъ медленно, какъ будто каждый его шагъ стоитъ большихъ денегъ, остановился противъ женщинъ и тупо-флегматически сталъ смотрѣть на нихъ.

Степанида Антиповна и ее противница двинулись къ городовому, за ними двинулись и женщины.

— Она меня обозвала! — закричала Степанида Антиповна.

— Она воровка... Въ узлу у нея воровскія вещи.

— Ее надо за это...

— Кто ты есть такая, позволь тебя спросить! Ты не разъ въ части сживала.

— Ну-ну!! Молчать! — проговорилъ начальническимъ тономъ городской.

Женщины заголосили, но городской началъ легонько толкать женщинъ, говоря:

— Што на дорогу стали! Становитесь въ уголь! Пошли, пошли!! Я васъ!

Женщины попятились. Городовой пошелъ дальше и сталъ распекать женщинъ, продающихъ хлѣбъ, за то, что онѣ выдвинули столы очень близко къ дорогѣ.

Женщинъ прибывало больше и больше. Онѣ приходили или кучками, или въ одиночку, большею частью съ Сѣнной площади. Приходили сюда и отъ церкви Покрова, и отъ Фонтанки по Крюкову каналу, но это были женщины, отошедшія отъ мѣстъ въ Петербургъ; онѣ приходили даже безъ узелковъ, — значить у нихъ были знакомые, у которыхъ онѣ оставили свои вещи. Всѣ вновь приходшія протискивались въ кучу или становились отдѣльно, недалеко отъ столиковъ, или пристраивались къ чугунной рѣшеткѣ въ уголь при впаденіи Екатерининскаго канала въ Крюковъ каналъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ нашли знакомыхъ.

— И ты здѣсь?—спросила женщина Пелагею Прохоровну, держа за рукавъ.

Та обернулась, посмотрѣла на женщину: гдѣ-то видѣла, а не припомнить.

— Не узнала? А узнала ли ты Питеръ?—спросила снова женщина, улыбаясь.

— Ты у той, что съ кабачникомъ ругается? — спросила Пелагея Прохорова женщину.

— Будь она!.. Штобъ ей... Жаль, што она не подавилась кофеемъ.

— Што такъ?

— Да такъ! Всю ночь спать не дали. Сперва къ ней любовникъ пришелъ, бить ее зачалъ, насъ сталъ гвать. Просто бѣда! Спасибо, мужики защитили: связали ее любовника. Потомъ полиція. „подавайте паспорта!“ Ну, подали; записалъ всѣхъ и паспорта возвратилъ... Всю ночь не спали.

— А вчера гдѣ спали?

— Тутъ на Сѣвной... Тоже не приведи Царица Небесная. Если все говорить, што тамъ дѣлается, волосы дыбомъ встанутъ.

И женщина отошла къ другой, знакомой ей женщинѣ.

Пелагея Прохорова подошла къ Крюкову каналу и стала смотреть на медленно подвигающіеся съ Фонтанки барки съ кирпичомъ, углемъ и дровами. Интереснаго въ этомъ для нея было не много, и она присѣла на панель, устроенную около рѣшетки.

Къ ней подошла одна изъ женщинъ, ночевавшихъ съ нею первую ночь.

— Здравствуй. А мы думали, ты ужъ померла.

— А што?

— Да вотъ на томъ постояломъ, гдѣ мы сегодня ночевали, двоихъ мужиковъ въ больницу взяли, потому, говорятъ, съ нами холера. И холера эта, говорятъ, отъ огурцовъ да отъ водки приключилась съ ними.

— Господи помилуй!

— Меня тоже хозяйка хотѣла отправить въ больницу и полицейскаго призывала.

— Неужели?

Въ это время Пелагею Прохоровну и ея знакомую окружило вѣсколько женщинъ, которыя тоже удивлялись и были напуганы холерой на постоянныхъ дворахъ.

— Какъ же ты отдѣлалась-то?

— Да такъ! Вчера весь день пролежала...

— Ну, значитъ, холера!

— Да у те поди и таперь холера.

— Отойдемте, бабы! — проговорили женщины, но прочь не шли, потому что ихъ интересовало то, какъ холерная женщина отдѣлалась отъ полиціи.

— Погляжу я на васъ, такъ у васъ ума-то и на эстолько нѣту — Пелагея Прохоровна показала на половину ногтя на мизинцѣ. — Еслибы я была нездорова, могла ли бы придти сюда? Могла ли бы я быть въ полномъ разсудкѣ? Ну, подумали ли вы о томъ, што сказали, пустыя вы головы!

— Кто те знаетъ. Если бы ты не сидѣла, еще можно повѣрить... — проговорила бойко и неизвѣстно почему улыбаясь женщина, безъ узла, и съ красными пятнами на лицѣ.

— Если тебѣ хочется на мое мѣсто сѣсть — изволь! — почти крикнула Пелагея Прохоровна взволнованнымъ голосомъ, встала, отошла къ Екатерининскому каналу, уперлась на перила и задумалась.

Женщины въ недоумѣніи поглядѣли другъ на друга нѣсколько секундъ.

— Вострая! — сказала одна изъ нихъ.

— Изъ самой Сибири, говоритъ, пріѣхала.

— Не бѣглая ли какая?

— Я паспортъ видѣла.

— Паспортъ и украсть можно.

Женщины поговорили о Пелагеѣ Прохоровнѣ минутъ десять, говорили громко, стараясь вызвать на ссору Пелагею Прохоровну; но видя, что она не обращаетъ на нихъ вниманія, разошлись отъ Крюкова канала.

У Николы зазвонили къ обѣднѣ. Въ это время Большая садовая улица уже не походила на ту, какою она была утромъ. Впередъ и обратно по ней то и дѣло ѣхали извозчики съ сѣдоками; то и дѣло ломовыя лошади везли или мѣшки съ мукой, кули съ куделей, хлопчатой бумагой, желѣзо, плохонькую мебель, за которою или шла старушка въ худенькомъ салопчикѣ и капорѣ на головѣ, или молодая женщина въ черномъ суконномъ пальто съ костяными четырехугольными и шестиугольными пуговицами; ѣхали порожнія кареты, порожнія пролетки съ важно сидящими въ нихъ извозчиками, предлагающими отъ скуки прокатить пѣшеходовъ, преимущественно людей бѣдно одѣтыхъ, которыхъ теперь шло впередъ и обратно очень много. Всѣ эти пѣшеходы что нибудь несли въ рукахъ и шли скоро. Вотъ пріѣхала городская карета, запряженная четверкой лошадей, едва передвигающихъ ноги; на передкѣ стоитъ кондукторъ съ свѣтлыми пуговицами, въ фуражкѣ съ какимъ-то значкомъ и съ кожанымъ кошелькомъ на боку. Карета остановилась противъ Николы и изъ нея вышло человекъ девять мужчинъ и женщинъ, изъ коихъ половина, по одеждѣ, принадлежала къ порядоч-

ному сословію, а другая половина къ голодающему классу. Вотъ зазвенѣлъ гдѣ-то крѣпко колокольчикъ, и немного погодя показался вагонъ, который тащили по рельсамъ двѣ лошади. На немъ и въ немъ сидѣли люди: вверху мужички, прикащики; внутри—господа, купцы и дамы. На передкѣ и на задкѣ этой кареты стояло по кондуктору въ форменной одеждѣ. Лошади остановились, немного не дойдя до длижанса. Въ лавкахъ не было тоже пусто: тамъ покупали, кто дугу, кто деготь, кто овса и т. п. Всѣ столы были заняты торговцами и торгашами, но женщины здѣсь превосходили своимъ количествомъ мужчинъ. На столахъ стояли огромные чайники съ какимъ-то кислосладкимъ теплымъ пойломъ, называемымъ медомъ, и стеклянные кувшины съ квасомъ изъ клюквы; лежали печенки, рубцы, яйца, тешка, черный и бѣлый хлѣбъ. По улицѣ мимо лавокъ шли торгаша съ яблоками, апельсинами и лимонами, съ сахарнымъ мороженымъ, ребята со спичками. Всѣ эти люди громко, почти во все горло кричали и предлагали встрѣчнымъ купить ихъ товаръ.

Женщинъ теперь было въ углу между Крюковымъ и Екатерининскимъ каналомъ до двухъ-сотъ. Онѣ разсыпались по этому углу такъ, что городской, то и дѣло, просилъ ихъ попятиться съ дороги. Тутъ были и чухонки, лепечущія на своемъ языкѣ и стоящія отъ русскихъ особнякомъ, и вѣмки въ худевскихъ салончикахъ и чепчикахъ на головахъ, и еврейки; тутъ была даже дѣвочка годовъ шести, босая, съ незакрытою ничѣмъ головою и съ маленькою плѣшью на темени, стоящая около пожилой женщины.

Однѣ изъ женщинъ гадятъ, ссорятся отъ скуки, стараются своимъ крикомъ осилить другихъ и высказать свою толковость; другія молчатъ. На всѣхъ лицахъ выражается какое-то нетерпѣвіе и страхъ; многія смотрятъ на образъ Николая чудотворца, на церковь и вздыхаютъ. Вонъ одна молодая женщина, прислонившись къ периламъ, плачетъ. Она старается не плакать, но не можетъ удержать слезъ. Вонъ пожилая женщина, съ отчаяніемъ въ лицѣ, смотритъ въ каналъ, глаза ея точно приковались къ одному мѣсту. Вонъ дѣвушка годовъ семнадцати, сидя на мостовой, уперла голову обѣими руками. Другія стоятъ тоже съ невеселыми лицами, часто вздыхаютъ и смотрятъ большею частію на одно мѣсто, какъ бы что-то обдумывая. Ихъ не интересуютъ разговоры, брань и ссоры другихъ женщинъ, еще повидпмому не испытавшихъ петербургской жизни; онѣ сосредоточились сами въ себѣ, точно ихъ горе очень велико и впереди не видится ничего хорошаго.

Пелагея Прохоровна замѣтила все это и сердце ея билось не очень-то радостно. Ей хотѣлось заговорить съ молчаливыми и убитыми горемъ женщинами, но она по себѣ знала, какъ тяжело человѣку дѣлается въ то время, когда его спрашиваютъ.

Но у женщинъ любопытство и сочувствіе къ женщинамъ велико; ее такъ и порывало подойти къ дѣвушкѣ, сидѣвшей на мостовой.

— Што это какъ долго никого нѣту?—проговорила она, нерѣшаясь сѣсть или нѣтъ.

Дѣвушка поглядѣла на Пелагею Прохоровну, но ничего не сказала.

— Ты бы лучше къ рѣчкѣ стала—вѣтеркомъ бы продуло.

— Ничего.

— Ты здѣшняя?

— А ты?

— Я издалека (и Пелагея Прохоровна рассказала, откуда она, и присѣла къ дѣвушкѣ).

— Ты, стало быть, еще не знаешь петербургской жизни.

— Гдѣ мнѣ знать? Што будетъ, то и будь. Вѣдь ужъ не будетъ же хуже того, што было!

— А было и худое развѣ?

— Што и говорить. Я ужъ рѣшилась молчать, потому што было, то прошло. А я по облику твоему замѣчаю и по рѣчи, што ты не изъ мужичекъ... Правду я говорю?

Дѣвушка закрыла руками лицо.

Вдругъ всѣ женщины подвинулись къ дорогѣ; сидѣвшія вскочили и побѣжали къ толпѣ; стоявшія у каналовъ тоже побѣжали съ яростію толкая другъ друга. Пелагея Прохоровна и дѣвушка встали и пошли.

Въ серединѣ женщинъ стояла пожилая, толстая барыня въ бѣлой шляпкѣ и въ драповомъ пальто.

— А умѣешь ли ты кушанья готовить?—спрашивала барыня одну женщину въ то время, какъ Пелагея Прохоровна и дѣвушка подошли къ толпѣ.

— Какъ же... я у хорошихъ господъ жила.

— Вретъ она! Она только что изъ деревни пріѣхавши. Вы меня возьмите, я только сегодня отъ мѣста отошла,—проговорила другая женщина.

— Вретъ! вретъ!

— Она табакъ нюхаетъ, — кричали со всѣхъ сторонъ женщины.

Барыня была въ затрудненіи: женщинъ много, всѣмъ хочется въ кухарки, а какую изъ нихъ взять? Пожалуй, возьмешь такую, которая ничего и дѣлать не умѣетъ, пожалуй попадется воровка.

Пелагея Прохоровна протискалась, употребляя въ дѣло локти, такъ что женщины отскакивали и въ свою очередь колотили ее въ спину.

— Возьмите меня. Я сама своимъ хозяйствомъ жила, нахлѣбниковъ держала,—проговорила она, остановившись передъ барыней.

Барыня улыбнулась. Вѣроятно, ей не вѣрлось, чтобы деревенская баба могла гдѣ-то держать нахлѣбниковъ.

— Будто?—спросила барыня.

— Ей-Богу.

— Не вѣрьте ей, она полоумная,—кричали женщины.

Пелагея Прохоровна обернулась, и отъ злости, не помня что дѣлаетъ, плюнула въ ту сторону, гдѣ говорили про нее.

— Ну, какъ же ты не полоумная! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, я тебя не возьму, ты очень молода.

Пелагея Прохоровна отошла, думая: хорошо, што предупреждаетъ. И она стала искать глазами ту пожилую женщину, что съ отчаяніемъ смотрѣла въ каналъ. Но эта женщина уже стояла передъ барыней и плакала.

— Ты водку пьешь?—спросила ее барыня.

Пожилая женщина обернулась къ церкви, перекрестилась и сказала:

— Хоть разъ замѣтите, такъ вотъ Николай угодникъ свидѣтель.

— Она горькая пьяница,—сказала какая-то женщина.

— Какъ вамъ не стыдно! Мало, видно, вы горя испытали — крикнула Пелагея Прохоровна.

— А ты што пристаешь?

— Это она съ того все еще, што ее по нашей милости не взяли,—кричали женщины.

Барыня въ это время разглядывала паспортъ и адресный билетъ пожилой женщины.

— Ты въ больницѣ была?

— Да... Только вышла изъ больницы и пошла къ дочкѣ, пятнадцатый ей годокъ шелъ, она тамъ на Литейной золотомъ шила у французенки. Прихожу, говорить, померши полторы недѣли.

— Ну, такъ согласна ты на мои условія: жалованья два съ полтиной, фунтъ кофею, то есть полфунта кофею и полфунта цукорю и фунтъ сахару?

— А жильцы есть?

— Да, есть. Имъ нужно и сапоги, и платья вычистить, и въ лавочку сходить...

— Положите три съ полтиной.

— Нѣтъ, два съ полтиной. Жильцы тоже будутъ давать къ праздникамъ,

— Я согласна!—крикнула другая женщина.

— Женщины захохотали; барыня тоже улыгнулась.

— Такъ какъ?—спросила барыня первую пожилую женщину. Та подумала.

— Не прибавите жалованья-то?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Да вѣдь работы много!

— Какъ знаешь. И васъ много.

— Женщина согласилась. Барыня взяла ея паспортъ и адресный билетъ и велѣла приходить въ такую-то улицу, въ такой-то домъ и въ такой-то номеръ квартиры, а сама уѣхала съ извозчикомъ.

— Хорошъ ты, видно, сонъ видѣла сегодня,—сказала пожилой женщинѣ одна женщина.

— У васъ, видно, не было такихъ дѣтей, какъ у меня!—сказала съ презрѣніемъ пожилая женщина и пошла.

— Къ ней подошла пожилая женщина въ салопчикѣ съ дѣвочкой.

— Голубушка! у тебя, говоришь, дочка умерла; возьми мою—проговорила она.

— Куда же мнѣ съ ней?

— Да я даромъ тебѣ ее даю, только корми да къ дѣлу приучай.

— Сама знаешь, што кухарокъ не держать съ ребятами.

И нанятая женщина пошла торопливо.

— Заважничалась!—прошипѣла отъ злости пожилая женщина въ салопчикѣ и неизвестно за что ударила по затылку дѣвочку. Дѣвочка заплакала.

— За что ты дѣвчонку-то бьешь?—крикнула на нее женщина.

— Не твое дѣло: свое бью.

На пожилую женщину напала половина женщинъ: онѣ стали ее стыдить за то, вопервыхъ, что она бьетъ маленькую дѣвочку, и во вторыхъ за то, что хочетъ эдакую маленькую въ работу отдать.

— Я ее продаю, потому что сама ищу мѣста и мнѣ самой нечего ѣсть,—оправдывалась мать дѣвочки.

Между тѣмъ ветеръ вѣшалъ, по небу плыли тучи, и мало по малу совсѣмъ закрыли солнце. Женщины проголодались и стали покупать ситный, печенку или яйца. Целагея Прохорова купила фунтъ ситнаго и фунтъ печенки. Съ этими яствами она подошла къ дѣвушкѣ, съ которой она прежде вступила въ разговоръ, и спросила, какъ ее зовутъ. Та сказала, что ее зовутъ Евгенія Тимофеевна.

— Не хочешь ли, Евгенія Тимофеевна?

И Целагея Прохорова отломла половину куска ситнаго и половину печенки, и дала ихъ Евгеніи Тимофеевѣ. Та не брала.

— Я не хочу.

— Полно-ка. У тебя есть ли деньги-то?

— Есть.

— Ну, не церемонься! Я сама была въ нуждѣ, знаю.

— А если вамъ самимъ нечего будетъ ѣсть!—сказала Евгенія Тимофеевна и взяла предложенныя ей яства.

— А руки-то на что Вогъ даль?

— Я то же прежде думала, да вотъ цѣлый мѣсяцъ пишу мѣста. Ходила я и въ хваленое общество—говорять, мы принимаемъ по рекомендаціямъ. Привесите, говорятъ, письмо отъ сѣятельнаго человѣка—примемъ. Ну, я было и пошла къ одному сѣятельному лицу, бывшему въ нашей губерніи губерваторомъ. Цѣлую недѣлю я ходила —не допускаютъ. А я все письма ему оставила. Взрываютъ, письма ему не передавали. Наконецъ, встрѣтила его у под'ѣзда и говорю: я вашему-ству цѣлую недѣлю передавала письма черезъ швейцара.—Ничего, говоритъ, я не знаю. Приходите туда-то. Я туда; кое-какъ допустили. Кто, говоритъ, вы такая? Я сказала. А! говоритъ, знаю. Что же вамъ угодно, сударыня? Я и прошу у него рекомендательное письмо. Не могу, говоритъ, дать потому, что вы пехорошаго поведенья. Вы не съ хорошей стороны уже успѣли зарекомендовать себя въ провинціи; мнѣ, говоритъ, объ этомъ ваша тетушка писала. Такъ я и ушла ни съ чѣмъ. Потомъ я какъ-то увидала въ газетѣ объявленіе: нужна гувернантка. Я прихожу. Квартира отдѣлана великолѣпно. Приглашаютъ меня въ кабинетъ. Въ креслѣ сидитъ баринъ. Пригласилъ съѣсть меня, разспросилъ, кто я такая. Часа два мы съ нимъ толковали; я спросила, велики ли у него дѣти. Онъ и говоритъ: у меня дѣтей нѣтъ, а мнѣ, говоритъ, гувернантка нужна для себя...

— Какъ это такъ? — перебила Евгенію Тимофееву Пелагея Прохоровна.

— Я тоже удивилась. Онъ говоритъ: не удивляйтесь. Я вдовъ и мнѣ нужна жевщина непременно развитая; я бы, говорятъ, ее сдѣлалъ хозяйкой въ моей квартирѣ, однимъ словомъ, мнѣ, говоритъ, нужна молодая, красивая женщина для того, чтобы жить съ ней гражданскимъ бракомъ. Ну я, конечно, не согласилась. Баринъ извинился, далъ мнѣ на бѣдность денегъ, но я его денегъ не взяла. Конечно, этакіе случаи рѣдки, но со мной, по крайней мѣрѣ, случилось такъ.

Женщины опять заволновались, стали собираться въ одну кучу. Пелагея Прохоровна съ Евгеніей Тимофеевной тоже подошли. Еврейка занимала кухарку, и давала только рубль жалованья съ тѣмъ, что кухарка должна п бѣлье стирать. Поэтому охотницъ нашлось мало.

Только что ушла еврейка, къ женщинамъ подошла толстая пожилая женщина въ шелковой мантильѣ, въ шелковомъ же черномъ платкѣ на головѣ. Въ правой рукѣ она держала зонтикъ.

Подойдя къ женщинамъ, она стала оглядывать ихъ.

— Я! я! я!—кричали женщины, окружая нанимательницу.

Толстая женщина молчаливо выдержала напоръ женщинъ. Минуть черезъ пять она начала звать къ себѣ самыхъ молодыхъ.

Въ числѣ десятка молодыхъ попала Пелагея Прохоровна съ Евгеніей Тимофеевной.

— Кто изъ васъ желаетъ ко мнѣ поступить?—спросила толстая женщина съ зонтикомъ.

Поступить пожелали всѣ.

— Мнѣ нужно трехъ для комплекта.

Она опять осмотрѣла женщинъ и выбрала изъ нихъ трехъ. Эти три были: Пелагея Прохоровна, Евгенія Тимофеевна и одна чуховка дѣвушка.

— Замужнія?

— Нѣтъ, —отвѣчали въ разъ всѣ три женщины.

— Бользни никакой нѣтъ?

— Нѣтъ.

Къ толстой женщинѣ подошла мать съ дѣвочкой.

— Куни дѣвочку.

— На что мнѣ ее: кабы она большая да красивая была — такъ!—крикнула толстая женщина съ зонтикомъ.

Сердце дрогнуло у Пелагеи Прохоровны. Она шепнула Евгеніи Тимофеевнѣ на ухо:

— Слышишь? тутъ что-то не ладно.

— Возьми хоть даромъ...—приставала мать дѣвочки, утирая глаза.

— Я сказала, что такихъ не беру... Продай еврейкамъ; онѣ за христіанку деньги дадутъ. Ну, желаете вы поступить ко мнѣ?—спросила нанимательница выбранныхъ ею женщинъ.

— А позволь тебя спросить, что у тебя за работа?—спросила Пелагея Прохоровна.

— Да у меня работы никакой нѣтъ. Развѣ себѣ что будете шить!

— А какая цѣна за это? — опять спросила Пелагея Прохоровна.

— Цѣны я назначить не могу. Вы будете мнѣ платить, каждая за свою комнату, такъ какъ я нанимаю цѣлый домъ и отъ себя отдаю комнаты жилищкамъ...

— Такъ ты это насъ на квартиру зовешь?

— Да!

— Ну, нѣ-ѣтъ... Мы въ работу нанимаемся, потому у насъ денегъ ни гроша нѣтъ. А она еще на квартиру къ себѣ зоветъ!—проговорила Пелагея Прохоровна и отошла. Прочія женщины тоже отошли.

— Послушайте! Эй, вы три?!— крикнула толстая женщина.

— Да нечего тутъ слушать!— крикнула Пелагея Прохоровна.

Толстая женщина съ зонтикомъ подошла къ Евгенію Тимоѳеевнѣ.

— Послушай. Я за квартиру беру по истеченіи мѣсяца, за пищу—пища тоже отъ меня—тоже по истеченіи мѣсяца.

— Да изъ чего платить-то! Вѣдь нужно напередъ найдти работу!— отвѣчала Евгенія Тимоѳеевна.

— Работа будетъ... За всѣми расходами, я такъ думаю, у тебя останется къ каждому первому числу рублей пятнадцать.

— Но какая работа?

— Я ужъ за это берусь.

— Но вы должны здѣсь сказать.

Толстая женщина нагнулась къ дѣвушкамъ и что-то ей шепнула.

Щеки дѣвушки покрылись румянцемъ. Она задрожала и ничего не могла выговорить.

Въ это время къ ней подошла Пелагея Прохоровна.

— Што съ тобой, Евгенія Тимоѳеевна?

Вотъ... Подлая женщина... И она зарыдала.

Пока Пелагея Прохоровна успокоивала Евгенію Тимоѳеевну, толстая женщина подошла къ чухонкѣ-дѣвушкамъ, поговорила съ ней и, немного погодя, чухонка пошла за ней, а потомъ женщина посадила ее съ собой въ пролетку и уѣхала.

— Вотъ какъ чухонки-то! Съ извозчиками ѣздить!— кричали женщины.

— Какъ? Чухонка таки уѣхала? — крикнула Евгенія Тимоѳеевна.

— Уѣхала.

— А надо бы ее воротить, бабы! — крикнула Пелагея Прохоровна.

— А што?

Пелагея Прохоровна рассказала, для какой цѣли эта женщина приглашала ихъ.

Женщины захохали. Имъ жаль было чухонки, но теперь ее ужъ не воротить. Стали говорить о томъ: убѣжить чухонку, пли нѣтъ. Мнѣнія были различныя. Теперь на Пелагею Прохоровну всѣ смотрѣли съ уваженіемъ, и говорили про нее, что эта бѣлолицая бабенка не пропадетъ и не дастъ пальца въ ротъ, чтобы его откусили. А попадись дура, какъ чухонка, которой стоятъ только насулить всякой всячины, и попала какъ куръ во щи.

Появились на рынкѣ, около столиковъ съ яствами, маленькія съ замазанными глиной передниками, штукатуры, маляры:

нѣкоторые изъ нихъ были даже безъ шапокъ и фуражекъ, и у пныхъ, въ длинныхъ или всклокоченныхъ волосахъ, на бородахъ и на лицѣ, была тоже или глина, или известка; появились рабочіе съ черными отъ дыма, пота и угля лицами, съ черными, какъ уголь, ладонями, съ черными фартуками; появились мальчишки отъ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ тоже съ черными передниками, съ вымаранными слегка лицамп. Всѣ они быстро подходили къ женщинамъ, брали у нихъ фунтъ чернаго хлѣба, селедку, или тешку, или яйцо, на деньги или въ долгъ, и потомъ такъ же быстро уходили черезъ Старо-никольскій мостъ въ питейныя заведенія. Стало быть, теперь первый часъ; рабочіе уволены до втораго часу обѣдать. Здѣсь, можетъ быть, читатель спроситъ: отчего они нейдутъ обѣдать домой? Они нейдутъ домой потому, что имъ, можетъ быть, до дому ходу цѣлый часъ. Работая по Фонтанкѣ и около Крюкова и Екатерининскаго каналовъ, они предпочитаютъ за лучшее покупать хлѣбъ, рыбу и пр. на рынкѣ, а не въ мелочныхъ лавкахъ, въ которыхъ они уже успѣли задолжать; покупая сначала на деньги съ шуточками и остротами, они, наконецъ, добиваются, что имъ вѣрятъ въ долгъ до получки заработной платы.

Пошелъ дождикъ. Женщины стали прикрывать свои узелки, но дождикъ, какъ на зло, шелъ и шелъ, мало по малу помачивая полушубки, шугайчики, пальто. Хорошо было тѣмъ женщинамъ, у которыхъ были полушубокъ и пальто, но шугайчики скоро промокли. Мостовая тоже смокла, земля на камняхъ, и между камнями превратилась въ грязь... Женщины стали проситься къ торговкамъ, потому что тамъ надъ столами сдѣланы крыши. Женщины-торговки не пускаютъ.

Платки на головахъ промочило, по лицамъ течетъ вода и падаетъ вмѣстѣ съ дождемъ на плечи; ботинки, башмаки и сапоги промокли, дуетъ холодный вѣтеръ съ моря. Что дѣлать? Женщины силой лѣзутъ подъ крыши; торговки гонятъ ихъ прочь и кричатъ:

— По пятаку съ рыла!

— Ладно.

Большинство женщинъ вынимаютъ пятаки, у нѣкоторыхъ нѣтъ и трехъ коп. Онѣ просятъ у другихъ, тѣ не даютъ.

Евгенія Тимоѣевна дрожить.

— На, пятакъ! — говоритъ Пелагея Прохоровна, и даетъ ей пятакъ.

Евгенія Тимоѣевна не беретъ.

— Ничего, я не глиняная, не растаю. Теперь лѣто.

— А пошто дрожишь-то?

— Не знаю. Это пройдетъ.

Дождь пересталъ идти. Женщины, заплатившія пятаки, стоятъ подъ крышками и ѣдятъ ситный. Торговки снова ихъ гонятъ.

— Идите дождикъ пересталъ.

— Нѣтъ, мы денежки заплатили.

— Што вы, на постоянный што ли сюда забрались? говорите спасибо, што пустили!—говорили торговки, употребляя въ дѣло локти.

Какъ ни лебезили женщины передъ торговками, какъ ни упрасивали ихъ дозволить постоять еще чуточку, а торговки все-таки прогнали ихъ. Женщины стали на прежнія мѣста и сдѣлались очень сердиты: имъ жаль стало пятаковъ, и онѣ начали задирать на ссору тѣхъ, которыя не имѣли удовольствія быть подъ крышками.

Къ женщинамъ подѣхала въ пролеткѣ дама.

— Нѣтъ ли тутъ мамокъ? Не можетъ ли кто ребенка грудью кормить?—спросила дама женщинъ, подойдя къ нимъ.

Женщины поглядѣли другъ на дружку. Четыре женщины — три чухонки и одна русская—подошли къ дамѣ.

Дама разспросила ихъ, давно ли онѣ родили. Оказалось, что двѣ родили уже съ годъ, одна съ полгода, и одна назадъ тому три мѣсяца.

— Гдѣ ребенокъ?—спросила дама чухонку.

— Померъ.

— А у тебя гдѣ ребенокъ?—спросила дама ту, которая родила съ полгода.

— Въ деревнѣ—на молокъ.

— Зачѣмъ же ты его бросила?

— И, барыня!... Мужъ все говорилъ: оставь ребенка, пойдемъ въ Питеръ; тамъ въ мамки поступишь. Ходила въ спитальный—солдатъ не пустилъ. Знать-то ему денегъ надать... А вамъ для своо дитя?

— Да.

Дама отвела женщину въ сторону, посмотрѣла у ней груди и зубы, и стала торговаться. Эта женщина слыхала, что въ Питерѣ мамки получаютъ по восьми рублей въ мѣсяцъ, дюжину рубашекъ, шесть сарафановъ и другіе подарки. Но дама больше пяти рублей не давала, и обѣщала, если только она проживетъ полгода, сшить два сарафана и подарить двѣ пары ботинокъ. Пицца, разумѣется, хозяйская. Женщина думала, ридилась, и черезъ полчаса согласилась на предложенныя условія.

— Вотъ кому счастье, дакъ счастье! Эхъ, кабы у меня былъ ребенокъ!.. вздыхала одна женщина.

Эту женщину обругали.

— Да мнѣ давай десять цалковыхъ—не пойду. Какъ бы не такъ! ни днемъ, ни ночью нѣту спокойствія.

Подошла молодая женщина въ вязаномъ, розовомъ платкѣ на головѣ и въ драповомъ темно-синяго цвѣта пальто. Въ одной

рукъ она держала небольшой кожаный саквояжъ, въ другой зонтикъ.

— Это, видно, опять изъ такихъ, какъ давъ толстая съ зонтикомъ, проговорили женщины, но все-таки подошли къ ней. Пелагея Прохоровна съ Евгеніей Тимоѳеевной тоже подошли не ради найма, а ради развлечения.

— Кто изъ васъ умѣетъ шить?

— Я! я—крикнула каждая женщина.

— Мнѣ нужна швея шить сорочки, манишки, дѣлать мѣтки. Работа трудная, шить нужно чисто, хорошо, на господъ. Слушается и на машинѣ шить.

Женщины посмотрѣли другъ на дружку. Никто не рѣшался поступить въ швеи, потому что такихъ швей не было.

— Возьмите меня; я умѣю шить что угодно! — проговорила робко Евгенія Тимоѳеевна.

— Ты изъ какихъ?

— Изъ... дворянокъ... Да вотъ, я сама шила себѣ этотъ бурнусъ.

Швея посмотрѣла на строчку.

— Мнѣ надо почище! это очень некрасиво.

— Я молода, могу скоро пріучиться къ здѣшней работѣ.

— Такъ-то оно такъ. Но вотъ что: вы дворянка, а я мѣщанка. Уживемся ли мы?

— Объ этомъ вы, пожалуйста, не беспокойтесь; я увѣрена, что мы сойдемся. Я для того и пріѣхала сюда, чтобы работать.

— Пожалуй, я васъ возьму. Видите, я еще только открываю швейную; вы теперь будете третья. Вы будете сперва получать за штуку, на моемъ готовомъ содержаніи, а тамъ увидимъ: если будете хорошо работать, я васъ сдѣлаю мастершей и положу жалованье. Какъ вы думаете объ этомъ.

— Я согласна,—робко проговорила Евгенія Тимоѳеевна.

— Еще одно условіе: чтобы къ вамъ не ходили мужчины.

— Помилуйте! я здѣсь живу еще очень мало.

— Ну, ужъ это дѣло мое. По воскресеньямъ вы будете свободны, и можете или работать на себя, или идти гулять.

Евгенія Тимоѳеевна ничего не могла сказать на это: она была очень рада, что попала въ швеи, и даже забыла проститься съ Пелагеей Прохоровной, которая плохо вѣрила словамъ швей и крикнула отходящей Евгеніи Тимоѳеевнѣ:

— Прощай, Евгенія Тимоѳеевна. Желаю тебѣ счастья.

Стали приходиться къ женщинамъ мужчины—мужья, братья, деверья, однодеревенцы. Одни изъ нихъ говорили, что завтра поступятъ въ работу, другіе еще не поступили на мѣсто. Всѣ мужчины были выпивши, а нѣкоторыхъ уже пошатывало.

Женщинамъ стало веселѣе, и онѣ жаловались мужчинамъ на дождь, на то, что мало приходятъ барынь нанимать ихъ; нѣкоторые женщины даже ругали мужчинъ, что они нарочно завели бабъ Богъ знаетъ куда, для того, чтобы бросить ихъ.

Стали приходять торгаши, предлагавшіе крестьянамъ фуражки, сапоги, поддевки, кафтаны. Крестьяне подержали всѣ эти вещи въ рукахъ, фуражки даже примѣрили себѣ на голову, поторговались, но ничего не купили, потому что торгаши просили дорого, да если и нравилась кому нибудь вещь и было немного денегъ, такъ жалко было тратить ихъ. Торгаши предлагали промѣнять полушубокъ на поддевку, шапку на фуражку, говоря что теперь лѣто, и просили придачи. Одинъ промѣнялъ шапку на фуражку и далъ придачи десять копѣекъ, другой промѣнялъ полушубокъ на поддевку, и тоже далъ придачи пятнадцать коп. Торгаши отошли. Промѣнявшихъ вещи товарищи стали звать въ кабакъ дѣлать спрыски. Двое крестьянъ приглашали своихъ бабъ на Стѣнную въ кабакъ, гдѣ народу и-п ты Боже мой! и бабъ тамъ много. Но бабы въ этотъ кабакъ не пошли. Мужчины пошли на Стѣную; половина женщинъ тоже разбрелась.

— Матушки! голубушки! Охъ, узелъ мой!... ревѣла одна женщина, немного погодя.

Женщины посмотрѣли на свои узлы, посмотрѣли на мостовую, заглянули на столики и подъ столики, спросили торговковъ: не видали ли онѣ узла такой-то женщины—узелъ исчезъ.

— Въ рѣку не упалъ ли?

— Да онѣ, што есть, и не стоялъ у рѣки. Сейчасъ при мнѣ былъ.

— Эко горе, горе!... Да ты не забыла ли на постояломъ?

— Говорятъ, при мнѣ былъ. Не видали, што ли? Охъ!.. Што я теперь дѣлать буду!

— Плохо, видно, держала.

Къ женщинамъ подошла старушка въ люстриновомъ на вѣтъ салочикѣ и въ черномъ капорѣ. Въ суетахъ и въ поискахъ узла, ее замѣтила только одна Целагея Прохоровна и подошла къ ней.

— Ты кухарка?—прошамкала старушка.

— Кухарка.

— У кого жила?

— Я пріѣхала изъ Ярославля; у господъ жила... А у васъ што дѣлать?

— Извѣстно: убирать комнаты, мыть полы, кушанье готовить.

Старушку окружили женщины и стали напрашиваться.

— Замужемъ?—спросила Целагею Прохоровну старушка.

— Вдова... А сколько жалованья?

— Два рубля.

— Я, пожалуй, согласна.

Женщины закричали, стали говорить про Пелагею Прохоровну всякую всячину, во старушка, взявши паспортъ, велѣла ей идти за собой.

Пелагея Прохоровна перекрестилась на церковь и пошла за старушкой. Она была рада, что скоро нашла мѣсто.

XXIV.

Старушка въ салопчикѣ, за которой шла Пелагея Прохоровна, была кухмистерша съ Петербургской стороны, Анна Петровна Овчинникова.

Сзади она походитъ на старую еврейку, которая съ самаго дѣтства или поднимала все тяжелыя вещи, или сидѣла, востоянно наклонившись съ высокаго стула къ низенькому столу, отчего ей позвоночный столбъ принялъ наклонное положеніе. Однако, несмотря на значительную сутуловатость, по которой ее издали узнавали постоянные обыватели Мокрой улицы, Анна Петровна, дожившая до шестаго десятка лѣтъ, шла очень скоро, немножко ковыляя правой ногой, какъ будто ее кто сзади погонялъ прутикомъ. Она, часто оборачиваясь и кашлянувъ, произносила фистулой: не отставай! еще далеко! У другихъ старушекъ подъ шестьдесятъ лѣтъ волоса уже сѣдые и лицо бѣло-желтое; а у этой, напротивъ, лицо было бронзоваго цвѣта и лоснилось, точно она его намазала саломъ. Щеки ея не были ни очень полны, ни худощавы; носъ былъ длинный, прямой, острый,—точно она его постоянно чистила, какъ курица; ротъ маленькій, можетъ быть, оттого, что она его ужимала; ея сѣрыя тусклые глаза съ бурыми зрачками часто мигали. Къ этому надо еще прибавить, что отъ салопчика и отъ капора Анны Петровны пахло жаренымъ гусемъ, почему ее всякій бы могъ назвать, не спрашивая, или кухмистершею, или кухаркою въ кухмистерской.

Анна Петровна шла молча и думала; Пелагея Прохоровна тоже думала; Анна Петровна думала, что теперь она спокойна вполнѣ, нашедши кухарку. Только она много назначила ей жалованья; ну, да она съумѣетъ сдѣлать такъ, что кухарка будетъ получать не больше рубля въ мѣсяцъ. Пелагея Прохоровна, съ своей стороны, думала о томъ: „какая эта старуха бодрая, точно бабушка Настасья Сергѣевна, которая умерла назадъ тому восемь лѣтъ. Той было слишкомъ девяносто лѣтъ, та Пугача помнила; но ходила прямо, говорила ясно и чистымъ голосомъ, а не шамкала, не хрипѣла и фистулой не говорила. Бабушка была въ большомъ почетѣ во всемъ заводѣ; она бы-

ла добрая, ни съ кѣмъ не ссорилась; бывало, отца съ матерью выручала изъ бѣды. А глаза у нея были тоже сердитые. Бывало, забалуемся мы, она только взглянетъ, мы замолчимъ... Какова-то эта? Та была родная, а я въ то время была маленькая, а теперь я большая, и къ чужой старухѣ пошла въ работу. Што бы теперь сказала про меня бабушка Настасья Сергѣевна, еслибы увидала меня, какъ я пду за эгой старухой. Она бы ахнула, потому она мнѣ пророчила мужа богатаго, большое хозяйство, дюжину ребятишекъ! Господи, какъ много въ жизни можно испытать всякой вѣчины... Вотъ эти мужички, что работаютъ, камень разбиваютъ, тоже прежде не думали, что будутъ въ Питерѣ на богатыхъ людей работать. Они, поди, думаютъ, глядя на меня, что мнѣ лучше житье, чѣмъ имъ...“

Но напрасно кухмистерша и кухарка думали, что люди про нихъ думаютъ. Никто объ нихъ ничего не думалъ, а всякій шелъ своей дорогой или дѣлалъ дѣло, думая только о томъ, какъ бы хорошо сдѣлаться вдругъ богатымъ человѣкомъ и дѣлать то, что хочется.

Подошли къ Невѣ. По Невѣ плыветъ много судовъ съ лѣсомъ, камнями, барокъ съ сѣномъ, дровами. Плывутъ пароходы, у которыхъ и колесъ не видно, пароходы, биткомъ набитые людьми. Множество судовъ и барокъ стоятъ у берега, прикрѣпленныя цѣпами или толстыми канатами за кольца, вдѣланныя въ гранитныя набережныя. Множество яликовъ съ пассажирами плыветъ по разнымъ направленіямъ; у спусковъ яличники предлагаютъ свои услуги перевезти черезъ Неву.

„Вотъ это рѣка настоящая. А все же поменѣ нашихъ будетъ,“ подумала Пелагея Прохоровна, когда кухмистерша и она шли по Дворцовому мосту.

Она спросила старушку: какъ называется эта рѣка. Та сказала, и ткнувъ въ пространство лѣвой рукой, проговорила:

— А тамъ море!

— Море! Ахъ бы поѣхала я по этому морю. А ты по морю плавала?

— Я, что есть, черезъ Неву ни разу не плавала.

— Бойшься?

— Боюсь! А море я разъ пять въ году видала, со Смоленскаго.

— А это што же, Смоленское-то?

— Кладбище такое вонъ тамъ, на Васильевскомъ острову, сказала кухмистерша, и указала рукой.

Пелагея Прохоровна стала смотрѣть на Васильевскій островъ.

„Такъ вотъ онъ, Васильевскій-то славный островъ, што въ пѣснѣ поется. А я думала, што въ пѣсни все враки... Думала,

какойнибудь пьяный мастерко сочинилъ эту пѣсню“, думала Пелагея Прохоровна.

Прошли мостъ, пошли по первой линіи.

— Здѣсь тоже Питеръ? спросила Пелагея Прохоровна старушку.

— Нѣтъ, здѣсь Васильевскій островъ.

„Ахъ бы дядѣ попасть сюда! Ужъ онъ непременно сочинилъ бы съ Короваевымъ такую пѣсню, што онъ былъ на самомъ Васильевскомъ острову.“ И сердце у Пелагеи Прохоровны, неизвестно почему, заняло.

Опять мостъ.

— Это што же! Идемъ, идемъ и конца нѣтъ. Все какъ-то мосты да рѣки!—проговорила Пелагея Прохоровна, недовольная тѣмъ, что старуха ее ведетъ Богъ знаетъ куда.

— Еслибы я воды не боялась, давно бы ужъ дома были. Вонъ оттоль стоитъ только въ яликѣ сѣсть, и черезъ полчаса дома. А то я воды боюсь. Отъ роду не плавала,—проговорила старуха. Они пошли берегомъ.

Здѣсь кухмистерша чувствовала себя уже свободнѣе и спокойнѣе. Она пошла тише, не загребала правой ногой, а шла какъ лѣвивый конь, покачиваясь направо и налево. Здѣсь она была какъ дома, сняла даже съ головы капоръ—на головѣ оказалась бѣлый чепчикъ съ дырочками, сквозь которыя видѣлись начинающіе сѣдѣть волосы. Отдавши капоръ Пелагее Прохоровнѣ съ приказаніемъ не измять и не испачкать его, она сняла и салопчикъ и очутилась въ шелковомъ черномъ платкѣ на плечахъ и въ ситцевомъ голубомъ засаленномъ платкѣ.

Это раздѣванье удивило Пелагею Прохоровну, но она не посмѣла спросить. Старушка отдала Пелагее Прохоровнѣ и салопчикъ.

— Ты его положи на плечо, да смотри не изомни!—сказала она своей новой слугѣ.

— Барыня... А узелъ?

— И узелъ можешь держать.

Пелагея Прохоровна кое-какъ устроила свою ношу.

Преобразившись по домашнему, Анна Петровна пошла еще тише, что-то напѣвая про себя, какъ будто воображала, что идетъ не по улицѣ, а въ своей собственной комнатѣ.

— Здравствуйте, Анна Петровна!—сказала попавшаяся на встрѣчу кухмистершѣ старушка съ платкомъ на головѣ, въ ситцевомъ платкѣ, тоже вѣроятно воображающая, что она у себя дома.

— Здравствуйте, Марья Игнатьевна! И старушки поцаловали другъ друга въ щеки:—куда ходили? А я вѣдь съ Никольскаго.

— Мать Пресвятая Богородица!—проговорила Марья Игнать-

евна, и неизвѣстно отчего вздрогнула, точно ее что кольнуло въ бокъ или случилась съ ней икота.

— Да, матушка моя, съ Никольскаго. Вонъ какую добыла! И Анна Петровна кивнула головой на Пелагею Прохоровну, которая стояла недалеко отъ старушекъ и смотрѣла на нихъ.

— Неужели у насъ не нашлось?

— О! што здѣшнія! Онѣ избаловались.

— Это такъ... Только она молодая, — сказала шепотомъ Марья Игнатьевна.

— Не эдакія у меня жили... Вышколю.

— А у меня несчастіе какое: сынокъ ногу вывихнулъ пьяный.

— Господи благослови! — чуть не крикнула Анна Петровна и замгала чаще обыкновеннаго.

— Да вотъ, поди же ты! Иду къ доктору.

Старушки поговорали минутъ пять и простились, поцаловавъ другъ друга.

Немного погодя, Анна Петровна свернула въ переулокъ, потомъ въ улицу. Здѣсь на каждомъ шагу попадались ей знакомые люди, но она не останавливалась, а только отвѣчала на вопросы: ахъ, съ Никольскаго! устала!

Черезъ десять минутъ она вошла во дворъ, въ которомъ было два деревянныхъ двухъ-этажныхъ флигеля съ мезонинномъ на каждомъ. На улицу, кромѣ того, выходило по обѣимъ сторонамъ два дома — одинъ направо, каменный трехъ-этажный съ подваломъ, налѣво деревянный съ девятью окнами безъ мезонина на которомъ была прибита вывѣска съ надписью „школа.“

Хотя Анна Петровна Овчинникова никогда не была потомственною дворянкою, но она еще въ дѣвочкахъ считала себя столбовою дворянскою дочерью, несмотря на то, что отецъ ея былъ только сенатскій регистраторъ. Вѣроятно, это происходило оттого, что и родители ея и сосѣди ихъ, служа въ министерствахъ, считали себя особымъ классомъ, съ которымъ нельзя сравнять мѣщанъ и даже купцовъ, и поэтому причисляли себя къ дворянамъ. Однако, несмотря на причисленіе себя къ дворянскому сословію, большинству этихъ самохваловъ и самохвалокъ жилось гораздо хуже, нежели мѣщанамъ и купцамъ, не пренебрегавшимъ черною работою, за которую стыдно было взятыя какому нибудь чиновничку, его женѣ или дѣтямъ. Нѣкоторые чиновники имѣли на Петербургской сторонѣ свои дома, доставшіеся имъ или отъ родителей, или въ приданое; а какъ такіе домовладѣльцы имѣли большія семейства, то чиновниковъ современемъ расплодилось много и они такъ друж-

но сплотились на Петербургской сторонѣ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились и выросли, что заманить ихъ въ другое мѣсто было очень трудно. Поэтому и Мокрая улица, населенная преимущественно канцелярскимъ людомъ, имѣетъ свой характеръ, совсѣмъ отличный отъ петербургскаго. Въ ней очень мало каменныхъ домовъ, а все больше деревянные, окрашенные желтою краскою, или охрою, которые тѣнятся другъ къ другу, такъ что съ крыши одного мезонина на крышу другаго мезонина скачутъ кошки. Улица плохо вымощена, тротуаровъ не существуетъ, вѣтъ извожиковъ, нѣту городскихъ, нѣтъ даже будки. Въ ней всего одинъ фонарь, и то напротивъ гостиницы для привъжающихъ. Здѣсь пахнетъ провинціей, и еслибы изъ оконъ мезониновъ не видна была Нева и гранитная набережная съ каменными зданіями за Невой, то можно было бы сказать, что это не Петербургъ, а уголь уѣзднаго города.

Утромъ, чиновники въ извѣстное время идутъ толпами на службу съ портфелями, конвертами изъ синей бумаги, свертками, или безъ нихъ. Потомъ, въ извѣстное тоже время, чиновницы и вообще дамы дворянскаго класса идутъ въ лавочки за провизіей; послѣ этого на улицѣ пусто. Около пяти и шести часовъ вечера чиновники, измученные и уставшіе, бредутъ по домамъ; нѣкоторые заходятъ въ заведенія распивочно и на выносъ, откуда или выходятъ сами, или ихъ выводятъ съ руганью жены. До десяти часовъ видится жизнь въ этой улицѣ; чиновники и ихъ семейства сидятъ у оконъ, поютъ пѣсни и наигрываютъ на гитарахъ; нѣкоторые сидятъ на улицахъ на лавочкахъ въ халатахъ; нѣкоторые, сидя у раствореннаго окна, что-то пишутъ; нерѣдко также въ хорошую погоду увидѣть нѣсколькихъ молодыхъ чиновниковъ, играющихъ въ дворахъ или на улицѣ въ бабки или городки. Въ десять часовъ все смолкаетъ, гаснутъ огни въ домахъ, запираются ставни оконъ, наступаетъ тишина, прерываемая только лаемъ множества собакъ.

Даже въ климатическомъ отношеніи Мокрая улица не похожа на петербургскія улицы; такъ, здѣсь зимой несравненно холоднѣе и больше снѣгу, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ снѣгъ постоянно сгребаютъ и увозятъ прочь, гдѣ иногда цѣлый мѣсяцъ ужъ ѣздить на колесахъ, тогда какъ въ Мокрой улицѣ еще хорошая ѣзда на саняхъ. При поднятіи воды въ Невѣ, Мокрую улицу заливаютъ раньше другихъ, такъ что изъ нея въ Неву можно отправиться прямо въ лодкѣ или въ яликѣ. И все-таки здѣшнему воздуху Петербургъ можетъ позавидовать: здѣсь меньше мретъ народа, женщины доживаютъ до семидесяти и больше лѣтъ, и если дѣтямъ не передана родителями какаянибудь болѣзнь, они растутъ толстыми и здоровыми.

Поэтому немудрено, что Анна Петровна родилась, выросла и прожила до шестидесяти лѣтъ въ Мокрой улицѣ, гдѣ прежде у родителей ея былъ свой домъ, который, послѣ смерти отца,

вслѣдствіе крайней нужды, мать принуждена была продать, а потомъ поселиться на квартирѣ въ той же Мокрой улицѣ и заняться шитьемъ. Анна Петровна была третьею дочерью, но успѣла влюбить въ себя молодаго чиновника раньше прочихъ сестеръ и, вышедши замужъ, поселилась съ мужемъ также въ Мокрой улицѣ. Ни она, ни супругъ ея даже и въ помышленіяхъ не пмѣли не только жить гдѣ нибудь въ Гороховой или въ Осицерской улицѣ Петербурга, но даже переселиться въ другую улицу Петербургской стороны. Такое переселеніе было бы сочтено сосѣдями за расколъ или за чрезмѣрную гордость. Обитатели Мокрой улицы достовѣрно знаютъ, что мужъ у Анны Петровны былъ варваръ, какихъ свѣтъ не производилъ. Хотя такихъ варваровъ было много въ Мокрой улицѣ, но со стороны казалось, что этотъ варваръ былъ почище другихъ варваровъ. Въ сущности, однакожъ, онъ былъ даже нѣсколько скромнѣе большинства чиновниковъ, и такое названіе къ нему припиливалось не совсѣмъ кстати. Дѣло въ томъ, что онъ былъ первые пять лѣтъ для супруги ангеломъ, но на шестой годъ, когда Анна Петровна родила плаксивую дѣвочку, ангелъ сталъ приходить домой навеселѣ. Сперва супруга думала, что ангелъ веселѣ потому, что у него есть дочь, или потому, что его сегодня похвалили на службѣ: ей и въ голову не приходило, что ангелъ выпиваетъ, такъ какъ онъ послѣ выпивки обыкновенно закусывалъ или гвоздикую, или сургучемъ, чтобы не пахло водкой. Каково же было ея удивленіе, когда, въ день получки жалованья, „ангелъ“ пріѣхалъ домой на извозикѣ до того пьяный, что она должна была втащить его въ квартиру съ извозникомъ. Но и этого мало: у ангела денегъ оказалось на лицо всего трехрублевая бумажка и нѣсколько мѣдяковъ.

Съ этихъ поръ жизнь пошла нехорошая: мужъ пьянствовалъ часто, жена его била и мало по малу истрачивала приданыя деньги; сосѣдки говорили про Овчинникова всякую всячину и не могли понять, отчего онъ сталъ пьянствовать хуже и хуже, закладывалъ свою шинель, виць-мундиръ и даже сапоги; тащилъ въ залогъ все, что лежало плохо. Жена выкупала всѣ эти вещи, ходила къ ворожеямъ, поила мужа какими-то лекарствами, отъ которыхъ онъ хворалъ по мѣсяцамъ, но пьянствовать все-таки не переставалъ.

Такимъ образомъ супруги прожили пятнадцать лѣтъ. На шестнадцатомъ Овчинникова уволили въ отставку; Анна Петровна стала лечить его, и залечила до того, что онъ померъ.

Анна Петровна осталась вдовою губернскаго секретаря съ двумя дочерьми, Вѣрой и Надеждой. Несмотря на нехорошую жизнь съ пьяницей мужемъ, она все-таки была женщина красивая и здоровая, и могла бы выйти замужъ, но ей уже опротивѣла замужняя жизнь, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ семействахъ она видѣла тоже, что творилось и съ нею въ замужес-

твѣ. Да за нее, впрочемъ, никто и не сватался, вѣроятно потому, что у нея было двое дѣтей и она жила бѣдно, приобретаая деньги шитьемъ. Сестра ея, жившая на Пескахъ и не имѣвшая дѣтей, которыя умирали черезъ три и пять мѣсяцевъ по рожденіи, звала Анну Петровну жить къ себѣ. Но Анна Петровна не могла у ней прожить и съ недѣлю: ей было скучно обо всей Петербургской сторонѣ, о Мокрой улицѣ, гдѣ ей казался и воздухъ чище, и жизнь проще. „Тамъ все свои, тамъ просто; здѣсь хоть и чиновники живутъ, но далеко хуже напихъ, и другъ съ другомъ они не ладятъ. Здѣсь поживетъ чиновникъ съ мѣсяцъ и уйдетъ прочь, а у насъ этого нѣтъ. У насъ и одѣваться хорошо не надо, у насъ и важныхъ людей не встрѣтишь; а здѣсь одѣвьяся-ко худо — осмѣютъ“. Такъ думала Анна Петровна и воротилась въ Мокрую улицу.

Пришлось переѣхать на другую квартиру, потому что, прежняя была и велика для вдовы, и дорога. Заложила Анна Петровна кой-какія цѣнныя вещи, доставшіяся ей въ приданое или купленныя въ первый годъ замужества, наняла квартиру въ мезонинѣ, въ три комнаты съ кухней, и прилѣпла на воротахъ бумажку съ надписью: „отдаются комнаты со столомъ и небелью“. Сдѣлавши это, она нѣсколько дней по утрамъ выходила за ворота, останавливала чиновниковъ, заговаривала съ ними и просила ихъ найти ей хорошихъ жильцовъ. Но жильцы не являлись. Поднялись толки, что вѣрно у Анны Петровны много накоплено денегъ, что она нанимаетъ большую квартиру безо всякаго расчета, тогда какъ ей достаточно было бы съ двѣюшками и одной комнаты, которую она могла бы нанять у любой чиновницы вдовы; нѣкоторые даже стали поговаривать, что Анна Петровна, должно быть, поддѣла любовника изъ Петербурга, который непременно ѣздитъ къ ней по ночамъ и котораго, вѣроятно, она хочетъ женить на себѣ. За Анной Петровной стали слѣдить, но ничего не услѣдили: она попрежнему шла, уходила съ шитьемъ и за шитьемъ, была со всѣми любезна и на вопросы: какъ живется? постоянно отвѣчала: поменьку! Богъ грѣхамъ терпитъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, она едва сводила приходъ съ расходомъ и ей приходилось къ концу мѣсяца нести что нибудь въ закладъ. Была у нея пріятельница Степанова, которая жила тоже на Петербургской, только въ другомъ концѣ. Эта госпожа имѣла кухмистерскую секретно, то есть не имѣла ни вывѣски, ни свидѣтельства на этотъ родъ занятія. Отъ нея Анна Петровна узнала, что вообще кормить небогатыхъ людей выгодно, если только ихъ много и они хорошо платятъ. За пищу она деньги выручаетъ, но комнаты или вообще квартира сидитъ у нея на шеѣ, потому что или стоятъ пустыя все лѣто, когда студенты уѣзжаютъ домой, или въ нихъ живутъ не подолгу люди бѣдные, съ которыхъ иногда совѣстно просить денегъ.

Анна Петровна была женщина сообразительная. Въ каждое изъ ея посѣщеній она что вѣбуду усвоивала и дома записывала на бумажку, какъ нужно приготовить изъ такихъ-то припасовъ супу на тридцать человѣкъ, какъ пжарить мясо такъ, чтобы его хватило на трое сутоки и т. п. И ей сильно захотѣлось сдѣлаться самой кухмистершей. Но тутъ встрѣтилось большое затрудненіе: чтобы готовить обѣды—нужна работница; нуженъ мальчикъ или дѣвочка, чтобы разносить кушанья,—не станетъ же она заставлять своихъ дочерей разносить кушанья, не для того онѣ родились! Потомъ, нужна посуда, нужны мѣдные судки. И на все это нужны деньги. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, она рѣшилась попросить у мужа своей сестры сто рублей, но онъ далъ только пятьдесятъ подѣ респекту съ тѣмъ, чтобы она ихъ уплатила въ теченіе года. На половину этихъ денегъ Анна Петровна купила держаной посуды, наняла кухарку и прилѣпила на воротахъ поллиста бумаги, на которомъ крупными буквами было написано: „чиновница Овчинникова а даетъ кушанья на домъ или у себя спросить объ цнѣ въ мезонинѣ квартпра № 12 у вдовы кухмистерши Анны Петровны Овчинниковой“. Несмотря на эту безграмотную записку, прохожіе чиновники, замѣтивъ на воротахъ лоскутокъ бумаги съ большимъ количествомъ буквъ, останавливались, читали, чесали себѣ затылки и подбородки и разсуждали: не выгоднѣ ли будетъ имъ въ самомъ дѣлѣ получать кушанья отъ вдовы Овчинниковой. Но пока они думали и разсуждали объ этомъ, чиновницы, идя въ лавки и на рынокъ, тоже успѣли прочесть эту надпись и отъ удивленія перешли къ негодованію, потому что вдова Овчинникова срамитъ ихъ своимъ новымъ занятіемъ.

— Жаль что она кухаркой не назвала себя! Этого еще не доставало! кричали чиновницы чуть не во все горло. Имъ было досадно не то, что вдова Овчинникова будетъ держать нахлѣбниковъ, но зачѣмъ она назвала себя именемъ кухмистерши, которое идетъ только къ мѣщанину. Во вторыхъ, имъ было досадно, что вдова Овчинникова, до сихъ поръ жившая со всѣми откровенно, какъ говорится, душа въ душу, вдругъ письменно на всю улицу заявляетъ, что она отдаетъ кушанья на домъ или у себя: стало быть, этимъ самымъ заявленіемъ она становится къ нимъ въ непріятельскія отношенія, хочетъ отбить у нихъ не только хорошихъ нахлѣбниковъ, но и квартирантовъ. Вся женская половина Мокрой улицы вооружилась противъ Анны Петровки, а одна чиновница хотѣла даже сорвать бумагу съ воротъ, но ее удержали сосѣди. Хотѣли было отправить къ ней депутацію, чтобы потребовать объясненія, но рѣшили подождать мужей и квартирантовъ для того, чтобы посоветоваться съ первыми и увѣрить послѣднихъ, что все написанное на бумагѣ, надъ воротами дома Плошкина есть

плодъ пылкаго, но глупаго воображенія вдовы Овчинниковой, которая, какъ надо полагать, пустилась на аферу и думаетъ обобратъ простоватыхъ молодыхъ людей.

Однако, какъ ни старались хозяйки чиновницы увѣрить своихъ квартирантовъ въ этомъ и въ томъ, что вдова Овчинникова табакъ нюхаетъ, а табакъ легко можетъ попасть въ супъ и въ жаркое, молодежь захотѣла попытать, не дешевле ли у вдовы Овчинниковой обѣдъ. И дѣйствительно, Овчинникова назначила цѣну дешевле другихъ, и въ тотъ же день обѣдало у нея десять чиновниковъ, которые нашли кушанья превосходными. Потомъ четверо наняли у нея двѣ комнаты и дали задатки, четверо согласились обѣдать помѣсячно и дали тоже задатки по рублю; остальные просили подождать до полученія жалованья.

Такой успѣхъ Анны Петровны вывелъ изъ терпѣнія чиновницъ, и онѣ рѣшились сразиться съ ней.

Утромъ, Анна Петровна шла въ Сытный рынокъ за провизіей. За ней слѣдовала и кухарка съ кулькомъ. Попадаются на встрѣчу двѣ чиновницы.

— Вы что же это такое дѣлаете!—спросила ее одна изъ нихъ сердито, не поздравившись даже съ нею.

— Что я такое дѣлаю?—спросила въ свою очередь спокойно Анна Петровна

— А это какъ у васъ въ бумагахъ написано?

— И не стыдно вамъ?—прервала другая и закачала головой.

— Это вы насчетъ чего же спрашиваете?

— А насчетъ того, что вы на мошенничество пустились.

— Не горячитесь, Софья Сергѣевна!..

— Я вотъ что хочу спросить у васъ, Анна Петровна: пристадо ли благородной дамѣ вазываться кухмистершей, и на какомъ основаніи вы сманиваете къ себѣ нашихъ жильцовъ и нахлѣбниковъ?

— На томъ основаніи, во первыхъ, что, по моему понятію, нѣтъ стыда въ томъ, что я называю себя кухмистершей. Ужъ это дѣло мое, а не ваше. Во вторыхъ, я женщина благородная и мнѣ съ дѣтьми не хочется жить у кого нибудь въ углу или быть прихлебательницей богатыхъ родственниковъ, какъ это нѣкоторыя благородныя дамы дѣлаютъ. Что же касается до того, что мнѣ Богъ далъ нахлѣбниковъ, то значить, я умѣю вести дѣло и не беру такихъ цѣнъ, какъ нѣкоторыя.

— Позвольте... вы насъ-то къ чему называете нѣкоторыми? Вы этимъ словомъ всѣхъ благородныхъ хозяевъ обижаете.

— Извините... Я иду въ рынокъ... Мнѣ нужно кушанья готовить. И Анна Петровна пошла.

Какъ вообще всякое новое дѣло въ глухой мѣстности находить у неразвитыхъ людей отпоръ, такъ и Анна Петровна, въ

теченіе двухъ лѣтъ, много перенесла непріятностей отъ бывшихъ своихъ подругъ, которыя теперь стали ей врагами. Онѣ всячески старались напакостить ей и словомъ, и дѣломъ; не было человѣка, который бы не слыхалъ, что вдова Овчинникова нехорошая, разгульная женщина, не было лавки, въ которой бы лавочники не были прошены не давать ей ничего. Всѣ эти переговоры и сплетни передавались Аннѣ Петровнѣ дворниками, кухарками, лавочниками въ преувеличенномъ видѣ; чиновницы перестали ей кланяться, точно она только что пріѣхала на Петербургскую; дѣвицы, завидѣвъ кухмистершу, хихикали и, стлкаясь съ нею, отворачивали лицо въ сторону; однимъ словомъ, вся Мокрая улица и почти весь этотъ уголъ Петербургской былъ дурнаго мѣтнія объ ней; но Анна Петровна помалчивала хоть на душѣ у нея, какъ говорится, кошки скребли, и проходила мимо врага, не только не кидаясъ на него собакой, но даже негляда на него.

Однако, несмотря на то, что въ два года Анна Петровна съумѣла прославиться чуть ли не во всемъ чиновномъ мірѣ Петербургской стороны сплетнями и дешевымъ, но сытнымъ столомъ, прибыли же она получала мало, потому что нахлѣбники наворачивались всякіе: задатокъ отдастъ, пообѣдаетъ двѣ недѣли, наѣстъ на два рубля въ долгъ и нейдетъ больше; такихъ же нахлѣбниковъ, которые бы платили впередъ, за мѣсяць, было немного. А тутъ еще новая бѣда: вещи, чтѣ отданы въ залогъ, пропадаютъ; мужъ сестры, вмѣсто пятидесяти рублей, уже просить шестьдесятъ, а къ концу втораго года, пожалуй, присчитаетъ еще лишнихъ десять рублей; миснику должна пятнадцать рублей, кухарка просить жалованье за полгода. Думала, думала Анна Петровна, и выдумала штуку: идти по департаментамъ къ экзекуторамъ просить долги чиновниковъ. Результатъ этой ходьбы вышелъ тотъ, что къ новому году экзекуторы вычли изъ пособій и наградъ чиновниковъ должныя Аннѣ Петровнѣ деньги и обѣщались не только рекомендовать хорошихъ нахлѣбниковъ, но и впередъ вычитать съ нихъ долги, если такіе окажутся! Анна Петровна расплатилась съ долгами, даже купила нѣкоторыя вещи. Но теперь противъ нея вооружились должники, съ которыми она поступила такъ безцеремонно. Но, несмотря на это, нахлѣбники находились, и дѣла ея мало по малу удучшались, а квартиранты къ шестому году ея кухмистерства успѣли уже обучить ея дочерей грамотѣ. Мало по малу, старые люди успѣли умереть; умерло нѣсколько чиновницъ-подругъ, которыя по началу ея кухмистерства сплетничали на нее, молодежь успѣла выйти замужъ и современемъ все пришло въ такой порядокъ, что какъ будто Мокрая улица немислима безъ кухмистерши, и теперь Анна Петровна для всей Мокрой улицы такое же существо, какъ и всякая другая сосѣдка.

Теперь Анна Петровна въ почетѣ въ этой улицѣ и въ славѣ

чуть ли не на всей Петербургской сторонѣ, гдѣ ее знаетъ каждая пожилая чиновница. Въ почетъ же Анна Петровна попала года съ три назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ стала отдавать подъ залогъ деньги.

Какъ всякій человекъ, понаторѣвшій въ одномъ какомъ нибудь занятіи, старается еще больше извлечь изъ него выгоды, постепенно сокращая расходы, такъ и Анна Петровна, имѣя постоянныхъ нахлѣбниковъ у себя и въ другихъ квартирахъ, мало по малу довела свое кухмистерство до того, что стала кормить всѣхъ очень subtlyно. Прежде она всѣмъ давала хлѣба, а жильцы ея получали даже ужинъ; теперь все это оказалось невыгоднымъ. Ссылаясь на дороговизну хлѣба и другихъ припасовъ, она значительно сократила объѣдъ и въ то же время плату за него увеличила на цѣлые два руб. въ мѣсяць.

Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣлъ, у Анны Петровны должно быть много денегъ, однако денежныя ея дѣла далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Не говоря уже о мальчикѣ, разносящемъ кушанья въ судкахъ по домамъ, и взятомъ ею у мѣщанки-матери назадъ тому шесть лѣтъ почти даромъ, для того только, чтобы приучать его къ поварской части, не говоря объ этомъ мальчикѣ, которому она не хочетъ платить, ссылаясь на какія-то условія, заключенныя домашнимъ образомъ съ умершею уже мѣщанкою, — она должна и въ мясную лавку, и въ овощную, въ которыя перезаложила на время заложенныя ей чиновницами вещи. Слушая сѣтованія лавочниковъ о томъ, что Анна Петровна день за днемъ все беретъ въ долгъ и если выплатитъ пять рублей, то заберетъ на пятнадцать, обитатели Мокрой улицы говорятъ, что она, вѣроятно, деньги бережетъ для того, чтобы выдать младшую дочь за майора, который уже два года, какъ объявленъ женихомъ Надежды Александровны...

XXV.

Во дворѣ окружили Анну Петровну сидѣвшіе на крыльцѣ и игравшіе мальчики и дѣвочки отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ. Они кричали:

— Бабушка, гостинцевъ! Бабушка въ рынокъ ходила!

— Ну, ну... отвяжитесь! Не та пора, чтобы гостинцы раздавать! и она, кое-какъ освободившись отъ повиснувшихъ на ея платѣ дѣтей, повела за собою кухарку въ квартиру.

Былъ хотя и вечеръ, но еще свѣтло. За то на лѣстницѣ, по которой онѣ поднимались, была совершенная ночь, такъ что Пелагея Прохорова едва не заблудилась въ переходахъ.

Лѣстница эта была не высока; на площадкѣ было сдѣлано слуховое окно. По краймъ надъ лѣстницей сдѣланы перила око-

до самой крыши, справа и слева, протянуты бичевки, на которыхъ сушится бѣлье.

Въ кухнѣ съ небольшою русской печью и небольшою плитою, съ полками, на которой лежала посуда и судки, и пропитанной запахомъ жареныхъ гусей и сосисокъ, около большаго стола сидѣли дочери Анны Петровны, изъ которыхъ Вѣра было годовъ съ тридцать, а Надеждѣ годовъ двадцать восемь. Вѣра была дѣвушка здоровая, румяная. Замѣтно было сразу, что она любитъ наряжаться и заботиться, чтобы у ней и платье было въ порядкѣ, и воротничекъ на шеѣ не былъ грязенъ и измятъ, и волоса не сбиты. Взглядъ у нея былъ гордый, смѣлый и лукавый и лицо принимало въ нѣсколько минутъ различныя выраженія, точно она воображала себя актрисой. Другая сестра, Надежда, была худощава, и хотя сидѣла въ ситцевомъ капотѣ съ широкими рукавами, и въ кринолинѣ, но это не придавало ей полноты. Лицо ея было блѣдно, съ небольшимъ количествомъ веснушекъ, но привлекательно; каріе ея глаза выражали не то тоску, не то покорность; темнорусые волосы немного растрепались, сѣтка сползла на бокъ. Она сидѣла нагнувшись къ работѣ и торопливо шла. Около печки, на лавкѣ, сидѣлъ мальчикъ, на видъ годовъ десяти, съ худощавымъ лицомъ, запачканнымъ до того, что, казалось, онъ не мылся въ банѣ цѣлый годъ или только что пришелъ съ фабрики, гдѣ работалъ недѣлю. Его черные волоса лоснились, черные глаза смотрѣли со злостью то на Вѣру, то на Надежду. На немъ былъ надѣтъ тиковый халатъ, весь пропитанный саломъ, опоясанный ремнемъ и застегнутый на воротѣ на крючокъ.

— Вонъ взяла разиню, а она тамъ заблудилась, — сказала входя Анна Петровна.

— Неужели? Въ коридорѣ заблудилась? — проговорила Вѣра смѣясь.

— Налей-ка воды! — сказала хозяйка повелительно кухаркѣ.

— А гдѣ у те ковшикъ-то?

Вѣра хихикнула надъ чѣмъ-то.

— Ты не должна говорить „у те,“ „у те!“ Что это за слово? ты должна говорить у васъ, потому что ты у господъ живешь! — проговорила наставительнымъ голосомъ Анна Петровна.

— Давно Петръ Ивановичъ легъ спать? — спросила она дочерей.

— Ужъ часъ будетъ. Онъ изъ маскараду пришелъ.

— Ничего не принесъ?

— Вонъ Надѣ катушку нитокъ принесъ.

Надежда покраснѣла.

— Экая скряга! — сказала Анна Петровна.

Минуть пять всѣ молчали. Въ кухнѣ было тихо, только мальчикъ фыркалъ носомъ, да Анна Петровна плескала водой; изъ сосѣдней комнаты слышался храпъ.

— Много ли было сегодня?—опять спросила Анна Петровна, обращаясь къ дочерямъ.

— Да все тѣ же. Мясоѣдовъ съѣзжаетъ отъ насъ,— сказала Вѣра и взглянула на сестру.

Щеки Надежды покраснѣли и она еще ниже нагнулась.

— Ну, и съ Богомъ. И такъ надоелъ со своей скрипкой. Я ему давно хотѣла отказать, да только ради бѣдности держала.

— Онъ, мамаша, вовсе не бѣденъ,—проговорила робко, но съ замѣтнымъ волненіемъ Надежда.

— Ну, это еще неизвѣстно.

— У него всегда есть деньги и онъ всегда трезвый.

— Ну, ужъ!... Все-таки пусть съѣзжаетъ. Не забыть мнѣ, какъ онъ однажды нагрубилъ мнѣ за то, что я не велѣла ему пилить въ то время, когда Петръ Ивановичъ спалъ.

— Петръ Ивановичъ не въ свою квартиру пришелъ.

— Все-таки онъ намъ близокъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ давно ему дверь показала.

— Что такое?—строго спросила Анна Петровна.

— То, что онъ мазурикъ.

Анна Петровна подошла къ Надеждѣ и ударила ее по щекѣ ладонью.

— Мамаша,—проговорила Вѣра, вставъ и подойдя къ матери, которая собиралась влѣпить Надеждѣ другую оплеуху.

— Ахъ ты негодная!.. Человѣкъ платить намъ деньги, сватается за васъ... А она... Что, мнѣ долго еще кормить-то васъ?—проговорила запальчиво Анна Петровна, ежеминутно мигая.

— Я сама себѣ зарабатываю хлѣбъ,—начала Надежда.

— Молчать!.. Сука!..

Надежда заплакала: Анна Петровна присѣла на стулъ, подперла лѣвую щеку рукой и стала ворчать. Это ворчаніе заключалось въ томъ, что у нея дочери хотя и дворянки, но дѣвицы очень неблагодарныя, грубыя, какъ мужички. Иныя давно бы уже успѣли завлечь такого жениха, какъ Петръ Ивановичъ, и выйдти за него замужъ, а онъ заставляють Петра Ивановича ждать, тянуть время, говорятъ про него Богъ знаетъ какія вещи, чего въ старые годы и думать даже было непозволительно. Пока она ворчала въ подголоса, дочери молчали, точно она говорила не имъ и не объ нихъ, точно все это имъ было уже нѣсколько разъ говорено. Надежда не плакала, но по лицу ея замѣтно было, что она, еслибы было можно, вскочила бы и убѣжала; Вѣра шила по прежнему и по глазамъ ея замѣтно было, что она что-то соображала.

Въ кухню вошелъ молодой человѣкъ съ темнорусыми волосами, съ маленькими усами, съ лицомъ, изобличавшимъ въ немъ чахоточнаго человѣка. На немъ надѣтъ былъ красный кашемировый халатъ.

— Потрудитесь поставить самоваръ, — сказалъ онъ Аннѣ Петровнѣ.

Та приказала Пелагеѣ Прохоровнѣ поставить самоваръ и вѣжливо спросила молодаго человѣка:

— Вы, я слышала, съѣзжаете?

— А! уже это довели до вашего свѣдѣнія... Да, мнѣ казенная квартира вышла по жребію.

— А! жаль! человѣкъ вы хорошій!

— Благодарю за комплиментъ. Мнѣ и самому не хотѣлось съѣзжать по нѣкоторымъ причинамъ... Онъ кашлянуть въ кулакъ и взглянулъ на Надежду Александровну, щеки которой покраснѣли.

— Кухарку изволили нанять? — спросилъ молодой человѣкъ, которому, какъ видно, хотѣлось посидѣть въ кухнѣ.

— Да, какъ видите. А ты еще здѣсь? — обратилась вдругъ хозяйка къ мальчику, точно этотъ мальчикъ до сихъ поръ не существовалъ въ кухнѣ.

— Куда жъ я пойду безъ паспорта? — проговорилъ мальчикъ рѣзко-охрилымъ голосомъ, который изобличалъ въ немъ девятнадцати-лѣтняго мальчугана, а не десяти-лѣтняго.

— Слышите, какъ отвѣчаетъ? — сказала Анна Петровна жильцу съ удивленіемъ.

— Сс! Да, онъ немного грубъ.

— Нѣтъ, онъ постоянно грубъ. Я бы его ни одной минуты не держала у себя, да надо кухарку познакомить съ господами: вѣдь она не знаетъ, куда нужно носить кушанье.

— Такъ... такъ, — замѣтилъ чиновникъ.

Чиновнику говорить было не о чемъ. Онъ было вынулъ изъ боковаго кармана папиросницу, но только повертѣлъ ее въ рукахъ. Анна Петровна учила кухарку, какъ ставить самоваръ; Надежда нагнулась еще ниже къ работѣ и точно боялась поднять голову; Вѣра нѣсколько разъ поправляла ладонями свои волосы и важно взглядывала на чиновника.

— Ну... я пойду. До свиданія! — сказалъ вдругъ чиновникъ и ушелъ. Черезъ пять минутъ онъ въ своей комнатѣ настраивалъ скрипку.

Когда онъ ушелъ, Вѣра Александровна вдругъ захохотала.

— Вотъ образованность! — проговорила она сквозь смѣхъ. — Ты, Надя, замѣтила, что онъ пришелъ въ туфляхъ и на правой ногѣ у него туфля разодравши?

— Очень нужно мнѣ замѣчать! — сказала та сердито.

— Ахъ ты наказанье! Опять запилил! — проговорила отчаянно Анна Петровна и вскочила на ноги. — Кухарка! Поди-ка скажи ему, чтобы онъ не игралъ, — сказала она Пелагеѣ Прохоровнѣ.

Пелагеѣ Прохоровнѣ это приказаніе показалось страннымъ и она подумала сперва, что ея хозяйка дуришь.

— Ну чтожь ты стоишь? двадцать разъ тебѣ что ли надо приказывать?

— Да какъ, — начала было Пелагея Прохоровна, но въ это время что-то затрещало въ сосѣдней комнатѣ, и оттуда вышелъ майоръ.

Еслибы этому майору пришла фантазія нарядиться въ башкирскій малахай и сѣрый войлочный зипунъ, опоясавъ его ремнемъ и заткнувъ за ремень нагайку, никто бы въ немъ не узналъ русскаго человѣка; онъ даже и теперъ, въ своемъ майорскомъ сюртукѣ, походилъ скорѣе на отъѣвшагося кондуктора желѣзной дороги изъ башкиръ.

Онъ вошелъ въ кухню, тряхнулъ правой рукой, заглянулъ на полку однимъ глазомъ, нюхнулъ воздухъ и сѣлъ на стулъ, растопыривъ ноги и сдѣлавъ руки фертомъ.

— Славно выпался, — проговорилъ онъ охриплымъ голосомъ, и оставилъ на Вѣру глаза, точно бульдогъ.

— Я думаю, этотъ прохвостъ помѣшалъ со скрипкой?

— А! — промычалъ майоръ, вопросительно повернувъ голову и оставивъ глаза на Анну Петровну.

Въ этомъ взглядѣ такъ и замѣчалось, что майоръ не любилъ часто ворочать голову.

Анна Петровна повторила свои слова.

— Ну, дакъ чтожь? Пусть пилить... Мнѣ какое дѣло, — проговорилъ нехотя майоръ.

Всѣ молчали. Дѣвицы, казалось, тяготились бульдожьими глазами майора; майоръ сопѣлъ.

— Вы что же удрали отъ меня? — спросилъ вдругъ майоръ, глядя на Вѣру.

— Еще бы не уйдти! Вы напилсь пива-то, и насъ лѣзете угощать, — сказала Надежда.

— А! Угощать, говорите, лѣзу... А! — улыбаясь говорилъ майоръ.

— Бутылокъ десять, кажется, выпили. Колька! сколько ты покупалъ бутылокъ? — спросила мальчика Вѣра. Майоръ тоже повторилъ этотъ вопросъ.

— Только восемь; а въ прошлый я шесть разъ бѣгалъ; бутылокъ двадцать выпили, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Ахъ ты!.. Ты съ пивомъ и ариметикѣ выучился!

— Ну, что вы тутъ сидите! Идите въ комнату! — сказала Анна Петровна.

— А надо еще пива купить! не купили?

— Нѣтъ.

— Што! Брр!! Васъ все нужно учить...

— Ну-ну! Идите-ка въ комнату.

— Ой!.. А я еще и не пойду одинъ-то... Вы здѣсь, и я здѣсь;

вы тамъ, и я тамъ; гдѣ вы, тамъ и я,—проговорилъ майоръ, мотнувъ головою, и захохоталъ.

— Ну, а вы-то что глаза тутъ портите! Ужъ темно становится.

— Да, въ жмурки можно играть,—проговорилъ майоръ, всталъ, махнулъ рукой, поглядѣлъ однимъ глазомъ на полку и заковылялъ въ коридорчикъ.

Дѣвицы пошли за нимъ, Анна Петровна пошла къ жильцу унимать, чтобы не пилилъ на скрипкѣ.

— Экая махина!—проговорила Пелагея Прохоровна, когда въ кухню остались мальчикъ и она.

— Здоровъ! Этта какъ-то смазалъ Надежду Александровну, такъ цѣльный мѣсяцъ она провалялась.

— Отецъ, штоли, ихной?

— Отецъ! любовникъ ейной!

— Што ты врешь?!

— Я правду говорю, не маленькій. Слава Богу, мнѣ девятнадцатый годъ.

— Охъ ты хвастуша!—Пелагея Прохоровна захохотала.

— Помереть сейчасъ... У меня и невѣста есть. И Пелагея Прохоровна захохотала пуще прежняго.

Вошла хозяйка.

— Это што за смѣхъ! Ужъ не любезничаєте ли вы?

— Да вонъ онъ говоритъ, ему девятнадцатый годъ и невѣста есть!—проговорила смѣясь Пелагея Прохоровна.

— Вотъ какъ! И Анна Петровна захохотала и со смѣхомъ пошла въ комнату, откуда пришли вмѣстѣ съ нею майоръ и дочери ея.

— Невѣста, говоришь, есть? — проговорилъ хохоча майоръ, поднявъ мальчика.

— Штожъ такое?

— И свадьба скоро?

— Не по вашему.

— Не по вашему, говоришь? Молодецъ! Умница!.. Женишокъ!!! Скажите! а мы и не знали, что у насъ женихъ есть?.. Кто же твоя невѣста?

— Это ужъ мое дѣло.

— Конечно! Конечно! Про это не говорятъ... Скажите пожалуйста! А! Брр!!.. И приданое есть?—Ахъ ты каналья!

Мальчикъ рванулся и выскочилъ въ сѣни. Майоръ минуты двѣ держалъ руку въ томъ же положеніи, какъ онъ ея поддерживалъ мальчика. Онъ глядѣлъ въ потолокъ, тогда какъ Анна Петровна побѣжала въ сѣни догонять мальчика. Дѣвицы хохотали. Но больше всѣхъ хохотала Пелагея Прохоровна, которую чрезвычайно смѣшила вся фигура майора.

— Каковъ?! Брр!!.. Скажите!—сердито говорилъ майоръ.

— Выскочилъ!—говорила смѣясь Вѣра.—А еще хвастались: шашкой по десяти человѣкъ сразу въ Польшѣ убивали!

— Я?!—проговорилъ запальчиво майоръ и двинулся.

Дѣвицы взвизгнули и убѣжали въ комнату. Майоръ заковылялъ за ними.

Нѣсколько минутъ изъ комнаты слышался хохотъ дѣвицъ и визгъ Вѣры Александровны.

Пришелъ тотъ жилецъ, который просилъ самоваръ.

— Что же самоваръ?

— Ой, баринъ, тутъ не до самовару... Тутъ у насъ комедія; охъ ты, Господи!—хохотала Пелагея Прохоровна.

— Ну, подай самоваръ!

Пришла Анна Петровна запыхавшись и объявила, что мальчишка исчезъ.

Майоръ сидѣлъ у Анны Петровны до двухъ часовъ. Сперва онъ игралъ въ карты съ Вѣрой и Надеждой, потомъ выпилъ четыре бутылки пива, и пѣлъ непонятные для Пелагеи Прохоровны романсы. Съѣли опять играть въ карты; но майоръ скоро заспорилъ, обругалъ всѣхъ сволочами, уронилъ стулъ и ушелъ, грозя всѣмъ перебить скулы. Чахоточный жилецъ еще послѣ чаю ушелъ, сказавъ, что онъ сегодня домой не придетъ, а у другаго жильца было двое гостей, для которыхъ Пелагея Прохоровна два раза бѣгала въ кабакъ за водкой, и которые, попѣвъ и пошумѣвъ немного, скоро уснули въ комнатѣ жильца, гдѣ попало.

XXVI.

Майоръ Петръ Ивановичъ Филимоновъ сталъ извѣстенъ въ Мокрой улицѣ года съ четыре, съ тѣхъ поръ, какъ онъ, пересмотрѣвъ въ этой улицѣ нѣсколько комнатъ, проклиная Большую Садовую, Гороховую, обѣ Подъяческія, всѣ три Мѣщанскія улицы за трескъ, за прокислый воздухъ, за то, что тамъ онъ большею частію нарывался на нѣмокъ-хозяекъ, которыя будто бы лупили съ него большія деньги и не уважали его майорскую особу. Онъ водворился въ мезонинѣ, нанявшагося вдовою-полковницею, доживавшею въ то время седьмой десятокъ. Комната у майора была большая, свѣтлая; кровать его была занавѣшена; окна выходили въ огородъ, и поэтому онъ могъ вволю наслаждаться пѣніемъ пѣтуховъ, мяуканьемъ кошекъ и лаемъ собакъ; полковница была старушка добрая, при-

слуга у нея была послушная. Зажилъ майоръ хорошо. Но черезъ четыре мѣсяца ему сдѣлалось скучно. Дѣлать нечего; считать деньги надоѣло, писать и читать онъ не любилъ, и идти куда не хочется. Придетъ онъ къ полковницѣ, сидеть противъ нея. Полковница въ огромныхъ очкахъ и огромномъ чепчикѣ вижетъ чулокъ и что-то нашептываетъ; въ комнатѣ у ней накурено ладаномъ. Она успѣла уже вывѣдать отъ майора все его прошлое и настоящее, такъ же, какъ и онъ въ четыре мѣсяца вывѣдалъ отъ нея не только настоящее и прошедшее, но и будущее, которое состояло въ томъ, что полковница ежедневно ждала себѣ смерти, тогда какъ майоръ ни за что не желалъ умереть, и не зналъ только что дѣлать ему завтра. Не о чемъ даже было и говорить. Новостей въ Мокрой улицѣ такъ мало, что о нихъ довольно поговорить съ четверть часа. Полковница вижетъ, майоръ сидитъ, смотритъ на полковницу и въ головѣ его вертится только одна мысль: умрешь! И онъ силится развить эту мысль, но и развивать тутъ нечего: „умрешь и все тутъ, а мы поживемъ.“

— Чортъ ее дери—скуку! сказалъ однажды майоръ.

— На службу бы вамъ поступить! — сказала на это полковница.

— Баста!.. Будетъ: съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

— Гулять бы не то шли.

— Сапоги драть?!..

— Ну пассьянсь бы...

— Это понѣмецки?.. А я ихъ терпѣть не могу. Я подъ Севастополемъ ихъ палашемъ по пятнадцати человекъ сразу рубилъ.

— Да вовсе вы съ нѣмцами тогда, кажется, не воевали!

— Такъ-то оно такъ... Только, что нѣмецъ, что французъ— все нерусскіе. Вотъ что я вамъ доложу!

— Ну, не то женились бы!

— А? Отлично... Но боюсь...

— Чего?

— Толстъ я очень и силенъ. Меня въ полку называли Ильей Муромцемъ. Боюсь!

— Ну, вы какъ нѣбудь... А вамъ надо жениться... Дѣти будутъ; заботы будутъ, хлопоты, возня.

Полковница просвѣтила майора. Сталъ онъ теперь думать, что, въ самомъ дѣлѣ, толстота его не мѣшаетъ жениться, а рукавъ можно и не давать воли. Но вотъ что его сбивало съ толку: уживется ли онъ съ женой и какая такая будетъ у него жена. И онъ опять обратился за совѣтомъ къ просвѣтительницѣ.

— Это дѣло вкуса.—сказала полковница.

— А именно?

— Надо, чтобы она вамъ понравилась и имѣла капиталъ.

— Такъ, такъ. Капиталъ чтобы имѣла; ну, чтобы повиновалась...

— И чтобы хозяйкой была,—добавила полковница.

Майоръ задумался. Онъ привыкъ къ одинокой жизни, привыкъ самъ покупать, платить и получать деньги. На своемъ вѣку, онъ немало имѣлъ любовницъ, но уже годовъ съ десять отсталъ отъ этого влѣдствіе какой-то нехорошей исторіи. Этихъ любовницъ онъ не любилъ, недовѣрялъ имъ, а просто сорилъ деньги, Теперь, остепенившись, онъ долженъ, какъ говорить полковница, завести хозяйку, а хозяйка, по его понятію, значила то же, что и всякая квартирная хозяйка. Онъ ужасался, что его оберутъ, опять и отравятъ. Онъ сообщилъ это полковницѣ, но та разъяснила, что жена можетъ и свои деньги имѣть. Майоръ нѣсколько успокоился, но его затруднило теперь то, какая у него должна быть жена: равныхъ съ нимъ лѣтъ, или молодая, толстая или тоненькая, высокая или низенькая. грамотная или не грамотная.

— Да гдѣ взять невѣсту?

— Мало ли у насъ невѣсты?— сказала полковница.

— Но я ихъ не вижу.

— Вы думаете, онъ сами такъ вамъ въ ротъ и полѣзутъ. Вонъ, напримѣръ, противъ вашихъ оконъ, черезъ огородъ, видѣнь мезонинъ съ двумя окнами. Тутъ живетъ кухмистерша.

— Слыхалъ.

— Ну, у нея есть двѣ дочери. Дѣвушки красивыя, рукодѣльницы. Я иногда имъ даю кое-что починить.

— Отлично! крикнулъ майоръ.

Но онъ съ мѣсяцъ не рѣшался приступить къ дѣлу. Онъ думалъ о женитьбѣ у окна съ трубкой, и смотрѣлъ на мезонинъ. Разъ онъ замѣтилъ у окна въ мезонинѣ мужчину. Заклокотала кровь у майора, разсвирѣпѣлъ онъ ужасно и пришелъ въ такомъ видѣ къ полковницѣ.

— Мужчина! мужчина!!—проговорилъ онъ трагически, указывая руками въ ту сторону, гдѣ мезонинъ.

— Да онъ не тутъ живутъ.

— А?!

— Не тутъ, говорю, живутъ.

— Не тутъ?

— Я вамъ совѣтовала познакомиться съ ними, а вы какъ колода все сидите, или лежите.

— Ужо!

Майоръ успокоился и черезъ день, выпарившись предварительно въ банѣ, надѣвъ мундиръ съ десяткомъ орденовъ и взявъ трость, поковылялъ къ кухмистершѣ.

Еслибы не дѣвицы, онъ воротился бы съ первой лѣстницы,

но его, несмотря на темноту, нехорошій запахъ и грязь, что-то такъ и тянуло вверхъ.

Анна Петровна совсѣмъ растерялась, увидавъ въ коридорчикѣ такую особу, которую она съ переполоха признала за генерала; ея дочери украдкой смотрѣли на него изъ двери комнаты. Глаза майора въ короткое время успѣли разглядѣть ихъ, и онъ самъ растерялся, говоря дрожащей Аниѣ Петровнѣ: „Я къ вамъ! Я къ вамъ!..“ Ни Анна Петровна, ни ея дочери не понимали, что означалъ этотъ визитъ. Анна Петровна думала, не родственникъ ли какой дальній эта особа; ея дочери думали, не мазурикъ ли какой. Недавно былъ случай, что какой-то мазурикъ нарядился генераломъ и обокралъ чуть не весь магазинъ, но подойти и шепнуть матери объ этомъ онъ боялись, потому что онъ стоялъ въ коридорчикѣ. Наконецъ майоръ пришелъ въ себя.

— Я къ вамъ изъ дома Королева... Я живу у полковницы Головиной и имѣю честь рекомендоваться: майоромъ въ отставку, Петръ Ивановичъ Филимоновъ!—проговорилъ онъ съ разстановкой, и по окончаніи крикнулъ, точно съ его плечъ свалилась огромная ноша.

— Ахъ, это вы и есть г. майоръ! Слыхала! Только васъ что-то мало видать на улицѣ, проговорила Анна Петровна, утирая губы и обдергивая свое платье.

— Я домосѣдъ-съ! Да. Такой домосѣдъ, что...

— Пожалуйте въ комнату.

— Покорно благодарю... Я къ вамъ по дѣлу...

— Пожалуйте! — сѣменила Анна Петровна, думая, по какому это дѣлу могъ придти къ ней майоръ, котораго рѣдко кто видитъ въ Мокрой улицѣ.

Въ комнатѣ майоръ объявилъ, что онъ намѣренъ брать у кухмистерши кушанья. Онъ просидѣлъ до вечера, похвалилъ и чай, и обѣдъ, и кофеи, и пиво, и дѣвицу, за то, что онъ шьетъ хорошо и общавъ бывать въ кухмистерской ежедневно, заплатилъ за все съѣденное и выпитое, не смотря на то, что кухмистерша отказывалась брать деньги за чай, кофе и пиво, на томъ основаніи, что она рада знакомству.

Майоръ сообщилъ полковницѣ, что онъ положительно женится; но вотъ горе: ему нравятся обѣ дочери кухмистерши.

— Господь съ вами—вы вѣдь не татаринъ, чтобы на двухъ жениться.

Майоръ задумался. Обѣ молоды, красивы, любезны; которую выбрать?

— Предоставьте это времятеченію, — сказала полковница на сѣтованіе майора.

Майоръ не понялъ.

— Черти голову нельзя дѣлать, что не слѣдуетъ. Потерпите, всмотритесь и рассмотрите ихніе характеры и современемъ вы отличите изъ нихъ достойную васъ,—разъяснила полковница.

Сталъ майоръ посѣщать квартиру кухмистерши и каждый разъ возвращался домой въ недоумѣніи, которая изъ дочерей кухмистерши достойна быть его женой. „Обѣ красавицы, обѣ умны“. И думая объ этомъ, онъ пошивалъ пиво.

Прошло лѣто, осень, наступилъ морозъ. Майоръ ходилъ къ кухмистершѣ и засиживался у нея до вечерняго чая, рассказывая про свою военную жизнь, удачу, силу и про то, что въ немъ вѣсу слишкомъ десять пудовъ. Но перемѣны въ дочеряхъ кухмистерши онъ не замѣчаетъ. Такъ же просто онѣ одѣты; такъ же на ватѣ у нихъ салопчики и такъ же онѣ стыдятся ихъ, какъ и прежде. Какъ и прежде, онѣ говорятъ болко, не долго задумываясь, только что стыдятся его меньше, и стали смѣяться надъ нимъ, какъ ему кажется. Но теперь уже время проводится съ ними скучнѣе прежняго, даже и въ карты играешь—далеко вѣтъ той веселости, какая была лѣтомъ и осенью.

— Что бы это такое значило? спрашивалъ майоръ полковнику.

— А чтожъ вы предложеніе не сдѣлаете и ходите съ пустыми руками?

— Подарить, небось, надо?

— Разумѣется... А выбрали невѣсту-то себѣ?

— Да вотъ Надежда мнѣ лучше нравится; она скромна, только горда больно.

— Ну, это пройдетъ! Вотъ вы ей и купите чтонибудь—ну хоть лисій салопъ.

— О-о!!!—завопилъ майоръ и замахалъ руками.

Однако, полковница успокоила его, и онъ на другой день отправился въ гостинный дворъ. Оказалось, мѣха дороги. Ему тамъ посовѣтовали сходить на аукціонъ на громозскую компанію и тамъ онъ купилъ дешево старенькій лисій салопъ, который и предложилъ Надеждѣ Александровнѣ въ подарокъ къ празднику.

Та удивилась и спросила:

— Это за что же?

— Извольте принимать, Надежда Александровна, не то силой надѣну! сказалъ майоръ, улыбаясь.

— Нѣтъ, силой вы не можете и не имѣете права,—отвѣтила Надежда Александрова съ большимъ волненіемъ.

— Ну, такъ я мамашу вашу попрошу.

А Анна Петровна стояла у двери и отчаянно кивала головой, какъ будто говоря: бери! бери!

При послѣднихъ словахъ майора она подошла къ нему.

— Позвольте васъ спросить, за что вы дарите Надѣ салопчикъ?—спросила она робко.

— За то... Ахъ!! не могу-у!—простоналъ майоръ.

— Мы люди не бѣдные, Петръ Ивановичъ. Вы насъ обижаете,—проговорила слезливо Анна Петровна, и стала кусить глаза.

— Обижаете!.. Да мнѣ плевать!—началъ майоръ, что-то соображая, но дальше ничего не могъ выговорить, потому что понялъ, что нарвался, и хотѣлъ идти къ полковницѣ за совѣтомъ.

— Не ожидала я отъ васъ. Да вы позвольте васъ спросить, за кого вы моихъ дочерей принимаете?—продолжала Анна Петровна запальчиво, сообразивъ, что словомъ „наплевать“ онъ выразилъ что-то дурное.

— Анна Петровна... Охъ!! Отдайте за меня Надежду Александровну.

— Я ее не держу: какъ она хочетъ!

— Я не хочу... Вы мнѣ не нравитесь!—отрѣзала Надежда Александровна.

— Я такъ и думалъ... сказалъ жалобно майоръ, съѣлъ и задумался.

Онъ сидѣлъ съ полчаса. Въ это время Анна Петровна, вызвавъ дочерей въ кухню, шепотомъ ругала ихъ и приказывала Надеждѣ Александровнѣ изъяснить свое согласіе, а такъ какъ та не соглашалась, то она употребляла въ дѣло руки.

Майоръ очнулся, дѣвицы нѣтъ. Онъ пошелъ въ кухню.

— Такъ какъ?

— Она согласна,—отвѣтила Анна Петровна.

— Нѣтъ, я несогласна, ни за что на свѣтѣ!—крикнула Надежда Александровна.

— Ну, такъ прощайте... А салопъ я дарю, потому мнѣ на что же онъ?

И майоръ ушелъ.

Онъ не приходилъ цѣлыхъ два мѣсяца, потому что его обидѣли отказомъ.

Однако, несмотря на такую явную обиду и трату денегъ на салопъ, его почти ежедневно порывало сходить къ кухмистершѣ и посмотреть, что тамъ дѣлается. И вотъ онъ задумалъ планъ: нельзя ли ему взять къ себѣ Надежду Александровну въ любовницы?

Въ эти два мѣсяца сестрамъ покоя не было отъ матери: она ихъ ругала и била, умоляла ихъ, плакала и опять ругала.

Ни въ чемъ неповинной Вѣрѣ надоѣло все это страшно и она стала тоже уговаривать Надежду Александровну пожалѣть хотя ее.

— Ты изъяви согласіе, пускай онъ ходитъ. Можетъ быть, онъ еще и раздумаетъ,—говорила она сестрѣ.

Та плакала, хотѣла убѣжать, но ей грѣшно казалось обидѣть своимъ побѣгомъ мать, да и пугала будущность, если она попадетъ куда нибудь въ магазинъ. Думалось также, что если она уйдетъ, то Вѣра не пойдетъ съ ней; а если Вѣра останется, то майоръ непременно будетъ за нее свататься. Она знала характеръ

Вѣры—ее уговорить не трудно. И что будетъ за жизнь съ этимъ бульдогомъ, который можетъ однимъ взмахомъ руки убить слабую женщину. Она начинала соглашаться съ мнѣніемъ сестры, что, можетъ быть, онъ и раздумаетъ жениться, можетъ быть, современемъ мать сама убедится въ своей несправедливости... Ну, а если онъ да въ самомъ дѣлѣ женится?... И она сказала объ этомъ сестрѣ.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ вышла за него, потому что такіе толстые умираютъ отъ удара. Мамаша то же говоритъ. Она надеется, что онъ долго не проживетъ, и когда онъ умретъ, все намъ достанется. А если бы не это, стала бы мамаша вытаскивать насъ за него?

Надежда Александровна подумала объ этомъ и рѣшилась изъяснить согласіе. Анна Петровна обрадовалась, и откормивъ нахлѣбниковъ, одѣлась по праздничному и пошла къ майору.

Майоръ лежалъ на кровати; при входѣ Анны Петровны онъ не вставалъ.

— Что это вы, Петръ Ивановичъ! Здоровы ли?—проговорила Анна Петровна.

— А что?

— Да васъ не видать нигдѣ...

— Чего мнѣ дѣлается! Я здоровъ.

— А я все собиралась къ вамъ съ Надей, попросить у васъ извиненія. Да тутъ Надя захворала, хлопотъ было много. Она и больная все говорила мнѣ: сходите за Петромъ Ивановичемъ, я, говоритъ, сказала ему грубости потому, что его сватовство было такъ неожиданно... И теперь все пристаётъ да пристаётъ: сходи да сходи... А я все думаю, хорошо ли это будетъ? Можетъ быть, вы и отменили свое рѣшеніе жениться?

Майоръ лежалъ, глядя въ потолокъ и поглаживая животъ. Съ полчасца, ни кухмистерша, ни майоръ не сказали ни слова.

Наконецъ Аннѣ Петровнѣ надоѣло стоять.

— Прошу извинить, что беспокоила васъ,—сказала она.

Майоръ повернулъ голову къ Аннѣ Петровнѣ и уставилъ на нее свои глаза, которые выражали и радость, и звѣрство.

— Такъ она согласилась?—проговорилъ майоръ.

— Одумалась и согласилась.

— Такъ... А если я несогласенъ?

— Воля ваша.

— Ну, я прощаю... И чтобы впередъ этого не было!—проговорилъ онъ и всталъ.

Майоръ сдѣлался любезенъ, наполнилъ кухмистершу чаемъ и пивомъ. Анна Петровна пришла домой на-веселѣ и разбила въ кухнѣ миску, купленную ею на Свѣнной.

Майоръ не скоро собрался къ кухмистершѣ; онъ пришелъ черезъ недѣлю послѣ визита къ нему Анны Петровны.

Мѣсяца два майоръ приходилъ раза по два въ недѣлю. Онъ обыкновенно приходилъ къ обѣду и уходилъ вечеромъ. Велъ онъ себя скромно, какъ слѣдуетъ жениху, рассказывалъ о своихъ походахъ, о томъ, какъ онъ въ старыя годы училъ солдатъ, говорилъ, что ему не нравятся нынѣшніе порядки, игралъ въ карты и мало пилъ пива. На сѣтованіи Анны Петровны, что содержаніе стало дорого, нахлѣбники плохо платятъ, онъ посоветовалъ давать подъ залогъ вещей или за проценты деньги и, подъ предлогомъ быть участникомъ въ этомъ, далъ ей денегъ и обѣщалъ впередъ давать. Однимъ словомъ, Петръ Ивановичъ оказался отличнѣйшимъ человѣкомъ и всѣ имъ были довольны, даже Надежда Александровна не косялась на него по прежнему. Но о свадьбѣ ни майоръ, ни кухмистерша съ дочерью не заикались; послѣдніе считали вопросы неловкими, да и думали, что лучше будетъ, если женихъ и невеста до свадьбы узнаютъ другъ друга. На третьемъ мѣсяцѣ, майоръ принесъ Надеждѣ Александровнѣ шелковой матеріи на платье и потребовалъ, чтобы она поцаловала его. Отказываться было неудобно. Майоръ сталъ приходилъ по вечерамъ. Надежда Александровна должна была цаловать его по приходѣ и при уходѣ изъ квартиры. Но и это ничего; къ майору привыкли, и онъ въ теченіе года былъ въ квартирѣ кухмистерши, какъ свой человѣкъ. Иногда онъ снималъ съ себя сюртукъ, иногда приносилъ халатъ, трубку, ложился на диванъ; ему эти вольности допускались за то, что онъ носилъ кое-когда подарки невестѣ или ея сестрѣ, а мать ссужала деньгами. А о свадьбѣ все-таки не было рѣчи, и сестры стали говорить между собой, что имъ надо какъ илбудь выйдти изъ этого положенія, потому что, какъ видно, майоръ не такой дуракъ, какъ имъ кажется, и подвѣзжаетъ къ нимъ довольно ловко.

Разъ, Надежда Александровна возвращалась домой изъ Малой Дворянской улицы, куда она ходила за работой. Попадаетъ ей предметъ. Оба замѣли, но спросили другъ друга о здоровьѣ. Потомъ предметъ вдругъ спрашиваетъ ее: скоро ли ея свадьба съ майоромъ? Та сказала, что майоръ объ этомъ не говоритъ имъ. Предметъ пригласилъ Надежду Александровну въ паркъ, дорогой купилъ апельсиновъ, грушъ, яблakovъ. Въ саду они сидѣли до вечера, говорили долго, изъяснились въ любви, и предметъ просилъ ее подождать немного, потому что ему обѣщаютъ казенную квартиру и награду. А такъ какъ онъ ее очень любитъ, то просилъ приходилъ въ паркъ. Но Надежда Александровна сказала, что ей нельзя часто ходить въ паркъ, потому что бульдогъ по вечерамъ сидитъ у нихъ, а лучше будетъ, если ты, Паша, будешь жить у насъ. У насъ теперь есть порожняя комната. Паша переѣхалъ къ кухмистершѣ, которая ничего не подозрѣвала, а какъ только нѣтъ матери, а Паша дома, сестры или сидятъ у него, или онъ у нихъ. Прошло два мѣсяца, Паша живетъ, обнимается и цалуется съ Надей, майоръ тоже ходитъ, обнимаетъ и цалуется съ Надеждой Александров-

ной. Надежда Александровна весела, слѣлалась даже веселѣе Вѣры, которой было завидно счастьемъ сестры, съумѣвшей своего Пашку помѣстить въ одной квартирѣ; майоръ тоже весель: ему казалось, что его, наконецъ-таки, полюбила гордая и своевольная дѣвчонка. Теперь майоръ повелѣлъ дѣло на чистоту.

Приходить онъ разъ въ первомъ часу ночи съ узломъ и трубой. Анна Петровна спала, но дочери работали.

Анну Петровну стали будить, майоръ не приказывалъ.

— Что вы такъ поздно пришли?—спросила его Надежда Александровна.

— Долго послѣ обѣда спалъ. Стели Надя, постель!

— Это не для васъ ли ужъ?

— Именно. Сегодня моему терпѣнію конецъ. Съ сегодняшнего дня ты жена мнѣ будешь.

Надежда Александровна поблѣднѣла, и шатаясь, дошла до постели и закрыла лицо руками.

— Стыдитесь говорить-то!—сказала съ сердцемъ Вѣра Александровна.

— Да!

Вѣра Александровна подошла къ двери, вынула ключъ и крепнула:

— Мамаша! Кухарка! Жильцы! идите!..

Но майоръ угостилъ ее оплеухой, и она упала.

Явилась мать, жильцы, кухарка. Вышла сцена.

— Вонъ!!—ревѣлъ майоръ, толкая то того, то другаго.

— Вонъ!!—кричала испуганная Анна Петровна, видя подпигающуюся съ полу и съ кровью во рту Вѣру и плачущую Надю.

— Деньги подай, или дочь!

— Павелъ Игнатьичъ! сходите за полиціей!—просила Анна Петровна.

— А! вы такъ?! Я васъ проучу!... ревѣлъ майоръ и слѣлъ.

Но онъ сплѣлъ не долго и ушелъ вслѣдъ за жильцомъ, пошедшимъ за полиціей,

Теперь всемъ стало ясно, что за штука этотъ майоръ, и рѣшено было жаловаться на него полиціи и возвратить не только все вещи, но и деньги по возможности.

Но это было рѣшено съ горяча. Утромъ явился майоръ въ мундирѣ съ орденами и, войдя въ кухню, сталъ передъ кухмистершей на колѣни.

— Виноватъ-съ, простите... Впередъ не буду!—проговорилъ онъ.

— Идите прочь. Не надо мнѣ вашего прощенья,—проговорила запальчиво Анна Петровна.

— Но я майоръ п... я былъ пьянъ.

— Я хоть и немнѣю чести именоваться майоршей, но все-таки дворянка и не позволю обижать меня и бить моихъ дочерей.

— Я плачу за безчестіе.

— Ничего я не хочу!

Майоръ всталъ, сдѣлалъ руки фертомъ и началъ:

— А вотъ это какъ по вашему, безчестье, пли нѣтъ? сию я у окна и вижу Надежду Александровну въ комнатѣ вашего жильца. Потомъ вижу, жильца обнимаетъ.

— Полно вамъ врать-то!

— Позовите-ко сюда жильца и Надежду Александровну!

Анна Петровна не хотѣла этого сдѣлать, но явилась Надежда и сказала запальчиво:

— Павелъ Игнатьичъ въ тысячу разъ лучше. Мамаша! позвольте мнѣ идти за него...

— Чтѣ я говорилъ?—сказалъ майоръ и захохоталъ.

Это такъ удивило Анну Петровну, что она не знала, что ей сказать. Вдругъ она пошла въ комнату Павла Игнатьича.

— Вы... вы подлецъ!—пропнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Покорно васъ благодарю.

— Извольте сейчасъ, сію минуту съѣзжать съ квартиры!—крикнула она и вышла, хлопнувъ дверью.

Началась сцена, довольно непріятная для всѣхъ и кончившаяся тѣмъ, что майоръ заплатилъ за побитіе Вѣры двадцать пять рублей, остался женихомъ Надежды съ тѣмъ условіемъ, что онъ женится непременно, если выѣдетъ Павелъ Игнатьичъ и если ему будутъ оказывать уваженіе; что онъ будетъ посѣщать невѣсту разъ въ недѣлю и не будетъ впередъ безобразничать.

Началась опять прежняя жизнь, майоръ посѣщалъ невѣсту разъ въ недѣлю, и по прежнему игралъ въ карты. Но Анна Петровна незалюбила Надежду Александровну, которая все дѣло испортила, можетъ быть, навсегда. Дочери ненавидѣли майора, но сидѣли съ нимъ потому, что изъ этой жизни не видѣли выхода. Такъ прошелъ годъ. Опять майоръ сдѣлался своимъ человекомъ, но теперь уже строились планы будущей семейной жизни. Майоръ, за двѣ недѣли до найма Пелагеи Прохоровны, говорилъ, что у него теперь лежитъ сердце больше къ Вѣрѣ Александровнѣ и онъ уже ходилъ къ священнику посоветоваться насчетъ свадьбы. Анна Петровна тоже сходила къ священнику—майоръ точно у него былъ. Онъ сталъ приходить къ кухмистершѣ—ежедневно и въ ожиданіи свадьбы, которая была назначена черезъ недѣлю послѣ Петра и Павла, всѣ терпѣливо сносили невѣжливое обращеніе его. Вѣра Александровна съ трепетомъ ждала дня, когда ее повѣнчаютъ съ тѣмъ, кого она не-

навидить, и рѣшилась на этотъ бракъ, чтобы угодить матери и въ надеждѣ на то, что майора кондрашка хватить.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ Петра и Павла майоръ былъ обвѣнчанъ.

XXVII.

Скоро послѣ свадьбы, майоръ купилъ себѣ собственный домъ на набережной Невы и переѣхалъ туда съ женою, переманивъ отъ кухмистерши и Пелагею Прохоровну.

Житиѣ было дурное. Майоръ съ утра до вечера былъ пьянъ, билъ жену и нѣсколько разъ даже дѣлалъ Пелагеѣ Прохоровнѣ предложеніе быть его любовницей. Но она все еще крѣпилась и не рѣшалась оставить майорскій домъ, во первыхъ потому, что надѣялась справиться съ майоромъ сама, если онъ будетъ слишкомъ предприимчивъ, и во вторыхъ потому, что получала тутъ три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, и думала, что такого жалованья въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, и не найти. Однажды, майоръ ушелъ съ женою въ гости; Пелагеѣ Прохоровнѣ сдѣлалось скучно; она отворила окно, уперлась на косякъ и стала смотрѣть во дворъ.

За мезониномъ, въ промежуткѣ между двухъ оконъ, на бичевочкѣ висѣло дѣтское бѣлье; изъ одного раствореннаго окна слышался плачь ребенка и убаюкивающая пѣсня женщины; у третьяго окна сидѣла, повидимому, дѣвушка въ сѣткѣ и нагнувшись пѣла: „Ахъ ты купчикъ, душа, не ночуй у меня“. Въ одномъ углу двора пять мальчиковъ играли въ бабки, три дѣвочки сидѣли у крыльца и тихо играли въ куклы; въ другой сторонѣ двора, изъ одного подвального этажа, слышался стукъ молоткомъ, изъ другаго выглядывала кверху какъ разъ на нее мужская голова. Пелагею Прохоровну разсмѣшила эта голова, выглядывающая точно изъ водосточной трубы, но кромѣ головы, на одинъ бокъ которой было надѣто что-то плисовое, похожее на ермолку, она замѣтила на окнѣ два локтя, концы которыхъ выходили наружу. Голова курила папирску. Вдругъ голова кивнула по направленію къ Пелагеѣ Прохоровнѣ.

Пелагея Прохоровна нагнулась, чтобы полюбопытствовать, какой особѣ кланяется голова.

— Пелагеѣ Прохоровнѣ!—вдругъ сказала голова.

Пелагея Прохоровна вздрогнула, затворила окно и отошла отъ него. Ей сдѣлалось стыдно и представилось, что это киваніе непременно кто нибудь замѣтилъ, а ея пня, по всей вѣро-

ятности, услышалъ не одинъ человѣкъ. „Эдакой подлецъ!“ подумала она: „теперь по его милости обо мнѣ нехорошо стануть говорить!“

Во всей квартирѣ была тишина, прерываемая тиканьемъ часовъ безъ боя, находящихся въ комнатѣ. Пелагея Прохоровна сдѣлалась очень скучно, не хотѣлось работать, и въ головѣ вертѣлась мысль, что вотъ она ни въ чемъ не виновата, а теперь, по милости какого-то подлеца, ей совѣстно будетъ выйдти на улицу или на дворъ. Ее порывало идти и спросить эту голову: „какъ она смѣла кланяться ей и называть ее по имени на весь дворъ, точно она его любовница? Надо дворнику сказать, чтобы квартиранты не смѣли обращаться такъ невѣжливо: я не какая нибудь потаскуша, чтобы можно такъ обращаться со мной!“ подумала она, и рѣшила теперь же идти къ старшему дворнику.

Она поправила свой сарафанъ, накинула на голову платокъ и подошла къ небольшому зеркальцу, висѣвшему на стѣнкѣ и принадлежавшему ей.

Она давно не смотрѣлась такъ въ зеркало, какъ сегодня. Прежде она только взглядывала на него для того, чтобы посмотреть, въ порядкѣ ли причесаны волосы, хорошо ли лежить платокъ на головѣ, теперь же она особенно засмотрѣлась на свое лицо, и удивилась, что оно стало блѣднѣе прежняго и въ немъ нѣтъ прежней полноты. „Подумаешь, вѣдь кажется, и сыта я, прежде вонъ объ этомъ кофеѣ и понятіи никакого не имѣла, работы не такъ много, и по ночамъ не мѣшаютъ спать, а стала я пошто-то худощава, вонъ и глаза ровно не тѣ, и волосы стали какъ будто рѣже“. Но несмотря на это сѣтованіе, Пелагея Прохоровна была все-таки женщина красивая; ея блѣдное, худощавое лицо, съ сосредоточенно-осмысленнымъ взглядомъ въ глазахъ, при ея высокомъ ростѣ, могло привлечь къ себѣ хоть кого, хоть она сама объ этомъ и не старалась.

Пелагея Прохоровна спустилась во дворъ, и хотя ей не хотѣлось глядѣть на флигель, но противъ воли глаза взглянули на одно изъ оконъ въ подвалѣ, однако головы не оказалось.

Во дворѣ было два флигеля, изъ которыхъ одинъ былъ съ мезониномъ, а другой безъ мезонина, но также, какъ и первый, съ подваломъ. Въ подвалѣ перваго флигеля, отдавались въ наѣмы двѣ квартиры, и въ одной изъ нихъ жило пятнадцать человѣкъ рабочихъ; въ другомъ помѣщался семейный сапожникъ, не имѣющій впрочемъ вывѣски; остальная часть подвала была занята ледникомъ и дровянымъ сараемъ домовладѣльца и поэтому кухаркѣ Филимонова ежедневно по нѣскольку разъ приходилось проходить въ ледникъ мимо того окна, въ которомъ она видѣла голову. Хотя же Пелагея Прохоровна до сихъ поръ не обращала вниманія на окна подвала и на народъ, живущій тамъ, но теперь она хотѣла увидать того подлеца, который

осмѣдился такъ дерзко фамплярничать съ ней. Она постояла противъ окна съ полминуты, наклонившись къ землѣ, какъ будто разглядывала находку и искоса взглядывая на окно; но всё окна были заперты и въ подвалѣ было тихо.

Послѣ этого прошла недѣля. Пелагея Прохоровна не обращала вниманія на выходку рабочаго изъ подвала и стала забывать о ней. Но она стала замѣчать, что кухарки взглядываютъ на нее полунасмѣшливо; дворянки начинаютъ отпускать любезности и хохочуть, лавочники нязко кланяются, шаркаютъ ногами и тоже хохочуть, и уже начинаютъ крѣпко жать ей ладони.

Стали Пелагею Прохоровну спрашивать: какъ она себя чувствуетъ? и спрашивали какъ-то насмѣшливо. Это ее разобидѣло; но она, понявъ, что тутъ заключается какой-то намекъ, все-таки не возражала, чтобы не навлечь какихъ нибудь неприятностей. Она это приписывала нехорошему, какъ ей казалось, поведенію женщинъ: „это онѣ по себѣ судятъ; имъ удивительно кажется, што я живу безъ душеньки, и онѣ злятся на меня, зачѣмъ я не якшаюсь съ нимъ“.

Хотѣлось ей познакомиться съ женой лавочника Большакова, жившаго тутъ же во флигелѣ, Агафьею Петровною, для того, чтобы при посредствѣ ея мужа, у котораго берутъ хлѣбъ и другіе припасы, найти мѣсто получше или заняться стиркой бѣлья, но ей казалось, что Агафья Петровна ведетъ себя съ нею весьма надменно, и Пелагея Прохоровна незалюбила ее.

Такъ и шло все по старому: женщины на нее коспись, мужчины какъ-то насмѣшливо улыбались, лавочники жали руки и любезничали, что ей очень не нравилось, но никто не обижалъ словами. Разъ майоръ воротился домой откуда-то очень пьяный и учинилъ дома драку, такъ что почти всё жплцы высовывали свои головы, чтобы послушать, и дѣлали громко свои замѣчанія. Досталось тутъ и Пелагеѣ Прохоровнѣ, которая стала заступаться за хозяйку изъ боязни, чтобы майоръ не убилъ ее. Наконецъ, майоръ выгналъ жену и заперся въ своей комнатѣ.

Пелагеѣ Прохоровнѣ стало жаль майорши, и она пошла ее разыскивать, чтобы та ночевала въ кухнѣ, на ея кровати. Но ни на лѣстницѣ, ни на дворѣ она не нашла ея. Думая не ушла ли она на улицу, Пелагея Прохоровна отворила калитку, взглянула налево—ниѣтъ, направо—у самой калитки на лавочкѣ сидитъ та голова, что такъ дерзко кричала ей изъ подвального окна. У Пелагеи Прохоровны по кожѣ мурашки пробѣжали.

— Кого ищите, Пелагея Прохоровна?—проговорилъ скромно мужчина.

— Пелагея Прохоровна вспыхнула, но отошла немного на дорогу и поглядѣла на спящаго мужчину.

Это былъ высокій человѣкъ, годовъ тридцати, съ курчавы-

ми рыжими волосами, безъ бороды и усовъ, съ блѣднымъ чистымъ лицомъ, голубыми глазами и пріятною улыбкою. Онъ сидѣлъ въ голубой ситцевой рубашкѣ, поверхъ которой былъ надѣтъ чистый передникъ; на босыхъ ногахъ были надѣты худенькія калоши, на головѣ плпсовая шапка. Вся его фигура изобличала мастераваго, и Пелагеѣ Прохоровнѣ представилось, точно она видитъ передъ собой Короваева. Онъ сидѣлъ, скрестивши на груди руки, и спокойно глядѣлъ на нее.

— Хозяйку ищете?—спросилъ опять Пелагею Прохоровну мужична.

— Ты... вы не видѣли? Лицо Пелагеи Прохоровны покраснѣло: ей стало неловко, да и зло брало ее, неизвѣстно для нея самой, почему.

— Нѣтъ, не видалъ... Видно машина-то у васъ все въ полномъ ходу?

Пелагея Прохоровна не поняла.

— Видно, онъ все буянитъ? Вы бы насъ, мастеровыхъ, позвали, мы бы связали его.

— Свяжешь его, чорта! И Пелагея Прохоровна подошла къ калиткѣ.

Мужична тоже всталъ.

— Пелагея Прохоровна... позвольте мнѣ... просить васъ,— началъ онъ нерышительно.

— Ну?!—недовольно пропзнесла Пелагея Прохоровна.

— Простите меня великодушно. Я слышалъ, вы изволили обидѣться.

— Кабы уменъ былъ, не оралъ бы во все горло.

— Ну, простите же меня... И онъ взялъ ея руку, крѣпко стиснулъ и прибавилъ:—ей Богу, это меня чортъ сунулъ... Я давно хотѣлъ вамъ объяснить это... Ну, скажите, вы не сердитесь?

— Пустите!

— Нѣтъ, вы скажите.

— У! какой невѣжа!... И Пелагея Прохоровна отвернула лицо. Мужична выпустилъ руку и сказалъ:

— Простите великодушно, што я задержалъ васъ...

Но Пелагея Прохоровна не удостоила его отвѣта и вошла во дворъ. Она остановилась у лѣстницы и стала припоминать, что она сказала своему врагу. Кажется, ничего, но только какъ-то по дѣвичьи... И зачѣмъ онъ непремѣнно тутъ?

Она задумалась... Ничего у ней не выходило, кромѣ того: „какой ласковый... Этотъ не какъ Короваевъ!“

Опять стала думать. „И зачѣмъ онъ тутъ? Да я его часто вижу, только не въ этой смѣшной ермолкѣ... Ахъ, кабы онъ былъ кержакъ... то бпшь раскольникъ. Экая я дура, о чемъ за-

думала, а тамъ поди, Богъ знаетъ што, творится наверху-то!“ И Пелагея Прохоровна побѣжала кверху; и ей было легко бѣжать; она думала: не боюсь я тебя, поганый бульдогъ!

Только что Пелагея Прохоровна раздѣлась и легла спать на свою кровать, какъ майоръ подошелъ къ ней со свѣчкой и, схвативъ ее за волосы, проговорилъ съ яростію:

— Гдѣ ты была, гадина!

— Неужели мнѣ и на улицу нельзя выйдти?—отвѣтила кухарха тономъ никого не боящейся женщины, и правой рукой вышибла изъ руки майора свѣчку. Майоръ выпустилъ ее волосы, но схватилъ за рубаху. Пелагея Прохоровна встала, но почувствовала крѣпкій ударъ въ щеку, потомъ еще ударъ.

— Вонъ, тварь поганая—кричалъ майоръ:—развѣ я не знаю, куда ты ходила?!... Вы всѣ за одно съ моей женой. Вонъ!!—И майоръ сталъ толкать Пелагею Прохоровну.

— Расчетъ наперво подайте, паспортъ!—кричала Пелагея Прохоровна внѣ себя.

Но майоръ ничего не слушалъ; Пелагея Прохоровна не могла защищаться и выскочила въ сѣни.

— Куда?!—крикнулъ майоръ въ сѣняхъ.

Пелагея Прохоровна спустилась по лѣстницѣ.

Майоръ постоялъ немного у перилъ и ушелъ въ квартиру.

Ставши у крыльца, Пелагея Прохоровна заплакала. Вдругъ кто-то въ корридорѣ отворилъ дверь, къ Пелагеѣ Прохоровнѣ подошла пожилая женщина. Это была нянька нижнихъ жильцовъ, Дарья Васильевна.

— Кто это?! А! Пелагеюшка... што, не прибилъ ли онъ тебя?—спросила она нѣжно.

— Богъ съ нимъ... завтра отъ мѣста отхожу.

— Ну, полно-ко! Твоя-то барыня говоритъ, што все это будто отъ тебя... Мы ее спрятали.

— Вретъ барыня... Она сама задираетъ... Скажите ей, што она ошибается.

— Мнѣ што?... Я бы тебя пригласила, да сама знаешь, я въ людяхъ живу: каково еще моей барынѣ понравится.

— Да я гдѣ нибудь...

Пелагея Прохоровна вышла за ворота, потому что ей не къ кому было идти, и не хотѣлось кланяться и просить пріюта.

Былъ уже сентябрь мѣсяцъ на исходѣ; дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ съ рѣки. Луна освѣщала набережную и Неву съ ея судами и барками. И здѣсь, и кругомъ было тихо, только въ рѣкѣ плескались волны, скрипѣли суда и барки съ дровами, лѣсомъ и камнемъ.

„Вотъ и опять одна, и опять безъ пріюта“, думала Пелагея Прохоровна, уперлась о фонарный столбъ, на которомъ не было

фонаря, и задумалась. Но въ голову ничего не шло хорошаго, какъ будто майоръ весь мозгъ вытрясъ изъ головы. А вѣтеръ такъ и дуетъ, Пелагею Прохоровну начинаетъ трясти отъ холода.

— И это столица! Ужь если здѣсь такая жизнь, гдѣ же лучше?—сказала она, глядя на рѣку.

— Пелагея Прохоровна... што вы тутъ дѣлаете?—произнесъ вдругъ позади ея мужской голосъ.

Пелагея Прохоровна обернулась; передъ ней стоялъ рыжеволосый мужчина въ томъ же нарядѣ, въ какомъ онъ былъ часа за два тому назадъ.

— Вѣдь вы простудитесь... — опять пропнесъ онъ съ сожалѣніемъ.

— А вамъ-то что? Што вы за мвой ходите?—недовольно проговорила Пелагея Прохоровна.

— Всякій вамъ то же скажетъ, что и я... Али вамъ жизнь надоѣла?... Да вы идите лучше хоть во дворъ.

— Куда-жъ я пойду... Ужь я не пойду больше туда.

— Экія вы спѣсивыя... Все же за паспортомъ, али за деньгами придется идти. Прошу васъ, отойдите отсюда, пожалуйте себя.

Пелагея Прохоровна пошла къ дому. Во дворѣ бушевалъ майоръ.

— Гдѣ жена?—кричалъ онъ.

— Эко горе... Не проходила Вѣра Александровна?—спрашивалъ во дворѣ дворникъ.

— Да вы всѣ, подлецы, спали!—ревѣлъ майоръ и слышно было, какъ онъ билъ дворниковъ по щекамъ.

— Господи! я боюсь, какъ бы онъ сюда не пришелъ! — сказала шепотомъ Пелагея Прохоровна, смотря на мужчину и дрожа отъ холода и отъ страха.

— Ну дакъ что! Пусть только тронетъ... Я покажу ему, кто изъ насъ сплѣше.

Но голосъ майора затихъ во дворѣ; повидимому онъ ушелъ куда-то.

— Вы постоите тутъ, а я посмотрю, куда онъ ушелъ, и хлопочу, гдѣ бы вамъ ночевать.

— Ужь не безпокойтесь, я и здѣсь просижу.

— Ну, и значить, што вы дура!

И мужчина ушелъ во дворъ.

Пелагея Прохоровна не знала, что ей дѣлать. Эта сцена вышла такъ неожиданно, что она не могла ничего придумать. Еслибы она знала, что майоръ ее прибьетъ и проговоритъ сегодня ночью, она бы позаботилась о ночлегѣ. А теперь не сидѣть же

ей въ самомъ дѣлѣ на улицѣ въ такой холодъ. При этомъ она обозвола себя дурую за то, что стала у самой рѣки въ одной рубахѣ, безъ платка на головѣ и босикомъ, когда могла бы спрятаться гдѣ нибудь въ подвалѣ и такимъ образомъ избѣжать встрѣчи съ этимъ мастеровымъ, отъ котораго теперь всѣ узнають, что она стояла на улицѣ въ такомъ видѣ. „А онъ человѣкъ добрый, хорошій, и на тѣхъ подмастерьевъ, што я видѣла здѣсь, не походить“, думала она объ этомъ мастеровомъ, не сердилась на его навязчивость, а ждала гдѣ-то онъ ее пріютить ночевать.

На улицу вышли дворникъ и лавочникъ, Иванъ Зиновичъ Большаковъ, за нимъ шелъ и мастеровой.

— Эдакой проклятый... Штобъ ему лопнуть, живорезу!—говорилъ дворникъ.

— Пелагея Прохоровна... пожалуйста къ намъ, не побрезгуйте,—сказалъ лавочникъ, подойди къ Пелагеѣ Прохоровнѣ.

Пелагея Прохоровна не знала, что сказать. Ей вдругъ представилось, что Агафья Петровна сдѣлается еще надменнѣе и ей придется унижаться передъ нею.

— Нѣтъ, я въ другое мѣсто.

— Ну, полноте. Вонъ и Игнатій Прокопьевичъ тоже совѣтуетъ, указавъ на мастероваго, проговорилъ лавочникъ, и прибавилъ:—у меня мѣста много, хватить.

— Именно! А я завтра навѣдаюсь къ хозяину, можетъ и ничего,—сказалъ дворникъ.

Всѣ вошли во дворъ. Большаковъ спустился налѣво въ подвалъ въ свою квартиру, заключавшуюся изъ одной комнаты съ двумя окнами у самаго потолка съ русскою печью, и изъ овощной мелочной лавочки.

XXVIII.

Комната или изба со сводами была просторная, но такъ какъ она примыкала къ лавкѣ, то до половины была загромождена кадками, кудями и мѣшками, которые лежали тутъ потому, что Иванъ Зиновичъ Большаковъ не имѣлъ ни погреба, ни ледника. Въ комнатѣ тѣсно и грязно; а такъ какъ на окнахъ были наставлены разныхъ величинъ банки съ вареньями, изюмомъ, миндалемъ, чернымъ, немолотымъ перцемъ и т. п. мелочамъ, то даже и днемъ тутъ было не совсемъ свѣтло. Повидимому, Иванъ Зиновичъ не заботился ни о свѣтѣ, ни о просторѣ и чистотѣ своего помѣщенія. Имѣя жену, работающую и хорошую хозяйку, и выторговывая въ сутки отъ двухъ до пяти рублей барыша, онъ этимъ помѣщеніемъ былъ бы совершенно доволенъ, еслибы не дымила въ вѣтеръ печь, не текла

въ лавочку и въ комнату со двора вода весной и осенью, и если бы онъ имѣлъ ледникъ, въ которомъ можно было бы дольше сохранять масло, молоко и рыбу. Но ужъ такова русская неподвижность или привычка къ одному мѣсту, что Иванъ Зиновичъ каждую весну и каждую осень собирается переѣхать на другую квартиру, но лѣтомъ и зимой раздумываетъ, потому что лѣтомъ выручаетъ много, а зимой ему кажется, все равно гдѣ бы онъ нанялъ квартиру, вездѣ холодно; а, во вторыхъ: „вѣдь прожилъ же я здѣсь семь лѣтъ, авось и восьмой проживу. Вотъ развѣ когда кончится срокъ контракту, тогда подумаемъ“. Къ этому еще присседились хлопоты по переноскѣ и перевозкѣ вещей: „все это было припасено не въ разъ, а по маленьку да потихоньку; все это хотъ и дешево куплено, дешевле чѣмъ въ толкучкѣ, а ставъ-ко переносить или перевозить—половины не досчитаешься, и заводишь опять снова; а мы знаемъ, каково опять съизнова-то обзаводиться“.

Иванъ Зиновичъ родился въ деревнѣ. Отецъ у него былъ зажиточный крестьянинъ, но дальше своего губернскаго города не ѣздилъ, а дядя занимался въ Петербургѣ мелочной торговлей, а потомъ сталъ торговать мукой и крупой и въ помощники къ себѣ выписалъ племянника. Иванъ Зиновичъ очень скоро понялъ изворотливость дяди и въ отсутствіе его, уже на семнадцатомъ году, торговалъ не хуже его, и дядя очень любилъ его, да и покупатели были очень довольны. Двадцати лѣтъ, онъ женился на дочери одного лавочника, несмотря на то, что она была не очень красивая на лицо, и что за него пошла бы замужъ любая изъ барскихъ горничныхъ или даже дочь мелкаго чиновника. Онъ не женился ни на одной изъ нихъ потому, что онъ на его взглядъ казались бѣлоручками, непривычными къ подвальной жизни, къ стряпнѣ и ничего несмыслившими по торговой части. Хотя же его молодая жена и не сидѣла въ лавочкѣ, но она ему пришлась по вкусу: лучше такой хозяйки онъ и не находилъ и былъ ею очень доволенъ. Это была низенькая, тощая молодая женщина съ веснушками на лицѣ и съ рѣдкими рыжими волосами, никакъ не могшая отстать отъ своего ярославскаго нарѣчія и привыкнуть къ петербургскому. Самъ Иванъ Зиновичъ былъ рослый, здоровенный молодой человекъ съ полными красными щеками, безъ усовъ и бороды, которые онъ брилъ каждую недѣлю по субботамъ, тотчасъ по приходѣ изъ бани, постоянно улыбающійся, сдержанно-любезный, суетящійся и слывущій на нѣсколько домовъ за самаго толковаго человека. Онъ всегда одѣвался такъ, что его не могли назвать маклакомъ: фуражка у него никогда не была измята и запачкана, передникъ постоянно чистый, сапоги хотя и смазаны дегтемъ, но со скрипомъ, и надо было посмотреть, какъ онъ одинъ, безъ подручнаго, управляетъ въ лавочкѣ, успѣвая то отвѣсить фунтъ хлѣба, то

свертѣть бумагу, накласть въ нее кислой капусты и свѣсить, то отпустить полстакана сливокъ, бутылку молока и въ то же время записывать въ книжки покупателей и у себя въ тетрадь, что ими и на сколько взято. Ни своего огорода, ни своего скота, ни своей рыбной ловли у него не было, но онъ все покупалъ изъ первыхъ рукъ или съ Охты, или отъ чухонъ, такъ что ему все стоило не дорого, онъ же продавалъ по существующимъ въ городѣ цѣнамъ, и выторговывалъ барыша какъ и уже и сказалъ раньше, отъ двухъ до пяти рублей въ сутки.

Жена его, Агафья Петровна, въ его торговые дѣла не вмѣшивается и приходитъ въ лавку только посидѣть съ ребенкомъ, потому что въ лавкѣ все-таки и воздухъ немного лучше комнатнаго и веселѣе. Несмотря на то, что мѣстныхъ женщины называютъ ее выдрой, онъ къ ней обращаются всегда съ почтеніемъ и непременно остановятся въ лавочкѣ минутъ на пять, чтобы покаякатъ съ нею о господахъ. Но ей и въ лавкѣ приходится сидѣть не подолгу, потому что у нея двое маленькихъ ребятъ, за которыми нужно посмотрѣть, да и много дѣла, а ей цужно все сдѣлать самой, такъ какъ у нея работницы нѣтъ. Впрочемъ, она никогда не говорила, что ей скучно, друзей себѣ не искала и жила только съ женой дворника душа въ душу, тогда какъ у мужа ея, совсѣмъ опетербуржившагося, было много питерскихъ пріятелей, и она замѣчала, что онъ съ земляками держитъ себя высоко, какъ важная особа.

Иванъ Зиновичъ, видя, что Агафья Петровна выбивается изъ силъ, и зная что она опять беременна, разъ сказалъ ей:

— Вотъ што я думаю, Агашка: хорошо бы тебѣ взять работницу.

— Это еще што за мода?—возразила жена.

— Да какъ же. Ты и ночь-ту не доспишь съ этими горлатыми чертенятами, и хлѣбы-то тебѣ надо печь... И все такое. Нѣтъ ужъ, какъ хошь, я найму,—настаивалъ мужъ.

— Яще, видно, полюбовницу завелъ!

И Агафья Петровна стала слѣдить за мужемъ: какую такую ея мужъ завелъ любовницу, которую онъ мѣтитъ ей въ работницы; но ничего не замѣтила. Однако, она и сама подумывала о работницѣ, но никакъ не могла представить себѣ, чтобы эта работница была женщина честная, вполне работающая не воровка. Затруднилась она также и въ томъ, куда помѣстить работницу. „Не перегораживать же для нея комату; не кормить же ее за однимъ столомъ, и опять не ловко же ей давать ѣсть по мѣркѣ; а предоставить-ко ей самой брать ѣсть, о а все и сожреть“. Такъ думала она, но не рѣшилась высказать это мужу, зная, что онъ будетъ подсмѣиваться надъ ней. А Иванъ Зиновичъ каждый день заводилъ разговоръ о работницѣ, хотя и звалъ, что жену это сердить.

Сегодня за ужиномъ онъ опять заговорилъ о томъ же.

— Ты меня, Ванька, все сердишь. И што это у васъ, у мужиковъ, за привычка такая проклятая!—проговорила сердито Агафья Петровна.

— А вотъ я возьму, да и найму.

— А вотъ я возьму ее да и въ зашей.

— Нѣтъ, однако, будемъ, Агашка, говорить въ сурьезъ. Первое, ты баба хилая и водилась бы ужъ съ ребятишками. Сама же ты говоришь, что у тебя въ брюхъ-то бахарь дрыгаетъ.

— Вотъ ты для ребятъ-то бы нанялъ какую ни на есть дѣвчонку, вѣдь твои ребята-то!

— Ну, дѣвчонка не такъ доглядить, какъ ты.

— Ну ужъ, шалишь, штобы я заставила работницу квашню заводить, али хлѣбы въ печь сажать...

Немного погодя, Агафья Петровна высказала мужу, что она, пожалуй, наняла бы работницу, только... И она высказала ему свои опасенія. Мужъ сказалъ, что кровать можно загородить ширмамп, а шпрмы онъ надѣется пріобрѣсти даромъ; если работница будетъ не лѣнива, то пусть ее ѣсть. „Больше того, что въ кпички влѣзеть, не съѣстъ“, замѣтилъ онъ, и предоставилъ Агафѣ Петровнѣ самой найти себѣ работницу не дороже двухъ рублей въ мѣсяць.

Когда Иванъ Зяновъичъ привелъ Пелагею Прохоровну, комната его была слабо освѣщена; на столѣ стояла маленькая жестяная лампочка съ керосиномъ, который очень вонялъ. Агафья Петровна лежала на кровати лицомъ къ стѣнѣ и улюлюкивала ребенка, который тяжело кашлялъ и пищаль; около кровати стояла въ ногахъ дѣтская плетеная коляска, покрытая простыней, и изъ нея тоже слышался крикъ трехлѣтняго ребенка, а напротивъ подушекъ, на небольшой скамейкѣ плетеная корзина, въ которой лежали пеленки, и въ которой, какъ надо было полагать спалъ маленькій ребенокъ.

При входѣ мужа, Агафья Петровна повернула голову и, увидѣвъ Пелагею Прохоровну въ ея скудномъ одѣяніи, поморщилась, но удержалась и только недовольно сказала мужу:

— Тебѣ бы только уйти... А я тутъ покою не найду... Покачай чертенька-то! И она, обернувшись къ стѣнѣ, принялась улюлюкивать ребенка.

— Охъ, ужъ эти мнѣ...—проговорилъ Иванъ Зяновъичъ и сталъ качать коляску.

— Позвольте, я покачаю, сказала Пелагея Прохоровна и взялась за ручку коляски.

Иванъ Зиновьичъ отошелъ къ корзьянкѣ, нагнулся и проговорилъ недовольно:

— Охъ ты, неряха эдакая! опять у те пеленки-то мокрѣя!

— Не разорваться же мнѣ!..—проговорила жена.

— Дѣвочка-то мокрая,—сказала робко Пелагея Прохоровна, когда Агафѣя Петровна сидѣла на кровати.

— Это у насъ всегда такъ... День-то бьемся, а ночью съ ребятами... Она все спитъ, барынька!

Мужъ и жена возлились съ ребятами, перемѣнили бѣлье дѣтей, уложили ихъ, причеъ маленькому ребенку Агафѣя Петровна дала въ рожкѣ питья съ макомъ для того, чтобы тотъ скорѣе заснулъ и дольше спалъ. Пелагея Прохоровна тоже помогала имъ, и Агафѣя Петровна не высказывала неудовольствія, что кухарка домохозяйина находится тутъ въ такомъ видѣ; она, вѣроятно, уже была предупреждена, что Пелагея Прохоровна ночью здѣсь.

— Ну, барыни, куда мы васъ уладемъ?—проговорилъ вдругъ Иванъ Зиновьичъ, не то обращаясь къ гостѣмъ, не то спрашивая самъ себя.

— То-то, приглашать-то приглашаетъ, а того не подумаетъ, што некуда. Ишь, какой пріютъ нашелъ!—проговорила недовольно Агафѣя Петровна.

Пелагея Прохоровна было неловко, и ей Агафѣя Петровна показалась очень нехорошей женщиной, но она все таки признавала, что Агафѣя Петровна хозяйка.

— Я гдѣ нибудь около порога—проговорила она нерѣшительно.

— Зачѣмъ около порога? Ты вотъ къ столу лучше лягъ. Вотъ тебѣ одѣяло—постели, подушки... А этимъ шугайчикомъ одѣнься!—проговорила Агафѣя Петровна, давая одѣяло, подушку и шугайчикъ.

— Ужъ я васъ, право, не знаю, какъ и благодарить, говорила Пелагея Прохоровна, и ей было и стыдно и обидно, что она дошла до такого положенія.

Когда она сдѣлала себѣ постель, Иванъ Зиновьичъ погасилъ огонь въ лампочкѣ, пожелавъ Пелагеѣ Прохоровнѣ спокойной ночи и легъ на кровать. Съ четверть часа супруги шептались, но о чемъ—Пелагея Прохоровна не могла слышать. Наконецъ, и шопотъ замолкъ, послышался съ кровати храпъ и шипѣе носомъ.

Пелагея Прохоровна только дремала, а когда начала засыпать, заплакали дѣти, и немного погодя, Агафѣя Петровна встала и затопила печь. Она сегодня должна была испечь ржаного хлѣба и ситнаго. Пелагея Прохоровна тоже встала, несмотря на то, что хозяйка уговаривала ее спать, увѣряя, что та ей

нисколько не мѣшаетъ. Агафья Петровна была такъ добра, что дала Пелагеѣ Прохоровнѣ свой старый сарафанъ, свои рваные башмаки и платокъ на голову. „Послѣ отдашь“, сказала она, когда та стала отговариваться.

Работы у Агафьи Петровны было много, и такъ какъ все нужно было сдѣлать къ сроку, т. е. чтобы хлѣбъ испекся къ восьми часамъ, а самоваръ поспѣлъ къ шести, то, ради этого она оставляла дѣтей на произволъ, не обращая вниманія на ихъ крикъ и на то, что они лежали мокрыя. Пелагея Прохоровна хотѣла ей помочь, но не знала, за что взяться, и боялась вмѣшиваться зря, безъ приглашенія. Замѣтивъ, что хозяйка хочетъ становить самоваръ, она было заявила желаніе сдѣлать это, но хозяйка сказала недовольно:

— Нѣтъ ужъ, я сама...

— Да вѣдь мнѣ нечего дѣлать-то.

— Успѣется.

Такъ и не дала самовара.

Стала Пелагея Прохоровна укачивать дѣтей. И это какъ будто не понравилось хозяйкѣ.

— А чего ихъ качать-то! Мало што ли они спали... Нѣтъ ужъ, оставь.

— А лучше, какъ они спятъ.

— Они у меня всегда въ эту пору встаютъ... А што кричать—эка важность! Надо же мужу-то вставать... Не качай, пожалуйста,—хуже закричать.

Пелагея Прохоровна ужасно тяготилась своимъ присутствіемъ здѣсь. Она хотѣла идти прочь, но уйдти было неловко и рано. Наконецъ, она не утерпѣла и сказала хозяйкѣ:

— Пойду понавѣдаюсь, не всталъ ли майоръ.

— Ну, вотъ!.. Али онъ встанетъ такъ рано?

— Нѣтъ. Можетъ, и всталъ.

— Успѣешь. Вотъ чаю напьемся.

Всталъ хозяинъ. Стали пить чай и сидѣли большею частью обращаясь къ дѣтямъ, которыя ѣли кашу. Всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, какъ будто стѣснялись другъ другомъ; мужъ и жена обращались къ Пелагеѣ Прохоровнѣ мало, какъ будто имъ не о чемъ было разспрашивать ее и не о чемъ говорить съ нею. Но Пелагея Прохоровна замѣтила, что Агафья Петровна часто взглядывала на нее, потомъ на мужа; мужъ же глядѣлъ больше на жену; такъ и казалось, что супруги что-то рѣшали насчетъ Пелагеи Прохоровны.

— Не знаете ли вы гдѣ мѣста какого нибудь?—спросила Пелагея Прохоровна смотря на хозяйку.

Иванъ Зиновичъ взглянулъ на жену, та наклонилась къ ребенку и не торопясь сказала:

— Нѣтъ, теперь не знаю. Ты, можетъ, не знаешь ли? — обратилась она къ мужу.

Тотъ немного помолчалъ.

— Такъ вы точно что совсѣмъ отъ майора? — спросилъ онъ гостью.

— Теперь ужъ я не соглашусь ни за какія деньги у него жить.

— Такъ... Ежели мѣсто будетъ — отчего же! Непременно постараюсь.

Послѣ этого всѣ сидѣли молча нѣсколько минутъ. Вдругъ Иванъ Зиновичъ пошелъ въ лавочку, сталъ въ дверяхъ; Агафья Петровна тоже пошла къ нему.

— Ну, што? — услышала Пелагея Прохоровна негромкій голосъ хозяйина.

— Не годится — бѣлоручка. Ей въ господахъ только и жить, — сказала тоже негромко хозяйка.

— Думаешь, не управится?

— Нѣтъ, она ничего. Видно, охоча работать-то и смирна, только не годится.

— Это какъ?

— Ну, не годится, и все тутъ... Лицомъ она мнѣ претить.

— О, дура! — сказалъ хозяйинъ.

Хозяйка, недовольная, вошла въ комнату и ей какъ будто неловко было смотрѣть въ глаза Пелагеѣ Прохоровнѣ; но Пелагея Прохоровна поняла, что разговоръ касался ея и что Большаковы, вѣроятно, хотѣли ее взять къ себѣ въ работницы, а потому раздумали.

Пришелъ дворникъ и, поздоровавшись съ хозяевами, сказалъ Пелагеѣ Прохоровнѣ, что ее зоветъ хозяйинъ и что Вѣра Александровна теперь уже дома.

Я не буду утомлять читателя тѣмъ, что происходило у майора по приходѣ къ нему кухарки. Скажу только, что черезъ часъ Пелагея Прохоровна пришла къ Большаковымъ съ своимъ узломъ.

— Отказалъ? — спросила ее хозяйка.

— Уговаривалъ остаться; грозилъ; сама приставала... Богъ съ ними! — сказала Пелагея Прохоровна и утерла глаза, на которыхъ появились слезы.

— Напрасно. Вѣдь не всегда же онъ такой?

— Нѣтъ, ужъ будетъ. Ужъ вы мнѣ позвольте положить у васъ вещи, а я пойду поищу мѣста.

— Пусть лежитъ... И ночевать можно... А есть ли деньги-то?

— Пять рублей.

Хозяйка покачала головой.

— Онъ мнѣ еще шесть рублей долженъ. Не знаю, какъ и получить.

— Ну, это дѣло трудное. Надо просить полицію, а полиція што? Известно, скорѣе повѣрять хозяйку дома, чѣмъ кухаркѣ, сказала Большаковъ.

Но и онъ все-таки не совѣтовалъ Пелагеѣ Прохоровнѣ вновь идти къ майору въ услуженіе.

XXIX.

Пелагея Прохоровна проходила цѣлый день безъ толку. Знакомыхъ кухарокъ у нея оказалось хотя много, но онѣ не могли общать ей мѣсто; если же которая нибудь изъ нихъ и говорила, что она думаетъ сама сойти и такимъ образомъ Пелагея Прохоровна можетъ надѣяться поступить на ея мѣсто, то тутъ же прибавляла, что здѣсь житье каторжное, кормятъ дрянно и много вычитаютъ денегъ изъ жалованья, потому что и самимъ-то нечего ѣсть. Идти на Никольскій рынокъ Пелагея Прохоровна не знала дороги, а потому она пошла по теченію Невы, а какъ дошла до Литейнаго моста, ей захотѣлось сходить на Петербургскую сторону частію для того, чтобы узнать, какъ поживаетъ кухмистерша Овчинникова, а также и для того, чтобы ночевать тамъ гдѣ нибудь и потомъ рано утромъ отправиться на Никольскій рынокъ тѣмъ путемъ, какимъ ее вела оттуда кухмистерша. Но жить на Петербургской Пелагеѣ Прохоровнѣ не хотѣлось: ей хотѣлось поступить въ услуженіе къ хорошимъ господамъ, живущимъ въ большомъ каменномъ домѣ.

Она была теперь свободная женщина и имѣла капитала пять рублей, и еслибы у нея было въ виду свободное мѣсто, на которое бы нужно поступать послѣ завтра, то она навѣрное не пошла бы теперь по Литейному мосту, а удовольствовалась бы оглядываніемъ красивой набережной. Но и теперь, на просторѣ ее занимало очень много предметовъ, всего же больше барки съ дровами, лѣсомъ и камнями, на которыхъ рабочіе ругались отъ того, что имъ нелегко было справиться съ быстрою рѣкою и хотѣлось благополучно проплыть подъ мостомъ прежде, чѣмъ отъ пристаней отплыветъ на дачи какой нибудь пароходъ. Крики и суетня на баркахъ, судахъ и яликахъ показались Пелагеѣ Прохоровнѣ знакомыми, только люди говорили другимъ нарѣчіемъ. Ей невольно подумалось, что вотъ и эти люди пришли въ Питеръ на заработокъ, да имъ, пожалуй, достается еще тяжелѣе бабьяго, потому что „мы бабы все же въ тепло живемъ и ночью намъ не холодно; а они вотъ все на вѣтру и въ одной рубахѣ да въ штанахъ“. Ее удивило, что на этихъ баркахъ нѣтъ палубы, а только въ кормахъ сдѣлано что-то похожее на клѣтушку, но эта клѣтушка, должно быть, тѣсна, потому что рабочіе спятъ на кирпичахъ или на дровахъ въ своихъ полушубкахъ, подложивши подъ голову полѣно или кулакъ.

Пелагеѣ Прохоровнѣ грустно сдѣлалось; что-то такое удерживало ее здѣсь и она смотрѣла въ воду, на ялики, пароходы, барки и суда. Вдругъ ей послышался какъ будто знакомый голосъ.

— Самъ-то што дѣлаешь! Самъ возьми багоръ и лови—больно прытокъ!—говорилъ этотъ голосъ.

— Што это? голосъ-то знакомый... нашъ!—подумала Пелагея Прохоровна, и стала еще пристальнѣе смотрѣть и наставила къ рѣкѣ лѣвое ухо, такъ какъ снизу дулъ рѣзкій вѣтеръ.

— Никакъ Панфиль? Госноди... Да нѣтъ, гдѣ ему? прошептала она. Ей не втрилось, но сердце билось радостно, точно чуяла, что она не одна здѣсь.

Всѣ рабочіе на судахъ заняты своимъ дѣломъ и ни одному нѣтъ времени посмотреть на мостъ: „кабы онъ глянулъ, я узнала бы его“, подумала Пелагея Прохоровна!

Простояла она долго, но знакомый голосъ больше не повторялся; нѣсколько барокъ и судовъ проплыло подъ мостомъ и на нихъ она брата не замѣтила.

— Это поблизило, подумала она и хотѣла идти. Но недалеко отъ нея къ периламъ подошло двое судорабочихъ и стали поджидать ялика, чтобы переплыть на барку съ лѣсомъ. Они кричали на одну барку, стоявшую посрединѣ рѣки, и махали шапками.

Пелагея Прохоровна подошла къ нимъ.

— Родимые... нѣтъ ли у васъ Панфила?

Но рабочіе оказались чужны, не знающіе ни слова порусски. Они съ удивленіемъ поглядѣли на Пелагею Прохоровну, что то прошептали и стали махать руками къ баркѣ.

Уплыли эти рабочіе съ чужнами, стало темнѣть, и Пелагея Прохоровна вернулась къ Большаковымъ въ большомъ безпокойствѣ. Неужели ея братъ Панфиль здѣсь, а если нѣтъ, то какимъ образомъ могъ ей слышаться родной голосъ? Ей было досадно, что она не могла увидеть его.

Въ этомъ безпокойствѣ и отъ нечего дѣлать, она вышла на улицу.

— Што вы это все на улицѣ торчите? услышала она голосъ Игнатія Прокопьяча.

Пелагея Прохоровна издрогнула, обернулась; Игнатій Прокопьячъ стоялъ все въ прежнемъ нарядѣ и курилъ трубку. Онъ ей вѣжливо поклонился.

— А вамъ што за дѣло?—сказала Пелагея Прохоровна; но ей стало немного веселѣе.

— Конечно, мѣ какое дѣло... и спрашивать бы объ этомъ не слѣдовало, да вогъ вышелъ я, а вы тутъ...

— Што я, мѣшаю што ли?

— Зачѣмъ?... только... я-то скуки ради выхожу на улицу покалякать съ кѣмъ нибудь, потому, сами знаете, на квартирѣ скучно. Товарищи или въ карты играютъ, а не то спятъ или въ кабаки ушли. А я къ такой жизни не привыкъ.

— Вы, я слышала, столяръ?

— Столяръ. Только работы мало, потому что мы работаемъ вмѣстѣ съ подрядчикомъ.

— Отчего же вы сами, одни не работаете?

— Отчего? Объ этомъ я уже много лѣтъ думаю, да ничего выдумать не могу. Капиталу нѣтъ.

— Будто ужъ много нужно капиталу!

— То-то што нужно. Вотъ я теперь работаю въ артели и могъ бы скопить денегъ, только работа не каждый день. Хорошо, если позовутъ куда нибудь....

— А на продажу.

— Вамъ вѣрно кто нибудь набиль голову-то разными глупостями, потому вы такъ смѣло и разсуждаете. Легко такъ только утѣшать другихъ,—на продажу! Ну, положимъ, я куплю лѣсу, матеріалу разнаго—на это мнѣ нужно употребить сутки, али двое, чтобы купить хорошо и дешево. Ну, теперь что я стану работать? Кабы у меня заказчики были—такъ, а вотъ заказчиковъ-то у меня и нѣтъ... Положимъ, я стану дѣлать комодъ, я его проработаю двое али трое сутки, искать надо покупателей, и прошла недѣля. Въ эту недѣлю я ни откуда не получила денегъ, нужно платить за квартиру, пить, ѣсть, табакъ курить, да еще, можетъ быть, я лишился заработка на сторонѣ!

Игнатій Проконичъ говорилъ серьезно и недовольнымъ тономъ. Пелагея Прохоровна показала, что онъ говорить правду.

— И вы все такъ и будете работать?—спросила она.

— Хочу порѣшить... приглашаютъ меня на заводъ, на Петербургскую сторону, по кузнечному мастерству. Оно мнѣ, это кузнечное-то дѣло, лучше нравится, потому я и прежде находился въ обученіи, да потомъ захотѣлъ къ столярному пріобыкнуть. Тамъ хорошо тѣмъ, што работа постоянная и мнѣ обѣщали по рублю двадцати въ сутки.

— Што жъ вы привязались-то къ этому?

— Да не нравится мнѣ у мастеровъ нѣмцевъ подъ командой быть. Иной мастеръ ничего не смыслить въ дѣлѣ, а надъ тобой куражится, какъ Богъ знаетъ какая особа.

— Вы бы русскаго выбрали.

— Русскій! Русскій еще хуже. Дай русскому начальство, онъ и изважничается, начнетъ пьянствовать... Ужъ русскій мужикъ, какъ попалъ въ начальники, совѣмъ иной человекъ сдѣлался; вмѣсто того, штобы поддержать своего брата, онъ же съ него прогулы высчитываетъ; въ кабакъ при немъ што есть нельзя придти—угощай его, а если онъ угостить на пятакъ, такъ пе-

рекоровъ наслушаешься на гривенникъ; и дорогой гдѣ встрѣтиса, шапку ему скидывай—вездѣ начальникомъ себя считаешь. А нѣмца мы только на работѣ и знаемъ, и нѣмца провести ловчѣе и вооружиться противъ него тоже легче. Нѣмцы въ нашу компанію не мѣшаются и намъ на нихъ плевать!

— Гдѣ же, по вашему, лучше работать?

— Вездѣ хорошо. Вотъ я ужъ много терся на разныхъ фабрикахъ и заводахъ, я знаю, гдѣ лучше и больше даютъ платы, только все это скоро мѣняется, не отъ насъ. Сперва платятъ хорошо, потомъ вдругъ обрѣжутъ и стѣнять стануть, и причины на это у нихъ найдутся; то-де матеріаль подорожалъ, корабли потонули, подрядчикъ обанкротился,—мало ли чего на-скажутъ. Намъ-то до всего этого нѣтъ дѣла, потому мы рабочіе, а они намъ сбавляютъ цѣну, да еще говорятъ, что мы лѣнимся, пьянствуемъ... А нашему брату дѣться некуда. Вотъ я сказалъ давеча, што нужны деньги, штобы самому работать, только какъ ихъ скопить-то много? Работашь цѣльный день, измучаешься какъ собака,—ну какъ отказать себѣ въ осьмушкѣ водки? Выпьешь—и легче; и утромъ бодрѣе пойдешь на работу. Ну, а еслибы я сталъ копить эти пятаки—што бы вышло? Полтора рубля, да и бы непременно захворалъ. Ну теперь въ воскресенье куда дѣться? Дома скучно, по городу шататься не хочется, въ театръ идти денегъ жалко, да и театру нѣтъ такого, чтобы мы повимали. Была воскресная школа за Московской заставой, я туда часто ходилъ, а теперь вотъ, говорятъ, эту школу закрыли, потому-де намъ не годится... такъ-то, Пелагея Прохоровна. Поэтому и пойдешь въ кабакъ и сидишь тамъ, калякаешь со своей братіей о своихъ дѣлахъ, ну и выпьешь! А оно, глядишь, денежки и выпалзываютъ и скопить ихъ трудно. Ну, а вы что подумываете дѣлать?

— Пойду завтра на Никольскій рынокъ продаваться. Миѣ бы хотѣлось прачкой сдѣлаться.

— Ну, это трудно. Правда, вы съ Никольскаго-то можете поступить въ прачки къ какой нибудь женщинѣ, только и бы вамъ не совѣтовалъ, потому что чѣмъ больше бабъ, тѣмъ больше у нихъ ссоръ и зависти. Это не то, што у насъ, мужчинъ. А вотъ вы подождите немного, нельзя ли устроить такъ, штобы вамъ поступить въ кухарки къ нашему брату.

Пелагея Прохоровна обрадовалась, но ей показалось неловко поступить въ кухарки по протекціи этого человека, который, вѣроятно, будетъ жить въ одной съ нею квартирѣ. „Еще пожалуй, ее будутъ считать любовницей его.“

— Я не понимаю, какъ это? сиропла она.

— А такъ. Завтра я переберусь на квартиру на Петербургскую, поживу тамъ съ недѣлю, и поговорю товарищамъ, не согласятся ли они жить у насъ.

— Какъ же это у меня-то?

— А вы наймете квартиру, мы вамъ дадимъ денегъ, купите свои кохонныя принадлежности. Я вамъ, пожалуй, и квартиру устрою.

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю, сказала Пелагея Прохоровна, думая, что у Игнатя Прокошьяча есть злой умыселъ.

— Если не я, то кто нибудь да долженъ же помочь вамъ. Вѣдь у васъ мужа-то нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, то-то. А если я вамъ предлагаю это, то вы не думайте, што я съ умысломъ. Я, какъ и всякій другой, предлагаю потому, что знаю, што вы еще недавно въ Петербургъ и не успѣли еще избаловаться. Это я говорю безъ хвастовства, а вы дѣлайте по своему разуму.

— А если я до того времени истрачу деньги и мнѣ все-таки этого мѣста не будетъ?

— Кто же вамъ говоритъ, штобы вы сидѣли сложа руки... Только вотъ што, Пелагея Прохоровна, если вы будете намѣрены кормить насъ да куда нибудь поступите на мѣсто, въ такомъ случаѣ оставьте адресъ у Ивана Зиновьяча, штобы я могъ извѣстить васъ. А если несогласны, тогда и не нужно оставлять. Прощайте, Пелагея Прохоровна.

— Я вамъ хотѣла сказать, што мнѣ сегодня почудилось, сказала Пелагея Прохоровна уже во дворѣ.

— Какъ это?

Пелагея Прохоровна рассказала, какъ она слышала голосъ брата Панфила.

— Штожь мудренаго. Должно быть, онъ.

— Какъ же бы мнѣ розыскать его?

— Ну, розыскивать-то теперь его не слѣдуетъ, потому что вы не знаете, на какой онъ баркѣ плылъ и въ какое мѣсто эта барка пристанеть. Вѣдь въ Питерѣ каналовъ много.

— Такъ значитъ я его и не увижу?

— Надо подождать недѣли двѣ. Въ это время они разгрузятъ барки и, вѣроятно, будутъ жить на квартирахъ въ городѣ, тогда и можно будетъ справиться въ адресномъ столѣ. А то, можетъ, какъ нибудь и такъ встрѣтитесь. Только врядъ ли.

И они разстались.

По приходѣ къ Большаковымъ, Пелагея Прохоровна застала тамъ сцену. Только что она вошла въ комнату, Иванъ Зиновьячъ ударилъ кулакомъ по спинѣ Агафью Петровну, которая голосила. Увидавъ Пелагею Прохоровну, Большаковъ смѣшался и ушелъ въ лавку, а Агафья петровна, стараясь казаться правую, подошла къ мѣшкамъ и Проговорила:

— Поскуда проклятая! Любовницъ себѣ завелъ. Не знаю, што-ли, для чего ты хозяйскую кухарку къ себѣ сманилъ...

Но Большаковъ не вышелъ изъ лавочки, потому что къ нему въ это время пришли покупатели.

Пелагею Прохоровну точно кипяткомъ обварило отъ словъ Агафьи Петровны, но она удержалась, постояла минутъ съ пять, думая, что ей сказать въ свою защиту, но ничего не сказала, сообразивъ, что съ такой женщиной, какъ Большакова, говорить трудно.

Она стала собираться. Агафья Петровна замѣтила это, но не обратила вниманія.

Пелагея прохоровна стала прощаться.

— Куда же ты? Въдъ ужъ поди скоро десять часовъ! проговорила съ полудивленіемъ и съ скрытою радостью хозяйка.

— Куда nibудь... Покорно благодарю за ночлегъ... Сколько намъ за это?

Хозяйка обидѣлась.

— Спрашивай вонъ его: онъ тебя пригласилъ, а не я.

Изъ лавки вошелъ въ комнату Большаковъ. Его трясло отъ злости и глаза сдѣлались красными.

— Кто здѣсь хозяинъ? крикнулъ онъ и сжалъ кулаки.

— Ну, бей! Убей меня! И такъ ужъ кожа да кости, проговорила та рѣзко и подошла къ нему очень близко, откинувши голову назадъ, какъ будто она сдѣлана изъ чугуна и для нея ничего не значатъ здоровые кулаки Ивана Зиновьяча.

— У!!.. проговорилъ сквозь зубы Иванъ Зиновьячъ и, отошедши къ мѣшкамъ, уперся на нихъ спиною.

— Оставайся здѣсь, куда тебѣ? сказалъ онъ Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— Покорно васъ благодарю... Я каюсь, што согласилась придти сюда-то... я...

— О, дуры эти бабы!! Обидѣла она тебя, што ли, чѣмъ?

— Это ужъ мое дѣло!

— Какъ же! ей съ Петровымъ надо на улицѣ торчать, сказала Агафья Петровна.

— Молчи! крикнулъ на жену Иванъ Зиновьячъ:—однако куда же ты пойдешь-то?

Пелагея Прохоровна не знала, куда ей идти.

— А ты давно знакома съ Петровымъ-то? спросилъ опять Пелагею Прохоровну Иванъ Зиновьячъ.

Это допытыванье взбѣсило Пелагею Прохоровну. До сихъ поръ, Иванъ Зиновьячъ обращался съ нею вѣжливо, а теперь вдругъ сдѣлался грубымъ и точно за что-то озлобленнымъ на нее человѣкомъ.

— А вамъ какое дѣло, знакома я, или нѣтъ.

— Конечно... Оно тоже вашему брату безъ любовника какъ можно... сказалъ ядовито Иванъ Зиновьячъ, улыбаясь, и ушелъ

въ лавку. Пелагея Прохоровна вышла во дворъ съ своимъ узломъ, а потомъ пошла машинально по направленію къ Смольному монастырю.

XXX.

Прошедши Смольный монастырь, Пелагея Прохоровна задумалась, въ какую идти ей сторону. До сихъ поръ она шла сама не зная, куда идти; ей хотѣлось проходить до утра и утромъ отправиться на Литейный мостъ, чтобы еще посмотреть хорошенько на барки. Она думала, что если розыщетъ брата, то будетъ звать его жить съ собою, и тогда, пожалуй, можетъ заняться приготовленіемъ кушанья для рабочихъ, какъ говорилъ Петровъ; безъ брата же одной ванимать квартиру и жить съ рабочими въ одной избѣ она считала дѣломъ неудобнымъ. Уже если теперь про нее Богъ знаетъ что говорили, то тогда и житья ей не будетъ. Петровъ предлагалъ ей жить вмѣстѣ, и это Пелагее Прохоровнѣ не понравилось: „нѣтъ ли тутъ чего нибудь худаго? подумала она:—можетъ быть, онъ воображаетъ, што я стану съ нимъ жить, какъ жена, такъ онъ, значитъ, дурной человекъ и такимъ манеромъ я жить не согласна, пусть другую для этого избираетъ.“ Теперь у ней отпала всякая охота выйдти замужъ. Въ Петербургѣ она видѣла много дурнаго и находила семейную жизнь неудобною для рабочаго человека. „Вотъ бы такъ устроиться, чтобы пріобрѣтать больше денегъ, чтобы и комнату имѣть и сытой быть! а што если мужчина общаетъ, такъ это только одна приманка и онъ только мѣшать будетъ, а потомъ и мои деньги вытягивать станеть. Нѣтъ ужъ одной не въ примѣръ лучше“. Такъ думала она дорогой и очутилась опять у Смольнаго монастыря. Здѣсь она стала чувствовать голодъ и усталость, а до утра казолось еще далеко. Пошла она по какой-то улицѣ. Фонари стоятъ далеко другъ отъ друга, темно, дома деревянные, тамъ и сямъ лають собаки, хоть куда—провинція. „Што за дьяволъ! живу въ Петербургѣ, а все на деревянные дома натыкаюсь. Хоть бы постоянный домъ попался.“ Но постоянныхъ домовъ въ темнотѣ она не замѣтила. Присѣла она на тротуаръ, грустно ей сдѣлалось, тяжело, заплакала она; потомъ ей стыдно сдѣлалось за слезы и молодущіе. „Што мнѣ горевать-то? и одна; дѣтей у меня нѣтъ. Встала да попла, а мѣсто найдется. Штожь дѣлать, если господа дрянные; можетъ, и лучше будетъ.“ Она пошла опять и вошла въ большую улицу, по обѣимъ сторонамъ которой стояли большіе каменные дома; фонари стояли недалеко одинъ отъ другаго; здѣсь даже и извозчики были, но они дремали въ пролеткахъ. Пелагея Прохоровна, остановилась, посмотрѣла назадъ, соображая, идти ли ей впередъ или повер-

нуть направо или налево. Она подошла къ одному извозчику, который, слышавъ чьи-то шаги, очнулся и поглядѣлъ на стороны.

— Дядя, а близко Петербургская сторона? спросила она извозчика.

— На што? спросилъ тотъ соннымъ голосомъ.

— Надо.

— А што у те въ узлу-то?

— Вещи.

— Чать украли!.. Дай три цалковыхъ—отвезу.. Безъ сумленія! Въ цѣлости доставлю.

— Нѣтъ, ты скажи, я дойду сама.

— Ишь ты! Дойдешь, говоришь?

— Дуракъ!

Она плюнула и пошла налево. Извозчикъ поѣхалъ за ней.

— Эй, барыня! Пра, представлю. Три цалковыхъ. Подъ на десять цалковыхъ въ узлѣ-то будетъ!— приставалъ извозчикъ.

— Отвяжись!

— Подлинно, ты мазура отмѣнная: ишь какъ шагаетъ!.. Не бошь трусу празднуешь,—говорилъ извозчикъ.—Слышь, тетка?

— Ну?

— Садись! даромъ отвезу.

— Пошелъ, дуракъ... Ты скажи лучше, гдѣ постоянный дворъ? Извозчикъ захохоталъ.

На встрѣчу Пелагеѣ Прохоровнѣ шелъ медленно городской.

— Стой! — сказалъ онъ, загоразивая дорогу Пелагеѣ Прохоровнѣ:—што несешь?

— Воровка. За рынкомъ на Невскомъ увидалъ... На Петербургскую сторону хотѣла ударить, да я ее до тебя тянулъ,—сказалъ извозчикъ.

— Ахъ ты, подлая рожа! Ты же меня звалъ туда, просилъ три цалковыхъ даромъ,—сказала Пелагея Прохоровна извозчику.

— Ну, ну, иди! И городской толкнулъ Пелагею Прохоровну такъ, что она очутилась на мостовой. Городовой сталъ брать ее узелъ.

— Кто еще позволилъ тебѣ брать? — крикнула Пелагея Прохоровна и толкнула городского.

— А, дакъ ты такъ! Городовой ударилъ ее по лицу.

Городовой и извозчикъ усердно поколотили пойманную женщину и отняли у нее узелъ.

Пелагея Прохоровна опомнилась уже въ пролеткѣ, которую трясло ужасно отъ скверной мостовой.

Она въ первый разъ вѣхала въ Петербургъ въ пролеткѣ, но сама не знала, куда ее везутъ. Ея спутники: городской, не тотъ,

который ее остановилъ, а уже другой, сидящій съ ней рядомъ, и пзвощикъ, спина котораго была на четверть отъ носа Пелагеи Прохоровны, молчали. Дорога была впрочемъ не дальняя. Извощикъ остановился передъ частью, отличающеюся отъ другихъ домовъ особеннымъ устройствомъ, мрачными, производящими неприятное впечатлѣніе стѣнами, затхлымъ воздухомъ изъ двора... Городовой приказалъ ей слѣзть.

— Деньги! — крикнулъ городской Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— Какія?

— Што тебя, подлую, даромъ штоли возить-то? И онъ ударилъ ее по спинѣ своимъ здоровымъ кулакомъ.

— Хорошенько ее! Воровка! — поддакнулъ дежурный у воротъ.

— У меня нѣтъ денегъ, хошь убейте — отвѣтила со слезами Пелагея Прохоровна, сторонясь отъ поднятой руки городского. Извощикъ сталъ ругаться, а городской провелъ Пелагею Прохоровну, чернымъ узкимъ дворомъ, въ узкое пространство, едва, едва освѣщенное лампочкой съ керосиномъ, и потомъ ввелъ въ полуосвѣщенную съ закопчѣлыми стѣнами комнату. Въ ней за однимъ столомъ сидѣлъ дежурный и дремалъ, на другомъ большемъ столѣ спалъ городской на спинѣ во всемъ облаченіи.

— Воровку прпвелъ, — отапортовалъ городской дежурному.

— А! — сказалъ дежурный. — Гдѣ?

Городовой сказалъ.

— И прекрасно. Иди-ка сюда!

Пелагея Прохоровна подошла.

Спавшій на столѣ городской тоже подошелъ и ждалъ приказа дежурнаго.

— Гдѣ же ты, матушка, подтибрила узелъ?

— Это мои вещи.

— Твои?! — пропзнесъ скрипя зубами дежурный.

Всячески старался отъ Пелагеи Прохоровны вывѣдать сознание: гдѣ она украла вещи? Ея слова, что узелъ принадлежитъ ей, что она отошла отъ мѣста, только раздражали дежурнаго и городскихъ, вѣроятно, потому, что имъ много приводилось имѣть дѣлъ съ разными мошенниками, которые говорили имъ тоже. Къ тому же дѣло было ночное, когда прислуга рѣдко отходитъ отъ господъ.

Натѣшившись вдоволь, такъ что бѣдная, беззащитная женщина еле могла передвигать ногами, дежурный приказалъ городовому развязать узелъ.

Въ узлу оказались: сарафанъ, ситцевое поношеное платье, простой терновый голубоваго цвѣта платокъ, двѣ рубашки, четыре пары чулокъ, зеркальце, клубокъ нитокъ, коробочка съ иглками и булавками, катушка съ нитками, начатой чулокъ съ вязальными спицами, янтарныя бусы, разные ситцевые и

суконные лоскутки, наперстокъ, фольговый образецъ — однимъ словомъ, все имущество Пелагеи Прохоровны.

— Ну, гдѣ же ты взяла это? — спросилъ опять дежурный Пелагею Прохоровву.

— Ей-Богу же, я вчера отошла отъ мѣста... Сегодня искала другаго, не нашла... Съ квартиры прогнали.

— Такъ... знаемъ мы эти отговорки. А зачѣмъ ты отъ городского убѣжала? Зачѣмъ была городского?

— Не бѣгала я, вретъ онъ. Меня извощикъ звалъ. Вретъ онъ, штобы и...

— Кто ты такая?

Пелагея Прохоровна сказала.

Деньги есть?

— Есть пять цалковыхъ.

— Гдѣ?

— Въ чулкѣ.

Пелагея Прохоровна подошла къ своимъ вещамъ, для того, чтобы взять чулки, но ее оттолкнули. Одивъ изъ городскихъ сдернулъ съ ея головы платокъ, другой сдернулъ шугайчикъ; сняли также съ ея руки кольцо, подаренное ей покойнымъ мужемъ. Пелагея Прохоровна заплакала, и просила отдать ей хоть обручальное кольцо.

— Когда будемъ выпускать, надѣнемъ. Все будетъ цѣло. Отвести ее въ секретную! — сказалъ дежурный городовому и далъ ему какую-то записку.

— Пошелъ! — произнесъ городской и толкнулъ ее впередъ себя.

Городовой повелъ ее черезъ дворъ. Они поднялись во второй этажъ. Тамъ дверь не была заперта на замокъ. Комната большая, но тоже грязная и плохо освѣщенная. Въ ней сидѣли то же городовые. Отсюда Пелагею Прохоровну провели узкимъ, темнымъ, съ прокислымъ воздухомъ, корридормъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, сквозь рѣшетки, слышались женскіе голоса. Женщины голосили, кричали и ругались. Городовой повелъ Пелагею Прохоровну въ темное пространство, толкнулъ ее туда и заперъ дверь съ деревянною рѣшеткою, но онъ ее не на замокъ заперъ, а ошпую завязалъ веревкою. Повидимому, здѣсь никого не было, однако Пелагея Прохоровна на что-то наступила.

— Какая тутъ еще поскуда наступаетъ? — проговорила какато женщина и пошевелилась

Заговорили еще вѣскольکو женщинъ.

— Поди опять воровку привела?

— Штой-то нонѣ ихъ какъ много! Господь съ ними!

— Небось ты только одна и есть, поскуда!

— Што ругаешься-то? никакъ ужъ десятый разъ здѣсь, и все въ Сибирь угодить не можешь!

— Вотъ ты, вѣрно, туда хочешь!

Я не стану передавать всего, что говорилось женщинами въ темнотѣ. Пелагея Прохоровна, не знавшая тюремной жизни, выдавая ее вскользь во время посѣщенія въ острогъ своего брата, ужаснулась, что она попала въ такое общество. Лицъ она не видѣла, не могла опредѣлить того, сколько тутъ помѣщается женщинъ, но слова, произносимыя женщинами, точно острою иглою прокалывали ея сердце. Она слышала какую-то злобу на все и на всѣхъ, женщины ругались не хуже мужчинъ, отчего Пелагею Прохоровну пробирала дрожь, и ей становилось стыдно за себя и за эти голоса. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, она не слыхала ласковаго слова, только гдѣ-то кто-то охалъ, и стоналъ какой-то старческой женскій голосъ. Не сонъ ли это?.. Нѣтъ. Она слышитъ голоса, чувствуетъ, что у нея голова отяжелѣла, ее трясетъ отъ испуга и отъ чего-то такого, чего она не въ состояніи опредѣлить; у нея болятъ груди, шея; на лбу, недалеко отъ лѣваго виска, она чувствуетъ свѣжую ссадину, точно она только что ударилась лбомъ объ стѣну; къ тому же и ноги болятъ...

— Господи, что это со мной? Неужели это вѣявъ? Сколько времени я жила, сколько городовъ прошла, и вдругъ въ самомъ Питерѣ,—проговорила она шепотомъ. Сердце у ней болѣзненно заняло, она присѣла на полъ, подперла голову руками, но слезы не шли изъ глазъ, въ головѣ точно камень, и всю мозговую ея дѣятельность словно придавило что.

Въ такомъ безчувственномъ состояніи она пребыла неизвѣстно сколько времени до тѣхъ поръ, пока кто-то не запнулся объ нее.

— О, чтобъ тѣ содохнуть!—произнесла, какая-то женщина и стала плыть ногами.

— За што жъ ты меня бьешь-то? виновата я што ли, што мѣста вѣту?—проговорила болѣзненно Пелагея Прохоровна.

Женщина изругалась и стала отпирать дверь.

— Кто хочетъ на дворъ, выходите въ разъ!—проговорила другая женщина.

Нѣсколько женщинъ не торопясь вышли въ коридоръ и не отъ одной изъ нихъ достался пивки Пелагеѣ Прохоровнѣ. Но дѣваться ей было некуда, во первыхъ потому, что по темнотѣ она не могла отыскать свободнаго мѣста, а во вторыхъ, если она подходила куданибудь, ее оттуда гнали, такъ какъ каждая женщина дорожила своимъ мѣстомъ. Но нашелся одинъ گوشокъ, который заступился за Пелагею Прохоровну.

— Какъ вамъ не стыдно, право!.. Ну, виноваты ли мы, что насъ насажали въ тѣсное мѣсто. Умѣстимся какънибудь.

— Ишь заступница какая!

— Пусть подь нары лѣзеть!—заговорили женщины.

— Небось, сами-то не лѣзете подь нары?—проговорила защитница.

— Толкайте ее: пусть она, барышня эдакая, подь нары лѣзеть.

— Она ребенка убила!

— И слѣзу! Пойдемъ подь нары, жевщна!

Говорившая ущупала Пелагею Прохоровну; казалось, ей ужъ эта камера была знакома. Онѣ залѣзли подь нары и легли, подсунувши подь головы кулаки.

— Я уже здѣсь третья сутки, привыкла!—проговорила болѣзненно женщина.

Въ это время въ камеру втолкнули дѣвочку, которая ревѣла.

Сперва женщины ругали дѣвочку за ея плачь, потомъ принялись ее распрашивать, за что ее посадили. Она отвѣчала сначала, что не знаетъ, потомъ, что хозяйка ея, прачка, стала укорять ее въ томъ, что она только ѣсть хлѣбъ, а ничего не дѣлаетъ, а потомъ она что-то сдѣлала съ хозяйкой, и хозяйка ее прогнала. Два дня она ходила по міру, пряталась на чердакахъ, гдѣ бѣлье сушатъ, и вотъ ее сегодня ночью одна баба нашла на чердакѣ. Потомъ ее били, призвали городского, рассказали, что эта дѣвка, должно быть, уже не въ первый разъ пришла за кражей на чердакъ, потому что многихъ вещей недосчитывались.

— И вотъ лопви мои глаза, штобы я хоть когда нибудь што украли!—сказала дѣвочка въ заключеніе.

Нѣсколько голосовъ было за дѣвочку, меньшинство не вѣрило.

Пелагеѣ Прохоровнѣ изъ этихъ разговоровъ стало немного ясно, что всѣ женщины виноваты въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ. „Вѣдь вотъ и я шла со своими вещами, а сказали, што украли... Будто ужъ здѣсь и съ узлами по ночамъ никому ходить нельзя?“—думала она.

Сосѣдка ея молчала.

— Неужели здѣсь все нехорошія женщины?—спросила вдругъ Пелагея Прохоровна сосѣдку.

Та промолчала. Она или не разслышала, или слушала, какъ одна женщина учила другую показывать.

— Эка важность! ты скажи: потому, молъ, я взяла ложки, а потомъ задолжала, что она, хозяйка, мнѣ за мѣсяць деньги не заплатила. Неужели мы такъ и должны даромъ работать?

Это заключеніе раздѣляли всѣ женщины.

— И гдѣ это сиравадливость? и это Питеръ.

— Поди-жь ты! А вотъ здѣсь-то што творится.

Эти слова относились, можетъ быть, къ тому, что откуда-то слышались свирѣпыя мужскіе голоса и плачь женщины.

— Господи помилуй! — проговорило нѣсколько женщинъ въ разъ.

На нѣсколько минутъ въ каморкѣ настала тишина.

— Спишь?—спросила сосѣдку Пелагея Прохоровна, у которой начали болѣть бока отъ жесткаго пола и которой было не до сна.

— Я уже отвыкла спать, — произнесла сосѣдка охриплымъ голосомъ.

Пелагея Прохоровна жалко стало сосѣдки, и она не рѣшилась спросить ее, за что она сидитъ. Но говорить хотѣлось, хотѣлось высказать, что ее взяли безвинно.

— Што же потомъ будетъ? неужели то же, какъ и теперь?— опять проговорила Пелагея Прохоровна.

— Богъ знаетъ!.. Я совсѣмъ измучилась за это время... Въ моей головѣ, не знаю, что дѣлается... Я думаю, что если пробуду здѣсь еще двое сутокъ, то съ ума сойду. Ужъ я просилась въ больницу, — не обращаютъ вниманія. Говорятъ, что отсюда берутъ въ больницу только такихъ, которые ни руками, ни ногами не могутъ пошевелить.

Пелагея Прохоровна голосъ сосѣдки показался знакомымъ, и самое произношеніе ея не походило на муницкое.

— Ужъ, право бы, лучше помереть. И такъ жизнь была нехороша... Сама отъ себя я отвергла ту жизнь, какою живутъ въ провинціи!

Пелагея Прохоровна задумалась надъ ея словами. Она говорить, что ей хорошо бы жилось, еслибы она только захотѣла. Зачѣмъ же это она до такой степени дошла?

А какимъ манеромъ она-то, Пелагея Прохоровна, сюда попала? Вѣдь и ей сколько попадало случаевъ жить хорошо, да она не согласилась же, а вотъ захотѣла въ столицу. И за коимъ чортомъ ее толкало въ Петербургъ? Для того, что ли, чтобы ее обвинили въ воровствѣ и сослали въ Сибирь!.. Эко, право, хорошее счастье. Мимо тѣхъ или черезъ тѣ же мѣста родины придется идти, только безвинно опозоренной. Правда, ее тянуло сюда другое дѣло, любовь къ Короваеву, только вѣдь онъ ушелъ на желѣзную дорогу.

— Вы чѣмъ занимаетесь?—вдругъ спросила ее сосѣдка.

— Кухаркой была, — отвѣтила Пелагея Прохоровна.

— Давно здѣсь?

— О Петръ-Павлѣ пришла.

— Ну, я немного раньше.

— Што это, ровно вашъ-то голосъ мнѣ знакомъ?

— И мнѣ тоже кажется, какъ будто я васъ видала гдѣ-то. Вы нехохловскія?

— Нѣтъ, я издалека, изъ Герентьевскаго завода. Я во многихъ городахъ жила.

— Ну, а я не жила во многихъ городахъ, только теперь, пожалуй, придется пройти много городовъ, если обвинять. И со-сѣдка заплакала.

Пелагея Прохоровна старалась ее утѣшить.

— Богъ не безъ милости. Онъ видитъ, кто правъ, кто виноватъ.

— То-то, что на Бога-то мало обращаютъ вниманія.

— Ну, што жъ, и тамъ люди живутъ, да еще лучше, пожалуй.

— Я тоже понимаю такъ, что тамъ уже предѣлъ всякому новому желанію. Умремъ, такъ и всему конецъ—я, пожалуй, согласна на это.

— Ну вотъ!—сказала недовольно Пелагея Прохоровна.

— Вѣдь меня обвиняютъ въ томъ, что я задушила своего ребенка, хоть я вовсе не имѣла этого намѣренія, а просто заспала его оттого, что двѣ ночи передъ тѣмъ не спала. Я ребенка своего любила. Хорошо, если мнѣ повѣрятъ и не со-шлютъ!

— Послушайте-ка: вы не продавались на Никольскомъ рынкѣ?—спросила вдругъ сосѣдку Пелагея Прохоровна.

— Стояла, передъ праздникомъ... кажется, передъ Троицей.

— Вы... я забыла имя-то...

— Евгенія Тимошеевна.

— А я Пелагея Прохоровна.

— То-то, я слушаю: кажется, мнѣ голосъ-то вашъ знакомъ.

— И мнѣ тоже... Ну, Вы еще тогда говорили, што въ Питерѣ къ генералу какому-то ходили. Вѣдь вы въ швей нанялись!

— Да, я у этой женщины, которая меня наняла съ Никольскаго, три мѣсяца съ половиной выжила; и никому не совѣтую жить у нея. Ужъ лучше наняться въ кухарки, чѣмъ къ ней. Это ничего, что она отставная чиновница и что у нея есть любовникъ, но то обидно, что она хочетъ чужими руками деньги зарабатывать. Ничего бы и то, еслибы деньги шли въ прокъ, а то скверно, что деньги идутъ на водку и пиво любовнику, и доходитъ она до того, что къ концу мѣсяца за квартиру нечѣмъ заплатить, ѣсть нечего, и тогда она заставляетъ работницъ голодать.

— Чѣмъ же она занимается?

— Она швея и швея, хорошая. Швеей она была еще дѣвушкой и чиновникъ на ней женился, — какъ она говоритъ, — не изъ-за красоты, а изъ-за того, что она добываетъ деньги, даже больше его: онъ, кажется, получалъ одиннадцать рублей въ мѣсяцъ, а она вышивала не меньше, чѣмъ на пятнадцать руб.

Ну, до замужества, она нанимала комнату и деньги у нея были кое-какія, а когда вышла замужъ, тогда они наняли квартиру, чтобы пускать жильцовъ. Тутъ она и просадила всѣ денежки, потому что нужно было купить мебели и кухарку нанять. Годовъ пять что ли она билась съ мужемъ; онъ былъ смирный, не пьянца, только хворалъ часто, и, наконецъ, померъ отъ чахотки. Пока былъ живъ мужъ, она не очень усердно брала работу и, стало быть, тѣ, отъ которыхъ она получала ее въ двѣушкахъ, ужъ смотрѣли на нее иначе и давали работу другимъ. Послѣ смерти мужа она увидѣла, что приходится трудиться такъ же, какъ и до замужества. Стала она работать крѣпко, вставала рано, ложилась поздно, а видитъ, что одной и каша во рту не спора—заработокъ все также плохой. Вотъ и задумала она нанять женщинъ. Насъ у нея было три, и всѣ мы оказались плохими швеями, — такъ по крайней мѣрѣ она говорила; цѣлый мѣсяцъ она на насъ ворчала, однако не отказывала, а какъ окончился мѣсяцъ, сказала, что у нея нѣтъ денегъ, и стала умолять, чтобы мы остались. Ну, двѣ-то швеи ушли, а я осталась, потому что у меня денегъ въ то время было столько же, сколько и на Никольскомъ рынкѣ, да и башмаки обносились. Остались мы вдвоемъ, работы она набираетъ много, а намъ двумъ не управиться. Опять начали ей отказывать. Опять она наняла швею—переманила откуда-то. Эта швея попалась изъ бойкихъ; пошли у нихъ ссоры, стала швея уходить по праздникамъ куда-то въ гости, хозяйка все на меня и свалила. Такъ мы и бились.

Евгенія Тимофеевна замолчала.

Стало свѣтать. Началась перекличка. Женщины этой каморы вышли въ корридоръ, но ихъ оттуда гналъ прочь назадъ городской. Теперь оказалось, что и въ этой каморѣ было окно, только оно было маленькое и находилось немного пониже потолка, и выходило къ какой-то лѣстницѣ. Рядомъ съ этой каморой была большая камора человѣкъ на двадцать-пять, но въ ней было не больше двадцати женщинъ. Въ этой каморѣ было квадратное окно со стеклами и рѣшетками: но куда выходило оно изъ каморы, опредѣлить трудно, такъ какъ оно отъ наръ было аршина на два съ половиною вышны. Напротивъ этой каморы была секретная камора съ желѣзною рѣшетчатою дверью, запертою на замокъ. Въ ней была одна женщина, которая теперь стояла у двери и смотрѣла какъ-то дико, точно потеряла рассунокъ.

— За што тебя, голубушка, посадили?—спрашивали эту женщину другія арестантки.

Женщина молчала.

— Не бойся, не выдадимъ.

Женщина горько улыбулась.

— Пошли, пошли!! Ты што стоишь? Въ карцеръ хошь?—го-

ворилъ городской, обращаясь то къ арестантамъ, то къ одиночной женщинѣ.

— Што это за карцеръ, Евгенья Тимофеевна?

— А это около отхожаго мѣста есть такой чуланъ безъ окна. Въ него помѣщается только одинъ человекъ. Я, не знаю, что-то сказала въ первый день дежурному, онъ меня и заперъ. Въ немъ едва сидѣть можно. Я въ немъ просидѣла часа съ три и мнѣ это время показалось цѣлою вѣчностью: тепло, сыро, скребутся мыши, вонь... Хуже, чемъ въ подземелья.

Сдѣлалось еще свѣтлѣе; въ той каморѣ, въ которой находилась Пелагея Прохоровна, было, кромѣ нея и дѣвочки, восемь женщинъ. Пять изъ нихъ обвинялись въ нищинствѣ, остальные въ воровствѣ. Обвиняемыя въ воровствѣ говорили, что онѣ крали потому, что по отходѣ отъ места имъ бы не на что было прожить трое сутокъ. Но такихъ воровокъ, у которыхъ была бы страсть къ воровству, не было; тоже я въ другой каморѣ, въ которой были двѣ жевщины, подкинувшія своихъ младенцевъ, одна, хотѣвшая задавиться, двѣ—горничная и кухарка,—обвиняемыя въ намѣреніи отравить графскую собачку, и одна пьяная женщина, поднятая въ безчувственномъ состояніи на мостовой. Въ секретной сидѣла женщина, обвиняемая въ сообщничествѣ по какой-то крупной кражѣ и убійству.

Старостики, тоже арестантки, сидящія по долгу, по случаю неимѣнія паспортовъ, пошлѣ подучать хлѣбъ и щи. Пелагея Прохоровна не хотѣлось теперь ѣсть. Надъ ней смѣялись женщины.

— Что, видно не хочешь солдатскаго-то хлѣба? Вонъ, барышня-то небось привыкла.

У Евгениі Тимофеевны лицо было блѣднѣе прежняго. Казалось, что она въ послѣднее время или была больна, или вынесла много душевныхъ страданій. На ногахъ ея были съ прорванными носками башмаки. На ней самой была ситцевая блуза. У другихъ женщинъ были или сарафаны, или ситцевыя платья, у трехъ головы повязаны платками, а одна, молодая и высокая, обвиняющаяся въ кражѣ, была даже въ кринолинѣ.

— Тебя, баба, за што взяли-то—спросила старостиха, старушка, Пелагею Прохоровну.

Пелагея Прохоровна начала рассказывать.

— Ну, просидишь съ мѣсяць!

Пелагея Прохоровна чуть не замерла.

— Што испугался?... Ничего, привыкнешь. Вонъ барышня-то тоже привыкла... Садись, барышня, поди, болятъ бока-то?—говорила худощавая старушонка въ какомъ-то рваномъ пальто на ватѣ, принадлежавшемъ когда-то канцеляристу, такъ какъ на немъ еще сохранилась одна мѣдная, заржавлая пуговица, о которой старушонка повѣствовала, что она эту пуговицу бе-

режетъ, какъ драгоценность, потому что только она оторвется, — глядь, ее, старушенку, и заберутъ въ часть.

Всѣмъ женщинамъ было очень скучно. Пожалуй, онѣ и говорили, но все было старо, давно всѣмъ надоѣло.

Сдѣлалось скучно и Пелагеѣ Прохоровнѣ. Хотя она и сидѣла на нарахъ, но, по случаю недолгаго здѣсь пребыванія, кромѣ Евгеніи Тимофеевны, ни одна изъ женщинъ не смотрѣла на нее ласково. Напротивъ, насчетъ ея молодости и лица онѣ отпускали остроты и старались чѣмъ нибудь уязвить ее для того, чтобы развлечься хоть на нѣсколько минутъ. Но Пелагея Прохоровна отмалчивалась, а это молчаніе, въ кругу говорящихъ и издѣвающихся надъ ней женщинъ, та же пытка... Пробовала было она оборвать женщинъ — не помогло: ея молчаніе имъ не нравится, а о чемъ она станетъ говорить съ ними?

Женщины заговорили, оживились; но это оживленіе было не веселое. Всѣ говорили дрожащимъ голосомъ.

— Што-то Господь пошлетъ?

— Выпустятъ, или нѣтъ?

— Дождидай! Чать въ тюрьму сведутъ...

— Ну, тамъ, говорятъ, лучше здѣшняго.

Пристали къ Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— Ты гдѣ жила?

Та сказала.

— Ну, теперь будетъ слѣдствіе, спрашивать будутъ, у кого украла.

— Да я не украла...

— Ну, полно-ко... Ты прописана ли? И паспортъ въ кварталъ?

— Паспортъ у меня въ платъ.

— Покажи!

— Да тамъ, въ узлу.

— Ахъ ты, дура! Да ты погибла теперь.

— Какъ?

— А такъ. Теперь у тебя паспортъ вытащатъ и изорвутъ, или паспортъ бабъ какой нибудь чужой всунутъ въ платъ... Гдѣ узелъ-то лежитъ? въ какомъ углу?

— Походишь же ты по частямъ. Придется посидѣть съ годокъ... и т. д.

Пелагею Прохоровну очень напугали арестантки и она рѣшительно не знала, что дѣлать. Она готова была разломать стѣну, чтобы выскочить изъ этого ада.

Не меньше ея мучилась и Евгенія Тимофеевна, но Пелагеѣ Прохоровнѣ казалось, что той какъ будто легче. Она подумала, что эта барышня, должно быть, не изъ добрыхъ, потому что она и съ родными перессорилась изъ за чего-то, непонятнаго,

и говорила ей ночью как-то непонятно. Кто ее знаетъ, закралось у Пелагеи Прохоровны сомнѣніе, изъ какихъ она? Можетъ, она здѣсь уже и не въ первый разъ.

— Неужели можно привыкнуть? спросила она Евгенію Тимоѣевну, которая сидѣла съ нею рядомъ.

— Къ этой жизни... Да, немножко я попривыкла. И къ худу надо привыкать. Миѣ вотъ немного легче, потому что я жду уже другой день сегодня, какъ меня поведутъ въ тюрьму; по крайней мѣрѣ я на воздухъ выйду.

— Откуда же ты знаешь, что тебя въ тюрьму поведутъ? спросила Пелагея Прохоровна Евгенію Тимоѣевну.

— Въ первый день меня водили къ слѣдователю; допросы отбирали. Тамъ слѣдователь сказалъ на мою жалобу, что здѣсь нехорошо, что недолго придется просидѣть въ части, и что какъ кончится слѣдствіе, меня переведутъ въ тюрьму.

— Неужели ты своего ребенка задушила?

— Охъ, виновата ли я! Евгенія Тимоѣевна заплакала.

Въ это время къ двери подошелъ дежурный.

— О чемъ это плачешь? спросилъ онъ камору сердито.

— А кто ее знаетъ? слезы-то некуплены!

— Только смѣйте вы у меня ее хоть пальцемъ тронуть! Я васъ всѣхъ въ карцеръ запру! проговорилъ грозно дежурный и ушелъ.

Женщины напали съ ругательствомъ на Евгенію Тимоѣевну и согнали ее и Пелагею Прохоровну съ варъ.

— Сиди съ ней на полу.

— Какое вы имѣете право толкаться! Я дежурному скажу, крикнула Пелагея Прохоровна.

Женщины напали на нее.

— И ты, видно, изъ таковскихъ! И ты, видно, своихъ ребятъ въ рѣки побрасала, что съ ней знаешься!!

— Должно быть, она помогала ей.

— Какъ вамъ не грѣхъ! Ну, чѣмъ я виновата передъ вами? проговорила Евгенія Тимоѣевна, рыдая.

— А! тутъ дакъ виновата... А отчего ты, если тебѣ не милъ ребенокъ, въ воспитательный не отдала его?

— Еслибы миѣ не жалко было... проговорила Евгенія Тимоѣевна.

— А кто жъ у те любовникъ-то?

Евгенія Тимоѣевна еще пуще зарыдала.

— Не троньте ее, бабы. Не всякой, я думаю, пзъ насъ пріятно объ этомъ рассказывать.

Женщины мало по малу отстали отъ Пелагеи Прохоровны и Евгеніи Тимоѣевны.

Онѣ хотя и сидѣли рядомъ, но не говорили другъ съ дру-

гомъ долго: Евгенія Тимоѣевна не плакала, но уперши голову на лѣвую лѣдоть, съ отчаяніемъ и какою-то злобою смотрѣла на полъ; Пелагея Прохоровна смотрѣла на нее съ сожалѣніемъ и думала: какая она молодая!

— А жалко мнѣ тебя, Евгенья Тимоѣевна! Очень жалко! проговорила наконецъ Пелагея Прохоровна.— Добро я, мужичка, а ты дворянка. Евгенія Тимоѣевна нѣсколько минутъ молчала.

— Гораздо лучше бы было, еслибы я была не дворянскаго роду, сказала она.

— Ну, полно: дворяна—господа, а нашъ братъ што? Плевокъ. Дворянинъ накуралѣсить—ему ничего, потому за него богатые да знатные стоятъ; а мужикъ чуть чего сдѣлалъ,—виноватъ. Вотъ хоть я, за што я попала въ часть?

Сосѣдка молчала нѣсколько минутъ.

— И все-таки мнѣ удивительно, Евгенья Тимоѣевна, какъ это ты дворянскаго роду, а за тебя дворяне не заступятся? Вѣдь вотъ хоть бы эти полицейскіе, вѣдь они не изъ дворянъ поди, а какъ обижаютъ-то.

— Пелагея Мокроносова! крикнулъ мужской голосъ; другой мужской голосъ повторилъ это.

— Никакъ меня? спросила арестантокъ Пелагея Прохоровна, встала и пошла.

XXXI.

На третій день, Евгению Тимоѣевну куда-то потребовали. Она со слезами распростилась съ женщинами и особенно съ Пелагеєю Прохоровною.

— Не видаться ужъ знать намъ больше! говорила Евгенія Тимоѣевна.

Но долго разсуждать ей не дали и велѣли взять все, что у ней есть при себѣ.

Пелагея Прохоровна прослезилась, да и прочія женщины смотрѣли на нее съ жалостію. Имъ уже не въ первый разъ приходилось видать женщинъ, уходящихъ изъ каморы со слезами, что означало не выпускъ на волю, а заключеніе въ тюрьму; при видѣ же Евгеніи Тимоѣевны, жалость проявилась даже у болѣе жесткихъ натуръ. Ее ждали до вечера. Вечеромъ ждать перестали.

Теперь Пелагея Прохоровна чувствовала себя одинокою, потому что остальные женщины какъ-то сторонились ея и болѣею частію молчали, или развлекались вновь появляющимися въ каморѣ женщинами. Отъ скуки онѣ шли въ другую камору, несмотря на то, что ихъ оттуда гнали городовые; и къ

нимъ заходили арестантки изъ другой каморы. Скука была страшная.

На третій день, какъ ушла Евгенія Тимоѣевна, Пелагею Прохоровну отпразднили въ Петербургскую часть, откуда ее повели къ кухмистершѣ Овчинниковой. Оказалось, что г-жа Овчинникова уже померла, а дочь ея живетъ у тетки на Пескахъ. Дворникъ того дома на Петербургской, гдѣ жилъ майоръ, сказалъ, что Пелагея Прохоровна была у майора въ кухаркахъ и потомъ переѣхала съ нимъ тогда-то.

Когда Пелагею Прохоровну привели обратно въ часть, то она замѣтила, что полицейскіе, разсматривая какія-то бумаги, хохочуть.

— Ты говоришь, у майора Филимонова жила?—спросилъ Пелагею Прохоровну весело надзиратель.

— У него.

— А сколько времени?

— Мѣсяца полтора.

Полицейскіе опять захохотѣли.

— А славный мы съ него сдеремъ штрафъ и за билетъ, и за адресный.

Пелагея Прохоровна, сообразивши, что полицейскіе смѣются надъ майоромъ, сказала:

— Отпустите меня, ради Христа.

— Отпустимъ, матушка; только удостовѣрися, дѣйствительно ли ты жила у него. Позвать его дворника! сказалъ надзиратель окружающимъ его служащимъ.

Пелагею Прохоровну оставили въ прихожей до дворника.

Черезъ часъ явился дворникъ Филимоновъ. Увидѣвъ Пелагею Прохоровну, онъ опѣшилъ. Видно было, что городской, ходившій за нимъ, хотѣлъ сдѣлать ему сюрпризъ. Надзиратель былъ занятъ, и поэтому дворникъ подошелъ къ Пелагее Прохоровнѣ.

— Что это, что это съ тобою?... Какъ ты это попала-то?

— Вотъ по милости вашей. Зачѣмъ не прописали, што я у майора живу.

Дворникъ струсилъ, сталъ смотрѣть въ свою квяжку и помолчалъ нѣсколько минутъ, какъ бы соображая, что ему теперь сказать въ свое оправданіе.

— Да неужли за это?... Ты бы могла сказать, что пріѣхала изъ Царскаго, али изъ Гатчины; тамъ, молъ, я въ кухаркахъ жила.

— А почему я знаю это Царское?

— Дура! Ты знаешь, чѣмъ это дѣло-то пахнетъ?

— Хороши и вы! по вашей милости сколько я побоевъ-то приняла... Седьмые сутки сижу; еще, пожалуй, засадятъ.

Наконецъ, позвали дворника въ присутствіе вмѣстѣ съ Пелагеей Прохоровной.

— Ты знаешь эту женщину?—спросилъ частный приставъ.

Дворникъ замаялся. Онъ было подумалъ сказать: не знаю, но боялся того, не сдѣлала ли бывшая кухарка его домохозяина чего дурнаго.

— Ну, что же?

— Знаю.

Отъ дворника нужно было каждое слова выжимать, потому что, пмѣя всякаго рода дѣла съ полиціей, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ всегда былъ остороженъ, боясь попасть въ просакъ. Онъ показалъ, когда переѣхалъ въ домъ майоръ Филимоновъ съ женой и кухаркой Пелагеей Прохоровной Мокроносовой; что онъ, дворникъ, съ самаго же начала получилъ отъ майора его бумагу, а о паспортѣ кухарки тревожить его не посмѣлъ, думая, что тотъ долженъ знать всѣ порядки; потомъ прошло недѣли двѣ и дворникъ пошелъ къ майору попросить паспортъ Пелагеи Прохоровны, майоръ былъ не въ духѣ и прогналъ его. Послѣ этого дворникъ еще нѣсколько разъ просилъ у домовладѣльца паспортъ, но тотъ молчалъ или гваллъ прочь, говоря, что паспортъ у него и больше онъ ничего знать не хочетъ.

— А отчего же ты не донесъ полиціи, что у твоего домовладѣльца живетъ женщина безъ прописки?—спросилъ частный.

— Не мое дѣло.

— Такъ вотъ теперь ты узнаешь, чье это дѣло. Запереть его!

Дворнику и Пелагеей Прохоровнѣ приказали идти въ прихожую; дворникъ, понутивъ голову и почесывая затылокъ, медленно пошелъ, а Пелагея Прохоровна обрагилась къ частному.

— Ваше благородіе, меня взяли съ уломъ и говорятъ, што я воровка. Вотъ спросите дворника, онъ мои вещи знаетъ. Онъ знаетъ, въ какое время я ушла отъ лавочника Большакова.

— Какого Большакова?—спросилъ частный.

— А онъ въ домѣ же Филимонова торгуетъ хлѣбомъ и разною разностью. Иванъ Зиновичъ прозывается.

— А!..

— Пожадуй, можно спросить,—сказалъ надзиратель.

Позвали опять дворника и опросили, въ которомъ часу такого-то числа вышла изъ дому Филимонова Пелагея Мокроносова. Тотъ сказалъ, что майоръ прогналъ кухарку за день до этого, а такого-то числа она, неизвѣстно почему, ушла отъ Большаковыхъ.

Привесли узелъ, Аванасій нѣкоторыя вещи призналъ принадлежащими Пелагеей Прохоровнѣ. Узелъ отдали Пелагеей Про-

хоровнѣ и велѣли ей подождать въ прихожей билета на жительство. Въ прихожей Пелагея Прохоровна хотѣла разобрать узелъ, но при людяхъ дѣлать это казалось ей неловко, потому что тутъ было все ея имущество. Дворникъ сердился на Пелагею Прохоровну за то, что, по ея милости, онъ долженъ теперь будетъ сидѣть въ арестантской, и называлъ ее нехорошими словами, попрекая Игнатьемъ Прокопъичемъ.

Наконецъ, выдали Пелагеѣ Прохоровнѣ билетъ и сказали, что она можетъ идти, но о мѣстѣ жительства должна сообщить непременно въ кварталъ черезъ дворника, а за паспортомъ понавѣдаться черезъ недѣлю.

Пелагея Прохоровна очень обрадовалась, и когда вышла изъ части, то почувствовала всю прелесть свободы. Она смотрѣла весело, готова была обнять каждаго человѣка, готова была плакать отъ радости. На слова караульнаго „что стоишь?“ она вздрогнула и пошла машинально направо, не зная сама, куда. Но не прошло и пяти минутъ, какъ она почувствовала усталость, слабость во всемъ тѣлѣ, голодъ; узелъ ей мѣшалъ. Тогда явился самъ собою вопросъ: куда идти?

Быль уже часъ седьмой. Начивали зажигать фовари. Но движеніе въ Петербургѣ какъ будто только что начиналось. Пелагея Прохоровна не знала, въ которую ей идти сторону, и гдѣ найти пріютъ до утра. Она спросила нѣсколько человѣкъ, шедшихъ на встрѣчу: гдѣ бы ей ночевать? но эти люди, оглянувъ ее подозрительно, отвѣчали: не знаемъ. Спросила она городского, тотъ придрался къ ея узлу и не повелъ ее въ часть потому только, что она показала ему билетъ.

Совсѣмъ растерялась Пелагея Прохоровна, присѣла она на панель, стала развязывать узелъ, но дворникъ сталъ гнать.

— Пусти ради Христа ночевать, сказала дворнику Пелагея Прохоровна.

— Я те пущу! Пошла!!

— Дай ты мнѣ хоть деньги-то достать.

Но дворникъ подошелъ съ метлой, которой и замахнулся на Пелагею Прохоровну.

Опять пошла Пелагея Прохоровна и думала о дворникахъ, полиціи, арестантахъ; голова ея кружилась, да и сама-то она шла безсознательно, такъ что, черезъ часъ послѣ ея выпуска изъ части, она опять очутилась недалеко отъ той же части...

„Пойду я въ часть, все едино, опять возьмутъ съ уломъ,“ подумала Пелагея Прохоровна, и вошла въ контору.

— Ты зачѣмъ? спросилъ ее городской.

— Пустите ночевать.

— Ахъ ты, подлая! Пошла вонъ! И Пелагею Прохоровну стада гнать.

— Батюшки, голубчики! укажите, гдѣ ночевать?

Мы тебѣ укажемъ!

— Украдь, и ночлежь будетъ, съостриль другой городской.

— Неужели же у васъ сердце каменное?..

— Гони ее! сказалъ помощникъ надзирателя.

Пелагею Прохоровну выгнали изъ части.

Вышла она на дворъ и задумалась. Начала перебирать вещи; опять прогнали. Ей хотѣлось найти чулокъ, въ которомъ лежали деньги, но и въ этотъ разъ не дали ей добратся до кармана, сдѣланнаго въ платьѣ.

И вотъ идетъ опять Пелагея Прохоровна, усталая, больная и голодная. Народу идетъ и ѣдетъ много, наряднаго и не наряднаго; ѣдутъ кареты, торгаша выкрикиваютъ спички, яблоки, груши, булки; тамъ и сямъ играетъ шарманка, изъ какого-то дома слышится музыка, улица съ обѣихъ сторонъ залита свѣтомъ: горятъ огни во всѣхъ этажахъ, горитъ газъ. Хорошо идти по этой улицѣ; много на ней можно увидеть хорошихъ вещей; но голоднаго человѣка это богатство, это, такъ сказать, сказочное видѣніе, тотчасъ послѣ арестантской каморы, еще болѣе расслабляетъ; еще болѣе ноетъ сердце при видѣ всего этого блеска, еще болѣе является любопытство, прекращающее на время голодъ, и это любопытство тянетъ человѣка идти еще дальше и увѣдѣть еще что нибудь получше. Такъ и Пелагея Прохоровна шла по Невскому; наконецъ предметы стали ей казаться однообразными, и какъ только она вошла на площадь, наступило общее ослабленіе. Она съела и закрыла лицо руками. Слезы не шли изъ глазъ, но въ головѣ ей былъ жаръ.

Къ ней подошло нѣсколько человѣкъ любопытныхъ.

— Что съ тобой? спрашивали они.

Пелагея Прохоровна ничего не понимала,

Подошелъ городской и сталъ разгонять толпу, но толпа росла.

— Она нездорова! Холера! говорили въ толпѣ.

Городовой тормозилъ Пелагею Прохоровну и спрашивалъ, гдѣ она живетъ. Стали объ этомъ спрашивать и въ толпѣ.

Пелагея Прохоровна опомнилась.

— Батюшки! укажите, гдѣ мнѣ ночевать... Я ѣсть хочу,

Нѣсколько человѣкъ отошли отъ Пелагеи Прохоровны; остальные стали совѣтовать городовому отправить ее въ больницу; городской просилъ ее идти, куда она знаетъ, а не сидѣть тутъ и не привлекать народъ.

— Охъ, не могу я идти-то, проговорила она.

— Найми извозчика. Эй, извозчикъ! Отвези ее! кричалъ городской извознику, ѣхавшему тихонько порожнякомъ.

— А есть ли у нея деньги-то?

— Есть, сказала Пелагея Прохоровна.

— Давай сказалъ извозчикъ.

— Вотъ въ узлу.

— Вези, вези... кричалъ городской.

Но извозчикъ стегнулъ лошадь и уѣхалъ..

Пелагея Прохоровна ползлелась. Черезъ полчаса она очутилась на набережной Невы; потомъ пошла по Троицкому мосту.

Дулъ рѣзкій вѣтеръ съ моря; ночь была темная, холодная; по небу плавали густыя тучи, такъ что не видно было на немъ ни одной звѣздочки, волны плескались съ шумомъ и шатали плашкоты. На мосту было пусто: рѣдко-рѣдко развѣ кто проѣдетъ или пройдетъ; Пелагеѣ Прохоровнѣ казалось, что она плыветъ и конца нѣтъ этому мосту.

Безсознательно прошла она площадь, вошла въ Александровскій паркъ и опять силы ей измѣнили; она упала и скоро заснула.

Холодное утро скоро пробудило Пелагею Прохоровну. Когда она проснулась, было не совсѣмъ свѣтло еще. Оглядыла Пелагея прохоровна мѣстность и увидала, что спала въ какой-то ямѣ; сарафанъ ея и узелъ весь запачканъ въ грязи. Развязала она узелъ и стала искать чулокъ съ деньгами, но чулки цѣлы, а денегъ нѣтъ.

Опять пошла Пелагея Прохоровна, еле передвигая ноги. Народу почти не видать; двое извозчиковъ, сидя въ пролеткахъ, спятъ; начинаютъ отпирать лавочки.

Пелагея Прохоровна зашла въ лавочку и попросила Христа ради.

— Богъ съ гобой! сказалъ лавочникъ.

— Батюшко! Я совсѣмъ не знаю, што мнѣ дѣлать...

— Н-ну, не разговаривай. Украла поди узелъ-то? Вотъ городского позову.

— Ужь я просилась и въ полицію,—не берутъ.

Въ другой лавочкѣ ей подали кусокъ чернаго хлѣба. Она очень обрадовалась этому куску и тотчасъ съѣла его. Это удивило лавочника и онъ съ насмѣшкой спросилъ ее:

— Видно ты давно голодаешь-то?

Пелагея Прохоровна рассказала, какъ она отошла отъ мѣста и попала въ часть. Лавочникъ попросилъ у нея паспортъ, и удостовѣрившись въ справедливости ея словъ просмотромъ билета, далъ ей еще хлѣба и посовѣтывалъ идти на Никольскій рынокъ.

XXXII.

Пелагея Прохорова пошла по направленію къ Самсоніевскому мосту, раздвляющему сторону Петербургскую отъ Выборгской. Еще не дошла она до угла нѣсколькихъ шаговъ, какъ увидала выходящихъ изъ одного питейнаго заведенія четырехъ рабочихъ въ рваныхъ полшубкахъ. Они остановились и стали о чемъ-то разсуждать. Сперва Пелагея Прохорова не обратила на нихъ вниманія, но ей опять послышался знакомый голосъ, что ее и заставило посмотреть на рабочихъ. Двое изъ нихъ были невысокіе, съ большими русыми волосами и такими же бородами, много захватившими ихъ щеки; третій былъ высокой молодой мужчина безъ бороды и усовъ, но съ желтымъ лицомъ; четвертый отличался отъ другихъ тѣмъ, что его полшубокъ былъ сшитъ точно изъ клочковъ, которые еле-еле болтались, и на головѣ была фуражка съ оторваннымъ на половину козырькомъ и съ тремя заплатами на верхушкѣ. Онъ былъ молодъ, годовъ шестнадцати, но на видъ казалось гораздо больше, отъ того что на его лицѣ сидѣло много грязи и пыли. Вглядѣвшись въ него хорошенъко, Пелагея Прохорова узнала Панфила Прохорыча. Радость ея была неописанная. Однако, она подошла робко, поклонилась и неловко спросила:

— Вы откуда?

Мужчины захохотали, но молодой человѣкъ сталъ пристально смотреть на женщину.

— Што смотришь? Аль сродни? спросили Панфила товарищи.

— Ты не Панфилъ ли Прохорычъ? спросила робко Пелагея Прохорова.

— Такъ зовутъ... А ты?... Ужь не Пелагея ли? спросилъ не то съ насмѣшкой, не то съ горестью молодой человѣкъ.

— Какъ же, Пелагея Мокроносова!

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ еще на Пелагею Прохоровну и сказалъ:

— Пелагея-то была здоровая, красивая, а ты што?

— Неужли и голосъ не узнаешь?... Вѣдь кажись, вмѣстѣ въ Моргуновомъ-то робыли... Ты еще за фальшивую билетку попался.

— Ахъ ты!!!.. Глядите, роби, — счастье! Сестра вѣдь... Ахъ ты чортъ!...

И Панфилъ Прохорычъ утеръ глаза заскоруждыми руками. Пелагея Прохорова тоже стала утирать глаза.

Товарищи Панфила Прохорыча глядѣли то на Панфила, то на женщину; они то улыбались, то чесали затылки и что-то обдумывали. Ихъ лица выражали словно зависть и какъ будто гово-

рили: „ишь вѣдь, свидѣлись таки!... Экое, подумаешь ты, людямъ счастье!“

Начались распросы. Восторгамъ этой встрѣчи, кажется, и конца бы не было. Но рабочіе сказали Панфилу:

— Пора. Надо переть барку-то кверху.

— Такъ ты гдѣ ино теперь?—спросилъ братъ сестру.

— Безъ мѣста я, и денегъ у меня вѣту—украли. И сама не знаю, гдѣ украли.

— Подемъ ино на барку: у насъ хлѣбъ-то есть, сказалъ братъ.

— Иди, мѣсто будетъ, проговорили рабочіе.

Пелагея Прохоровна пошла за братомъ и рабочими въ барку, и дорогой рассказала брату, какъ она ушла изъ Прикамска и попала въ Петербургъ.

— Ужъ натерпѣлась же я горя въ этомъ Петербургѣ. И если бы знала, что здѣсь такая жизнь, ни за что бы не пошла изъ Пояркова.

— Ну, я тоже въ Поярковѣ робилъ,—народъ собака.

— Не ври; тамъ люди хорошіе и достатошно живутъ.

— Кои тамошніе; а кои пришедшіе, тѣ и работы нескоро найдутъ. Это, можетъ, тебѣ такъ показалось, потому што ты баба. А я тамъ прожилъ съ недѣлю и узналъ, что тамошніе-то жители между собой уговариваются, штобы имъ оттереть пришлыхъ, и смотрителей на пристаняхъ задробиваютъ.

— Ну, а ты-то какъ попалъ сюда?

— Какъ?... Нанялся на баржу до Нижняго, а въ Нижнемъ эту баржу взяли да продали, и мы все, сколько тамъ было, поступили въ службу къ другой компаніи. Ну, нагрузили нашу баржу и потащилъ насъ пароходъ въ Тверь. А въ Твери двое товарищей и говорятъ: пойдемте въ Питеръ, еще поспѣемъ на суда. Ну, и получили расчетъ. Мнѣ досталось пять рублей съ четвертакомъ. Походили по Твери два четыре и нашли еще пятерыхъ—тоже въ Питеръ сбпрались, только ѣхали въ Чудово. Ну, мы поѣхали на чугунокъ и скоро нанялись на барку камень сплавлять.

— Сколько же ты получаешь?

— Да вотъ, какъ камень представимъ, надо бы по десяти рублей получить.

— Пошто же ты оборванъ?

— Пошто!! Поживи, такъ узнаешь. Вотъ ты говоришь: тебѣ нехорошо; а нашему брату и еще лучше.

Наконецъ, вошли въ барку по дощечкѣ. Здѣсь на рѣкѣ были два плота съ плотно сложеннымъ на нихъ сѣномъ, въ срединѣ котораго было устроено подобіе корридора, въ которомъ и спасались отъ дождя рабочіе; далѣе стояла большая лодка, вмѣщавшая въ себѣ до восьми кубическихъ саженой песку, еще

дальше—четыре судна, дожидаясь попутнаго вѣтра, и та барка, на которой находился Панфилъ Прохорычъ. Эта барка не походила на тѣ, которыя видѣла на родинѣ Пелагея Прохоровна: она не имѣла палубы, была нѣсколько овальнѣе, посрединѣ ея не было гребныхъ веселъ. Вся она была нагружена кирпичемъ.

— Ужъ мы въ четвертый разъ этотъ кирпичъ плавимъ съ кирпичнаго завода. А заводъ этотъ недалеко, сейчасъ за Охтой будетъ литейный заводъ, такъ не доходя ево. Сперва плавилъ въ Фонтанку рѣку, потомъ въ Обводный каналъ, потомъ по Обводному же каналу въ Лиговскій каналъ, теперь сюды ужъ въ послѣдній разъ. Говорятъ, скоро ледъ пойдетъ. Нанимали въ Кронштадтѣ, въ море, по двадцати рублевъ давали, да опоздалъ.

— Ты видалъ ли Питеръ-то?

— Вотъ тѣ разъ!.. Да я тамъ вездѣ выходилъ. Чудной этотъ городъ; не вѣрю я, чтобы тебѣ тамъ худо было.

На этой баркѣ было всего шесть человекъ рабочихъ. Панфилъ откачивалъ воду, остальныя чтонибудь стругали, зачинивали въ баркѣ дыры, починивали свои полшубки, а одинъ, сидя въ кормѣ подъ досками, которыя были положены на края барки для того, чтобы было удобно грести и править, варила гречневую кашу на всѣхъ рабочихъ.

Отъ груза, на баркѣ было такъ тѣсно, что всѣмъ приходилось сидѣть на грузѣ, а тамъ гдѣ варилась крупа, можно было умѣститься только двумъ человекамъ и то присѣвъ. Поэтому, рабочіе сидѣли гдѣ попало, спиною къ вѣтру, не обращая вниманія на то, что сквозь дыру рубахъ вѣтеръ сквозитъ на голое тѣло. Пелагея Прохоровна тоже присѣла. Теперь ей было весело; она нашла брата и съ братомъ ей будетъ легче работать.

Между тѣмъ всѣ рабочіе поразспросили Пелагею Прохоровну о ея родинѣ и пребываніи въ Петербургѣ. Двое говорили, что у нихъ жены находятся тоже въ Питерѣ и они видѣлись съ ними раза по три, но онѣ не хвалятъ питерское житье. Начались общія сѣтованія на мужицкую долю, на то, что мужику вездѣ одинакова жизнь, и Питеръ, по ихнему мнѣнію, еще пожалуй хуже, потому что рѣдкій къ концу лѣта не захвораетъ чѣмънибудь.

— Никто и въ Питерѣ-то не хвалится житьемъ. Оно бы и заработокъ ладный, а деньги идутъ и самъ не знаешь на што... И все-таки ни сытъ, ни голоденъ. Еще ладно, если кто на одномъ мѣстѣ долго держится. А какъ свернется съ мѣста, и слоняйся да проживай денежки. Ну, вотъ лѣто-то лѣтенское робишь, бережешь деньги, потому дома оброки да недоимки нужно платить, нужно хлѣба купить; опять и то: объ семьѣ надо позаботиться. Чѣмъ она-то виновата? Прожилъ зиму, и маршь опять сюда; а дома какая нынѣ работа—и по гривеннику на день не заработаешь... И што это за жизнь, Господи! Лѣтомъ живешь одинъ, робишь, робишь; домой пріѣдешь—деньги

издержишь и живешь кой-какъ. И не ходилъ бы домой на зиму, да семью жалко и вздохнуть хочется. А здѣсь жить съ семьей нельзя.

— Отчего нельзя?—спросила Целагея Прохоровна.

— То-то нельзя. Въ деревнѣ-то все жъ свое хозяйство. А здѣсь натко, займись хозяйствомъ-то!

— И подлинно мужицкая жизнь самая скверная, — сказала другой рабочій.

— А я мекаю, здѣшнимъ солдатамъ житье — помирать не надо!

Эти слова были произнесены потому, что по Самсовіевскому мосту прошло нѣсколько ротъ солдатъ съ музыкой.

— Ну, а вотъ нашъ Пантюхинъ сдѣлался куцомъ, а тоже на судахъ сперва ходилъ.

Рабочіе стали смотрѣть на солдатъ и смотрѣли молча до тѣхъ поръ, пока они не скрылись.

— Нѣтъ, и имъ тоже поди служба то о-ей! — сказалъ кто-то.

— Чево о-ей! Я вонъ какъ въ Ижорѣ камень ломалъ, такъ ходилъ къ брату въ Красное, началъ молодой, высокій рабочій. — Ну, и житье ему — умирать не надо! вся служба въ томъ и заключается, штобы на лошадяхъ развѣзжать. А это развѣзжанье, онъ говоритъ, такъ только, чтобы мужики солдатамъ идти не мѣшали, когда солдаты съ ученья идутъ.

— Ну, все жъ солдату трудно.

— Трудно, вотъ коли ученье. Только не люблю я ихъ. Потому, можетъ, не люблю, очень ужъ важничаютъ передъ нашимъ братомъ, ни за што насъ считаютъ. Вотъ хошь бы этихъ городскихъ взять — изъ солдатъ вѣдь?

— Ну, ты потому ихъ не любишь, што въ полиціи сидѣлъ пьяный.

— Нешто я не шелъ на барку?

— То-то! ты дошелъ бы!

— Ну ужъ, што ни говори, а не люблю. Вотъ у брата просилъ денегъ, — не далъ: жениться говоритъ, собираюсь. Я и говорю: што жъ, Овисямъ Пантеленчъ, позовешь меня въ гости? онъ: коли, говоритъ, пальто есть, приходи. Ну, не поддець ли онъ послѣ этого, братецъ-то мой родимый?

Стали хлебать гречневую кашу изъ большого чугуна большими деревянными ложками; Целагею Прохоровну пригласили тоже. Она сидѣла рядомъ съ братомъ и осматривала его фигуру, въ которой находила много перемѣнъ. Рабочіе ѣли молча.

— Вонъ, Панфилъ, ты и сестру нашелъ. Чать, ужъ не пойдешь болѣ на суда али на барки? — спросилъ молодой рабочій Панфила Прохорыча.

— Куда пойдешь? Надо што вибудь работать.

— Ты што умѣешь-то?

— Ковать умѣю.

— Ой-ли?.. Гдѣ ты этой наукѣ обученъ?

— Дома я въ заводѣ робилъ... Наши заводы не вашпмъ чета: у насъ заводъ не меньше города.

И Панфиль сталъ рассказывать, что такое горный заводъ, но такъ какъ кашу скоро съѣл, то этотъ рассказъ не былъ оконченъ, да и рабочихъ онъ мало интересовалъ и они глядѣли больше на рѣку и на фабрики. Вообще рабочіе были народъ молчаливый, точно тяжелая работа отбила у нихъ всякую охоту къ разсужденію.

Панфиль сталъ откачивать воду, рабочіе принялись отчаливать барку, а Пелагея Прохоровна сидѣла посреди барки и смотрѣла, какъ ея братъ откачиваетъ воду.

— Ты за это занятіе десять-то рублей получишь?—спросила она брата.

— За это. На этой баркѣ-то я ужъ четвертый разъ плыву, вотъ за всѣ разы мнѣ и назначили десять рублей.

— А хлѣбъ-то чей?

— Мой: впередъ деньги взялъ. Ужъ теперь почитай рублей пять взялъ.

Барка плыла по теченію. Хотя рабочіе и употребляли въ дѣло шесты, но барка шла сама, и только приходилось работать на кормѣ и на носу. Рабочіе ругались, если барку поворачивало въ которую нибудь сторону, или на нее чуть чуть не наплывалъ маленькій пароходъ съ двумя десятками пассажировъ, или большая лодка съ мебелью, которую плавили съ дачи.

Наконецъ, пристали недалеко отъ какихъ-то казармъ. Лоцманъ, заступивши мѣсто прикащика и обязанный отъ подрядчика доставить сюда кирпичъ въ цѣлости, ушелъ въ казармы, а рабочіе, оставивъ Панфила Прохорыча караулить барку и отливать воду, ушли на берегъ розыскивать: гдѣ бы имъ поѣсть.

Пелагея Прохоровна осталась съ братомъ.

Нѣсколько минутъ они сидѣли молча.

— Гдѣ-то наши? спросилъ вдругъ Панфиль Прохорычъ.

— Я сперва объ нихъ долго думала, а теперь ужъ не думаю. Поди, и имъ, Панфиль, не лучше нашего?

— Кто ево знаетъ. Я вотъ какъ на пристани робилъ, мнѣ говорили, что на желѣзной дорогѣ хорошо робить: денегъ много даютъ. Хотѣлъ идти и не пошелъ, потому не съ кѣмъ было, и народъ все какой-то осторожной. Я вотъ по чугункѣ ѣхалъ, такъ, говорятъ, на желѣзной дорогѣ народу мретъ много и порядки тамъ дурацкіе.

— Поди, и они тамъ померли.

— А вотъ што-то нашъ дядя. Поди, богатѣй теперь сталъ. Пелагея Прохоровна задумалась.

— А ты, сестра, ноиѣ больно худа сдѣлалась.

— Нездоровится мнѣ што-то, братчикъ. Вотъ какъ этотъ проклятый майоръ прогналъ меня въ одной рубахѣ, такъ и въ тѣ поры вѣрно простудилась.

— Ну, ничего... А знашь, што я думаю: будемъ вмѣстѣ робить?

— Будемъ... Я еще скажу тебѣ, братчикъ, когда я жила у майора, такъ тамъ въ домѣ жилъ мастеровой Петровъ. Я на него и вниманья сперва не обращала, а онъ все выслѣживалъ меня.. А такой умной и видно работящій; видно, что онъ будетъ лучше нашихъ заводскихъ... Такъ онъ мнѣ што сказалъ: будьте, говорить, въ кухаркой на рабочихъ.

— Ну такъ што?

— Ну, онъ говорить, што найдетъ рабочихъ и тутъ же жить будетъ. Только это мнѣ не нравится: што будутъ говорить люди?.. Я ужъ совсѣмъ думала назадъ идти въ Поярковъ...

— Ну, въ Поярковъ не стойтъ, потому тамъ работа только лѣтомъ, а зимой, говорятъ, и городскіе-то жители лѣтніе заработки проѣдаютъ.

Итакъ, Пелагея Прохоровна рѣшила остаться съ братомъ въ Петербургѣ и работать гдѣ нибудь на фабрикѣ.

XXXIII.

Ночевавши въ баркѣ подъ крышкой, утромъ на другой день Пелагея Прохоровна чувствовала себя бодрѣе, и какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующіе чегыре дня, катала въ телѣжкахъ съ барки во дворъ казармъ кирпичи. Хотя заработокъ былъ и небольшой—тридцать копѣекъ въ день, съ шести часовъ утра до сумерекъ, и работа не совсѣмъ легкая, но она находила это занятіе не въ примѣръ лучше ея жизни у майора и кухмистерши. Здѣсь ее никто не смѣлъ обругать, не къ чему было придрать-ся, рабочіе барки уважали ее, какъ сестру ихъ молодого товарища, и имъ даже было веселѣе въ ея обществѣ, потому что они давно уже не бывали въ обществѣ женщинъ; хотя же солдаты изъ той казармы, куда разгружали кирпичъ, и подмазывались къ Пелагеевѣ Прохоровнѣ, но она одного оборвала, другому что-то замѣтила непріятное, а потомъ и они стали вѣжливы. Ъла она хотя и не по вкусу, но наѣдалась до сыта; одно было непріятно, что приходилось спать подъ открытымъ небомъ, безъ защиты отъ вѣтра и дождя. Такихъ постоянныхъ избѣ, гдѣ бы можно было нанять почлегъ, здѣсь не было; да и рабочіе говорили, что имъ уже не много остается терпѣть. По мѣрѣ выгрузки изъ барки кирпича, становилось меньше работы Пан-

филу Прохорычу, такъ какъ края барки становились все выше и выше надъ водой, и вода сочилась только сквозь дно. Поэтому и Панфилъ Прохорычъ тоже каталъ въ телѣжкѣ кирпичи. На баркѣ не знали, какой сегодня день, и потому работали ежедневно, стараясь кончить; за провизіей ходили въ лавочки, потому что на рынокъ идти было далеко, да и туда ни одинъ идти не рѣшался, боясь заблудиться; Пелагея Прохоровна покупала не поручали, хотя она и вызывалась, на томъ основаніи, что ей не донести пяти ковригъ хлѣба. Пелагея Прохоровна прожила на баркѣ пять сутокъ, и ей казалось, что она живетъ въ такомъ обществѣ, которое нисколько не похоже на остальные, потому что живетъ она на рѣкѣ, и спитъ въ баркѣ, подъ открытымъ небомъ. Ходитъ она въ мокрыхъ ботинкахъ и чулкахъ, и еле-еле высыхаетъ ее одежонка около костра, который разжигался изъ лишнихъ досокъ на баркѣ, или изъ дровъ, которые рабочіе воровали на берегу. Она видѣла и на себѣ ощущала, какъ тяжела жизнь рабочихъ на рѣкѣ, но находила тутъ все-таки больше свободы, чѣмъ въ ея положеніи у майора и у кухмистерши. Ей нравились эти люди, дружно работающіе и рѣдко ссорящіеся между собою и дѣлящіе хлѣбъ и заработокъ поровну, но и это не удовлетворяло ее. „Неужели нельзя имъ робить што нибудь другое—они мужчины,“ думала она, но тутъ же узнала, что эти рабочіе только и умѣютъ, что дома строить по сельски, ломать камни и обжигать кирпичи, а этой работы въ Питерѣ мало, да и рабочихъ рукъ на эту работу много.

Ей было непріятно, что Панфилъ по утрамъ и по вечерамъ уходитъ съ рабочими въ питейныя заведенія. Хотя она и думала, что они пьютъ съ холоду, но то скверно, что братъ можетъ втянуться въ водку, станетъ пьянствовать и никогда не будетъ имѣть денегъ; а это дѣло скверное. Стала она ему совѣтовать—пить вмѣсто водки чай, — онъ разсердился, рабочіе улыбнулись.

— Вотъ и видно, што ты не нашего сорта, сказалъ молодой высокій рабочій. — Мы къ этому чаю непривычны, и если пьемъ, такъ въ гостяхъ у старшины, или у десятскаго на именинахъ. На именинахъ, знамо, все вали; пословица говорится: „въ крестьянскомъ брюхѣ и долото сгниетъ.“ А здѣсь намъ не до чаю; проклажаться-то—еще простудишься.

А Панфилъ на шестыя сутки былъ такъ пьянъ, что его на рукахъ принесли въ барку, и онъ долго ругался. Пелагея Прохоровна плакала и сѣтовала на рабочихъ, которые втягиваютъ мальчишку въ пьянство.

— А штожь ему не пить-то? съ тобой штоль обниматься?.. каки таки ты ему радости предоставишь? проговорилъ недовольно одинъ изъ рабочихъ.

Слова эти показались Пелагея Прохоровна справедливыми. Сердце ея стало ныть отъ предчувствія, что изъ брата ничего

хорошаго не выйдетъ. Она стала на колѣни, заплакала, стала молить Бога, чтобы онъ спасъ ея брата, и потомъ легла съ надеждой, что не все же такая жизнь будетъ.

Очистили барку. Лоцманъ сходилъ къ подрядчику, получилъ деньги и роздалъ рабочимъ. Павиль Прохорычъ получилъ пять рублей. Всѣ собрались на баркѣ.

— Ну, куда теперь, робя? началъ одинъ рабочій.

— Ужъ теперь плавать не придется: гляди, скоро ледъ пойдетъ.

— А денегъ-то маловато. Теперь надо обувь купить; не такъ же изъ Питера придти-то. Хозяйкѣ тоже надо—платокъ просила. А денегъ-то, гляди, восемь цалковыхъ. На дорогу ещо надо.

Рабочіе задумались. Половина изъ нихъ рѣшила остаться въ Питерѣ и отослать заработокъ по домамъ, другіе тоже хотѣли остаться, но ихъ тянуло домой. Всѣмъ работавшимъ лѣто вмѣстѣ тяжело было разставаться и хотѣлось немного повеселиться. Поговорили было о томъ, не сходить ли на Сѣвную, чтобы потолкаться тамъ, или, какъ говорятъ рабочіе, посмотрѣть Питеръ, потомъ найти квартиру. Но такъ какъ идти на рынокъ было не близко и уже поздно, то всѣ пошли дѣлать спрыски; стали звать и Пелагею Прохоровну. Та отговаривалась тѣмъ, что ей идти не ловко, но она хотѣла выпить чегонибудь тепленькаго, чтобы отогрѣться; денегъ у нея было около полутора рубля, и она пошла. Павиль отдалъ ей на сбереженіе и свои деньги.

Рабочіе вошли въ одну изъ харчевенъ, примыкавшую къ трактиру. Какъ харчевня, такъ и трактиръ съ номерами помѣщались въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ отдѣльно другъ отъ друга; ихъ содержалъ мѣщанинъ Сидоръ Данилычъ. Фамилію его изъ рабочихъ посѣтителей никто не зналъ. Это былъ толстый, средняго роста пожилой мужчина, съ круглою, рѣдкочерною бородкою и черными, короткими, всегда примазанными саломъ волосами. Лицо его было полное, выражало постоянно спокойствіе и невозмутимость, какъ будто увѣряло, что Сидоръ Данилычъ съ малыхъ лѣтъ находится при трактирахъ, видалъ всякихъ людей и переслушалъ всякой всячины. Онъ знаетъ все, что относится до жизни рабочаго, афериста и торгаша, его учить нечего; знаетъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ можно выбиться изъ такого-то положенія, на что стоить обращать вниманіе, на что не стоить и т. д. Сидоръ Данилычъ давно уже занимаетъ трактиръ съ харчевней, которые ему приносятъ большіе барыши, и эти барыши онъ извлекаетъ отъ рабочихъ, которые, при расчетѣ, предпочитаютъ его заведеніе другимъ, можетъ быть, потому, что онъ вѣритъ въ долгъ и со всѣми одинаковъ. Онъ говоритъ октавой, не возвышая и не понижая тона ни въ какихъ случаяхъ, такъ что вызвать съ его стороны крикъ довольно трудно. Онъ въ своемъ заведеніи сидитъ гдѣ

попало, потому что у него есть сынъ двадцати двухъ лѣтъ, высокій худощавый брюнетъ, пошедшій относительно наживы денегъ въ отца, и съ которымъ не могутъ ужиться подручные, такъ какъ онъ до тонкости свѣряетъ всякіе счеты, и украсть изъ-подъ его рукъ довольно трудно. Только деньги мало идутъ ему въ прокъ, такъ какъ онъ хотя уже и женатъ, но любитъ всякую компанію въ другихъ гостинницахъ, которыя посѣщаютъ господа. Зная эту слабость Ивана Сидорыча, Сидоръ Данилычъ сидитъ попеременно—или днемъ въ трактирѣ, а вечеромъ въ харчевнѣ, или днемъ въ харчевнѣ, а вечеромъ въ трактирѣ; онъ ни одного дня не пропуститъ, чтобъ не посидѣть въ которомъ нибудь заведеніи. Харчевня состояла изъ трехъ комнатъ, изъ коихъ въ первой, тотчасъ по приходѣ съ улицы и самой большой, стояла выручка, полки съ налитой водкою, желѣзная печь съ такой же трубой, протянутой вдоль потолка къ окну. За выручкой сидѣлъ теперь самъ Сидоръ Данилычъ и что-то считалъ на счетахъ. На немъ надѣтъ былъ черныи дубленый полушубокъ, во рту онъ держалъ гусиное перо. Въ этой комнатѣ, оклеенной старыми сѣрыми обоями, со множествомъ лубочныхъ раскрашенныхъ картинъ, подъ которыми были напечатаны или русскія и малороссійскія пѣсни, или безграмотные стихи, стояло пять столовъ небольшой величины и нѣсколько деревянныхъ стульевъ. Посѣтителей тутъ теперь не было.

— Сидору Данилычу!—сказалъ молодой высокій рабочій, снимая шапку.

Сидоръ Данилычъ поглядѣлъ на сказавшаго, оглядѣлъ вошедшихъ и сталъ считать на счетахъ.

— Аль спѣсивъ сталъ!—не узналъ Егора Шилова.

— Проходите, молодцы, проходите.

Мальчикъ повелъ пришедшихъ въ другую комнату съ двумя окнами, въ которой также стояла желѣзная печь съ трубой, проходящей въ третью комнату съ однимъ, не очень свѣтлымъ окномъ. Комната эта была оклеена старенькими палевыми обоями, и въ ней стояло четыре стола. За однимъ изъ нихъ сидѣло четверо мастеровыхъ—двое въ тиковыхъ, засаленныхъ халатахъ, двое въ пальто, съ передниками, зачерненными до нѣльзя; у всѣхъ были лица черныя, руки тоже черныя.

Рабочіе усѣлись за два стола. Лоцманъ потребовалъ полуштофъ. Пелагея Прохоровна стала-было отговаривать брата отъ участія въ водкопитіи и уговаривала пить чай, но товарищи Панфила сказали, что здѣсь въ харчевнѣ чаю нѣтъ, потому что здѣсь черная половина.

— Это ты откуда, братецъ, взялъ, что здѣсь черная половина?—спросилъ одинъ мастеровой, вставая и набивая свою трубку табакомъ.

— Коли не черная! чаю не подаютъ, — въ трактиръ посылаютъ.

— А знаешь ли ты, что такое черная половина?

— Ты не приставай, обидѣлся молодой, высокій рабочій.

Появилась водка, стаканы; лощманъ налил стаканы, налил и Пелагеѣ Прохоровнѣ. Та стала отказываться.

— Ну, полно! здѣсь мы съ тебя деньги не возьмемъ: мы по-дружески. Пей.

— И эта барышня тоже съ вами на судахъ работала?—спросилъ опять мастеровой съ трубкой.

— Нешто нельзя бабѣ на судахъ робить?

— Самое послѣднее дѣло, я тебѣ скажу, если баба чѣмъ инымъ прокормиться не въ состояніи.

— Это вѣрно, — подтвердили товарищи мастерового.

Наши рабочіе не возражали. Мастеровые отстали; они разговаривали между собой о своихъ фабричныхъ мастерахъ, десятскихъ, о заработкѣ; рабочіе съ своей стороны рассказывали впечатлѣнія по сплаву камня, и между разговоромъ скоро роспили полштофъ, закусывая рѣдью и ржаными сухариками.

— Похлебать бы чего, робята?—предложилъ лощманъ.

Оказалось, что въ харчевнѣ есть щи. Принесли на столъ двѣ небольшія деревянныя чашки, двѣ деревянныя тарелки, на которыхъ на каждой было мяса фунтовъ по пяти и ложки; хлѣба для щей отъ харчевни не полагалось.

Одинъ изъ рабочихъ сходилъ за хлѣбомъ и принесъ съ собой фунта три ситнаго и полфунта тешки, что вызвало смѣхъ его товарищей.

Однако щи оказались — одна вода, безъ крупъ и капусты, и холодныя до того, что въ нихъ плавало сало; чистаго мяса было не больше двухъ фунтовъ, да и то жесткое, остальное — все кости.

— Ну ужъ и ѣда? угостилъ Егорка Шиловъ!—говорилъ лощманъ.

— И на этомъ говори спасибо. Аль лучше ѣдалъ?

— Подемте въ трактиръ.

— Ну, вѣтъ... Все равно, ись надо, потому послѣ насъ ись не стануть... Эй, мальчонко, вали полштофъ!—говорилъ Шиловъ.

Рабочіе стали одобрять Шилова и бранить харчевню.

— Што ни говорите, а супротивъ здѣшней харчевни едва ли гдѣ другая устоитъ. Ужъ я гдѣ-гдѣ не былъ. И по московской машинѣ ѣзжалъ изъ Тосны, и изъ Царскаго и изъ Краснаго по петергофской, вездѣ въ тѣхъ краяхъ харчевни хуже здѣшней. Пра! Здѣсь ящо благодать.

— А ты што же въ Царскомъ-то дѣлалъ?—спросилъ мастеровой Шилова.

— Тамъ за Ижорой камень ломалъ.

— Выгодно?

— Я зимой робилъ; ну, такъ за сажень платили по цалковому на своихъ харчахъ.

— Мало. Чать сажени-то въ день не наломаешь?

— Каковъ камень... Иной камень такой твердой, што порохомъ надо брать, на такое ужъ мѣсто попадешь. Ну, тогда, конечно, берешь и посутошно—цалковый и съ укладкой вмѣстѣ. А ежели теперь камень ломкой—знай только подковыривай ломомъ. Тогда и полторы сажени наломаешь. Вотъ кабы лошадь своя была, возить бы сталъ къ рѣчкѣ на пристань—тоже по цалковому за сутки платятъ.

Двое рабочихъ закурили трубки, отъ нихъ попросили закурить и мастеровые.

— Ну, а теперь какъ же вы?—спросилъ мастеровой, раскуривая трубку у судорабочаго.

— Да кои по домамъ, кои здѣсь остаются.

— Ну, теперь по вашему-то занятію врядъ ли будетъ работа. Ваша работа, што наша: мы вашу не умѣемъ, вы нашу.

— И што это за работа! Вотъ наша работа, такъ работа,—сказалъ съ гордостію другой мастеровой.

— Кто спорить—вы кузнецы, по облику видно.

— То-то и есть.

— Што вы хвалитесь-то! вскричалъ Панфиль Прохорычъ.— Вы думаете, што только вы и есть люди, а мы и не люди!

Мастеровые захохотали.

— Чево смѣтеть? Вы думаете, и мы не умѣемъ полосы лить, али въ горнахъ огонь раздувать, али по ремню наждакомъ сталь шлифовать?—проговорилъ съ азартомъ Панфиль Прохорычъ и покраснѣлся.

— Э-э! Ты, братъ, вѣрно слыхалъ что нибудь отъ людей.

— Не слыхалъ, а самъ робилъ въ заводѣ.

— Што про это говорить! А знаешь ли ты, што такое буравъ?

Панфиль Прохорычъ рассказалъ.

— Штожь, тебя нѣмецъ мастеръ прогналъ, што-ли?

Панфиль Прохорычъ рассказалъ про свое житье въ заводѣ. Онъ долго толковалъ имъ устройство горныхъ заводоу и спорилъ насчетъ плавки металловъ. Оказалось, что питерскіе мастеровые имѣють смутное понятіе о происхожденіи чугуна и желѣза, потому что этотъ матеріалъ они получаютъ въ готовомъ видѣ и перерабатываютъ на разные вещи. Горюновъ хвастался тѣмъ, что они, петербургскіе мастеровые, можетъ

быть, перерабатываютъ то желѣзо или ту мѣдь, которую онъ, съ своими земляками, сперва добывалъ изъ земли въ видѣ руды, а потомъ плавилъ, и начиналъ разсказывать, какимъ образомъ добывается руда и т. д.; но петербургскіе мастеровые и тутъ задѣли его за живое, сказавъ, что у нихъ на фабрикѣ употребляется въ работу только англійское желѣзо, а сибирское желѣзо ни почемъ, и имъ только обиваютъ крыши.

Скоро, послѣ разговора, трое мастеровыхъ ушли, а четвертый остался. Онъ сказалъ, что на квартиру не пойдетъ, вздремнетъ здѣсь, а вечеромъ что Богъ дастъ.

Вошелъ хозяинъ, оглядѣлъ нашихъ рабочихъ.

— Ну што? Кончили?—спросилъ онъ, обращаясь къ Егору Шилову.

— Будетъ. А все-таки, Сидоръ Данилычъ, плоховато, больно плоховато становится годъ отъ году.

— Это ужъ такъ. Теперь вотъ желѣзная дорога много портитъ вашему дѣлу, ну опять и народу нонѣ много. Нынѣ я посмотрѣлъ на желѣзной дорогѣ, такъ народу, братецъ ты мой, изъ Питера страсть што ѣдетъ. Это полонъ вокзалъ; билетовъ даже не достало. Такъ половина и не уѣхала. И это еще ничего, а то человѣкъ двадцать и билеты взяли да и въ вагоны не попали—некуда.

— Въ другой разъ уѣдутъ.

— Ну, нѣтъ. Я было имъ посовѣтовалъ просить обратно деньги—не даютъ. Я взялъ два билета и пошелъ къ начальнику станціи, сталъ просить деньги—не даютъ. Зачѣмъ, говорить опоздали? Мы, говорить, и билетовъ выдаемъ столько, сколько въ вагонахъ можетъ приблизительно помѣститься народу, поэтому мы, говорить, и кассу ранѣ забираемъ. Такъ-то. А прежде не то было. Худое, должно быть, житье въ Расеѣ.

— И не говори.

— А! Потемкину! Што, другъ сердешный? — проговорилъ Сидоръ Данилычъ весело, подойдя къ оставшемуся мастерскому.

Мастеровой снялъ фуражку и принялъ прежнее положеніе.

— Али старуха опять?

— Чево и говорить!

Сидоръ Данилычъ старался добиться отъ Потемкина слова, но тотъ упорно молчалъ, глядя въ полъ. Сидоръ Данилычъ пошелъ.

— Сидоръ Данилычъ... голубчикъ...

— Что, вѣрно, недопито?

— Все пропито... Дай косушечку, голубчикъ.

— Ну, нѣтъ.

— Сидоръ Данилычъ... Эхъ! — Потемкинъ всталъ. — Али ты меня не знаешь?.. Семь лѣтъ я къ тебѣ хожу.

— Знаю, Потемкинъ, знаю... Только, братъ, ты заболовался много.

— Вчера же я тебѣ отдалъ трешникъ.

— А обѣщаль сколько?.. Нѣтъ, братъ, шалишь! Ты у меня обманомъ-то на одной недѣлѣ на три цалковыхъ забралъ.

— Сидоръ Данилычъ!

— Будь спокоенъ, не дамъ. Иди куда хошь... Ахъ, Потемкинъ! человекъ-то ты хорошій, по шестидесяти рублей заработываешь...

— При людяхъ-то хоть бы не страмилъ... Къ Богу, ходить къ тебѣ перестану.

Сидоръ Данилычъ ушелъ, а Потемкинъ сѣлъ къ печкѣ и задумался.

У нашихъ рабочихъ былъ только что подавъ подуштокъ. Видя болѣзненную фигуру петербургскаго мастераваго, пренебреженіе къ нему хозяина харчевни и его мольбы объ водкѣ, и думая, что онъ будетъ радъ выпить даромъ стакачикъ, Егоръ Шпловъ сказалъ ему:

— Эй ты, какъ тебя?

— Потемкинъ.

— Иди сюда.

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Мы угостимъ тебя.

— Убирайтесь вы къ чорту!

— Нѣтъ, другъ, выпей... Мы отъ души.

— Што у васъ, много денегъ, что ли? Удивить меня хотите?

— Ну, полно, выпей.

— Не стану... Я еще не нищій и не хочу, чтобы меня укорили тѣмъ, что я водку Христа-ради пью.

— Ты, вѣрно, только самъ угощать любишь, ишь какой баяринъ!—сказалъ Панфилъ Прохорычъ.

— Я съ тѣми пью, кого знаю.

— А мы, по твоему, што такое?—присталъ Егоръ Шпловъ.

— Глупъ, братецъ, ты, и больше ничего. Неужели я не знаю по обличью, что вы судорабочіе.

— Отчего же ты не пьешь?

— Не хочу. Кампанія ваша мнѣ не по сердцу; о чемъ я, столяръ, стану толковать съ судорабочимъ? Нешто мнѣ интересно, што у васъ тамъ творится! также и вамъ со мной скушно будетъ, если я насчетъ своего ремесла стану говорить. Да я вотъ еще о своемъ занятіи и говорить сегодня не намѣренъ, и сiju потому, что мнѣ здѣсь очивно хорошо. И если бы хозяинъ далъ косушку, еще было бы лучше, потому я скоро бы заснулъ... Я сегодня молчать хочу и буду молчать.

И Потемкинъ нахлобучилъ на лобъ фуражку, обнялъ руками трубку и уперся на печь.

Наши рабочіе очень захмѣлѣли къ вечеру и потому ужь не могли идти гулять. Пелагея Прохоровна хотя и не пила водки, но у нея разболѣлась голова отъ табачнаго дыма и начинало болѣть горло. Она звала брата искать постоялый дворъ, но онъ не хотѣлъ отстать отъ компаніи. Поэтому она ушла на барку, выдавъ брату, по его настойчивой просьбѣ, два рубля. Въ баркѣ она устроила себѣ гвѣзду подъ досками, но не могла долго уснуть. Ночью явился Панфилъ съ Егоромъ Шиловымъ и еще другимъ судорабочимъ, Фроломъ Яковлевымъ.

Утромъ у Пелагеи Прохоровны заболѣло горло.

— Што это, какъ у меня горло заболѣло? Прежде болѣло, да не такъ.

— Пройдетъ. Вотъ сегодня найдемъ квартиру, завтра въ банѣ выпаришься и пройдетъ, — говорилъ Егоръ Шиловъ.

— И у меня тоже горло болитъ, — сказалъ Панфилъ, какъ бы желая показать товарищамъ, что на болѣзнь нечего обращать вниманія.

Наконецъ, пошли нанимать квартиру съ Егоромъ Шиловымъ, который оставался въ Петербургѣ и хотѣлъ поступить куда нибудь на фабрику или возить зимой снѣгъ и разныя нечистоты. Онъ слыхалъ, что этимъ занятіемъ крестьяне много въ зиму зашибаютъ денегъ. Егоръ Шиловъ былъ знакомъ съ Петербургской и Выборгской стороною; было у него нѣсколько пріятелей изъ мастеровыхъ, и поэтому онъ зналъ, гдѣ больше живутъ рабочіе разныхъ фабрикъ и заводовъ, а попавши на квартиру къ рабочимъ, онъ скорѣе рассчитывалъ поступить на мѣсто.

Было воскресное утро и поэтому народу на набережной было мало, кабаки заперты и около нихъ нѣтъ ни одного человѣка, только въ воротахъ дровяныхъ дворовъ и въ мѣстахъ, примыкавшихъ къ фабрикамъ и заводамъ, толпился рабочій людъ. Нѣсколько заводовъ, несмотря на праздникъ, были въ дѣйствиіи, и тамъ тоже рабочаго люда безъ дѣла не видѣлось.

— Пелагеѣ Проховнѣ! — услышала Мокроносова голосъ Петрова.

Пелагея Прохоровна остановилась. Изъ одной кучки, человѣкъ въ двадцать, стоявшихъ наискосокъ отъ воротъ дровянаго двора, отошелъ на встѣчу Пелагеѣ Прохоровнѣ Игватій Прокопъичъ. На немъ надѣто было пальто на ватѣ, крытое чернымъ драпомъ, на ногахъ триковыя брюки и на шеѣ ситцевой розовый платокъ; на головѣ была новенькая фуражка, на ногахъ простые сапоги. Онъ курилъ папирску. Во всемъ этомъ нарядѣ Пелагея Прохоровна не скоро узнала Петрова.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ онъ.

— Да вотъ брата я розыскала—камень плавилъ.

— Поздравляю. А вы, молодой человѣкъ, какъ теперь думаете?

Панфилу Прохоровичу показалось, что этотъ франтъ издѣвается надъ нимъ, называя его молодымъ человѣкомъ; Петровъ ему сразу не понравился и онъ не отвѣтилъ на вопросъ.

— Ну-съ, а я все знаю-съ... Я вчера былъ въ домѣ Филимонова, продолжалъ Петровъ:—дворникъ-то цѣлыя сутки просидѣлъ въ части, требовали и майора—нейдетъ; къ нему опять повѣстку, а наконецъ и сама полиція пріѣхала, стали съ него взыскивать деньги за непрописку васъ. Теперь онъ въ водянкѣ и Вѣра Александровна очень ухаживаетъ за нимъ.

— Што жъ, и кухарка есть?

— Какъ же. Старушонка какая-то. Ну, гдѣ же вы поселились?

— Мы идемъ квартиру искать.

— Постойте... Молодой человѣкъ, вы къ чему приспособлены, то-есть къ какому ремеслу?

— Это мое дѣло!—отвѣчалъ нехотя Панфилъ.

— Какой ты, Панфилъ, неучъ, вотъ и видно, все съ судорабочими бы тебѣ жить!

— Видите ли, я почему спрашиваю. Квартиры у насъ вы, пожалуй, не скоро сыщете, потому что здѣсь по нашему вкусу мало квартиръ, и поэтому рабочіе каждой фабрики или завода живутъ отдѣльно отъ рабочихъ другихъ фабрикъ; это ужъ рѣдкость, чтобы въ томъ же домѣ жило нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ фабрикъ и заводовъ; къ тому же, здѣсь и домовъ большихъ нѣтъ. Ну, если вы хотите найдти квартиру для себя, то вамъ какую же надо квартиру? Рабочее семейство васъ всѣхъ не приметъ, потому что оно васъ не знаетъ; нанимать цѣлую квартиру—двѣ комнаты съ кухней—еще не отдастъ домохозяинъ; скажетъ: можетъ, еще мазурики какіе... Право. А вотъ, если вашъ братецъ захочетъ съ нами работать на литейномъ заводѣ, тогда мы легко сыщемъ квартиру.

— А мнѣ тамъ можно робить?—спросила Пелагея Прохорова.

— Нѣтъ, у насъ женщины не работаютъ. Вотъ тутъ недалеко обойная фабрика была, назадъ тому два года работали и женщины, только теперь женщинъ тамъ замѣнили мальчиками. А то, если хотите, можно на сахарный заводъ поступить.

— А сколько тамъ платятъ?

— Ну, вы ужъ и объ цѣнѣ!... Вамъ копѣекъ сорокъ дадутъ, не больше. Если вы хотите, то я схожу къ Лизаветѣ Фодосевнѣ. Она вотъ тутъ за дровинымъ дворомъ съ сестрой е съ мужемъ живетъ, у ней теперь есть комната, потому вчера ихній ялецъ повздорилъ съ ними и вечеромъ же перешелъ на дру-

гую квартиру. Сестра-то Лизаветы Ѳедосѣевны на сахарномъ заводѣ работаетъ, такъ вотъ вамъ и легко будетъ поступить туда.

— А развѣ у васъ трудно на заводы поступить?

— То-то, что у насъ, молодой человекъ, въ народѣ никогда нѣтъ недостачи и нашему брату, мастеровому, тоже хочется, чтобы всѣ работали поровну, а то за что же другой будетъ получать деньги, не умѣя ничего дѣлать? Поэтому у насъ мастера и не нуждаются въходящихъ, говорятъ, не надо, а если такого человека никто въ заводѣ или фабрикѣ не знаетъ, то его осмѣютъ рабочіе, и ему не попасть туда. А если онъ съ кѣмъ нибудь работалъ прежде гдѣ нибудь, или просто знакомъ, тогда его примутъ тотчасъ же, и уже за него въ отвѣтъ тотъ, который рекомендовалъ его.

Петровъ ушелъ во дворъ. Свободные рабочіе пристали къ Панфилу Прохорычу и Егору Шилову и стали острить надъ ихъ произношеніемъ, но Панфиль скоро заинтересовалъ ихъ всѣхъ знаніемъ мастерскихъ оборотовъ и своими остротами, такъ что всѣ мастерские рѣшили, что этотъ оборвышъ непременно сострипалъ какую нибудь штуку на какой нибудь фабрикѣ или заводѣ, почему и слоняется по судамъ. Съ своей стороны, Панфиль Прохорычъ видѣлъ въ этихъ мастеровыхъ людей гораздо болѣе рѣчистыхъ и съ болѣею сметкою, чѣмъ мастеровые его родины.

Съ Егоромъ Шиловымъ почти не разговаривали и онъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Панфиль, я пойду!—сказалъ онъ.

— Куда ты пойдешь? живи съ нами.

— Что онъ, женихъ твоей-то сестрѣ, што ты его приглашаешь?—спросилъ Панфила одинъ молодой мастеровой.

— Глупъ, братецъ ты, и больше ничего,—сказалъ разсердившись Егоръ Шиловъ и пошелъ прочь.

Мастеровые захотали. Егоръ Шиловъ ушелъ, не простившись ни съ Панфиломъ, ни съ его сестрой.

— Нанялъ, за два рубля одна комната. Пойдемте,—сказалъ Петровъ, выходя изъ-за палѣтницы.

Пелагея Прохорова и братъ ея поселились на квартирѣ у мѣщанки Лизаветы Горшковой.

XXXIV.

Дѣль, въ которомъ жила Лизавета Ѳедосѣевна Горшкова, былъ полукаменный. Нижній этажъ, сложенный изъ кирпича, когда-то вмѣщалъ въ себѣ лавки, но теперь на немъ не только

не было штукатурки, но не было даже и дверей тамъ, гдѣ когда-то были лавки. Во второмъ деревянномъ этажѣ съ девятью окнами, выходящими къ деревянному двору, рамы были съ разбитыми стеклами съ замазанными бумагой или просто заткнутыми тряпкой дырками. Къ этому этажу со стороны деревянаго двора была сдѣлана крутая лѣстница съ перилами, лѣстница очень старая, съ ступеньками прикрѣпленными бичевками, такъ что невольно думалось, что тутъ, въ этомъ этажѣ, живутъ не рабочіе, а какіе нибудь другіе люди, которые или не дорожатъ своею жизнію, или не умѣютъ соорудить новую лѣстницу. На перилахъ этой лѣстницы, наверху, и на протянутой вдоль дома бичевкѣ, сушилось разное бѣлье. Направо отъ лѣстницы, домъ примыкалъ къ забору, выходящему въ какой-то переулокъ, за которымъ тотчасъ начиналась фабрика. Во дворѣ было очень грязно; о зловоніи и разговаривать нечего.

Петровъ не повелъ Пелагею Прохоровну по лѣстницѣ. Они завернули къ противоположной сторонѣ дома. Тамъ стояла полѣнница барочныхъ дровъ, были три гряды, съ которыхъ уже до половины были выбраны капуста и картофель, и росла одна березка.

— Вотъ и у насъ въ Питерѣ жильцы заводятся своимъ домомъ. А знаете ли, Пелагея Прохоровна, что эти три гряды принадлежатъ восьми семействамъ, которыя живутъ во второмъ этажѣ? Я думаю, у нихъ много было ссоры изъ-за того, кому въ какомъ мѣстѣ сажать, да и теперь безъ ссоры, чай, не обходится. Вотъ и береза тоже. Ну, отчего бы не срубить ее, еще гряда бы была! „Не мѣшаетъ, говорятъ, пусть ее стоитъ; по крайней мѣрѣ, дѣтскія пеленки можно на ней сушить“.

— Ну, а што жъ та лѣстница, куда идетъ?

— Это фальшивый ходъ. Тутъ прежде, по этой лѣстницѣ, когда домъ не былъ еще очень старъ, ходили въ квартиру хозяина дома, потомъ въ ней жилъ прикащикъ деревянаго двора, но сдѣлался пожаръ въ его квартирѣ, упали потолки. Вотъ хозяинъ лѣснаго двора и велѣлъ заколотить эту квартиру. Однако наши бабы добрались и до нея. Есть у насъ въ домѣ квартира Селиванова, такъ его сестра стала разъ вколачивать въ стѣну гвоздь, оказалось, что гвоздь куда-то прошелъ въ пустое мѣсто, а доска была поставлена и держалась на карнизахъ. Вотъ мужъ ея взялъ, подрубилъ эту доску, вынулъ и такимъ образомъ открыли пустую квартиру, въ которой зимой многіе сушатъ бѣлье и въ которую ходятъ черезъ квартиру Селиванова.

Съ этой стороны, домъ нѣсколько мѣнялъ свою наружность. Казалось, что онъ какъ вверху, такъ и внизу имѣетъ по двѣ половины, именно потому, что въ серединѣ дома внизу было большое закопѣлое отверстие, а вверху въ окнѣ вовсе не бы-

до рамы, и тамъ стояли какіе-то поломанные горшки и бутылки и висѣла юбка; внизу, по лѣвую сторону, въ двухъ окнахъ были рамы и въ форточку одного окна выходила желѣзная труба; направо было три окна съ рамами и разбитыми въ нихъ стеклами.

— Вотъ я тутъ и живу, направо. Насъ тутъ, въ двухъ берлогахъ, помѣщается восемнадцать человѣкъ. Ничего, живемъ дружно и другъ у друга не воруетъ; отъ постароннихъ воровъ насъ тоже Богъ спасаетъ. Да и правда, что украсть-то у насъ, кромѣ инструментовъ, нечего. А налѣво живетъ кузнецъ. Онъ работаетъ на заводѣ, когда у него дома нѣтъ работы, а какъ только достанетъ работу, дома мастерить.

Петровъ провелъ Пелагею Прохоровну и ея брата по узкой, крутой, съ двумя оборотами, лѣстницѣ во второй этажъ. На площадкѣ передъ окномъ безъ рамы, были три двери. Петровъ отперъ дверь направо; тамъ оказалось еще два хода—напротивъ двери, и налѣво отъ входа. Они вошли налѣво въ узенькую прихожую, изъ которой ходъ былъ въ кухню и еще направо. Въ кухнѣ пожилая, высокая, худошавая женщина суетилась около печи; откуда-то слышался дѣтскій плачь и мужской голосъ.

— Вотъ, Лизавета Ѳедосѣевна, и жиличка съ братомъ,—сказалъ Петровъ.

Женщина поглядѣла на Пелагею Прохоровну и ея брата, и стала что-то мѣшать въ чугунѣ.

— Согласны вы ихъ принять?

— Да ужъ коли сказала, такъ надо. Софья!—крикнула она, поворачивая голову къ двери.

Оттуда вышла молодая, низенькая женщина съ ребенкомъ и поклонилась всѣмъ въ одинъ разъ.

— Вотъ надо имъ устроить. А у васъ поди ничего нѣтъ?

— Ничего. Я въ кухаркахъ жила,—сказала Пелагея Прохорова.

— Какъ же ты сказалъ, што она изъ фабричныхъ?—обратилась хозяйка къ Петрову.

— Она въ провинціи работала, а здѣсь еще недавно.

И Петровъ, распротившись съ хозяйками и новыми жильцами ихъ, вышелъ.

Комната, которую нанялъ Пелагеѣ Прохоровнѣ Петровъ, была маленькая и свѣтъ въ нее проходилъ черезъ пространство между перегородкой и потолкомъ изъ сосѣдней комнаты, занимаемой хозяйками. Въ ней былъ всего только одинъ съ тремя ножками стулъ.

— Вы идите пока въ нашу комнату. Вотъ Давило Сазонычъ придетъ, онъ все вамъ устроитъ,—сказала молодая женщина.

Комната, занимаемая хозяевами, имѣла два окна, выходящія къ дровяному двору. Она была бѣдно, но хорошо мебелирована и даже двѣ кровати занавѣшены.

Софья Федосѣевна стала разспрашивать Пелагею Прохоровну, откуда она, и обѣщала свести завтра на сахарный заводъ, но Лизавета Федосѣевна сказала, что завтра надо бѣлье стирать, и поэтому Пелагея Прохоровна, можетъ быть, чѣмъ нибудь обзаведется. Павфилу Прохорычу надоѣло слушать бабью болтовню и онъ ушелъ изъ квартиры.

Пелагѣй Прохоровнѣ очень понравился ребенокъ, но у этого ребенка было бѣльмо на лѣвомъ глазу.

— Это вашъ ребенокъ-то?—спросила она Софью Федосѣевну.

— Мой. Только отецъ-то его померъ.

— Экая жалость! А сколько вы замужемъ были?

— Мы не были обвѣнчаны. Онъ все сбирался, голубчикъ, да деньгами не могъ раздобыться. А я хоть и работала, такъ жила съ матерью. Мать чахоточная была и мнѣ ее не хотѣлось пускать въ больницу.

Начали говорить о работѣ. Софья Федосѣевна говорила, что женщинъ больше обижаютъ, чѣмъ мужчинъ, и меньше даютъ противъ мужчинъ дѣла; поэтому женщинъ мало работаетъ въ сравненіи съ мужчинами, и работаютъ большею частію дѣвушки, привычныя къ фабричной работѣ съ малолѣтства въ провинціи или здѣсь въ Петербургѣ; но эта работа многихъ изъ нихъ убиваетъ преждевременно.

— Мнѣ двадцать девятый годъ; я начала работать съ восьмитаго года, здѣсь въ Петербургѣ,—говорила Софья Федосѣевна.

— Неужели и у васъ въ Петербургѣ также берутъ въ работу, какъ и у насъ въ горныхъ заводахъ?

— Не знаю, какъ тамъ у васъ. По вашимъ рассказамъ, ваша жизнь тоже похожа на нашу, только васъ давила крѣпость, а насъ самосудство.

— Ну, и у насъ, Софья Федосѣевна, тоже прикащики помыкали нами, какъ господа.

— У насъ это въжливѣе дѣлается. Да вотъ я про себя расскажу. Мать моя была, можетъ быть, такая же женщина, какъ и я. Судить объ ней я не могу, потому что была немного постарше этой дѣвочки. Можетъ быть, она и любила меня, только къ чему и любовь, когда ѣсть нечего... Въдь вотъ и у меня не всегда есть заработокъ; бываетъ, что по четыре дня безъ работы живешь. Починку на себя и для ребенка нечего считать за работу. Хорошо еще, что съ сестрой живемъ дружно... А моя мать, вѣроятно, была одна одинехонька. Должно быть, ей было не въ моготу съ ребенкомъ, и она продала меня. На седьмомъ году меня заставляли сучить бичевки, ткать. Къ четырнадцатому году, я только и умѣла, что бичевки дѣлать и ткать ковры.

Я не была крѣпостною; меня считали за воспитанницу и я за то, что меня кормили хлѣбомъ и одѣвали, должна была повиноваться. Но вотъ я узнала, что срокъ моему вскармленію кончился. У меня были подруги. Всѣ мы были, конечно, противъ нашихъ воспитателей; имѣли много вѣры въ себя, думали, что намъ и руки-то оторвутъ, требуя насъ на работу. Оказалось не то. Куда мы ни придемъ, — нужно учиться съизнова; ткачей мало изъ женщинъ и заработокъ этотъ, какъ мы узнали, дешевле противъ прежняго на половину... Потомъ я работала на бумажной мануфактурѣ. Насъ было тамъ, по крайней мѣрѣ, до двухсотъ женщинъ, и замѣтьте: замужнихъ было только штукъ тридцать. Я сперва находилась при чесальнѣ и получала въ день по 15 коп. Нѣкоторыя женщины получали и 75 коп., но это такія, которыя были въ близкихъ отношеніяхъ съ мастерами, конторщиками, начальствомъ и трудъ ихъ былъ очень легокъ. Имъ стоило только смотрѣть, направлять машины и распоряджаться дѣвчонками. Я тамъ ничего не приобрѣла: все, что получала, шло на одежду и на хлѣбъ. Оттуда перешла на обойную фабрику. Тамъ машинъ было мало и нашему брату приходилось растереблять и сортировать хламъ. Вдругъ, фабрика закрылась и намъ за три недѣли не заплатили заработку. Нужно было платить за квартиру, лавочнику; а тутъ вышли новые порядки — нужно въ полицію платить за адресный билетъ. Меня посадили въ часть.

— А вотъ угадай, гдѣ я былъ? — произнесъ въ это время хриплымъ голосомъ вошедшій мужчина.

Софья Федосѣевна замолчала и лицо ея сдѣлалось печально.

— Ужъ ты всегда сумасбродничаешь. Гдѣ ты былъ, подлець? — кричала Лизавета Федосѣевна.

— Извините, Лизанька...

— Ахъ ты, пьяница! Тутъ ѣсть нечего...

— У насъ за то есть.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Пелагея Прохорова хотѣла уйти, но неловко было. Софья Федосѣевна, уперши голову одною рукою, и глядя на спящаго ребенка, молчала. На лицѣ ея Пелагея Прохорова замѣтила какую-то жалость.

— Господи! И когда это кончится!.. — проговорила Лизавета Федосѣевна. По ея голосу слышно было, что она плакала.

— Жена!.. Супруга!.. Не реви!.. — говорилъ мужчина; но и онъ, какъ слышно было, плакалъ.

— Это каторга, а не жизнь!

— Ной еще! Ной!. О, будьте вы прокляты!

Ребенокъ проснулся и заревѣлъ.

Вошедшій былъ высокаго роста, одѣтъ въ суконный кафтанъ, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и съ фуражкой на головѣ съ очень высокими верхомъ. Ему было на видъ годовъ сорокъ.

Волоса на головѣ и бородѣ черные, глаза и лицо выражали невозмутимость. Отъ него пахло водкой.

— Машинька! Ахъ ты, шельмочка!.. И онъ началъ занимать ребенка, который съ охотою полѣзъ къ нему.

Пелагея Прохоровна ушла въ кухню.

— Ты дома будешь обѣдать? — спросила мужа Лизавета Федосѣевна.

Не получивъ отвѣта отъ мужа, Лизавета Федосѣевна стала торопить сестру.

— Ради Бога, сходи ты за водкой, а то уйдетъ! — говорила она шепотомъ.

— Посмотри, Лиза, за ребенкомъ.

Грустно сдѣлалось Пелагеѣ Прохоровнѣ. Пошла она въ свою комнату; но ей еще грустиѣе стало при видѣ ея пустоты. И она вышла изъ квартиры.

— Это ли жизнь? Неужто за Питеромъ люди живутъ лучше?

Съ этими мыслями она вышла на набережную. Она стояла у забора, потому что идти было некуда и погода была невеселая. Дождя хотя и не было, но вездѣ грязь, холодно, дуетъ вѣтеръ и дышется какъ-то тяжело, да и самые предметы не веселятъ: фабрики черныя, постройки ветхія, все какъ-то мрачно—и небо, и строенія, и оголяющіяся деревья; на длинныхъ дрогахъ ѣдутъ очень медленно съ желѣзомъ, досками, кулями и т. п. оборванные и невзрачные мужики съ выраженіемъ усталости и какой-то безнадежности; ѣдутъ эти мужики безъ клади, и лошади ихъ тощія, избитыя, съ протертою въ кровь кожею на заднихъ ногахъ и хребтѣ, еле-еле переступаютъ ногами, такъ что не вѣрится, что эти животныя въ состояніи возить по убитой камнемъ мостовой по тридцати пудовъ всякой клади. Народъ здѣсь бродитъ все рабочій, такъ что очень мало увидишь человѣка въ порядочномъ кафтанѣ или сюртукѣ, а если и попадется кто нибудь одѣтый по модному или по приказному, то у него или галстукъ на боку, или сюртукъ продранъ, или другой какой недостатокъ. Хотя въ ихъ разговорахъ и замѣчается удалство, но это ни больше, ни меньше, какъ привычка съ малолѣтства выражаться и вести себя похожимъ на довольнаго человѣка, въ самомъ же дѣлѣ, у этихъ людей многого нехватало и для крохотной доли довольства. Женщины одѣты тоже бѣдно и легко; всѣ онѣ худощавы, съ изнуренными лицами; маленькія дѣти хотя и носятъ на ногахъ обувь, но ходятъ въ оборванныхъ рубашкахъ и хорошимъ здоровьемъ не обладаютъ. Такъ все и наводитъ тоску, ни на что бы не смотрѣлъ, и все-таки среди этихъ людей нужно жить, нужно привывать къ этой жизни и жить ихъ жизнью. И тутъ подумалось Пелагеѣ Прохоровнѣ: неужели же эту жизнь нельзя сдѣлать получше?

Пелагея Прохоровна пошла въ лавку, но вдругъ ее перегнала молодая женщина въ палевомъ старенькомъ платьѣ, съ загрязненнымъ подоломъ и съ небольшимъ ситцевымъ платкомъ на головѣ. Лицо ея выражало отчаяніе и какую-то дикость, точно она съ цѣпи сорвалась. Она шла очень быстро, и какъ только перегнала Пелагею Прохоровну шаговъ на пять, остановилась, посмотрѣла на нее и также быстро подошла къ ней.

— Ты... Ты изъ какого дома?—спросила она Пелагею Прохоровну торопливо.

— Я... тутъ за постояннымъ дворомъ.

— Ты изъ того же дома! И отлично! Пойдемъ, голубушка!

— Куда?

— Въ кабакъ... Чему удивляешься-то? Э-эхъ, матушка, поживешь съ нами, похлебаешь кислаго, захочешь и горькаго. А впрочемъ, какъ знаешь! До свиданья.

И женщина убѣжала въ питейное заведеніе.

Еще больше запечалилась Пелагея Прохоровна: въ провинціи она хотя и знавала женщинъ, пьющихъ водку въ кабакахъ, но такіе въ каждомъ городѣ были на перечетѣ и всѣ ихъ считали за самыхъ отчаянныхъ и развратныхъ; теперь ей показалось, что въ Петербургъ, пожалуй, много такихъ женщинъ; она видѣла ихъ въ полиціи; многія кухарки даже хвастались тѣмъ, что отпиваютъ водку жильцовъ. Она ужаснулась при мысли: неужели и съ ней то же будетъ?

Однако, несмотря на то, что время шло къ вечеру и рабочий народъ больше прежняго шелъ въ питейныя заведенія, пѣсень не слышалось.

Возвратившись домой, Пелагея Прохоровна очень обрадовалась, что въ ея убогой комнатѣ появилась кровать. Кровать была деревянная съ двумя ножками, которыя были къ ней привязаны; вмѣсто другихъ двухъ ножекъ былъ подставленъ деревянный ящикъ. Досокъ на кровати не было.

— Довольны ли кроватью?—спросилъ Пелагею Прохоровну вошедшій хозяинъ.

— Покорно благодарю; только спать-то какъ?

— О! это мы устроимъ. Вотъ завтра я съ заводу достану бичевокъ, оплетемъ кровать. Отличная штука будетъ.

— А дощечекъ у васъ нѣтъ?

— Опоздали немножко! Въ пустой квартирѣ, что теперь бѣлье вѣшаютъ, почти двѣ стѣны ободрали бабы, кому на гладильную доску, кому на подтопку, потому житьишко-то наше некорыстное... А вы за всяко просто къ намъ приходите сидѣть-то.

И онъ ушелъ.

Пелагея Прохоровна присѣла на край кровати—шатается.

„Еще упадетъ!“ подумала она съ улыбкой. Въ сосѣдней комнатѣ у хозяевъ плакалъ ребенокъ; за стѣной кричали двѣ женщины; гдѣ-то ругался мужчина.

— Пелагею Прохоровну тянуло на улицу, потому что и сидѣть было неловко на худой кровати безъ досокъ, и крики изъ сосѣднихъ помѣщеній стали надобдаты; въ этой комнатѣ становилось темно; у хозяевъ свѣчи не зажигали.

— Что сидишь-то тутъ въ темнотѣ? Иди къ намъ, — сказала Лизавета Ѳедосѣевна, появившаяся въ дверяхъ комнаты.

Она вошла, заглянула на кровать и качая головой, проговорила:

— Какъ же ты спать-то тутъ будешь? Эдакой онъ, право, осель! Это онъ насмѣхъ кровать-то поставилъ... Да. На смѣхъ добрымъ людямъ, а мнѣ на зло, потому что я не хотѣла больше пускать мужчинъ. Они у насъ все добро приломали. Извѣстно, женщина болѣе къ хозяйству норовить, а мужчинъ что!

— Хозяинъ говорилъ, что бичевками опутаетъ.

— Бичевками!.. И ты повѣрила!.. Мало же ты знаешь нашихъ мастеровыхъ... Да, онъ, пожалуй, и обмотаетъ да такъ, что ты на землю упадешь. Вотъ онъ какой человекъ-то!

— Я не просила кровати; на што мнѣ ее!

— Ну, безъ этого нельзя, потому что, во первыхъ, у насъ во всемъ дому такое множество мышей—страсть! Ловушки на нихъ подѣланы тоже должно быть для того, чтобы мышамъ надъ нами смѣяться! А кошка у насъ въ квартирѣ хоть и есть, такъ она будь проклята, только спитъ. А другое опять—блехъ тоже... Нѣтъ, безъ кровати нельзя... Я уже посмотрю въ Ермоловскомъ домѣ. Тамъ недавно одинъ мастеровой померши, такъ его жена хочетъ въ деревню ѣхать... Можетъ за полтинникъ-то уступить. Ну а тамъ помаленьку, и другое что заведете съ братомъ. Вдругъ нельзя. А гдѣ у те брать-то?

— Не знаю. Поди въ кабакъ ушелъ.

— Дѣло плохое... да пойдѣмъ же къ намъ-то!

Онѣ пошли въ хозяйское помѣщеніе. Софья Ѳедосѣевна укачивала ребенка. Хозяина не было. На столѣ стоялъ кофейникъ и двѣ чашки, изъ которыхъ только къ одной было блюдечко. Кошка дѣйствительно спала на окнѣ.

Хозяйка хотѣла зажечь лампочку, но Софья Ѳедосѣевна сказала, что еще свѣтло, и такъ какъ сегодня праздникъ и завтра надо вставать рано, то можно и раньше лечь спать, на что сестра возразила, что наши черти вмѣстѣ съ блохами не скоро дадутъ заснуть, потому что будутъ пьянствовать до полночи и ей, пожалуй, придется идти за мужемъ. Вообще хозяйка жаловалась на мужчинъ, которые пьянствуютъ, и на худое житье; но Софья Ѳедосѣевна защищала мужчинъ, говоря, что они не всѣ пьяницы, и если пьютъ, то непременно отчего нибудь.

— А отчего жъ мы-то не пьянствуемъ? — сказала Лизавета Федосѣевна.

— Этого еще недоставало... Какая ты, сестра, глупая! До старости дожила, а говоришь Богъ знаетъ что. Вѣдь ты сама знаешь, что у насъ больше привязанности къ дому. Кто бы безъ насъ сталъ ребятъ воспитывать? Кто бы кушанья сталъ готовить?

— Однако, возьми Устинью Николавну: у ней двое дѣтей.

— Эхъ, сестра, сестра! — сказала со вздохомъ Софья Федосѣевна. — Что же дѣлать, если и изъ нашей братьи, рабочихъ женщинъ, наберется нѣсколько пьяницъ... Ее надо жалѣть, стараться, чтобы она не пьянствовала!

— Все-таки, по моему, нехорошо женщинѣ пьянствовать въ кабакахъ, — сказала Пелагея Прохоровна.

— Што про это говорить!..

Женщины замолчали. Ребенокъ уснулъ, но за стѣной все еще ругались мужчины и визжала какая-то женщина.

Пелагея Прохоровна сказала, что у ней болитъ горло, хозяйка посоветовала ей выпить сала, а если она этого лекарства принять не въ силахъ, то посоветовала простое средство: намазать на правый чулокъ сала съ мыломъ и привязать чулокъ къ горлу. Пелагея Прохоровна сказала, что это средство она знаетъ, но думаетъ, что пройдетъ и такъ.

— Ну, пренебрегать-то этимъ, матушка, нечего. У насъ зачастую эта болѣзнь бываетъ, и мы только этимъ и спасаемся: днемъ заболитъ, къ ночи привяжемъ, а къ утру и прейдетъ.

Въ квартиру Горшкова вошла та женщина, которая звала Пелагею Прохорвну въ питейное заведеніе. Она была слишкомъ навеселѣ, размахивала руками, дѣлала отчаянные жесты. Платка на ея головѣ не было.

— Еще здравствуйте... А, и вы здѣсь? Прекрасно! — проговорила она скороговоркой и сѣла на табуретку.

Хозяева видимо были недовольны ея посѣщеніемъ.

— Представьте!.. Ивановъ сталъ ко мнѣ примазываться. Какъ соколъ!

И она стала рассказывать, какъ къ ней прамазывался Ивановъ и какъ она выпила на его счетъ двѣ бутылки баварскаго. При этомъ хозяйка просила ее нѣсколько разъ говорить потише.

— Этотъ Ивановъ и теперь ждетъ меня у Гриши. И я пойду! Вотъ околѣть, чтобы я не пошла... И ужъ непременно напьюсь...

— Эхъ, какъ хорошо!

— Ей-Богу, напьюсь!

— Не кричи, пожалуйста, Устинья Николаевна! — сказала Софья Федосеевна.

— Ну, и ты, Софьюшка, на меня!

Женщины опять замолчали.

— И отчего это ты, Николаевна, пьянствуешь? Ну, выпила бы косушку передь обѣдомъ, легла спать, вечеромъ тоже косушку... Да дома. А то вѣдь ужъ безобразничаешь много! — проговорила Лизавета Федосеевна.

— Худая я, скверная женщина... И сама знаю объ этомъ. Да что жъ я сдѣлаю? Сердце такъ и сосеть!

— То-то вотъ и скверно, что ты всѣ деньги пропиваешь, а потомъ твои ребятишки голодаютъ. Нехорошо.

— И сама я знаю, да скверный я человекъ. Помереть мнѣ надо, вотъ что. Жизнь мнѣ надѣла хуже горькой рѣдкки; ребятишки мучаютъ. Съ самаго рожденія, кажется, я не видала радостей; почти все въ работѣ находилась и ничего отъ этой работы не нажила хорошаго. Вотъ мой-то покойничекъ все упрекалъ, что я-де получаю за работу деньги и никакихъ повинностей не несу. А на то онъ и не хотѣлъ обратить вниманія, што вѣдь я и за паспортъ платила, и за больницу съ меня бралл, хотя я и никогда еще тамъ не лежала! Ну, опять надо и за квартиру заплатить, и ѣсть, и платье сшить; вѣдь я была молода, хотѣлось и одѣться получше. Ну, а великъ ли нашъ заработокъ, сами посудите! Ну, вотъ вышла я замужъ, и помянуть это время нечѣмъ! мужъ—пьяница, сталъ меня бить, не работалъ по недѣлямъ. Мы съ нимъ исходили почти весь Петербургъ: гдѣ-гдѣ не жили! Теперь вотъ я одна, ребята ѣсть, пить хочуть, имъ надо одѣться, а сами знаете, нашего брата съ ребятами не вездѣ-то жалуютъ на квартирахъ!

— Ты бы отдала дѣтей. Что тебѣ съ ними мучиться?

— Жалко. А придется, видно, отдать... Нѣтъ, я ихъ при себѣ буду держать, пока еще могу работать. Я ужъ сама по себѣ испытала, Лизавета Федосеевна, каково расти-то въ людяхъ: сама не знала ни отца, ни матери.

Лизавета Федосеевна зажгла лампочку съ керосиномъ. По щекамъ Устиньи Николаевны текли слезы; Софья Федосеевна сидѣла грустная, подперши руками голову.

— Мать здѣсь?—крикнула дѣвочка годовъ-шести, войдя въ кухню Горшковыхъ.

Подойдя быстро къ Устиньѣ Николаевнѣ, дѣвочка уперлась въ нее взглядомъ и спросила:

— Ты онять напилась?

— Вотъ у насъ какія ласки-то!—сказала Устинья Николаевна и прибавила дочери:—а ты видѣла, что я пила водку?

— Всѣ говорятъ. Потемкинъ тебя въ кабакъ видѣлъ... Ивановъ видѣлъ.

— Ну, такъ чтожъ такое!... И знаете что, бабы! и жалко мнѣ моихъ ребятъ, больно жалко, а вотъ такъ мнѣ противно дома, такъ,—проговорила Устинья Николаевна и махнула рукой.

— Надо тебѣ, Николаевна, перейти въ другое мѣсто: тамъ другіе люди будутъ и нескоро научатъ ребятъ говорить тебѣ въ глаза укоризны. Право. А тебѣ ихъ трудно заставить не говорить; битьемъ не поможешь, хуже будетъ.

— Да я ихъ и не бью. А покою отъ нихъ нѣтъ. Ужъ какъ берегешься, чтобы они не знали, что я пошла выпить — нѣтъ таки! пойдетъ, вцѣпится въ меня и давай плакать: не пей, мать! пьяна будешь! работать не будешь!

— Правда! сказала дѣвочка съ укоризной.

— Ну, пойдѣмъ домой. Спокойной ночи. А ты, какъ тебя, приходи ко мнѣ-то, у меня комната отличная, проговорила Устинья Николаевна Пелагеѣ Прохоровнѣ и потомъ, взявъ на руку дѣвочку, ушла.

Горшковы минуты три сидѣли задумавшись. На Пелагею Прохорову Устинья Николаевна произвела тяжелое впечатлѣніе. Она сознавала, что Устинья Николаевна права; но вѣдь, думала она въ то же время, не всѣмъ же женщинамъ выпадаетъ такая жизнь. Вѣдь вотъ Лизавета Федосѣевна не пьянствуетъ же, и живетъ, кажется, достаточно, такъ что и кофеи пьетъ. Конечно, съ дѣтьми было бы похуже, и умри ея мужъ, то и Лизаветъ Федосѣевнѣ съ дѣтьми не совсѣмъ-то бы было хорошо. Нѣтъ, видно, плоха жизнь рабочей женщины въ столицѣ!

Пелагея Прохоровна распростилась съ хозяйками и ушла въ свою комнату. Вскорѣ пришелъ братъ. Онъ былъ трезвый и сказалъ сильно охриплымъ голосомъ, что у него болитъ очень горло, самого его тянетъ и ломитъ ноги. Лизавета Федосѣевна опять-таки посоветовала Пелагеѣ Прохоровнѣ привязать къ горлу ея брата чулокъ съ саломъ, а завтра сходить ему въ баню и хорошенько выпариться вѣиикомъ.

Пришелъ Данило Сазонычъ и сталъ буяннить. Онъ долго буянилъ и разбилъ стекло въ окнѣ. У сосѣдей тоже долго ругались мужчины и цѣлую ночь плакали дѣти.

XXXV.

Горшковы встали въ пять часовъ; сестры принялись за стирку, а Данило Сазонычъ въ шесть часовъ ушелъ на заводъ, выпросивъ у жены пятакъ на похмѣлье. Жена и сестра ея были очень рады тому, что онъ ушелъ и не проспалъ дольше; радость ихъ еще увеличилась, когда онъ положительно узнали,

что онъ ушелъ прямо изъ кабака на заводъ, и ихъ беспокоило только то, чтобы онъ не хлебнулъ водки черезъ мѣру передъ обѣдомъ; хлебини онъ лишнее, пропадегъ послѣобѣденное время, а стало-быть и весь дневной заработокъ. Это для нихъ много значило, потому что Данило Сазонычъ получалъ платы за рабочій день по рублю двадцати пяти коп. сер. и все-таки въ настоящее время былъ долженъ содержателю харчевни Сидору Данилычу десять рублей уже года два, кабачкику Григорью Емельянычу Чубаркову рублей двадцать, да лавочнику рублей пять. Пелагеѣ Прохоровнѣ не понравилось въ Данилѣ Сазонычѣ то, что онъ и не спросилъ объ ея братѣ, а вчера обѣщался взять его съ собой.

Братъ ея, по видимому, спалъ. Но съ нимъ была горячка, и онъ всю ночь ворочался съ боку на бокъ, только Пелагея Прохоровна, не зная объ этомъ, спала крѣпко. А такъ какъ ей показалось, что онъ спитъ, то она и не стала будить его и пошла на сахарный заводъ, находящійся на Выборгской сторонѣ. Заводъ этотъ былъ обширный, этажа въ четыре, и когда она пришла, онъ былъ въ полномъ ходу. Пелагея Прохоровна многому дивилась тутъ: ее удивляли и машины, и огромные чаны и печи. Машины стучали, колеса кружились, откуда-то раздавался свистъ, откуда-то показывался паръ, такъ что ей немножко показалось боизно, несмотря на то, что она выросла въ горномъ заводѣ. Но ее ободрило то, что рабочіе расхаживали отъ одного предмета къ другому смѣло, громко разговаривали, насвистывали, острили надъ мастерами-вѣмцами, расхаживающими около машинъ и чановъ съ коротенькими трубками въ зубахъ.

„Вотъ теперь я и сама буду сахаръ дѣлать“, подумала Пелагея Прохоровна.

Мимо нея прошелъ молодой рабочій въ красной ситцевой рубашкѣ, въ фуражкѣ и въ драповыхъ черныхъ брюкахъ, безъ обуви на ногахъ.

— А што, можно мнѣ поступить въ работу? спросила Пелагея Прохоровна этого франта.

— Теперь врядъ-ли примутъ.

— А што?

— Надо приходить до рабочей поры.

Къ рабочему подскочилъ приземистый вѣмецъ въ тиковомъ коротенькомъ пальто, въ фуражкѣ, похожей на чайникъ, и съ сигарой во рту.

— Пашоль!.. Што сталь?.. На табль пишу! прокричалъ вѣмецъ.

— Вотъ эта женщина въ работу просится, сказалъ, отходя, молодой рабочій.

— Вонь!

И нѣмецъ вытолкалъ изъ завода оторопѣвшую Пелагею Прохоровну.

Зашла она еще на двѣ фабрики, и тамъ ее осмѣяли и прогнали мастера-нѣмцы. Спросила она на одномъ литейномъ заводе, нѣтъ ли тутъ Игнатя Петрова—такого не оказалось.

Дома хозяйка съ сестрой стирали бѣлье, а Панфиля Прохорычъ по прежнему лежалъ на полу. Онъ былъ очень блѣденъ, едва поворачивалъ головой и съ большимъ трудомъ произносилъ слова. Пелагея Прохоровна испугалась, Лизавета Федосѣевна была недовольна тѣмъ, что въ ея квартирѣ есть больной, помянула Пелагею Прохоровну о деньгахъ за комнату, и совѣтовала поскорѣе отправить больного въ больницу.

Пришелъ обѣдать Данило Сазонычъ. Онъ былъ навеселѣ и молчаливъ. Обѣдъ состоялъ изъ капустныхъ щей съ снѣтками и десятка жареной салакушки. Лизавета Федосѣевна сказала о больномъ.

— Ну, вотъ!.. Всегда вы хотите на своемъ поставить! Надо его непременно въ больницу отправить завтра утромъ. Есть у него адресный-то билетъ?

Оказалось, что у Панфила былъ только паспортъ, а адреснаго билета не было.

— Ну, вотъ! Безъ адреснаго билета нигде не примутъ... Эдакой, право, народъ глупый!

— Что же мнѣ дѣлать? спросила съ уныніемъ Пелагея Прохоровна.

— Что дѣлать? сказалъ сердито Данило Сазонычъ. — Нечего тутъ дѣлать! И онъ ушелъ на работу.

Пелагея Прохоровна была въ отчаяніи. Хозяйка съ сестрой ничего не могли посоветовать и имъ не хотѣлось, чтобы больной находился въ ихъ квартирѣ; обѣ онѣ были задумчивы и при Пелагеѣ Прохоровнѣ шептались, а это приводило ее въ ужасъ. Она пошла въ квартиру Петрова, но тамъ никого не было; кузница тоже заперта. Попалась ей на встрѣчу Устинья Николаевна, шедшая съ узломъ мокраго бѣлья. Та на разсказъ ея покачала головой и сказала: дѣло дрянъ; попытайся развѣ сходить въ клинику. Тамъ, можетъ, и примутъ.

Долго ходила Пелагея Прохоровна по двору 2-го сухопутнаго госпиталя; нигде ее не пускаютъ, на вопросы не отвѣчаютъ. Въ глазахъ у нея мутлось, и она не могла выйти изъ двора. Это замѣтили двое студентовъ недалеко отъ препаровочной, и спросили ее, куда она идетъ. Та сказала. Одинъ изъ студентовъ посмотрѣлъ на часы.

— Сегодня уже поздно, привези его завтра утромъ, сказалъ онъ, и указалъ ей выходъ изъ двора.

На завтра Пелагея Прохоровна отвезла на извозчикъ брата во 2-й сухопутный госпиталь, а когда на слѣдующій день пришла туда, ей сказали, что посѣтителей къ больнымъ не допускаютъ, и она можетъ придти къ больному въ воскресенье. Гдѣ лежитъ братъ и какая у него болѣзнь, она ничего не узнала. Попыталась она опять спросить студентовъ, но тѣ сказали, что въ госпиталѣ такъ много больныхъ, что объ ея братѣ ровно ничего не могутъ узнать, а только могутъ посоветовать ей сходить къ такому-то доктору, который живетъ въ такомъ-то мѣстѣ при госпиталѣ, и выпросить у него дозволеніе навѣщать больного ежедневно. Но и этого доктора она не могла дождаться.

Она возвращалась домой уже вечеромъ. Ее очень беспокоила болѣзнь брата; къ тому же, Горшковы говорили, что въ клинику отдаютъ самыхъ безнадежныхъ больныхъ, которыхъ тамъ и живыхъ рѣжутъ безъ церемоніи... Жизнь казалась ей такъ пуста и тяжела, что она готова была кинуться въ рѣку. Она была слаба и едва переступала ногами. Вечеромъ она захворала, стала бредить и надѣлала много хлопотъ Горшковымъ, которые утромъ отравили и ее во 2-й сухопутный госпиталь.

Игнатій Прокофѣичъ усердно работалъ на литейномъ заводѣ, и домой приходилъ только спать. Уставши на работѣ и ослабѣвши отъ огня, онъ даже не заходилъ и въ кабакъ, а ложился спать, чтобы завтра встать раньше. Поэтому онъ и не заходилъ въ квартиру Горшковыхъ, съ которыми былъ давно знакомъ; кромѣ того, ему не хотѣлось, чтобы про него думали, что онъ ухаживаетъ за ихъ жилищкою. Но ему все-таки было интересно знать, какъ поживаетъ Пелагея Прохоровна, довольна ли она и ея братъ работой, и онъ хотѣлъ сходить къ нимъ въ воскресенье. Игнатій Прокофѣичъ даже завидовалъ тому, что Пелагея Прохоровна живетъ въ отдѣльной комнатѣ, а не такъ, какъ онъ живетъ, съ пятнадцатью рабочими. Ему такая жизнь съ людьми не совсѣмъ нравилась, и онъ жилъ въ артели изъ экономіи. Рабочіе какъ въ этомъ, такъ и другихъ домахъ жили или семейно, или въ артели. Семейный рабочій, обыкновенно, снималъ квартиру—комнату съ кухней, потомъ комнату разгораживалъ и отдавалъ подъ постой или своимъ роднымъ, или хорошему товарищу. Но Петрову казалось, что жизнь семейнаго человѣка тогда только хороша, когда мужъ и жена любятъ другъ друга, и между ними нѣтъ третьяго лица. Только это убыточно, потому что за такую маленькую квартиру надо заплатить не менѣе 8—10 рублей въ мѣсяцъ, да дровъ нужно прикупить рубля на три зимой. Но и при жизни въ семействахъ, какъ поселилась Пелагея Прохоровна съ братомъ, все-таки и

мужу, и женѣ хорошо до тѣхъ поръ, пока не появятся дѣти, которыя и время отнимаютъ у жены, и сосѣдямъ мѣшаютъ. Жить семейно было хорошо еще тѣмъ, что тамъ можно было по средствамъ сварить щи, кашу и т. п., а въ артели готовить кушанья съобща или артель платитъ за столъ по три рубля съ полтиною въ мѣсяцъ съ рыла и поэтому, никогда не бываетъ довольна ни комнатою, которая плохо отапливается, никогда не провѣтривается, ни пищей, которая рѣдко заключаетъ въ себѣ мясо и большею частію состоитъ изъ прокислой капусты, снѣтковъ и дрянной жареной рыбы-салакушки. Вотъ и на этой квартирѣ у нихъ была стряпуха, называемая маткою, но она, несмотря на то, что товарищи платили исправно деньги, постоянно готовила невкусный обѣдъ и ужинъ, и почти каждый рабочій говорилъ, что онъ не наѣдается, а нѣкоторые такъ предпочитали закусить яичкомъ или тешкой въ питейномъ заведеніи.

На основаніи того заключенія, что жить въ комнатѣ все-таки лучше, чѣмъ въ артели, Игнатій Прокофѣичъ, получивши въ субботу расчетъ, рѣшилъ нанять себѣ комнатку въ томъ же домѣ. Но комнатъ пустыхъ не оказалось, кромѣ какъ у Устиньи Николаевны. Онъ не осуждалъ Устинью Николаевну за пьянство; онъ зналъ, что она ни трезвая, ни пьяная и даже при безденежьи не предавалась разврату, а ограничивалась только тѣмъ, что подлаживалась къ мужчинѣ, выпивала нужное количество водки и потомъ убѣгала, оставивъ мужчину ни при чемъ; но ему казалось, что она могла бы воздержаться отъ пьянства, — что онъ ей постоянно и совѣтывалъ и за что она его очень не любила. Поэтому Игнатій Прокофѣичъ рѣшилъ поискать квартиру въ другомъ домѣ, и пошелъ прямо въ харчевню къ Сидору Данилычу.

При расчетѣ, то есть при полученіи денегъ за работу, за мѣсяцъ, одну и двѣ недѣли, смотря по тому, гдѣ и какъ платили, рабочіе и мастера различныхъ фабрикъ и заводовъ шли къ Сидору Данилычу, которому они были должны и у котораго частенько ѣли и пили въ долгъ, до расчета; а такъ какъ получка производилась по субботамъ, то Сидоръ Данилычъ въ этотъ день, до двухъ часовъ пополудни, сидѣлъ самъ въ харчевнѣ, а вечеромъ сидѣлъ въ трактирѣ. Мастерские, при полученіи денегъ, обыкновенно шли въ харчевню, мастера въ трактиръ. Какъ тѣ, такъ и другіе, водили компанію только между своею братьею. Но надо замѣтить, что Сидора Данилыча посѣщали не всѣ мастера и рабочіе, живущіе и работающіе на заводахъ и фабрикахъ на Петербургской и Выборгской сторонахъ; тутъ было меньшинство; постоянныхъ посѣтителей у Сидора Данилыча было человекъ полтора, не больше; другіе рабочіе посѣщали другія харчевни. И теперь, когда въ харчевню пришелъ Игнатій Прокофѣичъ, въ ней было не болѣе двадцати пяти человекъ.

Сидоръ Давилычъ былъ одѣтъ по праздничному, въ жилеткѣ, въ черномъ галстукѣ на шеѣ и въ сюртукѣ; волоса у него были гладко причесаны, и онъ былъ очень вѣжливъ и ласковъ.

Рабочіе, празднующіе въ этой и другихъ комнатахъ, были изъ двухъ фабрикъ и трехъ заводовъ, а какъ въ этой комнатѣ нашлось восемь человекъ изъ того же завода, на которомъ работалъ и Петровъ, то они и пригласили его къ себѣ.

Пьяныхъ еще не было, потому что многимъ рабочимъ нужно было сегодня уплатить скольконибудь долговъ, дать денегъ на хозяйство и потомъ выпариться въ баню.

— Совѣмъ, братецъ ты мой, спутался, говорилъ одинъ рабочій изъ сидящихъ за однимъ столомъ съ Петровымъ. — Теперь вотъ я получилъ тридцать восемь рублей, а осталось только семь. А почему? Вотъ теперь съ меня сходитъ въ годъ съ семействомъ семьдесятъ пять рублей. За два года я былъ много долженъ, потому такой работы, какъ теперь, не имѣлъ. Ну, вотъ и стали взыскивать—подай да и только; коли, говорятъ, не отдашь, въ полицію посадимъ. Теперь ужъ всѣ заплатали долги-то, а тутъ опять за этотъ годъ плати! Просто бѣда!

— Што у тебя, много тамъ земли-то?

— Какое много!.. Думаю вотъ въ мѣщане записаться, такъ хлопотать некогда и не знаю, куда лучше. И земли опять жалко.

— Што и съ землей, если она не приноситъ пользы. А вотъ у меня и земли нѣтъ, а все изъ долговъ выбиться не могу съ тѣхъ поръ, какъ отъ Шагинскаго завода отсталъ. Тамъ меньше здѣшняго платили, а жилъ-то я ровнѣ спокойнѣе, потому вездѣ въ долгъ вѣрили. А какъ отъ завода-то я отсталъ, — и оказалось, што лавшнику долженъ пять рублей, да въ кабакъ одиннадцать, а тутъ переѣздъ. Ну, они взяли да представили въ полицію; меня посадили, жена иконы и разное имущество заложила. Пришлось потомъ выкупать.

— И все это водка, замѣтилъ рабочій.

— Трудно, братецъ ты мой, отстать отъ нея. Ужъ я сколько давалъ зарокѣвъ не пить. И скажу вамъ, эти зарокѣвы никогда не нужно класть, потому—не пьешь, крѣпишься долго, а потомъ точно прорветъ: выпьешь осмушку да подвернулись пріятели—и пошла круговая... А кабачикъ радъ, самъ суетъ.

— Это такъ. И народъ у насъ тоже всякій. Вотъ за московской заставой работалъ, такъ по три рубля въ сутки получалъ. Ужъ кажется, чего лучше. А какъ получишь денежки за мѣсяць, и пошелъ! Мѣсяць-то работаешь-работаешь, хуже лошади, не доѣшь и не допьешь, а тутъ какъ получишь—и прихоти явятся, и деньги дѣвать не знаешь куда. Надо бы съ долгами расплатиться, на предки оставить, а товарищи говорятъ: полно ко печалиться; отличись чѣмънибудь, покажи, что ты

не нюня какая нибудь, да такъ, братцы вы мои, раздосаждать, что и пойдешь качать, да и прокачаешь все!

— То-то, што какъ деньги-то получаешь черезъ полмѣсяца, али позже, и рассчитываешь впередъ, что-де я получу и могу брать въ долгъ, а потомъ и окажется, что или тебя обсчитаютъ, или ты лишка въ долгъ переберешь.

— Оно бы, пожалуй, лучше, если бы деньги давали за каждыя сутки!

— Это вѣрно. Потому, тогда бы сперва купилъ что требуется, а потомъ уже и гулять. А то какъ получишь много денегъ, и удержать себя не можешь. Гордость какая-то явится, важность. Отъ другихъ отстать не охота.

Изъ другой комнаты вышелъ Потемкинъ.

— Честной компаніи! сказалъ Потемкинъ и поздоровался со всѣми.

— Что ты мало сидѣлъ?

— Некогда!

— Къ полковницѣ идешь?

— Надо. Письмо по городской почтѣ получилъ—зоветь!

— А! значитъ, стосковалась твоя симпатія.

— Надо полагать, што такъ. Прощайте, братцы.

И Потемкинъ ушелъ.

Рабочіе стали хохотать надъ нимъ и его симпатіей, т. е. любовницей.

— И удивительное это дѣло, братцы! Неужели это правда?

— Что онъ съ полковницей-то? Тутъ, братъ, не разбери ты ихъ Господи! Вишь дѣла-то какія. Года четыре тому назадъ, я съ Потемкинымъ работалъ вмѣстѣ за московской заставой. Онъ тогда подучалъ въ мѣсяць, какъ и я, около сорока двухъ—пяти рублей. Такого говоруна и знающаго, какъ онъ, у насъ, правду сказать, не было. Это по-французски, по-нѣмецки, по-чухонски—на все мастеръ былъ нашъ Захаръ. Ну, и франтъ онъ былъ тоже хоть куда. Это въ праздникъ одѣнется, шляпу надѣнетъ, пальто, и идетъ съ тросточкой,—хоть куды помѣщикъ. Намъ было и смѣшно, глядя на него, и пріятно, что наша братья мастеровые могутъ щегольнуть не хуже какого нибудь дворянчика. Ну, и собой онъ былъ красавецъ, а поэтому и любилъ ухаживать за барышнями, и ему всегда удавалось. Только вотъ разъ онъ такимъ манеромъ одѣвши гулялъ на Екатерингофъ и познакомился тамъ съ полковницей. Ну, и послѣ, хвастается, что въ него влюбилась по уши какая-то барыня и барыня молодая, только не совсѣмъ красивая. „Мнѣ, говоритъ, отъ ея любви не будетъ тепло, а вотъ, говоритъ, я у нее попробую попросить денегъ“. Дня черезъ два онъ опять говоритъ: эта барыня, говоритъ, слѣдитъ за мной; вчера, говоритъ, къ себѣ звала. Я, говоритъ, сталъ отказываться, она пристааетъ.

Ну, пошелъ. Квартира, говорить. хорошая. Ну, тары да бары и до прочаго дошло. И денегъ ему дала. Вотъ нашъ Потемкинъ и загулялъ, и въ кабаки въ наши нейдетъ: днемъ сидитъ въ трактирѣ, а вечеромъ къ ней. На работу и глядѣть не хочетъ и нашего брата кинулъ.

— Неужели она не могла съ господами знаться?

— То-то, вишь ты, ей Потемка первы подвернулся. А парень былъ красивый. И теперь онъ красавецъ, какъ не попьеть дня три да въ банѣ смоетъ сажу. Ну, вотъ полковница и стала уговаривать его жить съ ней, а Потемка этого не хотѣлъ. Какъ ни хорошо у барыни, а все-таки скучно, хочется погулять въ компаніи. Пожилъ онъ съ ней недѣльки двѣ, да и сталъ исчезать. Она видитъ, что какъ волка ни ублажай—онъ все въ лѣсъ смотритъ, поняла значить, что ошиблась, и перестала ему давать денегъ. Придетъ онъ къ ней, посидитъ, она угоститъ его, уложитъ спать, опохмѣлитъ, а денегъ не дастъ. Потомъ и говорить: я, говорить, не люблю, что ты деньги берешь не на добро, а на безобразіе, даже лучше говорить, будетъ, если ты ходить перестанешь. Онъ такъ и сякъ; станетъ у нея денегъ просить,—не даетъ. Онъ сталъ укорять ее, что она его совсѣмъ испортила, что онъ отвыкъ отъ работы. Дала она ему рублей пять, онъ прокутилъ ихъ, заложилъ и платье и опять къ ней за деньгами. Не даетъ. Видитъ Потемка, что дѣло дрянъ, товарищи смѣются, дразнятъ его полковницей, въ кабакахъ водки не даютъ въ долгъ. Вотъ онъ и перешелъ сюда на Петербурскую. И что заработаетъ—все пропьеть. Бываетъ, что и рубашки на немъ нѣтъ.

Между тѣмъ посѣтителей въ харчевнѣ прибывало больше и больше. Больше и больше выпивалось пива и водки; за столами сидѣло уже порядочное число кыпившихъ. Всѣ говорили; немногіе пѣли:

Голова болить
 Ай люли! (2 раза)
 Ай да худо можится,
 Да нездоровится,
 Нездоровится,
 Гулять хочется,
 Ай люли!

Харчевня ожила. Всѣ, казалось, были веселы; но всѣхъ веселѣе былъ Сидоръ Данилычъ, самъ подносящій, по требованіямъ, склянки. Рабочіе, казалось, не знали счету деньгамъ, требовали то того, то другаго, но до ѣды не дотрогивались. Водка и пиво уже начинали производить свое дѣйствіе. Нѣкоторые острили надъ Сидоромъ Данилычемъ.

Большинство рабочихъ уже давно работало въ Петербургѣ, и поэтому отличалось отъ рабочихъ провинціи особеннымъ скла-

домъ рѣчи и живостію соображенія. Они отвѣчали не задумавшись, хотя бы отвѣтъ и выходилъ не подходящий; въ ихъ разговорахъ слышалась непременно какая нибудь острота, хотя и пустая, могущая показаться образованному наблюдателю глупою, но нравящаяся тѣмъ, къ кому она обращается и вызывающая ихъ хохотъ.

Стало уже темнѣть, а Петровъ все сидѣлъ. Ему весело было сидѣть, потому что такого веселья, какое было здѣсь, въ его квартирѣ не было, да тамъ едва ли даже кто былъ дома.

Вонъ за однимъ столомъ сидятъ шестеро. Въ числѣ ихъ одинъ въ полушубкѣ. Это рослый, здоровый, краснощекій и молодой мужчина. Онъ извозчикъ, возящій съ мостовыхъ соръ и снѣгъ зимой, и познакомился съ рабочими сегодня, потому что занялъ ихъ смѣшными разсказами.

— А это ящо што... А вотъ какъ меня жена выстегала!— говорилъ онъ.

Всѣ хохочутъ.

— Какъ тебя жена могла выстегать?

— Могла да и все тутъ. Да такъ, братцы вы мои, што впередъ въ баню не захошь! больно сладко.

Рабочіе хохочутъ до слезъ и заставляютъ повторить, что онъ чувствовалъ во время секуціи, острять и хохочутъ.

— Да за что же это она тебя угостила?

— Именно угостила. Видишь, какое дѣло-то: пьянствовалъ я двѣ недѣли, она возьми да къ старшинѣ, а тотъ и задалъ мнѣ парку. Славную задалъ...

Опять хохочутъ.

— Што жъ ты съ женою сдѣлалъ?

— Чего сдѣлаешь? Поглядѣлъ на нее съискоса и сказалъ: покорно благодаримъ, Дарья Ивановна!

— Молодая она?

— Моложе меня... Ну, а потомъ взялъ да и уѣхалъ въ Питеръ съ обоими лошадами.

— Хороши, стало быть, бабы.

— Дьявольское отродье... Отъ нихъ надо завсягда обороняться. Теперь я, если съ возомъ ѣду да завизжу бабу, въ сторону поворачиваю.

— Боишься, штобы не выстегала!

— Замѣтилъ: непременно несчастіе будетъ!

Но извозчикъ сталъ заговариваться и отъ него скоро отстали.

Къ столу, за которымъ сидѣлъ Петровъ, подошелъ десятникъ, мастеръ, выбранный рабочими и утвержденный главными мастерами для наблюденія за порядкомъ и рабочими, и получающій за это по два рубля въ рабочій день. Нѣкоторые встали и поз-

доровались съ нимъ; Петровъ сидѣлъ. Онъ не любилъ этого мастера. Десятникъ потребовалъ водки, сталъ угощать рабочихъ и рассказывалъ, какъ онъ поругался въ трактирѣ съ главнымъ мастеромъ Карломъ Карлычемъ.

— Ну, отъ тебя этого не сбудется, потому что ты передъ нимъ юлишь, какъ собака! — сказалъ Петровъ.

— Ахъ ты, калужской азіать! — сказала десятникъ.

— Я? Вотъ, можетъ, ты калужскій-то воръ! Господа! какъ онъ смѣетъ такъ обзывать! Вы внаете, чѣмъ пахнетъ это слово?

Это названіе было по понятіямъ рабочихъ самое обидное. Поэтому товарищи Петрова вступились за него. Петровъ пересѣлъ къ другому столу, начали пересаживаться и прочіе.

— А! вамъ Игнашко Петровъ лучше нравится... Погодите! — говорилъ десятникъ.

Трое остались съ десятникомъ.

— Сдѣлай милость. Ишь разлакомился. У тебя, братъ, шуба-то лисья, да душа-то крыся, а у меня шуба овечья, да душа человѣчья. Кто тебя спасаетъ отъ Карла Карлыча? Кто за горномъ-то спитъ пьяный цѣлый день... Сдѣлай милость, братъ! Мы допекемъ тебя.

— Полакомься! *) Кто говоритъ Карлу Карлычу, што ты вышелъ въ контору?

— Что ты умѣешь дѣлать-то? Разъ принялся на шугу колесо дѣлать, цѣльный день возился и испортилъ, а Петровъ-то по шести колесъ въ сутки дѣлаеть... Полакомишься, братъ, те-перь! — кричали рабочіе со всѣхъ сторонъ.

Десятникъ увидалъ, что дѣло плохо, и ушелъ.

Рабочіе стали ругать десятника и тѣхъ, которые сидѣли съ нимъ; за этихъ пристало нѣсколько человѣкъ. Началась ссора, отъ которой Игнатій Прокофьичъ ушелъ. Онъ зашелъ въ кабакъ къ Григорью Чубаркову, называемому по-просту Гришкой.

Въ кабакъ тоже было не мало народу. Извозчикъ, рассказывавшій въ харчевнѣ о томъ, какъ его выдрали изъ-за жены, былъ уже здѣсь и сидѣлъ у дверей пьяный безъ шапки и полушубка, въ вязаной рубашкѣ и ругалъ своего хозяина за то, что тотъ взялъ у него на храненіе тридцать рублей денегъ и не показываетъ глазъ двой сутки.

— Гдѣ жъ у те полушубокъ-то и шапка?

— На фатерѣ оставилъ. Не дали товарищи, — прошьешь, говорятъ. Гриша! А Гриша! Дай косушечку. Повѣрь: тридцать рублей у Кондратя лежатъ.

*) Это слово у петербургскихъ рабочихъ означаетъ все равно, что возрадуясь. Оно употребляется какъ выраженіе обиды, оскорбленія.

— Поворожи! — сказалъ Чубарковъ.

— Нешто я не волхъ?.. Да я, братецъ, по чухонски умѣю!

— Ишь ты, какой ученый.

— То-то и есть... Да я хошь сейчасъ водки достану. Пойду къ кабаку и скажусь, что я дворникъ.

— Ну? — хохотала публика.

— Скажу какому нибудь судорабочему: зачѣмъ тутъ ходишь — нельзя!.. Гриша! Дай.. рубашку возьми.. Сапоги.

— Ну, братъ, ты помѣшался. Плохо, видно, тебя жена стегала. Вѣдь ужъ ты и такъ едва сидишь. Иди домой.

— Не пойду. Блазнить.

Вошелъ Горшковъ съ узломъ. По лицу его замѣтно было, что онъ пришелъ изъ бани.

Выпивши водки, онъ направился домой. Петровъ пошелъ за нимъ.

— А я, братъ, Игнатій Прокофѣичъ, давно хотѣлъ поблагодарить тебя, да все какъ-то не подходило случая. Ужъ и жильцовъ же ты намъ поставилъ! Нарочно какъ будто привелъ больныхъ. Свезли въ клинику. Вотъ теперь дѣвчонка у Софьи захворала. Это отъ нихъ. Нехорошо, братецъ! — проговорилъ обидчиво Данило Сазонычъ.

Петровъ поблѣднѣлъ. Онъ распробовалъ подробно, и высказалъ сожалѣніе о томъ, что ничего не зналъ раньше.

— Я-то ничего, а вотъ Лизка съ Сонькой сердятся... Я только боюсь, не прилипчивая ли болѣзнь-то у нихъ: кабы бабы не захворали!...

Петровъ предложилъ Горшкову сходить завтра во 2-й сухопутный госпиталь и выразилъ желаніе водвориться къ нему.

Они пошли въ квартиру Горшковыхъ. Лизавета Ѳедосѣевна высказала вмѣстѣ съ сестрой свое неудовольствіе Петрову насчетъ жилищки.

— Вы меня давно знаете. Съ какой стати я стану дѣлать вамъ на зло? А вотъ вы меня къ себѣ пустите, вмѣсто нихъ.

Да я не знаю... Я деньги съ нея уже получила... Неловко, — сказала Лизавета Ѳедосѣевна.

— Я ей возвращу деньги.

Лизавета Ѳедосѣевна подозрительно посмотрѣла на Петрова, и ничего не сказала.

— Ну, да ладно, переходи... Ставь, баба, самоваръ, а завтра мы провѣдаемъ ихъ. Что ты давно съ ней, видно, знакомъ-то?

— Да такъ, мѣсяца съ три.

— Ишь ты, шуба овечья — душа человѣчья!

— Да ты, Данило Сазонычъ, не думай чего нибудь: я съ ней и разговаривалъ-то, кажется, всего раза четыре.

— Што про это говорить!

И Данило Сазоныч завелъ разговоръ о Потемкинѣ, который говорилъ ему, что переходитъ опять за Московскую заставу.

XXXVI.

Утромъ на другой день, Игнатій Прокофьичъ перебрался въ ту комнату, которую наняла Пелагея Прохоровна. Имущества у него было немного: сундукъ, образъ Тихвинской Божіей Матери въ серебряномъ окладѣ и узелъ съ хорошимъ платьемъ. Кровать онъ устроилъ скоро, такъ что къ десяти часамъ онъ и Горшковъ уже были одѣты по праздничному и пошли во второй военно-сухопутный госпиталь.

Сперва они розыскали Пелагею Прохоровну. Въ палатѣ, которую имъ указали, лежало до пятнадцати женщинъ. Около шести кроватей стояли посѣтители, мужчины и женщины. Когда они подошли къ Пелагеѣ Прохоровнѣ, она спала лежа на спиѣ. Лицо ея было измѣнившееся; а по склянкамъ, стоящимъ на маленькомъ столикѣ около кровати, можно было заключить, что она уже приняла немалое количество лекарствъ. Надъ ея головой, на черной дощечкѣ, было написано мѣломъ названіе болѣзни по-латыни. Они отошли къ двери.

Большинство женщинъ лежало, меньшинство полусидѣло; лежащія говорили съ трудомъ, смотрѣли на одинъ предметъ; полусидящія выговаривали медленно, точно у нихъ въ горлѣ что нибудь засѣло. Посѣтители, бѣдные люди, одѣтые по праздничному, говорили тихо, старались придать себѣ бодрость, но это какъ-то не выходило: въ ихъ голосѣ слышалось дрожаніе, глаза выражали любовь, ласку и печаль. Нигдѣ такъ человѣкъ не примиряется съ человѣкомъ, какъ въ больницѣ, какъ бы онъ ни былъ золъ на противника. Невольно посѣтителю приходитъ мысль, что жизнь человѣческая не долговѣчна и изъ больницы очень легко отправиться къ праотцамъ. Тѣмъ болѣе рабочій человѣкъ, видящій постоянно, что больные изъ больницы поступаютъ прямо на кладбище, смотреть на больныхъ съ великимъ сожалѣніемъ, много думаетъ о прошедшемъ, примиряется съ жизнію и желаетъ себѣ смерти, думая: а вѣдь тамъ лучше? Но крайней мѣрѣ, не знаешь, что будетъ завтра, тамъ ничего не чувствуешь... А то живешь, живешь, всегда чѣмъ нибудь недоволенъ, на каждомъ шагѣ встрѣчаешь препятствія и наконецъ добьешься того, что умрешь въ больницѣ.

Горшковъ и Петровъ стояли грустные. Имъ невыносимо тяжело было. Но они не говорили, а только взглядывали другъ на друга со вздохами.

Къ нимъ подошла сидѣлка, толстая, высокая пожилая женщина, и сказала что съ ихъ знакомой больной операцію въ горлѣ дѣлали недавно и что къ ней не велѣно никого пускать.

Печальные вышли изъ палаты Горшковъ и Петровъ.

— Вотъ она, жизнь-то наша! сказалъ Горшковъ.

— Што про это говорить. Ищемъ, гдѣ лучше, а находимъ могилу. Зачѣмъ родиться-то? проговорилъ съ досадою Петровъ.

— Слава Богу, што у меня дѣтей нѣтъ, сказалъ Горшковъ.

Пріятели замолчали и молча ушли до конторы, чтобы справиться о Панфилѣ Горюновѣ.

— Умеръ вчера, сказалъ писарь, справившійся въ книгѣ.

Горшкова и Петрова точно морозомъ обдало.

— Завтра въ анатомическую снесутъ. Рѣзать будутъ, сказалъ писарь.

Петровъ взглянулъ на Горшкова, который смотрѣлъ въ полъ.

— А нельзя, чтобы не рѣзать? спросилъ Горшковъ сердитымъ голосомъ.

— Если родные найдутся... Если кто хоронить возьмется, рѣзать не будутъ, потому что болѣзнь не интересная.

Петровъ и Горшковъ вышли изъ конторы задумчивые.

— Какъ быть-то? Надо хоронить, сказалъ Горшковъ.

— Зачѣмъ давать имъ рѣзать?

— Нешто человекъ скотъ какой? Умеръ и рѣжь. Надо его домой взять.

Но трупа на домъ не дали, а сказали, что его будутъ вскрывать, такъ какъ всѣхъ умершихъ въ клиникѣ вскрываютъ. Запечатались пріятели, но дѣлать нечего. Скоро они нашли на Выборгской же знакомаго гробовщика, которому ничего не стоило сколотить изъ досокъ гробъ и помазать его снаружи охрой, за что онъ, по пріятельски, взялъ рубль серебромъ.

— Теперь, на какомъ кладбищѣ мы его похоронимъ? спросилъ Горшковъ Петрова.

— Не въ Невскую же его тащить. Конечно, къ Митрофанію. Это наше кладбище.

Сдѣлавши все, что нужно, пріятели пошли домой; но не могли ѣсть и молчали. Лизавета Федосѣевна, пристававшая къ нимъ съ вопросами, наконецъ потеряла терпѣніе.

— Што, померли, што-ли спросила она.

— Братъ померъ, а той операцію въ горлѣ дѣлали.

— Экія времена-то, Господи! сколько народу-то мретъ. Дивны, холера!

— Ну, да толковать-то нечего, приготожь чистую рубаху да штаны, сказалъ Данило Сазонычъ.

— А много ли ихъ у тебя нашито? проговорила недовольно Лизавета Федосѣевна.

— Умремъ, такъ ничего не нужно будетъ.

Обоимъ пріятелямъ было тяжело и они вышли на улицу, но и тамъ не веселыя мысли бродили въ ихъ головахъ; къ тому же шелъ снѣгъ. Оба они хотѣли говорить, но ничего не находили, о чемъ завести разговоръ. Что объ этомъ говорить! заключалъ каждый, и сдѣлавъ сердитый взглядъ, отворачивалъ голову въ сторону. Но Петровъ злился больше Горшкова.

— Што стоите, али бабъ караулите? спросилъ рабочій, вышедшій изъ другаго двора.

Пріятели промолчали.

— Што, Оедулъ, губы-то надулъ! Аль дома худо? спросилъ улыбаясь рабочій Данила Сазоныча.

— Такъ, невесело... Тутъ вотъ квартирантовъ пустилъ къ себѣ, да захворали; вонъ тамъ... И онъ указалъ на Выборгскую.

— Померли?

— Одинъ померъ, другая-то тоже, можетъ, помретъ... Полакомься!

Рабочій замолчалъ.

— У меня вчера вотъ мать соборовали. Тоже, должно быть, скоро отойдетъ; а маленькій сынишко ногу сломалъ сегодня. Спасибо, студентъ у меня на Дворянской знакомый живетъ, такъ полечилъ немножко... Вотъ и полакомься! Штожь, какъ вы думаете?

— Ужь все готово. Надо завтра тащить. Думаемъ, гдѣ ближе—черезъ Литейный, али Троицкой къ Митрофанію.

— А на Волково не ближе?

— Не хочу я на Волково!

Всѣ трое вошли въ заведеніе къ Гришѣ Чубаркову и сѣли за столъ. Молодой извозчикъ сидѣлъ у двери съ растрепанными волосами, съ опухшимъ лицомъ, босой; вмѣсто вязаной рубахи на немъ была надѣта холщевая и холщевые же штаны, вмѣсто суконныхъ брюкъ.

— Не дашъ? говорилъ онъ хозяину заведенія.

— Нѣтъ... Что, Данило Сазонычъ, скучный такой? обратился хозяинъ къ Горшкову.

Тотъ закурилъ трубку и рассказалъ о причинѣ своей грусти.

— Вотъ теперъ надо его тащить, а вѣдь двоимъ-то, пожалуй, и не дотащить, Игнатій Прокофьичъ! сказалъ вдругъ Горшковъ Петрову.

— Надо попросить товарищей.

Въ кабакѣ нашлось четыре человѣка, пожелавшихъ отнести гробъ на Митрофаніевское кладбище.

На другой день Горшкову и Петрову было много хлопотъ. Нужно было выхлопотать свидѣтельство на дозволеніе хоро-

нить, брать билетъ на мѣсто въ шестомъ разрядѣ, просить, чтобы покойника позволили поставить въ церковь, чтобы онъ пролежалъ тамъ обѣдню, упрашивать могильщиковъ, чтобы они къ концу обѣдни успѣли выкопать яму и т. п. И за все это нужно было платить деньги, такъ что съ отпѣваньемъ у пріятелей вышло расхода четыре рубля съ копейками. Въ церкви покойниковъ было штукъ пятнадцать и въ церкви только и было разговору, что объ умершихъ. Обѣдня кончилась; но вотъ началось отпѣванье всѣхъ покойниковъ разомъ. Каждый зажегъ свѣчку, а если у кого не было денегъ, то тому давали свѣчку. Монотонное пѣніе и особенно „Со святыми упокой“ и „Плачу и рыдаю“ взволновало въ церкви все общество; начались рыданія женщинъ, кашли, сморканія; тѣ которыя не рыдали, плакали и, смотря на какой нибудь гробъ, слегка покачивали головами; мужчины, стоявшіе ближе къ гробамъ, старались не плакать, но слезы сами собой сочились изъ глазъ, и они слегка утирались своими заскорузлыми кулаками; тѣ же, которые стояли дальше и не могли видѣть гробовъ, не плакали, но тяжело вздыхая, смотрѣли на свои зажженные свѣчки, какъ бы стараясь этимъ развлечься.

Наконецъ, повесли покойниковъ изъ церкви. До могилъ священники не провожали, потому что шестой разрядъ не близко. Въ этомъ разрядѣ было много еще свободныхъ мѣстъ, но ямы вырыты только на аршинъ съ четвертью, потому что на днѣ вода. Гробъ съ Панфиломъ такъ и шлепнулся въ воду.

— Вотъ, братъ, тебѣ и покой. Ищи, братъ, гдѣ лудше! И жизнь-то худая человѣку на землѣ, и умрешь-то, такъ въ воду попадешь... А вѣдь тоже искалъ, гдѣ жизнь лучше? проговорилъ Давило Сазонычъ, когда стали зарывать гробъ.

— Всѣ мы ищемъ этого.

— Пятнадцать человѣками меньше стало. А народилось-то поди еще больше.

Саженьякъ во ста отъ могилы Панфила стояло четыре гроба. Ихъ спускали одинъ за другимъ, два поставили рядомъ, другіе два на эти гроба. Это публикѣ не нравилось и она стала приставать къ могильщикамъ, чтобы не ставили гроба на гроба.

— Не раздерутся... Не велики господа!

— И то еще ладно, што въ разные гроба положены. А то вонъ привозятъ по два и по три въ одномъ гробу, говорили могильщики.

Скоро народъ разошелся.

Недалеко отъ кладбищенской ограды стоитъ питьевое заведеніе, мимо котораго никакъ нельзя пройти ни изъ кладбища, ни въ кладбище.

— Догадливый этотъ народъ кабачкики: отличное мѣсто себѣ выбралъ. Ну, какъ не выпить? проговорилъ Горшковъ и повернулъ къ кабаку; за нимъ пошелъ и Петровъ, и другіе.

Въ кабакъ было уже нѣсколько посѣтителей, такъ что скоро въ него набралось до тридцати пяти человѣкъ, отъ чего и стало тѣсно.

— Хорошо, братецъ, тебѣ торговать тутъ! сказалъ одинъ портной.

— Ничего. А тоже отъ времени много зависитъ, отвѣтилъ кабачкикъ скороговоркой, наливая въ стаканы водку.

— Што про это говорить? Поди, въ день-то рублей десятокъ выручишь?

— Все отъ времени. Вотъ теперь осень, народу мретъ больше, ну и посѣтителей больше.

— Ну, все-таки тебѣ хорошо тутъ.

— А вотъ въ самомъ дѣлѣ, господа, гдѣ по вашему лучше? проговорилъ кто-то въ народѣ.

— Это то есть какъ?

— Объ деревнѣ и говорить нечего; въ столицѣ дрянно. Гдѣ же хорошо-то?

Большинство подняло этотъ вопросъ и начало его разбирать; другіе сказали, что объ этомъ разсуждать не стоитъ, и вышли.

Въ кабакъ стало меньше народу, такъ что оставшіеся разсѣлись на стулья и взяли по косушкѣ водки.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, братцы, гдѣ лучше?

— Кабачкику лучше, вотъ особливо ему. Онъ все едино, што попъ: какъ началась обѣдня, и пошли къ нему залить свое горе людишки. Схоронили эти людишки своихъ родныхъ или знакомыхъ, да помянули ихъ у него, онъ и лавку на замокъ.

— Въ кабакъ лучше,—сказалъ Горшковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, братцы, въ кабакъ лучше!—подхватило нѣсколько человѣкъ.

— Именно. Я эти дни какъ собака бѣгалъ и со мной не то лихорадка была, не то что... Голова такъ вотъ и хочетъ треснуть. А какъ выпьешь—немного повеселѣешь. Ну, и пріатели, и все такое. А дома хоть бы не показывался. Вотъ тоже въ церкви... Какъ тяжело! И плакать бы, кажется, не отчего: извѣстное дѣло, всѣ тамъ будемъ; нѣтъ, слеза такъ и прошибаетъ... А вотъ какъ выпилъ, ничего. Оно какъ будто тоска какая-то на сердцѣ, а въ головѣ ровно легче.

— Это ты справедливо говоришь. Въ кабакъ не въ примѣръ лучше, только забываться не надо.

— По моему, тогда хорошо, когда ничего не чувствуешь.

— Не о времени разговариваютъ, объ мѣстѣ... На работѣ чи-

жало, обижаютъ; дома нехорошо, да и што за домъ, коли своего-то нѣтъ, али хопна есть, да въ деревнѣ. А куда нашему брату идти? Въ кѣнтръ дорого и времени нѣту; гулять мы не привычны съ господами, тошно... Вотъ одново разу я соблазнился, пошелъ музыку слушать въ манежѣ, да замѣсто музыки въ часть попалъ... Такой, братцы, мнѣ въ части концертъ задали, што всякую охоту теперь отшибло отъ концертовъ. Провались они совсѣмъ!—говорилъ одинъ сапожникъ.

— А по моему, въ могилѣ лучше,—сказалъ кто-то.

— Ну, это ты, можетъ, съ горя.

— А въ самомъ дѣлѣ, умрешь—и конецъ.

— Это справедливо, никому самъ не мѣшаешь и тебѣ никто не мѣшаетъ. Вполюи спокойенъ. Въ церкви-то вонъ не напрасно поють: „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, но жизнь безконечна“. Не даромъ же мы, братцы, терпимъ такую канитель. А што это справедливо, такъ видно и изъ того, што и по законамъ строго запрещено разрывать могилу покойника. Значить, еще и уважаютъ. А въ жизни кто тебя уважаетъ? — проговорилъ Петровъ.

— Именно. Не даромъ, видно, мой братъ повѣсился.

— А вонъ вчера я шелъ по троицкому мосту... Иду, вдругъ какая-то баба бултыхъ въ Неву. Только ее и видѣли... Городовой кричить: лови! Куды?!.. Значить, есть люди, кои сами себѣ смерти желаютъ. Только грѣхъ вотъ.

.

Народъ началъ спорить и дѣло чуть не дошло до драки, но пришелъ городской и сталъ ихъ унимать.

— Нѣтъ, братцы, подлинно въ землѣ лучше. Хорошо бы было и въ кабакахъ, еслибы городовые не мѣшали,—сказалъ кто-то.

И народъ разошелся.

XXXVII.

Послѣ похоронъ, предыдущій разговоръ заставилъ сильно призадуматься Игнатія Прокофѣича. „Въ самомъ дѣлѣ, въ могилѣ лучше“, долго вертѣлось въ его головѣ и, наконецъ, его взяло зло, потому что какъ онъ ни разбиралъ свою жизнь, все приходилъ къ тому же заключенію. „Богатому человѣку вездѣ хорошо, думалъ онъ, но и богатый не всегда доволенъ; чортъ съ нимъ, и съ богатствомъ. Не надо мнѣ его. Вотъ такъ бы жить, чтобы и работа была, и деньги водились, и вужды бы не звать“. Но вотъ этого-то и трудно, почти невозможно добиться. Но неужели невозможно? Почему нѣмцы приходятъ въ

Петербургъ съ 50 р. денегъ и черезъ десять лѣтъ дома строить? Онъ самъ, бывши мальчишкою, работалъ у одного нѣмца-кузнеца; нѣмецъ тогда нанималъ маленькую квартиру на Гороховой и жилъ очень бѣдно, а теперь у этого нѣмца есть своя фабрика и свой домъ. Почему большая часть ремеслъ находится въ рукахъ нѣмцевъ и отчего, если за что нибудь возьмется русскій, дѣло у него не клеится, русскій разоряется и держится только по торговой части? Вѣдь, кажется, для столярнаго и кузнечнаго занятія нужны не Богъ-знаетъ какія знанія и капиталы? Петрову казалось, что нѣмцу или вообще иностранцу дають болѣе ходу и вѣры; нѣмецъ нѣмца скорѣе вытянетъ изъ бѣды, чѣмъ русскаго, а русскій русскаго, прежде, чѣмъ вытянуть изъ бѣды, еще подумаетъ, можно ли, да будетъ ли какая отъ этого ему польза. Нѣмецъ не труситъ, ставитъ послѣднюю копѣйку ребромъ, и если устраиваетъ какой магазинъ, то на хорошемъ мѣстѣ, одѣвается по заграничному, говоритъ умѣть по-французски, умѣть поддѣлаться къ господамъ, которые больше льнутъ къ заграничному, думая, что все заграничное лучше своего, тогда какъ самъ нѣмецъ и понятія, можетъ быть, о такой-то вещи не имѣетъ и дѣлаютъ такую-то вещь русскіе рабочіе. Стало быть, тутъ виноватъ самъ же рабочій, свободно отдающій себя въ кабалу, и неумѣнье его взяться за дѣло какъ слѣдуетъ, трусость его и простота, и главное—неумѣнье беречь деньги на черный день. Нѣмецъ деньги свои употребляетъ на матеріалъ или товаръ, а русскій на водку и другія удовольствія, отчего впадаетъ въ долги и кончаетъ тѣмъ, что, пропивая вещи, теряетъ черезъ это работу, или, какъ выражаются портные, давальцевъ. Но что же бы сдѣлалъ самъ Игнатій Прокофѣичъ, еслибы онъ захотѣлъ заняться чѣмъ нибудь? Теперь нѣмцевъ въ Петербургѣ очень много; почти всѣ ремесла въ рукахъ нѣмцевъ и французовъ, такъ что многимъ даже нѣмцамъ и французамъ приходится съ трудомъ зарабатывать себѣ пищу и деньги за квартиру. Стало быть, ему очень трудно будетъ найти заказовъ, и онъ только понапрасну затратитъ деньги и насмѣшитъ людей. Но, однако... Нѣмцы, какъ бы имъ ни было трудно, не ѣдутъ же изъ Петербурга... А если и есть такіе, что ѣдутъ въ провинцію, такъ это или аферисты, или такіе, которые уже спились въ Петербургѣ. Отчего портные и сапожники, работая въ одиночку, безъ мальчиковъ или работниковъ, не бросаютъ своего ремесла? Неужели столярное или кузнечное занятіе самое пустое?.. Все это, думалъ Петровъ, потому больше происходитъ, что наша братья привыкла работать на фабрикахъ или заводахъ, гдѣ народу много работаетъ, гдѣ можно меньше сдѣлать, чѣмъ одному дома, и гдѣ плата извѣстная. Тамъ, дома-то сидя, не знаешь еще, будетъ ли итъ у тебя работа, а на фабрикѣ или заводѣ проработалъ день, и знаешь, сколько тебѣ слѣдуетъ получить. Ну, и жизнь рабочаго на фабрикѣ или заводѣ такая

сложилась, что его тянетъ изъ дому, ему скучно безъ компаніи, а компаніи только высасываетъ деньги, и каждый, не желая отстать отъ другихъ, ставитъ послѣднюю копѣйку ребромъ, не заботясь о томъ, будетъ ли онъ въ состояніи завтра идти на работу.

„Попробую я самъ жить, какъ живутъ нѣмцы“, рѣшилъ Петровъ, и этой мысли уже никакъ не могъ выкинуть изъ головы. Денегъ у него было очень мало и онъ остановился на томъ, чтобы поработать на заводѣ недѣли двѣ, жить экономно, въ праздники походить по городу, посмотрѣть какого яблудь выгоднаго мѣста, чтобы перейти туда и нанять комнату, въ которой бы можно работать въ свободное время. Онъ рѣшилъ работать дома, что попадется. „Надо будетъ заготовить всякими инструментами и для кузнечнаго и столярнаго дѣла. Въ сундукъ у меня хотя и есть, только мало. Ну, а бросоваго желѣза и мѣди можно изъ завода натаскать—на грѣхъ-то тутъ нечего смотрѣть. Нужно непременно съ дворниками и лавочниками познакомиться, да домъ такой выбрать, чтобы въ немъ другихъ мастеровъ не было. И отчего это я раньше не рѣшался?.. Вотъ и Пелагея Прохоровна говорила мнѣ: отчего я самъ собой не работаю, такъ я наговорилъ, какъ и всѣ товарищи. Надо рискнуть“.

Хотя Петровъ о своемъ намѣреніи заняться мастерствомъ никому не сказалъ, но товарищи замѣтили, что онъ что-то замышляетъ. Онъ былъ молчаливъ, много работалъ и отвѣчалъ нехотя.

— Смотри, братъ, надорвешься! А нынѣ намъ прибавку объявляютъ,—говорили ему на заводѣ товарищи.

— Какую прибавку?

— Скидку по двадцати копѣекъ. Палакомься!

— Это почему?

— Ну, ужъ такъ въ конторѣ болтаютъ.

— Надо, братцы, узнать достоверно, — сказалъ Петровъ и пошелъ въ контору.

— Говорятъ, намъ убавятъ заработку? — спросилъ онъ конторщика.

— Пошелъ вонъ!—крикнулъ конторщикъ.

— Нѣтъ, однако, позвольте... Послѣ мы же будемъ виноваты.

— Не твое дѣло.

Когда онъ воротился на заводъ, то десятникъ, который обозвалъ его калужскижъ азіатомъ, сталъ требовать, чтобы онъ повѣсилъ номеръ на таблицу. На заводѣ у стѣны около двери висѣла таблица; на этой таблицѣ висѣли жестины съ номерами. Взявшій жестинку считался рабочимъ на заводѣ и его номеръ десятникъ отмѣчалъ въ своей книжкѣ и на таблицѣ мѣломъ; когда рабочій уходилъ изъ завода домой, то свой номеръ

вѣшалъ на таблицу; поэтому, уходящіе обѣдать домой уносили жестянки съ собой для того, чтобы ихъ нумеръ не попалъ другому, отчего десятникъ часто путался въ своемъ счетѣ по книжкѣ.

Петровъ разсердился.

— Съ какой стати я тебѣ жестянку дамъ? Полакомься! — и пошелъ къ горну.

— Ну, мнѣ все равно, я тебя ужъ вычеркнулъ.

Петровъ пошелъ разыскивать мастера Карла Карлыча, и нашелъ его сидящимъ на машинѣ и курящимъ сигару. Это былъ толстый, низенькій, обросшій бородою нѣмецъ, котораго рабочіе прозвали чурбашкомъ. Но онъ былъ добрейшее существо.

— Што, каспадинъ Петровъ?

Петровъ рассказалъ, въ чемъ дѣло.

— Зачѣмъ обижаль. Нельзя обижать начальниковъ. Иди, робь.

— Велите ему записать меня снова. Я ходилъ въ контору. Вѣдь вы видѣли меня здѣсь послѣ шабашу.

— А што тебѣ до конторы?

— Да какъ же, болтають, будто намъ сбавка готовится.

Нѣмецъ засмѣялся и сказалъ:

— А если и такъ?

— Вамъ-то ничего, вы по сту двадцати рублей получаете въ мѣсяцъ, вамъ не сбавляютъ. А мы-то чѣмъ виноваты?

— Время идетъ! Робь. А уходить будешь, расчетъ получишь.

— Вотъ у нихъ, у подлецовъ, какая справедливость! Поневоль руки опустятся, — сказалъ Петровъ собравшимся около него рабочимъ, по приходѣ отъ мастера.

— Стоить разговаривать съ ними.

— Нѣтъ, ихъ надо допытать. Они, какъ мы станемъ получать деньги, послѣ дѣйствительно дадутъ 20-ю копѣйками меньше. Не въ первый разъ. Скажутъ, зачѣмъ работали? А это вѣдь и намъ расчетъ, и имъ расчетъ. Положите на четыреста человекъ по 20-ти коп., сколько составитъ въ сутки капиталу...

Вечеромъ въ этотъ день во всѣхъ квартирахъ и кабакахъ только и было разговору, что о смѣлости Петрова и сбавкѣ платы. По этому поводу, у Григорья Чубаркова собралось много народу, который водки бралъ мало, что не очень нравилось Чубаркову, и онъ самъ навяливалъ имъ взять въ долгъ.

— Когда не нужно, ты предлагаешь, а послѣ тебѣ и давай деньги при получкѣ, а тутъ толкуютъ, што плату обрѣзываютъ.

— Што же это Петровъ-то нейдетъ? Смутить смутилъ, а потомъ спрятался.

— А Петровъ мастеръ первый сортъ. Жалко, если его уволить.

— Ну, уволить, такъ уволили бы сегодня.

А Петровъ разсуждалъ въ своей квартирѣ съ Горшковымъ.

— Гдѣ не слѣдуетъ, тамъ мы бойки. Вотъ и теперь, поди, въ кабакахъ пьянствуютъ и похваляются чѣмъ набудь да свои способности высчитываютъ,—говорилъ Петровъ недовольно.

— Ну, эдакъ, братъ, много не получишь, если будешь мѣнять заводы,—отвѣчалъ Горшковъ. — Вѣдь они, скоты, не дождать нашимъ братомъ.

— И все-таки молчать я никогда не стану. И говорю, что наши рабочіе дураки, потому что сами потекаютъ.

— Ну, хорошо; ну, если не станутъ всѣ работать, закроютъ заводъ, думаешь? Нѣтъ, новыхъ наберутъ.

— А новые-то и будутъ все портить.

— А мы все-таки будемъ безъ хлѣба... Ужъ я знаю. Разъ тоже мы эдакъ сговорились и стали всѣ требовать расчета. Расчетъ обѣщали черезъ день. Мы не пошли, заводъ заперли. А у половины мастеровыхъ денегъ нѣтъ. Кабаччики и лавочники, какъ слышали, что такой-то заводъ не въ ходу, перестали и въ долгъ вѣрять. На другой день тоже расчета не даютъ, и тоже никто не хочетъ работать; а голодъ беретъ свое. Хорошо, кто успѣлъ на другой заводъ или фабрику попасть. Такъ вѣдь насъ пятьсотъ человѣкъ съ лишнимъ было: куда ни придешь, вездѣ нумеровъ нѣтъ. Послѣ оказалось, что на сосѣднихъ заводахъ да фабрикахъ мастера стакнулись между собой: остальные жестянки попрятали. Ну, на третій день выдаютъ расчетъ—половину. Вотъ и полакомься! Жадуйтесь, говорятъ. По вашей, говорятъ, милости заводъ двое сутокъ стоялъ, компаніи убытокъ. А въ заводѣ ужъ и новый народъ набравши. Ну, наши-то почесали затылки и пошли опять въ работу, потому вѣсть было нечего.

— Кабы поменьше пьянствовали, были бы деньги,—сказалъ сердито Петровъ.

— И никогда денегъ не будетъ, если мы такъ будемъ получать. Если бы давали за каждые сутки, тогда—такъ.

Петровъ на это ничего не сказалъ. По его мнѣнію, такая выдача хороша бы была, если бы производилась съ самаго основанія заводовъ и если бы рабочіе не надѣялись на завтрашній день, но такъ какъ въ Петербургѣ за квартиры вездѣ платятъ впередъ и гуртомъ, то Петровъ находилъ болѣе удобнымъ получать плату въ каждую субботу, а не черезъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго рабочіе много должны. При такомъ порядкѣ рабочій могъ бы сообразить: слѣдуетъ ли ему еще работать на такомъ-то заводѣ и, уплативъ изъ платы часть долга, могъ бы употребить понедѣльникъ на присканіе другаго мѣста.

На другой день, рабочіе завода, на которомъ работали Пет-

ровъ и Горшковъ, собрались передъ конторой и стали требовать объясненія: почему сбавляютъ плату безъ ихъ согласія.

— Кто вамъ сказалъ, что сбавляютъ? плата та же, только требуется сокращеніе рабочихъ.

Рабочіе успокоились и постарались взять поскорѣ жестянки, которыхъ противъ вчерашняго оказалось на таблицѣ меньше.

Петрову и еще десятиремъ рабочимъ жестянокъ не досталось.

— Што это значить, братцы? Мы когда работали полнымъ комплектомъ, и тогда еще болталось жестянокъ двадцать, а сегодня, кажется, человекъ двадцати недостаетъ и тутъ на явившихся не хватило?—говорили рабочіе.

— Это штуки!—проговорилъ Петровъ и вышелъ.

Остальныхъ рабочихъ, не получившихъ жестянокъ, потребовали въ контору, и тамъ они получили должное внушеніе и жестянки. Петровъ тоже пошелъ въ контору.

— Позвольте расчетъ.

— Приходи черезъ двѣ недѣли,—отвѣтили ему спокойно.

— Значить, и на работу не принимаютъ, и денегъ не платятъ?

— Если ты хоть слово еще скажешь и не выйдешь сію минуту, тебя въ полицію отправимъ. Бунтовщикъ!

Такъ какъ Петрову знакомы были полицейскіе порядки, то онъ ушелъ домой.

Тамъ сосѣдка Соловьева ругалась съ Горшковыми. Женщины голосили такъ, что разобрать ихъ было довольно трудно. Игнатій Прокофьичъ пошелъ вонъ изъ квартиры.

— Игнатій Прокофьичъ, разбери ты насъ... Вотъ она говорить, что я ея мужа рубашку дала на покойника,—проговорила хозяйка, останавливая Петрова.

— Сколько рубашка твоего мужа стоитъ?—спросилъ Петровъ, подойдя къ Соловьевой.

— Да я денегъ и не прошу вовсе.

— Она еще попрекаетъ меня тѣмъ, что я будто бы въ связи съ тобой,—сказала Софья Федосѣвна.

— Если бы она совѣсть имѣла, не говорила бы этого.

И Петровъ ушелъ разсерженный. Онъ всталъ на Самсоніевскомъ мосту, долго смотрѣлъ на плывущій ледъ. Ему уже не въ первый разъ приходилось бывать безъ работы не по своей винѣ. „Пойду на Обводный каналъ, посмотрю тамъ мѣсто, найму комнату и попытаю жить по новому.“

Зашелъ онъ въ сухопутный госпиталь, Пелагея Прохоровна значилась въ живыхъ, но его и сегодня къ ней не допустили, а велѣли придти въ воскресенье или вторникъ.

По Обводному каналу, идущему изъ Невы по краямъ Петербурга и впадающему въ проливъ, отдѣляющій Гутуевскій и другіе острова отъ столицы, находится много разныхъ фабрикъ

и заводовъ, большихъ и малыхъ. Поэтому набережная этого канала преимущественно населена рабочимъ людомъ и тамъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, кипитъ дѣятельность рабочаго класса. Но попасть въ какую нибудь фабрику или заводъ не очень легко, даже и хорошему петербургскому мастеровому, не только что какому нибудь новичку въ фабричномъ или заводскомъ дѣлѣ, потому что все эти фабрики и заводы постоянно имѣютъ своихъ рабочихъ, а нѣкоторые, по большому производству въ нихъ дѣла, имѣютъ даже и постоянныхъ рабочихъ, которые, работая на однихъ заводахъ, постоянно лѣтъ пять живутъ въ однихъ домахъ, мѣняютъ рѣдко кабаки и мало знакомятся съ рабочими другихъ заводовъ и фабрикъ.

У Петрова были знакомые почти на каждой фабрикѣ и заводѣ, и онъ зналъ, на которой изъ нихъ лучше; но со своими знакомыми онъ видался только на народныхъ гуляньяхъ, на Адмиралтейской площади въ Пасху и въ масляницу. Въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ онъ слышалъ отъ нихъ, что во всемъ Петербургѣ самый хорошій заработокъ въ трехъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Обводному каналу.

Зашелъ Петровъ на одинъ заводъ, и его на первыхъ же порахъ поразила темнота. Съ виду зданія громадныя, чуть, не дворцы, а внутри темно, душно—точно тутъ вываривается какое нибудь масло. Это на него произвело тяжелое впечатлѣніе. Онъ прошелся по промежутку, по обѣимъ сторонамъ котораго работали мастеровые, и чѣмъ шелъ дальше, тѣмъ воздухъ былъ удушливѣе, и рабочіе казались ему похожими на мертвецовъ. Все рабочіе смотрѣли на него съ любопытствомъ, но ни одинъ не спросилъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. Мастеровъ онъ не увидалъ ни одного. Работа продолжалась какъ по машинѣ, да и люди походили скорѣе на куколъ, двигаемыхъ машинами.

— Братцы, не знаете ли вы Демьянова Егора? — спросилъ Петровъ одну кучу рабочихъ.

Рабочіе стали спрашивать другъ друга. Это переспрашиванье перешло по всему отдѣленію.

— По какой онъ работъ? — спросили Петрова.

— По рельсовой.

— Это не у насъ.

— Што же у васъ-то?

— Кодеса, крючья, цѣпи... Мало ли? Здѣсь кузница; дальше будетъ формировочная, потомъ казенная...

— А много ли вы получаете?

— Мы казенные и цѣна у насъ казенная. У насъ по комплекту. Такъ што ежели у кого есть дѣти—дѣти должны сюда поступать.

— А если кто со стороны желаетъ поступить?

— Нужно свидѣтельство на то, гдѣ онъ обученъ. Потому у него возьмутъ согласіе работать на столько-то лѣтъ.

— И вамъ это нравится?

— Ошиблись въ расчетахъ... Хотимъ просить вольготы. А впрочемъ, говорятъ, новое начальство будетъ: общають другіе порядки.

Пошелъ онъ къ водочному заводу. Тамъ не работали: что-то попортилось. Идя мимо него, Петровъ встрѣчался съ рабочими или стоящими у перилъ набережной, или сидящими передъ воротами.

— Что это заводъ-то вашъ оплошалъ? спросилъ онъ одну кучку.

— А штобъ ему сдохнуть!... толкуютъ, хозяинъ подъ судъ попался, да и попортилось што-то.

— Да вѣдь если подъ судъ попался, такъ надо бы больше зарабатывать. Не такъ ли, братцы?

— Такъ-то такъ, да управленіе-то дурацкое. Управляющій, говорятъ, сбѣжалъ въ другое мѣсто и отчеты сжегъ.

— Ну, это другое дѣло... А вы все-таки ждете у моря погоды?

— Что дѣлать? Надо. Мы не привыкли къ другому дѣлу, тутъ у насъ семейства на квартирахъ.

— Что про это говорить. А васъ много?

— Да до тысячи слишкомъ наберется.

На заводѣ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ впечатлѣніе было лучше.

— У насъ тѣмъ хорошо, што свой судъ. Кто если станетъ жаловаться полиціи, того вонъ. Плату даютъ исправно, въ какое время скажутъ, безъ задержки. Если не придешь, самъ виновать, потому у насъ полторы тысячи рабочихъ. У насъ принимаютъ всякихъ, такъ что есть солдаты, которые умѣютъ только музыкантить, а кузнечнаго ремесла не понимаютъ, и тѣ получаютъ по 50 коп. въ сутки. Ну, это, конечно, зависитъ отъ насъ. А вотъ насчетъ занятія у насъ обрѣзываютъ.

— По заграничному?

— А ужъ кто его знаетъ. У насъ рассчитано, сколько къ какому дѣлу нужно мастеровыхъ и сколько поэтому должно выйти въ сутки. У нихъ такимъ порядкомъ рассчитано, сколько обществу стоитъ каждый рабочій день, и идетъ все какъ по маслу— ни прибавки, ни убавки. Только вотъ тѣмъ мастеровымъ-то убыточно, кои работаютъ со штуки. Напримѣръ, мнѣ въ сутки положено 1 руб. 20 коп., больше я получить не могу, это высшая плата, потому что у насъ десятники получаютъ по 1 руб. 40 коп. въ сутки, и поэтому если я почию пять колесъ въ сутки, то кладется въ счетъ только два колеса, а за остальные мнѣ ничего не платять.

— Зачѣмъ же усердствовать-то?

— А если дѣлать нечего? Да для меня левое дѣло исправить колесо или новое сдѣлать; извѣстно, одно колесо въ десяти рукахъ перебивается, а только къ одному попадаетъ на штуку. А если сидишь безъ дѣла, ругаютъ. Уйти нельзя, денегъ не дадутъ за цѣльный день.

Петровъ зашелъ къ одному мастеровому, недалеко отъ варшавской желѣзной дороги. Пріятель его былъ дома и починивалъ замокъ, а мать пріятеля гладила мавишку.

— У насъ здѣсь по заграничному: если на работу не пришелъ, представь свидѣтельство отъ доктора, коихъ у насъ трое, ну и примутъ; если обругалъ мастера, потащутъ судить въ правленіе и потомъ рассчитаютъ; если работа случится ночью, плату увеличиваютъ. Ну, и начальство любитъ, чтобы его уважали.

— Ну, а какъ же ты дома-то работаешь? спросилъ Петровъ пріятеля.

— Да такъ: захворалъ. Животъ такъ и тянетъ. Выпилъ перцовки—не легчаетъ. Сходилъ къ нашему доктору, тотъ какого-то лекарства прописалъ, и все нѣтъ легче. Вотъ я и принялся дома за замокъ, ужъ недѣли двѣ какъ взялъ, кончить надо. Ну, а ты какъ? Вѣдь у васъ тамъ лучше нашего.

Петровъ рассказалъ пріятелю о своемъ намѣреніи.

— Оно, пожалуй, отчего не попробовать, если есть деньги. А все-таки у васъ лучше нашего тѣмъ, что платятъ хорошо. У насъ хоть и легче работа, иной разъ и дѣлать нечего, а уйти нельзя, потому что за тобой день считается, за то ужъ больше тридцати пяти рублей не получишь въ мѣсяцъ.

Отъ пріятеля Петровъ зашелъ къ одному лавочнику Телятникову. Телятниковъ годовъ шесть тому назадъ жилъ подручнымъ у лавочника и, женившись на его сестрѣ, открылъ на набережной Обводнаго канала свою лавочку. Онъ рассчитывалъ на рабочій народъ, котораго тутъ живетъ много, но сталъ продавать дороже другихъ лавочниковъ и не вѣрилъ на книжки, отчего у него торговля шла тихо. Кромѣ этого, нѣкоторыхъ вещей онъ не держалъ вовсе въ лавкѣ. Лавка его хотя и была первая въ шестомъ домѣ отъ угла Измайловскаго проспекта и другія мелочныя лавочки находились отъ его лавки къ Царско-сельскому проспекту черезъ три дома, но народъ шелъ за провизіей въ эти лавки. И Телятниковъ перебивался кое-какъ, продавая вещи жильцамъ того дома, въ которомъ онъ снималъ лавку, служащимъ на варшавской желѣзной дорогѣ, извозчикамъ возящимъ грязь и другія нечистоты и живущимъ черезъ домъ отъ его лавки въ какомъ-то пустомъ амбарѣ, и лѣтомъ судорабочимъ. Поэтому Телятниковъ сталъ продавать дешевле и отпускалъ въ долгъ, но и тутъ покупателей было мало, по-

тому что всё привыкли покупать въ одномъ мѣстѣ и къ нему шли брать только такіе, которымъ не вѣрили въ другихъ лавочкахъ.

— Ну, какъ дѣла, Герасимъ Трифонычъ? Больше году, какъ ужъ вы здѣсь живете, — спросилъ Телятниковъ Петровъ.

— Просто хотъ лавку заприрай. На два рубля въ сутки торгую.

— Што такъ плохо? Вы говорили, что здѣсь вамъ отлично будетъ торговать, потому что лавочниковъ мало, Сѣнная далеко, а народу живетъ много такого, которому некогда разбирать, гдѣ товаръ лучше.

— Да здѣсь такой, я тѣ скажу, народецъ — бѣда. Вотъ, на-примѣръ, варшавскіе: взялъ разъ, не понравилось — и ни за что ты его въ лавку не заманишь. Мало этого, своимъ товаришамъ скажетъ, какой у меня хлѣбъ, и тому подобное. А мастеровые такой народъ воровской, што и говорить нечего: онъ все норовить, какъ бы ему въ долгъ. Наберетъ много, видитъ, что денегъ нѣтъ, и пойдетъ забирать въ другія лавочки; такъ за нимъ и пропадутъ деньги, — бѣда! Теперь вотъ за помѣщеніе я плачу въ годъ четьреста пятьдесятъ рублей серебромъ, — а што? Лавка маленькая; когда идетъ дождь, вода въ нее льетъ, а весною наказанье съ этой водой.

— Отчего жъ другіе торгуютъ и не жалуются?

— Оттого, что они давно тутъ торгуютъ и про меня всякую всячину насказываютъ своимъ покупателямъ. Надо будетъ въ другое мѣсто перебраться, только еще не знаю, куда.

На встрѣчу Петрову попался Потемкинъ. Онъ былъ одѣтъ франтовски, на жилеткѣ красовалась цѣпочка.

— Который часъ на твоихъ колесахъ, Захаръ Константинычъ? — спросилъ Петровъ Потемкина.

— Всѣ! и Потемкинъ дернулъ цѣпочку, которая оказалась безъ часовъ. — Сбираюсь къ полковницѣ, надо еще малую толіку взять денегъ. Вотъ я и выдумалъ цѣпочку. А дастъ, я знаю.

— Поладили, значить?

— Еще бы. Только теперь ужъ я къ ней, когда нужно, буду ходить. Она, вишь ты, пригласила меня за тѣмъ, што мужъ ей написалъ, што ѣдетъ въ Петербургъ по дѣламъ и хочетъ ее требовать къ себѣ. Ну, она мнѣ и говоритъ: ты, говоритъ, Захаръ Константинычъ, поживи у меня это время. Какъ мужъ пріѣдетъ, я скажу ему, что съ нимъ не желаю жить, а желаю развода, чтобы съ тобой обвѣнчаться.

— Ишь ты, братецъ, какія у васъ дѣла! Ну, што жъ ты не хочешь на ней жениться?

— Избави Богъ! Она барыня, а я мужикъ. Да я и не намѣренъ жениться: что мнѣ чужую-то жизнь заѣдать.

— Неужли у нея получше нашего брата нѣту людей?

— Кто ее знаетъ. Ей, должно быть, потому хочется за меня, што у нея есть дѣвочка; третій годокъ ей идетъ. И говоритъ она: какъ только выйдетъ за меня, то продасть имѣнье въ Польшѣ — еще есть десятивъ триста, — и откроеть здѣсь магазинъ и читальню для рабочихъ — просвѣщать, слышь ты, насъ хочеть. И жалко мнѣ ее, да не нравится она мнѣ и отъ теперешней жизни отстать не хочеться.

— По моему, вехорошо отъ нея вытягивать деньги.

— И я это знаю. Все, что ни говорю товарищамъ о себѣ — хвастовство одно; а стань хвалиться, что поступаешь честнымъ манеромъ, смѣяться стануть. Вотъ и про часы я тебѣ сказалъ тоже неправду. Она мнѣ подарила часы, а я ихъ спряталъ въ сундучкѣ и даже въ кабакъ не закладываю.

— Вѣдь ты ее любишь?

— Иногда жалко мнѣ ее, такъ вотъ тебя и тянетъ. А пойдешь — назадъ тянетъ. Придешь къ ней, скучно, да и она ужъ не такая веселая, какъ прежде — все укоряетъ. Вотъ только у пьянаго и смѣлость явиться — такъ рѣдко пускаетъ пьянаго! А ужъ жениться я не могу на ней и подавно. женишься, она и возьметъ тебя въ руки; станеть грызть. Я было думалъ, въ такомъ случаѣ, еслибы напала дурь въ самомъ дѣлѣ жениться на ней, открыть какую нибудь кузницу, али мастерскую, потому я это дѣло хорошо смыслю, дакъ вѣдь я слабъ. Вотъ и теперъ недѣлю не пьешь, а какъ запьешь, дакъ все къ чорту. Што про это говорить!.. Прощай.

И Потемкинъ пошелъ.

Четыре дня Игнатій Прокофѣичъ высматривалъ себѣ мѣсто и квартиру, и вездѣ ничего не оказывалось. Никто не хвалился своимъ житьемъ, всѣ сѣтовали на дороговизну, грубое обращеніе мастеровъ и хозяевъ, слабое здоровье, и Петровъ былъ въ затрудненіи насчетъ мѣста. Но ему уже не хотѣлось измѣнить своего желанія, и онъ искалъ.

XXXVIII.

Петровъ ходилъ до сихъ поръ по краямъ; теперъ онъ пошелъ ввуть Петербурга. Но тутъ проходилъ онъ понапрасну два дня. Наконецъ, зашелъ въ одну изъ мастерскихъ на Итальянской улицѣ, съ хозяиномъ которой онъ восемь лѣтъ тому назадъ работалъ вмѣстѣ на одномъ заводѣ. Этотъ господинъ тогда женился на нѣмкѣ и открылъ мастерскую. Въ теченіе шести лѣтъ они видались въ Пасху и въ масляницу на гуляньяхъ, а потомъ Петровъ такъ и не слыхалъ о хозяинѣ съ Итальянской.

Надъ воротами большаго четырехъ-этажнаго дома была при-
бита вывѣска, которая свидѣтельствовала изображеніемъ само-
вара, кострюль и крановъ, что тутъ мастерская, въ которой
лудятъ и чинятъ мѣдную посуду. Былъ полдень, когда Петровъ
подошелъ къ этому дому. У воротъ стояло двое молодыхъ ма-
стеровыхъ въ своемъ нарядѣ: рубахѣ, брюкахъ, которыя пок-
рываетъ засаленный передникъ, съ ремешкомъ на лбу и въ ка-
лошахъ на босую ногу. Петровъ давно уже не видалъ масте-
ровыхъ у домовъ въ такомъ видѣ: рабочіе по краямъ города
въ такомъ видѣ находятся только при дѣлѣ, изъ фабрикъ или
заводовъ на улицу не выбѣгаютъ, а когда идутъ домой, то на-
кидываютъ халатъ или зипунъ или полушубокъ и на ногахъ
носятъ сапоги, а ремни рѣдкіе носятъ и у дѣла.

— Вы не изъ мастерской ли Платонова?—спросилъ масте-
ровыхъ Петровъ.

— Какого Платонова?—спросилъ съ свою очередь одинъ изъ
мастеровыхъ, и лукаво взглянулъ на товарища.

— Исая Павлыча.

— Тутъ нѣтъ такихъ. Ищи въ другомъ мѣстѣ, — прогово-
рилъ съ усмѣшкой другой мастерской.

Петровъ вошелъ во дворъ. Задняя сторона дома имѣла толь-
ко два этажа. Надъ дверями внизу была прибита вывѣска ма-
стерской.

„Таковъ ужъ характеръ у мастеровыхъ, чтобы не отвѣчать
сразу“,—подумалъ Петровъ и вошелъ въ мастерскую.

Это была большая, темная комната о трехъ окнахъ съ туск-
лыми стеклами въ рамахъ. По правую сторону мастерской
помѣщалась печь и мѣха для раздуванья; между печью и две-
рями за перегородкой лежалъ каменный уголь и какіе-то же-
лѣзные куски, надѣво были сдѣланы сидѣнья для рабочихъ и
верстаки; инструменты были разбросаны, уголья и зола въ пе-
чи холодные. Во всей мастерской работалъ только одинъ маль-
чикъ, сидя у окна.

— Что у васъ за праздникъ?—спросилъ Петровъ мальчика.

Но тотъ не отвѣчалъ, только косо посмотрѣлъ на посѣти-
теля.

— Тебѣ кого?—спросилъ онъ Петрова.

— Хозяина.

— У насъ нѣтъ хозяина, а хозяйка уѣхала въ Кронштадтъ.

Оказалось, что самъ Платоновъ лежитъ уже въ землѣ пол-
тора года и мастерскую заправляетъ его жена. При жизни Пла-
тонова въ мастерской работало двѣнадцать мальчиковъ и двое
мастеровыхъ, подъ присмотромъ самого хозяина. Заказовъ бы-
ло много и рабочимъ хорошо было жить, потому что хозяинъ
былъ смиренный, никого не обижалъ и помощникамъ потачки не
давалъ. Послѣ его смерти, вдова предоставила все дѣло двумъ

помощникамъ, которые другъ съ другомъ ссорились изъ-за того, что каждому хотѣлось быть первымъ: мальчики ихъ не слушались, ихъ стали увольнять и на мѣсто ихъ принимали всякій сбродъ. Поэтому хозяйка рѣшилась отказать помощникамъ и поѣхала въ Кронштадтъ къ брату, чтобы взять у него хорошаго мастера изъ нѣмцевъ. Теперь у хозяйки жилъ только одинъ мальчикъ.

— А кто ея братъ?

Мальчикъ сказалъ.

— Да я съ нимъ вмѣстѣ въ обученіи былъ; потомъ онъ на Средней Мѣщанской кузницу держалъ. Я его зваю, толстопузаго нѣмца.

Петровъ отправился въ Кронштадтъ, розыскалъ Шварца.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!

Тотъ сталъ смотрѣть на Петрова.

— Кто ти! Какъ смѣлъ ходить по чужимъ мастерскимъ?

— Забыли Игнатя Прокофьева?

Нѣмецъ просіялъ, сталъ тереть руки, потрепалъ Петрова нѣсколько разъ по спинѣ и звалъ въ комнату, но онъ отказался.

— Я вѣдь сюда не надолго, по дѣлу; да и сообщеніе-то не совсѣмъ удобное. А вотъ пойдемъ выпьемъ пива.

За пивомъ Петровъ сообщилъ Шварцу, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ.

— Она еще здѣсь. Она проситъ мастеровъ... А я совѣтую бросить: гдѣ ей возиться? Она не Шварцъ и не Платоновъ.

— Зачѣмъ же ей бросать, если она не одинъ годъ живетъ на одномъ мѣстѣ?

— Да, мѣсто много значитъ. Я въ Средней Мѣщанской семь лѣтъ выжилъ. Первые два года было о-о какъ трудно, а потомъ ничего. И теперь бы жилъ тамъ, да стали перестраивать домъ.

— И ей достаточно было бы одного мастера, который бы смотрѣлъ за всѣмъ.

— И достаточно, только надо нѣмца. Нѣмца лучше слушаются чѣмъ русскаго.

— Однако, вѣдь мужъ-то у нея былъ же русскій.

— О! Онъ хорошо говорилъ по-нѣмецки... Однако, я скажу Терезѣ, пусть она на первое время тебя возьметъ; а тамъ увидитъ. Я знаю, ты человекъ хороший... Шнапса много пьешь?

— Случается, но больше пиво употребляемъ.

— Ну, это хорошо. Шнапсъ надо помаленьку.

Шварцъ представилъ Петрова вдовѣ Платонова сказала, что она его гдѣ-то видала, и они тутъ же уговорились насчетъ мастерской. Петровъ выговорилъ себѣ жалованья тридцать пять

рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, что будетъ имѣть квартиру и столъ отдѣльно отъ мастерской. Онъ обязался найти мальчиковъ и улучшить мастерскую.

Комнату Петровъ нанялъ въ другомъ домѣ, напротивъ того, въ которомъ помѣщалась мастерская Платоновой. Она находилась въ четвертомъ этажѣ, въ квартирѣ, набитой вдовами чиновницами, кандидатомъ на коллежскаго регистратора, какимъ-то чиновникомъ и рѣзчикомъ-художникомъ. Всѣ эти господа и госпожи перебивались кое-какъ, кое-что дѣлая, жили по два и по три въ комнатахъ, которыя отдавались въ наемъ отъ квартирной хозяйки не дешевле пяти рублей въ мѣсяцъ. Петровъ заплатилъ пять рублей, но эта была хотя и узенькая комната, за то свѣтлая. Хозяйка, какая-то штабсъ-капитанша, держала эту квартиру уже много лѣтъ и поэтому въ комнату Петрова, тотчасъ по отдачѣ имъ задаточныхъ денегъ, появилось два стула, кровать и столъ.

— Вотъ что, хозяйшка, могу я въ квартирѣ своимъ мастерствомъ заниматься?

— Какое же у васъ мастерство?

— Я столяръ и кузнецъ.

— О, Боже избави!.. Ты, батюшко, у меня всѣ стѣны испокостишь, да и дворникъ этого не позволить. Здѣсь господа живутъ.

За стѣнной рѣзчикъ что-то стучалъ.

— Но вотъ тоже работаетъ тамъ кто-то.

— То художникъ. Онъ топоромъ не рубить, досокъ не таскаетъ.

— И я топоромъ не рублю. А вотъ если замокъ исправить— это мое дѣло; также комодъ склеить, покрасить.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ужь ты, батюшко, исправь мнѣ дверь на крыльцѣ. Вотъ ужъ сколько времени прошу управляющаго сдѣлать замокъ и дверь исправить: успѣется, говоритъ. И такъ къ ночи-то бичевкой заматываемъ... И кровать починить умѣешь?

— Все, что угодно... У васъ, поди, много ломки-то?

— И не говори... Ужь ты только мнѣ-то справь, а работы въ дому найдется много.

— Хорошо. Въ воскресенье я осмотрю и примусь.

Итакъ, квартиру себѣ Петровъ нашелъ. Но труднѣе всего было устроить мастерскую, съ которой онъ провозился двѣ недѣли, пока не поставилъ какъ слѣдуетъ. Въ приведеніи ея въ порядокъ встрѣтилось два препятствія: первое, наискосокъ открывалась другая мастерская, и второе, трудно было найти мальчиковъ, а мастеровыхъ нанимать невыгодно, такъ какъ они просили не меньше рубля за день. Недѣля прошла въ напрасныхъ поискахъ, между тѣмъ новая мастерская уже начала

исполнять заказы; хозяйка все это приписывала неумѣнью Петрова взяться за дѣло.

— Будемъ-ко съ однимъ мальчикомъ работать, а работу я найду.

— Мнѣ невыгодно: мы выработаемъ, можетъ быть, въ сутки только рубль, тогда какъ мнѣ все содержаніе мастерской обходится два съ половиной въ сутки,—отвѣчала она.

Но на другую недѣлю въ мастерскую пришли двое мальчиковъ по тринадцатому и пятнадцатому году. Они прежде работали у Платонова и согласились за шесть рублей остаться у жены его, съ тѣмъ, чтобы она ихъ кормила и давала квартиру.

Петровъ познакомился съ дворниками того дома, въ которомъ жилъ, сказалъ имъ, что мастерская идетъ на славу, и просилъ отдавать вещи въ починку Платоновой. Дворники обѣщали, что если онъ, новый мастеръ, будетъ давать на водку, то они найдутъ много работы. И дѣйствительно, съ другаго же дня стали приносить въ починку разныя вещи и заказывали дѣлать новыя, такъ что всѣ мальчики и Петровъ были заняты.

Мало по малу мастерская поправлялась: стали проспаться въ нее мальчики, стало больше работы. Кромѣ ломаной посуды и другихъ вещей изъ желѣза, олова и мѣди, Платонова заключила съ однимъ купцомъ условіе на поставку цѣпей, стальныхъ замковъ, шалнеровъ и т. п., тогда прихватила еще шестерыхъ мальчиковъ и Петровъ повеселѣлъ.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ перезнакомился чуть не со всѣми жильцами того дома, въ которомъ жилъ, и къ концу втораго мѣсяца у него было такъ много работы, что онъ не зналъ, что съ ней дѣлать. Замки, ключи и т. п. мелкія вещи онъ отдавалъ на праздники мальчикамъ мастерской, но у него были такія вещи, возиться съ которыми приводилось двое, трое сутокъ, тогда какъ у него одинъ въ недѣлю свободный день—воскресенье. Этого добиться ему хотѣлось давно; ему не хотѣлось работать въ мастерской, потому что тамъ онъ работалъ все-таки въ удушливомъ воздухѣ, долженъ былъ за все отвѣчать передъ хозяйкой, а мальчики не всегда-то слушались его. „А если я буду работать дома, то я спокоенъ“, сказалъ онъ себѣ и пошелъ къ Горшкову, которому предложилъ свое мѣсто. Тотъ согласился съ удовольствіемъ.

— Ахъ, ты меня надулъ!—сказала вдова Платонова, когда Петровъ потребовалъ отъ нея расчетъ.

— Иванъ Ивановичъ мнѣ говорилъ, что вы возьмете меня на время, и я сдѣлалъ все, что смогъ. И мой пріятель тоже не уронитъ вашу мастерскую. Я за него отвѣчаю.

— А я много-много на тебя надѣялась, проговорила Платонова, вздыхая.

„Ну матушка, покорно благодарю! У тебя никакъ четверо дѣтей“, подумалъ на это Петровъ и ушелъ во второй сухопутный госпиталь.

XXXIX.

Петровъ сперва посѣщалъ Пелагею Прохоровну по воскресеньямъ; но не каждое воскресенье, а мимоходомъ, когда посѣщалъ Петербургскую и Выборгскую стороны. Онъ Пелагею Прохоровну звалъ очень мало и поэтому относился къ ней какъ ближній къ ближнему и какъ честный человѣкъ; въ его характерѣ было, что если онъ взялся за какое нибудь дѣло, то долженъ его докончить. Онъ никому не хвастался, что у него есть знакомая женщина, къ которой онъ ходитъ въ клинику, но въ тайнѣ желалъ, чтобы эта женщина выздоровѣла, и думалъ объ ней много. Онъ разбиралъ всѣ свои отношенія къ Пелагеѣ Прохоровнѣ; отношенія эти были честныя. Теперь дѣла его стали поправляться; онъ жилъ въ своей квартирѣ, и вотъ ему больше, чѣмъ прежде, захотѣлось жить семейно, и выборъ палъ на Пелагею Прохоровну, къ которой его тянуло такъ, что въ послѣднее время онъ сталъ уже ходить къ ней и по четвергамъ. Ему тамъ было и грустно, и хорошо: грустно потому, что на него больные производили тяжелое впечатлѣнiе, а хорошо потому, что онъ разговаривалъ съ Пелагеѣй Прохоровной, которая съ каждымъ днемъ поправлялась. Но и тутъ отношенія Петрова къ Пелагеѣ Прохоровнѣ были прежнія—они были знакомы, и больше ничего.

Но Петровъ жилъ все-таки въ мирѣ здоровомъ; онъ могъ дѣлать, что хотѣлъ, могъ идти куда угодно, а Пелагея Прохорова жила среди больныхъ женщинъ и ей запрещено было выходить даже въ корридоръ. Поэтому немудрено, что жизнь въ госпиталѣ ей надоѣла и она съ нетерпѣнiемъ ждала четверга и воскресенья—дни, въ которые къ больнымъ приходили люди здоровые. Этимъ посѣтителемъ всѣ были рады. Но больше всего Пелагеѣ Прохоровнѣ нравились посѣщенія Петрова.

Пелагея Прохорова лежала въ серединѣ; ея кровать была шестая отъ двери. Когда пришелъ Игнатій Прокофьевичъ, она, сидя на кровати, разговаривала съ сосѣдней женщиной. Прочія женщины или лежали, или сидѣли; двѣ ходили съ кружками, а четыре играли въ карты. Сидѣлка, Марья Ильинишна, толстая женщина, откормившаяся въ госпиталѣ, сидя у окна, что-то шила и напѣвала пѣсенки. Посѣтителей въ этой палатѣ еще не было. Больныя, при видѣ Петрова, оживились; женщина разговаривавшая съ Пелагеѣй Прохоровной, ушла къ играющимъ.

— Ну, Пелагея Прохорова, сказалъ Петровъ:—я порѣшилъ

съ мастерской. Хочу самъ работать. Помните разговоръ-то нашъ за воротами Филимоновскаго дома. Я тогда думалъ, что нельзя работать одному, а теперь вотъ вышло, что можно!

— А я потому говорила такъ, што у насъ есть мастера, кои самп работаютъ и живутъ хорошо. И она рассказала про Короваева.

— Ну, а Короваевъ еще много пробьется въ Петербургъ, прежде чѣмъ возьмется за свое ремесло. Онъ хорошъ въ своемъ заводѣ былъ, потому что тамъ выросъ, тамъ его всѣ знаютъ; а поди онъ въ городъ, такъ тамъ своихъ мастеровъ много.

— А я хочу выписаться.

— Ну, я бы не совѣтывалъ до тѣхъ поръ, пока совѣмъ не поправитесь. Вѣдь вы еще не въ сплахъ работать?

— Можетъ и справлюсь.

— Нѣтъ, ужъ лучше недѣлку, другую побудь здѣсь: здѣсь и тепло, и кормить, и за квартиру не берутъ... А вотъ што, Пелагея Прохоровна, чѣмъ ты заниматься теперь будешь?

— Вонъ тутъ есть Софья Максимовна; она прачка, такъ совѣтуетъ стиркой завяться, и хозяйку свою мнѣ хвалить.

— Ну, жить-то у хозяекъ я бы не совѣтывалъ, потому что хозяйки вездѣ одинаковы: всѣ онѣ на работницъ и кормить плохо. А я вотъ что придумалъ: нашъ домъ большой; въ немъ, кажется, квартиръ сорокъ, а прачки нѣтъ. Стоитъ только сказать дворникамъ.

— Ахъ, какъ бы это хорошо было!

— Только нужно поправиться. Ну, а квартиру мы сыщемъ.

Скоро послѣ этого Петровъ ушелъ. Ему захотѣлось устроить Пелагею Прохоровну поскорѣе, и онъ сталъ искать ей комнату въ домѣ, но удобной для прачешной не оказалось, а была квартира въ пятомъ этажѣ и въ ней три комнаты. Но безъ согласія Пелагеи Прохоровны онъ не рѣшился нанять ее.

— Нѣтъ, ужъ я непременно выпишусь. Кромѣ скуки, еще то неприятно, што сосѣдки упрекаютъ меня тобой, Игнатій Прокофьевичъ: говорить, што я любовница, сказала Пелагея Прохоровна Петрову въ слѣдующее воскресенье.

— На это не стоитъ обращать вниманія. Я вотъ и самъ подумаю, какъ бы тебѣ выйти, только не знаю, согласиться ли ты... Видишь ли, для того, чтобы заняться стиркой, нужно имѣть непременно свою квартиру. У насъ въ домѣ есть такая квартира—въ ней тоже жила прачка. Самъ я живу теперь въ отдѣльной комнатѣ, и мнѣ бы эта квартира была хороша.

Петровъ замолчалъ. Пелагея Прохоровна тоже задумалась. Ей казалось неудобно жить въ одной квартирѣ съ холостымъ мужчиной, тѣмъ болѣе, что про нее стануть говорить Богъ знаетъ что, и черезъ эти пересуды она, пожалуй, не много будетъ имѣть работы.

— Ужь я думалъ объ этомъ дѣлѣ. Если теперь нанять комнату гдѣ нибудь во флигель, то въ комнатѣ стирать бѣлье не дозволятъ; а если и будетъ можно, то вѣдь каковы сосѣди: бѣлье чужое, его нужно беречь и на сосѣдей полагаться нечего. А у насъ въ домѣ и вѣшать бѣлье есть гдѣ.

— Неловко намъ вмѣстѣ-то жить,—сказала Пелагея Прохорова.

— Что за неловко! Пусть люди говорятъ, что хотятъ, а мы будемъ каждый при своемъ мѣстѣ. Говорятъ тѣ, коп сами себя дурно ведутъ. Живутъ же баре съ любовницами, да ничего имъ не дѣлается, а еще любовницъ уважаютъ.

Пелагея Прохорова согласилась, и черезъ день послѣ этого Петровъ привезъ ее на новую квартиру.

Себѣ онъ выбралъ свѣтлую большую комнату, Пелагеѣ Прохоровнѣ предоставилъ кухню съ небольшою комнатою, которая находилась отъ комнаты Петрова на противоположной сторонѣ. Пелагея Прохорова нашла въ квартирѣ все нужное для стирки бѣлья и, сверхъ того, кровать, два стула и столъ.

— Сколько же ты съ меня за комнату возьмешь?—спросила Пелагея Прохорова, оглядѣвши свою квартиру.

— А это будетъ зависѣть отъ того, какъ пойдетъ дѣло.

— Ну, я такъ не хочу. У меня есть два рубля денегъ.

— Только-то... Да ихъ, пожалуй, не хватитъ и на мыло да на крахмаль.

Петровъ ушелъ и заперъ свою комнату на замокъ.

„Нѣтъ, онъ акуратный. Онъ не похожъ на другихъ мастеровыхъ. Вотъ такого мужа хорошо бы имѣть... А, впрочемъ, кто его знаетъ?“ думала Пелагея Прохорова по уходѣ Петрова.

Пелагеѣ Прохоровнѣ было скучно одной, но часа черезъ полтора къ ней пришла жена старшаго дворника, Лизавета Федорова, уже пожилая женщина.

Вошедши, дворничиха оглядѣла квартиру, перекрестилась, поклонилась Пелагеѣ Прохоровнѣ и спросила ее:

— А што, ушелъ Игнатій-то Прокофьевичъ?

— Ушелъ.

— Эко дѣло... Я хотѣла попросить его шкатулку починить... А вы, я слышала, прачка?

— Здѣсь еще не пробовала.

— Ну, у насъ домъ большой. Главное, нужно хорошо стирать; здѣсь и важные господа есть. А ты приходи къ намъ. Мы хоть и въ подвалѣ живемъ, а все жъ по-питерски, набадовавши: кофеемъ угошу.

— Покорно благодарю! А я вотъ васъ хочу попросить насчетъ бѣлья-то. Меня вѣдь здѣсь никто не знаетъ. Да вы зашли бы въ комнату-то.

Дворничихъ, какъ видно, хотѣлось узнать, гдѣ и какъ помѣщается новая прачка, и она пошла за Пелагеей Прохоровной въ ея комнату.

— Отлично ты устроилась... Отлично... Ну, а Прокофѣичъ-то особо?

— Отдѣльно. У него комната заперта.

— Экой скопидомъ... Ужъ такого скупаго я мало впдала. Ну, и рѣшительный, и все знающій... А вы давно знакомы-то?

Это допрашиваніе разсердило Пелагею Прохоровну, но она сдержалась.

— Да мы еще мало знакомы, — отвѣтила она.

— Да ты не бойся... Я звонить не пойду, какъ другія бабы... Я, знаешь, тебѣ совѣтую отъ нашихъ кухарокъ держать себя подальше... Съ горничными еще можно знакомиться, потому онѣ при барыняхъ больше. А что до работы, такъ это пустякъ. Ты, ежели что, прямо ко мнѣ; мнѣ тутъ многіе знакомы, потому мы ужъ тутъ двѣнадцатый годъ живемъ.

И дворничиха начала рассказывать про прежнюю прачку, какъ та таскалась съ молодыми дворниками, переговаривалась въ окно черезъ дворъ съ жильцами чиновниками.

— Нехорошо. Себя она страмила. Ну, заведи она себѣ кавалера и живи съ нимъ, — тутъ худова нѣтъ. Вонъ у насъ генералъ съ любовницей живетъ, такъ всѣ ее уважаютъ.

— Ну, ужъ вы это, Лизавета Федоровна, напрасно...

— Ну, матушка, не вѣкъ вы такъ съ Прокофѣичемъ-то станете жить, а пока у васъ до свадьбы дѣло дойдетъ, до тѣхъ поръ надо держать себя умѣючи и не обращать вниманія на сплетни. А безъ сплетенъ не обойдется, потому народъ здѣсь вольный, самъ живетъ дрянно и объ другихъ думаетъ дрянно.

Дворничиха ушла.

Петровъ не приходилъ долго, и Пелагея Прохоровна было очень скучно; ей хотѣлось что нибудь дѣлать, хотѣлось выстирать свое бѣлье, но въ квартирѣ воды не было. Она спустилась къ дворникамъ, тѣ сказали, что воды принесутъ завтра; поднялась она въ свою квартиру и устала.

„Плохой я стала человекъ. А можетъ, это и съ болѣзни“, подумала Пелагея Прохоровна и стала перебрать свое имущество; но черезъ полчаса къ ней пришла женщина.

— Здѣсь прачка живетъ? — спросила она въ кухнѣ.

Пелагея Прохоровна вышла.

— Нашей барынѣ нужно бѣлье стирать; иди, возьми!

Пелагея Прохоровна пошла за кухаркой.

Барыня заставила ее ждать себя въ кухнѣ болѣе часу. Кухня была барская, съ водопроводомъ; тамъ былъ поваръ, приходилъ лакей и горничная. Наконецъ, вышла барыня.

— Хорошо стираешь бѣлье?—спросила она Пелагею Прохоровну.

— Прежде стирала—нравилось.

— Мнѣ нужно, чтобы бѣлье было вымыто скоро, выглажено, однимъ словомъ, чтобы было хорошо. Вотъ тебѣ реэстръ. Марья!—крикнула барыня и ушла.

Стали провѣрять бѣлье.

— Да, ужь ты, прачка, и мое кстати выстирай: вѣдь много денегъ-то будешь получать.

— Какъ—даромъ?

— Неужели еще съ насъ деньги будешь брать?

— Ну, такъ я несогласна.

— А несогласна, такъ въ другой разъ мы другую прачку найдемъ.

Пелагея Прохоровна подумала и взяла бѣлье отъ прислуги.

— Приходи когда нибудь—кофеемъ напоимъ. А намъ самимъ возиться съ бѣльемъ некогда: цѣлый день бѣгаешь изъ угла въ уголъ.

Узелъ оказался большой, и Пелагея Прохоровна черезъ великую силу донесла его до своей квартиры. Но она была очень рада, что такъ скоро нашла работу.

Игнатій Прокофичъ былъ дома.

— Что, ужь и работа есть?—спросилъ онъ весело.

— Слава Богу. Вотъ, говорятъ, корзинка нужна для бѣлья.

— Корзинка есть—тамъ, на чердакѣ. А я што думаю: не лучше ли намъ готовить кушанье дома. Я вотъ сегодня работалъ у одной полковницы—драпировку съ ней дѣлалъ, такъ она меня покормила въ кухнѣ и подлецомъ обозвала.

— За что?

— Такая ужь барыня. Прежде она помѣщицей была. Я, говоритъ, Игнатій, прежде по мордамъ била, а теперь нельзя, теперь новые порядки, а все, говоритъ, не могу не обругать человѣка. И обругала, и извинилась. Такъ вотъ теперь я хочу дома обѣдать.

— Ты обо мнѣ-то не заботься.

— Я о себѣ забочусь. Вотъ только я боюсь, чтобы ты не простудилась—холодно стоитъ, а у тебя теплаго ничего нѣтъ.

— О, я привычна къ холоду.

— А ты какъ спать-то будешь ложиться, запри дверь на замокъ. Здѣсь надо быть осторожнымъ. А то вотъ я пришелъ, тебя нѣтъ, а въ кухнѣ какая-то баба въ салонѣ сидитъ; я говоритъ, къ Татьянѣ Егоровнѣ пришла.

Петровъ послѣ этого заперся въ своей комнатѣ, а Пелагея Прохоровна стала тоже въ своей комнатѣ разбирать бѣлье.

XI.

Квартира оказалась холодною, почему Петровъ и Пелагея Прохоровна встали рано и въ комнатѣ Пелагеи Прохоровны успѣлись пить чай.

— Въ состояніи ли ты, Пелагея Прохоровна, приняться за работу?—спросилъ Петровъ.

— Кабы не въ состояніи, не взялась. Скучно такъ-то жить.

— Ну, какъ знаешь.

Скоро Петровъ ушелъ на работу, а Пелагея Прохоровна принялась за бѣлье. Она стирала въ корытѣ, уставала и садилась на стулъ. Въ такомъ положеніи ее застала барыня въ лишемъ солопѣ и башлыкѣ. Это барыня тоже проспала взять бѣлье.

И такъ, работы прибавилось.

Когда Петровъ пришелъ домой обѣдать, то Пелагея Прохоровна спала; кучи бѣлья лежали на скамейкѣ, въ корытѣ было тоже бѣлье.

„Ну, эдакъ не много наработаешь!“ подумалъ Петровъ и полѣзъ въ печь за щами. Стукъ заслонки разбудилъ Пелагею Прохоровну.

— Што это? Я маленько прилегла и заснула. Это я непременно въ больницѣ избаловалась,—проговорила она.

— Пожалуйста, ты хоть дверь-то запирай на замокъ. Боже избави, какъ что нибудь утащатъ.

Пелагеѣ Прохоровнѣ сдѣлалось стыдно, что она среди дня легла спать; но она еще не могла осилить всей работы: она задыхалась, руки дрожали, ноги подкашивало, и съ ней былъ небольшой жаръ.

Петровъ замѣтилъ это, но ничего не сказалъ.

Когда онъ пришелъ домой вечеромъ, то засталъ Пелагею Прохоровну работающею, но въ квартирѣ было по прежнему холодно.

— Надо будетъ перемѣнить эту квартиру,—сказалъ онъ.

— По моему, здѣсь хорошо; мнѣ послѣ обѣда дали еще бѣлья. Спасибо дворничихъ.

— Я теперь буду дома работать, полковница отпустила.

Стали ужинать.

— Вотъ теперь мы по семейному зажили, сказалъ вдругъ Петровъ.

Пелагея Прохоровна ничего не сказала, только ея щеки слегка покраснѣли.

— Одного только недостаетъ...

Пелагея Прохоровна взглянула на Петрова.

— Вотъ што: отчего бы намъ, Пелагея Прохоровна, не обвиняться? сказала Петровъ серьезно.

— Такъ скоро? мы еще мало знаемъ другъ дружку, отвѣтила Пелагея Прохоровна.

— Положимъ, что такъ; только я думаю, мы хуже не будемъ теперяшняго.

— Кто знаетъ, Игнатій Прокофичъ?

— А пошла бы?

— Ну, какой ты разговоръ выдумалъ... Надо ложиться спать, завтра на рѣку надо идти.

— Нѣтъ, однако, пошла бы?

— Ахъ, какой ты!... Ну, разумеется, пошла бы.

— Вотъ за это спасибо, и онъ крѣпко пожалъ ей руку, и потомъ долго не спалъ, обдумывая планъ семейной жизни. Сперва онъ удивлялся: какъ это онъ такъ скоро дошелъ до желанія жениться, тогда какъ прежде самъ смѣялся надъ тѣми изъ рабочихъ, которые женились; но потомъ пришелъ къ тому заключенію, что на его мѣстѣ всякій дошелъ бы до этого. Онъ долго разбиралъ, почему именно ему понравилась Пелагея Прохоровна, а не другая какая нибудь женщина. Вѣдь онъ въ своей жизни видалъ многихъ женщинъ, и ни объ одной изъ нихъ не думалъ такъ много, ни въ одной не принималъ никакого участія, какъ въ Пелагеѣ Прохоровнѣ. Ему, еще съ самаго появленія въ Филимоновскомъ домѣ этой женщины, хотѣлось поговорить съ ней; ея горе трогало его, и онъ, вовсе еще не имѣя намѣренія жениться, старался помочь ей чѣмъ нибудь. Онъ принялъ участіе въ похоронахъ ея брата, и его невольно тянуло въ госпиталь, гдѣ хорошо казалось сидѣть рядомъ съ Пелагеей Прохоровной на ея койкѣ и гдѣ онъ радовался ея выздоровленію. Часто онъ шелъ въ госпиталь съ тяжестью въ головѣ, сердце его что-то щемило; ему думалось: а что, если она да опять захворала; пожалуй, залечать, какъ и того... Но когда онъ шелъ домой, то въ головѣ тяжести не было, сердце билось радостно. Не будь Пелагеи Прохоровны, онъ, пожалуй, и теперь терся бы на заводѣ или въ какой нибудь мастерской, и, пожалуй бы, не сталъ такъ стараться устроить настоящее свое житье. „Нѣтъ, тутъ что-нибудь да есть; мнѣ она подюбилась, мнѣ эта любовь больше храбрости и силы придала. Ужъ судьба вѣрно такая, чтобы мнѣ быть женатому, и на ней. Конечно! Съ такой бабой жить можно. Какъ только повѣнчаемся, сейчасъ возьмемъ работницу, а я прихвачу двухъ мальчиковъ и открою свою столярную: теперь у меня знакомыхъ много“!

Утромъ за чаемъ Петровъ сообщилъ объ этомъ Пелагеѣ Прохоровнѣ.

— Если работы много будетъ, я согласна взять помощницу. Только, Игнатій Прокофичъ, не избалуемся ли мы?

— Ну, я съ мальчиками вездѣ хорошѣ; а все-таки имѣ большій потачки давать не стану, потому что будутъ красть. Нужно за всѣмъ слѣдить самимъ.

— Я думаю, тогда хорошо будетъ намъ обоймъ. Вотъ развѣ кто помретъ изъ насъ?

— Ну, до этого еще далеко. Надо вотъ квартиру посмотрѣть гдѣ вибудъ другую, а въ этой неудобно ни тебѣ, ни мнѣ.

Весь этотъ и слѣдующій за тѣмъ день Петровъ работалъ дома. У Пелагеи Прохоровны было очень много работы, такъ что она не знала, какъ ей и справиться. На рѣку за нее ходила дворничиха Лизавета Ѳедоровна. Нечего и говорить про то, что Петровъ нравился Пелагеѣ Прохоровнѣ, и она уже не боялась, какъ прежде, выйти за него замужъ. „По крайней мѣрѣ, мужъ у меня будетъ питерскій, а съ Короваевымъ мы бы жили тамъ, да еще какова бы была тамъ жизнь? Здѣсь тѣмъ хорошо, что народу много; тебя только и звають, что жильцы того дома, въ которомъ живешь, да на кого работаешь“. Но и тутъ въ голову ея приходила мысль: какова-то будетъ жизнь въ замужествѣ? Выйдешь замужъ, привяжешь, такъ сказать, себя къ мѣсту, дѣти, пожалуй, пойдуть. „А какова была прошлая-то жизнь? Еслибы не Петровъ, пришлось бы лежать въ могилѣ“. И она съ любовью взглядывала въ комнату Петрова, который тамъ работалъ

„Вотъ теперь мнѣ хорошо. Нашла таки я себѣ мѣсто хорошее; а какъ замужъ выйду, еще лучше будетъ: сама буду хозяйка, и никто меня ничѣмъ не упрекнетъ. Вотъ бы тогда посмотрѣть на Короваева: все хвастался, што онъ больно много знаетъ, а поди, онъ Игнатію Прокофичу и въ подметки не годится“, думала Пелагея Прохоровна.

Дня черезъ два послѣ этого, она сдала бѣлье двумъ барынямъ. По свѣрѣ оказалось все въ цѣлости; барыни немножко поворчали за то, что кое-гдѣ пуговокъ недостаетъ, кое-что не совсѣмъ чисто, но деньги заплатили и велѣли приходить опять.

Эта получка денегъ очень обрадовала Пелагею Прохоровну и она веселая пришла домой.

— Вотъ теперь какая я богачка! Три рубля съ полтиной получила, да съ другихъ еще сколько получу.

— Ну, радоваться-то нечему—мыло да синьку не считаешь вѣрно.

— Все-таки не даромъ стираю. А ты спрячь деньги, Игнатій Прокофичъ.

— Это, можетъ, у васъ тамъ въ провинціи такъ дѣлается, а у насъ кто деньги зарабатываетъ, тотъ и хранитъ ихъ у себя.

— Нѣтъ, ужъ ты спрячь.

— Нѣтъ, ужъ не спрячу.

Они расхохотались. Деньги Пелагея Прохоровна положила въ свой узелъ подъ подушку.

XII.

Время для Пелагеи Прохоровны и Игнатія Прокофьяча шло незамѣтно; отношеніи ихъ были просто дружескія; они только сходились за обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ и ни разу даже не цаловались. Разъ какъ-то Игнатій Прокофьячъ сказалъ:—не повѣнчаться ли имъ теперь, благо до масляницы осталось всего двѣ недѣли, но Пелагея Прохоровна отвѣчала, что торопиться нечего, потому что они повѣнчаются на вѣчно и успѣютъ еще нажитья семейно; къ тому же и здоровье ея не совсѣмъ поправилось. „Надо хоть немножко походить на прежнюю, а то какъ подъ вѣнецъ пойдешь, скажутъ:—самъ-то Петровъ вонъ какой здоровый, а она вонъ какая худая. Еще скажутъ чахоточная, а я даже и кашлюю зачѣмъ-то“.

— Все это пустяки, замѣтилъ Петровъ.

— Ну, если и пустяки, такъ я не хочу, чтобы вся свадьба шла на твой счетъ. У меня теперь и денегъ мало, а твоихъ я ни за что въ свѣтъ не возьму; а деньги мнѣ надо, чтобы кое-что сшить: не буду же я вѣнчаться въ чужихъ платьяхъ.

— Какъ знаешь. Потерпимъ.

Горшковъ жилъ въ томъ домѣ, гдѣ мастерская, въ которой онъ теперь работалъ. Онъ приходилъ къ Петрову раза три и звалъ его покалякать въ кабакъ. Тотъ не шелъ.

— Плохой, братъ, ты человѣкъ сталъ, Игнашко! Право.

— Что дѣлать, жениться хочу.

— На какомъ это мѣстѣ записать?

— Такая линія вышла. Пойдешь въ шафера?

— Ахъ ты... Вотъ люблю человѣка... А што же Пелагея-то твоя къ намъ не зайдетъ, моя-то старуха была бы рада.

— Есть мнѣ когда расхаживать! сказала Пелагея Прохоровна.

Вечеромъ ее посѣтила Софья Ѳедосѣевна, и они проговорили около полчасы. Софья Ѳедосѣевна даже не намекнула на то, дѣйствительно ли Пелагея Прохоровна выходитъ замужъ. Она сказала, что зашла просто потому, что Данило Сазоничъ пришелъ пьяный, разбушевался и унесъ съ собою кранъ изъ самоара для того, чтобы его семейные не смѣли безъ него пить чай. Прощаясь, Софья Ѳедосѣевна стала звать Пелагею Прохоровну къ себѣ въ воскресенье вмѣстѣ съ Петровымъ выпить кофею. Какъ та, такъ и другой обѣщались быть.

Въ субботу Пелагея Прохоровна собрала еще пять рублей.

— Ну, что мы будемъ завтра дѣлать? спросилъ ее Петровъ за ужиномъ.

— Я бѣлье буду стирать.

— Полно. Надо же и отдыхъ себѣ дать... Ну, сперва ты будешь щи варить, потомъ пойдемъ къ Горшковымъ въ гости, потомъ ихъ къ себѣ пригласимъ, а потомъ?.. вотъ што, Пелагеюшка, я думаю: не сходить ли въ театръ? Ты была въ театрахъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ и отлично. Я тоже давно не бывалъ.

— Я не пойду до свадьбы.

— Ну, это капризъ.

Сколько Петровъ ни уговаривалъ Пелагею Прохоровну идти въ театръ, она ни за что не хотѣла идти.

Горшковъ помѣщался со своимъ семействомъ въ верхнемъ, четвертомъ этажѣ. Лѣстница къ нему была темная, узкая, со множествомъ поворотовъ и косыхъ ступенекъ, почему съ нея не разъ по ночамъ падали внизъ пьяные мастеровые и раскравали себѣ лбы и носы. Горшковы жили на заднемъ планѣ квартиры, такъ что до нихъ приходилось идти черезъ кухню и еще черезъ комнату. Въ кухнѣ жилъ самъ хозяинъ квартиры, портной, и кромѣ него, два подмастерья, тоже портные, но работающіе у цеховаго портнаго въ томъ же домѣ. Въ этой кухнѣ, когда вошли въ нее Петровъ съ Пелагеей Прохоровной, возились у печи три женщины—одна съ ухватомъ, другая раскалывала полѣно, а Софья Федосѣевна съ кофейникомъ. Портной держалъ ведро, а двое подмастерьевъ бѣгали по кухнѣ съ бутылками.

— Лей сюда!—говорилъ одинъ подмастерье.

— Да эта съ керосиномъ была,—сказалъ портной.

— А штобъ ее!! И подмастерье, бросивъ бутылку, подбѣжалъ къ печкѣ и схватилъ пустой горшокъ.

Женщины заголосили.

— Што это у васъ за хлопоты?—сказалъ Петровъ, улыбаясь.

— А, господину Петрову! Да вотъ, сударь ты мой, воды не было у васъ,—плакали, а какъ я досталъ воды даровой изъ качальни, не знаемъ, куда ее дѣтъ... Ведро-то я у дворниковъ укралъ—надо возвратить. Горе и много-то имѣтъ.

Петровъ и Пелагея Прохоровна разсмѣялись.

— Вы не получаете, вѣрно, воды отъ дворниковъ?

— Капиталовъ нѣту: правомъ бѣдности пользуемся, по бѣдности намъ и даютъ изъ качальни воды.

Горшковы очень обрадовались посѣщенію гостей. Горшковъ хотѣлъ сбѣгать за водкой, но Петровъ удержалъ его, и они стали разговаривать о своихъ дѣлахъ, а Пелагея Прохоровна разговаривала съ хозяйками. Сначала сѣтовали на то, что умеръ братъ Пелагеи Прохоровны, но Горшковъ сказалъ, что лучше, по—крайней мѣрѣ, не мучится, и никому не мѣшаетъ, потомъ стали разсуждать о предстоящей свадьбѣ. Петровъ предложилъ хозяевамъ идти въ театръ, тѣ согласились съ удовольствіемъ.

Теперь ужъ Пелагея Прохоровна не могла не согласиться: ее упрасивали всѣ. Осталось одно затрудненіе: въ какое мѣсто идти. Горшковъ и Петровъ пошли справиться, гдѣ въ Александринкѣ мѣста дешевле. Оказалось, что и дешевле галереи есть мѣста, только тамъ приходится стоять у стѣнки и оттуда ничего не слышно.

— Прокофѣичъ, возьмемъ ложу... Чортъ его дери, въ кабакахъ больше пропьешь!

— Ладно. Только моей-то бабѣ не надо говорить, сколько стоитъ. Не пойдетъ, или свои деньги выложить.

— Уросливая же твоя баба! А впрочемъ молода еще.

Я не буду описывать того, какъ наши знакомые пошли въ театръ. Довольно сказать, что представленіе „Грозы“ имъ такъ понравилось, что каждому захотѣлось бывать въ театрѣ чаще. Для Пелагеи же Прохоровны было все ново; ей казалось, что она находится въ Богъ знаетъ какомъ прекрасномъ мѣстѣ. Публика ее занимала только въ антрактахъ, во время же представленій она слѣдила за дѣйствующими лицами на сценѣ и обращалась конфузливо къ Петрову за разъясненіемъ непонятнаго ей.

— Неужели все это правда?—спросила она Петрова дорогой, идя домой изъ театра.

— Это вѣрно.

— Не весело же и купцамъ живется.

— Всяко бываетъ.

И на Петрова „Гроза“ произвела тяжелое впечатлѣніе, и онъ шелъ домой молча, и дома, какъ пришелъ, такъ и заперся въ своей комнатѣ и долго не спалось ему.

До масляницы осталась только одна недѣля, поэтому Пелагею Прохоровну завалили бѣлемъ еще во вторникъ. Она еще въ понедѣльникъ чувствовала головокруженіе и какую-то потяготу, но объ этомъ Петрову ничего не сказала, думая, что это пустяки, а онъ, пожалуй, подумаетъ, что она женщина изнѣженная. Вечеромъ въ понедѣльникъ головная боль усилилась и она почти всю ночь не спала и рано принялась за работу, думая скорѣе окончить стирку взятаго бѣлья.

— Ты ужъ больно рано встаешь—эдакъ, пожалуй, охота отъ стирки отпадетъ, сказалъ улыбаясь проснувшійся Петровъ.

— За то на масляницѣ много времени будетъ.

Весь остальной день Пелагея Прохоровна чувствовала себя хорошо, только голова немного болѣла. Вечеромъ она уговорила Петрова идти съ нею на Фонтанку полоскать бѣлье.

— Ты бы попросила Софью Ѳедосѣвну сходить за себя; по года-то больно вѣтреная сегодня,—сказалъ Петровъ.

— Нѣтъ, ужъ будетъ барствовать; пора и самой за дѣло взяться. Ужъ я больше недѣли, какъ изъ больницы вышла.

Прорубь была сдѣлана на открытомъ мѣстѣ; въ ней много женщинъ полоскало бѣлье и, казалось, ни одна изъ нихъ не обращала вниманія на рѣзкій вѣтеръ. Впрочемъ, и Пелагея Прохоровна не обращала вниманія на него, а берегла ноги, чтобы въ ботинки не попала вода, но уберечь ихъ отъ этого было невозможно—вода все-таки попала.

Дорогой, Пелагея Прохоровна вспотѣла; когда же они повернули въ свою улицу, то на встрѣчу подулъ опять рѣзкій холодный вѣтеръ.

Пришедши домой, Пелагея Прохоровна выпила ковшъ холодной воды.

— Что ты дѣлаешь, дура! Хочется тебѣ, вѣрно, простудиться! сказалъ сердито Петровъ.

— Ничего, отвѣтила Пелагея Прохоровна, но ночью съ ней сдѣлалась горячка, и она вышла босая на лѣстницу.

Петровъ услыхалъ, что кто-то ушелъ изъ квартиры и долго не ворочается; онъ зажегъ огня, взялъ большой молотокъ, чтобы угостить вора и съ ужасомъ увидѣлъ Пелагею Прохоровну босую и сидящую у противоположныхъ дверей.

На вопросъ его, она что-то безсвязно проговорила и онъ съ трудомъ перетащилъ ее домой.

Пелагея Прохоровна захворала серьезно. Петровъ хлопоталъ много о томъ, чтобы поправить ее здоровье, ходилъ въ докторамъ, но хорошихъ не засталъ дома, а шарлатаны, оглядѣвъ фигуру Петрова, прописывали только лекарства. Отправился онъ во второй сухопутный госпиталь, но такъ какъ у него не было знакомыхъ, то и тамъ не могъ добиться никакого толку. Отправлять же Пелагею Прохоровну въ больницу ему не хотѣлось.

Барыни, давшіе бѣлье и получившія его обратно въ грязномъ видѣ, сердились, называя Пелагею Прохоровну обманщицею; работа у Петрова шла туго; онъ больше находилъ у больной и расходовалъ накопленные имъ прежде деньги. А тутъ пришлось еще платить за квартиру впередъ за мѣсяць.

Наступилъ четвергъ масляницы, день, въ который рабочіе въ

Петербургъ получаютъ расчетъ и начинаютъ гулять. Съ пятницы всѣ загуляли. Нарядный народъ шелъ толпами на Адмиралтейскую площадь, а Пелагея Прохоровна лежала въ горячкѣ.

Горшковъ пьянствовалъ и часто приходилъ за Петровымъ; но тотъ нешелъ съ нимъ. Приходили къ нему и жена Горшкова съ сестрой и тоже совѣтывали отправить больную въ госпиталь или больницу, тѣмъ болѣе, что у нея есть адресный билетъ.

Такъ Петровъ промаялся съ Пелагеей Прохоровной до воскресенья.

Въ воскресенье, она уже не могла говорить, а только показывала на горло. Петровъ перепугался страшно и побѣжалъ за докторомъ, но не засталъ дома.

Когда онъ пришелъ домой, Пелагея Прохоровна уже не дышала.

— Все, значитъ, кончено! Ищи, голубушка, гдѣ лучше... Охъ ты жизнь проклятая!!! И онъ заплакалъ.

Пришла Софья Федосѣевна и тоже прослезилась.

— А все, Федосѣевна, я виновата! нужно мнѣ было удержать ее отъ стирки... Я думаю: не простудилась ли она тогда, когда шла изъ театра: она на другой день была какая-то сухая.

— Можетъ быть; тамъ вѣдь было очень жарко, а шли, такъ былъ вѣтеръ.

— Вотъ теперь и мнѣ жизнь не въ жизнь: показалось ясное солнышко и скрылось. Ужъ теперь мнѣ не для кого хлопотать и стараться! проговорилъ съ горечью Петровъ.

Пелагею Прохоровну похоронили на Митрофаньевскомъ кладбищѣ въ четвертомъ разрядѣ, потому что въ шестомъ Горшковъ и Петровъ не могли отыскать могилу брата ея; да и Петрову хотѣлось похоронить ее поближе.

Послѣ похоронъ, Петровъ переѣхалъ на набережную Обводнаго канала и поступилъ на заводъ компаніи Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Ему тяжело было жить на Итальянской, гдѣ умерла любимая имъ женщина.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ половинѣ мая, Петрова выбрали въ десятники на заводѣ съ жалованьемъ по сорока пяти рублей въ мѣсяцъ. Но несмотря на то, онъ былъ задумчивъ и необщителенъ и рѣдко посѣщалъ питейныя заведенія. По праздникамъ онъ ходилъ на Митрофаньевское кладбище и вѣшалъ надъ могилой Пелагеи Прохоровны вѣнки съ цвѣтами. О своемъ горѣ онъ никому не любилъ рассказывать, и, кромѣ кладбища, все свободное время употреблялъ на какую нибудь работу дома. Жилъ онъ въ семейной квартирѣ и занималъ чистенькую комнатку, за которую платилъ пять руб. въ мѣсяцъ. Въ концѣ мая, его квартирный хозяинъ сталъ перевзжать на другую квартиру, а такъ какъ комната ему очень нравилась, то онъ и оставилъ ее за собой, а надъ воротами приклеилъ бумажку, что у него отдается комната съ кухней. Черезъ недѣлю послѣ этого, его квартиру стали смотрѣть мастеровые на томъ же заводѣ, Григорій Горюновъ и Власъ Короваевъ. Горюновъ и Короваевъ работали на заводѣ уже съ мѣсяцъ и слыли за хорошихъ рабочихъ, не пьянствовали, не пропускали дней и получали по рублю двадцати коп. за день. Они работали подъ командою Петрова, но Петровъ раньше не водилъ съ ними знакомства. А такъ какъ на заводѣ Короваевыхъ было двое, то Петрову и въ голову не приходила мысль, что который нибудь изъ этихъ двухъ Короваевыхъ былъ женихомъ Пелагеи Прохоровны.

Петровъ отдалъ имъ комнату и кухню.

— Я-то, можетъ быть, недолго у васъ проживу. Вотъ Гриша жениться на дняхъ собирается. Пора ужъ, и такъ, кажется, больше году не вѣнчавшись жили, — проговорилъ Короваевъ.

— Только, пожалуй, молодой-то не понравится комната — всего одно окно, — сказалъ Петровъ.

— Чего же еще надо? Мы люди привычные. Исходили чуть не всю Россію съ Лизкой.

— А вы откуда пришли-то?

Короваевъ назвалъ заводъ и прибавилъ: „Мы пошли искать, гдѣ лучше?“

Петровъ растерялся и спросилъ:

— А вы тамъ не знали Пелагею Прохоровну Мокроносову? Короваевъ и Горюновъ почти вскрикнули.

— Я ея братъ! Она мнѣ невѣста!

— Опоздали, господа. Она здѣсь была моя невѣста, да вотъ съ масляницы теперь вонъ гдѣ! и онъ указалъ по направленію къ кладбищу.

— Неужели умерла?—сказали Горюновъ и Короваевъ.

— А кабы осталась тамъ, да вышла за тебя, Короваевъ, за мужъ, и теперь была бы жива.

Короваевъ повѣсилъ голову, а Петровъ повелъ ихъ въ питейное заведеніе.

— Пойдемте къ дядѣ. Онъ недавно открылъ кабакъ,—сказалъ Горюновъ.

Терентій Иванычъ, тому два два, открылъ питейное заведеніе на обводномъ каналѣ и теперь ставилъ на полки съ Лизаветой Елизаровной посуду. Онъ немного поздоровѣлъ и потолстѣлъ.

— Ну, что, дядя Терентій, гдѣ лучше?—спросилъ Терентій Иваныча Петровъ, входя въ заведеніе,

Терентій Иванычъ поглядѣлъ на Петрова однимъ глазомъ, скривилъ лицо и сказалъ:

— А ну-ка, питерскій—по твоему, гдѣ?

— Нѣтъ, ты скажи—ты много городовъ исходилъ.

— Да што, братъ; богатому чемовѣку вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ плохо. На томъ свѣтѣ, должно быть, лучше.

— То-то ты и устраиваешь туда перепутье! Вонъ у насъ не даромъ ребята говорятъ: въ кабакъ хорошо. Только, я думаю, вашему брату, то есть вашему карману лучше?

— Не думай, братъ. Я вотъ снялъ кабакъ-то у Синельникова. Подрядился отъ него за тридцать рублей въ мѣсяцъ на всемъ на своемъ, да залогу отдалъ сто рублей. А вотъ теперь отъ него поступило водки всего одно ведро и посуды нѣтъ. Не знаю, что и дѣлать.

— Смотри, чтобы не надулъ: у него, говорятъ, долговъ много.

— Что ты!.. Да я почти всѣ деньги ему отдалъ и за кабакъ хозяину свои деньги заплатилъ за мѣсяцъ. Отъ Синельникова росписку получилъ.

— Ну, дѣло значитъ пропащее. Впрочемъ, нынче гласные суды открылись.

И Петровъ разскалъ о смерти Панфила и со всею подробностію про Пелагею Прохоровну.

— А вотъ мы съ Гришкой дошли таки благополучно. Что-то дальше Господь пошлетъ. Будетъ ли здѣсь лучше?—сказала Лизавета Елизаровна.

На другой день Григорій Прохорычъ перешелъ съ Короваевымъ и Лизаветой Елизаровной къ Петрову, и съ этого дня между Петровымъ и Короваевымъ началась дружба: оба они знали свое дѣло хорошо, были сдержанные и сходились во взглядахъ. Часто они задавали другъ другу вопросъ: гдѣ лучше? перебирали жизнь въ разныхъ мѣстахъ и приходили къ тому заключенію, что человѣкъ создавъ для того, чтобы самому себѣ добывать пропитаніе, а такъ какъ человѣку нужно для этого немного, то онъ былъ бы вполне доволенъ и спокоенъ, если бы его не обижали тѣ, которымъ хочется жить въ свое удовольствіе.

Здѣсь я прошу у читателей позволенія остановиться съ своимъ повѣствованіемъ, которое, въ непродолжительномъ времени, я буду продолжать подъ другимъ названіемъ.

СВОЙ ХЛѢБЪ.

ПРОЛОГЪ.

Май мѣсяць 186* года.

Часъ ночи. Въ городѣ Ильинскѣ и его окрестностяхъ темно. Небо чисто отъ облаковъ и тамъ, вверху, ярко мелькають миллиарды звѣздъ съ длиною полоскою млечнаго пути. Съ рѣки дуетъ легкій холодный вѣтерокъ; прохладно, но хорошо; пахнетъ весной, и еслибы не слякоть, то съ удовольствіемъ можно было бы пройтись по городу, гдѣ почти большая часть оконъ въ деревянныхъ домахъ заперты ставнями и нигдѣ не видно огня. А еще лучше сидѣть на набережной, слушая плескъ бурливой рѣки, окрики караульныхъ изъ-подъ горы и изъ самаго города, и лай собакъ. Кромѣ этого, въ самомъ городѣ тишина: повидимому, спать всё.

Начинаетъ свѣтать. Тихо. Только кое-гдѣ кричатъ мужскіе голоса: „слушай!“ одинъ за другимъ—кто басомъ, кто теноромъ, кто неопредѣленнымъ голосомъ, и такимъ же манеромъ лають собаки: залаетъ сперва одна собака, за ней другая, потомъ третья, четвертая и, наконецъ, залаютъ вразъ уже неопредѣленное количество собакъ. Но и этотъ концертъ скоро смолкаетъ и на нѣсколько минутъ наступаетъ тишина гробовая, изрѣдка, впрочемъ, нарушаемая стукомъ палокъ объ заплоты.

Но вотъ уже обрисовываются дома. На Волгѣ видны лодки съ рыболовами. Вотъ къ берегу пристала лодка. Изъ нея вышли двое мужчинъ—одинъ въ нанковомъ пальто, другой въ халатѣ; у того, на которомъ нанковое пальто, надѣта на голову фуражка съ зеленымъ околышемъ и съ кокардой, волосы короткіе, маленькіе усы; у другаго на головѣ тоже фуражка, но на ней нѣтъ кокарды и на ногахъ у него нѣтъ сапоговъ, какъ у его товарища, а надѣты рваные ботинки. Втащивши кое-какъ лодку, они, пошатываясь, пошли въ городъ. Но такъ какъ имъ приходилось подниматься на гору по единственной грязной и крутой дорогѣ, то, еслибы не весла, которыми они

подпирались, имъ пришлось бы довольно трудно. Хотя же на пути, въ сторонѣ отъ дороги, и стоитъ кабакъ съ вывѣской: „Перепутье“, но ихъ не пустили туда, да и кабакъ былъ охраняемъ огромной бѣлою собакою, привязанною толстой веревкой къ небольшой будкѣ. Они взосли на площадъ, посреди которой стоитъ небольшая церковь, а спереди, на самомъ краю, къ рѣкѣ, насажены двѣ аллеи березъ и тополя, а за церковь, тоже на площади, устроено три деревянныхъ амбара, съ нѣсколькими дверьми въ каждомъ, и нѣсколько небольшихъ открытыхъ лавокъ. Прощедши церковь, они пошли по широкой улицѣ. На углу этой улицы стоитъ пятиствѣнная будка и около нея столбъ, но въ ея полукруглыхъ окошкахъ разбиты стекла, а на столбѣ вѣтъ фонаря.

Идутъ они и ругаются. Сзади ихъ ѣдетъ кто-то въ тѣлѣгѣ.

— Слушай! кричитъ на углу пронзительно мужской голосъ, которому вторять уже немногіе охрипшіе голоса.

— Кто идетъ? спрашиваетъ идущихъ съ веслами мужчина въ ситцовомъ халатѣ съ черною трешеткою подъ лѣвою мышкой и съ толстою палкою въ лѣвой рукѣ.

— Я тебѣ дамъ:—кто идетъ! ослѣпъ, что ли? сказалъ мужчина въ халатѣ.

— А!! много рыбы-то, Кузьма?

— Вся тамъ! и онъ указалъ рукой по направленію къ рѣкѣ, но размахнулся такъ, что упалъ. Подъѣхала телѣга. Въ телѣгѣ лежали березовыя полѣнья, накладенныя на скорую руку, рядомъ съ лошадыю шель мужчина въ рваномъ пальто. Всѣ обмѣнялись „добрымъ здоровьемъ“, а караульщикъ проговорилъ.

— Попадешья же ты когда-нибудь! У кого сляпиль!

— Э-э!... Небось, заворуешь! Лѣсу сколь, а рубить не велятъ. Почему нонѣ дрова-то? Три!

— Што и говорить: времена нонче куды какъ тяжелы. Вотъ опять гляди кабы желѣзную дорогу не стали строить: тогда по пяти заплатишь. Не даромъ я и изъ Егорьевска сюда переселился—раззоръ одинъ: эта чугушка все къ рукамъ прибрала. Ужъ я смѣкаю, не посоль ли какой отъ чугушки и пожаръ-то у насъ учинилъ: вѣдь тридцать-два дома сгорѣло, страсти Господни!

— Бѣда. Вотъ теперь и бани запечатали; караулить велятъ днемъ и ночью... А ты погляди, сами-то они что дѣлають? Вонъ исправникъ, да казначей и прочіе по улицамъ ѣдутъ—сигары курять, а какъ нашъ братъ съ трубкой выйдетъ за ворота—такъ въ полицію ташатъ. Самосуды! Да я, братъ, на сѣнникѣ постоянно съ трубкой спать ложусь и ничего—Богъ хранить, потому что я знаю, какъ надо курить.

— Вотъ стало быть, братъ, ты и поджигатель! проговорилъ чиновникъ и прибавилъ:—пойдемъ-ка въ полицію.

— Ты еще что за птица?

— Та и птица, что скоро женюсь на дочери виннаго пристава Яковлева.

— Это и видно: у Яковлева-то сегодня крестьяны, а ваше благородіе и не приглашены видно.

— Дуракъ! приглашали, да не пошелъ, потому что я въ ссорѣ съ головой, а голова приглашенъ кумомъ.

Чиновникъ пошелъ дальше.

— Ты слышалъ? спросилъ онъ Кузьму.

— Чего?

— Что у пристава крестьяны?

— А!!

Больше Кузьма не въ состояніи былъ говорить: онъ шелъ почти съ зажмуренными глазами, упираясь на чиновника.

Вѣдь это обида! Я женихъ; онъ выдаетъ за меня Марью, и вдругъ не пригласилъ... Онъ даже скрылъ отъ меня, что у него сегодня крестьяны. Какъ ты объ этомъ думаешь?... И какъ это я не узналъ! А еще хожу мимо ихняго дома!

Товарищъ молчалъ.

— Надо на попятный дворъ. Не такъ ли?

— Именно.

— Я сейчасъ обругаю его противъ его же дома.

— Ну... Охота!

— И обругаю! Я дворянинъ, а онъ что!... Я помощникъ бухгалтера въ казначействѣ, а онъ подъ судъ отданъ за старую службу. У него теперь десятая родилась; пусть-ка онъ выраститъ... Нынче, братъ, должность не скоро получишь, а женишковъ и подавно хорошихъ не скоро найдешь. Я ему утру же носъ-то... Видишь? и чиновникъ остановился.

Направо противъ ихъ, черезъ дорогу, стоитъ девятиконный каменный домъ. Половина верхняго этажа освѣщена, въ четырехъ окнахъ мелкаютъ тѣни, а изъ пятаго, отвореннаго, слышится пискъ двухъ скрипокъ. Изъ двора слышится ржаніе лошадей.

— Видишь?! произнесъ злобно чиновникъ: — танцуютъ, на скрипкѣ пилить... А я-то что же такое?

Кузьма очнулся, глянулъ на домъ и промычалъ что-то.

— Нѣтъ, ты пойми: какъ они безъ меня могли? Теперь Машка съ казначеемъ танцуетъ... Пойдемъ!

— Куда?

— Къ нимъ.

— О-охъ, вы полуношники! Велика бѣда, что не пригласили.— Оно еще къ лучшему; у васъ поди и на зубокъ-то нечего положить, проговорила женщина, сидящая съ трещоткой у

воротъ трехъоконнаго низенькаго деревяннаго дома, около котораго стояли чиновникъ и Кузьма.

— Ахъ, это ты Зелениха!

— Караулю, батюшка... Да вотъ съ этой музыкой да съ ребятами своими смучилась: не спать, на улицу просятся. А вы, Никандро Ивановичъ, слышали новость?

— Какую?

— А еще женихомъ себя величаете: вѣдь Дарья-то Андревна убѣжала изъ монастыря. Ихняя кухарка сказывала мнѣ сегодня. Самъ то письмо отъ игуменьи получилъ. Вотъ что-сь!...

— Неужели?

— Врать, что ли, стану! Сегодня вечеромъ мнѣ даже ихній дворникъ сказывалъ. Всѣ, говоритъ, какъ узнали объ этомъ— письмо, слышь, получили— чуть не перегрызлись.

— Странно... Какъ же говорили, что она уже въ монашкахъ?

— Вотъ то-то, что они васъ хотѣли надуть!

— Ну, ты ужь, пожалуйста!.. Я вѣдь и... И онъ замахнулся.

— Мнѣ все равно; только врьдъ ли вы много получите въ приданое! Вотъ вамъ лучше бы на Дарья Андревнѣ жениться...

— Ты думаешь?

— Да еще не пойдетъ.

— Почему?

— Потому, что она умнѣе и бойчѣе васъ.

— Ну, братъ... Да ее, поди, и на домъ не пустять.

— Богъ ее знаетъ. Говорятъ, она беременна ужь.

— Што-о ты!! Вотъ тебѣ и покорно благодарю!!

— Ей-Богу... И я этого не ожидала, а жалко! Если она сюда прїѣдетъ... Да вѣтъ, нельзя!

— Да можетъ быть это враки: можетъ, мачиха нарочно разславляетъ.

— А можетъ быть. Только я думаю, какъ она жить будетъ? Она еще передъ отъѣздомъ говорила мнѣ, что ей хочется работать. Но если это такъ, такъ это одна дурь: попробовала бы она поработать по нашему... Свой-то хлѣбъ о-ее какъ тяжело достается.

Отворились ворота; изъ двора выѣхали гости, мужчины и дамы. Въ домѣ погасли огни, заперли окна.

Пока гости выѣжали, чиновникъ ушелъ во дворъ. Стало порядочно свѣтло. За выѣздомъ гостей, крестя ротъ и зѣвая, ушла спать и Зелениха.

Вдругъ послышался съ рѣки свистъ парохода, а черезъ полчаса на улицѣ, по направленію къ яковлевскому дому, шла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ сѣренькомъ бурнусѣ, въ круглой шляпкѣ и съ большимъ узломъ.

I.

Городъ Ильинскъ расположенъ въ полверстѣ отъ рѣки Волги на лѣвомъ ея берегу, на возвышенномъ мѣстѣ. Въ немъ, съ достовѣрностью можно сказать, жило, въ описываемое время, не больше шести тысячъ жителей обоого пола и были двѣ церкви и кладбище. Затѣмъ онъ ничѣмъ не знаменитъ, но какъ городъ старинный, извѣстенъ тѣмъ, что много разъ выгоралъ.

По наружности своей онъ мало чѣмъ отличается отъ другихъ маленькихъ русскихъ городовъ. Каменныхъ домовъ въ немъ штукъ восемь, — остальное строеніе, за исключеніемъ церквей, деревянное. Но за то у рѣдкаго дома нѣтъ садика. Тротуары существуютъ только у двухъ большихъ домовъ; ночью улицы не освѣщаются, кромѣ праздниковъ, когда обыватели ходятъ въ церковь; на крышахъ домовъ стоятъ кадки, большею частью пустыя и разохшіяся; на окнахъ непремѣнно красуются банки съ какими-нибудь цвѣтами и растеніями. Оживленія немного, кромѣ субботы, когда каждый изъ жителей запасается провизіей на рынкѣ на всю недѣлю. Хотя кое-гдѣ и стоятъ столбы, но фонарей на нихъ нѣтъ; фонари эти красуются только во время пріѣзда въ городъ губернатора, а потомъ исчезаютъ снова. Сверхъ того, городъ оживляется по утрамъ и вообще въ то время, когда мальчишки идутъ въ училища — уѣздныя и приходскія (свѣтскія) и обратно, и служащій людъ стремится на службу и со службы, да по вечерамъ въ хорошіе лѣтніе дни, когда любители сильныхъ ощущений прохаживаются на берегу рѣки по аллѣе, а другіе, почти все населеніе, высыпаютъ за ворота съ какою-нибудь легкою работою, съ яблоками или грушами, ѣдятъ, курятъ и толкуютъ о своей бѣдности, о плутняхъ купцовъ и должностныхъ чиновниковъ, и сплетничаютъ другъ на друга. Трудовая, тяжелая жизнь видится по преимуществу только на берегу рѣки, гдѣ складываютъ и откуда увозятъ черезъ городъ разные товары; въ самомъ же городѣ, кромѣ трехъ-четырехъ кузницъ, ни фабрикъ, ни заводовъ не существуетъ; даже рѣдко можно увидать новый строящійся или старый поправляемый домъ. Городъ самъ ничего не производитъ, а только потребляетъ для себя то, что достанетъ на своей площади изъ амбаровъ-магазиновъ, или изъ другихъ городовъ, болѣе его развитыхъ въ промышленномъ отношеніи. Впрочемъ, сады даютъ фрукты, пчелы медъ и воскъ, нѣсколько человекъ разводятъ табакъ и дѣлаютъ его удобнымъ для куренія и нюханія; но все это находится въ первобытномъ состояніи и продается на берегу рѣки судорабочимъ и пассажирамъ, а во время ильинской ярмарки на площади и сельскимъ жителямъ въ самомъ небольшомъ количествѣ.

Большинство жителей состоитъ изъ мѣщанъ, меньшинство—изъ купцовъ и лицъ, служащихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Первые большею частію торгаши и люди занимающіеся чѣмъ-нибудь; всѣ роды ремеслъ находятся, за очень небольшими исключеніями, въ рукахъ мѣщанъ, которые такимъ образомъ кормятся какъ отъ купцовъ, такъ и отъ людей, занимающихся коронною службою, а эти послѣдніе кормятся жалованьемъ и посильными приношеніями купцовъ и мѣщанъ, если только послѣдніе имѣютъ съ первыми дѣловыя сношенія. Большая часть домовъ принадлежитъ купцамъ и мѣщанамъ, самая меньшая чиновникамъ, потому что купцы важиваютъ капиталъ всякими неправдами, а мѣщане не гнушаются никакими черными занятіями, и жены ихъ, кромѣ того, снабжаютъ ходостыхъ чиновниковъ и небогатыя семейства молокомъ и овощами, стираютъ бѣлье, моютъ полы, а нѣкоторые продаютъ на берегу хлѣбъ. Чиновники же, кромѣ своей службы, ничѣмъ не занимаются и дома что-нибудь имѣютъ тѣ, которые тутъ выросли или получили эти дома въ приданое за женами.

Мѣщане съ давнихъ временъ считаютъ себя силой и въ то же время людьми самыми обиженными силой—потому, что они въ прежнія времена защищали не только свой городъ, но и другіе города, униженными—потому, что имъ не давали тѣхъ правъ, какими пользовались чиновники. Но такъ-какъ изъ этого положенія выбиться не было возможности, а число ихъ и чиновниковъ съ каждымъ годомъ возрастало, то многимъ изъ нихъ пришлось коротать жизнь очень бѣдно, употребляя въ пищу ржаной хлѣбъ съ пескомъ, мелкую рыбу, горошницу и тертую рѣдкую съ квасомъ, потому что доставать заработокъ приходилось не всѣмъ, и часто хорошей портной сидѣлъ безъ дѣла по недѣлѣ и по двѣ, а рѣдка давала средства только лѣтомъ, рубить же воровски лѣсъ сдѣлалось опасно. Если и бывали порядочные заработки, то деньги уходили на подарки чиновникамъ за дѣла, на угощенія въ большіе праздники, почему многіе мѣщане находились въ кабалѣ у кулаковъ-купцовъ. Кромѣ этого, у рѣдкаго не было коровы и слѣдовательно приходилось покупать сѣно. По всѣмъ этимъ причинамъ, мѣщане очень враждебно относились къ чиновному классу и къ купцамъ, чему много способствовало, во первыхъ, то, что почти половина мѣщанъ принадлежала къ раскольникамъ, а во вторыхъ, то, что жительство этихъ раскольниковъ, находившееся въ прежнее время подъ горой, теперь было занято подъ склады товаровъ.

Еще до основанія города, подъ горою была расположена слобода, жители которой, считая себя свободными людьми, занимались преимущественно рыболовствомъ и весной снабжали хлѣбомъ всѣхъ плававшихъ мимо города людей. Нельзя сказать, чтобы они были миролюбиваго характера. Впослѣдствіи, съ наплывомъ людей служилыхъ и пріѣзжихъ купцовъ они бы-

ли причислены къ городу и названы мѣщанами. Мало-по-малу, всё невзгоды обрушились главнымъ образомъ на нихъ. Отъ нихъ стали требовать и денегъ, и рекрутовъ, и услугъ; купцы же стали эксплуатировать ихъ. Съ временемъ, эта вражда усилилась до того, что каждый мальчикъ и дѣвочка изъ слободы видѣли въ городскомъ мальчикѣ или дѣвочкѣ врага. Вообще, слободскіе мѣщане слыли чуть-чуть не за разбойниковъ, такъ что черезъ слободу даже днемъ ходить было небезопасно, и если въ городѣ случались кражи и убійства, то это приписывалось имъ. Мало-по-малу, однакожь, городскіе купцы и торгашь-мѣщане такъ прижали слобожанъ, что они поневолѣ должны были уступить, и стали пускать въ свои дома на квартиры чиновниковъ и родниться съ ними, но на самомъ дѣлѣ стоило было задѣть чѣмъ-нибудь одного мѣщанина изъ слободы, какъ поднималась вся слобода, и эта вражда оканчивалась только какимъ-нибудь престольнымъ праздникомъ въ городѣ, когда горожане изъ послѣднихъ своихъ достатковъ до отвалу кормили и до безчувствія поили своихъ знакомыхъ мѣщанъ изъ слободы. Къ чиновникамъ, какъ слободскіе, такъ и городскіе относились не одинаково. Нѣсколько человекъ изъ чиновниковъ даже пользовались общимъ расположеніемъ, какъ люди старые и никуда не выѣзжавшіе изъ города. Съ семействами-то этихъ чиновниковъ и роднились мѣщане. Другіе-же чиновники состояли изъ пріѣзжихъ, и эти пріѣзжіе никогда не пользовались расположеніемъ мѣщанъ, и если послѣдніе замѣчали, что какой-нибудь изъ пріѣзжихъ ухаживалъ за слободскою дѣвицей, то принимали мѣры, чтобъ у него отпала всякая охота даже проходить черезъ слободу.

Теперь этой слободы нѣтъ и слобожане слились съ горожанами, построивъ на пустопорожнихъ мѣстахъ дома. Со времени уничтоженія слободы по приказу начальства, которому почему-то не поправились ветхіе домики подъ горой, вражда мѣщанъ къ чиновникамъ возрасла больше. Но за то, слобожане, не имѣя возможности властвовать надъ рѣкой, какъ прежде, стали сдержаннѣе и, скрѣпя сердце, занялись ремеслами. Поэтому теперь всё роды ремеслъ находятся въ рукахъ мѣщанъ. Если же сюда и заѣзжаетъ какой-нибудь аферистъ, то недолго онъ живетъ въ городѣ, и уѣзжая не только ничего не наживши, но даже проживши привезенныя деньги, прокликаетъ Ильинскъ.

Что касается до интеллектуальныхъ удобствъ города Ильинска, то въ немъ существуютъ приходское и уѣздное училища, основанныя за десять лѣтъ до начала настоящаго разсказа. Въ этихъ училищахъ учатся мальчики всѣхъ классовъ, но кончаютъ курсъ только дѣти чиновниковъ, мѣщанскія же дѣти большею частію заканчиваютъ обученіе или приходскимъ училищемъ, или первымъ классомъ уѣзднаго училища, а дѣти куп-

цовъ иногда доходятъ и до втораго класса. Для дѣвочекъ училищъ не существуетъ и поэтому меньшинство ихъ обучается дома.

II.

Въ каждомъ городѣ, большомъ и маленькомъ, значительномъ и ничего незначущемъ, непременно существуетъ, если не нѣсколько, то по крайней-мѣрѣ одинъ домъ, чѣмъ-нибудь отличающійся отъ другихъ. Такъ и въ Ильинскѣ каждый житель знаетъ съ-измалѣтства о четырехъ домахъ: о домѣ виннаго пристава Яковлева, о домѣ протопопа Григорія Ивановича Пьянкова, братъ котораго и по настоящее время служитъ гдѣ-то въ санѣ епископа, о домѣ уѣзднаго судьи Крюкова и о домѣ купца Зиновьева. Но изъ всѣхъ этихъ домовъ больше всего извѣстенъ и славится домъ нынѣшняго виннаго пристава, назадъ тому два года бывшаго уѣзднымъ стряпчимъ, Андрея Ивановича Яковлева. Домъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе девятью окнами въ верхнемъ этажѣ, какъ съ улицы, такъ и съ площади, съ цвѣтами и бутылками на окнахъ, выходящихъ на площадь, и съ разбитыми стеклами въ окнахъ нижняго этажа. Въ окнахъ этого нижняго этажа сдѣланы чугунныя съ рѣзбою рѣшотки. Онъ обращаетъ на себя вниманіе каждаго новоприбывшаго въ городъ своею высокою деревянною крышею, ничѣмъ не окрашенною, а также своимъ большимъ садомъ и заплотомъ вокругъ него, наверху котораго торчатъ остріемъ вверхъ огромные гвозди. Этотъ домъ никогда не принадлежалъ какому-нибудь графскому или древнему дворянскому роду, такъ-какъ въ Ильинскѣ такія знаменитости рѣдко жилали, несмотря на живописные берега, на рѣку и на то, что въ уѣздѣ его есть много дворянъ-помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе, это все-таки домъ древній. Говорятъ, что въ немъ прежде жилъ намѣстникъ города и въ нижнемъ этажѣ помѣщалась городская тюрьма, въ которую сажали воровъ и другихъ обвиняемыхъ въ какихъ-нибудь преступленіяхъ людей и изъ другихъ мѣстъ; что эта тюрьма считалась самою крѣпкою, не потому, что въ нижнемъ этажѣ были рѣшотки, а потому, что подъ нижнимъ этажемъ находились темные подвалы, куда запирали преступниковъ, которые тамъ большею частію и умирали, не дождавшись суда надъ ними. Послѣ пожара, отъ котораго остались только однѣ стѣны, эти стѣны стояли нетронутыми нѣсколько лѣтъ. Въ пустыхъ площадкахъ на полуразрушившихся печахъ и стѣнахъ обитали голуби, галки и вороны, а деревенскіе жители, неимѣвшіе въ городѣ пристанища, частенько ночевали тамъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; казна не имѣла средствъ возобновить домъ, со стороны же, покупателей на него не находилось. Мало по малу, горожане стали извлекать изъ него небольшую выгоду: такъ они

выломали рѣшетки и продали ихъ, стаскали печные кирпичи и даже принялись-было за стѣны.

Лѣтъ десять сряду оставленный домъ служилъ для суевѣрныхъ людей источникомъ неисчерпаемыхъ толковъ. Всѣ женщины были убѣждены, что тамъ по ночамъ живутъ кикиморы, что нѣсколько личностей будто бы даже видѣли по ночамъ огни въ домѣ и слышали какую-то пляску; по ночамъ и мужчины боялись ходить мимо дома, а шли другими улицами и переулками; этимъ домомъ пугали дѣтей и всѣ были убѣждены въ томъ, что недобровать тому человѣку, который купитъ его и постарается на свою голову отдѣлать. Городское начальство даже ходатайствовало о томъ, чтобы эти стѣны сломать, а мѣсто съ фруктовыми деревьями, могущими приносить кое-какой доходъ, поручить надзору полиціи. А между тѣмъ эти опаленныя стѣны у всѣхъ горожанъ были какъ бѣльмо на глазу и съ каждымъ днемъ страхъ болѣе и болѣе увеличивался. Бывали случаи, что въ стѣнахъ этого дома находили скоропостижно умершихъ, и смерть ихъ приписывали чертямъ. Губернское начальство, наконецъ, отступилось отъ дома; его купилъ купецъ, но умеръ вскорѣ по переѣздѣ въ домъ; семейство купца выѣхало изъ него, заперло его, но тутъ нашелся смѣльчакъ, которому сильно захотѣлось завладѣть домомъ. Это былъ молодой секретарь уѣзднаго суда Яковлевъ. Онъ женился на дочери умершаго купца и, получивъ въ приданое этотъ домъ, уговорилъ судью перевести судъ въ нижній этажъ. Впослѣдствіи онъ туда же пустилъ и земскій судъ. Слухи о чертяхъ прекратились, потому что суды изгнали чертей.

Двѣнадцатый часъ дня. На улицахъ города Ильинска грязно, хотя и печетъ солнышко; грязно оттого, что недавно только-что пересталъ идти большой дождь, который въ какіе нибудь полтора часа такъ смочилъ песокъ и глину на улицахъ, что нужно было запастись колошами самыхъ большихъ размѣровъ для того только, чтобы перейти съ одного угла на другой. Но за то, несмотря на сильно грѣющее солнце, у тѣхъ домовъ, у которыхъ есть садики, дышется легче, пахнетъ сиренью или геранью и жасминами, хотя изъ открытыхъ оконъ тянетъ, какъ изъ открытой печки, жаромъ, съ запахомъ, похожимъ на печеный хлѣбъ. Легкій вѣтерокъ слегка колеблетъ листки деревьевъ, съ которыхъ падаютъ дождевыя капли на идущаго около заплотовъ, и наводитъ не то нѣгу, не то удивленіе, такъ-что еслибы въ эту пору случилось идти такимъ образомъ петербургскому жителю, то ему бы подумалось: вотъ она жизнь-то гдѣ настоящая! И ему непременно захотѣлось бы долго-долго наслаждаться этою жизнію, еслибы до его слуха не

доходили бравчивые голоса изъ маленькихъ домишекъ, населенныхъ мѣщанами и ихъ ворчливыми старухами, крикъ ребятокъ, бѣгающихъ во дворахъ и посреди улицъ безъ штановъ, босикомъ, и болтающихъ ногами воду въ ручейкахъ, и дополняющія эту картину семейной жизни бродящія по улицамъ свиньи съ поросятами. Такой пѣшеходъ, довольствуясь теплотою, запахомъ отъ цвѣтовъ, легкимъ вѣтеркомъ и голубымъ небомъ, по которому кое-гдѣ еле-еле плывутъ бѣлыя тучки съ сѣрымъ оттѣнкомъ, въ эту пору рѣдко кого встрѣтитъ на городскихъ улицахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ сторожей, идущихъ отъ почтовой конторы куда-нибудь съ книжками или дестевыми подъ мышками, да еще какого-нибудь блѣднолицаго молодаго челоуѣка въ подпидломъ пальто или сюртукѣ и съ форменной фуражкой на головѣ, избличающей въ немъ писца.

Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ Богородицкой церкви вышелъ сторожъ съ жестяною купелью и дьячокъ въ суконномъ подрясникѣ, опоясанномъ широкимъ вышитымъ поясомъ, и въ бѣлой поярковой шляпѣ съ широкими полями. Они съѣли на линейку, принадлежащую винному приставу Яковлеву, кучеръ котораго (онъ-же и дворникъ) Трифонъ Клементьичъ, очень толстый господинъ, съ лысиной, длинными черными волосами и большою бородой съ просѣдью, — челоуѣкъ въ городѣ извѣстный и уважаемый всѣми.

Дьячку рѣдко приходилось ѣздить на линейкѣ; но онъ сидѣлъ важно, съ самодовольствіемъ поглядывая на дома. Къ тому же онъ былъ мужчина рослый, молодой и красивый, съ курчавыми рыжими волосами и только-что начинающей выступать бородкой. Въ городѣ его называли молодымъ, потому что онъ жилъ съ молодою женою въ медовомъ мѣсяцѣ, а самъ говорилъ всѣмъ, что его скоро посвятятъ въ діаконы, такъ-какъ его тесть діаконъ переведенъ за голосъ въ губернской городъ, гдѣ и числится при архіерейскомъ хорѣ. Сторожъ, не ѣзжавшій въ линейкахъ, да еще такого туза, какъ бывшаго страпачаго Яковлева, напротивъ, чувствовалъ себя неловко и готовъ былъ лучше идти по грязи, чѣмъ сидѣть, но его удерживало одно: надежда получить отъ виннаго пристава водки и денегъ за то, что онъ тоже участвовалъ въ привезеніи купели. Кучеръ былъ сердитъ.

Сперва всѣ ѣхали молча. Кучеръ не оглядывался; сторожъ не любилъ разговаривать вообще; дьячокъ ждалъ, пока къ нему не обратится, такъ-какъ онъ считалъ себя выше этихъ людей, но натура у него была такая, что онъ не могъ молчать долго.

— Клементьичъ? А, Клементьичъ? Много у васъ будетъ гостей? спросилъ онъ вдругъ кучера.

Кучеръ промолчалъ.

— Что это у васъ нынѣ рѣдко гости бываютъ? опять спросилъ дьячокъ кучера.

— Будетъ время, и совсѣмъ не будемъ приглашать, отвѣтилъ кучеръ рѣзко и тономъ обиженнаго человѣка.

— Что такъ! Али воля?... Да вѣдь у твоего-то барина не было крѣпостныхъ.

— Што-жъ, што не было! Небось, получше кого другаго живемъ, сказалъ кучеръ обидчиво и ткнулъ рукой по направленію къ тому дому, въ которомъ жилъ земскій исправникъ, и продолжалъ:—куда ни позови, вездѣ идетъ, а у самого двери постоянно на запорѣ.

— Ну, у него жена нѣмка, а нѣмцы вѣдь русскихъ не любятъ.

— Кабы не любили, не ѣздили бы къ намъ. Она какъ ни прѣдетъ къ намъ, то и дѣло играетъ съ барыней, Мариной Осиповной, въ проферансѣ. Нынче ихъ не приглашали — не стоятъ. Марина-то Осиповна ужъ пять недѣль, какъ родила, а эта исправничиха нѣтъ чтобы провѣдать — здорова ли, молъ. Оно и то надо сказать, у нихъ, у господъ, другіе порядки, чѣмъ у насъ; у насъ, у мѣщанъ, попросту: поссоримся и помирился, а у господъ нѣту этого.

— Разумѣется. Господа люди образованные.

— Кабы мы умѣли писать, и мы бы не уступили. Вонъ, посмотри, письмоводитель у Андрея Иваныча—мѣщанинъ, а орудуетъ всѣми дѣлами: Андрей Иванычъ знай только подписываетъ.

— Это такъ. Но я подразумѣваю все-таки образованіе—ученость; на примѣръ, вотъ хоть бы я: я скоро буду самъ діакономъ.

Кучеръ отвернулся и съ презрительной улыбкой посмотрѣлъ на дьячка.

— Не вѣришь, небось?

Кучеръ, ничего не сказавъ, сталъ торопить лошадей. Дьячокъ обидѣлся и тоже сталъ молчать.

— Нынче Андрей Иванычъ ужъ не даетъ на свѣчку по гривеннику, какъ прежде, когда былъ стряпчимъ. Нынче онъ и въ кошелекъ владетъ копѣечку, а не серебряный пятачекъ. Оно хотя эти серебряные пятачки бралъ къ себѣ отецъ протопопъ, а все же, значить, у Андрея Иваныча радѣнія было больше! проговорилъ сторожъ.

— Да, да! Отецъ протопопъ сказывалъ ономедни, что онъ и за исповѣдь сталъ меньше получать отъ виннаго пристава, проговорилъ въ свою очередь дьячокъ и захохоталъ.

— Вамъ бы все брать! И такъ мы много водки и вина всякаго даримъ. Нынче не тѣ доходы... Вы то разсудите, сколько у Андрея Иваныча дѣтей. На моихъ глазахъ у него сегодня десятую будете крестить, а до меня еще сколько ихъ было

крещено! Теперь вотъ у него съ этой дѣвчонкой считается въ живыхъ ровно десять. Ихъ поди надо кормить, одѣть, выучить, къ мѣсту пристроить. Я больше васъ знаю его... Вотъ што! Деньги-то вѣдь не съ неба падаютъ! проговорилъ кучеръ.

— Такъ-то оно такъ, да вѣдь у него двѣ дочери уже пристроены замужъ, третья нынче тоже выйдетъ замужъ, старшій сынъ становымъ, другой тоже поди поступилъ на службу, третій служить въ Сибири, а Дарья Андревна въ монастырѣ...

— Ну, такъ что! Не ваше дѣло считать... Нынче становые не то, что прежде; нынче завелись слѣдователи, а Дарья Андревна такъ и слѣдуетъ жить въ монастырѣ.

Черезъ пять минутъ они вѣхали во дворъ яковлевскаго дома.

Домъ выходилъ во дворъ большимъ прямымъ угломъ и имѣлъ въ нижнемъ этажѣ три крыльца; штукатурка со стѣнъ во многихъ мѣстахъ отвалилась и на этихъ мѣстахъ некрасиво обозначились почернѣлыя отъ времени дранки, такъ что по одному взгляду на стѣны можно было заключить, какъ старъ этотъ домъ. Въ трехъ верхнихъ окнахъ, самыхъ крайнихъ къ амбару, въ которомъ помѣщаются погребъ, каретникъ, жилья для коровъ и проч., видны какіе-то цвѣты въ банкахъ, коробочки, принадлежащія, какъ кажется, женщинамъ, и кисейный-занавѣски; на четырехъ окнахъ, ближнихъ къ углу, занавѣсокъ нѣтъ, а на каждомъ стоятъ по двѣ большихъ бутылки. Изъ этихъ оконъ слышится серебристый звонкій разговоръ, принадлежащій женскимъ голосамъ. На подоконникахъ остальныхъ оконъ, какъ внизу, такъ и вверху, замѣчаются кипы бумагъ, большихъ книгъ съ рваными корешками и верхними корками, оттопырившимися отъ веску, ежедневно по нѣскольку разъ попадающему на страницы при засыпаніи чернилъ. Вверху замѣчаются два челоекъ, разговаривающихъ у окна; оба они въ форменныхъ сюртукахъ со свѣтлыми пуговицами; внизу у оконъ сидятъ у столовъ писцы. На среднемъ крыльцѣ трое служащихъ курятъ папироски. При видѣ линейки, всѣ эти люди начали острить кто надъ кучеромъ, кто надъ дьячкомъ, но больше всего доставалось сторожу. Но лучше всего было взглянуть направо: тамъ, черезъ сажень отъ воротъ, начиналась деревянная, фигурчатая, выкрашенная голубою краскою рѣшетка, которая тянулась вплоть до заднихъ построекъ и соединялась такимъ образомъ съ садомъ. За этой рѣшеткой, въ разстояніи пяти сажень ширины и десяти длины, разведенъ садикъ, въ которомъ двѣ прямыхъ аллеи. Посреди этихъ аллей сдѣлано нѣсколько неправильныхъ дорожекъ, усыпанныхъ мелкимъ голешникомъ, а около нихъ, на кругахъ и трехугольникахъ, цвѣтутъ желтые, голубые и малиновые цвѣты. Недалеко отъ заплота, выходящаго на улицу противъ входа въ палисадникъ, построена небольшая бесѣдка, вокругъ которой растутъ восемь тополевыхъ деревьевъ, тощихъ, но высоко подни-

мающихся вверху. Въ этомъ полисадникѣ чирикають птички. Во дворѣ чисто, хотя и бѣгаетъ нѣсколько курицъ съ двумя пѣтухами, которыхъ безпрерывно сгоняетъ съ мѣста четырехлѣтній здоровый мальчикъ, одѣтый по господски. Недалеко отъ каретника стоитъ большая повозка съ кожаными накладкой и фартукомъ.

Пріѣхавшихъ встрѣтилъ самъ хозяинъ. Это былъ невысокаго роста плотный, здоровый и еще красивый мужчина, несмотря на свои пятьдесятъ-шесть лѣтъ, такъ что, взглянувъ на него, ему можно было дать не болѣе 45-ти лѣтъ. Лицо у него широкое, полное, съ желтыми и съ оттѣнкомъ небольшой красноты щеками, гладко выбритыми. Онъ улыбался; голубые глаза глядѣли привѣтливо; такъ и казалось, что это самое добрейшее существо въ мірѣ, но въ глазахъ замѣчалась сосредоточенность, точно онъ всю жизнь или занимался книгами, и письмомъ, или что-нибудь обдумывалъ; лобъ широкій, съ бѣлымъ отливомъ, гладкій, но на немъ, какъ бы вѣдѣствіе какого-то горя, замѣчается небольшая полоска по самой серединѣ, надъ носомъ; волосы сѣдые, рѣдкіе, зачесаны гладко на виски; на темени небольшая лысина. Одѣтъ онъ въ вицмундиръ, съ околышемъ министерства финансовъ и съ мѣдными пуговицами, на коихъ красуются гербы той губерніи, къ которой принадлежитъ городъ Ильинскъ. На вицмундирѣ прилѣплены: пряжка за XXV лѣтъ, медаль въ память послѣдней войны, а на шеѣ орденъ Станислава.

Зала имѣла бы вполне казарменный видъ, еслибы на каждомъ изъ трехъ оконъ не стояли банки съ разными цвѣтами. Стѣны были просто обѣлены; около нихъ стояли стулья съ рѣшотками; посрединѣ комнаты стоялъ круглый столъ, покрытый вязаною бѣлою скатертью, въ переднемъ углу, подъ большими кіотами съ иконами въ серебряныхъ позолоченныхъ окладахъ, стоялъ мраморный столъ, на которомъ находился маленькій образъ съ золотымъ окладомъ и лежали библія, требникъ и псалтирь, такъ-какъ въ этой залѣ регулярно каждое утро, передъ обѣдомъ, ужиномъ и послѣ нихъ, а также передъ сномъ, все наличное семейство Яковлева должно было справлять молитвы по очереди, то-есть по требнику и псалтирю долженъ былъ читать кто-нибудь изъ дѣтей определенное число молитвъ. Зала повидимому находилась въ серединѣ дома, такъ какъ по правую и по лѣвую его сторону были двери, изъ коихъ первая была отперта, а другая заперта, и отъ одной до другой двери черезъ всю залу на крашенномъ желтою, отчасти уже стершеюся, краскою полу былъ постланъ въ полъ-аршина ширины зеленый коверъ.

Изъ гостей больше всѣхъ выдавался протопопъ Сергій Ивановичъ Третьяковъ, отецъ умершей второй жены Яковлева. Онъ высокъ, худощавъ, съ большою лысиною, которую обрамлива-

ють коротенькіє, рѣдкіє пучки сѣдыхъ волосъ; эти волосы, вмѣстѣ съ коротенькою, рѣдкою сѣдою бородою, придаютъ лицу еще больше бѣлизны и затѣмняютъ совсѣмъ отцвѣтшіє, когда-то бывшіє каріє глаза. Въ его лицѣ, улыбка и глазахъ замѣтна простота и добродушіє. Онъ часто кашляетъ, говоритъ охриплымъ голосомъ и когда открываетъ ротъ, то въ немъ, вмѣсто зубовъ, видятся однѣ только пожелтѣвшія десны; голова неможко трясется. Онъ очень любитъ вступать въ споры, не любитъ никому уступать и сердится, если кто-нибудь не представлялъ фактовъ, а говоритъ только по убѣжденію. У него на головѣ малиноваго плица камилавка, которая уже давнымъ давно отцвѣла, такъ-какъ онъ получилъ ее уже годовъ двадцать тому назадъ и съ тѣхъ поръ носитъ только въ экстренныхъ случаяхъ,—въ другіє же дни надѣваетъ простую шляпу. На немъ черная плисовая ряса, надѣваемая тоже въ экстренныхъ случаяхъ. Въ дополненіе къ этому надо прибавить, что онъ держитъ въ рукахъ толстую дубоваго дерева трость, оправленную подъ лакъ съ крючкомъ вмѣсто набалдашника. Безъ этой трости онъ не ходитъ никуда: она для него единственный другъ, она для него страсть, какъ табакъ, собака и т. п. Онъ имѣетъ семьдесятъ лѣтъ отъ роду, состоитъ за штатомъ, вдовъ, дѣтей не имѣетъ.

Другая личность, менѣе обращающая на себя вниманіе—это Осипъ Флорычъ Зиновьевъ, отецъ теперешней жены Яковлева—Марины Осиповны. Онъ высокъ ростомъ, очень толстъ, съ одутловатымъ жирно-краснымъ лицомъ, точно испытывающимъ цѣлые дни холодъ. Борода и волосы у него черные, лоснящієся, глаза плутовато-хитрые; вообще во всей его фигурѣ проглядываетъ мѣщанинъ-гостинодворецъ. Онъ считается въ городѣ первымъ купцомъ, и хотя платитъ только вторую гильдію, но по капиталу и по каверзамъ, творимымъ имъ, могъ бы смѣло записаться въ первую. Въ настоящее время онъ занимается въ городѣ должность городского головы и состоитъ старостой въ Богородицкой церкви. Одѣтъ онъ въ длиннополый сюртукъ съ двумя рядами свѣтлыхъ пуговиць и съ медалью на шеѣ. Сидитъ рядомъ съ протопомъ Третьяковымъ, развалившись на стулѣ, и постоянно обращается только къ нему и къ хозяину, на другихъ же смотритъ свысока и отвѣчаетъ нехотя, какъ будто стараясь показать, что онъ человѣкъ имъ непарный, и если говорить съ ними, то единственно изъ расположенія къ хозяину, своему зятю, къ которому онъ, пожалуй, тоже не очень-то много имѣетъ уваженія.

Напротивъ протопона, по другую сторону стола, сидѣлъ Осипъ Андрейчъ Яковлевъ, старшій сынъ хозяина, становой приставъ перваго стана Ильинскаго уѣзда, плотный высокій и краснощокій молодой человѣкъ съ длинными черными волосами, густыми усами и съ голубыми глазами. Въ его движеніяхъ замѣ-

чается вертлявость, доходящая до того, что онъ не прочь и пофиглярничать; иногда онъ глядитъ по кошачьи. но не бросается на противника, а встряхиваетъ волосы и съ взглядомъ, выражающимъ затаенную злобу, отворачивается, вздыхаетъ и вновь старается придать глазамъ невозмутимое спокойствіе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые долго помнятъ нанесенное имъ оскорбленіе, за что его не любили какъ товарищи по училищу, такъ и сослуживцы, и даже недолюбливало начальство, видѣвшее въ немъ заносчиваго человѣка, нерѣдко обращавашагося со своими жалобами, помимо ближайшаго начальства, прямо къ губернатору, который, считая себя прогрессистомъ, любилъ молодыхъ чиновниковъ съ новымъ направленіемъ, но безъ вольнодумства. Вообще, онъ былъ на хорошемъ счету, какъ полицейскій дѣятель, скоро раскрывавшій слѣдствія, и хотя съ введеніемъ судебныхъ слѣдователей дѣла у него поубавилось, но работы все-таки было много, такъ-какъ съ освобожденіемъ крестьянъ, ему приходилось играть роль исполнительнаго и умирительнаго полицейскаго дѣятеля. Впрочемъ, въ крестьянскомъ кругу его не считали варваромъ, потому что онъ на крестьянъ кричалъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, не дрался, какъ дрались его товарищи, не пьянствовалъ, а былъ со всѣми вѣжливъ, хотя и принималъ подчасъ довольно крутыя мѣры; но крестьяне его не любили и несли ему въ подарки послѣднее свое состояніе, которое онъ, по новой модѣ, принималъ по настоятельной просьбѣ дарившаго.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Викторъ Осипычъ, сынъ Зиновьева, только что записавшійся въ купцы, молодой, съ блѣдноистощеннымъ лицомъ мужчина, узкими карими заспанными глазами, выражавшими апатичное состояніе, и съ большими ушами, въ одномъ изъ которыхъ, правомъ, постоянно носить золотую сережку, похожую на кольцо. Онъ ведетъ себя очень смирно, тупо, съ разинутымъ ртомъ смотреть то на отца протопопа, то на сосѣда, то въ отворенную дверь, и если сосѣдъ обращается къ нему съ словомъ, онъ разѣвваетъ моментально ротъ, показываетъ два ряда почернѣвшихъ отъ табаку зубовъ, и начинаетъ испуганно мигать глазами, и успокоится и приметъ прежнее положеніе только тогда, когда его оставятъ. Однако, сосѣдъ его, Осипъ Андреичъ, выросшій и даже учившійся съ нимъ до втораго класса уезднаго училища, да и самъ батюшка, Осипъ Флорычъ, знаютъ его не такимъ. При отцѣ и у родни онъ держитъ себя смиреннѣе агнца, скоро хмѣлѣветъ до того, что его незамѣтно отъ родителя или отъ хозяина уводятъ спать, не играетъ въ карты и вообще ведетъ себя, какъ неопытный мальчикъ (ему 21 годъ), но нужно увидать его за Волгой. Ужъ не тотъ тамъ Викторъ Осипычъ! И откуда тамъ появляется тогда разной молодежи — мѣщанъ, купеческихъ сынковъ и чиновниковъ съ молодыми женщинами сомнительной наружности и легкаго поведенія. Пьянство идетъ страшное, орутъ пѣсни, безо-

бразничаютъ, и стоитъ въ это время горожанину выдти на берегъ, чтобы сказать: а, это Витѣка съ цѣпи сорвался! Однако, удовольствія эти ему помнились долго, потому что родитель, не смотря на совершеннѣйшіе, подвергалъ его въ своей конюшнѣ тѣлесному наказанію. Въ городѣ Виктора Осипыча считали за погибшаго человѣка, забитаго; дѣвицы считали его необразованнымъ за то, что онъ не умѣлъ посвѣтски разговаривать, и отзывался объ немъ, что у него моченое лицо.

По другую сторону Зиновьева, за другимъ столомъ, сидѣлъ уѣднѣй судья Алексѣй Николаевичъ Крюковъ, высокій, худощавый, съ впалыми бѣлыми щеками старикъ, съ остриженными подъ гребенку съдыми волосами. Взглядъ у него суровый, такъ что люди, видѣвшіе его въ первый разъ, называли его крысой, но люди, знающіе его ближе, отзываются объ немъ какъ о самомъ добрѣйшемъ существѣ, боищемся даже убить муху, и удивляются, какимъ образомъ такой добрый человѣкъ можетъ подписывать приговоры подсудимымъ. При этомъ надо замѣтить, что судья уже нѣсколько лѣтъ глухъ на лѣвое ухо, и потому въ разговорахъ постоянно поварачиваетъ къ говорящимъ съ нимъ правое ухо, накладывая за него правую ладонь. Вотъ почему и теперь онъ обращается больше въ сторону Зиновьева и протопопа, и рѣдко оборачивается въ сторону сидящихъ съ нимъ рядомъ по лѣвую руку казначея Викентья Мордарыча Чечелибухина и земскаго исправника Ильи Иваныча Давыдова, которые разговариваютъ большею частію другъ съ другомъ.

Изъ комнатъ по лѣвую сторону слышались женскіе голоса на разные тоны и чей-то охриплый мужской голосъ, вторившій имъ; по временамъ раздавался смѣхъ одвой или двухъ женщинъ или всѣхъ разомъ.

Хозяинъ и гости вели дружественную, но пустую бесѣду, иначе сказать—переливали изъ пустаго въ порожнее.

— А у насъ въ уѣздѣ скоро будутъ двѣ новыя личности: мировой посредникъ и судебный слѣдователь, говорилъ кто-то Осипу Андреичу.

— Гм!

— Что, нравятся вамъ это?

— Мнѣ все равно... Конечно, дѣла прибавится больше, потому что обоимъ придется наставлять, самодовольно отвѣчалъ молодой Яковлевъ.

— А-а, не нравится!

— Много денегъ у казны—вотъ што! Къ чему эти слѣдователи?—не понимаю. Ну, посредникъ—дѣло другое, проговорилъ старикъ Зиновьевъ.

— А почему посредники нужны по вашему?

— Потому, что они не даютъ помѣщикамъ много воли.

— А если я самъ помѣщикъ?

— Мнѣ што за дѣло.

— А если мнѣ это не по губѣ?

— Такъ вотъ я и испугался!

— Что вы на это скажете, Осппъ Андреичъ! обратился исправщикъ къ молодому Яковлеву.

Но въ это время въ залу вошелъ изъ другой комнаты въ сопровожденіи дочери Зиновьева, дѣвицы Анисьи Осиповны, и жены Осипа Андреича, Марѣ Антоновны, пожилой, плотный мужчина съ большимъ животомъ, весьма выдающимся впередъ, съ каравымъ, загорѣлымъ отъ ѣзды лицомъ, въ форменномъ фракѣ съ такимъ же воротникомъ и пуговицами, какъ и у Андрея Ивановича, съ двумя крестами на шеѣ и пряжкой за XXX лѣтъ на фракѣ. Вся его фигура изобличала въ немъ жителя губернскаго города и человѣка, занимающаго важную должность. Онъ, покачиваясь на обѣ стороны, медленно шелъ въ сопровожденіи двухъ дамъ и, кланяясь, проговорилъ:

— Мое почтеніе, господа.

Гости встали, а Осппъ Андреичъ ушелъ въ прихожую.

Дамы тоже раскланялись съ гостями и, вмѣстѣ съ важнымъ господиномъ, подошли подъ благословеніе къ протопопу.

Оказалось, что этотъ господинъ былъ двоюродный братъ Андрея Ивановича, ассесоръ ревизскаго отдѣленія казенной палаты, и пріѣхалъ сюда, подъ видомъ освидѣтельствованія торговли, отдохнуть недѣлку, другую у брата. Зовутъ его Ишполить Аполлоновичъ Яковлевъ.

Анисья Осиповна была бы очень красивая дѣвушка, еслибы ея лицо не портили веснушки. Въ карихъ ея глазахъ замѣчалась пытливость, а въ манерахъ не было той застѣнчивости, какая замѣчается у многихъ дѣвушекъ ея лѣтъ; ей съ Рождества минуло только семнадцать. Ея волосы пепельнаго цвѣта были просто зачесаны и дажѣ кой-гдѣ торчали и спалзывали, почему она должна была часто ихъ приглаживать руками; на ней было надѣто простенькое ситцевое платьѣ палеваго цвѣта безъ всякихъ особыхъ украшеній; подъ платьемъ не было криволица, а въ ушахъ она носила серебряныя легонькія сережки. Тѣмъ не менѣе, во всей ея фигурѣ было много хорошаго, такъ что можно было удивляться, какимъ это образомъ у такого родителя, какъ Осипъ Флорычъ Зиновьевъ, могла вырасти такая дочь, если еще при этомъ брался въ соображеніе такой сыновъ, какъ Викторъ Осипычъ. Этому обстоятельству въ Ильинскѣ всѣ дивились и единогласно рѣшили, что или отецъ лелѣветъ свою капризную и своенравную дочь для того, чтобы выдать ее за какого-нибудь очень важнаго чиновника въ губернской городѣ, или дочь держитъ его въ рукахъ, такъ-какъ самъ онъ частенько вапивается до безчувствія, ссорится съ женой, отчего эта

последняя жалуется всѣмъ, что его вооружаетъ противъ нея дочь его отъ перваго брака. На сколько все это вѣрно, читатель увидитъ дальше.

Совсѣмъ другое была Марѳа Антоновна, женщина 24 лѣтъ. Она была высока ростомъ, полна, какъ здоровая содержательница постоялаго двора. Лицо у ней продолговатое, носъ похожій на еврейскій, брови черныя, но глаза разные — правый карій, а лѣвый сѣрый, что сразу не замѣчалось, да и самъ Осипъ Андреечъ, какъ онъ самъ говоритъ, узналъ объ этомъ уже тогда, когда объяснился съ ней въ любви и сталъ ее целовать. Волосы у нея густыя, но къ нимъ на затылокъ, подъ сѣтку, она прибавляетъ еще комокъ фальшивыхъ волосъ для приданія себѣ больше красоты; съ этой же цѣлю она и лицо свое натираетъ мѣломъ. На ней надѣто шелковое съ длиннымъ шлейфомъ платье, и на ногахъ у ней шелковые сапожки. Она часто ужимается губами, какъ бы стараясь этимъ придать себѣ грацію, кокетливо встряхиваетъ головой и постоянно поправляетъ свое платье, оборачивая голову назадъ. Такъ и видна въ ней дама, привыкшая бывать въ кругу аристократовъ-поклонниковъ, любящая танцы и вообще женщина, желающая всѣмъ понравиться.

Какъ женщина, выросшая въ губернскомъ городѣ и считающая себя губернской львицей, она съ шикомъ раскланялась съ гостями, подавъ каждому руку, и въ то же время взглянула на дверь въ прихожую, куда ушелъ ея супругъ; Анясь же Осиповна, поздоровавшись съ гостями, присѣла къ брату.

Исправникъ съ казначеемъ начали разсыпаться въ любезностяхъ съ бонтоною дамой. Началось опять переливанье изъ пустаго въ порожнее.

— Ты, Осипъ, кажется, скоро заснешь? спросила шутливо Анясья Осиповна брата.

— Скучно, сестричка, отвѣтилъ тотъ тихо, но замѣтно было, что онъ очень обрадовался приходу сестры.

— А ты пройдишь по комнатамъ. Да вонъ и хозяинъ въ прихожей.

— А вотъ новость-то, сказалъ старикъ Яковлевъ:—я письмо получилъ и отгадайте, откуда?

— Отъ Даши?

— Нѣтъ.

И Андрей Ивановичъ показалъ на конвертъ.

— Изъ монастыря, сказалъ Осипъ Андреечъ.

— Ужъ здорова ли? вскричала Марѳа Антоновна.

— Прочитайте, папаша, просилъ сынъ.

Андрей Ивановичъ сталъ смотрѣть на конвертъ. Въ это время въ прихожую вошелъ давно ожидаемый протоіерей Григорій Ивановичъ Пьянковъ, толсый, низенькій, годовъ сорока муж-

чина съ широкимъ лицомъ, надменнымъ взглядомъ въ глазахъ, съ длинными, густыми черными волосами, въ камлавкѣ и съ наперснымъ крестомъ.

— Извините ради Бога, — опоздалъ. Неприятное извѣстіе получилъ — дядя очень нездоровъ. Надо все сообразить и поскорѣ ѣхать, проговорилъ Пьянковъ.

— Извините, что побезпокоили васъ, извинялся хозяинъ.

— О, полноте! Малютка какъ... здоровъ?

— Да, да! Прикажите...

— Сдѣлайте одолженіе.

Андрей Ивановичъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ началось крещеніе, въ которомъ дѣвочку назвали Анной.

III.

У русскихъ въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ ведется изпоконвѣка обычай такого рода, что родители не присутствуютъ при крещеніи ребенка, даже крестящій ребенка священникъ выгоняетъ вонъ отца или мать, если они вздумаютъ за чѣмъ нибуть войти въ ту комнату, гдѣ совершается таинство. Яковлевъ и его жена были люди религіозные, вполнѣ слѣдующіе этому обычаю, и потому все совершеніе таинства проводили въ другихъ комнатахъ. Впрочемъ, имъ бы и не выстоять всѣхъ молитвъ, потому что нужно было приготовить для гостей закуску и обѣдъ. Поэтому Андрей Ивановичъ пошелъ распорядиться насчетъ закуски и обѣда, прогнавъ своихъ дѣтей для того, чтобы положить на зубокъ ребенку рублевую монету. Монеты эти, извѣстно, идутъ въ пользу повивальныхъ бабокъ. А семейство Яковлева было большое. Въ живыхъ у него было съ теперешнимъ ребенкомъ ровно десять, за исключеніемъ отсутствующихъ; теперь находились на лицо, кромѣ Осипа, дочь Марья 21 года, сынъ Владиміръ 8 лѣтъ и дочь Евлампія 5 лѣтъ. По зову Андрея Ивановича, въ комнату вошли: Марья, дѣвица полная, краснощекая, одѣтая по настоящему случаю въ шелковое платье и вдѣвшая въ уши огромныя сережки; сынъ Владиміръ, мальчикъ болѣзненный, нелюбимый отцомъ, но о которомъ Марина Осиповна часто плакала, думая, что ея любимый сынокъ того и гляди что умретъ. За ними ушли въ залу двѣ старухи, пріятельницы Марины Осиповны, изъ коихъ одна была жена дьякона, а другая мать раззорившагося купца, и жена Зиновьева, Вѣра Петровна, худошавая, съ болѣзненнымъ лицомъ тридцати лѣтъ женщина, въ косынкѣ на головѣ и въ китайской шали, надѣтой поверхъ люстринаваго платья.

— Никто еще не былъ? спросилъ Яковлевъ Марью Андреевну.

— Нѣтъ, отвѣчала она робко.

— А твой женихъ?

— Вы не посылали за нимъ.

— Вотъ мило! Что онъ за особа, чтобы мнѣ посылать къ нему гонцовъ!

Яковлевъ пошелъ въ столовую. Въ ней было два окна, три шкафа и два стола—одинъ, самый большой—круглый по срединѣ былъ накрытъ бѣлою скатертью и на немъ уже стояли бутылки съ водкой, наливками и виномъ и разныя холодныя закуски; на другомъ столѣ, что у оконъ, стояла посуда. Сама хозяйка, высокая, толстая женщина, съ бойкими карими глазами, лѣтъ тридцати-пяти, съ широкимъ лицомъ, невыражавшимъ ничего особеннаго и мало чѣмъ отличающимся отъ лицъ купеческихъ женъ или женъ чиновниковъ, которымъ не приходится много хлопотать о насущномъ хлѣбѣ. Но по лицу этому все-таки можно было заключать, что эта женщина назадъ тому годовъ десять или двѣнадцать была красивою, то-есть красивою на столько, что могла влюбить въ себя мужчину своимъ румянцемъ шокъ, стыдливими взглядами карихъ глазъ, кокетливо-мѣщанскими ужимками алыхъ губъ и большими косами черныхъ волосъ. Такова была хозяйка Марина Осиповна, одѣтая въ настоящую минуту въ шелковое голубое платье и въ кисейномъ чепчикѣ на головѣ. Она отдавала приказанія старухѣ кухаркѣ и кучеру Трифону, на которомъ теперь былъ надѣтъ старый яковлевскій сюртукъ, манишка, галстукъ и драповыя брюки. Кухарка перетирала посуду, а Трифонъ разставлялъ тарелки по столу.

— Все ли готово? спросилъ жену Яковлевъ.

— Все. А ты этому пинчужкѣ Родіонкѣ откажи. Сказала я ему, чтобы пришелъ,—его и нѣтъ. Вѣроятно онъ у тебя укралъ вина, проговорила недовольно жена.

— Гм! Бестія... Ну, какъ вибудь... Пошевеливайтесь.

— Тебѣ бы все сейчасъ.

— Ну-ну.

И Андрей Ивановичъ, откупоривъ одну бутылку, налилъ рюмку наливки и подошелъ къ нимъ.

— Ну, поздравляю, Маня!

Супруги поцаловались; затѣмъ Андрей Ивановичъ выпилъ.

— Отчего ты не пригласилъ Павлова?

— Куда же ему; еще дядя обидится. Мы его позовемъ вечеромъ.

— А я сегодня дядька славно огрѣлъ... началъ-было кучеръ, но въ это время вошелъ письмоводитель Андрея Ивановича, Родіонъ Савичъ Дементьевъ, въ рваномъ, запачканномъ грязью

сюртукъ и съ раскраснѣвшимя отъ водки лицомъ. Хотя онъ и старался держаться на ногахъ крѣпко, но его пошатывало. Кучерь захохоталъ, Марина Осиповна сдѣлалась блѣднѣе, точно приходъ его былъ для нея какимъ нибудь несчастіемъ; Андрей же Иванычъ съ усмѣшкой глядѣлъ на Родіона.

— Ну, зачѣмъ ты пришелъ, безстыжіе твои глаза! напустился на Родіона Трифонъ.

— Не твое дѣло... Андрей Иванычъ... Я точно-что маленько... а я ей-Богу не пьянъ, началъ несвязно Родіонъ.

— Не пьянъ! Ха-ха! А въ полицію хочешь? сказала Андрей Иванычъ.

— Ужъ для такого-то праздника...

— Отправь ты его ради Христа въ полицію, сказала Марина Осиповна.

— Покорно благодарю... Это значитъ за всѣ услуги...

— Вотъ еще.

— Постойте, Марина Осиповна..! Я, теперича, называюсь писмоводитель, а прилично ли мнѣ сапоги чистить, бѣлье кухаркѣ колотить на рѣкѣ? Это какъ?

— Молчать! и Андрей Иванычъ ударилъ Родіона по щекѣ. Родіонъ отшатнулся.

— Ты, каналья, еще вздумалъ грубить и въ моихъ глазахъ!.. Я тебѣ что говорилъ сегодня утромъ?.. А? чтобы ты одѣлся почище и приходилъ помочь женѣ... А ты пьянъ! ты грубишь! Вонъ!!

— Простите великодушно.

— Вонъ!! И не смѣй ко мнѣ показываться. Я уже много тебѣ прощалъ, а теперь ты осмѣлился при мнѣ наговорить дерзостей моей женѣ... Вонъ! чтобы духу твоего здѣсь не было, говорилъ запыхавшись отъ злости Андрей Иванычъ. Щоки его покраснѣли.

— Пожалуйте мнѣ за полгода жалованье.

— Скажите, какой нахаль! И это вы, Андрей Иванычъ, поблажаете. Пошелъ вонъ, негодяй! кричала Марина Осиповна.

— У меня жена померла въ десять часовъ, вотъ я и пьянъ, сказалъ Дементьевъ.

— Врешь, врешь! кричала Марина Осиповна, толкая Дементьева вонъ...

— Я бы тебя отправилъ въ полицію, да не съ кѣмъ, кричалъ Андрей Иванычъ. Родіонъ ушелъ, но Андрей Иванычъ нѣсколько минутъ пыхтѣлъ, топорщился у двери и обтиралъ лицо шелковымъ коричневаго цвѣта платкомъ.

— Экая пьяница! А я на него надѣялся... Дѣлать нечего, ты, Трифонъ, замѣни его мѣсто.

— А если у него въ самомъ дѣлѣ жена умерла? сказалъ Трифонъ.

— Вреть! не умерла, а онъ ее убилъ... Она постоянно приходила на него жаловаться, что онъ ее бьетъ... Ужъ онъ не укралъ ли у меня чтонибудь... А ты еще защищаешь его! О, охъ вы!! говорила Марина Осиповна.

Въ это время въ столовую привесли окрещеннаго ребенка. За старухой бабкой съ ребенкомъ шли: крестный отецъ ребенка, Ипполитъ Аполлоновичъ, крестная мать Марфа Антоновна, Марія Андреевна, Вѣра Петровна съ двумя старушками.

Начались поздравленія, Андрей Ивановичъ ушелъ въ залу. Тамъ Пьянковъ сидѣлъ между казначеемъ и Третьяковымъ.

— Да, думаю совсѣмъ убраться отсюда, и вы, Сергій Ивановичъ, будете навѣрно рады моему отсутствію, говорилъ Пьянковъ.

— Что мнѣ радоваться: я старъ и давно самъ хотѣлъ на покой, не пускали.

— Полно, старина! началъ Пьянковъ.

— Пожалуйте! милости прошу!! говорилъ хозяинъ съ улыбкой.

— Полно вамъ грызтись-то изъ-за мѣста! сказалъ исправникъ и повелъ Третьякова.

— Обидно.. промолвилъ Третьяковъ вполголоса.

— Терпѣть меня не можетъ. Не повѣрите-ли: сколько онъ на меня доносилъ, писалъ, говорилъ также вполголоса Пьянковъ казначею, который на это только развелъ руками.

Всѣ уѣдлись по старшинству. Пьянковъ занялъ предсѣдательское мѣсто, такъ что по обѣ стороны его сидѣли—по правую Третьяковъ, потомъ самъ Андрей Ивановичъ, казначей, по лѣвую—Ипполитъ Аполлоновичъ, судья и т. д.; дамы сѣли отдѣльно отъ мужчинъ и по старшинству; Марина Осиповна, какъ хозяйка, за столъ не сѣла, а распоряжалась и упрашивала ѣсть и пить; Трифонъ прислуживалъ.

Сначала обѣдъ шелъ неоживленно; говорили только Пьянковъ и Ипполитъ Аполлоновичъ и изрѣдка въ ихъ разговоры вставляли свои мнѣнія самъ хозяинъ, исправникъ и казначей; остальные же ѣли и пили, смотря съ подобострастіемъ то на Пьянкова, то на Ипполита Аполлоновича; хозяйка отвѣчала ужимкою только въ такомъ случаѣ, когда ктонибудь изъ старшихъ гостей обращался къ ней съ похвалою такому-то кушанью, причѣмъ лицо ея прояснилось и она самодовольно взглядывала на дамъ.

— А вы скоро намѣреваетесь уѣхать отсюда? спросилъ Пьянковъ Ипполита Аполлоновича.

— Да думаю завтра утромъ.

— Полно вамъ, братецъ. Вы и недѣли не гостили у насъ, сказала Марина Осиповна.

— Скучновато здѣсь, сказалъ Ипполитъ Аполлоновичъ.

— Ну, я думаю, скука-то вездѣ одинакова — что здѣсь, то и въ губернскомъ, сказалъ исправникъ.

— А я съ вами несогласна: въ губернскомъ вечера, танцы... какое общество! вступилась Марѳа Антоновна.

— Я не участвую-съ на подобныхъ вечерахъ; не по карману.

— Ну, полноте, дяденька; вы теперь скоро будете совѣтникомъ и вамъ необходимо будетъ нужно бывать въ дворянскомъ собраніи.

— Ужъ нѣтъ: я старой привычки не премѣню. То-ли дѣло въ своей компаніи съ купцами или съ духовнымъ. Меня владыка очень любитъ; я не одного семинариста попомъ сдѣлалъ.

— Да, я знаю... Мнѣ очень пріятно. Отецъ Стефанъ, кажется, получилъ крестъ, отвѣчалъ Пьянковъ.

— Да, это очень умный молодой человекъ. Въ его года, а ему кажется двадцать-седьмой, рѣдкіе бываютъ инспекторами семинарій, по крайней мѣрѣ нашей.

— Одно въ немъ, дяденька, скверно: говорятъ, большой драчунъ, сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Что жъ по твоему такъ и спускать... По твоему, пусть мальчишки хоть на головахъ ходятъ... А ты еще не знаешь, каковы эти семинаристы. А ихъ у зятя по крайней-мѣрѣ семьсотъ человекъ.

— Строгость необходима, я съ вами согласенъ. Вы посмотрѣли бы, какой у меня въ уѣздномъ училищѣ ведется порядокъ! проговорилъ Пьянковъ.

— Ну, это еще доказываетъ только, что мальчишки такихъ строгихъ людей никогда не любятъ, проговорилъ въ свою очередь Третьяковъ.

— А-а! Задѣли стариковское самолюбіе! сказалъ исправникъ.

— Мальчишекъ надо драть! крикнулъ Зиновьевъ.

— Я не отрицаю, но только полегонечку, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда уже никакія мѣры не дѣйствуютъ, защищалъ свою систему Третьяковъ.

— Позвольте спросить, какія это мѣры? спросилъ Пьянковъ.

— Самыя легкія; у меня, во время завѣдыванія училищемъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, кажется, только двое были наказаны, и то не болѣе пяти ударовъ, а между тѣмъ другіе учителя только и дѣлали что сѣкли.

— Дѣдушка очень простыя употреблялъ вещи. Напримѣръ, спросить урокъ, и если урокъ не знаетъ мальчикъ прилежный, онъ на первый разъ велитъ ему встать съ книгой въ уголь къ печкѣ, во второй поставитъ къ печкѣ на колѣни, а въ третій

подзоветъ самаго лѣвиваго ученика, который живетъ во враждѣ съ прилежнымъ ученикомъ, да и заставитъ ученика терзать за уши прилежнаго, хвастался Осипъ Андреичъ.

— Я думаю, такая система, напротивъ, вселяетъ раздоръ между воспитанниками, сказалъ Пьянковъ.

— Напротивъ, прилежный ученикъ послѣ такого срама становился отличнымъ ученикомъ, потому что его конфузили товарищи, и даже примирился со своимъ врагомъ... Вообще у меня мальчики учились хорошо; не было такой распушенности, сказалъ Третьяковъ.

— А вы думаете, что у меня обучаются плохо? вступился Пьянковъ.

Хозяинъ пригласилъ гостей выпить; заговорили о посредникахъ.

— Я думаю, по крестьянскому присутствію хорошая служба? началъ казначей.

— Не знаю. Я слышалъ только одно, что эти люди только понапрасну бумагу переводятъ, и знаю, что въ уѣздахъ торговля находится въ плохомъ состояніи, на томъ основаніи, что многихъ крестьянъ раззорили, а маклаки стараются выжать все даромъ. Я вотъ и здѣсь замѣтилъ, что нынче уже не крестьяне продаютъ на рынкѣ муку, масло и яица, а прасолы, городскіе мѣщане, проговорилъ Ипполитъ Аполлоновичъ.

— Все это происходитъ отъ лѣности, сказалъ Пьянковъ.

— Нѣтъ, не отъ лѣности, а оттого, что крестьяне поставлены между двухъ огней: между помѣщикомъ и посредникомъ, горячился ассесоръ.

— И находятъ попрежнему въ рукахъ становыхъ приставовъ. Впрочемъ, я не такъ выразился: безъ насъ они ни шагу! вклеилъ отъ себя Осипъ Андреичъ.

— Васъ, молодой человекъ, не спрашиваютъ, сказалъ ассесоръ.—Я говорю про себя. Мои крестьяне, т. е. не мои, а моей жены, да это все равно, вотъ посмотрите, какъ они живутъ. Да они говорятъ: батюшко Ипполитъ Аполлоновичъ! Намъ никакой воли не надо: мы у тебя, какъ у Христа, за пазухой живемъ, — ей-Богу! Ну, говорю, ступайте, молодцы, на волю, уходите прочь. Ха-ха-ха!—куда! Въ ногахъ валяются,—только оставь! я только тѣмъ и пугаю, что говорю: ступай прочь!

— Это ужъ черезчуръ строго: куда-же онъ дѣнется безъ всего и съ семьей? сказалъ Третьяковъ.

— Смиренствомъ тутъ ничего не подѣлаешь. Вотъ они и боятся. И если имъ чтонибудь скажетъ посредникъ, они посылаютъ ко мнѣ старосту; я пишу посреднику—такъ и такъ, молъ; а если что молъ, не по моему, такъ я и отцу твоему пожалуюсь, а не то и губернатору.

— А что, дяденька, смирны ваши крестьяне? спросилъ Осипъ Андреичъ.

— Смирны, какъ агнцы.

— А не бунтуютъ, какъ у насъ?

— Смѣютъ! Да я имъ всю шкуру спущу. Пардонъ! извинился ассесоръ передъ дамами и продолжалъ:—былъ у меня одинъ мужичонко, невзрачный такой, лѣнтяй. Я бы его давно сдалъ въ солдаты, еслибы онъ былъ помоложе и не хромой. Ну, вотъ онъ недѣли съ три тому назадъ и давай мутить мужиковъ, что де имъ по положенію слѣдуетъ та же земля, которою они раньше пользовались. Тѣ и развѣсили уши: смгнули, что новую землю нужно облаживать, а прежняя немного требуетъ ухода, ну и послали ко мнѣ старосту. Я старосту прогналъ, они посреднику жалобу, тотъ пишетъ: нельзя-ли сдѣлать съ крестьянами какое нибудь соглашеніе. Я и разузнай: кто это мутить, и приказалъ посреднику наказать мужичонка розгами. А тотъ, что бы вы думали, пишетъ: не имѣю правъ. Вотъ они каковы посредники! Терпѣть я ихъ не могу! Мальчишки, забіяки...

Стали пить вмѣсто шампанскаго шипучую наливку; пошли поздравленія.

— И я тоже не особенно пми доволенъ, хотя у меня сынъ тоже мировымъ посредникомъ служить въ сосѣдней губерніи, началъ исправникъ.—А именно: въ одной деревнѣ сгорѣло восемь дворовъ; говорятъ, былъ поджогъ. Ну, конечно, пріѣхалъ я производить слѣдствіе, потому-что у насъ тамъ судебного слѣдователя еще не было. Вотъ посредникъ и дѣлаетъ мнѣ предложеніе, чтобы я въ каждой деревнѣ завелъ пожарную команду. Ну, не дуракъ-ли! Да помоему, хоть всѣ деревни сгори — все равно.

— Не горячитесь: безъ хлѣба останетесь, сказалъ Третьяковъ.

— О, батюшка! Были бы деньги—хлѣбъ найдется.

— А бѣдные люди какъ жить будутъ?

— Будутъ работать.

— А если работы нехватить?

— Хватить.

— Вижу: изъ пустаго въ порожнее вы переливаете. Извините, от. Сергій, а я выпью водочки, сказалъ сердито Зиновьевъ.

Пьянковъ всталъ, за нимъ встали и остальные.

Немного погодя, Пьянковъ и Третьяковъ распрощались съ хозяевами и уѣхали. Третьяковъ обѣщалъ пріѣхать вечеромъ съ племянницей.

— Ну, Андрей, гдѣ ты меня уложишь спать? Въ саду, что-ли? сказалъ хозяину Зиновьевъ.

— Да и я тоже: послѣ обѣда всегда отдыхаю, прибавилъ ассесоръ.

— А мы въ карты, сказали исправникъ и казначей.

Черезъ четверть часа Зиновьевъ ушелъ спать въ садъ въ бесѣдку, ассессоръ ушелъ въ кабинетъ Андрея Ивановича, а остальные гости пошли играть въ палисадникъ.

Андрей Ивановичъ былъ очень веселъ, потому что имъ остался доволенъ двоюродный братъ, а это много значить. Онъ пошелъ къ женѣ, которая, сидя въ одной изъ комнатъ, кушала. Рядомъ съ ней сидѣла худошавая красивая кормилица и кормила грудью ребенка, а за столомъ сидѣли маленькія дѣти, которые ежеминутно баловали и заботились не объ ѣдѣ, а о томъ, какъ бы поскорѣе ударить на дворъ.

— А гдѣ тѣ? спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Старухи ушли домой, а молодья ушли въ садъ играть въ дурачки.

— Отчего это Райса Сафоновна и другіе не пришли?

— Я почему знаю! Да и лучше.

— Да какъ? Вѣдь ихъ звали. Вотъ и этотъ скотъ Павловъ.

— Онъ казначей не любитъ. Надо уже послать за нимъ.

— Ненужно... Ахъ, я и забылъ совсѣмъ... Я письмо получилъ изъ Сокола, кажется, изъ монастыря.

— Опять, поди, Дарья на тетку жалуется.

— Посмотримъ, только почеркъ-то не ея... Ужъ здорова-ли?

Андрей Ивановичъ сталъ читать письмо. Еще не дочиталъ онъ и страницы, какъ лицо его омрачилось.

— Вотъ новость-то! проговорилъ онъ.

Въ комнату вошли Марья Андреевна съ братомъ Осипомъ и его женой съ одной стороны и кухарка и дворникъ съ другой.

— Ахъ, я и забылъ спросить о письмѣ! сказалъ Осипъ Андреевичъ.

Андрей Ивановичъ дочиталъ письмо и медленно свернулъ его. Онъ теръ лобъ правой рукой и что-то обдумывалъ, а Марина Осиповна выдернула у него письмо и стала читать.

— Скажите, какая дерзость: ушла! И насъ не спросилась... проговорила она съ досадой.

— Какъ? Дарья ушла—изъ монастыря?

— Убѣжала! сказала Марина Осиповна такимъ тономъ, какъ будто падчерица ея сдѣлала убійство.

— Это мило! растянула Марѳа Антоновна.

— Ну-съ, это дѣло васъ не касается! Идите себѣ., играйте. А вы чего тутъ торчите? накинулъ старикъ Яковлевъ на дворника и кухарку, которые и не замедлили уйти. Остальные, кромѣ Марьи Андреевны, которая стояла съ разинутымъ ртомъ и испуганно глядѣла на родителей, приняли эту новость горячо.

— Ну, гдѣ же она теперь? спросилъ Осипъ Андреевичъ.

— Вѣдь это ужасно! проговорила Марина Осиповна и всплеснула руками.

Въ комнату вошелъ Ипполитъ Аполлоновичъ въ халатѣ и туфляхъ.

— Извините... Я пришелъ воды попросить... Что у васъ за совѣтъ?

Андрей Ивановичъ сдѣлалъ плачевное лицо, и взглядывая то на жену, то на сына, кривлялъ глазами.

— Такъ, дяденька, собрались... по семейному, отвѣчалъ за всѣхъ Осипъ Андреичъ.

— А я вотъ легъ спать, да что-то сегодня не могу заснуть— видно, много поѣлъ гуся. Я гусей ѣмъ въ рѣдкихъ случаяхъ, ну да впрочемъ завтра поѣду, такъ протрясусь.

Ассесора стали упрашивать, чтобы онъ остался.

— Ну, не знаю. Скучно здѣсь... Я вотъ люблю послѣ обѣда немножко газетами поразвлечься— у насъ въ палатѣ чиновники всякія газеты выписываютъ; ну, такъ я и пользуюсь на даровщинку. А кстати ты, Андрей, письмо, кажется, получилъ отъ настоятельницы!..

Андрей Ивановичъ молчалъ; остальные тоже затруднились, что отвѣчать.

— Не желаете-ли вы по саду прогуляться? сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Ахъ, пойдѣте, дяденька! сказала Марѳа Антоновна и вцѣпилась въ ассессора.

— Съ удовольствіемъ бы съ вами пошелъ, да боюсь: я ревматизмомъ страдаю. Ну, что, здорова-ли Даша?

— Здорова, отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Лѣтомъ собирается къ намъ?

— Она уже уѣхала, сказала Марина Осиповна.

— Вотъ какъ. А, да вотъ и письмо. Позвольте мнѣ прочитать... Я очень люблю читать письма отъ духовныхъ, хотя и не особенно уважаю женскіе монастыри.

— Я вамъ долженъ сообщить кое-что, сказалъ Андрей Ивановичъ, и взявъ письмо, пригласилъ идти за собой ассессора; за нимъ пошла и Марина Осиповна.

— Непріятныя извѣстія, сказалъ Андрей Ивановичъ ассессору, когда они вошли въ кабинетъ, съ большимъ письменнымъ столомъ между двухъ оконъ, съ широкими двумя диванами у стѣнъ, съ четырьмя креслами и съ картинами изъ Художественнаго Листка, изображающими сцены изъ севастопольской кампаніи.

— Что, нездорова Даша?

— Здорова, но... вотъ прочитайте.

Ассесоръ прочиталъ письмо спокойно два раза, сѣлъ къ столу

я, вѣроятно вообразивъ, что онъ прочиталъ дѣловую бумагу, замѣтилъ на немъ число, мѣсяць и годъ полученія, п потому обернулся, какъ будто бы за справками: въ какомъ положеніи находилось до сихъ поръ дѣло по этому предмету.

— Ну-съ? сказалъ онъ, и сталъ сурово смотрѣть то на самого Яковлева, то на его жену.

— Ума не приложу! отвѣчалъ Андрей Ивановичъ.

— Она постоянно была взбалмошная, сумасшедшая, сказала Марина Осиповна.

— Отчего вы ее мнѣ не отдали на воспитаніе, когда ее не любите? сказалъ ассесоръ Маринъ Осиповнѣ.

— Да помилуйте, она вамъ покою недастъ.

— Напротивъ, она у меня гащивала по мѣсяцамъ и я всегда ее находилъ дѣвочкой послушной, прилежной и очень смирной... Да, я такъ и зналъ, что она не уживется въ монастырѣ. Но вотъ въ чемъ дѣло: въ письмѣ сказано, что она исчезла изъ монастыря такого-то числа, а съ этого времени прошла уже недѣля.

— Можетъ быть, она у Кузьмы и Платоновыхъ.

— Очень нужно Платоновымъ содержать дѣвицу на возрастъ. Они и такъ тиготятся Кузьмой, жалуютъ ему куска мяса, хоть онъ у нихъ все равно что письмоводитель или слуга какойнибудь. Можетъ быть, она теперь у меня, и хорошо бы было, еслибы она была у меня: ужъ я бы ее не пустилъ къ вамъ. Кстати, у меня и женихъ есть. Но вотъ что странно, — настоятельница пишетъ: за нею и прежде сего водились порки, и поставлены точки. Чортъ ихъ знаетъ, къ чему они ставить это многоточіе? Что они хотятъ сказать этимъ? Вѣдь она второй годъ живетъ тамъ?

— Да.

— Ну, и къ чему было посылать ее туда! Будто вы сами не могли ее обучить чему-нибудь? Руководъльницу, что ли, вы хотѣли изъ нея сдѣлать? Она, когда была у меня, отличную связала скатерть моей женѣ. Пѣвицу? Она и такъ хорошій голосъ имѣетъ и какъ, бывало, запоетъ „За рѣкой на горѣ“— заслушаешься. Нравственности, что ли, вы ей хотѣли больше придать, такъ ужъ это дѣло плохое, коли вы своихъ дѣтей не умѣете воспитать по закону Божию и посылаете въ чужія моря. Хотѣлось бы мнѣ ее увидѣть: поди, похудѣла, перемѣнилась... Э-эхъ, вы!

— Но, братецъ, вѣдь вы сами совѣтовали отдать ее въ монастырь, сказала Марина Осиповна.

— Когда?

— Помните, какъ она у васъ гостила въ послѣднее время. Вы говорили еще тогда: какая она богомольная; постоянно въ

крестовую церковь ходить, дома поетъ божественное, какъ архіерейскій пѣвчій; хвалили ее за руководѣе. Вотъ вы и одобрили тогда мою мысль отдать ее въ монастырь.

— Я смѣялся, шутилъ, а вы приняли серьезно... Вы знаете, что я всегда былъ вами недоволенъ за это. Знаете вы это?

Супруги молчали.

— А что вы думаете, если она испортилась?

— Боже сохрани!

— Вотъ теперь такъ Боже сохрани. Завтра же уѣзжаю!

Кое-какъ ассесора уговорили пожить еще дня съ три, и уговорили съ тѣмъ, что если завтра отъ Дарьи не получится письма и она не прійдетъ сама, то значить она ѣдетъ сюда сама; если же не получится письма и сама она не прійдетъ, то, вѣроятно, она у ассесора, и послѣзавтра, конечно, отъ нея получится письмо.

Но Яковлевы были сильно встревожены поступкомъ дочери; слова ассесора казались имъ даже черезчуръ неприятными, и когда они вышли изъ кабинета въ другую пустую комнату, то между ними начался неприятный разговоръ.

— Всему этому ты виновата! началъ Андрей Ивановичъ.

— Покорно благодарю! Скажите, чѣмъ это?

— Тѣмъ, что старалась сбыть ее съ рукъ, а вотъ теперь что выходитъ. Она теперь, поди, гдѣ-нибудь голодомъ сидитъ, или умираетъ...

— Не беспокойтесь, не умретъ. Ужъ коли она испортилась...

— Молчать!... Я отецъ ей, крикнулъ Андрей Ивановичъ.

— Да развѣ я гнала ее изъ дому?

— Ты. Кто все твердилъ: надо ее въ монастырь послать къ теткѣ. А зачѣмъ? Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы она на глазахъ не терлась. Да скажи мнѣ, ради Христа: много ли твой отецъ далъ за тобой! скотина!... Слава тебѣ Господи, я уже имѣю одного сына становымъ приставомъ, одна дочь самужемъ тоже за приставомъ...

— Очень я испугалась вашихъ ругательствъ! Припомните-ка, не вы ли говорили: теперь меня уволили изъ стряпчихъ, того и гляди отдадутъ подъ судъ, вѣдь вы кое-какъ и то съ помощью вашего брата попали въ винные пристава и вчера получили бумагу...

Андрей Ивановичъ махнулъ рукой, сѣлъ на стулъ и закрылъ лицо руками.

— Дуракъ, такъ дуракъ и есть: Даша дѣвушка красивая, мы ее выдадимъ замужъ, благо, жениховъ много у насъ въ городѣ.

— Да! легко сказать—выдать. А за кого? За какого-нибудь пьянчужку, мѣшанина...

— А Павловъ развѣ не пьяница?... Сами же вы нашли Марьѣ женишка. А вотъ онъ какой почтительный, и на грестины не пришелъ.

Андрей Ивановичъ всталъ, прошелся молча раза четыре по комнатѣ, подошелъ къ одну, взглянулъ въ него. Въ бесѣдкѣ играютъ въ карты исправникъ, казначей, судья и Осипъ Андреичъ; Марья Андревна и Марѣя Антоновна смотрятъ на нихъ; недалеко отъ нихъ бѣгаютъ въ лошади дѣти; на дворѣ бродятъ куры, въ помойной ямѣ роется свинья, около нея хрюкаютъ маленькіе поросята. Кучеръ Трифонъ стоитъ за воротами и шепчется съ кокою-то женщиной.

— Не во время гость хуже татарина, проговорилъ Андрей Ивановичъ, отходя отъ окна.

— А для чего было звать?

— Да будьте вы прокляты!... Сейчасъ поѣду рыбу ловить.

— Андрей Ивановичъ! Да въ своемъ ли вы умѣ? Сами зазвали гостей; вечеромъ соберутся казначейша съ исправничихой и дочерьями, скрипачи и еще кое-кто, а вы бѣжать... Подумайте, что про насъ говорить станутъ, да и папенька осердится.

— Я поѣду купаться.

— Вотъ выдумали! Простудиться вамъ хочется, что ли? Пошли въ баню—облейтесь.

— По крайней мѣрѣ, помру скорѣе.

— Покорно благодарю! Ишь выдумали... Чѣмъ я буду держать вашихъ дѣтей?

— А-а! чортъ съ вами! сказалъ Андрей Ивановичъ, махнувъ рукой, и ушелъ въ палисадникъ.

Гости уже знали, что скоро къ Андрею Ивановичу пріѣдетъ изъ монастыря дочь Дарья, и поэтому выразили ему свою радость, что скоро увидятъ ее, а добрый отецъ на радостяхъ угостить ихъ пирогомъ. По ихъ просьбѣ Андрей Ивановичъ пришелъ къ нимъ, но игралъ разсѣянно вполъ до самаго вечера.

Описывать вечеръ не стоитъ. На немъ, кромѣ упомянутыхъ выше лицъ, были: жена казначея Раиса Сазоновна, пять дочерей исправника, изъ коихъ самой младшей было восемнадцать лѣтъ, а старшей тридцать-одинъ годъ, дѣвицъ некрасивыхъ, чахоточныхъ, секретарь и засѣдатель уѣзднаго суда, инвалидный вачальникъ, смотритель училища съ двумя учителями и два скрипача, которые съ девяти часовъ пилили на своихъ скрипкахъ. Подъ эту музыку въ залѣ происходили танцы. Больше всѣхъ былъ веселъ, повидному, ассесоръ, который то и дѣло танцевалъ съ Марѣей Антоновной, расточая ей любезности и цалуя у ней руку послѣ каждаго танца, такъ что хозяйева какъ-будто забыли на время свое горе, и подходя къ играющимъ въ карты, говорили, что дянька совсѣмъ отбилъ отъ ихъ Осипа жену.

— Ну, и вашъ-то Осипъ тоже не промахъ: съ казначейшей танцуетъ, отвѣчала одна изъ дочерей исправника, какъ бы съ досадою.

Ровно въ два часа гости разъѣхались, а Андрей Ивановичъ, уложивши спать дядю, сына и всю семью, ушелъ тоже спать въ садъ въ бесѣдку.

IV.

Дѣвушка, показавшаяся вскорѣ по отъѣздѣ отъ Яковлева гостей около будки, пошла по направленію къ Яковлевскому дому. Въ это время, въ половинѣ третьяго часа, ее хорошо было можно различить. Она была средняго роста, худощавая, съ блѣдными щеками, въ которыхъ очень ясно замѣчались ямочки, точно она или мало ѣсть, или мало ходить и изнурена какою-нибудь тяжелою, непріятною работою; большіе голубые глаза глядѣли какъ-то задумчиво-сосредоточенно, съ какою-то въ то же время тревогою, а маленькія ноздри ея немножко неправильнаго носа часто расширялись какъ-будто отъ тяжелыхъ вздоховъ; тонкія губы ея были сжаты какъ-то особенно, точь-въ-точь какъ это дѣлается многими, когда имъ нанесли какую-нибудь обиду и они, какъ говорится, скрѣпя сердце, слятся перенести эту обиду молча. Но, не смотря на это и на то, что изъ-подъ шляпки беспорядочно выпадали на невысокій и неширокій лобъ два-три пучка черныхъ волосъ, несмотря даже на насѣвшую на лицо пыль, лицо это было хотя и не очень красиво, но въ немъ не было нетолько ничего отталкивающаго, напротивъ, оно было привлекательно, такъ что глядя на него, чувствовала къ этой дѣвушкѣ невольная симпатія и какое-то участіе, словно она въ жизни перестрадала очень много и много видела людей. Она одѣта просто: на головѣ круглая черная плетеная шляпка, съ коротенькимъ чернымъ вуалемъ, который теперь закинуть на верхушку шляпки; по-верхъ ея сѣренькаго съ кѣточками ситцеваго платья надѣтъ сѣрый бурвусъ, съ обшивками на карманахъ и обшлагахъ каменными гремушками; на ботинки надѣты кожаныя калоши, но онѣ мало спасаютъ отъ грязи, и ботинки уже посѣрѣли отъ нея.

Не всѣ еще караульщики ушли спать по домамъ. Едва дѣвушка прошла отъ будки пять домовъ и подошла въ углу, какъ съ лавочки, сдѣланной у завалинки, всталъ плотный мужчина въ старомъ, замаранномъ известкой картузѣ, съ краснымъ лицомъ, узкими заспанными глазами, въ ваточной женской душегрѣйкѣ, покрытой ситцемъ (родъ шугайчика), въ толстыхъ изгребныхъ синихъ, запачканныхъ въ известкѣ шта-

нахъ и въ подобіи большихъ калошъ, образовавшихся изъ сапоговъ, отъ которыхъ обрѣзаны голенища. До сихъ поръ онъ сидѣлъ на лавкѣ дремля, а его сучковатая березовая палка и трещетка лежали около него, но разбуженный недавно проѣхавшими гостями Яковлева, онъ зѣвалъ, крестилъ ротъ, почесывался и угрюмо смотрѣлъ на покрывающійся пурпуромъ востокъ. Онъ медленно всталъ, потянулся, взялъ палку и трещотку, и подошелъ къ дѣвушкѣ. Та посторонилась.

Мужчина пристально сталъ глядѣть на дѣвушку.

— А-а! Откуда изволили явиться, барышня? проговорилъ онъ не то съ радостью, не то съ удивленіемъ.

— Здравствуйте, Миронъ Миронычъ! сказала дѣвушка тоненькимъ серебристымъ голосомъ.—Здорова ли Настинька?

— О-охъ, Дарья Андреевна!... Померла прошлую зиму. Крещенской воды выпила—простудилась и померла. А вы, я слышалъ, будто въ монахини постриглись?

— Нѣтъ, я въ родѣ воспитанницы жила.

— Такъ. А то говорили, будто вы ужъ совсѣмъ съ собою порѣшили. Моя Наталья и теперь все ворчитъ на вашего батюшку... Не во гдѣвъ будь вамъ сказано, а родители-то ваши больно ужъ жестоко поступили съ вами.

— Здоровы ли они?

— Чего имъ дѣлается. Вонъ вчера у нихъ крестины были; всю ночь плясали. Отсюда было слышно, какъ у нихъ скрипки пиликали. Ребенку и шести недѣль нѣту, а они пляску. Страмъ. Для баловъ-то они ужъ теперь дѣтей пристроили въ низъ, возлѣ кухни... А вы бы, Дарья Андреевна, пошли ко мнѣ уснули, а завтра къ нимъ; потому, тамъ теперь всѣ спятъ; у всѣхъ поди голова болитъ.

— Покорно благодарю... Я пойду внизъ; не буду тревожить старшихъ.

Дѣвушка поклонилась и пошла; мужчина постоялъ еще немного и ушелъ въ свой дворъ.

„Все такой же!“ думала Дарья Андреевна. „А Настя-то! Ахъ, какъ жаль!... Какія мы съ ней пріятельницы были; сколько я отъ родныхъ изъ-за нея непріятностей имѣла: ты, говорили, дворянка, а она дочь мѣщанина, мужичка... Сколько бы я ей теперь поразсказала всего, что я испытала въ это время. Что-то Иванъ подѣлываетъ?...“

Идетъ она и смотритъ на дома. Все такіе же; никакой перемены не замѣтно, только вотъ черемуха да рябина, кажется, подросли немного. И дома все знакомые; во многихъ она бывала, знаетъ, какъ тамъ люди до ея отъѣзда жили. Какъ-то они теперь живутъ? Вонъ въ этомъ домѣ, что направо, дѣвушку Катерину, назадъ тому три года, насильно выдали замужъ за пѣтуха, то-есть такого человѣка, котораго физіономія соот-

вѣтствовала этому названію: лицо корявое, съ длиннымъ острымъ носомъ, съ рыжими, вѣчно сбитыми волосами; онъ и пьяница, и драчунъ. Молодая его жена съ годъ терпѣла побои мужа, потомъ стала отъ него бѣгать, красть, и когда ужъ сдѣлалось невтерпежъ, пошла къ ней совѣтоваться: ей хотѣлось убить или отравить мужа, и только она, Дарья Андреевна, удержала ее отъ этого, тѣмъ болѣе, что у нея былъ ребенокъ. Вонъ налѣво живетъ мѣщанинъ-ковокрадъ, который уже нѣсколько разъ былъ подъ судомъ, но котораго постоянно выручалъ изъ бѣды ея отецъ, бывши стряпчимъ, за то, что онъ шилъ ему сапоги.

— Вотъ и родной домъ, гдѣ Дарья Андреевна родилась и выросла. Отъ воротъ къ серединѣ улицы и посреди ея замѣтны слѣды колесъ; ворота заперты; на скамеечкѣ у заплота никого нѣтъ: легкій вѣтерокъ шевелитъ листья на деревьяхъ, отчего они чуть-чуть шумятъ; гдѣ-то начинаютъ чрикать птички, откуда-то послышалось кваканье лягушки и замолкло!... Тихо въ дому, тихо на площади, вокругъ которой насажены березы и въ срединѣ которой стоитъ невысокая и небольшая старинная церковь; лѣвѣе ея, сквозь верхушки березъ, виднѣется багровый полукругъ восходящаго солнца, обливающего небо кверху и по сторонамъ ало-розовымъ цвѣтомъ... Дарья Андреевна пошла къ углу, обогнула его. Направо и налѣво отъ площади переулка не было, а направо на площадь выходили трехъ и двухъ-оконные старенькіе домишки съ заплотами, за которыми деревья не видѣлось; налѣво отъ дома Яковлева пелъ садъ трехугольникомъ, такъ что правая сторона церкви была напротивъ сада, и какъ разъ противъ церковнаго крыльца изъ-подъ заплота сада вытекалъ маленькій ручеекъ, который текъ дальше по направленію алтара церкви, и далѣе впадалъ въ небольшой прудъ. За церковью и за оврагами, которыхъ за прудомъ насчитывалось нѣсколько, строеній было уже мало, да и то большею частію новыя или недоконченныя. За этими постройками начинается городское кладбище. Дарья Андреевна, помолвившись на церковь, подошла къ крайнимъ, ближнимъ къ саду окнамъ дома. Самое крайнее было завѣшано бѣлою занавѣскою, и такъ-какъ она была коротка, то еще красною шалью; на окнѣ съ двойными рамами и съ черными рѣшотками стояли между занавѣсками бутылка безъ горлышка съ салнымъ въ немъ огаркомъ и возлѣ нея, какъ-будто бы улика неосторожности кого-то, стоялъ значительно покосившійся и сплюснвшійся оловянный подсвѣшникъ, два пузырька, щетка и клубокъ съ шерстью. Два другія окна, ближнія къ крыльцу, выходящему на площадь, были до половины замазаны, такъ-что сквозь стекла ничего не видно. Дверь крыльца съ черною круглою дощечкою, на которой было написано: „Уздный Судъ“, была заперта. Хотя же въ углу площади у заплота и сдѣлана

калитка, но и она тоже заперта изнутри, такъ что ни въ домъ, ни въ садъ не было никакой возможности попасть.

Дарья Андреевна постояла задумчиво нѣсколько минутъ. Сердце ея билось скоро, его точно щемило; въ головѣ ея только и было: „хоть куда чужая! что-то скажутъ?“ Она глядѣла то на домъ, то на садъ не то испуганно, не то стыдливо; ей было какъ-то неловко съ ея узломъ; такъ и казалось, что она какъ-будто сама не своя, что она какъ-будто сдѣлала что-то нехорошее и ей нечего ждать за свой поступокъ пощады... Ей бросилась въ глаза дыра подъ заплотомъ, откуда течетъ ручеекъ и откуда выползла большая бѣлая лягавая собака, и она пошла туда, но на нее, какъ на непрошенную гостью, накинулась собака съ лаемъ, и она избавилась отъ нея только тѣмъ, что бросила ей небольшой бренделекъ, который та только понюхала, вильнула хвостомъ и съ лаемъ пошла на середину площади.

„Нѣтъ... такъ только воры лазятъ. А я пришла домой, къ родителямъ“, подумала Дарья Андреевна, и ей сдѣлалось такъ грустно, что она едва-едва не заплакала и опять пошла къ дому.

Тамъ, изъ одного угла, закинувши за себя край занавѣски и шали, выглядывала какая-то старая черномазая женщина, съ растрепанными черными волосами, въ рубахѣ и въ янтарныхъ бусахъ на шеѣ. Дарья Андреевна стала подходить къ окну; но женщина вдругъ какъ-будто испугалась и скрылась. Занавѣска приняла прежнее положеніе. Дарья Андреевна постучалась въ окно. Никто не шелохнетъ занавѣской.

„Это, должно быть, кухарка. Акимью, должно быть, смѣнили, а эта меня не знаетъ“, подумала она и хотѣла идти къ воротамъ, а вотомъ, если тамъ не достучится, то къ протопопу. Сергію, который прежде очень любилъ ее. Вдругъ она услышала стукъ въ окно.

— Чего тебѣ? послышался оттуда охриплый голосъ.

— Пусти.

— Ты чья?

— Я Дарья Андреевна.

Женщина оскалила зубы и быстро исчезла. Немного погодя она отворила калитку, запертую не на замокъ, но на защелку и припертую вмѣстѣ съ воротами толстою жердью на полтора аршина отъ земли.

— Вы... барышня? спросила женщина, вставъ въ дверяхъ.

— Да, я дочь.

— Вы изъ монастыря?

— Да. Спать папаша и мамаша?

— Спать поди. Умаялись съ крестинь-то.

Женщина пропустила Дарью Андреевну, съ любопытствомъ

заглядывая ей въ лицо, и засунувъ за скобку жердь, пошла за нею.

Дарья Андреевна хотѣла-было идти наверхъ, но женщина ее остановила.

— Вы туда не ходите—не добудигесь, потому некому отпереть. Какъ этотъ толстопузый гость пріѣхалъ, такъ съ этого хода перестали и днемъ ходить, а ходятъ или съ параднаго, или изъ кухни. А вы пожалуйста въ дѣтскую. Что-жь вы, барышня, на крестины-то не пріѣхали? говорила женщина.

— А вы кухарка?

— Кухарка; да не во гнѣвъ будь вашей милости сказано, барыня-то ужъ больно привередливая; все не по ей. Обижаетъ очень. Такая, что не приведи Богъ... Нехорошая... Все хочеть, чтобы ей какъ-нибудь даромъ.., А вы хоть ей передавайте, хоть нѣтъ, мнѣ все равно; я никого не боюсь; теперь я не крѣпостная. А што этотъ дворникъ дѣлаеть, такъ это тоже.. говорила кухарка. Отъ нея пахло очень рѣзко водкой.

Въ сѣняхъ, откуда вела лѣстница наверхъ и было два хода въ кухню, въ дѣтскую и кладовыя, въ этихъ сѣняхъ было и грязно, и сыро. Дарья Андреевна вошла въ кухню, потому что дверь въ дѣтскую была заперта, а вѣявка, по отзыву кухарки, спала. Изъ кухни онѣ вошли въ корридорчикъ, въ который шель сверху ходъ, загроможденный какими-то коробками и корзинками, наволоченными грязными бѣльемъ и какимъ-то хламомъ; оттуда вошли въ дѣтскую. Въ первой комнатѣ, съ двумя окнами, съ замазанными до половины стеклами въ рамахъ, спали меньшія дѣти Андрея Иваныча и Осипа Андреича: Александра спала разметавшись поперекъ кровати, свѣсивъ съ нея ножки, и еслибы она еще разъ перевернулась, то непременно упала бы на полъ; противъ нея спала на кровати, лежа на лѣвомъ боку, Марья Андреевна и храпѣла; Владиміръ обвинялъ Павла, но они спали такъ тихо, что ихъ дыханіе не слышно было; Евлампія спала тоже на отдѣльной кровати. Дарья Андреевна подошла къ сестрѣ, посмотрѣла на нее, и подумавъ: „какъ она потолстѣла“, поцаловала ее въ щеку, но Марья Андреевна, утерши щеку рукой, потянулась и перевернулась на другой бокъ.

— Не тронте ея; она всѣ ноги себѣ отплясала. Завтра не добудишься, проговорила кухарка, укладывая Евлампію какъ слѣдуетъ.—Барыня-то ей поручила дѣвочку, а она сама едва до кровати-то добралась, Не хотите ли, барышня, закусить? Хоть барыня-то и велѣла все спрятать, да я малу толику утаила, потому цѣлый день не ѣвши.

— Нѣтъ, я не хочу.

— Поѣшьте, а то завтра обѣдъ-то поздно будетъ, потому этотъ толстопузый поздно обѣдаетъ, а барыня даетъ ѣсть всѣмъ въ одну пору.

Дарья Андреевна отказалась встать.

— Так вы лягте.

— Я спала; вы идите спать.

Кухарка что-то проворчала и ушла, крѣпко хлопнувъ дверью.

— Въ другой комнатѣ, въ зыбкѣ, прицѣпленной за тонкую жердь, вдернутую въ кольцо у потолка и называемую оцепомъ, спалъ ребенокъ; кормилица-нянька тоже спала, храпя на всю комнату; на полу спала какая-то старуха и около нея лежала кошма съ подушкой и чей-то зипунъ. Дарья Андреевна открыла люльку, тамъ спалъ спеленатый ребенокъ, держа въ вурту рожокъ, положенный на маленькую подушечку. „Какой хорошенькій!“ сказала Дарья Андреевна, поцаловала ребенка, который пробудился и заплакалъ. Въ комнату вошла кухарка и стала качать зыбку.

— За всѣми ухаживай! Наняли потаскушу, а она только спитъ... нажрется и спитъ! День-то весь бѣгаешь, какъ толчея, на мѣсто даже не присядешь. Какъ вечеръ придетъ, немного полегчаетъ, думаешь: ночью высплюсь. Анъ вотъ и спи... А еще сама говоритъ: ты, Степанида, въ дѣтской спи. И по ночамъ сюда ходитъ... Будто я крѣпостная или потаскуша: тутъ ли, мошь, я, не сплю ли! Ей-Богу, еслибы не рубль—ушла бы. Да вы лягте.

— Я выспалась.

Ребенокъ замолчалъ и кухарка съѣла на посланное.

— Это вотъ тоже нянька Осппа Андреича, рекомендовала кухарка спящую на полу, лицомъ къ стѣнѣ, женщину.—Ей-Богу, еслибы я была помоложе, непременно пошла бы въ няньки. Спи себѣ: дитя не свое. Только ужъ у меня нравъ дурачкій: люблю я больно ребятъ, жалко мнѣ, какъ они кричатъ.

Дарья Андреевна, снявши бурнусъ и положивши узелъ, пошла изъ комнаты.

— Вы куда? Не ходите—осердятся: онѣ и такъ даве что-то васъ поминали и сердились, сказала кухарка.

— Я пойду въ садъ.

Дарья Андреевна вышла во дворъ. Тамъ изъ повозки слышался чей-то храпъ; на передкѣ спалъ большой сѣрый котъ. Когда Дарья Андреевна подошла къ повозкѣ, котъ открылъ глаза и умильно посмотрѣлъ на нее.

— Буско! Бу-уско! ты еще живъ, старичокъ! проговорила она, глядя кота, который при первыхъ ея словахъ хитро глянулъ на нее, но потомъ вскочилъ и убѣжалъ въ каретникъ.

Въ бесѣдкѣ палисадника замѣтны были слѣды вчерашняго развлечения: на песку валялись окурки папиросъ и сигаръ, скамейки стояли въ беспорядкѣ, на столѣ лежали въ разбросѣ карты и марки, сдѣланныя изъ картъ, и обозначались два свѣжихъ круга отъ пивныхъ стакановъ. Но въ палисадникѣ

хорошо, небо чисто, въ воздухѣ тихо; вѣтерокъ только шевелить верхушки деревьевъ и до низу не проникаетъ, пахнетъ отъ цвѣтовъ, — такъ бы и не вышелъ изъ него; однако, Дарья Андреевна пошла дальше. Лишь только она прошла палисадникъ, передъ нею открылся большой запущенный садъ: какъ природа создала деревья, такъ они и росли; тутъ было всего двѣ аллеп-дорожки: одна по бокамъ сада, около заплота, а другая шла въ серединѣ; вмѣстѣ съ березой росли осина, сосна, тополь, рябина, черемуха и между ними малина; кое-гдѣ просвѣчивала сквозь траву вода, виднѣлись камни, желтенькіе и голубые цвѣточки; крапива и репей росли вездѣ въ огромномъ количествѣ; только и замѣтно было человѣческое вмѣшательство въ томъ, что въ саду кое-гдѣ были насажены яблони, сливы, груши, розы, крыжовникъ, смородина, клубника на грядкахъ и сирена, которая уже цвѣли. Здѣсь уже замѣтно слышался шелестъ листьевъ, и не совсѣмъ ясно доходило щебетаніе птичекъ, какъ будто онѣ пѣли гдѣ-то далеко. Разстояніе отъ того мѣста, гдѣ кончался палисадникъ, и до заплота налѣво было занято огородомъ, въ серединѣ котораго стояла деревянная баня съ двумя небольшими окнами въ четыре стекла каждое. Эту баню окружали гряды, сдѣланныя по направленію къ югу и востоку; на нихъ уже начали всходить всевозможные овощи; недалеко отъ заднихъ построекъ устроено нѣсколько парниковъ для огурцовъ, закрытыхъ оконными, негодными къ употребленію рамами; около заднихъ построекъ сдѣланы тоже гряды, и отъ нихъ поставлены къ постройкамъ тычинки—тутъ растутъ тыквы и арбузы.

Весело сдѣлалось Дарьѣ Андреевнѣ. „Чего-чего только тутъ не насажено! Каковъ-то нынче будетъ урожай. И какъ хорошо здѣсь, тихо; ничто не мѣшаетъ расти этимъ овощамъ“, думала она. Но вотъ застучали копытами лошади, промывчала корова, пропѣлъ цѣтухъ. „Здѣсь тихо, здѣсь растенія, а тамъ — тамъ жизнь съ заботами и безпокойствами“, проговорила она про себя и пошла, думая о томъ, какъ она въ тяжелое время, когда ее бранили и корили, уходила въ этотъ садъ лѣтомъ, и ей казалось хорошо, или, по крайней-мѣрѣ, легче дышалось, точно съ ея плечъ сваливалось что-то тяжелое; ей было весело бродить въ этомъ запущенномъ саду съ толстыми, высокими деревьями, и тяжело казалось возвращаться домой, гдѣ ворчать, кричать и смотреть на нее недовольно.

Изъ огорода она пошла въ садъ по узенькой тропинкѣ. Эту тропинкой дошла она до пруда, имѣющаго сажень пятнадцать длины, и въ самой серединѣ сажень шесть ширины; прудъ тоже былъ запущенный. Вокругъ пруда на полянкѣ растутъ желтенькіе и голубые цвѣточки, а передъ бесѣдкой на небольшой площадкѣ насажены георгины, настурціи и другіе цвѣты. Вода въ прудѣ покрылась плѣсенью по краямъ; у противоположнаго берега играетъ рыба и чавкаютъ траву карася.

Дарья Андреевна съѣла къ пруду, закурила папирску и задумалась. Долго она сидѣла въ такомъ положеніи: ей хорошо было; хотѣлось припомнить прошлое, но глаза ея смыкались, вѣтерокъ усиливался, сильнѣе шелестили листья и вѣтви деревьевъ, кустовъ и шевелили ея волосы; солнышко уже не было багрово, а стояло надъ самыми верхушками дальнихъ деревьевъ, и ослѣпительно бѣлымъ, бездоннымъ кружкомъ отражалось въ водѣ. Ничего нейдетъ въ голову; такъ бы и сидѣла тутъ... Вдругъ что-то шевельнулось въ травѣ и кто-то прыгнулъ въ воду; Дарья Андреевна вздрогнула, но, замѣтивъ лягушку, успокоилась. Опять она задумалась, и вдругъ вскочила: лягушка была недалеко отъ нея и какъ будто намѣревалась вскочить ей на платье „Экая противная! Отчего я боюсь ихъ; вѣдь онѣ не кусаются?“ подумала она, и съѣла ближе къ бесѣдкѣ. Но не просидѣла она и пяти минутъ, какъ услышала оттуда кашель. Хотя въ боку бесѣдки и было сдѣлано окно, которое было отворено, но она въ ней никого не замѣтила, потому что бесѣдка съ трехъ сторонъ была окружена густыми кустами шиповника, и ее отсюда изъ за деревьевъ видно не всю.

Дарья Андреевна вздрогнула и подошла къ бесѣдкѣ.

Дверь бесѣдки была заперта изнутри на крючокъ; въ полуотворенное окно Дарья Андреевна увидела слѣдующее: Андрей Ивановичъ лежалъ на широкой скамейкѣ, на тюфикѣ, покрытомъ простыней; лежалъ онъ на спинѣ въ шерстяномъ, сѣромъ халатѣ и ермолкѣ на головѣ, и курилъ изъ длиннаго чубука, трубка котораго касалась его ногъ. Онъ то глядѣлъ въ потолокъ, шевеля передъ лицомъ пальцами правой руки, то закрывалъ глаза, то скрежеталъ зубами, то морщилъ лядо. Передъ нимъ на столѣ стояли: чернильница съ принадлежностями, бутылка съ какою-то наливкой, тарелка съ огурцомъ и жаренымъ карасемъ, кисеть съ табакомъ, коробка спичекъ, кусокъ благаго хлѣба, нѣсколько пакетовъ, уже распечатанныхъ, и какое-то письмо. Покуривъ немного, Андрей Ивановичъ взялъ со стола письмо и, прочитавъ немного, проговорилъ:

— Каналья! Вамъ только плати деньги!... Отлично! Нѣтъ, я еще самъ поѣду; я съ тебя взыщу за Дарью.

И онъ привсталъ, взялъ бутылку и отпилъ изъ горлышка.

— Я вамъ всѣмъ утру носъ! Это ты врешь, что она убѣжала...

— Папаша... проговорила робко Дарья Андреевна.

Яковлевъ вздрогнулъ, перекрестился и посмотрѣлъ въ окно. Тамъ стояла Дарья Андреевна.

— Даша! ты ли это? привставъ, проговорилъ отецъ.

— Я, папаша.

Яковлевъ отперъ дверь.

— Папаша, простите ли вы меня!... сказала Дарья Андреевна и заплакала.

Андрей Иваныч обнялъ дочь, поцаловалъ и самъ заплакалъ.

— Милая ты моя... Какъ это... А! говорилъ онъ, смотря на дочь.

— Терпѣнія не хватило, папаша. Послѣ я вамъ все разскажу... Вы на меня не сердитесь за то, что я уѣхала оттуда?

— Вотъ еще... А ты что же не писала?

— Я писала... Я думала, вы знаете все.

— Да я ничего отъ тебя не получалъ ужъ съ полгода и сердился; а Марива Осиповна все говорила, что ты нарочно не хочешь писать.

— Это, папаша, настоятельница перехватывала письма. Я узнала уже послѣ того, какъ отправила съ служителемъ къ вамъ письмо. Я тогда писала, что мнѣ не хочется больше жить въ монастырѣ, вотъ она дня черезъ два и давай меня шить, что я негодная дѣвчонка, веду себя нехорошо, смущаю другихъ воспитанницъ и молодыхъ монахинь, ничего не дѣлаю, развратничаю, обжираюсь...

— И она заплакала.

Андрей Иванычъ сжалъ кулаки, опять выпилъ изъ бутылки и закусилъ рыбой.

— У васъ, папаша, и вилки-то нѣту. Я пойду принесу.

— Не надо... А то опять не оберешься укоровъ, Ну, а деньги-то у тебя были ли?

— Виновата, папаша, я заняла у старушки-чиновницы пять рублей, и до губернскаго города ѣхала съ обозами.

— У Кузьмы была?

— Два дня пробыла... И что за жизнь, папаша, Кузьмъ! Утромъ встанетъ—сапоги надо вычистить самому, потомъ переписать кое-что, послѣ обѣда дѣтей обучать, вечеромъ опять бумаги переписывать...

— Нельзя: Платоновы намъ всегда пригодятся.

— Но, папаша, Кузьма говоритъ, что ему некогда готовить свои уроки. Вотъ его хотятъ оставить въ пятомъ классѣ еще на годъ.

— А что жъ такое? Стувнетъ ему семнадцать лѣтъ, и на службу опредѣлимъ.

— Все же бы лучше, еслибы онъ кончилъ въ гимназіи.

— Онъ и теперь ужъ много знаетъ, и теперь ужъ у него въ письмахъ замѣтна какая-то прыть и самонадѣянность. Иподить ужъ обѣщаетъ ему мѣсто помощника въ своемъ отдѣленіи, а это много значитъ, матушка. Нынѣче и чиновники безъ мѣстовъ шляются. Вотъ что. Надо успѣвать, покуда я живъ да дядя на службѣ; а онъ вездѣ, можетъ мѣсто выпросить. Вотъ хоть бы я теперь: изъ стряпчихъ уволили, отдали-было подъ

судь, да спасибо—дядя похлопоталъ, освободили отъ суда, и вотъ я теперь винный приставъ. Была ты у Анны Николаовны?

— Была, да она такъ сухо приняла меня, что я недолго у нея сидѣла.

— Напрасно. Ты ей должна всячески угождать; она хотя и чванливая барыня, съ душкомъ, но для тебя всегда пригодится.

— Не думаю.

— То-то вотъ и скверно, что вы съ любезнымъ братчикомъ все на-своему... Это нехорошо. Ссориться никогда не слѣдуетъ, потому что ты еще и жить-то не начала, все тебя еще, такъ-сказать, на помочахъ держать...

— Я, папаша, хочу попытаться жить сама собой, проговорила чуть слышно отъ робости Дарья Андреевна.

— Ты должна то имѣть въ виду, что вѣдь у меня завалищихъ денегъ нѣтъ; ей-Богу, у меня всего капиталу три серіи, да рублей съ пятьдесятъ мелкими... И удивительнаго тутъ нѣтъ ничего, если взять во вниманіе, что у меня что ни годъ, то ребенокъ, а ребенка-то надо тоже кормить, воспитать, пристроить къ мѣсту. А это дѣлается не духомъ святымъ, за каждую малость надо платить деньгами, а тутъ еще дыры по службѣ, и каждая такая дыра замазывается сотней, а гдѣ и побольше.

Андрей Ивановичъ замолчалъ и опять выпилъ.

Дарья Андреевна слушала отца со вниманіемъ. Она не плакала, но лицо ея было серьезно. Ей казалось, что отецъ читаетъ ей нотацію, и въ то же время излагаетъ свое горе и выворачиваетъ передъ нею душу, чего съ нимъ прежде не бывало. „Господи“, подумала она: „какъ онъ опустился“. Правда, онъ и прежде пилъ много; но тогда онъ рѣдко говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ домочадцевъ. Неужели отецъ дошелъ до такой бѣдности?

— Ты ни съ кѣмъ еще не видалась здѣсь? спросилъ послѣ выпивки Андрей Ивановичъ.

— Нѣтъ, папаша. Правда, я видѣла Машу, но она спитъ, и я не стала ее будить. Нянька или кормилица тоже спитъ.

— Ну, ничего. А ты бы легла съ дороги-то; я уйду, лягу въ каретникъ или повозку.

— Нѣтъ, я спала.

— Ну, полно. Къ намъ пріѣхалъ дядя; онъ хочетъ тебя съ собой взять. Но я не хочу, чтобы ты уѣхала такъ скоро.

— Мнѣ, папаша, вовсе не хочется гостить у него.

— Глупости говоришь.

— Я, папаша, хочу сама попробовать жить: я буду шить на сторону...

— Что такое? Я что-то не разслышалъ.

— У меня въ городѣ Соколѣ есть знакомая двѣнца-чиновница, такъ она шьетъ на гостиный дворъ.

— И живетъ непременно на содержаніи, какъ у нашего за-сѣдателя Петрова?

— Нѣтъ, папаша, она живетъ съ матерью, бѣдною старушкою.

— Да ты сумашедшая, что ли? Ты, дочь бывшего стрипчаго, и вдругъ будешь шить на продажу! Господи! вотъ я дочего дожидь!.. Моя дочь, моя кровь и плоть — работница! Не будешь ли ты еще чулки вязать на продажу? бѣлье стирать? почти кричалъ отецъ. Шоки его побагровѣли.

Дарья Андреевна не нашла, что отвѣтить отцу. Скажи она еще какое-нибудь слово въ защиту своего плана, она бы услышала или проклятiе, или еще что-нибудь хуже. Отецъ становился золъ.

— Говори! Говори, кто тебя научилъ такимъ бреднямъ?.. А! тебѣ не нравится отецъ! Нѣтъ... Боже мой!! Уже не правда ли все то, о чемъ мнѣ пишутъ!..

Дарья Андреевна встала на колѣни, заплакала и сквозь слезы проговорила:

— Папаша, хоть вы-то не обижайте меня.

— Скажите! А ты меня не обидѣла?

— Я только сказала, что думаю. Я потому такъ думаю, что видала многихъ женщинъ, которыя и безъ мужей зарабатываютъ себѣ хлѣбъ.

— И я знаю ихъ: то—крестьянки, мѣщанки, развратницы. Прошу выкинуть изъ головы подобныя намѣренія и никому не смѣть высказывать ихъ. Въ противномъ случаѣ я тебѣ не отецъ и ты мнѣ не дочь... Часъ отъ часу не легче! проговорилъ отецъ, выходя изъ бесѣдки.

— Папаша...

Отецъ остановился.

— Я пойду въ домъ.

— Тамъ все спать. Ради Бога, ты никому не высказывай своихъ бредней... Я сейчасъ принесу тебѣ вина и закуски какой-нибудь, потомъ ты ляжешь спать. Я скажу всѣмъ, чтобы тебя не будили... Вѣдь кромѣ вухарки никто еще не знаетъ, что ты здѣсь! Надо ихъ приготовить.

И онъ ушелъ.

V.

Фамилія Яковлевыхъ въ Ильинскѣ издавна, если не играла особенно-видной роли, то была въ почетѣ и уваженіи. Такъ

прадѣдъ нынѣшнихъ Яковлевыхъ хотя былъ просто дьячокъ, но всё его уважали за доброту, услуги и простоту. Такого добряка, говорятъ, никогда еще не бывало въ родѣ Яковлевыхъ. Дѣдъ нынѣшнихъ Яковлевыхъ былъ дьяконъ, отецъ мѣщанинъ, который сперва торговалъ въ городѣ мукой, крупой и въ годные дни снабжалъ бѣдныхъ горожанъ грошовыми подачками, а потомъ послѣ пожара, уничтожившаго весь его товаръ, все имущество и деньги, поселился въ слободѣ, гдѣ его отецъ, страстный рыболовъ, имѣлъ свой домъ. Здѣсь-то вотъ и родился Андрей Ивановичъ и прожилъ тутъ восемь лѣтъ до тѣхъ поръ, когда его отецъ, разбогатѣвши рыбной торговлей, сдѣлался купцомъ и переѣхалъ ради своихъ расчетовъ и прибылей въ городъ. Бѣдность отца, котораго не очень долюбливали родные за то, что онъ промѣнялъ духовное званіе на мѣщанство, пока онъ былъ бѣденъ, значительно тяготила его большое семейство и много вліяла на характеръ маленькаго Андрея. Его постоянно били, мало кормили и больше держали на улицѣ, такъ что къ восьмому году Андрей Ивановичъ совсѣмъ отбился отъ дому, бѣгалъ, игралъ и плакалъ съ ребятами, буянилъ, дрался, лгалъ и воровалъ наравнѣ съ прочими мѣщанскими дѣтьми и наравнѣ съ ними получалъ за свою удалъ побои. Еще къ восьми годамъ онъ научился презирать баричей, и для него было большимъ удовольствіемъ что нибудь напакостить въ городѣ, хоть бы, напримѣръ, разбить окно. И чѣмъ больше его драли за это, тѣмъ больше его тянуло въ городъ. Лишившись матери на четвертомъ году, онъ находился подъ опекой мачихи, которая его нисколько не любила, и поэтому рано возненавидѣлъ и мачиху, и тетусекъ, и всю женскаго пола родню, а отъ своихъ сестеръ, которыхъ у него было двѣ, ему нечего было ждать чего нибудь хорошаго, такъ-какъ онъ былъ старше. Его не любили всѣ родные, которые находились въ Ильинскѣ: всѣ видѣли въ немъ какого-то сорванца, котораго опасно пустить въ домъ. Въ Ильинскѣ же росъ двоюродный братъ Андрея, Ипполитъ, но Андрей ненавидѣлъ его за то, что онъ сынъ исправника, а Ипполитъ презиралъ Андрея, какъ сына мѣщанскаго. Но, несмотря на такой буйный характеръ, Андрей былъ мальчикъ ловкій, смысленный, бойкій и къ восьмилѣтнему возрасту уже зналъ четыре правила ариеметики, хорошо читалъ и умѣлъ писать, тогда какъ Ипполитъ только что на девятомъ году сталъ учить азбуку. Когда же отецъ сдѣлался купцомъ и переѣхалъ въ городъ, то Андрею до того стало противно жить въ городѣ, гдѣ приходилось глазѣть только на стѣнныя домовыя и не было такого простора, какъ вблизи самой рѣки и на рѣкѣ, что онъ черезъ недѣлю убѣжалъ въ слободу, гдѣ его насилу съяскали. Послѣ этого онъ часто бѣгалъ, его приводили назадъ, наказывали и запирали въ комнату, какъ преступника.

Судя по этому, можно было заключить, что мальчику ни-

когда и не придется быть чиновникомъ. Но вышло напротивъ, и тому причиной было одно обстоятельство. устроившее его судьбу иначе. Записавшись въ купцы, отецъ его года два ни съ кѣмъ не хотѣлъ подружиться, хотя и поневолѣ долженъ былъ имѣть сношенія съ чиновниками, когда бралъ различные подряды. Онъ былъ человѣкъ практическій, но за то плохо смыслилъ въ письмѣ и его очень легко было напоить до пьана, уговорить, выпросить денегъ или подбить на какое-нибудь рискованное дѣло. Вотъ онъ и захотѣлъ обучить своего сына грамотѣ, т. е. обучить его въ губернскомъ городѣ какимъ нибудь наукамъ. Онъ сталъ съ нимъ ласковѣе, заставляя читать разные документы и постоянно твердилъ ему, что изъ него выйдетъ хорошій человѣкъ, если онъ выучится разнымъ наукамъ въ гимназiи, и будетъ даже въ тысячу разъ лучше Ипполита, который ровно ничего не понимаетъ и котораго отецъ уже мѣтитъ на свое мѣсто. Онъ ему наговорилъ такъ много, что мальчикъ воображалъ уже себя губернаторомъ и съ охотою согласился ѣхать въ губернской городъ. Когда онъ прожилъ въ губернскомъ городѣ три года, то вполне уже свыкся съ идеей о чиновнической карьерѣ. Онъ видѣлъ, что молодые люди, по выходѣ изъ гимназiи, тотчасъ же дѣлались чиновниками, получали хорошее по тому времени жалованье, женились на богатыхъ, и вездѣ имъ оказывали почетъ; что, напротивъ того, мѣщане никогда не смѣняли своего халата и кафтана, хвастались только своею удалью, а въ сущности находились въ подчиненiи у чиновниковъ. Кромѣ этого, дѣтей мѣщанина даже не принимали въ гимназiю, какъ будто бы имъ не дозволялось знать тѣ науки, какiя имѣютъ право знать дѣти дворянъ. Все это начинало кружить голову мальчику, хотя ему и тяжело было навсегда разстаться съ привольной мѣщанскою жизнью, съ роднымъ городомъ и съ привольною рѣкой. Онъ часто ссорился съ товарищами изъ-за происхожденiя, но постепенно убѣждался, что чиновникомъ быть гораздо лучше, чѣмъ мѣщаниномъ. Съ чиновника не берутъ никакихъ податей, отъ него не требуютъ рекрута, онъ можетъ развѣзжать свободно куда хочетъ, покупать землю гдѣ хочетъ, можетъ быть и важнымъ человекомъ. Несмотря, однакожъ, на то, что онъ пробылъ въ гимназiи четыре года и ему пошелъ шестнадцатый годъ, ученье подвигалось тихо, такъ что на пятый годъ онъ перешелъ только въ третiй классъ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Ипполитомъ, котораго переводили не за то, что онъ хорошо учился, а потому, что отецъ его платилъ кому слѣдуетъ; кромѣ этого, Ипполита никогда не наказывали, а Андрей Ивановичъ рѣдкую недѣлю избѣгалъ наказанiй за лѣность, шалости и грубости. Поэтому они съ Ипполитомъ не были дружны. Но тутъ случилось съ отцомъ Андрея Ивановича несчастье: онъ оборвался на подрядахъ, продалъ домъ и умеръ. Послѣ его смерти нашлись кредиторы, которые постарались забрать все, что бы-

ло поцѣннѣе, и даже продали его домишко въ слободѣ. Андрею Иванычу пришлось жить у дяди, Аполлона Андреича, котораго въ это время перевели изъ Ильинска въ губернской городъ. И вотъ тутъ-то онъ узналъ, что значитъ жить въ чужихъ людяхъ, которыхъ онъ съ ранняго дѣтства ненавидѣлъ, что значитъ чужой хлѣбъ. Жена дяди была женщина старая, злая. Происходя изъ дворянскаго рода, она была своихъ крѣпостныхъ людей, а съ своими дѣтьми обращалась холодно-ласково; она больше была привязана къ дочерямъ, чѣмъ къ сыновьямъ, но ни у тѣхъ, ни у другихъ не было ни гувернантокъ, ни учителей, и только уже переселившись въ губернской городъ отецъ нанялъ учителя изъ уѣзднаго училища—для всѣхъ шестерыхъ дѣтей за десять рублей въ мѣсяцъ. Имѣніе у тетки было небольшое, да и изъ него до половины крѣпостныхъ разбѣжалось, а остальные большею частію могли выплачивать оброкъ только натурой, поэтому она частенько обращалась къ мужу за деньгами. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, т. е. будь она богата, она бы, конечно, и мужа взяла въ руки. Дядя Андрея Иваныча, впрочемъ, сознавалъ, что должности свои онъ получалъ черезъ жену, и потому уступалъ ей во многомъ. Вообще, въ домѣ большею частью все дѣлалось по ея волѣ, а мужъ жилъ у нея какъ гость или нахлѣбникъ. Все шло хорошо для него: онъ былъ сытъ, спалъ вдоволь, жена есть, должность хорошая, прислуга боится, на службѣ тоже, начальство благоволяетъ. Чего же еще? Самъ онъ былъ человѣкъ простой, добрый, и только когда дѣло касалось до платы или вообще до денежныхъ расчетовъ, то становился скупъ и золъ. Онъ никому не давалъ денегъ даромъ, а если давалъ, то за дѣло, да и то торговался хуже еврея и поэтому даже никогда не игралъ въ карты на наличныя деньги. И въ этомъ случаѣ, если онъ выигрывалъ, то деньги бралъ, если проигрывалъ, то не отдавалъ. И вотъ тутъ-то и поселился Андрей Иванычъ.

Онъ жилъ въ отдѣльной комнатѣ, съ дединой семьей не общался, а ѣлъ въ кухнѣ. Прислуга надъ нимъ смѣялась, называла яничимъ, отпускала на его счетъ разныя остроты и насмѣшки и выводила его изъ терпѣнія. Онъ сдѣлался задумчивъ, всмыльчивъ, молчаливъ; товарищи его не веселили, напротивъ надѣвдали ему, прислуга запла. Иногда онъ думалъ: мѣсто ли ему, гимназисту, будущему чиновнику, обѣдать въ кухнѣ? Отчего его двоюродный братъ обѣдаетъ съ отцомъ?... Ему, впрочемъ, и неловко бы было обѣдать у такихъ баръ, какъ его дядя съ женой и родственниками, но его уже брала зависть; его обижали. Онъ сознавалъ, что его кормятъ и содержатъ какъ нищаго, для того, чтобы Богъ простилъ грѣхи или послалъ еще больше довольства и счастья, что ему почти каждый день и высказывалъ Ипполитъ. Учиться онъ сталъ плохо, сталъ бѣгать изъ дому и изъ гимназіи, то къ мѣщанамъ на прежнія квартиры, то къ рѣкѣ. Его стали наказывать. Онъ

сказалъ дядѣ, что его обижаютъ прислуга и Ишолить; дядя сдѣлалъ тѣмъ выговоръ, но это только раздражало ихъ еще хуже и они грозились сдѣлать съ нимъ какую-нибудь штуку. Андрей Ивановичъ убѣжалъ въ Ильинскъ и поселился въ слободѣ. Дядя сталъ требовать его въ губернской городъ, но его не пустилъ протопопъ Третьяковъ, женатый на дальней родственницѣ дяди. Эта родственница въ послѣднее время изъ-за чего-то разсердилась на брата Аполлона, и когда ей Андрей Ивановичъ разсказалъ о своемъ житѣ у дяди, то протопопъ согласился взять Андрея Ивановича къ себѣ и помѣстить на службу въ уѣздный судъ.

Такимъ образомъ Андрей Ивановичъ избавился отъ вліянія дяди чиновника, и не кончивши курса въ гимназіи, поступилъ на службу.

О службѣ говорить много нечего. Все, что есть грязнаго, пьянаго, безчестнаго и подлаго, — все это было какъ будто отмѣчено на лицѣ каждаго дѣятеля этого времени. И вотъ въ этомъ-то вертепѣ долженъ былъ начать свою жизнь молодой гимназистъ, изучать законы, исполнять эти законы не такъ, какъ требуетъ совѣсть, а какъ вздумается секретарю, членамъ и судѣ. На первыхъ порахъ, ему, проведенному дѣтство среди мѣщанъ видѣвшему многихъ бѣдняковъ и знающему, за что его товарищи слободчане не любили приказныхъ, было жутко въ этой ямѣ; его мѣщанская кровь, казалось, какъ будто застывала при видѣ арестанта въ кандалахъ. Иному человѣку съ такими задатками не прожить бы въ этомъ мѣстѣ и недѣли, но Андрей Ивановичъ крѣпился, служилъ и даже сталъ брать деньги за написаніе кому-нибудь прошенія или копій, или выписки изъ дѣла. Онъ понялъ, что въ судѣ такими мелкими людьми, какъ столоначальникъ, всѣ пренебрегаютъ, и что начальники, чтобы удержаться подольше на мѣстахъ, должны посылать въ губернской городъ, а для этого нужно брать чѣмъ понало. Значить, взятка существуетъ вездѣ. Если начальство беретъ, надо и писцу брать, рѣшилъ Андрей Ивановичъ. И онъ далеко переналъ въ этомъ своихъ товарищей. Сдѣлавшись столоначальникомъ, онъ сдѣлался врагомъ своихъ писцовъ. Служащіе его не любили какъ выскочку, какъ наушника, хотя онъ жаловался судѣ только на такихъ, которые постоянно пьянствовали; всѣ въ немъ видѣли барина. живущаго у протопопа и человѣка богатаго, такъ какъ онъ былъ надсмотрщикомъ крѣпостнаго стола и приходорасходчикомъ, чего не могли добиться люди, служащіе въ судѣ нѣсколько лѣтъ. Но онъ только отмалчивался, и на третій годъ своей службы уже ворочалъ веѣмъ судомъ, такъ что ни секретарь, ни судья ничего не могли сдѣлать безъ него.

Выросши среди мѣщанъ и зная ихъ быть вполне, онъ хотѣлъ быть богатымъ, большимъ человѣкомъ. Полученный чинъ

еще больше прибавилъ ему самоувѣренности. Онъ гордился передъ родными и связи его съ мѣщанствомъ были порваны. Хотя нѣкоторые изъ его прежнихъ друзей и надѣялись на защиту Андрея Ивановича, но онъ только общалъ на словахъ, потому онъ зналъ, что если будетъ тянуть сторону мѣщанъ, то ему придется порѣшиться съ службой. Къ деньгамъ онъ имѣлъ страшную жадность и не брезговалъ, если ему давали рубль. Онъ отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ, винѣ, картахъ и т. п., соблюдалъ посты, питаясь больше тѣмъ, что дешевле, былъ богомоленъ и робокъ съ женскимъ поломъ. За всѣ эти качества дамы его любили, дѣвѣнцы мѣли, думая, кого-то изъ нихъ онъ выберетъ себѣ въ подруги жизни. Но Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на бракъ какъ на увеличеніе капитала, на обезпеченіе въ будущемъ, и поэтому женился на купеческой дочери, за которою и взялъ настоящій домъ и двѣ тысячи денегъ. Этотъ бракъ еще больше поднялъ его въ Ильинскѣ и онъ сталъ окончательно недоступенъ для бѣдныхъ мѣщанъ. Но поселившись въ небольшомъ домикѣ съ женою и ея родными, онъ зажилъ скромно по прежнему; по прежнему копилъ деньги, соблюдалъ посты, ходилъ въ церкви, не игралъ въ карты и только по необходимости устраивалъ обѣды и вечера въ дни своихъ и женинныхъ именинъ. У него сложилось двѣ жизни: одна дома, мѣщанская, въ судѣ чиновничья. Все—начиная съ того, что онъ ходилъ дома или въ халатѣ или безъ халата, и кончая тѣмъ, что жена безъ его спроса боялась куданибудь идти или что-нибудь купить для себя, все пахло мѣщанствомъ, съ тою только разницею, что это мѣщанство было сытое. Но на службѣ онъ былъ вполне чиновникъ: тамъ онъ оскорблялся, если писець начиналъ заявлять свои права, велъ себя съ достоинствомъ, говорилъ свысока, передъ начальствомъ стоялъ прямо, глядѣлъ прямо и за словомъ у него дѣло не останавливалось; на службѣ у него и походка была другая, чѣмъ дома: онъ ходилъ мелкимъ шагкомъ, выпитивъ животь впередъ, держа голову немножко на лѣвое плечо и глядя искоса кверху. Онъ считался отличнымъ дѣльцомъ; съ нимъ постоянно совѣтовались, и бѣда была бы тому, еслибы кто обидѣлъ его. „Въ бараній рогъ согну!“ думалъ онъ, и ему дѣйствительно сдѣлать это было легко. Чтобы не утомлять читателя, я скажу, что современемъ его вражда къ Ипполиту охладѣла, и они помирились окончательно тогда, когда дядя выхлопоталъ ему должность стряпчаго, а Ипполитъ прослужилъ года два въ Ильинскѣ окружнымъ начальникомъ.

Андрей Ивановичъ былъ женатъ три раза. Первые двѣ жены были женщины робкія, боявшіяся своего мужа, и все въ домѣ дѣлалось такъ, какъ хотѣлъ Андрей Ивановичъ. Дѣти воспитывались строго; мальчики готовились въ чиновники, дочери въ жены чиновниковъ. Но нынѣшняя его жена Маріа Осиповна, о которой я скажу подробнѣе впоследствии, много повліяла на

его характеръ. При выходѣ замужъ ей было девятнадцать лѣтъ; она была капризна, самолюбива и горда тѣмъ, что отецъ у нея купецъ и она теперь жена стряпчача, забывая, что младшая ея сестра въ то же время была замужемъ за пьюгой мѣщаниномъ—сидѣльцемъ въ питейномъ заведеніи, а отецъ прежде былъ тоже мѣщанинъ, и даже два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ. Ужъ какъ вышло, что Андрей Ивановичъ женился на дочери такого человѣка, онъ и самъ бы не разрѣшилъ: только тогда Зиновьевъ былъ въ славѣ, а за Мариной Осиповной Яковлевъ еще и при жизни второй жены пріударялъ—значить, онъ любилъ ее. А такъ-какъ послѣ смерти жены ему нужна была хозяйка въ домѣ, а Зиновьевъ былъ съ нимъ связанъ по одному каверзному дѣлу, то онъ, недолго думая, и женился на его дочери. Марина Осиповна сразу забрала не только своего супруга, но и всѣхъ дѣтей въ руки, и все стало дѣлаться такъ, какъ она хотѣла, а Андрей Ивановичъ только помалчпвалъ, потому что былъ сытъ, пользовался вождедѣннымъ здравіемъ, въ домѣ было тихо, никто ни на кого на жаловался, и всѣ находили, что Марина Осиповна отличная хозяйка. Дѣтей Андрея Ивановича Марина Осиповна не любила, но не выказывала этого прямо, и даже заботилась, чтобы они были сыты, одѣты и обращались за всѣмъ къ ея особѣ, а она уже съ своей стороны обращалась къ мужу за деньгами, изъ чего извлекала для себя выгоду. Напримѣръ, подходитъ праздникъ, она и говоритъ Андрею Ивановичу, что Марья нужно салопчикъ сшить.

— Подождемъ. Вотъ поѣду на ярмарку въ Краснослободскъ, тамъ посмотримъ.

— Нечего смотрѣть: нынѣ мѣха годъ отъ году дороже становятся.

— Ну, купи изъ своихъ денегъ.

— Очень мнѣ нужно: вы бы еще пять разъ женились, народили штукъ двадцать ребятъ... Съ какой стати я стану вашихъ дѣтей одѣвать; у меня свои могутъ быть.

Подумаетъ Андрей Ивановичъ и рѣшить, что она пожалуй и права. Не дастъ онъ денегъ, она цѣлую недѣлю и не говоритъ съ нимъ ни слова, младшія дѣти ходятъ въ грязномъ бѣльѣ, всѣ невеселы, кушанье не по вкусу. Дастъ денегъ, и все опять попрежнему: жена ласковая, даже веселая, всѣ ходятъ нарядные, кушанья — ѣшь не хочу. Весело Андрею Ивановичу и не нарадуется онъ...

Такимъ образомъ, несмотря на то, что у Андрея Ивановича были доходы, деньги у него не залеживались, потому что онъ тратилъ ихъ на обученіе сыновей, на подарки въ губернской городъ, на платья и приданое дочерямъ. Современемъ онъ потолстѣлъ, сдѣлался лысъ и втянулся въ водку до того, что пилъ запоемъ цѣлыя недѣли, не занимаясь дѣлами, и этимъ тоже пользовалась его супруга. А тутъ его отдали подъ судъ и уво-

дили, но черезъ полгода освободили, и по протекціи Ипполита Аполлоновича онъ попалъ на должность виннаго пристава. Полгода бездѣлья значительно отразилось на его характерѣ: онъ сталъ, придирчивъ, больше сталъ пить, подпалъ вліянію Марины Осиповны больше прежняго, по цѣлымъ часамъ бродилъ съ трубкой по саду или лежалъ тамъ въ бесѣдкѣ, сдѣлался богомоленъ до того, что учредилъ у себя въ домѣ нѣчто похожее на молельню, такъ что все семейство, какъ сказано уже выше, должно было собираться въ залу утромъ, передъ обѣдомъ, ужиномъ и сномъ и молиться, а потомъ поздравлять, цѣловать, благодарить и прощаться съ нимъ и его женой. Съ этихъ поръ болѣе прежняго стали соблюдатьъ посты, помѣнки, заговѣнья и тому подобные обряды, соблюдаемые сытымъ мѣщанствомъ, и болѣе прежняго онъ требовалъ отъ другихъ уваженія къ себѣ и своему семейству; такъ въ церкви становился въ первый рядъ съ городничимъ и другими лицами и обижался, если дячокъ подносилъ ему не цѣлую, а только половину просфоры, а когда причащался, то непременно въ страстную субботу послѣ городничаго и первымъ подводилъ свое семейство; обижался, если духовенство прїѣдетъ съ крестомъ послѣ обѣда, не давалъ руки судейскимъ столоначальникамъ, обижался, если на рынкѣ какой нибудь торгошъ не кланялся ему низко и т. д.

Изъ дѣтей своихъ онъ больше всѣхъ любилъ Осипа и Дарью, и любилъ по своему. Осипа любилъ за то, что тотъ всегда слушался, хорошо учился и скоро получилъ мѣсто становаго пристава. Хотя же Осипъ Андреичъ былъ и умнѣ отца, зналъ болѣе его, но Андрей Иванычъ говорилъ всѣмъ, что все это сыномъ заимствовано отъ него, и доказывалъ это тѣмъ, что сынъ, еще обучаясь въ гимназїи, умѣлъ сочинять какія угодно рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ. Если же Осипъ Андреичъ и позволялъ себѣ при отцѣ вольнодумничать, то отецъ на это не обращалъ вниманія, потому что Осипъ умѣлъ себя вести хорошо во всякомъ обществѣ, и въ это время ради моды многое позволялось говорить. При всемъ этомъ отецъ зналъ, что сынъ ни за что не позволитъ ни словомъ, ни дѣломъ унижить или скомпрометировать отца и даже себя. Такъ что, несмотря на свою ученость, сынъ рѣдко перечилъ отцу, и если между ними заходили споры, то въ большинствѣ случаевъ сынъ уступалъ. Дарью Андреевну отецъ любилъ съ дѣтства. Сначала она была хилымъ ребенкомъ, но, несмотря на то, что многія дѣти у Андрея Иваныча умирали, ему почему-то не хотѣлось, чтобы она умерла. Послѣ смерти первой жены онъ часто бралъ ее на руки, и, что бывало съ нимъ очень рѣдко, даже напѣвалъ ей пѣсни. Когда она подросла, онъ съ особенною ласкою обращался къ ней, называя ее милочкой и красавицей, а въ хорошемъ расположеніи духа говорилъ своимъ роднымъ, что у него Дарья всѣхъ красивѣе въ городѣ, и непременно выйдетъ замужъ за хорошаго чиновника. Если онъ ѣздилъ въ гу-

бернскій городъ, то постоянно привозилъ ей чего-нибудь. Онъ не любилъ, когда онъ занятъ въ своей канцеляріи, чтобы къ нему за чѣмъ нибудь приходили дѣти, но если приходила Дарья, онъ клалъ перо и готовъ былъ пуститься съ нею въ длинныя разсужденія. Если кто нибудь изъ дѣтей хворалъ—онъ говорилъ женѣ: э, пройдетъ! А если у Дарьи лицо было резечуръ красно или очень блѣдно, онъ безпоился и спрашивалъ, здорова ли она, и когда Дарья была больна, онъ призывалъ доктора. Противъ обыкновенія онъ даже самъ училъ ее шутя писать и потомъ заставлялъ ее что нибудь прочесть изъ книжки веселаго или религіознаго содержанія. Зная, что Марьяна Осиповна не любитъ ее, онъ, скрѣпя сердце, рѣшился послать ее въ монастырь, и то больше потому, что замѣчалъ, что она очень много читаетъ романовъ и повѣстей. Къ тому же его денежныя дѣла были плохи и онъ надѣялся, что подъ покровительствомъ игуменьи Дарья найдетъ себѣ хорошаго жениха,—хотя бы даже и изъ духовенства. Ему очень хотѣлось имѣть зятемъ какого нибудь кончившаго курсъ въ академіи.

И вдругъ его любимая дочь сказала ему, что она хочетъ сама себѣ зарабатывать хлѣбъ!... Ну, не обида ли это?.. Виданное ли это дѣло, чтобы его дочь, дочь чиновника, виннаго пристава, имѣющаго въ Ильинскѣ большой каменный домъ съ большимъ садомъ, вдругъ стала работать на чужихъ, можетъ быть, даже и на людей нечиновныхъ? Чтò скажутъ объ этомъ люди?.. Нѣтъ, она должна быть женою чиновника, а не какою нибудь швейей-работницей.

Такъ думалъ Андрей Ивановичъ, ходя по саду.

VI.

Солнце уже поднялось высоко; былъ часъ шестой или седьмой. Дарья Андреевна не легла спать, хотя ей и хотѣлось; на пароходѣ она плыла двое сутокъ и двѣ ночи не спала: первую потому, что на палубѣ было много пассажировъ и шелъ дождь, вторую—чтобы не проспять Ильинскъ, такъ-какъ пароходъ шелъ дальше. Она сидѣла облокотясь на столикъ, и смотря въ одно мѣсто думала. Ее сильно опечалили слова родителя, выразившаго свое неудовольствіе на ея желаніе трудиться, т. е. жить не такъ, какъ живутъ жены чиновниковъ и вообще женщины чиновнаго сословія. Долго она не могла осмыслить слова отца, понявшаго ее совсѣмъ иначе; не понимала она и того, чтò въ ея намѣреніи онъ видитъ дурнаго? „Ему хочется пристроить меня, выдать замужъ. Но я этого не хочу. Онъ говоритъ, что работаютъ только мѣщанки, а я знаю, что есть и чиновницы, которыя кормятся тѣмъ, что шьютъ; я знаю

одну вдову чиновницу: она даже не стыдится полы мыть, бѣлье стирать, только она пьяница, сама въ кабакъ ходитъ...“ И тутъ ей припомнилось все, что она знала объ этихъ личностяхъ. Эти женщины давно овдовѣли. Замужемъ онѣ были или за недолжностными чиновниками, или хоть и за должностными, но пьяницами. На рукахъ ихъ остались дѣти, которыхъ надо кормить, одѣвать и обучать, чтобы изъ нихъ вышли не мѣщане; а мужья ни пенсіи, ни единовременныхъ пособій имъ не предоставили; денегъ нѣтъ; замужъ ихъ никто не беретъ, потому что онѣ некрасивы, бѣдны, у нихъ дѣти. И вотъ имъ надо жить и они трудомъ, а не попрошайствомъ, зарабатываютъ себѣ хлѣбъ и кормятъ дѣтей. Стало быть, и она можетъ работать, тѣмъ болѣе, что она молода и одна. „Отецъ говорить, что онѣ живутъ нехорошо“. По этому поводу ей припомнилось, что одна ея знакомая чиновница хотя и не бѣдствуетъ, а про нее говорить Богъ-знаетъ что, и эта чиновница сама съ рыданіями говорила ей, что это все вздоръ, а говорить про нее такъ потому, что не вѣрять, чтобы женщина могла безъ помощи мужа жить сколько нибудь сносно. И тутъ же припомнились ей слова этой чиновницы, которой она однажды высказала свое намѣреніе работать. Чиновница сказала: „полноте вамъ, Дарья Андреевна, дурить-то! Что вамъ за необходимость непременно изнурять себя работой, подвергать себя добровольно на мученическую жизнь. Хорошо работать со скуки, а попробовали бы вы съ голоду поработать, зная, что у васъ нѣтъ ни расколотой копѣйки, а хозяинъ требуетъ за квартиру... Вотъ тогда и покажется тяжело; помянете вы, какъ хорошо было жить у родителя. Да и что за дурь пришла вамъ въ голову работать непременно? отецъ васъ любитъ, мачихи вамъ бояться нечего, родня у васъ богатая: никто не прогонитъ. Богъ дастъ—выйдете замужъ за хорошаго человѣка, барыней будете. Глупите и больше ничего“. Такъ говорила голодная и измученная женщина восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, и эти слова, въ связи съ словами отца, казались ей жестокимъ приговоромъ ея будущимъ планамъ. „Въ самомъ дѣлѣ, думала она, зачѣмъ мнѣ работать? Кормить меня будутъ; платья у меня есть; родни много. Живи себѣ какъ прочія дѣвицы живутъ... А тамъ меня выдадутъ замужъ, и я буду жить такъ же, какъ и всѣ жены живутъ. Нѣтъ! Не хочу я такой жизни, противна она мнѣ“. И съ этими словами она вышла изъ бесѣдки, потомъ съѣла на скамеечку къ пруду и задумалась. Она думала о прошломъ житѣ.

Развиваться Дарья Андреевна начала подъ вліяніемъ, во первыхъ, первой мачихи, братьевъ и сестеръ, и во вторыхъ подъ вліяніемъ уличныхъ ребятишекъ, принадлежавшихъ больше къ мѣщанскому сословію. Помнитъ она, что ея родители тогда жили хорошо, пользовались въ городѣ большимъ почетомъ, какимъ пользовались очень немногіе. Въ церковь ѣздили на

линейкѣ, хотя церковь была и близко, но ужъ такъ заведено было, чтобы ѣздить въ церковь парадно; въ церкви стояли впереди, сестры и братья—около нихъ всѣ торгоши и чиновники имъ кланялись, а Андрей Ивановичъ или ея мать могли даже имъ и не кланяться и даже говорили, что такой-то чело-вѣкъ не стоитъ того, чтобы ему кланяться. Часто у нихъ собирались гости и эти гости принадлежали къ важнымъ людямъ, которые ласкали ихъ—дѣтей. Гости эти ѣли хорошія кушанья, пили хорошія вина, чего не было у мѣщанъ (ей случалось это видать съ пятилѣтняго возраста, когда она часто бѣгала къ мѣщанамъ, родителямъ одной дѣвочки Насти, ея одногодки), играли въ карты и плясали подъ скрипку. Современемъ она нашла, что между этою жизнью и жизнью мѣщанъ разнища не большая; мѣщане бѣдны, не имѣютъ чиновничьихъ правъ, должны работать на чиновниковъ и поэтому не могутъ такъ ѣсть, нить и нанимать скрипачей для плясокъ. Но живутъ всѣ одинаково: ѣдятъ, пьютъ, женятся, спятъ и веселятся одинаково каждый по своимъ средствамъ, и поэтому, сближаясь черезъ Настю съ мѣщанами, она находила жизнь мѣщанскую даже лучше жизни ея отца. Настя и другія мѣщанскія дѣти пользовались бѣльшимъ просторомъ, и до тѣхъ поръ, пока родители не находили, что они годны для работы, были предоставлены большею частію самимъ себѣ. Когда же они поступали въ работу, то и тутъ многимъ разнились отъ чиновническихъ дѣтей; главное—они могли выражаться не стѣняясь, могли ѣсть когда хотѣли, если было, что ѣсть, и если имъ нечего было дѣлать; могли по вечерамъ свободно играть на улицахъ. Не то было у ея родителя. У Андрея Ивановича строго соблюдался во всемъ порядокъ; вставать полагалось всѣмъ въ одно время тотчасъ послѣ родителей. Если кто пробуждался раньше родителей, тотъ долженъ лежать; маленькимъ дѣтямъ, которые еще были не въ силахъ сами на себя надѣвать одежду, строго воспрещалось бѣгать босикомъ по полу, не смотря даже на то, что на полу имѣется коверъ; умываться всѣ должны были разомъ, чтобы не дѣлать большаго шума и хлопотъ, и если кто не хотѣлъ умываться, тому не давали ѣсть. Маленькія дѣти должны были причащаться къ моленію, и если умѣющей говорить и играть не понималъ смыслу въ молитвахъ—тому тоже не давали ѣсть. Послѣ завтрака или чаю маленькія дѣти должны были играть въ куклы, а дѣти побольше учить уроки, т. е. зубрить то, что было отмѣчено въ Начаткахъ или въ какой нибудь религіозной книжкѣ. До обѣда дѣтямъ гулять запрещалось. Родители не понимали того, что дѣтямъ необходимъ чистый воздухъ; они думали, что они избалуется, находясь подъ присмотромъ няньки, мать же до обѣда была занята приготовленіемъ кушаній, и вотъ только послѣ обѣда, когда родители, усталые передѣбденнымъ трудомъ и насыщенные до изнеможенія, ложились спать, дѣти убѣгали на улицу. Родители старались выработать

изъ своихъ дѣтей подобіе себя, и поэтому требовали, чтобы дѣти ходили ровно, говорили не заикаясь, по дворянскому, подходили къ ручкамъ родственниковъ,—мальчики расшаркиваясь ногами, а дѣвочки присѣдая, отвѣчали только тогда, когда ихъ спросить, и не осмѣливались сами спрашивать о чемъ бы то ни было, такъ-какъ дѣтямъ не слѣдуетъ знать, что дѣлаютъ большіе. Играя, дѣти должны были разговаривать вполголоса, впоголоса смѣяться, не кричать, не бѣгать, подъ опасеніемъ просидѣть часа два-три на стулѣ, или лишиться чаю и ѣды. Когда бывали у Андрея Ивановича гости со своими дѣтьми, то они должны были тоже вести себя чинно, меньше разговаривать, подъ тѣмъ предлогомъ, что нехорошо, если дѣти будутъ передавать другъ другу то, что знаютъ изъ отношеній отца къ матери и наоборотъ. Такая система воспитанія, само собою разумѣется, дѣтямъ не нравилась и они рады были случаю выскочить на улицу къ дѣтямъ мѣщанъ и предаваться шалостямъ въ волю. Эта система сдѣлала то, что дѣти Андрея Ивановича еще въ десятилѣтнемъ возрастѣ умѣли ругаться, капризничали, требовали, чтобы мѣщанскія дѣти уважали ихъ, и старались послѣднимъ всячески сдѣлать какую нибудь пакость, хотя бы она была самаго неприличнаго свойства. Такъ, напримѣръ, плюнуть въ какого нибудь мѣщанскаго мальчика считалось за геройство, обозвать самымъ неприличнымъ словомъ—удалью; но если это же самое дѣлалъ мѣщанскій мальчикъ, сынъ или дочь Андрея Ивановича плакали и жаловались. Это воспитаніе сдѣлало нѣкоторыхъ дѣтей съ равняго дѣтства лъстецами и фискалами. Такъ Осипъ, чтобы выслужиться передъ отцомъ, постоянно жаловался ему или матери на кого нибудь изъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, и если его жалобы оставались безъ послѣдствій, онъ цукалъ въ дѣло вранье. Отъ этого произошла вражда братьевъ съ братьями и духъ шпіонства царилъ въ домѣ Яковлева. Мало этого, дѣти даже научились подслушивать у дверей и знали многое изъ отношеній своихъ родителей другъ къ другу.

Дарья Андреевна не была шпіонкой, но ее никто изъ братьевъ и сестеръ не любилъ. Свою настоящую мать она не помнитъ. О ней достаточно у нея было собрано рассказовъ отъ матери Насти, отца и протопопа Третьякова. Всѣ эти люди хвалили ее, и больше ничего. Хотя же она и считала долго вторую жену Андрея Ивановича за настоящую мать, но старшіе братья и сестры смѣялись надъ ней, а уличные ребятишки дразнили ее, что Дарья Андреевну прошибало до слезъ, и только когда Дарья Андреевна стала еще больше смыслить, то стала еще больше любить мачиху, которая была къ ней больше другихъ привязана, какъ потому, что Дарья была мала, такъ и потому, что она очень любила ее маленькихъ дѣтокъ. Старшіе братья и сестры были уже большіе и вели себя, какъ двадцатилѣтній юноша относится къ восьмилѣтнему лѣнивому ученику;

они не любили разговаривать съ младшей сестрой, которая не понимала того, что дѣлають они; гнали ее отъ себя, когда она мѣшалась въ ихъ забавы, теребили ее за волоса, когда которому нибудь изъ нихъ приходилось получать наказаніе отъ отца, упрекали ее шпионствомъ, хотя сами постоянно наушничали на нее отцу. Большую часть дня она оставалась въ кругу сестеръ и братьевъ, и ей много приходилось отъ нихъ терпѣть: на нихъ же она никогда не жаловалась ни отцу, ни матери, ни роднымъ, да и ни отецъ и ни мать не чувствовали того, что чувствовала ихъ дочь. Они не понимали, что ихъ дочери больно, и только удивлялись, отчего это она не толстѣетъ, отчего она невеселая, постоянно молчитъ и глаза у нея заплаканы. Любить своихъ старшихъ братьевъ и сестеръ Дарья Андреевна не могла; она даже боялась ихъ, и только любила меньшаго брата Кузьму, который до пятнадцатого возраста былъ тяжелымъ бременемъ для родителей, потому что почти до пяти лѣтъ не ходилъ, плохо говорилъ и часто хворалъ, оставаясь большею частію безъ надзора. У маичихъ были другія меньшія дѣти, требующія присмотра; отцу же было все равно, будетъ онъ жить, или нѣтъ, а изъ этого произошло то, что болѣзнь его была предоставлена волю Божіей. Хотя же отецъ и обращался съ Дарьей Андреевной ласково, часто сажалъ ее къ себѣ на колѣни, даже цаловалъ больше другихъ дѣтей, ставилъ ее въ примѣръ за обѣдомъ, но она отца все-таки боялась, потому что онъ и ласки свои начиналъ какъ-то издаലെка и онъ исходили только тогда, когда онъ былъ въ спокойномъ настроеніи. Ей и отъ отца нерѣдко случалось получать наказанія за какую нибудь неосторожность, или по какой нибудь жалобѣ братьевъ и сестеръ. Разобьетъ ли кто нибудь любимую чашку отца—сваливають на Дарью, прольетъ ли кто нибудь въ кабинетъ отца чернила или начертитъ на стѣнахъ карандашомъ,—жалуются на Дарью. Отецъ станетъ допрашивать дѣтей не хуже любого слѣдователя, всѣ отпираются; отецъ наказываетъ всѣхъ—достается и Дарья. Поэтому, считая отца за добраго человѣка, она все-таки боялась его и у нея проявлялось къ нему недоверіе. Она еще маленькой дѣвочкой думала: отчего отецъ неправъ п отчего у нихъ въ домъ все дѣлается не такъ, какъ у людей бѣдныхъ?

Изъ своихъ родныхъ она любила больше всего протопопа Сергія Ивановича Третьякова. Сергіій Ивановичъ имѣлъ только одну дочь, которая была замужемъ за Андреемъ Ивановичемъ. Это была вторая жена Яковлева. Протопопъ до того религіозенъ, что послѣ смерти своей жены хотѣлъ постричься въ монахи, но его удержало то, что онъ не кончилъ курса въ академіи и поэтому не могъ рассчитывать на то, что будетъ когда нибудь архіереемъ. Оставшись вдовцомъ, онъ сталъ служить въ церкви каждый празникъ, читалъ книги духовнаго содержанія и все свободное время посвятилъ на образованіе юношества. Хотя это

образование и не обходилось безъ розогъ и другихъ истязаній, которыя онъ выдумывалъ, но дѣти его любили за то, что онъ говорилъ съ ними о всемъ, что бы они ни спрашивали, и позволялъ имъ шалить въ то время, когда онъ не занимался. Съ Дарьей Андреевной онъ былъ очень нѣженъ, ласкалъ ее, дарилъ чтонибудь и любилъ рассказывать о житіи святыхъ, а иногда рассказывалъ и сказки. Она его нисколько не боялась, была у него весела, смѣялась и онъ ее не называлъ иначе, какъ моя козочка, и всегда, когда она не была у него цѣлую недѣлю, онъ спрашивалъ свою дочь или Андрея Ивановича: а что вы мою козочку не пустите ко мнѣ; стосковался и объ ней. Онъ ее сталъ учить грамотѣ и, въ теченіе пяти лѣтъ, даже обучилъ первымъ правиламъ ариѳметики и грамматики. Дальнѣйшее преподаваніе онъ считалъ бесполезнымъ на томъ основаніи, что дѣвочекъ не для чего утруждать науками, такъ-какъ имъ не быть ни священниками, и ни страпчими, а назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы помогать мужьямъ, или быть въ домѣ хозяйками и воспитывать дѣтей въ послушаніи и въ страхѣ божіемъ. И когда бывшій въ то время въ Ильинскѣ городничій предложилъ Третьякову завести въ городѣ училище для дѣвочекъ, то онъ даже вспылилъ. Съ тѣхъ поръ о женскомъ училищѣ въ Ильинскѣ больше никто не заикался. Но въ домѣ Третьякова Дарья Андреевна отдыхала отъ всего, что она выносила у своихъ родителей; у него была тишина и даже бывало страшно въ пустыхъ комнатахъ, когда онъ уходилъ куданибудь на потребу. Вотъ въ это-то время она и стала сближаться съ мѣщанскими дѣтьми, и онъ никогда за это выговоровъ не дѣлалъ. Когда же разъ онъ остался недоволенъ ею, что она не пришла ужинать, а играла съ дѣвочками, и она спросила его: почему ей нельзя играть съ мѣщанскими дѣтьми, а съ чиновническими можно?—то онъ сказалъ:

— Мѣщане грубы, невѣжи, а чиновники люди благородные. Отъ нихъ и дѣти такія же выходятъ.

— Такъ и я благородная? Что это такое?... Что значитъ благородство?

— Значитъ быть вѣжливымъ, благовоспитаннымъ, памятуя, что ты будешь имѣть въ будущемъ общество дворянъ, вездѣ принятыхъ, а не мѣщанъ, которые созданы только для того, чтобы работать.

— Но какъ же Господь сказалъ, что мы всѣ равны?

— Объ этомъ никто и не спорить; только люди съ давнихъ временъ сдѣлались такими, что ихъ нельзя равнять. Напримеръ, я пастыръ, а твой отецъ страпчій. Я хожу въ царскія врата, а отецъ не имѣетъ права, и не можетъ даже надѣть ризы. Такъ и мѣщанинъ. Для всѣхъ устроены законы, каждому человѣку назначено мѣсто. Нужно помнить, что отецъ твой власть, а мѣщанинъ простой обыватель, а въ священномъ пи-

саніи сказано: всяка душа властямъ предержащимъ да новинуется.

Такъ объяснялъ Третьяковъ, но у Дарьи Андреевны вслѣдствіе этого появлялись вопросы: отчего это такъ? зачѣмъ существуютъ подраздѣленія? А такъ-какъ ей много приводилось видѣть такого, что разъединяло черный народъ отъ бѣлаго, хотя этотъ народъ и принадлежалъ къ одному племени, то въ голову ей не разъ западала мысль: почему бѣдные люди—бѣдны; зачѣмъ существуютъ люди, которыхъ называютъ рабочими и обращаются съ ними невѣжливо? Но всѣхъ этихъ вопросовъ она не могла разрѣшить. Отца спрашивать она не смѣла, старшіе братья и сестры держали себя съ нею такъ, что ихъ объ этомъ спрашивать не стоило; мѣщанскія же дѣвушки, хотя и задавали себѣ подобные вопросы, но говорили, что все это происходитъ оттого, что онѣ родились мѣщанами, и бѣдны потому, что есть богатые и есть бѣдные,—такъ что эти вопросы запутывались еще больше и разрѣшить ихъ Дарья Андреевна не было никакой возможности. Спросила она объ этомъ своего дѣдушку—Третьякова, онъ сказалъ съ неудовольствіемъ: откуда это у тебя въ головѣ такія мысли бродить? и далъ ей прочесть одну изъ книжекъ Житія благочестія.

Чѣмъ больше подрастала Дарья Андреевна, тѣмъ больше у нея являлось желаніе больше знать и она съ жадностію хваталась за всякую книгу, но и въ этихъ немногихъ книгахъ ей приходилось читать преимущественно о любви; серьезнаго же чтенія она не понимала; оно было до того тяжело для нея, что она дремала и въ головѣ чувствовалась или пустота, или тяжесть, и когда она мучилась бессонницей, то какія-то непонятныя слова то и дѣло роились въ ея головѣ. Журналы хотя и выписывались судьей и иеравникомъ, но ихъ достать было довольно трудно, и притомъ каждая книжка разрѣзывалась только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть легкая и забавная для чтенія беллетристика. Но и въ этомъ чтеніи она все таки могла отличать кое-что похожее на дѣйствительность отъ извращенія, и больше всего любила описанія простой жизни, похожей на ихъ ильинскую, очерки и начинавшіеся въ то время печатные рассказы и сцены изъ простонародной жизни. Сочиненія Гоголя она читала съ упоеніемъ нѣсколько разъ, и даже запомнила изъ него очень многое, тогда какъ ея отецъ терпѣть не могъ читать „Мертвыя души“ и „Ревизора“, называя ихъ пасквилями на дворянство и клеветой, за что, какъ онъ говорилъ, этого сочинителя надо бы отдать подъ уголовный судъ. Съ годами литература наша стала лучше и въ ней стали затрогиваться—даже въ беллетристикѣ—многіе вопросы, но хорошихъ журналовъ въ городѣ не было, въ чтеніи ихъ ильинскіе обыватели не имѣли надобности. Сестры и братья ея любили читать только смѣшное или что нибудь въ родѣ приключеній, а

Марья даже перечитала два раза Училище благочестія; ея же мѣщанскія подруги читать вовсе не умѣли, и если она пробовала имъ что нибудь читать, онѣ зѣвали или заговаривали о другомъ. Исключеніе изъ этого составляла только одна Анисья Осиповна, которая сочувствовала Дарьѣ Андреевнѣ и съ которой она всегда говорила о чемъ нибудь прочитанномъ, о людяхъ, въ средѣ которыхъ онѣ живутъ, высказывала свои взгляды, такъ что родители, подслушавши ихъ сужденіе, называли ихъ обѣихъ набитыми дурами, на томъ основаніи, что эти разговоры молоденькихъ дѣвушекъ казались имъ непонятными, глупыми и ни къ чему не ведущими.

До Марины Осиповны (третьей жены Андрея Ивановича) все еще было сносно. Но когда она воцарилась въ домъ, то, видя Дарью Андреевну за книжкой, не разбирая, какого содержанія эта книга, она выхватывала ее, уносила и заставляла Дарью Андреевну что нибудь дѣлать. А дѣла у нея находилось всегда много: если нечего было шить, вызвать или вышивать, — на что она налегала сильно, то хоть бѣлье перебирай, перетирай посуду, чисти платье или что нибудь. Чтеніе, по ея понятіямъ, составляло бездѣлье, отлыниваніе отъ дѣла, хотя сама она и не любила ничего дѣлать, и дѣти часто заставляли ее въ ея спальнѣ лежащею на кровати съ какою нибудь книгой, — что, конечно, еще болѣе раздражало Дарью Андреевну, которая поэтому была рада радехонька, если предстоялъ ей случай идти зачѣмъ нибудь въ домъ Зиновьева, просидѣть тамъ съ Анисьею Осиповной если не цѣлый день, то хоть часъ два-три, несмотря даже на то, что мачиха ругала ее какъ только могла и грозилась никогда не пускать ее изъ дома.

Иногда Андрей Ивановичъ говорилъ въ веселомъ расположеніи духа Маринѣ Осиповнѣ, при дѣтяхъ, что вотъ скоро Дарья будетъ и невѣста, скоро ее будутъ сватать, опять новыя хлопоты. На это Марина Осиповна, закусивъ губы, отмалчивалась и качала головой, и потомъ отвѣчала, что такую гордичку и взбалмошную дѣвчонку не возьметъ замужъ ни одинъ порядочный человекъ, а что она или попадетъ въ руки пьяницъ или останется въ дѣвкахъ, и намекала на то, что Андрей Ивановичъ старъ, а на нее, Марину Осиповну, она много не можетъ надѣяться. Андрей Ивановичъ дѣлалъ видъ, что пропускаетъ эти слова мимо ушей, и только, когда она сильно надоѣдала ему ими, говорилъ, что послѣ его смерти Дарью пріютитъ его старшій сынъ. Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ Дарья Андреевна поняла, что ее хотятъ какъ можно скорѣе столкнуть замужъ, и это ее очень печалило. Изъ книгъ, прочитанныхъ ею, она знала, какъ влюбляются люди, и знала, что молодая дѣвушка большею частію выходитъ не за молодаго красавца, а за старика, потому что онъ имѣетъ домъ и деньги. Она знала многихъ дѣвушекъ изъ чиновнаго класса, вышедшихъ за невраси-

выхъ и пожилыхъ чиновниковъ, часто бывала на свадьбахъ и слушала сужденія барышень, которыя находятъ въ томъ или другомъ женихъ множество недостатковъ; въ городѣ было два случая, что два купца женились на чиновническихъ дочеряхъ и били ихъ; она видала много сценъ такого рода, что мужья часто бьютъ своихъ женъ, которыя отъ этого плачутъ, терпятъ отъ нихъ всякія неприятности, потому что онѣ не умѣютъ защищаться; видала она также многихъ мѣщанокъ, зарабатывающихъ хлѣбъ для своихъ семействъ, тогда какъ ихъ мужья ничего не дѣлаютъ, а только пьянствуютъ—и все это ее возмущало. „Зачѣмъ мнѣ выходить замужъ!“ спрашивала она себя. „На что мнѣ мужъ? Развѣ я не могу одна жить?“ И она рѣшила, что отъ нея хотять избавиться для того, чтобы на нее не тратиться.

— Ты будешь чиновница, хозяйка въ домѣ мужа: у тебя будутъ свои дѣти, свои заботы, говорилъ ей Третьяковъ, когда она обратилась къ нему за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ.

— Но если я не хочу идти замужъ.

— Вы всѣ женщины говорите это до свадьбы. Нѣтъ человѣка въ мірѣ, чтобы онъ не любилъ кого нибудь.

„Отчего же говорить это дѣдушка протопопъ, если онъ не имѣетъ жены?“ спрашивала она себя, и потомъ вспомнились городскія сплетни о двухъ мѣщанкахъ. Хотя же протопопъ рѣдко читалъ свѣтскія книги, но онъ городскую жизнь зналъ хорошо, но объяснялъ ее по своему. „Онъ говоритъ, что безъ любви никто не можетъ жить“. Но книги ей мало разъясняютъ вопросъ. Она поняла, что можно выйти замужъ по любви: но зачѣмъ же, если у нея нѣтъ желанія, выходить только изъ-за того, чтобы пристроиться, если у ней нѣтъ мужчины, котораго бы она любила. Мало ли есть молодыхъ людей, съ которыми она играла, но ни къ одному у ней нѣтъ привязанности. Она только и любитъ одного брата Кузьму, и вотъ съ нимъ она бы не разсталась никогда.

„Нѣтъ, я не пойду замужъ. Никогда меня не выдадутъ насильно, какъ выдаютъ другихъ дѣвушекъ“. Такъ думала она сперва. Потомъ, слушая рассказы, какъ такая-то женщина не нахвалится своимъ житьемъ, видя, какъ жены рыдаютъ, провожая своихъ покойниковъ мужей до могилы, она ужъ не прочь была выйти замужъ, но за такого мужчину, который бы хотя былъ и мѣщанинъ, за то молодъ, красивъ, любилъ бы ее, не пьянствовалъ и не билъ. Чѣмъ дальше она думала и разсуждала съ Настей и Анисей Осиповной объ этомъ, тѣмъ больше ей захотѣлось такой жизни; она даже не прочь была выйти замужъ за человѣка бѣднаго, но честнаго. „И какъ бы было хорошо: онъ бы работалъ и я бы стала работать“. Одно только беспокоило ее: а что, если мой мужъ умретъ; куда я двнусь съ дѣтьми, если не останется ни дома, ни денегъ?

Останется одно—поселиться у отца. А этого ей не хотѣлось, не хотѣлось потому, что она тогда больше прежняго подчинится махихѣ. Такъ она думала въ пятнадцать лѣтъ. Но тутъ явилось такое обстоятельство, которое заставило ее измѣнить свое желаніе выйти замужъ.

Однажды въ городѣ разнесся слухъ, что пріѣдетъ какая-то коронная повивальная бабка. И вотъ разъ къ Андрею Иванычу пришла молодая женщина, одѣтая, какъ одѣваются жены достаточныхъ чиновниковъ. Ее встрѣтилъ Андрей Иванычъ и думалъ, что она пришла по какому нибудь дѣлу, но она назвалась повивальной бабкою, пріѣхавшею изъ столицы. Андрей Иванычъ пригласилъ ее въ залу, и позвалъ Марину Осиповну. Онъ былъ очень вѣжливъ, завидовалъ Марьѣ Васильевнѣ, и въ особенности тому, что она будетъ получать жалованье, все равно, какъ чиновники; Марина Осиповна, плохо понимая то, какимъ образомъ такая наряженная барыня можетъ заниматься такимъ ремесломъ, которымъ занимаются старухи мѣщанки, была съ ней суха и выслала дѣтей прочь. Когда же она ушла отъ нихъ, то родители остались очень недовольны визитомъ повивальной бабки. Остались недовольными и другіе аристократы. Стали говорить, что Марья Васильевна дочь мѣщанина, имѣла любовника и отъ него дочь, которая умерла, а когда любовникъ бросилъ ее, она стала обучаться повивальному искусству и выучившись поѣхала въ провинцію на казенную должность. Оказалось, что ни Андрей Иванычъ, ни Марина Осиповна и ни одна власть въ городѣ не понимали: для чего это прислали изъ столицы барыню-повитуху, когда въ городѣ есть свои возлюбленные повитухи, которыя отлично умѣютъ животы править и умѣютъ вылечивать отъ какой угодно болѣзни, и для чего барыня нужно платить жалованье, когда она не мужнина? Всѣ сердились на то, что она, повитуха, осмѣливалась дѣлать визиты благовоспитаннымъ ильинскимъ барынямъ, дочери которыхъ то и дѣло толкуютъ объ ней, стараются вывести изъ ея должности различныя затрудненія и пристають къ родителямъ съ различными вопросами. Всѣ въ ея должности нашли много нехорошаго, всѣ на первыхъ порахъ отшатнулись отъ нея, стали издѣваться, говорить все, что въ голову влѣзетъ, и она была предметомъ насмѣшекъ и разговоровъ. Изъ-за нея даже ссорились братья и сестры, жены ревновали мужей. Стали говорить, что она не ходитъ въ церковь, въ постъ ѣстъ скоромное, по ночамъ у нея долго горитъ огонь; разъ кто-то сказалъ, что ее видѣли съ книжкой; другой разъ откуда-то явился слухъ, что у нея ночью видѣли мужчину, а что днемъ она постоянно разговариваетъ съ разными писцами—это считали рѣдкостью и ее стали караулить. Но ничего предосудительнаго не укараулили. Больше всего на нее злились и сплетничали городекія повитухи, которыя, боясь, что

она отобьетъ у нихъ богатыхъ больныхъ, говорили что эта модница ничему не училась и ничего не знаетъ, а послала сюда или въ ссылку, или по протекціи какого-нибудь важнаго любовника. Но какъ вообще все въ маленькомъ городишкѣ надѣдаетъ и прискучиваетъ, и жизнь съ ея интересами, подъ конецъ, становится на прежній порядокъ, такъ и Марью Васильевну оставили въ покоѣ, и исправничиха первая пригласила къ себѣ Марью Васильевну, а за ней стали приглашать и другія, даже сама Марина Осиповна. Оказалась, что Марья Васильевна барыня добрая, терпѣливая, дѣло свое знаетъ отлично, никакъ не хуже простой повитухи и ничѣмъ не обижается. Всякая барыня старалась ей дать больше и спрашивала у нея: а что, исправничиха сколько дала вамъ? Мало-по-малу нехорошо говорить про нее стали только однѣ повитухи, городская же аристократія стала считать ее своею, да и тѣ говорили только, что она читаетъ книжки и что ей надо много платить, потому что она получаетъ маленькое жалованье.

Появленіе женщины служащей, получающей жалованье и квартиру, въ Ильинскѣ было новостью, и эта новость взбудоражила на первыхъ порахъ не одну благовоспитанную дѣвицу: всѣмъ захотѣлось сдѣлаться повивальными бабками. Это желаніе проистекало изъ того, что многимъ у родителей жизнь была тяжелая — въ ней не было свободы, сдѣлавшись же повивальною бабкою, предполагалось возможнымъ скорѣе и лучше найти жениха по вкусу. Дарья Андреевна тоже крѣпко придумалась. Должность прѣзжей повивальной бабки хотя и казалась ей несовсѣмъ привлекательною, но за то хорошею въ томъ отношеніи, что она будетъ свободна. Тогда ей не для чего будетъ выходить замужъ: у нея будетъ жалованье, деньги. Но разспросить Марью Васильевну, какимъ образомъ ей можно выучиться этому занятію, она стыдилась. Кромѣ этого, ей не удавалось поговорить съ Марьей Васильевною потому, что у нихъ повивальная бабка, во время болѣзни мачихи, оставалась недолго и рѣдко обѣдала, и то въ кругу семейства, когда ей заводятъ вопросы о повивальномъ искусствѣ было неловко. Однако, мысль сдѣлаться чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ крѣпко засѣла въ головѣ Дарьи Андреевны. Если повивальное искусство казалось ей труднымъ и нехорошимъ, то она находила хорошимъ швейное занятіе. Въ Ильинскѣ было всего двѣ женщины мѣщанки, которыя шили па купчихъ и должностныхъ чиновницкихъ женъ; въ Егорьевскѣ она знала тря магазина, въ которыхъ шили дѣвушки, подъ наблюденіемъ вѣмокъ и француженокъ. И вотъ однажды она сказала отцу:

— Палаша, отпустите меня въ модный магазинъ: хочу учиться шить.

— Развѣ ты не умѣешь шить и вышивать?

— Я хочу модныя платья шить.

— Дли чего? Замужъ выйдешь, и если за богатаго, то мужъ будетъ отдавать портнихамъ. Все это глупости. Барышнѣ негодится заниматься шитьемъ съ дѣвчонками, у которыхъ и родителей-то настоящихъ нѣтъ, которыя по ночамъ то и дѣло по бульвару шатаются.

Сказать же, для какой цѣли она хочетъ быть швеей, она боялась тогда. Она еще убѣждена была въ томъ, что дѣйствительно недовко ей, чиновнической дочери, жить у мамзелей, считающихся развратными женщинами, которымъ отдаютъ работу потому, что кромѣ нихъ некому хорошо шить модныя платья.

Но вотъ отецъ лишился стряпческой должности, должности очень прибыльной; дядя Ипполитъ Аполлоновичъ взялъ ее къ себѣ жить, у дяди было очень скучно. Притомъ же она была у него и его жены все равно, что работница, такъ-какъ они держали только одну кухарку, и она постоянно подавала гостямъ чай и кушанья. Въ этомъ городѣ она познакомилась съ городскими швеями и особенно съ двумя часто сидѣла на берегу рѣки, иногда далеко за полночь. Отъ этихъ дѣвицъ Дарья Андреевна узнала, что швейное мастерство, во первыхъ, дается нелегко, а во вторыхъ, мало обезпечиваетъ; въ дѣвицахъ она замѣтила мало согласія, и даже замѣтила, что одна изъ нихъ дѣйствительно гуляетъ съ гимназистомъ. Объ ея знакомки ругали свою хозяйку за то, что она ихъ обременяетъ работою, платитъ мало, скверно кормитъ и имъ даже невозможно заработать что нибудь со стороны, потому что ихъ заставляютъ работать и въ враздичные дни. Эти же дѣвицы говорили также, что ихъ старшая мастерица, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, жила у хозяйки такъ же, какъ и онѣ жили, во вслѣдствіе худаго заработка, не могущаго прокормить ея большую мать и маленькаго брата, имѣла нѣсколько любовниковъ, которые ей платили хорошо, и теперешній ея любовникъ даже будто бы хочетъ жениться на ней,—что очень можетъ быть, такъ-какъ она красивая, только чахоточная. Но у дяди Дарья Андреевна прожила только съ мѣсяць. Приѣхала къ нему Марина Осиповна съ Андреемъ Иваннычемъ. Андрею Иванычу очень не нравилось, что дочь его живетъ у брата какъ-будто въ услуженіи, и потому она придумывала средство, какъ бы взять ее оттуда. Тогда Марина Осиповна предложила монастырь, съ тѣмъ чтобы послать ее туда до замужества, тѣмъ болѣе, что въ монастырѣ жила ея тетка. Попавши въ монастырь, Дарья Андреевна съ перваго же дня поняла, что эта жизнь далеко не соответствуетъ ея планамъ. Въ Ильинскѣ и въ другихъ городахъ она была гораздо свободнѣе, чѣмъ тутъ. Тамъ хотя и бранили ее, но она могла куда-нибудь сбѣгать; здѣсь же все было размѣрено, рассчитано, подлажено такъ, что нужно было дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ, въ противномъ случаѣ ее ждало наказаніе.

Сперва она жила у настоятельницы, которая приходилась Маринѣ Осиповнѣ двоюродной теткой и, конечно, не могла любить падчерицу своей племянницы, которая въ письмѣхъ рекомендовала ее, какъ дѣвushку гордую, непочтительную и прочее. Она сдѣлала изъ Дарьи Андреевны служку себѣ; но эта обязанность, которой домогались многія, ей не понравилась, потому что настоятельница была капризная, злая и съ ней ужиться было можно только идиоту. Она съ утра и до вечера ворчала; дѣвицъ воспитанницъ, которыхъ жило въ монастырѣ штукъ сорокъ, она безъ церемоніи била по щекамъ, ставила на колѣни во время обѣда, запирала въ холодный подвалъ на недѣлю тѣхъ, которыя замѣчены были ею въ церкви въ чемъ-нибудь безнравственномъ, хотя, какъ говорили монахини, она каждый годъ толстѣетъ и каждый годъ ѣздитъ въ сосѣдній монастырь. За трапезу садилась всѣ, даже сама настоятельница; въ это время одна изъ монахинь или воспитанницъ читала житіе какого-нибудь святаго, всѣ молчали, но пища была скудная: черствый кусокъ ржанаго хлѣба и какая-нибудь похлебка или, большею частію, горошница, хотя всѣ знали, что настоятельница показываетъ въ отчетахъ расходы на рыбу, масло, булки и крупу; знали также, что послѣ всеобщей трапезы, дома настоятельница обѣдала пзобильно, съ выпитіемъ двухъ рюмокъ наливки, и послѣ обѣда спала по два часа. Зимой въ комнатахъ было холодно, а теплой одежды не было; монахини и воспитанницы часто хворали, а докторъ вызывался только въ рѣдкихъ случаяхъ. По правиламъ этого монастыря воспитанницъ отдавали замужъ за кончившихъ курсъ семинаріи, по предложенію епархіальнаго или викарнаго архіерея, съ тѣмъ, что изъ капитала воспитанницъ и процентовъ съ монастырскихъ капиталовъ выдавалось имъ еще приданое и сто рублей денегъ, но этихъ денегъ, при выходѣ замужъ, воспитанницы не получали, потому что настоятельница, предлагая деньги жениху, тонко намекала, что она выберетъ ему самую хорошую воспитанницу, а о деньгахъ дескать заботиться нечего, потому что онъ получаетъ доходное мѣсто. Поэтому женихъ или не бралъ вовсе денегъ, или бралъ только часть. Если же онъ бралъ всѣ, то женившись, ждалъ мѣста больше года, или поступалъ въ свѣтское званіе. Кромѣ этого, еще много было причинъ, по которымъ настоятельницу ненавидѣли воспитанницы, а въ городѣ ходили про нее весьма компрометирующіе слухи. Отъ этого, можетъ быть, и происходило въ монастырѣ наушничество, лезть и лицемѣріе: ежедневно настоятельница дѣлала кому-нибудь выговоръ, а безъ наказаній, болѣе или менѣ жестокихъ, не проходило ни одной недѣли. Съ монахинями настоятельница обращалась, какъ съ крѣпостными: сажала ихъ въ темныя, холодные подвалы, просидѣвши въ которыхъ недѣлю, монахиня обыкновенно заболѣвала. Отъ этого монахини заискивали у воспитанницъ, на которыхъ больше всего обращала

вниманіе настоятельниці. Онѣ готовы были сдѣлать что угодно для любимой настоятельницей воспитанницы, такъ что бывали случаи, что, будучи отпущены въ городъ, онѣ носили отъ воспитанницъ письма къ ихъ любовникамъ и устраивали свиданія у садовой рѣшотки. Вражда въ монастырѣ была всеобщая, каждая видѣла въ другой доносчицу; всѣ сплетничали, попрекали другъ дружку любовниками. Воспитанницы были вполне забыты монастырскою жизнью; если онѣ попадали туда съ семилѣтняго возраста и если были некрасивы, то должны были постричься—ужь таковъ былъ взглядъ настоятельницы. То же было и съ красивыми, у которыхъ не было родни. Монахини жили день за днемъ, терпя ругань: онѣ уже стерпѣлись, и у нихъ была только одна мечта—выбраться изъ этого монастыря и попасть въ другой, или отправиться путешествовать съ кружкой. Однѣ изъ нихъ пошли въ монастырь по влеченію, но, разочаровавшись, махнули рукой на все; другія пошли съ отчаянія, потому что имъ, одинокимъ въ мірѣ, страшно казалось жить, а въ монастырѣ готовая квартира, хлѣбъ; но эти потомъ раскаялись: онѣ были молоды, онѣ могли любить; третьи пошли сдуру, такъ себѣ, и плачутся на все и на всѣхъ. Бывали даже случаи, что монахини убѣгали изъ монастыря.

Въ монастырь часто ходили женщины ханжи-чиновницы, мѣшанки, большею частію дѣвы. Онѣ лицемѣрили и подлаживались къ монастырскому начальству, которое, вѣря въ ихъ добрую нравственность, отпускало къ нимъ воспитанницъ, а иногда и монахинь, и вотъ у этихъ-то женщинъ воспитанницы ближе сходились съ молодыми мужчинами. Эти сходки приносили доходъ или настоятельницѣ, или казначейшѣ, или ризничной и т. п. лицамъ, такъ что эти женщины эксплуатировали воспитанницъ, и въ свою, и въ монастырскую пользу, а дѣвцы оставались ни при чемъ, кромѣ идеаловъ. Но, однако, случалось, что какая нибудь страстная натура и увлекалась, и за это отвѣчалъ уже предметъ, платицій данъ ханжѣ, а ханжа отвѣчала передъ доверившими ей лицами дорогими акафистами, молебнами, подарками и разстраивала жизнь дѣвушки на всю жизнь.

Само собой разумѣется, что Дарья Андреевна, выросшая въ кругу такихъ людей, которые не допускали безнравственности, была сильно возмущена всѣмъ, ею видѣннымъ, и ей пришлось много терпѣть въ душѣ, потому что она не хотѣла клеветничать или даже вслухъ относиться ко всему критически, а вела только свой дневникъ украдкой отъ монахини, къ ней назначенной. За какую-то провинность, настоятельница прогнала ее отъ себя и заставила днемъ работать въ огородѣ, а вечеромъ до 8 часовъ шить. Работа эта ей нравилась, потому что она ее развлекала; она большую часть дня была на воздухѣ, а въ задѣ, гдѣ шли послѣ обѣда, ее оставляли безъ вниманія. Въ семь

часовъ запирали ворота монастыря и всѣ монастырки должны были ложиться спать. Къ счастью, приставница попалась ей такая, которая находила возможность въ девять часовъ вечера уходить въ садъ и брать ключъ съ собой; тогда она предавалась своимъ мыслямъ. Случалось, что эта монахиня забывала затворить дверь, и тогда Дарья Андреевна уходила въ садъ. Въ саду она или сидѣла, наблюдая за движущимися тѣнями въ окнахъ подвижницъ, или ходила по саду. Разъ она услышала шопоть... То былъ шопоть ея приставницы и мужской. Но она не подала вида. Черезъ мѣсяцъ ея приставницу увезли въ другой монастырь и на мѣсто ея поставили новую. Вышиванье было трудное — больше на золотѣ, серебрѣ и шелкѣ, и такъ какъ Дарья Андреевна научилась вышивать еще дома, то въ монастырѣ давали ей самую трудную работу, за которой она просиживала по нѣскольку часовъ сряду. Нерѣдко она просила настоятельницу избавить ее отъ этой работы на нѣсколько времени, но настоятельница упрекала ее лѣнью и сыпала ей назидательными словами изъ священнаго писанія. Проживши въ монастырѣ два мѣсяца, Дарья Андреевна затосковала объ отцѣ, о роднѣ и о родномъ городѣ; ей опротивѣла монастырская жизнь, ей захотѣлось домой. Она написала отцу письмо, въ которомъ подробно изложила монастырскую жизнь. Отецъ посовѣтовалъ ей терпѣть до поры до времени, и высказался, что онъ вовсе не хочетъ сдѣлать ее монахиней, а послалъ туда на время, и какъ только сыщется женихъ, онъ ее возьметъ обратно. Теперь ясно стало Дарьѣ Андреевнѣ, зачѣмъ отецъ стурилъ ее въ монастырь. Слова его означаютъ, что онъ какъ будто не въ состояніи содержать ее у себя дома, и ей представилась въ худомъ видѣ вся безалаберность ея родителя. А если не будетъ жениха? Тогда на всю жизнь останется въ монастырѣ. Вѣдь отецъ и умереть можетъ. А если выйти изъ монастыря? Но какъ? Какъ и чѣмъ жить тогда? Шитьемъ. Вѣдь вонъ въ городѣ есть же швеи мѣщанки и чиновницы, которыя живутъ самостоятельно. Одно — найдетъ ли она работу? И ей захотѣлось познакомиться съ какою нибудь мѣщанкою или чиновницею.

До сихъ поръ въ городѣ она бывала рѣдко. Теперь она познакомилась съ одною мѣщанкою лѣтъ сорока, посѣщавшею монастырь больше другихъ. Этой женщиной она, украдкой отъ другихъ воспитанницъ и монахинь, предложила продать вязаную салфетку. Мѣщанка похвалила Дарью Андреевну за работу, продавать не совѣтовала, а просила связать ей такого же фасона, только побольше и просила слѣдующее воскресенье къ себѣ въ гости. У этой мѣщанки, Агулины Петровны, между прочими гостями-женщинами, она отличила дѣвицу, лѣтъ 19-ти, Маремьяну Петровну Потапову, дочь чиновника, которая вела себя очень сдержанно, рѣдко съ кѣмъ заговаривала, а больше

шила. Съ ней Дарья Андреевна привелось перекинуться нѣсколькими словами; Маремьяна Петровна какъ будто стыдилась завести знакомство съ монастыркой, которая, можетъ быть, только и думаетъ о монашествѣ, а Дарья Андреевна было неловко при женщинахъ, еще незнакомыхъ ей, навязываться съ своимъ знакомствомъ неизвѣстной дѣвушкѣ. Когда хозяйка, проводивши гостей, пошла провожать Дарью Андреевну, то на спросъ ея, кто такая Маремьяна Петровна, мѣщанка насакала ей всякой всячины. Изъ ея словъ оказалось, что эта дѣвица дочь промотавшихся родителей, которые дошли до того, что отецъ нанялся извозчикомъ, а мать сидитъ въ кабакѣ цаловальничихой; дѣло свое они до того ведутъ нечестно, что въ городѣ слывутъ за отчаянныхъ мошенниковъ, отчего всѣ благородные люди отшатнулись отъ нихъ. Каковы родители, таково должно быть и дѣтище: поэтому Маремьяна Петровна дѣвица разгульная. И нечиста на руку. Хотя она и работаетъ, но потому, что ее стыдятъ честныя женщины, бьющіяся какими нибудь десятыя копейками въ сутки и сносящія всякія непріятности отъ богатыхъ людей. Но и тутъ имъ поддерживать разгульную дѣвицу довольно трудно, и онѣ, честныя женщины, часто по вечерамъ замѣчаютъ около ея лачуги какихъ-то бродячихъ шалопаевъ изъ чиновнаго сословія, а по праздникамъ Маремьяна Петровна, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь и потомъ послѣ обѣда заниматься душеспасительнымъ чтеніемъ, въ обѣдню шляется по рынку, амурничаетъ съ чиновниками, а послѣ обѣда трется на бульварахъ или на загородныхъ гуляньяхъ. Радья о благочестіи, она, Акулина Петровна, съ другими благочестивыми женщинами, старается эту потаскуху обратить на истинный путь, и поэтому, приглашая ее къ себѣ, не дѣлаютъ ей явныхъ упрековъ, такъ какъ это только больше раздражаетъ, а занимаютъ ее душеспасительными бесѣдами. Несмотря на положительность этого отзыва, Дарья Андреевна нашла, что рассказчица, кажется, ужъ черезчуръ преувеличиваетъ, потому что во все время, какъ она сидѣла у Акулины Петровны—часа три—о душеспасительныхъ разговорахъ и помину не было, а всѣ женщины занимались сплетнями. Поэтому у Дарьи Андреевны явилось подозрѣніе; ей захотѣлось познакомиться съ Маремьяной Петровной. Но въ слѣдующее воскресенье Маремьяна Петровна не пришла; на другое воскресенье Дарья Андреевна, находившаяся въ числѣ пѣвчихъ, увидала ее съ хоръ стоящею у малаго клироса. Она вела себя такъ чинно въ церкви, такъ усердно молилась на колѣняхъ, что ее нельзя было заподозрить въ чемъ нибудь нехорошемъ. Когда, по окончаніи обѣды, клирошанки пошли провожать настоятельницу съ пѣньемъ, то Дарья Андреевна, отдѣлившись немного отъ другихъ, сказала ей: „приходите сегодня на наше кладбище. Я хочу поговорить съ вами“.

И такъ знакомство началось. Изъ рассказовъ Маремьяны

Петровны оказалось, что отецъ ея служилъ по питейной части, но денегъ у него не было, потому что онъ пилъ и у него постоянно были недочеты. Теперь онъ померъ, а мать занимается печеньемъ булокъ и продажею ихъ на рынкѣ. А такъ какъ у матери есть знакомые, то она достаетъ для нея работу—шить или вязать. Съ Акулиной Петровной она познакомилась черезъ мать, и хотя та даетъ ей работу, но платитъ такъ мало, что едва-едва остается нѣсколько копѣекъ отъ расходовъ на нитки или иголки. Все, что говорила Дарья Андреевна Акулина Петровна, оказалось ложью. Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ живетъ Маремьяна Петровна, она пригласила Дарью Андреевну къ себѣ. Она съ матерью занимала небольшую квартирку, состоящую изъ кухни и комнатки, въ которыхъ было и свѣтло и чисто. Старушка была женщина бойкая и имѣла много здраваго смысла. Вотъ что она говорила Дарья Андреевнѣ:

— Вы не смотрите, что я калашница. Калашница таковой же человѣкъ, какъ и всѣ. Вы, можетъ быть, думаете, что чиновницѣ не пристало сидѣть на рынкѣ и выторговывать изъ каждаго фунта муки лишнюю копѣйку, а я вамъ скажу, что тутъ ничего нѣтъ худаго, потому что я своими руками покупаю муку, пеку и таскаю на рынокъ,—стало быть, мнѣ нужно же что нибудь за трудъ. А что я чиновница, такъ это только пустое слово; его хоть бы и вѣкъ не бывало, такъ мнѣ все равно; мнѣ не приходится задирать голову кверху, потому что въ этомъ лохмотьѣ я воронъ насмѣшу. Я даже ненавижу, извините меня, это чиновничество, потому что не будь я чиновницей двадцать три года, я не жила бы праздно, на счетъ другихъ, а, можетъ быть, копѣйка по копѣйкѣ, накопила бы въ это время порядочный капиталъ. А теперь я стара, вонъ она ужъ большая, надо ее поддержать, пусть сама добываетъ хлѣбъ, а на мужчину пусть не надѣется. Я не говорю, что замужъ выходить не слѣдуетъ: съ хорошимъ человѣкомъ, съ другомъ пріятнѣе жить и дѣло спорится; пусть онъ будетъ хоть мужикъ, да по сердцу и работающій. Одной пусто; не съ кѣмъ подѣлиться ни горемъ, ни радостью. Хотя же меня и презираютъ чиновницы за то, что я сдѣлалась торговкой, а моя дочь швеей, но я сама ихъ презираю за то, что онѣ, старушонки, живя рублевыми пенсіонами, вичего не дѣлаютъ, а ходятъ по богатымъ людямъ съ записками собирать на бѣдность или на леченіе дѣтей, которыхъ у нихъ вовсе нѣтъ. Это все равно, что просить Христа ради, подличать, ползать передъ богатыми, которые, подавая нищимъ копѣйки, важничаютъ, чванятся и губятъ тысячи другихъ бѣдныхъ людей. А если я, по прежней привычкѣ, пью чай со сливками, ѣмъ пироги, такъ, прости Господи, развѣ я не стою этого? Я не украли, я на трудовыя денежки ѣмъ, пью. Можно, я думаю, послѣ трудовъ и отдохнуть, а на лишнія крохи и полакомиться. А на гробъ да на похороны мнѣ немного надо.

Эта старушка такъ понравилась Дарьѣ Андреевнѣ, что она высказала ей свое намѣреніе оставить монастырь.

— Что жь, оставить монастырь дѣло хорошее, потому что тамъ заколотятъ все, что у васъ есть хорошаго, и потомъ принудятъ постричься. А это обидно, потому что вы и себя-то живо похороните, пользы никому не принесете, а для другихъ будете въ тягость и въ сожалѣніе. Но вотъ что: что выйдетъ изъ того, что вы уйдете изъ монастыря? Какъ на это взглянетъ отецъ вашъ? Вы еще дѣвушка молодая, неопытная; отецъ надъ вами имѣетъ много правъ; онъ на васъ осердится, и какъ онъ приметъ, если ему будутъ говорить, что онъ довелъ свою дочь до того, что она занимается какою-то работою. Да и въ силахъ ли вы перенести одиночную трудовую жизнь?

— Попробую.

— Тутъ пробовать нечего: пробовать можно имѣвши деньги; тогда, если будетъ тяжело, можно и бросить. А у васъ вѣдь денегъ нѣтъ, вы рискуете. Отецъ на васъ разсердится и не дастъ ни копѣйки. Это ужъ какъ Богъ святъ. А что вы станете дѣлать безъ денегъ? Знаете ли вы, что вамъ нужно еще паспортъ на жительство, квартиру нанять, печку топить; вѣдь вы коли будете заниматься шитьемъ, то надо и утюги имѣть. Вѣдь захотите и чаю.

— Я уже отвыкла отъ чаю.

— Ну, какъ заживете сами собой—захочется. Глупо оно, да что съ утробой-то сдѣлаешь. Нѣтъ, вы еще не живали такъ, какъ мы живемъ. Да и къ чему вамъ работать? Поживите, потерпите въ монастырѣ; у васъ отецъ богатый, родня хорошая, видная; васъ не отдадутъ замужъ, какъ меня отдали, за какогонибудь ничтожнаго писца, который, по милости начальства, два раза угодилъ подъ судъ и сдѣлался, дай ему Богъ царство небесное, пьяницей и крючкотворомъ.

— Мнѣ не хочется вовсе замужъ и я не хочу жить на счетъ отца.

— О, матушка, Дарья Андреевна! всѣ мы, пока дѣвицы, говоримъ, что не пойдемъ замужъ. Тутъ или стыдливость играетъ роль, или примѣры, какъ замужнія женщины живутъ. Но вотъ что странно: кто объ этомъ говоритъ, тотъ непременно рано или поздно выйдетъ замужъ. Есть у насъ что-то такое непонятное, и вотъ приходитъ пора, когда дѣвушкѣ нравится мужчина, ну, и пошла исторія. Нѣтъ, не говорите этого. Ну, а что вы говорите, что не желаете жить на счетъ отца, такъ это еще бѣда невелика: онъ на то и отецъ, чтобы содержать васъ.

— А мнѣ горько слышать отъ него упреки, что онъ меня содержать.

Старушка задумалась.

— Я вотъ что думаю, Дарья Андреевна: не дають женщи-

намъ образованія. Кабы вы обучались въ гимназїи, какъ ваши братья, вы бы могли обучать грамотѣ мальчиковъ. А то, при живомъ отцѣ, богатой роднѣ, вамъ неловко заняться нашей работой; да и вы работать-то пожалуй не пойдете: надъ вами будутъ смѣяться, и вы покою себѣ не найдете.

— Что же мнѣ дѣлать?

— А пишите къ отцу, что не желаете жить въ монастырѣ. Хотя у насъ и есть женское училище, но туда васъ не примутъ, потому что вы уже стары для училища. Къ тому же тамъ берутъ большія деньги.

— О, отецъ не дастъ ни копейки. Онъ даже и за брата Кузьму ничего не платитъ, а платитъ родственникъ, у котораго онъ живетъ.

Этотъ разговоръ съ практической женщиной заставилъ много призадуматься Дарью Андреевну. Она сознавала, что еще не испытала лично самой горечи жизни, она ее видѣла только на другихъ: но какъ она дѣйствительно очутится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, какъ она перенесетъ ее? Денегъ у нея ни копейки, отецъ не возьметъ ее и на глаза, родные отшатнутся, а вѣдь тогда нехорошо будетъ пятиться назадъ и просить помощи отца или родни. Придется голодать, шиться по городу, просить Христа ради работы. Съумѣетъ ли еще она сдѣлать-то чтонибудь? Вѣдь нужно тогда на сторону дѣлать, угодить, заслужить спасибо и деньги?...

— Одной мнѣ ничего не сдѣлать, рѣшила она и не упоминала больше ни Маремьянѣ Петровнѣ, ни матери ея о намѣренїи работать. А у Маремьяны Петровны къ Рождеству появилось новое платье, у старушки теплые сапоги, комнатка у нихъ была выбѣлена. На праздникъ у нихъ было такъ хорошо и весело, что Дарью Андреевну брала зависть, и она готова была переносить всякія лишенія, чтобы только вырваться изъ монастыря и попробовать этой трудовой жизни. Но было холодно, у нея не хватало рѣшимости, она боялась отца, котораго очень любила.

Между тѣмъ она замѣчала, что настоятельница все больше и больше налегаетъ на нее и за какую нибудь бездѣлицу то подвергаетъ ее земнымъ поклонамъ, то ставитъ на колѣни среди церкви, то оставляетъ безъ обѣда; наконецъ послѣ Рождества, послѣ длиннаго нравоученія, старуха объявила ей, что она больше не будетъ ходить въ городъ, такъ какъ ей извѣстно отъ благочестивыхъ мірянокъ, что она ведетъ себя въ городѣ въ высшей степени безнравственно. Монахини и воспитанницы стали на нее коситься, всѣ на нее смотрѣли подозрительно; если она выходила во дворъ, слѣдили за ней. Въ комнату къ ней приставили монахиню старую, ворчливую, которая хотя и спала сама много, но заставляла Дарью Андреевну или шить, или читать что нибудь изъ Четь-минеи. Послѣ нова-

го года настоятельница позвала къ себѣ Дарью Андреевну и удивила. Она была такъ любезна, какъ никогда до сихъ поръ; напоила ее чаемъ съ вареньемъ и даже потрепала по щекѣ. Между прочимъ она сказала, что получила отъ Андрея Ивановича письмо съ подаркомъ. Потомъ вдругъ сказала:

— Ты очень счастлива, дочь моя, хотя за твое непослушаніе и не заслуживаешь его. Но я добра ко всѣмъ. Приготовься къ ожидающей тебя новой жизни.

— Какой?

— Это ты сейчасъ узнаешь. Я уже написала твоему отцу. Ты должна выйти замужъ. Твой мужъ будетъ дьяконъ въ хорошемъ селѣ. Что, обрадовалась?..

Дарья Андреевна заплакала; настоятельница улыбалась, думая, что очень обрадовала дѣвушку.

— Я не пойду замужъ. Если и папаша прикажетъ — я не пойду, сказала рѣшительно Дарья Андреевна.

— Въ монахини хочешь? Это тебя рекомендуетъ съ хорошей стороны.

— Я не хочу и въ монахини.

— А! это тебя калашница развратила. Пошла вонъ, негодница!

— Я не негодница и не позволю ругать себя!

— Что такое? Какъ ты смѣешь грубить? Тварь! кричала настоятельница и ударила ее по щекѣ.

— Какое право имѣете вы драться? Я не хочу жить больше въ монастырѣ!

На этотъ крикъ прибѣжали двѣ келейницы и, по приказанію настоятельницы, Дарью Андреевну увели и заперли въ холодный и темный чуланъ, въ которомъ она пробыла только двое сутокъ, а на третью захворала, и ее взяли въ монастырскій лазаретъ. Она написала отцу письмо, въ которомъ подробно изложила причину своей болѣзни, но на другой же день настоятельница призвала ее къ себѣ, показала ей письмо ея и дневникъ, и погрозила запереть на все лѣто въ такой чуланъ, въ которомъ ее живую съѣдятъ мыши. И вотъ Дарья Андреевна рѣшилась бѣжать, и въ воскресенье, во время обѣды, ушла изъ церкви прямо къ Маремьянѣ Петровнѣ, которая вмѣстѣ съ матерью, снабдила ее деньгами и отправила черезъ часъ послѣ ея бѣгства изъ монастыря съ обозомъ въ губернский городъ Егорьевскъ. На прощанье старушка Потапова напутствовала ее такими словами:

— Дѣлать нечего. Въ монастырѣ жить тебѣ нельзя. Еслибъ у тебя характеръ былъ не крутой, а такой же выносливый, какъ и у другихъ воспитанницъ, да не задумала бы ты работать, тогда ты бы не рѣшилась бѣжать изъ монастыря. Теперь

ты шташка свободная, унывать тебѣ не слѣдуетъ; потому коли попадешь опять въ монастырскія когти — плохо тебѣ будетъ: тебя запрутъ, изъ тебя сдѣлають сумасшедшую, коли насильно не выдадутъ замужъ или не постригутъ въ монахини. Свобода—дѣло великое, но тебѣ, можетъ быть, придется много перетерпѣть горя. Тяжело бороться со всякими преградами, но все же ихъ можно и одолѣть. Ты повъжай къ отцу, обскажи ему все какъ слѣдуетъ, и тогда дѣлай какъ знаешь. Лучше сперва посовѣтоваться съ отцемъ, чѣмъ кидаться въ омутъ зря.

— Если онъ мнѣ не дозволитъ, я сама уйду отъ него.

— Если не дозволитъ, ты съ нимъ ничего не сдѣлаешь: на то онъ отецъ. А ты присмотришься сперва, какъ бѣдные люди живутъ... Да и я, право, не понимаю, что у тебя за охота мучить себя преждевременно. Другое дѣло, еслибъ у тебя отца не было.

— Я не хочу жить такъ, какъ они живутъ. Я хочу жить своимъ трудомъ, какъ и вы, потому что я вижу, что такъ жить можно.

— Ну! Богъ тебя благословитъ.

И Дарья Андреевна поѣхала полная надеждъ. Теперь она больше прежняго присматривалась къ труду вообще, а къ женскому въ особенности. Въ деревняхъ и селахъ она видѣла много работающихъ женщинъ, которыя такъ привыкли къ работѣ, что имъ скучно было безъ дѣла. Когда же она спросила одну крестьянку:

— А что, тяжело работать?

Та съ изумленіемъ поглядѣла на нее и сказала: что за тяжело! Коли робить не будешь, ѣсть нечего будетъ. Мы тѣмъ и живемъ, што робимъ и другихъ еще кормимъ работой. Ничего. Робимъ децъ деньской, и спасба никто не скажетъ—и не надо. Скверно только, что ничего въ хозяйствѣ не прибавляется, а изъ хозяйства идетъ прочь.

— Куда?

— Знамо куда! Кто выше—туда и идетъ.

Словомъ, всѣ, кто ни работалъ, не говорилъ, что работать не хочется, а жаловался только, что эта работа или плохо обезпечиваетъ, или вовсе не обезпечиваетъ. Въ губернскомъ городѣ она видѣла то же, а двѣ чиновницы, съ которыми она познакомилась тамъ случайно, не только не похвалили ее за намѣреніе трудиться, но даже напугали ее; братъ же Кузьма прямо сказалъ ей, что она глупитъ, потому что дочери чиновника, дѣвицѣ, не подобаетъ работать помѣщански или покрестьянски.

VII.

Долго ходила Дарья Андреевна по саду, припоминая вышеописанное и соображая, какъ ей устроить свою жизнь. Вотъ она и въ родительскомъ домѣ, ходитъ по обширному, давно запущенному саду, въ которомъ дорожки существуютъ только до бесѣдки и около пруда, всюду растетъ репей, крапива и другія негодныя травы, тамъ и сямъ пробиваются малиновые кусты, около заплота во множествѣ растетъ щиповникъ, крыжовникъ и смородина; чѣмъ дальше въ глубь — тѣмъ больше деревьевъ, которыя то и дѣло зацѣпляютъ за ея платье, пахнутъ сосной, дышется тяжелѣе, какъ будто она бродитъ по большому лѣсу, и немудрено: она уже давно не была въ настоящемъ лѣсу. — Впечатлѣнія только остались, и вотъ она опять видитъ какъ будто лѣсъ въ мивіатюрѣ. Былъ и въ монастырѣ садъ, но тамъ слѣдили за каждымъ ея шагомъ, тамъ пахло мертвечиной, потому что рядомъ съ садомъ находится кладбище. Тамъ кромѣ памятниковъ, нѣтъ ничего причудливаго, тамъ нѣтъ свободы. А здѣсь ходи сколько угодно. Здѣсь и разнообразіе есть. Такъ она набрела на какую-то горку, обросшую травой и пихтой. Дорожки ни на нее, ни вокругъ нея не существуетъ, но на ней въ самой серединѣ есть небольшая площадка и сгнившая скамейка. Точно объ этой горкѣ и не зналъ владѣлецъ сада. Съ этой горки не открывается никакихъ хорошихъ видовъ: вверху небо, по сторонамъ деревья, сосна, береза и тополь; внизу тамъ и сямъ мелькаютъ желтенькіе, голубенькіе и бѣлые цвѣточки. Но за то здѣсь хорошо тѣмъ, что внизу журчитъ ручеекъ, точно вода его падаетъ съ небольшой высоты. Дарья Андреевна спустилась внизъ: въ горкѣ сдѣлано отверстіе, до половины заросшее репейникомъ и крапивой; передъ этимъ отверстіемъ течетъ ручеекъ и стекаетъ въ небольшую ложбину, въ которой онъ и течетъ потомъ дальше. Вспомнила Дарья Андреевна, какъ она прежде часто убѣгала сюда съ братомъ Кузьмой и запруживала этотъ ручеекъ камнями, какъ они прятались въ горкѣ, — кто устроилъ ее, никому въ городѣ не было извѣстно, и какъ братъ Кузьма пугалъ ее, залзши въ это отверстіе и выкидывая тамъ различныя штуки. Часто случалось имъ заставить въ горкѣ городскихъ ребятъ, бѣгающихъ и прячущихся здѣсь отъ училища и розогъ, но они никогда не выдавали ихъ, а напротивъ играли съ ними во что нибудь; нерѣдко случалось ей также и кормить этихъ оборванцевъ, которые рады были и куску черстватаго ржаватаго хлѣба. Но теперь, видно, въ училищѣ стало лучше, или ребята нашли другое убѣжище: трава не помята; не видно, чтобы кто нибудь былъ здѣсь нынѣшней весной. На самомъ концѣ болота, а на одномъ высокомъ тонкомъ то-

полѣ виситъ бумажный разорванный змѣй. Вездѣ заустѣніе. А сколько бы можно хорошаго извлечь изъ этого сада. „Если бы я была хозяйка“, думала Дарья Андреевна: „я бы вездѣ сдѣлала дорожки, траву расчистила, стала бы разсаживать яблони, груши, — а то вонъ ихъ сколько и всѣ сухія; я бы и здѣсь развела огородъ; тутъ бы даже можно было льну посеять или табуку“. Разсуждая такъ, она чувствовала, что она у себя дома, что ее никто не выгонитъ изъ дома, изъ сада. Дядя говорилъ, что послѣ смерти отца домъ будетъ принадлежать намъ, дѣтиамъ. И ей представилось, какъ они будутъ дѣлить это имущество, и старалась, замаять свое желаніе владѣть такимъ имуществомъ, которое ей никогда не достанется, потому что у нея есть старшій братъ, который, вѣроятно, захочетъ воспользоваться домомъ.

„Что я буду дѣлать?“ — вотъ вопросъ, который занималъ ее теперь. Но она еще не видѣлась съ мачихой, съ другими родными. Какъ-то они взглянуть на ея неожиданное появленіе здѣсь.

Зазвонили къ обѣднѣ. Она пошла торопливо домой и у бѣсѣдки наткнулась на брата, Осипа Андрееча.

— Здравствуй, сестрица! Ужь я тебя искалъ, искалъ... Ну, слава Богу — пріѣхала. Здорова ли?

— Здорова, братецъ. Здорова ли Марѳа Антоновна?

— Какъ корова, и онъ захохоталъ надъ своей остроюю. — Она еще спитъ. На долго ты сюда пріѣхала?

— Не знаю. Это зависитъ отъ папашы и мамашы.

— Вотъ что, сестрица, поѣдемъ ко мнѣ въ село. У меня тамъ большое хозяйство, своя мельница, дуга, скотъ. Ышь, пей, спи, гуляй. Чего хочешь, того и просишь — все подъ бокомъ. Все село въ моихъ рукахъ. Что захочу, то и дѣлаю.

— Покорно благодарю.

— Ты ужь, поди, чистѣйшая монашка стала и отъ танцевъ, поди, отстала. А меня произвели уже въ коллежскіе секретари.

— Поздравляю.

— Губернаторъ меня приглашаетъ къ себѣ въ канцелярію. Я, говоритъ, сдѣлаю васъ чиновникомъ особыхъ порученій или членомъ по крестьянскому присутствію. Но я не хочу, во первыхъ, потому, что въ губернскомъ городѣ надо жить погубернски, а въ селѣ я какъ забился съ утра въ пальто, такъ и не снимаю его до вечера; а во вторыхъ, тамъ все дорого, а въ селѣ я трачу деньги только на табуакъ, на чай да на наряды женѣ. Ты папашу видѣла?

— Видѣла.

— Какъ ты нашла его?

— Все такой же.

— Ну, я, признаться, нахожу, что его здоровье день ото дня слабѣетъ. Мачиха его совсѣмъ сбита съ толку. Бѣдный отецъ! — что она ни захочетъ, то и дѣлаетъ. Только вотъ она водку не запрещаетъ ему пить.

— Для чего онъ служить? Вышелъ бы въ отставку и поѣхалъ бы жить къ вамъ.

— О, онъ ни за что не выйдетъ въ отставку. Впрочемъ, если-бы онъ сталъ жить у меня, то сталъ бы вмѣшиваться въ мои дѣла, и мѣшалъ бы мнѣ. Онъ, пожалуй бы, еще взялся за должность писемоводителя...

Они вошли въ палсадникъ. Тамъ, въ бесѣдкѣ сидѣлъ Андрей Ивановичъ въ халатѣ и курилъ трубку; рядомъ съ нимъ сидѣлъ пожилой мужчина съ рыжей бородой и всклокоченными волосами; на немъ былъ вадѣтъ суконный порыжѣлый кафтанъ съ двумя рядами свѣтлыхъ пуговицъ. Онъ считалъ мѣдные деньги.

— Надо какъ-нибудь удержать отца. Этотъ засѣдатель вѣроятно, собирается послать за водкой. Ужъ я ему задамъ! Я его уже два раза дралъ, проговорилъ Осипъ Андреичъ.

— Кого — засѣдателя-то?

— Что-жъ такое! Вѣдь онъ мужикъ. Не знаю, зачѣмъ законъ велитъ, въ случаѣ недостачи наличнаго состава членовъ земскаго суда, приглашать этихъ мужиковъ. Онъ, каналья, даже фамилію порядочно подписать не умѣетъ, а его только и требуютъ въ судъ для того, чтобы онъ подписывалъ на бумагахъ свою фамилію, а въ случаѣ безграмотства приложилъ бы свою печать.

— Эдакъ могутъ и писцы сдѣлать фальшивую подпись.

— Нельзя. Этотъ народъ хотя и пьяница и неучъ, а тоже умѣетъ смѣлкалу. Нужды нѣтъ, что онъ невѣжа, а ты ему не клади пальца въ ротъ. У этого канальи, я разъ нашелъ книжку, гдѣ онъ чертилъ палочки. Я спросилъ что это такое. А это, говорить, я записываю, сколько тогда-то бумагъ подписалъ.

Поравнялись съ бесѣдкой. Засѣдатель всталъ и раскланялся.

— Для чего это деньги на столѣ? спросилъ строго засѣдателя Осипъ Андреичъ.

— Для тебя, отвѣчалъ отецъ, и сталъ смотрѣть на сына.

Сынъ сконфузился, но не надолго.

— Какъ вамъ не стыдно, папаша... Вы знаете, что я взятковъ не беру! сказалъ сынъ рѣзко.

— Ладно, Осипъ... Однако, вотъ что: Ванѣ нужно домой; у него жена при смерти. Онъ ужъ и такъ дома не былъ двѣ недѣли. Я пьянъ... Такъ ты...

— Батюшка, Осипъ Андреичъ помилосердитесь. Хоть розгами накажите, а освободите отъ земскаго суда, проговорилъ засѣдатель! кланяясь.

— Хорошо, любезный, хорошо. Я эти отговорки знаю... Ум-

реть жена—другую возьмешь. Эка невидаль. Однако, я поговорю съ исправникомъ. Ну-ко, дохни!

— Ей-Богу, в. б. е, я не пилъ водки. Кромѣ воды ничего не пилъ. И засѣдатель дохнулъ.

— Хорошо. Подожди въ прихожей.

И онъ ушелъ съ Дарьей Андреевной.

Эта сцена на Дарью Андреевну произвела непріятное впечатлѣніе. Она увидѣла, что братъ ея, относившійся къ ней прежде свысока, теперь относится съ презрѣніемъ къ людямъ постороннимъ, къ засѣдателямъ земскаго суда, подписывающимъ бумаги, которыя иногда рѣшаютъ судьбу человѣка. Ей не понравилось его хваставство, что онъ наказывалъ этого засѣдателя розгами; ей противно казалось его приказаніе дохнуть...

Она молчала, а братъ отвѣчалъ кланяющимся ему изъ оконъ мужчинамъ въ вицмундирахъ, сюртукахъ и пальто, мужикамъ различныхъ фязіономій и разныхъ лѣтъ. Съ однимъ изъ нихъ онъ заговорилъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Дарья Андреевна пошла внизъ, въ дѣтскую.

Тамъ она застала слѣдующую сцену. Какъ въ первой комнатѣ, такъ и во второй ревели дѣти, но больше всѣхъ орала маленькая дочь брата Дарьи Андреевны, Осипа Андреича, такъ какъ она расшибла затылокъ, на которомъ образовалась порядочная ссадина кожи. Нянька дѣтей Осипа Андреича, укачивая дѣвочку, то люлюкала, то дула на больное мѣсто, а въ другой дѣтской комнатѣ говорили двѣ женщны. Это были Марѳа Антоновна и Марья Андреевна. Сперва ничего нельзя было разобрать въ этомъ гвалтѣ. Дарья Андреевна взяла къ себѣ ребенка, а няньку послала въ кухню за водою, для того чтобы приложить къ головѣ примочки. Наконецъ, она услышала слѣдующее:

— Ты, воровка! кричала Марѳа Антоновна.

— Ну, и вы тоже нечисты на руку; взяли мой платокъ, отпороди мѣрку и свою сдѣлали, кричала въ свою очередь Марья Андреевна.

— Какъ! я воровка! вотъ!! во-отъ!

И Дарья Андреевна услышала удары, посылавшіеся, видимо, въ щеки Марьи Андреевны, которая хоти и заплакала, но кричать не переставала. Дарья Андреевна пошла къ нимъ, Марѳа Антоновна, увидѣвши ее, сконфузилась, но скоро оправившись, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— Здравствуй, сестрица... Извини, что такая встрѣча. Мы шутимъ.

— Хороши шутки— по щекамъ драться! Безсовѣстная, проговорила Марья Андреевна, и въ свою очередь поздоровалась съ сестрой.

— Ну, не негодяйка ли она! Какъ ты думаешь, Дашенька?

— Поругайся еще ты мерз... Сейчасъ пойду скажу мамашѣ, проговорила рыдая Марья Андреевна и пошла, но ее удержала Дарья Андреевна.

— Полно, сестрица! Къ чему ссориться!

— У насъ каждый день такъ... Она такая злючка, что...

— Врешь! Такой воровки и въ простомъ народѣ нѣтъ.

— Ну, сестрица, вы простите ей. Мало ли чего не бываетъ.

— Вотъ мило! Я, дочь совѣтника, и буду потакать какойнибудь...

— Ну, полноте! Я васъ прошу — я только что прѣехала и застаю въ домѣ неприятности.

— Неприятности отъ вашей родни! сказала Марья Андреевна.

— Сестра, какъ тебѣ хочется заводить сцены. Вѣдь, ты уже знаешь Марѳу Антоновну не первый годъ.

— Что такое-съ?!

— Я ничего не сказала для васъ обиднаго, Марѳа Антоновна.

— Какое вы имѣете право вмѣшиваться въ чужія дѣла? Вы изъ монастыря убѣжали, только что прѣехали: еще неизвѣстно — примутъ ли васъ родители ваши. Мы хотѣли взять васъ съ собой, и вдругъ вы говорите мнѣ колкости! Ну, голубушка, съ такимъ нравомъ немного вы найдете себѣ счастья.

— Я у васъ ничего не заискивала и не заискиваю. Прѣехала я сюда, къ отцу, и потому не желаю, чтобы вы и мнѣ надѣлали обидъ, какъ моей сестрѣ. И Дарья Андреевна пошла, но на крыльцѣ встрѣтила отца.

— Что тамъ за крики? спросилъ онъ.

— Тамъ драка: золовка поколотила Машу.

Андрей Ивановичъ махнулъ рукой, плюнулъ, подошелъ къ двери въ кухню и крикнулъ:

— Смирно вы, чертовки!

Къ нему подошла его дочь съ Марѳой Антоновной. Начался крикъ. Но Андрей Ивановичъ заткнулъ уши и пошелъ наверхъ. Наконецъ его вывели изъ терпѣнія.

— Если вы будете голосить какъ на базарѣ, я васъ обѣихъ вытурю вонъ или самъ уйду куда-нибудь на все время, пока вы, Марѳа Антоновна, будете здѣсь, проговорилъ онъ сердито, стуча кулакомъ въ перила лѣстницы.

— И уѣду-съ! сказала Марѳа Антоновна захохотавши, но потомъ заплакала. Въ прихожей ихъ встрѣтила Марина Осиповна, Осипъ Андрейчъ и Ипполитъ Аполлоновичъ. Началась опять сцена. Марѳа Антоновна стала жаловаться мужу, что ее здѣсь всѣ оскорбили и что имъ нисколько не медля нужно уѣхать; Марина Осиповна и Ипполитъ Аполлоновичъ стали утрашивать

ее не сердиться, потому что они ее ничѣмъ не обижали; самъ Андрей Ивановичъ, махнувъ рукой, повелъ съ собой Дарью Андреевну, и только тогда мачиха и дядя стали поздравлять ее съ прїѣздомъ, оставивъ Марю Антоновну ворчать съ мужемъ въ другихъ комнатахъ.

Послѣ этого всѣ въ домѣ Яковлева были не въ духѣ. Подобныя сцены случались нерѣдко въ кругу семейномъ, а теперь объ нихъ узнаетъ весь городъ, и изъ семейныхъ Яковлева никому нельзя будетъ показаться въ городъ: пальцами будутъ тыкать, хихикать въ полголоса. И мало ли чего не наговорятъ. „О важныхъ людяхъ ничтожные люди, при всякомъ случаѣ, стараются чесать языки, прилетая туда всякую всячину“, говорила Марина Осиповна своему отцу, прїѣхавшему къ обѣду — тотчасъ какъ онъ узналъ отъ одного купца, что у Яковлевыхъ произошла такая ссора по случаю прїѣзда дочери изъ монастыря, что самъ, Андрей Ивановичъ гонитъ вонъ сына съ женой, которая поколотила Дарью Андреевну, назвала ее нехорошими пменами, а самого Андрея Ивановича обозвала пьюгой мучникъ, погрозилась жаловаться, и даже брату Андрея Ивановича, будущему совѣтнику казенной палаты и разныхъ орденовъ кавалеру, наговорила такихъ колкостей, что онъ слегъ въ постель и не можетъ болѣе выѣхать, что Дарью Андреевну опять отсылаютъ въ монастырь и т. п. и т. д. Все это, и пересуды городскіе, и неприятное настроеніе всѣхъ наличныхъ членовъ Яковлевской семьи произошло собственно потому, что, во первыхъ, у нихъ гостилъ такой человекъ, какъ Ипполитъ Аполлоновичъ, при которомъ всѣ семейные держали себя съ достоинствомъ и ссорились только гдѣ-нибудь въ углахъ, а во вторыхъ, ссора случилась тотчасъ по прїѣздѣ Дарьи Андреевны. Словомъ, всѣ были недовольны другъ другомъ. Андрей Ивановичъ, поговоривши немного съ Дарьей Андреевной, и уговоривши сына и брата остаться, взялъ съ погреба бутылку наливки, ушелъ въ свою бесѣдку и заперся тамъ.

Съ прїѣзда Дарьи Андреевны прошло нѣсколько часовъ и въ теченіе этого времени она достаточно убѣдилась въ томъ, что въ ея отсутствіе много произошло переменъ. Не говори о полсадникѣ, въ которомъ стало больше прежняго цвѣтовъ и кустарниковъ малины, о домѣ, который отъ выскакивающей съ каждымъ мѣсяцемъ все больше и больше штукатурки казался угрюмѣе прежняго, — она нашла, что и въ семейныхъ произошла значительная переменна. Такъ отецъ обрюзгъ, принялъ ее не совѣмъ ласково, не такъ, какъ прежде; онъ мало того, даже высказалъ ей свое неудовольствіе на то, что она самовольно уѣхала изъ монастыря, и желаніе отдать ее поскорѣе замужъ; значитъ, теперь уже ее всѣ считали невѣстой, — чего не было

прежде, и теперь всё на нее станут смотреть какъ на невѣсту; отецъ постарѣлъ, его какъ будто немного скрючило. Она видѣла, какъ онъ самъ ходилъ въ погребъ, несъ оттуда бутылку вина и съ нею ушелъ въ садъ, осмѣиваемый чиновниками уѣзднаго суда, и ушелъ онъ туда какъ будто съ горя; а это она поняла изъ того, что ему какъ будто тяжело было въ домѣ, гдѣ золовка дѣлаетъ буйство, гдѣ Марья Андреевна, ея сестра, не имѣетъ защиты и гдѣ отецъ какъ будто не имѣетъ вовсе власти, а отъ крика и ругани затыкаетъ уши пальцами, плюетъ и машетъ рукой, а потомъ просить, какъ великой милости, своего сына уговорить свою жену не сердиться, а остаться, погостить у нихъ еще нѣсколько дней. Отчего сдѣлался такимъ отецъ, она не могла въ настоящее время понять. Мачиха ея стала толще, взглядъ у нея сдѣлался ястребинный, говоритъ она хрипливѣе прежняго, ходитъ едва-едва переступая ноги; что она не радѣетъ объ дѣтяхъ, видно изъ того, что дѣтскую перевели внизъ и она тамъ, повидимому, даже не была сегодня; дѣти содержатся тамъ небрежно; въ комнатахъ вездѣ много сору, ничего не убрано, точно она и не хозяйка. Съ отцомъ она обращается какъ съ чужимъ, онъ даже какъ будто противенъ ей, — что она заключала изъ того, что на жалобу золовки она сказала, что она ее не обижала, — значить, она всю вину сваливала на отца и Марью Андреевну. На нее, Дарью Андреевну, она обратила вниманіе только тогда, когда отецъ повелъ ее въ другую комнату. А не можетъ быть, чтобы она не знала объ ея пріѣздѣ, такъ какъ прошло уже много времени и ей могла передать прислуга и даже самъ отецъ. Значить, мачиха не любитъ ее больше прежняго. Осипъ Андреичъ сдѣлался еще надменнѣе прежняго и подпалъ подъ вліяніе своей жены, которая ихъ родню ставитъ ни во что, и только къ дядѣ относится съ уваженіемъ. Исполнить Аполлоновичъ сдѣлался тоже надменнѣе, при появленіи ея подалъ ей два пальца и поцѣловалъ не такъ, какъ прежде, а сдѣлалъ только видъ, что прикасается къ ея щекамъ. Марья Андреевна потолстѣла, голосъ ея измѣнился, она сдѣлалась груба и зла; когда сегодня угромъ Дарья Андреевна поцаловала ее, то отъ нея сильно пахло виномъ. Все это болѣзненно подѣйствовало на Дарью Андреевну. Сидя въ одной изъ комнатъ, выходящихъ на улицу, она думала, что напрасно пріѣхала сюда, что ее будутъ здѣсь ежедневно пропекать чѣмъ-нибудь. „Ужь коли начало такое, что дальше будетъ? Нѣтъ, надо уѣхать отсюда. Но куда?...“ Уней болѣзненно забилось сердце при мысли, что она наконецъ-то можетъ жить отдѣльно отъ родителей и родни, которые не любятъ ее, но скверно то, что у нея нѣтъ денегъ, чтобы прожить нѣсколько времени въ другомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока она не найдетъ работы; родня же ей на это не дастъ ни гроша, да и сама она просить у нихъ не рѣшится.

Въ комнату вошла Марина Осиповна. Она была въ ситце-

вомъ платьѣ, на головѣ надѣтъ чепчикъ. Въ одной рукѣ она держала связку ключей, въ другой платокъ. Лицо ея было сильно раскраснѣвшее, точно она только что прпшла отъ печки.

— Здравствуйте, Дарья Андреевна! сказала она извительно и поклонилась, но къ Дарьѣ Андреевнѣ не подошла. Дарья Андреевна встала и пошла къ ней, но та сѣла на стулъ около двери.

— Хорошо вы воспитались въ монастырѣ, нечего сказать. Должно быть, вы тамъ съ очень хорошими людьми за оградой вели знакомство. Отличная вы женщина вышли. На удивленіе просто. Не успѣли пріѣхать въ родительскій домъ, не успѣли глазъ хорошенько протереть, а заводите уже исторію. Богъ вамъ судья! Вы меня и прежде не почитали! Вы и отца оскорбили! Того и гляди, что онъ протинетъ ноги... И она заплакала.

Дарья Андреевна не знала, что ей сказать. Она стояла какъ пригвожденная къ мѣсту. По этимъ несвязнымъ словамъ она заключила, что мачиха выпивши. Ничего не было въ томъ мудренаго, такъ какъ мачиха и прежде выпивала утромъ.

— Я, ей-богу, ни въ чемъ не виновата, мамаша!

— Охъ, какая я мамаша. Всѣ меня обижаютъ... и мужъ, и дѣти. Ни отъ кого мнѣ нѣту почтенія, а отъ тебя въ особенности... Ты, какъ и прежде, была негодная дѣвчонка, такъ и теперь еще хуже. О, Господи, Господи!

Дарья Андреевна заплакала.

— Богъ вамъ судья, мамаша... Не знаю, за что вы обижаете меня...

— Охъ, ты... развратница! Знаю я все, какъ ты жила въ монастырѣ... какъ ты свизалась тамъ съ какими-то дѣвчонками...

— Все это неправда. Дѣвчоны были честныя.

— И не говори. Каково твое поведеніе, видно изъ того, что ты обозвала Марю Антоновну дурой. А она еще хотѣла тебя взять къ себѣ. Какое ты имѣла право уйти изъ монастыря?.. Молчи! Что ты будешь дѣлать здѣсь?.. Ты думаешь, что намъ пріятно имѣть такую нахлѣбницу, какъ ты?

— Если папаша мнѣ позволить — я уѣду.

— Что такое? Уѣхать!.. Скажите пожалуйста! Ну, такъ и есть, что ты негодница. Куда ты уѣдешь? къ любовнику? Кто твой любовникъ? Говори! Да я тебя ни одной минуты не стану держать въ домѣ.

— Папаша знаетъ, чѣмъ я буду заниматься.

— А-а! Ты уже успѣла оплести своего пьянаго родителя.

Дарья Андреевна заплакала. Въ это время въ комнату вошелъ Ипполитъ Аполлоновичъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Марья Осиповна! Не успѣла Даша пріѣхать, а вы ужъ и кричите на нее. Бога вы не боитесь.

Марина Осиповва заплакала.

— И вы меня обижаете! Всѣ на меня.

— Никто васъ не обижаетъ, а вотъ вы готовы всѣхъ и каждаго обидѣть.

— Охъ, я несчастная! И зачѣмъ чортъ меня сунуль выйти замужъ за пьяницу.

— Вы не смѣете обижать брата! Если вы хоть еще скажете мнѣ дерзость, я отъ васъ уѣду и, повѣрьте, ни разу не загляну къ вамъ и васъ не приму къ себѣ на порогъ. Вы должны помнить, кто вашъ отецъ и кто мы... говорилъ Ипполитъ Аполлоновичъ, ходя по комнатамъ скорыми шагами.

— Дяденька, не говорите этого, вступилась Дарья Андреевна.

— Это свинство, наконецъ! Мѣщанское отродье и вдругъ смѣетъ обижать нашу родню! Даша, собирайся—ѣдемъ!

Неизвестно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибъ не пріѣхалъ отецъ Марины Осиповны.

— Ваша дочь обидѣла меня!.. Я ѣду! Помните, что торги на подряды на носу.

Осипъ Флорычъ испугался, стоялъ какъ пораженный и глядѣлъ то на ассесора, то на свою дочь.

Ипполитъ Аполлоновичъ рассказалъ, въ чемъ дѣло. Осипъ Флорычъ, сдѣлавъ нагонимъ дочери, ушелъ за Ипполитомъ Аполлоновичемъ; Дарья Андреевна вышла въ другую комнату. Немного погодя, Зиновьевъ пошелъ къ дочери и сказалъ ей:

— Эта негодница чуть-было не испортила все дѣло. Хорошо, что я поспѣлъ во-время. Поди, проси у него прощенія, въ ноги поклонись. Онъ любитъ это.

Черезъ нѣсколько минутъ мачиха прошла съ отцомъ въ кабинетъ, а черезъ четверть часа вышли оттуда съ Ипполитомъ Аполлоновичемъ съ сияющими лицами и подѣли къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— Ты, Даша, началъ дядя:—на эти сцены не обращай вниманія. А что если мачиха погорячилась на тебя, такъ у ней ужъ такой нравъ, да и ты сама неправа по многимъ причинамъ, которыя ты намъ должна объяснить. Во первыхъ, хотя я кое-что и знаю о нравѣ настоятельницы, но мы получили отъ нея письмо, въ которомъ она излагаетъ подробно о твоихъ каверзахъ. Прочитай. И онъ подаль ей письмо.

Дарья Андреевна подробно рассказала имъ о томъ, какова ей была жизнь въ монастырѣ, о намѣреніи настоятельницы выдать ее замужъ, о своемъ отказѣ и что потомъ было.

— Это ужасно! Это чортъ знаетъ что такое! проговорилъ дядя.

Остальные хотя и удивлялись, но не совсѣмъ вѣрили. Спросили ее, зачѣмъ она ничего не писала ни отцу, ни дядѣ, и

когда та рассказала, какъ читали ея письма, то дядя сказалъ:

— Хорошо! Я справлюсь въ почтовыхъ конторахъ, и если дѣйствительно не получалось писемъ, я донесу владыкѣ. Я вѣрить тебѣ имѣю основаніе, потому что ты была дѣвушка хорошая, и я былъ противъ посылки тебя въ монастырь. Конечно, тутъ есть доля вины и за Мариной Осиповной, которая, надо правду сказать, не очень-то долюбливаетъ своихъ падчерицъ.

— Ахъ, Ипполитъ Аполлоновичъ! Видитъ Богъ, какъ я люблю ихъ, но что же дѣлать, если онѣ меня не любятъ. Вотъ про мальчиковъ я ничего не могу сказать.

— Ну конечно... Дѣло понятное. Есть матери, которыя даже и своихъ собственныхъ дѣтей не очень-то долюбливаютъ, а объ чужихъ и говорить нечего. А ты, Даша, сама виновата, что была подчасъ рѣзка съ Мариной Осиповной. Нужно помнить, что отецъ твой любитъ ее; а если онъ любитъ, такъ и ты должна тоже любить.—Ну-съ теперь второе, и это самое главное: зачѣмъ ты обругала Марѳу Антонову душой и даже хуже этого?

Виноватая рассказала, въ чемъ заключалось дѣло.

— Ну, матушка, ты еще молода, чтобы философствовать. Ты должна слушать, что говорятъ люди опытные, которые тебя старше въ три раза. Я говорю, что бить образованной дамѣ тоже даму—дѣло неблагопріистойное, однако въ семействѣ допустить это можно, во первыхъ потому, что Марѳа Антонова старше Маши, а во вторыхъ, та того заслуживаетъ.

— Но, дяденька, не можетъ же быть, чтобы сестра взяла сѣтку.

— Сѣтку жена Осипа нашла въ камодѣ у Марьи, сказала Марина Осиповна.

— Вотъ то-то и есть! Ты бы прежде должна узнать суть дѣла, а потомъ лѣзть съ защитой. Вора всегда надо наказывать, чтобы онъ помнилъ и не смѣлъ въ другой разъ протягивать руки за чужою вещью. Но довольно объ этомъ. Ты все такъ поступила нехорошо. Она тебѣ говоритъ, что это не твое дѣло, она тебѣ сказала слово, а ты два, тебѣ бы слѣдовало уйти, а ты возражать.

— Ужъ извѣстно, бабы народъ глупый: сойдутся двѣ бабы—крикъ, ругань, драка. А если тутъ еще третья ввяжется, и той достанется на калачи, замѣтилъ Зиновьевъ.

— Чтобы поправить дѣло, ты должна извиниться, сказалъ дядя.

— Передъ кѣмъ?

— Передъ Марѳой Антоновой.

— Боже меня избави! Я не ребенокъ.

— Вотъ видите! сказала Марина Осиповна.

— Мы всё этого требуемъ; ты должна уважить хоть меня.

— Дяденька, увольте меня отъ этого. Она обидѣла меня, и съ какой стати я стану еще просить у ней прощенья? Ни за что! Хотя я васъ люблю и уважаю, но этого сдѣлать не могу. Вотъ у Маши я могу просить прощенья во всемъ, въ чемъ я виновата.

— А если отецъ тебя заставить?

— Никто меня не можетъ заставить. Это касается лично меня.

— Горда же ты. Помни, что тебѣ еще много придется жить и со своею сѣсью много ты натерпишься горя! И Ипполитъ Аполлоновичъ всталъ и началъ ходить. Но его скоро вызвала подошедшая къ двери Марья Антоновна, и они ушли въ кабинетъ, откуда пришли только къ обѣду.

Мачиха и отецъ ея долго упрашивали Дарью Андреевну испросить у Марьи Антоновны прощенья, но она наотрѣзъ отказалась. Попробовали угрозы—она стала молчать; Марина Осиповна резказала, что и она просила у диди прощенья, но Дарья Андреевна на это сказала:

— Не вы у него, а онъ у васъ долженъ бы былъ просить прощенья, потому что онъ какъ вамъ, такъ и намъ панесъ оскорбленіе, назвавъ васъ мѣщанкою.

— Какъ? васъ мѣщанами, ворами? вступился Зиновьевъ.

— Молчите, папаша, произнесла съ испугомъ Марина Осиповна.

— Ахъ, еслибы не подрядъ—наломалъ бы я ему бока.

— Да, Даша, всегда нужно покориться. Отецъ слабъ; куда; мы съ вашей семьей дѣнемся.

— Полно вамъ, мамаша. Отецъ еще крѣико ходитъ. Ну, если его не будетъ—будемъ трудиться. Я первая возьмусь за трудъ какой-нибудь. А кланяться я и дядюшкѣ не намѣрена.

Зиновьевъ покачалъ головой, а Марина Осиповна стала съ испугомъ смотрѣть на него.

— О, дѣвка, дѣвка! Еслибы тебя да въ мои руки, и я-и-бы тебя! проговорилъ Зиновьевъ, сжавъ кулаки, заскрежеталъ зубами и ушелъ.

— Вотъ Богъ послалъ мнѣ змѣю за мои грѣхи, проговорила Марина Осиповна, и тоже ушла.

Отъ всѣхъ этихъ сценъ и разговоровъ у Дарьи Андреевны заболѣла и закружилась голова, точно она была въ горячкѣ. Она сразу увидала столько гадости въ ея роднѣ, что отцовскій домъ показался какимъ-то адомъ. Она уже не могла больше жить въ немъ, не могла, конечно, ѣхать ни къ брату, ни къ дядѣ. Ей хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь, но она была

одна: на сестру надѣяться нечего. Оставалась дочь Зиновьева, Анисья Осиповна, ея любимица, но какъ она пойдетъ къ ней, когда ея отецъ разозлился на нее. Остается отецъ. И дѣйствительно, про всей ея родни остается только одинъ отецъ, которой любить еще ее, котораго, можетъ быть, обрадываютъ, обижаютъ, смерти котораго, можетъ быть, всѣ ждутъ. Не даромъ о смерти его всѣ говорятъ; не даромъ же онъ и пѣть запоетъ... И мысль оставить домъ исчезла. „Я буду жить съ отцомъ, и поддержу его. Пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ, пусть ненавидятъ, но я его спасу; для него меня никто изъ дому невыгонитъ.“

И она пошла въ садъ.

Въ бесѣдкѣ палисадника сидѣла Марья Андреевна. Она что-то шила и очень громко разпѣвала незаметнымъ голосомъ: „Скажите ей“, такъ-что многіе чиновники изъ окошъ смотрѣли на нее, а нѣкоторые даже подтигивали. Когда она увидала сестру, замолчала.

— Какая ты, сестрица, веселая, сказала Дарья Андреевна, присѣвъ къ марьѣ Андреевнѣ.

— Не все же плакать.

— Я бы здѣсь ни за что не пѣла, потому что въ нашемъ домѣ присутственныя мѣста и въ нихъ много служащихъ. Смотри, Маша, сколько смотрятъ сюда.

— Это они на тебя смотрятъ, а на меня имъ нечего смотрѣть,—примелькалась, а я на нихъ и вниманія не обращаю. Вотъ сейчасъ приходилъ изъ уѣзднаго суда застѣдатель Трынкинъ и лебезилъ около меня, а мнѣ что въ немъ, у меня ужъ есть женихъ.

— Все же нехорошо, потому что изъ нихъ, можетъ быть, есть и хорошіе пѣвчіе; вѣдь здѣсь въ церкви поютъ приказные.

— Я въ своемъ домѣ, и поэтому на насмѣшки не обращаю вниманія. Вотъ мы уже споемъ съ тобой когда-нибудь въ саду. Я въ саду ужасно люблю пѣть. А ты, я знаю, любишь пѣть. Вѣдь ты въ монастырѣ на клиросѣ пѣла. А здѣсь я пою съ горя: золовка ли меня обидѣла, мамаша, или кто другой...

— Много онѣ наплели на тебя.

— А я ихъ не боюсь. Я эти оплеухи во всю жизнь не забуду. Она у меня просила прощенія, я ее простила изъ приличія, но въ душѣ я ее ненавижу. Знаешь, они зовутъ меня къ себѣ.

— Ну, что же?

— Что?

— Ты поедешь?

— Поѣду. Мнѣ все равно, что здѣсь, что тамъ. Тамъ еще лучше: тамъ поля, рѣчка; тамъ много грибовъ, ягодъ; тамъ меня будутъ посылать къ крестьянамъ за деньгами, яицами. Я ужь ходила, собирала.

— И теперь пойдешь?

— А чтожъ такое? Вѣдь я не себѣ беру, а меня посылаютъ.

— Но вѣдь это взятки?

— А мнѣ что за дѣло. Брату нужно содержать жену модницу. Ужь онъ мнѣ непременно купить на платье, какъ въ прошломъ году купилъ къ Рождеству. Вчера я въ этомъ платьѣ танцовала. А ты, Даша, помирись съ золовкой.

— Неужели тебѣ не обидно, что она тебя избилла?

— Обидно, да что дѣлать? Она вспыльчива. Вспылить, прибить, а потомъ и самой станетъ стыдно. Она ужь общала мнѣ подарить сѣтку. Я сѣтку въ шутку положила въ комодъ и не хотѣла потомъ отдать, потому что она красивая, — вотъ и вышла ссора. А ты помирись, поѣдемъ вмѣстѣ, тамъ я проживу до свадьбы. А ты знаешь, что говорятъ про тебя?

— Мало ли что говорятъ!

— Говорятъ, что у тебя въ Соколѣ женихъ есть.

— Пусть ихъ говорятъ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ. У меня такъ вотъ два жениха Ты только никому не говори. Одинъ настоящій чиновникъ изъ казначейства, Павловъ. За него меня уже просватали, но я его не люблю, потому что онъ пьяница, а другой — вонъ тамъ, и она указала на домъ. — Но за него ни за что не отдадутъ: онъ не имѣетъ чина. Но какой славный человекъ! И она замолчала.

Теперь Дарья Андреевна стало ясно, почему она поетъ въ полсадникъ.

— Пойдемъ въ садъ, сказала вдругъ Марья Андреевна.

Долго они ходили по саду. Марью Андреевну, повидимому, нисколько ни занимали деревья и цвѣты; ей больше всего нравились парники съ огурцами; она была большая любительница тыквъ, арбузовъ и овощей и ко всему этому относилась съ знаніемъ, какъ любая любая хозяйка. Въ бесѣдкѣ спалъ отецъ. Онъ пошелъ дальше и сѣли въ рошѣ, недалеко отъ пруда.

— Несчастный отецъ! сказала со вздохомъ Марья Андреевна. — Совсѣмъ онъ опустился и дѣла не дѣлаетъ. А мачиха, скажу я тебѣ, совсѣмъ не любитъ его. Я тебѣ скажу по секрету: она живетъ съ казначеемъ, не смотря на то, что онъ дрыгунчикъ. А его жена живетъ со здѣшнимъ новымъ стряпчимъ, который изъ ученыхъ и молодой, красивый мужчина. Говорятъ, что онъ богачъ. А нашъ дядюшка теперь то и дѣло увивается около золовки, а Осипъ какъ-будто и не видитъ ни-

чего. Вотъ какой у насъ народецъ. А какъ я рада, сестрица, что ты пріѣхала: все же хотъ поговорить есть съ кѣмъ.

Дарья Андреевна ничего не отвѣчала на это. Ей невыносимо тяжело сдѣлалось. Съ сестрою и она пошла домой. Тамъ уже собирались обѣдать. За обѣдомъ всѣ вели себя натянуто, больше молчали, плохо ѣли и смотрѣли въ свои тарелки. Послѣ обѣда, Андрей Ивановичъ пригласилъ Дарью Андреевну въ садъ. Дарья Андреевна рассказала ему подробно о монастырской жизни.

Потомъ, когда они пришли въ бесѣдку, отецъ, выпивая наливку, откровенно жаловался ей, что ему, послѣ ея отъѣзда, было очень тяжело, оттого, что у него на полѣ сгорѣло много сѣна, въ винѣ оказался недочетъ, такъ что ему нужно было издержать свои деньги; что дома у него дѣлается что-то нехорошее: никто его не слушаетъ; что дядя уже важничаетъ надъ нимъ. На службѣ его обижаютъ, и того гляди, что за старья дѣла снова отдадутъ подъ судъ. Говоря это, онъ часто плакалъ. Сердце защемило у Дарьи Андреевны, она взяла его за руку и проговорила со слезами:

— Папаша, милый мой! Я чувствовала, что вамъ нехорошо. Меня что-то тянуло сюда... Я думала, что займусь работою, и вотъ здѣсь въ первый же день мнѣ привелось многое испытать. Но я не хочу ничего говорить вамъ, что я видѣла и слышала.

— И не говори, не надо. Я знаю, что тебя обидѣла жена Осипа. Это эхидна!

— Я, папаша, останусь съ вами; я буду беречь васъ, ухаживать за вами.

— Спасибо, дочка. Только слушайся и уважай мачиху, и покуда я пью, ты, если что будетъ худо, иди къ протопопу Третьякову, онъ и тебя научить, и ее вразумить. А и вѣдь пью запоемъ — недѣлю, двѣ, а потомъ цѣлый мѣсяцъ настоящимъ человѣкомъ живу. Тогда я и самъ справлюсь.

— Я, папаша, буду жить въ дѣтской и займусь съ дѣтьми.

— Боже избави — чуть заболѣютъ, мачиха на тебя свалитъ. А я тебѣ сегодня же дамъ комнату рядомъ съ моимъ кабинетомъ.

— Это хорошо. Я тамъ буду заниматься шитьемъ... Я, папаша, буду стараться всѣмъ угождать, особенно мамашѣ.

— Спасибо. Ты одна у меня изъ всѣхъ хорошая дочь. И онъ крѣпко обнялъ ее.

Послѣ этого отецъ сталъ бредить и ничего уже не понималъ. Въ такомъ видѣ онъ пришелъ домой и сталъ надѣвать гостямъ, но скоро ушелъ спать. Вечеромъ Осипъ Андреичъ былъ любезенъ съ Дарьей Андреевной, а Марѣа Антоновна даже при-

глашала ее сыграть въ презерансѣ, но она отказалась. Миръ, повидимому, водворился.

Утромъ, на другой день, дяди и братъ съ женой и дѣтymi уѣхали въ свои резиденціи. Къ брату уѣхала и Марья Андреевна на недѣлю.

VIII.

По отъѣздѣ гостей, въ домѣ ни кучера, ни кухарки, ни мамы съ ребенкомъ не оказалось. Когда Дарья Андреевна обошла всѣ комнаты въ домѣ, то тамъ были только мачиха и отецъ да Владиміръ съ Евлампіей, но послѣдніе бѣжали по палисаднику; отецъ же заперся въ своемъ кабинетѣ. Дарья Андреевна обошла всѣ комнаты, но не зная, что дѣлаютъ отецъ и мачиха и куда исчезла прислуга, была въ большомъ затрудненіи. Уйти куда-нибудь нельзя, потому что залѣзутъ воры; сходила она въ палисадникъ, но братъ и сестра, игравшіе съ шестью ребятами отъ четырехъ до семи лѣтъ, начали говорить ей дерзости и дразнили тѣмъ, что она бѣглянка и что мамаша ее выгнала вчера изъ дому. Изъ разныхъ оконъ на нее съ любопытствомъ смотрѣли почти всѣ служащіе, и она мимоходомъ услышала нѣсколько неслестныхъ о себѣ отзывовъ. Сарай, каретникъ и погребъ заперты, хлѣвы отворены. Вездѣ разбросаны кадки, ушаты, лопаты и т. п. вещи. Она прибрала все это въ хлѣвъ; заперла парадную дверь, прибрала и вымыла посуду въ кухнѣ, прибрала и вымыла въ комнатахъ, такъ что пробилъ уже часъ, и служащіе изъ присутственныхъ мѣстъ стали расходиться. А прислуги все нѣтъ; не выходитъ изъ своихъ берлогъ ни отецъ, ни мачиха, нейдетъ мамка съ ребенкомъ, и у Дарьи Андреевны явилось подозрѣніе: не сдѣлали бы всѣ эти люди чего-нибудь худого и, главное, куда дѣвалась мамка съ ребенкомъ. Пришли братишка и сестренка и стали просить ѣсть. Дарья Андреевна тоже хотѣлось, но въ кухнѣ, кромѣ ржанаго хлѣба и выкипѣвшихъ въ печи щей да сильно зажаренной говядины съ изуглившимся каргофелемъ, ничего другаго не было; остатки же отъ вчерашнихъ кушаньевъ или были съѣдены, или спрятаны въ погребъ или въ чуланъ, отъ которыхъ она ключей не нашла нигдѣ. Она стала стучаться къ мачихѣ. Слышно, что въ спальнѣ кто-то что-то дѣлаетъ, слышится выдвиганіе комодовъ, но на ея зовъ никто не отвѣчаетъ. Она нѣсколько разъ повторила свое восклицаніе, но ни двери не отворили, и голоса ей не подали. Но когда завопилъ и сталъ ломиться въ дверь Владиміръ, тогда дверь отворили. Тамъ всѣ комоды и шкафы были отперты, на стульяхъ, столахъ и кроватяхъ лежали платья, юбки, бѣлье, на полу шкатулки, коробки. На окнѣ стояла бутылка съ наливкой, рюмка и тарелка съ закуской.

Что вамъ угодно? запальчиво спросила Марина Осиповна Дарью Андреевну.

— Мамаша, въ кухнѣ нѣтъ никого—ни дворника, ни кухарки. Володя и Евлаша кушать хотятъ.

— Могутъ подождать.

— Мамаша, и мамки нѣтъ съ ребенкомъ.

Лицо Марины Осиповны передернуло. Нѣсколько минутъ она машинально что-то перебирала въ шкатулкѣ.

— Отчего же вы, сударыня, не посмотрѣли, куда ушла мамка? проговорила, наконецъ, Марина Осиповна.

— Я не видала.

— Извольте разыскать ее, — и она захлопнула дверь, заперла ее на ключъ, оставивъ тамъ маленькихъ дѣтей.

Дарья Андреевна постояла нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, не зная, что дѣлать. Постучалась она къ отцу, но изъ кабинета не слышалось ни звука, ни стука, ни шороха. Поэтому она затруднялась, какъ ей сдѣлать лучше, чтобы уйти искать мамку. И тутъ ей пришла въ голову мысль, что прежде, до ея отъѣзда, отцу часто прислуживалъ сторожъ земскаго суда Николай, добрый старикъ, всѣми осмѣиваемый въ городѣ, но который очень былъ привязанъ къ Андрею Ивановичу.

Во дворѣ бѣгало нѣсколько куриць, больше десятка цыплятъ, два пѣтуха; было очень жарко. Надъ дворомъ, саженьхъ въ десяти отъ земли, кружился огромный, бураго цвѣта ястребъ, а посреди двора стоялъ, съ палкой въ рукѣ, лысый, горбатый старикъ въ одной рубахѣ и брюкахъ. Махая палкой, онъ старался отогнать ястреба, но тотъ нисколько его не боялся, а продолжая кружиться, спускался, какъ на зло, все ниже къ землѣ, часто садясь то на крышу заднихъ построекъ, то на крышу дома, то на какое-нибудь дерево.

— Николай! ты бы загналъ цыплятъ-то въ клѣвъ, а то онъ, пожалуй, словить.

— А, здравствуйте, барышня! Ужь вы загоните сами, а я буду его отгонять. Вчера изъ-подъ самого носу утащилъ большаго цыпленка. Ахъ, еслибы ружье! Гоните! Ахъ ты прорва!!

Сторожъ замахалъ опять. Дарья Андреевна стала загонять, курицы и цыплята гоготали и метались въ сторону, пѣтухи съ яростію смотрѣли на хищную птицу и топорщили перья, а ястребъ въ одинъ мигъ улетѣлъ въ огородъ и потомъ поднялся съ цыпленкомъ и, какъ побѣдитель, пролетѣлъ надъ головой сторожа и скрылся. Николай было-погнался за нимъ съ палкой, бросилъ ее, но не могъ попасть въ птицу, также, какъ не попалъ бы и въ маленькаго мышенка.

— Ахъ, будь ты проклятъ!.. Вотъ прорва-то... Вѣдь битый часъ отгонялъ!.. И что это за народецъ, ей-богу! Ну, отчего бы имъ не присмотрѣть.

— Кому смотрѣть-то?— всѣ ушли.

— Я видѣлъ давѣ: Трифонъ нарядился, какъ баринъ. Куда? говорю. Прощайте, говорите: гулять иду. Старушонка тоже ушла, и мамка тоже. Думаю, что же это опять такое? Али баринъ опять нездоровъ? А нынѣ, прости меня Господи, у васъ скверные порядки: самъ запилъ и сама пьетъ, да лежитъ вверхъ ногами, али поѣдетъ къ Зиновьеву и живетъ дня три. А домъ хоть унеси. Бѣда да и только. Она хоть бы людей-то постыдилась, что люди-то говорятъ... Вонъ теперь опять пожары... страсти! Неровенъ часъ. И за все я отвѣчай, потому я и судъ карауль, и домъ карауль.

Николай какъ привыкъ къ своему гнѣзду — сторожовскому мѣсту въ судѣ, что выходилъ изъ него на короткое время только на почту и въ другія присутственныя мѣста съ бумагами и въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ на рынокъ и въ новую слободку къ вдовѣ Болдыревой, но, впрочемъ, рѣдко, такъ-какъ г-жа Болдырева частенько навѣщала его сама. Онъ въ городѣ квартиры не имѣлъ и часто пользовался пищей изъ Яковлевской кухни за услуги и карауль дома, да и дѣти Яковлева давали ему чего-нибудь. Поэтому ему нанесли бы кровную обиду, еслибы отказали отъ суда, но онъ надѣялся въ этомъ случаѣ, что ему не откажетъ Андрей Ивановичъ отъ дому, въ которомъ онъ живетъ уже больше двадцати лѣтъ.

— Не знаю, Николай, гдѣ бы мнѣ розыскать мамку; мамаша приказала немедленно розыскать ее.

— Ваша мамаша дура и больше ничего: разѣ она или вы знаете, куда мамка уходитъ? Она баба деревенская — взяла да и ушла! Она здѣсь уже не первый годъ живетъ. У исправника жила, такъ за худое поведеніе прогнали. Она, видите ли, баба рабочая, прогнали ее — пошла на пристань работать. Ну, и тѣмъ скотамъ все равно. Трифонъ, извѣстное дѣло, живетъ долго; самъ его любитъ, да и сама старается поблажать ему... Поэтому онъ и не боится никого, Онъ навѣрное придетъ завтра и баринъ только побранить его. А вотъ кухарка-то ушла зачѣмъ? Да я бы ее, послѣ этого, и часу не держалъ.

— Неужели и раньше такъ было?

— О, о, барышня милая? Плохо зажилъ вашъ батюшка!... Жалко мнѣ его. А все это происходитъ, простите меня, отъ вашей мачихи. Прежде у васъ три коровы было, три лошади, а теперь только двѣ коровы, а лошадка одна, да и та осталась морная. Сколько я упрашивалъ Андрея Ивановича, плакалъ, да упрашивалъ, чтобы онъ не продавалъ гнѣдаго. Нельзя, говорить, старикъ. Нужны деньги.

— Однако, гдѣ же я найду мамку?

— Ужъ право не знаю... Эдакой страмъ! Это ее, должно быть, старушонка съ кучеромъ взмутили, потому у васъ вчера

ссора каѣя-то была. А эта баба глупая: что ей скажи—всему будетъ вѣрить. Я бы и самъ пошелъ розыскивать, да мнѣ нельзя оставить судъ. Развѣ къ Зеленихъ сходить: она можетъ видѣла, въ которую ваша мамка ушла сторону. А вы надолго сюда прѣехали?

— Не знаю. И Дарья Андреевна ушла къ Зеленихъ, той самой, что вчера рано утромъ разговаривала съ чиновникомъ.

Ребята ея бѣгали по двору, сама она крѣпко спала въ сѣняхъ, положивши голову на порогъ. Но она спала чутко. Когда Дарья Андреевна вошла въ сѣни, она проснулась и проговорила:

— Кой дьяволъ тутъ ходитъ! Ночь караулишь-караулишь, а гуть еще... Ахъ, это вы, барышня! Здравствуйте, милая! садитесь... Я-было легла, потому ночь-ту умаешься. А нельзя не караулить, потому нонѣ поджигаютъ...

— Вы не видали нашу мамку?

— Мамку?! А што?! Неужели сбѣжала?

— Она уже очень давно ушла изъ дому. Ушла гулять съ ребенкомъ, потому что погода хорошая, но не знаю, отчего ее такъ долго нѣтъ.

— Эдакая негодная женщина! И можно ли съ такимъ махонькимъ ребенкомъ гулять такъ долго? Нѣтъ, моя милочка, я не видала. Я недавно пришла съ пристани... Мнѣ што: видѣла, такъ бы сказала. Ну-съ, каково вы въ монастырѣ поживали? Не хотите ли браги? и Зелениха засуегилась.

— Нѣтъ, покорно благодарю. Я пойду поищу ее гдѣ-нибудь.

— Напрасно вы будете беспокоиться: она, живши у исправника, со многими нехорошими людьми познакомилась... А, впрочемъ, вы въ саду ее не искали? Вѣдь садъ-то у васъ большой.

— Сторожъ Николай говоритъ, что онъ ее видѣлъ, какъ она вышла изъ воротъ.

— А вонъ мой мужъ идетъ—онъ не видалъ ли.

Во дворъ вошелъ низенькій, тощій мужчина, съ длинными волосами и рибоватымъ лицомъ.

— Будь они прокляты всѣ эти кургузики: опять приказъ отдали, штобы у домовъ строить тротуары. А къ чему? Ну, кто ежели богатъ, тотъ и строй и ходи по нимъ. А намъ и по грязи ходить ладно. А! барышня! здорово живете. Долгонько же вы въ монашкахъ-то были.

— Я не была монашкой; я была только воспитанницей.

— Ну, все едино. Ну, жена, давай ѣсть. Въ этой проклятой думѣ только потѣли, а ничего не ѣли. Ужъ мы вашему господину Зиновьеву, за его поборы, учинимъ спасибо! будетъ онъ насъ помнить! Коли общества не послушается, мы и жаловаться не станемъ; знаемъ мы, каково жаловаться... Ужъ мы знаемъ, што дѣлать!

Жена ткнула его въ бокъ.

— Чего тычешься. Миѣ плевать на нихъ на всѣхъ! И не это скажу. Вы хошь передайте это, барышни, хошь нѣтъ, миѣ все равно. Насобиражь, мерзавецъ, деньги на гостиный дворъ, говорилъ: тогда и мѣщане будутъ торговать даромъ, а и теперь, по сю пору стоятъ прежніе магазины. Вотъ оно что-сь! И онъ ушелъ. Дарья Андреевна тоже ушла.

Она пошла къ мѣщанину Миرونу Миронычу Иванову, дочь котораго, Настю, она очень любила, но которая умерла.

Миронъ Миронычъ, сидя на кожаномъ стулѣ передъ лавкой, шилъ сапогъ, насвистывая и напѣвая, а сынъ его Василій сучилъ пряжу для дратвы. Василій былъ красивый мужчина, двадцати двухъ лѣтъ, слышій между городскими парнями за отчаяннаго бойца и за злаго врага всему чиновному міру. Миронъ Миронычъ былъ одинъ изъ тѣхъ мѣщанъ, которые могутъ заниматься нѣсколькими ремеслами для себя. Такъ онъ умѣлъ понемножку строить, понемногу шить, кое-какъ умѣлъ скласть печь по своей методѣ. Но главное его занятіе было шить сапоги, и онъ считался однимъ изъ первыхъ сапожниковъ въ городѣ, хотя вывѣски не имѣлъ. Вся его комната была загромождена колодками, корытами, въ которыхъ мочилась кожа; въ разныхъ мѣстахъ валялись калоши, передки, задки, уже никуда негодные; на простѣнкѣ, между двухъ оконъ, было навѣшано болѣе трехсотъ различныхъ бумажныхъ мѣрочъ. На другой стѣнѣ, выходящей ко двору, было налѣплено множество лубочныхъ картинъ духовнаго и свѣтскаго содержанія. Въ углу на маленькомъ шкапикѣ лежало нѣсколько книгъ.

Увидя входящую въ комнату Дарью Андреевну, Василій Миронычъ растерялся, но дратвы не выпустилъ и неловко отвѣсилъ ей поклонъ.

— Извините... Не видали ли вы, не проходила ли наша мамка съ ребенкомъ? спросила его дрожащимъ голосомъ Дарья Андреевна. Щеки ея покраснѣли.

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣтилъ Василій Миронычъ. Голосъ его былъ рѣзкій, грубый, басистый.

Отецъ обернулся.

— А! Прошу покорно садиться, сказалъ вставши Миронъ Миронычъ. — Старуха! эй, старуха! крикнулъ онъ.

— Благодарю, миѣ некогда. Я разыскиваю мамку.

— А! Да она недавно прошла мимо дому... Можетъ, кто изъ родни ее зазвалъ. Прошу садиться. Пивка не хотите ли?

— Нѣтъ. Прощайте.

— Ну, какъ хотите... Э-эхъ! Спѣсивы стали. Вотъ что значить, нѣтъ Настя-то. Здоровъ ли Андрей Иванычъ? Миѣ къ нему надо за должкомъ сходить: давненько ужъ долженъ.

— Онъ дома; теперь должно быть спать. И она вышла.

У крыльца ее остановилъ Василій Мироничъ.

— Дарья Андреевна!

— Что-съ? и она обернулась.

— Спѣсивы стали: и руки подать не хотите.

— Вы сами не подали.

— Нѣтъ, и онъ подаль ей руку, она свою.

— О, какъ больно. Пустите.

Онъ выпустилъ руку, и они разошлись.

Проводивши гостей, Андрей Ивановичъ допилъ оставшееся въ бутылкѣ вино и легъ спать, но ему не спалось. У него за все время гостей накопилось много бумагъ, на которыя нужно было отвѣчать, нужно было составлять какую-то вѣдомость, но на это онъ чувствовалъ себя неспособнымъ въ это время; кромѣ того, что отъ винныхъ паровъ онъ не могъ что нибудь сочинить съ толкомъ, онъ былъ разстроенъ еще семейными обстоятельствами; ему, почему-то, съ перепоею даже совѣстно было тещерь выйти изъ своего кабинета; онъ чувствовалъ, что онъ почему-то стыдится взглянуть въ глаза Дарьи, прислуги и въ особенности чужихъ людей. Семейныя дѣла его очень тревожили. „Какая перемѣна“, думалъ онъ: „день ото дня все становится хуже, а того, какъ я жилъ прежде, теперь и въ поминѣ нѣтъ. Я опустился до того, что меня никто не хочетъ слушать, я ничего не значу, со мною дѣлають что хотягъ. И отчего это произошло? Отчего прежде меня всѣ боялись?“ Заперевъ ключомъ кабинетъ (въ цѣномъ положеніи, ему представилось, что изъ кабинета могутъ украсть бумаги), Андрей Ивановичъ, незамѣтно ни для кого, ушелъ въ огородъ въ двери, сдѣланныя между погребомъ и каретникомъ — рядомъ съ хлѣвами. Посмотрѣвъ на парники, онъ пошелъ въ садъ и началъ бродить неровными шагами по тропинкамъ. „Это дерево срубить надо—старо, говорилъ онъ вслухъ.—А ты слушай и повинуйся!... Что за дьяволъ? Куда же онъ ушелъ?... Кто? Былъ кто-то!.. Отчего я не дерево?.. Я старъ... Умру... А тамъ?.. Тамъ тлѣнь и все! фи!.. воздухъ“ Онъ дунулъ на ладонь, посмотрѣлъ на нее и задумался. Полчаса онъ ходилъ молча, потомъ пошелъ къ пруду, наполни воды и началъ вполголоса: „Да, я старъ. Это мнѣ говорить и сынъ Осипъ, да я и самъ знаю. Мнѣ скоро выгонять, какъ гонять вонъ въ губернскомъ городѣ всѣхъ старыхъ служакъ. Порядки нынѣ завелись другіе; рѣчи пошли какія-то книжныя; говорятъ такія слова, что волосы становятся дыбомъ; молодежь если и ходитъ въ церковь, то такъ себѣ — даже образины не перекрестить, разговариваетъ, смѣется чуть не вслухъ. Даже нашъ исправникъ и казначей заговорили иначе, а исправникъ даже прислалъ какую-то газету съ картинка-

ми. Какъ тамъ нашего брата съ откупщиками критиковали — ужась! Вотъ и Осипъ издѣвается надо мною: напрасно, говоритъ, вы, папаша, книжекъ новыхъ не читаете; въ нихъ, говоритъ, много хорошаго пишутъ; пишутъ про все, а особенно о новизнѣ какой-то. Нынче, говоритъ, уже время другое: молодому, говоритъ, человѣку — только и житье; еслибы, говоритъ, не книги, то и крестьянъ не освободили бы. Ну, не сумасшедшій ли онъ? Но вотъ что мнѣ странно: что съ Дарьей сдѣлалось? Положимъ, въ монастырѣ ее обижали, трудно было ей тамъ; положимъ, и ея письма не доходили до меня; положимъ, она, какъ необязанная поступить въ монахини, — чего и я не хотѣлъ, могла уйти оттуда, но вотъ вопросъ: на какія деньги она прѣѣхала сюда? Она говоритъ, что ее снабдили пріятельницы какія-то, но съ какой стати, если онъ швец и живуть сами кое-какъ... Я, говоритъ, хочу сама работать! Вотъ что меня беспокоитъ. Откуда эта мысль у ней явилась? Вѣдь вотъ другія дочери никогда не имѣли такихъ мыслей. Ужъ не сумасшедшая ли она? Онъ немного помолчалъ. „Что, если она въ самомъ дѣлѣ уйдетъ въ губернскій городъ и поступитъ въ магазинъ? это срамъ на мою сѣдую голову, позоръ... А все оттого, что я ее лелѣялъ, не билъ и не притѣснялъ какъ другихъ дѣтей, я защищалъ передъ Мариной Осиповной, поблажалъ ея дерзостямъ, сквозь пальцы смотрѣлъ на ея затѣи, на чтеніе книгъ: она больше читала, чѣмъ помогала въ хозяйствѣ. Не будь ея, и Марина Осиповна была бы хорошая супруга, вѣдь водитъ съ Машей же у нихъ никакихъ неприятностей не происходитъ; а если и поругаетъ иногда она Машу, такъ та заслуживаетъ того... Однако что же это такое сдѣлалось и съ Мариной-то Осиповной? Не рехнулась ли она, моя голубушка? Нѣтъ, тутъ что-то другое; характеръ у ней огненный... Эдакое горе. А вѣдь какъ подумаешь — сначала-то она была ангелъ, вотъ оно что?! А! Я этому ангелу много довѣрялся, она и забрала меня въ руки и вертитъ мной какъ куклой... Какъ?“ И Андрей Ивановичъ вскопчилъ. „Докудова же все это будетъ? Али я не человѣкъ, али у меня нѣту ума? Я твой мужъ!!! Зачѣмъ ты шла за меня замужъ, зная, что у меня много дѣтей? Зачѣмъ шла за старика и обманывала меня въ первые годы жизни со мной? Я хозяинъ въ домѣ, а ты распоряжаешься какъ полновластная хозяйка, точно я слуга какойнибудь... Наконецъ, я отецъ своимъ дѣтямъ, и долженъ заботиться объ нихъ, а ты должна помогать мнѣ въ этомъ. Нѣтъ, я не дамъ въ обиду своихъ дѣтей! Я радъ прѣзду Даши, она меня понимаетъ, любитъ, она сумѣетъ поддержать меня. Она моя плоть и кровь! Если ты будешь еще командовать, я все отъ тебя отберу... я тебя прогоню!.. прогоню! прого-оню!!!“

Онъ остановился, ударилъ себя по головѣ, сѣлъ въ изнеможеніи на траву, закрылъ лицо руками и пробылъ въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ. „Господи! до чего я договорился.

Голова идетъ кругомъ... Да вѣдь если я отберу все отъ жены, что тогда будетъ? Нѣтъ, надо объясниться съ Маринной Осиповной и Дашей. Надо примирить ихъ. Надо имѣть контроль надъ ними, съ этихъ поръ я буду между ними посредникомъ, на то я и мужъ, и отецъ. Я люблю ихъ обѣихъ больше другихъ моихъ дѣтей.“ И онъ пошелъ въ домъ.

Николай сидѣлъ у крыльца своего суда и усердно занимался клееніемъ бумажнаго змѣйка. Около него вертѣлись Владиміръ и Евлампія. Увидѣвши Андрея Иваныча, сторожъ не всталъ, а сказалъ, улыбаясь:

— Покою не даютъ, Андрей Иванычъ: сдѣлай да сдѣлай змѣя... Нельзя. Надо побаловать.

Андрей Иванычъ остановился передъ сторожемъ, поглядѣлъ на него и, ничего не сказавъ, ушелъ.

Зашелъ въ кухню—нѣтъ никого, только черный котъ спитъ на столѣ; зашелъ въ дѣтскую—тоже. Воротился во дворъ.

— Николай! не видалъ ли ты прислуги и мамку съ ребенкомъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ты никогда ничего не видишь, скотина!

— Скотина—не скотина, какъ вамъ угодно, а только за всѣми не углядишь. Можетъ, и ушли куда: вѣдь я съ пакетами ходилъ, совралъ Николай.

— Всѣ ушли, папаша. И Дарья Андреевна ушла, сказалъ Владиміръ.

— Куда ушли? спросилъ грозно Андрей Иванычъ.

— Не знаю.

— Дарья Андреевна точно ушла; сказывала: пошла мамку разыскивать, сказалъ сторожъ.

И Андрей Иванычъ ушелъ въ домъ.

Въ это время пришла мамка съ спящимъ ребенкомъ.

— Шляются только! Вотъ изъ-за васъ сколько хлопотъ-то было. Баринъ уже тебѣ: ты еще не знаешь его, проговорилъ сердито Николай, а Владиміръ при этомъ высунулъ мамкѣ языкъ.

Андрей Иванычъ подошелъ прямо къ спальнѣ. Долго онъ стучалъ и кричалъ: „отопри!“ Наконецъ, ему отвѣтила Марина Осиповна.

— Что вамъ угодно?

— То и угодно, что я требую отпереть.

— А я прошу не беспокоить меня!

— Однако, послушай, жена: что это значить?

— А то и значить, что я хочу спать.

— А если я выломаю дверь?

— Можете разбойничать со своею возлюбленной дочерью сколько угодно.

Андрей Иваныч стоялъ удивленный. Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Ломать дверь нехорошо: кромѣ ругани путнаго ничего не выйдетъ. Ужь если она такъ отвѣчаетъ, то насиліемъ только раздражишь ее.

— Послушай, Марина, отопрешь ты, или нѣтъ? мужъ я тебѣ, или нѣтъ? Али я не хозяинъ въ своемъ домѣ?

Марипа Осиповна не отвѣчала.

— Послушай, однако: мнѣ съ тобой надо поговорить серьезно.

— Говорите съ своей возлюбленной Дарьей Андреевной.

— Прекрасно. А куда ушла мамка?

— Я отпустила.

— Прислуга гдѣ!

— Я отпустила.

— Не отопрешь?

— Нѣтъ.

— Хорошо.

И онъ ушелъ въ залу. Его ужасно взбѣсило поведеніе жены; онъ сжималъ кулаки. И прежде случались сцены съ женой, но до этого не доходило. Къ чести Андрея Иваныча надо сказать, что онъ кулаковъ никогда не употреблялъ въ дѣло съ женами; Марину Осиповну онъ ни разу еще не бивалъ, теперь же онъ не ручался за себя. Онъ долго обдумывалъ, какъ бы ему вызвать жену и уговорить какъ-нибудь. Онъ выжидалъ, не выйдетъ ли къ нему жена, какъ бывало раньше. Прежде, бывало, она покричитъ-покричитъ, уйдетъ, запрется, а черезъ нѣсколько минутъ придетъ въ ту комнату, гдѣ сидитъ онъ, и заговоритъ или о хозяйствѣ, или о чемъ-нибудь; тогда и ей можно дать нѣсколько вопросовъ, а за тѣмъ начать ее усовѣщивать; тогда она хотя и поплачетъ, и посѣтуетъ на свою несчастную участь, но ему уже не прекословитъ. А теперь она вотъ уже сколько времени не выходитъ. Онъ сѣлъ къ окну, сталъ глядѣть на площадь. Скучно. „Вотъ я и хозяинъ, а что толку, когда жена не уважаетъ меня, точно я у ней подъ башмакомъ. О! еслибы ты только пришла сюда! Узнала бы ты, кто я, мѣщанское ты отродье!...“ ворчалъ онъ со злостію.

Пришла Дарья Андреевна. Андрей Иванычъ сидѣлъ злой и глядѣлъ сурово, съ ожесточеніемъ вытягивая изъ длиннаго чешеневаго чубука дымъ.

— Кушали ли вы, папаша?

— Я ничего не хочу.

И онъ отвернулся.

— Но какъ же вы не ѣвши?

— Сказалъ, не хочу—и баста! крикнулъ онъ.

— Можетъ быть, чаю хотите!

— А ключи гдѣ?

— У мамыши.

— Какъ же ты поставишь самоваръ, когда ключей нѣтъ? Она ушла чортъ-знаетъ куда, совралъ отецъ.

Дарья Андреевна помолчала. Она не знала—правду говорить отецъ, или вретъ.

— Можно купить чаю и сахару, сказала она.

— Купить? Эдакъ твой братецъ Кузьма можетъ дѣлать, а не я: мнѣ не слѣдъ покупать по мелочамъ. Что городъ скажетъ!

— Но, папаша, дѣти ѣсть хотятъ. Молока даже нельзя достать.

Въ это время въ залу вошла Марина Осиповна.

— Нашли мамку съ ребенкомъ?

— Она уже пришла, отвѣчала Дарья Андреевна.

Андрей Ивановичъ и Марина Осиповна не смотрѣли другъ на друга. Андрей Ивановичъ, смотря въ окно, улыбался, а Марина Осиповна не подходила къ нему.

— Попросите Николая поставить, сказала она Дарьѣ Андреевнѣ, и съѣла черезъ три стула отъ Андрея Ивановича. Дарья Андреевна ушла.

Супруги нѣсколько минутъ молчали. Андрей Ивановичъ хмурился, глядѣлъ въ окно, откашливался. Онъ какъ будто хотѣлъ начинать говорить, но выжидалъ. Онъ прежде всегда начиналъ самъ: теперь ему хотѣлось, чтобы начала жена.

Марина Осиповна была женщина неуступчивая; ей уже не въ первый разъ приходилось играть мужемъ. Она встала и пошла.

Это до того взбѣсило Андрея Ивановича, что онъ вскочилъ, и, какъ тигръ, кинулся къ Маринѣ Осиповнѣ и крѣпко ударилъ ее чубукомъ по спинѣ.

Марина Осиповна взвизгнула. Андрей Ивановичъ сталъ ее бить и, шипя отъ злости, говорилъ:

— А!.. ты такъ!.. тебѣ меня не слушаться!.. тебѣ надобно командовать!..

Эти побои были такъ неожиданны, что Марина Осиповна сперва не понимала, что такое сдѣлалось съ ея кроткимъ супругомъ, но побои становились слишкомъ чувствительны, и она заплакала, говоря отъ злости и горя:

— Андрей Ивановичъ! что съ вами! Охъ!

— А! это вотъ за вы!..

И онъ ударилъ ее по щекѣ. Марина Осиповна съѣла на стулъ и завопила.

— Молчать!! Я здѣсь хозяйка! Я твой мужъ.

Запыхавшись, онъ сталъ ходить по комнатѣ и ругаться. Жена, наконецъ, оправилась, встала и ушла.

Съ четверть часа ходилъ въ волненіи Андрей Ивановичъ; сперва онъ злился, но потомъ затихъ, и ему сдѣлалось стыдно.

„Экъ до чего они довели меня! Господи!!.. Точно я какой нибудь отчаянный пьяница“.

И онъ остановился.

„Экая гадость! Надо бы сперва поговорить... Мерзко“.

— Господи, прости мое согрѣшеніе... проговорилъ онъ вслухъ, глядя на образа.

Пошелъ онъ къ женѣ, дверь въ спальню была отперта. Тамъ Марина Осиповна, стоя на колѣняхъ передъ кіотомъ, горько плакала, смотря на образъ Тихвинской Божіей Матери.

— Хоть бы о дѣтяхъ-то позаботилась. Нечего жалобиться, когда сама кругомъ виновата, проговорилъ онъ, стоя у двери въ спальню.

На душѣ у него было тяжело. Ему захотѣлось приласкать маленькихъ дѣтей, и приласкать такъ, какъ никогда. Ему стало стыдно, что онъ уже давно обращался съ Евлампіей и Владиміромъ какъ чужой, а младшаго ребенка со времени его рожденія и видѣлъ-то рѣдко, о здоровьѣ же и не знаетъ уже, когда справлялся. Онъ чувствовалъ, что теперь очень любитъ дѣтей. И пошелъ въ дѣтскую.

Ребенокъ-Анна былъ спеленанъ и лежалъ на рукахъ мамки. Остальные дѣти были во дворѣ.

— Гдѣ ты была? спросилъ вѣжливо Андрей Ивановичъ мамку.

— Меня барыня отпустила — я ходила къ родственницѣ, отвѣчала та рѣзко.

— А развѣ тебя наняли для того, чтобы ты по гостямъ шлялась, да еще съ ребенкомъ!.. Съ сегодняшняго дня, безъ моего спросу, не смѣй никуда ходить, кромѣ нашего сада. Слышишь?!

— Слышу!

И мамка улыбнулась.

— Я не шутиа говорю! крикнулъ онъ такъ, что ребенокъ заплакалъ.

Мамка сперва не давала, но Андрей Ивановичъ самъ взялъ его и сталъ укачивать; однако, ребенокъ плакалъ хуже, и онъ, положивъ его въ зыбку, самъ сталъ качать ее. Мамка, рѣдко видѣвшая барина въ дѣтской, улыбалась, думая, чтѣ это такое сдѣлалось съ баринномъ? Тѣмъ не менѣе, сколько Андрей Ивановичъ ни укачивалъ ребенка, тотъ не переставалъ плакать.

— Уйдите, баринъ! Ваше ли это дѣло! сказала мамка, и взялась за зыбку.

— Конечно, мое: я—отецъ. Вотъ я не доглядѣлъ, ты и убѣжала... Горе тебѣ будетъ, если что съ ребенкомъ сдѣлается.

Послѣ этого онъ распеку ея за безпорядокъ, прибралъ разбросанныя вещи и ушелъ во дворъ.

У крыльца чиновники курили папироски. Увидѣвъ Андрея Ивановича, они вѣжливо поклонились ему; одинъ изъ нихъ, по видимому, столоначальникъ, отпустилъ каламбуръ; подражая этому, съострилъ другой, остальные громко хохотали. Изъ одного окна высунулся плѣшивый засѣдатель.

— Здорово, Андрей Ивановичъ! Есть водка-то?

— Не привезли еще! отвѣтилъ Андрей Ивановичъ, слегка кивнувъ головой.

— То-го у тебя что-то не видать бутылей. Заходи ко мнѣ—въ картишки сыграемъ.

— Не охота.

— Нѣтъ, однако... А то мы сами нагроемъ.

Андрей Ивановичъ уже не слушалъ; онъ вошелъ въ палисадникъ и, сѣвши въ бесѣдку, задумался. Дѣти его играютъ съ тремя мѣщанскими мальчиками. Въ другое время онъ прогналъ бы мѣщанскихъ мальчиковъ. Тѣ его боялись, и, бывало, при видѣ его, убѣгали; но теперь они не убѣжали, и онъ на нихъ, по видимому, не обратилъ вниманія. Онъ сознавалъ теперь, и, кажется, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ имѣть дѣтей, что его дѣтямъ скучно; держать ихъ такъ, чтобы они не играли вовсе, нельзя—мѣшать будутъ, кричать и плакать; отпускать же ихъ къ дѣтямъ должностныхъ лицъ не съ кѣмъ и некуда. У Зиновьева маленькихъ дѣтей нѣтъ, у исправника—тоже, а хотя у казначея и есть дѣти, такъ его жена очень надменная, держитъ себя по ученому, и дѣти ея тоже ведутъ себя заносчиво; отпускать же ихъ къ мелкимъ чиновникамъ онъ находитъ теперь неудобнымъ; еще, пожалуй, чиновники будутъ просить его о должностяхъ.

— Володя, Евлаша! идите сюда, сказалъ отецъ.

Дѣти даже и не взглянули на него.

— Вамъ говорятъ? Пошли вы, мальчишки! Попили!

И онъ всталъ, взялъ палку.

Мѣщанскія дѣти убѣжали.

— Ну, что же вы? Кто я вамъ?

Дѣти робко подошли къ нему.

— Ну, садитесь на лавку, вотъ сюда, со мной рядомъ.

Дѣти выпучили на него глаза.

— Что жъ вы, очумѣли, что ли? Садитесь, говорятъ! Розги знаете?

Дѣти робко сѣли. Андрей Ивановичъ посадилъ къ себѣ на колѣни Владиміра. Тотъ дрожалъ. Андрей Ивановичъ сталъ гладить его по волосамъ.

— Пора ужъ тебѣ учиться, Володька!

— И я хочу учиться, сказала дѣвочка, кривляясь.

— Не съ тобой говорить! Хочешь, Володька, учиться?

— Зачѣмъ?

— Нужно. Чиновникомъ будешь. Вотъ куплю тебѣ азбуку и заставлю учить Дарью.

— Не хочу Дарью.

— Почему?

— Не люблю ее.

— А если я тебя за уши выдеру! Только смѣй еще мнѣ сказать это! Ты долженъ ее слушаться: она тебѣ старшая сестра. Ты любишь папу?

И онъ прижалъ мальчика.

Мальчикъ съ испугомъ посмотрѣлъ на отца.

— Что же ты молчишь? Любишь, спрашиваю?

— Папа, ѣсть хочу! сказала жалобно дѣвочка.

— Папаша, мы ничего не ѣли, сказалъ мальчикъ.

— Мать развѣ не кормила?

— Кормила... Папа! меня на колѣни!.. проговорила дѣвочка, и запищала.

— Не могу же я обоихъ держать.

— Папа, зачѣмъ мама Дарью била? спросилъ мальчикъ.

— Врешь! Она большая; ее никто не смѣетъ не только бить, но и ругать.

— Папа, а мы поѣдемъ къ дядѣ? спросила дѣвочка.

Дѣти стали надѣдаться своими вопросами; занять онъ ихъ не умѣлъ, и не зналъ, какъ бы еще приласкать ихъ; но его выручила Дарья Андреевна, крикнувшая изъ окна, что готовъ чай.

Въ столовую Андрей Ивановичъ пришелъ въ хорошемъ настроеніи; тамъ сидѣла мамка съ ребенкомъ и Дарья Андреевна, но Марины Осиповны не было. Андрей Ивановичъ пошелъ за ней. Она сидитъ у окна и вяжетъ чулокъ.

— Иди чай пить!

— Очень вамъ благодарна за побой.

И она хотѣла заплакать, но не могла.

— Послушай, Маня.

И онъ взялъ ее за руку и прослезился.

— Послушай, вѣдь я тебя люблю...

— Это видно: пьяница и драчунъ.

— А отъ кого я сдѣлался пьяницей? Припомни-ка, какой я былъ молодецъ десять лѣтъ тому назадъ, а теперь я что: я хотя и бодрюсь, а на душѣ у меня кошки скребутъ. Ты говоришь, что я тебя обижаю, а оказывается, что ты меня совсѣмъ прибрала къ рукамъ, дѣлаешь, что хочешь. Ты посмотрѣла

бы на домъ, на хозяйство—до чего оно доведено твоимъ управленіемъ? Вонъ въ уѣздномъ судѣ полы сгнили, а гдѣ деньги?

— На вино ушли.

— Врешь! Вина я не покупаю; на себя я почти ничего не трачу, кромѣ табаку. Теперь—какъ у насъ дѣти растутъ? даже твой и мой любимецъ, Володя, жаловался сегодня, что онъ не ѣлъ. Этого только сегодня, а что дѣлается въ другіе дни!.. Прислуга вся распушена.

— Придетъ.

— Кому же караулить? Ты даже вонъ и на кухню-то не спустилась. Ну, хорошо ду это? не правъ ли я?

Вы всегда правы. А вотъ я вамъ скажу, что я теперь отъ всего отказываюсь: ключи я отдала Дарьѣ Андреевнѣ; пусть она дѣлаетъ, какъ хочетъ.

— Ну, это не резонъ. Я хочу, чтобы ты была хозяйка, чтобы тебя всѣ слушались, но чтобы бездѣ былъ порядокъ, какъ бывало прежде. Ну пойдѣмъ же!

— Нѣтъ, оставьте меня. Я пойду къ отцу.

— Этого ты не сдѣлаешь. Я знаю твоего отца: онъ тебя не пуститъ къ себѣ. Ну, не сердись.

И онъ ее обнялъ; она его оттолкнула.

— Ну, какъ знаешь. Я велю принести тебѣ сюда чаю.

— Не нужно.

Онъ ушелъ и послалъ за ней Владиміра, но тотъ вернулся и сказалъ, что мамаша плачетъ. Чай пили всѣ молча, даже дѣти рѣзвились какъ-то вяло, будто чувствуя, что у родителей что-то не ладно. Но Марина Осиповна не выдержала, пришла. Дѣти оживились. Она занялась ими и, къ удивленію Андрея Ивановича и Дарьи Андреевны, спросила послѣднюю: „какой нынче вышиваютъ самый лучший узоръ?“

Завязался разговоръ, стали говорить о родныхъ; Марина Осиповна стала третировать жену Осипа Андреича. Однимъ словомъ, вечеръ кончился хотя и натянута, но благополучно, и послѣ чаю Марина Осиповна позвала Дарью Андреевну въ кухню приготовить какое нибудь кушанье, обѣщаясь отказать отъ мѣста и кухаркѣ, и дворнику, съ чѣмъ согласился и Андрей Ивановичъ.

IX.

На другой день Марина Осиповна уже сама распорядилась чаемъ. Повидимому, она была въ хорошемъ расположеніи духа, и съ Андреемъ Ивановичемъ разговаривала, какъ и всегда. Андрей Ивановичъ былъ веселъ; Дарья Андреевна чувствовала, что она

теперь у себя дома. Разговаривали большею частию о монастырѣ, вышиваньяхъ, кушаньяхъ и т. п. Время шло весело. Насчетъ письма не было сказано ни слова; зачѣмъ она пріѣхала сюда и что будетъ дѣлать—никто не заикнулся, какъ будто оно такъ и слѣдуетъ ей жить дома, подъ родительской кровлей; о вчерашней ссорѣ отца съ мачихой тоже не было помину, и о ней не зналъ никто. Но изъ обращенія мачихи съ отцомъ и обратно Дарья Андреевна замѣтила, что между ними что-то произошло. Оба они говорили другъ другу вѣжливо, во множественномъ числѣ; она была серьезна, онъ—робокъ. Эта перемена Дарью Андреевну удивила: прежде хотя и бывали ссоры между ними, но серьезенъ былъ отецъ, серьезенъ до грубости; тогда и Марина Осиповна потрухивала его и не смѣла ему говорить вы, а теперь онъ самъ робокъ, какъ будто боится, и говорить ей вы. Если же между ними завяжется спорный вопросъ, то отецъ не заключаетъ его словами: „я говорю, что такъ! я побольше твоего знаю!“. а уступаетъ: „ну, пусть по вашему, я спорить дольше не намѣренъ“. Съ ней, Дарьей Андреевной, она тоже вѣжлива, даже улыбается, и какъ-то хитро-лукаво глядитъ на нее; но, какъ мачиха, говоритъ ей ты.

— Я все, Маня, думаю о томъ, что-то о насъ подумываетъ Ипполитъ Аполлонычъ? началъ вдругъ Андрей Иванычъ послѣ чая, прохаживаясь по столовой.

— Чего ему думать? онъ у насъ прожилъ недѣлю, и, кажется, долженъ остаться доволенъ; кажется, мы его, какъ никто, накормили и ублажали.

— Это такъ. Но вотъ сцена... и такъ неожиданно... проговорилъ нерѣшительно Андрей Иванычъ.

— Ну, стойтъ объ этомъ говорить. Спасибо, что уѣхалъ: ишь, все ему подавай заграничныя вина, утокъ да индѣекъ, зайцевъ! Ужъ больно жирно... Я, говоритъ, держу лакея, и мнѣ, говоритъ, въ дорогѣ не совсѣмъ удобно безъ лакея.

— Это онъ, мамаша, вѣроятно, на Кузьму намекаетъ, сказала Дарья Андреевна.

— Какъ такъ? спросилъ Андрей Иванычъ.

— Кузьма сказывалъ, что когда Платоновы уѣзжали въ Петербургъ, то онъ жилъ у дяди за мѣсто лакея.

— Что жъ, Кузьма и мнѣ писалъ, что онъ жилъ у брата. А такъ какъ онъ пользовался квартирой и столомъ, то онъ долженъ же былъ ему что нибудь дѣлать. Родственнику не грѣхъ трубку табакомъ набить, сапоги вычистить.

— Положимъ; но зачѣмъ его, племянника, они кормили остатками въ кухнѣ?

— Ну, этого быть не можетъ!

— А я васъ увѣрю: брату не изъ чего врать.

— А ты видѣла? спросила Марина Осиповна.

— Не видала, но по себѣ сужу. Вѣроятно, потому, что я дѣвушка, поэтому они при гостяхъ часто сажали меня обѣдать за общій столъ, а безъ гостей мы только по праздникамъ вмѣстѣ обѣдали.

— Ну, конечно, братъ поздно приходитъ изъ палаты, а они не хотѣли морить тебя голодомъ. Все-таки я, несмотря на прежнія наши контры, считаю его добрымъ человѣкомъ. Еслибъ не онъ, то я бы, пожалуй, не скоро получилъ эту должность.

— Ну, ужъ, пожалуйста! Я терпѣть не могу, когда вы хвалите тѣхъ, кто не уважаетъ вашу жену, обзываетъ ее мѣщанкой.

— Развѣ не правда?

— Бываютъ мѣщане почище дворянъ. Вотъ онъ хвалится, что Кузьму опредѣлитъ прямо помощникомъ, а я думаю, что онъ и за опредѣленіе-то въ писцы сдеретъ съ насъ денежки.

— Не можетъ быть!

— Очень можетъ быть. И я готова повѣрить Дашѣ, что Кузьма точно жилъ у него, какъ лакей.

И Марина Осиповна встала.

Андрей Ивановичъ пожалъ плечами и ушелъ въ кабинетъ, а Дарья Андреевна стала думать: „что это такое сдѣлалось съ мачихой, что она взяла ея, Дарья Андреевны, сторону?“

Убрали посуду; мамка ушла въ садъ. Пришелъ Никандръ Ивановичъ Павловъ, расфранченный, такъ что его нельзя было бы узнать такимъ, какимъ его видѣли читатели два дня тому назадъ: на немъ былъ надѣтъ форменный новый сюртукъ, жилетка, застегнутая на три нижнія пуговицы, за одну изъ которыхъ прoderнута была бронзовая цѣпочка отъ часовъ; на груди была тонкая манишка, на шеѣ лиловый галстукъ. Его короткіе, рыжіе волосы и такіе же усы были такъ сильно намажены, что отъ нихъ далеко разило. Но въ лицѣ его было много отгалкивающегого.

Хотя ему и было двадцать восемь лѣтъ, но онъ казался далеко старѣе этихъ лѣтъ, можетъ быть потому, что лицо у него рябое. Каріе его глаза глядѣли какъ-то вяло; носъ широкій, красный, уши большіе, ротъ большой и когда онъ смѣялся, то ротъ растягивался еще на палець; лобъ узкій, почему можно было заключить, что въ немъ не очень много ума. Но при всемъ этомъ онъ старался держать себя развязно, только эта развязность была гостинодворская и казалась постороннему человѣку приторною.

— Имѣю честь засвидѣтельствовать свое низжайшее почтеніе! проговорилъ онъ канцелярскимъ акцентомъ, распаркиваясь направо и налѣво и краснѣя.

Марина Осиповна кивнула ему слегка головой и проговорила:

— Хорошъ, нечего сказать! Отчего вы не были на крестинахъ?

— Нездоровъ былъ-съ, нездоровъ. На рыболовствѣ простудился.

— Полноте врать: теперь весна, а вы простудились.

— Всяко бываетъ. Я на пятнадцатомъ году такъ простудился, что цѣлый мѣсяцъ отлежалъ. А гдѣ Марья Андревна?

— Уѣхала къ брату.

— На долго?

— Не знаю.

Пришелъ Андрей Ивановичъ, одѣтый въ форменный сюртукъ.

— А! будущій зятекъ! Нехорошо, нехорошо... Мы такъ прежде не дѣлывали, проговорилъ онъ: кутили? Ну, скажи по совѣсти.

Павлонъ покраснѣлъ.

— То-то вижу по глазамъ. Да не сеmeni! Я говорилъ о тебѣ брату, хотѣлъ похлопотать; только смотри у меня! Вѣдь Маша моя родная. Ты не пойдешь на службу?

— Не знаю... Теперь дѣлать нечего... А что?

— Пожалуйста, перепиши мнѣ вѣдомостичку. Родіонко хотя и пришелъ, только у него трясутся руки и я его заставилъ сочинить кое-какія бумаги.

И Андрей Ивановичъ ушелъ изъ дому, а женихъ пошелъ въ канцелярію Яковлева, находящуюся въ другомъ отдѣленіи верхняго этажа, гдѣ помѣщался архивъ уѣзднаго суда.

Къ обѣду комнаты приняла надлежащій видъ; на окнахъ, попрежнему, красовались бутылки съ наливкой. Марина Осиповна похаживала изъ комнаты въ комнату съ довольнымъ лицомъ, а Дарья Андреевна была въ дѣтской, гдѣ ребенокъ кричалъ благимъ матомъ.

— Должно быть, Анята нездорова, говорила она мамкѣ.

— А шутъ ее знаетъ! Отчего ей болѣтъ-то? говорила флегматически мамка.

Дарья Андреевна стала перебирать въ зыбкѣ бѣлье, которое было мокро. На днѣ ея она нашла рожокъ.

— Это для чего же рожокъ-то?

Мамка покраснѣла, но проговорила смѣло и самоувѣренно: а для забавы!

— Да развѣ ребенокъ шести недѣль понимаетъ что нибудь?

— А вы нѣшто рожали сами дѣтей! Что вы въ самомъ-то дѣлѣ пристали ко мнѣ! Что вы за распорядитель такой! уже начала кричать мамка.

— Что такое? спросила Марина Осиповна, войдя въ дѣтскую.

— Мамаша, я нашла въ зыбкѣ рожокъ и спросила ее, для

чего онъ; она говоритъ: для забавы ребенку... и она разсмѣялась.

— Ну, такъ что же? съ неудовольствіемъ спросила Марина Осиповна.

Этотъ вопросъ удивилъ Дарью Андреевну.

— Я думаю, что мамка кормитъ ребенка не грудью, а изъ рожка.

— Барыня!.. Что же это такое?.. Да я сейчасъ отойду отъ васъ... Для чего я мамка, чтобы не кормить ребенка грудью... Я не потерплю такой напраслины... проговорила слезливымъ голосомъ мамка.

— Не въ свое дѣло вы, милостивая государыня, вмѣшиваетесь. Нужно увидеть на дѣлѣ, а ужъ потомъ заводить дразги, сказала Марина Осиповна съ неудовольствіемъ Дарьѣ Андреевнѣ.

Дарья Андреевна не стала возражать и ушла въ огородъ, чувствуя, что ее какъ будто облило горячей водой.

„Въ самомъ дѣлѣ“, думала она: „къ чему мнѣ вмѣшиваться? Видно, что мачихѣ надоѣли дѣти; видно, что она эту дѣвочку не любитъ. Умереть Анюта, меньше будетъ обузы. Но зачѣмъ же она не говоритъ этого прямо?“

Въ огородъ вошелъ сторожъ Николай.

— Что это стряслось съ вашей мачихой: сколько времени она не бывала въ дѣтской и вдругъ теперь такой тамъ подняла гвалтъ—бѣда! Наши судейскіе всѣ на крыльцо выскочили. Кухарка выскочила, говоритъ, что барыня мамку по щекамъ бьетъ. Что это случилось съ ней?

— Не знаю.

— Хоть бы вы уняли ее, а то страмъ — кричитъ на весь домъ.

— Не мое дѣло.

Черезъ часъ Дарья Андреевна пошла домой. Писцовъ на крыльцѣ было человѣкъ пять; они хихикали, но крику не было слышно. Когда Дарья Андреевна пришла наверхъ, то Марина Осиповна подошла къ ней съ раскраснѣвшимся лицомъ, держа въ рукахъ ребенка.

— Твоя правда, Даша! Мамка оказалась такая воровка— не приведи Богъ: представъ—я нашла у ней два моихъ носовыхъ платка, пару чулокъ и восемь сигаръ...

— Гм...

— Я ее отправила съ дворникомъ въ полицію. Спасибо, что ты мнѣ сказала о рожкѣ, а то она заморила бы ребенка. Придется нанять другую мамку. Онѣ вышли въ спальную.

— Можно, я думаю, и изъ рожка кормить; вѣдь у нашихъ коровъ хорошее молоко.

— Но кто будетъ водиться: мнѣ некогда, да и не могу же я жить внизу. Ахъ бѣда!

— Я буду водиться.

— Ну, полно, Даша! Ты дѣвушка молодая, въ этомъ дѣлѣ неопытная. Что люди подумаютъ—когда ты станешь нянчить-ся съ ребенкомъ? Другое дѣло, еслибы ты сама имѣла своихъ дѣтей...

— Какой у васъ, мамаша, взглядъ на это странный. Въдь вы сами хорошо знаете, что какъ у мѣщанъ, такъ и чиновниковъ дѣвушки на возрастѣ постоянно водятся съ ребятами, особенно съ такими маленькими.

— Ну что-жъ это за люди? Да и опять... опять ты же... какъ тебѣ сказать, непривычна къ этому.

— А если мнѣ придется быть замужемъ? смѣясь сказала Дарья Андреевна. — Тогда у меня у самой могутъ быть дѣти, а я, никогда не водившись съ дѣтьми, и не съумѣю, какъ взыться.

Марина Осиповна ничего не сказала. Обѣ молчали нѣсколько минутъ.

— Вотъ что, Даша, я схожу въ новую слободку къ бабкѣ Корниловой; она мнѣ дастъ свою дочь—эта дѣвочка смиренная. А ты посмотри за ней.

— Зачѣмъ же вамъ ходить—я схожу: я Корнилову знаю.

— Нѣтъ, ужъ я сама. И она, положивши спящаго ребенка на кровать, стала одѣваться.

Къ вечеру пришла дѣвочка Настя, годовъ 13, рябоватая, робкая до того, что если ее спрашивали немного повышая голосъ, то она вздрагивала. Марина Осиповна предоставила ей ребенка, котораго она должна была кормить, пеленать и улюлюкивать. Въ провинціи, особенно въ Ильинскѣ, если находить, что для ребенка не стоитъ нанимать мамку или для этого нѣтъ средствъ, то нанимаютъ какую нибудь дѣвочку за рубль. Но такія дѣвочки только первые дни хорошо ухаживаютъ за ребятами, а потомъ возня съ ребенкомъ доводитъ ихъ до изнеможенія и ребенокъ надобѣдаетъ. Поэтому, хотя Марина Осиповна и наблюдала за дѣвочкой нянкой, но на четвергья сутки ребенокъ все-таки умеръ.

Мать, по обыкновенію, плакала; похороны были богатые, на нихъ была вся родня, и, по обыкновенію, обѣдъ.

Въ обращеніи Марины Осиповны съ Дарьей Андреевной ничего не замѣчалось худаго: все шло какъ слѣдуетъ. Жизнь въ домѣ тоже шла попрежнему: вставали рано и собирались въ залу, гдѣ Андрей Ивановичъ, какъ патріархъ семейства, читалъ молитвы, послѣ коихъ дѣти поздравляли родителей съ добрымъ утромъ, потомъ начинался день. Самъ Андрей Ивановичъ или

занимался со своимъ письмоводителемъ въ канцеляріи, или уходилъ покалякать въ казначейство или къ почтмейстеру; Марина Осиповна смотрѣла за огородомъ или что нибудь вышивала, а Дарья Андреевна учила Владиміра грамотѣ. Андрей Ивановичъ не пьянствовалъ, былъ веселъ, шутилъ; часто къ нимъ собирались гости, которые переливали изъ пустаго въ порожнее, играли въ карты по самой маленькой и потомъ въ концѣ-концовъ напивались до того, что уходили домой — пьяные. Такъ шло недѣли двѣ... Житье было, что называется, умирать не надо. Почти каждый день ходилъ Павловъ, но его невѣста и не думала прѣзжать. Но вотъ Марина Осиповна стала уходить изъ дому почти каждый день. Уйдетъ утромъ, когда съ дѣтьми, а когда и безъ дѣтей, и воротится къ вечеру навеселѣ. Самъ Андрей Ивановичъ не обращалъ на это вниманія, но Дарью Андреевну брало безпокойство. Наконецъ на пятны сутки она и ночевать не воротилась. Утромъ Андрей Ивановичъ послалъ дворника къ Зиновьеву справиться: что сдѣлалось съ женой, но тотъ пришелъ выпивши.

— Странно. Надо сходить туда.

Пришелъ онъ отъ Зиновьева блѣдный и, не раздѣваясь и не говоря ни слова, сталъ ходить по комнатамъ.

— Что съ вами, папаша? спросила съ безпокойствомъ Дарья Андреевна.

— Ничего... такъ... не твое дѣло.

— Мамаша здорова ли?

— Здорова.

— Что-жъ она неидетъ сюда?

— Придетъ завтра... Ха-ха-ха! Достань-ка бытылочку водки!

— Долно вамъ, папаша. Успокойтесь. Мамаша, можетъ быть, придетъ сегодня: вѣдь она хозяйка въ домѣ; вѣдь я здѣсь одна и безъ нея ничего не знаю.

— Хозяйка! Ха-ха! Хороша хозяйка, коли изъ дому бѣгаетъ. Принеси водки.

— Ключи у мамыши.

— А-а! И ключи унесла! И онъ пошелъ въ кухню.

Тамъ Трифонъ угощалъ своихъ друзей изъ новой слободки. На столѣ стоялъ шипящій самоваръ, чашки, графинъ съ водкой, тарелка съ огурцами; а на шести и треножникѣ стояла кострюлька, подъ которую былъ разведенъ огонь. Самъ Трифонъ суетился около печки, а гости, двое мѣщанъ — одинъ съ русыми длинными волосами и сѣрыми глазами, карявый, сидѣлъ въ ситцевой палеваго цвѣта рубахѣ у окна и пилъ чай, другой, съ черными стриженными подъ гребенку волосами, сидѣлъ въ рваномъ пальто на лавкѣ и своими манерами походилъ скорѣе на фабричнаго, чѣмъ на мѣщанина; онъ держалъ въ рукахъ огурецъ. Кухарка спала на лавкѣ, ближе къ двери.

— Ты говоришь: въ воду? спросилъ съ улыбкой гость, въ рубахѣ, гостя въ пальто.

— Конечно. Ночью поймать, заткнуть ротъ, привязать къ горлу веревку съ камнемъ и въ воду, прямо съ паровой пристани! говорилъ гость въ пальто.

— Ну, это, Степанъ Гаврилычъ, плохо. Это уголовщиной пахнетъ, замѣтилъ Трифонъ.

— Ты, пожалуйста, не защищай. Знаемъ мы васъ!

— Ты думаешь, что я живу у виннаго пристава, такъ я ужъ и бариномъ сталъ? Ошибаешься, другъ, обидѣлся Трифонъ.

— Это и видно—вонъ пузо-то какое! Это ужъ рѣшено—въ воду Зиновьева, и баста.

— Полно, другъ, языкъ мозолить! Право, еслибы кто теперь послушалъ тебя, то подумалъ бы, что ты сумасшедшій...

— Поди ты къ чорту! Развѣ мнѣ не обидно, что меня прогнали отъ рѣки и поселили вонъ на какомъ мѣстѣ? „Извольте, говорятъ, жить, вотъ вамъ по десятинѣ на душу даромъ, — трава, сѣно будетъ...“ А сами же своихъ коровъ на наши поля посылаютъ. Никогда мнѣ не забыть, какъ этотъ Оська обсчиталъ меня. Сколько, говоритъ, у тебя, Степа... слышь: Степа!.. сукинъ сынъ!! сколько, говоритъ, у тебя сѣна? Столько-то, говорю. Ну, говоритъ, у тебя одна корова, продай половину. Думаю, отчего не продать? А онъ и задатку далъ. Ну, ладно, привезъ ему. Подожди, говоритъ; деньги крупныя. Прихожу нынче. „Твое, говоритъ, сѣно гнилое,—возьми его назадъ; въ той, въ лѣвой, говоритъ, половинѣ сарая...

— Ты ужъ это въ который разъ рассказываешь? А ты чѣмъ языкомъ-то чесать, обратился бы къ Мирону Иванову; онъ мужикъ добрый, посоветовалъ Трифонъ.

— Къ дармоѣду-то? Околѣю — не пойду. Онъ нужды нѣтъ, что языкомъ чешетъ и богатыхъ людей ругаетъ, только это пыль одна; коснись до дѣла, онъ и спрячется. Развѣ онъ чувствуетъ мою нужду? Онъ сытъ. Мы вотъ когда ѣдимъ мясо-то? а онъ въ субботу покупаетъ его фунтовъ по пятнадцати—значить, у него щи каждый день. Нѣтъ, онъ мерзавецъ. Это все равно, что обращаться къ твоему барину.

— Мой баринъ славный человѣкъ, только вотъ съ женой у нихъ неладно что-то.

— Туда и дорога!

— А что? спросилъ гость въ рубашкѣ.

Въ кухню вошелъ Андрей Ивановичъ. Гости привстали, а Трифонъ попрежнему возился около печи и мѣшалъ деревянной ложкой въ кострюлкѣ.

— А, Сильяновъ? Ну, что, какъ твой покосъ?

— Что покосъ—оттягали. Знамо, зажиточному человѣку больше надо. А тутъ вотъ и хлѣба-то купить не на что.

— Что я говорить! Нынче все дороже стало. Да вы сядьте. Андрей Иванович сѣлъ и закурилъ трубку. — Вотъ нынче и мясо и хлѣбъ и крупа — все подорожало.

— А отчего? Кабы господя дворяна не давали потачки барышнякамъ — все бы по старому было. Знамо — сытый голоднаго не разумеетъ.

— Ну, ты все объ дороговизнѣ, будто ужъ тебѣ и совсѣмъ нечего жрать: вѣдь твоя-то Афимья, поди, отъ молока гривень пить въ сутки-то выручить, проговорилъ Трифонъ.

— Нечего на жену указывать: у жены дѣти. Да вотъ теперь и долженъ даже сѣно покупать. Вотъ они какія дѣла-то!

— Да, годъ отъ году все хуже... А ты, Трифонъ, запряпко лошадь, сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Куда это опять ночью? сказалъ Трифонъ съ неудовольствиемъ.

— Хочу въ Никольское съѣздить.

Трифонъ посмотрѣлъ на Андрея Ивановича подозрительно.

— Охота вамъ — за семь верстъ киселя ѣсть.

— Все равно, оно, положимъ, десять верстъ, все-таки я хочу съѣздить: голова что-то болить.

— Мнѣ все едино... Лошадь не моя; заморили ужъ и такъ. Только вотъ мы поужинаемъ. Не хотите ли, баринъ, попробовать водки — въ подвалѣ бралъ: такая скверная.

— Скверная? А ты бы мнѣ сказалъ, — я бы тебѣ выдалъ... Въ самомъ дѣлѣ, я давно не пробовалъ водки изъ городскыхъ кабаковъ. Онъ налилъ въ рюмку, выпилъ, — водка оказалась настоящая, хорошая.

— Нѣтъ, водка ничего: все равно какъ у меня... Такъ ты пожалуйста поскорѣ запрягай. И онъ вышелъ. Поднимаясь вверх, онъ ворчалъ:

— Каналья! укралъ у меня, да и говорить, что купилъ. А развяжусь же я съ нимъ — вотъ только продамъ лошадь. Ужъ я ли не запанибрата съ нимъ, а онъ меня обворовываетъ и женѣ моей помогаетъ...

Какъ только вышелъ изъ кухни Андрей Ивановичъ, Трифонъ долго хохоталъ.

— Каково я его проведъ!.. Мнѣ стоитъ только въ погребъ сходить, — тамъ водки и винъ всякихъ цей не хочу. У меня даже и ключъ есть поддѣльный. А теперь стоитъ только слово сказать: отпустите водки — сейчасъ ерлыкъ дастъ.

— Куда это онъ хочетъ ѣхать?

— Ну, ужъ это секретъ. И Трифонъ задумчиво сталъ смотрѣть въ печь.

Скоро послѣ этого проснулась кухарка и въ кухню начался ужинъ, а въ десять часовъ Андрей Ивановичъ, къ удивленію

Дарья Андреевны, уѣхалъ на линейкѣ изъ дому. Дарья Андреевнѣ, на ея разпросы: куда онъ ѣдетъ, онъ сказалъ только: по дѣламъ.

Раньше было замѣчено, что Марина Осиповна была женщина капризная, самолюбивая и гордая тѣмъ, что отецъ у нея человекъ богатый, что она не любила дѣтей Андрея Ивановича, въ особенности Дарью Андреевну. Къ этому нужно еще прибавить то, что Марина Осиповна была женщина хитрая. Воспитанная помѣщански, всегда сытая, одѣтая, выросшая въ нѣгѣ, такъ что Осипъ Флорычъ никогда даже не дотрогивался до нея пальцемъ, изъ-за нея онъ часто прогонялъ безъ разбору прикащиковъ и исполнялъ малѣйшіе ея капризы, — она думала, что жизнь ея въ замужествѣ будетъ хорошая, что въ ней она не встрѣтитъ ни сучка, ни задоренки. Когда она была еще невестой—дѣвницей, слывшей въ купеческомъ кругу за красавицу, за умную и бойкую, многіе подсылали къ ея родителямъ свахъ, но всѣ эти женихи, хотя и были молоды и красивы, оставались, что называется, съ носомъ, потому что въ каждомъ она находила какойнибудь недостатокъ, каждаго она третировала по своему, каждый былъ почемунибудь да противенъ ей. Она знала, какова мѣщанская и купеческая жизнь, въ которой мужъ бываетъ ангеломъ только первый мѣсяцъ, а потомъ дѣлается хуже чорта. Сватались за нее и чиновники, но тутъ уже возставалъ отецъ, потому что чиновники-то сватались ради денегъ, которыя прокутить очень немудрено и въ одинъ годъ, да и сама Марина Осиповна презирала мелкихъ чиновниковъ. Ей хотѣлось человекъ значительнаго, богатаго, кроткаго, чтобы быть полновластною госпожею въ домѣ. И вотъ выборъ ея палъ на Андрея Ивановича. Онъ слылъ за богача, человекъ въ высшей степени кроткаго, богомольнаго, такого человекъ, котораго не только всѣ въ городѣ уважали, но даже боялись. Такого дѣльца не было ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ Ильинска. Правда онъ былъ уже не молодъ, и хотя одѣвался всегда хорошо—все-таки не могъ вскружить голову гордой дѣвушки, но она его не отталкивала, а на его любезности отвѣчала шутками или бокетствомъ, и этимъ болѣе и болѣе разслабляла страстную натуру Андрея Ивановича. Онъ влюбился въ нее до безумія еще за годъ до смерти жены, такъ что рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы онъ не навѣщалъ семейство Зиновьева, не обращая вниманія на городскія сплетни, косые взгляды родныхъ и увеличивающуюся съ каждымъ днемъ грусть и чихотку его жены. Со стороны говорили, что хитрая Маринка непременно дала ему выпить какойнибудь травы; но Маринка Осиповна, слушая эти толки, только улыбалась, ей было все равно, что бы ни говорили люди; она не чувствовала любви

къ страстному стряпчему, но ей хотѣлось быть его женой для того, чтобы быть чиновницей: вѣдь она понимала, что изъ стряпчаго очень легко можно сдѣлаться засѣдателемъ, судьей или кѣмъ нибудь въ губернскомъ городѣ. Дѣти ее не пугали: она еще до замужества придумала средства взять ихъ въ руки. И вотъ она вышла замужъ за стряпчаго. Стряпчій оказался не такъ-то простоватъ, какимъ онъ казался до этихъ поръ. Правда, онъ былъ уступчивъ и съ этой стороны она забрала его въ руки, но онъ любилъ во всемъ порядокъ, исправность и справедливость. Ужь если онъ сказалъ, чтобы всѣ вставали въ въ одно время, пили чай въ такомъ-то часу, обѣдали ровно въ часъ — то такъ и должно быть; если онъ ляжетъ спать послѣ обѣда, то тутъ хоть самъ ангелъ приди — не смѣтъ тревожить его. Такой настойчивости не ожидала Марина Осиповна въ Андрей Ивановичъ и переломить ее не могла нѣсколько лѣтъ и часто плакала, упрекая себя въ томъ, что вышла за такого варвара, который не во всемъ ее слушается. За то весь деспотизмъ она обратила на дѣтей Андрея Ивановича и довела его до того, что они слушались ее во всемъ и дѣлали все, какъ ей хотѣлось.. Но не всѣ дѣти Андрея Ивановича подчинились ей деспотизму: Дарья Андреевна не хотѣла слушаться, и въ теченіе года она замѣтила, что сторону этой дѣвочки держитъ самъ Андрей Ивановичъ, который любить ее несравненно больше ея, Марины Осиповны. Она крѣпко невзлюбила Дарью Андреевну; но такъ-какъ она была женщина довольно религіозная, прочитавшая много книгъ духовнаго содержанія, то рѣшилась покориться участи замужней женщины до конца. Она вела себя такъ, что въ домѣ все было хорошо: Андрей Ивановичъ ее любилъ и, какъ говорится, души въ ней не чаялъ, дѣти, кромѣ Дарьи Андреевны, были привязаны къ ней, потому что она ихъ не обижала; со стороны казалось, что такой согласной жизни трудно и сыскать. Но вотъ Андрея Ивановича смѣстили съ должности, сталъ онъ продовать лишніе экипажи и лошадей; такой роскоши, какая была прежде, уже не стало; онъ сдѣлался неразговорчивъ, угрюмъ, малѣйшая непріятность беспокоила его, сталъ онъ пить. Тогда Марина Осиповна окончательно забрала его въ руки, и забрала для того, чтобы на случай его смерти обезпечить себя, и поставила-таки на своемъ—стурила своего непримиримаго врага въ монастырь. Этотъ годъ она блаженствовала: все дѣлалось по ея волѣ; въ одномъ только она не препятствовала своему мужу—это пить водку.

Какова же, стало быть, ея досада, когда ея врагъ — Дарья Андреевна, безъ позволенія даже отца, вернулась изъ монастыря домой; мало этого, она затѣяла ссору въ домѣ, изъ-за нея она, Марина Осиповна, просила прошенія у Ипполита Аполлоновича, изъ-за нея, ее, Марину Осиповну, Андрей Ивановичъ прибилъ чубукомъ!.. Боже мой! Да можетъ ли она послѣ этого жить

подъ одной крышей съ этимъ врагомъ? Она даже спать не можетъ въ домѣ Андрея Ивановича. Только что она начнетъ засыпать, то ей представляется это ненавистное лицо, ей слышится какой-то шорохъ. Все пропало! — власть надъ семействомъ, верхъ надъ мужемъ; съ прїездомъ падчерицы она въ домѣ стала чужая; мужъ предпочитаетъ ей дочь, которая распоряжается и за самоваромъ, и въ кухнѣ, и въ погребу, и въ огородѣ, и въ дѣтской, и даже учить ее милого сына грамотъ, она, эта богоотступница, именно богоотступница, потому что, какъ она живетъ, въ оба воскресенья не бывала въ церкви, да и дома за общими молитвами едва-едва перекрестится раза два. Къ концу этихъ двухъ недѣль Марина Осиповна сдѣлалась до того подозрительна и жизнь ея въ домѣ Андрея Ивановича до того стала невыносимою, что она рѣшилась уйти изъ дому: не для того, чтобы окончательно разойтись съ Андреемъ Ивановичемъ—нѣтъ, она этой мысли не могла допустить, — а для того, чтобы выжить изъ дому Дарью Андреевну. И она ушла, подъ видомъ ухаживанья за заболѣвшимъ отцомъ, въ родительскій домъ.

Въ самомъ же дѣлѣ, когда Андрей Ивановичъ пришелъ къ Зиновьеву, Зиновьевъ собирался ѣхать къ дочери—женѣ священника въ село Никольское, куда собиралась и Марина Осиповна съ дѣтьми.

— Что же это такое, Марина Осиповна, ты ушла изъ дома и нейдешь? началъ Андрей Ивановичъ по приходѣ къ Зиновьеву.

— Что же тамъ мнѣ дѣлать? Вѣдь у васъ есть Дарья Андреевна, отвѣтила Марина Осиповна обиженнымъ голосомъ.

— А ты бы ее, Андрюха, къ стѣнѣ привязалъ, чтобы не бѣгала, сказалъ смѣясь Осипъ Флорычъ.

— Я за тобой пришелъ, пойдешь.

— Очень вамъ благодарна. Я ѣду къ сестрѣ и пробуду тамъ съ недѣлю.

— Плохой-же, братъ, ты мужъ. Поколотилъ бы хорошенько чубукомъ, не смѣла бы ѣхать, проговорилъ опять со смѣхомъ Зиновьевъ.

— Да ужъ и такъ бита-сь, сказала съ сарказмомъ Марина Осиповна.

— Э-э!... Поздравлю, зятекъ — не ожидалъ, сказалъ Зиновьевъ такъ, что у Андрея Ивановича по кожѣ точно мурашки забѣгали.

Въ село онъ не поѣхалъ, а поѣхалъ къ исправнику, въ окнахъ котораго увидалъ большое освѣщеніе. Тамъ была вся городская аристократія, играли въ карты. Андрей Ивановичъ тоже сѣлъ играть; ему не везло. Домой онъ прїѣхалъ уже въ третьемъ часу утра.

Между тѣмъ Дарья Андреевна, узнавши отъ вернушагося

Трифона, гдѣ отецъ, долго спдѣла въ своей комнатѣ за работой, поджидая отца. Ей было скучно, грустно и страшно; комната много, а она одна въ нихъ; чуть гдѣ нибудь тараканы зашевелиятъ бумагой, ей кажется, что идутъ воры: мышь заскребется подъ комодомъ—кажется, кто въ окно лѣзетъ.

„Да, думала она, теперь я все поняла: мамиха бѣгаетъ отъ меня. Надо мнѣ уйдти отсюда. Надо убѣдить отца, чтобы онъ отпустилъ меня на всѣ четыре стороны.“

Пришелъ отецъ, но онъ, что называется, и лыка не вязалъ, а какъ только вошелъ въ свой кабинетъ, грохнулся на диванъ въ виць-мундирѣ, такъ и заснулъ. Много было ей возни, чтобы снять съ него его облаченіе и уложить какъ слѣдуетъ.

Утромъ за чаемъ Андрей Ивановичъ былъ сумраченъ. И бѣгство жены, и проигрышъ въ карты, и хмѣль въ головѣ—все мучило его.

— Папаша, отпустите меня... начала робко Дарья Андреевна.

— Куда?

— Да хоть въ Егорьевскъ.

— Зачѣмъ? Опять старыя сказки! О, будьте вы... Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Папаша, я понимаю, что мамаша потому нейдетъ домой, что я здѣсь. Известно, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются, такъ и наше дѣло. Я не считаю себя медвѣдемъ, но вѣрно мамашѣ угодно меня считать имъ.

Отецъ молчалъ.

— Мамаша, вы знаете, меня не любить...

— Сама виновата!... И отчего это она только тебя одну не любитъ? А оттого, что ты слишкомъ заносчива, самоувѣренна, фанаберія разной гдѣ-то набралась, непочтительна къ старшимъ... Иди! ну иди!! Хоть къ чорту!... А я тебѣ благословія не дамъ... Гинь какъ червь, я тебѣ не дамъ помощи.

— Папаша, я для вашего же спокойствія прошу отпустить меня, проговорила Дарья Андреевна со слезами.

— Что мнѣ спокойствіе, когда я уже, можетъ быть, одной ногой въ гробу стою! Вамъ вѣдь не жалко отца.—Онъ сълъ въ изнеможеніи на стулъ.

Съ полчаса длилось молчаніе, прерываемое плачемъ Дарьи Андреевны.

— Хорошо, я тебя, Дарья, отпущу къ отцу Сергію. Какъ только жена пріѣдетъ изъ Никольскаго, ты и ступай къ нему; вмѣстѣ пойдемъ. А до тѣхъ поръ ты нужна въ домѣ. Она черезъ недѣлю хотѣла вернуться. Согласна?

— Согласна.

Андрей Ивановичъ ушелъ.

X.

Прошла недѣля, Марина Осиповна не возвращалась. Пришелъ Зиновьевъ и сказалъ, что она уѣхала къ Осипу Андреевичу. Прошла другая недѣля, — не ѣдетъ. Андрей Ивановичъ сперва сердился, но потомъ, какъ будто, сталъ позабывать о существованіи жены; только о дѣтяхъ вспоминалъ часто. Онъ сдѣлался бодрѣе и веселѣе, хотя отсутствіе дѣтей и хозяйки дома часто заставляло его задумываться. До обѣда онъ занимался въ своей канцеляріи съ Родіономъ, который тоже былъ трезвый, а послѣ обѣденнаго сна или ухаживалъ за цвѣтами, за фруктовыми деревьями, прочищалъ въ саду дорожки, или у него собирались гости. Хотя онъ гостей и не очень жаловалъ, потому что, во первыхъ, лишнихъ денегъ на игру въ карты у него не было, во вторыхъ своими сплетнями они нагоняли на него тоску и злость, и въ третьихъ, онъ выпивалъ лишнее, такъ что утромъ приходилось ему опохмѣляться, послѣ чего онъ уже не могъ заниматься письменной работой; но отказать гостямъ не было рѣшительно никакой возможности. Они лѣзли сами, потому что имъ дома скучно; искъ ребятъ надобдаеть хуже горькой рѣпки, съ жонами сидѣть тошно: отъ нихъ кромѣ неудовольствій и жалобъ на недостатки, да брани за трату денегъ на карточную игру, ничего хорошаго не слышишь; говорить съ ними не о чемъ, и будь хоть какой рѣчистый человекъ, такъ слова будутъ раздаваться понапрасну. Сверхъ того, пить дома водку не стоитъ — дѣти не датуть спать и убыточно; у винаго же пристава водки много, закуска хорошая, хозяйка — Дарья Андреевна, любезная, красная и разговорчивая; да и играетъ-то Андрей Ивановичъ плохо и выиграть съ него не грѣхъ: „у него отъ стряпческой должности, поди, сундуки лемятся отъ денегъ“. На этихъ-то основаніяхъ, благодаря отсутствію Марины Осиповны, гости стали навѣщать Андрея Ивановича чуть-ли не каждый день, такъ что зала освѣщалась вплоть до полнаго разсвѣта, и въ городѣ стали говорить, что Яковлевскій домъ превратился въ игорный.

Постоянными гостями Андрея Ивановича, за исключеніемъ жениха Марьи Андреевны, который посѣщалъ Яковлевыхъ каждый день, были исправникъ, судья, казначей, застѣатели Трынкинъ и Яновскій и почмейстеръ Срѣзневъ. Всѣ эти господа, казалось, жили между собой дружно, и если, напримѣръ, назначень былъ вечеръ у почмейстера, то вся компанія собиралась къ почмейстеру и т. д. Нерѣдко они и ругались за картами, но на другой день здоровались дружески, какъ ни въ чемъ не бывало. Изъ нихъ Трынкинъ и Яновскій были холосты и считались въ городѣ видными женихами, но всѣ послѣдняго предпочитали первому. Трынкинъ былъ низенькій, через-

чуръ толстый мужчина съ большою головою, съ рѣдкими сѣдыми волосами, которые хотя онъ и натиралъ фиксатуаромъ, но онп, къ досадѣ его, никакъ не могли почернѣть, а казались желтыми. Въ судѣ говорили, что онъ глупъ, самъ же онъ считалъ себя красавцемъ, носилъ бѣлый глухой жилетъ и вицмундиръ съ свѣтлыми пуговицами. Яновскій былъ молодъ, красивъ, любезенъ и могъ занять какую угодно барышню. Онъ очень хорошо понималъ, что почти вся аристократія Ильинска образована плохо, что съ нямъ спорить никто не можетъ, потому и говорилъ, — говорилъ, самъ не понимая, что говорилъ, и торжествовалъ, потому-что его слушатели и слушательницы или сидѣли молча съ разинутыми ртами, похлоывая глазами, или до колѣкъ въ животахъ хохотали надъ его передразниваніями. Что касается до его служебной дѣятельности, то онъ, хотя и кончилъ курсъ въ гимназій, въ судѣ бывалъ только для того, чтобы провести время за подписываніемъ бумагъ и разговорами о прошедшемъ днѣ и предстоящей карточной игрѣ. Онъ одѣвался по модѣ, ходилъ съ тросточкой, отъ него постоянно пахло одеколономъ. Андрей Ивановичъ считалъ его вертопрахомъ, т. е. пустымъ человѣкомъ, но не сердился на его попойшенія, потому что Яновскій, любезничалъ съ Дарьей Андреевной и онъ непрочъ былъ выдать ее за него, тѣмъ болѣе, что родители Яновскаго были люди богатые, имѣли связи въ губернскомъ городѣ и Яновскій, стало быть, могъ современемъ далеко пойти. Но душою всего общества былъ почмейстеръ Назаръ Алексѣевичъ Срѣзневъ. Онъ былъ 28 лѣтъ, высокъ, худошавъ, чахоточный, но мастеръ подлаживаться къ какому угодно человѣку, такъ что его любили и крестьяне, и мѣщане, и чиновники. Онъ былъ вдовъ, но у него было уже пятеро дѣтей; жениться онъ не хотѣлъ, потому что ждалъ смерти и все свободное время проводилъ за картами. Одно что не нравилось въ немъ кампаніи, это скупость его: позоветъ гостей, усядутся за карты, а водки нѣтъ. Потребуютъ водки; поставятъ графинъ, принесутъ ржаного хлѣба, рѣдки и огурцовъ — вотъ и закуска.

— Ну, это, братъ, свинство, говорятъ ему гости.

— Что дѣлать, господа! Я хоть и въ Петербургѣ выросъ, а теперь ѣмъ горошницу да рѣдку. Сами посудите, какое мое жалованье; вѣдь у меня пятеро птенцовъ.

— А доходъ? Съ крестьянъ развѣ мало берешь?

— Что съ нихъ, подлецовъ, возьмешь нонче. Иной нищій лучше ихняго живетъ.

— Оно пожалуй...

И гости замолчатъ. За то въ гостяхъ Срѣзневъ не церемонится, и если мало пьетъ водки, то явствія истребляетъ немовѣрно.

Никандръ Иванычъ Павловъ въ эту компанію не мѣшался, да его и не приняли бы. Онъ былъ всего на все только помощникъ бухгалтера, имѣлъ только первый чинъ, не умѣлъ связно сказать нѣсколько словъ, былъ сынъ промотавшагося купца, отъ котораго матери его, слѣпой старухѣ, достался вѣтхій домишко; хотя же онъ и получалъ съ доходами рублей восемнадцать въ мѣсяць, но вслѣдствіе пьянства съ товарищами и разгульной жизни, ему приходилось ѣсть мясо только по воскреснымъ днямъ, въ остальные же дни онъ набивалъ животъ чѣмъ попало—и похлебкой съ картофелемъ, и щами изъ кислой капусты, и преимущественно киселями гороховымъ и калиновымъ. Сдѣлавшись женихомъ Марьи Андреевны, онъ ходилъ къ Андрею Иванычу каждый день, потому что у того былъ сытный обѣдъ и хорошая наливка. Но Дарья Андреевна, дней черезъ пять по отѣздѣ мачихи, стала замѣчать, что Никандръ Иванычъ выходитъ изъ-за стола только навеселѣ, а уходитъ домой совсѣмъ пьяный. Стала она наблюдать за нимъ, и однажды увидала слѣдующее: сидѣлъ Никандръ Иванычъ въ залѣ на стулѣ, около окна, на которомъ стояли двѣ бутылки, и вдругъ всталъ, поглядѣлъ кругомъ себя, взялъ бутылъ, выпилъ изъ горлышка, поставилъ на мѣсто и опять сѣлъ.

По уходѣ его, она унесла бутылки въ другую комнату. Когда отецъ хватился бутылей, то она сказала ему, улыбаясь:

— Водка усыхаетъ, папаша. Я унесла въ свою комнату.

— Какъ усыхаетъ?

— Неудобно-ли посмотрѣть.

Посмотрѣлъ отецъ на бутылки, покачалъ головой и проговорилъ съ улыбкой:

— Хитеръ подлець этотъ Никашка—изо всѣхъ понемножку полакалъ. То-то я все удивляюсь за обѣдомъ: что это, молъ, съ нимъ сдѣлалось, что онъ пьетъ мало?.. А онъ, выходитъ, тоже и политику знаетъ.

Долго хохотали на другой день отецъ съ дочерью надъ Павловымъ. За обѣдомъ Павловъ былъ молчаливъ, пилъ мало, но какъ вышли изъ-за стола, онъ сдѣлался любезенъ, и пожелавъ Андрею Иванычу спокойнаго сна, пошелъ въ залу, взглянулъ на окна и остановился. Вышелъ онъ изъ залы съ помутнѣвшимъ лицомъ, сурово взглянулъ на Дарью Андреевну и, какъ угорѣлый, не прощаясь съ нею, ушелъ изъ дому.

Видя въ будущемъ зятѣ такого пьяницу, зная, какъ глупа ея сестрица, и предчувствуя, что изъ такого брака едва-ли можетъ выйти что-нибудь хорошее, Дарья Андреевна рѣшилась поговорить съ Павловымъ серьезно. Но Павловъ не приходилъ двое сутокъ, а на третьи утромъ къ Андрею Иванычу пришла старуха мать его узнать, не у него ли находится ея сынъ.

— Вѣдь денегъ-то у него, сорванца, нѣтъ. Ужъ я думаю, не вы ли, Андрей Иванычъ, дали ему? вопила старуха.

— Нѣтъ, старуха, денегъ онъ у меня не выклянчитъ. Не дамъ, отвѣчалъ тотъ.

— И покорно благодарю. Да вотъ что, позвольте васъ спросить, могу-ли я его выстегать въ полиціи? Вѣдь я мать, только вотъ у него чинъ этотъ замѣшался.

— Выстегать можешь, только этимъ ты его не образумишь, а хуже вооружишь противъ себя. Ты бы вотъ поменьше ворчала на него да сама бы бросила водку. Вѣдь ты хоть и слѣзная, а небось дорогу въ кабакъ знаешь. Говорятъ, что ты будто у него, у пьянаго, вьтаскиваешь малую толику.

Когда она ушла, Дарья Андреевна спросила отца:

— Палаша, зачѣмъ вы Машу выдаете за пьяницу?

— Ну, матушка, мнѣ это дѣло ближе и я знаю, что дѣлаю. Онъ хоть и пьетъ, но пьетъ не запоемъ и дѣло свое хорошо знаетъ. У него голова золотая: ты его хоть на какую должность опредѣли—онъ нигдѣ не пропадетъ. Пьянствуетъ онъ потому, что ему дѣлать нечего, скучно, старуха его дома грызетъ; а вотъ какъ женится, я его помѣщу у себя, онъ и перестанетъ пьянствовать.

На другой день послѣ этого былъ праздникъ; въ судахъ не занимались, но въ уѣздномъ судѣ крихтѣль надъ разными бумагами засѣдатель Трынкинъ. Сторожъ Николай, намѣревавшійся отправиться въ слободу, злился ужасно, а засѣдатель то и дѣло звонилъ въ колокольчикъ и требовалъ отъ Николая воды или просилъ узнать, пріѣхалъ-ли изъ церкви Андрей Ивановичъ и гдѣ въ настоящее время находится Дарья Андреевна. Андрея Ивановича ему пришлось дожидаться недолго, и какъ только онъ вѣхалъ во дворъ, Трынкинъ высунулъ въ окно и поздравилъ его съ праздникомъ. Андрей Ивановичъ, по обыкновенію, пригласилъ его выпить чаю. Дарья Андреевна готовила въ кухнѣ кушанья, потому-что кухарка отпросилась въ деревню; ей помогала дѣвочка Настя, оставленная Андреемъ Ивановичемъ, по просьбѣ ея матери, служить у него изъ-за куска хлѣба; чай подавала Настя.

— Смучился я, Андрей Ивановичъ, съ этими дѣлами! Добрые люди въ церковь ходятъ, а ты корпи. Дѣло такъ много, что иной разъ и праздникамъ не радъ, говорилъ Трынкинъ.

— Да какія-же у васъ дѣла такія? Я думаю, нерѣшковыхъ штукъ двадцать.

— Эка! штукъ сто. Все больше о грабежахъ да кражахъ.

— Ну, это дѣла однородныя. Взять только одно подобное рѣшеніе изъ рѣшеннаго дѣла, и катать копіи. Статьи одиѣ.

— Это было въ ваши времена. А нынче разнообразіе, требуютъ тоже витіеватости.

— Хмъ да! какую сегодня Пьянковъ проповѣдь прочиталъ!

— О чемъ?

— А право позабылъ. Читалъ такъ хорошо, витіевато, — представить себѣ не могу и передать не съумѣю.

— Ученый человекъ... А гдѣ-же молодая хозяйка?

— Стряпаетъ...

— Ну, ужъ я у васъ пообѣдаю.

— Всеконечно, всеконечно.

Кончили чай. Пришла Дарья Андреевна. Трынкинъ всталъ, поклонился какъ-то бокомъ, подальши широкою ладью съ толстыми пальцами, на одномъ изъ которыхъ было надѣто золотое кольцо, которое снять не было никакой возможности безъ инструмента. Глаза его застѣменили, лицо сдѣлалось смѣшнымъ, потому-что отъ улыбки ротъ сталъ очень широкъ и его немного перекосило.

— Какъ вы загорѣли, Дарья Андреевна!

— Она у меня нынче вездѣ, и въ кухнѣ, и во дворѣ, и въ огородѣ — какъ не загорѣть.

— А вы похорошѣли!

— Меня это нисколько не интересуетъ.

— Ну ужъ!

— А ты пила-ли чай-то! спросилъ отецъ.

— Пила, папаша. Ъсть захотѣлось.

— А обѣдъ скоро?

— Сычугъ еще не зажарился. Черезъ полчаса будетъ готово.

— А ты вели Настѣ подать рыжиковъ да водки; мы пока до обѣда червяка заморимъ. А не сыграемъ ли въ шашки?

— Сыграемъ.

Стали играть въ шашки, но Трынкинъ былъ задумчивъ и разсѣянъ, такъ что оживленія въ игрѣ не было и Андрей Ивановичъ безъ труда запиралъ его шашки. Наконецъ онъ бросилъ шашки.

— Да что съ вами сегодня, Матвѣй Тарасычъ? Играете вы всегда хорошо, а сегодня ни къ чорту не годится. Ужъ подѣ судъ васъ не отдали-ли?

— Нѣту. Такъ на внутрѣ какъ будто кошки скребуть.

— Такъ выпьемъ.

Выпили.

— Отчего вы не женитесь?

— На какомъ чотрѣ я женюсь?

— Господи помилуй, да развѣ у насъ мало невѣстъ. Вонъ у одного исправника цѣлый возъ невѣстъ.

— Благодарю покорно — комедьянки!

— Ну, у новаго стряпчаго — вонъ какая здоровая у него сестра.

— Плевалъ бы я на него. Это фанфаронъ, недоученый гимназистъ.

— Онъ въ университетѣ былъ, только не кончилъ тамъ курса. Ну, вотъ у Зиновьева?

— Безбожница, развратница; по набережной вечерами шагается.

— Ну, это ужъ, вы врете.

— И съ своей стороны могу вамъ замѣтить. Анисья Осповна не такая дѣвушка, какъ вы думаете, сказала Дарья Андреевна, накрывавшая въ это время столъ бѣлою скатертью.

— Извините.

— Напередъ узнайте человѣка, а потомъ говорите, отвѣтила ему рѣзко Дарья Андреевна.

Трынкинъ растерялся совершенно; красное его лицо поблѣгло, такъ и думалось, что оно лопнетъ; оно покрылось крупными пузырями пота, а платка у Трынкина не оказалось и онъ то и дѣло обтиралъ его рукавомъ своего виць-мундира.

— Экое, вѣдь, канальство, платокъ въ судѣ оставилъ, хрипѣлъ Трынкинъ.

— Николай уже ушелъ. Я вамъ принесу свой платокъ, только вы непременно возвратите его.

Когда Дарья Андреева дала ему платокъ, онъ просіялъ. Опять засемили глаза, опять появилась смѣшная улыбка, и уши, какъ у осла, слегка передернулись.

Обѣдали втроемъ. Сначала молчали, но когда было вышито Трынкинымъ три рюмки, онъ началъ рассказывать объ исправницкихъ дочеряхъ, какъ онъ ежедневно метутъ подолами песокъ на бульварѣ, т. е. на набережной.

— Вы, Матвѣй Тарасычъ, кажется, только тѣмъ и заняты, что замѣчаете, кто какого поведенія, замѣтила ему Дарья Андреевна.

Трынкинъ замолчалъ, а отецъ посмотрѣлъ на дочь и мигнулъ однимъ глазомъ на гостя.

Послѣ обѣда Андрей Ивановичъ, по обыкновенію, легъ спать, но не въ саду, а въ кабинетъ, потому что жадовался на ломоту въ ногахъ. Трынкинъ распрощался и ушелъ. Черезъ часъ Дарья Андреевна пошла въ садъ. Она находилась въ хорошемъ настроеніи и, обдергивая сухіе листья съ цвѣтовъ, напѣвала вполголоса какую-то пѣсню. Каковъ же былъ ея испугъ и удивленіе, когда, присѣвши около одной клумбы, она услышала, что кто-то передъ самымъ ея ухомъ пропищалъ „кукарику!“ Взглянула— Трынкинъ.

— Извините-сь! оправдывался Трынкинъ, осклабяясь.

— Какъ это вѣжливо!..

— Ужъ вы и сердиться!!

— А кто давеча осуждалъ исправницкихъ дочерей? Не стыдно вамъ? До сѣдыхъ волосъ дожили, а ума не нажили.

— Простите великодушно.

— Да я и не сержусь. Только если вы въ другой разъ позволите себѣ такіа выходки, я иначе съ вами расправлюсь.

— Что же вы сдѣлаете?

— А попрошу выйти вонъ.

Дарья Андреевна подошла къ яблони. Она была хороша въ это время: глаза ея блестяли, щеки покрылись румянцемъ.

— Дарья Андреевна... началъ дребезжащимъ голосомъ Трынкинъ.

— Что? и она обернулась.

Лицо Трынкина было и страшно, и жалко: оно было блѣдно, на немъ появилось много складокъ, глаза сѣззились, вѣки мигали, какъ у бумажнаго дрыгунчика дрыгаютъ руки и ноги, — такъ и казалось, что эта туша вотъ того и глади что разревется и изъ глазъ ея полетѣтся обильное количество слезъ.

— Дарья Андреевна... едва проговорилъ Трынкинъ и захлебнулся, а изъ глазъ потекли слезы.

— Господи! Да что съ вами? спросила въ испугъ Дарья Андреевна.

— Я одинокъ... стоналъ и плакалъ Трынкинъ. — Васъ не любить мачиха—я знаю... Я васъ люблю.

Дарья Андреевна захохотала.

— Я хотя и старъ, но я васъ люблю. Дарья Андреевна... Не смѣю... О! будьте мнѣ подругой, то есть я хочу сказать—супругой, женой...

— А если я васъ не люблю?

— Полюбите.

— Нѣтъ, я васъ никогда не полюблю.

— Почему?

— Нельзя любить насильно. Да и надо вамъ признаться, что у меня вовсе нѣтъ охоты выходить замужъ и меня никто, даже папаша не принудить къ этому. Прощайте! и она, кивнувъ ему головой, ушла, но скоро вернулась посмотреть, тутъ ли Трынкинъ. Трынкинъ рвалъ цвѣты и торопливо засовывалъ ихъ за пазуху.

— Какъ вамъ не стыдно воровать цвѣты! Господинъ женихъ, оглохли вы?

Трынкинъ встрепенулся, цвѣты разсыпались.

— Я на память. Прощайте!

— Подберите цвѣты-то, я знаю, у вашей хозяйки тоже есть цвѣты.

Но Трынкинъ ушелъ съ багровымъ лицомъ. Вышедши за ворота, онъ ворчалъ:— мерзавка! Я хотѣлъ ей благодѣяніе сдѣлать, а она вонъ какъ оконфузила меня. Чай кто нибудь слы-

шалъ у сосѣдей... А жалко! Ну, да чортъ съ ними. Удружу я вамъ!...

— А Дарья Андреевна долго послѣ этого ходила по саду съ задумчивымъ лицомъ: предложеніе Трынкина ее возмущало. Но она рѣшилась не сказывать отцу объ этой сценѣ.

Прошла и третья недѣля по отъѣздѣ Марины Осиповны изъ Ильинска. Андрей Ивановичъ написалъ письмо женѣ, въ которомъ увѣдомлялъ ее, между прочимъ, что у нихъ поспѣли огурцы, и Христомъ-Богомъ просилъ ее пріѣхать. Она написала, что ей живется у сына хорошо; въ пяти верстахъ отъ села вывѣшнымъ лѣтомъ открыты сврныя воды, и она съ Володей пьетъ эти воды по совѣту доктора и, вѣроятно, будетъ лечиться все лѣто, а если ему ужъ такъ она нужна, то онъ можетъ и самъ пріѣхать къ сыну и тоже пить воды; что же касается до свадьбы, то Маша еще успеетъ нажиться въ замужествѣ и свадьбу можно сыграть осенью. Поэтому Андрей Ивановичъ подалъ прошеніе въ отпускъ.

Попрежнему къ нему собирались гости, только Трынкинъ не приходилъ. Хотя въ обращеніи съ Андреемъ Ивановичемъ онъ и былъ вѣжливъ, но говорилъ неохотно и замѣчалась натянутость. За то чаще другихъ гостей къ Андрею Ивановичу сталъ ходить Яновскій. Андрей Ивановичъ часто въ глаза называлъ его болтуномъ, но онъ не обижался, говоря, что старый человекъ есть отсталый, онъ-де не понимаетъ современнаго, нынѣшняго человека. Надобно замѣтить, что Яновскій считалъ себя отъявленнымъ нигилистомъ въ кругу барышень и простоватыхъ мужчинъ, хотя и не понималъ, что такое нигилизмъ; онъ хваталъ налету новыя слова и носился съ ними всюду, не понимая самъ въ нихъ смысла.

Ни Андрей Ивановичъ, ни Дарья Андреевна не обращали вниманія на его частыя посѣщенія. Андрей Ивановичъ, напротивъ, развлекался его болтовней и, научивъ его играть въ шашки, подолгу просиживалъ съ нимъ за этимъ занятіемъ, а Дарья Андреевна считала его полоумнымъ и часто потѣшалась надъ нимъ. Онъ не обижался. Словомъ, онъ былъ какъ свой у Яковлевыхъ, а въ городѣ его уже называли женихомъ Дарьи Андреевны и спрашивали его, особенно дѣвицы: скоро ли будетъ его свадьба съ дочерью виннаго пристава?

Разъ Андрей Ивановичъ ушелъ въ казначейство и засидѣлся тамъ. Дарья Андреевна перешивала свое старое шелковое платье на новое и пѣла пѣсню. Кто-то постучался въ парадную дверь. Колокольчикомъ у дверей въ домъ Андрея Ивановича не было. Стучавшійся былъ Яновскій.

— Андрей Ивановичъ дома? спросилъ онъ самымъ вѣжливымъ образомъ.

— Онъ въ казначействѣ; вѣроятно, скоро придетъ. Онъ не любитъ обѣдать гдѣ нибудь.

— Какая вы злая: сейчасъ и намекаете на меня. Извольте, я ретируюсь, и онъ повернулся.

— Куда же вы? посидите. У насъ сегодня пирожки.

— Мерси! Но я, право, такъ часто... Мнѣ совѣстно...

— Полно вамъ! Идите въ залу, коли хотите пирожковъ, а не хотите — воля ваша.

Вошли въ залу. Дарья Андреевна сѣла къ окну съ шитьемъ, а Яновскій, стоя у того же окна, барабанилъ по спинкѣ стула пальцами.

— Какая прелестная погода! началъ Яновскій.

— Что-жъ тутъ особеннаго?

— Какъ что особеннаго: тепло, птички чирикаютъ, ароматомъ пахнетъ...

— Не думаю, чтобы теперь на улицахъ ароматомъ пахло: развѣ изъ домовъ только печенымъ хлѣбомъ несетъ.

— О, злая насмѣшница! Позвольте мнѣ закурить папироску?

— Сколько хотите, только пепель на полъ не бросайте.

— Угодно папироску?

— Давайте.

Закурили.

— Знаете ли что: мнѣ нравится въ васъ то, что вы не похожи на нашихъ барышень.

— Чѣмъ это?

— Вы нигилистка.

— Въ первый разъ слышу такое слово. Что же это такое?

— Это... это... отступница.

— Вотъ вы и ошиблись: я вовсе не отступница.

— Вотъ вы папиросы курите.

— Я въ этомъ ничего не вижу худаго. Есть папиросы — курю, нѣтъ — не надо. Моя сестра тоже куритъ папиросы, и даже больше меня, такъ что отецъ иногда сердится, что у него много табаку выходитъ.

— Вотъ вы въ церковь не ходите.

— А если мнѣ некогда!

— Ну, это не отговорка... Скажите пожалуйста, отчего вы гулять не ходите?

— Некогда: да я и не охотница гулять по набережной. У насъ садъ большой, и я нахожу въ немъ больше удовольствія, чѣмъ на набережной.

— Но тамъ природа представляется намъ во всемъ ея ве-

личія и красотъ; рѣка, закатъ солнца, свистъ пароходовъ, движеніе, суетня пассажировъ, лѣсъ за рѣкой, соловьиное пѣнье..

— Ну, тамъ-то вы едва-ли услышите соловьиное пѣнье. У васъ, должно быть, воображеніе очень пылкое.

— Все-таки прелесть. Да, скажите мнѣ пожалуйста: не знаете ли вы, за что это чурбанъ Трынкинъ сердится на васъ?

— На меня?!

— Да, и на Андрея Ивановича.

— Не знаю. Щеки у ней покраснѣли.

— Нѣтъ, знаете — вонъ какъ вы зардѣлись! А я понимаю! понимаю...

— Ничего вы не понимаете.

— Онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе—вы отказали.

— Вы отъ него это слышали?

— Да. И вы хорошо сдѣлали, что отказали. Вамъ нужно мужа молодого, образованнаго.

— Нигилиста, который дозволяетъ женѣ курить папирсы...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Здѣсь, надо вамъ сказать, живетъ отъявленное дурачье.

— А я нахожу, что здѣсь живутъ люди простые, добрые.

— Сплетники.

— Что же имъ дѣлать-то больше?

— Читать.

Пришелъ Андрей Ивановичъ. Разговоръ прекратился, потому что Андрей Ивановичъ захотѣлъ вѣсть. За обѣдомъ Яновскій сталъ хвалить романъ „Отцы и дѣти“. Отецъ съ дочерью молчали.

— Ну, чѣмъ же хорошъ, по вашему, Базаровъ? тѣмъ, что ли, что онъ надъ стариками смѣется, родителей презираетъ? замѣтила Дарья Андреевна.

— Однако, согласитесь, старые люди не понимаютъ требованій современности.

— Напримѣръ? спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Примѣровъ много—ихъ не пересчитаешь.

— А я бы этого вашего Базарова, кабы только я былъ отецъ, розгами бы выскѣкъ, проговорилъ запальчиво Андрей Ивановичъ.

Разговоръ привялъ другое направленіе.

На другой день утромъ сторожъ Николай принесъ Дарьѣ Андреевнѣ запечатанное письмо и книжку „Русскаго Вѣстника“.

— Засѣдатель Яновскія велѣлъ отдать, сказалъ онъ сердито. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Милостивая государыня,

„Дарья Андреевна!

„Извините и простите меня великодушно, что я осмѣливаюсь безъ спросу предложить вамъ книжку уважаемаго мною жур-

нала, въ которой помѣщенъ романъ „Отцы и дѣти“. Хотя вашъ дорогой родитель и называетъ его вельщымъ, но я думаю, что вы его прочитаете и перемѣните ваше мнѣніе о Базаровѣ. Я ему сочувствую вполне, только насчетъ его идей о бракѣ несогласенъ, и еслибы я могъ надѣяться на ваше добродушіе, прелестнѣйшая и очаровательнѣйшая Дарья Андреевна, то я бы поступилъ такъ, какъ поступаютъ всѣ честные люди. Позвольте мнѣ письменно и искренно высказать мои къ вамъ симпатіи: я васъ люблю; вашъ прелестный образъ и днемъ и ночью носится надо мной. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибы я могъ услышать изъ вашихъ устъ согласіе быть моею, моею до гроба. Я бы васъ лелѣялъ, обожалъ, исполнялъ малѣйшіе ваши капризы, и вы были бы со мною счастливы.

„Къ вамъ я приду черезъ три дня, а до этого времени съ терпѣніемъ, какъ Іовъ, буду ждать вашего приговора—да, или нѣтъ.“

„Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

„Остаюсь любящій васъ

„В. Я.“

„Онъ въ разговорахъ гораздо лучше, чѣмъ въ письмахъ“, подумала Дарья Андреевна и задумалась. „Вотъ и второй женихъ. Этотъ молодецъ, изъясняется лучше Трынкина, родители у него богатые и онъ можетъ получить хорошую должность. Но я его ненавижу за его болтовню, хвастливость; въ немъ много приторнаго... Показать письмо отцу или нѣтъ? Если покажу—отецъ, пожалуй, обрадуется; нѣтъ, пусть и это останется между нами, потому что я не могу выйти за него замужъ. Странно, какъ мужчины много о себѣ думаютъ: онъ, навѣрное, воображаетъ, что если я выйду за него замужъ, то онъ осчастливитъ меня; хотя же онъ и пишетъ о томъ, что будетъ меня лелѣять, но это уже на концѣ и какъ будто въ родѣ приманки, чтобы вынудить отъ меня согласіе“.

Когда, черезъ трое сутокъ, пришелъ Яновскій, то, отдавая ему книгу, Дарья Андреевна сказала ему:

— Благодарю за одолженіе. Романъ написанъ увлекательно, но я не знаю, гдѣ такіе люди существуютъ.

— А насчетъ письмеца?

— Отвѣтъ готовъ—нѣтъ.

— До свиданія.

— А объѣдать?

— Благодарствуйте, мнѣ некогда.

И онъ ушелъ.

„Ну, слава Богу, отъ двухъ нахлѣбниковъ избавились“, подумала Дарья Андреевна.

— Что это такое, Даша, съ нашими нахлѣбниками сдѣлалось—перестали и обѣдать у насъ и въ карты нейдуть играть.

— Не знаю, папаша.

— Ужъ не ты ли отвадила цхъ?

Дарья Андреевна рассказала о сватовствѣ Трынкина и Яновскаго. Отецъ выслушалъ все молча, и когда она кончила, сказалъ:

— Яновскій со связями, только болтунъ. Но дѣлать нечего, найдемъ жениха и получше его, торопиться не къ чему.

Дарья Андреевна не возражала.

ХІ.

Дарья Андреевна постоянно была занята, какъ хозяйка въ большомъ домѣ. Положимъ, большаго хозяйства у Андрея Ивановича не было, а была лошадь, за которую преимущественно смотрѣлъ Трифонъ, двѣ коровы съ теленкомъ, десятка два куриць, гуси, утки, индѣйки, двѣ свиньи и огородъ, но за всѣмъ этимъ нужно было смотрѣть, потому что кухаркѣ не жалко было чужаго добра и она постоянно ворчала, что у нея очень много дѣла, а жалованья даютъ только рубль. Вставала Дарья Андреевна въ одно время съ отцомъ и прислугой, шла во дворъ и присматривала за кухаркой, а не то и сама помогала ей; въ семь часовъ пили чай, потомъ шла уборка въ комнатахъ, шитье или вязанье. До обѣда Дарья Андреевна не любила выходить ни въ палисадникъ, ни въ садъ, потому что ей не хотѣлось встрѣчаться съ судейскими служащими; за то въ хорошую погоду она все послѣ-обѣда проводила въ саду, а иногда просиживала тамъ одна и до поздняго вечера. Ей было хорошо въ саду, но въ домѣ она чувствовала какую-то тоску; ей хотѣлось выбраться вонъ изъ отцовскаго дома, который рано или поздно будетъ для нея чужой; однообразіе этой жизни, пустота въ окружающихъ ее личностяхъ, отъ которыхъ не услышишь ни одного дѣльнаго или новаго слова, кромѣ сплетень и жалобъ на недостатки,—все это ее давило; ей хотѣлось свободы въ своихъ дѣйствіяхъ, хотѣлось жить одной, самостоятельно, независимо ни отъ кого. И въ то же время на нее находила иногда грусть; ей хотѣлось друга, съ которымъ бы можно было говорить не о томъ, о чемъ говорятъ окружающіе ее, а о томъ, чего она не знаетъ, съ кѣмъ бы можно дѣлиться своими чувствами, горемъ и радостью. Но кто этотъ человекъ? гдѣ онъ? какой онъ собой — она не могла себѣ представить, и пока останавливалась только на двухъ—на Анисѣ Осиповнѣ Зиновьевой и Васильѣ Мироновичѣ Ивановѣ. Съ обоими она выросла, обоихъ одинаково любила въ дѣтствѣ, теперь была привязана къ

первой, а къ послѣднему появилось какое-то чувство, котораго и сама она не могла опредѣлить: лишь только вспомнить она объ немъ, представлятъ ей всё его манеры и все его прошлое, — сердце забьется такъ пріятно — хорошо; но какъ только придется ей идти мимо дома Иванова, на нее находятъ не то страхъ, не то отвращеніе къ живущимъ въ этомъ домѣ, и она спокойна только тогда, когда не увидитъ въ окнѣ Василья, хотя Василій Миронычъ и не говорилъ ей никакихъ любезностей, а только почтительно кланялся и спрашивалъ, куда она идетъ. Анисью же Осиповну она съ самаго пріѣзда не видала, потому что та въ день ея пріѣзда уѣхала съ сестрой въ село Никольское, въ которомъ и жила до сихъ поръ.

Какъ бы то ни было, а изъ всѣхъ окружающихъ ее людей Дарья Андреевна считала честными и хорошими только Анисью Осиповну и Василья Мироныча. Анисья Осиповна нисколько не походила на дочь купца или чиновника, потому что отецъ хотя и не любилъ ее маленькую, но смотрѣлъ на нее сквозь пальцы и она росла подъ вліяніемъ матери, которую Осипъ Флорычъ любилъ. Мать же ея была женщина простая, добрая, не глупая, умѣвшая ладить съ мужемъ, такъ что мужъ безъ нея совѣтовъ никогда не начиналъ ничего хорошаго; если же онъ дѣлалъ что нибудь каверзное, такое, отъ котораго доставалось плохо, можетъ быть, сотнямъ семействъ, то объ этомъ она узнавала со стороны, бранила мужа, который отзывался такъ: „куй желѣзо, пока горячо; съ нашимъ-то смиренствомъ ничего не наживешь, а только проживешь; а какъ постоянно будешь держать ротъ розиня, такъ и пойдешь по міру“. — „Да вѣдь ты посмотри, сколько семействъ оставилъ безъ куска“, возражала жена. — „На то я и коммерціей занимаюсь; на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Чортъ же имъ велитъ олухами быть. Не даромъ пословица-то сложена: на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Ты вспомни, кто я былъ прежде? Я былъ простой мужичонко, мѣщанинишко, а теперь ворочаю капиталами и дѣлать противъ меня ничего не можетъ сдѣлать“. Сътованія и руготня бѣдныхъ людей часто доходили до слуха Анисьи Осиповны, и она спрашивала мать, за что бранять отца? Та старалась скрывать и только говорила: будь честна, милая дочка, не обижай бѣдныхъ людей. И часто помогала мѣщанамъ то деньгами, то хлѣбомъ секретно отъ мужа. Поэтому дѣвочка старалась узнать со стороны, и когда узнала и увѣрилась въ справедливости городскихъ толковъ, у нея явилось отвращеніе отъ купеческой и чиновнической жизни и сложилась своя жизнь. Она старалась находиться ближе къ бѣднымъ людямъ, выпрашивала у матери денегъ и давала ихъ тѣмъ, которые дѣйствительно были очень бѣдны. Поэтому понятно, что она съ Мариной Осиповной не могла сойтись; Марина Осиповна считала себя старшею сестрою и обращалась съ нею свысока, а Анисья Осиповна старалась держаться отъ нея подальше и не повѣ-

ряды ей своихъ чувствъ. Послѣ смерти жены, Осипъ Флорычъ долго горевалъ, но потомъ женился, только жена оказалась уже не похожа на прежнюю. Это была женщина робкая, болѣзненная; если она за что нибудь принималась, то все у нея выходило какъ-то безтолково; если же принималась за дѣло Анисья Осиповна — отцу нравилось. Кромѣ этого, Анисья Осиповна умѣла угодить отцу какъ никто: она не была капризна, отвѣчала съ толкомъ, не задумываясь, была красивая, стройная, высокая дѣвушка, въ манерахъ которой ничего не было принужденнаго. И онъ думалъ: „эта, чертъ возьми, лучше Марпны. Черезъ нее я могу много выиграть! Таковой красавицы и въ Егорьевскѣ не сыщешь“. Съ этихъ поръ отецъ предоставилъ дочери полную свободу, смотря сквозь пальцы на ея знакомство съ бѣдными людьми и на ея дружбу съ Дарьей Андреевной, съ которой она читаетъ какія-то фармазонскія книжки.

Что касается до пріятельницъ, то у нея были только двѣ — Дарья Андреевна и сестра Анна, вышедшая замужъ по любви за священника села Никольскаго, Петропавловскаго, который тоже былъ человекъ неглупый и по пріѣздѣ въ село открылъ школу, въ которой вмѣстѣ съ женой и обучаетъ дѣтей обоюго пола безденежно, такъ какъ село большое, торговое и онъ получаетъ съ обывателей порядочные доходы.

Отецъ Василья Миронича уже не одинъ десятокъ лѣтъ занимался сапожнымъ ремесломъ, и также не одинъ десятокъ лѣтъ шилъ сапоги на Андрея Иваныча и дѣлалъ въ его домѣ кое-какія починки. Такимъ образомъ, онъ былъ тутъ какъ свой человекъ; жоны Андрея Иваныча не гнушались его Натальей Семеновной, которая отлично мыла полы, и Андрей Иванычъ не находилъ ничего предосудительнаго въ томъ, что его дѣти бѣгали играть къ сапожнику. Андрей Иванычъ въ Миронѣ Мироничѣ видѣлъ человека положительнаго; онъ ни передъ кѣмъ спины не гнулъ, ни у кого не залеживалъ, со всѣми говорилъ одинаково — грубо, зная, что не онъ нуждается въ людяхъ, а люди въ немъ. Онъ былъ мужчина здоровый, никогда не хварывалъ и пилъ водку только по большимъ праздникамъ и въ гостяхъ. Дѣти его, Настасья и Василій, удались какъ разъ въ него, и вдобавокъ къ этому были красавцы; но Настя умерла — остался только одинъ сынъ, потерять котораго было бы очень больно. Сынъ былъ еще положительнѣе отца: онъ умѣлъ шить сапоги крѣпче, лучше и фасонистѣе, чѣмъ отецъ, и теперь уже умѣлъ сдѣлать какой угодно столъ, стулъ, шкафъ и т. п. За другія же ремесла онъ не брался, да у него и къ сапожному чувствовалось отвращеніе. Ему хотѣлось быть столяромъ, на томъ основаніи, что въ Ильинскѣ столяры были топорные, т. е. у нихъ работа была самая простая; аристократы ихъ издѣлій не брали, а выписывали изъ губернскаго города. Изъ этого видно, что Василій Мироничъ отъ природы былъ парень

не глупый. До десятилѣтняго возраста онъ былъ постоянно на воздухѣ. Лѣтомъ рѣдкій день не плавалъ по рѣкѣ, въ жаркій день купался разъ до пятнадцати; зимою воровалъ изъ прорубей морды и другіе рыболовные снаряды такъ ловко, что его или никто не видалъ, или никто не могъ поймать. Потомъ онъ мало по малу отсталъ отъ шалостей и сталъ ходить къ мѣщанамъ столярамъ, высматривая ихъ искусство, и дома старался сдѣлать такъ же, какъ и они. На пятнадцатомъ году съ нимъ случилось несчастье, которое еще болѣе развило его умъ. Разъ во время масляницы на льду рѣки затѣялась драка новослабодскиль ребятъ съ городскими. Отецъ его тогда жилъ въ новой слободѣ, потому и Василій Миронычъ считался новослабодскимъ, но предводителемъ не былъ, потому что въ предводители выбирались парни шестнадцати лѣтъ. Къ городскимъ ребятамъ пристали и дѣти чиновниковъ. Вотъ въ числѣ этихъ чиновническихъ дѣтей и попался сынъ окружнаго начальника—гимназистъ съ краснымъ околышемъ на воротникъ сюртука. Во время драки этотъ барячъ вдругъ бросаетъ въ одного новослабодскаго мальчика кирпичъ, кирпичъ проламываетъ мальчику високъ, мальчикъ заливается кровью, а гимназистъ бѣжитъ. Василій Миронычъ бѣжитъ за нимъ, догоняетъ, хватается его и не знаетъ, что бы ему такое сдѣлать съ убійцею. Убить боязно, страшно. Онъ начинаетъ хвалить гимназиста за храбрость, обѣщается быть его другомъ; испуганный гимназистъ довѣряется ему, потому что знаетъ, что онъ сильный. Затѣмъ Василій Миронычъ приглашаетъ его прокатиться нѣсколько разъ съ катушки. Гимназистъ въ восторгѣ. Катушка была чуть не полверсты длины. Только-что развѣхались санки, Василій Миронычъ, повернулъ одной рукой санки, вскочилъ, его отбросило въ сторону, но онъ справился и полетѣлъ на конькахъ дальше, а несчастный гимназистъ выскочилъ изъ санокъ, налѣтели санки съ тремя сѣдоками и отшибли ноги. Цѣлый мѣсяцъ мучился бѣдняга, и все-таки померъ; а Василья Мироныча посадили въ острогъ, оставили по этому дѣлу въ сильномъ подозрѣніи. Съ этихъ поръ Василій Миронычъ сталъ рѣже показываться на улицѣ; онъ сталъ учиться грамотѣ по праздникамъ. Его училъ отецъ, который кромѣ своего сапожнаго ремесла, читалъ псалтыри по покойникамъ. У него была страсть къ чтенію, и онъ читалъ все, что попадалось подъ руку—и „Сенатскія Вѣдомости“, и ариѳметику безъ начала и безъ конца, какой-нибудь отрывокъ изъ романа или какую-нибудь проповѣдь и пр. Книги или какіе-нибудь листки отъ газетъ онъ не рвалъ, а пряталъ въ шкафъ; если же въ книгахъ были картинки, то онъ ихъ вырывалъ и приклеивалъ на стѣну. Выучившись грамотѣ, Василій Миронычъ сталъ читать отцовскія книги, но ничего въ нихъ не понималъ, а только наострился читать бойчѣе отца, и съ помощію одного уѣздника выучился и ариѳметикѣ до дробей. Отъ уѣздника онъ узналъ кое-что изъ

географіи и исторіи, прочиталъ эти книги; но этого было ему мало; ему хотѣлось найти такую книгу, въ которой бы ясно было сказано, почему мѣщане должны платить подати, а чиновники нѣтъ. Его бѣсила исторія съ гимназистомъ. Всѣ мѣщане, какъ слободскіе, такъ и городскіе, хвалили его поступокъ, потому что, еслибы гимназиста прямо, послѣ того, какъ онъ бросилъ камень, привести къ отцу, то ничего бы не вышло. Но Василій Миронъичъ думалъ иначе: нехорошо я сдѣлалъ, что опрокинулъ его. Вотъ онъ и померъ. Нѣтъ, надо бы ему обѣ руки обломать тамъ же, гдѣ дрались, да такъ, чтобы онъ жилъ до старости и чиновникомъ бы не могъ быть. Въ этой исторіи онъ видѣлъ явную несправедливость: „какъ, говорилъ онъ, дворянинъ можетъ убивать мѣщанина, а мѣщанинъ не смѣй ему за это острастку сдѣлать!“ И вотъ онъ хотѣлъ найти разрѣшеніе этого вопроса въ книгахъ, но тамъ ничего такого не было; онъ и повнималъ-то еще плохо книжный языкъ, да и читать удавалось урывками. А между тѣмъ на глазахъ его совершались такія несправедливости, что ему хотѣлось вовсе не встрѣчаться съ ними, и онъ, переставши читать, сталъ учиться столярному и сапожному ремесламъ, досадуя на мѣщанъ, которые только пьяные бойки въ компаніи, а трезвые только умѣютъ говорить: „сунься-ко! попробуй! Такъ и узнаешь кузькину мать“.

Отецъ на его вопросы отвѣчалъ такъ:

— Все это оттого происходитъ, что мы въ кабалѣ состоимъ, и все-таки вѣсть хотимъ. Напримѣръ, вотъ и сапоги шью купцу Николаеву. Онъ мнѣ вмѣсто задаточныхъ денегъ выдалъ два пуда муки ржаной, а вдругъ ему вздумается: не надо мнѣ сапоговъ; я долженъ ему возратить муку, или деньги по расчету, а гдѣ я ихъ возьму.

— Проси полицію, сказалъ сынъ.

— Станешь жаловаться или просить защиты, тебя тамъ недѣлю еще проморятъ. А тутъ нужно молчать. Какъ станешь молчать, онъ, глядишь, и позоветъ тебя печку скласть. Оно, положимъ, я бы меньше трехъ рублей не взялъ за нее, а тутъ долгъ, ну и сложишь. Онъ же тебѣ спасибо потомъ скажетъ, да еще и двугривенный дастъ. И на предки годится: чуть недопмки, или что—пождутъ, или онъ въ долгъ дастъ. Да я вотъ еще ни разу въ полиціи не сидѣлъ. Бывало, какъ по ночамъ орешь пьяный, нарочно подойдешь къ дому городничаго и давай его крестить. Выйдутъ: кто это оретъ, запереть его въ подвалъ!—Руки, говорю, коротки: я есть Миронъ Миронъичъ, поставщикъ сапогъ градоначальника! Посмѣются, и только, или солдата дадутъ до дому довести. А ссориться станешь—никакой пользы не будетъ, кромѣ вреда.

Но сынъ этими примѣрами не довольствовался: ему, напротивъ, казалось, что мѣщане держатъ себя передъ начальствомъ

и богатыми людьми какъ виноватые; и только со временемъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что все это происходитъ отъ бѣдности. Когда же вышло освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости,—онъ узналъ, что есть какая-то сила, которая держитъ этотъ народъ въ отчужденныхъ предѣлахъ, выходя изъ которыхъ возможенъ только богатому и плуту. Недаромъ же въ Ильинскѣ часто слышались толки объ арестахъ какихъ-то бунтовщиковъ и экзекуціяхъ въ деревняхъ.

И Василій Миронычъ, разозлившись на книги, весь предался своему столярному ремеслу, и уже теперь, на 22 году, считается въ Ильинскѣ за хорошаго мастера. ●

Объ отношеніяхъ его къ Дарьѣ Андреевнѣ сказать много нечего. Во взглядахъ на жизнь и сужденіяхъ они сходились; въ ней онъ видѣлъ дѣвушку простую, честную; онъ былъ къ ней неравнодушенъ, по такъ-какъ она все-таки барышня, то никакъ не допускалъ мысли, что онъ можетъ жениться на ней, потому, во первыхъ, что она въ бѣдности не жила и черезъ полгода такая жизнь опротиветъ ей, а вовторыхъ, еще и потому, что, по мнѣнію его, она и сама не захочетъ промѣнять свое чиновничье званіе на мѣщанское. Такъ онъ думалъ послѣ описанной встрѣчи съ нимъ на другой день по пріѣздѣ ея въ Ильинскъ.

Вмѣсто увольненія въ отпускъ, Андрей Ивановичъ получилъ отъ Ипполита Аполлоновича письмо, которымъ тотъ извѣщалъ, во первыхъ, что прежняго предсѣдателя причислили къ министерству и что на мѣсто его скоро пріѣдетъ новый, такъ что ему, Андрею Ивановичу, не мѣшаетъ почаще ходить на пристань, потому что предсѣдатель поведетъ на пароходѣ мимо Ильинска и, чего добраго, пожалуй, пропзведетъ внезапную ревизію, во вторыхъ—самое главное—что съ новаго года откуповъ не будетъ, а будетъ вольная продажа вина. Андрея Ивановича первое извѣстіе нисколько не встревожило, потому что онъ былъ человѣкъ исправный; за то его сильно смутило второе извѣстіе. Какъ же это такъ, откуповъ не будетъ? Положимъ, объ этомъ предметѣ давно толковали, да вѣдь мало ли что толкуютъ праздные люди. Братъ пишетъ, что въ палатѣ уже получены какія-то положенія или уставы, что даже и совѣтника питейнаго отдѣленія не будетъ. Только онъ не написалъ,—останутся или нѣтъ винные пристава. Пожалуй, что и нѣтъ; куда же онъ поступитъ дослуживать послѣдній годъ до пенсіона?

Онъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ Дарью Андреевну и далъ ей прочитать письмо брата.

— Что—хорошо? спросилъ онъ дочь, когда она прочитала письмо.

— Да вѣдь объ этомъ давно уже толковали. Вонъ тоже о волѣ сколько времени толковали, говорили, что невозможно сдѣлать крестьянъ свободными. И все-таки крестьянъ уволили. Также и откуповъ не будетъ, и должно быть будетъ хорошо, если всякій будетъ торговать свободно.

— А меня вонъ! Ты понимаешь ли, что мнѣ не дадутъ полной пенсїи.

— За штатомъ оставятъ.

— Ну, положимъ. А ужъ и тѣхъ доходовъ не волучу, а теперь я съ двухъ откупщиковъ получаю жалованье.

— А вы откройте сами лавку.

— И ты будешь сидѣлкой!—покорно благодарю.

И Андрей Ивановичъ, одѣвшись наскоро, ушелъ къ казначею сообщить ему новости.

Черезъ часъ пришелъ въ кухню Василій Миновичъ, и поклонившись Дарьѣ Андреевнѣ, спросилъ, дома ли ея отецъ, что онъ пришелъ къ нему за долгомъ; та сказала, что его нѣтъ.

— Тогда прощайте.

Онъ вышелъ; за нимъ вышла Дарья Андреевна.

— Куда же вы, Василій Миновичъ?

— Одна дорога—домой. А вы вашему родителю скажите, что, молъ, Ивану деньги очень нужны.

— Какой вы нынче строгій...

— Небось будешь вѣжливъ: ужъ больше года Андрей-то Ивановичъ долженъ отцу,—пора бы и честь знать. Дружба-дружбой, а за работу денежки подай. Правъ я по вашему?

— Это такъ. Да вы зайдите навѣрхъ.

— Зачѣмъ?

— Подождите—онъ скоро придетъ.

— Ну, бѣда еще не такъ велика, чтобы намъ приставать къ нему.

— Да вы хоть чаю напейтесь.

— Это за какія благодаренія?

— Какой вы, право, нынче странный стали. Вѣдь ваша работа не уйдетъ еще.

— Я не очень долюбляю это пошло, а только скажу, что еслибы вы, Дарья Андреевна, были хозяйка въ домѣ, я бы выпилъ и посидѣлъ. А теперь не могу. А вотъ вы отчего къ намъ не зайдете?

— Потому же, почему и вы не заходите.

— Я мужикъ, мнѣ не слѣдуетъ бывать тамъ, гдѣ нашего брата не любятъ. Еще что-нибудь подумаютъ. А вотъ вы, принесите-ка деньги, такъ я замъ поважу книжонки. Нынче я

былъ въ Егорьевскъ, такъ цѣлыхъ двадцать штукъ купилъ у одного пьянчужки, за полтинникъ.

Онъ ушелъ.

Дарья Андреевна вполне согласилась съ нимъ, что ему не слѣдовало дожидаться отца въ комнатахъ. Оба они люди молодые, знаютъ другъ друга давно, въ комнатахъ никого нѣтъ,—навѣрное пойдетъ сплетня на весь городъ; но ей не понравилась въ немъ грубость, которую прежде она рѣдко замѣчала. Однако, приглашеніе его ей нравилось, не потому, что она опять увидитъ его и будетъ говорить съ нимъ, а потому, что онъ хотѣлъ дать ей какихъ-то книгъ. Она уже давно ничего не читала, а съ какимъ бы она удовольствіемъ и наслажденіемъ стала читать, забившись въ садъ послѣ обѣда.

Къ великой ея радости, отецъ вернулся домой во второмъ часу—почти что трезвый. Онъ выигралъ десять рублей. Когда Дарья Андреевна сказала ему, что къ нимъ приходилъ молодой Ивановъ за долгомъ—онъ татчасъ же отдалъ ей деньги—пять рублей и велѣлъ отнести ихъ самой завтра же.

Въ домъ Мирона Мироныча было двѣ половины: въ одной жилъ самъ Миронъ Миронычъ съ женой, въ другой, такой же величины и такого же размѣра, устроенной черезъ стѣны, съ двумя окнами во дворъ, жилъ Василій Миронычъ. Прежде тутъ былъ холодникъ, т. е. лѣтомъ спали семейные, зимою ставили молоко, или чесали куделю, ткали холстъ и устраивали на святкахъ вечеринки съ танцами и пѣснями подъ игру на гитарѣ или гармоникѣ. Теперь эта комната имѣла видъ столярной; въ ней пахло краской и деревомъ и бросались въ глаза доски и дощечки, разложенныя въ беспорядкѣ. Въ настоящее время, въ комнатѣ Василія Мироныча, недалеко отъ окна, стоялъ шкафъ, уже готовый совсѣмъ, только безъ стеколъ; посреди комнаты находился недодѣланный ломберный столъ, на которомъ лежалъ неокрашенный трехъугольникъ и мѣдный циркуль, а самъ Василій Миронычъ, стоя рядомъ съ этимъ шкафомъ лицомъ къ стѣнѣ, стругалъ небольшую дощечку. По стѣнамъ были развѣшены пилы и разные инструменты, фуражка и черный кафтанъ съ голубою опояскою; около этого кафтана стояла простая кровать съ войлокомъ и подушкой. По случаю жаркой погоды одно окно было открыто. Самъ Василій Миронычъ былъ въ ситцевой сѣраго цвѣта рубашкѣ, въ холщевыхъ штанахъ, на немъ былъ передникъ, на босыхъ ноги надѣты калоши, а на лбу ремешекъ.

Когда Дарья Андреевна вошла въ эту комнату, Василій Миронычъ, занимаясь струганьемъ, не слышалъ ея прихода,—да и дверь была отворена. Дарья Андреевна подошла къ столу,—не видалъ ее хозяинъ. Пришлось окликнуть его.

— А-а! сказалъ онъ, выпрямясь. Потъ такъ покрывалъ его лобъ и щеки, что когда онъ обтеръ пхъ рукавомъ рубашки, то рукавъ почернѣлъ.—У меня и състь-то не на что. Вонъ на кровать сятые. И онъ сталъ убирать доски.

— Мнѣ некогда. Я вамъ принесла деньги.

— Скоро же... Ужъ вы не наговорили ли чего отцу?

Въ это время на дворѣ поднялся такой вѣтеръ, что закружились щепки, забѣгали съ крикомъ курицы, и сильно зашатавало ставни и обѣ половинки окна. На крыльцѣ вѣтеръ захлопнулъ и отперъ снова дверь.

— Ахъ, я пойду! Я когда шла сюда, такъ ужъ поднимался вѣтеръ и солнышко свѣтило тускло.

— А! вы грозы боитесь.

— Нѣтъ, не боюсь. Только... надо домой. Вотъ вамъ деньги.

— А книги возьмете?

— Ахъ, пожалуйста. Только поскорѣе.

Вѣтеръ, казалось, такъ и рвалъ все, что ни попадало на встрѣчу. Вонъ откуда-то во дворъ упала какая-то доска; съ сарайчика Мирона Мироныча сорвало полкрыши и разбросало прогнившія доски по этому и сосѣднему двору; поднялся шумъ, трескъ, гулъ, раздался раскатъ грома.

— Ай, батюшки! Я побѣгу!

— Куда же вы побѣжите? Вы не успеете добѣжать, какъ васъ всеѣ смочить. Смотрите, какія крупныя дождевины падаютъ.

Опять раскатъ грома; гроза приближалась быстро; становилось темнѣе и темнѣе; дождевины стали падать чаще и чаще.

— Нѣтъ, я побѣгу.

Она вышла во дворъ, потомъ отворила калитку. Вѣтеръ такъ и рвалъ; стало темно отъ пыли и нависшихъ черныхъ тучъ. Блеснула молнія, такая ослѣпительная, что Дарью Андреевну отшатнуло въ сторону и она пошла назадъ къ Василию Миронычу.

— Нѣтъ, ужъ я пережду лучше, сказала она, стараясь преодолѣть волненіе.

— Ну, и хорошо. Садитесь на кровать, — тутъ не опасно. Окна и вьюшки въ трубѣ закрыты.

— И какъ скоро! Я вышла изъ дому, ничего не было, только дулъ вѣтеръ и солнце было красное.

Блеснула опять молнія. Дарья Андреевна и Василій Миронычъ перекрестились. Черезъ пять секундъ грянулъ громъ — точно изъ пушки выпалилъ надъ самой головой и нѣсколько секундъ длился раскатъ его надъ потолкомъ этой комнаты.

— А что? и вы трусите? сказала Дарья Андреевна Василию Миронычу.

— Я не боюсь, только это как-то само собой сбъдлось, что я перекрестился.

— И я тоже. Отчего это?

Опять молнія и раскатъ грома. Пошелъ градъ. Стало темно. Молодые люди сѣли на кровать. Молнія то и дѣло освѣщала ихъ. Они нѣсколько минутъ молчали, точно имъ было страшно этого ослѣпительнаго блеска, почти черезъ три-пять секундъ освѣщающаго комнату, сильныхъ громовыхъ раскатовъ, шума отъ града, барабаниющаго въ стекла, свиста вѣтра, пошатывающаго стѣны дома.

— Страшно! проговорила Дарья Андреевна.

— А вы еще хотѣли идти—васъ бы убило.

— Оно бы и лучше!

— Глуности говорите.

— Въ самомъ дѣлѣ. Для чего я живу? людямъ я мѣшаю и пользы никому не приношу.

— Вы одна, что ли? Васъ много такихъ. Вотъ будете чиновницей—двѣтъ будете рожать. Развѣ это не польза?

— Я не пойду замужъ.

— Такъ вамъ я и повѣрю. Подвернется какой нибудь сахарный франтикъ, влюбитесь.

— Нѣтъ. Я не люблю никакихъ франтиковъ.

— Это еще неизвѣстно... Однако, какъ долго эта гроза не проходитьъ, и все еще темно. Да, Дарья Андреевна, началъ онъ со вздохомъ:—придетъ пора, умаститъ васъ какой нибудь франтикъ и сбъдетесь вы павой. Тогда вы объ нашемъ братѣ забудете. А вѣдь сколько прежде было говорено: не люблю молъ я этихъ пегодяевъ, они бѣдныхъ людей обижаютъ...

Блеснула молнія; Василій Миронычъ замѣтилъ, что Дарья Андреевна плачетъ. Ему сбъдлось больно. Онъ замолчалъ...

Опять блеснула молнія; Дарья Андреевна увидала, что Василій Миронычъ сидѣлъ уперши голову на обѣ ладони.

— Отчего это въ грозу невесело? вдругъ спросила Дарья Андреевна Василю Мироныча.

— Это еще ничего, что въ грозу; а то бываетъ часто, что и во снѣ грезятся ужасы, и встанешь, кажется, свѣжій, а такъ бы и не глядѣлъ на свѣтъ. У всякаго есть свое горе. У меня, напримѣръ, горе, отчего я не выучился книжкамъ, чтобы хоть лекаремъ сбъдаться. А тутъ еще за работу денегъ не платятъ. Зло беретъ, когда идешь мимо большого дома: такъ и пахнетъ щами да жареной говядиной. Домой придешь, хоть не вшь горшницу. Вамъ что! положимъ, у васъ мачиха злая, такъ это не всегда будетъ. Вы дѣвушка красивая!

— Василю Миронычъ, зачѣмъ вы обижаете меня? Еслибы я дѣйствительно хотѣла быть чиновницей или попадѣй, я давно

бы уже была ими; но я не хочу, потому что я все та же, ка-
кая была прежде.

— А что же потомъ будетъ?

— Я хочу работать, хочу жить такъ же, какъ и вы, своей
работой.

— Я тутъ что-то не понимаю. Какъ же вы, барышня, при
живыхъ родителяхъ будете заниматься работой? И какой это
такой работой?

— А вы знаете Марью Васильевну, повивальную бабку?

— Ну. Ужь не хотите ли вы въ бабки? И онъ захохоталъ.

Стало свѣтлѣе, гроза унялась.

— Тутъ ничего нѣтъ худаго. Знаете что?—я васъ давно знаю,
мы были прежде друзьями и я теперь считаю васъ за друга и
какъ другу скажу, что мнѣ невыносима эта жизнь; мнѣ не нравят-
ся эти люди, хотя они и простые. Мнѣ хочется жить такъ, чтобы
у меня было все свое — и хлѣбъ, и одежда, и квартира, такъ
чтобы никто не смѣлъ упрекнуть меня въ томъ, что я живу на
чужой счетъ.

— Ну, это трудно. Ужь если мы, мужчины, бьемся, какъ
рыба объ ледъ, то вамъ-то едва ли придется жить такъ, какъ
вы хотите. Все это одни мечты.

— Я знаю многихъ женщинъ, которыя работаютъ и живутъ
безъ помощи мужчинъ. Возьмите, на примѣръ, Гладырину, Ла-
кушеву.

— Онъ мѣщанки, а вы барышня.

— Въ Егорьевскѣ я знаю многихъ барышень. Я хочу попро-
бовать. И какъ только будетъ возможность вырваться мнѣ от-
сюда, я уѣду въ Егорьевскъ, пойду въ швейный магазинъ. Вы
знаете мой характеръ: ужь если я что задумала, оно такъ и
будетъ. А родни я своей не боюсь.

Лицо ея горѣло, голосъ ея возвышался; Василій Миropyчъ
серьезно смотрѣлъ на нее.

Когда она замолчала, онъ взялъ ее за руку и крѣпко сжалъ.

— Попробуй! Если только, Даша, это правда, то ты лучше
меня. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я живу здѣсь? Говорятъ, что я
хорошій слесарь, а стань я въ Егорьевскѣ работать—осмѣютъ.
Здѣсь заказываютъ немногіе, да и то кое-какъ выручишь за
лѣсъ, клей и краску... Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ! Повду
и я въ Егорьевскъ.

— А отецъ?

— Отецъ держать не станетъ.

— Однако, дождь, кажется, перестаетъ. Гдѣ у тебя книги?

— Книги-то? и онъ досталъ изъ-подъ кровати цѣлый мѣшокъ
книгъ.

— Вчера, началъ онъ:—какъ я пришелъ отъ тебя домой,

злость на меня напала, и самъ не знаю почему. Сталь клинъ тесать—испортилъ, бросилъ все; пошелъ къ отцу, тотъ собираетъ въ деревню, а потомъ и уѣхалъ съ матерью за Болгу, въ Ивановку—тамъ сегодня именины. Ну, вотъ, сталь перерывать книги. Попалась какая-то медицинская, старая такая. Ну посмотрѣлъ, смотрю—„Средство отъ лихорадки“,—думаю, пригодится; другая тоже медицинская, третья безъ начала и конца, четвертая на собачьемъ языкѣ (иностранныя), а одна даже разозлила меня. Да вотъ она: „Труды вольно-экономическаго общества“. Посмотрѣлъ на одно мѣсто, горничныхъ ругаютъ мерзавками, а мужиковъ—это нашего брата—хамами; что насъ-де надо драть, бить и, ради экономіи, денегъ не платить намъ... Я чуть съ ума не сошелъ и хотѣлъ швырнуть мѣшокъ, да попалась цѣлая книжка с оч. Кокорева. Сталь читать—повравилась. Славно и вѣрно напечатана. Я хоть въ Москвѣ и не бывалъ, а какъ видно, и тамъ не лучше здѣшняго жизнь-то.

— Ты мнѣ дай эту.

— Ладно. Потомъ попалась сказка „Мужичокъ съ ноготокъ, борода съ докотокъ“. Ужъ больно сладко. Я сѣлъ на полъ, да такъ чуть до половины и не прочиталъ.

Дарья Андреевна забрала четыре книги.

— Ты скоро поѣдешь въ Егорьевскъ? спросилъ ее Василій Миронычъ.

— Какъ папаша отпуститъ.

— Когда ты поѣдешь, и я поѣду.

— Зачѣмъ это вмѣстѣ?

— Ну, я послѣ пріѣду. Можетъ, ты не хочешь, чтобъ я тамъ жилъ?

— Нѣтъ... зачѣмъ...

— Знаешь, Даша, иной разъ такая на меня тоска находить—просто убѣжалъ бы. Думаешь, думаешь... оказывается, что... такъ бы вотъ и женился; а тутъ какъ на зло товарищъ-сверстникъ придетъ да и похвалится своею женою, что она у него баба славная и прочее.

— Что же—женись.

— Денегъ нѣтъ. А жену съ деньгами я не хочу брать. А что, пошла бы ты за меня замужъ, еслибы я имѣлъ хорошій заработокъ?

— Не знаю. Можетъ быть, и пошла бы, еслибы имѣла свой кусокъ хлѣба. Однако, до свиданья.

Они распрощались пожатіемъ рукъ.

Гроза оставила послѣ себя порядочные слѣды; во многихъ окнахъ стекла разбиты, въ садахъ деревья надломлены; вонъ поперекъ дороги лежатъ два сухихъ дерева, вырванныхъ почти съ корнемъ, на улицѣ песокъ и глину смыло въ одну сто-

рону, въ которой образовалась глубокая канава, полная воды, и самая земля на улицѣ приняла видъ гладкаго тѣста съ небольшими полосками, а тамъ, гдѣ полянка, на травѣ вѣжлились красные червяки, которые при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ очень быстро уползали въ просверленные ими дыры. Теперь было свѣжо, пахло хорошо, дышалось лучше, но тучи еще плохо очищали небо. Въ домъ Яковлева тоже много было разбито стеколъ, а вѣтромъ сорвало почти всю лицевую сторону крыши, доски отъ которой валялись по площади; деревья же тоже много было поломано; заплотъ въ двухъ мѣстахъ упалъ. Самъ Андрей Ивановичъ ходилъ въ саду и ругалъ грозу на чемъ свѣтъ стоитъ; Трифонъ помогалъ ему поднимать деревья.

— Ну, слава Богу. А я думалъ ужъ Богъ знаетъ что, проговорилъ Андрей Ивановичъ, увидя дочь.

— Ивановъ не отпустилъ меня.

— Ну, ничего. Вели ставить самоваръ, да приготовь водки: я пошелъ въ калошахъ да промочилъ ноги, такъ и ломить.

— Охота вамъ съ садомъ возиться. Надо доски собрать, что съ крыши сорвало, а то растащутъ, говорилъ Трифонъ.

— И то правда. Народъ подлець — живо расхитить. Ну, и гроза! Давно ужъ такой не бывало.

Только что они вошли во дворъ, къ воротамъ подѣхала пролетка. Въ ней сидѣли Зиновьевъ съ Анисьей Осиповной.

Пріятельницы расцаловались, а отцы ругали грозу. У Зиновьева домъ остался цѣлъ и невредимъ, только на рѣкѣ у него расшатало два плота съ бревнами, которые и уплыли теперь внизъ, а рабочіе неизвѣстно куда разбѣжались.

Пріятельницы ушли въ отдѣльную комнату и на-скоро передали другъ другу свою жизнь, за все время, пока онѣ не видались.

— Ну, что, мачиха — думаетъ сюда ѣхать? спросила Дарья Андреевна Анисью Осиповну.

— Она на тебя ужъ пѣла, пѣла, — даже тошно было слушать. Она было и отцу моему говорила, чтобы онъ не позволялъ мнѣ видѣться съ тобой, но онъ ничего не отвѣчалъ. И вотъ видишь, я даже съ нимъ пріѣхала.

— Ну что, ты ребятъ учила въ Никольскомъ?

— Не только учила, даже старухъ лечила.

— Какъ такъ?

— А очень просто. Одна дѣвчонка жаловалась мнѣ, что у ней горло болитъ, я велѣла ей придти къ сестрѣ, дала меду и велѣла полоскать горло. Ну, горло и перестало болѣть. Одинъ парень порѣзалъ палець — я приложила алоя, ну и затянуло рану. Вотъ бабы и стали ходить ко мнѣ. Матушка, барышня,

вылечи, у меня животъ болитъ; ну, я скажу отцу Николаю, — а онъ учился медицинѣ немножко, и дастъ бабѣ порошокъ или кастороваго масла. Только теперь эта школа ухнула.

— Зачѣмъ?

— Тутъ цѣлая исторія, моя милая. Школу Петропавловскій завелъ чрезъ полгода, какъ пріѣхалъ въ село. До него тамъ ребятъ учили дьяконъ и пономарь. Стало быть, Николай Федорычъ и отбилъ у нихъ доходъ; вѣдь онъ училъ даромъ, по своей охотѣ. Это, я тебѣ скажу, человекъ рѣдкій изъ духовнаго званія. Ну, крестьяне сначала не довѣрялись ему; онъ былъ молодъ, бражничать или пьянствовать съ кѣмъ бы то ни было онъ и теперь не любитъ, такъ что крестьяне долго не могли къ нему привыкнуть: „какой онъ удивительный, ровно и не попъ совсѣмъ!“ говорили они. Но, какъ и всегда бываетъ, потомъ они привыкли къ нему, да и онъ сталъ съ ними сближаться почти ежедневно, такъ какъ ему дали пашню и покосъ. Узналъ онъ, что крестьянъ землей обрѣзали; онъ пошелъ къ посреднику, но правды не добился: посредникъ сказалъ, что крестьяне сами изъявили на то согласіе. Вотъ онъ и отдалъ свои пашни крестьянамъ, но какъ узналъ объ этомъ помѣщикъ, предложилъ ему другой клочокъ земли, а этотъ взялъ себѣ, на томъ основаніи, что та земля въ крестьянскій надѣлъ не вошла. Начались стычки съ помѣщикомъ. Сталъ онъ просить помѣщеніе для школы—не даютъ: пустыхъ домовъ нѣтъ. Ну, онъ сталъ просить разрѣшенія отъ начальства съ тѣмъ, что школа можетъ помѣщаться въ его домѣ. А ему дали полукаменный домъ. Когда ему разрѣшили завести школу, онъ поселился въ верхнемъ этажѣ, а внизу, въ большой комнатѣ, устроилъ лавки, столы—и школа открылась. Ребятъ и дѣвочекъ стало ходить много; училъ онъ самъ закону Божію, арифметикѣ, исторіи, рассказывалъ, отчего земля вертится, свѣча горитъ, отчего громъ, и такъ занималъ ребятъ, что тѣ всѣ любили его, а Анята учитъ писать, читать и особенно дѣвочекъ шитью. Пригласилъ-было онъ дьякона, только ребята стали жаловаться, что тотъ приходитъ пьяный, дерется и ругается. Николай Федорычъ и отстранилъ его. Дьяконъ разозлился, пожаловался помѣщику, насказалъ, что Петропавловскій одинъ со своею женою забираетъ съ крестьянъ деньги и учитъ фармазонству. Помѣщикъ пріѣхалъ самъ, послушалъ и ничего не нашелъ худаго, только замѣтилъ, что крестьянскимъ мальчикамъ полезно только знать законъ Божій, знаніе же, почему рыбы могутъ жить только въ водѣ—для нихъ совсѣмъ ненужно и преждевременно. Конечно, Николай Федорычъ его не послушался и помѣщикъ въ школу не заглядывалъ до нынѣшней весны. На зиму онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а въ его отсутствие Николай Федорычъ придумалъ для крестьянъ развлеченіе. Объявилъ онъ имъ, что по воскресеньямъ, подъ вечеръ, школа открыта для всѣхъ, какъ для дѣтей, такъ и для родителей и

ихъ родни и вообще для всѣхъ желающихъ обоего пола. Все шло отлично. Только пріѣхалъ помѣщикъ въ воскресенье, послѣ крестьянскаго обѣда, то есть часу во второмъ, а его встрѣтило одно волостное начальство, крестьяне же сбѣгались въ школу. Утромъ Николай Федорычъ пошелъ поздравлять помѣщика съ пріѣздомъ, а тотъ высказалъ ему свое удивленіе, что у него, священника, въ домѣ образовалось что-то въ родъ клуба. Однако, все это объяснилось кой-какъ, и помѣщикъ даже позвалъ Николая Федорыча съ его женой и меня на обѣдъ, во время котораго очень ужъ увивался за мною его сынъ, правовѣдъ. На третій день послѣ этого правовѣдъ пришелъ въ школу; въ школѣ я учила ребятъ писать. Онъ началъ гримасничать, мѣшать мнѣ, и какъ только я сяду къ столу, чтобы показывать дѣвочкамъ, какъ шить, онъ начинаетъ говорить: какая вы красавица, а возитесь съ грязными ребятшками.

— Красивъ онъ?

— Рыжій, карявій, глаза тусклые, какъ у слѣпой собаки, и въ очкахъ. Я, конечно, сказала ему, что онъ глупъ. А онъ мнѣ и говоритъ: отъ васъ зависитъ многое. — Что такое? спрашиваю. А то, говоритъ, что г. Петропавловскій революціонеръ. Я не помню, что отвѣчала ему, но ушла и рассказала все Николаю Федорычу. Тотъ порѣшилъ закрыть воскресныя собранія; но каково же вышло наше удивленіе, когда, въ пятницу, къ намъ пріѣхалъ мировой посредникъ и сказалъ Николаю Федорычу, чтобы онъ для своей безопасности закрылъ школу. Николай Федорычъ не послушался; тогда пріѣхалъ исправникъ, и формально приказалъ Николаю Федорычу закрыть школу и вынести изъ нея столы и лавки, такъ что теперь внизу, гдѣ была школа, живутъ двое офицеровъ.

— А мы ничего не слышали.

— Это еще ничего; Николай Федорычъ узналъ, что помѣщикъ донесъ на него архіерею, а исправникъ губернатору. Вѣроятно, его переведутъ въ какую нибудь трущобу.

Пришелъ Осипъ Флорычъ.

— Пора и домой.

— Папаша, успѣемъ еще; я такъ рада, что Даша пріѣхала.

— Успѣете еще наговориться до свадьбы. Одѣвайся, и онъ ушелъ.

— Ты развѣ выходишь замужъ?

— Какой-то егорьевскій купецъ за меня сватается. Я его не видала.

— Пойдешь?

— Я еще не сошла съ ума. Я лучше соглашусь мерзнуть въ лавкѣ, чѣмъ выйти замужъ за того, кого не знаю. Я уже составила себѣ планъ: когда мнѣ исполнится совершеннолѣтіе, то попрошу отца выдѣлить мнѣ причитающуюся часть денегъ и

съ этими деньгами поѣду въ Петербургъ. Авось тамъ и выучусь чему-нибудь. А здѣсь ни чему не выучишься и не у кого; безъ диплома въ учительницы не примутъ, а шить я лѣнлива.

— Пора! крикнулъ Зиновьевъ.

Пріятелиницы разстались.

— Каковъ, папаша, нашъ исправникъ? сказала отцу Дарья Андреевна за ужиномъ.

— А что?

Дарья Андреевна рассказала ему подвигъ въ Никольскомъ.

— Ну, матушка, это дѣло не наше. Илья Иванычъ дѣйствовалъ не съ бухты-барахты, а по приказу. Еслибы у него было побольше такихъ дѣлъ, онъ бы ужъ сколько орденовъ нахваталъ.

XII.

Приближалась ильинская ярмарка; до Ильина-дня оставалось всего недѣля.

Городъ понемногу оживлялся. На площади, передъ Богородицкой церковью, строили нѣсколько балагановъ съ прилавками посрединѣ и съ полками по стѣнамъ. Съ ранняго утра терлись тутъ ребята: одни изъ любопытства узнать, чей это строится балаганъ; другіе отъ нечего дѣлать, чтобы поострить надъ плотниками-мѣщанами и солдатами; третьи и преимущественно дѣвицы, держа въ рукахъ дырявые мѣшки или грязныя тряпицы, выжидали случая, какъ бы имъ ловчѣ стащить какой-нибудь обрубокъ, маленькій чурбанъ и нѣсколько большихъ щепъ. Плотники, разумѣется, ругались, колотили надобливыхъ мальчугановъ, гнали прочь дѣвочекъ, потому что они сами хотѣли воспользоваться чурбанами и коротенькими дощечками — остатками, которые они намѣревались употребить на покрывши къ горшкамъ и т. п. Работали они не спѣша, да и торопиться не стоило, во первыхъ, потому, что до Ильина-дня еще нѣсколько дней, а во вторыхъ, работаютъ они артелью, по подряду городского головы Зиновьева. Надо замѣтить, что плотники, мало занятые въ городѣ работой и добывающіе себѣ пропитаніе гасканіемъ клади съ судовъ и на суда лѣтомъ, а зимой возкою воды съ рѣки и разноскою ее по домамъ, самовольною порубкою лѣса и продажею дровъ горожанамъ и потомъ безцѣльнымъ шатаніемъ по рынку въ субботы и изъ одного дома въ другой, — эти плотники ильинской ярмаркѣ были рады, какъ рады испостившіеся достаточные православные христіане свѣтлому Христову воскресенію, потому что каждый изъ нихъ получалъ за работу, среднимъ числомъ, за одну недѣлю три рубля.

У Андрея Иваныча въ огородѣ и въ саду посѣло много добра и онъ продалъ все, что было похуже, очень выгодно, все же хорошее оставилъ у себя, и ему бы, кажется, нужно было быть веселымъ; прежде онъ то-и-дѣло хвастался, что зашибалъ деньгу даромъ, т.-е. надувалъ торгашей, но теперь онъ былъ угрюмъ, молчаливъ, лицо его пожелтѣло и похудѣло; онъ мало спалъ, пилъ плохо. Дарья Андреевна приписывала это, во первыхъ, предстоящей ревизіи, и, во вторыхъ, неявленію Марины Осиповны. Какъ бы то ни было, а Андрей Иванычъ съ каждымъ днемъ становился болѣе и болѣе страннымъ человѣкомъ. Вставалъ онъ, попрежнему, рано, бродилъ по саду, только бродилъ безъ всякой цѣли; случалось, онъ бралъ удочку, сидѣлъ съ нею у своего пруда, закидывалъ лесу, но рыба точно вся передохла или не понимала того, что хозяинъ хочетъ ее изловить, и даже ни одна не задѣвала за лесу; пробовалъ онъ и съ пароходной пристани ловить рыбу, но и тамъ не видалъ клева. Теперь ужъ онъ не молился съ прежною торжественностію въ залѣ, не потому, чтобы ему неловко было позвать для этого Дарью Андреевну, а ему какъ-будто стыдно было передъ собой разыгрывать роль патріарха. Иногда, по утрамъ, онъ сидѣлъ на какой-нибудь скамейкѣ, устроенной на набережной, въ корпичевой шинели, въ большой фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, упершись на толстую дубовую палку. Свою фигурую онъ походилъ на стараго пастора, обдумывающаго свою будущую проповѣдь; но еслибы кто взглянулъ въ это время на его лицо, тотъ бы сказалъ, что это, должно быть, человѣкъ больной: лицо его имѣло до того болѣзненный видъ, что, казалось, ему уже немного дней осталось жить; глаза его или слипались, или апатично уставлялись на одинъ предметъ; что же касается до внутренняго состояніи Андрея Иваныча, то онъ чувствовалъ какое-то изнеможеніе, боль въ головѣ, щемленіе въ сердцѣ; его ничто не развеселило, напротивъ, ему было невыносимо скучно, онъ не зналъ, куда ему дѣваться, и въ будущемъ видѣлъ какую-то пустоту. Наконецъ, ему и тутъ противно сидѣть, онъ уходилъ домой и, незамѣтно для Дарьи Андреевны, достаетъ изъ погреба бутылку наливки, выпиваетъ ее до чаю, прidetъ въ столовую, но едва-едва выпьетъ свою большую чашку чая, и неохотно отвѣчаетъ на слова Дарьи Андреевны. Наконецъ, дошло до того, что и за чаемъ молчали оба—отецъ и дочь. Дарья Андреевна замѣтила, что отцу не нравится, когда она спрашиваетъ о его здоровьѣ и отчего онъ такой скучный; онъ отвѣчалъ надорваннымъ голосомъ, съ злымъ взглядомъ и уходилъ прочь, не допивъ чая или не дотронувшись даже до него. Замѣтила она также, что ни городскія новости, ни смѣшныя рассказы не только не развлекали его, но тоже или злили, или наводили еще болѣе грусти. Утромъ и днемъ еще ничего; тогда онъ, по крайней мѣрѣ, занимался дѣломъ, разговаривалъ съ судейски-

ми служащими, за то вечеромъ онъ дѣлался или еще угрюмѣе, или что-то ворчалъ, ходя по комнатамъ, и потомъ, допивши бутылку крѣпкой наливки, долго лежалъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ, уставивши глаза въ потолокъ и не обращая вниманія на огромный нагаръ сальной свѣчки.

Дарья Андреевна никакъ не могла понять, что такое сдѣлалось съ ея отцомъ. Состояніе его ее мучило; она похудѣла, на сердцѣ у нея было тяжело, мысли шли невеселыя, работа клеилась плохо и она частенько поплакивала. А работа у нея была: она попросила жену Иванова, Наталью Семеновну, достать ей какое нибудь платье шить. Хотѣла Дарья Андреевна пригласить лекаря, но лекарь былъ пьяница, да и безъ согласія отца приглашать было неловко. Посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. Сказала она протопопу Третьякову, тотъ навѣдался къ Андрею Иванычу и навелъ на него еще больше хандры; стала она чаще приглашать Ависью Осиповну, отецъ не могъ выносить ея смѣха и громкаго разговора и уходилъ изъ комнаты въ садъ. Сказала она и Василью Миронычу, что съ отцомъ ея что-то неладно дѣлается: тотъ улынулся и сказалъ:

— Съ жиру бѣсится!

Такъ что Дарья Андреевна за эти слова не влюбилась молодого Иванова.

Въ городѣ тоже замѣчали, что съ виннымъ приставомъ что-то неладно, и приписывали это одни — уничтоженію откуповъ съ будущаго года и оставленію его за штатомъ, а другіе — тому, что его бросила жена, утащивъ у него казенныя деньги, которыя онъ не знаетъ какимъ манеромъ пополнить.

Но, что бы ни говорили люди, никто не зналъ, что дѣлается съ Андреемъ Иванычемъ, потому что онъ никому не высказывалъ ни слова и сосредоточился самъ въ себѣ.

До отъѣзда жены его безпокоило отношеніе дочери къ Маринѣ Осиповнѣ; потомъ онъ встревожился, когда жена уѣхала изъ города; далѣе, когда Дарья Андреевна сказала ему, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются, онъ рѣшилъ, что дѣйствительно имъ обѣимъ вмѣстѣ жить неловко. Но къ нему ходили гости, ему было весело, хотя и тогда мысль, что онъ живетъ безъ хозяйки, съ которою было бы вполнѣ весело, омрачала его. И вотъ гости перестали ходить; Трынкинъ и Яновскій перестали ему кланяться; судья, исправникъ и казначей тоже косятся на него и вотъ ужъ три недѣли не принимаютъ къ себѣ; остальные горожане смотрятъ на него двусмысленно. Сталъ онъ доискиваться причины всему этому, и причину эту нашелъ. Это была его дочь, Дарья. Въ самомъ дѣлѣ, когда она была въ монастырѣ, все шло хорошо; бывали съ женой непріятности, но пустяшныя. Какъ только пріѣхала она — все вверхъ дномъ повернулось. Теперь, по его мнѣнію, Дарья была кругомъ виновата. Напримѣръ, зачѣмъ она не из-

вѣстила его изъ Егорьевска подробнымъ письмомъ о томъ, что она хочетъ ѣхать къ нимъ, и не написала вѣжливаго письма Маринѣ Осиповнѣ, если она знала, что та ее не любитъ? Ему казалось, что Дарья Андреевна съ самаго прїѣзда къ нему держала себя какъ выскочка какая нибудь; она даже ему, отцу, объявила, что прїѣхала сюда затѣмъ, чтобы онъ благословилъ ее на швейную, по его мнѣнію, постыдную работу; въ ней онъ мало по малу сталъ находить много такого, что вовсе не согласно съ его понятіями, убѣжденіями, его прошлою жизнью; она не походитъ на другихъ его дочерей, она не походитъ и на другихъ дѣвицъ—все у ней не по старинному выходитъ, не такъ, какъ у другихъ, а какъ-то по своему; даже въ разговорахъ съ мужчинами, кое-чему учившимися и занимающими хорошія должности, у ней какая-то рѣзкость и неприличіе, несвойственнымъ благонаправной и благовоспитанной дѣвицѣ. Все это такъ и проглядываетъ въ каждомъ ея словѣ, а въ движеніяхъ и въ особенности въ манерахъ ея нѣтъ степенства, чтобы, на примѣръ, стоять или сидѣть съ сложенными руками и смотрѣть смиренными глазами, а какая-то явится сейчасъ живость, точно она Богъ-вѣсть какая особа, а не дочь ничтожнаго виннаго пристава. Ему не нравилось, что она сама отказала двумъ женихамъ, не посоветовавшись съ нимъ, а тутъ еще исправникъ намекнулъ, что его дочь пристрастна къ народу, т. е. къ черни, и особенно къ курчавымъ волосамъ. Онъ догадался, и этотъ намекъ точно пришибъ его. Онъ хотѣлъ ее выдать замужъ, потому что понималъ это дѣло такъ: ему Богъ далъ дочь, чтобы ее выдать замужъ, чтобы отъ нея были дѣти, но нужно выдать непременно за чиновника. По его мнѣнію, были несчастны тѣ родители, которые не умѣли выгодно пристроить дочерей. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы его дочь вышла замужъ за мѣщанина, притомъ бѣднаго. Это было бы для него позоромъ. Но онъ не выпрашивалъ объ этомъ Дарью Андреевну, не слѣдилъ за нею: ему не хотѣлось вѣрять. Но вотъ разъ онъ замѣтилъ, что она что-то шьетъ.

- Это ты что шьешь?
- Рубашку.
- Кому?
- Жена Иванова просила.
- А!

И онъ ушелъ. Теперь ему показалось, что его дочь дѣйствительно думаетъ выйти замужъ за мѣщанина. Ему хотѣлось поговорить съ нею серьезно, вразумить ее, что этотъ бракъ неравный, что тутъ не будетъ никакого согласія, что вся родня отвернется не только отъ нея, но даже и отъ него, но онъ находилъ себя неспособнымъ говорить съ ней, потому что зналъ ея настойчивый характеръ, насиліе же употреблять онъ нахо-

диль бесполезнымъ. И вотъ онъ мучился, не зная, что ему дѣлать, и зацпль снова, тайкомъ отъ дочери. Пробоваль-было онъ разъ начать, да ничего не вышло.

Вошелъ онъ въ ея комнату. Она читала „Журналъ Вольнаго Экономическаго Общества“ прошлаго столѣтїя. Какъ только онъ вошелъ, она сказала съ улыбкой:

— Какъ широко прежде господа жили: вонъ тутъ только на столъ одному лицу велѣно отпускатъ въ мѣсяцъ тридцать тысячъ.

— А ты господъ не любишь, кажется?

— Да, помилуйте, папаша, тридцать тысячъ вѣдь ужасно много! Еслибы намъ дали на столъ тридцать рублей на тогдашнїя деньги, мы бы богачи были.

— Охота тебѣ всякую нелѣпость читать.

— Какая же это нелѣпость—видите подпись?

— Что мнѣ въ подписяхъ. Лучше хоть бы шила... что ли...

— Да я ужъ шила.

— И денежки получила? спросилъ онъ съ злой улыбкой.

Щеки Дарьи Андреевны покраснѣли?

— Ну, что жъ, получила много?

— Я помогала женѣ Иванова отъ нечего дѣлать. Она брала шить отъ какого-то приказчика съ пристани. Дастъ—хорошо, не дастъ—Богъ съ ней, въ другой разъ не возьму. Даромъ-то вѣдь не совѣмъ прїятно сидѣть нагнувшись по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ.

Отецъ повернулся и ушелъ. „Хитрая! и въ кого это родилась?“ спрашиваль себя Андрей Иванычъ.

Вотъ и канунъ Ильина-дня. Горожане суетятся въ домахъ, торопливо ходятъ по улицамъ; всѣ какъ будто въ напряженномъ состоянїи, а въ домѣ Андрея Иваныча точно кто при смерти находится. Самъ онъ бродитъ еле-еле, что-то изрѣдка шепчетъ; Дарья Андреевна сидитъ блѣдная, прислушиваясь къ его шагамъ, кашлю, стараясь услышать что нибудь изъ его шептанїй, ночью ей не спится; къ ней вкралось подозрѣнїе—не замышляетъ ли отецъ чего худаго. Она и бритвы и ножики перочинные отобрала отъ него; она, какъ онъ уйдетъ, все у него перебирала, стараясь найти какое нибудь орудїе, а когда онъ уходитъ въ садъ, то она часто бѣгала туда взглянуть издали, что дѣлаетъ отецъ. Даже прислуга, и та повѣсила носы: всѣ больше спали и единственнымъ ихъ разговоромъ было то, что вотъ они проживутъ до завтра и отойдутъ отъ Яковлева, который, пожалуй, того и гляди, что помретъ, а съ мертваго что возьмешь.

Вечеромъ Ильинскъ принималъ праздничный видъ; мужчины и женщины, одѣтыя въ самыя лучшія платья, по средствамъ каждаго, шли изъ церкви кучами по домамъ; одни говорили,

другіе хохотали, третьи зѣвали, аристократы ѣхали въ пролеткахъ съ смѣющимися дамами и безъ гордости снимали шляпы на поклонъ какого нибудь торговца; кое-откуда слышались ухарскія пѣсни; кое-гдѣ изъ дворовъ слышалась ругань пьянаго мужчины и визгъ женщины, сопровождаемый тоже руганью; кое-гдѣ на углахъ торчали въ одиночку пьяные мѣщане въ халатѣ въ накидку и въ фуражкѣ съ козырькомъ на бокъ, съ подушетофомъ или козушкой въ одной рукѣ и, пошатываясь, несвязно что-то говорили вслухъ. Одинъ только Андрей Ивановичъ шелъ изъ церкви угрюмый, не слушая, повидимому, болтовни шедшаго рядомъ съ нимъ Павлова, который былъ одѣтъ такъ, какъ будто онъ собирался сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Такъ зайдемте? спросилъ робко Павловъ Андрея Ивановича.

— Къ тебѣ-то? Пожалуй, пойдѣмъ.

Андрей Ивановичъ ни разу не бывалъ у Павлова въ домѣ. Павловъ, выходя изъ церкви, пригласилъ его къ себѣ выпить чаю; тотъ въ другое время ни за что бы не пошелъ, но теперь ему хотѣлось развлечься. Внутренность дома Павлова была не очень привлекательна: стѣны покачнувшіяся, но обклеенныя писаной и книжной бумагой, потолоки неровные, полъ хотя и устланъ половиками, но одна его сторона была выше, другая ниже. Впрочемъ, всѣ вещи были въ порядкѣ; все было чисто, только отзывало бѣдностью.

Когда они пришли въ комнату, тамъ у стола, накрытаго красною скатертью и на которомъ стоялъ самоваръ съ чайникомъ и посуда, сидѣла въ бѣломъ чепчикѣ мать Павлова, а двѣнадцатилѣтняя черномазая дѣвочка съ подстриженными въ скобку волосами неистово царапала обѣими руками голую спину старухи. При входѣ гостя дѣвочка вмигъ поправила рубашку на старухѣ, накинула на ея плеча шаль и сѣла на другой стулъ рядомъ съ ней, сложивъ на колѣна руки и туло глядя на вошедшихъ.

— Что жъ ты, мерзавка! проговорила старуха.

— Богъ на помощь, бабушка. Съ праздникомъ, проговорилъ Андрей Ивановичъ.

— А! батюшка, Андрей Ивановичъ! Спасибо—не поспѣсивилась. Охъ, слѣпа стала совсѣмъ! Даемъ-то еще кое-какъ маракую, а какъ вечеръ—совсѣмъ не вижу.

— И меня не видишь?

— Вижу, ровно тѣнь, а отличить не могу. Машутка, носи калачей, да смотри не ковыряй пальцами-то, приказала она дѣвочкѣ. Та не торопясь ушла.

— Это чья? спросилъ Андрей Ивановичъ Павлова.

— Мамашина племянница. А мы, Андрей Ивановичъ, не выпьемъ ли передъ чаемъ-то?

— Ты ужь радъ! Праздникъ-то завтра; еще до него умереть можно... проворчала старуха.

— Ничего, передь чаемъ по одной можно, сказалъ Андрей Иванычъ.

Павловъ скрылся; Андрей Иванычъ занялся со старухой. Та жаловалась на свою бѣдность, происходящую оттого, что мужъ ея пошавшись подь судъ, не оставилъ ей пенсіона; жаловалась она на гордость людскую, на неуваженіе къ ней сына, который хотя и не пьетъ теперь, но неизвѣстно куда дѣваетъ деньги, и наконецъ до того расчувствовалась, что заплакала. Андрей Иванычъ старался ее утѣшить какъ могъ и общалъ непремѣнно послѣ Успенья Пресвятой Богородицы сыграть свадьбу и водворить ее къ себѣ.

— И, батюшка, золотомъ обсыпь, не покину свою избушку. Я такъ привыкла къ ней, что мнѣ и ночи не ночевать въ другомъ мѣстѣ.

— А если тебя зашибеть?

— Не зашибеть: много дѣтъ ужь домъ такъ-то стоять. Ну, а если Господь прогнѣвается да меня зашибеть, такъ все же я въ своемъ дому помру.

Пришелъ Павловъ и принесъ полный графинъ водки съ двумя красными стручками на днѣ его и тарелку съ грибами; дѣвочка принесла остальное. Бесѣда шла весело; старуха, выпивши двѣ рюмки, оказалась до того говорливою, что скоро надоѣла Андрею Иванычу, а если онъ заговаривалъ съ Павловымъ, она обижалась и говорила: ты съ нимъ не говори, меня слушай. Андрей Иванычъ выпилъ передь чаемъ одну рюмку, а Павловъ успѣлъ выпить двѣ; черезъ часъ послѣ чая въ графинѣ водки было уже на палець. Старуха объясняла это такъ:

— Онъ такой человекъ, что не можетъ оставить посуду съ водкой. Ты ему дай шкаликъ—онъ весь выпьетъ, дай полштофъ—кажется, совсемъ ужь пьянъ и спать лягетъ, да какъ вспомнить, что у него въ графинѣ еще есть, непремѣнно выпьетъ.

Андрей Иванычъ захмѣлѣлъ порядочно. Теперь у него явилась храбрость и онъ готовъ былъ объясниться съ дочерью. Старуха тоже захмѣлѣла, но ей хотѣлось говорить; она что-то начинала нѣсколько разъ. Вдругъ Павловъ скрылся куда-то; старуха, почувствовавъ, что нѣтъ сына, начала:

— А скоро ты Дарью-то Андревну выдаешь?

— Что?

— Я спрашиваю, скоро ли молъ ты ее замужъ отдаешь?

— За кого?

— За Ваську Иванова.

— Какъ такъ?

— Вотъ тѣ и разъ! Такъ это неправда! То-то я все думала: ужъ не рехнулся ли въ умѣ нашъ приставъ...

— Кто это тебѣ совралъ?

— Да старуха Голоушина, что рядомъ съ Ивановымъ живетъ, говорила мнѣ одной по секрету, что Дарья Андреевна часто ходитъ къ молодому Иванову.

— Врешь ты, старуха! До старости ты дожила, а ума не нажила.

— Что дѣлать... Я говорю что слышала, а сама не видала.

— Ну, молчи, коли хочешь, чтобы твой сынъ женился на моей дочери.

Старуха замолчала, а Андрей Ивановичъ, весьма разсердившись, ушелъ домой.

Пришелъ онъ часу въ двѣнадцатомъ и отправился прямо въ кабинетъ.

— Кушать хотите? спросила его Дарья Андреевна.

— Нѣтъ сказалъ онъ охриплымъ голосомъ и взглянулъ на нее сурово.

Дарья Андреевна замѣтила, что отецъ пьянъ, и очень разсердилась на Павлова; но ее испугали его злые глаза и охрипый отвѣтъ.

Отецъ раздѣвался. Она ушла въ свою комнату, сѣла къ столу и ей сдѣлалось горько, что отношенія отца къ ней измѣнились. Она уже давно замѣчаетъ эту перемѣну въ его злыхъ взглядахъ и улыбкахъ, по его отрывочно рѣзкимъ словамъ, по его подсматриванью за ней; горько, что всѣ, можетъ быть, горожане, какъ бы у нихъ ни было велико горе, спокойно заснутъ эту ночь съ надеждой дожить до завтрашняго дня, чтобы провести время у когонибудь и залить свое горе если не пивомъ и водкой, то хотя дружескими разговорами... Печаль, тоска, одиночество, неопредѣленность будущаго—все это давило ея мозгъ, щемило сердце больно-больно, и она горько-горько и долго плакала...

Она не замѣтила, какъ вошелъ отецъ въ ея комнату и стоялъ въ халатѣ у дверей со свѣчкой въ одной рукѣ,

— Змѣя! У-у-у, ты змѣ-я!! проворчалъ онъ, скрипя неистово зубами.

Дарья Андреевна встрепенулась, взглянула и съ ней чуть не сдѣлался обморокъ: халатъ на отца не былъ запахнуть, свѣчка дрожала, лицо его было блѣдно, глаза искрились, волосы торчали какъ щетина... Она хотѣла встать, но не могла, а смотрѣла на него, и чѣмъ больше она смотрѣла на него, тѣмъ меньше онъ казался ей; наконецъ онъ казался ей такъ малъ, что какъ будто стоялъ гдѣ-то далеко въ туманѣ.

Отецъ повернулся и она, очнувшись, увидала его во весь ростъ. Онъ ушелъ, вѣжливо хлопнувъ дверьми.

Нѣсколько минутъ Дарья Андреевна не могла придти въ себя отъ этой сцены. Слезы уже не шли изъ глазъ; ее пробирала дрожь, такъ что стучали зубы, тряслись руки, въ головѣ былъ жаръ. „Господи! зачѣмъ я пріѣхала сюда? Уйду я; уйду теперь же... Но это, можетъ быть, онъ съ пьяна... вѣтъ, я не могу теперь спать, я пойду въ садъ“. Она встала, ее пошатывало... Когда она вышла изъ комнаты, то дверь въ кабинетъ была отворена; стала она отпирать дверь въ прихожую—заперта, но ключъ тугъ; она повернула ключъ,—замокъ щелкнулъ, половинка двери заскрипѣла.

— Куда-а!! спросилъ отецъ полууязвительно и полупрезрительно, стоя въ дверяхъ кабинета со свѣчкой.

Дарья Андреевна вздрогнула.

— Тебя спрашиваютъ? крикнулъ отецъ, подходя къ ней и сжимая кулакъ.

— Въ садъ, папаша.

— Къ любовника-амъ! А!! любовниковъ завела...

— Папаша...

— Молчать!..

У отца выпалъ подсвѣчникъ. Дарья Андреевна подняла его, поправила свѣчку и понесла ее въ кабинетъ. Отецъ вошелъ за ней. Дарья Андреевна хотѣла говорить съ отцомъ, но у нея пересохло горло, она дрожала еще пуще прежняго и не могла сказать нѣсколько словъ.

Она пошла въ свою комнату, отецъ пропустилъ ее и проводилъ суровымъ взглядомъ. Комнату она заперла; легла въ изнеможени на кровать, но заснуть не могла: ей было то очень жарко, то очень холодно.

Отецъ дернулъ за скобку двери.

Я здѣсь; оставьте меня... проговорила она едва-едва.

Въ это время слышалось звяканье колокольчиковъ все ближе и ближе, наконецъ перестало у дома Яковлева. Пріѣхала Марина Осиповна съ Марьей Андреевной, Осипомъ Андреичемъ съ его супругой и дѣтьми.

Андрей Ивановичъ повеселѣлъ, остальные тоже были веселы; Дарью Андреевну всѣ поцаловали. Она старалась быть веселой и бодрой, но выходило какъ-то плохо, такъ что Марѳа Антоновна спросила ее:

— Что съ тобой, моя милая? ты какъ будто нездорова.

— Голова немножко болитъ.

Комнату Дарьи Андреевны заняла Марѳа Антоновна, кабинетъ—Осипъ Андреичъ, а Марья съ Дарьей ушли въ дѣтскія. Марья Андреевна недолго рассказывала о своихъ подвигахъ въ садъ, скоро заснула, и какъ только она заснула, Дарья Андреевна ушла въ садъ и до полного разсвѣта бродила по саду или сидѣла гдѣ попало. Ночь была звѣжая, трава мокрая, но она не

обращала на это вниманія и только при полномъ разсвѣтѣ почувствовала всеобщую слабость въ тѣлѣ, такъ что едва-едва добралась до дѣтской, едва влѣзла на кровать и черезъ часъ съ ней сдѣлался бредъ.

Утромъ Андрей Иванычъ поѣхалъ на рынокъ. Онъ былъ веселѣе, чѣмъ вчера, и раскаявался въ своемъ грубомъ обращеніи съ дочерью. Теперь ему, трезвому, не вѣрилось, чтобы все то, что ему наговорила старуха Павлова на дочь, было правда; только онъ не понималъ того, — зачѣмъ она хотѣла идти въ садъ. Слезы ея онъ не замѣтилъ, потому-что когда онъ вошелъ съ помутившимися глазами и въ возбужденномъ состояніи, то она сидѣла облокотившись на столъ; но и это обстоятельство, благодаря пріѣзду жены и сына, онъ относилъ къ привычкѣ Дарьи Андреевны уходить въ садъ когда ей вздумается. „Ничего, думалъ онъ, перемелется—мука будетъ. Пожурить ее не мѣшало, потому она еще молода, мало знаетъ жизнь и людей. Предостеречь тоже не мѣшаетъ; послѣ сама спасибо скажетъ. Сегодня будутъ гости, — все забудется и пойдетъ своимъ чередомъ, а тамъ посмотримъ, что дальше предпринять“.

Въ балаганахъ укладывали на полки ситець, сукна и разные другіе товары; на рынкѣ копошились горожане съ мѣшками и лукошками; между рынкомъ и балаганами въ одномъ углу стояли коровы, три козы и три лошади, запряженныя въ тѣлеги; внизу у садковъ тоже былъ народъ. Купивъ рыбы, Андрей Иванычъ отправился на рынокъ. Посреди площади кучка мужчинъ и женщинъ голосили. Увидѣвши Яковлева, нѣсколько человекъ отдѣлилось отъ толпы и остановили его лошадь.

— Скажите на милость, что это вашъ Зиновьевъ творить? кричалъ одинъ мѣщанинъ.

— Что? спросилъ Андрей Иванычъ.

— А то: по какому праву говядина вонъ вмѣсто пяти копѣекъ продается по десяти?

— Какъ такъ?

— Очень просто! По десяти продается, и не у одного, а вездѣ.

— И не одно мясо, а и мука по три коп. фунтъ. Али это не разбой!

Къ Андрею Иванычу подошелъ Василій Миронычъ.

— Хоть вы уговорите прасоловъ не продавать дорого. Сами знаете, праздникъ большой; у многихъ гости будутъ...

Андрей Иванычъ пошелъ къ одному прасолу — просить во семь коп.

— Какъ же ты съ насъ просилъ десять? спросилъ Василій Миронычъ прасола.

— Ты не кричи! Ты не покупаешь, а только народъ мутпишь. Къ прасолу подошло много мѣщанъ и жевщицъ въ шляпкахъ и въ платкахъ. Всѣ вопили на несправедливость.

— Берите, берите кому надо. Продадимъ—и за двадцать не получите, дразнилъ народъ одинъ прасоль, рубя на части половинку. Дѣло въ томъ, что продавцовъ мяса было всего шесть человекъ на весь городъ и у каждаго мяса было небольшое количество.

Андрей Ивановичъ пошелъ къ другимъ прасоламъ и у одного купилъ мяса по шести коп. Стали торговать жены чиновниковъ и мѣщанъ—меньше девяти не отдаетъ. Опять крикъ.

— Ведите его къ исправнику! кричалъ Василий Миронычъ.

Толпа напала на прасола, прасола потащили, до мяса никто не дотрогивался.

— Что вы дѣлаете, негодяи? Вѣдь вы видѣли таксу? вступился Андрей Ивановичъ.

— Ишь ты! А тебѣ зачѣмъ онъ продалъ по шести коп.?

— Не твое дѣло! крикнулъ Андрей Ивановичъ. И сталъ закупать гусей, утокъ и проч., и невредимъ уѣхалъ домой.

Между тѣмъ мѣщане потащили прасола къ исправнику и хотя за выручку хотѣла съестъ его жена, но еѣ не пустили. Прасоль кричалъ, что онъ будетъ жаловаться начальству. Мѣщане разсудили, что надо тащить всѣхъ прасоловъ, а не одного, и поэтому, отпустивъ его, одни пошли къ исправнику, но дорогой между ними вышла ссора и половина, большею частію люди трусливые, разбрелись по домамъ. Исправника въ городѣ не оказалось—уѣхалъ на слѣдствіе. Пошли къ полицейскому приставу. Такъ-какъ Ильинскъ считался незначительнымъ городомъ съ небольшимъ населеніемъ, то въ немъ ни полицеймейстера ни городничаго не полагалось. Исправникъ завѣдывалъ какъ самымъ городомъ, такъ и его уѣздомъ, въ помощь же ему для управления городомъ полагались полицейскій приставъ и два квартальныхъ надзирателя. Отдѣльнаго зданія для полиціи въ Ильинскѣ не существовало, арестованные за кражу и другіе проступки сидѣли или въ темномъ чуланѣ того дома, который занималъ приставъ, или въ темной избѣ, построенной въ концѣ города по трактовой улицѣ, гдѣ также есть п амбаръ, въ которомъ хранятся пожарная труба и двѣ лѣстницы, никогда не употребляемая на пожарахъ по ихъ негодности.

Полицейскій приставъ сказалъ толпѣ, что ему теперь некогда, а если они видятъ съ чьей-нибудь стороны несправедливость, то могутъ жаловаться завтра формальнымъ образомъ.

— Да помилуйте! Они мясо продаютъ по десяти копѣекъ.

— А мнѣ какое дѣло!

— Какъ какое дѣло? На то ты и полиція.

— Кто это кричитъ? Не хочетъ ли онъ въ чуланъ?

— Господа! этому дѣлу попускаться не надо: надо писать жалобу губернатору, сказалъ Василій Миронычъ.

— А мы такъ и останемся безъ мяса?

— Что жъ такое? Намъ не привыкать вѣсть горошницу.

— Ишь ты! А праздникъ для чего данъ?

— Купимъ рыбы, а мяса покупать сегодня не стадемъ. Пусть они везутъ назадъ его.

— Дѣло!

Толпа повалила на рынокъ и съ хохотомъ, руганью и островами прошла мимо прасоловъ, торгующихъ мясомъ.

У Андрея Ивановича Ильинъ-день былъ всегда большимъ праздникомъ: послѣ обѣдни все духовенство, вся городская аристократія и даже знакомые помѣщики собирались у него. Сперва былъ молебень, потомъ чай, закуска, обѣдъ, гулянье въ саду и на ярмаркѣ, а вечеромъ устраивались танцы и весь домъ былъ иллюминированъ плашками, которыя привозились нарочно изъ Егорьевска. Но нынче онъ не думалъ устраивать ничего подобнаго, потому что у него мало было денегъ и жена прѣхала только ночью.

Какъ только онъ прѣхалъ домой и вошелъ въ сѣни, то засталъ тамъ какую-то бѣготню: кухарка бѣжала изъ кухни въ дѣтскую съ ковшомъ воды; Марина Осиповна кричала въ кухнѣ; Осипъ Андреичъ говорилъ что-то громко и торопливо въ дверяхъ дѣтской; Марѳа Автоновна пробѣжала въ кухню изъ передней.

— Даша нездорова! сказала вышедшая изъ кухни Марина Осиповна, увидѣвши Андрея Ивановича.

— Какъ? спросилъ тотъ съ испугомъ.

— Нездорова. Вся горить, бредить...

Андрей Ивановичъ вошелъ въ дѣтскую. Дарья Андреевна была блѣдна, волосы у ней были растрепаны, на лбу лежала тряпка, намоченная уксусомъ. Она бредила и, казалось, ничего не узнавала и не понимала того, что ей говорили. Около нея суетились Осипъ и Марья.

— Что за притча? И отчего бы это? Она вчера здорова была, только вечеромъ я замѣтилъ, что у нея, кажется, голова болѣла; она хотѣла идти въ садъ, но я не пустилъ ее, говорилъ Андрей Ивановичъ.

— Папаша, я съѣзжу за лекаремъ, сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Да, можетъ, пройдетъ! сказала Марина Осиповна.

— Какое пройдетъ, мамаша, у нея горячка, бредъ.

— Ахъ ты, Господи! Вотъ тебѣ и праздникъ.

Андрей Ивановичъ послалъ сына за лекаремъ, постоялъ у дочери, велѣлъ перенести кровать въ другую комнату и ушелъ наверхъ сильно опечаленный. Ему удивительнымъ казалось,

отчего она могла захворать. Приходило ему на память вчерашнее его поведеніе съ ней, но онъ никакъ не могъ допустить того, чтобы на нее могли повліять его рѣзкія слова. И вѣдь вздумала же она захворать непременно сегодня, когда къ нему могутъ напроситься на обѣдъ казначей, исправникъ и другіе; захворай она въ другой разъ, тогда бы ничего.

— Что жѣ вы расхаживаете? Надо что-нибудь дѣлать! напала на него Марина Осиповна.

— Я... право, такъ разстроены... Голова ходитъ кругомъ...

— Ужъ вы всегда такъ.

— Дѣлай, какъ знаешь!

— Нельзя же намъ изъ-за одной больной всѣмъ сидѣть по-вѣся носъ. Кто у насъ будетъ сегодня?

— Я, право, не знаю.

— Вы, кажется, безъ меня совсѣмъ дуракомъ сдѣлались.

— Ахъ, отстань ты отъ меня!...

И онъ ушелъ въ кабинетъ. Невеселыя мысли бродили въ его головѣ. Зазвонили сперва на соборъ, потомъ къ обѣднѣ— ему еще грустнѣе сдѣлалось, но онъ одѣлся въ форму. Пришелъ Осипъ и сказалъ, что лекаръ уѣхалъ съ исправникомъ въ уѣздъ.

— Можетъ быть, и пройдетъ, сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Конечно!... Эти женщины черезчуръ нѣжны; чуть что— и больна.

И отецъ съ сыномъ уѣхали въ церковь, дамы начали одѣваться; черезъ часъ въ домъ остались Марина Осиповна и кухарка, готовившія кушанья, и больная Дарья Андреевна, оставленная въ дѣтской безъ всякаго призора.

Обѣдню служилъ Пьянковъ съ священникомъ Ильинской церкви; Третьяковъ отъ служенія по болѣзни отказался, а стоялъ въ алтарѣ въ качествѣ зрителя. Ему было обидно, что Пьянковъ не уступалъ ему первенства въ служеніи. Въ церкви была вся городская знать; были тутъ и пріѣзжіе помѣщики, и такъ-какъ въ нее вмѣщалось не больше трехсотъ человекъ, то мѣщанъ попало немного и давка была страшная; за то около церкви и на площади было до двухъ тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Всѣ они гаддили о сегодняшней дороговизнѣ и хотѣли прижать Зиновьева, когда онъ пріѣдетъ. Народъ прибывалъ, но уже въ меньшей степени, и приходящіе говорили, что мясо теперь продается по прежней цѣнѣ и прасола жалуются, что ихъ заставили къ этому приравнять съ Зиновьевымъ... Народъ не зналъ, чему это приписать. Таксу видѣли многіе, она утверждена думой, только подписался не самъ Зиновьевъ. Всѣ занялись этимъ предметомъ и каждый толковалъ по своему, такъ что рѣдко кто былъ согласенъ съ мнѣніемъ пяти чѣловѣкъ. Пріѣхалъ Зиновьевъ; его пропустили молча, и онъ даже снялъ фуражку и поклонился, хотя ему никто не поклонился.

— Что вы, олухи царя небеснаго, молчите! Раньше кричали, а теперь и молчать, кричалъ молодой Ивановъ, когда Зиновьевъ вошелъ въ церковь.

— А ты боекъ, такъ и говори.

— Васъ если голодомъ заморять, вы и тутъ молчать будете.

— Кому говорить-то, коли согласія нѣтъ, коли все дураки, а одному не стоить—струсить, коли спрашивать будутъ!

Опять заговорилъ народъ, начался хохотъ; нѣсколько человѣкъ стало бороться. О дороговизнѣ уже не было и рѣчи; теперь судили о нарядахъ исправническихъ дочерей и пр.

На обѣдѣ Андрея Ивановича было немного гостей: духовенство и свои родные; былъ тутъ и Павловъ. Все они посмотрѣли на Дарью Андреевну, покачали головами и ушли, говоря: воля Божія! А самъ Зиновьевъ говорилъ: все это отъ гордости происходитъ; Бога мы забыли; родителей не почитаемъ. Марина же Осиповна, казалось, даже рада была болѣзни падчерицы и спросила какъ-то, между прочимъ, Марфу Антоновну:

— Какъ ты думаешь, выздоровѣетъ она, или нѣтъ?

— Дѣло чѣмъ-то серьезнымъ пахнетъ.

— Неужели?

— Если не будете лечить, пожалуй, и плохо.

Марина Осиповна ничего не сказала, но умильно взглянула на образъ.

Одна только Анисья Осиповна не отходила отъ больной, и хотя ее убѣждали, что она можетъ заразиться, и нѣсколько разъ звали къ обѣду, но она твердо рѣшилась не отходить отъ подруги до тѣхъ поръ, пока съ той не прекратится бредъ.

Андрей Ивановичъ тоже ходилъ повѣся носъ, часто спускался къ больной и когда смотрѣлъ на нее, то у него навertyвались слезы и его не могли развеселить шутки гостей, которые были очень веселы, ѣли и пили много, а послѣ обѣда разбрелись кто спать, кто на ярмарку, на которой было уже много пьянаго народа, щелкающаго орѣхи, кушающаго яблоки, покупающаго платки и гнилой ситецъ, или бродящаго безъ цѣли.

Праздникъ у Андрея Ивановича кончился невесело. Хватились вечеромъ Андрея Ивановича—нѣтъ его. Думали, не зашелъ ли онъ куда-нибудь, но Марья Андреевна, гулявшая съ Павловымъ по саду, случайно набрела на горку. Тамъ, на травѣ, лежалъ ея отецъ и передъ нимъ лежала пустая бутылка; стали звать его домой, онъ не пошелъ, а сказалъ, что у него болитъ голова и чтобы его оставили въ покоѣ. Хотѣли-было устроить танцы, но Осипъ Андреевичъ отсовѣтовалъ и ограничились только простою игрою въ карты.

Утромъ пришелъ Андрей Ивановичъ и сталъ одѣваться въ форму.

— Куда вы, папаша? спросилъ его Осипъ Андреичъ.

— Какъ куда? Развѣ ты не знаешь?... Въдѣ драть хотятъ. Слышишь—выдеремъ! И выдерутъ...

Сынъ съ испугомъ и удивленіемъ сталъ смотрѣть на отца.

— Ужь идутъ... А ты запри дверь-то, не пушай, проговорилъ съ испугомъ Андрей Ивановичъ.

— Что съ вами, папаша? спросилъ Осипъ Андреичъ.

— Двѣрь запри, говорятъ тебѣ!

Осипъ Андреичъ вышелъ, и поймавши Марину Осиповну въ корридорѣ, шепнулъ ей на ухо, что съ отцомъ что-то нехорошее случилось. Марина Осиповна пошла въ кабинетъ и черезъ четверть часа вернулась оттуда печальная. Сѣла она на стулъ въ залѣ и заплакала. Это удивило Марью Осиповну и Марю Антоновну; Осипъ Андреичъ бродилъ блѣдный.

— Боже мой! Боже мой!... до чего я дожила... говорила Марина Осиповна.

— Что такое? что такое? спрашивали въ испугъ дочь и жена Осипа Андреича.

Въ комнату вошелъ Андрей Ивановичъ въ мундирѣ, при шпагѣ; только у него не было надѣто ни манишки, ни жилета. Войдя въ комнату, онъ захохоталъ.

Женщины сидѣли съ вытянутыми лицами.

— А вы бѣжать? Нѣтъ, я васъ поймаю... Осипъ, скажи Николаю, чтобы онъ никого не смѣлъ пускать... Ишь, выдумали: драть! И кого? Меня... Ду-удки! проговорилъ Андрей Ивановичъ.

— Боже мой! Онъ съ ума сошелъ! И я... несчастная... жена сумасшедшаго, проговорила Марина Осиповна со слезами, и ей сдѣлялось дурно.

XIII.

Андрей Ивановичъ перепугалъ всѣхъ. Нѣсколько минутъ послѣ описанной сцены всѣ молчали, не зная, что предпринять, на что рѣшиться и какъ опредѣлить состояніе Андрея Ивановича. Марья Антоновна сперва было подумала, что Андрей Ивановичъ представляется, но когда онъ сталъ спускаться внизъ, то она рѣшила, что онъ дѣйствительно рехнулся умомъ и ей надо поскорѣе увязать; Марина Осиповна считала себя помѣшанною, потому что мысли ея не клепись, передъ ея глазами разстился туманъ, и слова: позоръ, стыдъ, срамъ то и дѣло готовы были сорваться съ языка; Марья Андреевна хотѣла

уйти внизъ, чтобы разболтать о случившемся Анясью Осиповицъ, но вдругъ въ ея голову влѣзла мысль: а пожалуй, она и не выйдегъ замужъ. Мачиха сказала, что отецъ съ ума сошелъ; Павловъ и теперь кобянится, а какъ узнаетъ, пожалуй, и откажется. Хотя же у нея и есть душенька изъ судейскихъ, только на него послѣ эдакаго скандала рассчитывать нечего. Ей теперь даже и по двору идти стыдно. Выйди она, всё будутъ на нее указывать пальцами и говорить: несчастная дѣвушка! Отецъ съ ума сошелъ, женихъ пьянчуга, да и тотъ, пожалуй, отказался. Осипъ Андреичъ чувствовалъ невыгодное положеніе мачихи и сестеръ, которыхъ ему, пожалуй, теперь придется содержать, такъ какъ онъ слышалъ, что суды въ домѣ недолго просуществуютъ.

Изъ этого состоянія вывелъ ихъ явившійся въ залу молодой человекъ въ вицъ-мундирѣ.

— Позвольте васъ спросить, здѣсь живетъ винный приставъ господинъ Яковлевъ?

— Здѣсь, но онъ боленъ. А вы по дѣлу?

— Да... Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Осипъ Андреичъ рекомендовался. Гость отвелъ его въ сторону.

— Я чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ губерніи, имѣю порученіе немедленно приступить къ производству слѣдствія.

Осипъ Андреичъ увелъ гостя въ кабинетъ.

— Извольте видѣть, отецъ боленъ. Вы это сами увидите.

— Могу я его видѣть?

— Онъ... онъ, кажется, въ горячкѣ.

— Но какъ же это кажется? вѣдь вы говорите положительно, что онъ боленъ.

— Да... у него тутъ что-то неладно. И Осипъ Андреичъ ткнулъ пальцемъ въ лобъ.

— А! это другое дѣло. И давно?

— Нѣсколько времени.

— Отчего же начальству не дали знать?

Въ кабинетъ вошелъ секретарь уѣзднаго суда и вызвалъ Осипа Андреича въ прихожую.

— А-а! Ради Бога уведите отца! Онъ тамъ въ судѣ у насъ такъ гудитъ, что никому заниматься невозможно: все прячется, подъ столы лѣзетъ.

Осипъ Андреичъ извинился передъ гостемъ, пригласилъ его въ залу, рекомендовалъ дамамъ, а самъ ушелъ внизъ. Марѳа Антоновна тотчасъ же овладѣла гостемъ и до того очаровала его, что онъ согласился обѣдать у Яковлева.

Кое-какъ Осипъ Андреичъ привелъ отца домой. Чиновникъ,

удовольрившись, что Яковлевъ дѣйствительно нездоровъ, послалъ кому слѣдуетъ бумагу объ освидѣтельствованіи его и объ отобраніи отъ него всѣхъ бумагъ по должности и потомъ ушелъ, обѣщаясь придти къ обѣду. На приглашеніе поселиться у нихъ онъ отказался.

Немного погодя, Андрей Ивановичъ пришелъ въ себя и долго удивлялся тому, что съ нимъ было. Потомъ онъ чего-то хватился и, доставши изъ стола письмо, подалъ его сыну.

— Я его вчера послѣ обѣда получилъ.

Сынъ сталъ читать, но на лицѣ его не замѣчалось испуга. Все дѣло состояло въ томъ, что Андрея Ивановича извѣщаль старинный пріятель изъ губернскаго правленія, что по доносу неизвѣстнаго лица назначено слѣдствіе по одному дѣлу, которое уже было рѣшено, что онъ представилъ такіе документы, что и губернскому правленію и уголовной палатѣ будетъ плохо, тѣмъ болѣе, что дѣло оказалось изъ архива исчезнувшимъ, что и Зиновьеву также не избѣжать суда.

— Это пустяки, потому что дѣла нѣтъ. Винаватъ архивариусъ. Начнутъ снова—многихъ свидѣтелей на лицо нѣтъ, прошло уже пять лѣтъ.

— А если трупъ стануть вскрывать?

— Да онъ уже сгнилъ; къ тому же, вы знаете нашихъ докторовъ...

— Однако, черепъ-то былъ прорубленъ.

— Стоитъ объ этомъ думать. А вотъ вамъ не мѣшало бы, папаша, въ баню сходить.

— И отлично.

Вѣрно было затопить баню, а Андрей Ивановичъ занялся перебараніемъ бумагъ; но недолго онъ этимъ занимался.

— Ты слышишь? спросилъ онъ сына съ дрожью; глаза у него были дикіе.

— Ничего не слышу.

— Драть хочуть!

— Полно вамъ.

— Ей-Богу. И выдеруть! Нужды нѣтъ, что я чиновникъ. Вонъ ихъ сколько—разъ, два, три... и Дарья тутъ. Слышишь!

Сынъ захохоталъ.

— Не вѣришь. Ну, стало быть, ты или глухъ, или набитый осель.

— Ей-Богу, ничего не слышу. •

— Тебѣ вѣдъ все равно—отецъ я тебѣ, или нѣтъ?

— Вотъ въ баню сходите—лучше будетъ.

— Слышь: отлично! Хорошъ сынокъ! Въ банѣ выдеремъ, выдеремъ, выд... Господи! Все, что я ни подумаю—они ужъ знаютъ. Осинъ! что это такое: я ихъ не вижу, а слышу и все

знакомые голоса: исправникъ, отецъ Сергій, всѣ... а Пьянковъ и Трынкинъ кричатъ больше всѣхъ и ровно они гдѣ-то въ полкъ или въ стѣнѣ.

Однимъ словомъ, съ Андреемъ Ивановичемъ сдѣлалась бѣлая горячка, чего не зналъ Осипъ Андреичъ, который вплоть до бани совсѣмъ измучился съ нимъ. Положить его на диванъ—отецъ не лежитъ, говоритъ, что въ него хотятъ камнями кидать; приложить горчишникъ ко лбу — хуже. Вышелъ онъ какъ-то ненадолго изъ кабинета, отецъ загородилъ дверь стульями, и когда Осипъ Андреичъ сталъ отпирать ее, отецъ такъ крѣпко ударилъ по двери палкой, что дверь захлопнулась, а палка выпала, и только благодаря этому послѣднему случаю Осипъ Андреичъ вошелъ въ кабинетъ цѣлъ.

Сталъ Осипъ Андреичъ звать отца въ баню — нейдетъ. Пришлось звать на помощь Трифона и Николая. Кое-какъ дотащили до бани, насильно раздѣли и насильно втащили на полкъ. Въ банѣ было очень жарко и даже немножко угарно. Стали Андрея Ивановича парить. Нѣсколько секундъ онъ барахтался и кричалъ, но потомъ съ нимъ сдѣлался ударъ: въ одинъ моментъ его передернуло, скрючило ноги и руки, искривился ротъ, пошла пѣна изо рта, потомъ его опять передернуло, члены выпрямились и онъ уже не дышалъ.

Парившіе струсили. Стали обливать его холодной водой, но уже къ жизни не возвратили.

Извѣстіе о смерти Андрея Ивановича Яковлева въ одинъ часъ облетѣло весь городъ, и черезъ два часа, когда обмытый трупъ уже лежалъ на столѣ посреди залы, покрытый парчей, и у изголовья читалъ псалтырь Миронъ Мироновичъ Ивановъ, къ дому его валили кучки любопытныхъ жителей города Ильинска. Толки шли разные: одни говорили, что онъ сгорѣлъ съ вина; другіе — что его ударилъ кондрашка, а третьи — что онъ въ сумашествіи самъ задавилъ себя; были и такіе люди, которые говорили, что у него лопнулъ животъ. Всѣхъ этихъ любопытныхъ пускали вплоть до вечера, и каждый изъ посѣтителей, впервые бывший въ домѣ Яковлева, непременно взглядывалъ на его лицо, крестился съ пожеланіемъ покойному царства небеснаго и уходя третировалъ все, что только замѣчалъ, и жалѣлъ многочисленную семью, оставленную покойнымъ. Вечеромъ, какъ водится, все городское духовенство служило надъ покойнымъ литію.

На другой день уже никого не стали пускать въ домъ, потому что изъ кабинета Андрея Ивановича исчезли золотые часы, а послѣ обѣда къ Маринѣ Осиповнѣ нагрянуло временное отдѣленіе земскаго суда, состоящее изъ исправника, стряпчачаго,

двухъ засѣдателей, одного земскаго, а другаго уѣзднаго суда, Яновскаго, чиновника уѣзднаго казначейства—въ качествѣ депутата со стороны казенной палаты, прїѣзжаго губернскаго чиновника, лекаря и фельдшера. Марина Осиповна испугалась столькихъ гостей, пришедшихъ къ ней въ формѣ, но ее успокоили тѣмъ, что нужно соблюсти формальность, то есть запечатать бумаги и дѣла, оставшіяся послѣ смерти виннаго пристава, а также провѣрить деньги. Марина Осиповна попросила сыскать духовное завѣщаніе.

— А онъ вамъ не давалъ его? спросилъ исправникъ Марину Осиповну.

— Нѣтъ. Но онъ, я помню, писалъ его. Онъ все мнѣ предоставилъ.

— Ну, мы поглядимъ. Онъ былъ человѣкъ аккуратный.

— Ради Бога. А то я останусь безъ куска хлѣба съ такимъ большимъ семействомъ.

Приступили къ описи бумагъ, находившихся въ кабинетѣ и въ канцеляріи Андрея Ивановича; при этомъ находились Марина Осиповна, Зиновьевъ и Осипъ Андреичъ съ женой. Перерыли всѣ бумаги, шкатулки, коробки—духовнаго завѣщанія, котораго такъ добивалась Марина Осиповна, не оказалось.

— Что я стану дѣлать! ломаю руки, говорила Марина Осиповна.

— Позабылъ, и все тутъ, утѣшалъ исправникъ.— Впрочемъ, вамъ что же унывать: съ дома вы получаете много... Мы васъ опекушкой назначимъ.

— Покорно благодарю! Чтобы я отчетъ дѣтямъ давала.

— Я, мамаша, не потребую, сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Я на васъ надѣюсь; но другіе... и она заплакала.

Принесли изъ казначейства ящикъ съ деньгами. Въ деньгахъ оказался недостатокъ.

— Плохо-съ! слезалъ исправникъ, уставивъ правый глазъ въ потолокъ.

— Нельзя ли внести? спросилъ Осипъ Андреичъ.

— Теперь еще можно—при насъ. Мы люди свои, сами иногда заимствуемся... Я, пожалуй, готовъ внести десять рублей, сказалъ исправникъ.

— Я этого не допущу—деньги не оказались при ревизіи, стало быть, дополнять уже поздно, вступился губернаторскій чиновникъ.

— Ну, полноте. Будто не все равно, когда будутъ деньги пополнены, проговорила умоляющимъ голосомъ и съ страстнымъ взглядомъ Марѳа Антоновна.

— Мариша, есть у тебя деньги? спросилъ Зиновьевъ Марину Осиповну.

— Нѣту, папаша, выручите, шеннула плачущая Марина Осиповна на ухо Зиновьеву.

— Ну, дѣлать нечего; не хочу, чтобы семья пошла по міру, а кормить мнѣ экую ораву не приходится... Я плачу, одинъ плачу! Сколько?

Сумма была пополнена однимъ Зиновьевымъ.

Чиновникъ губернатора предложилъ отдѣленію вскрыть трупъ, но на него накинудись исправникъ, Зиновьевъ и Марина Осиповна.

— Нѣтъ, ужъ шалишь, малый; я не дозволю. Я голова!.. Деньги я поподнилъ, а рѣзать Андрея не дозволю, говорилъ Зиновьевъ.

— Я этого требую на томъ основаніи, что онъ умеръ скоропостижно.

Дѣло зашло до крупнаго спора; на сторонѣ чиновника были стрипчій, лекаръ, депутатъ и Яновскій, на сторонѣ Зиновьева—остальные, и только глазки и умоляющія слова Марфы Антоновны спасли трупъ отъ вскрытія.

Марина Осиповна казалась убитою горемъ. Она ходила въ черномъ, наскоро сшитомъ, платьѣ, повѣся голову, съ охами и вздохами, казалась совсѣмъ растерянной; у нея все выпадало изъ рукъ, слова выговаривались несвязно; она забывала, о чемъ нѣсколько минутъ тому назадъ говорила, перебирала вещи сама не зная зачѣмъ; вездѣ былъ безпорядокъ, и она или ходила изъ комнаты въ комнату, или сидѣла по цѣлому часу неподвижно на одномъ мѣстѣ. Часто Осипъ Андреичъ просилъ у нея денегъ то на то, на другое, выводилъ ее изъ оцѣпененія, она глядѣла жалобно и говорила, что у нея нѣтъ денегъ, рылась въ комодѣ и доставала какую нибудь кредитную бумажку. А Осипъ Андреичъ просилъ денегъ часто, потому что зналъ, что мачиха сразу не дастъ много, а денегъ требовалось не мало; во первыхъ, онъ хотѣлъ схоронить отца съ шикомъ, а во вторыхъ, хотѣлъ устроить обѣдъ для всѣхъ близкихъ знакомыхъ Андрея Ивановича; своихъ же денегъ у него было мало, да и Марфа Антоновна не дозволила ему тратиться, на томъ основаніи, что у него у самого семейство, которое мѣсяца черезъ три, пожалуй, увеличится еще однимъ членомъ. Какъ нехороша ни казалась Маринѣ Осиповнѣ жизнь съ мужемъ, особенно въ послѣднее время, но теперь она сознавала, что тогда она властвовала; ей стоило только приказать, потребовать—и все являлось; какъ это являлось, откуда и изъ какихъ источниковъ—ей не было дѣла; у нея былъ помонъ гардеробъ, много посуды, много серебра,—все это она считала своимъ; къ этому она прибавляла еще, и еслибы ей пришлось выдать въ приданое Марѣ, то она

съумѣла бы дать то, что похуже; но теперь, теперь она одна. Все лежитъ на ней, на все она должна тратить свои деньги, потому что у Андрея Иваныча денегъ не оказалось. Она чувствовала какую-то пустоту, слышала сожалѣніе постороннихъ людей о томъ, что она осталась съ большимъ семействомъ, что суды грозятся переѣхать изъ дому и она будто бы не будетъ получать пенсіи, на томъ основаніи, что Андрея Иваныча снова отдали подъ судъ. Каковъ бы ни былъ Андрей Иванычъ, все-таки она была при немъ въ сторонѣ; она сознавала, хотя ей и обидно было, что онъ былъ практичнѣе ея и ей часто приходилось спрашивать его совѣтовъ, хотя она это дѣлала не прямо, а или издалека, или мимоходомъ. Теперь же, на первыхъ порахъ, она увидала хаосъ, наплывъ неизвѣстныхъ людей, которые до сихъ поръ не смѣли и въ прихожую войти, если не имѣли дѣла съ Андреемъ Иванычемъ; эти люди ходили по всѣмъ незапертымъ комнатамъ, какъ будто занимали этотъ домъ, а прогнать ихъ было неловко, потому что уже обычай такой, что чѣмъ больше придетъ народу отдать долгъ покойнику и пожелать ему царство небесное, тѣмъ больше чести тому дому, да и душа покойника чувствуетъ нѣкоторое облегченіе. Но вотъ украли часы. Кража случилась въ первый разъ въ домѣ, и этотъ примѣръ ничего не обѣщаль ей хорошаго въ будущемъ. Кромѣ этого, внизу лежитъ большая Дарья; ее надо лечить, потому что лекаръ самъ навязался и сказалъ, что если ее не будутъ лечить, то она помретъ; а не давать денегъ на лекарства и не приглашать лекаря—значить, убить падчерицу и стать во мнѣніи порядочныхъ людей злою женщиною, отъ которой могутъ отвернуться всѣ, а ей нужно было жить съ этими людьми. Она поняла, что теперь ей на родню надѣяться нечего. Она очень хорошо знала характеръ своего родителя: онъ хотя и пополнилъ сумму, но за то ужъ больше ничего и не дастъ; онъ и прежде укорялъ ее тѣмъ, что она вышла за годыша-чиновника, который только тѣмъ и хорошъ, что стряпчій. Будь она одна, ей бы легко было, она могла бы жить гдѣ захочетъ, но на ея рукахъ остались двѣ взрослые падчерицы, которыя будутъ требовать хлѣба, которыя совсѣмъ ей свяжутъ руки, а тутъ еще у нея свои дѣти. Остается одно: падчерицъ расовать къ родственникамъ, но онѣ все-таки, пока не выйдутъ замужъ, будутъ требовать отъ нея денегъ съ дома, какъ отъ опекуныши. Все это сбивало ее съ толку и въ голову ея закрадывались нехорошія, скверныя намѣренія: то ей хотѣлось продать домъ, раздѣлить деньги наслѣдникамъ и самой поселиться съ своими дѣтьми къ отцу; то ей хотѣлось забрать всю посуду и серебро и вообще всѣ цѣнныя вещи себѣ и сказать, что все это ей приданое; то хотѣлось, съ помощью отца, составить духовное завѣщаніе отъ имени Андрея Иваныча, который бы и домъ, и все имущество отказывалъ ей одной; но въ виду холоднаго трупа она боялась привести это въ исполненіе.

На похороны Андрея Ивановича собрался чуть не весь городъ; даже училища были закрыты, потому что учителя пошли тоже отдать послѣдній долгъ покойному, но собственно говоря, это былъ предлогъ къ тому, чтобы хорошо выпить и закусить на обѣдъ. Въ кухнѣ уже двое сутокъ, подъ руководствомъ племянницы протопопа Третьякова, Татьяны Ѳедоровны Поповой, сухошавой, молчаливой старухи, готовили кушанья кухарка Степанида и мѣщанки Зелениха и Наталья Семеновна Иванова. Кромѣ ихъ, въ домѣ были только больная Дарья Андреевна и Анисья Осиповна, и Василій Мироничъ, котораго Осипъ Андреевичъ пригласилъ подавать, во время обѣда кушанья.

Дарья Андреевна лежала въ безпамятствѣ съ окутанною головою; около кровати, на столикѣ, стояли склянки съ лекарствами и лежали часы, по которымъ Анисья Осиповна исправно давала больной лекарство. Василій Мироничъ сидѣлъ поодаль и съ тоской смотрѣлъ на блѣдное лицо и полуоткрытые глаза Дарьи Андреевны, которая не узнавала никого. Но когда прошла похоронная церемонія съ пѣніемъ „святой Боже“, она повернула лицо къ стоявшей около нея Анисьѣ Осиповнѣ, и широко открывъ глаза, дико стала смотрѣть на нее.

— Не беспокойся, душенька. Это музыка въ саду играетъ, сказала Анисья Осиповна.

— Поютъ, едва слышно проговорила больная.

— Это такъ кажется. Вотъ выше-ка кисленькаго. Василій Мироничъ, закройте ей ноги... Хотя бы она пропотѣла хорошенько.

Наступила тишина. Дарья Андреевна какъ будто забылась и только изрѣдка открывала глаза; Анисья Осиповна сидѣла около ея кровати и довязывала сѣтку; Василій Мироничъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на какую-то склянку. Онъ думалъ: отчего захворала Дарья Андреевна и что у нее за болѣзнь? Ему очень было больно; ему хотѣлось плакать, но при Анисьѣ Осиповнѣ онъ стыдился. Неужели она помретъ? думалъ онъ. Тогда что будетъ? Я буду одинъ, другую я не скоро сыщу такую, чтобы походила на нее. Я тогда уйду въ городъ, а здѣсь мнѣ будетъ скучно, работа не будетъ клеиться. А если она выздоровѣетъ? Что тогда? Захочетъ ли она жить такъ, какъ она думала, стерпеть ли? Ну, я женюсь, она будетъ хворать...

Такъ онъ думалъ въ комнатѣ больной и любимой имъ дѣвочки, и въ голову его закрадывалась нехорошая мысль: зачѣмъ мы сошлись и полюбили другъ другу; можетъ быть изъ этого не выйдетъ ровно ничего. Зачѣмъ же я мучусь; зачѣмъ не найду теперь въ городъ? зачѣмъ я не могу вотъ даже теперь выйти отсюда?

— Вы скоро въ Егорьевскъ уѣзжаете? спросила его вполголоса Анисья Осиповна.

— А вы почему это знаете? спросилъ онъ съ красными щеками.

— Даша сказывала.

— Не знаю. Можетъ быть, и скоро.

— Вы подождите исхода. Докторъ говоритъ, что Даша можетъ выздоровѣть. Вамъ пріятно будетъ видѣть ее здоровою?

— Всякому человѣку пріятнѣе видѣть здороваго.

— А по моему еще пріятнѣе ухаживать за больнымъ, чтобы сдѣлать его здоровымъ. А я вотъ замѣчаю, что вы пробывли здѣсь, впервые, не больше часу, а ужъ вамъ надобло.

— Неправда. А если я не сижу такъ около нея, такъ потому, что на это не имѣю права; меня вы же выгнали бы. Это разъ. Другое, я не такъ близокъ съ ней, какъ вы.

— Кузьма? сказала Дарья Андреевна и заметалась.

— Анисья Осиповна погрозила Василью Миронычу, чтобы онъ молчалъ или уходилъ бы прочь и кое-какъ успокоила больную. Прошло полчаса. Въ церкви зазвонили къ Достойно. Вдругъ послышались колокольцы и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату больной вошелъ Кузьма Андреичъ, высокій художавый 17-лѣтній мальчикъ, съ красивымъ лицомъ, черными глазами и черными длинными волосами. Онъ былъ въ сюртукъ.

Онъ тихонько подошелъ къ кровати, кивнулъ головой Анисью Осиповну и Василью Миронычу.

— Вы Кузьма Андреичъ, если не ошибаюсь!

— Да; а вы?

— Я? Ужели забыли Анисью Осиповну?.. Ради Бога, не подходите близко...

— Что съ нею?

— Горячка.

Кузьма Андреичъ печально посмотрѣлъ на сестру и отвелъ Анисью Осиповну въ сторону.

— Скажите пожалуйста: отчего умеръ отецъ?

— Богъ его знаетъ. Говорятъ, что у него была пьяная горячка, и его нужно было лечить холодной водой и давать лекарство, чтобы онъ заснулъ; а Осипъ Андреичъ распорядился истопить баню. Въ банѣ онъ и умеръ.

— Вася! Вася!.. зачѣмъ ты грому боишься... проговорила больная, глядя въ потолокъ.

— Бредить. А это кто? спросилъ Кузьма, указывая на молодого Иванова, который, при восклицаніи Дарьи Андреевны, поблѣднѣлъ.

— Это сынъ Иванова. Какъ вы, право, скоро всѣхъ перезабыли.

— Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Онъ случайно зашелъ: вашъ братъ пригласилъ его подавать кушанья.

— Кузьма Андреичъ ушелъ.

— Пойду и я въ кухню, сказалъ обиженно Ивановъ.

— Тамъ лучше? А! вы обидѣлись, что франтикъ не поздоровался съ вами? Это нехорошо.

— Обидно видѣть мальчишку, который корчитъ изъ себя барина и прежнихъ друзей не узнаетъ.

— Я не думала, что вы такой мелочной человекъ. Однако, вамъ пора идти готовить.

Ивановъ ушелъ.

Горе Марины Осиповны еще болѣе увеличилось утромъ на другой день, когда она припомнила вчерашнія событія. Событія эти тяжелы и не для одного человекъ: жилъ человекъ съ нами, составлялъ звено семейства, никому не мѣшалъ, и вотъ его закидали землей, могильщики безъ всякаго сожалѣнія и уваженія къ трупу ногами стали утаптывать землю. Никогда ужъ этотъ человекъ не воротится, никогда не услышится его словъ, крика, брани, хохота; ужъ теперь онъ не утѣшитъ семью прибавкою жалованья, полученіемъ должности, подаркомъ женѣ, дочери или сыну. Никому ужъ онъ не сдѣлаетъ теперь зла и никому не помѣшаетъ. До обѣда и во время обѣда за упокой Андрея Иваныча и пожеланіе ему царства небеснаго многими выпито было очень много водки, такъ что послѣ обѣда обѣдавшіе дошли до такого безобразія, что чуть не разодрались и не перебили посуду, стулья и стекла въ окнахъ. Приличнѣе вели себя тѣ, которые, какъ, напримѣръ судья, исправникъ и пр., часто посѣщали Андрея Иваныча; безобразничали же тѣ, которые никогда у него не бывали. Положимъ, что эти гости, наѣвшись и напившись до-сыта въ большой компаніи, за однимъ столомъ съ начальствомъ, совсѣмъ подъ конецъ обѣда позабыли, что они не въ гостяхъ, а на поминкахъ; положимъ, что отъ выпитой въ большомъ количествѣ водки, у нихъ явилась храбрость никого не бояться, не признавать никакихъ авторитетовъ, которые могутъ и должны когда-нибудь подвергнуться сѣдненію червей, подобно Андрею Иванычу; положимъ, что они, одурѣвшіе отъ водки, считали себя вправѣ ронять на полъ тарелки, какъ пріобрѣтенныя кривымъ путемъ; но во всемъ этомъ Марина Осиповна видѣла, какъ дѣлается человекъ ничтожнымъ, когда умереть. Изъ обращенія множества гостей она замѣтила натянутость, точно ей хотѣли сказать: ты теперь вдова, ничто. Но не это ее мучило. Ее мучилъ пріѣздъ Кузьмы Андреича и предчувствіе чего-то недобраго. Съ самаго появленія его въ церкви и кончая вечеромъ, она была сама не своя, точно надъ нею кто-то подсматривалъ; ее, незвѣстно почему, мучила совѣсть, она считала себя виноватою, но въ чемъ—она не могла додуматься. Кузьму никто не звалъ. Правда, Осипъ

Андрейчъ писалъ Ипполиту Аполлоновичу о смерти Андрея Иваныча, но о Кузьмѣ и помину не было. Онъ говорилъ вчера прямо за обѣдомъ, при всѣхъ, что онъ больше не хочетъ жить у Платоновыхъ, не будетъ и учиться, а поступитъ на службу въ казенную палату, гдѣ есть двѣ свободныя писцовскія вакансіи съ девятирублевымъ жалованьемъ. Положимъ, думала Марина Осиповна, онъ не будетъ учиться и, стало быть, не станетъ требовать денегъ на книги, за ученіе и на одежду, но не будетъ ли онъ ввязываться въ ея управленіе домою и имуществомъ? Не захочетъ ли онъ, какъ братъ ея дѣтей, требовать отчетовъ „отъ нея? Онъ и теперь считаетъ ее за какую-то постороннюю женщину въ домѣ; говоритъ нехоти—важно, смотритъ косо, свысока, да и другимъ оказываетъ какое-то пренебреженіе.

Марина Осиповна стала перебирать ложки, ножи и вилки, и все, что получше, положила въ шкатулку, намѣреваясь отвести ее послѣ чая къ отцу.

Между тѣмъ братья, спавшіе вмѣстѣ, проснулись рано. Поговоривъ о службѣ, о Платоновыхъ и дядѣ, Кузьма сказалъ брату:

— Вамъ бы, братецъ, не слѣдовало уѣзжать такъ рано.

— А что?

— Надо бы повѣрить имущество, составить опись.

— Ну, вотъ еще глупости!

— Нѣтъ, не глупости. Вы теперь, конечно, въ полученіи съ дома доходовъ не нуждаетесь.

— Оно бы, конечно, получать не мѣшало, потому что у меня своя семья. Но васъ много... я, пожалуй, и откажусь.

— А я отъ своей доли отказаться не могу, потому что я еще несовершеннолѣтній. Когда я буду совершеннолѣтній и стану занимать должность, тогда и я откажусь въ пользу малолѣтнихъ.

— Только едва-ли вы получите много съ дому. Лучше бы его продать.

— На это я несогласенъ, да и едва-ли другіе согласятся, потому что за домъ здѣсь едва-ли кто дастъ тысячу рублей, а его можно отдать подъ постой. Я слышалъ, здѣсь больницу хотять устроить. Но я говорю вовсе не о домѣ, а о вещахъ. Вѣдь у папаша серебра много осталось.

— Но я не думаю, чтобы то серебро, которое было вчера, принадлежало одному отцу. Вѣдь было шестьдесятъ-семь чело-вѣкъ.

— А я знаю, что это папашино.

— Почему ты знаешь?

— У меня есть доказательства. Послѣ смерти первой мамки

осталась шкатулка. Эту шкатулку взяла себѣ Даша и клала туда доскутки. Какъ-то передъ отъѣздомъ въ Егорьевскъ я былъ дома одинъ и перебиралъ въ этой шкатулкѣ доскутки. На днѣ, подъ толстымъ листомъ бумаги, я нашелъ нѣсколько писемъ и полъ-листа бумаги, на которомъ было написано что-то похожее на вѣдомость. Я эти бумаги взялъ и спряталъ, но не понималъ, что на полулистѣ былъ написанъ мачихой подробный счетъ платьямъ, посудѣ и серебру, и съ тѣхъ поръ, я часто читаю письма, къ ней писанныя родными, и этотъ счетъ.

— Это интересно. Онъ у тебя?

— У меня.

Кузьма досталъ изъ чемоданчика книжку и изъ нея вытащилъ засаленный и замаранный полулистъ бумаги. Осипъ Андрейчъ стоя читалъ.

— Однако, у отца-то много было въ то время добра... Э-э! да она и меня не забыла пропустить: „дано Осипу въ день его свадьбы полдюжины серебряныхъ ложекъ чайныхъ, столько же столовыхъ; Катеринѣ въ приданое по дюжинѣ ножей и вилокъ, по полдюжинѣ серебряныхъ ложекъ, чайныхъ и столовыхъ“. Однако, хорошо она сестеръ одѣляла... А отецъ-то ея— протопопъ Третьяковъ не очень-то много далъ ей. „Мною принесено въ приданое: 12 столовыхъ серебряныхъ ложекъ, 12 серебряныхъ чайныхъ, полдюжины серебряныхъ бокаловъ, два мѣдныхъ самовара...“

— Когда нынче зимой отецъ былъ въ Егорьевскѣ, то онъ купилъ дюжину чайныхъ позолоченныхъ ложекъ.

— Ну, я ихъ что-то не видалъ... А въ самомъ дѣлѣ, Кузьма, не мѣшаетъ намъ потребовать отъ мачихи опись. Намъ съ тобой, конечно, не надо серебра, а вотъ—у насъ есть сестры, ихъ обижать грѣхъ... Теперь меня беретъ сомнѣнiе: бокаловъ я не видалъ, а къ чаю даются, когда нѣтъ гостей, ложки польскаго серебра, изъ такихъ же ложекъ мы хлебаемъ и во время обѣдовъ. Я мачиху знаю; она женщина хитрая. Отца нѣтъ, контроля тоже,—она насъ не очень-то любитъ, особенно тебя и Дашу; пожалуй, Дашѣ она и ничего не дастъ.

— Вотъ поэтому-то я и прошу васъ настоять на описи.

— Но какъ приступить? Неловко.

— Позвать члена отъ дворянской опеки; провѣрить съ этимъ счетомъ.

— Какой ты злой!

— Тутъ не злость, а справедливость.

— Нѣтъ; зачѣмъ заводитъ непрiятности. Мы лучше домашнимъ образомъ. Вотъ сберемъ все за чаемъ и попросимъ написать, что у нея есть, и нотомъ распредѣлимъ, кому что слѣдуетъ. Жаль, что Даша нездорова.

Подъ вліаніемъ предшествовавшихъ дней и преимущественно вчерашняго, всѣ собравшіяся въ столовую къ чаю лица имѣли грустный видъ. Всѣ молчали, потому что Марина Осиповна сидѣла, упершись на руки, какъ убитая великимъ горемъ; изъ другихъ комнатъ слышался плескъ, журчанье и шлепанье—тамъ мыли полы. Даже Владиміръ съ Евлампіей сидѣли смирно, поглядывая неопредѣленно то на мать, то на Кузьму, то на Осипа Андреевича.

— Не знаю, право, сколько заплатитъ Зеленихъ и Ивановой, сказала какъ будто про себя Марина Осиповна.

— Что-жъ имъ платить! Если они готовили кушанья, то вѣроятно ѣли, какъ никогда. Онѣ должны быть и за это благодарны. А за мытье половъ можно дать и по десяти копеекъ каждой, сказала Марѳа Антоновна.

— Я думаю дать имъ холста; у меня есть старое, оно уже никуда негодится.

— И прекрасно. А лошадь, я думаю, Ося, намъ не мѣшало бы купить.

— Пожалуй. Только она плохая. Ну, да это ничего; въ селѣ, на вольномъ корму, откормится. Возокъ я тоже непременно возьму. Папаша сказывалъ, что онъ заплатилъ за него тридцать рублей, но я пожалуй дамъ десять, потому что много на починку выдеть.

— Вамъ, мамаша, будетъ и одной коровы. Подарите мнѣ другую, сказала Марѳа Антоновна.

— Нѣтъ, я ее и не продамъ даже. Покойный говорилъ, что онъ ее дастъ въ приданое Марьѣ Андреевнѣ. А вотъ ужъ если дѣло дошло до продажи и дѣлежа вещей покойнаго, то я думаю, садъ бы можно продать—не весь, а по уголь. Та часть совсѣмъ лишняя.

— Но кто же его купитъ? Къ тому же какъ домъ, такъ и садъ теперь принадлежать дѣтямъ папашы. Старшіе же братья и сестры наши живутъ въ разныхъ мѣстахъ, и если не будутъ требовать своихъ долей съ доходовъ, то, въ случаѣ продажи дома или мѣста, потребуютъ свои части... сказалъ Осипъ Андреичъ.

— Эдакъ мнѣ ничего не достанется.

— Вамъ придется только седьмая часть.

— Мало же я заслужила! и Марина Осиповна заплакала. Всѣ замолчали.

— Мамаша! Вы отдайте мнѣ халатъ папашинъ. Современемъ я выплачу деньги за него, сказалъ Кузьма Андрепчъ.

— Что вы, Господь съ вами! Вѣдь Андрей Иванычъ въ немъ въ баню ходилъ; его мертваго въ халатъ принесли, проговорила съ ужасомъ Марина Осиповна.

— Я не трусливъ.

— Но я ужъ его отдала Трифону.

— Напрасно. Халатъ, я думаю, стоитъ рублей десять. А сапоги тоже подарили?

— Сапоги я отдала Мирону Иванову.

— Чтобы онъ ихъ пропилъ?

— Онъ не пьяница, замѣтилъ Осипъ Андреичъ.

— И молодому Иванову тоже дали чтонибудь? опять спросилъ Кузьма Андреичъ.

— Неужели, по вашему, я все негодное должна держать въ комнатахъ, обидѣлась Марина Осиповна.

— Я не думаю, чтобы у папаши было чтонибудь негодное; напимѣръ, тюфякъ, что унесъ этотъ мѣщаниншко, могъ бы пригодиться для когонибудь и почише его.

— Не мнѣ ли это?

— Полно тебѣ, Кузьма! Ты еще мальчикъ молодой, а суешься не въ свое дѣло, сказала Осипъ Андреичъ и всталъ.

— Нѣтъ, мое дѣло и ваше дѣло. У насъ еще двѣ сестры на возрастъ, потомъ Володя и Евлаша маленькія, горячился Кузьма.

— И тебя не спросятъ, какъ устроить ихъ судьбу, сказалъ сердито Осипъ Андреичъ.

— Я требую, чтобы всему имѣнію, особенно серебру, была сдѣлана опись, пока мы здѣсь.

Всѣ пришли въ ужасъ; у всѣхъ языки оцѣпенѣли. Марину Осиповну точно обухомъ ударило по головѣ.

— Дуракъ, братъ, ты, и больше ничего, сказалъ Осипъ Андреичъ не своимъ голосомъ.

— Какъ вы учтивы, молодой человекъ! сказала Марѳа Антоновна.

Марья Андреевна отъ испуга заплакала.

Марина Осиповна встала, выпрямилась и съ волненіемъ проговорила:

— Покорно благодарю, Кузьма Андреичъ! Покорно благодарю! Чужіе люди выучили васъ добру—нечего сказать... выучили... Что вы, грабить меня намѣрены, что ли? Что же вы молчите?... Безсовѣстный вы, безсовѣстный.

— Дайте намъ опись...

— Хорошо!! Осипъ Андреичъ! Марѳа Антоновна! Марья Андреевна! пожалуйста... Я все покажу... Володя и Евлаша... бѣдные мои! проговорила рыдая Марина Осиповна и пошла изъ столовой.

— Скотина ты, Кузьма! Попомни ты все это, — слышишь!! проговорилъ угрожающимъ голосомъ Осипъ Андреичъ.

— Вы отступитесь? спросилъ брата Кузьма и всталъ.

— Уѣзжай-ка, братъ, лучше туда, откуда прѣхалъ, и Осипъ повернулъ брата къ двери.

— Хорошо!

И Кузьма Андреичъ ушелъ изъ дому.

Долго онъ бродилъ по набережной, стараясь провѣтриться и настроить свои мысли на надлежащій ладъ. Сперва онъ находилъ, что поступилъ честно и благородно; требовалъ онъ не за себя, а за безъсловесныхъ сестеръ, которыхъ мачиха могла обидѣть всегда, особенно Дарью, которую онъ очень любилъ и болѣзнь которой относилъ къ вліянію мачихи; потомъ онъ пришелъ къ тому заключенію, что онъ погорячился и ему нужно бы было выждать. Но и тутъ показалось, что мачиха могла уже все цѣнное запрятать для себя заблаговременно и поступокъ Осипа Андреича показался ему нехорошимъ. Впрочемъ, отъ Осипа онъ и не ждалъ защиты, такъ-какъ тотъ и прежде не любилъ его. Пошелъ онъ къ судью, какъ уѣздному предводителю дворянства, попросилъ его сдѣлать опись имѣнію, но тотъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что его заявленіе, какъ заявленіе одного члена и притомъ несовершеннолѣтняго, ничего не значитъ; что же касается до части доходовъ съ дома, то онъ будетъ наблюдать за этимъ. Когда Кузьма сталъ возражать, судья рѣзко замѣтилъ ему, что онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы учить людей старше его.

Послѣ обѣда, Кузьма Андреичъ уѣхалъ на пароходъ въ Егорьевскъ, оставивъ мачиху больною въ постели.

Осипъ Андреичъ тоже уѣхалъ домой, а жена его съ дѣтьми осталась ухаживать за больной Мариной Осиповной.

Домъ Яковлева превратился въ больницу.

XIV.

Прошло двѣ недѣли.

Марина Осиповна пролежала только двое сутокъ, а Марѳа Антоновна прожила у нея съ недѣлю, но ей жизнь въ Ильинскѣ такъ опротивѣла, что она рѣшилась съѣздить поразвлечься въ Егорьевскъ, куда и уѣхала, оставивъ у Марины Осиповны дѣтей. Дарья Андреевна начала выздоравливать, но поправлялась медленно; Анисья Осиповна уже не находила необходимости постоянно дежурить при больной и только ежедневно просиживала у нея часа по два, по три. Марья Андреевна скучала, сидѣла молча, вздыхала и часто плакала. Ея женихъ Павловъ пересталъ ходить къ ней, а отъ Зеленихи она узнала, что онъ ходитъ въ домъ состоятельнаго мѣщанина Акулова и, по всей вѣроятности, женится на его единственной дочери, еже-

ли только не воспрепятствуетъ мать невѣсты. Марина Осиповна это тоже узнала, и сообразивъ, что теперь на ея шеѣ находится двѣ дѣвлицы, измѣнила и съ нею прежнія дружескія отношенія.

— Что же вы все это сидите безъ дѣла, точно женшка ждете. Не умѣли хорошенько обходиться съ нимъ, вотъ онъ и не ходитъ, сказала она однажды Марья Андреевнѣ.

— Виновата развѣ я, мамаша?

— Вы только хохотать умѣете да наряжаться не къ лицу. Ну, что вы теперь будете дѣлать? На что вы способны?

— Ну, чѣмъ же я виновата! Господи! И она заплакала.

— Вотъ глупая-то дѣвица! сказала Марина Осиповна и ушла. Марья Андреевна ушла въ дѣтскую, гдѣ Дарья Андреевна сидѣла на кровати и разсматривала вязанье Анисьи Осиповны.

— Ахъ я несчастная, несчастная... зарыдала Марья Андреевна.

Дарья Андреевна и Анисья Осиповна взглянули на нее, но ничего не сказали. Анисья Осиповна тоже знала объ охлажденіи къ Марья Андреевнѣ ея жениха и сообщила объ этомъ своей подругѣ. Дарья Андреевна уже много знала, но отъ нея еще скрывали смерть отца, а говорили, что онъ уѣхалъ, неизвестно зачѣмъ, въ Егорьевскъ.

— О чемъ это вы, Марья Андреевна, плачете? Вѣдь вы скоро замужъ пойдете, сказала съ улыбкой Анисья Осиповна.

— Охъ! Несчастливая я...

— Да въ чемъ дѣло, Маша? спросила сестру Дарья Андреевна.

— Подлецъ Павловъ... охъ... Вчера встрѣтился со мной и не кланяется. Я ему говорю: сѣсивы стали. Другую, моль, вѣрно невѣсту нашлп. А онъ—„ну, хоть бы и такъ!“ говорить.

— Стоить объ чемъ печалиться! Вѣдь онъ пьяница, и ты знала это. Неужели тебѣ пріятно жить съ пьяницей? говорила Дарья Андреевна.

— Да теперь... мачиха...

Анисья Осиповна взглянула на нее и приложила палецъ къ губамъ. Марья Андреевна вышла.

— Ты что-то скрываешь, кажется? спросила Анисью Осиповну Дарья Андреевна съ полуиспугомъ.

— Какая ты нынче недовѣрчивая стала. Все дѣло въ томъ, что Марина Осиповна теперь грызетъ ее за то, что она только весь день наряжается и торчитъ въ бесѣдкѣ, а Павловъ не ходитъ. А ты знаешь, что Марья Андреевна не спуститъ. Ну, вотъ у нихъ ссоры и драки; я думаю, что у Марья Андреевны порядочно выдергано волосъ.

— Что же это папаша не ѣдетъ?

— Я слышала, что онъ захворалъ тамъ.

Дарья Андреевна легла и долго молчала. Анисья Осиповна развлекала ее часа два и ушла, когда она заснула.

— Пожалуйста, Марина Осиповна, ты не говори Дашѣ объ Андреѣ Ивановичѣ. Она еще слаба и не вынесетъ, пожалуй. Я ей сказала, что отецъ боленъ, и едва-едва успокоила. Послѣ, какъ совсѣмъ выздоровѣть, тогда можно сказать прямо да и къ тому времени она много передумаетъ и ей не такъ тяжело будетъ услышать грустное извѣстіе, просила Анисья Осиповна сестру.

— Сказать придется, пожалуй, скоро, потому что завтра суды наши сѣзжаются отъ насъ. Она услышитъ возню, сказала Марина Осиповна.

— Ну, я завтра приду пораньше.

Подошедши къ своему дому, Анисья Осиповна увидала у подъѣзда солдата съ ружьемъ, ходящаго отъ подъѣзда до угла. Въ прихожей наверху тоже сидѣлъ солдатъ. Анисья Осиповна испугалась.

Вѣра Петровна плакала, а Викторъ Осиповичъ, лежа на диванѣ, хладнокровно курилъ сигару.

— Что такое мамаша? спросила Анисья Осиповна Вѣру Петровну.

— Охъ! только сказала Вѣра Петровна и развела руками, продолжая плакать.

— Отца арестовали, сказалъ Викторъ Осиповичъ съ неудовольствіемъ.

— Гдѣ отецъ?

— Тамъ. Викторъ Осиповичъ указалъ на дверь, ведущую въ другія комнаты и въ кабинетъ Зиновьева.

Анисья Осиповна ушла въ кабинетъ.

Осипъ Флорычъ лежалъ на кровати въ кафтанѣ и смотрѣлъ въ потолокъ.

— Долго ли ты станешь шататься изъ дому? Сколько времени ходишь и не могла меня до сихъ поръ предупредить, что противъ меня каверзы затѣваются, проговорилъ сердито Осипъ Флорычъ.

— Я ничего не слыхала, я постоянно съ Дашей была.

— У васъ всегда отговорки. Вы рады, что отецъ погибаетъ. Вонъ тамъ солдатъ поставили, да это пустяки, они меня не проведутъ. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Дочь, ты любишь меня? спросилъ онъ вдругъ дочь.

— Вы знаете, что я васъ люблю.

— Ну, этого незамѣтно; а вотъ я тебя люблю... только ты этого не чувствуешь. Сядь сюда.

Онъ сѣлъ въ кресло и, подвинувъ стулъ для дочери, началъ шопотомъ.

— Меня обвиняютъ въ сокрытіи какого-то убійства. Назадъ тому пять лѣтъ нашли на дорогѣ убитымъ одного мѣщанинишка. Этотъ мѣщанинъ хотѣлъ на меня донести, что я муку поставлю съ пескомъ. Экую новость открыли! Всѣ это знали, и я это грѣхомъ не считаю, потому что пріемщики по закону должны отвѣчать; я имъ денежку плачу. А мѣщанинъ этотъ былъ золъ на меня за то, что я отказалъ ему отъ службы; вотъ онъ и сталъ наговаривать на меня всѣмъ, что я воръ и прочее. А тутъ я узналъ, что онъ намѣревается идти въ Егорьевскъ жаловаться на меня начальству. И какая же онъ шельма! стали складывать кули на телѣги, а онъ трется около магазинововъ, а потомъ я узналъ стороной, что онъ хочетъ идти слѣдомъ за возами... Разумѣется, я сказалъ молодцамъ, чтобъ они опасались мѣщанина, а въ случаѣ чего, такъ и...

— Неужели? съ ужасомъ перебила дочь.

— Молчи, я не приказывалъ того... Только вышло, что дорогой прикащикъ поспорилъ съ нимъ, потомъ напоилъ въ кабакъ водкой, усадилъ его на возъ, онъ слетѣлъ съ возу и расшибся. Тѣмъ дѣло и кончилось. Сказали на слѣдствіи, что самъ убили; на слѣдствіи былъ и стряпчій, и лекаръ—все какъ слѣдуетъ. Прикащикъ этотъ померъ, только передъ смертью чортъ его угораздилъ сказать женѣ, что онъ мѣщанина зарубилъ и будто приказалъ я... Жена молчала долго; потомъ, когда ей нечего стало жрать, она и стала требовать отъ меня денегъ. Я не сталъ давать—съ какой стати. Вотъ она и донесла на меня, только успѣла ужъ издохнуть. Теперь и стали меня подозрѣвать, не я ли отравилъ ее. Чиновникъ, что былъ на похоронахъ у Яковлева, ужъ давно присылалъ мнѣ какія-то бумаги по этому дѣлу, но я отвѣчалъ, что это дѣло ужъ кончено; онъ требовалъ меня къ себѣ; я ему далъ денегъ—онъ взялъ, а вчера прислалъ мнѣ двѣ тетрадки: въ одной спрашиваетъ, на какой предметъ я далъ ему пятьсотъ рублей, не хотѣлъ ли я подкупить чиновника, а въ другой такая чепуха, страсть! Только есть въ этой тетрадкѣ такой вопросъ: знакомъ ли я съ канцеляристомъ Петровымъ и не давалъ ли ему порученій...

— Гдѣ этотъ Петровъ?

— Здѣсь живетъ—пьяница. Онъ писалъ Соломкиной прошеніе и пилъ съ ней въ кабакъ водку. Отъ водки она и померла... И эта бестія теперь говоритъ, что онъ будто получилъ отъ меня какой-то порошокъ и думалъ, что соль, взялъ да и всыпалъ его въ рюмку пьяной Соломкиной.

Дочь сидѣла блѣдная; ее пробирала дрожь.

— Ты не бойся, противъ меня нѣтъ никакихъ уликъ и я ни

въ чемъ не виновать. Вотъ тебѣ пакетъ. Мнѣ хранить его нельзя, потому что меня совсѣмъ подрѣзали на подрядахъ; за мной считаютъ какіе-то долги... Теперь я бѣдный... Здѣсь все... Раздѣлите все вмѣстѣ...

Въ кабинетъ заглянулъ солдатъ и унтеръ-офицеръ.

— Это они смотрять, тутъ ли я.

— Что жъ я буду дѣлать съ конвертомъ?

— Спрячь до поры до времени, а мнѣ держать негдѣ. Меня, можетъ быть, и обыскивать будутъ.

Анисья Осиповна заплакала; но въ кабинетъ вошелъ чиновникъ особыхъ порученій, стряпчій и депутатъ отъ купечества; Анисья Осиповнѣ велѣли выйти. Когда она вышла изъ кабинета, то наткнулась на Вѣру Петровну, которая намѣревалась стать у двери и слушать, о чемъ будутъ говорить вошедшіе туда.

— Что тебѣ говорилъ Осипъ Флорычъ? спросила она Анисью Осиповну.

— Особеннаго ничего... Пойдемъ же туда, въ комнаты.

— Я хочу послушать.

— Нехорошо. Еще кто нибудь отворить дверь и замѣтитъ васъ.

Анисья Осиповна не знала, что ей дѣлать съ пакетомъ. Отдать ли его теперь мачихѣ или куда нибудь спрятать. Но если отдать, то мачиха, пожалуй, забудетъ спрятать его, и тогда Викторъ Осиповичъ можетъ утащить его; спрятать некуда, потому что могли, пожалуй, сдѣлать обыскъ и у нея. Посоветоваться съ вѣрой Петровной Анисья Осиповна считала бесполезнымъ на томъ основаніи, что отъ нея и прежде трудно было добиться какого нибудь дѣльнаго совѣта. Она рѣшилась сходить къ протопопу Третьякову.

Сергій Иванычъ сидѣлъ у окна въ средней комнатѣ съ обклеенными обоями стѣнами, на которыхъ висѣли зеркала и картины, изображающія архіереевъ и генераловъ; полъ устланъ коврами, на окнахъ и у оконъ стоятъ цвѣты, а вдоль стѣны, выходящей на улицу, по потолку тянется плющъ; около дверей тоже тянется по палочкамъ плющъ. Здѣсь много мебели, такъ что хотя въ комнатѣ и три окна, но она кажется небольшою, въ ней пахнетъ чѣмъ-то похожимъ на смѣсь резеды съ ладаномъ, въ ней немножко темно, скучно и замѣчается отсутствіе жизни. Сергій Иванычъ сидѣлъ у окна въ сѣромъ старомъ подрясникѣ и читалъ книгу, причемъ на носу его торчали очки въ мѣдной оправѣ.

— Анисья Осиповна!.. Какими это судьбами? проговорилъ старикъ, увидя вошедшую дѣвушку, всталъ, подошелъ къ ней и, по обыкновенію, перекрестилъ.

— Садись! садись... Татьяна Федоровна!.. суетился старикъ, держа въ одной рукѣ очки.

— Вы не суетитесь, дѣдушка, ничего не надо.

— Ну, какъ! Я еще самъ не пилъ чаю. Ну, каково здоровье вашихъ? какъ моя Дашечка поправляется?

— Даша поправляется.

— Слава Богу, слава Богу. Я было побайвался — какъ бы она да не умерла безъ покаянія. Ну, а отецъ? —

— Ахъ, дѣдушка, бѣда случилась съ нами.

— Слышалъ. Говорятъ, караулъ приставили.

— Да. Нельзя ли, дѣдушка, сдѣлать такъ, чтобы не было этого караула?

— Я съѣзжу къ этому чиновнику, попрошу его... Я еще не знаю подробно, въ чемъ дѣло.

— Онъ мнѣ кое-что сказалъ. И Анисья Осиповна передала старикъ разсказъ отца и передала ему пакетъ.

— Эхъ Осипъ, Осипъ!.. Да, дѣло плохое, если пойдетъ по нынѣшнимъ порядкамъ. Нехорошо.

— Что же ему сдѣлаютъ?

— Могутъ много худого сдѣлать, если только онъ не вывернется... Ты пойдѣ къ Татьянѣ Федоровнѣ, скажи, чтобы она велѣла Андрею закладывать лошадь.

Татьяна Федоровна сидѣла въ комнаткѣ, выходящей во дворъ, у окна, которое было отперто. Она визала чулокъ, передъ нею на столѣ лежала открытая книжка, которую она впрочемъ не читала, а смотрѣла въ окно на курицъ и индѣекъ, часто вскрикивая на нихъ. Она разспросила о здоровьѣ Яковлевыхъ и ея отца, спросила о причинѣ ареста Осипа Флорыча и замолчала. Когда уѣхалъ протопопъ, сдѣлалось такъ скучно, что еслибы не дѣло отца, то Анисья Осиповна убѣжала бы. Вообще Татьяна Федоровна была женщина неразговорчивая, да и едва-ли могла о чемъ нибудь, кромѣ хозяйства, думать. Анисья Осиповна заводила разговоръ съ разныхъ предметовъ, но Татьяна Федоровна или охала, или смотрѣла въ окно. Посидѣла Анисья Осиповна съ четверть часа около молчаливой старушки, и это время показалось ей часомъ. Невозмутимость и апатія старухи какимъ-то холодомъ вѣяли на Анисью Осиповну и она думала: неужели подъ старость и я буду такая? Отчего это произошло въ ней? А довело Татьяну Федоровну до такого состоянія множество причинъ. Ей какъ-то удалось прожить много лѣтъ не полюбивъ мужчины, приходилось завидовать счастью женщинъ, радоваться горю женъ. Потомъ пошли разные потери; подруги умирали, она старѣлась, ей оставалось мирно кончать свою жизнь. Ей не нравились развлечения, она полюбила однообразіе, сдѣлалась молчалива и все ея соображеніе шло

на заботу объ экономіи; когда же, во время болѣзни, ей приходила мысль о смерти, тогда она все земное считала прахомъ, но у здоровой жадность къ деньгамъ, къ скопленію бездѣлушекъ и скупость—составляли для нея наслажденіе. Анисья Осиповна ушла въ залу, гдѣ прежде сидѣлъ Сергѣй Ивановичъ; взяла-было со стола книгу, которую читалъ протопопъ, и положила назадъ. Походила по комнатѣ, — скучно, тяжело, тихо такъ, что изъ другой комнаты слышно тиканье часовъ. Встала она у окна и задумалась; ей стало грустно, сердце ея щемило, къ глазамъ подступали слезы. А на улицѣ было хорошо: небо голубое, чистое, заходящее солнце золотитъ стекла въ окнахъ, деревья кажутся ярче, чѣмъ днемъ, а бѣлые листья американскаго тополя такъ и блестятъ. На улицѣ жизнь: посреди дороги играютъ ребята, у домовъ сидятъ мѣщанки, перехаживаютъ съ мѣста на мѣсто мужчины въ ситцевыхъ рубахахъ, съ трубками въ зубахъ и безъ трубокъ; около нихъ бродятъ собаки, помахивая хвостами, кое-гдѣ по заплоту крадется къ воробышку котенокъ. За-то никто здѣсь не пройдетъ. Всѣ разсуждаютъ громко, одни о дороговизнѣ, о безденежьи, другіе о слѣдствіи надъ Зиновьевымъ. Отовсюду слышится имя Зиновьева, приправляемое различными чисто русскими эпитетами... Голова закружилась у Анисьи Осиповны отъ людскихъ пересудовъ, которые даже и ее ни во что ставятъ; больно ей сдѣлалось, и она горько заплакала.

— Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ жить здѣсь? Пойду куданибудь.

Но куда и зачѣмъ—она не могла придумать.

Пріѣхалъ протопопъ. Прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Дѣла—дѣла!—какъ сажа бѣла, сказалъ онъ и съѣлъ.

— Что же. Нельзя, говоритъ, снять арестъ... Я сталъ просить, —умаливать—онъ меня стыдитъ. А потомъ сказалъ мнѣ: „некогда!“ и ушелъ.—Грубіанъ! каналья! говорилъ задыхающимся голосомъ протопопъ. Успокоившись немного, онъ продолжалъ:—Поѣхалъ къ исправнику. Тотъ тоже въ печали. Плохо, говоритъ, будетъ всѣмъ. Отъ него я узналъ, что домъ отъ Осипа отберутъ за долги, а Маринѣ и дѣтямъ Яковлева пенсіи не будетъ, потому что и покойный Андрей снова притянутъ къ суду.

— Что же мнѣ-то дѣлать, дѣдушка?

— Богу молиться надо—одно утѣшеніе. Я вотъ уже напишу Ипполиту Аполлоновичу, чтобы онъ тебѣ женишка пріискалъ. А такъ жить нельзя: въ пакетѣ, что ты отдала мнѣ на сохраненіе, вѣроятно сумма небольшая. Домъ отберутъ, такъ вамъ надо будетъ квартиру-то нанять. Ну, да я васъ пушу къ себѣ, только Виктора мнѣ не надо. Я уже поговорю кое-кому о томъ, чтобы его хоть въ прикащики взяли. Ты пила чай?

— Нѣтъ, благодарю... Мнѣ надо навѣстить Дашу,

Она ушла пѣшкомъ, не согласившись проѣхаться въ дрожкахъ протопопа. Народъ, спящій у своихъ калитокъ, уже начало разговаривать, часто зѣвая; родители звали дѣтей домой съ бранью, потому что тѣ готовы были играть хотя бы всю ночь; кое-гдѣ появились караульные съ трещетками и толстыми палками въ рукахъ. И много пришлось Анисѣ Осиповнѣ слышать нелестныхъ замѣчаній и остротъ, отпускаемыхъ ей безъ всякаго стѣсненія какъ большимъ, такъ и ребятиами; и хотя она была дѣвушка нетрусливая, но у нея заболѣла голова; ей не вѣрилось, что она видитъ и слышитъ горожанъ, съ такимъ презрѣніемъ разсуждающихъ о ней; ей хотѣлось, чтобы все это, и разговоры, и ядовитыя улыбки, и насмѣшливые взгляды, и позы показались ей сномъ. Но это была дѣйствительность.

Вонъ и домъ видно; часовой ходитъ съ ружьемъ. Съ одной скамейки встаетъ лысый, худощавый мѣщанинъ, съ жесткими черными руками. Его пошатываетъ.

— Отстань! унимаетъ его женщина.

— Знаю! отвѣчаетъ онъ.

И подходитъ къ Анисѣ Осиповнѣ.

— Наше почтеніе, барышня! Сорокъ-два съ кисточкой! говоритъ онъ и протягиваетъ ей ладонь.

Анисья Осиповна хочетъ пройти.

— Заважничались, барышня, только не кстати, потому, значится, къ примѣру, съ тятенькой вашимъ нехорошо.

— Отстань! Ты еще попадешься: развѣ не видишь, какая ему вонъ честь—солдаты его стерегутъ, говоритъ другой мѣщанинъ.

— Много вамъ, барышня, благодарны за гривенки, что вы съ вашей покойной мамашей помогали намъ. Только напрасно вы безпокоились, потому теперь, говорятъ, вамъ самимъ придется положить зубы на полку. Не разочли!

— Эка! Будто онѣ не понимаютъ, что собрать съ насъ деньги—куда какъ легко, только исполнить то, на что капиталы собраны, труднѣе, чѣмъ подать милостинку.

— Да развѣ я виновата? Отецъ виноватъ, ему говорите! сказала Анисья Осиповна со слезами.

— Оставьте ее!.. И впрямь она безвинна.

— Одного поля ягода.

На другой день весь Ильинскъ всполошился, Зиновьевъ убѣжалъ; Зиновьева не могли укараулить солдаты, и не видали сторожившіе свои дома домовладѣльцы. Народъ толпился передъ домомъ Зиновьева, точно тамъ совершилось какое-то чудо.

Всѣ дивились смѣтливости Зиновьева, и никакъ не могли рѣшить, куда онъ могъ уйти изъ такого небольшого города; но были и такіе, которые не вѣрили, чтобы Зиновьевъ могъ уйти изъ города, а утверждали, что онъ гдѣ-нибудь спрятался. Начальство тоже исполошилось; обыскало оно домъ какъ Зиновьева, такъ и Яковлева, обыскало почти всѣ сады въ городѣ, амбары, шныряло въ проходахъ между кладью—нигдѣ нѣтъ Зиновьева. Тогда еще въ Ильинскѣ не было телеграфа, поэтому посланы были гонцы по всѣмъ дорогамъ, и съ трактовой узнали, что Зиновьевъ уѣхалъ на почтовыхъ въ Егорьевскъ. Черезъ недѣлю получено и изъ Егорьевска извѣстіе, что Зиновьева на другой день послѣ исчезновенія его изъ Ильинска многіе видѣли, и онъ даже былъ у Ипполита Аполлоновича; потомъ онъ, какъ ключъ, словно въ воду канулъ.

Одна только Анисья Осиповна видѣла, какъ онъ спускался внизъ изъ столовой, изъ которой былъ сдѣланъ ходъ въ кухню. Онъ былъ въ тепломъ кафтанѣ, въ теплой фуражкѣ, подъ лѣвой мышкой у него былъ сакъ-вояжъ, а въ правой рукѣ онъ держалъ трость съ стальнымъ набалдашникомъ. Это было часу во второмъ ночи, когда въ домѣ спали всѣ даже и часовой, сидѣвшій въ прихожей, только одна Анисья Осиповна не спала. Спальная находилась рядомъ со столовой, и поэтому она, услышавъ шорохъ, вышла со свѣчой въ столовую.

— Вы куда, папаша? спросила она отца шопотомъ отъ испуга.

— Въ садъ, отвѣчалъ онъ.

— А сакъ-вояжъ?

— Молчи!..

И онъ, погрозивъ ей палкой, спустился внизъ.

Въ кухнѣ никого не было, потому что кучеръ еще вечеромъ увезъ, при смѣхѣ и остратахъ мѣщанъ, возокъ за городъ въ кузницу, чтобы починить одно колесо, и затѣмъ не являлся ни съ возкомъ, ни съ лошадьми, а кухарка спала въ сѣняхъ. Слышала Анисья Осиповна, какъ отецъ отпиралъ въ кухнѣ окно, потомъ заперъ его; слышала, какъ залаяла-было сабака, но скоро затихла; а по скрипу двери, ведущей въ огородъ, она поняла, что онъ ушелъ въ садъ. Но на спросы слѣдователя она сказала, что спала и хватилась отца утромъ. Стали искать кучера и нашли въ селѣ, недалеко отъ Егорьевска. Но и онъ отозвался незнаемъ; кузнецъ-же показалъ, что у кузницы дѣйствительно стоялъ возокъ и были привязаны двѣ лошади Зиновьева; потомъ и кучеръ Зиновьева куда-то исчезъ и больше не являлся, а ночью и возокъ съ лошадьми укралъ кто-то.

XV.

Прошло еще двѣ недѣли. Къ началу третьей—Дарья Андреевна уже настолько выздоровѣла, что стала выходить изъ дому. Теперь она уже знала о смерти отца; сперва, конечно, поплакала, но потомъ успокоилась. Теперь она была свободна, задерживать дольше ее здѣсь некому, но у нея явилась робость, слѣдствіе неокрѣпшаго еще организма. „И слаба, передо мною открывается широкая дорога—иди хоть куда, но вынесу ли я трудовую жизнь? „Ей думалось, что прежде ей дѣйствительно не предстояло надобности жить работой, потому что она могла жить подъ видомъ гостии у родни, которой много, и въ пріютѣ ей никто бы не отказалъ; но теперь обстоятельства измѣнились. Братъ Осипъ писалъ ей: „если тебѣ не скучно — прѣзжай ко мнѣ, только объ одномъ прошу: будь повѣжливѣе съ моей женой и не отказывайся помогать ей въ чемъ нибудь; теперь тебѣ придется жить скромнѣе“.—Дядя Ипполитъ Аполлонычъ тоже звалъ ее къ себѣ, но съ тѣмъ, чтобы она слушалась его жены, которая за это, пожалуй, будетъ обходиться съ нею, какъ съ родною дочерью. Братъ Кузьма совѣтовалъ жить у дѣдушки Сергѣя Иваныча, но племянницѣ его, Татьянѣ Ѳедоровнѣ, никакъ не хотѣлось, чтобы она жила у нихъ. Такъ что теперь приходилось дѣйствительно выбирать что нибудь: или согласиться на приглашенія старшаго брата или дяди, жить у нихъ и во всемъ повиноваться имъ или самой заняться какою нибудь работой. Пуститься на первое Дарья Андреевна не могла, потому что ей и прежде было противно жить у родни и слушать ихъ хвастовство о благодѣяніи ближнему,—остается поступить куда нибудь въ магазинъ. Но тутъ вспомнились ей слова швей о тяжеломъ житьѣ, и во всей ясности представилось положеніе бѣдной швей, на которую богатые люди смотрять съ презрѣніемъ,—что высказывалъ также и ея отецъ; представились ссоры изъ-за работы и платы съ швеями, насмѣшки, навязчивость, и цыническія выходки молодежи, непонимающей положенія бѣдной дѣвушки и всегда поэтому готовой на скандалы. „Тогда, если-бы мнѣ было тяжело, я пошла бы къ отцу; уговорила бы его...“ думала она; но ей сдѣлалось стыдно своей трусливости: „тогда бы я вполнѣ отдалась на волю отца. Нѣтъ, надо уѣхать отсюда и заняться чѣмъ нибудь. Вѣдь живутъ же работой дѣвицы и слабѣе меня. А жить въ домѣ я не могу больше,—здѣсь все измѣнилось“.

Дѣйствительно, въ это время многое измѣнилось. Суды изъ дому выѣхали, низъ былъ пустой, только одинъ сторожъ старикъ Николай пріютился въ прихожей одного изъ бывшихъ судовъ. Какъ его ни уговаривали перейти сторожемъ въ судъ, онъ сказалъ: „покуда барышня Дарья Андреевна жива, по тѣхъ поръ не уйду изъ дому“.

— А если и ея не будетъ? спрашивали его.

— Ну, что жъ, при домъ останусь, караулить стану, а кусокъ-то хлѣба у нихъ найдется.

И онъ постоянно былъ при дѣлѣ. Теперь не было лошади, не было Трифона и кухарки, корову одну Марина Осиповна продала, такъ что Николай исполнялъ должность кухарки или работника, не хуже любой кухарки, и за это его кормили въ кухнѣ остатками кушаньевъ. Марина Осиповна осунулась, краска съ лица исчезла, у ней явились заботы; она больше молчала, тяжело вздыхала и старалась быть экономнѣе. Хорошо еще, что у нея были свои деньги, а то ей и семейству пришлось бы продавать за безцѣнокъ вещи. Горе ли, постигшее Марину Осиповну, или раскаяніе въ томъ, что она нехорошо поступала съ падчерицей, или что другое, только теперь Марина Осиповна обращалась съ Дарьей Андреевной, какъ съ родною дочерью: она уговаривала Дарью Андреевну не выходить на дворъ въ дождь, не сидѣть долго за работой, уговаривала ее ѣсть больше, раньше ложиться спать; словомъ, она не походила на прежнюю злую мачиху, что удивляло Дарью Андреевну и приводило въ злость ея сестру. Но Дарья Андреевна относилась это къ ея ханжеству, и зная ее, она думала, что пусть только поправятся обстоятельства, мачиха еще хуже будетъ ее грызть за свои нѣжности и попрекать сиротствомъ. Вѣра Петровна съ Анисьей Осиповной жили въ Никольскомъ у священника Петропавловскаго, которому духовное начальство снова разрѣшило открыть школу для дѣтей, запретивъ воскресныя собранія. Домъ Зиновьева стоялъ съ заколоченными окнами и взятъ въ казну подъ опеку. Все это Дарья Андреевна видѣла, все это давило ее, и она твердо рѣшилась черезъ недѣлю непременно отправиться въ Егорьевскъ. Хотя Анисья Осиповна и звала ее въ Никольское, но ей незнакомъ былъ хваленой ея подругой священникъ Петропавловскій; жить ей безъ дѣла у него не хотѣлось; учить ребячь—она призванія не чувствовала. Печальна стала и Марья Андреевна: Павловъ считался уже формально женихомъ мѣщанской дѣвочки Акуловой и часто прогуливался съ ней мимо Яковлевскаго дома, а Николай говорилъ, что Павловъ всѣмъ говоритъ о Марьѣ Андреевнѣ, какъ о дурѣ; возлюбленный ея псеецъ изъ суда тоже далъ тягу; мачиха смотритъ на нее косо, а если она за обѣдомъ хочетъ налить себѣ еще другую тарелку шей плп супу, то мачиха останавливаетъ ее, говоря: оставьте вечеру. Можетъ быть, дѣти захотятъ, да вѣдь и старикъ Николай хочетъ ѣсть. Сперва Марья Андреевна огрызалась, но когда Марина Осиповна однажды сказала ей, что ее даже Осипъ Андрееичъ не соглашается держать у себя, потому что она много ѣсть, Марья Андреевна стала молчать, плакать о своемъ горѣ и послѣ обѣда уходила спать, а вечеромъ гуляла на набережной.

Разъ Дарья Андреевна возвращалась отъ протопопа Третьякова. На встрѣчу ей попался Василій Мпроничъ, который несъ сапоги, положивъ ихъ на плечо.

— Что съ вашей сестрой дѣлается? Сейчасъ я шелъ изъ кабака „Перепутье“—носилъ сапоги, да тѣсны вышли; такъ иду я по набережной и вижу, Марья Андреевна сидитъ на скамейкѣ, а около нея сидятъ двое приказныхъ.

— Не можетъ быть.

— Сами посмотрите. Я было хотѣлъ подойти, да только мнѣ что за дѣло!

— Я пойду...

— Ну, вотъ еще! Вы придете, васъ обругаютъ; развѣ у приказныхъ много стыда... А вы, что же, раздумали вѣрно работою-то заняться?

— Нѣтъ, я поѣду въ Егорьевскъ, только поправлюсь.

— Ну, если будете все поправляться, такъ изъ васъ проку не выйдетъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что не осилите. День пророботаете, да два будете хворать. А это ужъ не работа; вы только другимъ будете въ тягость. Вамъ еще много нужно пережить до того, чтобы привыкнуть къ работѣ; вамъ нужно, какъ видно, легкое дѣло,— чтобы все шло шутя, потому что вы барышня, у васъ тѣло-сложеніе нѣжное.

— Постараюсь привыкнуть.

— Это легко сказать. Нашъ братъ съ дѣтства выросъ въ нищетѣ, сколько видѣлъ горя, кажется, на всякую тяжелую работу годенъ, а иной разъ бываетъ такъ скверно, что все бы бросилъ да бѣжалъ куда нибудь. Одно средство остается вамъ— выходить замужъ.

— Опять вы за свое! Ну, что вамъ за охота! Вы вѣрно позабыли... помните, при громѣ?..

— Мало ли что было.

— Значить, вы обманывали, книжками меня завлекли.

— Нѣтъ... не то... А то, что вы теперь въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ?

— Я не говорю о вашей роднѣ того, что говорятъ въ городѣ,—нѣтъ, не это; но намъ, право, лучше было бы, еслибы мы не видѣлись. Это вы поймете послѣ, когда побольше поживете... Согласитесь, между нами есть много разницы: я мѣщанинъ, а вы все-таки чиновническая дочь.

Они разошлись.

„Такъ вотъ онъ какой! А я его такъ любила, такъ привыкла

къ нему; онъ такой былъ добрый и не походилъ на другихъ. Теперь оказывается, что онъ просто игралъ со мной, и до сихъ поръ не понялъ меня. Впрочемъ, онъ правъ: кто знаетъ, что бы вышло изъ того, еслибы я вышла за него замужъ. Я еще мало знаю людей“.

Теперь она чувствовала себя спокойнѣе, свободнѣе и бодрѣе; на душѣ было легко.

„Съ нимъ все кончено. Теперь я свободна, а то все что-то меня удерживало здѣсь“. Она ушла къ повивальной бабкѣ Марьѣ Васильевнѣ Дурышкиной, жившей въ небольшомъ мѣщанскомъ домѣ. Она у нея не бывала, а теперь рѣшилась познакомиться съ ней и посоветоваться.

— Извините, что я васъ беспокою. Я дочь умершаго винаго пристава Яковлева, отрекомендовалась Дарьѣ Андреевнѣ Дурышкиной.

— Я васъ видѣла третьяго дня въ церкви... Знаю, знаю... Прошу садиться. Хотите кофе?

— Благодарю. Я къ вамъ пришла за совѣтомъ.

— О! это еще не уйдетъ... Я такъ рада, что вы пришли. Здѣсь такъ скучно, ужасъ! сперва было я познакомилась кое съ кѣмъ, но оказалось, что это все пустые люди. Какая глушь! Такъ бы и убѣжала...

Она засуетилась. Скоро появился кофе.

— Люди пьютъ чай, а я кофе, потому что кофе питательнѣе. Я въ Петербургѣ одинъ годъ почти только имъ и питалась... Сперва мнѣ здѣсь хорошо было жить, такъ что я устранивала вечера для того, чтобы завести знакомство, а черезъ него и практикую только я ошиблась: мужчины, какъ я замѣтила, рады провести время съ женщиной, попить, поѣсть, а дамы стали злиться, что я будто развратничаю. Меня перестали приглашать, и дошло до того, что я теперь вотъ уже съ полгода, какъ ни у кого не принимаю, а живу жалованьемъ.

— Вы бы въ другое мѣсто перешли.

— Просила врачебную управу и инспектора, и вотъ уже пятый мѣсяцъ не могу получить отвѣта.

— А что, Марья Васильевна, могу я выучиться вашему занятію? спросила хозяйку Дарьѣ Андреевнѣ.

— Можете, только вы много горя испытаете прежде, чѣмъ получите дипломъ. Нужно непременно имѣть свои средства, чтобы сперва внести за ученіе деньги; потомъ надо, чтобы жить чѣмъ нибудь два года.

— А много нужно?

— Если вы будете учиться тамъ, гдѣ есть университетъ, а не въ Петербургѣ, то еще ипчего; но Петербургъ—это другое дѣло. Это прорва. Но самое главное—это, что вы молоды. Васъ

не примуть. Нужно по крайней мѣрѣ подождать два года. У васъ есть знакомые въ Петербургѣ?

— Нѣтъ.

— Ну, значитъ, и ѣздить туда не слѣдуетъ... Видите что? есть вещи, которыя высказывать даже стыдно, но въ жизни бывають такія обстоятельства, что наша братья неволью, даже можно сказать, съ отчаянія хватается очертя голову за последнее средство. Это средство нехорошо, но дѣлать нечего. Да вотъ хоть бы я. Я пріѣхала въ Петербургъ съ дядей. Онъ былъ вольноотпущенный, поступилъ къ одному трактирщику въ буфетчики. Трактирщикъ взялъ съ него залогъ, общался платить хорошее жалованье. Прошелъ мѣсяць; торговля идетъ плохо, самъ трактирщикъ то и дѣло беретъ изъ выручки деньги, такъ что дошло до того, что нечѣмъ было платить положенныхъ денегъ. Дошло до того, что трактирщика посадили въ полицію, посуду и все, что было въ трактирѣ, отобрали отъ него вмѣстѣ съ трактиромъ, и дядю прогнали, потому что трактирщикъ говорилъ всѣмъ, что его раззорилъ буфетчикъ. Я жила кое-гдѣ въ горничныхъ, но нигдѣ не могла ужиться: или барыни были нехороши, или отъ мужчинъ не было покою. Когда дядя вышелъ изъ буфетчиковъ, то мы наняли комнату и стали жить вмѣстѣ; я кое на кого шила, а дядя игралъ на бильярдѣ: иногда выигрывалъ но больше проигрывалъ; сталъ пьянствовать, буянить и, наконецъ, спился совсѣмъ и пустился на всѣ тяжкія, такъ что мнѣ пришлось скрываться отъ него. Наняла я за пять рублей комнату и стала жить одна. Тяжело было жить: нужно и за квартиру отдать, пить, ѣсть, сапоги купить, а работы мало... Много было мужчинъ, которые предлагали мнѣ деньги... я не рѣшалась... Мнѣ хотѣлось выйти замужъ по закону, но тамъ такихъ дураковъ мало... Выдался такой мѣсяць, что я впала въ отчаяніе: пришелъ безъ меня дядя, увесъ взятое мною отъ одной барыни шитье и скрылся. Какъ я ни увѣряла барыню, что шитье украли, она стала взыскивать пятнадцать рублей! а тамъ требуютъ за квартиру, за прошедшій мѣсяць. А тутъ подвернулся молодой прикащикъ... Деньги я уплатила и годъ жила хорошо, то есть была сыта и одѣта, а большихъ денегъ не было. Родила я мальчика; мой мужъ — хотя и незаконный, все же мужъ: мы вмѣстѣ жили — сталъ хворать. Стала я думать, что будетъ со мною и съ ребенкомъ, если мужъ умретъ. Въ это хорошее время у меня много было знакомыхъ женщинъ такихъ же, какъ и я, были тоже и акушерки и ученицы изъ института, вотъ онѣ и посовѣтовали мнѣ учиться, — „кусочекъ хлѣба будетъ, говорятъ. Уѣдешь въ провинцію — свой хлѣбъ будетъ“. Ну, я и поступила. Мужъ умеръ въ больницѣ, но у меня были знакомые, я ходила въ клубы, въ маскарады — одинъ угостить, другой на извозчика дать; завела другаго мужа, но ему не нравился мой ребенокъ и онъ проходилъ съ полгода, а потомъ и

отсталъ. Умеръ ребенокъ, я стала свободна, могла по прежнему заниматься шитьемъ и, случалось, зарабатывала порядочно. А тутъ кончила курсъ, подала прошеніе и поѣхала въ провинцію... Трудно, трудно, Дарья Андреевна, нашему брату, вездѣ трудно. Еще другое дѣло, еслибы я хотя гдѣ нибудь въ пансіонѣ училась, — тогда я могла бы дѣтей учить, а то я и теперь пишу, какъ Макарка огаркомъ.

— Не знаю, что и дѣлать мнѣ, Марья Васильевна. А больно мнѣ хочется самой жить.

— Что жъ, дѣло хорошее. Если умете шить, познакомьтесь съ мастерицами изъ магазиновъ и поступайте въ магазинъ. На чиновничество смотрѣть нечего—оно пользы не приноситъ. Въ нашемъ званіи дѣвушкѣ тогда хорошо, когда она имѣетъ капиталъ, съ которымъ можетъ по своему вкусу выбрать жениха, а безъ денегъ жениха нынче нескоро найдешь.

Онѣ разстались пріятельницами. Марья Васильевна пригласила ее приходитъ къ ней когда угодно, но отъ приглашенія Дарья Андреевны приходитъ къ нимъ отказалась, потому что она не любитъ Марину Осиповну, какъ одну изъ дамъ, повредившихъ ея репутаціи и практикѣ.

Разговоръ съ Марьей Васильевной подѣйствовалъ на Дарью Андреевну неприятно, такъ что она отложила мысль учиться повивальному искусству до болѣе благопріятнаго случая. Ей нравился совѣтъ поступить въ магазинъ, но на какія деньги она побѣдетъ туда. Есть у ней два шелковыхъ платья, драповое пальто и лисій салонъ, но кому ихъ продашь въ Ильинскѣ. Оставалось просить денегъ у протопопа Третьякова, и она рѣшилась завтра же идти къ нему за деньгами.

Мачиха, сидя въ кабинетѣ Андрея Ивановича, сводила какіе-то счеты.

— Ты одна?

— Одна.

— А гдѣ же сестра?

— Я ее не впдала.

— Говорятъ, что она по набережной гуляетъ съ мужчинами, сказала Марина Осиповна, смотря на Дарью Андреевну.— Конечно, я не имѣю права стѣснять ее, но я ее старше, мнѣ бы хотѣлось ее предостеречь... А какъ станешь говорить: я, говорятъ, не имѣю права давать совѣты. Я думаю отправить ее къ Ипполиту Аполлоновичу, онѣ ей скоро найдетъ жениха.

— Пожалуй. Только ужъ отправьте насъ обвѣихъ: со мной она больше будетъ дома сидѣть.

— О, что ты, что ты, Даша! Ты думаешь, я тебя гоню! Нѣтъ. Я прежде точно на тебя сердилась, но теперь... теперь я не отпущу тебя... Что я одна сдѣлаю, одна во всемъ домѣ.

— Отдайте въ постой.

— Да ужъ я и такъ говорила инвалидному начальнику, онъ общалъ, только, говорить, полы надо новые сдѣлать.

— Дѣдушка говорилъ мнѣ, что онъ обладать дѣло съ больницей, ему уже общали, что она будетъ въ нашемъ домѣ только вверху.

— Ахъ, дай бы Богъ!... Я придумала планъ, не знаю, какъ онъ тебѣ, Даша, покажется: я хочу открыть въ домѣ мелочную лавочку на свое имя.

— Что же, это хорошо.

— Только вотъ не знаю—кого бы посадить.

— А Николая?

— Онъ старъ... Помнится мнѣ, что ты говорила мнѣ, по прїѣздѣ сюда, о намѣреніи заняться шитьемъ... Я думаю, что это не совсѣмъ тебѣ пдеть. Работать на чужихъ не совсѣмъ-то приятно. Такъ вотъ, еслибы я открыла лавочку, намъ бы хорошо было торговать обѣимъ. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Я думаю—будетъ ли выгода?

— Какъ не будетъ.

„Нѣтъ, матушка, думала въ постели Дарья Андреевна; ты меня не поддѣнешь. Теперь я повяла твои нѣжности со мной, хитран! прежде, когда ты ни въ чемъ не знала нужды, я была тебѣ противна, а теперь, какъ подошла нужда—я и понадобилась. Нѣтъ, ужъ ты на меня не надѣйся“.

Утромъ Марина Осиповна объявила, что она сама ѣдетъ въ Егорьевскъ хлопотать о больницѣ, потому-что она на Третьякова не надѣется, а пойдетъ сама къ губернатору.

— Зачѣмъ же вамъ ѣздить: вы меня пошлите; вы знаете, что я не изъ робкихъ.

— Но ты дѣвица...

— Если мнѣ не повезетъ, я попрошу дядю.

Марина Осиповна задумалась.

— Вы знаете, мамаша, что намъ дѣвушкамъ оставаться однимъ въ домѣ не совсѣмъ-то безопасно; а вы все-таки хозяйка.

— Пожалуй, поѣзжай.

Черезъ три дня Дарья Андреевна съ сестрой и въ сопровожденіи мачихи съ дѣтми и старика Николая шли на пристань. На пристани, въ числѣ провожатыхъ, былъ и протопопъ Третьяковъ и Марья Васильевна и много чиновнаго люда.

— Такъ смотри же, Даша, прїѣзжай скорѣе, говорила Марина Осиповна Дарьѣ Андреевнѣ на пароходѣ, послѣ перваго звонка.

— Неуремѣнно. Какъ только улажу, такъ и прїѣду.

— Тебѣ не мало ли денегъ. Я, пожалуй, дамъ еще руб. три.

— Нѣтъ, не надо... А если понадобится—я напишу.

Скоро пароходъ отплылъ. Провожающіе стали кланяться, кланялась всѣмъ и Дарья Андреевна. Она была очень рада, что

такъ скоро вырвалась изъ роднаго города. Чувствовалась какая-то тоска, за то сердце билось радостно при мысли, что наконецъ-то она одна и свободна.

Но, полно, свободна ли? Не встрѣтится ли и въ Егорьевскѣ какихъ-нибудь препятствій, а денегъ-то не очень много было у Дарьи Андреевны—всего полтора рубля; однако, Дарья Андреевна не обращала на это вниманія. Пароходъ уже далеко отплылъ отъ Ильинска, вотъ уже и Ильинскъ скрылся; по обѣимъ сторонамъ рѣки мужики и бабы сгребаютъ сѣно или рожь, по низменному берегу бурлаки тащатъ суденышко, кое-гдѣ верхомъ проѣдетъ баба или мужикъ въ рубахѣ, вездѣ видится трудъ. Какъ хорошо! думаетъ Дарья Андреевна, вглядываясь въ эту жизнь, полную тяжелаго труда, и задумчиво смотритъ впередъ, не слушая глупой болтовни сестры и разговоровъ другихъ пассажировъ.

XVI.

Въ Ильинскѣ пассажировъ на пароходъ сѣло немного; кромѣ двухъ сестеръ, сѣли: одна дочь исправника, жена секретаря уѣзднаго суда, дьячокъ Богородицкой церкви, Духовской, который вѣхалъ въ Егорьевскъ со своею женой Нимфодорой Ефремовной хлопотать о дьяконскомъ мѣстѣ, еще одинъ кузнецъ и двое мѣщанъ. Всѣ эти лица Дарья Андреевна были или мало знакомы, или совсѣмъ незнакомы, но послѣ трехчасовой скуки на пароходѣ они всѣ разспросили ее, зачѣмъ она ѣдетъ въ Егорьевскъ и, получивши простой отвѣтъ, что она ѣдетъ по своему дѣлу, отстали отъ нея. Но Марья Андреевна, подсѣвши къ дьячихѣ, стала хвастать, что онѣ ѣдутъ къ совѣтнику дядѣ, который въ губерніи имѣетъ большую силу, и что онъ въ нихъ души не чааетъ; поэтому, они по перемѣнкѣ стали увиваться за сестрами, имѣющими родственникомъ такого туза, хотя и пользующагося въ губерніи не совсѣмъ-то хорошею репутаціею. Будь сестры въ настоящее время въ Ильинскѣ, онѣ бы не слышали бѣльшей лести, потому что всему Ильинску было извѣстно ихъ положеніе: всѣ знали, что Марина Осповна не любила Дарью Андреевну; всѣ знали, что отъ Марьи Андреевны отказался женихъ, и притомъ еще отъявленный пьяница; всѣ считали Дарью Андреевну за сумасбродку, ведущую себя какъ-то свысока и по новому, и надо сказать правду, у этихъ людей не было къ обѣимъ сестрамъ особенной жалости. Но здѣсь, на пароходѣ, всѣ старались обращаться съ ними, особенно съ Дарьей Андреевной, любезно, ухаживали за ними, приглашали ихъ откусать съ ними чайку, и у каждаго на это были свои причины: совѣтникъ Яковлевъ слылъ

въ губерніи за такое лицо, который можетъ выхлопотать должность какъ свѣтскому, такъ и духовному лицу. Это ухаживанье Дарья Андреевича весьма не нравилось, но Марья Андреевна таяла и мѣла отъ ухаживаній. У ней была на это причина—она даже тутъ искала себѣ женща. Дарья Андреевичъ казался противными ей смѣшки на всю палубу; но имѣла ли она право сдерживать ее? Однакожь она попробовала.

— Маша, ты-бы поскромнѣ вела себя.

— А что?

— Посмотри, вонъ тамъ пассажиры втораго класса смѣются и указываютъ на нашу сторону.

— А пусть ихъ хохочутъ! и она захохотала и, немножко подумавъ, прошлась по палубѣ. Съ ней заговорилъ пассажиръ изъ втораго класса, но скоро отсталъ.

— А сестрица-то у васъ изъ бойкихъ, замѣтилъ Дарья Андреевичъ одинъ купецъ и завелъ разговоръ о приданомъ.

Такъ онѣ и ѣхали до Егорьевска; только ближе къ Егорьевску народу на пароходѣ стало больше и вниманія на нихъ стали обращать уже меньше.

Пароходъ, по случаю множества мелей на Волгѣ, вмѣсто того, чтобы прибыть въ Егорьевскъ въ два часа пополудни, пришелъ въ восемь часовъ вечера. Всѣ пріѣхавшіе пассажиры немало удивились видомъ губернскаго города. На высокомъ берегу, т.-е. набережной, съ которой собственно начинается городъ, блестяла тысяча разноцвѣтныхъ огней; внизу, въ подгородной части, тоже кое-гдѣ мелькали огоньки; на набережной слышалась гарнизонная музыка; по Волгѣ плылъ самымъ тихимъ ходомъ пароходъ, изукрашенный множествомъ разноцвѣтныхъ горящихъ шкваликовъ, и на немъ играла бальная музыка.

— Какой сегодня праздникъ? спрашивали другъ друга пассажиры.

— Сегодня нѣтъ праздника, а это вѣроятно тузы вздумали веселиться, говорилъ капитанъ парохода.

— Какие мы счастливые: съ какимъ почетомъ встрѣчаетъ насъ городъ,—говорили бѣдные люди.

Съ самаго начала, какъ только пассажиры сошли на сушу, впечатлѣніе сдѣлалось неприятымъ. На пристани и на берегу стояло нѣсколько полицейскихъ; одинъ казакъ тузилъ какую-то худощавую въ лохмотьяхъ женщину, съ крикомъ: не вуй; недалеко отъ мостковъ какіе-то франты спорили съ квартальнымъ, доказывая, что и они люди и они могутъ попасть на пароходъ съ музыкой, но квартальный старался увѣрить ихъ, что они пьяны; подъ горой гдѣ-то пѣли и ругались.

Когда Дарья Андреевна стала подниматься на гору съ сестрой, то какой-то мастеровой, держась за перила и пошаты-

ваясь, говорилъ плохо владѣющимъ языкомъ нѣсколькимъ чело-
вѣкамъ:

— Жрать нечего, а они што: лиманацію, музыку, народъ
сбили. А пить запрещають. Дураки мы всѣ, и больше ничего.
Ну, чему вы смѣетесь-то? Толпа хохотала. Мастеровой ругался.

— Мало ты, видно, въ части сиживаль? проговорилъ чело-
вѣкъ — повидимому чиновникъ.

— Во всѣхъ сиживаль.

— Такъ чтожь ты орешь-то; поди вовъ къ нимъ, господамъ,
и говори, а мы и безъ тебя все знаемъ, сказалъ кто-то въ
толпѣ.

Дарья Андреевна съ сестрой приближались къ мѣсту гулянья.

— Дашечка, душечка, — погуляемъ! Здѣсь такъ отлично, про-
сила Марья Андреевна сестру.

— Успѣемъ еще нагуляться.

— Ты какъ хочешь, а я погуляю.

— Полно тебѣ! Хорошо развѣ гулять съ узлами и въ дорож-
номъ костюмѣ? Надо переодѣться.

— Ахъ, я и забыла про узлы-то. Такъ пойдемъ поскорѣе.

— Куда идти? спрашивала себя Дарья Андреевна. Идти къ
дядѣ ей не хотѣлось, идти куданибудь къ чужимъ?.. Но тутъ
же ей представлялось, какъ будетъ сердиться дядя, какъ вспо-
лошится вся родня.

— Пойдемъ, Маша, къ брату, сказала она сестрѣ.

— А къ дядѣ?

— Надо переодѣться.

— Только поскорѣе бы. На музыку какъ бы не опоздать!

Кузьма Андреичъ жилъ далеко отъ набережной, въ такой
улицѣ, гдѣ жило бѣдное чиновничество и мѣщанство, которое
не нуждалось ни въ тротуарахъ, ни въ фонаряхъ, но которое
любило очень собакъ и жило своею жизнью, мало похожею на
губернскую городскую. Когда сестры вошли въ эту улицу, то
имъ представилось, что тамъ кромѣ собакъ и караульныхъ ни-
кого нѣтъ. Здѣсь было и темно и грязно, пахло чѣмъ-то похо-
жимъ на кожу и отзывало кислую капустой. Многія окна были
закрыты ставнями; огоньки сквозь тускляя стекла виднѣлись
кое-гдѣ; не видно было ни одного челоуѣка.

— Какъ здѣсь боизно! сказала Марья Андреевна.

— А у насъ развѣ не то же?

— Здѣсь губернский. И какъ это онъ служитъ въ палатѣ,
а живетъ въ такомъ мѣстѣ.

Едва-едва онѣ разыскали домъ, въ которомъ жилъ Кузьма
Андреичъ. На стукъ, какъ водится, первая отозвалась собака,
потомъ немного погодя ихъ окликнулъ старушечій голосъ; кое-

какъ, послѣ длинныхъ объясненій со стороны сестеръ, послѣ сомнѣній, высказанныхъ грубымъ старушечьимъ голосомъ, и увѣреній какого-то мужчины, имъ отперли калитку, закричали на собаку, рвавшуюся съ веревки; въ сѣняхъ появился огонь, ихъ позвали на крыльцо и высокая, худощавая старуха въ исподнемъ бѣльѣ, взглянувъ на нихъ, зѣвая проговорила:

— Да братца вашего дома нѣту; онъ дежуритъ.

— Въ леминацію? ужаснулась Марья Андреевна.

— А развѣ есть гдѣ леминація? удивилась хозяйка, и потомъ прибавила:—вашъ братецъ рѣдко дома ночуетъ; онъ все больше дежуритъ занимается. А вы пройдите въ его комнату, тамъ кровать есть.

— Намъ бы, хозяйюшка, чаю хотѣлось напитокъ, сказала Дарья Андреевна.

— Какой теперь чай—спать пора. Оно бы, пожалуй, съ дороги, да только намъ строго приказано не ставить по ночамъ самоваровъ. Кроме этого еще надо сказать, Кузьма Андреичъ чаю не пьетъ и не держитъ дома: онъ все въ гостяхъ больше. Онъ у двухъ господъ ребятишекъ учить.

Хозяйка держала въ рукѣ оловянный, ослышавъ саломъ подсвѣчникъ съ маленькимъ огаркомъ сальной свѣчки, пламя на которой откуда-то раздувало вѣтромъ и которое она заслоняла рукой; свѣча то и дѣло готова была кончиться. Дарья Андреевна это замѣтила, и потому попросила хозяйку проводить ее съ сестрой въ комнату брата. Комната эта находилась въ другой половинѣ дома, черезъ сѣни отъ хозяйскаго помѣщенія. Она была заперта и хозяйка насилу отыскала ключъ въ своей кухнѣ, и, когда подошла къ двери, то свѣчка погасла. Хозяйка скрылась, но черезъ три минуты вернулась въ сопровожденіи низенькаго, горбатаго, съ черными волосами мужчины годовъ сорока, одѣтаго въ халатъ. На переносицѣ у него торчали огромные очки, а за ухо было вложено гусиное перо; въ рукѣ онъ держалъ мѣдный подсвѣчникъ съ сальной свѣчкой.

— Посвѣти-ко имъ, батюшко, Гаврило Ѳомичъ, проговорила хозяйка и отперла дверь.

Горбачъ сперва растерялся, запахнулъ халатъ, прокашлялся, что-то хотѣлъ сказать, но только раскрылъ ротъ, нагнулся и шаркнулъ одной ногой.

— Вы сосѣдъ брату? спросила Марья Андреевна горбача, улыбаясь.

— Сосѣдъ-съ, сосѣдъ. А вы ихнія сестрицы?

— Да.

— Сказывалъ, сказывалъ Кузьма Андреичъ. Мы съ нимъ сосѣди, дружно живемъ. Славный человекъ, аккуратный.

Они вошли въ комнату. Комната была низкая, узкая. Печка съ лежанкой занимала почти треть комнаты; кровать и комодъ

четверть, такъ что вошедшимъ стало тѣсно. Въ ней былъ также столъ и два стула съ кожаными, продавленными подушками. Стѣны оклеены писаной и печатной бумагой; въ переднемъ углу висѣлъ маленькій образокъ и передъ нимъ лампадка.

— Вы въ гости-съ къ братцу? спросилъ горбачъ.

— Мы только у него остановимся. Мы приѣхали по дѣлу, сказала Дарья Андреевна.

— По какому-съ?

— Мы къ дядѣ, Яковлеву, сказала Марья Андреевна.

Горбачъ съѣжился, взглянулъ на лампадку.

— Едва-ли Кузьма-то Андреичъ придетъ рано завтра. Я, пожалуй, схожу къ нему.

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— Да не теперь, а завтра. Только... какъ же... Вы поди съ дороги-то кушать хотите, а здѣсь и огня нѣтъ. Хоть бы лампадку зажечь.

— Ну, да! Еще узнаютъ—бѣда! сказала хозяйка.

— Нелзя же безъ огня. Онѣ... барышни молодья, къ темнотѣ непривычны. Я бы свою свѣчку далъ, да мнѣ надо заниматься... къ спѣху... Я ужъ сбѣгаю въ лавочку.

— Будьте такъ добры, сказала Дарья Андреевна и стала рыться въ карманѣ.

По уходѣ горбача, хозяйка сидѣла, зѣвала и дремала. По временамъ она, какъ бы просыпаясь, взглядывала на дѣвицъ. Когда на улицѣ залаяли собаки и лай ихъ шелъ все дальше и дальше, она вдругъ встала и проговорила:

— Оно неловко, а какъ проучать — опасно... Вы извините. Только нынче воровъ много. Паспорта бы надо.

— У насъ нѣтъ, потому что мы сюда ненадолго; насъ дядя знаетъ, отвѣтила Дарья Андреевна.

— Такъ-то оно такъ. Я вижу по облику, что вы сестры... только я не знаю...

— Неужели вы сомнѣваетесь?

— Нѣтъ... Ну, да ужъ ночуйте. Я вѣдь васъ не знаю. Хоть мнѣ Кузьма-то Андреичъ и рассказывалъ, что у него есть двѣ сестры дѣвицы.

— Даша, пойдемъ къ дядѣ, сказала Марья Андреевна.

— Куда же мы пойдемъ ночью?

— Это правда. Вашъ дядюшка ужъ поди спитъ, сказала хозяйка.

Опять залаяли собаки, послышался скрипъ калитки, пришелъ горбачъ. На немъ былъ надѣтъ халатъ, на головѣ фуражка съ кокардой; онъ держалъ въ одной рукѣ стеариновую свѣчку, въ другой узелокъ.

— Извольте-съ... Прошу не побрезговать. Я взялъ въ лавочкѣ семги, уксусу, перцу, огурцовъ, хлѣба.

— Мы вамъ очень благодарны... очень. Сколько вамъ? спросила Дарья Андреевна.

— Всего тридцать копѣекъ.

— Ахъ живодеры! Покажите-ка? проговорила хозяйка, и осмотрѣвъ покупку, покачала головой и разразилась бранью на торговашей вообще и въ особенности на ту женщину, у которой она беретъ постоянно припасы. Потомъ она принесла двѣ тарелки, вилки, ножи и, пожелавъ добраго здравія и спокойной ночи сестрамъ, ушла; за ней ушелъ и горбачъ.

По уходѣ ихъ Марья Андреевна захохотала.

— Чему ты смѣешься?

— Этотъ горбачъ чиновникъ! и въ очкахъ!

— Ничего нѣтъ смѣшного. Не было бы его, что было бы съ нами, а теперь мы въ квартирѣ брата и отлично покушаемъ.

— Ну ужъ, дрянъ-то!

— Однако, ты вонъ какъ улетаешь.

— А все ты. Отчего бы не идти къ дядѣ?

— Неловко, сестричка. Мы вѣдь безъ отца.

Марья Андреевна вздохнула и замолчала.

Въ стѣнку стукнулъ горбачъ и спросилъ:

— Вамъ не надо ли воды?

— Принесите, сказала Дарья Андреевна.

— Какой онъ смѣшной! сказала Марья Андреевна, когда онъ ушелъ, и прибавила:—ужъ я никакъ не думала, чтобы братецъ жилъ такъ поцыгански.

— Надо ко всему привыкать, сестричка. Еще неизвѣстно, что будетъ съ нами.

— Ну, ужъ я ни за что не буду такъ жить.

Скоро онъ легли на братнину кровать. Ложе оказалось жесткимъ, но Марья Андреевна, хотя и сѣтовала на сестру, что та не доставила ей удовольствія погулять на набережной, однако скоро заснула, а Дарья Андреевна крѣпко призадумалась надъ этой первой встрѣчей съ нуждой. Ужъ если братъ такъ живетъ, то каково-то будетъ ей начать новую жизнь съ семидесятью-пятью копѣйками въ карманѣ.

XVII.

На другой день Дарья Андреевна проснулась рано—еще было не совсѣмъ свѣтло, но она уже слышала, что по улицѣ шли мужичины и грубыми словами ругали дождикъ и грязь; слышала, что хозяйка кого-то ругала, и гдѣ-то часто скрипѣли две-

ри. Ей хотѣлось встать, но дѣлать было нечего; неизвѣстность, что станетъ съ нею дальше, и какая-то боязнь за рѣшеніе покончить съ чиновничествомъ удерживали ее въ кровати. Ей нисколько не хотѣлось спать; она стала обсуждать свое положеніе и рѣшать, что теперь дѣлать. Идти къ дядѣ ей ни подѣ какимъ видомъ не хотѣлось, а идти надо, потому что она не одна, а съ сестрой, которая знаетъ въ Егорьевскѣ только набережную, бульваръ, церкви и двѣ-три главныя улицы. Но придти къ дядѣ, значить, нужно остаться тамъ, а ей нехотѣлось даже и ночевать у него. Не ходить туда вовсе — нужно оставить сестру въ горѣ и совсѣмъ разсориться съ ней, съ братомъ, родней, да и притомъ найдетъ ли она еще себѣ мѣсто въ одинъ день? И она рѣшила отвести къ дядѣ сестру, то есть сдать ее ему, какъ говорится, съ рукъ на руки, а потомъ уйти къ брату и до пріисканія мѣста поселиться у него, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ говоритъ хозяйка, не только днемъ рѣдко бываетъ дома, но даже и не ночуетъ, а хозяйка у него, кажется, женщина хорошая. Однако, пріятно ли это покажется брату? Казалось бы, что онъ долженъ быть радъ ей, долженъ бы пріютить ее у себя, потому что прежде они жили, какъ говорится, душа въ душу, никогда не ссорились, онъ всегда былъ противъ мачихи и дяди, и если услуживалъ послѣднему, то для того, чтобы получить какую-нибудь должность. Но изъ того, что говорила ей вчера хозяйка, изъ обстановки его квартиры замѣтно, что онъ теперь сдѣлался еще экономнѣе, не пьетъ дома чаю, не куритъ табаку, не приглашаетъ товарищей, не жетъ свѣчей. За комнату онъ платитъ рубль, за кушанье пять, а получаетъ отъ дежурства и уроковъ съ жалованьемъ рублей двадцать. Ужъ если онъ самъ себя стѣсняегъ, то ее и подавно стѣснить. Но неужели онъ не дозволить ей прожить у него дня два? Нѣтъ, онъ этого не сдѣлаетъ. Итакъ рѣшено: уйду къ брату, поселюсь у него и отъ него перейду въ какой-нибудь магазинъ. Съ этими словами она встала и начала оглядывать комнату. Въ ней было все то, что нужно для холостаго чиновника — кровать, столъ, комодъ, чернильница на столѣ и два пера, но замѣтно было аскетическое настроеніе хозяина комнаты; на одной стѣнѣ прилѣплено было нѣсколько картинъ духовнаго содержанія: тутъ былъ и страшный судъ, и душа человѣка, проходящая множество мытарствъ, смерть грѣшника и проч. На комодѣ лежали книги: Училище благочестія, Семь смертныхъ грѣховъ и Поученія Родіона Путятина. Неизвѣстно почему, у Дарьи Андреевны при обзорѣ этой комнаты защемило сердце. Въдь она тоже когда-то прочитала всѣ эти книги, пересмотрѣла тысячу разъ эти картинки; она была религіозна въ душѣ, хотя и не особенно благосклонно отзывалась объ обрядахъ; она рѣдко ложилась спать не помолившись Богу, но отсутствіе у брата свѣтскихъ книгъ и хорошихъ картинокъ все-таки приводило ее

къ заключенію, что онъ ведетъ жизнь вполнѣ монашескую, и если въ его комнатѣ не пахнетъ ладономъ, такъ единственно потому, что онъ скупъ. Но вотъ что ей страннымъ показалось: въ книгѣ „Училище благочестія“, вѣроятно, по забывчивости, была вложена записочка, писанная женской рукой и, вѣроятно, лукомъ, потому что буквы были желтыя и бумага въ двухъ мѣстахъ прожжена. Въ этой безъимянной запискѣ его приглашали куда-то и просили сказать дома, что онъ сегодня на дежурствѣ. Дарья Андреевна любила брата, и ей стало стыдно, что она проникла въ его тайну. Ей показалась мрачна эта комната, ей хотѣлось скорѣе уйти изъ нея, и она завидовала сестрѣ, которая крѣпко спала.

Она пошла къ хозяйкѣ. Та пила чай съ сосѣдомъ Кузьмы Андрееча. У нея уже истопилась печь и на двухъ длинныхъ доскахъ положено было тѣсто для булокъ.

При входѣ ея, Гаврило Ѳомичъ растерялся и запахнулъ халатъ. Хозяйка слѣдила безмятежно, держа всей пятерней лѣвой руки блюдечко и дун въ горячую воду.

— Съ добрымъ утромъ! Каково ночевали-съ? проговорилъ Гаврила Ѳомичъ.

— Отлично.

— Пошли бы еще спать, вѣдь еще рано, сказала какъ-то недовольно хозяйка.

— Пожалуйте чашечку! сказалъ Гаврила Ѳомичъ.

— Покорно благодарю. Миѣ бы умыться.

— А вонъ рукомойникъ, проговорила хозяйка, и мотнула головой къ двери, около которой висѣлъ глиняный рукомойникъ, имѣющій видъ чайника.

Когда Дарья Андреевна пришла къ хозяйкѣ съ пологенцемъ, то у нея Гаврилы Ѳомича не было, а она сама готовилась приниматься катать булки.

— Вы долго у меня пробудете? спросила хозяйка Дарью Андреевну.

— Мы сегодня уйдемъ къ дидѣ. Сестра останется тамъ, а я приду сюда.

— Зачѣмъ?

— Я хочу у брата жить.

Хозяйка съ удивленіемъ посмотрѣла на дѣвушку, и такъ стала работать руками, что доски застучали.

— Вы думаете, я захочу васъ двоихъ держать: подумаютъ, живетъ любовникъ съ любовницей, а не братъ съ сестрой, сказала, наконецъ, хозяйка.

— Отчего же мѣщане живутъ такъ?

— То дѣло другое. Да и что вамъ за охота жить съ братомъ? То ли дѣло жить у богатой родни.

— Видите ли что. Я хочу поступить въ магазинъ въ швей.

— А!? ну, это другое дѣло.

— Какъ вы думаете на этотъ счетъ?

— А вичего не думаю, потому ноньче расплодилось много всякаго народу.

— Вы вотъ тоже печете булки на продажу.

— Ну, то я, старуха... А вотъ кои молодья пекутъ, такъ у нихъ брать пикто не хочеть, потому сомнѣваются, чтобы эти булки были чистыя.

Пришелъ Гаврила Ѳомичъ въ виць-мундирѣ и въ фуражкѣ съ кокардой. Подъ лѣвой мышкой онъ держалъ свертокъ бумага, а въ правой рукѣ большой холщевый зонть.

— Я пошелъ, Агафья Сергѣевна. Вотъ ключъ, сказалъ онъ хозяйкѣ, и повѣсилъ на гвоздикъ ключъ отъ своей комнаты.

— Ты, Гаврила Ѳомичъ, позови ихняго-то братца.

— Безпремѣнно. Прощайте съ, раскланялся Гаврила Ѳомичъ Дарьѣ Андреевнѣ и ушелъ.

— Коли хотите пить чай — пейте. Въдъ у вашего братца едва-ли есть чай.

— Нѣтъ, благодарю.

— Ну, какъ знаете.

Дарья Андреевна ушла и задумалась. „Нѣтъ, и здѣсь не житье мнѣ, потому что хозяйка гонить. Она, кажется, женщина хорошая, но братъ, видно, ведетъ себя нехорошо съ ней. А, впрочемъ, въдъ она насъ не знаетъ. Надо будетъ переговорить съ братомъ.“

Проснулась Марья Андреевна. Потягиваясь, она проговорила:

— Какъ жестко!... Какъ это онъ спить? А который часъ?

— Не знаю. Должно быть много, потому что сосѣдъ уже ушелъ на службу, а хозяйка посадила въ печь булки.

— А что жъ самовара нѣтъ?

— Да его и не будетъ. Въдъ еще вчера хозяйка говорила, что у брата нѣтъ самовара и онъ дома не пьетъ чай.

— Это ужасно!

— А ты водицы напейся.

Пришелъ Кузьма Андреичъ. Онъ объяснилъ, что о пріѣздѣ дорогихъ гостей его увѣдомилъ Гаврила Ѳомичъ, и тутъ же замѣтилъ сестрамъ, что онѣ большія неряхи, потому что, во первыхъ, разбросали свои вещи, а во вторыхъ, не убрали его постель, и сдѣлалъ выговоръ за то, что онѣ остановились у него, а не у диди. Все это было выговорено мимоходомъ, такъ что Марья Андреевна приняла за шутку и, въ ожиданіи чая, хихикала, но Дарья Андреевна убѣдилась въ справедливости своихъ предположеній, и у нея защемило сердце.

— Ну, что мачиха? Не думаетъ ли попрежнему продать домъ? спросилъ Кузьма Андреичъ Дарью Андреевну.

Дарья Андреевна коротко объяснила ему жизнь мачихи теперь, и то, зачѣмъ мачиха послала ихъ въ Егорьевскъ.

— Это надо устроить, только какъ же мы надзирать-то за ней будемъ?

— Я отъ своей части отказываюсь.

— Ну, нѣтъ, отказываться глупо. Я ни за что не откажусь.

— И я тоже. А какъ бы, братецъ, чаю? сказала Марья Андреевна.

— Чаю-то? Да я, сестрички, не пью чай дома, потому что жалованье маленькое. А вотъ вы одѣвайтесь, пойдѣте къ дядѣ.

Онъ вышелъ.

Марья Андреевна засуетилась, а Дарья Андреевна вышла за братомъ. Онъ стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на свинью, роющуюся въ грязи.

— Братецъ! Что я тебѣ хочу сказать, сказала Дарья Андреевна, подойдя къ брату.

— Что?

— Мнѣ совсѣмъ нехочется идти къ дядѣ.

— Почему?

— Я тебѣ должна признаться, какъ другу, что я прѣехала сюда затѣмъ, чтобы жить своимъ трудомъ.

Братъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Какъ это своимъ трудомъ?

— Очень просто: я буду шить.

— Глупости! Иди одѣвайся, мнѣ пора на службу.

— Я, братъ, не шучу, и одѣваться не стану, а останусь здѣсь.

— Ты, сестричка, кажется, съ ума сошла или просто шутишь?

— Такъ и ты мнѣ удивляешься?

— Еще бы! Прошу тебя, ради Христа, одѣвайся и пойдѣмъ.

— Мнѣ не во что одѣваться: платья дома... А что, братъ, можно у тебя пожить дни два, три?

Братъ посмотрѣлъ на нее съ улыбкой и закачалъ головой.

— Отказываешься?

— Что?

— Пустить-то меня на квартиру.

— Ей-Богу, ты меня выводишь изъ терпѣнія! Я не понимаю, что съ тобой?

У Дарьи Андреевны появилась улыбка презрѣнія и досады и она ушла въ комнату брата, гдѣ Марья Андреевна еще и въ половицу не привела въ порядокъ свой туалетъ. Она сѣла и задумалась. Она предчувствовала, что и брату ея, ея другу,

намѣреніе ея зарабатывать свой хлѣбъ покажется смѣшнымъ; онъ надсмѣялся надъ ней хуже, чѣмъ ея отецъ. „Итакъ, думала она, со стороны брата не будетъ никакой поддержки; ей теперь нужно искать квартиру, а денегъ нѣтъ, знакомыхъ тоже; поневолѣ приходится поселиться у дяди“.

Дядя былъ дома. Когда они пришли, онъ уже былъ одѣтъ. Жена его, Анна Николаевна, сорока-пятилѣтняя, низенькая, но съ чистымъ молодежавымъ лицомъ, въ ситцевомъ платьѣ, писала какой-то счетъ, а передъ ней, въ почтительной позѣ, стояла кухарка-старуха. Оба они обрадовались племянницамъ, облобызались съ ними, но замѣтно было, что они обрадовались больше Дарьѣ Андреевнѣ. Начались разспросы, но хозяйева не суетились, а сидѣли чинно и говорили свысока. Хотя они и были любезны съ Дарьей Андреевной, но она замѣтила, что эта любезность не искренняя; видно было, что хозяйева думали, что племянницы пріѣхали жить у нихъ. Съ Кузьмой Андреичемъ Ипполитъ Аполлоновичъ обращался какъ съ подчиненнымъ; на болтовню же Марьи Андреевны хозяйева даже и вниманія не обращали, такъ что она скоро сконфузилась, стала злобно смотрѣть на сестру, чувствовала себя не по себѣ и робко смотрѣла на шкафъ съ книгами и рояль, стараясь затаить тяжелые вздохи.

— Хорошо, что ты, Даша, сама догадалась пріѣхать; я тебя уже хотѣлъ выписывать и хотѣлъ послать денегъ. Но такъ-какъ ты пріѣхала сама, то эти деньги поступить тебѣ на платье, проговорилъ дяди.

— Покорно благодарю, дяденька, мнѣ не надо платья; и то, что на мнѣ, хорошо.

— Ну-ну! Къ намъ ходятъ гости: въ такомъ нарядѣ неприлично. Ну, Кузьма, возьми-ка портфель и отнеси въ палату, я сейчасъ приду. Чортъ ихъ возьми съ этимъ катаньемъ—голова болитъ и денегъ жалко: вѣдь тридцать рублей ушло на одно шампанское, хвастался дяди.

— Полно тебѣ горевать объ этомъ; итакъ все сидишь дома, сказала Анна Николаевна супругу.

— Что это у васъ за праздникъ былъ, дядевъка?

— Такъ пустяки: губернаторъ пріѣхалъ новый, такъ общесто или, скорѣе, городъ, устроилъ катанье — повеселиться на рѣкѣ, а иллюминацію устроилъ отъ себя голова. Ну, до свиданія, Анушка, Даша, ты... обратился онъ къ женѣ, Дарьѣ Андреевнѣ и ея сестрѣ, удостоивъ первыхъ поцалуемъ, а послѣднюю кивкомъ головы.

Домъ у Ипполита Аполлоновича былъ одноэтажный, но большой; комнатъ въ немъ было много и въ каждой много мебели, картинъ и цвѣтовъ, а въ нѣсколькихъ клѣткахъ пѣли соловьи, канарейки и чижики; комнаты были небольшія, а отъ мебели онѣ казались тѣсными; мягкіе ковры на полу и широкіе ту-

реціе диваны придавали имъ азіатскій характеръ. Отзывало какой-то чинностью; такъ и казалось, что тутъ живетъ важный женатый чиновникъ, у котораго нѣтъ дѣтей. Къ задней сторонѣ дома прилегалъ небольшой садикъ съ невысокими деревьями. У Ипполита Аполлоновича въ настоящее время было только двѣ прислуги: кухарка и кучеръ. Работы обоемъ было много, но имъ помогала жена кучера и его подростаящія дочери. Дарья Андреевнѣ и прежде этотъ домъ казался тюрьмой, точъ въ точъ, какъ у протопопа Третьякова, только съ тою разницею, что здѣсь не курили ладономъ и былъ рояль, на которомъ играли племянницы Анны Николаевны. Теперь же ей больше прежняго этотъ домъ сдѣлался противнымъ, скучнымъ, въ которомъ все однообразно, въ которомъ живущіе вполне довольны своею судьбою. Это чувствовала даже и Марья Андреевна, которая у дяди бывала рѣдко и привыкла долго спать, цѣтъ и свободно бродить изъ комнаты въ комнату; она чувствовала, что она здѣсь хотя и у родни, но какъ-будто чужая, потому что съ ней обращаются свысока. Ей очень не понравилось, когда тетка огорошила ее вскорѣ послѣ того, какъ ушелъ дядя.

Подошла она къ окну и стала смотрѣть на клень, который цвѣлъ. Она какъ-то дотронулась до цвѣтка, нѣсколько сухихъ листьевъ попадали на полъ.

— Что вы дѣлаете, душечка! Вонъ вы какъ насорили, отойдите отъ окна, сядьте и пейте чай.

Щоки Марьи Андреевны покраснѣли какъ маковъ цвѣтъ и она робко сѣла на указанное ей мѣсто.

— А вы, Марья Андреевна, долго у насъ прогостите? спросила вдругъ Анна Николаевна Марью Андреевну.

Этотъ вопросъ заставилъ поблѣднѣть дѣвушку: она точно проглотила лилюлю и не нашлась, что отвѣтить, кромѣ робкаго „не знаю“.

— Мы, тетенька, пріѣхали попросить дяденьку насчетъ больницы. Какъ только дяденька согласится похлопотать о томъ, чтобы больница была помѣщена въ нашемъ домѣ, мы уѣдемъ, сказала Дарья Андреевна.

— Зачѣмъ же такъ скоро?

Въ это время раздался въ прихожей звонокъ.

— Ахъ, кто-то пріѣхалъ! Подите, пожалуйста, въ ту комнату, которую, помнишь, ты, Даша, занимала. И сама встала и пошла встрѣчать звонившаго.

Сестры ушли.

Комната, которую занимала Дарья Андреевна передъ отъѣздомъ въ монастырь, находилась рядомъ съ спальней Анны Николаевны, у которой была своя спальня, отдѣльная отъ мужа. Эта комната имѣла отдѣльный ходъ, въ ней было два окна,

выходящія въ садъ, немного простой мебели, диванъ и столъ. У окна, вверху, пѣла канарейка, которая, при входѣ дѣвицы, шибко забѣгала въ клѣтки, перескакивая съ палочки на палочку.

— Противная! Чуть свѣтъ—она ужъ и поетъ; а днемъ, если, бывало, придется здѣсь что-нибудь шить, она такъ надоѣстъ своимъ пѣніемъ, что заболятъ уши и хочется убѣжать. Сколько въ первое время изъ-за нея было неприятностей! только начнетъ она плескаться въ баночкѣ съ водой, брызги летятъ и падаютъ на шитье. Тетка и спрашиваетъ: что за пятно? Сперва я не знала, откуда они, но потомъ догадалась. Тетка не вѣрила, и когда сама увидѣла на столѣ брызги, тогда переставили столъ вотъ сюда, говорила сестрѣ Дарья Андреевна.

— А гдѣ ты спала!

— А на этомъ диванѣ.

— Да вѣдь онъ коротокъ?

— Я тогда была покороче. Теперь, можетъ быть, кровать дадутъ, потому что насъ двѣ.

— Тебѣ хорошо: тебя здѣсь любятъ, а я—какъ чужая. Какъ бы отсюда скорѣе уѣхать! проговорила Марья Андреевна со слезами на глазахъ.

— Не завидуй, Мама: это тебѣ такъ кажется. Они мягко стелютъ, да жестко у нихъ спать.

— Нѣтъ, тебѣ хорошо. Ужъ лучше къ братцу, а отъ него я бы сюда стала ходить.

— Хорошо еще, если братецъ приметъ, а здѣсь ужъ пригласи. Тебя здѣсь полюбятъ, помани мое слово.

— Дома хоть мачиха и зла, а все же лучше: здѣсь все сиди на одномъ мѣстѣ, гдѣ велятъ, встанешь—неладно, слово скажешь—молчать велятъ. Нѣтъ, я уѣду; я уѣду къ Осипу. Тамъ славно!

— Хорошо ссориться съ золовкой! Вотъ ты завидуешь мнѣ, что меня здѣсь любятъ, а ты подожди, что будетъ черезъ нѣсколько дней.

— А что?

— То, что я хочу уйти отъ нихъ.

— Что ты, сестрица, Господь съ тобой! Неужели ты, въ самомъ дѣлѣ, рѣшилась?

— На что?

— Какъ же: мнѣ Наталья Семеновна сказывала, что ты въ Швеи хочешь. Ай-ай, сестрица!

— По-твоему хорошо развѣ ѣсть чужой хлѣбъ и слушать попреки? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Марья Андреевна задумалась.

— Вотъ ты у Осипа часто живешь; тебѣ какъ-будто хорошо тамъ, а я очень хорошо знаю, что ты у нихъ живешь какъ

горничная, и предполагаю, что тебя навѣрно упрекають хлѣбомъ, если не братъ, то она.

— Правда твоя, сестрица, правда... Горько мнѣ это, горько... И она заплакала. — Ты не знаешь, сколько я перенесла отъ нихъ... Я не умѣю ничего дѣлать—вотъ моя бѣда.

Дарья Андреевна обняла сестру и крѣпко прижала ее къ себѣ. Теперь только она поняла положеніе этой дѣвушки, и оно показалось ей даже хуже ея собственнаго.

— Не горюй, сестрица, мы вмѣстѣ поступимъ въ швей.

— Я не умѣю шить по модному.

— А развѣ я умѣю?

— Да какъ же это? вѣдь мы чиновницкія дочери.

— Въ комнату вошла Анна Николаевна и, увидавъ такую нѣжную сцену и плачущую Марью Андреевну, очень удивилась.

— Что это такое? О чемъ это вы, Маша, плачете?

— Она потеряла папашинъ бумажникъ, отвѣтила за сестру Дарья Андреевна.

— Только-то! Стоитъ о чемъ слезы тратить. Съ вами хочетъ познакомиться моя племянница Катерина Алексѣевна Телѣжникова. Мужъ ея служить чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Вытрите ваши слезы, Марья Андреевна, оставьте эти глупости. Пойдемте.

Онѣ вошли въ комнату, въ которой находился шкафъ съ книгами. Шкафъ былъ отворенъ; у него, нагнувшись къ полу, суежилась молодая женщина, перебирая и перелистывая книги. Она была высокаго роста, худощавая, съ бѣлымъ какъ мраморъ лицомъ, большими карими глазами; подъ сѣткою на головѣ были спрятаны русые волосы, на ней было надѣто шелковое, сшитое по послѣдней модѣ платье.

— Представляю, сказала Анна Николаевна.

Телѣжникова выпрямилась, держа въ рукахъ по книгѣ.

— Эта Дарья Андреевна; эта Марья Андреевна, рекомендовала Анна Николаевна.

Телѣжникова тоже отрекомендовалась и подала обѣимъ сестрамъ руку.

— Очень пріятно познакомиться. Впрочемъ, я уже знакома съ вами давно по тетушкинымъ рассказамъ. Давно вы пріѣхали? проговорила она бойко, но плавно, нѣжно и свысока.

Нѣсколько времени разговоръ продолжался въ этомъ родѣ, въ него вмѣшивалась и Анна Николаевна. Дарья Андреевна отвѣчала безъ затрудненія и съ своей стороны спрашивала смѣло, но Марья Андреевна тяготилась этой молодой барыней съ „алебастровымъ лицомъ“, какъ она заключала по своему. Телѣжникова говорила бойко, свысока, такъ что она на ея вопросы ничего не могла отвѣтить.

— Я у васъ, тетенька, всю библиотеку перерыла, но ничего путнаго не нашла. Кромѣ того, что я прочитала, остался все хламъ.

— Ну, матушка, и хламъ прочитаешь, коли дѣлать нечего.

— Только не я. А вы, Дарья Андреевна, любите читать?

— Очень люблю, только нечего. У насъ въ городѣ хорошихъ книгъ не достать.

— А вы что любите читать: ученое, или беллетристику?

— Все, что нравится.

— Ну, это еще ничего не значить. Вы, напримѣръ, читали „Отцы и дѣти“, романъ Тургенева?

— Нѣтъ, не читала.

— И не читай, ради Бога: это развратъ! сказала Анна Николаевна.

— Для васъ пожалуй, потому что вы прожили молодость; вы люди стариннаго поколѣнія, а мы новые.

— То-то вы новые: толкуете все о какомъ-то трудѣ, а сами ничего не дѣлаете, только языкомъ болтаете—благо онъ не на привязи.

— Извините-съ: я сама себѣ платки и мужу манишки мою, сама крахмалю и глажу.

— Ну! И Анна Николаевна, махнувъ рукой, ушла.

Дарью Андреевну заинтересовала эта барыня.

Онѣ вошли въ залу. Нѣсколько минутъ молчали. Марья Андреевна сѣла и стала перебирать одну книгу: стихотворенія Жадовской; Дарья Андреевна стояла у окна и смотрѣла на улицу; провезли два воза дровъ, проѣхала барыня на дрожкахъ и прошло нѣсколько человѣкъ впередъ и обратно, заглядывая въ окна этого дома. Вообще улица хотя и не особенно, все-таки была оживлена больше, чѣмъ та улица въ Ильинскѣ, на которой стоитъ домъ ея родителя; Телѣжникова перебирала ноты.

— Дарья Андреевна, вы умѣете играть? вдругъ спросила ее Телѣжникова.

— Нѣтъ.

— А нѣтъ?

— Пѣть я умѣю очень немного и то простонародныя пѣсни.

— Въ театрахъ бывали?

— Когда я здѣсь жила, то раза два была. Понравилось. Играли „Не въ свои сави не садись“.

— Что же, помните вы кое-что изъ комедіи?

— Она на меня произвела тяжелое впечатлѣніе.

— Напротивъ, она самая смѣшная.

— Я съ вами спорить не могу, только мнѣ кажется, что въ ней купеческая жизнь изображена очень вѣрно. Напримѣръ,

семейныя сцены представлены очень хорошо, купцы Бородинъ и Русаковъ какъ вылитые... И я думаю, что купцамъ не совсѣмъ пріятно смотрѣть, какъ ихъ представляютъ. Только вотъ актеры на купцовъ не похожи—манеры у нихъ чиновничьи.

— Въ самомъ дѣлѣ! Да вы знатокъ въ театральномъ дѣлѣ.

— Какой же я знатокъ: я вѣдь всего-то была въ театрѣ два раза.

— Погодите, мы часто съ вами будемъ ѣздить въ театръ, у меня тамъ абонирована ложа. Вотъ и сестрицу вашу,—какъ ее звать?—Марью Андреевну тоже будемъ брать.

Марья Андреевна покраснѣла, но Дарья Андреевна отъ приглашенія ѣздить въ театръ отказалась.

— Почему же вы отказываетесь? спросила ее Телѣжникова.

— Мы не привыкли къ ложамъ. Ужъ если и буду имѣть свои деньги, то сама пойду въ театръ и куда нибудь повыше, отвѣтила Дарья Андреевна.

— Какая вы гордая! И она съ улыбкою, незамѣтно для Дарьи Андреевны, оглядѣла ее съ головы до ногъ и потомъ съ улыбкой же извинилась за свое выраженіе.—Надѣюсь, мы съ вами познакомимся ближе. Такъ? и она протянула ей руку.

— Благодарю. Дарья Андреевна подала ей свою руку.

— Нѣтъ, вы не отказывайтесь. Мнѣ очень хочется познакомиться съ вами. Она пошла, держа руку Дарьи Андреевны въ своей рукѣ; Дарья Андреевна тоже пошла.

— Вы мнѣ очень нравитесь, я такъ много объ васъ слышала хорошаго, такого, что возмущаетъ стариковъ, но что въ духѣ нашего времени, что ждала васъ съ нетерпѣніемъ.

— Покорно благодарю.

Телѣжникова улыбнулась и начала:

— Ей-Богу. У насъ, знаете, теперь время такое... время прогреса. Вы знаете, что такое прогрессъ?

— Нѣтъ.

— Это, моя душечка, то, когда люди стремятся къ чему-то другому, непохожему на прежнюю жизнь. Возьмите, напримѣръ, освобожденіе крестьянъ—это небывалая вещь! Кто бы могъ подумать, живя назадъ тому двадцать лѣтъ, что наступитъ время, когда будутъ освобождены крестьяне, когда отъ полиціи отнимутъ ту власть, которою она еще такъ недавно пользовалась, когда станovyе пристава будутъ ничто. Это великія преобразованія. Но я отклонилась отъ предмета. Теперь настало время прогресса не только для мужчинъ, но и для женщинъ.

Дарья Андреевна поглядѣла на нее испытующимъ взоромъ.

— Васъ удивляютъ мои слова, моя милочка. А я вамъ скажу, что на женщинъ лежатъ великія обязанности. Не говоря уже о

томъ, что она даетъ и воспитываетъ для государства дѣтей, она и государствомъ орудуетъ.

— Какъ это государствомъ?

— Да такъ: что ни дѣлается мужчинами, дѣлается по волѣ нашей.

— Я съ этимъ несогласна, потому что жила въ такомъ городѣ, гдѣ все дѣлалось по волѣ мужей. Иногда мужья совѣтуются съ жонами, но все-таки дѣлаютъ по своему. Случается дѣйствительно, есть такіе мужья, которые въ иномъ случаѣ дѣлаютъ по совѣту жены, но за то въ другомъ держатъ жену какъ какую нибудь служанку.

— Я къ тому и веду рѣчь, что у насъ, да и вездѣ, кромѣ Англіи и Америки, существуетъ полный деспотизмъ. У насъ мужчина глава. Надо, чтобы этого не было, и сдѣлать это очень возможно.

— Какимъ образомъ?

— Завести женскія училища, въ которыхъ бы обучали женщины; установить свободу брака, допустить женщинъ на службу. И эти задачи лежатъ на обязанности женщинъ, потому что мужчины хотя и берутся за эти вопросы, но стараются обрѣзать ихъ, потому что никакъ не могутъ отстать отъ принципа, что они главы, законодатели, и что въ нихъ вся сила, насъ же считаютъ существами слабыми, игрушками, которыми въ свободное время можно забавляться какъ угодно. Однако, извините за нескромный вопросъ: какъ вы смотрите на бракъ? Я спрашиваю потому, что слышала, вы многимъ даже хорошимъ женихамъ отказали?

— А вы какъ?

— А-а? понимаю, что вы ищете идеала.—Она вздохнула.— Идеалы такъ и остаются во всю жизнь идеалами, потому что всѣ мы выходимъ зря.

— А вы?

Щеки Телѣжниковой покраснѣли.

— Какъ можно! Я вышла по любви; мы живемъ отлично. Но вотъ я знаю многихъ...

Дарья Андреевна взглянула на нее. Она продолжала:

— И онѣ въ этомъ не виноваты. Однѣ выходятъ замужъ за виднаго въ обществѣ человека для того, чтобы блистать въ обществѣ; другія изъ желанія быть чиновницей; третьихъ нужда заставляетъ выходить замужъ за кого попало, хоть за старика, чтобы только избавиться отъ ненавистной семьи, въ которой ихъ грызутъ; наконецъ четвертыхъ выдаютъ сами родители для того, во-первыхъ, чтобы избавиться лишняго бремени, а во-вторыхъ, чтобъ и самимъ пристроиться у зятя на старости лѣтъ или получить черезъ него должность, чинъ и награду, если только у зятя родня со связями.

— Въ чиновническомъ быту это такъ. Но вы взгляните на другія сословія, особенно на мѣщанъ и крестьянъ.

— Я, правда, съ этими сословіями мало знакома, но нахожу, что они находятся въ грубомъ и невѣжественномъ состояніи.

— Напротивъ, народъ этотъ хорошій, добрый. Если же онъ не ученъ, то это зависитъ отъ бѣдности.

— Это пожалуй правда, согласилась Телѣжникова и задумалась.

— Вы такъ прекрасно изобразили положеніе женщины-чиновницы. Я видала такихъ женщинъ, и съ вашими словами согласна. Но я должна вамъ замѣтить, что мѣщанки и крестьянки рѣдко желаютъ управлять или учиться. Онѣ просто всю жизнь работаютъ, и даже больше своихъ мужей.

— Вотъ это и скверно.

— А безъ работы такой женщинѣ будетъ скучно. Я вотъ васъ хочу спросить: какой вы находите выходъ чиновницѣ изъ такого подчиненія, какъ напримѣръ, замужество?

— Я уже сказала, что женщина должна быть равна мужчинѣ и должна наравнѣ съ нимъ работать.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Я тутъ ничего невижу дурнаго: я вотъ даже сама глажу, шью и иногда сметаю пыль крылышкомъ.

Пришла Анна Николаевна и разговоры приняла другое направленіе, а именно о новомъ платьѣ вице-губернаторши, о новомъ рысакѣ полицеймейстера и т. д. Дарья Андреевна задумалась надъ Телѣжниковой. Ей казалось, что въ словахъ ея есть и правда, и противорѣчіе, что она какъ будто хвастается, говоритъ вычитанное, какъ заученое, а не испытанное на себѣ. Но вотъ чего она не могла понять: какъ эта молодая барыня, жена чиновника особыхъ порученій, говоритъ, что женщина должна работать? Что это значитъ? Въ словахъ Телѣжниковой было такъ много новаго, но недосказаннаго, что ей хотѣлось еще поговорить съ нею, чтобы она объяснила ей понятнымъ языкомъ и примѣрами все то, что наговорила ей.

Телѣжникова стала собираться домой. Сборы эти были длинные: нужно было пришить что-то на мантильѣ, а она одна не могла этого сдѣлать; нужно было шляпку надѣть, и тутъ безъ посторонней помощи не обошлось и т. п., такъ что Дарью Андреевну, при всемъ ея расположеніи къ Телѣжниковой, взяло сомнѣніе—дѣйствительно ли она умѣетъ гладить манишки и проч. Наконецъ Телѣжникова собралась совѣмъ. Поцаловала Анну Николаевну, протянула руку Марьѣ Андреевнѣ, которая проклпнала ее на чемъ свѣтъ стоитъ, и потомъ, протянувъ руку Дарьѣ Андреевнѣ, проговорила:

— Я васъ, милочка, непременно жду къ себѣ завтра, не съ визитомъ, а такъ посидѣть. Мы потолкуемъ.

И она граціозно ушла, съла въ пролетку и уѣхала.

— Какова? Славная женщина! Только не люблю я ее за болтовню: говоритъ, говоритъ... Да вѣдь какъ? Въ старину на колѣнки бы поставили. А теперь!.. проговорила Анна Николаевна, глядя въ окно на отъѣжающую племянницу.

XVIII.

Прошло полторы недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Дарья Андреевна съ сестрой поселилась у дяди. Читатель, я думаю, сердится на то, что Дарья Андреевна все еще только хочетъ поступить куда нибудь въ магазинъ. Но дѣло въ томъ, что не будь у нея бревна среди дороги—этой родни, будь она безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ куска хлѣба, безъ крова,—она, конечно, не задумалась бы поступить куда нибудь или взяться за какую нибудь работу, чтобы заработать себѣ хлѣбъ и кровь. Но, кромѣ этого, ее брала еще боязнь за будущее: рѣшившись на новую жизнь, она уже разъ навсегда должна была прекратить съ родными, изъ которыхъ даже ея прежній другъ, братъ Кузьма, высказался съ насмѣшкой объ ея намѣреніи. Она понимала, что порѣшить съ родней теперь уже не такъ трудно; прежде она не хотѣла оскорбить отца, а объ остальной роднѣ нисколько не думала; теперь же, когда ей только оставалось перескочить бревно, которое раздѣляло два міра—сытое отъ голоднаго, она боялась попасть въ голодный міръ безъ денегъ, безъ паспорта и одна-одинехонька, такъ какъ хотя въ этомъ мірѣ и были у нея знакомыя рабочія женщины, но она не знала, какъ примутъ ее, дочь чиновника, онѣ—мѣщанки, привыкшія ко всякимъ лишеніямъ, сидяція иногда безъ хлѣба, но все-таки дорожація своимъ крошечнымъ спокойствіемъ и не любящая, чтобы въ ихъ жизнь заглядывало лицо постороннее, непринадлежащее къ ихъ сословію. Не будутъ ли и онѣ смѣяться надъ ея желаніями такъ же, какъ смѣялись надъ ней отецъ и братъ, и не отнесутъ ли это къ тому, что вотъ-де барышня и сыта и одѣта, а хочетъ черной работой заниматься изъ-за того, что ей дѣлать нечего и она съ жиру бѣсится. Поэтому она, прежде чѣмъ поступить въ голодный міръ, хотѣла приобрести изъ него благожелательницъ, которыя бы полюбили ее и рекомендовали кому нибудь.

Итакъ, Дарья Андреевна, живя у дяди, съ тревогой дождалась того дня, когда она можетъ покинуть этотъ ненавистный для нея міръ, живущій въ праздности на счетъ бѣднаго міра, а если и дѣлающій что нибудь, то ради скуки или на показъ, какъ говорила про Телѣжникову кухарка Анны Николаевны, Татьяна. Но и здѣсь Дарья Андреевна не сидѣла сложа руки, иначе ей было бы невыносимо скучно въ этомъ боль-

шомъ домѣ, гдѣ все чинно и весь день распредѣленъ такъ, что вставали, пили чай, обѣдали и проч. въ извѣстные часы, почти что минута въ минуту. На другой же день Анна Николаевна дала Дарьѣ Андреевнѣ свое шелковое платье, которое уже было поношено, но которое, какъ она говорила, было надѣто всего только два раза. Была позвана портниха, которая, подъ надзоромъ самой Анны Николаевны, перекроила это платье, но Дарьѣ Андреевнѣ поговорить съ нею не удалось, такъ какъ портниха пробыла у Анны Николаевны не больше часу, Анна Николаевна не отходила отъ нея ни на шагъ, опасаясь, чтобы та не стащила какаго нибудь лоскутка.

Дарья Андреевна сшила платье въ однѣ сутки. Оно оказалось сшито такъ хорошо, что Аннѣ Николаевнѣ ничего больше не оставалось, какъ похвалить Дарью Андреевну. Марья Андреевна, помогавшая шить платье, злилась, что тетка не подарила и ей платья; она плакала съ досады и зависти и еще больше злилась на сестру, которая ее утѣшала, и на тетку, которая ее конфузила за чаемъ, за обѣдомъ и за чѣмъ попало. Не нравилось это и Дарьѣ Андреевнѣ, но она предчувствовала, что такія благодѣянія и предпочтенія не даромъ, не отъ чистаго сердца, а съ какою нибудь цѣлю, что она ни больше ни меньше какъ жертва, которую, какъ видно, прочать выдать замужъ. Въдъ Ипполитъ Аполлоновичъ еще въ Ильинскѣ обѣщалъ выдать ее замужъ за хорошаго человѣка, и говорилъ, что у него и женихъ есть. Все это казалось Дарьѣ Андреевнѣ досаднымъ, и она, рѣшась выждать, что изъ этого будетъ, дала себѣ слово не выходить замужъ и, если вслѣдствіе отказа ей будетъ худо, то бѣжать отъ дяди.

Какъ только было окончено платье, Анна Николаевна навалила обѣимъ племянницамъ такъ много работы, что ей хватило бы и на годъ: тутъ была и починка, и перешивка, и надвязка, и прочее. Нѣсколько самыхъ негодныхъ вещей она подарила племянницамъ. Племянницы сѣли за работу. Погода стояла ненастная, такъ что и въ садикъ было неприятно выходить; солнце не показывалось, небо было сѣрое и покрытое облаками, съ рѣки дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, такъ что не открывали оконъ, отчего въ комнатахъ было душно, темно и грустно. Гуляній въ городѣ въ это время не было, а бывали въ дворянскомъ клубѣ танцы, но Анна Николаевна не возила племянницъ туда, вѣроятно потому, что находила ихъ недостойными бывать въ этомъ святилищѣ; въ гости она ихъ тоже не отпускала, потому что боялась, что онѣ развратятся. Она ѣздила въ свою приходскую церковь, но и тамъ, становясь у лѣваго клироса, ставила ихъ впереди себя, хвастаясь знакомымъ своими благодѣянiami; при этомъ она нѣсколько разъ въ церкви замѣчала, особенно Марьѣ Андреевнѣ, что она вертится, глядитъ по сторонамъ, — однимъ словомъ, не умѣетъ себя дер-

жать въ порядочномъ обществѣ. Хотя же къ Аннѣ Николаевнѣ и собирались гости, но это были или старухи, или барыни, отъ которыхъ, кромѣ хвастовства и сплетенъ, ничего путнаго нельзя было добиться.

Наконецъ прошло двѣ недѣли, наступила суббота. Еще далеко до всенощной наши дѣвицы были одѣты: Дарья Андреевна въ перешитое платье, которое подарила ей Анна Николаевна, Марья Андреевна тоже въ шелковое платье, данное ей теткой-благодѣтельницей на сегодняшній и завтрашній день; на головахъ ихъ были надѣты сѣтки, въ уши вдѣты золотыя серьги, данные тоже Анной Николаевной, на ногахъ полусапожки, подаренныя Ипполитомъ Аполлоновичемъ. Анна Николаевна ворчала и суетилась, точно собиралась на балъ. Ипполиту Аполлоновичу было велѣно одѣться въ самое лучшее платье, на томъ основаніи, что онъ долженъ вывезти племянницъ въ крестовую церковь, куда онъ ходитъ постоянно и гдѣ ему всё, начиная отъ архіерея и кончая старостой, знакомы. Наконецъ зазвонили ко всенощной, Яковлевы поѣхали. Нечего и говорить о той важности, съ какой Яковлевъ и жена его вошли въ церковь. Сама Яковлева пробралась къ правому клиросу, а дѣвицамъ велѣла стать впереди. Нѣсколько большихъ пѣвчихъ что-то переговорили между собой и хихикали, немногіе помоложе краснѣли. Марья Андреевна не смѣла и взглянуть на клиросъ; но Дарья Андреевна, услышавши нѣсколько недетныхъ отзывать на ея и ея сестры счетъ, произнесенныхъ пѣвчими, пошла съ своего мѣста далѣе.

— Ты куда? спросила Анна Николаевна.

— Я подальше пойду, въ народъ.

— Это еще что за выдумки? Здѣсь просторно и лучше пѣніе слышно. Прощу остаться.

Однако Дарья Андреевна не послушалась и ушла въ середину церкви. „Не уйти ли мнѣ теперь къ брату? Но на мнѣ чужое платье“, подумала она. Взглянула она налѣво, — черезъ два человѣка стоялъ братъ и усердно молился. Онъ какъ будто не замѣчалъ ее. „Какъ это онъ не дежуритъ сегодня?“ подумала Дарья Андреевна, и стала глядѣть на него, чтобы онъ замѣтилъ и подошелъ къ ней. Онъ у дяди не бывалъ уже четыре дня. Но братъ всячески старался не замѣтить ее, а глядѣлъ или въ землю, или впередъ, или направо. „Не можетъ быть, чтобы онъ не замѣтилъ, когда я проходила сюда отъ клироса“, подумала Дарья Андреевна и пошла на самый задъ, гдѣ стояли старухи, старики и шалили ребята. Немного погодя къ ней подошелъ братъ.

— Сестричка, ты зачѣмъ тутъ стала?

— А что?

— На тебѣ хорошее платье. Ты должна стоять съ Анной Николаевной.

— Почему?

— Потому что ужъ такъ принято.

— А если мнѣ здѣсь нравится?

— А если я тебя прошу?

— Ступай на свое мѣсто, а я здѣсь останусь: здѣсь зѣвать на меня некому.

— Но ты осердишь дядю.

— Глупо, если дядя за это будетъ на меня сердиться.

Братъ ушелъ, а Дарья Андреевна, зная слабость дяди, встала напротивъ лѣваго клироса, такъ, что дядя не могъ ее видѣть, а она его видѣла.

Народу уже было много.

Дядя стоялъ у лѣваго клироса у самой рѣшотки и, разговаривая съ дякономъ, улыбался и самодовольно, какъ сытая обезьяна, поглядывалъ по сторонамъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ какой-то пріѣзжій протопопъ въ камилавкѣ и съ наперснымъ крестомъ на груди, и еще какой-то высокій молодой человѣкъ, съ чистымъ, красивымъ, но іезуитскимъ лицомъ, съ длинными русыми волосами и въ золотыхъ очкахъ. Всѣ эти три лица то усердно молились, то вдругъ между ними завязывался какой-то горячій споръ; они жестикулировали, улыбались, надменно взглядывали на сосѣдей, точно желая обратить на себя ихъ вниманіе; къ нимъ приставали и пѣвчіе.

— Экіе супостаты, прости Господи! И помолиться-то не даютъ, проговорила какая-то старушка, повидимому изъ благородныхъ, стоявшая недалеко отъ Дарьи Андреевны.

— Ужъ именно — одинъ соблазнъ, прибавилъ купецъ вполголоса.

— А вы не смотрите, замѣтила какая-то барыня, стоявшая рядомъ съ Дарьей Андреевной и до сихъ поръ съ умиленіемъ молившаяся и часто взглядывавшая на нее. — Я васъ ровно гдѣ-то видала? спросила она робко Дарью Андреевну.

Дарья Андреевна встала на колѣнки, потому что въ это время она замѣтила обернувшееся въ ея сторону побагровѣвшее лицо дяди. Но недолго она стояла, и ушла домой.

Пріѣхалъ дядя съ женой и съ Марьей Андреевной. Дядя и тетка были сердиты; Дарья Андреевна лежала на кровати и читала книжку въ то время, когда они пріѣхали. Она слышала, какъ рычалъ дядя и какъ гнула Анна Николаевна.

— Это чортъ знаетъ что такое? Это... это...

— Ну, развѣ я тебѣ не говорила?

— Отстаньте вы отъ меня! Уйти домой, осрамить!

— Маша, позови сюда сестру.

Но Дарья Андреевна сама вышла уже переодѣтая.

— Что это значитъ, что ты ушла изъ церкви? спросилъ ее грозно Ипподитъ Аполдоновичъ.

— Голова заболѣла.

— А! Отчего это она могла заболѣть?

— Не знаю, должно быть отъ жару.

— А ты не могла подойти къ теткѣ и сказать ей, что у тебя голова болитъ? Тогда мы бы всё разомъ выѣхали изъ церкви.

— Я думала, что нарушу...

— Смотрите, милостивая государыня!.. У меня чтобы впередъ этой дури не было. Иначе я вѣдь и дверь укажу.

— Я была бы рада этому, дяденька.

— Чтò такое?

— А?! въ испугѣ и въ недоумѣннн спросили супруги.

— Я бы рада была, еслибы вы меня отпустили.

— Куда! На распутіе? Ша-алишь, матушка! Шалишь! Завтра мы опять поѣдемъ въ соборъ и я погляжу, какъ ты будешь шляться по церкви и рѣшишься уйти, не достоявъ до конца обѣдни! проговорилъ онъ.

Дарья Андреевна ничего не возражала, потому что идти ей было некуда, да и безумно. Одно утѣшеніе оставалось ей—это переговорить съ г-жею Телѣжниковою, которая такъ много тараторила ей о женскомъ трудѣ. Вѣдь звала же ее Телѣжникова къ себѣ почти каждый разъ, какъ бывала у дяди въ домѣ, и ее не отпускали туда потому только, что стояла невастная погода. Дядя глубоко оскорбилъ ее, хуже даже, чѣмъ дѣлывалъ это отецъ. Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнн, что дядя считалъ себя заступающимъ мѣсто отца. Марья Андреевна еще въ церкви испугалась за сестру, хотя сама и стояла, какъ на иголкахъ. Она струсила не на шутку, когда дядя зарычалъ на Дарью Андреевну.

— Чтò ты дѣлаешь, сестрица? говорила Марья Андреевна сестрѣ, когда онѣ пришли въ отведенную имъ для спанья и занятій комнату.

— Я дѣлаю такъ, какъ всякій на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы. Какую такую власть они имѣютъ надъ нами?

— Все-таки нехорошо. А вдругъ онъ прогонитъ.

— Я уже сказала, что очень этому, рада. Пусть выгонитъ, — пойду къ брату, братъ не выгонитъ; а если братъ не пуститъ, попрошу у него денегъ и найму гдѣ-нибудь дешевенькую комнату: вѣдь вотъ онъ платитъ же за комнату рубль, а съ меня, женщины, можетъ быть, возьмутъ и дешевле. Ты будешь жить со мной?

— Не знаю, сестрица. Я ужъ лучше поѣду къ брату Осипу.

— А чтò же ты говорила въ прошлый разъ о жизни у брата? Впрочемъ, это дѣло твое.

Въ воскресенье онѣ были у обѣдни въ кафедральномъ соборѣ, гдѣ служилъ архіерей. Пѣвчіе пѣли на хорахъ; поэтому

Исполить Аполлоновичъ стоялъ уже не у клироса, а около архіерейской кафедры на видномъ мѣстѣ, и усердно молился для того, вѣроятно, чтобы на него обратилъ вниманіе архіерей. Жена его, считавшая себя причисленною къ высшему кругу, стояла не на лѣвой сторонѣ съ мелкими чпшовническими и дворянскими жонами, хвостомъ коимъ служили купчихи и мѣщанки, а на правой, позади губернаторши, наравнѣ съ совѣтницами; и такъ-какъ былъ солнечный день, то тутъ находилась и мужская часть аристократіи, обрамлявшая женщинъ справа и слѣва, съ полицеймейстеромъ назадъ, распорядившимся, чтобы отъ архіерейскаго мѣста до иконостаса было достаточно проходу. Во время херувимской возлѣ Дарьи Андреевны встала Телѣжникова, шурша длиннымъ шлейфомъ своего атласнаго платья; на головѣ ея была маленькая шляпка, въ ушахъ золотыя серьги, на шеѣ золотая цѣпочка. Она кокетливо раскланивалась и улыбалась молодымъ мужчинамъ и дамамъ.

— А! И вы здѣсь. Здравствуйте, обратилась она къ Дарьѣ Андреевнѣ и протянула ей руку, на которой была надѣта желтая перчатка.

Когда Дарья Андреевна подала свою руку, то Телѣжниковой сдѣлалось какъ будто конфузно, но она, впрочемъ, подала Дарьѣ Андреевнѣ только два пальца и скоро ихъ отдернула.

— Ну, какъ дѣла? спросила она.

— Какія у меня дѣла!

— А я, душечка, смучилась. Концертъ устраиваю. И тотчасъ же обратилась къ молодому мужчинѣ, съ которымъ и заговорила пофранцузски.

— А вы читали „Отцовъ и Дѣтей“? спросила она опять Дарью Андреевну.

— Да. Я уже возвратила ихъ вамъ.

— Ну, какъ вы находите?

— Написано хорошо, но я такихъ людей не видала.

— Какая же вы, право...

И она опять заговорила пофранцузски съ молодымъ чело-вѣкомъ, улыбаясь; тотъ смѣялся.

„Эта барыня, кажется, не можетъ ни одной минуты прожить, не болтавши“, подумала Дарья Андреевна.

— Приходите ко мнѣ сегодня обѣдать часовъ въ пять. Мой мужъ такъ занятъ, что мы раньше никакъ не можемъ обѣдать.

— Онъ и въ праздники занятъ?

— Пожалуйста, не острите! Конечно, и въ праздники. Вотъ, напримѣръ, сегодня онъ пойдетъ въ часъ къ губернатору, и тотъ его продержитъ долго... Я бы не пошла сегодня сюда. Я вѣдь рѣдко хожу въ церковь, но мужъ говорилъ, сегодня какой-то магистръ будетъ сказывать проповѣдь безъ тетрадки, наизусть. Это любопытно. Какъ вы думаете, душечка?

— Я, по крайней-мѣрѣ, никогда не видала такихъ.

— Кто онъ? вамъ не говорилъ дяденька?

— Нѣтъ.

— Ахъ, здравствуйте, Марья Андреевна. Я васъ и не замѣтила, обратилась она къ Марьѣ Андреевнѣ, но руки ей не подала.

Та поклонилась. Телѣжникова отошла отъ нихъ, какъ будто знакомство это компрометировало ее.

Наконецъ, поставили аналой лицомъ къ народу, изъ алтаря вышелъ въ стихарь молодой человекъ. Перекрестившись и проговоривши обычное „во имя Отца“, онъ спряталъ руки подъ стихарь и началъ говорить, глядя въ потолокъ. Сперва щоки его покраснѣли, тоненькій голосъ дрожалъ, запинался, но потомъ онъ справился, взглянулъ на народъ, остановился, покраснѣлъ... Но онъ, какъ видно, былъ не изъ робкихъ: тотчасъ же вытащивъ изъ-подъ стихаря клочокъ бумажки, онъ, положивъ ее на аналой, взглянувъ на нее, сказалъ текстъ изъ священнаго писанія, и пошелъ, и пошелъ, да такъ заговорилъ бойко, что самъ губернаторъ изъ военныхъ генераловъ подвинулся къ нему ближе, а за губернаторомъ подвинулась и другая знать изъ пожилыхъ людей, въ томъ числѣ и Ипполитъ Аполлоновичъ. Проповѣдникъ былъ красивъ, оживленъ, молодъ и, къ тому же, это было первое лицо изъ молодыхъ людей, говорившее въ этомъ соборѣ наизусть. Все это удерживало большинство публики въ церкви, а дамы ахали и краснѣли, когда онъ запинался или останавливался; только одни пѣвчіе разбѣжались курить въ сторожку.

— Ахъ, какой душака! говорила Марья Андреевна.

— Рисуется, отвѣчала Дарья Андреевна.

Марья Андреевна надула губы и отвернулась отъ сестры.

— Не знаете, на комъ онъ женится? спрашивалъ какой-то молодой чиновникъ другаго.

— Нѣтъ. А что?

— Такъ. Онъ далеко пойдетъ.

Молодой проповѣдникъ, кажется, готовъ былъ ораторствовать безъ устали, но на хорахъ сильно закрикали пѣвчіе, въ алтарь стали подергивать завѣсой, закрикалъ и протодьяконъ, и онъ, не кончивши фразы, вдругъ сказалъ: „аминь“, поклонился и ушелъ. Народъ вздрогнулъ, потому что изъ его словъ рѣшительно нельзя было ничего понять, такъ что купцы и старухи, привыкшіе къ проповѣдямъ, изложеннымъ простымъ слогомъ, въ которыхъ проповѣдникъ говорилъ о наказаніи за грѣхи и о спасеніи за благочестивую жизнь, не на шутку вознегодовали. Многіе пошли домой. Пошла и Телѣжникова. За ней шелъ ея мужъ, высокій, худощавый мужчина, съ рыжими курчавыми волосами, съ веснушками на лицѣ, съ густыми ры-

жими бакенбардами и въ золотыхъ очкахъ. Ему на видъ было годовъ тридцать пять.

Она рекомендовала мужу Дарью Андреевну, тотъ слегка кивнулъ головой, и, подхвативъ какого-то чиновника, пошелъ съ нимъ, покачиваясь на обѣ стороны и вытягивая животъ.

— Ну, что, понравилась проповѣдь? спросила Телѣжникова Дарью Андреевну.

— Ничего не поняла.

— И я тоже. Но самъ-то онъ... какъ вы его находите?

— Много о себѣ думаетъ.

— Какъ вы строги! Смотрите же приходите, я буду ждать свиданія.

Дарья Андреевна хотѣла сказать, что у дяди по праздникамъ въ это время уже пьютъ чай, но Телѣжникова уже шла, здороваясь съ дамами и мужчинами.

По окончаніи обѣдни, Ипполитъ Аполлоновичъ послалъ своихъ дамъ домой, къ удивленію Дарьи Андреевны, пѣшкомъ. Анна Николаевна на его приказаніе сказала только: „смотрите поскорѣе“, и онѣ пошли, а Ипполитъ Аполлоновичъ пошелъ за архіереемъ вмѣстѣ съ губернаторомъ и нѣсколькими губернаторскими тузами.

Погода, несмотря на начало сентября, была хорошая. Солнце хотя и не смотрѣло по лѣтнему, но грѣло; на улицахъ было сухо, вѣтру не было, но уже пахивало осенью: воздухъ былъ сырѣе, съ деревьевъ падали желтые листочки.

Дома Дарья Андреевна замѣтила, что у дяди что-то затѣвается. Такъ, въ столовой былъ накрытъ большой столъ, на которомъ стояло нѣсколько бутылокъ съ различными винами, появилось два лишнихъ прибора, изъ чего она заключила, что будутъ два гостя.

Наконецъ, явились и гости, пріѣхавшіе съ Ипполитомъ Аполлоновичемъ. Это были: сегодняшній проповѣдникъ и протопопъ, вчера разговаривавшій съ дядей. Начались представленія. Протопопъ оказался благочиннымъ Зубовскаго уѣзда этой же губерніи, Кирилла Максимовичъ Македонскій, а проповѣдникъ его сынъ, Анфиногенъ Кириллычъ Македонскій—магистръ духовной академіи, желающій служить въ Егорьевскѣ въ духовномъ званіи.

Анфиногенъ Кириллычъ велъ себя развязно. Видно было, что онъ не принадлежалъ къ несчастнымъ бурсакамъ, съ дѣтства не видалъ горя, а находился въ кругу чиновнаго духовенства или духовной аристократіи, и зналъ также свѣтское общество. Онъ былъ мастеръ говорить,—говорилъ увлекательно, хотя и вздоръ, но все-таки въ немъ нельзя было отрицать ума, и еслибы онъ попалъ на другую почву, то изъ него вышелъ бы хорошій человекъ; теперь же въ немъ проглядывалъ только

схоластикъ, который вбплъ себѣ въ голову стремленіе быть священникомъ и воспитателемъ юношества. Онъ скоро овладѣлъ Дарьей Андреевной, рассказывая ей разные анекдоты изъ училищной и академической жизни, острить надъ учителями и профессорами, рассказывалъ разныя продѣлки надъ начальствомъ и хвастался своею ученостію, съ которою онъ далеко пойдетъ. Ипполитъ Аполлоновичъ и жена его, видя, какъ молодой Македонскій увлекся его племянницей, которая, съ своей стороны, тоже какъ будто весела, цотирала руки отъ удовольствія; Марья Андреевна грызла зубами губы, и до обѣда успѣла два раза выплакаться въ своей комнатѣ изъ зависти, что молодой проповѣдникъ обратилъ вниманіе на ея сестру, а на нее и не смотритъ. Только за обѣдомъ, когда она выпила рюмки три вина, она успокоилась. Она стала радоваться предстоящему счастью Дарьи Андреевны потому, что если сестра выйдетъ за Македонскаго замужъ, то она будетъ жить у сестры, которая ее ничѣмъ не обидитъ; а живя у сестры, она скорѣе выйдетъ замужъ за священника. Но Дарьѣ Андреевнѣ женихъ показался противенъ, хотя и былъ красивъ, и носилъ золотыя очки. Еще болѣе она возмутилась тѣмъ, что, по окончаніи обѣда, стали пить шампанское за ея здоровье. „Какъ они смѣютъ, не спросясь меня, располагать моею судьбой?“ думала она, и когда брала бокаль, то грудь ея замѣтно вздымалась. Она хотѣла бросить этотъ бокаль на столъ и убѣжать, но удержалась и, не глядя на молодаго Македонскаго и другихъ лицъ, молча чокнулась съ ними и выпила.

Послѣ обѣда она быстро ушла въ свою комнату, заперлась и заплакала.

— Даша! а Даша! стучась въ дверь, говорила Анна Николаевна.

— Что угодно, тетенька?

— Выдь сюда, что это за срамъ такой! Тамъ гости, а она ушла и заперлась.

Она отперла дверь и сказала:

— Увольте меня, тетенька, отъ гостей.

— Что это значить, Дарья Андреевна? Что это вы за комедію играете? проговорила тетка, входя въ комнату.

— Я никакихъ не играю комедій, я нездорова. Если же вамъ непременно хочется, чтобы я вполнѣ, исполняла ваши приказанія, то прошу васъ, отпустите меня. Я пойду къ брату Кузьмѣ, поѣду домой. Не мучьте меня, милая, добрая тетенька.

— Господи! Что я слышу! всплеснула руками Анна Николаевна и сѣла. — Послушай, Даша, начала она: — твоя жизнь неказиста. У тебя нѣтъ отца, который бы защитилъ тебя, укрылъ, оберегъ; мачиха тебя не любитъ, да и ты сама говорила, что тебѣ опротивѣлъ Ильинскъ; къ Осипу ты тоже нерасположена, да и я недолюбливаю его жену. Ты надѣешься

на Кузьму, но сама посуди, можно ли тебѣ жить у него: во первыхъ, онъ живетъ въ лачугѣ; во вторыхъ, содержать тебя онъ не въ состояніи, потому что получаетъ маленькое жалованье, а въ третьихъ, едва-ли онъ согласится взять тебя къ себѣ. Остаемся, значитъ, мы, единственные ближніе твои родственники, которые всегда тебя любили и лелѣли, которые любятъ тебя теперь и желаютъ тебѣ добра. Повѣрь, Даша, что мы тебя любимъ, какъ будто ты наша дочь. Вотъ Маша, другое дѣло: мы изъ челоуѣколюбія благодѣтельствуемъ ей, а тебѣ—ради нашей привязанности къ тебѣ. Повѣрь, Даша, что кромѣ насъ никто не будетъ стараться о тебѣ, бѣдной, беззащитной, безпріютной дѣвушкѣ и притомъ дѣвушкѣ довольно красивой по нынѣшнему времени. Ходили здѣсь слухи, что ты, будто бы, хотѣла выйти замужъ за мѣщанина. Не перебивай, а выслушай до конца. Что-жь? Намъ до этого нѣтъ дѣла. Но надо принять то въ соображеніе, что мѣщанская жизнь не очень привлекательна. Ты, дочь чиновника, ты, такъ сказать, дворянка, и вдругъ ты дѣлаешься женой мѣщанина, присоединяешься къ обществу бѣдняковъ, мошенниковъ, конокрадовъ и головорѣзовъ. Положимъ, тебѣ нравится этотъ молодецъ; онъ красивъ, силенъ, честенъ—какъ въ книгахъ писано. Хорошо. Ты жена, и съ перваго же дня должна будешь почувствовать сладость этой жизни: ты жена и работница; ты все должна сама дѣлать, потому что въ мѣщанствѣ не принято нанимать прислуги. А ты не привыкла къ тяжелой работѣ. Ты и наружность должна преобразиться въ мѣщанку: вмѣсто шолковаго платья должна носить ситцевое, вмѣсто сапожковъ — грубые, какъ ихъ называютъ...

— Ботинки, тетенька.

— Ну, да. Вмѣсто шляпки—косынку, вмѣсто салопы—шугай, и во всемъ этомъ должна бѣгать по городу съ молокомъ, торговать на рынкѣ сапогами, убирать навозъ. Ужь одно это будетъ тебя беспокоить. Потомъ, мужъ будетъ тебя бить. Наконецъ, онъ можетъ умереть и у тебя останутся дѣти. Чтѣ тогда? Ужь родня твоя съ отцовской стороны и на порогъ не пуститъ тебя. Остается голодать, работать на дождѣ, на морозѣ. Вотъ о чемъ ты, дѣвушка нѣжнаго сложенія, образованная, не подумала. Слышали мы также, что ты отказала двумъ засѣдателямъ, и мы въ этомъ не обвиняемъ тебя. Тогда, при отцѣ, не было надобности торопиться замужествомъ. А теперь не то. Здѣсь, положимъ, образованныхъ чиновниковъ много, но имъ нужно богатое приданое, а у тебя его нѣтъ. Но какъ тебя, такъ и сестру твою, мы скоро выдадимъ замужъ. Маша нетребовательна; ей уже есть на примѣтѣ женихъ, но тебѣ не такъ-то легко было найти. Однако, мы нашли. Этотъ женихъ—Македонскій. Что же? Это кладъ. Черезъ полгода, по посвященіи въ священники, онъ будетъ протопопъ, ему дадутъ церковь, онъ будетъ во главѣ прихода, а ты матушка протоіе-

рейша! Да я, ей-богу, завидую твоей участи. Что-жъ ты на это скажешь?

— Позвольте, тетенька подумать.

— Подумай, подумай, дитя мое. Она обняла Дарью Андреевну и поцаловала.—Онъ прїдетъ завтра и долженъ получить твоей отвѣтъ.

— Позвольте мнѣ, тетенька, сходить къ Катеринѣ Алексѣевнѣ. Она убѣдительно звала меня къ себѣ.

— Сходи, сходи. Она хоть и болтушка, но женщина не глупая. Посовѣтуйся. Можетъ быть, она возьметъ тебя въ клубъ: тамъ ты повеселишься.

— Поздравляю тебя, Маша: ты скоро будешь замужемъ, сказала Дарья Андреевна сестрѣ, когда та, вскорѣ по уходѣ тетки, пришла въ комнату. Марью Андреевну чуть не бросило въ обморокъ.

— Ты счастливѣе меня: тебя хоть предупреждаютъ, а меня наши благодетели вдругъ, не говоря ни слова, толкаютъ замужъ за перваго встрѣчнаго.

— Какъ такъ? Я не понимаю, спросила Марья Андреевна.

— Благодетельница объявила, что тебя скоро выдадутъ замужъ за чиновника. Ужъ есть на примѣтъ.

— Не пойду.

— Пойде-ешь!

XIX.

Телѣжниковы жили во второмъ этажѣ большаго каменнаго дома, стоящаго на Петербургской улицѣ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались разные магазины. Когда Дарья Андреевна позволила, то дверь отперъ лакей въ коричневомъ пиджакѣ, въ манишкѣ,—человѣкъ лѣтъ подъ тридцать.

— Вамъ кого угодно? спросилъ онъ Дарью Андреевну, оглядывая ее съ нахальствомъ.

— Катерину Алексѣевну.

— Онъ спятъ. А вы отъ кого? Изъ магазина!

— Нѣтъ, я отъ себя.

— Спятъ-съ. Приходите опосля.

— Вы доложите, что приходила племянница совѣтника Яголева, и зайдетъ опять.

— Хорошо-съ. Лакей посмотрѣлъ на нее подозрительно и заперъ дверь.

Тяжело сдѣлалось на душѣ Дарьи Андреевны, когда она спускалась съ лѣстницы. Ее мучило то, что она шла за милостью. Какъ бы Телѣжникова ни была проста и добра, но все-таки она барыня. Она и въ разговорахъ съ нею ведетъ себя свысока. Какое же тутъ можетъ быть равенство, дружба, которой такъ желала Телѣжникова. „Нѣтъ, это люди не нашего сорта, они смѣются надъ нами. Нехорошо намъ клянчить у нихъ: это все равно, что просить милостыню и потомъ замаливать ихъ грѣхи, а они будутъ хвастаться своими добродѣтелями и въ душѣ презирать мелкоту, высказывая ей наружное благоволеніе. Ужь идти ли полно къ ней?“ думала она, идя по каменному тротуару. Улица, по которой она шла и на которой жили Телѣжниковы, была одна изъ лучшихъ въ городѣ. Она была широка, дома на ней каменные, двухъ-и трехъэтажные, построенные большею частію въ сплошную; рѣдкій домъ отдѣлялся отъ другаго заплотомъ, сверхъ котораго высились или старинныя деревья, или молодыя деревца—признакъ, что здѣсь живетъ купечество. Въ нижнихъ этажахъ помѣщались или магазины, или лавки, или погреба, которыхъ, впрочемъ, по тому времени было немного. Пестрѣло нѣсколько вывѣсокъ портныхъ, сапожныхъ дѣлъ мастеровъ; одна вывѣска гласила, что тутъ модный магазинъ m-me Миллеръ, а на окнахъ разставлены картинки парижскихъ модъ; потомъ шла женская гимназія, второе уѣздное училище, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, врачебная управа и другія зданія. На улицѣ были поставлены столбы съ фонарями, которые зажигались въ темныя ночи; по ней шелъ телеграфъ. Она была оживлена. По минутно кто-нибудь да ѣхалъ, кто въ каретѣ, кто въ коляскѣ, кто въ тѣлегѣ; взадъ и впередъ шло тоже много разнаго народу: шли городскіе франты, чиновники, семинаристы въ длинныхъ сюртукахъ или казенныхъ шинелькахъ, гимназисты въ форменныхъ сюртукахъ и фуражкахъ, барыни въ шляпкахъ, люди, принадлежащіе къ разночинцамъ, солдаты и проч. Кое-гдѣ передъ домами, стоя у тротуара, наигрывалъ на шарманкѣ итальянецъ „Не шей ты мнѣ матушка“ или „Не уѣзжай голубчикъ мой“, а рядомъ съ нимъ испитая его дочь картавилъ, протяжнымъ голосомъ изъ всѣхъ силъ подтягивала ему; кое-гдѣ мужичины въ красныхъ рубахахъ и въ бѣлыхъ фартукахъ выкрикивали сбитень, сахарно морожено, кое-гдѣ татары въ бѣлыхъ шляпахъ, сложенныхъ въ видѣ уха, выкрикивали ломанымъ языкомъ: одни—яблоки, лимоны, ананасы, другіе — духи, мыло, гребенки. Дарья Андреевна замѣтила, что нарядный народъ идетъ и ѣдетъ больше въ одну сторону, а именно по направленію къ городскому саду, но она уже далеко забралась отъ дома Телѣжниковой, и посмотрѣла на часы, выставленные на окнѣ одного часоваго магазина: оказалось, что она уже ходитъ около часу.

Когда она вновь пришла къ квартирѣ Телѣжниковой, то

лакей вѣжливо сказалъ, что барыня долго изволила дожидаться ее и уѣхали въ модный магазинъ, а ее просила подождать въ залѣ, потому что скоро хотѣла быть.

— Въ какой же она магазинъ уѣхала?

— А вонъ тамъ на Переѣзжей улицѣ къ мамзелѣ Петерсонъ. Онъ постоянно тамъ заказываютъ и берутъ, что требуется. Пожалуйста-съ, и онъ проведетъ ее въ залу.

Зала просторная; окна ея выходили на улицу; на окнахъ кисейныя занавѣски съ позолоченными карнизамы, карнизъ у потолка тоже позолоченъ. Стѣны залы оклеены палевыми обоями, на противоположныхъ окнамъ стѣнахъ висѣли картины, большую частію изображающія виды, рамки на нихъ простыя; между оконъ зеркала, и около нихъ небольшіе столики, полъ паркетный; въ переднемъ углу небольшой образъ Спасителя въ позолоченномъ окладѣ. Въ залѣ стоитъ рояль съ множествомъ нотъ. Стулья мягкіе, покрыты бѣлыми чехлами. Изъ залы два хода—одинъ напротивъ входныхъ дверей, другія направо. Тѣ двери, что на приставѣ, были заперты, а другія закрыты портьерой голубаго цвѣта.

Разсмотрѣвши картины, Дарья Андреевна стала ходить по комнатамъ. Скучно. Что-то скажетъ ей модная барыня? Ужь вѣрно, что ждать ей отъ нея нечего, потому что она звала ее и уѣхала. Впрочемъ, у нея, можетъ быть, много дѣлъ. „А живутъ они, какъ видно, просто: ни цвѣтовъ, ни птицъ, у нихъ нѣтъ и незамѣтно той давящей обстановки, какъ у дяди“. Время, казалось ей, шло долго. Она отъ нечего дѣлать стала глядѣть въ окно, но и тамъ все одно и тоже—трескъ на мостовой, крики татаръ, мальчиковъ и мужчинъ, завыванія шарманки и женщины. „Какъ неловко дожидаться по своему дѣлу; такъ вотъ и кажется, что кто-то изъ тебя душу тянетъ. Должно быть, эти господа любятъ, чтобы ихъ ждали“. Въ это время изъ-за портьеры высунулся самъ Телѣжниковъ. Онъ былъ во фракѣ, въ высокой круглой шляпѣ; подъ мышкой держалъ тросточку, въ лѣвой рукѣ перчатки, въ правой сигару.

— Ахъ, здравствуйте! Извините пожалуйста: Катя ушла по дѣлу въ магазинъ. Она сейчасъ пріѣдетъ, проговорилъ онъ скороговоркой, разшаркиваясь и кладя шляпу и перчатки на рояль.

Дарья Андреевна поклонилась, ей сдѣлалось неловко.

— Садитесь, пожалуйста! и онъ поставилъ ей стулъ, дѣлая движеніе рукой, чтобы она сѣла.

Дарья Андреевна сѣла. Неловкость не проходила.

— А вѣдь мы васъ ждали обѣдать! Обманщица! И онъ съ ловкостью танцора придвинулъ къ ней кресло и сѣлъ въ него, развалившись; затѣмъ всунулъ въ ротъ сигару и впился глазами въ Дарью Андреевну, какъ судебный слѣдователь.

— У насъ были гости; тетенька не отпустила, отвѣчала Дарья Андреевна.

— А-а!..—Пауза.—Ну, какъ вы находите нашъ городъ?

— Я въ немъ была уже нѣсколько разъ.

— А-а! На долго пріѣхали?

— Не знаю. Хотѣлось бы остаться.

— Конечно. **Вѣдь** у васъ тамъ скука смертельная? Ни клуба, ни танцевъ, ничего...

— Это правда.

— Ахъ, виновать... вы курите? Извините за нескромность...

— Курю.

Телѣжниковъ вынулъ изъ фрака портъ-сигаръ и предложилъ ей папирску.

— Я слышалъ, у васъ тамъ въ Ильинскѣ большой домъ? спросилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Да. Только толку отъ него мало. Домъ старый, требуетъ большой починки. Еслибы такой домъ былъ здѣсь...

— Да. Вотъ, напримѣръ; здѣшній домъ: за него смѣло дадутъ двадцать тысячъ. Онъ одного доходу приноситъ хозяйну тысячу рублей въ годъ.

Опять замолчали. Телѣжниковъ смотрѣлъ на Дарью Андреевну и, повидимому, тяготился ею; Дарья Андреевна хотя и не чувствовала уже прежней неловкости, но ее удивляло, что хозяинъ до крайности молчаливъ. Неужели онъ вездѣ такой? Вонъ жена его, такъ та ни одной минуты не можетъ обойтись безъ того, чтобы не говорить. „Эдакая я, право, ненаходчивая!“ упрекала она себя. Папирска догорѣла и она держала окурокъ въ рукѣ, не зная, что съ нимъ сдѣлать. Бросить нехорошо, въ карманъ положить — забудешь выбросить. Телѣжниковъ видѣлъ это замѣшательство, но молчалъ. Наконецъ, онъ всталъ.

— Извините, пожалуйста, мнѣ некогда, сказалъ онъ, раскланываясь.

— Я пойду тоже.

— О, полноте! Катя сію минуту пріѣдетъ. Да вотъ и она.

Въ прихожей раздался звонокъ, хозяинъ раскланялся съ гостей и быстро ушелъ въ прихожую съ шляпой и перчатками. Дарья Андреевна осталась въ залѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, поговоривши съ мужемъ пофранцузски и поцаловавши его нѣсколько разъ, въ залу явилась и Телѣжникова, держа въ рукѣ картонку.

— Ахъ, душечка! И она быстро поцаловала ее, потомъ отошла отъ нея на два шага и, сдѣлавъ трагическую позу, спросила по театральному:—Позвольте васъ спросить: почему вы не явились къ обѣду?

- Потому что... сказать ли вамъ, почему?
- Почему?
- У насъ обѣдалъ мой женихъ.
- Вашъ женихъ?! Въ своемъ ли вы умѣ! Тележникова усѣлась противъ гостя.
- Да. И знаете кто? Отгадайте!
- Ужь не чумазый ли проповѣдникъ? Охъ, какъ я ихъ терпѣть не могу!
- А сами что говорили въ церкви?
- Нельзя же вѣрить всему, что говоришь. Неужели онъ?
- Онъ.
- Поздравляю! Телѣжникова встала и съ усмѣшкой раскла-
налась.
- Не поздравляйте: я за него не пойду.
Телѣжникова сѣла.
- Почему? Вѣдь вы попадѣей будете?
- Не хочу—и все тутъ. Я вотъ къ вамъ пришла за совѣ-
томъ и съ просьбой. Вы такъ много говорили о женскомъ тру-
дѣ, что я надѣюсь, что вы поможете мнѣ.
- Въ какомъ смыслѣ?
- Мнѣ давно не нравится эта жизнь, жизнь на чужой счетъ.
Я бы, еслибъ хотѣла, давно бы вышла замужъ, но я не хочу
быть обязанной мужу. Я хочу, чтобы у меня были свои день-
ги и чтобы мужъ не упрекнулъ меня, что я вѣмъ, живу на
его счетъ.
- А любовь?
- Любовь само собой. По крайней мѣрѣ, мнѣ не пришлось
найти такого человѣка. Правда, былъ одинъ, да далъ тягу.
Тутъ вышло неравенство. А я именно равенство и хочу найти.
- Но гдѣ и какъ?
- Неужели и у васъ съ мужемъ нѣтъ равенства?
- О, я этого не говорю: мужъ меня любить и не запре-
щаетъ мнѣ тратить деньги.
- Это не равенство, потому что вы тратите чужія деньги.
- Да вѣдь онъ же мужъ мнѣ?
- Такъ. Но если вы много будете тратить, у него недоста-
нетъ жалованья.
- Какое странное предположеніе! Оно, положимъ, что онъ
женился на мнѣ по любви и не требовалъ приданого, какъ это
водится у другихъ, но вѣдь у него есть помѣстье, да и я обу-
чаю дѣтей. Правда, я не беру съ нихъ денегъ, потому что ро-
дители ихъ люди бѣдные и какъ-то стыдно брать копѣйки.
- Въ прошлый разъ вы мнѣ говорили, что женщина должна
трудиться, чтобы не быть праздною, и вы указали даже на то,
что вы сами гладите...

Лицо Телѣжниковой вспыхнуло.

— Вы меня совсѣмъ не поняли, моя милая. Я говорила, что мы должны подавать примѣръ бѣднымъ женщинамъ, положеніе которыхъ безвыходно. Я говорила, что эти женщины, чтобы избѣжать имъ каторжной жизни, должны трудиться и трудомъ жить самостоятельно. Наше же положеніе таково, что мы обезпечены со стороны мужа...

— Позвольте, Катерина Алексѣвна. Могутъ быть такія обстоятельства, что или вы разлюбите мужа, или онъ васъ...

Телѣжникова задумалась.

— Ну. Тогда что по вашему?

— Тогда, по моему, вы будете сами желать себѣ труда и не такъ будете говорить о женскомъ трудѣ, какъ теперь. Теперь вы сыты. Если вамъ нечего дѣлать—вы дѣтей учите, манишки гладите, а тогда, если вамъ придетъ въ голову разойтись съ мужемъ, надо чѣмъ нибудь жить. Я о разводѣ потому говорю, что вы сами же о немъ много разсуждали.

— Да, это—пожалуй... Но у насъ съ мужемъ до этого не дойдетъ... Однако, душечка, извините... мнѣ надо въ клубъ ѣхать. Телѣжникова подошла къ двери съ портьерой и крикнула: Аннушка! Въ залъ вошла дѣвушка годовъ 17-ти, черно-волосая и рябоватая. Телѣжникова отдала ей картонку, перчатки и велѣла приготовить бальное платьѣ.

Когда горничная ушла. Дарья Андреевна встала и робко проговорила Телѣжниковой:

— Я къ вамъ съ просьбой: не можете ли вы рекомендовать меня въ какой нибудь швейный магазинъ?

— Вамъ это зачѣмъ же?

— Я хочу жить работой.

— Это, можетъ быть, я васъ сбила съ толку. О, какъ вы, душечка, легкомысленны: вѣдь я говорила о бѣдныхъ женщинахъ и дѣвушкахъ.

— Значить, все, что вы говорили...

— Нѣтъ... Но зачѣмъ же вамъ непременно нужно въ магазинъ идти? Если вы хотите работать, то я достану вамъ работу на домъ.

— Для того, чтобы мнѣ шить или вообще работать на дому, нужна квартира. А дядя, вы знаете, не допуститъ, чтобы я въ его домъ занималась работой на сторону.

— Отчего не позволить? теперь прогрессъ.

— Едва-ли онъ понимаетъ этотъ прогрессъ, да и я сама не желаю у него жить. Стало быть, мнѣ нужна квартира, а за квартиру нужны деньги; кромѣ этого нужно ѣсть, пить, башмаки...

— Живите у насъ.

— Покорно благодарю. Замужъ, какъ вамъ извѣстно, я идти не хочу; жить въ Ильинскѣ не могу, у брата жить неловко; остается куда нибудь постучить. Я бы пошла сама, но мнѣ магазинщицы незнакомы.

Телѣжникова подумала.

— Хорошо, завтра я съѣзжу къ Петерсонъ. Вамъ будетъ завтра время зайти ко мнѣ вечеромъ?

— Я зайду.

Телѣжникова подала ей руку и проводила ее до дверей.

Дарья Андреевна разочаровалась въ Телѣжниковой. Теперь ей Телѣжникова болѣе прежняго показалась барыней-хвастуньей. И раньше ей неловко становилось, когда Телѣжникова заводила разговоръ о возвышенныхъ предметахъ, какъ она сама выражалась, которые трудно было осплить Дарьѣ Андреевнѣ и которые даже она сама не умѣла объяснить надлежащимъ образомъ фактами и примѣрами. Какъ у дяди было тѣсно, душно и царилъ какой-то гнетъ, такъ у Телѣжниковыхъ было пусто, вѣяло холодомъ и одуряющими ароматами. А вѣдь какъ легко и свободно Телѣжникова относилась ко всему: она толковала о женскомъ трудѣ, восходя въ своихъ сужденіяхъ чуть ли не до занятія женщинами всѣхъ государственныхъ должностей; она осуждала настоящіе условія брака, желая свободныхъ отношеній обоимъ поламъ; она казалась многознающей въ литературѣ и цитировала различныхъ поэтовъ, мѣшая Пушкина съ Байрономъ, Гете съ Гейне и т. д. Но какъ только Дарья Андреевна пришла къ ней за помощью, потребовала примѣненія ея теоріи къ практикѣ, она повернула оглобли назадъ и, казалось, готова была отречься отъ всѣхъ своихъ словъ. „Я, говоритъ, говорила это не о васъ, а о другихъ бѣдныхъ женщинахъ“. А чѣмъ я лучше ихъ?... Она испугалась, когда я сказала, что хочу жить своей работой—это вы, говоритъ, меня, дуру, послушали! Не вѣрите, я все вздоръ говорила, чтобы одурочить васъ...“ Такъ вотъ онѣ какovy, эти хвастуны! Ужъ идти ли мнѣ къ ней? Пожалуй, надуеть. Ну, если надуеть, я сама къ Петерсонъ пойду“. Такъ думала Дарья Андреевна, идя домой.

Дарья Андреевна во всю свою жизнь встрѣтила только первую женщину-либралку въ г-жѣ Телѣжниковой. Телѣжникова причисляла себя къ разряду новыхъ людей, но въ сущности принадлежала къ разряду множества ей подобныхъ, которые только портятъ хорошее дѣло, не сознавая по своей глупости, что они оказываютъ честнымъ и хорошимъ людямъ медвѣжью услугу. Подобные люди хватаются за все новое и, не разобравъ ничего, мѣшаютъ все выѣсть, говорятъ книжнымъ язы-

комъ, стараясь выдать чужое за свое, благо—у нихъ много свободнаго времени на разъѣзды по гостямъ. Скажетъ ли умный человѣкъ новое слово, новый взглядъ на вещи, они начнутъ хвастаться передъ другими этими словами, и покажутъ ихъ до безобразія; выйдетъ ли новый романъ, въ которомъ изясняется, что такъ жить, какъ мы теперь живемъ, не годится, а что вотъ бы какъ слѣдовало жить,—онъ въ восторгѣ, хвалить романъ и корчатъ изъ себя героинь, которыя изображены въ романѣ. Прочитаютъ они Вокля, Дарвина, Фогта или другаго какого нибудь ученаго, поймутъ сотую часть—и вотъ опять тема для разговора... Въ Телѣжниковой напусканіе на себя новизны произошло вскорѣ по обнародованіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Дѣло въ томъ, что въ апрѣлѣ въ Егорьевскъ пріѣхали новый губернаторъ, председатели уголовной палаты и палаты имуществъ. Эти три лица сказали своимъ подчиненнымъ рѣчи, въ которыхъ высказали, что они люди новые и злоупотребленій не потерпятъ. Начались объѣзды по губерніи; полетѣли старики-чиновники въ отставку; ихъ замѣнила молодежь, которая, при всемъ своемъ усердіи къ дѣлу, не могла сразу привести запущенныя дѣла въ порядокъ и скоро охладѣла, махнула на все рукой и предоставила теченіе дѣлъ своимъ приближеннымъ. Эти люди заговорили по новому: объ улучшеніи положенія крестьянъ, объ искорененіи бѣдности, объ уничтоженіи откуповъ, о гласномъ судопроизводствѣ, но это было многими говорено только потому, что не хотѣлось прослыть за отсталыхъ людей, въ душѣ же они крѣпко недолюбливали эту новизну. Начальство не препятствовало болтать, а только сдерживало словами: языкомъ болтай, а дѣло знай. Оно и само вступало въ споры о прогрессѣ, желая прослыть гуманнымъ и либеральнымъ, но въ то же время въ волненіяхъ крестьянъ, происходившихъ отъ недоразумѣній, видѣло бунтъ. За этимъ мужскимъ обществомъ потянулись и дамы, потому что новопрѣхавшія губернаторша и жены председателей были женщины молодыя, съ институтскимъ образованіемъ. Онѣ старались быть вѣжливыми съ прислугой, играли на театрахъ, читали и играли на литературно-музыкальныхъ вечерахъ и не слѣсвивались сидѣть и разговаривать съ женой какого-нибудь секретаря, впрочемъ въ такомъ лишь случаѣ, если этотъ секретарь былъ изъ кончившихъ курсъ въ университетѣ. Къ этому лагерю скоро пристала и Катерина Алексѣевна. Отецъ ея былъ небогатый помѣщикъ, имѣвшій нѣскольکو крестьянъ въ этой губерніи. Онъ служилъ ассесоромъ въ судебной палатѣ и между товарищами слылъ за человѣка дикаго, потому что ругалъ помѣщиковъ за жестокое обращеніе ихъ съ крестьянами. Поэтому, при освобожденіи крестьянъ, онъ попалъ на видное мѣсто и даже сдѣланъ былъ членомъ въ губернское присутствіе отъ правительства. Очень естественно, что дочь, вѣря отцовскимъ словамъ, старалась какъ можно

больше ругать старые порядки, стала читать, по писанному стараясь высказывать новые взгляды и съ перваго же раза обратила на себя вниманіе губернаторши и двухъ прїѣзжихъ женъ предсѣдателей, такъ что черезъ мѣсяць была у губернаторши на правахъ секретаря: устраивала вечера, спектакли и проч., съ благотворительною цѣлью.

Но у Катерины Алексѣевны было доброе сердце. Она еще въ дѣтствѣ пріучалась любить няньку, которая муштровала ее по своему, любила играть съ дочерью дворника и ей жалко было, если дворникъ наказывалъ дѣвочку возжами; она ни на кого не жаловалась и только была капризна и своевольна и дѣлала, что хотѣла. Теперь она, хотя по временамъ и бранила горничную, но обходилась съ ней ласково; она бросала въ окна деньги шармащикамъ, щедро одѣляла нищихъ, хотя съ другой стороны не совѣстилась брать изъ собранной съ спектакля суммы порядочный кушъ на покрытіе издержекъ, на томъ основаніи, что такъ поступаетъ сама губернаторша, такъ поступаютъ и другія. Но ей ни разу еще не случилось примѣнить свою теорію къ практикѣ. Оказалось, что не всегда можно жить только разговаривая, нужно же и дѣло дѣлать. Крѣпко призадумалась Телѣжникова надъ просьбой Дарьи Андреевны. Ей хотѣлось сперва переговорить съ Анной Николаевной, но она не знала—будетъ ли это хорошо. Съ своей стороны она, конечно, допускала, что тутъ нѣтъ никакого стыда, если Дарья Андреевна будетъ шить въ магазинѣ, потому что сама Петерсонъ была замужемъ за чиновникомъ и имѣла сына чиновника, а Дарья Андреевна, современемъ, можетъ сама открытъ швейный магазинъ. Она была женщина нерѣшительная и безъ постороннихъ совѣтовъ ничего не дѣлала. Но въ то же время она была и такая женщина, что если ужъ дала слово, то должно исполнить его. На вечерѣ она сказала губернаторшѣ, что прогрессъ подвигается, и рассказала о намѣреніи Дарьи Андреевны, не сообщивъ, впрочемъ, ея настоящаго имени. Губернаторша сперва было-высказала, что-де дочеря чиновника негодится идти въ модистки, но потомъ изъяснила намѣреніе дать бѣдной дѣвушкѣ работу, и когда Телѣжникова отвѣчала, что дѣвушка еще только хочетъ учиться, то губернаторша посоветовала пристроить эту дѣвушку къ мѣсту какъ можно скорѣе. Мужъ, къ которому она обратилась за совѣтомъ, предоставилъ это дѣло ей, потому-де, что онъ въ бабьи дѣла не мѣшается. Однако, на другой день ей не привелось быть у Петерсонъ: она встала во второмъ часу, до обѣда у нея болѣла голова, послѣ обѣда ее позвали на репетицію и она забыла о просьбѣ Дарьи Андреевны, которая ее и не застала дома.

Между тѣмъ у дяди безъ сценъ не обошлось. До обѣда все шло хорошо. Прїѣхалъ женихъ; Дарья Андреевна отказала ему, тотъ обидѣлся и, сухо раскланявшись съ хозяевами, уѣхалъ.

- Ты что сказала жениху? спросилъ ее дядя, проводивъ гостя.
 — Отказала.
 — Ты?! ты отказала!... Да знаешь ли ты, что это послѣдній женихъ?
 — Будто ужъ и нельзя жить безъ мужа?
 — Знаешь ли ты, что черезъ это твой братъ, пока я живъ, не получить должности?
 — Это какъ вамъ угодно; только для брата я не могу жертвовать собой.

— Послѣ всего этого я даю тебѣ три дня срока: или соглашайся выходить за Македонскаго замужъ, или сбирайся домой. Маша останется здѣсь. Она умѣе тебя: она еще и жениха не видѣла, а уже согласна за него идти замужъ.

На другой день, послѣ этого, утромъ Дарья Андреевна отправилась къ Телѣжниковой. Телѣжникова собиралась ѣхать.

— Ахъ, душечка, какъ я виновата передъ вами! Вчера, ей-Богу, было некогда, сегодня опять надо на релетицію... Подождите ради Бога.

— Я не могу больше ждать. И она рассказала о срокѣ.

— Это ужасно! Послѣ этого моя нога у нихъ не будетъ! Какъ же бы это устроить-то, однако? А!.. Пойдите. Я напишу записочку къ мадамъ Петерсонъ и вы занесете.

Она ушла и черезъ нѣсколько минутъ принесла запечатанное облаткой письмо, отъ котораго далеко пахло духами.

— Хотите, я васъ доведу?

— Нѣтъ, благодарю.

— Въ случаѣ, если она откажетъ, вы ко мнѣ заходите, я сама съѣзжу. До свиданья, душечка.

Дарья Андреевна рѣшила больше не ходить къ Телѣжниковой.

XX.

Модный магазинъ Эмилиі Карловны Петерсонъ помѣщался въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ на Переѣзжей улицѣ. Въ этомъ домѣ, кромѣ моднаго магазина, другихъ не было, и домовладѣлецъ, богатый купецъ, самъ занималъ, съ своимъ огромнымъ семействомъ, весь домъ. Магазинъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ; въ простѣвкахъ, между четырехъ оконъ, были прибиты двѣ доски, съ изображеніями двухъ плохо намалеванныхъ барынь, съ широкими носами, узкими ртами, похожими на птичьи клювы, и съ птичьими глазами, безъ зрачковъ, а съ какими-то вымазанными голубой краской точками. На барыняхъ красовались на одной голубое, на другой красное

платья со множествомъ складокъ, но и платья казались какъ-будто разорванными, вслѣдствіе бѣлыхъ прямолинейныхъ полосъ, происшедшихъ, вѣроятно, отъ дождя; на ногахъ надѣто что-то неопредѣленное—калоши не калоши, сапоги не сапоги, а такъ что-то въ родѣ колодокъ. Вообще, фигуры эти имѣли видъ, что имъ какъ-будто стыдно торчать тутъ на посмѣшище людямъ и хочется скорѣе убѣжать куда-нибудь. Надъ картинами прибита вывѣска „Петербургскій модный магазинъ Петерсонъ“. Передъ домомъ, у параднаго крыльца стояла карета, запряженная въ двѣ лошади. По тротуару ходилъ толстый кучеръ, курилъ трубку и откинулся свысока стоявшему въ дверяхъ крыльца рослому лакею, въ большой шляпѣ, съ позументами.

Дарья Андреевна пошла во дворъ. Во дворъ было чисто, пусто; справа заплотъ, впереди заднія постройки, налѣво домъ, ближе къ заднимъ пристройкамъ колодезь, у котораго дѣвушка лѣтъ десяти, босая, въ оборванномъ платишкѣ съ усиліемъ вертѣла ручку отъ валька, къ которому была прикрѣплена на веревкѣ лейка; еще съ большимъ усиліемъ она вытатила наружу лейку и вылила изъ нея воду въ желѣзное ведро, а потомъ закрыла колодезь дверками.

— А гдѣ тутъ модный магазинъ? спросила дѣвушку Дарья Андреевна.

Дѣвушка взглянула болѣзненно на Дарью Андреевну и, указывая рукой налѣво, на одно изъ двухъ крылецъ, сказала:

— Вотъ тамъ! А вамъ кого? Мадаму?

— Да, мнѣ хозяйку нужно увидеть.

— А хозяйки дома нѣту-те—ушла.

— Скоро придетъ?

— А я почемъ знаю! А вы подите къ дѣвицамъ, — можетъ она и скоро... И дѣвушка взяла ведро правою рукой, и сильно нагнувшись на правый бокъ, понесла его къ тому крыльцу, на которое показала Дарья Андреевна. Дарья Андреевна пошла за ней.

Въ нижнемъ этажѣ было четыре окна. Около двухъ крайнихъ къ крыльцу сидѣли три дѣвицы лѣтъ по четырнадцать или по пятнадцать. По вздыманіямъ кверху и размахиваніямъ ихъ рукъ замѣтно было, что онѣ шьютъ; но это имъ не препятствовало смотрѣть во дворъ и на лицамъ ихъ видно было, что онѣ надъ чѣмъ-то, или надъ кѣмъ-то хохотали. Дарья Андреевна замѣтила, что онѣ смотрятъ на нее, и ей сдѣлалось неловко. Она обдернула свой бурнусъ, оглядѣла платье, вошла на крыльцо и опять взглянула на крайнее окно. У него стояла женщина 25 лѣтъ съ папирскою во рту и какъ-то сердито заглядывала на крыльцо.

Дѣвушка съ ведромъ пошла прямо, а ей сказала, чтобы шла

въ дверь налѣво, къ дѣвицамъ, и снова повторила, что хозяйка, быть можетъ, сейчасъ же явится.

Дарья Андреевна вошла.

За большимъ столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, на табуреткахъ сидѣли три дѣвицы: одна черноволосая и двѣ блондинки, — тѣ самыя, которыхъ она видѣла со двора. На нихъ были надѣты старыя, грязныя платья; двѣ были босы, третья въ худыхъ ботинкахъ; волоса у всѣхъ были заплетены и на головахъ не было даже сѣтокъ. Щеки были впалыя и блѣдныя, а у черноволосой лицо казалось даже нѣсколько желтымъ, такъ что она выглядѣла далеко старше своихъ лѣтъ. Около нихъ стояла высокая женщина 25 лѣтъ, тоже въ ситцевомъ, но чистомъ платьѣ, съ воротничкомъ на шеѣ и съ батистовыми рукавчиками, застегнутыми на янтарныя пуговицы. Лицо ея было продолговатое, худощавое, блѣдое, съ веснушками. Хотя она смотрѣла строго своими карими глазами, но въ лицѣ замѣчалось добродушіе. Комната была большая, съ большою изразцовою печью, которая топилась и въ которой стояло два уютя; недалеко отъ печи шла дверь въ хозяйское помѣщеніе; на стѣнахъ, неоклеенныхъ обоями, что-то начерчено карандашомъ, косо и криво, неправильною женскою рукою, въ родѣ: мадамъ, ассевъ, Глашка и т. д. Въ переднемъ ряду висѣлъ образъ Варвары великомученицы въ позолоченномъ окладѣ и передъ нимъ въ лампадкѣ теплился огонь.

Вошедши, Дарья Андреевна поклонилась высокой женщинѣ.

— Что угодно? спросила ее высокая женщина.

— Мнѣ нужно госпожу Петерсонъ.

— Ея нѣтъ. Вы съ заказомъ или получить что? Такъ я могу за нее все сдѣлать.

— Нѣтъ я съ письмомъ отъ госпожи Телѣжниковой.

Высокая женщина нахмурилась и отвернулась, потомъ подошла къ черноволосой, наклонилась къ шитью и вдругъ вырвала изъ рукъ ея шитье.

— Господи Боже мой! Сколько разъ я тебѣ говорила, чтобы ты клинья какъ можно аккуратноѣе запрягивала... Ну, что это? что? кричала высокая женщина.

— Извѣстно, клинъ. Его не спрячешь — все будетъ клинъ.

— Доставется уже тебѣ отъ Эмили Карловны! Распори, сейчасъ распори...

Черноволосая дѣвушка озлобленно взглянула на Дарью Андреевну, точно она была причиною этой непріятной сцены.

— Возьмите, да и распарывайте сами, сказала она высокой жевщицѣ и встала.

— Что!? что такое? Ахъ, ты!.. Ну, хорошо! хорошо! Я покажу мадамъ.

— Кажите, жалуйтесь: вамъ не привыкать стать.

— Ахъ, ты, холопка!

— Не знаю, кто холопка: та изъ насъ, что на карачкахъ ползаетъ передъ хозяйкой, или...

— Молчать!

— А вотъ не замолчу, коли на то пошло.

Дѣвушка съ пепельными волосами дернула ее за платье и взглянула жалобно, но черноволосая сдѣлала движеніе, что она сама знаетъ, что дѣлаетъ.

— Послушай, Катя, до коихъ поръ это будетъ? начала высокая женщина, понизивъ тонъ.

— А-а! теперь такъ Катя. А послушайте, Софья Васильевна, до коихъ поръ вы меня притѣснять будете? Подайте мнѣ деньги и я уйду, чортъ съ вами... чортъ васъ возьми совсѣмъ... проклятыя... И она заплакала.

Остальныя дѣвушки стали смотрѣть въ окно, оставивъ работу.

У Дарьи Андреевны защемило сердце.

— Сама виновата! Тебѣ говорятъ: дѣлай такъ, а ты по своему.

— Не держите мастерицъ; сами шейте.

— Послушай, Катя, какое право ты имѣешь говорить дерзости?

— А потому, что сами вы дерзки. Извольте сами улаживать клинъ! Я двадцать разъ не намѣрена перешивать.

— Хорошо же! И высокая женщина сѣла на ея табуретку и молча стала распарывать. Катя подошла къ ней.

— Ужъ полно вамъ привередничать-то, вѣдь просто отъ нечего дѣлать придрались ко мнѣ!

Софья Васильевна молчала.

Катя рванула шитье, щеки ея покраснѣли и она рѣзко сказала:

— Мнѣ хозяйка дала это шитье, а не вы! Я хозяйкѣ должна отдать отчетъ. Пустите!

Тутъ Софья Васильевна какъ будто очнулась и взглянула на Дарью Андреевну.

— А вы что стоите?

— Я дожидаюсь госпожу Петерсонъ.

— Вамъ сказано, что ея нѣтъ, и все тутъ... А если у васъ есть письмо, давайте, я передамъ.

— Телѣжникова велѣла отдать лично ей самой мнѣ.

— Вотъ еще новости! Что она, деньги, что ли, прислала?

— Не знаю.

— Она вотъ уже шестой мѣсяць, какъ не платитъ за пере-

шивку старыхъ платьевъ. А тоже модничаетъ, по баламъ развѣзжаетъ. Шлюха! Во весь годъ только одно новое платье заказала!

Въ это время въ комнату швей вошелъ низенькаго роста, плѣшивый, толстый нѣмецъ въ халатъ и туфляхъ. На лбу его торчали очки въ мѣдной оправѣ, а въ правой рукѣ онъ держалъ ножницы.

— Што за шумъ, а драка нѣтъ? проговорилъ онъ, полушутя и полусерьезно, и потомъ, замѣтивъ Дарью Андреевну, подошелъ къ ней, оттопырилъ впередъ животъ, заложилъ руки назадъ и на поклонъ ей важно спросилъ:

Ви што? ви кто?

— Да вотъ къ Эмпліи Карловнѣ пришла съ какимъ-то письмомъ отъ Тельжниковой, сказала Софья Васильевна.

— А-а!.. проакалъ онъ октавой.—Показать письмо?

Дарья Андреевна показала письмо. Нѣмецъ взялъ его и сталъ нюхать, покрикивая.

— Карашо, кланяйсь...

— Мнѣ нужно самое Эмилию Карловну видѣть.

— А-а!.. и нѣмецъ началъ хитро смотрѣть на Дарью Андреевну.

Дарья Андреевна хотѣла бросить письмо и уйти вонъ отсюда, но ей хотѣлось дождаться хозяйки.

— А сколько лѣтъ? спросилъ нѣмецъ, отдавая Дарьѣ Андреевнѣ письмо.

— Это вамъ для чего же нужно?

— Ай, какъ ви строгъ! Прошу! и нѣмецъ показалъ Дарьѣ Андреевнѣ на диванъ, а самъ пошелъ въ магазинъ. За нимъ ушла и Софья Васильевна.

Въ швейной настала тишина, такъ что слышно было тиканье часовъ въ магазинѣ и шурпаніе матерій у швей. Въ комнату вошла дѣвочка, та самая, которая доставала воду изъ колодца, и молча начала выдергивать нитки изъ распоротой юбки. Изрѣдка доносилось мурлыканье унисономъ изъ хозяйской комнаты.

Дарьѣ Андреевнѣ сдѣлалось очень скучно. Ей жалко было этихъ дѣвицъ, согнувшихся надъ шитьемъ и изрѣдка посматривавшихъ на нее не то съ любопытствомъ, не то съ гордостью, не то съ завистью; ей жалко было десятилѣтней дѣвочки въ мокромъ, грязномъ, разорванномъ платьишкѣ, выдергивавшей теперь нитки. А дѣвочка была краспвая, съ чистымъ, только болѣзненнымъ лицомъ, съ правильнымъ носомъ, съ чисто-дѣтскою улыбкою на хорошихъ губахъ, съ растрепанными черными волосами. Такъ что она невольно назвала ее красавицей, но въ то же время подумала: что изъ нея выйдетъ? и сравни-

вала ее съ Катей, этой смуглой, съ пожелтѣвшими щеками, дѣвучкой, умѣющей огрызаться съ старшими и заявлять свои права. Ей подумалось-было, зачѣмъ Катя уступила этой Софѣ Васильевнѣ, взяла бы да и ушла; но она уже начинала понимать, какъ трудно женщинѣ или дѣвучкѣ найти работу. Отчего онѣ невеселы всѣ? Сидить ихъ три и не только что ни одна не запоетъ, но даже не заговорятъ онѣ другъ съ дружкой; даже Софья Васильевна молчитъ; только дѣвочка зѣваетъ на всю комнату, но и это вызываетъ только улыбку, а не хохотъ. Такъ и кажется, что всѣ онѣ о чемъ-то думаютъ, что-то ихъ тяготитъ; вѣдь у каждой за стѣнами этого магазина, можетъ быть, есть своя жизнь.

Вотъ одна пошла къ печкѣ, достала утюгъ; дѣвочка съ своимъ хламомъ отодвинулась и изругалась, что ей мѣшаютъ. Швея стала утюжить, а Софья Васильевна и вниманія не обращала на эту процессъ. Спросила швея у другихъ швей, не надо ли имъ утюга,—тѣ сказали, что еще рано; она поставила утюгъ въ раскаленную печь, снова стала шить и опять настала тишина. Кто-то зацарапался въ дверяхъ снаружи, замаякала жалобно кошка, дѣвочка отворила дверь; вошла тощая, съ желтою съ черными крапинами шерстью кошка и прошла прямо въ хозяйскую комнату. И на это швей не обратили вниманія. Пришелъ нѣмецъ въ своемъ халатѣ, съ сигарою во рту.

— Адольфъ Карловичъ, одолжите папероску, проговорила Катя охрипшимъ голосомъ.

— Уй! уй! молоденькимъ дѣвучкамъ развѣ можно, проговорилъ нѣмецъ и покачалъ головой.

— Ну, дайте же.

— Ай-ай!.. Ну, такъ и быть! И онъ досталъ изъ кармана брюкъ сигарочницу, гдѣ лежало до пятка папиросъ.

— И мнѣ, Адольфъ Яковличъ! просила Матрена.

— И мнѣ... приставала русоволосая.

Нѣмецъ шутилъ, но далъ всѣмъ по папироскѣ, потомъ предложилъ и Софѣ Васильевнѣ, но та обидѣлась.

— Мерси! у меня свои есть, сказала она.

— Но я прошу...

— Я нехочу послѣ другихъ...

— Охъ! какой ви гордый. И онъ потрепалъ ее, но она, отстранивъ его руку, указала головой на Дарью Андреевну. Нѣмецъ сердито посмотрѣлъ на гостью и ушелъ.

— Катя, дай-ко раскурить, сказала Софья Васильевна.

Та улыбулась, гордо мотнула головой и не встала съ мѣста.

— Сами можете подойти, сказала она.

Софья Васильевна съ гнѣвомъ встала и подошла къ Матренѣ.

— Да нате, нате, — чего вы! Ужъ и злится, какъ кошка... Я пошутила, проговорила Катя съ улыбкой, но голосомъ виноватаго.

— Я не люблю, чтобы кто-нибудь шутилъ надо мной.

— А сами такъ любите шутить... Ахъ, да вѣдь вамъ двадцать-пятый годъ...

Щоки Софьи Васильевны поблѣднѣли, губы ея передернулись, но она промолчала и сѣла за свою работу.

Къ Катѣ подошла Маша и попросила у нее курнуть.

— Пошла на свое мѣсто! крикнула на нее Софья Васильевна такъ, что Дарья Андреевна вздрогнула.

Сестра дала Машѣ курнуть.

— Какъ ѣсть хочется! сказала Матрена.

— Какъ долго нѣтъ Эмилиі Карловны! проговорила русоволосая.

— Софья Васильевна, я кончила, слезала Катя.

— Покажи.

Софья Васильевна осмотрѣла шитье со всѣхъ сторонъ и ни къ чему не могла придратъся, только велѣла въ двухъ мѣстахъ выутюжить.

Наконецъ явилась и сама Эмилиі Карловна. Это была женщина лѣтъ сорока-восьми, высокая, тучная, съ красными щеками, отцвѣтшими голубыми глазами и съ бородавкой на правой сторонѣ нижней губы; на этой бородавкѣ росъ постоянно одинъ рыжій волосъ, который въ настоящее время былъ подрѣзанъ. На ней, кромѣ драповаго пальто, было надѣто шелковое платье и на груди красовалась золотая цѣпочка, а на головѣ была надѣта наколка. Она принесла съ собой большой свертокъ.

Дарья Андреевна подала ей письмо. Она прочитала, положила письмо въ карманъ и стала осматривать работы у швей.

— Ну, хорошо. Иди домой. Завтра приходи пораньше, сказала она Катѣ.

— Не дадите ли денегъ, Эмилиі Карловна?

— А ты у меня сколько забрала? А!

— Я заработаю.

— Нѣту денегъ.

Катя ушла.

— Ты тоже можешь идти, только приходи поскорѣе, сказала хозяйка Матренѣ.

— Дайте, пожалуйста, на хлѣбъ. Миѣ за штуку слѣдуетъ сорокъ коп.

— Ну, это еще мое дѣло... У меня нѣтъ мелкихъ.

Ушла и Матрена. Хозяйка подошла къ русоволосой.

— Э, матушка, какъ ты дрянно шьешь! Что же вы, Софья Васильевна, смотрите? Ну, ты можешь и вовсе не приходиться... Нѣтъ, нѣтъ... и не проси.

— Эмилія Карловна!.. вопила дѣвушка.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты мнѣ испортила юбку! Да что же это съ вами, Софья Васильевна? Это нехорошо.

— Я-то тутъ чѣмъ виновата? Я вѣдь вамъ говорила, что она еще плохо шьетъ, а вы ей даете юбку. Сами виноваты.

— Ахъ, Боже мой! Что я теперь стану дѣлать! Вонъ, негодная дѣвчонка! Я еще съ тебя черезъ полицію за матерію взыщу. Вонъ!

Дѣвушка ушла рыдая. Долго она стояла на крыльцѣ, но потомъ ушла и со двора.

Эмилія Карловна долго еще ругалась и перекорялась съ Софьею Васильевною, которая оказалась главною мастерицею-закройщицею у нея; Софья Васильевна ей не уступала, и требовала разсчета въ двѣнадцать рублей. Эмилія Карловна успокоилась и попросила ее остаться у нихъ обѣдать. Потомъ обратилась къ Дарьѣ Андреевнѣ

— Вы желаете поступить ко мнѣ въ швеи?

— Да.

— Умѣете ли вы?

— Не угодно ли испытать.

— Потрудитесь перешить вотъ эту полосу. И Эмилія Карловна дала ей ту юбку, что шила только что прогнанная русоволосая дѣвушка, и указала, какъ и что нужно сдѣлать, а сама съ Софьей Васильевною ушла въ комнату, откуда, черезъ нѣсколько минутъ, послышался стукъ ножей и вилокъ, и запахло мясомъ и супомъ.

Обѣдъ продолжался съ часъ. Послѣ обѣда хозяйка вышла.

Дарья Андреевна давно уже кончила работу и, отъ нечего дѣлать, смотрѣла въ окно, облокотившись правою рукою на столъ, но тамъ ничего не было новаго или интереснаго. Взлетитъ на верхушку колодца воробышекъ, попрыгаетъ, повертится, посмотритъ по сторонамъ и улетитъ; пройдетъ толстый котъ, растягиваясь отъ сытной пищи во всю длину, и уйдетъ, не обращая вниманія на котенка, который старается зацѣпить его лапкой или, сломя голову, кидается за перышкомъ, погоняемымъ вѣтромъ, или точить ногти объ заплоть; пройдетъ къ углу за колодцомъ какая-то пожилая некрасивая женщина съ лоханью, выльетъ помой, сморкнется въ фартукъ и уйдетъ. Ничего нѣтъ хорошаго. А на улицѣ вѣтеръ, падаютъ изрѣдка свѣжинки. Скучно.

— Вы уже кончили? спросила Эмилія Карловна.

Дарья Андреевна вздрогнула и показала юбку.

— Какъ вы находите? спросила хозяйка свою мастерицу, показывая ей шитье Дарьи Андреевны.

— Ничего. Немножко грубовато, отвѣтила та.

— Ну, это пустяки. Вы гдѣ учились шить?

— Въ монастырѣ. Я и золотомъ умѣю шить.

— Ну, тамъ работа иная: у насъ шьются модныя платья. Отдѣлка требуется хорошая. Однако, что вамъ за охота шить?

— Я хочу сама зарабатывать кусокъ хлѣба.

— Но у васъ вліятельный дядя?

— Я не хочу ѣсть чужой хлѣбъ.

— Ну, какъ знаете. Я васъ принимаю, потому что мнѣ васъ хвалила Телѣжникова. Я у нея была сегодня—должокъ за ней былъ. Вы будете получать со штуки. За платье, напримѣръ, я вамъ буду платить полтора рубли, за лифъ полтинникъ. Согласны?

— Я согласна.

— Жить вы будете на своей квартирѣ, кушать тоже на свои деньги. У меня всѣ мастерицы такъ живутъ. Только вотъ около праздниковъ, когда бываетъ много заказовъ, тогда мастерицы пользуются безвозмездно моимъ столомъ, чаемъ, кофеемъ и спятъ у меня. Такъ приходите пораньше завтра. Не надо ли вамъ денегъ?

— Нѣтъ.

— Вы не стѣсняетесь. Я вамъ могу дать рубль. Вѣдь у васъ еще нѣтъ квартиры—мнѣ Телѣжникова, по крайней мѣрѣ, такъ говорила.

— Пожалуй, дайте рубль.

— Напишите росписочку.

Написавши росписку въ полученіи рубля въ счетъ будущихъ заработковъ и получивши этотъ рубль, Дарья Андреевна вышла отъ Петерсонъ въ восторгъ и пошла искать квартиру. Часа два она искала и, наконецъ, версты за три отъ магазина нашла комнатку, въ мезонинѣ деревяннаго стараго дома, съ готовою мебелью за три рубля въ мѣсяць. Полтинникъ она отдала въ задатокъ.

У дяди безъ сценъ не обошлось. Онъ и его жена бѣсился страшно. Какъ, говорили они, возможно, чтобы дочь благородныхъ родителей осмѣлилась поступить въ швеи! Да это развратная женщина! Упрекала ее и Марья Андреевна, которая со слезами просила ее остаться у дяди. Наконецъ, Ипполитъ Аполлоновичъ сталъ грозить ей, что онъ вытѣснитъ изъ палаты Кузьму, но ничто не поколебало Дарью Андреевну, несмо-

тря даже на то, что ей не дали объдать и не пригласили къ чаю. Бодро она собрала свои вещи, бодро выслушала при прощаніи упреки, и какъ хорошо чувствовалось ей, когда она, наконецъ, вышла изъ этого дома, покинула этотъ праздный міръ.

— Помоги мнѣ Господи никогда не возвращаться въ эту жизнь и укрѣпи меня на новую жизнь, молилась она, идя спать на новую квартиру, и на душѣ у ней было такъ хорошо, такъ хорошо, — какъ никогда.

XXI.

Модный магазинъ Петерсонъ, когда въ него поступила Дарья Андреевна, управлялся самою Эмилиєю Карловною Петерсонъ съ помощницею, мастерицею-закройщицею Софьею Васильевною Казанцевою. Швей въ немъ были, кромѣ Дарьи Андреевны, двѣицы: Матрена Энобишина и Катя Василькова съ сестрою Машею. Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о содержательницѣ этого магазина.

Биографія Эмилиі Карловны невелика. Отецъ ея былъ природный нѣмецъ и служилъ къ качествѣ мастера на одномъ изъ заводовъ въ Петербургѣ. Онъ умеръ, или вѣрнѣе, былъ задавленъ въ самомъ заводѣ во время работъ, когда Эмилиі было всего пять лѣтъ. Мать была тоже нѣмка, и послѣ смерти мужа открыла въ Петербургѣ пивную, которою и существовала четыре года. Такимъ образомъ, Эмилиа Карловна съ самаго дѣтства жила въ кругу народа, преимущественно простаго и нѣмецкаго, и усвоила нѣкоторыя понятія изъ этой жизни. Мать ея была женщина разбитая, какъ говорится, никому спуска не давала и нисколько не походила на своихъ степенныхъ землячекъ, ходящихъ плавво и дѣлающихъ все съ расчетомъ. Она была женщина молодая, а въ пивную хотя и ходилъ народъ ежедневно, но жизни все-таки для нея было мало: народу много, а хорошаго человѣка нѣтъ ни одного. Наконецъ, она выбрала себѣ мужчину, русскаго; но этотъ русскій оказался только до интимныхъ отношеній хорошъ, и какъ только сдѣлался ея любовникомъ, обобралъ ее и бросилъ, а она со своей пивной впала въ долги и должна была продать все за безцѣнокъ и позаботиться объ участи дочери. И вотъ она отдала ее въ обученіе къ одной модисткѣ изъ-за хлѣба и крова, а сама пустилась во всѣ тяжкія...

Многому натерпѣлась дѣвушка у модистки, но все-таки кое-чему выучилась и на шестнадцатомъ году уже поступила въ швейный магазинъ, гдѣ скоро поняла всякія моды и фасоны, и девятнадцати лѣтъ получала уже жалованья двадцать рублей въ

мѣсяцъ, такъ что имѣла приличную комнату. Тутъ она вышла замужъ за чпвовника, который, черезъ пять лѣтъ, получилъ должность въ Егорьевскѣ, гдѣ и померъ черезъ восемь лѣтъ. Во все это время, Эмилиа Карловна шитьемъ не занималась, а жила барыней, добрѣла и толстѣла; хотя же у нея и были дѣти, но остался только одинъ, Николай Павловичъ Славинъ, въ настоящее время уже служащій въ уголовной палатѣ помощникомъ столоначальника. По кончинѣ мужа, за службу котораго она получила только единовременное пособіе, Эмилиа Карловна рѣшилась открыть модный магазинъ, которыхъ въ то время въ городѣ было только два, да и тѣ не удовлетворяли требованіямъ многочисленной аристократіи, живущей далеко отъ Петербурга и Москвы. Но это ей обошлось не дешево и не легко. Однако, какъ бы то ни было, а все-таки она модный магазинъ завела и открыла его именно въ этомъ домѣ, повѣсивъ описанную выше вывѣску, изображающую двухъ барынь, куда-то стремящихся. Нанявши квартиру и повѣсивши вывѣску, Эмилиа Карловна собрала всѣ накопившіяся у нея картинки модъ (а ихъ у нея было пропасть, потому что она питала къ нимъ особенную страсть и, кромѣ нихъ, никакихъ другихъ картинъ не уважала), выбрала изъ нихъ тѣ, которыя были поновѣе, и поставила ихъ къ окнамъ, выходящимъ на улицу. Сообразивъ, что для моднаго магазина нужно имѣть какіе-нибудь образцы или платья, она выбрала три своихъ лучшихъ платья и повѣсила ихъ въ комнату, выходящей на улицу и называемой магазиномъ. Кромѣ этихъ платьевъ, зеркала, ломбернаго стола, нѣсколькихъ стульевъ и дивана, въ магазинѣ ея тогда ничего не было. Улица эта въ то время была незначительная, и поэтому немудрено, что недѣли двѣ народъ дивился, смотря на двухъ барынь и на модныя картинки, стоящія у стеколъ. Прошелъ мѣсяцъ, а заказовъ нѣтъ; но вотъ хозяйкѣ дома понадобился салонъ; Эмилиа Карловна салонъ сшила; но хозяйка-купчиха забрала его, потому что ей нужно было сшить по просту, по старинкѣ, а она сшила по новомодному. Пришлось перешить по старинкѣ. Мѣсяцевъ шесть Эмилиа Карловна не имѣла работы изъ города, а обшивала хозяевъ, ихъ прикащиковъ, служителей и даже кухарку, и за все это получала очень немного денегъ. Но она крѣпилась. На девятой мѣсяцъ хозяева выдавали дочь за богатаго и образованнаго купца. Въ это же время къ Эмилии Карловнѣ пришла дѣвушка Софья Васильевна, занимавшаяся шитьемъ у одной изъ содержательницъ моднаго магазина, и предложила ей свои услуги. Хозяева надавали пропасть работы, работа была спѣшная, такъ что Софья Васильевна должна была переманить отъ другой содержательницы моднаго магазина двухъ дѣвицъ, умѣвшихъ шить порядочно, и работа была кончена къ сроку. Въ городѣ, вслѣдствіе этого, про Эмилию Карловну пошла слава. Мало по малу, магазинъ упрочился окончательно, и владѣтельница его

вышла замужъ за Адольфа Яковлевича Петерсона, того самого нѣмца, съ которымъ читатель познакомился въ предыдущей главѣ.

Шить въ людяхъ и на людей не то, что шить дома себѣ платью. Себѣ хоть и некрасиво сошьешь—такъ для себя, никто тебя не укоритъ, за то шить въ модномъ магазинѣ, изъ-за хлѣба—другое дѣло. Хотя Дарья Андреевна и вышивала въ монастырѣ золотомъ, вязала скатерти, но очутившись въ модномъ магазинѣ, она не безъ боязни приступила къ моднымъ платьямъ, скроить которыя она не умѣла. Сама Эмплія Карловна рѣдко снймала мѣрки; эту частію завѣдывала Софья Васильевна, которая этотъ секретъ ни за что никому изъ швей не хотѣла открыть. Шить приходилось все большею частію шелковое, дорогое. Сначала Дарья Андреевнѣ давали рукава, и надо было посмотреть, съ какимъ стараніемъ она шила, какъ берегла матерію, чтобы не испачкать ее, какъ боялась, чтобы ей не пришлось перешивать, что очень часто случалось съ Катей и Матрешей. Но Богъ милостивъ. Дарья Андреевна испортила всего только одинъ лифъ, и хозяйка поставила его въ пять рублей, почему она и стала получать вмѣсто пятидесяти кои. за штуку—четвертакъ. И то ладно. А вонъ Катя и Маша, тѣ рѣдко получаютъ и по пятнадцати кон. и домой часто уходятъ съ пустыми руками. Ужъ сколько плакала Дарья Андреевна надъ своею оплошностью, плакала, какъ маленькая дѣвочка Маша, послѣ того, какъ хозяйка отгаскаетъ ее за волосы за плохое умѣнье шить на живую нитку,—а бѣду поправить трудно. Пословица говорить: взидя за гужъ—будь дюжъ. Стала она осторожнѣе и въ затруднительныхъ вещахъ постоянно совѣтовалась то съ Софьей Васильевной, то съ подружками, но отъ нихъ толку было мало. Затруднится ли она въ чемъ и спрашиваетъ Катю:

— Катя, это кажется такъ слѣдуетъ?

— Не знаю, Даша.

— Да вѣдь вы давно здѣсь.

— Терпѣть не могу, кто говоритъ мнѣ: вы! Спроси у Кики-моры.

Обратится Дарья Андреевна къ Софьѣ Васильевнѣ,

— Вамъ сказано, какъ шить. Спросите хозяйку—вы ея любимица.

А хозяйка дѣйствительно обращалась съ нею лучше, чѣмъ съ другими дѣвками. Хозяйка была женщина самостоятельная, практическая и въ швейномъ дѣлѣ понимала гораздо больше не только Софьи Васильевны, но даже и другихъ содержательницъ модныхъ магазиновъ. Она сразу поняла, что Дарья Андреевна хорошая швея и только ей надо выправку, такъ что черезъ мѣсяцъ Дарья Андреевнѣ уже давались на срокъ платья, пальто и мантили, при чемъ сама хозяйка наблюдала за

шитьемъ. Уже съ самаго поступленія въ магазинъ Дарья Андреевна замѣтила, что Софья Васильевна будто недовольна ею; напримѣръ, подойдетъ къ ней, возьметъ ея работу, осмотритъ и непрѣменно что-нибудь откроетъ.

— Прекрасно, я прежде всегда такъ дѣлала! И захохочетъ язвительно.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, скажетъ Дарья Андреевна взволнованнымъ голосомъ.

— Я говорю, что вы безъ наставленія ничего не умѣете дѣлать. Посмотрите, дѣвицы, какъ у насъ нынче петли мечутъ! и захохочетъ.

Катя тоже захохочетъ, Матреша только улыбнется.

— Я еще только начала, скажетъ съ раскраснѣвшимися щеками Дарья Андреевна,

— Да вы такъ и кончите. Вы всегда такъ кончаете.

— Однако, Эмилія Карловна ничего не говорить.

— Ну, разумѣется, гдѣ же ей усмотрѣть всякую малость!

— Я не знаю, какое вамъ дѣло до моей работы. Вѣдь дали не вы, а Эмилія Карловна; я работу не вамъ отдамъ, а ей. Я, кажется, не обязывалась отдавать вамъ отчетъ, вспылить Дарья Андреевна.

— Ну, да, конечно... Коне-чно! проговорить сквозь зубы Софья Васильевна, сядетъ на свое мѣсто и уже больше ни слова не говорить съ Дарьей Андреевной цѣлый день, и когда Дарья Андреевна станетъ прощаться съ ней, она нехотя подастъ руку и процѣдитъ сквозь зубы: прошайте-сь!..

Когда же хозяйка стала давать Дарьѣ Андреевнѣ шить цѣлыя вещи, за которыя она получала со штуки не меньше 75 коп., и при усидчивой работѣ могла кончить въ двой или полторы сутки безъ указанія Софьи Васильевны, послѣдняя открыто возненавидѣла ее. Нужно ли снять съ какой нибудь барыни мѣрку, хозяйка обращается къ ней.

— Софья Васильевна, потрудитесь снять мѣрку.

— Некогда, Эмилія Карловна, пусть Даша сниметъ.

— Она не умѣетъ.

— А вы покажите.

Лицо Софьи Васильевны пожелтѣло, на лбу появились морщины, глаза сдѣлались злые и задумчивые; въ словахъ замѣчалась горечь; она не досказывала, точно ее душило какое-то горе. Съ Дарьей Андреевной не говорила, не кланялась, и когда ея не было, старалась всячески сплести на нее что нибудь. А пересудамъ и клеветамъ внѣ магазина и конца не было. Все это происходило оттого, что Дарья Андреевна съ перваго же раза оказалась хорошею швеей, дѣвушкой взрослой, толковой, командовать надъ которой какъ-то неловко, да и не къ чему

придаться. Софья Васильевна боялась, чтобы хозяйка не заставила ее учить Дарью Андреевну снимать мѣрки и кроить и потомъ не отказала бы отъ мѣста, столько лѣтъ насиженнаго ею. Но, кромѣ того, была еще и другая причина, самая главная. Она любила Николая Павловича Славина, любила давно, хотя тотъ уже полтора года какъ охладѣлъ къ ней. Съ появленіемъ же Дарьи Андреевны, Николай Павловичъ сталъ ухаживать за послѣдней, и уже не скрывалъ передъ Софьей Васильевной своей холодности.

Катя тоже косилась на Дарью Андреевну. Катя третій годъ работала въ магазинѣ. Начала она съ того, что шила на живую нитку, какъ и сестра ея Маша. Сколько она перетерпѣла горя за это время! Ее и били, и гнали нѣсколько разъ изъ магазина, и денегъ не платили, но она была дѣвушка настойчивая. Въ теченіе трехъ лѣтъ она хорошо научилась шить, но при всей своей настойчивости, она никакъ не могла добиться, чтобы ей дали шить что нибудь цѣльное. Поэтому ей сильно не понравилось, что Дарья Андреевна опередила ее и зарабатываетъ денегъ больше ея. Правда, Дарья Андреевна старше ея на три года, но за то вѣдь она работаетъ въ магазинѣ гораздо менѣе времени. При своемъ самолюбіи она не брала въ расчетъ того, что Дарья Андреевна еще до поступленія въ магазинъ умѣла шить; ей только было обидно, что ей не даютъ цѣльной вещи. Кромѣ этого, Катѣ казалось, что Дарья Андреевна держитъ себя какъ будто свысока, что она какъ будто выслуживается передъ хозяйкой; ее бѣсило, что хозяйка благоволитъ къ ней; ее злило, что на Дарью Андреевну платье всегда чистое, что одну недѣлю она ходитъ въ ситцевомъ сѣренькомъ платьѣ, а другую носить шолковую юбку, что на ней всегда чистые сапожки, на которые она еще надѣваетъ калоши, что волоса у ней всегда причесаны какъ-то помодному, и волоса большіе, натуральные и подъ сѣткой нѣтъ фальшивыхъ волосъ, какъ у хозяйки или Софьи Васильевны. По всему этому она считала Дарью Андреевну за барышню, которой приличнѣе сидѣть въ гостиной и отъ нечего дѣлать что-нибудь вышивать, а не шить здѣсь, отбивая у нея, бѣдной дѣвушки, кусокъ хлѣба. Разъ какъ-то она даже высказала это Дарьѣ Андреевнѣ. Катя сидѣла безъ дѣла. Попросила она у Матрешы папироски. У той не оказалось; Дарья Андреевна предложила ей свою.

— Мерси. Я барскихъ папиросъ терпѣть не могу.

— Развѣ мои барскія? табакъ Миллера, въ десять коп. четверка.

— Ну, я такой дряни не курю.

— Да вы попробуйте.

— Какъ у васъ, у господъ, принято все выкать! Ужь лучше

бы сидѣли съ господами, а не съ нами, мужичками. Право, тошно смотрѣть, какъ люди залѣзаютъ не въ свое мѣсто.

— Да вѣдь вы тоже дочь чиновника.

— Что за бѣда! У меня нѣтъ богатой родни. Съ богатой родней и въ аду хорошо. Я, можетъ быть, получше кого шью, да мнѣ предпочитаютъ другихъ.

— Вольно же вамъ не просить.

— Я настолько горда, что никогда и никому въ свѣтѣ не намѣрена кланяться, какъ это дѣлаютъ другія.

Тѣмъ разговоръ и кончился, потому-что Дарья Андреевна, зная вспыльчивый характеръ Кати, не стала возражать.

Но еще болѣе незалюбила Катя Дарью Андреевну съ тѣхъ поръ, когда въ магазинъ пришла Телѣжникова, въ сопровожденіи своей горничной. Дарья Андреевна сидѣла у окна ближе къ дверямъ. Телѣжникова подошла прямо къ ней, раздущенная и расфранченная, поздоровалась, проболтала что-то для шикю по-французски, потомъ порусски, спросила, какъ она поживаетъ и, какъ будто не замѣтивъ Софьи Васильевны, прямо пошла на встрѣчу хозяйкѣ. Выходя изъ магазина, она опять подошла къ Дарьѣ Андреевнѣ и сказала:

— Я пришлю съ человѣкомъ матерію пу-де-суа на платье. Такъ ужъ вы, душечка, ради Бога, сами шейте. Я уже просила добрѣйшую Эмилию Карловну; что же вы, душечка, никогда не забываете ко мнѣ?..

Дарьѣ Андреевнѣ было неловко отъ всѣхъ этихъ нѣжностей, она уже и такъ уходила въ сѣни и въ кухню, когда Телѣжникова разговаривала съ хозяйкой, чтобы не встрѣчаться съ словоохотливой барыней, но, какъ на зло, Телѣжникова долго не выходила, и поэтому она не могла избѣжать вышеописанной сцены прощанья. Но Софья Васильевна, и особенно Катя, взглянули на это иначе. Катя возненавидѣла Дарью Андреевну такъ, что, какъ только вышла Телѣжникова, она пересѣла съ своею работою къ тому столу, у котораго сидѣла Софья Васильевна.

— Ты зачѣмъ сюда? спросила ее Софья Васильевна.

— Нелюблю я сидѣть съ модницами: онѣ изъ себя корчатъ знатныхъ барынь. Ишь какая пришла раздущенная, и прямо къ ней обратилась:—своего поля ягода. И платье ей заказала шить.

— Полно вамъ, Катя, завидовать-то. Возьмите ея матерію и шейте платье. Я попрошу хозяйку, сказала Дарья Андреевна.

— Не съ вами говорятъ. А если вы любите подслушивать, то лучше уходите отсюда.

— Не могу же я сидѣть съ заткнутыми ушами. Вѣдь вы говорите громко, даже громче меня. Я вамъ отдаю шить платье

Телѣжниковой, если только хозяйка, въ самомъ дѣлѣ, вздумаетъ отдать его мнѣ.

— Я еще и не возьму, потому что отъ хозяйки я за него ничего не получу.

— Хозяйка должна заплатить.

— Да; она заплатить мнѣ или вамъ тогда, когда Телѣжникова отдастъ деньги. А она деньги-то не очень любитъ платить.

— Катя сердится на васъ за то, что вы согласились шить Телѣжниковой платье даромъ, шепнула Матреша Дарьѣ Андреевнѣ.

— Какъ даромъ? спросила Дарья Андреевна.

— А такъ: вы ее знакома, говорятъ, что еще и родственница, вотъ она и не заплатитъ вамъ.

— Не можетъ быть.

— Я васъ увѣряю. Она, до вашего поступленія сюда, полгода была должна Эмилиі Карловнѣ.

— Толкуйте двѣ подружки! Одна другой стоите, проговорила Катя насмѣшливо послѣ словъ Матрешы.

Все это непріятно дѣйствовало на Дарью Андреевну. За собой вины она никакой не знала, со всѣми была вѣжлива, ласкова, старалась всѣмъ угодить; при всей своей бѣдности она готова была удѣлить изъ своего заработка часть Катѣ и Матрешѣ; держала она себя, какъ равная имъ, и вдругъ оказывается, что Катя видитъ въ ней какого-то врага, и только одна Матреша не косится на нее. Сперва Дарья Андреевна не обращала вниманія на отношенія къ ней Катя и Софьи Васильевны, но когда онѣ съ каждымъ днемъ стали больше и больше дуться на нее, и, наконецъ, составивъ союзъ, стали изъявлять свою вражду открыто, она крѣпко призадумалась. „Я мѣшаю имъ“, рѣшила она, и хотѣла искать мѣста въ другомъ магазинѣ. Но, обдумавъ хорошенько, она пришла къ тому заключенію, что гдѣ ни работать, на первыхъ порахъ будетъ то же, и рѣшила помириться во что бы то ни стало. А предлоговъ къ этому было много, и нужна была настойчивость.

Софья Васильевна жила съ однимъ чиновникомъ, который, надо правду сказать, жилъ на ее счетъ. Онъ уже былъ не молодъ, служилъ по найму, и получалъ въ мѣсяцъ восемь рублей. Дарья Андреевна удивлялась, слушая разсказъ Матрешы, которая жила отъ квартиры Казанцевой черезъ домъ, какимъ образомъ такая женщина, какъ Софья Васильевна, могла любить человѣка, который, вдобавокъ къ неказистости, попиваетъ и пьяный буянить, но та же Матреша объяснила это тѣмъ, что у Казанцевой лѣтъ шесть тому назадъ былъ женихъ, прикащикъ изъ гостиннаго двора, и какъ только у нея родился ребенокъ, онъ ее бросилъ, и потомъ, женившись на дочери

купца, самъ записался въ купцы. Тогда, разсердившись на обманщика, Софья Васильевна сошлась съ чиновникомъ, и съ нимъ явилась въ лавку купца, и тамъ сдѣлала ему сцену, послѣ чего молодая жена съ мѣсяцъ жила у своихъ родителей. Конечно—говорила Матреша—Софья Васильевна могла бы подыскать и молодого мужчину, но она разувѣрилась въ нихъ, а неказистаго чиновника держать въ рукахъ, и когда онъ сильно забуйнитъ пьяный, она его связываетъ или выгоняетъ вонъ на улицу. Но въ то же время, Софья Васильевна не могла устоять и противъ Николая Павловича Славина... Вотъ черезъ него-то и рѣшилась Дарья Андреевна сойтись съ Софьей Васильевой.

Катя отца своего не помнила, мать ея померла, когда ей было десять лѣтъ. Помнила она, что мать у нея была хотя и красивая женщина, но много пила, и у нея много бывало мужичиъ. Послѣ ея смерти, ей въ наслѣдство досталось очень не много, да и то обобрала тетка по матери—мѣщанка, у которой она и жила теперь. Это женщина жадная, скупая; лишь только появится у Кати деньги, она тотчасъ отберетъ ихъ; если же Катя долго не приноситъ денегъ, она сама идетъ къ Эмилиі Карловнѣ, которая уже при Дарьѣ Андреевнѣ два раза выгонила ее изъ магазина. Маша же жила у Эмилиі Карловны, и, кромѣ обученія шитью, справляла мелкія домашнія работы. А такъ какъ Катя ходила домой по тѣмъ же улицамъ, по которымъ ходила и Дарья Андреевна, то Дарья Андреевна задумала когда-нибудь зазвать къ себѣ Катю.

Изъ всѣхъ дѣвицъ, какъ я сказалъ выше, къ Дарьѣ Андреевнѣ была расположена только Матреша. Это была дѣвушка смиренная, робкая. Она возражала въ крайнихъ случаяхъ, а если ее обижали, то плакала. Рѣзвость, свойственная ей лѣтамъ, и веселость находили на нее лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Мать у ней была мѣщанка, женщина, въ настоящее время разбитая параличемъ. Хотя у матери и есть свой худенькій деревянный домишко, и въ него пускаютъ квартирантовъ за три рубля въ мѣсяцъ, но семейство ихъ живетъ очень бѣдно, потому что кромѣ матери, бабушка старуха, девятый годъ, какъ ничего не видитъ, у старшей сестры уже пятый годъ, какъ отнялись ноги, и она дома съ трудомъ ходитъ на костыляхъ; братъ, молоде ея года на два, живетъ въ обученіи у портнаго и уже попиваетъ водку, а домой, кромѣ ни на что ненужныхъ доскутеевъ, ничего не приноситъ, такъ что семья кормится почти единственно заработками Матрешы, у которой, по этому случаю, всего на все одно платье, а худенькій шерстяной платокъ замѣнялъ и шляпку, и пальто. Цѣлое лѣто она никакъ не могла скопить денегъ на ботинки, и вотъ, когда пошелъ снѣгъ, она пришла однажды въ большихъ мужскихъ сапогахъ, съ высокими каблуками, и какъ пришла въ швейную, такъ и сняла ихъ.

— Жилецъ нашъ нездоровъ сегодня и въ консисторію не пошелъ. Вотъ я и выпросила у него сапоги. Ужасъ какъ неловко ходить, а все же теплѣе.

Катя съ Софьей Васильевной долго смѣялись надъ нею; хозяйка въ этотъ день денегъ Матрешѣ не дала, а Дарья Андреевна, зазвавъ Матрешу къ себѣ, подарила ей свои старые сапожки. Съ этихъ поръ Матреша такъ полюбила Дарью Андреевну, что рѣдкое воскресенье не забѣгала къ ней поговорить, хотя забѣгать и приходилось далеко не по пути, и стала звать Дарью Андреевну на квартиру въ материнскій домъ. Катя и Софья Васильевна всячески старались переманить ее на свою сторону: и папиросокъ давали, и булками кормили, и наговаривали ей всякую всячину въ отсутствіи Дарьи Андреевны, — Матреша была непоколебима. Она высказывалась такъ Дарьѣ Андреевнѣ: „меня дома не любить, хотя я и ношу деньги; хозяйка, Эмилія Карловна тоже не любитъ, говоритъ, что я шью скверно, и все-таки даетъ работы больше, чѣмъ Катя, а денегъ платитъ мало, потому что знаетъ, что я бѣдная и смирная: меня запугать ничего не стоитъ. Идти въ другой магазинъ — не примутъ безъ рекомендаціи. Софья Васильевна и Катя издѣваются надо мной, и если я буду съ ними заодно, то онѣ же будутъ налегать на меня. Вы знаете, что я скоро шью и скоро кончаю свою работу, вотъ онѣ и заставляютъ меня помогать. Нѣтъ, ужъ Богъ съ ними! Я отъ нихъ много перевесла всякой всячины, и еслибы не вы, ей-Богу, стала бы искать другаго мѣста. Я бы полы пошла мыть“.

Настали Катяны именины. Катя пригласила къ себѣ Софью Васильевну и Матрешу. Въ екатерининъ день Дарья Андреевна была одна въ магазинѣ. Подходить къ ней Эмилія Карловна.

— А вы что же не на именинахъ? спросила она.

— Меня не звали.

— Я замѣчаю, Дарья Андреевна, что онѣ на васъ сердятся. Третьяго-дня Софья Васильевна говорила мнѣ про васъ ужасъ что такое. Правда ли, что у васъ ребенокъ былъ? Вы извините... Я, какъ хозяйка, должна наблюдать за нравственностію...

— Вамъ объ этомъ дучше спросить письменно мою мачиху. Она хотя меня и не любитъ, но я увѣрена, что такой клеветы на меня никогда не взведетъ.

— Вы извините, что я спрашиваю. Я вамъ совѣтую держать-ся больше около меня.

— Но неприятно, когда сидишь въ одной комнатѣ съ такими же людьми, какъ и я, и постоянно слышишь отъ нихъ что нибудь.

— А вы не обращайтесь на нихъ вниманія. Пойдемте пить кофе.

За кофе хозяйка стала выпытывать Дарью Андреевну о

правственности дѣвицъ, но Дарья Андреевна на всѣ вопросы отвѣчала, что она ничего не знаетъ, такъ что хозяйка назвала ее скрытной.

— А жвачка? Вѣдь она ваша любимица.

— Про нее я знаю, что она живетъ въ бѣдномъ семействѣ и что ее почти никто не любитъ.

— По правдѣ сказать, и я ее не люблю, и держу потому, что она скоро шьетъ.

Дарья Андреевна не рѣшилась просить за Матрену, потому, во первыхъ, что она не мастерица-загройщица, а во вторыхъ, хозяйка призвала ее какъ будто затѣмъ, чтобы выспросить о поведеніи швей, о томъ, не крадутъ ли онѣ лоскутки и не шьютъ ли дома на сторону, — а что, конечно, Дарья Андреевна отвѣчала отрицательно.

Но подѣ вечеръ этого дня Матреша пришла въ швейную пѣнява. Сперва она ругала хозяйку и Дарью Андреевну самыми неприличными словами, потомъ стала плакать, кланяться въ ноги то хозяйкѣ, то Дарьѣ Андреевнѣ. Хозяйка вышла изъ себя и хотѣла отправить ее въ часть, но Дарья Андреевна заступилась, и ее уложили спать на диванъ. Утромъ хозяйка прогнала Матрешу. Когда же Дарья Андреевна стала упрашивать ее простить Матрешу, она вспылила:

— Вы-то что мѣшаетесь не въ свое дѣло? Коли она любя вамъ, -- возьмите ее къ себѣ на квартиру и обнимайтесь съ ней, а мнѣ пѣяницъ не надо.

— Но вѣдь ее, вѣроятно, нарочно напоили.

— Не ваше дѣло. Я терпѣть не могу, когда кто мѣшается въ моя распоряженія. И если вы хотите служить у меня, то прошу ни за кого не заступаться. Идите на свое мѣсто.

На мѣсто Матрешы была принята опять русоволосая Глаша, которая съ перваго же дня стала сидѣть съ Катей и Софьей Васильевной. А такъ какъ Дарья Андреевна сидѣла одна за большимъ столомъ у окна, а за небольшимъ, стоящимъ у стѣны, гдѣ было не совсѣмъ свѣтло, сидѣло четверо, то хозяйка приказала этимъ четверымъ сидѣть у окна, а Дарьѣ Андреевнѣ у стѣны, но тутъ ей стали мѣшать креньемъ и утюженьемъ.

Несмотря на то, что у Дарьи Андреевны была постоянно работа и она шила цѣльныя вещи, денегъ она зарабатывала немного, такъ что едва хватало на квартиру и пищу. Причинъ тутъ было двѣ: во первыхъ, хозяйка платила неисправно; во вторыхъ, одну и ту же вещь часто приходилось перешивать. Надо замѣтить, что закащицъ у Эмили Карловны было мало, а дѣла много. Или закащицы были слшкомъ капризны и черезчуръ требовательны, или сама Эмилия Карловна, не выпысывавшая современныхъ модныхъ журналовъ съ картинами и выкройками, и Софья Васильевна, звавшая только три-четыре

фасона, не умѣли потрафить закащикамъ; только выходило такъ, что рѣдкое платье не возвращалось назадъ для перешивки, и это было мученіемъ для Дарьи Андреевны; бѣсило оно и хозяйку.

— Чортъ бы ихъ побилъ, этихъ франтихъ! ворчала хозяйка.

— Вы бы, Эмилиа Карловна, какой-нибудь модный журналъ выписали, совѣтовала однажды хозяйкѣ Дарья Андреевна.

— Стану я деньги тратить! Нѣтъ, это онъ такъ... оттого, что мужья у нихъ на хорошихъ мѣстахъ. Онъ вѣдь ни уха, ни рыла не смыслятъ, а видѣли, что у губернаторши такое-то платье, ну какъ же отстать?..

Однако, какъ ни тяжело было Дарьѣ Андреевнѣ въ магазинѣ, какъ ни горько иногда было идти безъ копѣйки денегъ домой, гдѣ нѣтъ ни чаю, ни сахару, ни куска хлѣба, однако, она была довольна своею судьбою. Она жила одна въ своей комнатѣ, гдѣ никто не могъ мѣшать ей, гдѣ надъ ней не было никакого надзора, и она крѣпко засыпала на своей жесткой постели, состоявшей изъ ватознаго рваннаго пальтишка, даннаго ей хозяйкой и покрытаго простыней, подушки и бурнуса, которыми она одѣвалась.

— Какъ ты сестричка, можешь спать такимъ образомъ? спросилъ ее однажды братъ Кузьма.

— Отлично. Какъ день-то посидишь въ одномъ мѣствѣ, не поднимая головы, такъ и на голомъ полу заснешь.

— Ужасно!

— Напротивъ, мнѣ такая жизнь гораздо пріятнѣе, чѣмъ та, въ которой я жила раньше.

XXII.

Дарьѣ Андреевнѣ было весьма непріятно, что она живетъ далеко отъ магазина, и при томъ подъ горой, въ такомъ мѣствѣ, гдѣ нѣтъ ни тротуаровъ, ни фонарей. Лѣтомъ, въ хорошую погоду, хорошо ходить сюда; во первыхъ, она разомнетъ одеревенѣвшіе отъ долгаго сидѣнья члены, а во вторыхъ, чѣмъ дальше она идетъ отъ магазина и приближается къ своей квартирѣ, тѣмъ лучше становится воздухъ и тѣмъ красивѣе открываются виды. Открывается Волга во всемъ ея величій и красотѣ, со множествомъ судовъ и пароходовъ, съ ея трудовою жизнію, открываются великолѣпные низменные берега заволжскіе съ зеленѣющимъ лѣсомъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ кажется необъятнѣе, выше и какъ будто превращается въ гору. И солнышко здѣсь не жжетъ, потому что съ рѣки вѣтъ прохладой; здѣсь и строенія проще, и люди проще, добрѣе и че-

стѣе, чѣмъ на горѣ; вездѣ здѣсь видится трудъ, а если и случится увидать гдѣ нибудь спящихъ мужичка или бабу во всемъ, что на нихъ надѣто, спящихъ лежа на спинѣ и, по подобію Іакова, положившихъ головы на полѣно, доску или бревно, такъ вѣдь они уже много сдѣлали дѣла, начавши работу съ четырехъ часовъ утра. Но зимой тутъ не то: Волга покрыта льдомъ, деревья за Волгой посѣрѣли отъ снѣгу, улицы занесло снѣгомъ, занесло снѣгомъ съ горы и маленькіе домики, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ съ середи дороги и не видать вовсе, а только отъ воротъ прогребены дорожки, по сторонамъ которыхъ накидано снѣгу выше человѣческаго роста, да отъ оконъ тоже для свѣта отгребенъ снѣгъ. И не узнаешь, что за люди живутъ въ этихъ, согрѣваемыхъ снѣгомъ, домикахъ. Городомъ идти еще ничего, если и вѣтеръ дуетъ и снѣгъ идетъ; но какъ только она станетъ спускаться подъ гору—такой поднимется вѣтеръ, что она и житью своему не рада; бурнусь у ней лѣтній, да и тотъ собаки порядочно поизорвали; вѣтеръ такъ и пронизываетъ ее до костей, зубъ съ зубомъ не сойдется. Но вѣтеръ еще ничего, а какво въ морозы ходить. Городомъ она пройдетъ двѣ версты, и ей хотя холодно отъ двадцати-градуснаго мороза. однако, идя быстро, она все-таки можетъ согрѣть ноги; но какъ только спустилась подъ гору,—такъ и кажется, что здѣсь уже не двадцать градусовъ, а сорокъ. Въ этихъ случаяхъ Дарья Андреевна днемъ уже не ходила домой, а иногда и ночевала у Эмилиі Карловны, потому что она уже не разъ знобила носъ, щеки и пальцы на рукахъ и ногахъ. Если же она приходила домой, съ какою радостію она стучалась въ калитку. „Теперь я дома; теперь я согрѣюсь!“ думала она. Но это было напрасная радость. Ея комната выходила окномъ на рѣку, и хотя въ окнѣ были вставлены двойныя рамы, но два стекла въ зимней рамѣ были разбиты и замазаны бумагой, отчего стекла закуржавѣли.

Сверху донизу, сквозь эту кору ничего не было видно, и кроме того изъ-подъ оконника дуло. Печь топилась изъ другой комнаты, а выходила въ эту трехъугольникомъ, и въ ней была сдѣлана отдушина, но тепла какъ отъ печи, такъ и отъ отдушины было мало, такъ что Дарья Андреевна поставила свою кровать къ печи и ночью прижималась къ печкѣ. Хорошо еще, что она дома бывала только по воскресеньямъ, а то ей житья не было бы днемъ, оттого что, какъ только сосѣдка истопитъ печь и откроетъ душникъ, снѣгъ со стеколъ начинаетъ таять, и въ комнатахъ какъ у сосѣдки, такъ и Дарья Андреевны дѣлается угаръ, отъ котораго сосѣдка спасается у хозяйки, затыкая уши замороженной клюквой, чему подражала и Дарья Андреевна. Хотя Дарья Андреевна и писала мачихѣ, чтобы она выслала ей съ кѣмъ нибудь шубку на барашковомъ мѣху, но та не отвѣчала долго, а потомъ увѣдомила, что братъ Кузьма не совѣтуетъ ей, мачихѣ, высылать шубку на томъ

основаніи, что Дарья Андреевна живетъ въ такой квартирѣ, гдѣ могутъ шубку украсть.

Зачѣмъ же Дарья Андреевна живетъ въ такой холодной комнатѣ, не имѣя теплой одежды, и притомъ такъ далеко отъ моднаго магазина? спросить читатель. А живетъ она тутъ потому, во первыхъ, что зарабатываетъ такъ немного денегъ, что ихъ едва хватаетъ на расплату за комнату и пищу; во вторыхъ, ей некогда искать квартиру, и въ третьихъ, ей неловко было разстаться съ своей сосѣдкой, которую она полюбила какъ мать и которая, съ своей стороны, полюбила Дарью Андреевну какъ дочь.

Сосѣдка ея была старушка Ольга Герасимовна Мартынова. Она только что лѣтомъ овдовѣла. Мужъ ея былъ нѣсколько лѣтъ присяжнымъ въ казначействѣ, и супруги жили такъ дружно другъ съ другомъ, что когда померъ мужъ, съ Ольгой Герасимовной сдѣлался параличъ, отъ котораго она лечилась въ больницѣ четыре мѣсяца, но все-таки и до сихъ поръ не можетъ совсѣмъ владѣть лѣвой рукой, плохо видитъ, плохо слышитъ и гнуситъ. Но несмотря на такое уродство и свою старость (а ей 78-й годъ), Ольга Герасимовна существо въ высшей степени доброе, общительное, немогущее съѣсть куска хлѣба одна. Пенсіи она получаетъ въ мѣсяцъ всего три рубля съ копѣйками, но покойный мужъ, служа въ казначействѣ, накопилъ немного, и даже подумывалъ купить своей старухѣ домъ, такъ что она говорила: мнѣ до смерти хватить. Впрочемъ, она была женщина экономная, мяса со смерти мужа въ ротъ не брала, рѣдко ѣла рыбное и только никакъ не могла прожить дня безъ кофе. Кромѣ этого, она была женщина набожная, любила слушать чтонибудь религіозное. „Прежде, при мужѣ, я сама читала; у меня вонъ и Библія есть, и Четвергеева за январскую треть, а теперь слѣпа стала; никакіе очки не дѣйствуютъ“, жаловалась она Дарьѣ Андреевнѣ. Но при всемъ этомъ она не была ханжа и лицемерка, любила правду, терпѣть не могла лести, не любила кланяться и чего-нибудь вымаливать. „Мнѣ слѣдовало бы больше получать пенсіи, потому мужъ служилъ не одному царю и въ двухъ службахъ. Стала я было говорить объ этомъ начальству, да сказали: на что тебѣ, старуха, деньги; вѣдь ты помрешь скоро. Ну, я и плюнула на все. Хапайте, коли вамъ дольше моего жить. А вѣдь еслибы я просить стала, дали бы пенсіи больше“. Но она и хвасталась чѣмънибудь не любила, хотя, какъ поразкажетъ она, въ эти восемь лѣтъ она много видала и хорошаго, и худаго. Старушка она была смиренная. Дарья Андреевна ни разу не слыхала, чтобы она обругала когонибудь, или крикнула; она говорила ровно, большею частію съ шуточками, какъ будто съ ней не было никакого удара въ жизни; когда же она была въ своей комнатѣ, то ее не слышно было. Дарью Андреевну

она подлюбила съ перваго же раза за ея простоту, ласковое обращеніе и за то, что Дарья Андреевна избрала для себя трудовой путь жизни.

Видя, что у Дарьи Андреевны ничего нѣтъ, кромѣ небольшого узла, въ которомъ заключалось бѣлье, и зная жизнь швей, такихъ швей, которыя въ магазинахъ не живутъ, а только ходятъ туда шить, Ольга Герасимовна приняла въ ней съ другаго же дня участіе. Утромъ она пригласила ее къ себѣ пить кофе, поразспросила ее о прошедшей жизни и стала учить, какъ жить. Она судила по себѣ и предсказывала, что въ жизни ея можетъ встрѣтиться много сучковъ и задоринокъ, и наставляла, какимъ образомъ все это можно перенести. Правда, всѣ эти наставленія отзывали стариной, но въ нихъ и дѣльнаго было много, такъ что они такой дѣвушка, какъ Дарья Андреевна, неимѣющей друзей въ городѣ, могли пригодиться во всякое время.

— Ты еще дитя, говорила Ольга Герасимовна:—ты только что начала жить сама собой и для самой себя. Есть много дѣвушекъ, которыя также работаютъ, но тѣ работаютъ для кого нибудь: для матери или сестеръ... А ты одна. Ты настояла на своемъ—взяла да и ушла изъ отцовскаго дома и отъ родни. Но обдумала ли ты этотъ поступокъ, чѣмъ это пахнетъ? Родные теперь тебя не примутъ. Вѣдь все можетъ случиться: можешь захворать или что другое. Одно мѣсто не на вѣки. Вотъ я прежде, какъ дѣвицей была, бурнусика не имѣла, бѣгала въ одномъ платишикѣ, на ногахъ были одни дырявые чулки, а получала и вполонину меньше твоего, и вотъ жива же до сихъ поръ. Оно, положимъ, содержаніе тогда было дешевле и деньги считали на ассигнаціи, только не всѣ такъ были крѣпки; у моихъ подругъ никогда денегъ не было и онѣ постоянно находились въ долгу у хозяекъ и съ отчаянія доходили до... И она махнула рукой. А все это оттого, что характеру нѣтъ. Бывало, сидишь въ мастерской въ лѣтнюю пору, окошки открыты, духота, а онѣ и пялятся въ окошки по самый животъ, да только и слышно хи-ха да ха-ха! И дивишься съ кѣмъ, а то съ подмастерьями, съ мальчишками, у которыхъ у самихъ въ животахъ-то вѣтры ходятъ. Да, мать моя, жизнь велика. Мало ли что можетъ случиться. И хорошій, кажется, попадетъ человекъ, прекрасный, стоящій вниманія, онъ тебя и такъ, и эдакъ, всѣмъ будетъ умасливать, а потомъ и окажется, что онъ негодяй и жизнь твою испертиль, сократилъ. Со мной былъ одинъ тавой казусъ. Иная бы на моемъ мѣстѣ Богъ знаетъ что натворила, но я скрѣпилась; это мнѣ былъ хорошій урокъ, я стала осторожнѣе, и вотъ только на сороковомъ году вышла замужъ и прожила припѣваючи тридцать восемь годочковъ. Рѣшиться на что нибудь очень можно, вѣдь бросаются же въ воду люди, а когда ихъ вытаскать да воз-

вратять къ жизни, они и каются. Ты говоришь, что ты все обдумала,—прекрасно; но обдумывать мало ли что можно. Знаю, что ты и ночи не спала, но вѣдь ночью темно; а въ твоей головѣ такія штуки происходятъ, что на самомъ дѣлѣ ихъ и нѣту вовсе, а только въ воображеніи. Помню, когда я была дѣвицей, наша хозяйка разыгрывала старинные золотые часы; цѣна билету стоила полтинникъ. А я въ то время жила уже съ мужчиной,—онъ ходилъ ко мнѣ. Ну, деньги стало водились. Взяла я два билета, на свое имя и на счастье любовника. Взяла и думаю, что какъ только я эти часы выиграю, сейчасъ продамъ ихъ; денегъ у меня будетъ много, я найму себѣ большую квартиру, пущу въ нее квартирантовъ и буду жить припѣваючи, какъ живутъ нѣмки или польки. И такъ эта проклятая мысль засѣла мнѣ въ голову, что я долго не могла заснуть ночью, даже и во снѣ снились все какія-то палаты. Дошло до того, что я уже стала голову держать гордо; всѣ люди кажутся мнѣ маленькими, я воображала, что я хозяйка большой квартиры, и опомнилась только тогда, когда часы выиграла наша же дѣвушка, которую я не любила. На первыхъ порахъ я было чуть не прибила ее, но опомнилась и едва-едва не слегла. Такъ-то вотъ и ты. Передъ тобой теперь новая жизнь, все равно что лѣсъ, въ которомъ не знаешь, гдѣ растетъ малина или какой нибудь любимый грибъ. И если ты уже рѣшилась идти въ этотъ лѣсъ, то должна имѣть терпѣніе и терпѣніе надолго, потому что можетъ случиться, что ты любимаго-то гриба и не отыщешь, а платье свое изорвешь о пни и сучья, руки исколешь и лицо тебѣ исцарапаютъ колючія елки и сухія вѣтки. А лѣсу у насъ, слава Богу, много, унывать нечего: въ этомъ худо—болото да трясина,—въ другой, въ третій можешь идти. Главное, терпи, будь самостоятельна и никому не поддавайся.

Дарья Андреевна слушала эту проповѣдь со вниманіемъ. Она ни одного слова не забыла изъ нея; въ ней было много справедливаго и согласнаго съ ея взглядами на жизнь, и она любила старуху. Съ этихъ поръ она съ тоскою шла изъ квартиры и возвращалась домой измученная, съ надеждою на подкрѣпленіе. Старуха постоянно спрашивала ее, когда она уходила изъ квартиры, придетъ ли она обѣдать, а если не придетъ, то придетъ ли хоть ночевать, и ждала ее.

Съ перваго же дня Ольга Герасимовна стала принимать участіе и слѣдить за своей молодой, неопытной сосѣдкой.

Когда Дарья Андреевна вернулась домой поздно вечеромъ, Ольга Герасимовна спросила ее:

- Неужли все шила?
- Да. Хозяйка много работы надавала.
- Ну, какъ швей?
- Ничего. Немножко какъ будто косятся.

— Ну, безъ этого нельзя; только не стоитъ на это обращать вниманія: перемелется—мука будетъ. А ты объдала ли?

— Саечникъ приносилъ булки, такъ я ѣла булку.

— Ну, это плохо; надо горячаго чего вибуди, ты еще молодая. А вотъ у меня есть калиновый кисель. Славный кисель. Пошь.

— Покорно благодарю. Я сыта: дорогой купила булку и съѣла.

— Ну, мать моя, если ты будешь ѣсть все булки да булки, тогда тебѣ много нужно денегъ. А ты вотъ отрѣжь-ко ржанаго хлѣбца, посоли его, да и похлебай киселя. Чудесное дѣло будетъ.

— Право, мнѣ совѣстно...

— Полно, мать мая, перемониться.

Ольга Герасимовна достала изъ шкафа большой горшокъ, наполненный красною густою жидкостью съ калиновыми ягодами, краюху черстваго ржанаго хлѣба, ножикъ и двѣ деревянные ложки.

— Садись, и я поѣмъ съ тобой. Я было начала давеча ѣсть, да аппетиту не было; все тебя поджидала.

Усѣлись, стали ѣсть. Ихъ освѣщаль огонекъ отъ лампадки. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. Ольга Герасимовна хлебала больше киселя, размачивая въ немъ хлѣбъ, потому что у нея мало было во рту зубовъ. Дарья Андреевна тоже ѣла съ аппетитомъ.

— Ну, что, каковъ кисель? спросила Ольга Герасимовна, когда киселя уже порядочно поубавилось.

— Хорошъ, только немного кисель.

— Ну, это тебѣ такъ кажется. Ты ѣдала ли когда?

— Какъ же. Папаша очень любилъ и мы тоже любили, только братъ Кузьма терпѣть его не можетъ.

Вдругъ Дарья Андреевна взглянула на ложку. Въ ложкѣ оказалось нѣсколько разбухшихъ таракановъ... Она не могла больше ѣсть.

— Что же ты умничаешь? Ышь!

— Тараканы, Ольга Герасимовна.

— Гдѣ?

— Въ кисель.

— Не можетъ быть?!

Ольга Герасимовна засуетилась, зажгла сальную свѣчку, наставила ее надъ горшкомъ и стала мѣшать въ немъ жидкость ложкой. Въ жидкости оказалось множество таракановъ. Дарью Андреевну передернуло, но Ольга Герасимовна, усмотрѣвъ въ ложкѣ двухъ таракановъ, хладнокровно спустила ихъ назадъ въ горшокъ.

— Эдакіе вѣдь, право, негодяя! Киселя захотѣли кушать! Вотъ Господь ихъ и наказалъ—подошли... Я тоже чувствовала, что какъ будто немного кислотовато! Испортиться киселю, кажется, не отъ чего, вчера варила. А вонъ она какая оказія-то. Тѣфу! А много ихъ въ горшкѣ-то?

— Да столько же, сколько и ягодъ.

— Ну, слава Богу! Теперь ихъ у меня меньше будетъ. А то недѣлю тому назадъ, такъ въ оба уха по таракану залѣзло. Насилу деревяннымъ масломъ ихъ оттуда выжила. А ты, мать моя, извини меня, слѣпую старуху, что я тебя такимъ кушаньемъ угостила! И не думай объ нихъ, еще тошнить будетъ... Поди выпей воды—все пройдетъ.

Черезъ два дня послѣ этого было воскресенье. Дарья Андреевна, получившая заработанную плату, имѣла денегъ 75 коп. и не знала, что ей изготовить. У нея еще съ вечера были куплены осьмушка чая и четверть фунта сахара. Заварила она чаю въ чайникѣ сосѣдки и позвала ее пить чай. Сосѣдка не отказалась, а только сказала, что она хотя и выпьетъ чашку чая, но кофе пить все-таки будетъ послѣ обѣдни и что Дарья Андреевна тоже должна выпить съ ней кофею.

— Не знаю, что бы мнѣ сварить сегодня? начала Дарья Андреевна.

— Купи ершей и свари уху.

— Я шей хочу.

— Ну, свари щи, я дамъ горшокъ, только ты мнѣ его вымой потомъ хорошенько. Да ты съумѣешь ли купить говядины? Пойдемъ вмѣстѣ.

Пошли онѣ на рынокъ, и Ольга Герасимовна замучила Дарью Андреевну: для того, чтобы купить три фунта хорошаго миса дешевле, она водила ее по всѣмъ лавкамъ и въ нѣкоторыя заходила даже раза по два; такъ что у Дарьи Андреевны не хватило терпѣнія.

— Да будетъ вамъ, Ольга Герасимовна, торговаться-то: вѣдь дешевле семи копѣекъ нигдѣ не продаютъ.

— Что у тебя деньги-то, шальныя что ли? Ты то вспомни, что еще за квартиру не заплатила, а уже къ хозяйкѣ съ горшкомъ въ ея печь хочешь лѣзти.

Почти всѣ лавочники и торгоши давно знали Ольгу Герасимовну и ея обыкновеніе прицѣпляться. Увидавъ ее съ дѣвушкой, они удивились.

— Давненько васъ не видать, Ольга Герасимовна. Какъ вы устарѣли за это время!

— Что дѣлать! Будетъ время, и вы состаритесь.

— И какую молодуху подцѣпили къ себѣ!

— Вы языкомъ-то меляте сколько угодно, а мнѣ все-таки давайте хорошей говядины. Дороже пяти копѣекъ я не дамъ.

Кое-какъ она нашла мяса на пяти съ половиною копѣекъ за фунтъ.

Черезъ недѣлю, хозяйка дома стала просить у Дарьи Андреевны деньги за квартиру, а у нея было всего только двадцать копѣекъ. Запечалилась Дарья Андреевна, и прошедши прямо въ свою комнату, не ѣвши, легла въ постель, думая, какимъ бы ей манеромъ достать денегъ... Но сколько она ни думала, а денегъ достать не откуда. У брата просить не хотѣлось, потому что онъ за поступленіе ея въ швей высказалъ ей неудовольствіе и прибавилъ, что онъ даже въ случаѣ крайности не дастъ ей ни копѣйки. Раздумалась она объ этой тяжелой трудовой жизни, припомнились ей косые взгляды Софьи Васильевны и Кати, горько ей стало, и она заплакала.

Въ ея комнату вошла Ольга Герасимовна со свѣчой.

— Что это, мать моя, улеглась такъ рано, и ко мнѣ не зашла? Я бы тебя попотчивала гороховымъ киселемъ, проговорила она, подходя къ кровати.

Дарья Андреевна присѣла и зарыдала.

— Что это, мать моя! Что это съ тобой! Али кто обидѣлъ?

— Ахъ... нѣтъ... Оставьте меня...

— Ты старуху не гони; старуха тебѣ пригодится. Она съела на кровать. Ну, говори, что случилось?

— Хозяйка за квартиру деньги просить, а у меня всего двадцать копѣекъ.

— Дурочка ты моя! Стоитъ изъ-за чего убиваться! Да ты бы мнѣ сказала... Али я не стою твоего вниманія?

— Благодарю васъ, Ольга Герасимовна!... Но какъ же я буду просить у васъ, если и сама не знаю, когда буду имѣть столько денегъ, чтобы отдать вамъ.

— Господи помилуй! Да развѣ я не человѣкъ и не живала сама въ нуждѣ... Я не ростовщицъ какой. Въдъ у тебя руки здоровыя: стоитъ только поработать хорошенько и деньги будутъ. Деньги у меня найдутся, а отдашь, когда пооперишься немного.

Такимъ образомъ Ольга Герасимовна помогла Дарьѣ Андреевнѣ; деньги за квартиру были заплачены.

Дарья Андреевна спала крѣпко; сосѣдка пробуждалась рано и постоянно будила ее стукомъ въ дверь. Утромъ онѣ вмѣстѣ пили кофе, который уже стали покупать пополамъ. Уходя, Дарья Андреевна цаловала старуху, которая ее крестила и провожала до лѣстницы, какъ родную дочь.

Недѣли черезъ полторы послѣ того, какъ Дарья Андреевна заняла у Ольги Герасимовны деньги, она получила отъ Эмили Карловны деньги. День былъ субботній. Послѣ обѣда Дарья Андреевна была свободна. Пообѣдавши, она явилась къ своей сосѣдкѣ.

— Я вамъ принесла долгъ, сказала она, и подала ей деньги.

— Много ли ты получила?

Дарья Андреевна сказала, что получила около четырехъ рублей.

— Ну, это мало; однако, я у тебя возьму рубль, остальные отдашь послѣ.

— Да мнѣ теперь не надо денегъ; я пожалуй ихъ на пу-
стяки истрачу.

— Ну, какъ же ты не глупая дѣвушка, что жить не умѣ-
ешь, а еще захотѣла жить сама собой. Ты погляди-ка на себя:
у тебя вонъ у сапожковъ-то подошвы отстали, носки ѣсть про-
сятъ. А погода стоитъ скверная, и съ такою обувью ты ско-
ро горячку получишь. И диви бы далеко ходить! Въ нашемъ
же домѣ живетъ сапожникъ, пошла къ нему и заказала. Онъ
человѣкъ хорошій: денегъ не хватить, подождетъ. Ему не при-
выкать стать ждать долги: на господахъ онъ и по полугоду
ждетъ.

И старуха повела Дарью Андреевну къ сапожнику.

Хозяинъ дома, Петръ Степанычъ Удинцовъ, былъ уже ста-
рикъ, съ курчавыми сѣдыми волосами и густой сѣдою бородою.
Но онъ былъ крѣпкій старикъ и большую часть дня прово-
дилъ на рѣкѣ на рыбной ловлѣ, отчего большая комната—она
же и кухня, занимаемая имъ и его женою, тоже пожилою жен-
щиною, имѣла видъ рыбацкой избы: тутъ были его морды и
переметы, и разныя снасти, съ палатей свѣшивался неводъ.
Жена его дома жила тоже рѣдко, такъ-какъ считалась за ле-
карку и занималась повивальнымъ ремесломъ. Дома жила толь-
ко жена ихъ сына, Максима, Татьяна Савельевна, которая,
кромѣстряпни, ничего не дѣлала, а больше лежала; мужъ же
ея служилъ зимой по волѣ въ уголовной палатѣ, а лѣтомъ за-
нимался съ отцомъ рыбною ловлей. Сынъ занималъ отдѣльную
комнату, въ которую входили изъ кухни; по другую сторону
кухни жила сапожникъ; входъ къ нему былъ изъ сѣней. Это
былъ отставной солдатъ, человѣкъ лѣтъ сорока, но человѣкъ
крѣпкаго сложенія и съ красивымъ лицомъ. Когда Ольга Ге-
расимовна привела къ нему Дарью Андреевну, сапожникъ ку-
рилъ махорку, а Татьяна Савельевна, стоя у дверей, о чемъ-
то говорила громко и плакала. При ихъ приходѣ она смѣша-
лась и косо взглянула на дарью Андреевну.

— Здорово, Семекъ Семенычъ. Давненько не видались; какъ
живешь? проговорила Ольга Герасимовна.

— Твоими молитвами, бабушка... Извините, барышня, у ме-
ня хоть и есть стулья, да одинъ безъ одной ноги, другой ша-
тается, третій только сегодня склеилъ. Ужъ вы на кровать
садитесь.

— Мы ненадолго. Ей вонъ ботинки нужно.

— Это мы можемъ... А у васъ, барышня, ноги-то вѣрно закаленыя.

— Какъ такъ?

— А сапожки-то ужъ больно плохи. А вы оставьте-ко ихъ, и попробую ихъ починить, можетъ, еще съ мѣсяцъ пронесите. Снимите-ко.

Дарья Андреевна сняла сапожки; чулки были мокрые.

— Ай-ай-ай! Стыдно вамъ не беречь себя... Татьяна Савельевна! нѣтъ ли у васъ лишнихъ ботинокъ, ссудите барышню.

— Да, поди, велики будутъ? отвѣтила та нехотя.

— А вамъ жаль... Эхъ, какъ вамъ не стыдно... Ну, я свои калоши дамъ.

— Благодарю, у меня есть калоши, проговорила Дарья Андреевна съ краснымъ отъ стыда лицомъ.

— И тоже съ дырами! А вы и калоши принесите мнѣ.

Татьяна Савельевна ушла.

— Опять ее благовѣрный-то приколотилъ пьяный. Бѣда ей эта зима! говорилъ сапожникъ про Татьяну Савельевну, когда та ушла.

— Вольно же ей сидѣть сложа руки, или лежать, замѣтила Ольга Герасимовна.

— Скучаетъ она очень! и сапожникъ, вздохнувъ, сталъ снимать мѣрку съ ноги Дарьи Андреевны.

Сапожникъ запросилъ за ботинки два рубля, но по настоянію Ольги Герасимовны обѣщался сшить за рубль съ четвертью, да за починку старыхъ сапожковъ взялъ тридцать коп.

Татьяна Савельевна принесла заплѣсневлые ботинки; они хотя уже и негодились для дальней ходьбы, но дома въ нихъ ходить еще можно было.

— Мнѣ, право, совѣстно... Я ей Богу не знаю, какъ и благодарить васъ, говорила Дарья Андреевна стыдливо; на глазахъ ея вертѣлись слезы.

— Вотъ еще! Это пустякъ. Мнѣ ихъ совсѣмъ не надо... такъ же валялись... А я васъ все позабываю какъ звать... говорила Татьяна Савельевна.

Дарья Андреевна назвалась.

— Вы любите въ карты играть?

— Не очень.

— Сыграемте въ дурачки. Мнѣ скучно одной-то: стариковъ нѣтъ, мужъ приходилъ пьяный, прибилъ меня и придетъ навѣрно ночью, а если не придетъ, то значитъ въ части будетъ спать.

— Что же, иди, поиграй, поразвлекись немного, а я пойду— можетъ вздремлю.

Дарья Андреевна давно хотѣла познакомиться съ Татьяной Савельевной, но ей казалось, что та какъ будто не хочетъ зватья съ швеей изъ чиновнаго сословія, брезгуетъ ею. На ей поклоны, Татьяна Савельевна еле-еле шевелила головой или отворачивалась отъ нея, вехоты отвѣчала ей. Къ тому же голосъ у нея былъ грубый и въ улыбка было что-то злое; теперь же, послѣ того, какъ та дала ей свои негодныя ботинки, дала точно Христа ради, отказаться Дарья Андреевна отъ приглашенія играть въ карты было неловко. „Не все же мнѣ сидѣть со старухой да слушать ея наставленія“. Надо замѣтить, что Дарья Андреевна хотя и любила старуху и привязалась къ ней, но постоянныя совѣты и наставленія, навизчивость, свойственныя старымъ людямъ, у которыхъ нѣтъ и не бывало своихъ дѣтей, начали казаться приторными; она чувствовала, что при ея простотѣ и уступчивости, старуха почти совсѣмъ завладѣла ею; она чувствовала себя беспильною въ преніяхъ со старухой, которая не одобряла новыя порядки; ей становилось скучно съ ней, потому что ея развитіе не только не подавалось впередъ, но какъ будто стало на одномъ мѣстѣ.

Комната у Татьяны Савельевны была большая въ два окна, свѣтлая, чистая, съ оклеенными писчей бумагой стѣнами, съ вымытымъ дресвою поломъ, отчего половицы казались желтыми. По убранству комнаты, по мебели, по двумъ большимъ сундукамъ, покрытымъ ткаными разноцвѣтными половиками, и по порядочной зимней одеждѣ, развѣшенной на вѣшалкѣ въ углу между печью и кроватью, Дарья Андреевна заключила, что хозяева люди зажиточные.

Усѣлись за крашеный столъ, стоящій между двухъ оконъ передъ зеркаломъ. Татьяна Савельевна достала изъ стола засаженные разнаго крапа карты.

— Вы ворожить умѣете? спросила она Дарью Андреевну.

— Нѣтъ.

— А я умѣю. Меня мужнина мать выучила. Хотите погадаю?

— Нѣтъ, не надо. Мнѣ не объ чемъ гадать.

— Будто ужъ и не объ чемъ! Дорога, вѣсти, письмо, женихъ... Вамъ какой нравится, бубновый, пли трефовый?

— Никакой не нравится.

— Такъ вотъ вамъ и повѣрили? Развѣ безъ жениха можно?

— У меня нѣтъ жениха и я не желаю.

Татьяна Савельевна захохотала.— Вотъ п видно, что вы монашка. Мнѣ Максимка говорилъ, что вы въ монастырѣ были. Правда ли, что монашекъ стригутъ, какъ рекрутъ? Разговоръ продолжался нѣсколько минутъ о пребываніи Дарьи Андреевны въ монастырѣ, о монастырской жизни, о родныхъ Дарьи Андреевны, потомъ перешелъ на магазинъ.

— Вамъ не скучно со старухой? спросила Татьяна Савельевна, когда разговоръ дошелъ до Ольги Герасимовны.

— Нѣтъ, я вѣдь дома мало бываю. Она старуха хорошая.

— Старуха хорошая, что и говорить. Только она страшная ворчунья. А мы ее всѣ любимъ. Она вѣдь большія деньги имѣетъ. Недавно тестъ взялъ у нея въ долгъ пятнадцать рублей на лѣсъ. А говорунья страшная, говоритъ, говоритъ — заслушаешься. Я думаю, она вамъ всѣ уши прожужжала.

— Нѣтъ... ничего.

— Тестъ вотъ ее не очень долюбливаетъ за болтовню. Слушаетъ, слушаетъ онъ ее, потомъ встанетъ и скажетъ: полно тебѣ, старуха, языкъ-то чесать! И какъ это у тебя горло не пересохнетъ. А вы, Дарья Андреевна, какъ будетъ вамъ скучно, приходите ко мнѣ, когда мужа нѣтъ. Вы въ банѣ не были сегодня?

— Нѣтъ, не была.

— Я недавно истопила баню, вотъ какъ теща сходить съ Ольгой Герасимовной—онѣ вмѣстѣ ходить,—мы и пойдемъ съ вами.

Дарья Андреевна согласилась. Стали играть въ карты; Татьяна Савельевна играла съ охотой и даже плутовала, стараясь оставить Дарью Андреевну дурой, но Дарья Андреевна играла разсѣянно. Она больше думала о той разницѣ, которая отдѣляетъ ее отъ Татьяны Савельевны: эта женщина и сыта, и одѣта, и нужды ни въ чемъ не знаетъ; дѣлать ей нечего да и лѣнь, ей скучно; одно только ее беспокоитъ: мужъ пьяница и драчунъ, но она его, какъ видно, любитъ. Пришла теща, высокая, худощавая пожилая женщина съ чистымъ, но бронзового цвѣта лицомъ. Поклонившись Дарьѣ Андреевнѣ, она спросила Татьяну Савельевну о банѣ, велѣла достать бѣлья и пошла звать Ольгу Герасимовну.

Послѣ бани, Татьяна Савельевна пригласила Дарью Андреевну къ себѣ на чай. Когда онѣ пришли въ хозяйскую квартиру, тамъ въ комнатѣ на столѣ стоялъ уже шипящій самоваръ съ чайнымъ приборомъ на четыре человѣка; теща Татьяны Савельевны чесала передъ зеркаломъ волосы, а Ольга Герасимовна отдыхала на кровати.

— Понравилась ли вамъ баня? спросила хозяйка Дарью Андреевну.

— Жарко очень—духъ захватываетъ.

— А вы бы на моего муженька посмотрѣли... Ужь я люблю париться, но онъ куда... Я удивляюсь, какъ это онъ еще живъ!

Наконецъ, усѣлись за столъ. За чаемъ разговоры шли о дороговизнѣ, о кулакахъ и т. п. Время шло незамѣтно, такъ что зажгли свѣчку. Пришелъ и самъ Петръ Степановичъ и тоже ушелъ въ баню.

Гости стали прощаться.

— Вы, Дарья Андреевна, когда вамъ свободно, приходите къ намъ посидѣть. Мой старикъ давно тарантитъ мнѣ, чтобы и пригласила васъ къ себѣ. Приходите-то завтра къ намъ обѣдать, говорила Елена Никоновна, провожая Дарью Андреевну.

Ольга Герасимовна была въ восторгѣ отъ этихъ словъ, а Дарья Андреевна была рада, что она въ хозяевахъ дома нашла хорошихъ людей.

XXIII.

Дарья Андреевна была довольна своею новою жизнью: квартира у нея была хотя холодная, но все-таки есть гдѣ отдохнуть, да вѣдь и холодъ не вѣченъ; пройдетъ мѣсяца два-три, настанетъ тепло; Эмилиа Карловна, какъ кажется, благоволитъ къ ней; работы у нея много и къ декабрю мѣсяцу ей причиталось получить съ Петерсонъ рублей пять съ половиной, которые Дарья Андреевна уже заблаговременно распредѣлила, а именно хотѣла отдать остальной долгъ сапожнику и Ольгѣ Герасимовнѣ и кушать у послѣдней теплый платокъ. Хозяйева дома, особенно Татьяна Савельевна, любили ее, и она часто сидѣла у нихъ, когда не было работы въ магазинѣ. Съ помощію этихъ добрыхъ людей ей жить можно, тѣмъ болѣе, что на пищу у нея выходитъ немного. Мясное она ѣла только въ праздники, когда бывала дома; случалось, что Удинцовы приглашали ее обѣдать за то, что она скроила и помогла шить Татьянѣ Савельевнѣ платье и кое-что починовала имъ. Можетъ быть за это, а можетъ быть и убѣдившись, что комната Дарьи Андреевны дѣйствительно холодная, Елена Никоновна сбавила за квартиру рубль. Въ ея комнатѣ всегда было чисто. Каждую субботу, по утрамъ, она мыла полъ не только у себя, но и у Ольги Герасимовны; обѣ эти комнаты она по утрамъ мела вѣникомъ. Бѣлье она стирала тоже сама, только на рѣку не ходила полоскать его, потому-что бѣлья было немного. Такимъ образомъ она была постоянно занята и ложилась спать со спокойною душою. Такая жизнь казалась ей хорошею; она радовалась, что живетъ этою жизнію. Но еще было бы лучше, если-бы швей не сердились на нее и не острилъ надъ нею братъ Кузьма.

Со времени поступленія въ магазинъ Петерсонъ, Дарья Андреевна не была ни у дяди Ипполита Аполлоновича, ни у Тельжниковой, ни у Платоновыхъ; была разъ у брата Кузьмы, но его не застала дома, а хозяйка его сказала ей по обыкновенію, что онъ вѣроятно дежуритъ. Ее беспокоила судьба Марьи Андреевны, но Марья Андреевна однажды сама пришла

съ Кузьмой къ ней. Марья Андреевна едва не замерзла въ комнатѣ своей сестры: у ней озябли ноги, посинѣло лицо и она кое-какъ отогрѣлась кофеемъ. Ей не нравилась мѣстность, въ которой жила ея сестра, потому-что дулъ рѣзкій вѣтеръ и было очень снѣжно, а дорога среди улицы до того непроѣзжена, что, положительно, приходилось тонуть по колѣна въ снѣгу; ей противенъ казался домъ, въ которомъ жила ея сестра: съ виду онъ казался очень ветхимъ, мезонинъ покачнулся на лѣвый бокъ; въ снѣгахъ пахло чѣмъ-то прокислымъ; лѣстница, что шла въ мезонинъ, была ветхая, и боялась, чтобы ступенька не обломалась подъ ней. Ей не понравилась старуха Ольга Герасимовна, пришедшая къ Дарьѣ Андреевнѣ, чтобы познакомиться съ ея сестрой, и она никакъ не могла сдержать своихъ улыбокъ, когда та гнусила; противна ей показалась и Матреша, которая въ этотъ день была у Дарьи Андреевны.

— Ну, сестричка, я къ тебѣ ужъ больше не приду зимой, сказала Марья Андреевна сестрѣ еще до кофе.

— Что такъ?

— Да больно далеко, больно снѣгу много и холодно.

— Какъ ты пзвѣжена, сестричка.

— Помилуй! Да такъ только нищіе живутъ.

— Видно, что вы далеко своей сестрицѣ не пара, вмѣшалась Ольга Герасимовна.

Марья Андреевна обидѣлась.

— Гдѣ ужъ намъ! отвѣтила она и закурила папироску.

А послѣ кофе, когда вышелъ братъ Кузьма, она сказала сестрѣ:

— Напрасно ты, сестрица, обижаешь дяденьку...

— Чѣмъ это я его обижаю?

— Да какъ-же, ушла и якшаешься, Богъ знаетъ, съ кѣмъ.

— Съ кѣмъ же я якшаюсь?

— Да вонъ съ какою-то дѣвчонкой, со старухой гнусивой. Какая противная старуха!

— Пожалуйста, прошу не выражаться такъ о моихъ друзьяхъ.

— Хороши друзья... Подумай, что о тѣбѣ говорятъ.

— Очень мнѣ нужно!.. Я очень довольна своею жизнью.

— Ну, я не завидую. Вонъ ты какъ похудѣла! Щоки сдѣлались какъ у покойника...

— А какъ твоя свадьба—будетъ, или нѣтъ? спросила вдругъ Дарья Андреевна, не желая слушать больше упрековъ.

— Ужъ разумѣется не по твоему.

Дарья Андреевна старалась развеселить и успокоить какънибудь сестру, и это ей удалось скоро. Она навела разговоръ на жениха Марьи Андреевны.

— Онъ чиновникъ? спрашивала Дарья Андреевна.

— А какъ же! У него три чина; у его матери есть домъ. Дяденька хочетъ дать ему должность.

Пришелъ Кузьма.

— А хозяйка-то у тебя, сестричка, таки ничего... сказалъ онъ, входя съ улыбкой.

— Въ какомъ отношеніи?

— Красивая... Только груба, какъ и всѣ эти мѣщанки. Ну, Маша, пойдѣмъ. Я здѣсь совсѣмъ замерзъ. Да что же ты, Даша, не придѣшь къ дядѣ и къ Платоновымъ. Семень Елизарычъ прѣхалъ.

— Нечего мнѣ дѣлать у нихъ. Ну, Маша, рассказывай про своего жениха. Что онъ, молодъ, красивъ?

— Онъ тридцати-пяти лѣтъ.

— Карявый и пьяница, прибавилъ Кузьма.

— Ужъ пожалуйста! обидѣлась Марья Андреевна на брата.— Онъ—человѣкъ скромный, вѣжливый, обходительный. Лучше Павлова въ тысячу разъ.

— Да вѣдь и Павловъ былъ тоже вѣжливъ. Что жъ, онъ любить тебя?

— Ужъ должно, что любить, иначе не сватался бы.

— Смотри, сестра, не ошибись! Помни, что его дядя тебѣ сосваталъ, а не ты его выбрала. А что, Маша, теперь ужъ у тебя нѣтъ охоты жить какъ-нибудь иначе?

— Какъ?

— Помнишь, ты однажды плакала... у дяди плакала. Тогда и тебѣ хотѣлось жить иначе.

— Мало ли что тогда было.

Братъ съ сестрой ушли, а Дарья Андреевна долго думала о своей сестрѣ.

Однако, какъ ни нравилась Дарья Андреевна эта жизнь, а утромъ она вставала нехотя. Она чувствовала въ это время то же самое, что чувствуетъ школьникъ, которому нужно повторить заданный урокъ и которому очень не хочется идти въ училище, если онъ не знаетъ урока. Хотя голова ея и была свѣжа, но мысль о хлѣбѣ крѣпко озабочивала ее, потому что деньги достаются нелегко. Она чувствовала какую-то пустоту; однообразіе стало надоѣдать ей; ей хотѣлось читать, но книгъ взять не у кого; записаться въ публичную бібліотеку—нѣтъ лишнихъ денегъ, да и читать-то некогда; хотѣлось ей и въ театръ сходить—тоже не на что.

„Плоха наша рабочая жизнь“, думала она утромъ на другой день послѣ визита къ ней сестры: „хочется развлечься чѣмъ-нибудь, посмотреть, почитать что-нибудь хорошее, а нѣтъ ни денегъ, ни времени. А вѣдь какъ хочется-то! Сидишь, сидишь все на одномъ мѣстѣ, въ глазахъ рябитъ, спина болитъ, и по-

лучаешь такъ мало, и за все это тебя же презираютъ. Какъ не позавидуешь такимъ людямъ, какъ сестра: ничего-то она недѣлаетъ тяжелаго, а если что и дѣлаетъ, такъ шутя, со скуки. Дай-ка ей сдѣлать что-нибудь на урокъ, она будетъ ругаться. И вѣсть она вдоволь, и вино пьетъ за обѣдомъ, а пожалуй, Платоновы ее и въ логу возьмутъ... Вѣдь дастся же такая жизнь людямъ... Но Богъ съ ними! Что мнѣ завидовать? Какъ ни тяжела моя жизньъ подчасъ, а все же я не вернусь къ нимъ: здѣсь я свободна, и хоть связана съ магазиномъ, за то никто не укоритъ меня чужимъ хлѣбомъ, и не будетъ поэтому навязывать жениха, какъ сестрѣ. Жалко мнѣ ее бѣдвяжку: попадется она, какъ курица въ щи. Если ужъ женихъ теперь пьетъ, то впоследствии отъ него нечего ждать хорошаго. Да ее не уговоришь; а еслибы она и согласилась на такую же жизнь, какъ моя, то ей не перенести“.

Задумалась она надъ замужней жизнью: показалась она ей непривлекательной; страшно ей показалось, какъ это можно жить такъ, какъ жила Ольга Герасимовна: „тридцать-семь лѣтъ жила замужемъ?“ И она улыбнулась. Но все-таки въ этой замужней жизни она видѣла вѣчто и привлекательное—это дѣти отъ любимаго человѣка. „Вотъ тутъ есть цѣль; тутъ есть для чего жить, тогда, пожалуй, хорошо жить, если мужъ хорошій и любящій человѣкъ“. И ей горько стало, что она живетъ только для себя, работаетъ только для того, чтобы заплатить за квартиру, чтобы наѣсться и не ходить босой. „Кому я приношу пользу? Одной Эмилиі Карловнѣ“. И ей стало досадно, что ея работой живутъ другіе, а никакъ не она, и она успокоилась только тѣмъ, что не одна она приноситъ пользу хозяевамъ.

Къ николину дню холодъ сдѣлался сильнѣе, почему Ольга Герасимовна предложила ей носить свое пальто на барашковомъ мѣху. Хотя это пальто и было старомодное, все же въ немъ было тепло. У Кати тоже появилось пальто на ватѣ, и Глаша, по прежнему, ходила въ какомъ-то рваномъ шугайчикѣ и постоянно приходила съ побѣлѣвшимъ носомъ, и цѣлый часъ скакала, по комнатѣ чтобы отогрѣть ноги. А такъ-какъ Дарья Андреевна была одѣта богаче даже Софьи Васильевны, то зависти швей и конца не было. Когда она явилась въ пальто Ольги Герасимовны, Софья Васильевна язвительно сказала:

- Обивку завели?
- Это мнѣ сосѣдка дала.
- Воображаю, какая у васъ добрая сосѣдка!
- Она старушка очень почтенная и добрая.
- Да это видно—старушка она или нѣтъ.
- Что вы хотите этимъ сказать? вспыхнула Дарья Андреевна.

— Сами можете догадаться. Вотъ намъ такъ небось никто пальтовъ не дарить.

Дарья Андреевна не стала говорить съ ней больше. Немного погодя, она услышала разговоръ Софьи Васильевны съ Эмилией Карловной, которыя были въ магазинѣ. Дверь была не заперта и въ комнатѣ все было слышно.

— Вы хоть пять рублей мнѣ дайте, говорила Софья Васильевна.

— Ей-Богу, нѣту. Передъ праздникомъ были, да я за квартиру отдала, Дашъ дала...

— Она бы и подождала.

— Чтó же дѣлать, если она больше васъ нуждается.

— Полноте! Посмотрите, какое у нея пальто! Если она такія вещи носить, то, стало быть, у ней есть другъ, который помогаетъ ей.

— Ну, я въ эти дѣла не вхожу, и не имѣю права входить, а васъ прошу все-таки подождать.

— Въ противномъ случаѣ я уйду отъ васъ.

— Воля ваша, я не задерживаю.

Когда Софья Васильевна пришла въ комнату, Дарья Андреевна и виду не подавала, что она слышала ея слова.

Черезъ двое сутокъ послѣ этого былъ морозъ градусовъ въ тридцать-пять, такъ что когда Дарья Андреевна шла въ магазинъ, ей попадались на встрѣчу воспитанники, возвращавшіеся домой изъ училищъ, такъ-какъ, по случаю мороза, въ училища не пускали. Несмотря на теплое пальто, конецъ ея носа побѣлѣлъ, и она нещадно терла его рукавомъ. Въ швейной комнатѣ Глаша и Катя сидѣли на диванѣ и оттирали пальцы ногъ водкой, которую имъ дала хозяйка. Въ комнатѣ было страшно холодно и темно, и такъ-какъ дѣвицы, кромѣ Дарьи Андреевны, сидѣли у оконъ, то ихъ, въ ихъ легонькихъ платьицахъ, пробирало сильно; онѣ ежились, дрожали, стучали зубами, дули въ ладони, чтобы отогрѣть ихъ.

— Эмилія Карловна, холодно! жаловалась Катя хозяйкѣ.

— Чтó жъ я сдѣлаю, милая, не отъ меня холодъ, отъ Бога. Въдъ печка топится, можешь погрѣться. А не то сядь къ Дашѣ.

— Да тамъ темно.

— Опять-таки я не виновата. А свѣчки палить съ эдакой поры убыточно.

Булочникъ принесъ булки. Дѣвушки оживились, но булки оказались замерзшія. Сдѣлалось еще холоднѣе.

— Ну, и жизнь эта, проклятая! Хорошо теперь барамъ: сидятъ себѣ въ теплыхъ комнатахъ у каминовъ и покуриваютъ сигары, говорила Катя.

— Чтó-то у насъ нынче не курятъ папиросъ, проговорила Софья Васильевна и посмотрѣла на Дарью Андреевну.

Но Катя не поддержала ее.

— Я, право, водку буду пить, сказала она.

— Фуй, Катя, какія ты вещи говоришь.

— Ей-Вогу! Вотъ у насъ живетъ чиновникъ; онъ на службу ходитъ въ дырявыхъ сапогахъ, фуражка у него рваная,—впрочемъ, я вчера починила ее ему, — пальтишко безъ ваты, что есть колѣвки не покрываетъ. Такъ онъ утромъ, какъ выпьетъ залпомъ косушку, и идетъ на службу. „Я, говоритъ, такимъ манеромъ нисколько не чувствую холода“. Со службы идетъ, выпиваетъ ужъ двѣ косушки.

— Вы, Катя, накиньте на себя мое пальто, сказала Дарья Андреевна, хотя ей и самой было холодно.

— А-а! Теперь я васъ поймала, сказала съ восторгомъ Софья Васильевна.

— Въ чемъ?

— А помните, вы говорили, что пальто не ваше.

— Что жъ! Можетъ быть, я и куплю его... Право, Катя, надѣньте.

— Мерси! Я чужихъ вещей никогда не люблю носить.

Дарья Андреевна замолчала. Хотѣлось ѣсть; но ей хотѣлось угостить дѣвицъ кофеемъ. Она и прежде предлагала имъ этого напитка, но онѣ постоянно отказывались.

— Софья Васильевна, не хотите ли кофе?

— Благодарю-съ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Я попрошу у Эмилиі Карловны чашекъ.

Софья Васильевна промолчала.

Въ это время въ комнату вошла Эмилија Карловна въ лишемъ салопѣ, покрытомъ чернымъ атласомъ, въ мѣховомъ капорѣ и въ теплыхъ сапогахъ.

— До моего прихода никому не уходить; я приду скоро, сказала она швеямъ, натягивая пуховыя перчатки.

— Эмилија Карловна, одолжите намъ чайныхъ чашекъ. Мы хотимъ пить кофе, проговорила Дарья Андреевна.

— Возьмите. А у васъ есть ли сливки и сахаръ?

— Сахаръ есть; мы напьемся безъ сливокъ. Лишь бы тепло было.

— Неужели и вы озябли?

— Немножко.

— Возьмите, только не изломайте, и вымойте почище.

И она ушла.

— Экой салопище-то! сказала Глаша.

— А брошу я шить! Руки совсѣмъ околѣбли, ноги такъ и шиплетъ... Проклятая эта жизнь! сказала Катя и, бросивъ работу, подошла къ печкѣ.

Ея примѣру послѣдовала и Глаша.

Дарья Андреевна черезъ нѣсколько времени сварила кофе, достала чашекъ и пригласила швей.

— Я не люблю этого пойдя! сказала Катя.

— И я тоже, отозвалась Глаша.

— Я не понимаю, Катя, за что вы на меня сердитесь? Что я такое сдѣлала? Кажется, я васъ ни словомъ, ни дѣломъ не обидѣла, проговорила Дарья Андреевна.

Глаша ткнула въ бокъ Катю.

— Съ чего вы воображаете, что я на васъ сержусь? спросила обидчиво Катя.

— Да развѣ я не вижу. Это видно и состороны. Напримѣръ, вы даже не хотите со мною сидѣть, какъ будто я какая нибудь прокаженная. Повѣрьте, что я ничѣмъ не лучше васъ.

— Вотъ вы даже сейчасъ обидѣли насъ: чѣмъ же мы, напримѣръ, хуже людей?

— Я не говорю, чтобы мы, швеи, были хуже праздныхъ людей. Я только приравниваю себя къ вамъ.

— Ужъ пожалуйста! Намъ нечего приравниваться къ выскочкамъ, заѣдаламъ чужаго хлѣба. Я ужъ давно говорила вамъ: сидѣли бы вы гдѣ нибудь въ гостиной и распивали бы тамъ съ барынями кофеи ваши, запальчиво проговорила Катя.

— Вы меня, Катя, совсѣмъ не понимаете; вы не знаете причинъ, которыя заставили меня бросить праздную жизнь, разссориться съ родными, порвать всѣ отношенія съ сытымъ міромъ, въ которомъ живутъ на счетъ другихъ и на бѣдныхъ смотрятъ какъ на какихъ-то лишнихъ людей. Я захотѣла рабочей жизни. И знаете, почему я приравнивала себя къ вамъ? — а потому, что я хотя получаю и больше васъ, Катя, но переносу лишеній не меньше вашего.

— Это и видно!

— Вы бы посмотрѣли на мою квартиру, не то бы сказали. Хорошо еще, что у меня сосѣдка добрая; не будь ея, или будь на ея мѣстѣ другая съ другимъ характеромъ, изъ чиновницъ, мнѣ было бы плохо. Если я ношу не рваныя платья, лучше вашихъ, то я такія носила и дома, и, какъ самыя любимыя, я ихъ взяла съ собой. Не могу же я, въ самъ-дѣлѣ, имѣя порядочныя платья, ходить оборванной въ одной рубахѣ. Это было бы смѣшно. А вотъ бѣда, и она настанетъ когда-нибудь, если эти платья изнасятся: тогда я поневолѣ должна буду ходить въ рублищѣ.

— Ну, вы не будете ходить въ рублищѣ; у васъ родня богатая, выручить.

— Плохо вы знаете эту родню. Однако, кофе-то простынетъ. Дарья Андреевна налила въ чашки кофе и пригласила швей.

Софья Васильевна и Глаша подсѣли къ столу. Дарья Андреевна достала изъ кармана пальто нѣсколько кусковъ сахара. Катя сидѣла у печки и смотрѣла на потухающіе уголья.

— Катя, что же вы? спросила Дарья Андреевна Катю, подойдя къ ней.

— Катя плакала тихо: лицо ея передергивало, слезы ручьями плыли по ея щекамъ и капали съ подбородка на колѣни. Дарья Андреевнѣ жалко стало ея: при видѣ этой гордой, плачущей дѣвушки, старающейся скрыть отъ другихъ свои слезы, у нея сердце точно повернулось, и едва она сама не заплакала.

Дарья Андреевна поднесла ей чашку, кусокъ булки и сахару.

— Я не хочу, сказала вполголоса Катя, успѣвшая уже обтереть свои слезы.

— Ну, полно вамъ церемониться.

Катя нехотя взяла чашку, поставила ее на полъ, достала изъ кармана свою булку и долго не пила кофе. Однако, выпила.

— Не хотите ли еще?

— Если есть, давайте. Только вотъ что: я вѣдь васъ не могу тоже съ своей стороны напоить кофеемъ.

— Я не для того и угощаю васъ... Мнѣ одной скучно пить. Вотъ пока у меня онъ есть, будемте пить, а не будетъ—пробьемся и такъ.

— Зачѣмъ же вамъ убытчить себя? спросила Софья Васильевна.

— Тутъ нѣтъ убытку, если я не хожу домой обѣдать.

Съ этихъ поръ швеи стали ласковѣе съ Дарьей Андреевной, а Катя часто, оставляя на колѣняхъ работу, долго смотрѣла на Дарью Андреевну. Ей какъ будто хотѣлось заговорить съ нею, но она не рѣшалась.

На другой и на третій день послѣ этого швеи не отказывались отъ приглашенія Дарьи Андреевны, и на третій день уже вели дружескую бесѣду.

— Вы давно знакомы съ Телѣжниковой? спросила Софья Васильевна.

— Я познакомилась съ ней только передъ поступленіемъ въ магазинъ...

— Вы, кажется, съ ней очень дружны?

— Напротивъ, она, какъ аристократка, кромѣ нѣжностей, ничего мнѣ не оказываетъ. Развѣ вы не замѣтили, что когда она была здѣсь, то прощаясь, чуть-чуть было не поцаловала меня, ужъ и рожницу было-направила, да спохватилась, покраснѣла и убѣжала поскорѣе.

Швеи захохотали.

— А у ней рожница ничего, смазливая. Недаромъ она все гуляла лѣтомъ съ какимъ-то брюнетомъ, замѣтила Софья Васильевна.

— Впрочемъ, у ней мужъ-то, говорятъ, тоже непромахъ, прибавила Катя.

— Я его видѣла всего разъ, и знаю, что онъ человѣкъ очень скучный.

— За то она какъ начнетъ звонить, такъ надоѣсть хуже колокольнаго звона въ пасху, сказала Катя.

Долго толковали о Телѣжниковой дѣвицы, толковали и о другихъ барыняхъ. Какъ въ Телѣжниковой, такъ и въ другихъ онѣ видѣли пустыхъ людей, которыми дѣваться некуда со скуки.

На четвертыя сутки у Дарьи Андреевны не было ни кофе, ни сахара. Ударило двѣнадцать часовъ. Эмилиа Карловна пьетъ въ своей комнатѣ кофе. У швей бурлитъ въ желудкахъ; онѣ посматриваютъ на Дарью Андреевну, которая сидѣла уже за однимъ столомъ. Кухарка вышла отъ Эмилиа Карловны съ посудой и подошла къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— Что жъ вы нейдете заваривать кофій?

— Я сегодня не буду, скромно отвѣтила Дарья Андреевна; щеки ея покраснѣли.

Кухарка ушла.

— Софья Васильевна, хоть бы вы попотчивали, сказала Катя.

— Вы, Дарья Андреевна, почему нынче не пьете кофій? спросила Софья Васильевна Дарью Андреевну.

— Нѣту; дома даже нѣту. Сегодня я совсѣмъ не пила дома, потому что моя сосѣдка захворала.

— Еслибы я знала—принесла бы своего. Право, какъ привыкнешь къ чему-нибудь—трудно отстать, сказала Софья Васильевна.

— А мы попросимъ у хозяйки. Мы ее прстыдимъ: ишь, работаешь, работаешь—нѣтъ чтобы угостить! проговорила Катя.

— Я думаю, намъ бы можно чередоваться такъ: эта недѣля мой кофій, другая—Софьи Васильевны, третья—Катерины Сергѣевны... говорила Дарья Андреевна.

— Хорошо вамъ, если у васъ есгь деньги, а я или Глаша—гдѣ мы возьмемъ денегъ на кофій или сахаръ? сказала Катя.

— А мы сдѣлаемъ лучше такъ: какъ получимъ деньги и отложимъ каждая по копѣйкѣ съ десяти копѣекъ. Если, напримеръ, я получу два рубля—это составить двадцать копѣекъ; если вы Катерина Сергѣевна, получите рубль—составить десять копѣекъ, предлагала Дарья Андреевна.

— Значить, я принесу домой девяносто копѣекъ возразила Катя.

— Да. Но если вы принесете домой рубль, то вамъ едва-ли дадутъ на прихоти десять копѣекъ. А такимъ манеромъ, если мы всѣ будемъ откладывать по копѣйкѣ, то у насъ составитя

порядочное количество денегъ и ихъ хватить на то, чтобы цѣлую недѣлю пить кофе со сливками и съ сахаромъ, а, пожалуй, останется и на булки.

— Я съ этимъ согласна, отвѣтила Софья Васильевна. Но Катя и Глаша задумались.

— По копѣйкѣ много; по половинѣ бы, сказала Катя.

— Тогда придется пить безъ сливокъ.

— Хорошо вамъ, вы получаете больше моего.

— За то съ меня больше и сойдетъ.

— Нѣтъ, это не резонъ: нужно, чтобы кофій пился поровну, а то вы еще будете думать: вотъ, молъ, Катька дала десять копѣекъ, а пьетъ за двухъ.

Пришла хозяйка.

— О чемъ спорите? спросила она.

Дарья Андреевна рассказала свой планъ и взглядъ на него Кати.

— Я съ вами согласна. Дѣйствительно, въ это время ѣсть хочется, особенно молодымъ людямъ, какъ вы; ходить же домой человко. Я бы взялась васъ сама кормить, но, во первыхъ, вамъ дорога каждая копѣйка, такъ-какъ даромъ кормить мнѣ резону нѣтъ, во вторыхъ, вамъ могутъ не понравиться кушанья. Вонъ у Миллеръ нынче дѣвицы живутъ въ ея квартирѣ: онѣ тамъ и спятъ, и ѣдятъ хозяйское, за то ничего отъ нея не получаютъ. Я бы, пожалуй, дозволила вамъ готовить кушанья, но, во первыхъ, согласится ли кухарка, а во вторыхъ, это отниметъ у васъ и у кухарки много времени.

— Мы о пищѣ и не говоримъ: мы покупаемъ булки, а какъ съ булкой напѣшесь кофею—и сыта до вечера... сказала Дарья Андреевна.

— Кофе пить я вамъ могу позволить, только съ тѣмъ, чтобы вы уже отъ себя платили кухаркѣ за мытье посуды и прочее. Но кто же у васъ будетъ казначеемъ?

Дѣвицы переглянулись.

— Я думаю, Софья Васильевна возьмется за это дѣло, сказала Дарья Андреевна.

Катя сердито посмотрѣла на Дарью Андреевну.

— Нѣтъ, ужъ вы меня увольте, сказала Софья Васильевна: будьте ужъ лучше вы, прибавила она надменно.

— Кого вы, Катерина Сергѣевна, думаете выбрать? я думаю, Эмилию Карловну.

— Ну, гдѣ же мнѣ возытаться! отвѣтила та и пошла въ магазинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, самое лучшее отдавать деньги Эмилиі Карловнѣ. Пусть она и покупаетъ сама кофе, и сахаръ, и сливки, проговорила Дарья Андреевна.

— Ну, эдакъ она нашъ кофе пить станетъ, возразила Катя.

— Что жь, пусть ее пьетъ, тогда она коснется на насъ не будетъ, какъ эти дни косилась.

Дѣвицы рѣшили просить объ этомъ Эмилию Карловну. Хозяйка согласилась. Со слѣдующаго дня дѣвицы стали пить свой кофе со сливками.

— А вѣдь кофей недурень сварила кухарка! замѣтила Катя.

— За то свой: теперъ мы всѣ можемъ говорить, что у насъ свой хлѣбъ, а не чужой, сказала Дарья Андреевна.

Дѣвицы улыбнулись и задумались.

XXIV.

До Рождества оставалась недѣля. Въ домѣ Удинцовыхъ замѣтно готовились къ празднику: изъ комнаты была вытащена вся мебель, сундуки и вещи, и Максимъ Петровичъ, въ рубашкѣ и штанахъ, съ передникомъ, бѣлилъ стѣны и потолокъ. Предлагалъ онъ оклеить комнату Дарьи Андреевны бумагой и потомъ побѣлить, но она отказалась. Татьяна Савельевна стирала бѣлье. Старикъ Удинцовъ рѣдко и на ночь приходилъ домой; онъ, для того, чтобы больше наловить къ празднику рыбы, уходилъ дальше. Старуха и Татьяна Савельевна питались или тертой рѣдкой съ квасомъ, или капустой тоже съ квасомъ, въ ожиданіи праздника; въ ожиданіи же праздника супругъ Татьяны Савельевны не пьянствовалъ. Съ шестка кухонной печи не сходили горшки съ кислымъ молокомъ, и на мѣсто прежнихъ, въ которыхъ уже образовывался творогъ, ставились другіе. По вечерамъ теща и сноха сбивали масло. Сапожникъ былъ заваленъ работой и пригласилъ себѣ мальчика въ помощники. Всѣ въ нижнемъ этажѣ были настроены какъ-то грустно, говорили нехотя и какъ-то сердито. Ольга Герасимовна, оправившись послѣ болѣзни, каждый день отпирала свой сундукъ и перебирала въ немъ платья и бѣлье, мурлыча пѣсни духовнаго содержанія. Она только и питалась кофеемъ. Къ послѣдней недѣлѣ она призвала къ себѣ священника и, исповѣдавшись, приобщилась св. таинъ. Только у Дарьи Андреевны не замѣчалось признаковъ приближенія праздника—у нея все было по старому и она была спокойна тѣмъ, что заплатила за квартиру впередъ за мѣсяць; если же у нея дома нѣтъ ни чаю, ни сахара, ни кофе, и если у одного сапога, у подошвы, появилась дырка, а на платьяхъ тоже замѣтны въ разныхъ мѣстахъ прорѣхи, то она все-таки надѣялась на получку къ празднику рублей около шести, и тогда рѣшила все справиться. Но ее беспокоило то, куда дѣвать эти три дня, да и

послѣ празднига едва ли будетъ много работы. Хотѣлось ей сходить въ церковь, но у нея не было салопа, и она написала мачихѣ, чтобы та непременно выслала ей салопо, терново-коричневое платье и нѣсколько штукъ бѣлья; хотѣлось ей и въ театръ сходить, и книжечку почитать: „когда у меня деньги будутъ, ужъ я полтинника не пожалѣю: вѣдь моп деньги. Потомъ опять заработаю“, думала она. Но больше всего ее беспокоило то: идти или нѣтъ ей къ дядѣ и къ Платоновымъ. Не идти—неудовольно; надо хоть сестру повидать, посмотреть, какъ она живетъ. Платоновы всегда относились къ ней, какъ къ маленькой дѣвочкѣ, баловали ее и могутъ всегда пригодиться, если не для нея, то для сестры и брата, такъ какъ они люди вліятельные и богатые. Старшій сынъ Платонова относился прежде къ Дарьѣ Андреевнѣ свысока, дочь была воспитана на аристократическій манеръ и совѣстилась ее, хотя и не прочь была поиграть съ ней, а младшаго сына Платонова она видала рѣдко. „Къ Платоновымъ я не пойду, тамъ мнѣ дѣлать нечего, они родня дальняя; и если я пойду, то только себя осрамлю: скажутъ, что вамъ угодно? Еще выгонять. А къ дядѣ сходить надо. Онъ человѣкъ разсудительный, у него живетъ сестра“, рѣшила она. Къ тому же ее интересовало то, какъ смотритъ дядя въ настоящее время на ея ремесло.

Въ магазинѣ работы прибавилось; но Катя съ понедѣльника не являлась уже три дня. Машу же Эмилія Карловна домой не отпускала. Дарья Андреевна утромъ зашла къ Катѣ и увидала ее больною тифомъ. Каждое утро послѣ этого Дарья Андреевна заходила къ ней и съ каждымъ днемъ замѣчала, что той становилось хуже и хуже, а присмотра за нею не было никакого: тетка ея суетилась около печи съ хлѣбами, которые она пекла на продажу. Поэтому Дарья Андреевна посоветовала ей отправить Катю въ больницу, но тетка не согласилась.

— Вотъ еще! стану я ее развозить! есть у меня на это время! сказала она съ неудовольствіемъ.

— А если она умретъ?

— Не умретъ: не въ первый разъ.

— Тамъ она скорѣе бы выздоровѣла.

— А я говорю, что она тамъ скорѣе умретъ! И прошу меня не учить! съ сердцемъ сказала Катина тетка.

Такимъ образомъ, работы въ магазинѣ стало больше. Эмилія Карловна тоже соболѣзновала о Катѣ, горевала, что, пожалуй, къ сроку не поспѣтъ, приѣхала-было сама шить, да спина разболѣлась, и бросила. Заставила она шить Машу, сестру Кати, но та только портила. Это только бѣсило хозяйку, и она была дѣвочку и не давала ей ѣсть.

— Вы бы приняли на время какую нибудь дѣвочку, сказала однажды хозяйкѣ Софья Васильевна.

— Надо бы. Даша, гдѣ это Матрешка? Вы ее, кажется, часто видите.

— Она теперь сидитъ дома: ихъ недавно обокрали, такъ что ей и надѣтъ нечего; а ея братъ недавно и ботинки отъ нея отобралъ.

— Что жъ она дѣлаетъ дома?

— А прислуживаетъ жильцамъ да бѣлье стираетъ; добрые люди къ ней на домъ приносятъ. Ихній квартирантъ, впрочемъ, даетъ ей валеные сапоги на кожаныхъ подошвахъ, такъ она въ нихъ и ходитъ на рѣку. Дровъ вотъ только нѣтъ, такъ она ужъ заплотъ принялась рубить...

— Попросите ее, чтобы она пришла сюда. Она хотя и скверно шьетъ, но все же четвертакъ за штуку пригодится.

— Вы, кажется, прежде ей больше платили? вступилась за Матрену Дарья Андреевна.

— То было прежде.

Однако, Матреша не пошла къ Эмилиі Карловнѣ.

— Да я на одномъ бѣльѣ больше достану, чѣмъ со штуки: штуку-то я прошью, можетъ, съ перешивками двѣ два, а теперь мнѣ платятъ за каждую штуку по копѣйкѣ и по двѣ. Тяжело, да все же лучше, чѣмъ на одномъ мѣстѣ сидѣть, мерзнуть и слушать выкомурны.

— Ну, коли такъ, наплевать, сказала Эмилиа Карловна, когда Дарья Андреевна передала ей отказъ Матрешы. — Пусть-ко она теперь обратится ко мнѣ съ просьбой пустить ее въ магазинъ, я ее и на-порогъ не пушу! Дѣлать нечего; управимся какъ нибудь однѣ. Я думаю устроить такъ, чтобы вы не ходили домой спать: кофій утромъ, полдникъ, обѣдъ и вечеромъ чай будетъ мой. Я съ васъ ничего не возьму, а спать вы можете здѣсь.

Швей, желая заработать больше денегъ, согласилась.

Два дня хозяйка кормила хорошо, но за то и доставалось же имъ. Спали онѣ въ самомъ магазинѣ, куда былъ перенесенъ диванъ, на которомъ спала Софья Васильевна; Дарья же Андреевна и Глаша спали на столѣ, который былъ такъ широкъ, что на немъ могли бы умѣститься трое. Маша спала въ кухнѣ, и тамъ ей было несравненно лучше и теплѣе, чѣмъ въ холодномъ магазинѣ. Хозяйка будила ихъ въ пять часовъ, а въ два часа они ложились спать.

До праздника оставалось два дня; неоконченной работы было много. Въ магазинъ то и дѣло приходили то горничныя отъ барынь за вещами, то разные приказчики съ книгами. Выходили сцены. Особенно непріятны были сцены съ приказчиками. Приходить одинъ приказчикъ.

— Дома Эмилиа Карловна? спрашиваетъ онъ швей.

— Дома. Она занята, отвѣчаетъ недовольно Софья Васильевна.

— Онъ гдѣ, въ магазинъ?

Изъ комнаты выходитъ Эмилиа Карловна, зоветъ приказчика и запираетъ за нимъ дверь; но все-таки оттуда слышится крупный разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда выходитъ приказчикъ съ разкраснѣвшимся лицомъ, что-то шепчетъ и уходитъ, сильно хлопая дверьми.

— Ахъ ты, Господи, какъ они надоѣли со своими книгами! И добро бы много, а то забрано сахару четыре головы, кофею пятнадцать фунтовъ... И вѣдь сколько присчиталъ? цѣлыхъ пять рублей лишнихъ. Это ужъ по жидовски!

Входитъ другой прикащикъ безъ книги.

— Наше вамъ почтеніе, Эмилиа Карловна. Хозяинъ послалъ... Потому, сами знаете, конецъ года... отчетность... самимъ нужно расплачиваться... мы больше въ кредитъ, начинаетъ любезно прикащикъ.

И этого она уводитъ и потомъ провожаетъ со словами:

— Не беспокойтесь: такъ и скажите, что...

— Ужъ вы, пожалуйста, припасите къ этому времени, потому, сами знаете, конецъ года: туды, сюды нужно... Сами нуждаемся.

— Ну, ужъ и нуждаетесь?

— А какъ бы вы думали? вотъ хоть бы къ примѣру, Телѣжниковой отпущено съ пасхи разной матеріи на полтораста рублей, а не получено еще ни копѣчки.

— Неужели? Да она мнѣ должна больше пятидесяти... Послушайте: я бы, пожалуй, перевела ей долгъ вамъ.

— Нѣтъ, ужъ вы сами, потому намъ съ ней и такъ неприятно изъ-за бездѣлицы исторіи имѣть.

— А г-жа Миллеръ сколько вамъ должна?

— Много-съ: рублей триста.

— Неужели!

— Что станешь дѣлать! Прежде платила исправно, вѣрили. А если вотъ нынче не заплатитъ — будемъ судомъ просить. Такъ ужъ вы постарайтесь... и прикащикъ уходитъ.

— Живодеры проклятые! Цѣлый годъ ухаживаютъ за тобой: возьми да возьми то-то, и денегъ не просятъ. Мы, говорятъ, вамъ можемъ и на тысячу повѣрить. А какъ наступитъ Рождество, точно съ ножомъ пристають. Сколько неприятностей однихъ слушаешься! Софья Васильевна, будьте такъ добры, если еще кто-нибудь придетъ, скажите—дома нѣтъ.

— Хорошо.

Хозяйка уходитъ.

— Такъ тебѣ и надо! говорить съ затаенною злобой Софья Васильевна. — Цѣлый годъ блаженствовала, командовала надъ нами, никого знать не хотѣла... А теперь прижала хвостъ-то! Туго стало.

— Неужели она много должна? спросила Дарья Андреевна.

— Вѣсьмъ. Она и мясо, и свѣчи—все беретъ въ долгъ.

— Куда же она дѣваетъ деньга! Вѣдь за платья, что она шьетъ изъ своего, то есть сама покупаетъ матерію, она беретъ рублей по сорока и больше?

— Вѣроятно, копить. Она думаетъ такъ съѣхать, а вотъ купцы и не даютъ покою.

— Однако, эдакъ вѣрять не стануть.

— Это еще ничего, что она лавочникамъ не платитъ, а вотъ посмотримъ, какъ-то она насъ рассчитываетъ. Въ прошломъ году она мнѣ не додала къ новому году цѣлыхъ пять рублей, а я и не знала, какой такой есть праздникъ, проговорила Софья Васильевна.

— Неужели и теперь придется работать въ праздникъ? спросила Дарья Андреевна.

— А вы думаете, нѣтъ? Вотъ сами испытаете. Въ праздникъ-то работы больше теперешняго и работа слѣшная, потому что шьется къ новому году.

Положеніе Эмили Карловны къ Рождеству и къ новому году становилось, дѣйствительно, затруднительно. Дѣло заключалось въ томъ, что давальщицы или заказчицы были ея старинныя знакомыя; сравнительно съ другими швейными магазинами она брала за работу дешевле, даже въ томъ случаѣ, если заказывали ей шить изъ ея матеріи, или поручали ей самой покупать матерію. И случалось довольно часто, что заказчицы, получивъ вещь, или вовсе не платили денегъ, или платили, но часть, ссылаясь на то, что мужа скоро получаютъ большія награды и т. п. Еслибы Эмилия Карловна не стала отдавать этимъ барынямъ сшитыя имъ вещи, то она не получала бы ничего, и вещь висѣла бы въ магазинѣ цѣлый годъ, потому что небыло случая, чтобы кто-нибудь купилъ висящую въ магазинѣ вещь, такъ что дорогую вещь приходилось отдавать торговкѣ для продажи на толгучкѣ чуть не за половинную цѣну стоимости. Если же бы она не бралась шить на такую барыню въ другой разъ, барыня съ этихъ поръ стала бы заказывать въ другія мѣста, и, конечно, ужъ не заплатила бы долга. А такъ-какъ у ней частую вырученныхъ отъ магазина денегъ было мало, потому что она платила изъ нихъ за квартиру и швеямъ, то она и забирала у разныхъ купцовъ въ долгъ все, что требовалось для шитья, брала также и сахаръ и т. п. Купцы ее не тревожили цѣлый годъ, но въ теченіи года накапливалось долговъ, разумѣется, съ большими процентами,

порядочное количество, а такъ-какъ заказчицы съ каждымъ годомъ становились менѣе акуратны насчетъ платежа, а нѣкоторые даже уѣзжали въ другіе города, выдавъ ей росписки, то долгъ купцамъ возрасталъ и въ этомъ году достигъ уже порядочной цифры. Мужъ ея, хотя и получалъ большое жалованье, но приносилъ домой мало, потому что у него были тоже свои долги въ крактирахъ и онъ любилъ играть въ карты, въ которыя большею частію проигрывалъ. Сынъ тоже платилъ только за пищу восемь рублей въ мѣсяцъ и у него трудно было матери выклянчить нѣсколько рублей, потому что и онъ, любя развлеченія, какъ молодой чиновникъ, постоянно забиралъ жалованье впередъ.

Поэтому Эмилія Карловна въ эти дни была въ дурномъ настроеніи: она ходила молча съ серьезно-строгимъ лицомъ, перебирала вещи въ магазинѣ, торопила швей, ругала понѣмецки свою жизнь, купцовъ и заказчицъ, безжалостно теребила за волосы и ставила на колѣни несчастную Машу, два раза ударила по щекамъ Глашу за то, что та на замѣчаніе ея осмѣлилась возражать, обругала Софью Васильевну и Дарью Андреевну, обозвала всѣхъ обжорами и негодяйками, но изъ всего этого выходила только кутерьма. А купцы какъ нарочно подсылали къ ней во второй и въ третій разъ своихъ прикащиковъ, заказчицы-барыни точно на зло торопили свои платья, и ежели пріѣзжали сами, то примѣривали, изъявляли свое неудовольствіе, требовали другаго фасона, — что до слезъ злило до сихъ поръ хладнокровную Эмилію Карловну.

За три дня до Рождества пришла въ швейную утромъ пожилая женщина въ люстриновомъ на ватѣ салопчикѣ. Это была одна изъ торговекъ на толкучкѣ, пользующаяся особымъ довѣріемъ г-жи Петерсонъ.

— Ахъ, какъ я рада видѣть тебя, Настасья Ларионовна! и она увела ее въ свою комнату и позвала Машу.

Маша вышла изъ комнаты, побрякивая деньгами.

— За водкой посылаетъ, сказала она мимоходомъ.

— Странная женщина эта хозяйка! Она какъ будто совсѣмъ не стыдится насъ: то жалуется, что ее купцы одолѣли, то явно высказываетъ свои плохія дѣла по магазину, то посылаетъ за водкой избитую дѣвушку, удивлялась Дарья Андреевна.

Маша пришла навеселѣ. Вернувшись отъ хозяйки, она стала насвистывать; Дарью Андреевну точно холодомъ обдало.

— Ахъ, Машка, Машка! Какъ тебя не бить послѣ этого, сказала Софья Васильевна.

— Пусть-ко сунется, — я и сама сдачи дамъ. И она изругалась.

— Смотри, Машка, Эмилія Карловна догадается. Ее не проведешь!... Что тогда съ тобой будетъ? Вѣдь не въ первый разъ

тебя бьетъ хозяйка за пьянство. И какъ не стыдно: такая маленькая, а пьетъ водку, говорила съ участіемъ Софья Васильевна.

— А вамъ-то что за дѣло? Вотъ еще! Денегъ не даютъ, домой не пускаютъ... Сестрица ты моя!...

И она заплакала.

Швеи замолчали.

— Уйди хоть, пожалуйста, въ кухню.

Маша рыдала.

Немного погодя, хозяйка стала провожать гостью, у которой, вѣроятно отъ водки, щеки покрылись красными пятнами. Въ лѣвой рукѣ она держала большой узелъ. Эмилиа Карловна была тоже веселая. Маша, незамѣтно для хозяйки, улизнула въ сѣни.

Проводивши гостью, Эмилиа Карловна сказала швеямъ, что они могутъ обѣдать хоть сейчасъ, а она до прихода сына сходить кое-куда. Черезъ полчаса она ушла въ пальто на бѣличьемъ мѣху. Это изумило Дарью Андреевну; Глаша смотрѣла какъ-то дико то на Дарью Андреевну, то на Софью Васильевну, но послѣдняя ядовито улыбалась.

— Сегодня, кажется, не особенно тепло, замѣтила Дарья Андреевна.

— Дойдете и до того, что въ лѣтнемъ пальто станетъ шеголять на праздникъ. Хороша хозяйка моднаго магазина! смѣялась Софья Васильевна.

— Неужели она салопоъ отдала продавать?

— Ну, она его не продастъ, а заложить. Рублей пятьдесятъ дадутъ... Видите, какъ ей жутко!

— Я боюсь, дастъ ли она намъ денегъ на праздникъ.

— А если не дастъ?

— Ужъ тогда я не знаю, что со мной будетъ!

— Тогда мы перейдемъ въ другой магазинъ... Впрочемъ, она дастъ, только нужно дѣйствовать заодно. Вы согласны?

— Миѣ все равно, только неужели дойдетъ до этого?

— Мало вы ее знаете, а я ужъ съ ней хорожусь не одинъ, не два года. Я вѣдь не у нея одной работала; знаю ихніе нравы. Если она не будетъ давать денегъ, мы скажемъ, что сейчасъ же бросаемъ работу и идемъ на другое мѣсто. Она и струсить. Она будетъ упрашивать, умаливать, плакать начнетъ.

— Можетъ быть, и безъ этого обойдется...

— Ну, я такъ и думала, что вы себя на умѣ. Только я васъ предупреждаю: она васъ такъ умаслитъ, что вы, пожалуй, и согласитесь остаться у нея. Впрочемъ, вѣдь вы на мое мѣсто рассчитываете.

— Нисколько я не рассчитываю, а если дѣло дойдетъ, въ самомъ дѣлѣ, до того, что она не станетъ платить денегъ, я,

пожалуй, съ вами буду заодно, хотя этого и не одобряю на томъ основаніи, что послѣ она насъ будетъ притѣснять.

— А по вашему, лучше сидѣть безъ денегъ въ праздники?

Дарья Андреевна согласилась съ Софьей Васильевой; Глаша была давно на все готова.

Швеи обѣдали въ кухнѣ, потому что Эмилиа Карловна не удостоивала приглашать ихъ обѣдать съ своимъ семействомъ; въ швейной же она обѣдать не дозволяла на томъ основаніи, что онѣ могли запачкать тотъ столъ, на которомъ шьютъ и гладятъ. Имъ, впрочемъ, самимъ было пріятнѣе обѣдать въ кухнѣ, потому что тамъ за ними не слѣдилъ глазъ хозяйки, и хотя изъ кухни былъ прямой ходъ къ Эмилии Карловнѣ, но она сама рѣдко ходила туда; кромѣ этого, онѣ могли съѣсть лишній кусокъ хлѣба. Обыкновенно швеи обѣдали послѣ хозяевъ, и имъ доставалось на каждую по немногу изъ двухъ кушаньевъ. Сегодня же имъ досталось больше. Но экономная нѣмка, подъ предлогомъ постныхъ дней и приближающагося розговѣнья, не особенно-то баловала ихъ: такъ, сегодня обѣдъ состоялъ изъ овсянки, въ которую было положено нѣсколько картофелинъ; и изъ жаренаго картофеля въ постномъ маслѣ. Овсянка оказалась невкусная, картофель черезчуръ зажаренъ. Ни той, ни другаго Софья Васильевна не стала ѣсть.

— Что же вы?

— Не могу я этого свинаго поила хлебать! А картофель — какъ уголь. Хоть бы ты, Настасья, пожалѣла насъ, проговорила Софья Васильевна, обращаясь къ кухаркѣ.

— Я не виновата. Велѣла овсянку — я и сварила, а картофель потому запалился, что я бѣгала въ лавочку. Не хочешь ли жаренаго гороху?

— Сама ѣшь!

— А то у меня есть пареная рѣпа.

— Еще лучше! Какъ вы не издохнете съ хозяйкой съ вашими рѣпами да горохами!

— Что станешь дѣлать — на то постъ. А вонъ у хозяйки-то особливое кушанье: борщъ да почки. Велѣла еще сырники сдѣлать. Хочешь борщу?

— Не могу; постъ.

— Только что стали онѣ выходить изъ-за стола, въ кухню вошла Марья Андреевна въ лишемъ салопѣ съ муфтой, въ тепломъ капорѣ. Въ кухнѣ было не совсѣмъ свѣтло и чадно, потому что кухарка жарила кофе.

— Кого вамъ? спросила кухарка Марью Андреевну.

— Мнѣ сестру...

Дарья Андреевна подошла къ ней и, поздоровавшись, отрекомендовала своимъ подругамъ.

— Какими это ты судьбами попала сюда? спросила ее Дарья Андреевна.

— Да такъ.

— Не хочешь ли попробовать нашего кушанья: у насъ овсянка.

— Фуй! гадость какая! Да я только что отъ кофею. Была у Платоновыхъ. Какой душка этотъ Семень Елизарычъ: онъ мнѣ подарилъ такой отличной бумаги на письмо, что чудо!

Дарья Андреевна ввела ее въ швейную и усадила рядомъ съ собой на табуретку.

— Ну, что Платоновы?

— Недовольны тобой. Мы, говоритъ самъ, могли бы теби пристроить получше. Звали тебя на праздникъ. Любочка кланяется, Семень Елизарычъ тоже. Какой, право, славный мужчина этотъ Севичька: высокій, красивый, въ очкахъ. И все сидитъ надъ книгами. Книгъ у него множество. И все какія-то мудренныя. Я было взяла одну, стала читать—ничего не поняла. Одно нехорошо—скромное вѣсть... Это кому ты такое славное платье шьешь?

— Не знаю: хозяйка дала.

— Ужъ не губернаторшѣ ли?

— А можетъ быть.

— И много получишь? рублей десять... больше?

— Ну, какъ ты поживаешь? спросила сестру Дарья Андреевна, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Ничего. Тетенька только замучила: то ей почини, другое распори, чулки заштопай; смучилась! Это бы еще ничего: это легко. А то велить гладить. Вчера я юбку подпаладила нечаянно,—Господи, сколько было крику. Она нынче часто на меня кричить.

— Ужъ недолго вѣдь: скоро замужъ выйдешь.

Марья Андреевна вздохнула.

— Знаешь, сестрица, боюсь я идти замужъ.

— Отчего?

— И сама не знаю: страшно. Говорятъ, онъ попиваетъ и пьяный буянить. Все Кузьма страшаетъ меня. Я думаю, что Кузьма это дѣлаетъ не отъ чистаго сердца: онъ злой.

— Ну, это тебѣ такъ кажется.

— Нѣтъ, онъ злой! Помнишь, какъ онъ мачиху-то приперъ послѣ отцовскихъ похоронъ?.. Дяденька говоритъ, что онъ и на службѣ ведетъ себя какъ забіяка. И въ кого это онъ уродился такой? всѣ у насъ ровно смиренные...

Сестры замолчали. Говорить, казалось, было не о чемъ.

— Тебѣ давно прислали салопъ? спросила сестру Дарья Андреевна.

— А исправникъ пріѣхалъ, такъ онъ привезъ. А тебѣ онъ не привезъ салона.

— Нѣтъ.

— Эдакой негодяй!

Опять замолчали. Марья Андреевна стала больше повертываться на табуретъ, лицо ея горѣло, она часто раскрывала губы, но не могла рѣшиться выговорить.

— Даша! начала она:— у меня къ тебѣ есть просьба.

— Какая?

— Не сошьешь ли ты мнѣ платье, новомодное.

— Теперь некогда; работы у насъ очень много. Вотъ развѣ на праздникахъ.

— Разумѣется, не теперь... А дяденька подарилъ мнѣ голу-баго атласу на платье. Тетенька было хотѣла тебя позвать къ себѣ, чтобы ты у нея въ домѣ сшила мнѣ платье, да дяденька отсовѣтовалъ: ее, говорить, не отпустить падомъ.

— Это правда. Я рада, что они предлагаютъ мнѣ работу и въ моемъ занятіи, какъ кажется, не видятъ ничего дурнаго.

— Нынче они ужъ не сердятся; дядя даже жалѣетъ, что ты не мужской портной: я бы, говорить, тогда велѣлъ Дарьѣ сшить мнѣ форменный вицъ-мундиръ. Такъ ты согласна?

— Будь спокойна, сошью. Какъ только будетъ время, такъ я зайду къ тебѣ.

— Нѣтъ, ты приходи въ первый день: нельзя не поздравить ихъ съ праздникомъ.

— Приду.

Сестры разстались. Хотя онѣ и говорили большею частію шопотомъ или вполголоса, но Глаша разслышала просьбу Марьи Андреевны и сообщила объ этомъ Софьѣ Васильевнѣ.

— Ваша сестрица, кажется, платье хочетъ шить? спросила Дарью Андреевну Софья Васильевна.

— Да, она проситъ меня сшить. Надо будетъ помочь ей.

— Эдакъ у васъ заказовъ отъ вашей родни много можетъ быть. Тогда вамъ и въ магазинѣ не для чего работать. Онѣ вѣдь, эти богачи, по многу платятъ. Я какъ-то шила у одной барыни, такъ провозилась съ однимъ платьемъ цѣлые четверо сутокъ, тогда какъ здѣсь я бы сшила его въ двое сутокъ. И во все это время я шила и ѣла вволю; а потомъ и денегъ отвалили безъ задержки.

— На родныхъ работать невыгодно, Софья Васильевна, потому что отъ нихъ денегъ не получишь.

— Рассказывайте: родные-то еще больше дадутъ.

— Не думаю.

XXV.

Къ сочельнику были готовы три платья. Хозяйка встала рано, и какъ только разсвѣло, взяла съ собой Машу и пошла на рынокъ. Пришла она часовъ въ десять, тотчасъ же послала Софью Васильевну съ платьемъ къ женѣ одного изъ предсѣдателей, поручивъ ей получить и деньги, и наказавъ придти какъ можно поскорѣе. Со всѣми швеями она была очень любезна.

— А вы насъ отпустите сегодня домой? спросила хозяйку Дарья Андреевна.

— Да вамъ что дѣлать дома?

— Надо хоть показаться: вотъ я, напримѣръ, четверо сутокъ не была дома.

— Въ банѣ вымыться надо, прибавила Глаша.

— Ты всегда черна, хоть и часто ходишь въ маскарадъ. Не знаю, какъ сдѣлать лучше: осталось еще два платья, вамъ пожалуй придется ночь просидѣть.

— Ничего, мы просидимъ.

— Пожалуй, я васъ отпущу ненадолго. Только я бы не совѣтовала вамъ ходить въ маскарадъ: еще простудитесь.

— Ну, это ужъ дѣло наше, сказала Дарья Андреевна.

Эмилія Карловна сурово взглянула на Дарью Андреевну, открыла ротъ, чтобы что-то сказать, но ушла въ комнату. А Дарья Андреевна, какъ и подруги ея, весьма измучилась въ эти сутки. Спать ей приходилось ночью три часа; отдыхала она только во время шитья и ѣды; у ней болѣла спина, болѣли глаза, болѣли руки и пальцы, болѣла голова, въ которой какъ будто камень какой сидѣлъ. Мысли путались и вертѣлись на получкѣ денегъ и на томъ, что изъ этихъ денегъ можно было сдѣлать. Часто, очень часто думалось ей о прежнемъ житиѣ въ родительскомъ домѣ. Тамъ праздники встрѣчали замѣтно: всѣ суетились, какъ будто дожидались важнаго гостя; она шила себѣ платье и была въ восторгѣ; ѣсть имъ до вечерней звѣзды ничего не давали, и съ какимъ онѣ восторгомъ привѣтствовали эту звѣзду и, ложась спать, думали, какъ на нпхъ завтра будутъ заглядываться дочери исправника, такъ какъ у нихъ новыя платья; думали объ розговѣнн — о сливкахъ съ чаемъ, рыбномъ пирогѣ, супѣ и соусѣ, жаркомъ изъ индѣйки и пирожномъ, какъ онѣ проведутъ хорошо время послѣ обѣда, катаясь по городскимъ улицамъ, а вечеромъ родитель будетъ угощать орѣхами, и другими сладостями. Никакой тогда не было заботы; напротивъ, объ нихъ заботились и старались о томъ, чтобы имъ было хорошо и весело. А теперь не то: теперь только одна забота — получить деньги и отдохнуть отъ работы; теперь не только что нибудь на себя шить

невозможно, но нѣтъ ни времени, ни денегъ на то, чтобы купить что нибудь для себя, теперь даже и располагать собой нельзя. Праздникъ замѣтенъ только изъ того, что онѣ, швей, торопятся шить на богатыхъ барынь и барышень платья и встрѣтятъ праздникъ, можетъ быть, сидя за работой. „Да! тяжело достается свой хлѣбъ!“ думала Дарья Андреевна, и ей сдѣлалось досадно, что чиновники, работая въ своихъ присутственныхъ мѣстахъ гораздо меньше швей, получаютъ жалованья больше, больше имѣютъ свободнаго времени, и если не всѣ три дня праздника, то хоть, по крайней мѣрѣ, первый день проводятъ съ своими семействами весело. „Чѣмъ мы-то хуже ихъ? Въдь они получили образованіе не Богъ-знаетъ какое — иной и въ уздомъ училищѣ не доучился... Должно быть, нашему брату, бѣднымъ женщинамъ, вездѣ плохо. Намъ только съ деньгами и можно жить: будь у меня деньги, и бы сама или свой магазинъ завела, или стала бы торговать. Ужъ я бы не стала такъ обижать швей, какъ Эмилиа Карловна, не стала бы важничать... Но сколько ни думала Дарья Андреевна, сколько ни старалась успокоить себя мечтами о хорошей жизни никому неподчиненной женщины, а дѣйствительность была на лицо.

Часа въ два Эмилиа Карловна вернулась домой и принесла съ собой свертокъ съ шолковой матеріей, уже скроенной. Она позвала Дарью Андреевну въ магазинъ.

— Вотъ одна барыня дала опять матеріи. Тутъ скроено два платья двумъ ея дочерямъ. Сшить нужно непременно къ третьему дню праздника: въ клубъ будетъ балъ; ожидаютъ какого-то важнаго человѣка, такъ не хотятъ ударить себя въ грязь. Я общала.

— Но успѣемъ ли мы? У насъ и такъ много работы, отвѣтила Дарья Андреевна.

— Ужъ какъ нибудь понатужьтесь. Я вамъ дамъ одно платье и заплачу два съ полтиной. Согласны?

— Согласна, только успѣю ли къ сроку?

— Успѣете! Ужъ эти праздники! Такъ они мнѣ приходится солоно, просто убѣжала бы куда нибудь. Я очень хорошо понимаю, что вамъ тяжело, но что же дѣлать? Чтѣ же дѣлать, Дарья Андреевна! Деньги сами не родятся въ карманѣ, надо ихъ достать, походить за ними, какъ я хожу. Еще слава Богу, что работа есть, а вотъ мнѣ въ дѣвицахъ часто приходилось по недѣлѣ рыскать изъ магазина въ магазинъ, чтобы хоть что нибудь достать, чтобы заработать на хлѣбъ и не помереть съ голоду. Это еще слава Богу. Вы кажется, давеча домой просились?

— Если работы такъ много, то я могу и остаться.

— Это дѣло ваше. Только я вамъ говорю какъ опытная женщина, что если вы увидите на праздникъ домой, то вы денегъ

не заработаете. А я думаю, что лучше имѣть деньги, чѣмъ бродить наряженной и дуть въ кулакъ.

— Я и не настаиваю. Мнѣ только хочется сходить въ баню и сказать дома, чтобы меня не ждали на праздникъ.

— Ступайте, а къ вечеру приходите непременно.

— Не дадите-ли вы мнѣ скольконибудь денегъ?

Эмилія Карловна достала книжку.

— Вамъ приходится получить пять руб. сорокъ коп.

— По моему, кажется, больше.

— Я записываю вѣрно, Дарья Андреевна. Это, можетъ быть, васъ смущаетъ Софья Васильевна. Она постоянно смущаетъ дѣвицъ и затѣваетъ противъ меня бунты. И если вы будете ее слушать — это нехорошо. У меня вѣдь характеръ крутой: низачто откажу отъ мѣста. Я ужъ знаю, что вы затѣяли противъ меня бунтъ. И она стала смотрѣть на Дарью Андреевну, ехидно улыбаясь.

Щоки Дарьи Андреевны покраснѣли. „Какъ она могла узнать?“ думала она. „А, это Маша сказала“, рѣшила она, потому что насплетничать было болѣе некому, тѣмъ болѣе, что Маша ходила съ хозяйкой на рынокъ и хозяйка купила ей ботинки и ситцевый платокъ.

— Но я не думаю, чтобы вы поддались вліянію Софьи Васильевны. Она мнѣ сидитъ вотъ гдѣ! (и хозяйка указала на шею). Вамъ по расчету приходится получить ровно шесть рублей. Но такъ-какъ у васъ существуетъ касса на питье кофею, то я съ васъ вычитаю шесть гривенъ.

— Но, Эмилія Карловна, я думаю, кофею на всѣхъ вышло не больше шести гривенъ?

— Да, не больше. Но вы ужъ сами рассчитывайтесь съ нами, потому что мнѣ, право, некогда возиться съ этими мелочными расчетами. Вотъ вамъ пять рублей, а остальные я прошу подождать.

Вышедши на улицу, Дарья Андреевна вздохнула свободнѣе. Она теперь считала себя богачкой и весело шла домой; только ей не нравилось то, что хозяйка обидѣла ее насчетъ кассы: „эдакъ я должна, пожалуй, поить швей, потому что съ нихъ мнѣ неловко требовать деньги. Надо узнать, какъ она ихъ считаетъ“... По улицамъ народъ ѣдетъ и идетъ или веселый, или чѣмъ-то озабоченный: вѣдушіе везутъ кульки, узелки, свертки; идущіе несутъ, кто поросенка, кто гуся, а кто и съ фунтикомъ мяса или небольшою мѣшочекъ съ чѣмъ-то. Изъ барскихъ дворовъ пахнетъ жаренымъ гусемъ; кабаки биткомъ набиты разнымъ народомъ, изъ дверей идетъ паръ, слышится говоръ, крики и пѣсни; выходятъ одни съ боченками, другіе съ бутылками, а третьи сильно навеселѣ, что-то придерживая за полой

подъ мышкой. Въ магазинахъ тоже много народу. Такъ и кажется, что сегодня какъ будто всѣ разбогатѣли.

„Чего бы мнѣ купить?“ пришло въ голову Дарьи Андреевны. „Вѣдь у меня есть пять рублей“. Но ей жалко было тратить деньги; не хотѣлось и мѣнять бумажку. Какъ размѣняется—не увидишь, какъ мелкія будутъ исчезать. Но попался ей на пути чайный магазинъ, не утерпѣла она, зашла въ него и взяла по фунту сахару, кофе и цикоріи и осьмушку чая. Поравнялась съ табачной лавкой — купила табаку и гильзъ; въ булочной купила сайку и у нея образовалась порядочная ноша.

Зашла она въ домъ Кати. Квартира тетки заперта. У жильцовъ встрѣтила только дѣвочку, и отъ нея узнала, что Катя со вчерашняго дня не встаетъ съ постели и ничего не говорить, а только смотреть въ потолокъ, и что тетка ея еще утромъ ушла на рынокъ и къ вечеру должна придти, такъ какъ они, жильцы, топили баню.

У Удинцовыхъ было свѣтло отъ выбѣленной комнаты и вымытыхъ половъ. Въ кухнѣ даже стѣны, двери и окна были вымыты и печь побѣлена; тутъ же на столѣ красовался гусь и поросенокъ, а въ большой дохани полоскались двѣ большіихъ стерляди; Ольга Герасимовна кряхтя мыла полъ въ своей комнатѣ.

— А я думала, что ты, мать моя, ужъ померла! Ну, виданное ли это дѣло — не приходитъ четверы сутки. Нехорошо, нехорошо!

Дарья Андреевна рассказала причину и сказала, что она и въ Рождество едва-ли будетъ дома.

— Я это предвидѣла. Оно хотя и грѣхъ, но Богъ труды любить... Потерпишь эдакъ съ годокъ да наживешь деньги, сама, можетъ, хозяйкой сдѣлаешься. Да вѣдь и то надо сказать, не всегда у твоей мадамы такъ много шитья, а у Бога праздниковъ много.

Дарья Андреевна помогла ей вымыть полъ, вымыла у себя, обтерла дверь, хотѣла обтереть стекла въ окнѣ, но они попрежнему были затянуты куржакомъ. Послѣ бани она такъ чувствовала себя истомленной, что легла на кровать и заснула; но ее разбудила Ольга Герасимовна, стоявшая около нея со свѣчкой. Дарья Андреевна испугалась.

— Который часъ? спросила она.

— Должно быть девятый, потому у архіерея въ крестовой давно ужъ отзвонили. Не хочешь ли кофею?

— Нѣтъ. Надо идти скорѣе. И она встала.—А какъ я заснула отлично... Право, такъ бы и спала, такъ бы и спала.

— Что же дѣлать! Твоя охота работать изъ-за хлѣба на чужихъ людей. А пальто я тебѣ не дамъ: завтра пойду въ церковь. Не въ пору ли тебѣ будетъ мужнина шуба? Теперь ночь.

— Нѣтъ, благодарю. Сегодня не холодно.

— Да, не холодно, когда ты спала; а вонъ я вышла во дворъ, — такъ и щиплетъ: рожественскіе морозы злые.

Шуба оказалась велика. Поэтому Ольга Герасимовна дала ей надѣть лѣгнее на ватъ пальто.

Ночь была лунная, свѣтлая. Вѣтру не было, но морозъ крѣпчалъ; снѣгъ подъ ногами хрустѣлъ, полозья дровней, на которыхъ везли дрова съ Волги, отъ снѣгу скрипѣли; Дарья Андреевна шла скоро, но отъ холоду у нея захватывало духъ. Подъ горой уже всѣ спятъ, только въ единственномъ въ этой мѣстности кабакѣ слышатся пѣсни. Идетъ Дарья Андреевна, кажется, скоро, а подъема на гору не видитъ; шoki саднитъ, носъ щиплетъ, пальцы у ногъ точно одеревенѣли... „Ну, и жизнь“... ворчала Дарья Андреевна. „Пойду я лучше домой да спать лягу! Что я въ самомъ дѣлѣ за батрачка?“ Она остановилась. Ей вдругъ представилось, что она безъ мѣста, денегъ у нея нѣтъ, ѣсть нечего, ее никуда не принимаютъ... „Нѣтъ, пойду на работу. Теперь у Ольги Герасимовны на сбереженіи лежить моихъ три рубля, да съ собой есть пятьдесятъ коп., да я еще получу“. И она бодро поднялась на гору и храбро боролась съ холодомъ, допекавшимъ ее ноги, которыя она вснчески старалась согрѣть, не жалѣя сапоговъ.

Когда она пришла въ магазинъ, тамъ дѣвицы были въ сборѣ. Монотонно, страшно скучно тянулось время. Всѣ молчали, только и слышалось шурчаніе шолковой матеріи, тиканье часовъ, хрипъ изъ хозяйской комнаты и позѣвота швей, которымъ страшно хотѣлось спать, и если котораянибудь изъ нихъ чтонибудь произносила, то охрипшимъ голосомъ. Нѣсколько разъ онѣ клали свою работу на столъ, вставали, выпрямляли свои члены и опять садились, но пальцы дѣйствовали вяло. Маша и Глаша не могли одолѣть сна: онѣ какъ сидѣли, такъ и заснули съ работою на колѣняхъ. Изрѣдка онѣ вздрагивали, часто губы ихъ передергивало; часто онѣ открывали глаза, принимались за работу, но засыпали снова. Наконецъ, обѣ онѣ положили головы на столъ. Дарья Андреевна и Софья Васильевна бодрствовали.

— Вы получили деньги? спросила Софья Васильевна Дарью Андреевну.

— Да. А вы?

— Мнѣ обѣщала отдать завтра... Представьте, какую она мнѣ сцену сдѣлала сегодня: вы, говорить, бунтуете швей. Я думаю, что Машка передала ей нашъ разговоръ.

— Я тоже думаю; но надо ее простить: она дѣвушка бѣдная.

— Если мы эдакъ будемъ прощать, то отъ нея житья не будетъ.

— Мы ее какънибудь убѣдимъ, что сплетничать нехорошо.

Она еще мала, ее надо поддержать, потому что на Катю ей, пожалуй, нечего рассчитывать: она говоритъ, больно плохо.

— Неужели?

Дарья Андреевна передала слова дѣвочки.

— Бѣдная дѣвушка!.. проговорила Софья Васильевна и замолчала.

— А какъ спать хочется! проговорила она наконецъ.

— Да.

— Вздремнемте, какъ онѣ, и она указала на дѣвочекъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше не дремать; какъ заснешь на пять минутъ—цѣлый день завтра зѣвать будешь.

Софья Васильевна стала слегка клевать носомъ, потомъ у нея изъ рукъ стала выпадать работа, наконецъ голова ея склонилась и она заснула.

Дарья Андреевна закурила папироску и нѣсколько разъ прошла по комнатамъ.

Зазвонили къ заутрени. Софья Васильевна очнулась.

— Неужели я спала?

— Да, и съ часъ спала. Было три часа тогда, а теперь четыре.

— А вы не спали?

— Съ полчаса и я вздремнула, соврала Дарья Андреевна.

Глашу и Машу едва-едва разбудили.

Эмилія Карловна вышла изъ своей комнаты въ ночномъ одѣяніи, накинувши на плечи одѣяло.

— Много еще шить?

— Нѣтъ, немного, отвѣтила софья Васильевна.

— Уй, сколько сгорѣло. Эдакъ до утра неостанетъ! проговорила она, смотря на огарки сальныхъ свѣчъ, догоравшихъ въ подсвѣчникахъ.

— Еще бы—мы и глазъ не смыкали.

— Ну, вы подите засните часикъ, я васъ разбужу, сжалилась надъ швеями хозяйка.

Швеи этому очень обрадовались.

Эмилія Карловна разбудила швей какъ только начало свѣтать. На одномъ изъ столовъ въ швейной уже стоялъ кофейникъ Дарьи Андреевны, чашки, сахарница, большой молочникъ и по будкѣ на каждую швею. Умывшись въ кухнѣ, швеи поздравили хозяйку съ праздникомъ. Хозяйка улыбалась.

— Въ нашемъ ремеслѣ праздники знаешь только по звону. А дѣлать нечего. Кушайте поскорѣ кофей до концайте посред-

ницѣ Емельяновой платѣе. Она ужъ посылала за нимъ свою горничную. Обѣдать сегодня вы будете тоже у меня. Вечеромъ, можетъ быть, я васъ отпущу.

Стали опять шить дѣвицы; зазвонили къ обѣднѣ.

— Швеи да портные, я думаю, самые несчастные люди въ свѣтѣ, начала Софья Васильевна. — Чпновникъ, плотникъ, каменщикъ теперь ни за что не стануть работать, — всѣ они теперь идутъ въ церковь.

— Я думаю, что ужъ такова наша доля, Софья Васильевна. Вы возьмите какую угодно женщину—все одно. Напримѣръ, я знаю, у Платоновыхъ есть гувернантка, такъ ей еще хуже нашего достается: дѣтей двое, они еще маленькія, капризныя, избалованныя. Много нужно терпѣнія и умѣнія, чтобы справиться съ ними, угодить имъ и родителямъ, которые, кромѣ вѣтшей опрятности, требуютъ еще, чтобы дѣти держали себя хорошо, не баловали.

— За то она не знаетъ нужды.

— Да Богъ съ нею! тутъ измучишься совсѣмъ, потому что каждый день нужно придумывать средства, чтобы отучить дѣтей отъ дурнаго, и при этомъ дѣйствовать такъ, чтобы и дѣти ее любили и родители видѣли въ ней хорошую воспитательницу и оказывали уваженіе. Оливъ родительскій надзоръ надъ гувернанткой, которую считаютъ наемницей, наводитъ на многія мысли, такъ что особенно завидовать жизни гувернантки и нечего. Возьмемъ теперь кухарку. Она хотя и не сидитъ, какъ мы, на одномъ мѣстѣ, и работы у нея, кажется, не очень-то много, но, какъ говорится: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай, такъ и она цѣлыя сутки должна торчать на глазахъ хозяевъ. Мы, сравнительно съ кухарками, еще барыни, потому что можемъ уходить домой, спать дома ночь. А она и этого сдѣлать не можетъ. И сколько она въ день непріятностей получить отъ хозяйки!

— Дура она, что не уйдетъ.

— Куда же она пойдетъ, если вездѣ хозяева одинаковы. Вѣдь ужъ ей никто больше трехъ рублей не дастъ жалованья; стало быть, наша жизнь еще лучше жизни кухарки. Да мало ли есть женщинъ, которыя живутъ хуже нашего.

— Все зависить отъ счастья: нынѣе и нашъ братъ, швеи, нескоро найдетъ мѣсто; а къ другому мы неспособны. Вотъ теперь, въ это время и къ Пасхѣ работы во всѣхъ магазинахъ бываетъ много, даже въ дрянныхъ магазинахъ, въ которыхъ круглый годъ нѣтъ дѣла, и тамъ есть работа на купчихъ и мѣщанокъ. А посмотрите, что будетъ послѣ праздниковъ! Дай бы Богъ, чтобы привелось сшить хотя одно платѣе въ недѣлю.

Изъ хозяйской комнаты вышелъ сынъ Эмилиі Карловны, вислоушій, худощавый, съ изъѣденнымъ оспой блѣдно-дряблымъ ли-

цомъ молодой человекъ въ тепломъ пальто, крытомъ драпомъ, съ воротникомъ подкрашеннаго бобра и въ высокой круглой шляпѣ. На рукахъ его были надѣты бѣлыя перчатки. Онъ курилъ папирску. По обыкновенію, онъ снялъ шляпу, раскладывая и потомъ поздоровался за руки съ Софьей Васильевной и Дарьей Андреевной.

— Куда вы это собрались? спросила его Дарья Андреевна.

— Въ церковь.

— Ну, попа на порогъ застанете: ужъ къ достойнѣ звонили.

— Я къ архіерею. „Тебе Бога хвалимъ“ хочется послушать, великолѣпно поютъ. Знаете, пѣвчіе съ обоихъ клиросовъ выходятъ на средину, да какъ начнутъ... Никогда вы не слышали такого пѣнія?

— Гдѣ же намъ. А вы дайте-ка папирсъ, говорила Дарья Андреевна.

— Съ полнымъ удовольствіемъ, и онъ далъ швеямъ по папирскѣ...

— Мать говоритъ, что вы цѣлую ночь не спали? спросилъ онъ, обращаясь къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— Что жъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь мужчины тоже просиживаютъ цѣлыя ночи за картами.

— Это вы на мой счетъ намекаете. Мерси... Ну, положимъ такъ, что я цѣлую ночь проиграю, такъ вѣдь тамъ интересъ.

— И здѣсь тоже интересъ, а тамъ можно и проиграть.

— Ну, я не изъ такихъ: я когда выигрываю, тогда играть готовъ сколько угодно; но если вижу, что мнѣ не везетъ съ самаго начала, я бросаю игру и ухожу домой.

— Какъ это честно съ вашей стороны! замѣтила Софья Васильевна, не смотря на него.

Славянъ слегка толкнулъ ногой Дарью Андреевну, какъ это онъ и дѣлалъ уже не разъ; Дарья Андреевна покраснѣла, но скоро оправилась.

— Что жъ, по вашему проигрывать, что ли? обратился онъ насмѣшливо къ Софьѣ Васильевнѣ.

— А выигрывать любите?

— На то и игра, чтобы выигрывать.

— Ну, это не резонъ, начала Дарья Андреевна. — Если вы собственно играете не для развлеченія, а для выигрыша, то должны и проигрывать для того, чтобы другіе не сочли васъ за...

— За кого?

— Ну, вотъ еще! Ступайте въ церковь слушать „Тебе Бога хвалимъ“.

— Нѣтъ, я не уйду до тѣхъ поръ, пока вы не скажете, за кого меня будутъ считать.

— Ну, и сидите.

— И буду сидѣть!

— И все-таки не добьетесь отвѣта.

— Почему?

— Вотъ мило, почему: мужчина, чиновникъ, который служить въ уголовной палатѣ, и не можетъ самыхъ обыкновенныхъ вещей понять.

— Ну, эдакъ мы съ вами разсоримся.

— Ну, такъ идите и не мѣшайте намъ, а за папироску примите спасибо.

Но Николай Павловичъ не уходилъ. Онъ старался оправиться: поправлялъ свой шарфъ, натягивалъ перчатки, посвистывалъ, что-то хотѣлъ сказать, но не могъ; глаза его дѣлались то суровыми, то печальными.

— Такъ и не скажете? опять спросилъ онъ Дарью Андреевну, снова толкнувъ ее ногой.

— Ахъ, отстаньте пожалуйста! чуть не крикнула Дарья Андреевна такъ, что Софья Васильевна посмотрѣла на нее и замѣтила на ея лицѣ краску и выраженіе неудовольствія.

— Нѣтъ, вы скажите.

— Извольте,—вы шарамыжникъ.

— Не понимаю этого слова!

— Ну, вы скряга, то-есть скупой человѣчишко, и еще лучше—обирало, то-есть что вы любите только взять.

Николай Павловичъ всталъ.

— Мерси! Это ужъ слишкомъ! и онъ ушелъ.

Дарья Андреевна захохотала.

— Однако, вы съ нимъ ловко заигрываете, проговорила Софья Васильевна.

— Не я, а онъ заигрываетъ.

— И вамъ нравится?

— Пусть его тѣшитъ и принимаетъ насмѣшки сколько ему угодно.

— Но это можетъ чѣмъ нибудь кончиться.

— Не думаю!... Вотъ ужъ не воображала я услышать отъ васъ этого!

— Онъ человѣкъ милый.

— Полноте острить. Онъ самый пустой человѣкъ, какихъ я только видала въ чиновномъ сословіи. Впрочемъ, въ дѣлахъ-то, можетъ быть, онъ и собаку съѣлъ.

— Кто собаку съѣлъ? спросила хозяйка, пришедшая изъ своей комнаты.

— Мы говорили про одного чиновника, который письма на-

писать не умѣетъ, а въ дѣлахъ собаку съѣлъ, то-есть такой дѣлецъ, что чудо! отвѣтила Дарья Андреевна.

Разговоръ о хозяйскомъ сынѣ этимъ и закончился.

Какъ ни торопились швей, а платье посредницѣ Емельяновой послѣдо ровно ко второму часу. Эмилія Карловна отослала его съ Глашей, но Глаша черезъ часъ вернулась съ нимъ.

Она меня прогнала: мнѣ, говоритъ, платье нужно было къ обѣднѣ, а теперъ мнѣ его не надо, отпрапортовала Глаша хозяйкѣ.

— Скажите пожалуйста! Она бы еще заказала его мнѣ вчера... Послѣ этого никому ничего нельзя дѣлать! Я цѣлыхъ сорокъ цѣлковыхъ наличными деньгами отдала купцу Толкачеву за матерію... Отчего жъ ты его не оставила у нее? напала хозяйка на Глашу.

— Какъ же я его оставлю, не получивши денегъ!

— Дура ты, и больше ничего.

Черезъ десять минутъ хозяйка, велѣвъ Глашѣ нести картонку съ платьемъ, сама пошла къ закащикѣ.

— Вотъ и работай! Если эта модница не возьметъ платья, мы и денегъ не получимъ. Значить, мы напрасно время только потратили, говорила Софья Васильевна.

— Хозяйка сама виновата, что не хотѣла взять Матрешу за прежнюю плату: Матреша шьетъ скорѣе Глаши; скорѣе и кончили бы.

— Подите вы со своей Матрешкой: она все бы перепортила.

Въ это время пришелъ Адольфъ Яковлевичъ сильно выпивши, такъ что его пошатывало.

— А! ви здѣсь! Здѣсь... Кар-рашо-о! Отлично! проговорилъ онъ, описывая кругъ, и подошелъ къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— И-п!... Ви знайтъ мой... Честный человекъ! Ей-Богу.

И онъ взялъ Дарью Андреевну за руку.

— Дуракъ я пли нѣтъ? А! Какъ ви думаетъ?

— Не знаю, отвѣтила Дарья Андреевна.

— А развѣ я мошенникъ?

— Кто же объ этомъ говоритъ?

— Нѣтъ, я докажу. Докажу-у!! У!!! и онъ ударилъ по столу кулакомъ, потомъ подошелъ къ Софьѣ Васильевнѣ.

— Я мошенникъ?

— Полно вамъ представляться, Эмилія Карловна скоро придетъ.

— Что мнѣ Эмиль Карловна!... Я самъ... Я механикъ. Я еще докажу, каковъ я есть Петерсоуъ. Самъ хозяинъ, Борисовъ, безъ меня ничто.

— Кто же васъ обругалъ? спросила Дарья Андреевна.

— Мужикъ, мастеровой! Кулакъ вотъ сюда показалъ, — нѣмецъ указалъ на глазъ.— А? Каково? Я мошенникъ, хозяинъ мошенникъ, всѣ мошенники. И меня бить?... Посидишь ты у меня въ части!

— Неужели вы его посадили? спросила опять Дарья Андреевна.

— Посадилиъ.

— Это нехорошо: вѣдь теперь праздникъ.

— Нехорошо? Такъ я мошенникъ? А!... Всякій гадъ можетъ мнѣ кулакомъ грозить?

— Развѣ вамъ говорить это?

— Вы сказали!

— Полноте! Вы бы лучше ушли, а то мѣшаете.

— Меня гнать! Да я что такое? Кто я?! И онъ съѣлъ.

— Ну, вотъ сидите лучше смириѣе, а то еще глянэ испачкаете.

— Меня, благороднаго нѣмца, гнать? Дудки... Я выгоню. Онъ захохоталъ.

Софья Васильевна сдѣлала Дарьѣ Андреевнѣ знакъ, чтобы она молчала.

— Русскій... русскій... А что такое русскій — дрянъ... Кто теперь механикъ—нѣмецъ, кто мастеръ—нѣмецъ, а русскій у нѣмца служить. Вотъ мы что. И вдругъ меня ругать... бить? Софья Васильевна?

— Чго?

Нѣмецъ захохоталъ.

— Софья Васильевна... А я знаю, все знаю... все! Вотъ какъ!... А ее не люблю, ненавижу, сказалъ онъ, указавъ рукой на Дарью Андреевну.

— Иди-ко лучше спать, сказала Софья Васильевна.

— Я-то?.. Я еще пойду... пойду пиво пить... А чиновницъ я не люблю.

— А сами тоже на чиновницъ женаты! замѣтила Софья Васильевна.

— Эмиль Карловна нѣмка, природная. А русскихъ не люблю... Я природный нѣмецъ изъ Кенисбергъ... Я защищалъ свою страну... Што?! И вдругъ меня бить... Хо-хо-хо...

Пришла Эмилія Карловна съ Глашей. Картонка была пустая. Увидя пьянаго супруга, она покачала головой и по нѣмецки позвала его въ комнату. Въ комнатѣ начался крупный разговоръ, но продолжался недолго, потому что пришелъ Николай Павловичъ. Адольфъ Яковлевичъ ушелъ.

— Огдали платъе? спросила Эмилію Карловну Софья Васильевна.

— Еще бы. Я пригрозила полиціей — взяла, только деньги не всё отдала. Ну, а другое поспѣетъ къ вечеру?

— Поспѣетъ.

— Ужъ я вамъ прибавлю, только пожалуйте поторопитесь — хоть и не особенно плотно шейте. Вотъ вы, Дарья Андреевна, ужъ больно часто иголкой стучаете. Ну, пойдете кушать.

Въ первый разъ со времени поступленія Дарьи Андреевны въ магазинъ, Эмилія Карловна пригласила ее обѣдать съ собою; со времени ея поступленія, и Софья Васильевна ни разу не обѣдала съ хозяйкой. Глаша и Маша были отосланы обѣдать въ кухню. Однако, несмотря на такое расположеніе къ старшимъ швеямъ, Эмили Карловиѣ было какъ-то неловко передъ сыномъ, что она усадила съ собою швей; она старалась держать себя какъ хозяйка, или начальница, и хотя подчивала ихъ, просила ѣсть больше, но слѣдила за тѣмъ, не берутъ ли онѣ лишняго куска и не прячутъ ли этотъ кусокъ въ карманъ. Впрочемъ, она была разговорчива, но сынъ ея больше отмалчивался и глядѣлъ недовольно. Дарья Андреевна спросила было его: слышалъ ли онъ архіерейскихъ пѣвчихъ; онъ сказалъ, что въ соборъ не попалъ, а зашелъ къ пріятелю, и замолчалъ. Вообще обѣдъ шелъ невесело, натянуто и Дарья Андреевна съ нетерпѣніемъ ждала конца его; иѣсколько разъ хотѣлось ей выйти, но приличіе требовало сидѣть. Софья Васильевна, напротивъ, была рада приглашенію и истребляла кушанья въ достаточномъ количествѣ.

Послѣ обѣда швей усѣлись шить, хозяйка легла спать. Когда она заснула, Николай Павловичъ пришелъ въ швейную въ сюртукѣ, сѣлъ къ столу, за которымъ шили дѣвѣцы, и предложилъ имъ папиросъ.

— Завтра я отправляюсь въ театръ: взялъ билетъ въ кресло, проговорилъ онъ, важно разваливаясь на стулѣ.

— Нѣтъ, чтобы намъ подарить по билету, сказала Софья Васильевна.

— Если хотите, я достану въ амфитеатръ.

— Достаньте.

— А вамъ, Дарья Андреевна?

— А вы уже развѣ не сердитесь?

— Нѣтъ. Я рѣшилъ бросить играть въ карты. Буду лучше читать, хотя, признаться сказать, чтеніе мнѣ не особенно-то нравится. Такъ взять вамъ билетъ?

— Только не на завтра, потому что у насъ есть работа.

— А вы бросьте.

— Нельзя; къ третьему дню нужно.

Николай Павловичъ подсѣлъ ближе къ Дарьѣ Андреевнѣ и

сунуль ей на колѣни бумажку. Дарья Андреевна прочитала и покраснѣла.

Николай Павловичъ вышелъ въ сѣни.

На клочкѣ бумаги было написано слѣдующее: „я съ вами, милѣйшая Дарья Андреевна, мирюсь, но съ тѣмъ, чтобы вы пошли со мною въ театръ... Притворитесь больными. Отвѣтъ въ сѣняхъ“.

Но Дарья Андреевна въ сѣни не вышла. „Пусть его померзнетъ,“ думала она и улыбалась. Софья Васильевна замѣтила эти улыбки и, ядовито улыбнувшись, ушла въ сѣни; только что она вышла, вошелъ Николай Павловичъ и позвалъ Дарью Андреевну въ магазинъ.

— Говорите здѣсь, проговорила она съ волненіемъ.

— Не принимаете миру?

— Глупости.

Въ швейную вошла Софья Васильевна, Николай Павловичъ въ ту же минуту ушелъ домой и заперъ дверь. Послѣ этого до самаго вечера Софья Васильевна ни слова не сказала съ Дарьей Андреевной.

Время до вечера тянулось ужасно скучно. Заговаривали только Глаша и Маша, которыя шить не особенно спѣшили; Дарья же Андреевна и Софья Васильевна, казалось, совсѣмъ погрузились въ свои занятія и думы, и не обращали вниманія на младшихъ швей, которыя частенько заигрывали другъ съ дружкой. Въ самомъ же дѣлѣ Дарья Андреевна не нравилась навязчивость хозяйскаго сына, неприятно казалось работать въ праздникъ; Софья Васильевна ревновала. Хотя эта ревность и была слабая, потому что Николай Павловичъ уже давно мало оказывалъ ей уваженія, но ей было горько, что онъ явно любитъ другую, глазахъ вызываетъ ее даже въ сѣни. „Еслибы я не любила его, и тогда неприятно, когда тебѣ предпочитаютъ другую“. Мысли ея были грустныя. Ей думалось о своей квартирѣ, гдѣ ждетъ ее чиновникъ; ей казалась противною работа, хотѣлось уйти отъ Эмилии Карловны, не докончивъ работы, но жаль было поступиться деньгами: Эмилиа Карловна была должна ей около десяти рублей.

Въ комнату вошла кухарка Настасья.

— Софья Васильевна, васъ какой-то писарь съ кокардой спрашиваетъ.

Щоки Софьи Васильевны покраснѣли и она неловко вышла изъ комнаты.

— Это ея любовникъ! сказала Глаша.—А славно кухарка-то ее огрѣла.

„Зачѣмъ она сюда его не призоветъ? Ужъ если она живетъ

съ нимъ и про это знаютъ дѣвицы — стыдиться бы, кажется, нечего“, думала Дарья Андреевна.

Пришла Софья Васильевна, свернула лоскутки и шитье, увязала все это въ платокъ, надѣла пальто.

— Скажите, что я не совсѣмъ здорова и платье dokonчу сегодня дома, проговорила она, обращаясь къ швеямъ, смотря больше въ полъ.

Но въ это время вышла изъ своей комнаты хозяйка и удивилась, увидавъ Софью Васильевну одѣтою и съ узломъ.

— Позвольте мнѣ дошить платье дома, завтра утромъ и привесу.

— Ну, нѣтъ. Этого я не позволю... Ни подъ какимъ видомъ не позволю.

— Почему?

— На это я много имѣю причинъ: во первыхъ, вы не хозяйка и находитесь у меня въ работахъ. Какое право вы имѣете уходить изъ магазина безъ спросу и забирать съ собою работу? Не перебивайте... Я имѣю основанія не давать на домъ работу, потому что могутъ украсть, можетъ случиться пожаръ.

— Какія глупости!

— Нѣтъ, не глупости. А можетъ даже случиться и лучше — вдругъ вы не придете.

— Вы меня обижаете! закричала Софья Васильевна.

— Какъ вамъ угодно, а платье прошу оставить... Вотъ еще выдумали! и Эмилія Карловна выхватила узелъ.

— Позвольте расчесть. Я послѣ этого не могу у васъ работать.

— Придите завтра.

— Я сейчасъ требую, сію минуту... Иначе я позову полицію, кричала Софья Васильевна вѣ себя.

Вошелъ изъ сѣней мужчина въ сѣрой шинели съ кошачьимъ воротникомъ и въ фуражкѣ съ кокардой. Ему на видъ было лѣтъ сорокъ-нятъ, но коротенькіе черные волосы уже начинали сѣдѣть. Лицо его было продолговатое, на щекахъ замѣтенъ синеватый отливъ отъ бритья. Въ фигурѣ этой было много смѣшнаго: онъ вошелъ какъ-то сгорбившись, бокомъ; нижняя губа значительно оттопырилась и открыла рядъ почернѣлыхъ отъ табаку зубовъ; большіе глаза часто моргали, широкій носъ былъ красенъ.

— Вы... Вы что это? проговорилъ чиновникъ октавой, шлепая губами.

— Вы кто такой? Что вамъ угодно? напустилась на чиновника хозяйка.

— Какое вы имѣете право задерживать деньги, не пускать Софью Васильевну домой?

— А какое, позвольте васъ спросить, вы имѣете право входить сюда и вмѣшиваться въ мой дѣла?

— Я?.. По какому... по... замѣшался чиновникъ.

— Идите вонъ!

— Я вонъ?! Пожалуйте въ полицію.

— Сколько я вамъ должна, г-жа Казанцева?

— Десять рублей.

— Хорошо. Я сосчитаю. Подождите.

Она ушла.

— Вы-то зачѣмъ сюда пришли? напустилась Софья Васильевна на чиновника.

— Я думалъ, драка...

— Осель, прошептала Софья Васильевна и съѣла. Пришла хозяйка.

— Вотъ вамъ пять рублей, остальные получите завтра.

— Отдайте всѣ!!

— Не могу: нѣту денегъ.

— Дайте что нибуть подъ залогъ, проговорилъ чиновникъ.

— Неужели вы не можете подождать до завтра?

— Хорошо, я приду завтра. Но если вы мнѣ денегъ не дадите—знайте меня. Я вамъ отомщу за всѣ ваши благодѣянія, проговорила запальчиво Софья Васильевна, и ни съ кѣмъ не простившись вышла. Чиновникъ вышелъ тоже за ней, что-то бурча про себя.

— Скажите! Вотъ наглость-то!.. Приглашать любовника къ благороднымъ людямъ, заводить скандалъ... О, это ужасно! Я этого не прощу. Я подамъ на нее и на ея любовника прошеніе и попрошу васъ быть свидѣтелями, говорила Эмилиа Карловна, ходя скорыми шагами по комнатѣ и ломая руки.

Это былъ первый скандалъ въ квартирѣ Петерсонъ. Часовъ въ двѣнадцать ночи пришелъ Адольфъ Яковлевичъ пьяный, сталъ примазываться къ дѣвицамъ, обнялъ Дарью Андреевну, сталъ ее целовать. Насилу Эмилиа Карловна оттащила его отъ Дарьи Андреевны и увела въ комнату. Черезъ полчаса въ хозяйской комнатѣ начался крикъ и баталія: слышались пощечины, звенѣла посуда, летѣли стулья; кричали понѣмецки мужъ и жена; слышался голосъ Николая Павловича, голосъ кухарки, хозяйскаго кучера.

Дѣвицы пришли въ трепеть.

Черезъ часъ все успокоилось.

— Насилу связали молодца, сказала кухарка, проходя черезъ комнату.—Онъ пьяный ужасно бунитъ: такихъ фонарей наставлялъ Эмилиа Карловнѣ, что ей двѣ недѣли нельзя будетъ въ люди показаться; столъ, пять стульевъ изломалъ и посуды сколько перебилъ... Варваръ, да и только.

Всю ночь Дарья Андреевна шила; къ утру она такъ ослабѣла, что рѣшила проситься у Эмилиа Карловны домой. Но Эмилиа Карловна упростила ее остаться до тѣхъ поръ, пока она не окончитъ заказанныхъ, къ третьему дню праздниковъ, платьевъ.

— Когда кончите, я васъ отпущу на трое сутки. Только наканунѣ новаго года я васъ прошу зайти, потому что можетъ быть кто нибудь и закажетъ на новой годъ, говорила хозяйка.

— Но мнѣ съ Глашей трудно.

— Послѣ новаго года я поищу дѣвицъ, да вотъ можетъ быть и Катя выздоровѣетъ. А Софью Васильевну я уже не приму. Она хотя и хорошая швея и закройщица, но видитъ Богъ, сколько я перенесла отъ нея. Я думаю васъ выучить кроить платья. Это не очень трудное дѣло.

Дарья Андреевна обрадовалась этому, потому что, сдѣлавшись главной мастерицей-закройщицей, она, кромѣ поштучной платы, могла получать еще и жалованье помѣсячно, а съ этимъ и жизнь ея могла измѣниться къ лучшему. Въ это время ее душилъ кашель, насморкъ не давалъ покою.

Въ обѣдню пришла въ магазинъ тетка Кати. Маша ей обрадовалась и подошла съ вопросомъ о здоровьѣ Кати.

Охъ, мое горе! Катя долго жить приказала... И тетка заплакала.

Изъ рукъ Дарьи Андреевны и Глаши выпала работа отъ этой вѣсти. Пришла Эмилиа Карловна и тоже удивилась, услышавъ о смерти Кати.

— Уходили вы ее, мою голубушку, замучили! говорила со слезами тетка Кати.

— Вольно же вамъ было отбирать отъ нея деньги, сказала Эмилиа Карловна.

— Много вы давали денегъ?.. Нищій больше получить, чѣмъ вы платили. Богъ вамъ судья!

Стали спрашивать тетку о болѣзни Кати, о днѣ смерти и похоронѣ. По рассказамъ тетки, Катя хворала черною немочью, во время болѣзни сперва бредила, потомъ перестала говорить и померла вчера вечеромъ, и ей, теткѣ, и схоронить ее нечѣмъ; вотъ она и пришла за помощью къ Эмилиа Карловнѣ, которой приписываетъ смерть Кати.

— Эмилиа Карловна, выдайте мнѣ изъ моихъ денегъ рубль, сказала Дарья Андреевна хозяйкѣ.

— Зачѣмъ? я лучше сама дамъ своихъ.

— Нѣтъ, я хочу тоже пожертвовать.

— А отъ меня полтинникъ, сказала Глаша.

— Ну, какъ хотите. Только я вамъ не довѣряю: вы, пожадуй, и эти деньги припрячете, сказала она Катиной теткѣ.

Катина тетка обидѣлась. Петерсонъ высказала ей жалобы покойной Кати на нее и увѣряла ее, что она, Василькова, и теперь уже выпивши. Василькова начала упрекать Петерсонъ въ томъ, что она надувала Катю и т. п.; дѣло дошло чуть не до ссоры, и Эмилиа Карловна уже не хотѣла ничего давать Васильковой, но Дарья Андреевна вступилась.

— Эмилиа Карловна, какое намъ дѣло до того, на что онѣ употребятъ деньги. Пусть это останется на ихъ совѣсти, а мы все-таки должны помочь ей, потому что Катя намъ была не чужая.

Эмилиа Карловна дала Васильковой четыре рубля съ полтиной.

Еще ночь просидѣла Дарья Андреевна и на этотъ разъ уже не давала спать Глашѣ, потому что ей хотѣлось проводить на кладбище Катю; Глашѣ тоже хотѣлось и поэтому она готова была бороться съ одолеваящимъ ее сномъ, чтобы только вырваться изъ магазина.

На третій день платья были окончены. Эмилиа Карловна послала ихъ съ Дарьей Андреевной. Первый визитъ Дарьи Андреевны въ богатый домъ съ платьями и за получкой денегъ былъ удачный: платья понравились, ей выдали деньги, подарили полтинникъ за ходьбу и назвали модисткой. Въ прихожей этой барыни было зеркало, и какъ только Дарья Андреевна взглянула въ него, то не узнала себя: лицо ея было блѣдно-истомленное, щеки впали, глаза вялые, какіе-то заспанные, волосы выползали изъ сѣтки и торчали, точно она встала сейчасъ. Впрочемъ, она и сама чувствовала слабость во всемъ тѣлѣ, боль въ головѣ. Ее потягивало, она зѣвала. Но ее беспокоило то, что у нея начинало болѣть горло, чего прежде никогда не бывало, и мучить кашель.

Отъ Эмилиа Карловны Дарья Андреевна отправилась съ Глашей на извозикъ на кладбище. Она ѣхала на извозикъ въ первый разъ на свои деньги; у ней теперь было въ портмоне четыре рубля съ полтиной. Приѣхали онѣ уже тогда, когда изъ церкви вынесли гробъ съ отпѣтой Катей Васильковой. Пока она провожала гробъ до могилы, которая была очень далеко отъ церкви, и возвращалась къ кладбищенскимъ воротамъ, извозчикъ уже уѣхалъ. Пришлось идти пѣшкомъ, а до ея квартиры дойти было не меньше пяти верстъ. Дулъ рѣзкій вѣтеръ какъ разъ въ лицо, онъ сквозилъ сквозь дыры ваточнаго пальто и пробиралъ ее до костей; а три бессонныя ночи до того обезсилили ее, что она не могла идти скоро. Она чувствовала то жаръ то холодъ, то дрожала, въ глазахъ мутилось. Василькова пригласила ее и Глашу къ себѣ помянуть Катю, но онѣ отказались. Кое-какъ она дошла до многолюдной улицы; взяла извозчика, который привезъ ее къ квартирѣ уже больную. Дарья Андреевна захворала. Вскорѣ, какъ она легла на свою постель, съ ней начался бредъ.

XXVI.

Какъ только Эмилія Карловна осталась въ своемъ магазинѣ одна, она заперла изнутри двери, выходящія какъ въ сѣни, такъ и въ кухню, и начала ревизію своего имущества. Не считая посуды, которой еще на долго бы хватило ей супругу бить, у нея было много разныхъ платьевъ и бѣлья, принадлежащаго собственно ей, но какъ платья, такъ и бѣлье оказались приходящими уже въ ветхость: въ одномъ мѣстѣ прорѣха, въ другомъ точно какое нибудь государство на географической картѣ обозначилось на цѣлый аршинъ въ діаметрѣ сѣрымъ пятномъ, составляющимъ тонкій слой, который стоитъ только тряхнуть и изъ него въ ту же минуту образуется пустое пространство; третьи вещи полиняли, четвертыя вышли изъ моды, пятны сдѣлались узки, какъ-то чулки, рукавички, воротнички. И хоть бы одна вещь была новая. Все или надо починить, или перешить, и все-таки будетъ старо, а новаго ничего нѣтъ. Окруженная этимъ тришемъ, какъ торговка на толкучкѣ, Эмилія Карловна задумалась. Все это вещи старинныя, много ихъ, а толку мало, хоть бросать жаль. „Когда-то я лучше жила!“ думала она, глядя на это старье, и ей обидно сдѣлалось, что чѣмъ дальше она живетъ, тѣмъ меньше у нея прибываетъ новаго, а даже убываетъ старое. Вонъ, даже въ шкафу остается одно свободное мѣсто, гдѣ висѣлъ ея дорогой салопъ. Ея воображенію представилась ея кухарка, нарядившаяся въ первый день праздника, послѣ обѣда, въ новое платье, которое хотя и было ситцевое, но шурчало; представилась ей одна содержательница моднаго магазина, къ которой она заходила мимоходомъ пить кофе—и у той новое шерстяное коричневое платье; припомнила она прежніе годы, когда къ Рождеству у нея непременно была какая нибудь обнова. Обидно сдѣлалось Эмиліи Карловнѣ; обидно, что она имѣетъ свой швейный магазинъ, въ которомъ шьютъ дѣвицы, а себѣ она не можетъ завести платья. Вѣдь дѣвицы ничего бы не взяли съ нея. „Въ прошломъ годѣ я тоже хотѣла завести платье—некогда было; въ третьемъ тоже. Къ Пасхѣ хотѣла—денегъ не было“, думала Эмилія Карловна. „И никогда не заведешь новаго платья, потому что некогда, надо работать на сторону, посидѣть во-время. Да и куда мнѣ старухѣ наряжаться? Прежде—дѣло другое“,—рѣшила она и сложила хламъ. Но это не такъ ее безпокоило, какъ безденежье. Взяла она книгу—долговъ оказалось много; ей должны не больше ста рублей, а она должна купцамъ больше четырехсотъ. „И когда это я такъ успѣла задолжать?“ Оказалось, что долгъ накапливался постепенно со втораго года открытія ею магазина. Сперва къ слѣдующему году она была должна только пять рублей, а къ четвертому году уже пятьдесятъ и т. д. „Для чего, спрашивается, я содержу магазинъ? Я должна наживать деньги,

а выходитъ, что я кругомъ въ долгу, живу въ кредитъ. Ужь какъ, кажется, я ни стараюсь угодить моимъ закащикамъ, какъ ни экономничаю, изъ кожи лѣзу, а долги растутъ!“ И ей припомнилась прежняя жизнь. Прежде, хотя она и работала на хозяекъ такихъ же, какъ и она, но тогда только была озобочена, когда хозяйки, почему нибудь, задерживали слѣдующія ей въ уплату деньги; ее беспокоило только то, что живя неразсчетливо, она иногда не могла заплатить въ срокъ деньги за комнату; случилось ей уходить въ магазинъ и не пивши кофе; за то у нея не было долговъ. „Да, тогда лучше было жить“. Но отчего же теперь хуже, если она имѣетъ свой магазинъ, сама хозяйка? Живетъ она экономно, мужъ у нея денегъ не проситъ, и еще даетъ по двадцати и двадцати-пяти рублей въ мѣсяцъ, сывъ тоже даетъ по восьми рублей. Кажется, жить можно бы стлично?—„Да. Хорошо было бы, еслибы у меня съ самаго начала было много денегъ; ну, хоть тысяча рублей. Тогда я бы съ разу, еслибы не повела дѣло на широкую ногу, то, по крайней мѣрѣ, хорошо бы устроилась. Тогда мнѣ не пришлось бы забирать въ долгъ у купцовъ; я бы могла и закащикамъ не отдавать вещи безъ денегъ. А какъ я начала-то дѣло? Такъ же какъ и многія изъ нашего брата. Хотя и говорятъ, что нѣмцы начинаютъ съ небольшими деньгами и потомъ дѣлаются богачами, только эдакое счастье выпадаетъ на долю мужчинъ, а не женщинъ. Открой я магазинъ въ Петербургъ, вышло бы можетъ быть, и другое дѣло: тамъ нѣмокъ много, я бы нашла себѣ швей изъ нѣмокъ, онѣ бы меня поддержали, а здѣсь и нѣмцевъ-то мало. Хотя во время открытiя ея магазина и существовалъ модный магазинъ, въ которомъ хозяйка была нѣмка, но эта нѣмка еще хуже вооружилась противъ нея за то, что она завела еще лишнiй магазинъ въ городѣ. И эта нѣмка живетъ теперь хорошо: у нея богатый магазинъ, у нея работаетъ восемь дѣвицъ, изъ которыхъ пятеро живутъ у нея, т. е. взяты ею въ обученiе даромъ отъ родителей и родственниковъ. Тутъ-то Эмилія Карловна догадалась, что она сдѣлала большую оплошность. „Мнѣ бы надо было съ самаго начала взять къ себѣ на воспитанiе дѣвицъ двухъ-трехъ: хлѣба онѣ съѣли бы немного, износили бы тоже—тряпья-то у меня надолго бы хватило имъ,—деньги платить имъ не нужно, а работа шла бы хорошо. Да, ошиблась я, не расчитала. Сколько я переплатила денегъ своимъ швеямъ! сколько онѣ у меня перепортили, а Казанцова даже перехватывала работу на домъ! Вотъ отчего я постоянно въ долгу и изъ этого долгу никогда не выпутаюсь, если такимъ же порядкомъ буду имѣть работницъ. Надо принять мѣры, пока еще долги не дошли до тысячной цифры, когда, пожалуй, и магазинъ отъ меня отберутъ и по судамъ будутъ таскать, да засадятъ куда нибудь.“

Время теперь самое удобное. Казанцева отъ работы отказалась, да и Эмилія Карловна рѣшила не принимать ее ни подъ

какимъ предлогомъ; Катя умерла, Глашѣ можно отказать, Машу можно бы законтраковать, но она лѣнива, груба и будетъ мучить новыхъ дѣвицъ,—можно ее и прогнать. Дарью Андреевну можно оставить; такъ-какъ она кроить не умѣетъ, то этимъ будетъ заниматься она, Эмилиа Карловна; она будетъ учить Яковлеву этому, и пока Яковлева не научится; она будетъ платить ей поштучно, убавивъ на десять и больше копѣекъ плату противъ прежняго на томъ основаніи, что теперь у нея заводятся новые порядки. Все это отлично, но вотъ бѣда: магазинъ ей нужно устроить по другому: ужь если держать ученицъ на всемъ на готовомъ, надо имъ дать и помѣщеніе, какого въ квартирѣ нѣтъ. Устроить бы имъ мѣсто для ночлега въ кухнѣ, такъ кухня мала. Надо перемѣнить квартиру. А этого сдѣлать Эмилиа Карловнѣ не хотѣлось: она такъ облюбила эту квартиру, въ которой прожила столько лѣтъ, что ей неловко было и тяжело разстаться съ ней; кромѣ этого, квартира была сравнительно съ другими дешева; на этой квартирѣ у нея было и есть много закащицъ, а перейди она на другую квартиру—пожалуй закащицъ и поубавится. Но и это ничего. Главное, найдеть ли она такъ скоро дѣвицъ, а если найдеть, то придется долго ихъ обучать. „Кабы это прежде было!“ вздохнула Эмилиа Карловна и махнула рукой.

„Ужь не закрыть ли совсѣмъ магазинъ? Вѣдь я замужемъ: пусть попробуютъ посадить въ тюрьму. Мужъ не пустить. Ну, а если дѣло будетъ плохо, я уговорю мужа увъхать въ другой городъ или въ Петербургъ“.

Однако, это отчаяніе длилось недолго: ей жалко было разстаться съ магазиномъ, бросить это занятіе; ей непременно хотѣлось имѣть свой магазинъ и хозяйничать въ немъ. Она привыкла хлопотать, чтобы у нея были закащицы, она привыкла командовать. Она была женщина самолюбивая и никакъ не хотѣла довести себя до униженія: закрой она магазинъ—она будетъ ничто; никто ей не будетъ изъявлять уваженія, надъ нею будутъ смѣяться, всѣ ее забудутъ. „Хоть мнѣ и больно теперь, что я кругомъ въ долгу, за то, имѣя закащицъ, я могу современемъ и выпутаться изъ долговъ. Не все же такъ будетъ“. Правда, она это говорила уже не первый разъ, но бросить магазинъ значить уже не надѣяться на себя, обречь себя на бездѣйствіе, на вѣчную скуку. „Еслибы у меня были маленькія дѣтки, тогда бы я пожалуй и бросила магазинъ и стала бы заниматься дѣтьми. А теперь что я стану дѣлать? Я старѣю, мужъ тоже, да онъ и надоѣлъ“. И она рѣшила ни за что не закрывать магазинъ. Намѣреніе устроить его по другому, а именно держать дѣвушекъ подъ видомъ обученія, крѣпко зашло въ ея голову и она высказала это своему мужу.

— Это хорошо! Тогда ты не будешь платить имъ за работу. Я знаю, какъ наживаются хозяева такимъ манеромъ: самъ приходилъ въ обученіи. Только гдѣ мы помѣстимъ ихъ?

— Надо нанять другую квартиру.

— Я давно объ этомъ думалъ, потому что мнѣ далеко ходить на заводъ. А дѣвушекъ мы найдемъ: у нашихъ мастеровыхъ много есть дѣвчонокъ. Они не знаютъ, куда и дѣваться съ ними. Недавно одинъ портной купилъ у нашего мастераго двухъ мальчишекъ за пять рублей.

— Ты найди такихъ, чтобы даромъ отдали.

— Ну, нынче народъ тертый, даромъ не отдастъ. Какъ деньги отдашь—дѣло будетъ вѣрнѣе. Стоить только напоить, всучить деньги и контрактъ заставить подписать, только копѣи давать ненужно. А кто же у тебя будетъ закройщицей?

— Я думаю Яковлеву выучить.

— Уй! уй! Это негодная дѣвица: злая, насмѣшница, чиновница.

— Вотъ это-то мнѣ и нравится: по крайней мѣрѣ, ваша братья меньше къ ней прилипаетъ.

— Собака! Я терпѣть ее не могу, потому она меня мошенникомъ обозвала. Развратная.

— Ну, это едва ли правда.

— Правда! Я хоть и рѣдко бываю дома, а кое-что знаю: ты посмотрѣла бы лучше за своимъ сыномъ.

— Нечего мнѣ смотрѣть, и прошу не упрекать меня сыномъ, котораго вы не очень-то долюбиваете.

— И не люблю, потому онъ картежникъ и съ худымъ поведениемъ.

Послѣ этого разговора съ мужемъ, Эмилиа Карловна задумалась. Адольфъ Яковлевичъ не любилъ ея сына. Еще когда Николай Павловичъ былъ гимназистомъ, у Адольфа Яковлевича чувствовалась къ нему антипатія, не потому, чтобы онъ не любилъ совсѣмъ русскихъ, а потому, что тотъ не изъявлялъ къ нему не только покорности, но относился къ нему, какъ къ чужому человѣку, за котораго мать вышла замужъ Богъ-знаетъ для чего. Не нравилось нѣмцу, что мальчишка относился къ нему свысока, какъ какойнибудь барченокъ къ какомунибудь мужику, смѣялся надъ нимъ, спорилъ, доказывалъ противное, ставилъ его мнѣнія ни во что, держалъ себя такъ заносчиво, что между ними дня не проходило безъ стычекъ; жили они какъ старый котъ съ собачонкой, съ тою разницею, что Адольфъ Яковлевичъ ненавидѣлъ Николая Павловича до того, что старался обѣдать или одинъ, или только съ Эмилией Карловной. Когда же Николай Павловичъ поступилъ на службу и сдѣлался чиновникомъ, то жизнь Адольфа Яковлевича стала еще хуже прежняго; молодой чиновникъ важничалъ передъ нимъ, ставилъ ни въ грошъ его мѣщанское званіе, которымъ онъ наградилъ Эмилию Карловну взамѣнъ ея прежняго чиновческаго, и презрительно относился къ его занятію; Адольфъ

же Яковлевичъ презиралъ Николая Павловича за ничтожность его должности, и удивлялся, за что это такому пустому человеку, умѣющему только писать, даютъ чинъ. Такимъ образомъ, жить вмѣстѣ имъ приходилось подчасъ не въ мочь. Но такъ-какъ оба они считали себя хозяевами у Эмилии Карловны и каждому хотѣлось вытѣснить другаго изъ квартиры, то каждый старался встрѣчаться другъ съ другомъ гораздо рѣже: Адольфъ Яковлевичъ все свободное время проводилъ въ пивныхъ, напивая себя пивомъ, а Николай Павловичъ проводилъ время за картами. Все это весьма озабочивало Эмилию Карловну, которая тщетно старалась примирить мужа съ сыномъ, а въ ихъ времяпровожденіи видѣла одну гибель. Замѣчала также Эмилиа Карловна, что сынокъ ея ухаживаетъ за Софьею Васильевною, заставляла ихъ въ сѣняхъ и хотя дѣлала за это сыну выговоры, но была увѣрена въ томъ, что сынъ ея не рѣшится жениться на Софьѣ Васильевнѣ, которую она не очень долюбливала. Не ускользнули отъ ея глазъ и ухаживанья за Дарьей Андреевной; прежде она на это не обращала вниманія, потому что „онъ мальчикъ, ему нужно развлеченіе; нельзя же ему быть медвѣдемъ“. Теперь же, послѣ разговора съ мужемъ, она серьезно призадумалась надъ этими ухаживаньями и поведеніемъ ея сына. Ухаживанья дѣлаются не съ проста, они къ чему нибудь ведутъ. Отъ нея не ускользнули манеры ея сына за обѣдомъ въ первый день Рождества, когда онъ былъ точно самъ не свой. Ясно стало-быть, что онъ влюбился въ швею.

„А его пора женить. Ему уже скоро пойдетъ двадцать-второй годъ, скоро онъ получитъ должность столоначальника и второй чинъ“. думала Эмилиа Карловна. Но на комъ женить? Эта мысль давно ее преслѣдовала, особенно послѣ ссоръ съ мужемъ изъ-за сына. Она пришла къ тому заключенію, что въ ея домѣ тогда будетъ спокойно, когда въ немъ не будетъ сына: если онъ женится, то будетъ жить или на квартирѣ, или въ домѣ жены. Но она желала, чтобы онъ самъ себя выбралъ невѣсту изъ благородныхъ съ приданымъ, чтобы у родителей невѣсты былъ домъ, забывая, что первый ея мужъ женился на ней единственно изъ любви и на свои деньги справилъ приданое и свадьбу. Однако заводить объ этомъ предметѣ разговоръ съ сыномъ она не рѣшалась; она ждала, не начнетъ ли онъ самъ. Но онъ не начиналъ. А время шло; ссоры въ квартирѣ усиливались; мужъ и сынъ рѣдко приходили домой обѣдать, поздно возвращались ночью. Объ мужѣ она не беспокоилась: заводъ находился далеко отъ магазина и Адольфъ Яковлевичъ обѣдалъ у управляющаго заводомъ, которому и платилъ за это деньги. А гдѣ ея сынъ обѣдаетъ? Не можетъ быть, чтобы онъ обѣдалъ у товарищей, которые не Богъ-знаетъ какое большое получаютъ жалованье: надо уже не имѣть совсѣмъ стыда, чтобы постоянно обѣдать у нихъ, а онъ даже рѣдко кого и къ себѣ-то приглашаетъ на чай. Обѣдать въ трактиръ—

нужно имѣть деньги и деньги большія; быть нахлѣбникомъ не совсѣмъ ловко, имѣя мать. Ужъ не завелъ ли онъ любовницу? Въ этомъ случаѣ, онъ пропащій человекъ, потому что любовница навѣрное его оберетъ. Она слѣдила за сыномъ долго и кое-какъ услѣдила, что сынъ ходитъ со службы въ одинъ ветхій домъ на Тесовой улицѣ. А знала она также, что въ этомъ домѣ живетъ молодая вдова мѣщанка Варвара Николаевна Гаврилова, которая ничѣмъ не занимается. Стала она упрекать сына, — тотъ сказалъ, что онъ готовится въ уздное училища десятилѣтняго брата Гавриловой и ничего худого въ домѣ Гавриловой не дѣлаетъ, и даже обидѣлся, сказавъ, что онъ не маленькій и самъ понимаетъ, что худо и что хорошо, а что если она, мать, будетъ ему надѣвать своими глупыми подозрѣнiями, то онъ и на квартиру съѣдетъ. Эмилія Карловна такъ и оставила его въ покоѣ. Теперь ей еще болѣе хотѣлось женить сына. Но на комъ? Не на мѣщанкѣ же Гавриловой, которая ничего не умѣетъ дѣлать. Дочерей чиновниковъ, такихъ, у которыхъ бы имѣлось хорошее приданое, въ виду не имѣлось, а бѣдныхъ семейныхъ чиновниковъ расплодилось много. Настоящее ея положеніе привело ее къ тому выводу, что хорошо было бы, еслибы сынъ женился на чиновнической дочери, такой, которая бы умѣла шить и помогать ей, и которой она могла бы передать магазинъ. И она остановилась на Дарьѣ Андреевнѣ.

— Дѣвушка она работящая: работа у ней такъ и кипитъ въ рукахъ; кроенье и фасоны разные она пойметъ скоро. Она проста и съ какою угодно дѣвщицею можетъ ужиться; сколько времени она работала, и мнѣ никакого обиднаго слова не сказала; ничего она у меня не утаила. Къ тому же она красивая, изъ дворянскаго роду и у ней родня богатая и видная, такъ что и сыну будетъ хорошо, и работы въ магазинѣ много. Чего же еще лучше надо? Да и сынъ, кажется, любить ее.

Обрадовавшись этой мысли, она рѣшилась говорить съ сыномъ и въ воображеніи устраивала планъ новой квартиры.

Но сынъ не пришелъ ночевать домой въ этотъ день, не явился онъ также къ обѣду и на другой день. Не пришли также ни Глаша, ни Дарья Андреевна. Только послѣ обѣда пришелъ къ ней Кузьма Андреевичъ и спросилъ объ сестрѣ.

— Я ее еще вчера отпустила домой. Она, вѣроятно, и завтра не придетъ, сказала ему Эмилія Карловна.

— Вы неблагородно поступаете съ вашими швеями: развѣ можно ихъ заставлять работать въ праздники, да еще такіе большіе? сказалъ Кузьма Андреичъ.

— Я ихъ не заставляла: онѣ сами работали.

Вечеромъ пришелъ сынъ сердитый. Утромъ, когда Адольфъ Яковлевичъ ушелъ изъ дому, Эмилія Карловна начала съ сыномъ такой разговоръ:

— Я думаю нанять другую квартиру, потому что хочу взять въ обученіе маленькихъ дѣвицъ, а для этого теперешняя квартира негодится.

— И прекрасно. Вы найдите такую, чтобы для меня тоже была отдѣльная комната.

— Я ужъ и это обдумала. Однако, мнѣ, Коля, надо съ тобой поговорить серьезно: ты не мальчикъ, пора тебѣ подумать о женитьбѣ.

Сынъ усмѣхнулся.

— Ты думаешь, я ничего не вижу и не знаю. Я понимаю, зачѣмъ ты ходишь учить брата мѣщанки Гавриловой. Положимъ, мнѣ до вашихъ отношеній вѣтъ дѣла, но ты сообрази, что, во первыхъ, тратишь много денегъ, а во вторыхъ, этимъ ты только себя унижаешь.

— Дальше? спросилъ сынъ, улыбаясь.

— Я говорю не шутя, какъ мать. Развѣ мнѣ пріятно, что ты ведешь такую развратную жизнь? Ты бы мнѣ долженъ помогать, а не тратить деньги Богъ знаетъ на что. Я тебѣ не запрещаю играть въ карты, но развратничать... это нехорошо.

— Все это вздоръ, мамаша, и я удивляюсь, откуда эта химера явилась въ вашей головѣ. И я васъ предупреждаю, что если вы мнѣ еще будете надоедать своими глупостями, то я, право, уйду на квартиру, тѣмъ болѣе, что мнѣ надоелъ Адольфъ Яковлевичъ. Я даже самъ хотѣлъ объ этомъ поговорить съ вами.

Эмилія Карловна заплакала, стала упрекать сына въ неблагодарности, говорила, что онъ ее обижаетъ, и стала сѣтовать на участь матерей, которыя изъ кожи лѣзутъ, чтобы сдѣлать изъ дѣтей хорошихъ людей, а дѣти, какъ встанутъ на ноги, то не только не хотятъ оказать имъ, на старости лѣтъ, помощи, но отворачиваются отъ нихъ, какъ отъ чужихъ, и не изъявляютъ должнаго уваженія. Сынъ старался успокоить ее.

— Кто вамъ говоритъ, что я вамъ не хочу платить денегъ? Я согласенъ вамъ выплачивать за то, что вы воспитали меня и сдѣлали чиновникомъ. Положите сумму, и я буду платить ежемѣсячно, только избавьте меня отъ этой жизни. Вы сами говорите, что я не маленький. Подумайте, пріятно ли мнѣ видѣть косые взгляды Адольфа Яковлевича, слушать его разгоруры о какихъ-то рабочихъ, хвастовство о томъ, что безъ него остановился бы заводъ. А вѣдь я не могу же сидѣть иѣмымъ.

— Ты самъ задираешь.

— Не я, а онъ. Что же дѣлать, если мы съ нимъ ни въ чемъ не сходимся и никогда ни въ чемъ не сойдемся? Это—адъ!

И онъ началъ ходить по комнатамъ.

— Много ты о себѣ думаешь! Я тебѣ не запрещаю жить на квартирѣ и платы съ тебя за воспитаніе не возьму, но я не позволю, чтобы ты жилъ съ какой нибудь мѣщанкой.

— Это дѣло мое.

— Прекрасно! Стало быть, ты меня ни во что ставишь?

— Нынче всѣ должны быть равны. Помните это. Это—разъ; а вотъ другое: вѣдь и вы изъ мѣщанскаго званія.

Эмилиа Карловна замолчала. Она видѣла, что ея планъ ускользаетъ отъ нея, что она не такъ начала.

— Такъ ты думаешь жениться?

— Боже меня сохрани, чтобы я сдѣлалъ такую глупость: это, значитъ, надѣтъ на себя петлю.

— Ахъ, Коля, Коля! Нечестно это, неблагородно. Подумай, вѣдь могутъ быть дѣти.

— Что жь мнѣ дѣлать? Будетъ глупо, если я, получая такое жалованье, закабалу себя женитьбой. Жена сдѣлается чиновницей, я долженъ ее содержать, какъ чиновницу: платья, шляпки, салоны... Нѣтъ!

— Ты женись на чиновнической дочери, сказала Эмилиа Карловна несмѣло.

— У которой ничего нѣтъ—покорно благодарю.

— Какъ нѣтъ? Ты только мнѣ скажи, и я найду.

— Это вы ужь не Яковлеву ли хотите навязать мнѣ?

— А если и такъ...

— Спасибо. Это такая гордая, самолюбивая, что съ нею и полгода не уживешься: ужь если она отъ родни убѣжала, то отъ мужа убѣжить и подавно.

— Не убѣжить, на то ты мужъ...

— Да это только вы привязались къ вашему супругу, а посмотрѣли бы на нашу аристократію: губернаторша живетъ съ прокуроромъ, прокурорша живетъ въ Петербургѣ, вице-губернаторша уѣхала за границу съ чиновникомъ особыхъ порученій, жену правителя канцеляріи подозрѣваютъ въ связи съ предсѣдателемъ уголовной палаты, потому что она открыто вѣдитъ въ нему. Да мало ли примѣровъ... А за тузами послѣдовали и мелкіе чиновники: у насъ недавно женился ассесоръ на повивальной бабкѣ, а она уже черезъ три мѣсяца переѣхала отъ него на другую квартиру.

— А тебѣ-то до нихъ какое дѣло! Вѣдь все это ведется отъ васъ, мужчинъ. А я знаю, что Яковлева не такая. Она любитъ работать, и вотъ я хочу предоставить ей магазинъ, и думаю, что она дѣло поведетъ отлично.

— Теперъ я понимаю!.. Вы хотите женить меня на модисткѣ, которая бы работала на васъ?

— Неблагодарный ты...

— Знаете, какъ общество смотритъ на модистокъ?

— Давно ли ты говорилъ о равенствѣ? Я тебѣ предлагаю Яковлеву потому, во первыхъ, что она дѣвушка хорошая. Я

за нею ничего не замѣчала худаго. Не перебивай, — выслушай. Родня у нея богатая. Положимъ, эта родня ей много не дастъ въ приданое, но у нея еще отцомъ накоплено приданое въ вещахъ. Если родня не дастъ денегъ, такъ ты можешь выиграть по службѣ. Во вторыхъ, она сдѣлается сама хозяйкою въ магазинѣ, а я ни во что не буду вмѣшиваться.

Сынъ задумался. Мать, смотря на сына, продолжала:

— Она не походитъ на другихъ чиновническихъ дочерей: она проста, трудолюбива и горда. За это ее родня не любитъ. Она говорила, что у нея уже было много жениховъ, но она ни за одного не вышла замужъ, потому что или ей ихъ навязывали, или они сами навязывались ей. Я вѣдь знаю, что ты ухаживаешь за нею.

Сынъ покраснѣлъ.

— И я тебѣ не препятствовала въ этомъ, потому что думала, что она не похожа на Казанцеву, но если ты докажешь мнѣ что она вѣтреная, то я и не стану говорить о ней.

— Да, она вѣтреная: хохочетъ, вызываетъ на что-то, и потомъ дуется. Нѣтъ, я ее не люблю.

— Но ты то сообрази, что ты черезъ нее можешь получить хоршую должность, она будетъ хозяйкою въ магазинѣ.

— А мнѣ не хочется, чтобы моя жена была магазинщица!.. Однако, мамаша, вы разрѣшаете мнѣ жить на другой квартирѣ?

— Ты серьезно хочешь?

— Серьезно.

— Дѣлай, какъ знаешь. Но если ты будешь жить съ мѣщанкой-потаскушей, на это нѣтъ тебѣ моего благословенія.

Сынъ ушелъ, а Эмилія Карловна долго плакала. Мечты ея разрушались. На первыхъ порахъ она было рѣшила не принимать къ себѣ сына, но потомъ гнѣвъ ея утихъ. Она думала, что онъ недолго проживетъ на квартирѣ. будетъ ходить къ ней, мѣщанки ему могутъ надоесть. А видя меньше Яковлеву, онъ можетъ полюбить ее. Тогда планы ея осуществятся.

Эмилія Карловна повеселѣла, и ей захотѣлось съзидить на крвартиру Дарьи Андреевны посмотреть, какъ она живетъ.

На другой день она съ Глашей отправилась къ Дарьѣ Андреевнѣ, но тамъ сказали, что Дарью Андреевну вчера увезли въ николаевскую больницу.

Эмилія Карловна запечалилась, поѣхала въ больницу; но ее не пустили, потому, во первыхъ, что было поздно, а во вторыхъ, къ ней никого не велѣно было пускать, кромѣ ея родни, цѣлую недѣлю.

Планы ея рушились. Софья Васильевна поступила на другое мѣсто, сынъ съѣхалъ на квартиру къ мѣщанкѣ Гавриловой, Глашу она отпустила, магазинъ заперла, но вывѣсокъ не сня-

ла: если же кто приходилъ къ ней съ заказами, она брала только то, что могла сшить сама, а другимъ отказывала по болѣзни.

XXVII.

Первый узналъ о болѣзни Дарьи Андреевны братъ ея Кузьма Андреевичъ, который прямо отъ Эмилии Карловны отправился къ сестрѣ. Онъ былъ сердитъ и на сестру, и на Петерсонъ, на первую за то, — что та не поздравила съ праздникомъ ни дядю, ни Платоновыхъ, на послѣднюю за то, что та заставляла его сестру работать въ такой большой праздникъ, какъ Рождество. Кромѣ этого, ему было неприятно еще и то, что Дарья Андреевна обманула сестру, обѣщавъ ей сшить платье, чѣмъ кололи Марью Андреевну дядя и его жена, а между тѣмъ времени до новаго года осталось немного, и матерія лежала нескроенною. Больше всего ему было неприятно то, что дядя обращается съ нимъ какъ-то небрежно, точно онъ сторожъ, такъ что еслибы онъ не надѣялся получить черезъ него за это терпѣннѣе должностъ, то онъ перешелъ бы въ другое присутственное мѣсто. И это онъ тоже приписывалъ Дарьѣ Андреевнѣ. „Ужь задамъ же я ей выговоръ! И если она попрежнему будетъ важничать и задирать вверху носъ—чортъ съ ней: нога моя больше не будетъ у нея“. Такъ думалъ онъ, идя по той улицѣ, которая вела къ дому мѣщанина Удинцова, и чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ больше его разбирала злость, можетъ быть, потому еще, что была вьюга: вѣтеръ такъ и кружилъ только что напавшій снѣгъ, который, какъ иглами, рѣзалъ лицо; къ тому же, и день какой-то мрачный; на небѣ плаваютъ густыя, сѣрыя тучи, которыя чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ кажутся чернѣе. Дорогу во многихъ мѣстахъ занесло снѣгомъ, такъ что приходилось карабкаться по огромнымъ сугробамъ, спускаясь въ гладкую лощину, а тутъ еще ѣхало шесть возовъ съ дровами и пришлось простоять буквально по животъ въ снѣгу, въ сторонѣ отъ дороги, нѣсколько минутъ, пока они проѣзжали. Дорогу къ дому Удинцова тоже замело; да сегодня ее и не прочищали, потому что самъ хозяинъ мучился животомъ, и охая, лежалъ на полатяхъ, жена его еще вчера вечеромъ ушла въ городъ принимать ребенка, сынъ пьянствовалъ безъ просыпу, то есть проснется, напьется и опять завалится спать.

— Сестрица ваша нездорова, сказала ему Татьяна Савельевна, отворявшая дверь съ крыльца въ сѣни.

Глаза ея были заплаканы.

— Что съ ней?

— Простудилась, должно быть. Да у насъ нынче совсѣмъ больница: тещъ охаетъ, животъ надсадилъ; ишь ты, хотѣлъ справиться съ бревномъ; мой мужъ...

Она махнула рукой.

— Старушка наша тоже лежитъ... Сапожникъ третьяго-дня ушелъ куда-то. Должно, запилъ. Просто бѣда!.. Одна. Воюсь..,

Дарья Андреевна лежала въ своей комнатѣ. Она была слаба и дрожала. Въ комнатѣ было холодно.

— Вчера мы хоронили нашу дѣвушку; должно быть, я простудилась. Спасибо, Елена Николаевна въ баню меня сводила вчера, а то не знаю, что бы было... И теперь то жаръ, то ознобъ, и горло болить, говорила слабымъ голосомъ Дарья Андреевна, часто кашляя.

— Вольно же тебѣ было!.. Я не понимаю, право, сестра, что тебѣ за охота такую вести жизнь? Смотри, какъ ты похудѣла, и часто кашляешь.

Дарья Андреевна рукой махнула.

— Не тревожьте ее! Охота вамъ корить больную, проговорила Татьяна Савельевна.

— Ты бы, сестра, въ больницу пошла.

Сестра посмотрѣла на него и болѣзненно улыбнулась, но ничего не сказала.

— Кто еще пустить въ больницу-то! Помереть ей, што ли, тамъ? А еще братъ! проговорила обиженно Татьяна Савельевна.

— Но развѣ здѣсь можно ей оставаться? Здѣсь холодно; окно заволокло снѣгомъ, а истопить, такъ угаръ будетъ.

— Ужь не безпокойтесь! Мы лучше васъ знаемъ... Вотъ теща придетъ, вылечить.

— Сестра, я, право, совѣтую тебѣ лечь въ больницу.

— Какъ хочешь! Мнѣ все равно, сказала Дарья Андреевна и отвернула отъ него лицо.

Братъ постоялъ еще нѣсколько минутъ около сестры и ушелъ.

— Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, ее въ больницу хотите ступить? спросила его Татьяна Савельевна.

— Да.

— Ну, злой же вы, однако.

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что смерти желаете своей сестрѣ. Да нѣтъ, мы ее не дадимъ вамъ ни за что.

Кузьма Андреевичъ разсмѣялся и ушелъ.

Дядя былъ дома. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ съ Елизаромъ Аникіевичемъ Платоновымъ и игралъ съ нимъ въ шашки. Платоновъ былъ средняго роста, здоровый мужчина, съ полнымъ,

досыающимся, гладкимъ, пріятнымъ лицомъ, съ съдыми, острыми подъ гребенку волосами и съ небольшою съдою бородой и съдыми бакенбардами. Около нихъ стоялъ молодой челоувѣкъ двадцати-пяти лѣтъ съ длинными, черными волосами, съ продолговатымъ лицомъ. Въ его манерахъ проглядывала легкость и игривость, а въ черныхъ глазахъ—оживленіе и быстрота. Онъ былъ одѣтъ франтовски въ драповый пиджакъ табачнаго цвѣта и такія же брюки. Это былъ младшій сынъ Платонова, недавно пріѣхавшій изъ Петербурга, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ университетѣ. Яковлевъ и Платоновъ играли, оживленно спорили, острили и говорили другъ другу не очень нѣжныя слова. Семень Елизаровичъ, смотря на нихъ, поддразнивалъ то того, то другаго, что часто ихъ бѣсило.

Кузьма Андреевичъ робко вошелъ въ кабинетъ. Семень Елизаровичъ подалъ ему руку.

— А! Кузьма, сказалъ дядя.—Предсѣдатель не былъ?

— Нѣтъ.

— Закури-ка, братъ, сигару: у меня руки полны шашками, сказалъ Кузьмѣ Андреевичу Платоновъ-старикъ и самодовольно кашлянулъ.

— Не хвастайся, старина: я еще тебя упеку! сказалъ Яковлевъ-дядя.

Кузьма Андреевичъ раскурилъ сигару и подалъ. Молодой Платоновъ сѣлъ въ кресло и взялъ газету.

— Что, вы не видали Дарью Андревну? спросилъ онъ Кузьму Андреевича.

— Сейчасъ былъ у нея: она нездорова, простудилась.

— А! Это плохо. Кто ее лечитъ?

— Старуха-хозяйка.

— Да она эдакъ ее уморитъ.

Старики кончили игру. Встали.

— Ты говоришь, Даша нездорова? спросилъ Кузьма Андреевича дядя.

— Очень, дяденька.

— Сама виновата... Да. Зачѣмъ ей было уходить отъ меня?

— Не могъ, братъ, ты ее удержать! Ха, ха! А еще совѣтникъ, говорилъ, хлопая по спинѣ Ипполита Аполдоновича, старикъ Платоновъ. А кабы я къ себѣ ее взялъ, не ушла бы. Ха, ха! Вы люди старые, у васъ молодежи нѣтъ. Не такъ ли, Сеньюша? Ха, ха!

— Полно вамъ шутить. Надо, въ самомъ дѣлѣ, подумать объ Дарьѣ Андревнѣ, сказалъ Семень Елизаровичъ.

— Я думаю, ее лучше отправить въ больницу... началъ было Кузьма Андреевичъ.

— Не ваше дѣло, милостивый государь. Васъ не спраши-

вають, и вы должны молчать, когда говорятъ старшіе, сказалъ строго Ипполитъ Аполлоновичъ.

Кузьма Андреевичъ покраснѣлъ и отошелъ къ дверямъ.

Да, да! Это не ваше дѣло, молодой человѣкъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія! Это нашъ долгъ... Ха-ха, проговорилъ старикъ Платоновъ.

— Тутъ, кажется, папаша, не надъ чѣмъ смѣяться. Дарья Андревна, какъ говоритъ Кузьма Андреевичъ, живетъ въ холодной квартирѣ... началъ молодой Платоновъ.

— Да, да, безъ сомнѣнія! Мы ее къ себѣ возьмемъ, наймемъ докторовъ. Не такъ ли, Ипполитъ Аполлоновичъ?

— По моему, надъ болѣзнію шутить тоже нечего. И я возьму ее къ себѣ, благо у меня дѣтей нѣтъ и съ нею можетъ водиться ея сестра, проговорилъ Ипполитъ Аполлоновичъ.

Всѣ вошли въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, но кушанья еще не были поданы. Ипполитъ Аполлоновичъ пошелъ къ женѣ. Анна Николаевна обдергивала съ цвѣтовъ сухіе листья.

Сперва Ипполитъ Аполлоновичъ обрадовался извѣстію о болѣзни Дарьи Андреевны, обрадовался какъ всякій эгоистъ, самолюбіе котораго обижено. Онъ былъ до того разсерженъ на Дарью Андреевну, что еслибы, какъ онъ думалъ, она потеряла мѣсто, не могла нигдѣ найти себѣ работы, чтобы чѣмъ нибудь жить, и вслѣдствіе этого пришла бы къ нему съ повинной головой, онъ ее не принялъ бы къ себѣ. Онъ, по своему, думалъ, что ей не вынести такой жизни, на которую она рѣшилась, что эта жизнь съ нуждою и лишеніями на каждомъ шагу, жизнь трудовая, надоѣстъ ей, измучитъ ее, она опять обратится, если не къ нему, такъ къ Платоновымъ, которые прежде обращались съ нею ласково. И онъ подсмѣивался надъ ней и торжествовалъ, думая, что уже тогда она, испробовавъ горькаго, будетъ покорная его раба, и онъ ею можетъ вертѣть какъ угодно. Теперь онъ видѣлъ, что Дарья Андреевна не вынесла рабочей жизни, что ее сломило и стало быть она нуждается въ помощи. Раньше ему не приходило въ голову мысли, что она можетъ захворать, но теперь, при первомъ же словѣ объ ея болѣзни, произнесенномъ Кузьмой Андреевичемъ, онъ сообразилъ, что она у него на рукахъ, потому что, какъ бы онъ ни былъ на нее сердитъ, а онъ все-таки дядя заблудшей овцы, которую оставлять больною въ какомъ-то вертепѣ недовко. Въ этомъ случаѣ, его большая родня стала бы упрекать его въ жестокости. И такъ старикъ Платоновъ уже часто упрекалъ его Дарьей Андреевной, увѣряя, что еслибы она жила у него, то ее никто не довелъ бы до того, чтобъ она ушла въ модистки. Поэтому Ипполитъ Аполлоновичъ былъ даже радъ болѣзни своей племянницы и рѣшилъ взять Дарью Андреевну къ себѣ.

— Наша коза-то допрыгалась-таки: лежитъ больная... Кузьма говорить, что она очень нездорова, проговорилъ Ипполитъ Аполлоновичъ женѣ.

— Намъ-то что за дѣло! отвѣтила хладнокровно Анна Николаевна.

— Д-да!.. Оно, конечно... Только, я полагаю, не мѣшало бы намъ помочь ей.

— Чѣмъ это?

— Надо принять участіе. Еслибы я не занималъ должности и не имѣлъ родни, мнѣ наплевать бы. Но... но теперь нельзя. Оставь я ее на квартирѣ—она умретъ и смерть ея припишутъ мнѣ, хоть я тутъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ.

— Какъ вы сердобольны! Давно ли вы костили ее на чемъ свѣтъ стоить, а теперь...

— Нельзя же, душа моя... Вонъ старикъ Платоновъ то и дѣло надсмѣхается надо мной.

— Ну, и пусть его возится съ ней. Онъ человекъ богатый, не то что мы, голяви... Эдакъ, если мы будемъ всѣхъ призрѣвать—сами будемъ во всемъ нуждаться. А извѣстно, какая отъ нихъ благодарность-то! Пусть они и возьмутъ ее.

— Ну, это ужъ слишкомъ! Да если я допущу до этого, тогда мнѣ ни отъ кого проходу не будетъ изъ-за этой дѣвчонки. Вотъ наградила Господь роденькой! Нѣтъ у насъ такой комнаты, въ которую бы можно было положить больную.

— Ипполитъ Аполлоновичъ! Въ своемъ ли вы умѣ!.. Вотъ еще новости.

— Нельзя же ее бросить...

— Дѣвчонка шлялась Богъ-знаетъ гдѣ...

— Она на мѣстѣ жила.

— Много вы сударь, знаете!.. Я очень хорошо знаю, что такое швейи и какъ онѣ живутъ. Развѣ вы знаете, чѣмъ она больна? Эти швейи, въ общество которыхъ попала ваша племянница, живутъ въ грязи до такой степени неряшливо, что ихъ поѣдомъ ѣдятъ эти, прости Господи... паразиты. — Анна Николаевна вздрогнула. — Нѣтъ, я не дозволю, чтобы въ нашемъ домѣ помѣстилась больная Богъ-знаетъ какую заразой.

— Но... Что же дѣлать?

— Предоставьте это дѣло Платоновымъ. Не забудьте, что у васъ живетъ еще дармоѣдка. Впрочемъ, тутъ цѣль другая.

— Ну, полно!

— Я вѣдь кое-что вижу... Безсовѣстный, безсовѣстный!

— Ну, душа моя! Это тебѣ кажется. Нельзя же все по твоему поступать строгостью; нужно и ласки. Однако, надо что нибудь дѣлать. Отправить ее развѣ въ больницу?

— Это будетъ хорошо.

— Послѣ обѣда я съѣзжу самъ.

— Еще того лучше! Да вы, кажется, совсѣмъ обворожены вашей племянницей!.. Ну, къ чему вамъ ѣздить самому въ больницу? будто это не устроится и безъ васъ? напишите записку къ смотрителю и пошлите ее съ Кузьмой теперь же.

— Пожалуй.

Черезъ четверть часа Кузьма Андреевичъ уже шелъ съ письмомъ къ смотрителю больницы. Яковлевъ сказалъ о своемъ распоряженіи Платоновымъ.

— Прекрасно, прекрасно.., дипломатически... ха-ха! Въ больницу ей будетъ лучше, сказалъ старикъ Платоновъ.

Къ концу обѣда вернулся Кузьма съ извѣстіемъ, что смотритель принимаетъ Дарью Андреевну: въ дворянской палатѣ есть два свободныхъ мѣста.

— Ты, Кузьма, сходи ко мнѣ и скажи, чтобы запрягли возокъ. Въдь на извозчикѣ ее продуетъ.

Кузьма Андреевичъ уѣхалъ къ Платоновымъ съ Семеномъ Елизаровичемъ, и съ нимъ же отправился на квартиру больной.

Оба они во всю дорогу рѣдко заводили разговоръ. При всей жесткости характера, выработавшагося отъ жизни въ чужихъ людяхъ, у которыхъ Кузьма Андреевичъ мало видѣлъ любви и ласки и находился въ постоянномъ подчиненіи, походившемъ на лакейство и доведшемъ его до озлобленія на этихъ людей, но до озлобленія, невысказывавшагося наружу ничѣмъ, потому что онъ все-таки ждалъ отъ этихъ людей помощи, все-таки онъ былъ человѣкъ не злой и очень любилъ Дарью Андреевну, хотя любилъ по своему. Онъ, какъ и себѣ, желалъ ей добра. Себя онъ хотѣлъ устроить такъ, чтобы у него была хорошая должность съ хорошимъ содержаніемъ, и поэтому несмотря на свое озлобленіе къ людямъ, отъ которыхъ зависѣло его счастье, онъ старался угодить имъ, но угождалъ холодно, безъ лести и иногда выражался даже рѣзко. Онъ былъ человѣкъ расчетливый, скупой до того, что дрожалъ надъ каждою копейкою, отказывалъ себѣ во многомъ, не пилъ водки, не курилъ табаку и копилъ деньги, чтобы со временемъ купить должность, а потомъ и домъ — и при всей этой скупости онъ обижался, если ему давали какую-нибудь взятку. Онъ былъ такого убѣжденія, что долженъ дѣлать только то, что слѣдуетъ, за что даютъ жалованье; взятку же или доходъ онъ считалъ подачкой Христа ради. Жениться онъ пока не хотѣлъ, потому что ему нужна была невѣста денежная и смиренная. Дарьѣ же Андреевнѣ онъ желалъ выйти замужъ за хорошаго должностнаго чиновника, такого, который бы не пилъ, не игралъ въ карты, проводилъ время дома и всею душою любилъ свою жену. Поэтому ему весьма было неприятно, что она рѣшилась

сдѣлаться швеей, — поступокъ, по его мнѣнію, сумасбродный и почти небывалый. Это онъ приписывалъ новымъ идеямъ, бродившимъ въ то время въ обществѣ молодежи, вслѣдствіе будто бы какихъ-то романовъ, читать которые онъ терпѣть не могъ, такъ-какъ видѣлъ въ нихъ много непохожаго на жизнь, находилъ много пустаго и ничего такого, что бы говорило о томъ, какъ наживать деньги и быть богатымъ. Но зная характеръ сестры, онъ смирился и не сталъ ее упрекать. Онъ сталъ вдумываться въ жизнь содержательницъ модныхъ магазиновъ, цеховыхъ портныхъ и т. п. лицъ, и пришелъ къ такому убѣжденію, что изъ сестры дѣйствительно можетъ современемъ выйдти содержательница моднаго магазина, хозяйка. Онъ даже подумалъ о томъ: нельзя ли ему жить съ сестрой, чтобы беречь ея деньги и потомъ пополамъ съ нею открыть на ея имя магазинъ. Чѣмъ больше онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ больше мысль эта ему нравилась, потому что его сестра сдѣлалась бы тогда женщиною самостоятельною, а онъ ея помощникомъ. Онъ сознавалъ, что сразу этого достигнуть невозможно, нужно потерпѣть, можетъ быть, и не одинъ годъ, за-то тогда мы будемъ хозяевами и тогда, думалъ онъ, если дѣло у насъ пойдетъ хорошо, я могу службу бросить. Но вотъ сестра захворала; она можетъ умереть. И мечты его рушились. У диди она жигъ, послѣ болѣзни, не станетъ; домой тоже не поѣдетъ, а поступить опять въ магазинъ — и опять захвораетъ, а если все эдакъ будетъ тянуться, то проживетъ недолго. Открыть сразу магазинъ, — нѣтъ денегъ: остается жить вмѣстѣ и ей брать работу на домъ. Но хорошо ли это будетъ, да и найдетъ ли она работу? Главное, не будетъ ли его притѣснять за это дядя? Поэтому Кузьма Андреевичъ ѣхалъ сумрачный; къ тому же онъ еще и не обѣдалъ сегодня: ни у дяди, ни у Платоновыхъ накормить его не позаботились. Его бѣсило то, что дядя не взялъ его больную сестру къ себѣ, а отправляетъ въ больницу. Въ больницы за леченіе въ дворянскихъ отдѣленіяхъ берутъ немало, и онъ рѣшилъ, что будетъ платить изъ своихъ денегъ, и хотѣлъ даже внести впередъ за недѣлю тотчасъ по поступленіи сестры въ больницу.

Семень Елизаровичъ курилъ хорошую сигару и полудремалъ отъ сытнаго обѣда. Онъ ѣхалъ изъ любопытства посмотреть на тѣ вертепы, гдѣ живетъ отребье. Правда, онъ былъ чловѣкъ образованный, съ новыми убѣжденіями, заключавшими въ себѣ желаніе сдѣлать добро бѣдному чловѣку, принадлежалъ къ тѣмъ многимъ богатымъ молодымъ людямъ, которые нужду видятъ вскользь, никогда не живали въ бѣдности, которыхъ коробитъ отъ какихъ-нибудь пьяныхъ криковъ гулякъ, ругани, коробитъ при взглядѣ на лохмотья, при видѣ обезображенной личности, покрытаго язвами чловѣка, которые стараются не дышать нѣсколько секундъ, чтобы не вдохнуть въ себя мужицкой вони, которые кричатъ противъ пьян-

ства, грязи и разврата, хотя сами и не могут обойтись без игрушки хотя бы съ такихъ мѣстъ, какъ Невскій проспектъ. Такъ и Семень Елизаровичъ выросъ, не испытавъ бѣдности на себѣ. Сначала онъ жилъ у отца; у него было много учителей, изъ которыхъ нѣкоторымъ онъ обязанъ тѣмъ, что не сдѣлался идиотомъ и изъ него вышелъ не глупый человѣкъ, умѣющій отличить, что хорошо и что худо. Поѣхалъ онъ въ московскій университетъ, но тамъ ему не понравилось, и онъ прожилъ въ первопрестольной столицѣ только полгода. Петербургъ ему понравился лучше, хотя на первыхъ порахъ ему и трудно было отставать отъ своихъ привычекъ и убѣждений. Лекціи онъ посѣщалъ исправно, съ товарищами жилъ въ ладахъ и даже многимъ помогалъ, сперва безъ расчета, но потомъ такимъ, которые ему нравились только. Жилось ему хорошо, потому что онъ жилъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ за прислугу и за столъ выплачивались деньги изъ доходовъ за домъ, но при всемъ этомъ ему едва хватало въ годъ трехъ тысячъ, которыя ему высылалъ отецъ. Бѣлая часть этихъ денегъ шла на дорогія рубашки, которыя онъ носилъ не больше недѣли и которыми обдаривалъ бѣдныхъ студентовъ, на дорогія сигары, на театры и дѣвицъ, съ которыми онъ обращался какъ богатый человѣкъ, мѣняя ихъ какъ прислугу. Онъ слылъ за либерала; но большинство товарищей все-таки видѣло въ немъ барича, которому дорого его обезпеченное положеніе, барича, который рисовался и сраживалъ для того, чтобы его не презирали. Хотя онъ и важничалъ въ товарищескомъ кружкѣ, общая поддержку, хвастаясь своимъ большимъ знакомствомъ, но какъ только дѣло принимало серьезной оборотъ, онъ запирался въ своей квартирѣ подъ предлогомъ болѣзни, и такимъ образомъ ему удалось избѣгать различныхъ неприятностей, постигшихъ нѣсколькихъ его товарищей, и получить степень кандидата. Начальство, считая его за благонамѣреннаго человѣка, желало ему много хорошаго впереди: ему предлагали ѣхать за границу съ научною цѣлю, но онъ, не чувствуя призванія къ ученой дѣятельности, отказался. Онъ даже и служить не хотѣлъ, потому что не находилъ для себя рода службы: ему предлагали мѣсто посредника—онъ отказался, потому что чувствовалъ, что не сладитъ какъ слѣдуетъ ни съ крестьянами, ни съ помѣщиками; предлагали судебнаго слѣдователя,—онъ отказался на томъ основаніи, что ему жалко становится, когда онъ видитъ арестанта, а тутъ ему придется можетъ быть загубить цѣлыя семейства; другой родъ службы онъ считалъ ни для кого не нужнымъ. Вообще онъ съ насмѣшкой относился къ чиновничеству. Въ этотъ городъ онъ пріѣхалъ недавно и скоро успѣлъ обратить на себя вниманіе всей аристократіи. Онъ былъ принятъ вездѣ какъ рѣдкій и умный гость, умѣющій развлекать даже брюзгливаго старика; его знакомства добивались многіе. Онъ умѣлъ хорошо танцевать, пѣть, играть на фор-

тепѣано, не отказывался также играть и въ банкъ; безъ него не устраивался ни одинъ спектакль и ни одинъ литературно-музыкальный вечеръ или утро. Вездѣ онъ былъ простъ, любезенъ; не отказывалъ онъ въ помощи и бѣднымъ людямъ, такъ что многія старухи чиновницы, имѣющія много дѣтей, души въ немъ не чаяли и всюду разславляли, что младшій Платоновъ несравненно добрѣе и проще самого старика Платонова, и что если старикъ умретъ, тогда бѣднымъ людямъ будетъ не житье—а царство. Но старики чиновники разсуждали иначе: они предсказывали, что онъ спуститъ все имѣнiе и сдѣлается такимъ чиновникомъ, къ которому уже не подступайся.

И вотъ этотъ человекъ ѣхалъ къ Дарьѣ Андреевнѣ, и надо замѣтить, ѣхалъ въ первый разъ въ жизни въ такое мѣсто, гдѣ жили бѣдные люди,—въ вертепъ, какъ называлъ эти мѣста его отецъ.

Нельзя сказать, чтобы его занималъ женскій вопросъ, хотя онъ, принадлежа къ лагерю людей, подобныхъ Телѣжниковой, и горячо разсуждалъ объ эмансипаціи женщинъ; да его и не могъ долго занимать этотъ вопросъ, потому что онъ вращался въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ были сыты, не ошущали надобности въ работѣ изъ-за куска хлѣба, не испытывали того, что испытываютъ тѣ, которымъ работа и вообще трудъ кажется тяжелымъ. Онъ зналъ хорошо, что какъ онъ, такъ и барыни иереливаютъ изъ пустаго въ порожнее, и смѣялся надъ тѣми барынями, которыя тосковали о томъ, что имъ нечего дѣлать, что ихъ не удовлетворяетъ семейная жизнь, надобла возня съ дѣтьми, наскучили книги; зналъ также, что если какая-нибудь изъ такихъ барынь принималась шить себѣ платье, то она непремѣнно призывала швею; въ присутствіи швеи шила, портила и въ концѣ концовъ, считая себя неспособною, бросала работу, которую и оканчивала швея. Онъ смѣялся надъ этими барынями даже явно, за что онъ и прозвали его насмѣшникомъ, осмѣивающимъ благородные нравы, а Телѣжникова даже злилась на него. Однимъ словомъ, женскій вопросъ онъ считалъ пригоднымъ только для низшаго сословія, живущаго исключительно трудомъ, которое ни о какой эмансипаціи не разсуждаетъ и не требуетъ посторонняго вмѣшательства. Но вотъ онъ услышалъ, что чиновническая дочь пошла въ швею. Это бы ничего, потому что мало ли есть бѣдныхъ чиновниковъ, которымъ нечѣмъ содержать свою семью, но его удивило то, что это была дѣвушка изъ хорошей фамиліи. Онъ ясно видѣлъ, что какъ совѣтъ Яковлевъ, такъ и отецъ его и вся ихъ родня конфузились, когда заводился разговоръ объ Дарьѣ Андреевнѣ; они старались не говорить объ ней въ обществѣ; но въ то же время замѣтилъ, что въ аристократическомъ обществѣ интересуются этою дѣвушкой. И дѣйствительно, сытые и праздные люди заговорили объ ней разнo: одни завопили, что дѣвушка

прониклась новыми идеями, и либовали; другіе хвалили ее за смѣлость и рѣшимость и желали ей уснѣха; третьи завидовали и сердились, что Дарья Андреевна опередила ихъ, т. е. что они еще думаютъ, а она ужъ работаетъ, и старались узнать, что это за личность? За тѣмъ пошли сплетни. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ барыни обращались съ модистками небрежно, какъ съ рабочими людьми, которыхъ и обругать можно вѣжливымъ образомъ; и вдругъ въ это общество идетъ дѣвушка изъ известной и благородной фамиліи не по нуждѣ, а Богъ-знаетъ отъ чего! И большинство рѣшило, что тутъ что-то не такъ.

И вотъ молодому Платонову представился случай увидеть эту дѣвушку, увидеть, какъ живутъ трудящіяся женщины, и провѣрить, на сколько справедливы объ ней толки аристократокъ. Онъ зналъ Дарью Андреевну, но видалъ ее рѣдко; онъ видѣлъ ее въ третьемъ годѣ, она изрѣдка гуляла въ саду его отца, но онъ говорилъ пустяки, смѣшилъ ее разными разсказами, преимущественно о шалостяхъ студенческихъ, различныхъ продѣлкахъ; правда, она спрашивала его кое о чемъ, но онъ отдѣлывался шуточками, потому-что считалъ бесполезнымъ дѣлиться съ нею своими знаніями; словомъ съ нею онъ проводилъ время пріятно. Иногда онъ позволялъ себѣ шалости, въ родѣ объятій, но она убѣгала отъ него, давала ему шелчокъ, — что ему, избалованному человѣку, привыкшему получать удовольствія безъ борьбы, не очень-то нравилось. Впрочемъ, онъ ею не могъ увлечься во первыхъ потому, что она бывала у Платоновыхъ очень рѣдко, и то съ дядей или теткой; во вторыхъ была не такъ красива, какъ желалъ Семень Елизаровичъ, и въ третьихъ, онъ все-таки считалъ ее дѣвицею необразованною. Старыя баловства теперь припомнились, сердце его билось не то тоскливо, не то радостно, ему захотѣлось во что бы то ни стало принять участіе въ ея судьбѣ, вылечить ее, — за что она, бѣдная дѣвушка, конечно, будетъ очень благодарна ему и привяжется. Онъ представлялъ ее себѣ высокою, стройною, красивую дѣвушкою, такою, какая входила въ его идеалъ и какая выходила бы изъ ряда обыкновенныхъ существъ; онъ думалъ, что она его полюбитъ и онъ ее... и потомъ... Онъ томно прищурилъ глаза, но вскорѣ же повернулся такъ, что Кузьма Андреевичъ посмотрѣлъ на него.

— Что, Дарья Андреевна много получаетъ за шитье? спросилъ онъ Кузьму Андреевича.

— Она получаетъ за штуку.

— Говорятъ, что модисткамъ платятъ хорошо.

— Да, ей платили рубля по два за штуку.

— Какъ мало! Я вотъ недавно здѣсь заказалъ себѣ пару: фракъ, брюки и жилетъ, и съ меня портной взялъ пятьдесятъ рублей. Онъ говорилъ, что одно шитье стоитъ десять рублей.

— Не знаю. Только вы очень дорого заплатили.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Я недавно сшилъ себѣ сюртукъ, брюки и жилетъ за двадцать-пять рублей.

— Не можетъ быть! Можетъ быть, сукно было ваше?

— Нѣтъ, драпъ былъ его.

— Ну, да вы, конечно, отдавали какомунибудь послѣднему портному.

Кузьма Андреевичъ не отвѣчалъ, потому-что самолюбіе его было оскорблено; теперь онъ еще больше обидѣлся на Платоновыхъ: ужъ если ихъ сынъ, слывшій за прогрессиста, называетъ при немъ его сестру модисткой, то каково ее чествуютъ старшіе! А Семенъ Елизаровичъ нѣсколько минутъ анализировалъ Кузьму Андреевича: какой у него лобъ маленькій, глаза глядятъ какъ у ідіота... О-о, какъ зрачки расширились. Должно быть, ему непріятно, что сестра пошла въ модистки. Несчастный, бѣдный чиновникъ! что изъ тебя выйдетъ? помощникъ столоначальника и только. Онъ немножко задоренъ. Дай-ка я его подзадорю.

Но подзадорить ему неудалось, такъ-какъ стали спускаться подъ гору. Подулъ рѣзкій вѣтеръ и Семенъ Елизаровичъ закрылся плотнѣе. Поѣхали узкой улицей. Семенъ Елизаровичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на маленькіе домики съ высокими крышами, построенными, повидимому, безъ всякаго плана; его удивляло то, что въ городѣ многіе дома до того занесены снѣгомъ, что ихъ почти не видно; ему сдѣлалось страшно, потому что онъ ѣхалъ по такой мѣстности, гдѣ, какъ говорили въ городѣ, особенно въ высшемъ кругу, жили воры и разбойники.

— Правда ли, что здѣсь живутъ разбойники? спросилъ онъ Кузьму Андреевича.

— Я не знаю. Впрочемъ, мнѣ случалось возвращаться отъ сестры по ночамъ, и меня никто не грабилъ.

— Ну, да вы... Вѣдь у васъ взять нечего, къ тому же здѣсь живетъ ваша сестра.

Подѣхали къ дому Удинцова. Съ большими усиліями кучеръ Платонова и Кузьма Андреевичъ отворили ворота, кое-какъ повернули во дворъ лошадь съ возкомъ. На крыльцо вышла Татьяна Савельевна и казалась очень недовольна тѣмъ, что въ ихъ дворъ вѣхалъ барскій возокъ.

— Могли на улицѣ торчать—невидалъ какая! Пошли со двора! кричала она.

Ей было досадно, потому что въ эту слободу никто еще не пріѣзжалъ на барскихъ лошадяхъ, и теперь пожалуй ихъ, Удинцовыхъ, стануть попрекать тѣмъ, что они знаютъ съ господами.

— Позвольте вамъ объяснить, что мы пріѣхали за больной.

— Нешто у насъ лазаретъ? А коли кто нездоровъ, такъ дѣло не ваше; мы и сами умѣемъ лечиться.

— Какая вы строгая!

— Нечего лисы-то разводить! Извольте убираться прочь отсель!

— Какъ грубъ и невѣжественъ этотъ народъ, замѣтилъ Семенъ Елизаровичъ Кузьмѣ Андреевичу.— Да ее надо непременно увезти. Гдѣ она живетъ?

— Кто еще васъ пустить? Можетъ, вы воры какіе?

— Я вотъ тебѣ дамъ воры! крикнулъ кучеръ Платонова.

Въ это время Татьяна Савельевна захлопнула дверь и заперла ее изнутри задвижкой.

Семенъ Елизаровичъ злился и на молодую грубинку, и на себя.

Кузьма Андреевичъ вошелъ на крыльцо и сталъ стучаться въ дверь.

Наконецъ, дверь отворилась и на порогѣ показался самъ Удинцовъ. Онъ былъ босой, на немъ была ситцевая рубашка и синіе изгребные штаны. За нимъ стояла Татьяна Савельевна.

— Что-жъ ты дура, не пускаешь-то ихъ? спросилъ старикъ Татьяну Савельевну.

— А зачѣмъ они безъ спросу во дворъ вѣхали? Кузьму-то Андреича я знаю, а этого не знаю.

— Пожалуйте.

Само собою разумѣется, что Платонова поразила обстановка комнаты и сама Дарья Андреевна, которая была и худа, и блѣдна, но онъ не могъ воздержаться отъ улыбки при видѣ Ольги Герасимовны, которая хлопотала около больной: она призывала къ пяткамъ ногъ больной тряпки съ хрѣвомъ.

— Здравствуйте, Дарья Андреевна! Что это съ вами? проговорилъ нѣжно, съ участіемъ Семенъ Елизаровичъ.

Дарья Андреевна протянула руку и проговорила:

— Нездоровится.

Ей сообщили, зачѣмъ они пріѣхали.

— Очень вамъ благодарна... Миѣ, право, и дома хорошо.

— Но, помилуйте, здѣсь холодно, сыро... Нѣтъ, мы васъ отвеземъ въ больницу, въ дворянское отдѣленіе... Мы пріѣхали въ возкѣ.

— Какъ знаете... Миѣ теперь все равно... Только дома помирать лучше. Ольга Герасимовна, какъ вы?

— Конечно, я думаю, тамъ удобнѣе. Только какъ ты поѣдешь, мать моя, развѣ надѣнешь мужнину шубу?

— Нѣтъ, я дома останусь съ вами, бабушка. И она подала руку доброй старухѣ.

Однако Дарью Андреевну уговорили. Кое-какъ она одѣлась съ помощію Ольги Герасимовны и брата; кое-какъ спустилась съ лѣстницы. Ее провожала Ольга Герасимовна, старикъ Удипцовъ и Татьяна Савельевна. Ольга Герасимовна плакала, остальные проклинали барина, вмѣшивающагося въ честныя семейства.

— Прощай, мать моя, выздоравливай поскорѣе, рыдала старуха.

— Ольга Герасимовна, тамъ въ узелкѣ у меня есть деньги; возьмите ихъ къ себѣ, сказала Дарья Андреевна.

Скоро они уѣхали. Больше ужъ Дарья Андреевна не видала старуху Мартынову.

Когда Дарью Андреевну сдали въ больницѣ смотрителю и когда ее увели въ палату, Кузьма Андреевичъ спросилъ смотрителя.

— Много ли будетъ стоить леченіе сестры?

— О, это пустяки! Для Исполита Аполлоновича мы и такъ будемъ лечить.

— Нѣтъ, я этого не хочу. Сколько вы берете въ сутки?

— По положенію слѣдуетъ тридцать-пять коп., потому-что будутъ требоваться лекарства... Но вы для чего же спрашиваете объ этомъ?

— Я буду самъ платить. Я пожалуй внесу теперь же три рубля.

— Какъ вамъ угодно.

— Послушайте, Кузьма Андреевичъ: я вамъ этого не позволю. Вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло, обижаете насъ, проговорилъ Семенъ Елизаровичъ.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что хотите вносить деньги. Это наша прямая обязанность, потому-что вы человекъ бѣдный.

— Покорно васъ благодарю!.. Г. смотритель, потрудитесь взять деньги! и подайте деньги смотрителю.

— Пожалуйста получите и отъ меня. Семенъ Елизаровичъ тоже вынулъ изъ портмоне десятирублевую бумажку.

— Не беспокойтесь. Теперь достаточно и трехъ рублей. Подождите, г. Яковлевъ, я вамъ напишу росписку.

Смотритель ушелъ, Семенъ Елизаровичъ сталъ быстро ходить по комнатѣ.

— Вы теперь куда—къ намъ?

— Нѣтъ, къ дядѣ.

— Хотите, я васъ довезу?

Но Кузьма Андреевичъ отказался. Семенъ Елизаровичъ холодно простился съ нимъ и уѣхалъ.

Получивши росписку, Кузьма Андреевичъ отправился въ хар-

чевню, гдѣ и закусилъ, а потомъ пошелъ къ Удинцову за вещами и деньгами Дарьи Андреевны. Ольга Герасимовна долго не давала ни того, ни другаго, позвала старика Удинцова, и только по его совѣту отдала подъ росписку Кузьмы Андреевича деньги Дарьи Андреевны и узелъ. Къ дядѣ онъ не пошелъ. Но на другой день, дядя позвалъ его въ свой кабинетъ въ налатъ.

— Какое право ты имѣлъ вносить деньги за свою сестру? Кто тебѣ далъ право соваться туда, куда тебя не спрашиваютъ? А?! спросилъ онъ строго Кузьму Андреевича.

— Она сестра мнѣ.

— Знаю... Знаю я также и то, что твое жалованье невелико. Можетъ быть у тебя есть доходы? Смотри, братъ!.. Я хоть и дядя тебѣ, а не потерплю взяточника. И если ты еще разъ осмѣлишься вносить деньги—я приму мѣры строгости.

— Какъ вамъ угодно.

— Что такое?

— Какъ вамъ угодно.

— Извольте сегодня и завтра дежурить въ отдѣленіи и спитать мнѣ формуляры о службѣ столоначальниковъ. Молокососъ.

Сильно расхотился дядя, даже дошелъ до свирѣпости, но выходя изъ палаты приказалъ ему придти вечеромъ съ бумагами, транспарантомъ, линейкой и перьями. Хотя у дяди онъ пилъ чай и ужиналъ съ нимъ за столомъ, но обиды, нанесенной ему дядей, не могъ ему простить. Онъ бы и теперь сталъ искать другой службы, но въ отдѣленіи открывалась вакансія помощника бухгалтера, и дядя въ этотъ же вечеръ пообѣщалъ ему эту должность.

XXVIII.

Въ больницѣ болѣзнь Дарьи Андреевны усилилась. Хотя ей и давали лекарства, лечили ее молодые доктора, недавно выпущенные изъ университетовъ, но болѣзнь все болѣе и болѣе принимала серьезный характеръ, такъ что доктора заключили, что она умретъ. Въ палатѣ, гдѣ она лежала, кромѣ нея, была только одна больная старушка. У этой больной недавно отпилили ногу. А такъ-какъ въ палатѣ больныхъ было только двѣ женщины, то присмотръ за ними былъ плохъ: сидѣлка хотя и была, но она большую часть дня проводила въ другихъ палатахъ, гдѣ было больше больныхъ женщинъ, и въ которыя она была тоже назначена служить. Поэтому, посѣщенія Кузьмы Андреевича приходились кстати. Онъ приходилъ въ сутки два раза: утромъ и вечеромъ, наблюдалъ, правильно ли его сестра принимаетъ лекарства, самъ поилъ ее ими, устраивалъ припар-

ки и т. п... Хотя доктора и говорили ему, что выздоровленіе его сестры сомнительно, но онъ отчаянію не предавался, и по окончаніи срока, снова внесъ за пребываніе въ больницѣ деньги за недѣлю впередъ. И надо правду сказать, что въ продолженіе трехъ съ половиною недѣль, въ теченіе которыхъ двадцать сутокъ Дарья Андреевна находилась въ безсознательномъ положеніи, ее никто не навѣстилъ ни изъ родни, ни изъ знакомыхъ. Исполнить Апполоновичъ и старикъ Платоновъ только собирались, но не могли выбрать свободнаго времени, чтобы съѣздить въ больницу; Семень Елизаровичъ развѣзжалъ по разнымъ помѣщикамъ; Анна Николаевна и Телѣжниковъ ѣхать туда боялись, чтобы не заразиться лихорадкой. Правда, Анна Николаевна однажды приѣзжала въ больничную церковь съ Телѣжниковой, но онъ такъ усердно молились, что уже возвращаясь домой вспомнили, что хотѣли навѣстить больную. Ни объ Удинцовыхъ, ни объ Ольгѣ Герасимовнѣ, ни о г-жѣ Петерсонъ Кузьма Андреевичъ ничего не слыхалъ. Итакъ Дарью Андреевну всѣ оставили, кромѣ брата; къ ней не пускали даже Марью Андреевну подъ опасеніемъ, что она принесетъ на себѣ заразу; идти же туда секретно она не могла, потому-что Анна Николаевна или заваливала ее работой, или она должна была занимать своего жениха, который былъ чрезчуръ ужъ молчаливъ

Тутъ не мѣшаетъ сказать кое-что и о сестрѣ Дарьи Андреевны. Жизнь у почтеннаго дядюшки показалась ей такъ сладка, что у ней явилось непреодолимое желаніе какъ можно скорѣе убѣжать отъ него куда нибудь; но она была женщина неразвѣтная, у нея не было рѣшимости, она не знала куда ей бѣжать? Домой ей не хотѣлось; ей было тамъ противно по двумъ причинамъ: первая была та, что она должна была жить съ мачихой, а другая, — что, какъ извѣщала ее мачиха, бывший ея женихъ Павловъ, женившись на мѣщанкѣ, сдѣлался теперь славнымъ человѣкомъ: водки не пьетъ, одѣвается хорошо и перешелъ на службу въ магистратъ секретаремъ. Ей было очень досадно, что она не вышла замужъ за Павлова, она на него злилась за то, что онъ надулъ ее. Теперешній же женихъ ей опротивѣлъ. Ему хотя и было подѣ тридцать лѣтъ, но лицо у него было карявое, обрюзглое, волосы жидкіе, свѣтлорусые; говорилъ онъ негромко, пришепетывая, одѣвался какъ-то небрежно, — однимъ словомъ, во всей его фигурѣ и въ движеніяхъ много было отталкивающаго. Хотя же Марья Андреевна насчетъ фигуры своего жениха была не очень требовательна и знала, что у него есть домъ и онъ, какъ женится на ней, получитъ должность, но ей не нравилось то, что отъ него постоянно пахло водкой и онъ постоянно молчалъ. И чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ онъ становился противнѣе. Она написала брату Осипу Андричу, котораго умоляла принять ее къ себѣ, но черезъ три сутки послѣ отправки этого письма, къ дядѣ пріѣхала съ визитомъ

Марѳа Антоновна. Марѳа Андреевна хотѣла было спросить ее насчетъ письма, но ее скоро отослали въ ея комнату.

Когда ушла отъ дяди Марѳа Антоновна, Марѳа Андреевна замѣтила, что дядя былъ очень сердитъ. Онъ долго ворчалъ: „черти! свиньи! Обо всѣхъ васъ хлопочи! Вотъ навязалась роденька-то!“ Но изъ этихъ отрывочныхъ словъ Марѳа Андреевна ничего не поняла; Анна же Николаевна сидѣла съ заплаканными глазами и, часто вздыхая, говорила: „малютокъ жалко. У нихъ вѣдь поди ничего нѣтъ“.

— Дяденька, отпустите меня къ братцу Осипу Андреичу, сказала Марѳа Андреевна робко.

— Это еще что за выдумки? Пошла отсюда въ свое гнѣздо! Скоты!

— Дяденька, я не хочу замужъ.

— Это мы увидимъ! Экъ нашли дурака: всѣхъ что ли я долженъ кормить? Вы благодарности не чувствуете въ себѣ.

— Я не хочу замужъ.

— Свинья! пошла въ свою комнату! проговорилъ дядя съ побагровѣвшимъ отъ злости лицомъ.

Марѳа Андреевна ушла и разрыдалась. Ее не тревожили, изъ дому не гнали. А какъ бы она была рада, еслибы ее выгнали: она пошла бы къ Кузьмѣ, взяла бы у него денегъ и поѣхала бы къ брату. Ей больно стало, что ее обругалъ дядя свиньей. И жизнь до того казалась ей гадкою, что она задумала удавиться. Она заперла дверь на замокъ и, по обыкновенію, спрятала ключъ подъ подушку, потому что боялась, чтобы къ ней не пришелъ ночью дядя, такъ какъ онъ иногда днемъ заходилъ къ ней и ласкалъ ее, потомъ сняла со стѣны зеркало, обмотала вокругъ шеи бичевку и встала на стулъ, чтобы другой конецъ завязать на гвоздѣ. Въ это время (дѣло было ночью) вдругъ отворяется дверь и въ комнату входитъ въ ночной одѣждѣ Анна Николаевна. Она вошла такъ тихо, что еслибы не скрипнула дверь, Марѳа Андреевна не слыхала бы ея прихода.

Дѣло въ томъ, что Анна Николаевна имѣла отъ двери этой комнаты другой ключъ. Она была до того подозрительна и труслива, что по ночамъ обходила весь домъ, и когда у Марѳы Андреевны не было въ комнатѣ огня, она, если изнутри не былъ вложенъ въ замокъ ключъ, отпирала дверь и смотрѣла, тутъ ли Марѳа Андреевна.

Какъ разъ въ то время, какъ Анна Николаевна отворила дверь, комнату освѣтила луна и Анна Николаевна увидала свою племянницу нагнувшеюся. Она струсила, но тотчасъ же встала на стулъ, рванула бичевку — и бичевка соскочила съ гвоздя. Марѳа Андреевна сошла со стула и сѣла на кровать.

— Что это такое! Что это такое! Царица небесная! вопила

Анна Николаевна, потомъ подошла къ двери, крикнула Ипполита Аполлоновича и зажгла свѣчку.

— Ахъ, Боже мой, напасть какая! стонала Анна Николаевна. Съ Марьей Андреевной сдѣлался жаръ; она ничего не понимала, что происходило, и сдѣла съ дикими глазами. Пришелъ Ипполитъ Аполлоновичъ.

— Что такое? спросилъ онъ въ испугъ.

— Полюбуйтесь! И Анна Николаевна подвела къ племянницѣ супруга.

Тотъ посмотрѣлъ, махнулъ такъ, что у него изъ руки выпалъ длинный чубукъ. Стукъ вывелъ изъ оцѣпененія Марью Андреевну, она вздрогнула, привстала... но дядя, ухвативъ ее за платье, размоталъ бичевку.

— Негодница! Собака захотѣла собачьей смерти... Жалко, что я тебѣ не отецъ, задалъ бы я тебѣ баню,—и онъ толкнулъ ее на кровать.

— Ее надо въ полицію отправить.

— А вотъ посмотримъ! и онъ ушелъ.

Марья Андреевна лежала въ безпамятствѣ. Немного погодя, Яковлевъ привелъ въ комнату своего кучера и велѣлъ ему спать тутъ на полу у дверей.

— Съ ней горячка. Завтра мы ее свеземъ въ больницу, сказалъ Яковлевъ дворнику.

На другой день и Марья Андреевна поступила въ больницу; ее помѣстили въ ту же палату, гдѣ лежала ея сестра. О томъ, что она хотѣла задавиться или повѣситься. Яковлевы никому не сказали. Въ это время Дарья Андреевна находилась уже въ сознательномъ состояніи, только была очень слаба. Ее очень удивило появленіе сестры въ больницѣ, но Марья Андреевна съ своей стороны была такъ слаба, что она ее не стала спрашивать, а только просила Кузьму Андреевича, чтобы онъ и за сестрой ухаживалъ такъ же, какъ и за ней.

Наконецъ Дарью Андреевну навѣстила Эмилиа Карловна. Она пришла въ воскресенье. На ней было надѣто черное платье. Сама она похудѣла, щеки поблѣднѣли.

— Какъ дѣла, Эмилиа Карловна? спросила ее Дарья Андреевна.

— О, Дарья Андреевна! дѣла мои очень плохи.

— Какъ такъ?

— Такъ. Какъ только вы захворали, все пошло вверхъ дномъ. Софью Васильевну, послѣ ея каверзъ, я уже не хотѣла больше брать... Я, видите ли, все думала, что вы скоро выздоровѣете, и хотѣла, да и теперь хочу васъ сдѣлать главной мастерицей... Кроить дѣло пустое. Поймете?

— Я еще не совсѣмъ выздоровѣла и, думаю, пролежу здѣсь еще недѣли двѣ.

— Боже мой, какъ долго! Нельзя ли раньше? Я васъ помѣщу у себя въ квартирѣ.

— Благодарю. Только я должна поправиться, а то опять могу захворать.

— Но я васъ не принуждаю. Однако, эти доктора!... А у меня теперь хорошенькая квартира.

— Какъ, вы развѣ уже на другой? Вѣдь вы на прежней, какъ говорили, жили долго.

— Что дѣлать, Дарья Андревна. Вы, я думаю, сами видѣли, что на этой квартирѣ мнѣ не везло.

— Полноте, Эмилиа Карловна! У васъ работы всегда было такъ много, что жить бы можно было, и очень. Вѣдь вы, кромѣ вашего магазина, имѣли еще мужа и сына, которые жили, кажется, не на вашъ счетъ.

— Ничего вы не знаете въ этихъ дѣлахъ, потому такъ и судите. И она рассказала о своихъ долгахъ, о плутняхъ швей и въ особенности Софьи Васильевны, но объ отношеніяхъ своего мужа къ сыну и наоборотъ ничего не сказала; потомъ прибавила:—а я теперь уже думаю иначе устроить магазинъ: я хочу пригласить маленькихъ дѣвочекъ и подъ вашимъ присмотромъ обучить ихъ шитью. Современемъ, изъ нихъ сдѣлаются хорошія швеи. Я уже штурвъ пять подыскала.

— А какъ здоровье Адольфа Яковлевича?

— Охъ! Эмилиа Карловна махнула рукой и тяжело вздохнула.

— Что, онъ боленъ?

— Хуже—съ ума сошелъ: онъ уѣхалъ въ другой городъ. Теперь я живу съ сыномъ.

Проговоривши это, госпожа Петерсонъ распрощалась съ Дарьей Андреевной и ушла.

Предложеніе госпожи Петерсонъ показалось Дарьѣ Андреевнѣ выгоднымъ. Прежде она находилась у Петерсонъ какъ швея, которою помыкали какъ хозяйка, такъ и главная мастерица. Хозяйка была съ ней вѣжлива, потому что она была хорошая работница; за то ее не любила Софья Васильевна, видѣвшая въ ней соперницу. Софья Васильевна хотя и командовала надъ дѣвками, но она не имѣла надъ ними такой власти, какая теперь предоставлялась Дарьѣ Андреевнѣ. Теперь Дарья Андреевна могла зависѣть только отъ хозяйки; оставалось одно—будетъ ли она платить хорошо деньги? Не будетъ ли она и ее такъ же надувать, какъ надувала Софью Васильевну? Однако, ей все-таки предложеніе госпожи Петерсонъ понравилось, потому что, до ея посѣщенія, она крѣпко задумывалась надъ тѣмъ, чѣмъ она будетъ заниматься по выходѣ изъ больницы;

а идти ей опять къ Петерсонъ не хотѣлось. Братъ же ей о своемъ планѣ ничего не сообщалъ.

Прошла еще недѣля. Дарья Андреевна уже начала ходить, но была еще слаба, почему ее и не выпускали изъ больницы. Кузьма Андреевичъ внесъ деньги за обихъ сестеръ. Марья Андреевна тоже стала поправляться.

Дарья Андреевна не могла понять: отчего съ ея сестрой случилась болѣзнь? Ей помнится, что она никогда не хварывала такъ; но спросить было какъ-то неловко, потому что сестра съ каждымъ днемъ становилась съ ней холоднѣе. Наконецъ на другую недѣлю, послѣ того, какъ былъ въ больницѣ братъ, разговаривавшій съ сестрой по секрету у окна и потомъ ушедшій непроставившись съ ней, она рѣшилась спросить ее, какъ о причинахъ ея болѣзни, такъ и о томъ, за что на нее разсердился братъ. Когда Марья Андреевна легла спать, она спросила ее.

— Ты отчего же это захворала-то?

— А тебѣ какое дѣло.

— Мнѣ любопытно знать, потому что ты всегда была здорова.

Сестра молчала.

— Можетъ быть, ты простудилась?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, съ женихомъ не ладишь и онъ тебѣ сдѣлалъ оскорбленіе? Ужъ не побилъ ли онъ тебя заблаговременно до свадьбы?

— Глупости!

— А, теперь понимаю!

— Ничего ты не понимаешь. Отчего я захворала, этого не скажу никому въ свѣтѣ.

Дарья Андреевна задумалась. Ей вдругъ подумалось: „ужъ не родила ли она тайно. Въдь она могла родить мертвого или недоноска у какой нибудь старухи бабки“. Это ей подумалось въ виду того, что братъ разсердился на нее. И ей показалось неловко дальше разспрашивать сестру насчетъ ея болѣзни. Однако ей все-таки хотѣлось удовлетворить второе любопытство.

— На тебя, сестричка, кажется, братъ за что-то разсердился?

— Это тебѣ показалось.

— Нѣтъ, это видно.

— А ты что за допросчица?.. Завтра же буду просить поставить мою кровать на другое мѣсто. И сказавши это, она отвернулась.

Однако просьбу ея не уважали, а сказали, что если она хочет, то можетъ выписаться. Это до того встревожило Марью Андреевну, что она цѣлый день пролежала въ кровати и ничего не ѣла.

Дарья Андреевна жалко стало сестру. Она подошла къ ней, обняла ее и проговорила:

— Милая моя сестричка, не раздражайся такъ: вѣдь ты еще не совсѣмъ оправилась отъ болѣзни.

— И умру! Околю. Господи, что это за жизнь? И зачѣмъ это тетка помѣшала мнѣ? проговорила она, рыдая.

— Ну, успокойся, сестричка. Зачѣмъ вспоминать старое?

— А ты развѣ знаешь? съ испугомъ спросила Марья Андреевна свою сестру.

— Хотя я и не знаю ничего и теперь не желаю знать твоей тайны, но все-таки догадываюсь, что у васъ съ теткой вышло что-то неладное.

— Ужь я теперь ни за что къ нимъ не пойду жить. Ужь лучше повѣситься!

— Какія ты говоришь глупости, сестра. Вотъ, когда мы выздоровѣемъ, то ты будешь жить со мной. Петерсонъ, какъ ты знаешь, приглашаетъ меня къ себѣ главною мастерицею. Тогда я буду получать жалованье уже не за штуку, а помѣсячно. Тогда я и тебя могу пристроить или къ Петерсонъ или куда нибудь въ другое мѣсто, а жить мы будемъ вмѣстѣ.

— Я согласна, сестрица, на все, только вотъ какъ бы мнѣ достать салонъ отъ дяди?

— Очень просто — приди и возьми. Вѣдь ты ничего у нихъ худаго не сдѣлала?

— Ничего. Только мнѣ туда идти не хочется.

— Ну, я схожу за тебя. Я вѣдь не изъ робкихъ.

Итакъ, сестры подружились. Дарья Андреевна порѣшила на томъ, что, вѣроятно, ея сестра поругалась съ Анной Николаевной, а та или дядя побили ее, а, можетъ быть не давали ѣсть, вотъ она и захворала.

Наконецъ, наступила шестая недѣля великаго поста. Сквозь стекла оконъ, выходящихъ во дворъ, въ которомъ кое-гдѣ росли кустики сирени, яблоней, березокъ, видно было, что тамъ уже снѣгу не было, а земля мѣстами или была бурою цвѣта, или кое-гдѣ пробивалась уже зелень. Небо было чистое, блѣно-голубое, на немъ стояло солнце, которое, впрочемъ, эту палату не освѣщало. Больныя женщины казались бодрыми, у нѣкоторыхъ даже показывался на щекахъ легкій румянецъ, онѣ чувствовали нѣгу; но въ двѣ ночи на этой недѣлѣ, скончались двѣ чахоточныя молодыя женщины и въ комнатѣ настала скорбь и тишина. Цѣлыхъ трое сутокъ женщины говорили шопотомъ. Нѣсколько женщинъ, почувствовавъ весну, выписались. Поду-

мывали выписаться и наши сестры. Но ихъ все удерживалъ братъ, ссылаясь на сырость. Наконецъ, уже на послѣдней недѣлѣ онъ очень опечалилъ ихъ и имъ пришлось волей-неволей выписаться.

Приходитъ онъ въ обѣдъ, взволнованный. Сѣлъ на кровать Дарья Андреевны и ничего не сказалъ, а только поцѣловалъ сестеръ. Дарья Андреевна и раньше замѣчала, что съ нимъ что-то происходитъ, но тогда онъ былъ все-таки разговорчивъ. Дарья Андреевна, и сестра замѣтили въ братѣ перемѣну: во первыхъ, онъ сталъ приходить къ нимъ рѣже и рѣже и, наконецъ, приходилъ только по воскреснымъ днямъ, да и то уходилъ черезъ полчаса; во вторыхъ, онъ сдѣлался задумчивъ, и въ третьихъ, уже не приносилъ имъ ни чаю, ни сахару, ни булокъ и не давалъ имъ ни гроша денегъ, ссылаясь на то, что у него нѣтъ.

— Что съ тобой, братчикъ? спросила Дарья Андреевна.

— Прекрасныя дѣла! Отгадай?

— Что тебя обокрали, что ли? спросила съ испугомъ Дарья Андреевна.

— Получше: я не служу двѣ недѣли въ палатѣ.

— Неужели!! вскрикнули сестры.

— Да, это вѣрно. Меня выгнали.

— Кто?

— Почтенный дядюшка Ипполитъ Аполлоновичъ, которому я, впрочемъ, когда-то чистилъ сапоги.

— Но какъ? за что? Вѣдь это ужасно! говорили сестры.

— Очень просто. Онъ на меня началъ злиться еще съ того дня, какъ я тебя свезъ въ больницу. Я, не желая одолжаться дядѣ, внесъ за тебя деньги. Это видѣлъ Сеничка, которому очень хотѣлось быть благодѣтелемъ, и, разсердившись на меня, сказалъ дядѣ. Дядя меня такъ распустилъ, что заставилъ дежуричь въ палатѣ, но потомъ простилъ. Деньги вносилъ я заблаговременно. Разъ дядя посылаетъ меня съ деньгами къ смотрителю больницы. Я и говорю: деньги я уже внесъ. Какъ онъ побагровѣлъ и закричалъ: „какъ ты смѣешь, негодяй, вмѣшиваться не въ свое дѣло! Ты взяточникъ!“ Я говорю, что сестры мнѣ ближе, чѣмъ ему. Раскричался ужасно. Я послѣ этого сталъ проситься въ другое отдѣленіе — не принимаютъ. Наконецъ, смотрю росписание жалованья, мнѣ поставлено не 13 рублей, а только 6. Я пошелъ объясняться — выгналъ. Ну, дѣлать нечего, сталъ я заниматься усидчивѣе. На слѣдующій мѣсяцъ онъ спрашиваетъ меня: вносилъ я за васъ деньги или нѣтъ. Я сказалъ, что нѣтъ, потому что не изъ чего и вы меня обидѣли жалованьемъ. „А, говорить, опомнися! Я васъ всегда такъ буду учить! Я ото всѣхъ васъ отобью спѣсь. Отнеси деньги и принеси росписку, что деньги внесены отъ меня, со-

вѣтника такого-то". Въ этотъ мѣсяцъ я получилъ всѣ 13 рублей и совѣтникъ былъ со мной вѣжливъ, спрашивалъ объ васъ, и я попрежнему таскалъ его портфель изъ дому и изъ палаты. Наконецъ открывается въ отдѣленіи вакансія, я прошу. И что же? Я, говоритъ, батюшка, какъ ты знаешь, даромъ должностей никому не даю. Хоть ты и племянникъ мнѣ, но я и тебѣ не могу дать даромъ должность, хотя и обѣщаль. Помилуйте, говорю я, помилуйте, ваше высококорodie...

— Какъ, ваше высококорodie? спросила Дарья Андреевна.

— Тутъ выходитъ по пословицѣ: родня—родней, служба—службой. Дома я его зову дяденькой, а на службѣ — по его должности. И онъ также: дома называетъ Кузьмой, а на службѣ г. Яковлевымъ. Ну-съ, я и говорю, что у меня, денегъ нѣтъ. А за сестеръ, говоритъ, платитъ были деньги? А, впрочемъ, говоритъ, приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ. Кузьма остановился и сурово взглянулъ на Марью Андреевну, такъ что она покраснѣла.

— Ну, и что же?

— Вышло дѣло скверное, и я, зная твой, Дашенька, настойчивый характеръ, испортилъ свою карьеру, то-есть не хотѣлъ цѣною твоей и Машинной жизни купить должность.

— Это еще что за штуки?! воскликнула Дарья Андреевна съ негодованіемъ.

— Призвалъ онъ меня въ кабинетъ, продолжалъ братъ:— усадилъ на диванъ, велѣлъ пить чай, потомъ и говоритъ: если Дарья согласится жить у меня и дѣлать то, и если Машка, слышите — Машка, не будетъ дурить и на ѳоминой недѣлѣ выйдетъ замужъ за предназначеннаго ей жениха Соколова, который хотя и пьяница, но дѣлецъ и имѣетъ уже два чина...

— Вотъ мило! Да я теперь ни за что не стану у него жить, проговорила запальчиво Марья Андреевна.

Братъ подошелъ къ ней и что то шепнулъ на ухо.

Марья Андреевна покраснѣла, но скоро оправилась и проговорила не громко.

— Врутъ!

— Хочешь жаловаться, если врутъ? Это, значить, клевета?

Марья Андреевна ничего не сказала.

— Что, небось, правда! Ну, дядя и говоритъ: такъ ты и скажи своимъ сестрамъ. Я и говорю, что едва-ли онѣ согласятся. А вотъ, говоритъ, посмотримъ, есть ли еще у нихъ паспорта? А паспорта ваши я досталъ давно, ихъ просилъ смотритель больницы, и я ихъ выписалъ и они теперь хранятся у смотрителя. Я говорю, паспорта есть. Гдѣ? У смотрителя. А, хорошо, я вижу, что и ты поступилъ въ либералы. Пошелъ вонъ! Я вышелъ и на другой же день подалъ въ отставку. И что же вы думаете? Вѣдь онъ ѣздилъ въ больницу и требовалъ

ваши паспорта, но смотритель ему ихъ не далъ. За это ему, вѣроятно, по пронырству дяди, приказано выйти въ отставку. Поэтому вамъ надо сегодня же проситься на выписку, чтобы взять паспорта, а то, пожалуй, дядя ихъ похититъ и тогда насъ пошлютъ въ Ильинскъ по этапу.

— Да мы совсѣмъ здоровы, и еслибы не ты насъ удерживалъ здѣсь, мы бы давно уже выписались.

— Я потому ничего вамъ не говорилъ до сихъ поръ, что я тогда былъ безъ мѣста. А теперь я поступилъ въ уголовную палату и мнѣ обѣщались дать за первый мѣсяцъ десять рублей. Кроме того, я искалъ квартиру въ двѣ комнаты, чтобы намъ поселиться всѣмъ вмѣстѣ.

— Я пойду опять къ г-жѣ Петерсовъ и, можетъ быть, мнѣ удастся помѣстить туда и Машу.

— Это хорошо. А знаете новость: вѣдь Марѳа-то Антоновна не живетъ съ мужемъ.

— А дѣти?

— Дѣти при ней. Она теперь живетъ на Петербургской улицѣ и живетъ, кажется, на средства чиновника особыхъ порученій, который, говорятъ, ѣздитъ къ ней.

— Бѣдный братъ! замѣтила Дарья Андреевна.

— Да, онъ очень несчастливъ: онъ попалъ подъ судъ за какія-то истязанія...

Кузьма Андреевичъ сообщилъ еще, что Зиновьева поймали и онъ теперь сидитъ въ городской тюрьмѣ, и потомъ, сказавши своимъ сестрамъ адресъ своей квартиры, ушелъ. На другой день сестры, распрощавшись съ больными женщинами и получивши свои паспорта, выданные на жительство во всѣхъ мѣстахъ имперіи, вышли изъ больницы.

XXIX.

Несмотря на то, что Дарья Андреевна пробыла въ больницѣ только три мѣсяца, ей показалось, что она и дышетъ легче, и ходитъ свободнѣе, и воздухъ лучше, какъ-будто она не дышала этимъ чистымъ весеннимъ воздухомъ Богъ-знаетъ сколько лѣтъ; однимъ словомъ, ей казалось, что она вышла изъ какого-то несвободнаго міра въ міръ свободный, гдѣ дѣлай что хочешь. Ей казалось, что она эти три мѣсяца находилась въ неволѣ, въ заключеніи, гдѣ надъ нею было начальство — смотритель, доктора, фельдшера, сидѣлка, гдѣ она носила казенную одежду, похожую не то на арестантскую, не то на солдатскую, гдѣ и ѣсть давали мало, и будили звонкомъ. Но звонку она ѣла, по звонку должна была ложиться спать, потому что, во первыхъ,

своихъ свѣчей жечь не дозволяли, казенныхъ тѣмъ болѣе не полагалось, а въ каждой палатѣ горѣла только лампочка, которая гасла къ часу ночи. Да еслибы и горѣли свѣчки, что бы она стала дѣлать? Шить ей было нечего, читать — неоткуда взять книгу. Правда, она просила брата записаться на мѣсяцъ въ библіотеку на ея деньги, но тотъ, назвавъ это намѣреніе глупостью, сказалъ, что деньги ей пригодятся на чтонибудь другое. Кромѣ этого, живя въ больницѣ, она знала очень мало, что дѣлается въ мірѣ свободномъ, потому что братъ сообщалъ ей очень мало новостей и только вотъ вчера она узнала о несчастіи, постигшемъ старшаго брата. Въ больницѣ ей приходилось сосредоточиваться, она сдѣлалась задумчива и чувствовала, что у ней какъ-будто мысли не клеятся.

Но вотъ теперь она опять на свободѣ. И какъ пріятно, легко дышется. Солнце свѣтитъ не ярко, но хорошо, небо чисто; тепло; на деревьяхъ кое-гдѣ появляются почки, кое-гдѣ chirякаютъ въ садахъ птички, кое-гдѣ въ домахъ учатся пѣть молодые соловьи. Все было хорошо, только грязно. И на людей какъ-то пріятно смотрѣть, а народъ попадается все свой же братъ, рабочій человѣкъ. Вонъ ѣдетъ водовозъ въ испластанномъ полушубкѣ, въ шалкѣ, имѣющей видъ горшка; нещадно онъ бьетъ свою лошадь, ругая ее. Но лошадь идти не можетъ, потому что переднія колеса завязли въ ухабѣ. Онъ слѣзаетъ съ задка дрогъ, смотритъ на увязшія колеса и ругается: „о штобъ вамъ, проклятые! Взыски съ насъ берете, а это что? Когда вы всѣ передохнете!“ И потомъ, увидѣвъ попавшагося ему на встрѣчу мастерового, проситъ его помочь ему вытащить колеса.

— Некогда, и такъ запоздалъ—штрафъ будетъ.

— Да помоги, Христа ради! Ты знаешь, я только этимъ и кормлюсь, а какъ привезу не во время—другаго возьмутъ; мастеровой засовываетъ ломъ подъ передокъ дрогъ, а водовозъ, помагаая ему, говоритъ:—Жиды проклятые! Деньги берутъ, а это што.

Вонъ идетъ торговка. На коромыслѣ у нея навѣшано много всякаго добра: тутъ есть и молоко, и сливки, и ведро картофеля, и свѣжій зеленый лукъ. Все бы это было не подъ силу нашимъ сестрамъ, но она, несмотря на грязь, идетъ бойко, и когда прошла мимо сестеръ, поворотивши коромысло для прохода, какъ-то гордо-презрительно взглянула на нихъ. И много, много попалось имъ этого пѣшаго рабочаго люда. Попадались имъ и пьяные мастеровые, солдаты и чиновники, но это были или горемыки, или спившіеся съ кругу, махнувшіе на все рукой, которымъ уже, послѣ разныхъ невзгодъ, и работать не хочется и которые очень были бы рады, еслибы померли. Но все-таки въ этихъ людяхъ высказывалась на что-то надежда, они требовали отъ кого-то помощи, что замѣчалось изъ ихъ

ругательствъ. Однако, и про трезвыхъ нельзя было сказать того, чтобы они имѣли веселый видъ: въ ихъ лицахъ проглядывала усталость, либо изнеможение, либо какая-нибудь досада. Другое дѣло представляли вѣдущіе: въ ихъ лицахъ замѣчалось довольство и они какъ-то съ презрѣніемъ смотрѣли на бѣдный народъ и на пьяный въ особенности. Хотя и радовалась Дарья Андреевна своему избавленію изъ больницы, но при видѣ бѣдныхъ людей у ней сжимало сердце при мысли о томъ, что ей снова нужно работать и быть въ зависимости. Кромѣ этого, ее беспокоило положеніе ея сестры: что она будетъ дѣлать? Вѣдь она умѣетъ шить только на себя, да и то съ разными перешивками. Ей не нравилось, что братъ пригласилъ ихъ теперь, когда она, Дарья Андреевна, имѣетъ свои деньги, которыя хранятся у брата. Вѣдь она могла бы опять поселиться на старой квартирѣ. Оно хотя и далеко, но теперь лѣто, и тамъ будетъ хорошо, весело, а главное, она будетъ жить съ такими добрыми людьми, какъ Удинцовы и Мартынова. „Живали эта добрая старушка?“ подумала она, и ей отчего-то слѣдалось грустно.

— Какъ мнѣ, сестричка, вѣстъ хочется, проговорила Марья Андреевна.

— А-а! Въ больницѣ-то насъ въ послѣднее время даромъ кормили. А вотъ ты попробуй-ко кушать свой хлѣбъ.

— Трудно?

— Нѣтъ, ничего. Сначала трудно, а потомъ привыкнешь.

— А ты когда къ своей мадамъ?

— Сегодня.

— Какъ скоро! ужаснулась сестра.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Ты бы отдохнула.

— Мы и такъ много отдыхали. Я вотъ думаю, что въ эти три мѣсяца я, пожалуй, совсѣмъ разучилась шить. Кромѣ этого, мнѣ не хочется жить у брата на хлѣбахъ.

— А если у твоей мадамы уже нанята другая мастерица?

Дарья Андреевна задумалась: а что, если въ самомъ дѣдѣ она наняла уже другую. Тогда мнѣ придется искать другаго мѣста. Положимъ, что Эмилія Карловна аттестуетъ меня съ хорошей стороны, но найду ли я мѣсто? Придется, пожалуй, походить цѣлую недѣлю.

Чѣмъ больше шли сестры, тѣмъ больше удивляли ихъ множество вывѣсокъ, съ разрисованными на нихъ бутылками, бутылками и рюмками и съ надписью: распивочно и на выносъ.

— Господи, сколько кабаковъ развелось! проговорила Дарья Андреевна.

Марья Андреевна совсѣмъ ничего не поняла въ этомъ но-

вомъ явленіи общественной жизни, но она тутъ видѣла интересъ должностнымъ людямъ.

— Какъ жаль, что папаша умеръ: теперь бы у него сколько было этого вина и доходовъ, проговорила она.

— Какъ тебѣ, сестрица, не стыдно говорить объ этомъ. Ты обижаешь папашу, потому что онъ въ дѣйствительности не былъ такой взяточникъ.

— Да ты взгляни: на каждомъ углу кабакъ, по середкамъ улицы тоже кабакъ, а прежде во всемъ-то городѣ много-много было десять кабаковъ.

— Вѣроятно, теперь всякій можетъ свободно торговать. Вѣдь братъ говорилъ, откупа отобраны въ казну, да я и раньше читала, что откуповъ не будетъ. Значить, что печатають, тому надо вѣрить.

— Ну ужь.

Наконецъ, онѣ пошли тѣмъ переулкумъ, въ которомъ жилъ изъ братъ. Оказалось, во первыхъ, что жительство брата находилось очень далеко отъ настоящей квартиры г-жи Петерсонъ, а во вторыхъ, переулокъ былъ далеко хуже той улицы, въ которой прежде братъ нанималъ комнату. Когда сестры проходили, то почти изъ каждаго новоотстроеннаго дома выглядывали на нихъ мужчины въ халатахъ или просто въ рубашкахъ и женщины, во одеждѣ принадлежащія къ чиновному и мѣщанскому классу, безъ работы въ рукахъ. А то, что здѣсь всѣ знаютъ другъ друга, замѣтно было изъ того, что когда Дарья Андреевна спросила одну высунувшуюся изъ окна женщину, гдѣ живетъ чиновникъ Яковлевъ, та не дала отвѣта, а полюбопытствовала сперва узнать: кто она такая.

— Я его сестра.

— И это ваша сестрица? спросила женщина, лукаво улыбаясь.

— Да.

— Вы въ больницѣ изволили пребывать?

— Да.

— Знаю, знаю. Вашъ братецъ сказывалъ. Славный человекъ—онъ недавно рѣшилъ въ палатѣ дѣло въ мою пользу, да разбойникъ секретарь все перехерилъ. А вашъ братецъ вонъ въ третьемъ домѣ отъ насъ живетъ, вонъ противъ того дома, гдѣ кабакъ,—и она лукаво подмигнула.—А не вы ли изволили въ швейхъ находиться? спросила она, указывая на Марью Андреевну.

— Нѣтъ, это я. До свиданія, сказала Дарья Андреевна и пошла.

— Дарья Андреевна! крикнула женщина.

— Что угодно.

— Если будетъ время, заходите ко мнѣ: вы умѣете шить халаты?

— Я не шивала.

— Полноте. Мнѣ Матрешка Зиобишина сказывала, что вы все умѣете шить.

— А вы развѣ ее знаете?

— Вотъ тѣ развѣ, племянницу-то не звать! Она теперь въ кабакъ торгуеть.

— Какъ въ кабакъ?

— А что же, матушка, дѣлать станешь? Нынче мѣста очень трудно достаются, а кабаковъ теперь страсть что завелось, потому теперь свободно можно торговать всякому. Ну, знаете, продажа водки—ремесло самое выгодное, ну вотъ на него и кинулись всѣ, у кого есть мало-мальски деньги.

Наконецъ, онѣ подошли къ дому, напротивъ кабака. Дверь въ кабакъ была отворена и оттуда слышались пѣсни нѣсколькихъ голосовъ. Домъ былъ полукаменный, но какъ замѣтно, въ нижнемъ этажѣ никто не жилъ, на окнахъ же верхняго этажа стояли банки съ цвѣтами: геранями, лимонами, бальзаминами, жасминами. За цвѣтами были привѣшены къ окнамъ кисейныя занавѣски. Когда наши сестры вошли во дворъ, то онѣ почти наполовину былъ загроможденъ строевымъ лѣсомъ и досками. На заднемъ планѣ стояли срубы для погреба. Около этихъ срубовъ лежала большая бѣлая собака. Завидѣвъ новопривывшихъ незнакомыхъ ей дѣвицъ, она кинулась на нихъ сперва съ рычаніемъ, потомъ съ лаемъ и, наконецъ, вицпилась въ платье Марьи Андреевны, и какъ только мотнула головой, такъ у ней въ зубахъ и остался большой кусокъ отъ платья. Дѣвицы взвизгнули. Но собака, не довольствуясь однимъ кускомъ, вѣроятно хотѣла воспользоваться другимъ, но къ счастію сестеръ, во дворѣ откуда-то явилась молодая женщина, которая, схвативъ палку, кинулась на собаку и прогнала ее прочь. На спросъ, что имъ нужно и узнавъ, кто онѣ, она сказала, что ихъ брата теперь дома нѣтъ, что братъ говорилъ ей объ нихъ и она, хозяйка дома, просить ихъ пожаловать къ ней, тѣмъ болѣе, что она съ мужемъ хочетъ обѣдать.

— Онѣ не оставляялъ вамъ ключа?

— А вотъ я спрошу Корнила Савича. Да вы пожалуйста! Прощу поворно.

Сестры пошли за ней. Сначала пятью ступеньками поднялись въ сѣни. Тамъ были двое дверей.

— Вотъ гдѣ вашъ братецъ живетъ, указала она на дверь налѣво.—Комнаты отличныя, особливо ваша въ три окна. Сами хотѣли занять, да въ кухню ходитъ далеко.

— А сколько онѣ платить? спросила Марья Андреевна.

— Больно мало—три рубля.

Онѣ вошли въ кухню. Въ ней было чисто, свѣтло, такъ какъ два окна выходили на дворъ. Въ кухнѣ, разумѣется, была русская печь и полаты. Изъ кухни онѣ вошли въ чистую комнату, съ простою мебелью, изъ которой два стула были съ обгорѣлыми спинками, стѣны тесовыя, ничѣмъ еще неоклеенныя; тутъ былъ и ветхій клеенчатый диванъ, и небольшое зеркальцо, которое висѣло на простѣнкѣ между двухъ оконъ. Изъ этой комнаты шли двери въ другую комнату. Двери были заперты. Передъ диваномъ стоялъ крашеный столъ, уже накрытый съ приборомъ для двухъ персонъ; ложки были крашенныя деревянные.

— Это у насъ все: и зала, и гостинная, и столовая, а тамъ кабинетъ мужа и спальня. Покорнѣйше прошу. Безъ церемоніи. Скидывайте пальты-то, говорила скоро хозяйка, и потомъ, подошедши къ двери, тихонько стукнула кулакомъ и проговорила:— Корвила Савичъ, пожалуйста! и затѣмъ ушла въ кухню.

Немного погодя, изъ другой комнаты вышелъ въ ситцевомъ халатѣ, опоясанномъ полотенцемъ, человекъ среднего роста, худощавый, съ желтымъ, продолговатымъ лицомъ, безъ бороды и бакенбардъ и съ свѣтлорусыми усами. На головѣ его была лысина, обрамленная свѣтлорусыми короткими волосами; глаза его были темнаго, неопредѣленнаго цвѣта и глядѣли сурово. На лицѣ замѣтны были слѣды горькой жизни; онъ часто морщилъ лобъ, причѣмъ глаза его, бѣгавшіе очень быстро направо и налево, дѣлали его свирѣпымъ. На видъ ему было годовъ тридцать-пять. Но каково же было удивленіе, нашихъ сестеръ, когда онъ, подошедши къ нимъ, поздоровался съ ними за руки и проговорилъ сплннымъ басомъ:

— Здравствуйте, мадамъзели. Очень пріятно. Прошу покорно. Вы сестрицы Кузумы Андрепча? Очень, очень пріятно. Сашенька, что жъ ты долго копаешься?

— Сейчасъ, мой другъ, сейчасъ. Видишь, иду, проговорила хозяйка, входя съ двумя тарелками и деревянными ложками и прибавила:— а вы ужъ извините: у насъ не то, что серебряныхъ, а и оловянныхъ-то ложекъ нѣту.

— Лишь бы было ѣсть что, такъ все равно, чѣмъ бы ни хлебагъ. Я того мнѣнія, что деревянными удобите, на томъ основаніи, что не жгутъ ротъ. Не такъ ли?

— Я тоже того мнѣнія, сказала Дарья Андреевна.

— Прекрасно. Ну, какъ вамъ понравилась больница?

— Ничего, Только страшно скучно.

— Ну, тамъ еще, по крайней мѣрѣ, есть разношерстное общество,—общество, большею частію судящее здраво. Это общество—та масса бѣднаго люда, который живетъ своимъ трудомъ и работаетъ. А вѣдь дармоѣдъ туда не пойдетъ, на томъ основаніи, что у него есть средство на уплату доктору. Но я думаю, вамъ не совсѣмъ понравилась эта больничная челядь?

— Да они, какъ видно, все дѣлають не по охотѣ, а изъ-за денегъ.

— Не по призванію, а исполняютъ обязанности такъ, чтобы поскорѣе ускакать куда нибудь на пирогъ.

Хозяйка подала третью рѣдьку съ квасомъ.

— Мы хотя постовъ и не соблюдаемъ, но, знаете, все мясо да рыба надоѣсть... объяснила хозяйка.

— Душенька... денегъ нѣтъ, проговорилъ хозяинъ тихо и растягивая.— Только вотъ что: васъ вѣдь тамъ кормили супами да щами скоромными,—пожалуй, это съ больничной пищи и не годится.

— О, нѣтъ, я очень люблю третью рѣдьку.

Хозяйка налила всѣмъ хлеба.

— А что-жъ, того-съ развѣ не полагается? спросилъ хозяинъ свою жену.

— Извините-съ,—принесу.

Хозяйка принесла косушку водки и стаканъ.

— Теперь водка стала несравненно дешевле прежней и лучше. А ужъ какъ это не нравится откупщикамъ. Говорятъ, они дѣлой сворой хотятъ подать государю прошеніе, чтобы имъ откупъ отдали назадъ за извѣстную сумму, и что даже готовы строить желѣзные дороги. Но я думаю, изъ этого ничего не выйдетъ. Изъ газетъ видно, что правительство за настоящее дѣло стоитъ крѣпко.

— А вы читаете газеты? спросила его Дарья Андреевна.

— Я беру и книги, и газеты изъ библіотеки. Безъ чтенія жить нельзя. Ужъ я лучше вотъ въ этомъ себѣ откажу...

— Не хвастайся, пожалуйста: безъ водки ты ничего и дѣлать не можешь, вопила его жена.

— Что жъ дѣлать, милая, жизнь такая была... И радъ бы не пить, да не могу.

— Вы служите гдѣ нибудь? спросила Дарья Андреевна хозяина.

— Нѣтъ. Я сочиняю разныя просьбы въ суды крестьянамъ и купцамъ. Но получаю за это, среднимъ числомъ, въ мѣсяцъ рублей двѣнадцать. Хорошо еще, что вотъ у моей благовѣрной есть домъ, а то бы намъ съ ней было плохо. Оно, положимъ, прежній-то домъ былъ куда какъ плохъ, и хорошо, что онъ сгорѣлъ, потому что мы получили пособія. Пособія-то эти были грошовыя, да еще вышелъ казусъ: вдругъ выдаютъ планы строить пятиконные дома. А на какія, спрашивается, средства? Вѣдь на 75 рублей пятиконнаго дома не выстроишь. Стали просить еще—выдали, но и этого мало, да и выдали-то не всѣмъ поравну. Вонъ тотъ господинъ, что напротивъ, гдѣ кабакъ (онъ мнѣ приходится кумомъ) выпросилъ пособіе въ пятьсотъ

рублей. Ну-съ, вотъ нѣкоторые изъ нашихъ погорѣльцевъ и нарядили своихъ старухъ въ походъ къ гражданамъ и насобирали... Ну, а я еще передъ пожаромъ выигралъ въ гражданской палатѣ два дѣла и получилъ за каждое по триста рублей, а за вычетомъ двухсотъ, которые ушли на долги лавочникамъ и на уплату писцамъ и секретарю собственно отъ меня въ знакъ благодарности, у меня осталось четыреста, вотъ я купилъ дѣсу и съ осени сталъ строиться. А вотъ погребъ строить не на что.

— Отчего же пожаръ-то случился? спросила Дарья Андреевна.

— А чортъ его знаетъ: кто говорить — отъ поджоговъ, кто говорить, что нѣкоторые домохозяева будто сами подожгли, кто говорить, что само загорѣлось, на томъ основаніи, что время было жаркое.

Хозяйка принесла жаренаго картофеля. Хозяинъ допилъ остатную водку.

— Ну, что, вы опять поступаете къ г-жѣ Петерсонъ? спросилъ хозяинъ Дарью Андреевну.

— Да, Думаю.

— Нехорошая она женщина. Да и надо правду сказать, всѣ эти магазинщицы, вышедшія изъ бѣдныхъ швей, — мучительницы. Нѣтъ, вамъ негодится шить; вы уже надорвали себя этой каторжной работой. Надо поискать чего нибудь другаго. Чего бы? Да вотъ, поступайте-ка въ телеграфистки. Тамъ даютъ отъ 15 до 25 рублей жалованья въ мѣсяцъ.

— Я и приступить къ этому дѣлу не знаю какъ.

— Да тутъ еще нужно и языки знать — просто хоть азбуку. Виновать, я и забылъ, что тутъ требуется рекомендація. Вотъ вашъ братъ поссорился съ своимъ знаменитымъ дядюшкою обдирайлою, и хорошо сдѣлалъ. Но вы вѣдь другое дѣло? Вамъ бы попросить его.

— Я его тоже ненавижу.

— Ну, это напрасно, то есть я говорю, что его вашему брату, дѣвушкамъ, можно не любить, какъ нехорошаго человѣка, или какъ какое нибудь противное животное, но ненавидѣть его вполне, какъ человѣка, нельзя; ему стоитъ только поцаловать ручку, и онъ все проститъ, сдѣлается ласковъ, любезенъ и сдѣлаетъ для васъ все, что захотите.

— Ни за что.

— Да, я это вѣрно знаю. Подите вы къ нему и скажите: простите, дяденька, я была глупа, впередъ не буду, — и онъ проститъ.

— Какъ вамъ хочется говорить это?

— И прекрасно. Мы, значить, съ вами одного мнѣнія. Я сама стою за эмансипацію. Вы, можетъ быть, замѣтили, что мои благовѣрная нисколько не похожа на другихъ женщинъ, кото-

рыя безъ мужа могутъ принять только любовника, а при мужѣ стыдятся выйти къ гостю — товарищу мужа. Она хотя и дворянскаго рода, а я семинаръ, однако сама стираетъ бѣлье, на рѣчку ходитъ, а зимой у колодца полощетъ. И когда идетъ по городу съ бѣльемъ, то чиновницы хохочутъ: смотрите, говорятъ, майорская дочка, г-жа Морозова, съ бѣльемъ идетъ на рѣку. Срамъ! А что жъ тутъ худаго-то? Коли денегъ нѣтъ — не воровать же, да нанимать прачку да кухарку. Не такъ ли?

— Я съ этимъ согласна, сказала Дарья Андреевна.

— Конечно еслибы у насъ были деньги, мы и не жили бы въ этой трущобѣ; мы жили бы на хорошей улицѣ, имѣли бы кухарку, прачку, лошадей..

— Полно тебѣ вздоръ-то городить, сказала жена.

Всѣ вышли изъ-за стола. По обыкновенію, гости стали благодарить хозяевъ, начиная съ хозяйна.

— У насъ благодарить не принято, а если ужъ вамъ такъ хочется благодарить, такъ благодарите ее, Сашу: все это ея руками дѣлалось. Только вотъ хлѣбъ покупаемъ съ рынку, печь не умѣемъ.

Хозяинъ предложилъ гостямъ и женѣ папироски, а самъ закурилъ коротенькую трубку. Дарья Андреевна стала помогать хозяйкѣ убирать посуду и мыть.

— Какой у васъ славный мужъ, сказала она хозяйкѣ.

Щоки хозяйки покраснѣли.

— Да, мы съ нимъ ладимъ, сказала она.

— Ну, а вы что думаете дѣлать? спросилъ Морозовъ Марью Андреевну.

— Не знаю.

— Какъ же вы не знаете. Али къ дяденькѣ пойдете?

— Нѣтъ.

— Но вѣдь надо что-нибудь предпринять.

Марья Андреевна не знала, что ей отвѣтить, щоки ея зардѣлись.

— Саша, нѣтъ ли чаю? спросилъ жену Морозовъ.

— Нѣту, мой милый, отвѣчала жена.

— Вы бы намъ ключъ дали отъ квартиры, сказала Марья Андреевна Морозову.

— Съ полнымъ удовольствіемъ.

Скоро сестры ушли въ квартиру брата.

Въ комнатѣ Кузьмы Андреевича было попрежнему просто: тотъ же самый комодъ, на которомъ лежали тѣ же книги; тѣ же стулья, столъ съ чернильницей и кровать съ жесткимъ тюфякомъ, тѣ же картинки на свѣтѣ и маленькій образокъ

въ переднемъ углу. Въ комнатѣ же, предназначающейся для сестеръ, была только обгорѣлая кровать, кое-какъ сколоченная и связанная; на ней, впрочемъ, были продольныя доски, но ни тюфяка, ни подушекъ не имѣлось. Однако, несмотря на это неудобство, Марья Андреевна, безъ всякаго стѣсненія, легла на постѣль брата, а Дарья Андреевна съѣла къ окну, въ предназначенной для нея и ея сестры комнатѣ, уперлась на окно и задумалась. Она въ первый разъ встрѣтила такихъ людей, которые не хвастаютъ и ни передъ кѣмъ не унижаются, а живутъ просто. Все, что говорилъ Морозовъ, соответствовало ея мысли. Ей захотѣлось посоветоваться съ нимъ, что ей дѣлать? Онъ говоритъ, что ей негодится быть швеей; она и сама это знаетъ. Положимъ, что она будетъ мастерицей, но не будетъ ли вслѣдствіе этого хозяйка больше прежняго налегать на нее, и она припомнила, какъ часто Софья Васильевна просила дѣвицъ помочь ей сшить то-то и то-то. Хорошо еще, если хозяйка будетъ платить ей деньги исправно, а не такъ, какъ задерживала у Софьи Васильевны. Пойди она въ другое мѣсто — то же. Матвѣевъ совѣтуетъ поступить въ телеграфистки, и тутъ же оговаривается, что-де нужна протекція. Да и вѣроятно телеграфные чиновники не упустятъ случая предоставить кусокъ хлѣба своимъ дочерямъ, племянницамъ и другимъ родственницамъ. Хотѣлось ей сейчасъ же отправиться къ г-жѣ Петерсонъ, но она устала. Взглянула она на противоположный домъ, — тамъ, изъ-за занавѣски крайняго окна, какъ разъ напротивъ этого, выглядывала хорошенькая брюнетка годовъ девятнадцати. Она, повидимому, смотрѣла на Дарью Андреевну, и какъ только замѣтила, что Дарья Андреевна смотритъ на нее, скрылась.

„Какой здѣсь народъ живетъ любопытный! Какъ-будто они совсѣмъ людей не видали“, подумала Дарья Андреевна и прилегла на братнину кровать рядомъ съ сестрою. Скоро и она заснула.

Когда она проснулась, то увидѣла, что братъ ея, въ худенькомъ и разорванномъ во многихъ мѣстахъ пальтишкѣ, сидитъ у стола и что-то пишетъ. Какъ-то неволью взглянула она въ окно, у котораго она видѣла брюнетку—брюнетка эта сидѣла лицомъ къ дому. Дарья Андреевна облокотилась и стала смотреть въ окно. Брюнетка что-то шила и часто взглядывала по направленію къ брату. Вдругъ она сдѣлала рукою поцалуй, братъ сдѣлалъ то же. Дарья Андреевна встала; Кузьма Андреевичъ тоже всталъ. Дарья Андреевна замѣтила, что лицо его пылало румянцемъ и глаза были не то дикіе, не то выражали какое-то возбужденное состояніе.

Братъ и сестра поздоровались.

— Я было-хотѣла идти сегодня къ Петерсонъ, да устала, сказала сестра.

— Ну, вотъ, кто еще тебя пустить. Ты еще слаба, тебѣ надо идти послѣ Пасхи. Вѣдь сегодня великій четвергъ.

— Да мнѣ, братчикъ, будетъ скучно.

— Все равно, тебя госпожа Петерсонъ не пустить.

— Ну, что новаго изъ Ильинска?

— Что новаго, все по старому. Мачиха собирается сюда: хочетъ везти Володю сюда и отдать его въ военное училище. Тамъ, говорятъ, обучаютъ хорошо и принимаютъ на казенный счетъ дѣтей всѣхъ сословій. Только скверно то, что по окончаніи курса они должны служить въ военной службѣ писарями, кажется, восемь или шесть, что ли, лѣтъ.

— Зачѣмъ же въ военную? Можно въ уѣздное училище отдать. А вѣдь насъ трое—мы поможемъ.

— Я ей писалъ, но она не хочетъ. Впрочемъ, это дѣло ея; я ея сына не люблю.

— Какой ты, братъ, эгоистъ. Вѣдь дѣтя-то нашего отца.

— Это еще неизвѣстно.

И братъ принялся писать.

Дарья Андреевна сѣла къ окну. Брюнетки уже не было; скучно ей сдѣлалось у брата.

Наконецъ проснулась и Марья Андреевна. Она, безъ церемоніи, попросила чаю.

— Чай и сахаръ у меня есть, а самовара нѣтъ. Погодите, я попрошу поставить самоваръ Александру Сергѣевну. И онъ ушелъ, но скоро вернулся.

— Александра Сергѣевна проситъ васъ къ себѣ, только съ моимъ сахаромъ и чаемъ. Я часто пою ихъ чаемъ, потому что они мнѣ нравятся.

За чаемъ велась оживленная бесѣда, душою которой былъ хозяинъ и хозяйка. Они знали очень многое, чего не знала Дарья Андреевна, и обо всемъ судили здраво, доказывая примерами.

Про себя Морозовъ рассказывалъ слѣдующее: „Воспитывался я въ семинаріи и былъ уже на второй половинѣ философскаго курса, какъ вдругъ вышло обстоятельство, которое переѣвило мою жизнь въ другую сторону. Кто знаетъ, можетъ быть я уже былъ бы теперь гдѣ-нибудь протопопомъ или архимандритомъ, такъ-какъ я учился хорошо. Но однажды пришелъ въ нашу комнату ректоръ и замѣтилъ, что я курю папироску. „Что это такое?“ кричитъ онъ. „Въ карцеръ на двѣ недѣли“. Я говорю: „Помилуйте, в. в-біе, въ томъ, что я курю, нѣтъ грѣха“. А онъ: „за грубость на три недѣли въ карцеръ“. „Хотите, я докажу вамъ, что курить можно?“ Онъ меня какъ ударить по щекѣ разъ,

два, я пошелъ. Насилу я опомнился. Опомнившись, говорю: „Это достойно вашего сана. Какое, говорю, имѣете вы право драться?“ и подступилъ къ нему.—онъ бѣжать. Товарищи стали свистѣть. Ну конечно, меня засадили въ карцеръ, просидѣлъ я недѣлю. Вдругъ призываютъ меня въ консисторію: „Преосвященнымъ положена резолюція отдать тебя въ военную службу за буйство въ семинаріи“. Я къ матери, а мать у меня была просвирней: та къ архіерею, ну, меня помиловали, только съ тѣмъ, чтобы я цѣлую недѣлю звонилъ на соборной колокольнѣ. Ну, я и звонилъ, а какъ прозвонилъ недѣлю, такъ мнѣ и выдали волчій паспортъ, что я-де, по собственному желанію, исключенъ изъ духовнаго званія, съ тѣмъ, чтобы въ такой-то срокъ мнѣ записаться въ податное званіе. Нѣтъ, думаю, шалишь! Сталъ я шататься по присутственнымъ мѣстамъ и кое-какъ поступилъ въ почталыоны, а черезъ годъ былъ уже сортировщикомъ; потомъ я выдержалъ экзаменъ въ гимназіи, получилъ чинъ, и тогда моя обязательная служба почтовому вѣдомству кончилась. Однако я перепросился въ петербургскій почтамтъ на томъ основаніи, чтобы даромъ доѣхать съ почтой до Петербурга, а какъ пріѣхалъ, такъ и вышелъ въ отставку, поступилъ въ университетъ. И какъ же мнѣ трудно было жить! Кое-какъ перебивался урочишками. Однако все-таки одолѣлъ, кончилъ курсъ и поѣхалъ сюда. Здѣсь я поступилъ секретаремъ въ судебную палату, но такъ мнѣ надоѣла эта служба!—предсѣдатель взяточникъ, совѣтники тоже. Напишешь докладъ,—сердится. Дѣло рѣшено неправильно—первый подписывай, ну взялъ и вышелъ въ отставку, поселился въ матушкиномъ домѣ, а домъ ея стоялъ рядомъ съ домомъ вотъ Сашиной матери. Теперь вотъ мы на мѣстѣ двухъ домовъ выстроили одинъ большой. А какъ я сошелся съ Сашей—говорить нечего. Жили рядомъ, дѣлали глазки, ручками поцалуи...

— Полно ты, безстыдный.

— А у меня, милая Дарья Андреевна, есть небольшая библіотечка. Если угодно, она къ вашимъ услугамъ.

— Сдѣлайте милость.

— Я вамъ самъ дамъ — выберу. Жаль, что наша музыка-то сгорѣла.

Александра Сергѣевна вздохнула.

— Роялишка маленькій былъ. Она вѣдь у меня музыкантша, въ институтѣ воспитывалась, только вотъ самой пришлось бѣлье стирать. Да, плохо вашему брату, женщинамъ! Она вотъ и въ институтѣ воспитывалась, на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, какъ говорится, собаку съѣла.

— Это только тебѣ такъ кажется: съ этой жизнью мнѣ не только французскія, но даже и русскія-то книги некогда читать, вставила Александра Сергѣевна.

Въ это время Кузьма Андреевичъ ушелъ домой.

— Не любить онъ такихъ разговоръ, замѣтилъ хозяйннъ:— онъ ихъ называетъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. По моему же, кажется, пріятно побесѣдовать о своей жизни, въ особенности разсужденіями о женскомъ вопросѣ. И такъ, я говорю, что Сашенька музыкантша, знаетъ языки, имѣеть дипломъ на званіе домашней учительницы, а между тѣмъ, чѣмъ она занимается? Тѣмъ же, чѣмъ занимаются и крестьянки. Вы скажете: отчего же, имѣя дипломъ, она не поступитъ въ гувернантки? Пробовала, сударыни мои!.. Когда она была дѣвушкой, она, кажется, въ двадцати-пяти домахъ перебивалась. И знаетъ, что это за каторжная служба! Или маменьки черезчуръ требовательны, или дѣти слишкомъ избалованы, или гимназистки надобѣдали своими ухаживаніями. Пробовала она, уже замужня, учить дѣтей. То же самое. Но все-таки она учила, а вотъ какъ родила сама ребенка и перестала.

— А гдѣ же онъ у васъ? спросила Дарья Андреевна.

— А въ городѣ, близъ набережной, у ея тетки. Саша, надо будетъ его взять. Тамъ, поди, теперь уборка.

— Погоди, я завтра вымою полъ—схожу.

— Душечка, Александра Сергѣевна, приведи его сегодня: онъ можетъ у васъ побыть то время, когда вы будете убираться, проговорила Дарья Андреевна.

— Да вѣдь мнѣ и у васъ тоже нужно мыть полы: Кузьма Андреевичъ съ тѣмъ и нанималъ квартиру.

— Ну, ужъ мы этого не позволимъ! Не такъ ли, Маша?

— Конечно. Мы дома, когда кухарки не было, сами мыли полы, сказала Маша, довольная тѣмъ, что ее спросили и что и она можетъ чѣмъ-нибудь похвастаться.

— Еще руки занозите — бѣда тогда съ вами, замѣтила хозяйка.

— Ну-съ, такъ вотъ теиерь я сырашиваю васъ, милостивая государыня, какія же еще существуютъ для женщины профессіи? началъ снова хозяйннъ.— Обученіе въ школахъ. Прекрасно. Похвалялъ и прошлую зиму въ село къ пріятелю по университету, онъ тамъ мировымъ посредникомъ и завелъ на свой счетъ школу. Ну, водворился я въ школѣ; собирается туда до пятидесяти мальчиковъ. Обучали закону божію, письму, чтенію и ариметикѣ священникъ и дьяконъ; хотя собственно учителемъ-то считался священникъ, но такъ-какъ понѣ частенько загуливалъ, то его должность исправлялъ дьяконъ. Ученіе такъ шло прекрасно, что когда я поступилъ, мальчики едва умѣли писать и считать цифры до сотни. Оно, конечно, капиталовъ у крестьянъ немного (это, вѣроятно, почтенные наставники знали хорошо), но вѣдь мальчику хочется и сложить свои копѣйки, и вычестъ изъ нихъ на исправленіе мостовъ или на ту

же потребу хотя попу или дьякону. Ну, я поговорилъ священнику, чтобы онъ письмо и арифметику предоставилъ мнѣ. Онъ обидѣлся, но уступилъ. Преподаваніе шло хорошо съ мѣсяць, мальчишки стали уже умножать и дѣлать, стали понимать громъ и молнію; и тутъ-то вотъ начались на меня гоненія: зачѣмъ-де я объясняю мальчишкамъ такія штуки. Но это ничего. А вотъ попъ сталъ обижаться на меня за то, что, съ моимъ поступленіемъ въ училище, ему стали мало приносить яицъ и другихъ свадобьевъ. Донесъ онъ на меня посреднику официально, что я-де учу фармазонству и обираю крестьянъ. Посредникъ-пріятель выговорилъ мнѣ вѣжливо, я объяснилъ, ну похоталп—тѣмъ дѣло и кончилось. А тутъ вышла исторія. Стали крестьяне просить меня сочинять имъ письма—я писалъ. Потомъ дѣло дошло до того, что цѣлое общество стало просить меня сочинить просьбу губернатору о томъ, чтобы ихъ надѣлили землею по Положенію. Я, конечно, прежде всего обратился къ пріятелю. Тотъ обидѣлся, сказалъ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, что я-де учитель и больше ничего. А если-де я буду вмѣшиваться еще въ эти дѣла, то онъ попроситъ меня уѣхать. Оказалось, что посредникъ-то тянулъ сторону помѣщиковъ. Ну, я и уѣхалъ и посѣлился здѣсь. Ужь если мужчинѣ трудно честно исполнить свою обязанность изъ-за куска хлѣба, то женщинѣ и подавно трудно. Мужчинѣ приходится уступать передъ начальствомъ, онъ все-таки имѣетъ долю самостоятельности, а женщинѣ для того, чтобы ладить и добывать свой хлѣбъ, зачастую приходится или поступить въ любовницы, или выйти замужъ.

— Какія ты странныя говоришь вещи, замѣтила Александра Сергѣевна.

— Вещи эти очень простыя, я знаю тысячи примѣровъ. Возьми, напримѣръ, хоть швейное занятіе. Ну, чего бы, кажется, проще швейнаго занятія. Ну, открываетъ женщина магазинъ. На нее тычутъ пальцами сытые люди: какъ-де можно пускаться на такое ремесло. Если же не знаютъ, спрашиваютъ другъ друга: кто она такая. По мнѣнію развратниковъ—она развратница. Даже свои люди, тѣ же содержательницы магазиновъ, стараются заклевать ее. Много ей приходится перетерпѣть обидъ, чтобы установиться и заслужить себѣ репутацію. Надо замѣтить, что мы живемъ въ вѣкъ развращенный, ибо будь модистка любовница важнаго барина, хотя бы онъ былъ и безъ зубовъ, она будетъ имѣть почетъ и ее завалитъ работами. Другой примѣръ: ты, Саша, знаешь вѣдь содержательницу пансіона, что на Петербургской улицѣ. Она пріѣхала изъ Петербурга со множествомъ рекомендабельныхъ писемъ, и поэтому ей скоро разрѣшили открыть пансіонъ. Какого она была раньше поведенія—намъ до этого нѣтъ дѣла, но въ городѣ стали звонить, что она въ Петербургѣ жила на содержаніи и любовникъ ее прогналъ. Ей

тогда былъ, вѣжется, двадцать-пятый годъ. А когда стали говорить это, нашлись довеласы, началъ самъ директоръ гимназіи, и до чего вѣдь они, скоты, довели ее, что она должна была бросить пансіонъ. И вотъ, когда на ней женился учитель гимназіи, она снова открыла пансіонъ и теперь уже никто противъ нея не смѣетъ рта разинуть.

— Значитъ, личность женщины ограждается мужемъ? спросила Дарья Андреевна Морозова.

— Пожалуй, что такъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

— И надо выходить замужъ?

— Да, въ настоящее время, пока женщины не даютъ самостоятельности. Положимъ, у насъ существуютъ телеграфистки. Но я уже докладывалъ вамъ, что это особый классъ, который составляетъ какъ бы семью, все равно, что почтовые, которые обыкновенно живутъ въ одномъ домѣ. Я уже говорилъ вамъ раньше, что въ телеграфистки поступаютъ или по протекціямъ, или женщины родственницы мужчинамъ, телеграфистамъ. Если послѣднее обстоятельство вѣрно, то тогда составитъ особый классъ: отцы будутъ готовить дочерей на ту же службу, какую и они исполняютъ. Это видно изъ того, что большинство почтовыхъ готовятъ дѣтей въ почтовое вѣдомство, какъ духовные въ духовное. Дозволятъ женщинамъ быть сортировщицами—сортировщицы будутъ дочеря, сестры, жены почтовыхъ; дозвоятъ женщинамъ быть бухгалтерами—контролеры и бухгалтеры научатъ своихъ женъ, дочерей и пр. счетоводству. А попади на одно изъ этихъ мѣстъ женщина съ воли—ей ходу не дадутъ. Тутъ, видите, примѣшается и эгоизмъ, и самолюбіе, ишь-де сколько у насъ заштатныхъ чиновниковъ безъ мѣстъ шатаются, стариковъ гонять прочь, у насъ у самихъ куча ребятишекъ, сами мы получаемъ маленькое содержаніе и вдругъ женщина, да еще чужая, служить съ нами? Положимъ, она знаетъ дѣло; но, полно, такъ ли, какъ мы; не нужно ли ее еще поучить. Вѣдь и мы, когда поступали на новыя мѣста, спрашивали совѣтовъ стариковъ. Такимъ образомъ, надъ нею будутъ острить, будутъ довеласничать и мѣшать ей. Ну, какая же, скажите на милость, самостоятельность-то тутъ?

Онъ отеръ со лба потъ. Дарья Андреевна слушала его со вниманіемъ, но Марья Андреевна уже громко зѣвала. Александра Серѣвна что-то шила, сидя у окна.

— Ты бы, сестра, пошла спать, сказала ей Дарья Андреевна.

— А ты? спросила охриплымъ голосомъ сестра.

— Корннло Савичъ, мы вамъ мѣшаемъ?

— Нисколько. Я очень радъ, что могу хоть поговорить съ кѣмънибудь. А вы, Марья Андреевна, если хотите спать, то я привесу вамъ подушку.

— Поворно благодарю, я домой пойду.

Марья Андреевна ушла.

— И такъ-съ, началъ опять Морозовъ:—теперь остаются какия еще профессіи? Продавать водку?

Слушательницы захохотали.

— Право! Вотъ тутъ ужъ женщина вполне самостоятельна.

— Нехорошее занятіе: пожалуй можно и напиться, особенно въ праздникъ, сказала Александра Сергѣевна.

— Напротивъ, я тутъ не вижу ничего дурнаго. Возьмите, напримѣръ, калашницъ, женщинъ, продающихъ орѣхи, пряники, торговко въ разныхъ, проговорила Дарья Андреевна.

— Такъ-то оно такъ. Можно торговать чѣмъ угодно и быть самостоятельной, если имѣешь капиталъ.

— Это такъ; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь. Еслибы я имѣла деньги, я бы устроила лавочку, сказала Дарья Андреевна.

— Питейную? съострилъ Морозовъ.

— Нѣтъ. Табачную или какую другую.

— Ну-съ, а кто бы сталъ покупать табакъ, гильзы и прочую мелочь? Знаете ли вы, что табачныя лавки выручаютъ не табакомъ, а мелочью, въ родѣ нитокъ, пуговицъ и прочаго. Все нужно купить и знать, какъ и что, и гдѣ купить, соображаясь съ требованіями того околотка, гдѣ будетъ лавка.

— Я бы наняла помощницу.

— А она бы васъ стала обкрадывать.

— Я завела бы счеты.

— Ничего эти счеты не значать, потому что вѣдь вы въ счетахъ смыслите мало, да и обидѣть свою помощницу не захотите. Если вы ее будете обижать—она будетъ вамъ вредить и торговля пойдетъ къ чорту; если вы будете ей потворствовать—она еще больше запуститъ лапу и вы разоритесь.

— Ты ужъ очень строго судишь, мой другъ: когда я жила въ Петербургѣ, такъ я замѣчала, что во многихъ табачныхъ лавочкахъ торгуютъ женщины, и молодыя, и старыя, сказала Александра Сергѣевна.

— Это и я знаю, душа моя; но тутъ непременно кто-нибудь заправлялъ съ самаго начала: или мужъ, или опытная мать, бабушка. Главное нужно начать, проторговать годъ, не плутовать, а если дѣло пойдетъ хорошо—не трогаться съ мѣста. Теперь предстоятъ новыя средства для самостоятельности женщинъ. Пишутъ, что откроются скоро гласные суды, рѣчи будутъ записываться стенографически.

— Но это одно предположеніе, сказала Софья Сергѣевна.

— Женщины еще не знаютъ, что такое стенографія, сказала Дарья Андреевна.

— Научатся, матушка. Наука не трудная.

— Ну, такъ что же тогда: куда онѣ дѣнутся съ своими снимками?

— А будутъ отдавать печатать въ газетахъ.

— При нынѣшней цензурѣ?

— Можетъ быть, тогда и не будетъ цензуры. Но не вытѣснятъ ли женщинъ мужчины? А вотъ, Дарья Андревна, хорошая штука—это повивальное ремесло. Вы можете поступить въ университетъ или въ петербургскій повивальный институтъ. Тутъ у васъ вѣчный кусокъ хлѣба. Только надо замѣтить, что въ Петербургѣ этихъ бабокъ такъ много расплодилось, что большинство живетъ единственно отдачею комнатъ подѣ постой. А если вы поѣдете въ провинцію—вы будете барыня. Посмотрите, какъ наши губерскія повивальныя бабки живутъ.

— Да онѣ всѣ замужня, вмѣшалась Александра Сергѣевна.

— Это ничего. Для того на нихъ и женились, что онѣ получаютъ за практику деньги.

— Я въ Ильинскѣ видала бабку. Сперва про нее говорили Богъ знаетъ что, потомъ привыкли.

Пробило два часа ночи и гостья распрощалась съ хозяевами. Хозяйка поцаловала ее. На квартирѣ у брата всѣ спали, такъ что она едва достучалась.

XXX.

На другой день Дарья Андреевна отправилась къ Эмилиі Карловнѣ. Эмилија Карловна теперь устроилась иначе. Входъ въ ея магазинъ былъ съ улицы; вывѣска съ картинками была подновлена; въ магазинѣ были диваны и въ двухъ шкафахъ съ стеклянными дверцами висѣли платья, мантильи, шляпки. На двухъ окнахъ стояли двѣ бумажныя головы чучель, изображающія скорѣе идоловъ съ индусскими лицами, а никакъ непохожія на европейца. Тутъ же стояли и болванки съ шиньонами и красовались лицомъ къ стекламъ модныя картинки. Въ магазинѣ были также часы и большой столъ, на которомъ лежала какая-то книга. Когда Дарья Андреевна отворила дверь, то въ магазинѣ раздался звонокъ. Въ магазинѣ никого не было. Немного погодя изъ внутреннихъ дверей за шкафомъ направо вышла дѣвушка годовъ семнадцати, съ чахоточнымъ, изнуреннымъ лицомъ.

— Что вамъ угодно? спросила она Дарью Андреевну, съ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Мнѣ нужно Эмилию Карловну.

Дѣвушка ушла. Явилась Эмилија Карловна.

— Батюшки, кого я вижу! Здравствуйте, милая моя. Насилу-

то! и она начала обнимать и целовать Дарью Андреевну, а потом пригласила съ собой.

Онѣ вошли въ небольшой темный корридорчикъ, изъ котораго было три хода: направо въ швейную, налево въ хозяйское помѣщеніе и напротивъ—въ чуланъ, въ которомъ спали дѣвцы. Эмилія Карловна повела гостью въ швейную.

Тамъ занимались шитьемъ четыре дѣвочки отъ шести до восьми лѣтъ; дѣвушка же семнадцати лѣтъ показывала имъ.

— Вотъ моя швейная. Эти дѣвочки ученицы живутъ на моемъ содержаніи, а это (она указала на семнадцатилѣтнюю) показываетъ имъ. Паулина, сшила ты лифъ?

— Не совсѣмъ, отвѣчала дѣвушка.

— Съ тобой не много наработаешь. Работы, Дарья Андреевна, такъ много, такъ много... И я васъ хочу попросить начать съ сегодняшняго дня.

— Я теперь не могу. А вотъ развѣ послѣ Пасхи.

— Да помилуйте, теперь-то и нужна мнѣ мастерица, а послѣ Пасхи работы почти совсѣмъ не будетъ. Пожалуйте сюда.

Петерсонъ повела Дарью Андреевну въ свою квартиру, состоящую изъ двухъ комнатъ и кухни.

— Вотъ въ этой комнатѣ я живу, а въ той сынъ. Хотите кофе?

— Пожалуй.

Стали пить кофе.

— Дарья Андреевна, голубушка! Оставайтесь у меня. Ей-Богу я совсѣмъ смучилась; нигуда нельзя выйдти изъ дому. Я вамъ положу по полтора рубля въ сутки.

— Да вѣдь я еще не умѣю кроить.

— О, это пустое! Я буду сама кроить, и вы научитесь.

— Я, пожалуй, останусь, только мнѣ надо извѣстить брата, что я здѣсь.

— Это мы устроимъ: я пошлю съ вашей запиской къ вашему брату дѣвочку. Остаются?

— Я васъ, Эмилія Карловна, хочу попросить взять къ себѣ, хотя до праздниковъ, мою сестру, она тоже умѣетъ шить и ей бы пригодились деньги на праздникъ.

— Но... это ужъ будетъ много... Знаете, мнѣ нужно кормить... тѣсно.

— Я на свой счетъ буду кормить ее, да, пожалуй, и сама вѣсть стану на свои деньги.

— Ну, вотъ вы и обидѣлись. Но... я право не знаю, какъ...

— Въ противномъ случаѣ, я за эту цѣну несогласна оставаться у васъ.

— Ну, ну! Хорошо. Пусть ваша сестра придетъ. Такъ вы сейчасъ займетесь?

— Пожалуй хоть сейчас.

— Паулина у меня теперь вмѣсто мастерицы. Она иѣмка, дочь мастера, моя крестница, да и дѣвцы почти всѣ изъ иѣмецкихъ семействъ. Если Паулина не будетъ васъ слушаться, вы сказывайте мнѣ, и я ужъ знаю, какъ распорядиться съ ней: такъ оттаascaю за уши—чудо! А съ прочими вы не перемоньтесь—такъ и теревите за уши, иначе не будутъ слушаться.

Итакъ Дарья Андреевна не пришлось погулять на волѣ и она поступила на работу неожиданно. Хотѣлось ей сходить къ Удинцовымъ провѣдать Ольгу Герасимовну, тѣмъ болѣе, что домъ Удинцова отъ магазина Петерсонъ былъ близко: стоило только спуститься внизъ. Но ужъ если она согласилась помочь Петерсонъ, то должна исполнить свое обѣщаніе, тѣмъ болѣе, что полтора рубля въ сутки на улицѣ не найдешь. Работы оказалось дѣйствительно много, и Дарья Андреевна удивилась, зачѣмъ это Петерсонъ набрала столько работы, когда у ней только одна мастерица умѣетъ шить? Или она хотѣла когонибудь прихватить къ празднику, но вѣдь до праздника оставалось всего только двое сутокъ... Петерсонъ, давши ей матерію на одно платье, уже скроенное, и наказавши, какъ мастерицѣ, такъ и маленькимъ дѣвочкамъ слушаться главную мастерицу, ушла изъ дому.

— Провалилась, чертовка! проговорила одна дѣвочка.

Другія дѣвочки побросали свои лоскутья и стали играть.

— Каролинъ, Анна... Я васъ! стала унимать дѣвочекъ молодая мастерица.

Дѣвочки высунули ей языки.

Мастерица кинулась на нихъ, но онѣ убѣжали въ корридоръ.

Мастерица пошла туда, вытащила оттуда одну дѣвочку и стала ее щелкать по щекамъ.

— Паулина, я васъ прошу сѣсть на свое мѣсто и работать, проговорила Дарья Андреевна взволнованнымъ голосомъ и съ раскраснѣвшими щеками. Ей неловко казалось разыграть роль старшаго.

Мастерица спросила Дарью Андреевну понѣмецки:

— Что она говоритъ?

— Говорите порусски: вы вѣдь умѣете говорить порусски.

Мастерица сдѣлала непонимающій видъ и уставилась на Дарью Андреевну.

— Я прошу васъ сѣсть на свое мѣсто и дѣлать то, что вамъ дано, сказала громко Дарья Андреевна, такъ что ей сдѣлалось совѣстно.

Мастерица не трогалась съ мѣста. Всѣ дѣвочки стояли у стола, за которымъ сидѣла Дарья Андреевна съ работой.

— Говорить она порусски? спросила Дарья Андреевна одну дѣвочку.

— Говоритъ, сказали всё въ разъ.

— Ну, дѣвочки, идите себѣ поиграйте.

— Да тамъ темно.

— Ну, играйте здѣсь. Я вамъ скажу, когда вамъ шить.

— Эмилія Карловна не позволяетъ имъ играть, сказала наконецъ мастерица.

— А я позволю и принимаю это на свой страхъ.

— А вы кто такая?

— Вы слышали это отъ хозяйки. Если вы устали, можете тоже поиграть съ дѣтьми—я вамъ это позволяю.

— Вы мнѣ не имѣете право приказывать, я сама мастерица.

— Я этого не отрицаю; только, кажется, я вѣдь старше васъ лѣтами. Не такъ ли? А если я старше, то вамъ слѣдуетъ слушаться меня: тѣмъ болѣе, что и Эмилія Карловна приказала вамъ это. Вѣдь и я тоже моложе Эмиліи Карловны, а видите, не ослушиваюсь ея, а шью.

— Да вы только сейчасъ поступили.

— Спросите объ этомъ Эмилію Карловну.

Дарья Андреевна не стала больше возражать и говорить. Она задумалась надъ тѣмъ, какъ ей трудно будетъ ладить съ этой молодой нѣмкой, къ которой, какъ кажется, благоволитъ хозяйка до такой степени, что она колотить по щекамъ маленькихъ дѣвочекъ. Она не боялась, что эта дѣвушка будетъ на нее жаловаться, потому что Эмилія Карловна знаетъ ее давно, но неприятно то, что придется востоянно съ ней ссориться, и она рѣшилась съ перваго же раза показать, что она больше ея знаетъ и больше ея имѣетъ для Эмиліи Карловны значенія.

— Ну, теперь, дѣвушки, садитесь работать, сказала черезъ полчаса Дарья Андреевна дѣвушкамъ.

— Мы еще побѣгаемъ.

— Эмилія Карловна скоро придетъ.

— Какая Эмилія Карловна? спросила одна дѣвочка.

— Хозяйка.

— Намъ не вѣдно ее такъ называть. Ведягъ называть мадамъ.

— Ну, садитесь же, я вамъ сахару дамъ послѣ. А вы, Паулина, бросьте вашу книжку.

— Я нехочу работать, потому что вы русская.

— А вы гдѣ живете?

— Я у нѣмки.

— Ну, какъ хотите: вы считаетесь мастерицей и дѣлайте какъ знаете. Вы, можетъ быть, думаете, что я стану за васъ шить? Ошибаетесь.

Молодая мастерица сѣла надувши губы и стала шить.

Дарья Андреевна пошла смотреть на работы дѣвочекъ. Всѣ онѣ шили очень дурно и Дарья Андреевна рѣшилась поговорить съ Эмилией Карловной насчетъ того, чтобы имъ давать что-нибудь легкое, а никакъ не строчень; отобрать же отъ нихъ работу, данную имъ самою хозяйкою, она не рѣшилась. „Пусть портятъ,—миѣ что за дѣло“, подумала она и подошла къ Паулинѣ.

— Это вы что шьете?

— А вамъ какое дѣло? Я вѣдь васъ не спрашиваю.

— Послушайте, Паулина, есть пословица: умъ хорошо, два лучше. Поэтому я бы вамъ совѣтовала не корчить такъ складки, выйдетъ некрасиво...

— Не ваше дѣло! сказала та рѣзко.

— Конечно, миѣ нѣтъ дѣла, но я, жалѣя васъ, вмѣшиваюсь, можетъ быть, не въ свое дѣло: вѣдь вамъ придется распоротъ, а вѣдь это двойная работа.

Нѣмка покраснѣлась, но стала распарывать. Распоровши, она не знала, что ей дѣлать.

— Если вы въ чемъ затрудняетесь — я вамъ покажу, сказала Дарья Андреевна.

Это до слезъ проняло нѣмку; она кусала со злости губы, но подойти къ Дарьѣ Андреевнѣ не рѣшилась.

Дѣвочки начали острить надъ Паулиной. Паулина вышла въ магазинъ, Дарья Андреевна взяла ея шитье и на живую нитку наметала складки на лифчикъ.

Въ магазинѣ раздался звонокъ. Потомъ послышался громкій разговоръ Паулины съ какой-то женщиной. Черезъ нѣсколько минутъ въ швейную вошла съ Паулиной женщина годовъ 23—24.

— Я вамъ говорю, что хозяйка уже взяла мастерицу, говорила Паулина съ сердцемъ.

— Какая ты грубиянка, какъ я посмотрю! Ну, я подожду самое хозяйку, проговорила вошедшая женщина.

— Дѣвочки, принесите пожалуйста стулъ. А вы, позвольте васъ спросить, въ мастерицы къ г-жѣ Петерсонъ поступаете? спросила Дарья Андреевна вошедшую женщину.

— Да. Она меня убѣдительно просила поступить къ ней въ закройщицы; у меня у самой дома много работы и я разговала ее своимъ сестрамъ, побѣжала сюда какъ сумасшедшая. А теперь что вижу? Она меня обманула!

— А она когда васъ пригласала?

— Вчера утромъ.

— Сами виноваты. Еслибы вы пришли сюда пораньше утромъ сегодня, то навѣрно поступили бы. Прошу васъ сѣсть.

— Да нѣтъ, ужъ я пойду.

— Какъ хотите.

Женщина съла, но ей не терпѣлось: ей хотѣлось показать себя хорошо смыслящею въ швейномъ дѣлѣ. Она сперва подошла къ дѣвочкамъ.

— Признаюсь!... Да развѣ можно дѣвчонкамъ поручать такое шитье? Онѣ только портятъ.

Потомъ подошла къ Паулинѣ.

— Вамъ сколько лѣтъ?

Та отвѣтила понѣмцки.

— Однако, еслибы я была хозяйка, ни за что бы не поручила вамъ портить дорогую матерію.

Паулина выругала ее понѣмцки.

Подошла она и къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— Немножко грубовато.

— Дѣло спѣшное.

— Все же... Я удивляюсь, зачѣмъ это г-жа Петерсонъ меня звала, когда у нея уже есть мастерица.

Дарья Андреевна объяснила ей, что она до Рождества работала у Петерсонъ, потомъ захворала и вышла изъ больницы только вчера.

Пришла Петерсонъ и извинилась передъ этой женщиной. Оказалось, что имѣя много работы и имѣя только одну швею, которая еще не очень хорошо умѣла подбирать полосы и клинья, Петерсонъ, въ виду того, что до Пасхи осталось немного времени, часть работы разсовала по домамъ и пригласила эту женщину на правахъ закройщицы, и тутъ же высказала, когда женщина начала порицать ея магазинъ и ее самое называла обманщицей, что она, Петерсонъ, и не думала вовсе оставлять ее и послѣ Пасхи закройщицей, а что она нужна ей была только къ праздникамъ.

Женщина раскричалась и Эмилиа Карловна почти-что выгнала ее въ шею.

Проводивши женщину, Эмилиа Карловна начала ревизію съ дѣвочекъ. Посмотрѣвши на ихъ работу, она стала ихъ бить.

— Эмилиа Карловна! Развѣ можно давать такимъ маленькимъ трудную работу? Ихъ вѣдь еще надо учить, и учить съ черноваго, вступилась за дѣвочекъ Дарья Андреевна.

— Помилуйте, Даша, онѣ у меня уже третій мѣсяць живутъ.

— Но примите во вниманіе, добрая Эмилиа Карловна, ихъ лѣта.

— Обѣдать не получите! сказала хозяйка дѣвочкамъ, отобрала отъ трехъ работу и швырнула ее передъ Паулиной, къ которой и подошла.

— Ну, а ты что?

Осмотрѣвши ея работу тщательнымъ образомъ, она погладила по головѣ.

— Вотъ ты сегодня папънка. Да тебѣ поди показали?

— Нѣтъ.

— Ай врешь.

— Нѣтъ, я не показывала. Она далеко пойдетъ, сказала отъ себя Дарья Андреевна.

Въ магазинѣ раздался звонокъ. Паулина пошла посмотрѣть, и вернувшись сказала, что пришелъ Николай Павловичъ.

— Скажите, чтобы накрызали на столъ. Вы, Даша, будете съ нами обѣдать.

Дѣвочки обѣдали въ кухнѣ. Онѣ хлебали какую-то старую прокислую похлебку. Больше имъ ничего не полагалось, во первыхъ, потому, что былъ постъ, а во вторыхъ всѣ онѣ были хозяйкой законтрактованы до 17-ти-лѣтняго возраста, за что Петерсонъ родителямъ или родственникамъ ихъ дала не больше трехъ рублей, обязуясь кормить и одѣвать ихъ. Спали онѣ въ темномъ чуланѣ на полу; только для крестницы ея, Паулины, была поставлена тамъ кровать, но крестница обѣдала съ хозяйкой и платы не получала. Кушанье было скромное, сытное. Славинъ былъ развязенъ и очень говорливъ съ Дарьей Андреевной, что не очень нравилось какъ Паулинѣ, такъ и Дарьѣ Андреевнѣ, но Эмилиа Карловна сама поддерживала разговоръ. Время прошло весело. Послѣ обѣда отдыха дѣвочкамъ не полагалось. Дарья Андреевна попросила хозяйку позволить дѣтямъ погулять, но она такъ вспылила, что настаивать было неловко.

Когда посланная Дарьей Андреевной съ запиской къ брату и сестрѣ вернулась, то принесла отъ сестры записку такого содержания: „Милая сестричка, Дашенька! Братъ на тебя очень сердитъ, что ты, не спросясь его, ушла къ своей мадамъ. У него очень много починки. Я не могу къ тебѣ придти на помощь, постоянно починиваю брату разныя разности. Любящая тебя сестра Марья“.

Прочитавши это письмо, Дарья Андреевна разсмѣялась.

— Что сестра ваша?

— Брюки починиваетъ брату.

Хозяйка и Паулина тоже захохотали.

Работали усердно и дружно трое: хозяйка, Дарья Андреевна и Паулина. Въ пятницу на субботу просидѣли до 6-ти часовъ утра и до 8 часовъ утра не спали, а дѣвочки легли въ 12 часовъ и ихъ разбудили въ 6 часовъ, но онѣ все-таки проспали до 8 часовъ. Когда хозяйка въ субботу пошла съ готовыми двумя платьями, Паулина уже не сердилась на Дарью Андреевну и онѣ долго пѣли разныя пѣсни. Работали онѣ ровно до 9 часовъ утра перваго дня Пасхи, такъ что христосовались въ

два часа, когда пришелъ изъ церкви Николай Павловичъ. Въ девять часовъ стали пить вино, ѣсть колбасу, ветчину и сыръ. Дарья Андреевна получила отъ Петерсонъ три рубля денегъ и приглашеніе придти завтра обѣдать.

— Я надѣюсь, Дарья Андреевна, что вы останетесь у меня.

— Мы поговоримъ съ вами завтра, а теперь я устала.

И Дарья Андреевна ушла домой усталая и изнуренная. За то она была рада, что заработала въ двое сутокъ три рубля.

XXXI.

Когда Дарья Андреевна шла въ квартиру брата, на улицахъ Егорьевска было пустынно, точно всѣ спали въ это время. Магазины и лавки заперты. А погода хорошая: солнце грѣетъ, но слегка; съ рѣки дуетъ легкій вѣтерокъ. На небѣ нѣтъ ни одного облачка. Ледъ на водѣ вздулся, того и гляди, что тронется. Кое-гдѣ изъ трубъ поднимается дымъ; изъ дворовъ несетъ жаренымъ гусемъ, мимо домовъ лежатъ крашенныя скорлупы отъ яицъ, изъ оконъ выглядываютъ принаряженные люди. Наконецъ зазвонили въ колокола; извошники, до сихъ поръ дремавшіе на своихъ пролеткахъ, пріосанились. Даже собаки изъ нѣсколькихъ подворотенъ вышли на улицы и улеглись, умильно поглядывая на солнышко, — какъ будто и онѣ почували праздникъ. Но вотъ началась и вѣда: идутъ чиновники въ трехуголкахъ и шитыхъ мундирахъ, ѣдутъ купцы въ высокихъ шляпахъ. Это они ѣхали съ визитами. Хотѣла Дарья Андреевна взять извошника до квартиры брата, но извошникъ за какія-нибудь полверсты запросилъ рубль серебра.

Братъ и сестра одѣвались. На столѣ у брата лежали: маленькій куличъ, взятый изъ кондитерской, сыръ, масло и яйца.

— Куда это вы? спросила ихъ Дарья Андреевна.

— Съ визитомъ къ Платоновымъ. Одѣвайся и ты, говорилъ братъ. — А сколько ты денегъ получила?

— Два рубля.

— Ты, сестрица, отдай мнѣ, а то еще потеряешь.

— Нѣтъ, пусть будутъ у меня: мнѣ башмаки надо купить.

— Какъ знаешь. Только сегодня ты едва-ли купишь, потому что всѣ лавки заперты.

Скоро братъ и сестра ушли, а Дарья Андреевна пошла къ хозяйкамъ. Хозяйка стряпала, самъ Морозовъ сидѣлъ на диванѣ съ сыномъ 4-хъ лѣтъ, бойкимъ мальчуганомъ.

— Хвалю, хвалю! говорилъ Морозовъ, уже выпившій.

— За что?

— За то, что не захотѣли провести время праздно. А вотъ я очень сожалѣю, что я не сапожникъ и не портной, а то вчера полдня бѣгалъ по своимъ должникамъ, насилу собралъ двѣнадцать рублей и то слава Богу. Ну, что ваша хозяйка?

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Дарья Андреевна замѣтила, что Морозовъ что-то ужъ часто уходитъ въ спальню, и какъ только выйдетъ оттуда, языкъ начинается ему измѣнять; наконецъ, онъ даже началъ говорить несвязно, ругалъ кого-то жидомъ и Дарья Андреевна вѣжливо распрощалась съ ними, и пришедши домой легла спать.

— Когда она проснулась, то Марья Андреевна была дома; она, сидя у стола, кушала куличъ съ сыромъ.

— Гдѣ была, сестрица? спросила ее Дарья Андреевна, вставая.

— Была на соборной колокольнѣ, въ саду. Вездѣ скучно. Обѣдать хочу.

— Можетъ быть тамъ въ кухнѣ у хозяйки и есть что-нибудь.

— То-то что нѣту. Я не замѣтила, чтобы братъ что-нибудь покупалъ.

Дарья Андреевна пошла въ кухню. Оказалось, что братъ ничего не заказывалъ сварить или изжарить.

— Вы не безпокойтесь, пожалуйста, я вамъ принесу всего, что у насъ есть. Мы уже пообѣдали, но щи, поросенокъ и каша въ печкѣ.

— Мы вамъ заплатимъ за это, сказала Дарья Андреевна.

Но хозяйка отъ платы отказалась, а попросила у Дарьи Андреевны заимообразно рубль сер. денегъ.

Первый разъ еще приходилось Дарьѣ Андреевнѣ справлять такимъ образомъ Пасху, но за то она имѣла свои деньги и могла заплатить за кушанье хозяйкѣ. Хотѣлось ей починить свои платья—комодъ запертъ, хватилась она той книжки, что далъ ей Морозовъ, сестра ей сказала, что братъ и книгу запертъ, опасаясь, чтобы ее не украли.

Противна показалась Дарьѣ Андреевнѣ эта квартира и она пошла на прежнюю квартиру къ Удинцовымъ. Но тамъ ждало ее новое горе. Оказалось, что Ольга Герасимовна на второй недѣлѣ великаго поста померла. Умирая, она завѣщала Дарьѣ Андреевнѣ теплую мужнину шубу, свое теплое пальто, кофейникъ, чайникъ, платокъ и образъ Тихвинской Божіей Матери.

— А что квартира у васъ не занята! спросила Дарья Андреевна Елену Никоновну.

— Нѣтъ. Кто здѣсь найметъ. Вотъ развѣ лѣтомъ найметъ какой-нибудь прикащикъ съ барки. А ты переходи. Только теперь ужъ я съ тебя возьму три рубля.

Дарья Андреевна согласилась и, отдавши задатокъ, осмотрѣла обѣ комнаты. Пусто и мрачно было въ комнатахъ ея сосѣд-

ки; чѣмъ-то нехорошимъ пахло, точно кто-нибудь здѣсь померъ или нѣсколько мѣсяцевъ лечился лекарствами. Слезы прошибли Дарью Андреевну и она вышла изъ нея. Въ ей же кожнатъ все было постарому.

Такъ я къ вамъ, Елена Никоновна, переѣду завтра.

— И переѣзжай. Я больно тебѣ буду рада. А лѣтомъ у насъ весело. Богъ дастъ, Максимко будетъ тебя съ Татьяной за Волгу возить.

Дома она застала брата.

— Братецъ, сколько я тебѣ должна за леченье? спросила она брата.

— А что? спросилъ тотъ, очень удивленный ея вопросомъ.

— Я хочу переѣхать на старую квартиру, такъ мнѣ хочется покончить съ тобой счеты.

— Какіе счеты, что ты, Господь съ тобой. Да какъ же ты это отъ меня-то уходишь?

— Мнѣ тамъ лучше нравится.

— Не дури, пожалуйста. Платоновы тебя звали завтра обѣдать вмѣстѣ съ Машей. Вѣдь завтра Марья Никоновна именинница.

— Мнѣ нечего тамъ дѣлать.

— Ей-Богу, ты меня выводишь изъ терпѣнія!

— Вольно-же тебѣ сердиться.

И она ушла къ Морозовымъ, у которыхъ и просидѣла далеко за полночь.

Утромъ она опять пришла къ брату.

— Братъ, гдѣ мои вещи?

— На что?

— Я уже сказала, что ѣду на прежнюю квартиру. Неужели ты не знаешь моего характера!

— Изволь! и братъ съ сердцемъ отперъ ящикъ комода и выбросилъ ея вещи.

— А деньги?

— Деньги я отдалъ за леченіе, отвѣтилъ онъ сухо.

Дарья Андреевна простилась съ братомъ холодно. Марья Андреевна плакала, уговаривала ее не ходить на квартиру, а идти вмѣстѣ съ ними къ Платоновымъ, но Дарья Андреевна пошла.

— Послушай, сестра: если съ тобой случится какое-нибудь несчастіе, ты ужъ на меня не рассчитывай.

— Я васъ и не просила.

И она ушла.

Слезы душили ее, когда она шла по этому переулку. Все, что было въ немъ, казалось ей противнымъ, кромѣ однихъ Морозовыхъ, съ которыми она не захотѣла проститься, потому что ей не хотѣлось обнаружить передъ ними скаредность брата. А изъ оконъ, попрежнему, глядѣли мужчины и женщины; качавшаяся на качеляхъ молодежь останавливала веревки и смотрѣла на нее. Всѣмъ казалось странно, что молодая дѣвушка идетъ на второй день праздника съ узломъ.

— Куда это вы, барышня, съ узломъ-то? спрашивали женщины.

— На квартиру, отвѣчала Дарья Андреевна.

— Али не пожилось у братца-то?

Дарья Андреевна, не отвѣчая, шла молча и слышала мужской хохотъ.

На большой улицѣ она наняла извозчика, и въ этотъ день обѣдала у Петерсовъ, съ которой и сговорилась быть у нея закройщицей за десять рублей въ мѣсяцъ.

— Теперь работы будетъ мало; развѣ-развѣ передъ чьими-нибудь именинами или балами. Дай бы Богъ, чтобы губернаторъ пріѣхалъ новый: тогда барыни завалили бы меня работой. А вотъ къ Рождеству, масляницѣ и Пасхѣ я вамъ буду прибавлять по пяти рублей. Жить, конечно, вы должны на квартирѣ; можете тамъ и шить на себя.

Однимъ словомъ, Петерсовъ была очень любезна съ Дарьей Андреевною, — любезна даже до того, что дала ей впередъ пять рублей и просила навѣщать ее послѣ обѣда часовъ въ шесть.

„Ну теперь, слава-Богу, дѣла мои устроились. На десять-то рублей я проживу какъ-нибудь“, думала она, идя домой. Вечеромъ она пила чай у хозяйки, и та сбавила съ нея за комнату цѣлый рубль.

Въ этотъ день у Платоновыхъ былъ обѣдъ и балъ по случаю дня ангела жены Елизара Аникіевича, Марьи Никоновны. У Платоновыхъ, какъ у богатыхъ людей, было въ обычаѣ справлять именины каждаго члена ихъ семьи, будь онъ хотя и спеленатый младенецъ; но именины старшихъ, какъ-то: его самого, жены, старшаго сына и жены, справлялись самымъ торжественнымъ образомъ. Такъ и въ этотъ день приглашены были всѣ тузы города, начиная съ губернатора. Съ поздравленіемъ пріѣзжали даже и архіерей съ ректоромъ семинаріи, но они обѣдать не остались, а ограничились простою закускою. Надо замѣтить, что домъ Платонова былъ громадный двухъ-этажный каменный, съ колоннами, и выходилъ на набережную. У него былъ большой садъ съ прудомъ, на которомъ было три

острова, носящіе разныя названія. Балы или обѣды обыкновенно бывали въ огромной залѣ съ хорами; эта зала вмѣщала въ себѣ свободно семьсотъ человекъ, и въ ней обыкновенно давались спектакли и разные любительскіе вечера. По случаю праздника, у Платонова сегодня было много народу, даже дамы поторопились поскорѣе кончить свои визиты, чтобы поспѣть на обѣдъ. Описывать обѣдъ, съ его обществомъ, разговорами, рѣчами и тостами, я не стану; скажу только, что во все время на хорахъ играла музыка, собранная изъ театрального оркестра и изъ музыкантовъ дворянскаго собранія; гости вели себя чинно, хозяинъ держалъ себя съ достоинствомъ; мелкія сошки, въ родѣ совѣтника Яковлева и госпожи Тельжниковой, молчали, или говорили вполголоса съ сосѣдями; душою же всего общества былъ молодой Семенъ Елизаровичъ, остроумамъ котораго смѣялся даже самъ губернаторъ.

Такъ-какъ Кузьма Андреевичъ и Марья Андреевна были люди маленькіе, и имъ не подобало сидѣть за однимъ столомъ съ такими важными лицами, то Елизаръ Аникіевичъ отрядилъ Кузьму Андреевича присматривать за лакеями, чтобы они не украли серебра и не напились пьяны, а Марью Андреевну наблюдать за исправностію женской прислуги. Само собою разумѣется, по окончаніи официальнаго обѣда, кончившагося въ семь съ половиною часовъ, имъ велѣно было обѣдать съ нянькой и гувернанткой. Послѣ обѣда половина гостей разъѣхалась отдохнуть до танцевъ, а половина разошлась по комнатамъ играть въ карты.

Вдругъ лакей приходитъ въ столовую, гдѣ обѣдали Кузьма Андреевичъ съ сестрой и другіе.

— Пожалуйте, васъ требуетъ совѣтникъ Яковлевъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Кузьмѣ Андреевичу.

— Гдѣ онъ?

— Въ кабинетъ его пр-ва.

Когда Кузьма Андреевичъ вошелъ туда, тамъ былъ только самъ Платоновъ, но онъ, при появленіи молодаго Яковлева, тотчасъ же вышелъ. Совѣтникъ лежалъ на кушеткѣ съ растегнутымъ жакетомъ и курилъ сигару.

— Здравствуй, заноза! сказалъ онъ и протянулъ племяннику руку.

Племянникъ не понималъ: шутилъ съ нимъ дядя, или нѣтъ.

— Бери, не бойся.

Племянникъ взялъ руку. Дядя крѣпко ее стиснулъ.

— Ты на меня сердисься? спросилъ онъ племянника.

— Нѣтъ.

— То-то. Если ты и сердисься, такъ я не боюсь. Я вѣдь тебя хотѣлъ только поугатъ немножко. Хочешь получить ту должность, которую ты просилъ?

— Да она уже занята.

— Я его переведу на другую вакансію. Хочешь?

— Хочу, только не требуйте жертвъ.

— Дуракъ! Я вамъ благодарствую, а онъ говоритъ про какія то жертвы. Оселъ! Чтò Дарья?

— Ушла въ магазинъ.

— Ну!

И дядя махнулъ рукой.

— А Марья?

— Марья здѣсь.

— Пошли-ка ее сюда. Завтра можешь принести прошеніе о переводѣ. Денегъ мнѣ не надо.

Пришла Марья Андреевна. Ипполитъ Аполлоновичъ сѣлъ.

— Христось воскресъ! сказалъ насмѣшливо дядя, и поманилъ ее къ себѣ рукой, такъ-какъ она стояла у порога.

Марья Андреевна не шла.

— Чтò жь ты? Я вѣдь не собака, не кусаюсь... не нехристь.

Марья Андреевна подошла, дядя облобызалъ ее и усадилъ съ собой рядомъ.

— Ну, матушка, чтò вы подѣлываете?

Щоки Марьи Андреевны покраснѣли, и она не знала, что ей сказать.

— Что вы думаете дѣлать?

— Не знаю, дяденька.

— По стопамъ сестрицы хотите идти? Прекрасно. А позвольте васъ спросить: есть ли у васъ хотя сотая доля того таланта, какой имѣетъ Дарья Андреевна?

У Марьи Андреевны зарябило въ глазахъ.

— Вы думаете, что Дарья Андреевна блаженствуетъ!.. Хотѣлось бы мнѣ видѣть васъ такую: безъ хлѣба, безъ квартиры, безъ родни.

У Марьи Андреевны пошли слезы изъ глазъ,

— Что же мнѣ дѣлать, дяденька?

— Выйти замужъ за того, кого я предлагалъ.

— Онъ мнѣ не нравится, за другаго бы...

— Э! Губа-то у тебя не дура. Да ты то пойми, что онъ—человѣкъ дѣльный, любимъ начальствомъ, имѣетъ свой домъ. А если онъ пьетъ, такъ кто же изъ насъ не пьетъ! Согласна ты за него замужъ?

Марья Андреевна молчала; она глотала слезы.

Если ты не согласишься, то я твой поступокъ—помнишь, хотѣла удавиться—я его разглашу...

— Дяденька!..

— Согласна?

— Согласна.

Дядя поцаловалъ ее. Въ кабинетъ вошла Анна Николавна. Увидѣвъ мужа съ племянницей, она свирѣпо взглянула на него, но онъ тотчасъ же объявилъ ей о согласіи Марьи Андревны выйти замужъ за Соколова, и что ихъ, то-есть Кузьму Андревича, Дарью Андреевну и невѣсту можно принимать.

— Дѣлайте какъ знаете. Не знаю, изъ за чего вы всякимъ... благодѣтельствуете.

— Ну, ну, пожалуйста.

И онъ всталъ.

— Ты, Марья, можешь жить у брата до еоминной недѣли. На еоминной будетъ твоя свадьба. Приходите завтра съ братомъ къ намъ; у насъ будетъ и женихъ твой.

— Что мнѣ дѣлать, братецъ: вѣдь я дала согласіе дядѣ, что выхожу за Соколова, говорила Марья Андревна брату, когда они шли домой уже на разсвѣтъ.

— Это до меня не относится; а если дала слово — дѣлать нечего.

— Страшно.

— Ничего нѣтъ страшнаго; привыкнешь.

XXXII.

Прошло три мѣсяца послѣ описанныхъ происшествій. Кузьма Андревичъ служилъ подъ начальствомъ дяди помощникомъ бухгалтера, а Марья Андревна наслаждалась замужествомъ, жила съ мужемъ въ его ветхомъ домѣ и жизнью своею была довольна. Супругъ ее любилъ, деньги приносилъ въ цѣлости, а главное, не пьянствовалъ сильно: онъ хоти и выпивалъ, но въ мѣру; случалось, приходилъ онъ и пьяный домой изъ гостей, но не буйствовалъ и не дрался. Супруги сошлись, то-есть были пара другъ дружкѣ; Марья Андревна была лѣнива; управившись въ кухнѣ, если не было починки, спала; мужъ былъ невзыскателенъ: ему только бы обѣдъ былъ изготовленъ по его вкусу, постель хорошо убрана и жена была дома. Послѣ обѣда онъ спалъ, послѣ сна пилъ чай и уходилъ на службу, или въ гости поиграть въ стуколку, послѣ этого спалъ; утромъ, послѣ чаю, уходилъ на службу. Даже по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ уходилъ въ палату, и оттуда въ церковь. Дома, несмотря на то, что у него была жена, ему было скучно; онъ такъ привыкъ къ своей палатѣ и товариществу, что закрылся палата на недѣлю, или хотъ провадись она, онъ и тутъ сталъ бы ходить кругомъ своего облюбленнаго мѣста. Кромѣ своей счетной части, ничего онъ не смыслилъ, и если ему

приходилось сочинять докладъ, то онъ составлялъ по образцу старыхъ докладовъ, а самъ изъ своей головы онъ ничего не могъ выдумать, потому что передъ его глазами постоянно мелькали счеты и цифры. Онъ не читалъ никакихъ книгъ, и если дома ему нечего было дѣлать, онъ сидѣлъ у окна, мурлыкалъ пѣсни духовнаго содержания и барабанилъ по столу, окну или стулу. Этимъ и объясняется его молчаливость, которая стала переходить и на Марью Андреевну. Кромѣ скотскихъ ласкъ, у него другихъ разговорныхъ обращеній съ женою не было. Вставутъ они—кухарка уже поставила самоваръ, молча умоются, молча усядутся пить чай.

— Иванъ Петровичъ, что сегодня изготовить? спросить его жена.

— А? спросить мужъ, какъ будто не дослышавшій словъ жены.

Жена повторить вопросъ.

— Что хочешь.

— Все-таки... Тебѣ, можетъ быть, не понравится. Что хочешь? Щи, жаркое, кашу?

— Я хочу телятины.

— Ну, телятину.

Станетъ онъ одѣваться.

— Ты бы драповыя брюки надѣлъ. А эти, смотри, съ дырой.

— А?

Жена повторить.

— Ладно и эти.

Одѣвшись, мужъ уходитъ не простясь съ ней, но ему нравится, что жена провожаетъ его за ворота.

И Марья Андреевна не жалуется. У ней даже отпала охота ходить куда-нибудь гулять. Впрочемъ, у нихъ была корова, курицы, огородъ, за которымъ Марья Андреевна усердно ухаживала. Только за обѣдомъ, выпивши водки, мужъ былъ говорливъ, но тутъ онъ рассказывалъ, за что его похвалилъ совѣтникъ, за что совѣтникъ обругалъ такого-то столоначальника и т. п. въ родѣ этого. Марья Андреевна, впрочемъ, жизнь постоянно дома на четвертый мѣсяцъ стала надоѣдать; кромѣ рынка и лавочекъ, она никуда не ходила, даже не бывала у своей сестры, которая у нея бывала нѣсколько разъ. Мужъ не позволялъ ей ходить, и принимать велѣлъ только свою родню, особенно Кузьму Андреевича, съ которымъ былъ очень друженъ; онъ даже и въ церковь не пускалъ ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей нужно стрипать. На гулянья онъ не любилъ ходить, отзываясь тѣмъ, что ему противно; но онъ въ душѣ сознавалъ, что онъ маленькій чиновникъ и ему не слѣдуетъ гулять съ женою среди аристократіи. Онъ самъ некрасивъ, да и жена некрасива. „Смѣяться будутъ“, и шель къ сосѣду, по-

мощнигу столоначальника той же палаты, у котораго жило трос нахлѣбниковъ, играть въ бабки.

Такъ и шло время. Наконецъ, Марья Андреевна почувствовала, что она беременна, но ей совѣстно было сказать объ этомъ мужу. Однако, сказала.

Мужъ улыбнулся, потомъ задумался, но ничего не сказалъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого умеръ отъ удара Ипполитъ Аполлоновичъ. На похоронахъ его, конечно, были всѣ служащіе, и всѣ перепились. Вотъ съ этого-то времени и началась для Марьи Андреевны каторжная жизнь. Она еще не знала того, что ея мужъ пьетъ запоемъ и въ это время дѣлаетъ страшныя безобразія. И еслибы она была женщина разсудительная, то могла бы его сдержать, но она хотѣла вытрезвить мужа крикомъ, руганью, упреками, тѣмъ, что онъ заѣлъ ея жизнь; стала просить начальство выдавать жалованье ей, а не мужу, и этимъ много вредила мужу. Черезъ мѣсяцъ его пьянства, его лишили должности, а черезъ двѣ недѣли уволили въ отставку. Это сильно бѣсило Соколова, онъ сталъ бить жену, упрекая ее тѣмъ, что она вышла за него ни съ чѣмъ, а единственно изъ-за его должности, вымогалъ отъ нея вещи: такъ въ какіе-нибудь три мѣсяца она продала корову, заложила свой салопъ и подвѣчное платье. Марья Андреевна стала бѣгать изъ дома, ночевала то у сестры, то у брата. Мужъ гонялся за ней, дѣлалъ сцены Кузьмѣ Андреевичу и Дарьѣ Андреевнѣ; но передъ послѣдней всегда усмирался.

— Пожалѣйте вы вашу жену: вѣдь она беременна, говорила Дарья Андреевна.

— Она меня не жалѣетъ; она у меня шестьдесятъ рублей украла, когда я былъ трезвый.

— Врешь, подлець! говорила на это Марья Андреевна.

— Ну, вотъ видите, она ругается. А вотъ еслибы вы были моя жена, я бы такъ не пилъ. А то я ее купилъ изъ-за должности. А какъ благодѣтель умеръ, меня и вонъ.

— Поступите на другое мѣсто.

— И поступлю.

— А тутъ уже и пить не на что было, потому что у пьянаго являлась охота ходить Богъ-знаетъ куда, гдѣ у него и вытаскивали деньги; такъ, забравшись съ шестьюдесяти рублями, отнятыми у жены, въ одинъ домъ, куда неприлично ходить женатому человѣку, онъ тамъ ночевалъ, но за то у него тамъ всѣ деньги вытащили. Сталъ онъ кланчить, просить съ угрозами, и радъ былъ каждой гривнѣ, и, наконецъ, допился до бѣлой горячки.

Вылечившись отъ этой болѣзни, онъ далъ зарокъ не пить больше водки, отслужилъ благодарственный молебень о своемъ выздоровленіи и, дѣйствительно, недѣли три не пилъ водки ни

капли, и въ это время такъ зарекомендовалъ себя съ хорошей стороны, что ему въ губернскомъ правленіи дали должность помощника экзекутора, а Марья Андреевна успѣла уплатить половину долговъ за свой салонъ. Ребенка она родила мертвымъ; на похоронахъ было человѣкъ пять товарищей Соколова. Соколовъ попробовалъ выпить и напился пьянъ. Жена стала ругать его; мужъ запилъ слегка. Предчувствуя запой мужа, жена пустила въ лишнюю комнату холостяго чиновника съ хлѣбами за восемь рублей въ мѣсяцъ. Мужъ сталъ ревновать, придираться къ чиновнику и запилъ. Опять пошло все вверхъ дномъ: онъ сталъ бить жену, жена бѣгала, онъ закладывалъ послѣднія вещи, и когда уже нечего было закладывать, просилъ у товарищей. Наступила зима. Изъ губернскаго правленія его прогнали, онъ поступилъ въ судебную палату на переписку и хотя пилъ, но на службу являлся. Теплой одежды у него не было. Вотъ онъ и рѣшился попросить у Дарьи Андреевны шубы, что благословила ей старуха Мартынова.

— Дарья Андреевна, голубушка, дайте, мнѣ шубы. Она у васъ такъ лежитъ, а мнѣ пригодится, умолялъ онъ Дарью Андреевну.

— А если вы пропьете?

— Провалиться мнѣ на семь мѣстѣ.

Дарья Андреевна дала. На другой день приходитъ къ ней Марья Андреевна избитая и плачетъ.

— А шуба на немъ? спросила Дарья Андреевна.

— Какая шуба?

— Да я ему дала мартыновскую.

— Зачѣмъ же ты дала-то?

— Какъ зачѣмъ? Просить. Вѣдь холодно. Я думала, что я этимъ принесу пользу.

Черезъ день приходитъ къ Дарьѣ Андреевнѣ Соколовъ.

— Душечка, сестричка, дай полтинникъ.

— А шуба?

— Заложена.

— Гдѣ? Я выкуплю.

— Не скажу.

Такъ и пропала мартыновская шуба. Искала ее Дарья Андреевна и на толкучкѣ, но не нашла.

Но Соколовъ не одною Дарьей Андреевною, но и другими простотами пользовался; онъ надувалъ даже и такого человѣка, какъ Кузьма Андреевичъ; такъ надоѣстъ, что тотъ, чтобы только отвязаться отъ него, дастъ гривенникъ.

Разъ Соколовъ приходитъ къ Кузьмѣ Андреевичу. Тотъ свѣрялъ счеты.

— Братъ! Дай мнѣ пять рублей!

— Что у меня, банкъ, что ли, для тебя?

— Дай! Иначе—въ Волгу брошусь. Мнѣ нужно кольцо выкупить.

— Нѣту у меня денегъ.

— Ну, значитъ, ты жидъ... Ну, дай хоть рубль.

— Уйди вонъ, мнѣ некогда.

— А вотъ и не уйду. Дай сапоги—мнѣ носить нечего.

— Не дамъ,

— А если я дѣло украду и продамъ?

— Отвяжись ты отъ меня! проговорилъ свирѣпо Кузьма Андреевичъ и бросилъ ему пять копѣекъ.

Черезъ день послѣ этого его арестовали за кражу дѣла.

Марья Андреевна плакала, проклиная свою судьбу, себя и дядю, устроившаго ей такую жизнь. Но поправить уже было нельзя.

XXXIII.

Ни на Пасхѣ, ни на еоминной недѣлѣ въ магазинѣ Петерсонъ не было работы со стороны, а чтобы дѣвушкамъ не жить у ней даромъ и ѣсть ей хлѣбъ, она придумала для каждой изъ нихъ различный родъ занятій: такъ одна должна была чистить посуду и послѣ этого починивать ея старыя платья; другая—мести полъ, сметать пыль и что-нибудь распарывать, выдергивать нитки; третья должна была цѣлый день возиться съ шиньномъ, четвертая—сшивать разнообразныя лоскутки для одѣяла. А чтобы не оставлять праздными Паулину и Дарью Андреевну, она и для нихъ придумала средства: такъ Дарья Андреевна поручила перешить свой лисій салоцъ, а Паулину заставила перешить своему сыну зимнее пальто. Такъ что, въ сущности, всѣ были заняты на хозяйку и поэтому дѣлали не торопясь. Но Дарья Андреевна думала, что, пожалуй, Петерсонъ не заплатитъ ей денегъ, и черезъ двѣ недѣли послѣ Пасхи рѣшилась переговорить съ ней.

— Я думаю, милая Эмилиа Карловна, вамъ лучше распустить всѣхъ насъ, а то за что же я-то буду получать деньги?

— Ну, ужъ это дѣло мое.

— Да помилуйте, мы работаемъ только до обѣда.

— А! вамъ не нравится на меня работать? Такъ не угодно ли вамъ шляпки шить?

Стала Дарья Андреевна шить шляпки. Сперва работа показалась трудною, но потомъ понравилась, тѣмъ болѣе, что за материей, тюлемъ, лентами и цвѣтами Эмилиа Карловна посыдала въ магазинъ ее, и она съ двумя, тремя купцами успѣла такъ сойтись, что они предлагали ей работу: одинъ дѣлать цвѣ-

ты, другой — вязать кружева, и такъ-какъ она за два дѣла взяться не могла, то согласилась вязать кружева, по тѣмъ рисункамъ, какіе имѣлись у купца, на очень выгодныхъ условіяхъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Ледъ уже давно прошелъ на Волгѣ. Волга разлилась до того, что чуть-чуть вода не дошла до огородовъ, принадлежавшихъ домамъ, противоположнымъ тому порядку домовъ, въ одномъ изъ которыхъ она жила. Погода была хорошая; окно у Дарьи Андреевны, когда она была дома, было постоянно отворено и она сидѣла съ работой около него, часто взглядывая на величественную и бурную рѣку, по которой плыли сотни барокъ и судовъ съ десятками тысячъ голоднаго народа, спроваживая богатства въ дальнія губерніи, а можетъ быть и за границу, по которой со свистомъ плыли пассажирскіе и съ баржами пароходы, на которой не умолкала дѣятельность ни днемъ, ни ночью. Это весеннее время давало здѣшнимъ мѣщанамъ доходъ, потому что каждый домъ былъ наполненъ бурлаками, судорабочими, прикащиками, промерзшими на водѣ до костей, жаждавшими теплой, вкусной и сытной пищи. Они здѣсь находили добрыхъ хозяекъ, ласковыхъ хозяевъ, никогда ни съ кого не требующихъ паспортовъ, находили здѣсь горячую баню, теплый уголь, горячія вкусныя щи, хлѣбъ и кашу, за что съ нихъ брали не болѣе десяти копѣекъ съ человѣка, такъ что имъ и въ городъ ходить было незачѣмъ, а если и ходили бурлаки или судорабочіе, или прикащики въ городъ, то первые поглазятъ на невиданныя диковинки или покажутъ эти диковинки товарищамъ, еще небывшимъ здѣсь, а прикащики, — чтобы погулять съ дѣвками. Такъ и у Удинцова въ домѣ помѣщалось до пятнадцати человѣкъ бурлаковъ и судорабочихъ, а въ той комнатѣ, въ которой жила старушка Мартынова, помѣщалось трое прикащиковъ. И весело же было Дарьѣ Андреевнѣ: далеко за полночь судорабочіе, успѣвшіе выспаться днемъ, играли на гармоникахъ и балалайкахъ и пѣли пѣсни; только сосѣди надобѣдали ей своимъ залихватскимъ пьянствомъ и неприятными для слуха дѣвушки выраженіями; случалось, что они пьянствовали и играли въ карты до утра, и она слышала, какъ кто-нибудь изъ нихъ ходилъ за пивомъ и водкой въ кабакъ, находившійся въ домѣ Удинцова, въ которомъ торговалъ сынъ его Максимъ Петровичъ.

Жизнь Дарьи Андреевны шла незамѣтно для нея. Утромъ она вставала рано, убирала комнату или стирала бѣлье въ сѣняхъ, починивала или вязала, пила кофе и шла на работу; послѣ обѣда — она обѣдала у Удинцовыхъ за четыре рубля въ мѣсяцъ — ей не удавалось спать, потому что ей нужно было сходить въ бібліотеку за книжкой, а книжки она читала скоро. Была она и въ театрѣ раза два, но ей отчего-то скучно тамъ сдѣлалось.

Къ Троицѣ появилась въ магазинѣ работа, такъ что уже некогда было вязать кружева и читать книжки. А такъ какъ работы было не очень много, то хозяйка предоставила магазинъ въ ея полное распоряженіе. Теперь уже она умѣла кроить и шить что угодно, и у ней появилось нѣсколько знакомыхъ мастерицъ изъ другихъ магазиновъ; отъ нихъ она узнала, что жизнь закройщицъ вездѣ одинакова, только платы онѣ получали больше Дарьи Андреевны. Однако, Дарья Андреевнѣ не хотѣлось отходить отъ Петерсонъ, которая плату ей не задерживала, и, работая у нея, она получала, какъ я уже сказала, отъ купцовъ работу на домъ. Петерсонъ на нее не кричала, а была всегда вѣжлива, Паулина не ссорилась, а совѣтовалась съ Дарьей Андреевной; дѣвочки ее любили за то, что она дозволяла имъ играть, покупала имъ изрѣдка бѣлый хлѣбъ, упросила хозяйку поставить въ чуланѣ для нихъ двѣ кровати, на что даже сама пожертвовала полтинникъ, а по воскреснымъ днямъ отпрашивала ихъ отъ Петерсонъ къ себѣ, гдѣ онѣ и проводили цѣлый день. Дома она учила ихъ грамотѣ, читала басни и объясняла то, что сама знала. Бывалъ у нея и Морозовъ, который тоже съ своей стороны что нибудь рассказывалъ дѣвочкамъ и смѣшилъ ихъ до слезъ. Она такъ привязалась къ дѣвочкамъ, ей такъ хотѣлось сдѣлать имъ много хорошаго, что она почти всѣ лишнія деньги расходовала на нихъ. При такомъ порядкѣ вещей деньги у нея не водились и она часто принуждена была уходить изъ дому безъ кофе и не жечь по ночамъ свѣчи. Но все таки ей было пріятно, что она хоть и бѣдна, но живетъ своимъ трудомъ. Но и эта жизнь начала ей надоѣдать. Сядетъ она къ окну, уставится она глазами на рѣку и задумается. Долго она думаетъ, а о чемъ—и сама не можетъ дать себѣ отчета, все какія-то строчки, петли, кружева... Скучно, сердце щемитъ, Завтра надо вставать рано, идти въ магазинъ... Не пошелъ бы да нельзя; все равно хозяйка пошлетъ и сочтетъ ее за лѣнливую, пожалуй еще вычтетъ изъ жалованья. Нѣтъ человѣка такого, съ которымъ бы можно было въ эту прекрасную ночь сидѣть у окна или прокатиться по рѣкѣ. А говорить хотѣлось, и много бы хотѣлось высказать. „Что это за жизнь!“ думала она, глядя на рѣку. „Одна и одна. Денегъ нѣтъ, работа трудная, надоѣло; другую бы... Но какую? Вонъ сестра за мужемъ и говоритъ—счастлива, братъ, тоже, кажется, счастливъ“. И тутъ ей припомнились замѣченные ею воздушные поцалуй, и сердце опять щемило Богъ знаетъ отчего. „Вонъ у каждой мастерицы есть любовникъ... Носятъ они шелковые платья. А я? Нѣтъ, я не хочу такъ жить, а если полюблю кого—ну, тогда... Нѣтъ, страшно идти замужъ. Надо сберечь свои деньги, чтобы мужъ не упрекнулъ меня ничѣмъ, чтобы я была независима отъ него“.

И чѣмъ дольше она жила, тѣмъ больше ощущался недостатокъ во всемъ. Купила отъ остатковъ жалованья ботинки—и

всѣ деньги; рубашки рвутся, одно платье и починивать трудно, на другое заплать не подберешь. Стала она больше прежняго работать на купцовъ, но какъ ни сиди, какъ ни напрягай силъ, а больше того, что можешь сдѣлать—не сдѣлаешь. Посмотрится она послѣ безсонной ночи въ зеркало—лицо блѣдное, худое, некрасивое. И спрашиваетъ она себя: зачѣмъ я изнуряю себя? Для кого это я стараюсь и для чего? Но тутъ же является и разрѣшеніе этого вопроса: а квартира, кушанье, одежда? Вѣдь ты не у родни, не у мужа живешь, не воруетъ, не клянчишь деньги.

А счастье, разсуждая съ точки зрѣнія Кузьмы Андреевича и подобныхъ ему людей, почти было въ ея рукахъ, но она этого не замѣчала. Всѣ любезности къ ней Петерсовъ она относила къ своему усердію; на заигрыванія же ея сына, Николая Павловича, она отвѣчала насмѣшками. Онъ теперь казался ей еще пошлѣе прежняго, потому что ему не мѣшали. Но не такъ думали мать съ сыномъ. Мать думала, что сынъ уже достигъ своей цѣли, что ея мастерица до того влюблена въ него, что души въ немъ не чааетъ, и торопила его жениться на ней, тѣмъ болѣе, что ей было досадно то, что Дарья Андреевна беретъ отъ купцовъ на домъ работу и нѣкоторымъ образомъ подрываетъ ея ремесло, но она заблаговременно радовалась тому, что если Дарья Андреевна будетъ женою Славина, то у нея будетъ много работы, тѣмъ болѣе, что и дѣвочки любятъ ее. Но Славинъ Дарью Андреевну не любилъ. Хотя онъ и разсорился и разошелся окончательно съ мѣщанкой Гавриловой и не могъ жить безъ привязанности къ кому-нибудь, но Дарья Андреевна не подходила подъ его характеръ. Ему нужна была женщина здоровая, немножко вѣтреная, но такая, которая бы во всемъ слушалась его и ни въ чемъ не перечила. Дарья же Андреевна на видъ была хилая, остряла надъ нимъ, ни во что ставила его чиновничество и никакъ не допускала, чтобы онъ ее обнялъ. Но хотя онъ ее и не любилъ, а жениться ему все-таки хотѣлось на ней для того, чтобы завладѣть этой горячкой и попробовать на ней свои кулаки и потомъ продолжать жить по старому. Онъ сознавалъ, не хуже матери, что такая жена доставитъ магазину много работы, и ему тогда смѣло можно забирать у жены деньги на карточную игру. Наконецъ, онъ пересталъ ухаживать за нею дома, и сталъ приглашать гулять или въ театръ, но Дарья Андреевна отказывалась. Обѣщалась она ему придти въ Троицу въ садъ, но проспала, а потомъ читала книгу. И только тридцатаго августа, когда она гуляла на набережной съ Марьей Андреевной, ему удалось погулять съ ней, но тутъ сказать ничего не пришлось, потому что Дарья Андреевна повела свою сестру къ себѣ ночевать.

— Позвольте васъ проводить до дому? напращивался Славинъ.

— Извольте, если угодно.

Когда они подошли къ калиткѣ удяцовскаго дома, Славинъ напросился къ ней въ комнату. Она пустила. Немного погодя Славинъ вызвалъ ее въ сѣни.

— Что вамъ угодно? спросила его Дарья Андреевна.

— Дарья Андреевна... можно къ вамъ ходить?

— Ходите.

Онъ ее обнялъ, но Дарья Андреевна вырвалась, убѣжала и заперла дверь. Поступокъ Славина ее жестоко оскорбилъ.

Славинъ сталъ стучаться.

— Кто тамъ?

— Это я. Я перчатки позабылъ.

— Никакихъ нѣтъ перчатокъ.

Такъ Славинъ и ушелъ.

На другой день, когда Дарья Андреевна пришла къ Петерсонъ, хозяйка была сердита: дѣвочки были въ слезахъ, у Паулины волосы были взбиты.

— Вы очень поздно стали ходить. Больно важны сдѣлались, проговорила хозяйка, когда Дарья Андреевна вошла.

— Я всегда прихожу въ восемь часовъ.

— А теперь девять.

— Ну, извините, если опоздала.

— Что такое съ нею сдѣлалось? сказала Дарья Андреевна Паулинѣ, когда ушла хозяйка въ свои комнаты.

— А чортъ ее знаетъ—съ утра бѣсится.

Передъ обѣдомъ, еще до прихода сына, Петерсонъ позвала къ себѣ Дарью Андреевну.

— Былъ у васъ вчера мой сынъ?

— Былъ.

— Что онъ у васъ дѣлалъ?

— А ничего: посидѣлъ и ушелъ. Нельзя же мнѣ было не пригласить его, если онъ самъ напросился.

— Это вамъ не дѣлаетъ чести: вы дѣвушка молодая и вдругъ приглашаете молодаго мужчину. А я еще считала васъ...

— Но у меня была сестра, замужняя женщина.

— Все равно.

Этотъ выговоръ возмутилъ Дарью Андреевну и она стала думать: какимъ образомъ Петерсонъ могла узнать, что у Дарьи Андреевны былъ Славинъ? На Паулину она не думала: развѣ кто-нибудь другой сказалъ.

Съ этихъ поръ отношенія Петерсонъ къ Дарьѣ Андреевнѣ измѣнились: она сдѣлалась строга, придирчива, не отпускала ее изъ магазина до девяти часовъ вечера, дѣвочкамъ запретила играть и не стала отпускать ихъ къ Дарьѣ Андреевнѣ и, наконецъ, за сентябрь не заплатила денегъ, а просила подождать.

— Мнѣ, Эмилиа Карловна, на столъ и за квартиру не хватитъ пяти рублей.

— Неужели вамъ хозяйка не можетъ подождать какихънибудь пустиковъ?

— Нѣтъ, это не пустяки. Они люди бѣдные.

— Подождите.

— Въ противномъ случаѣ я буду искать другаго мѣста.

— Можете.

— Я не шучу.

— Да и я тоже хочу нанять другую мастерицу—замужнюю.

— Это дѣло ваше! и Дарья Андреевна ушла изъ магазина къ купцамъ, отъ копѣхъ и взяла разной работы: сшить двѣ дѣтскихъ шубки, два дѣтскихъ пальто и т. п.

Вечеромъ пришелъ къ ней Славинъ.

— Вы зачѣмъ? Изъ-за васъ я сколько неприятностей перенесла отъ вашей матери.

— Извините, Дарья Андреевна... Будьте моей женой!! Мама этого хочетъ, мама хочетъ вамъ весь магазинъ предоставить.

— Вы это серьезно говорите?

— Серьезно. Не сердитесь на маму. Пойдемте къ ней.

— Зачѣмъ?

— Вы скажете, что любите меня...

— Никогда!! Вы за этимъ и пришли собственно ко мнѣ?

— Да.

— Это вамъ дѣлаетъ честь. Я вамъ скажу, что я за васъ замужъ не пойду, а вашей мамѣ передайте, чтобы она прислала мнѣ остальные пять рублей и я больше къ ней не приду.

— Вотъ вамъ ваши пять рублей, проговорилъ Славинъ запальчиво и бросилъ ей пятирублевую бумажку.

— Значить, конечно.

— Значить... и Славинъ, не простившись съ Дарьей Андреевной ушелъ.

„Что это такое значить? Гдѣ же хорошіе-то люди? Это какіе-то мошенники. Кругомъ идетъ какая-то постыдная купля!“ думала Дарья Андреевна по уходѣ Славина, и ей такъ сдѣлалось горько, что она заплакала.

Порѣшивши такимъ образомъ съ Петерсонъ, Дарья Андреевна переѣхала къ Морозовымъ на ту квартиру, которую занималъ Кузьма Андреевичъ. На квартирѣ у Удинцова ей не хотѣлось жить, потому-что она знала, каково тамъ житье зимой, а ей теперь, можетъ быть, придется работать дома. Морозовъ отъѣздъ Кузьмы Андреевича изъ его дома объяснялъ такъ:

— Несмотря на жидоморство, вашъ братецъ, увѣжая отъ насъ, сказалъ, что онъ, какъ должностной человѣкъ, долженъ теперь имѣть квартиру около центра; еще и потому, что во первыхъ Платоновы общали ему какую-то должность у себя, а во вторыхъ, видите-ли, нужно принимать столоначальниковъ и т. п. лицъ. Это-ли не форсъ! Жаль вотъ только, онъ Катю свою бросилъ.

— Какую Катю?

— А вонъ моего кума дочь. Я ее впрочемъ не одобрю — вѣтреная; готова хоть кому на шею вѣшаться. Да впрочемъ онъ на ней едва-ли женится: она мнѣ говорила какъ-то, что онъ женится на богатой, чтобы кушать должность бухгалтера. Въ совѣтники мѣтить! А у моего кума, кромѣ дома, кабака со склянками да домашнихъ вещей ничего нѣтъ, да и кромѣ того онъ въ своемъ присутственномъ мѣстѣ въ загонѣ, т. е. не даютъ ходу.—Ну-съ, а вы-то, сударыня моя, что теперь намѣрены предпринять?

— Я буду брать работу изъ гостиннаго двора.

— Ну, этого мало. Положимъ, съ васъ-то хватить, только хватить ли на хлѣбъ.

— Я когда работала у Петерсонъ, зарабатывала дома 3 и 5 рублей.

— А вотъ я хочу учредить школу, такъ, знаете, неофициальную, а просто попрошу родителей посылать своихъ ребятишекъ ко мнѣ. А они пошлютъ, потому-что здѣсь Сашеньку всѣ любятъ и знаютъ, что она дама образованная. Вотъ она и будетъ обучать дѣтей, а когда ей будетъ некогда, вы поможете.

— Да я почти ничего не знаю.

— Неужели вы не умѣете читать и писать?

— Это-то я умѣю.

— Ну, больше съ васъ ничего и не требуется. Если родители будутъ намъ платить, то вы будете пользоваться даровою квартирою и столомъ.

— Это ужъ черезчуръ!

— Вы скажете—мечты! хорошо, если онъ сбудутся!

Итакъ, Дарья Андреевна устроилась. Ей дали кровать, кошму, вмѣсто перины или тюфика, подушку, столъ и два стула, а такъ-какъ у нея вещей было немного, то дали ей небольшой сундучокъ. За комнату, ту, къ которой спалъ Кузьма Андреевичъ, Морозовъ взялъ только рубль; пищу себѣ она должна была готовить сама.

Начала жить Дарья Андреевна самостоятельно. „Теперь я сама себѣ барыня“, думала она. Но эта свобода на первыхъ же порахъ показала свою прелесть. Черезъ недѣлю она истратила всѣ деньги частью на кушанья, частью на покупку ни-

токъ и своего утюга. Сдала она работу одному купцу и стала просить денегъ,—онъ сказалъ, что нѣтъ мелкихъ, и отозвался, что въ настоящее время ему довольно дѣтскаго платья. Другой купецъ хотя и далъ денегъ, но за работой велѣлъ приходить черезъ двѣ недѣли. А денегъ она получила всего семьдесятъ-пять коп.

— Не можете ли вы рекомендовать меня комунибудь? просила Дарья Андреевна купца.

— Не знаю-съ. Нынче столько расплодилось швей, что трудно навѣрное сказать, у кого какая есть надобность въ нихъ. Притомъ же теперь и время-то такое.

Дѣлать нечего; скучно. Деньги выходятъ. Морозовъ тоже сердить.

— Чортъ-знаетъ, что за время такое. Дѣло проигралъ,—не захотѣли рѣшить по моимъ доказательствамъ. А истецъ, чортъ бы его побралъ, не соглашается апеллировать въ сенатъ.

— А мальчики?

— Свиныя родители—вотъ что! Они говорятъ, что я ребяташекъ избалую, а въ школѣ ихъ, по крайней мѣрѣ, если ничему не выучатъ, то пороть станутъ.

Стала Дарья Андреевна ходить по магазинамъ—нигдѣ нѣтъ работы; въ модные магазины не принимаютъ—говорятъ, и самимъ нечего дѣлать, потому-что пріѣхалъ какой-то французъ, повѣсилъ вывѣску, наприималъ мальчиковъ и подмастерья, и теперь вся дамская аристократія кинулась къ нему, хотя, если понимать вывѣску, онъ портной по мужской части, а никакъ не дамскій. Вслѣдствіе чего онъ открылъ два магазина, мужской и женскій, въ который и выписалъ изъ Петербурга французенку съ двумя закройщицами.

Дѣло становилось плохо для Дарьи Андреевны, а тутъ еще пріѣхала мачиха съ Владиміромъ и братомъ Осипомъ. Они остановились у Дарьи Андреевны, на томъ основаніи, что Анна Николаевна Яковлева уѣхала въ Москву и домъ свой сдала какому-то совѣтнику; Кузьма Андреичъ занималъ только одну комнату, а къ Платоновымъ они не посмѣли идти. Кромѣ этого у Осипа Андреича былъ свой расчетъ; онъ думалъ, что Морозовъ, какъ дѣлецъ, поможетъ ему выпутаться изъ бѣды. Но какъ бы то ни было, а пріѣздъ гостей сильно безпокоилъ Дарью Андреевну: вѣдь ихъ надо кормить, а на что? Хорошо, что мачиха привезла съ собой салоуъ Дарьи Андреевны, и вотъ, въ отсутствіе мачихи, Дарья Андреевна заложила этоуъ салоуъ, стоящій рублей полтора, за восемь рублей на три мѣсяца. Но, къ счастью, родные гостили недолго. Какъ только Осипъ Андреевичъ увидалъ, что Морозовъ за такія каверзные дѣла не берется, то переѣхалъ къ брату, а Марина Осиповна, сдавши Владиміра въ военное училище, уѣхала домой.

Кое-какъ цѣлый мѣсяцъ Дарья Андреевна жила тѣмъ, что шила въ одинъ магазинъ мужскія сорочки, но за полторы недѣли до Рождества и этотъ родъ ремесла прекратился. Къ Рождеству счастье ей улыбнулось. Объ ней вспомнили Платоновы и послали за нею своего лакея и лошадь съ санками.

Когда Дарья Андреевна пріѣхала къ Платоновымъ, ее всѣ, начиная со старухъ и кончая дѣтьми, приняли радушно. Женщины, по обыкновенію, поцаловали ее, или, вѣрнѣе, сдѣлали видъ, что целуютъ, мужчины поздоровались за руки. За этимъ послѣдовали укорины: что она гордячка, бѣглянка, не хочетъ ихъ знать, живетъ здѣсь давно и не навѣстила ихъ до сихъ поръ, что они могли помочь, дать хорошее мѣсто; потомъ начались распросы, какъ она живетъ, что дѣлаетъ, хотя имъ все было извѣстно изъ рассказовъ Кузьмы Андреевича, который уже занимался у нихъ и теперь даже былъ на лицѣ. Когда все это было кончено, Дарью Андреевну усадили за столъ закусывать и пить кофе, такъ-какъ времени было еще второй часъ. За завтракомъ толковали о разныхъ разностяхъ. Самъ Платоновъ толковалъ о прочитанномъ въ газетахъ. Семеновъ Елизаровичъ острилъ и изрѣдка отпускалъ шуточки надъ Дарьей Андреевной. Время шло незамѣтно, весело. Послѣ кофе мужчины разошлись каждый по своимъ комнатамъ, кресло съ Лукерьей Васильевной, восьмидесятилѣтней дряблой старухой, матерью Елизара Аникіевича, укатили въ ея комнаты, а Вѣра Яковлевна, жена старшаго сына Платонова, Павла Елизаровича, позвала Дарью Андреевну за собой.

— Дашечка, у меня до тебя есть просьба. Можешь ты сдѣлать? начала Вѣра Яковлевна.

— Если возможно—могу.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло. Миѣ папа, еще къ именинамъ, купилъ блага атласу, но миѣ не хотѣлось тогда шить платья. Я призывала модистку, которая постоянно на насъ шьетъ, но она запросила безбожную цѣну и я сказала ей, что подумаю. Можете вы миѣ сшить?

— Могу; вамъ скоро?

— О, нѣтъ, къ новому году. А ты, душечка, не испортишь?

— Зачѣмъ же. Я вѣдь была закрыщицей: кроила и платья, и шляпки.

— Такъ пожалуйста займись; мы вамъ заплатимъ.

— Я вамъ и такъ могу сдѣлать, тѣмъ болѣе, что миѣ теперь нечего дѣлать. Позвольте, я сниму съ васъ мѣрку—миѣ только нужно высчитать вершки, и больше ничего.

— Вы уже и сейчасъ... Миѣ, душечка, некогда. Надѣюсь, вы погостите у насъ?

— Покорно благодарю.

— Мама хочеть, да и папа тоже, чтобы вы здѣсь, у насъ работали. Оно, знаете, у васъ запачкается... и барыня ушла.

„Опять насиліе. Нѣтъ, надо уѣхать отсюда куда нибудь... А впрочемъ, хотѣли дать денегъ“.

Но ни въ этотъ, ни на другой день Вѣрѣ Яковлевнѣ не удалось снять съ себя мѣрки, а Дарья Андреевну не пускали. Съ нею были всѣ ласковы, старики шутили, дѣти заставляли ее носить ихъ на себѣ, катать въ телѣжкахъ по комнатамъ; время шло незамѣтно то въ ѣдѣ, то въ питьѣ. Но ей эта праздная жизнь стала надоѣдать: всѣ вставали поздно, ложились въ два-три часа ночи и Дарья Андреевна тоже должна была подчиняться этому порядку; кромѣ этого старуха Лукерья Васильевна часто заставляла ее садиться у ея ногъ, просила поправить платьѣ, подвинуть ноги, посмотреть, нѣтъ ли на спинѣ чернаго таракана, котораго она до смерти боится, и просила рассказать, какъ умеръ ея отецъ, а потомъ сама рассказывала, какъ она маленькая была въ домѣ Андрея Ивановича, когда еще домъ послѣ пожара не былъ устроенъ, и какъ она воровала въ саду груши и яблоки, и какъ ее за это будочникъ хотѣлъ бить палкой. Дарья Андреевна такъ понравилась старухѣ, что на третьи сутки она позвала сына и сказала:

— Ужь ты, Елизарушка, не пускай Дашу: пусть она со мной водится. Она мнѣ больно какъ напоминаетъ мою Анюточку.

— Ладно, ладно, старуха. Не знаю, согласится ли? Ха-ха!

— Скажи, я приказываю.

— Ладно, ладно. Ха-ха!

— Даша, тебѣ придется у насъ поселиться. Старуха въ тебѣ, ха-ха... души не чаеть: умру, говорить, безъ нея. Она, видишь ли, немножко рехнулась. А такъ-какъ съ этимъ народомъ водиться трудно, то я тебѣ положу плату. Согласна?

— Помилуйте, Елизаръ Аникіевичъ. Какая тутъ плата!

— Ну, я, ха-ха! не люблю, чтобы на меня даромъ дѣлали. Я вѣдь тебя знаю. По глазамъ вижу, что тебѣ отсюда удрать хочется.

Итакъ, Дарья Андреевна осталась у Платоновыхъ въ качествѣ сидѣлки. Когда она сшила платьѣ, платьѣ это всѣмъ понравилось, и ее завалили работой, но работать приходилось мало, потому-что старуха, когда не спала, ни одной минуты не давала ей покою: то ей ноги поправь, то спину печеши, то чепчикъ надѣнь другой, то читай изъ четь-минеи житіе Варвары великомученицы, или про Іосифа прекраснаго сказаніе, или житіе Алексѣя человека Божія. И это повторялось каждый день.

— Позвольте, бабушка, я другое вамъ почитаю, скажетъ Дарья Андреевна, когда ей надоѣстъ читать одно и то же.

— Нѣтъ, нѣтъ. Больше нѣтъ святыхъ и больше я и знать ничего не хочу.

— Да какъ же, бабушка, нѣтъ больше святыхъ? Вотъ вы, напримѣръ, Лукерья.

— Лукерья грѣшница—читай Алексѣя человѣка Божія.

Дарья Андреевна должна была постоянно находиться при старухѣ. Если ее катили въ комнаты, то Дарья Андреевна должна была идти съ ней и тамъ забавлять ее. Старуха уже стала забываться и кромѣ сына, жены его и Дарьи Андреевны никого не узнавала, и если сидѣла въ столовой, не дотрогиваясь до кушаній, то для того, какъ она говорила, чтобы въ ея домѣ былъ порядокъ, но въ разговоры она не вмѣшивалась, а только шевелила губами, точно такъ, какъ будто что нибудь ѣла, и на шутки молодежи не обращала вниманія, потому-что плохо понимала нынѣшніе разговоры. А жалко было со стороны смотрѣть на эту старуху: сидитъ она въ большомъ мягкомъ на колесахъ креслѣ, съ вытянутыми ногами, съ сложенными у груди руками, въ одной изъ которыхъ она держитъ ситцевый платокъ, а въ другой берестяную табакерку, въ которой уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ табаку и которая тоже нѣсколько лѣтъ уже не открывалась хозяйкой, а держится по привычкѣ. На ней надѣто черное бумажное платье, на шеѣ бѣлые воротнички; на головѣ бѣлый чепчикъ. Сама она толстая, но дряблая; она можетъ ходить, но немного; ей, отъ постоянного сидѣнья и лежанья, не пройти и черезъ свою комнату. Лицо ея бѣлое, дряблѣе, волосы бѣло-желтые. Сидитъ она неподвижно, чавкая губами, но во рту у нея нѣтъ зубовъ. Жаль становится ее потому, что вокругъ ея всѣ кажутся счастливыми, веселыми; денегъ у нихъ много, забота у нихъ одна: какъ бы больше нажить денегъ, обмануть бы кого нибудь. А ей, прожившей семьдесятъ лѣтъ, надо бы утѣшаться, но у ней одна утѣха.

— А гдѣ моя табакерка? спрашиваетъ она.

— Въ рукахъ, бабушка.

— Ахъ я безпамятная! Насыпьте табачку.

— Позвольте.

— Нѣтъ—перемѣнишь.

А говорить, эта же самая старуха, назадъ тому шестьдесятъ лѣтъ, торговала калачами; да и сынъ ея сперва былъ повытчикомъ, а потомъ простымъ барышникомъ на баркахъ и судахъ и мало по малу началъ разживаться поставкою лѣса.

Разъ, когда Дарья Андреевна ушла отъ Платоновыхъ домой для того, чтобы выкупить свой салонъ, старуха страшно разсердилась, и послѣ этого Дарью Андреевну уже никуда не выпускали отъ Платоновыхъ. Послѣ Крещенья старуха до того ослабѣла, что уже не хотѣла кататься по комнатамъ, а сидѣла въ своей спальнѣ, и Дарью Андреевну не отпускала отъ себя ни на шагъ, такъ что она въ ея комнатѣ и кушала; потомъ старуха не стала никого принимать къ себѣ, даже сына гнала прочь, а если приходилъ докторъ, то она, не подпуская

его къ себѣ, грозилась убить, и докторъ только хитростью шупаль у нея пульсъ. Наконецъ, старуха уже не могла вставать съ постели, отказывалась отъ пищи, а она до сихъ поръ ѣла только жидкое—кашицу, бульонъ, кисель и т. п., потомъ у нея явились капризы и она совсѣмъ измучила Дарью Андреевну, которой не давала покоя и ночью. Обыкновенно по ночамъ, кромѣ лампы, горѣло двѣ свѣчки; постель Дарьи Андреевны стояла рядомъ съ постелью старухи, — такъ хотѣла старуха, объясняя это тѣмъ, что Даша неравно убѣжить.

Въ комнатѣ тихо. Старуха лежитъ на спинѣ, табакерка открыта и она что-то кладетъ въ нее, потомъ вынимаетъ. Дарью Андреевну сначала это забавляетъ, потомъ дѣлается скучно, жалко старухи.

— Даша!

— Я здѣсь, бабушка.

— Поди скажи, чтобы мнѣ сварили супъ изъ курицы, да сію секунду.

Подойдетъ Дарья Андреевна къ звонку, дернетъ; придетъ ладкей, она передастъ ему порученіе старухи.

— Скоро супъ? спрашиваетъ снова старуха.

— Сію минуту, отвѣчаетъ Дарья Андреевна.

— А кисель гороховый есть?

— Есть.

— Вели подать.

Опять та же исторія. Привнесутъ супу.

— Не хочу. Я хочу съ вермишелью, съ клецками.

Словомъ, причудамъ старухи не было конца, и Дарья Андреевна до того измучилась, что уже стала желать старухѣ смерти. „Вогъ съ ними и съ деньгами! Сколько ночей я не спала, хоть бы днемъ-то дала отдохнуть“. И желаніе ея исполнилось. Передъ Пасхой старуха умерла тихо, безъ всякихъ наружныхъ мученій, на рукахъ Дарьи Андреевны. Дѣло было такъ: Дарья Андреевна немножко вздремнула, но дремота ея была такая, что она отъ шопота старухи открывала глаза и смотрѣла на нее.

— Даша! произнесла шопотомъ старуха.

— Я здѣсь, бабушка.

— Подними-ка подушку, что-то колетъ.

Дарья Андреевна поправила подушку.

— Лягъ, да положи свою руку подъ мою голову, холодно мнѣ.

Дарью Андреевну начала пробирать дрожь. Старуха закрыла глаза; потомъ открыла.

— Есть табакъ?

— Есть.

— Дай понюхать.

Дарья Андреевна открыла табакерку, сдѣлала видъ, что взяла табакъ, и поднесла къ носу старухи. У старухи глаза закрыты, ротъ открытъ; руки холоднѣе прежняго, сердце не бьется...

Дарью Андреевну затресло. Она легонько вытащила изъ-подъ головы руку.

— Бабушка?! произнесла она немного.

Старуха не моргнула.

— Бабушка! произнесла она громко.

Но тутъ слезы хлынули изъ глазъ Дарьи Андреевны и она убѣжала изъ комнаты.

Но этимъ не кончилась еще служба Дарьи Андреевны: ее заставили обмытъ и одѣтъ покойницу. За то ей выдали по пятнадцати рублей въ мѣсяць и награды двадцать рублей.

XXXIV.

„Бъ самомъ дѣлѣ, хорошо имѣть богатую родню“, думала Дарья Андреевна, иди къ Морозовымъ. „Не будь этой родни п этой старушонки, что бы было со мной? Вотъ теперь у меня шестьдесятъ-пять рублей денегъ. Что я стану дѣлать съ ними? Вѣдь у меня никогда не было столько денегъ“.

Морозовы очень обрадовались появленію Дарьи Андреевны.

— А мы думали, вы уже погибли безвозвратно въ омутъ богатства.

— Нѣтъ, но вотъ я не знаю, что мнѣ дѣлать теперь.

— Теперь у васъ денегъ много. Рискните-ка отправиться въ Петербургъ, поступите въ повивальный институтъ.

— А какъ денегъ не хватить?

— Проситесь на казенный счетъ.

Однако Пасху она прожила у Морозовыхъ. Кузьма Андреевичъ часто заходилъ къ ней и все сбивалъ ее завести свой магазинъ.

— Нѣтъ, братчикъ, этихъ денегъ мало. А вотъ я съѣзжу домой на лѣто, поправлюсь и тогда что-нибудь выдумаемъ.

— Такъ ты отдай мнѣ деньги на сбереженіе.

— Развѣ я сама не могу ихъ сберечь? Вѣдь мнѣ ужъ двадцать-первый годъ.

На ѳоминѣй недѣлѣ она простилась съ Платоновыми, братомъ Осипомъ и его женою, которая снова сошлась съ мужемъ, Кузьмой Андреевичемъ, Марьей Андреевной съ ея мужемъ, который въ это время не пьянствовалъ, и Морозовыми, и почти съ первымъ пароходомъ отправилась въ Ильинскъ. О своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ она не сказала никому, толь-

ко одни Морозовы знали и только они одни горячо разстались съ ней. Когда же Кузьма Андреевичъ спросилъ ее: зачѣмъ она везетъ сундучокъ, она сказала: что „все можетъ случиться. Авось я и замужъ выйду“.

Въ Ильинскѣ она застала хозяйство въ домѣ въ самомъ плачевномъ состояніи: со стѣнъ дома штукатурка отвалилась, верхній карнизъ упалъ, полкрыши снесло вѣтромъ, заплоты попадали, деревья поломаны, огородъ запущенъ; въ комнатахъ грязно; мачиха ходитъ какая-то сонливая, пахнетъ больницей. Зашла она въ больницу, тамъ грязь, вонь, никакого нѣтъ порядку; единственный сторожъ, приставленный къ тридцати больнымъ для того, чтобы подавать кушанья и справлять другія дѣла, былъ пьянъ. Противно ей сдѣлалось, а желаніе быть въ Петербургѣ точно толкало ее вонъ изъ дому и изъ этого города. Впрочемъ, и въ Ильинскѣ она нашла много новаго: такъ здѣсь завелся телеграфъ, построено три каменныхъ дома. Соборная церковь покрашена, въ каждой улицѣ непремѣнно дватри кабака, а главное, отъ Ильинска къ Егорьевску строили желѣзную дорогу; но жители отъ этого нисколько не сдѣлались богаче, потому что припасы, водка и квартиры для рабочихъ были на откупѣхъ у егорьевскихъ купцовъ, прикащиками которыхъ въ этомъ участкѣ желѣзной дороги были ильинскіе купцы. Василій Миронычъ женился на мѣщанской дѣвушкѣ и имѣлъ уже сынишку; протопопъ Третьяковъ ослѣпъ и съ нимъ возится его племянница Татьяна Ѳедоровна. Зиновьева не было: онъ сидѣлъ въ егорьевской тюрьмѣ, домъ былъ запечатанъ и жена его жила у священника Петропавловскаго, гдѣ гостила и подруга Дарья Андреевны, Анисья Осиповна, къ которой и поѣхала Дарья Андреевна, простившись съ родными въ Ильинскѣ.

Въ этомъ селѣ, Никольскомъ, куда Петропавловскій былъ снова назначенъ, Дарья Андреевна прогостила три недѣли. Анисья Осиповна тоже собиралась въ Петербургъ учиться повивальному ремеслу, но подвернулся судебный слѣдователь и она полюбила его, такъ что Дарья Андреевна должна была присутствовать на ихъ свадьбѣ.

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, Дарья Андреевна съѣла на пароходъ до Твери.

На этомъ, т. е. на отъѣздѣ Дарьи Андреевны въ Петербургъ, авторъ заканчиваетъ романъ, такъ какъ онъ, т. е. авторъ, въ немъ, въ романѣ, имѣлъ въ виду жизнь провинціальную. Что же касается до жизни столичной, отличающейся отъ провинціи многимъ, то авторъ имѣетъ намѣреніе написать новый романъ, подъ другимъ названіемъ. Этотъ романъ будетъ продолженіемъ походовъ Дарьи Андреевны.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Ө. М. Рашетнико́въ (біографическій очеркъ)	1
Поддиповцы:	
Пи́ла и Сысо́йво.	57
Бу́рлаки	113
Глу́мовы	163
Гдѣ́ лучше?	363
Сво́й хлѣ́бъ	711

011808130

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

F

24.188